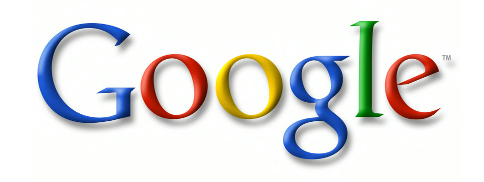

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV. ANG.
VE
RI
TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1904.

ОКТЯБРЬ.— НОЯБРЬ.— ДЕКАБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза", Б. Подъяч., № 39.
1904.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXV-й. ОКТЯБРЬ. 1904 годъ.

Октябрь

СОДЕРЖАНІЕ:

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1904 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза", Большая Подьяческая, № 39.
1904.

X-я книга „Русской Старины" вышла 1-го октября 1904 года.

Библіографическій листокъ.

Описаніе рукописей, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Томъ I. Рукописи богослужебныя. С.-Петербургъ. 1904 г.

Собраніе рукописей въ архивѣ Святѣйшаго Синода, заключающее въ себѣ болѣе 2.000 нумеровъ, составилось постепенно и имѣетъ свою исторію. Въ разное время и по разнымъ обстоятельствамъ представлялись въ Святѣйшій Синодъ рукописи, которыя, по разсмотрѣніи, или отсылались авторамъ и въ тѣ учрежденія, откуда были присланы, или сдавались въ Синодальный архивъ.

Интересно прослѣдить исторію возникновенія этого архива, т. е. когда и при какихъ обстоятельствахъ та или другая рукопись поступила въ архивъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ 1721 году 25-го августа присланы были изъ Тайной канцеляріи въ Святѣйшій Синодъ тетради бывшаго архимандрита Владимірскаго Рождественскаго монастыря Гедеона, названнаго по снятіи сановъ „разстригою Григоріемъ“,— числомъ 166 номеровъ, изъ которыхъ большая часть оказались „казаніями“ или проповѣдями самого архимандрита на разные праздники, на царскіе дни, на викторію надъ „свейскимъ королемъ“ и на другіе случаи, говоренными имъ или въ своемъ монастырѣ или въ другихъ мѣстахъ. Весьма немногія тетрадки, двѣ или три, составляли что-то въ родѣ записокъ для памяти; были также три письма. По своей малоцѣнности эта часть имущества доставлена была въ Святѣйшій Синодъ безспорно и оставлена имъ непроданною.

Въ 1749 году въ Синодѣ возникло дѣло объ исправленіи чина Православія по доношенію Московскаго Успенскаго большаго собора ключарей. Изъ дѣла видно, что по опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 1-го февраля 1751 г. прислана была въ Святѣйшій Синодъ кіевскимъ митрополитомъ Тимоѳеемъ, при доношеніи отъ 28-го марта 1751 г., „вѣрная копія о бываемомъ въ Кіево-каѳедрально-Свято-Софейскомъ соборѣ повсягодно въ первую святаго великаго поста недѣлю Православія о поминовеніи содержащихъ православную вѣру и о анаѳематствованіи отступниковъ, еретиковъ и раскольниковъ, хулящихъ святую православную вѣру, и о прочемъ чинодѣйствіи, каковое въ ту недѣлю бываетъ“. Въ журналѣ Синода февраля 20-го дня 1752 г. между прочимъ написано: „Разсуждено о отправленномъ сего 1752 г. февраля 16-го дня, т. е. въ первую святаго великаго поста недѣлю Православія съ высочайшаго ея императорскаго величества повелѣнія въ Санктъ-Петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ церемоніальномъ чинопослѣдованіи со утвержденіемъ благочестію и съ проклятіемъ противныхъ Святой церкви еретиковъ и прочихъ раздорниковъ и мятежниковъ дѣйствіи впредь для вѣдома записать и тое письменное чинопослѣдованіе, по нему же тогда во ономъ соборѣ дѣйствіе учинено, отдать въ Синодальный архивъ при копіи съ сего журнальнаго пункта съ росписью“.

Въ 1758 г. февраля 24-го дня Святѣйшій Синодъ, „разсуждая, что новоявленнаго Димитрія, митрополита ростовскаго чудотворца, сказыванныя имъ за жизнь свою слова Божія проповѣди, какъ извѣстно, въ народѣ и понынѣ имѣются, а уповательно, что оные и въ Ростовскомъ архіерейскомъ домѣ находятся, того ради приказали: преосвященному Арсенію, митрополиту ростовскому, таковыя проповѣди, сколько ихъ отыскаться можетъ, а особливо ежели есть собственныя руки его святительства, оные всѣ собравъ и сврѣня своеручно, прислать въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ немедленно“.

Оберъ-прокурорь Синода князь А. С. Козловскій, представляя полученныя имъ отъ митрополита ростовскаго Арсенія письмо къ нему и проповѣди святаго Димитрія ростовскаго, 8-го января 1760 г. сдѣлалъ Святѣйшему Синоду слѣдующее предложеніе: „А понеже какъ мною присмотрено, что въ тѣхъ поученіяхъ нѣкоторыя есть малороссійскаго тогдашняго нарѣчія съ польскимъ сходнаго, того ради Святѣйшій Правительствующій Синодъ не соблаговолитъ ли оныя проповѣди разсмотрѣть и что подлежательно приказавъ исправить и для прославленія имени Божія и угодника его и притомъ и для всенародной пользы издать въ печать“. Въ дѣлѣ Синода нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, чтобы эти проповѣди кѣмъ-либо, по порученію Синода, были разсмотрѣны для приготовленія къ печати. Дѣло заканчивается только слѣдующею выпискою изъ журнала отъ 8-го декабря 1770 г. за № 24: „докладывано по нерѣшенному дѣлу прошлаго 1758 г. февраля 24-го дня, и приказали: присланныя отъ бывшаго ростовскаго архіерея сказыванные святителемъ Димитріемъ, митрополитомъ ростовскимъ, при жизни его проповѣди, переплетя, поставить съ протчими книгами въ Синодальной Архивѣ, куда и дѣло о томъ отдать“.

Въ Синодальномъ Архивѣ есть собраніе монастырскихъ грамотъ.

Въ поясненіи того, какъ составилось въ этомъ архивѣ собраніе грамотъ, приводимъ слѣдующее опредѣленіе Синода отъ 13-го сентября 1743 г.: „по указу Ея И. В. Святѣйшій Правительствующій Синодъ по сообщенному изъ Кабинета Ея И. В. требованію, которымъ во изъясненіе поданной въ Кабинетъ Ея И. В. изъ Синода отъ 3-го дня сего сентября вѣдомости требуется: Троицкій Сергіевъ и прочія объявленныя въ той вѣдомости монастыри имѣютъ ли такіежъ жалованныя грамматы, каковы имѣютъ ставропигіальные Кіево-Печерская лавра и Кіево-Межигорскій монастырь, а какова Крестовоздвиженскаго Бизюкова монастыря архимандриту жалованная грамматта въ нынѣшнемъ 1743 г. марта 19-го числа дана, со оной

Записки Василія Антоновича Инсарскаго.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА IV [1]).

Преобразованіе главнаго управленія намѣстника. — Первые шаги князя Барятинскаго на этомъ пути.—Неопредѣленность его идей по этому вопросу.— Спеціальные департаменты и начальникъ главнаго управленія во главѣ ихъ.— Стремленіе князя обратить свой Совѣтъ въ Сенатъ.—Поиски личности для должности начальника главнаго управленія.— Выборъ палъ на отсутствующаго К—рна.—Мысли князя объ участіи его въ общемъ государственномъ управленіи. — Дѣйствительное колебаніе К—рна, имѣвшее вліяніе на самого князя.—Учрежденіе спеціальнаго комитета для рассмотрѣнія и осуществленія плана преобразованія.

Забѣжавъ нѣсколько впередъ, чтобы совершенно покончить съ вопросомъ объ Обществѣ распространенія христіанства на Кавказѣ, перехожу къ дѣлу, которое, безъ преувеличенія можно сказать, составило эпоху на Кавказѣ; это—преобразованіе тамошняго гражданскаго управленія. Что это преобразованіе составило дѣйствительно эпоху—служитъ доказательствомъ то, что оно внесено въ кавказскіе календари на-ряду съ другими историческими событіями на Кавказѣ.

Я говорилъ уже выше, что князь Александръ Ивановичъ, въ числѣ другихъ обширныхъ правъ, испрошенныхъ имъ при назначеніи его

[1]) См. „Русскую Старину", сентябрь 1904 г.

намѣстникомъ кавказскимъ, правъ, превосходящихъ даже права князя Воронцова, получилъ право преобразовать тамошнее гражданское управленіе, какъ признаетъ за благо. Я говорилъ также, что право это выразилось, прежде всего, въ учрежденіи «министерства прогресса», т. е. временнаго отдѣленія для дѣлъ гражданскаго устройства края, съ Ха—рымъ во главѣ этого министерства; а потомъ вслѣдъ за нимъ «особаго управленія сельскаго хозяйства», съ храбрымъ генераломъ Ротомъ во главѣ.

Изъ предыдущихъ моихъ разсказовъ извѣстно и то, что оба эти учрежденія оказались крайне неудачными. Съ предоставленіемъ мнѣ управленія канцеляріею намѣстника князь Александръ Ивановичъ, въ постоянныхъ бесѣдахъ со мной, много разъ развивалъ свои виды, по которымъ онъ желалъ бы устроить гражданское управленіе.

Надо замѣтить, что въ этихъ видахъ много было неопредѣленнаго, неяснаго и даже неприложимаго къ дѣлу, что̀ происходило отъ того, что если князь умѣлъ схватывать общій духъ и направленіе государственнаго нашего управленія, то ему были мало знакомы частныя основы, на которыхъ зиждется, такъ сказать, наша высшая администрація. Въ воззрѣніяхъ князя ясно было только то, что онъ считалъ нелѣпымъ подписываніе намѣстникомъ тысячи ничтожныхъ бумагъ, которыхъ онъ не читаетъ и не долженъ читать, именно по ихъ ничтожности, и утверждалъ, что намѣстникъ, какъ и всякое государственное лицо, поставленное во главѣ какого-нибудь управленія, долженъ заниматься только высшими дѣлами и вопросами, его достойными.

Затѣмъ тысячи варіацій на эту основную тему и припомнить, и передать невозможно, сколько по общности и неопредѣленности этихъ разсужденій, столько же и потому, что умъ мой поглощенъ былъ массами текущихъ дѣлъ; я выслушивалъ ихъ точно такъ же, какъ множество разныхъ другихъ разсужденій, нисколько не ожидая, что именно на меня падетъ осуществленіе ихъ, тѣмъ болѣе, что для разныхъ законодательныхъ работъ существовало «министерство прогресса» или «временное отдѣленіе» тожъ. Между тѣмъ, однажды, снова обратившись къ этой темѣ, князь сказалъ: «я не знаю, можно-ли такъ сдѣлать, но я желалъ бы должность нынѣшняго директора раздѣлить на двѣ, то-есть имѣть двухъ директоровъ: одинъ завѣдывалъ бы текущими дѣлами, подписывалъ всѣ бумаги, которыя вы теперь мнѣ носите и которыхъ я не читаю, и докладывалъ бы мнѣ только самыя важнѣйшія дѣла; а другой постоянно работалъ бы со мною лично и помогалъ мнѣ исполнять различныя мысли, о которыхъ мы съ вами такъ давно и такъ много толкуемъ. Текущую канцелярію мы отдали бы, а въ другой вы были бы, по-прежнему, моимъ сотрудникомъ. Еще я желалъ бы, если это можно, чтобы мнѣ лично дали управлять самому сельскимъ хозяй-

ствомъ: я такъ люблю сады, цвѣты»... Прежде, въ подобныхъ случаяхъ, я почтительно, какъ всегда, слушалъ князя и, грѣшный человѣкъ, поддакивалъ, можетъ быть, тогда какъ, съ одной стороны, по общему знакомству моему съ основаніями государственной администраціи, а съ другой по спеціальному знакомству съ кавказскою администраціею, находилъ, что мысль князя, значительно поэтическая, не вполнѣ разрѣшаетъ вопросъ... «Но пусть обдѣлываетъ ее, какъ знаетъ, тотъ, кому поручено будетъ ея осуществленіе»—думалъ я—«у меня, особенно теперь, много другаго дѣла».

Но въ тотъ моментъ, о которомъ говорю, такое успокоительное соображеніе было совершенно опрокинуто словами князя: «Любезный Василій Антоновичъ, потрудитесь мнѣ это обдѣлать»... Я, сколько помню, значительно смутился при этой совершенно-неожиданной атакѣ. Вѣроятно, замѣтивъ это смущеніе, князь продолжалъ: «я знаю, что вы ужасно заняты; но что же мнѣ дѣлать?» Конечно, ничего не оставалось, какъ отвѣчать, что это порученіе я принимаю за великую честь и постараюсь быть ея достойнымъ. Въ связи съ этимъ я довольно рѣшительно сказалъ князю: «ваше сіятельство! Я буду руководствоваться вашими идеями; но позвольте мнѣ придумать порядокъ ихъ осуществленія. Опытность моя по настоящей моей должности и знакомство мое съ общимъ порядкомъ администраціи значительно мнѣ въ этомъ помогутъ. Однимъ словомъ, я прошу позволенія составить и представить вамъ подробный планъ преобразованія высшаго гражданскаго управленія на Кавказѣ. Однѣ части этого плана, которыя удостоятся вашего одобренія, останутся, другія будутъ измѣнены и замѣнены согласно вашимъ дополнительнымъ указаніямъ. Во всякомъ случаѣ лично для вашего сіятельства будетъ удобнѣе и легче работать надъ этимъ вопросомъ, имѣя уже какую нибудь основную точку». Выслушавъ мое объясненіе, князь сказалъ: «прекрасно!»

Канцелярія намѣстника соединяла въ себѣ рѣшительно всѣ части, входящія въ составъ гражданскаго управленія: инспекторскую, судебную, финансовую, духовную, медицинскую и т. п. Понятно, что по самой ограниченности средствъ одной канцеляріи, а еще болѣе, по физической невозможности одному директору, какъ-бы онъ геніаленъ и дѣятеленъ ни былъ, углубляться во всѣ эти части—они пребывали значительно въ сонномъ состояніи и плелись кое-какъ по благоусмотрѣнію столоначальниковъ и начальниковъ отдѣленій, также заваленныхъ дѣлами сверхъ мѣры. Понятно также, что такой порядокъ дѣлъ не можетъ приносить большой пользы и что для того, чтобы всѣ части гражданскаго управленія могли получить оживленіе и развитіе, надобно подчинить ихъ болѣе энергичному руководству и контролю. Отсюда явилась мысль объ учрежденіи спеціальныхъ департаментовъ, изъ ко-

торыхъ каждый, получивъ въ свое завѣдываніе часть, ему принадлежащую, напр. судебную, финансовую и пр., долженъ стремиться довести ее до совершенства.

Мысль эта представилась мнѣ тотчасъ, какъ только вступилъ я въ управленіе канцеляріею. Раздѣленіе канцеляріи на департаменты я находилъ самымъ нужнымъ и вѣрнымъ дѣломъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы я былъ большой честолюбецъ, то вслѣдствіе тѣхъ взглядовъ князя, которые я только-что привелъ, я долженъ бы тотчасъ ее бросить и ухватиться за идею, высказанную княземъ. Мысль объ учрежденіи департаментовъ могла сулить мнѣ положеніе, равное многимъ другимъ; мысль князя ставила меня выше всѣхъ, ибо отдавала въ мои руки самыя капитальныя дѣла и, что̀ главное, сохраняла мнѣ прямыя и непосредственныя отношенія съ самимъ княземъ. Но, если я былъ хорошимъ работникомъ, то никогда не былъ хорошимъ, относительно себя, политикомъ.

Оставалось идею о департаментахъ согласить съ тою идеею князя, что до него должны восходить только наиважнѣйшія дѣла. Ясно, что поставить эти департаменты въ непосредственныя съ нимъ отношенія было не возможно. Если онъ отягощался и скучалъ докладомъ одного директора канцеляріи, очевидно, что доклады многихъ директоровъ поставятъ его въ положеніе, несравненно худшее противу прежняго. Поэтому надобно было поставить между нимъ и департаментами лицо посредствующее, которое, разрѣшая неважныя дѣла собственною властью, представляло бы намѣстнику только тѣ дѣла, которыя отличаются особенною важностью и требуютъ, непремѣнно, личнаго его разрѣшенія. Для созданія положенія такого лица существовали уже нѣкоторыя указанія въ положеніи начальника главнаго штаба въ только-что преобразованной кавказской арміи, а частію въ положеніи прежняго начальника гражданскаго управленія на Кавказѣ. Я говорилъ уже, что послѣднимъ начальникомъ гражданскаго управленія былъ знаменитый князь Бебутовъ. Еще при жизни его, князь Александръ Ивановичъ отнялъ у него нѣкоторыя права, присвоенныя этой должности по закону, и сосредоточилъ все гражданское управленіе исключительно въ своей канцеляріи, оставивъ Бебутову одно предсѣдательство въ Совѣтѣ намѣстника; съ кончиною же сего мужа мѣсто его уже никѣмъ не замѣщалось и, слѣдовательно, беззащитно могло быть подвергнуто всевозможнымъ преобразованіямъ. Существенное преобразованіе, которому оно должно было преимущественно подвергнуться, состояло въ томъ, чтобы создать не начальника гражданскаго управленія, а начальника главнаго управленія намѣстника, или высшаго начальника департаментовъ; чтобы, не имѣя никакихъ отдѣльныхъ и самостоятельныхъ правъ, какъ лицо, отдѣльно стоящее, онъ имѣлъ только права, такъ сказать, канцеляр-

скія, представляя собою высшаго и главнаго сотрудника намѣстника, дѣйствуя только по его видамъ и указаніямъ и нисколько не отдѣляясь отъ него.

Для того же, чтобы намѣстникъ имѣлъ возможность, независимо отъ текущаго управленія, лично заниматься разработкою разныхъ, какъ говорится, органическихъ вопросовъ, предполагалось учредить при немъ особенную канцелярію, которая, не сливаясь съ общимъ главнымъ управленіемъ, образуемымъ департаментами и начальникомъ главнаго управленія, работала бы подъ личнымъ руководствомъ самого намѣстника и занималась только тѣми работами, какія намѣстникъ ей поручитъ.

Во всей этой системѣ важное значеніе имѣлъ денежный вопросъ. Надобно было, какъ говорится, свести концы съ концами. Я хорошо зналъ, что многіе проекты самаго перваго сорта умирали, именно, потому, что не было денегъ на ихъ осуществленіе. Точно также я отлично зналъ, что какъ ни былъ мудръ мой проектъ, но если я не найду соотвѣтственныхъ источниковъ, то и онъ будетъ сданъ въ архивъ. Поэтому, изыскивая подобные источники, я долженъ былъ остановиться на существовавшихъ тамъ до того времени округахъ: таможенномъ, учебномъ и почтовомъ. Таможеннымъ завѣдывалъ, какъ я выше говорилъ, достопочтенный Дю—си; учебнымъ—баронъ Николаи, а почтовымъ—сначала Коцебу, а потомъ—полковникъ Кохановъ. Эти окружныя управленія представляли чисто передаточную инстанцію и не приносили почти никакой существенной пользы; они только тормозили дѣлопроизводство... Какая-нибудь училищная дирекція или почтовая контора пишетъ, напримѣръ, управляющему округомъ, что полагаетъ наградить такого-то или сдѣлать то-то. Управляющій округомъ переписываетъ это представленіе и, присовокупляя, что «онъ вполнѣ раздѣляетъ изложенное мнѣніе», отсылаетъ свою бумагу въ канцелярію намѣстника. Разрѣшеніе намѣстника отправляется на имя управляющаго округомъ, который снова переписываетъ полученную бумагу и, добавляя ее словами: «о таковомъ разрѣшеніи даю знать», посылаетъ свою бумагу по принадлежности. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣятельность этихъ господъ могла бы и должна производить нѣчто, болѣе существенное; но никакихъ существенныхъ плодовъ отъ нея не оказывалось, и потому я находилъ не только возможнымъ, но и весьма полезнымъ изъять изъ системы высшей администраціи эти ненужныя инстанціи, обязанности ихъ возложить на департаменты, а деньги, какія поглощаются ими, обратить въ число суммъ, необходимыхъ на образованіе новаго управленія.

Всю эту систему я развилъ и, объяснивъ подробно въ особомъ обширномъ докладѣ, къ которому приложилъ самый проектъ учрежденія глав-

наго управленія и штата, къ нему принадлежащаго. По проекту этому предназначалось образовать слѣдующіе департаменты:

1) Судебный.

2) Финансовый.

3) Государственныхъ имуществъ, въ который обращалась существовавшая дотолѣ экспедиція государственныхъ имуществъ.

4) Общихъ дѣлъ, куда относились части: инспекторская, хозяйственная, полицейская, духовная, медицинская, почтовая и всѣ тѣ, которыя не подчинялись другимъ спеціальнымъ департаментамъ.

5) Управленіе сельскаго хозяйства, которое, по общей системѣ, удобно могло бы быть слито съ департаментомъ государственныхъ имуществъ, но по личному желанію князя сохраняло отдѣльное свое существованіе.

Всѣ эти департаменты относились къ начальнику главнаго управленія, облеченному извѣстными правами, уподобленными частію правамъ товарищей министровъ. Начальникъ главнаго управленія относился, въ свою очередь, къ намѣстнику, дѣйствовалъ по его видамъ и указаніямъ, и получалъ отъ него разрѣшенія.

Кромѣ этихъ департаментовъ, собственно при намѣстникѣ, и внѣ вліянія начальника главнаго управленія, учреждалась особая канцелярія, собственно для производства тѣхъ работъ, какія самимъ намѣстникомъ будутъ возлагаемы.

Дипломатическая канцелярія намѣстника сохраняла прежнее свое устройство.

Точно также и Совѣту намѣстника сохранено прежнее существованіе. Существованіе это и прежде казалось мнѣ безполезнымъ; при учрежденіи спеціальныхъ департаментовъ безплодность эта становилась еще безплоднѣе, тѣмъ болѣе, что по моему проекту директоры, для вопросовъ общихъ, требующихъ единства направленія, должны были составлять свои совѣщанія подъ предсѣдательствомъ начальника главнаго управленія. За всѣмъ тѣмъ я никакъ не могъ наложить руки на существованіе этого Совѣта, зная любовь и стремленіе князя къ пышной обстановкѣ. Хотя князь рѣшительно отнялъ у Совѣта, какъ и у прежняго начальника гражданскаго управленія, всякое значеніе и никогда почти не читалъ его журналовъ, которые докладывались князю черезъ директора канцеляріи и обыкновенно занимали въ его докладахъ едва-ли не послѣднее мѣсто, тѣмъ не менѣе ко внѣшней, такъ сказать, сторонѣ этого учрежденія князь относился довольно почтительно, выдвигая свой Совѣтъ всегда впередъ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Ему, очевидно, нравилось присутствіе въ этихъ случаяхъ значительнаго числа сѣдыхъ и лысыхъ головъ, образующихъ его Совѣтъ. Съ другой стороны, ему было важно, какъ и всякому другому большому начальнику, имѣть

учрежденіе, въ которое онъ могъ частію сваливать людей заслуженныхъ, но уже устарѣвшихъ и испарившихся, а частію сажать нѣкоторыхъ господъ, для которыхъ не было другихъ мѣстъ, или которые не могли бы занимать никакихъ другихъ мѣстъ, какъ, напримѣръ, Бар—ей и другіе.

Здѣсь къ слову сказать, что нѣсколько позже, послѣ преобразованія главнаго управленія, князя чрезвычайно увлекала мысль объ обращеніи этого Совѣта въ Сенатъ, на подобіе Варшавскаго Сената, и только мое самое энергическое и, можно сказать, отчаянное противодѣйствіе воспрепятствовало осуществленію этой странной идеи. Передалъ-ли кто-нибудь эту идею князю или самъ онъ взялъ ее изъ сравненія Кавказскаго намѣстничества съ Варшавскимъ намѣстничествомъ, которому онъ ни въ чемъ не хотѣлъ уступать, я не знаю, только онъ постоянно къ ней обращался съ обычнымъ его упорствомъ. Не знаю, какъ эта идея была бы принята въ Петербургѣ, но мнѣ она казалась способною скомпрометтировать сильно князя. Я не могъ представить себѣ, чтобы князь сталъ писать рапорты и представленія въ свой Сенатъ, члены котораго, почтительно являясь въ его пріемную, старались бы всѣми средствами угадывать его малѣйшую волю и этою угодливостью пріобрѣтать право на милость намѣстника. Созидать такое положеніе, по моимъ убѣжденіямъ, значило бы профанировать власть правительства, и эти убѣжденія я рѣшительно высказывалъ князю. Онъ, повидимому, соглашался съ моими доводами, а чрезъ нѣкоторое время снова обращался къ той же идеѣ, и я никакъ не позволю себѣ утверждать, чтобы, въ силу моихъ возраженій, князь не осуществилъ этой идеи, если бы оставался долѣе на Кавказѣ.

Обращаясь къ преобразованію главнаго управленія, повторяю, что какъ ни мало имѣлъ я уваженія къ дѣятельности Совѣта, тѣмъ не менѣе я не могъ коснуться вопроса о его существованіи. Искренній, и потому болтливый, я, на первыхъ же порахъ, опредѣлилъ значеніе Совѣта фразой, которая, съ одной стороны, вызвала апплодисменты, а съ другой—породила среди Совѣта моихъ неблагопріятелей, отъ которыхъ и предъявлялись князю ожесточенные протесты противъ назначенія меня къ исправленію должности директора. Я назвалъ Совѣтъ: «большимъ капиталомъ, не приносящимъ никакихъ процентовъ», и отзывъ этотъ быстро разошелся по всѣмъ кружкамъ Тифлиса, что̀ и свидѣтельствовало о его мѣткости. Ясно, что если бы я предложилъ уничтоженіе Совѣта, то со всѣхъ сторонъ поднялись бы такіе вопли, которые были бы непріятны князю, не говоря уже о томъ, что онъ и самъ, по своимъ видамъ, какъ я выше объяснилъ, не утвердилъ бы этой мѣры. Поэтому существованіе Совѣта въ моемъ проектѣ сохранялось; но значеніе его совершенно уже измѣнилось. Проектъ не говорилъ, какъ было опредѣлено прежними законами, какія, именно, дѣла должны непремѣнно

вноситься въ Совѣтъ, онъ опредѣлялъ только, что Совѣтъ разсматриваетъ всѣ дѣла, какія намѣстникъ ему поручитъ.

Въ докладѣ своемъ я говорилъ, что для ближайшаго и подробнаго разсмотрѣнія проекта, во всѣхъ его частяхъ, необходимо образовать особый комитетъ изъ тѣхъ лицъ, которыхъ князь признаетъ достойными призвать въ должности директоровъ департаментовъ, и которые ближе и вѣрнѣе могутъ опредѣлить кругъ дѣйствій каждаго департамента и средства для успѣшнаго исполненія обязанностей, на департаментъ возлагаемыхъ. Предсѣдательство въ этомъ комитетѣ должно быть предоставлено тому лицу, которое будетъ предназначено къ должности начальника главнаго управленія.

Когда я представилъ мой трудъ князю, онъ усердно и внимательно погрузился въ него и, ознакомившись съ нимъ, былъ удовлетворенъ. Онъ призналъ въ немъ сходство съ устройствомъ министерствъ въ западныхъ государствахъ. Въ начальникѣ главнаго управленія онъ видѣлъ перваго министра и на этомъ основаніи находилъ возможнымъ и даже нужнымъ, чтобы онъ самъ управлялъ однимъ изъ министерствъ, т. е. нашихъ департаментовъ, директоровъ департаментовъ онъ уподоблялъ второстепеннымъ министрамъ. Предположенныя совѣщанія директоровъ, подъ предсѣдательствомъ начальника главнаго управленія, онъ находилъ сходными съ засѣданіями европейскихъ министерствъ. Однимъ словомъ, предложенная мною система вполнѣ удовлетворила князя. Если я находилъ ее необходимою и полезною собственно въ дѣловомъ отношеніи, то съ вѣроятностью можно предполагать, что въ глазахъ князя, независимо отъ этого достоинства, она имѣла много привлекательнаго въ томъ отношеніи, что яснѣе опредѣляла ту высоту, которая принадлежала намѣстнику, которая не допускала непосредственныхъ его сношеній съ различными департаментами, уравненными во всемъ съ министерскими департаментами, и которая, наконецъ, для посредства въ этихъ отношеніяхъ, требовала созданія особой должности, подобно должности министра, присвоенной начальнику главнаго управленія.

Всегда быстрый въ осуществленіи своихъ желаній и рѣшеній, князь совершенно предался этому дѣлу и старался круто повернуть имъ. Первымъ шагомъ къ осуществленію его предначертаній онъ считалъ, и весьма справедливо, назначеніе начальника главнаго управленія, который, по соображеніямъ князя, долженъ составить основную точку, откуда должны развиться всѣ дальнѣйшія дѣйствія по преобразованію главнаго управленія. При такомъ-то именно взглядѣ онъ спросилъ меня однажды, совершенно неожиданно: «кого бы назначить начальникомъ главнаго управленія?» Излагая біографію Дю—си, я объяснилъ уже часть этой замѣчательной сцены; здѣсь остается только

дополнить ее. Когда, подъ вліяніемъ петербургскихъ слуховъ о большомъ значеніи Дю—си, я назвалъ этого господина, князь какъ-то нетерпѣливо выразилъ рѣшительный протестъ. Значительно сконфуженный такимъ неудачнымъ указаніемъ, я старался объяснить князю, что указаніе это я сдѣлалъ подъ вліяніемъ различныхъ слуховъ и предположеній, доходившихъ до меня еще въ Петербургѣ; что, упоминая о Дю—си, я думалъ угадать только мысль князя; что я лично съ нимъ не имѣю никакихъ отношеній и вовсе его не знаю; знаю только то, что ко мнѣ собственно онъ относится непріязненно; слѣдовательно, въ моемъ указаніи не можетъ быть никакой затаенной цѣли, никакихъ пристрастныхъ видовъ и т. п. «Знаю, знаю все это; лучше васъ самихъ знаю», сказалъ князь, «а я полагалъ бы назначить Кр—на! Какъ вы думаете?»

Кр—на я успѣлъ уже узнать, какъ отличнаго человѣка, какимъ и всѣ его знали; но всѣ знали также, что онъ очень слабоватъ, какъ дѣловой человѣкъ; кромѣ того, по чинамъ и по службѣ, онъ былъ моложе многихъ другихъ лицъ гражданскаго управленія. Сообразивъ все это мгновенно, я отвѣчалъ: «Алексѣй Ѳедоровичъ превосходный человѣкъ; но, кажется, въ немъ геніальности мало». «Зачѣмъ намъ его геніальность?»—живо возразилъ князь, «у насъ своей довольно, а человѣкъ онъ дѣйствительно превосходный; я привыкъ къ нему, а онъ ко мнѣ; всѣ его любятъ; ни интриговать, ни умничать онъ не будетъ». Ясно было, что мнѣ тутъ думать много было нечего и что стремиться измѣнить предрѣшеніе князя, если бы и были у меня на то какіе-либо серьезные поводы, было бы съ моей стороны и глупо, и безполезно. Какъ бы то ни было, князь окончательно остановился на выборѣ Кр—на въ начальники будущаго главнаго управленія.

Чрезвычайно нетерпѣливый въ своихъ предположеніяхъ, князь не сталъ ожидать подробнаго развитія общаго плана преобразованія управленія и рѣшилъ тотчасъ представить главныя черты этого плана государю въ частномъ письмѣ и просить, прежде всего, утвержденія Кр—на въ предназначенномъ званіи и тѣмъ, какъ выражался князь, положить первый основный камень новаго зданія. Эта поспѣшность оправдывалась еще слѣдующими соображеніями. Князь справедливо находилъ, что Кр—нъ, какъ главное дѣйствующее лицо въ новомъ управленіи, долженъ неизбѣжно принять участіе въ установленіи основаній, для него предназначаемыхъ. Съ другой стороны, зная робость Кр—на и недовѣріе его къ собственнымъ силамъ, князь также справедливо находилъ, что Кр—нъ совершенно уничтожится предъ важностью будущаго положенія начальника главнаго управленія и обширностью обязанностей, ему предстоящихъ, и князю будетъ чрезвычайно трудно, а можетъ быть и невозможно, уломать этого милаго и скромнаго чело-

вѣка принять это званіе, тѣмъ болѣе, что онъ былъ, какъ я говорилъ уже, моложе многихъ, которыми предстояло ему командовать. Поэтому князь и рѣшился все, что въ новомъ планѣ касалось лично Кр—на, покончить безъ него, а для того, чтобы дать ему преимущество предъ всѣми лицами будущаго управленія, исходатайствовать ему званіе статсъ-секретаря. Въ этомъ именно видѣ и отправлено было письмо государю.

Его величество согласился на все. Кр—нъ рѣшительно ничего не зналъ и ничего не предугадывалъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ я упомянулъ только, чтобы онъ скорѣе возвращался на Кавказъ, гдѣ приготовлено для него нѣчто хорошее. Въ своихъ письмахъ ко мнѣ онъ просилъ меня разъяснить ему таинственность; но я не имѣлъ на это никакого права потому, что князь желалъ хранить все это въ сильнѣйшемъ секретѣ. Такимъ образомъ онъ рѣшительно ничего не зналъ, и на этотъ мотивъ князь, съ обычною прелестью и необычайнымъ талантомъ, разыгрывалъ великолѣпныя варіаціи. Сущность ихъ заключалась въ томъ, что князь представлялъ, какъ Кр—нъ, возвращаясь на Кавказъ чрезъ Петербургъ, явится къ государю, какъ государь поздравитъ его статсъ-секретаремъ и начальникомъ главнаго управленія, какъ Кр—нъ оцѣпенѣетъ отъ этого поздравленія.

Если эти предположенія мы считали нужнымъ скрывать отъ Кр—на, то въ той же таинственности мы держали ихъ и отъ другихъ. Существо плана, впрочемъ, не было возможности сохранить вь тайнѣ. Знали, что по этому плану главнымъ дѣйствующимъ лицомъ будетъ начальникъ главнаго управленія; но кто будетъ начальникомъ главнаго управленія, рѣшительно никому не было извѣстно. Предположеній было, конечно, множество; указывали то на того, то на другаго и менѣе всего на Кр—на. Самъ князь сознавалъ, что объявленіе этого назначенія произведетъ страшную суматоху и поразитъ Тифлисъ.

Однимъ словомъ князь какъ будто опасался даже впечатлѣнія, какое въ гражданскомъ мірѣ должно было произвести назначеніе Кр—на, и потому долго удерживалъ его въ тайнѣ; но, съ другой стороны, онъ боялся также чрезвычайной слабости характера его и не безъ основанія предполагалъ, что это впечатлѣніе, если оно проявится уже въ то время, когда Кр—нъ уже возвратится, можетъ окончательно сбить его съ толку и заставить снова отбиваться отъ должности начальника главнаго управленія. Князь сдѣлалъ назначеніе Кр—на извѣстнымъ въ Тифлисѣ незадолго до его пріѣзда съ тою цѣлью, чтобы весь шумъ, всѣ сплетни, всѣ протесты, какіе должно было вызвать это извѣстіе, могли вспыхнуть, развиться и потомъ, по естественнымъ законамъ, стихнуть и улечься въ его отсутствіе.

Такъ это и было сдѣлано. Князь сказалъ, подъ видомъ секрета,

объ этомъ назначеніи двумъ, тремъ лицамъ высшихъ чиновъ, и этого, конечно, было достаточно, чтобы оно мгновенно сдѣлалось извѣстнымъ всѣмъ и взволновало весь Тифлисъ. Странное дѣло! Кр—нъ пользовался большою популярностью; большинство его любило, какъ добраго человѣка; но и у сего незлобиваго господина было значительное число ожесточенныхъ враговъ, порожденныхъ преимущественно его служебными успѣхами, которыхъ онъ не только не искалъ, но отъ которыхъ постоянно отбивался. Такъ же точно, какъ онъ былъ совершенно чуждъ соединенныхъ усилій князя и Буткова, выдвинувшихъ его, совершенно невѣдомо для него, на должность директора канцеляріи—онъ и въ настоящемъ случаѣ былъ рѣшительно чуждъ задуманнаго княземъ механизма, которымъ онъ поднялъ его, также не вѣдомо для него, на должность начальника главнаго управленія. Все это, однако же, не мѣшало образоваться значительной группѣ его недоброжелателей, которые и старались всѣми силами уничтожить его, опираясь въ своихъ нападкахъ преимущественно на его малую способность, какъ государственнаго человѣка, свойство котораго, какъ я выше замѣтилъ, онъ и самъ не отрицалъ.

Къ удивленію, ожесточеннѣйшимъ его врагомъ явился князь Георгій Мухранскій, который никакъ не могъ перенести предстоявшей ему обязанности, въ качествѣ директора судебнаго департамента, подчиниться Кр—ну. Оппозиція его была такъ сильна, что онъ рискнулъ даже написать пространное письмо князю, которое самъ Мухранскій потомъ показывалъ мнѣ. Въ письмѣ этомъ, изложивъ исторію своихъ отношеній къ Кр—ну, сравнительное ихъ значеніе въ прошедшемъ, какія-то несправедливости, сдѣланныя ему Кр—номъ въ качествѣ директора канцеляріи, по части наградъ—онъ просилъ князя освободить его отъ унизительнаго для него подчиненія. Князь Александръ Ивановичъ, потомъ, упоминая объ этомъ письмѣ, которое произвело на него въ высшей степени дурное впечатлѣніе, говорилъ, что онъ пригласилъ князя Мухранскаго забыть даже совершенно о существованіи того письма, если желаетъ сохранить добрыя къ нему, т. е. намѣстнику, отношенія.

Между тѣмъ наступила половина 1858 года. Князь съ огромнымъ штабомъ переѣхалъ уже въ Боржомъ. Должность директора походной канцеляріи исполнялъ при немъ Булатовъ. Сближалось время возвращенія Кр—на.

Въ постоянномъ опасеніи за слабость характера его, князь не желалъ даже, чтобы онъ заѣзжалъ въ Тифлисъ и поддавался вліянію различныхъ толковъ о преобразованіи главнаго управленія вообще и о его назначеніи въ особенности, и съ этою цѣлью предоставилъ мнѣ распорядиться, такимъ образомъ, чтобы Кр—нъ, не заѣзжая въ Тиф-

лисъ, проѣхалъ мимо его, прямо въ Боржомъ, что и было исполнено, посредствомъ разосланныхъ на ближайшія къ Тифлису станціи предъувѣдомленій.

Жары начинались страшные. Всѣ разъѣзжались и спасались, кто куда могъ. Я, съ моими дѣлами и обязанностями, рѣшительно не имѣлъ возможности разстаться съ Тифлисомъ и вынужденъ былъ задыхаться въ немъ денно и нощно. Извѣстно, что тифлисскія ночи не приносятъ прохлады, а еще болѣе увеличиваютъ духоту, вслѣдствіе которой человѣкъ постоянно обливается пòтомъ. Но главная бѣда моя была въ томъ, что жена моя никакъ не хотѣла оставить меня одного въ Тифлисѣ и переѣхать на дачу, несмотря на общія настоянія туземныхъ моихъ докторовъ. Само собою разумѣется, что вмѣстѣ съ нею оставались и наши дѣти, т. е., за потерею одного сына въ Баку и за отправленіемъ другаго въ Петербургъ, двѣ маленькія дочери: одна лѣтъ пяти, а другая еще на рукахъ кормилицы. Извѣстно также, что тифлисскіе жары особенно гибельно дѣйствуютъ на маленькихъ дѣтей, что къ несчастью намъ скоро и пришлось испытать.

Между тѣмъ въ Тифлисѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что Кр—нъ проѣхалъ уже въ Боржомъ, и всѣ, а болѣе всѣхъ я, ждали, что затѣмъ произойдетъ. Дня чрезъ два послѣ его проѣзда въ Боржомъ, я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ увѣдомилъ меня о желаніи князя, чтобы и я какъ можно скорѣе пріѣхалъ туда [1]).

Въ тотъ же вечеръ я отправился и на другой день утромъ пріѣхалъ въ Боржомъ. Экипажъ у меня былъ отвратительнѣйшій въ невообразимой степени; какъ это случилось, я ужъ не помню; помню только, что въ моихъ приказаніяхъ по части экипажа поставлялось главнымъ и непремѣннымъ условіемъ—его легкость; кажется, именно во имя этой легкости, мнѣ и подвернули какую-то гадость, представлявшую нѣчто среднее между старымъ дряннымъ тарантасомъ и почтовою телѣгою. Въѣзжая въ этомъ замѣчательномъ экипажѣ въ Бор-

---

[1]) Вотъ его письмо: «Боржомъ. 6-го іюня 1858 г. Въ Душетѣ я получилъ письмо ваше отъ 30-го мая, душевно уважаемый Василій Антоновичъ, и съ Цилканскаго поста свернулъ на Боржомъ. Вчера я представился князю Александру Ивановичу, который сообщилъ мнѣ проектъ предписанія на мое имя и другія бумаги, относительно преобразованія главнаго управленія. Я не успѣлъ еще вполнѣ познакомиться съ ними, но съ перваго шагу встрѣчаю надобность въ нѣкоторыхъ объясненіяхъ, о которыхъ я докладывалъ его сіятельству. Князь Александръ Ивановичъ находитъ нужнымъ, чтобы вы прибыли сюда теперь же, для окончательныхъ совѣщаній по дѣлу о преобразованіи, и поручить мнѣ изволилъ извѣстить васъ о томъ. Опасаюсь, что вояжъ этотъ не будетъ вамъ пріятенъ, отвлекая васъ отъ громады текущихъ дѣлъ; но безъ васъ нѣтъ возможности окончить это дѣло. Въ ожиданіи скораго и пріятнаго съ вами свиданія и пр.».

жомъ, я былъ, при самомъ въѣздѣ, несмотря на раннее утро, встрѣченъ самимъ намѣстникомъ и всею его свитою. Оказалось потомъ, что князь учредилъ раннія прогулки, такъ что всѣ окружающіе его, волею неволею, должны были вставать часовъ въ пять, собираться у его маленькихъ домиковъ и подъ его предводительствомъ путешествовать по заранѣе составленному и имъ утвержденному маршруту. Именно въ началѣ этой ранней прогулки князь, услышавъ почтовый колокольчикъ моей тройки, остановился, а съ нимъ остановилась и вся свита. Завидѣвъ меня, всѣ они дружно привѣтствовали меня и ожидали, какъ было замѣтно, что я выскочу изъ моего рыдвана и паду въ ихъ объятія. Но безпокойное путешествіе въ безпокойномъ экипажѣ въ теченіе цѣлой ночи привело мою фигуру въ такое растрепанное, чуждое всякаго изящества положеніе, что, приказавъ ямщику ѣхать скорѣе, я предпочелъ вѣжливо раскланяться только съ княземъ и его разнообразной свитой, а дальнѣйшее сближеніе отложить до времени, когда личность моя будетъ приведена сколько-нибудь въ приличный видъ.

Съ громомъ и трескомъ подкатилъ я къ крыльцу гостиницы и въ одно время съ распоряженіями, относящимися до моего гардероба, приказалъ пригласить ко мнѣ тотчасъ Булатова, чтобы разузнать отъ него состояніе какъ придворной собственно, такъ и правительственной атмосферы. Послѣ разсказовъ, относящихся до частной жизни князя въ Боржомѣ, Булатовъ передалъ мнѣ, что Кр—нъ, какъ и ожидалъ князь, относится къ своему новому положенію чрезвычайно робко, пятится отъ него всѣми способами и умоляетъ князя, по крайней мѣрѣ, отложить на нѣкоторое время оффиціальное объявленіе его назначенія. «Князь находится въ нерѣшительномъ состояніи»,—продолжалъ Булатовъ—«и для этого-то вытребовалъ васъ. Теперь рѣшительно отъ васъ зависитъ повернуть дѣло въ ту или другую сторону». При этомъ оказалось, что Кр—нъ живетъ въ той же гостиницѣ, гдѣ и я остановился, только въ другомъ номерѣ. Ускоривъ всевозможно мое переодѣваніе и сокративъ, а потомъ и вовсе отстранивъ различные визиты, которыми тотчасъ начали меня осаждать, я бросился къ Кр—ну и безъ всякихъ предисловій началъ осыпать его дружескими укорами за его мнительность и доказывать, какъ сильно она можетъ повредить всѣмъ планамъ, которыми такъ усердно занимался самъ князь и которые онъ считалъ уже исполненными. Краснорѣчіе мое заливало, такъ сказать, своими волнами Кр—на. Онъ защищался весьма слабо и изрѣдка только говорилъ: «какой я начальникъ главнаго управленія?» или: «кажется, лучше подождать немного, пока я вступилъ бы въ прежнюю должность и осмотрѣлся бы»... «Нечего вступать и осматриваться»,— живо возражалъ я,—«все сдѣлано, предусмотрѣно, приготовлено и даже

обнародовано уже самимъ княземъ, хотя частнымъ образомъ. Если вы появитесь въ Тифлисѣ не начальникомъ главнаго управленія, произойдетъ громаднѣйшій скандалъ!» «Право, не знаю»—вяло говорилъ Кр—нъ. «Вы не знаете, а я знаю»,—неотступно продолжалъ я атаковать его,—«и предупреждаю васъ, что тѣ же самыя убѣжденія, какія я вамъ высказалъ, я передамъ и князю, къ которому и отправляюсь сейчасъ»...

У князя была, между прочимъ, такая манера, что по какому бы то ни было дѣлу онъ меня ни потребовалъ, онъ, при моемъ появленіи, никогда не начиналъ говорить собственно объ этомъ дѣлѣ, а сначала обращалъ рѣчь къ предметамъ, совершенно постороннимъ, и потомъ уже круто поворачивалъ эту рѣчь къ существенному вопросу. Такъ было и здѣсь.

Встрѣтивъ меня самымъ благосклоннымъ образомъ, князь, прежде всего, замѣтилъ, какой у меня отвратительный экипажъ, потомъ сталъ рисовать прелести боржомской жизни. Послѣ нѣсколькихъ недѣль, которыя я не видалъ князя, мнѣ показалось, что онъ значительно поправился. Когда я выразилъ ему это наблюденіе, было видно, что оно доставило ему большое удовольствіе. «Мнѣ здѣсь очень хорошо и покойно»,—продолжалъ князь.—«Такой образъ жизни всегда для меня полезенъ. Здѣсь меня никто не стѣсняетъ. Что касается до Елисаветы Дмитріевны [1]), то вы, конечно, поймете, что мои отношенія къ ней—отношенія отца къ дочери»...

Бесѣда князя со мной и на этотъ разъ была и продолжительна, и разнообразна. Князь любилъ въ этихъ случаяхъ плавать въ воспоминаніяхъ, предаваться мечтамъ о будущемъ... Во всемъ этомъ, конечно, выяснялось и опредѣлялось отношеніе его къ Кавказу особенно, и къ государству вообще. Въ приличный моментъ и пользуясь прекраснымъ настроеніемъ князя, я позволилъ себѣ снова повторить не разъ уже высказанную мною мысль, что Кавказъ, конечно, долженъ считать себя очень счастливымъ, имѣя такого намѣстника; но что Кавказъ есть только часть общаго, цѣлаго государства, и что государству было бы выгоднѣе, если бы князь съ его дарованіями, съ его великими принципами стоялъ подлѣ престола царя и дѣйствовалъ не на одинъ Кавказъ, или какую-либо другую страну, но на всѣ страны, на всѣ части всего государства; въ заключеніе я прибавлялъ, что это не есть мое только личное мнѣніе, но мнѣніе многихъ, мнѣніе, публично высказываемое ему на многихъ торжественныхъ праздникахъ, которыми встрѣчали и провожали его на пути отъ Петербурга на Кавказъ.

Князь какимъ-то нетерпѣливымъ тономъ отвѣчалъ мнѣ: «Вы много

---

[1]) Давыдова.

уже разъ говорили мнѣ это, любезный Василій Антоновичъ; правда— то же самое говорили мнѣ разные губернаторы и предводители. Но вы ошибаетесь точно такъ же, какъ ошибаются и эти господа. Какимъ это образомъ я могъ бы дѣйствовать на всю Россію? Вѣроятно, думаютъ, что я, какъ другъ государя, могу придти къ государю и сегодня посовѣтовать одно, а завтра другое... ошибаются. Государь очень добръ ко мнѣ; но всегда отошлетъ меня съ моими мнѣніями и совѣтами къ тому министру, до котораго они касаются». «Это по части такого-то министра»,—скажетъ государь, «переговори съ нимъ; пусть онъ доложитъ мнѣ потомъ». Да и откуда я буду набирать эти совѣты и мнѣнія, когда дѣла будутъ находиться не въ моихъ рукахъ; у меня есть часть просвѣщенія, юстиціи, финансовая и всякія другія; всѣми этими частями я распоряжаюсь независимо и самостоятельно. Если я хорошо что-нибудь сдѣлаю здѣсь, они могутъ то же сдѣлать у себя, и это будетъ самое вѣрное, самое естественное вліяніе мое на ходъ дѣлъ въ государствѣ. Кромѣ того вы знаете, что я пишу государю о всѣхъ моихъ взглядахъ, о всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ по важнѣйшимъ вопросамъ. Эти письма, конечно, я глубоко обдумываю, и они составляютъ, можно сказать, эссенцію моего ума. Вѣдь государь читаетъ же ихъ... Стало быть, отъ него зависитъ, что ему покажется вѣрнымъ и справедливымъ, приказать сдѣлать или примѣнить въ Россіи. Точно также, если бы государю нужны были ближайшіе мои совѣты, отъ него же зависитъ призвать меня къ себѣ или дать другое назначеніе».

Потомъ, въ ряду другихъ предметовъ, князь сталъ развивать идею о преподнесеніи всего Боржомскаго имѣнія государынѣ императрицѣ. Соображеній, изъ которыхъ родилась эта идея, я уже не помню; помню только, что она чрезвычайно занимала князя и въ его пылкомъ воображеніи считалась уже въ ряду получившихъ осуществленіе до такой степени, что онъ опредѣлялъ уже мѣсто, гдѣ долженъ быть поставленъ императорскій дворецъ; за всѣмъ тѣмъ однако же, идея эта осталась неосуществимою, по той простой причинѣ, если не ошибаюсь, что императрица отказалась отъ удовольствія имѣть имѣніе, какъ бы прекрасно и живописно оно ни было, за три тысячи верстъ отъ Петербурга.

Послѣ завтрака, который прервалъ нашу бесѣду, князь обратился къ вопросу, по которому я преимущественно былъ вытребованъ въ Боржомъ. «Алексѣй Өедоровичъ упирается»—началъ князь,—«онъ проситъ дозволить ему прежде вступить въ управленіе канцеляріею, осмотрѣться и потомъ уже постепенно перейти къ новому положенію. Я не знаю, быть можетъ, это въ самомъ дѣлѣ будетъ лучше?» Изъ этихъ неопредѣленныхъ словъ я тотчасъ понялъ, съ одной стороны, что князь поколебленъ въ своей энергической рѣшимости, или, просто, по обычаю, охладѣлъ уже къ этому дѣлу, а съ другой, что дальнѣйшее направле-

ніе его передастся въ мои руки. Выслушавъ почтительно слова князя, я столь же почтительно отвѣчалъ: «какъ угодно будетъ вашему сіятельству; но мнѣ кажется, что вамъ самимъ угодно было сдѣлать извѣстнымъ уже назначеніе Алексѣя Өедоровича до его возвращенія, именно съ тою цѣлью, чтобы этимъ облегчить и подготовить его вступленіе прямо въ новую должность. И дѣйствительно это извѣстіе произвело то впечатлѣніе и тѣ толки, которыхъ ожидали; теперь впечатлѣніе ослабѣло, толки затихли, и всѣ спокойно ожидаютъ вступленія Алексѣя Өедоровича въ должность начальника главнаго управленія. Нѣтъ сомнѣнія, что если, вопреки этому общему ожиданію, Алексѣй Өедоровичъ вступитъ въ прежнюю должность директора канцеляріи, то это произведетъ новое впечатлѣніе и новые толки, общій смыслъ которыхъ будетъ тотъ, что мы пятимся назадъ».

Въ своихъ докладахъ и соображеніяхъ я не рѣдко употреблялъ простыя, тривіальныя фразы и никогда не обманывался въ силѣ ихъ. Такъ точно было и здѣсь. Я нарочно употребилъ фразу «мы пятимся назадъ», зная, что она ни для кого не можетъ представлять ничего лестнаго, а для такой гордой, властолюбивой натуры, какъ князь, она будетъ просто невыносима. И дѣйствительно, какъ только я произнесъ эти слова, князь какъ-то непріятно покоробился и какъ-то неопредѣленно сказалъ: «какъ! пятиться!». Потомъ, помолчавъ нѣсколько минутъ, онъ продолжалъ: «да, ваша правда! откладывать тутъ нечего, только перепортимъ все! Потрудитесь заготовить всѣ нужныя бумаги. Когда онѣ будутъ готовы—принесите мнѣ». Съ чувствомъ нѣкотораго торжества я прямо отъ князя ринулся къ Кр—ну, объявилъ ему мою побѣду и потомъ, собравъ всѣхъ чиновниковъ и писцовъ, какіе только находились въ Боржомѣ, засадилъ ихъ всѣхъ за работу. Бумаги, которыя я долженъ былъ заготовить, не представляли ничего головоломнаго, но ужасали своимъ количествомъ. О новомъ назначеніи Кр—на надо было увѣдомить всѣ мѣста и лица, находящіяся въ сношеніяхъ съ главнымъ управленіемъ намѣстника, имъ же нѣсть числа въ цѣломъ краѣ. Тѣмъ не менѣе всѣ онѣ были скоро изготовлены и на другое же утро представлены къ подписи князю. При этой подписи находился уже Кр—нъ. Подписывая бумаги, князь весело подсмѣивался надъ Дю—си, мимо котораго проскользнуло мѣсто начальника главнаго управленія. «Это счастье для насъ»—говорилъ князь—«что мингрельское дѣло такъ выяснило намъ таланты этого господина. А знаете-ли, продолжалъ князь, обращаясь къ Кр—ну: «вѣдь я сначала хотѣлъ васъ послать туда»—«и навѣрное я еще хуже провалился бы»,—скромно замѣтилъ Кр—нъ. «Ну нѣтъ! Какъ можно!»—снисходительно сказалъ князь. Послѣ бумагъ, относящихся до назначенія Кр—на, князь подписалъ бумаги объ учрежденіи комитета для разсмотрѣнія составленнаго проекта

преобразованія главнаго управленія. Въ этихъ бумагахъ, согласно особому настоянію самого князя, сказано было, что самая система преобразованія въ основныхъ ея принципахъ совершенно одобрена уже княземъ и что комитету предлежитъ только разсмотрѣть подробности ея, относящіяся до образованія каждаго департамента въ частности, опредѣленія его средствъ и т. п.

ГЛАВА V.

Боржомская жизнь князя.—Утреннія и вечернія прогулки князя въ сопровожденіи всей свиты.—Ухаживаніе князя за Да—вой, принадлежавшей тоже къ свитѣ.—Проявленіе здѣсь женскаго вліянія на князя. — Мои семейныя потери.—Пріѣздъ великихъ князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича.—Небывалая охота, для нихъ устроенная.

Когда эта дѣловая сторона была кончена, я получилъ любезное приглашеніе князя остаться въ Боржомѣ на столько, на сколько могу и желаю. На этомъ основаніи я провелъ тамъ три дня, о которыхъ сохраняю самое пріятнѣйшее воспоминаніе. Само собою разумѣется, что я остался бы тамъ и больше, если бы самыя неумолимыя обязанности не призывали меня настоятельно въ Тифлисъ.

Не должно думать, чтобы Боржомъ представлялъ для намѣстника и двора его какое-нибудь роскошное помѣщеніе. Ничуть не бывало. Непривычный глазъ поражался величайшею простотою закавказской обстановки вообще намѣстника. Мое удивленіе по этой части было особенно сильно потому, что я зналъ петербургскую жизнь и обстановку князя, его роскошное помѣщеніе, его великолѣпныя дачи. Я полагалъ, въ невѣдѣніи моемъ кавказскаго быта, что если князь, въ положеніи частнаго человѣка, окружалъ себя баснословною роскошью, то въ положеніи намѣстника онъ долженъ былъ ежеминутно блистать въ золотѣ и бриллiантахъ, однимъ словомъ, плавать въ той, такъ называемой, «восточной» роскоши, о которой съ раннихъ лѣтъ мы читаемъ такъ много вздору въ различныхъ книгахъ. Напротивъ, о тифлисскомъ дворцѣ съ его обтоптанною деревянною лѣстницею, съ его старинною казенною мебелью, носящею множество слѣдовъ постояннаго и малоуспѣшнаго ремонта, съ его деревяннымъ, обвитымъ зеленою бумагою, обручемъ въ бальной залѣ, замѣняющимъ люстру, я говорилъ уже. О старомъ и плохомъ домѣ Андреевскаго, въ которомъ князь помѣщался на Кожарахъ, я тоже говорилъ. Боржомская обстановка меня удивила еще болѣе, чѣмъ все предыдущее.

Тамъ были два или три (кажется, три, но хорошо не помню) маленькіе деревянные домика, составлявшіе помѣщеніе намѣстника. Въ этихъ домикахъ умѣлъ какъ-то располагаться и предмѣстникъ князя Барятинскаго, князь Воронцовъ; въ нихъ же умѣстился и князь Александръ Ивановичъ. Въ одномъ маленькомъ домѣ жилъ онъ самъ. Этотъ домъ представлялъ такіе миніатюрные размѣры, что просто было смѣшно, особенно по отношенію къ такой величавой и высокой фигурѣ, какъ князь Александръ Ивановичъ. Крошечное крылечко вело въ этотъ домикъ. Я ужъ не помню подробно его внутренняго расположенія; помню только, что при самомъ входѣ была маленькая комнатка, которая носила названіе кабинета князя, маленькая до того, что двумъ, тремъ человѣкамъ рѣшительно было тѣсно повернуться около также маленькаго письменнаго стола, который тамъ стоялъ. Другой домикъ, кажется нѣсколько побольше, занимали Да—вы, съ обязанностью принимать всѣхъ пріѣзжающихъ изъ Тифлиса и вообще быть центромъ всего міра, окружающаго князя, надъ которымъ самъ Да—въ имѣлъ вліяніе, въ качествѣ гофмаршала. Наконецъ, третій домикъ, если не ошибаюсь, заключалъ въ себѣ столовую, гдѣ собирались чай пить и обѣдать. Впрочемъ, я хорошо уже не помню, былъ-ли этотъ третій домикъ и не заключалъ-ли въ себѣ этой столовой домикъ, занимаемый Да—выми.

День начинался, какъ я сказалъ уже, утренней прогулкой, для чего всѣ должны были вставать чрезвычайно рано. Едва-ли не съ вечера еще опредѣлялся пунктъ, куда должна была направиться прогулка. Казаки и лакеи князя заранѣе отправлялись туда съ коврами, грузинскими мутахами, подушками различныхъ видовъ и различными съѣстными и питейными матеріалами. Когда всѣ участвующіе въ прогулкѣ достигали этого пункта, они находили тамъ все необходимое для самаго комфортабельнаго отдыха. Всѣ кидались на ковры и подушки и располагались, какъ кто хотѣлъ. Свобода царствовала полная. Часто заливалась тамъ, подъ моимъ руководствомъ, русская пѣсня и подхватывалась хоромъ. Кто хотѣлъ—пилъ чай, кофе. Затѣмъ шествіе принимало обратное направленіе, раздѣляясь на многія группы, изъ которыхъ однѣ убѣгали впередъ, другія отставали... Князь неизбѣжно и постоянно оставался въ одной группѣ съ маленькой Елизаветой Дмитріевной, единственной особой женскаго пола, участвовавшей въ этихъ раннихъ прогулкахъ, и трудно передать тѣ утонченнѣйшія попеченія, которыми князь окружалъ ее.

По возвращеніи въ Боржомъ всѣ направлялись въ столовую и размѣщались кругомъ столовъ, заставленныхъ принадлежностями чая, кофе и различными блюдами, которыя, на англійскій манеръ, и употреблялись вмѣстѣ съ чаемъ. За этими столами шла самая оживленная

бесѣда, гдѣ каждый старался блеснуть своими знаніями или своимъ остроуміемъ. Именно здѣсь и происходилъ тотъ споръ между княземъ Иваномъ Мухранскимъ и княземъ Исаакомъ Тумановымъ, въ заключеніе котораго князь Мухранскій предпочелъ согласиться, что древній родъ ихъ жидовскаго происхожденія, но съ гордостью отвергъ всякую связь этого рода съ армянами, къ числу которыхъ принадлежалъ антагонистъ его князь Тумановъ. Послѣ этого завтрака общество расходилось: дѣловые люди шли къ своимъ дѣламъ, князь принималъ пріѣзжихъ изъ Тифлиса и слушалъ различные доклады; люди не дѣловые, образующіе свиту, обращались туда, куда хотѣли: одни продолжали увиваться около любимицы князя, разсчитывая на различныя блага; другіе тотчасъ садились за карты и начинали козырять.

Къ обѣду опять всѣ собирались въ столовую и принимали уже болѣе торжественный и церемонный видъ, на томъ основаніи, что самъ князь, всю жизнь, относился къ обѣду какъ-то почтительно. Обѣдъ происходилъ поздно и, кажется, часовъ въ 6-ть, такъ что скоро послѣ обѣда подавались верховыя лошади, и всѣ отправлялись въ прогулку на коняхъ, прогулку чрезвычайно продолжительную. Елизавета Дмитріевна и здѣсь была предметомъ тѣхъ же попеченій князя, какъ и утромъ. Онъ постоянно ѣхалъ рядомъ съ ней. Возвращались очень поздно, часовъ въ 10-ть, и прямо переходили опять въ столовую, гдѣ, какъ и утромъ, на приготовленныхъ столахъ стояли чай, кофе и различныя яства. Затѣмъ слѣдовали «causeries», карты, пѣніе... Любители и мастера пѣнія удалялись или въ особую комнату, или становились подъ окномъ Елизаветы Дмитріевны и старались совершить что-нибудь въ родѣ серенады. Почти всегда усилія наши награждались мѣдными грошами, которые Елизавета Дмитріевна распредѣляла между нами, по приказанію князя.

Я уже не помню, да и считаю излишнимъ перечислять свиту, которая находилась въ это время при князѣ въ Боржомѣ, особенно послѣ того, какъ я представилъ тому, кто когда-нибудь будетъ читать эти записки, цѣлую портретную галлерею личностей, сюда принадлежащихъ. Помню только, что въ составъ нашихъ хоровъ, награждаемыхъ мѣдными деньгами, входили: я, Да—въ, отличный знатокъ музыкальнаго искусства, Шереметевъ, начальникъ конвойной команды, двое Всеволожскихъ, Всеволодъ и Андрей, сыновья знаменитаго Никиты Всеволожскаго, оставившаго имъ громаднѣйшія имѣнія и еще болѣе громаднѣйшіе долги. Въ моей портретной галлереѣ имъ не отведено мѣста потому, что они на Кавказѣ были не долго и не имѣли особаго значенія. Старый Всеволодъ, чрезвычайно образованный человѣкъ, находился при князѣ для иностранной переписки и вѣроятно сдѣлалъ бы хорошую карьеру, если бы не влюбился въ примадонну Тифлисской

итальянской оперы, женщину, дѣйствительно хорошенькую, хотя и плохую пѣвицу и, погнавшись за ней, не бросилъ Кавказа, откуда скоро исчезъ и другой братъ его, Андрей.

Въ Боржомѣ же я встрѣтился съ Ностицемъ, который впослѣдствіи такъ неожиданно для всего Кавказа получилъ знаменитый Нижегородскій драгунскій полкъ.

Съ назначеніемъ Кр—на начальникомъ главнаго управленія, я положительно уже сдѣлался начальникомъ канцеляріи намѣстника. Такимъ образомъ я былъ въ это время центромъ всѣхъ текущихъ дѣлъ и въ то же время центромъ имѣющаго совершиться преобразованія главнаго управленія. Какъ я выше сказалъ, для разсмотрѣнія составленнаго мною проекта этого преобразованія, образованъ былъ, подъ предсѣдательствомъ Кр—на, которому ввѣрялось въ управленіе, кромѣ прямыхъ его обязанностей, департаментъ общихъ дѣлъ, особый комитетъ изъ лицъ, предназначенныхъ въ должности директоровъ другихъ департаментовъ, а именно: Харитонова, какъ директора будущаго финансоваго департамента, князя Мухранскаго, какъ директора судебнаго департамента, Витте—какъ директора департамента государственныхъ имуществъ, и меня, какъ составителя проекта, начальника дѣйствующей общей канцеляріи и начальника будущей особенной канцеляріи намѣстника. Комитетъ тотчасъ приступилъ къ своимъ трудамъ по возвращеніи моемъ изъ Боржома. Такъ какъ въ теченіе утра все мое время поглощалось текущими дѣлами, то засѣданія комитета происходили по вечерамъ. Такимъ образомъ выходило, что я буквально работалъ цѣлый день отъ ранняго утра до поздней ночи—и это въ продолженіе самыхъ жесточайшихъ тифлисскихъ жаровъ. Все это въ совокупности сдѣлало для меня лѣто 1858 г. навсегда незабвеннымъ.

Тягостное служебное положеніе мое увеличивалось еще неблагопріятными обстоятельствами моего семейнаго быта. Несмотря ни на какія настоянія съ моей стороны, жена моя никакъ не соглашалась переѣхать на дачу и оставить меня одного, какъ она выражалась «въ этомъ аду». Между тѣмъ ясно было, что она сильно страдала отъ невыносимыхъ жаровъ днемъ и невыносимой духоты ночью. Старшая наша дочь, дѣвочка лѣтъ пяти, находилась въ какомъ-то странномъ, ненормальномъ состояніи. Въ теченіе дня она была какъ будто здорова, а между тѣмъ въ теченіе каждой ночи постоянно и сильно бредила и возбуждала въ насъ сильнѣйшія опасенія, тѣмъ болѣе для насъ мучительныя, что мы не могли еще опомниться, такъ сказать, отъ потери Леодора. Но бѣда пришла съ той стороны, съ которой менѣе всего можно было ее ожидать. Другая дочь, маленькая дѣвочка, грудной ребенокъ, на рукахъ своей кормилицы, была совершенно здорова и весела, такъ что, сосредоточивая всѣ заботы и опасенія на

старшей дѣвочкѣ, мы на эту почти не обращали вниманія. Между тѣмъ, однажды, среди ночи, я былъ внезапно разбуженъ моею женою, на лицѣ которой написанъ былъ ужасъ и отчаяніе. «Посмотри, что такое съ Ниночкой?»—едва могла произнести она, задушаемая стонами и рыданіями... Я мгновенно бросился въ комнату, гдѣ помѣщался этотъ ребенокъ съ кормилицей. Тамъ представилось мнѣ зрѣлище, о которомъ и теперь не могу вспомнить безъ содроганія. Младенецъ, съ закатившимися глазами, лежалъ на своей постелькѣ, пораженный «родимцемъ». Что это за болѣзнь—понять трудно; понятно только, что болѣзнь страшная и кажется неизлѣчимая. Ребенокъ, конвульсивно подергиваясь, какъ бы находился во власти какой-то невѣдомой страшной силы. Само собою разумѣется, что я мгновенно согналъ толпу докторовъ, всѣ они усердно старались помочь дѣлу, но безуспѣшно. Ребенокъ на короткое время приходилъ въ себя, а потомъ опять впадалъ въ какое-то сверхъестественное состояніе. Конецъ нетрудно было предвидѣть—смерть, въ такое короткое время, отняла у насъ втораго ребенка!

Отчаяніе матери изобразить трудно. Ей казалось, что мы должны тутъ всѣ погибнуть. Это убѣжденіе глубоко укоренилось въ ней и не оставляло ее. Отсюда явилось неудержимое стремленіе бѣжать изъ Тифлиса, куда бы то ни было и какъ бы то ни было; въ этомъ она полагала единственное наше спасеніе. Само собою разумѣется, что обставленный оффиціальными отношеніями и по природѣ своей не одаренный такою страшною воспріимчивостью, какою надѣлена эта замѣчательная женщина—я далеко не раздѣлялъ ея воззрѣній, да если бы и раздѣлялъ, то не считалъ бы, какъ она, очень легкимъ и удобнымъ осуществить ихъ. Уважая, однако, страшное душевное ея разстройство, я обѣщалъ объ этомъ подумать, разсчитывая, что все исцѣляющее время утѣшитъ ея волненія, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнитъ ея эксцентрическія стремленія. Когда кончились хлопоты, съ печальною церемоніею погребенія сопряженныя, я вмѣстѣ съ докторами сталъ убѣждать жену переѣхать на дачу, чтобы не нажить еще бо́льшихъ бѣдъ, оставаясь въ палящемъ Тифлисѣ. Убѣжденія эти имѣли тотъ результатъ, что жена согласилась переѣхать на Коджары на три дня. Отправивъ туда мою маленькую семью, я вздохнулъ свободно, какъ будто устранивъ какую-то неизбѣжную и грозную опасность. Въ глубокую полночь того же дня, занимаясь одинъ въ канцеляріи, я получаю телеграфическую депешу изъ Коджаръ, которою меня увѣдомляли, что жена моя, тотчасъ по пріѣздѣ туда, серьезно занемогла и находится въ бреду. Только сильному оффиціальному моему положенію обязанъ я, что могъ, въ ту же ночь, темную и мрачную до невозможности, отправить туда доктора, снабдивъ его проводниками, которые должны были оберегать

его со всѣхъ сторонъ. Этому доктору поручено чрезъ каждый часъ увѣдомлять меня о состояніи больной. Извѣстія его не представляли ничего утѣшительнаго, и понятно, какъ покойно я провелъ эту мучительную ночь. Докторъ настаивалъ, чтобы я самъ пріѣхалъ непремѣнно, потому что больная, въ своемъ бреду, постоянно звала меня къ себѣ. По его мнѣнію, мое присутствіе могло принести большую пользу.

И дѣйствительно, какъ только я пріѣхалъ на Коджары, женѣ тотчасъ сдѣлалось лучше. Здѣсь не излишне замѣтить ту чудодѣйственную силу, которая, совершенно не постижимо для насъ самихъ, проявляется въ отношеніяхъ личностей, столь близкихъ между собою, какъ напр. мужъ и жена. Устраняя всякое сантиментальничанье, я долженъ сказать, что вообще мое личное вліяніе на состояніе жены было могущественно въ высшей степени. Въ самыхъ тяжелыхъ болѣзняхъ, въ самомъ сильномъ какомъ-либо разстройствѣ жены, мое присутствіе, мое участіе видимо облегчало ея страданія, утѣшало ея волненія. Такъ и было и здѣсь. Всякая опасность въ положеніи жены миновалась; но въ то же время, вслѣдствіе-ли жаровъ, или усиленныхъ занятій, или, наконецъ, нравственныхъ безпокойствъ всякаго рода, я самъ занемогъ такъ, что такъ называемыя неблагопріятныя обстоятельства всякаго рода какъ нарочно цѣплялись одни за другими въ этотъ тяжелый періодъ моей кавказской жизни. По возвращеніи изъ Коджаръ я нашелъ значительное утѣшеніе въ слѣдующемъ письмѣ князя Александра Ивановича, присланномъ мнѣ изъ Боржома:

„Боржомъ, 19-го іюля 1858 г. Скорбно было для меня узнать о вновь постигшемъ васъ несчастіи, любезнѣйшій Василій Антоновичъ. Переношусь мысленно въ вашъ домъ и всѣмъ сердцемъ соболѣзную вамъ и бѣдной матери, такъ сильно испытанной судьбой. Да поможетъ вамъ Богъ перенести печаль съ тою теплою вѣрою, которая одна можетъ служить утѣшеніемъ болящаго сердца. Примите еще выраженіе полнаго моего сочувствія къ вамъ“...

Въ заключеніе этой главы надобно сказать, что тихая, покойная и пріятная жизнь князя въ Боржомѣ взволнована была, въ концѣ лѣта, событіемъ, которое, безъ сомнѣнія, на долго останется памятнымъ всему Кавказу. Событіе это—пріѣздъ великихъ князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича. Князь Александръ Ивановичъ долженъ былъ встрѣтить ихъ на берегу Чернаго моря, въ Поти. При этой встрѣчѣ, къ обычнымъ своимъ недугамъ, князь пріобрѣлъ еще черноморскую лихорадку, такъ что когда онъ, вмѣстѣ съ великими князьями, пріѣхалъ въ Тифлисъ и, разумѣется, прежде всего, вступилъ въ Сіонскій соборъ, гдѣ ожидала ихъ вся тифлисская знать, на князя смотрѣть было страшно: его синебагровое лицо, его помутившіеся глаза ясно говорили, что онъ съ трудомъ держится на ногахъ. И дѣйстви-

тельно, вслѣдъ затѣмъ, онъ слегъ въ постель и не вставалъ уже во все время пребыванія въ Тифлисѣ ихъ высочествъ.

Князь самъ замѣчалъ иногда, что недуги его находятся въ большой зависимости отъ настроенія его мыслей. Въ Вильнѣ потомъ, гдѣ онъ такъ сильно болѣлъ, онъ иногда говорилъ намъ: «вчера все было хорошо, и я надѣялся хорошо заснуть; пришли скверныя мысли, и я къ утру уже совсѣмъ расклеился». Хотя черноморскія лихорадки слишкомъ сильны для того, чтобы повалить человѣка безъ всякаго отношенія къ его хорошимъ или дурнымъ мыслямъ, тѣмъ не менѣе я считаю не безъинтереснымъ замѣтить, что въ началѣ пріѣзда великихъ князей мысли князя были очень не хороши.

Болѣзнь князя не мѣшала, впрочемъ, совершаться великолѣпнымъ торжествамъ, для великихъ князей приготовленнымъ. Князь нигдѣ не былъ, но за всѣмъ слѣдилъ и все зналъ. По истинѣ нельзя не удивляться невообразимо громаднымъ средствамъ, которыми и въ то же уже время располагалъ Тифлисъ въ этомъ отношеніи. Но было бы долго и утомительно описывать всѣ эти парадные спектакли, торжественные обѣды, великолѣпные балы, блистательныя иллюминаціи, дивнѣйшіе фейерверки и т. п. Пройду все это мимо и скажу только нѣсколько словъ о праздникѣ, какой едва-ли когда-нибудь устраивался и могъ быть устроенъ на другой точкѣ земнаго шара.

Недалеко отъ Тифлиса, по направленію къ Елисаветполю, тянется громадная степь, называемая «Караязскою». Степь эта, кажется, всегда была мѣстомъ охоты грузинскихъ царей. На этой степи предназначено было устроить охоту и для великихъ князей. Избранное для этого особыми спеціалистами мѣсто буквально превращено въ городъ. Началось съ того, что для обѣдовъ и танцевъ выстроенъ великолѣпнѣйшій павильонъ. Для посѣщенія великихъ князей и всего высшаго населенія Тифлиса громаднѣйшее пространство было занято безчисленными палатками, образовавшими улицы и площади. Въ то время, когда къ назначенному дню этотъ импровизованный городъ началъ наполняться тифлисскою знатью, всѣ видимыя окрестности наводнялись неисчислимыми массами коннаго народа грузинскаго, мусульманскаго, армянскаго.

Праздникъ продолжался нѣсколько дней. Я опять пройду мимо обѣды, балы, даже представленія италіанской оперы на открытомъ воздухѣ, среди натуральныхъ декорацій и перейду прямо къ охотѣ, какъ предмету, дѣйствительно, не обычайному. Впрочемъ, самъ не знатокъ по этой части, я никакъ не въ состояніи представить никакихъ техническихъ подробностей, а скажу только то, что видѣлъ.

На одномъ какомъ-то возвышеніи устроены были мѣста для дамъ и для тѣхъ, кто лично не участвовалъ въ охотѣ—однимъ словомъ, для

зрителей. Внизу открывалась необозримая долина, на которой должно происходить самое дѣйствіе. Извѣстному «Мамукѣ» Орбеліани поручалось взять начальство надъ конными толпами и массою тысячъ въ десять человѣкъ оцѣпить съ противоположной стороны долины громадное пространство и потомъ въ назначенное время начать движеніе по направленію къ возвышенію, выгоняя, такъ сказать, на сцену все, что въ кругъ этой невообразимой облавы попадется.

Прекраснѣйшимъ кавказскимъ утромъ все собравшееся въ Караязѣ общество двинулось изъ своего города къ мѣсту охоты, въ экипажахъ, верхомъ, а кто и пѣшкомъ. По прибытіи туда, оно раздѣлилось на зрителей и охотниковъ. Зрители усѣлись на возвышеніи и готовились смотрѣть предстоящій спектакль. Я, лично, присоединился къ этому отдѣлу общества.

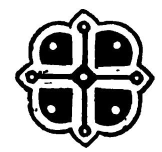
Я, впрочемъ, не знаю, можно-ли назвать открывшуюся предъ нами охоту—охотою, въ строгомъ смыслѣ слова. На мои неопытные глаза она походила скорѣе на бойню. Дѣло въ томъ, что когда толпы, предводимыя «Мамукой», стали подвигаться на лежащую предъ нами долину, стали безпрестанно выскакивать «джейраны». Такъ какъ долина эта была наполнена всадниками, то бѣдному животному, несмотря на поразительную быстроту его, не было уже никакого спасенія. Спасаясь отъ одного охотника, оно встрѣчало другаго, утекая отъ этого, натыкалось на третьяго и такъ безъ конца. Наконецъ, измученное, выбившееся изъ силъ—оно падало. Такимъ образомъ мы, зрители, видѣли безпрерывную и бѣшеную скачку по всѣмъ направленіямъ долины.

«Джейранъ» это небольшое, чрезвычайно красивое, животное съ прекрасной маленькой головкой и блестящими, умными глазами. Вопросъ о томъ: составляетъ-ли оно особую породу, именно породу «джейрановъ», какъ на Кавказѣ его называютъ, или принадлежитъ къ породѣ дикихъ козъ и даже оленей, ибо сходствуетъ съ тѣми и другими,—остался для меня неразрѣшеннымъ, и кого ни спрашивалъ я объ этомъ—тѣ тоже отзывались незнаніемъ.

Понятно, что при этихъ условіяхъ добыча была ужасна. Всѣхъ загнанныхъ или убитыхъ «джейрановъ» тотчасъ приносили къ намъ на возвышеніе, и скоро оно, на большомъ протяженіи, устлано было сплошь трупами этихъ животныхъ. Другихъ животныхъ въ нашей добычѣ было мало; помню только, что лисицы были; помню потому, что одну изъ нихъ, загнанную, а потомъ оправившуюся, мы хотѣли подвергнуть отдѣльной, такъ сказать, «частной» травлѣ; но коварное животное никакъ не хотѣло доставить намъ этого удовольствія, какъ-будто разгадывая наши замыслы. Какъ мы ни гнали ее въ степь—она постоянно упиралась или отбѣжитъ немного, какъ-будто, для пробы, но только замѣтитъ погоню за собой—остановится.

При разъѣздѣ съ праздника всѣхъ этихъ добытыхъ охотою «джейрановъ» дѣлили между отъѣзжающими гостями. На мою долю достались два; но они, какъ, безъ сомнѣнія, и всѣ другіе, оказались негодными уже. Время стояло чрезвычайно жаркое, и они, пролежавъ на солнцѣ сутки или двое—начали портиться.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ

и

Россія шестнадцатаго вѣка.

VII[1]).

о время происшедшихъ въ Москвѣ, въ 1547 г., вышеописанныхъ бурныхъ событій, Іоаннъ съумѣлъ противопоставить требованіямъ толпы свою властную, самодержавную волю и поступить такъ, какъ онъ находилъ справедливымъ и нужнымъ, но далѣе этого онъ тогда не пошелъ. Управленіе государствомъ, послѣ этого событія, по-прежнему находилось въ рукахъ бояръ, и безпорядки, происшедшіе въ Москвѣ, были ничто по сравненію съ той неурядицей, которая царствовала въ странѣ повсюду и отъ которой всѣ жестоко страдали. Прошло еще два—три года, пока въ умѣ Іоанна не созрѣло наконецъ убѣжденіе въ необходимости прекратить столь нестерпимый порядокъ вещей, или, лучше сказать, пока онъ не убѣдился въ томъ, что онъ былъ въ состояніи это сдѣлать. Наконецъ, рѣшеніе его было принято. Въ 1550 г. онъ созвалъ въ Москвѣ земскій соборъ изъ представителей всѣхъ сословій и областей. Въ засѣданіи собора, происходившемъ въ Кремлѣ, на Красной площади, царь произнесъ краснорѣчивую рѣчь, въ которой, упомянувъ о злодѣяніяхъ и злоупотребленіяхъ вѣроломныхъ бояръ, онъ заявилъ, что они должны прекратиться и что должно настать «торжество добродѣтели и любви». Въ заключеніе, поклонившись на всѣ четыре стороны, царь сказалъ: «нельзя исправить

---

[1]) См. „Рус. Ст.“ 1904 г., августъ.

минувшаго зла; могу только спасти васъ отъ подобныхъ притѣсненій и грабительства; забудьте, чего уже нѣтъ и не будетъ! оставьте ненависть, вражду, соединимся всѣ любовію христіанскою. Отнынѣ я судья вашъ и защитникъ».

Въ тотъ же день пріемъ челобитныхъ былъ порученъ Алексѣю Адашеву, возведенному въ званіе окольничьяго, и ему было повелѣно разсмотрѣть съ особеннымъ тщаніемъ жалобы самыхъ малыхъ людей, не страшась злобы бояръ, кои, захвативъ высшія должности, «угнетали бѣдныхъ и слабыхъ».

Этотъ разсказъ требуетъ поясненій. Іоаннъ былъ всегда большой любитель характерныхъ зрѣлищъ; онъ любилъ и умѣлъ говорить красно, поэтому, весьма возможно, что его рѣчь была произнесена въ томъ именно видѣ, какъ ее передали лѣтописцы, но нельзя согласиться съ тѣми историками славянофильской школы, которые готовы видѣть въ соборѣ 1550 г. примѣръ идеальныхъ отношеній между правителемъ и народомъ, основанныхъ на взаимной любви, а равно и съ тѣми, кои видятъ въ немъ призывъ къ народу со стороны царя, недовольнаго правленіемъ бояръ.

Мы не имѣемъ точныхъ данныхъ относительно состава этого земскаго собора, но, судя по спискамъ послѣдующихъ соборовъ, весьма сомнительно, чтобы на немъ присутствовали представители собственно народа. Что это было именно такъ, можно заключить со словъ самого Іоанна, который, припоминая впослѣдствіи рѣчь, произнесенную имъ на Красной площади, говорилъ: «Я совѣтовалъ моимъ боярамъ, служилымъ людямъ и правителямъ примириться со всѣмъ христіанскимъ міромъ». Сопоставляя эти слова съ его рѣчью, мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что земскій соборъ 1550 г. былъ не что иное, какъ собраніе служилыхъ людей, и представлялъ собою только событіе административнаго характера и, наконецъ, что Іоаннъ и не думалъ измѣнять что-либо въ управленіи страною.

Царь былъ, повидимому, такъ далекъ отъ мысли обратиться къ народу съ нареканіями противъ бояръ, что, осуждая самымъ строгимъ образомъ ихъ дѣйствія, онъ обращался, тѣмъ не менѣе, въ своей рѣчи исключительно къ нимъ, хотя въ третьемъ лицѣ.

Да и гдѣ бы Іоаннъ взялъ людей изъ народа и что онъ могъ бы ожидать отъ нихъ? т. е., могъ-ли онъ найти, въ то время, среди народа людей, способныхъ разобраться въ подобнаго рода сложныхъ вопросахъ? Конечно, нѣтъ; еще менѣе можно было найти среди народа людей, способныхъ дѣлать лучше то дѣло, которое бояре дѣлали такъ плохо.

Созывая соборъ и произнося свою знаменитую рѣчь, Іоаннъ имѣлъ въ виду улучшить управленіе страною, не ломая всего государственнаго строя и не уничтожая класса служилыхъ людей, которые злоупо-

треблялн столько лѣтъ данною имъ властью, но взять правленіе въ свои руки и ввѣрить нѣкоторыя его отрасли людямъ, которые пользовались бы его довѣріемъ и были бы имъ самимъ избраны. Этимъ только и можно объяснить тотъ фактъ, что, заявивъ о своемъ намѣреніи самому быть впредь «судьею народа», Іоаннъ возложилъ въ то же время на Адашева весьма важную обязанность — принятіе челобитенъ.

Что касалось прошлаго, то такъ какъ не было возможности «все исправить», то, слѣдовательно, надобно было предать все забвенію. Въ спискахъ нерѣшенныхъ, въ то время, дѣлъ были тысячи неразсмотрѣнныхъ жалобъ, накопились вороха челобитенъ, ожидавшихъ рѣшенія, о которомъ нечего было и думать при тогдашней нескончаемой судебной волокитѣ. Слова «торжество добродѣтели и любви» и «примириться со всѣмъ христіанскимъ міромъ» означали, просто-на-просто, приказаніе замѣнить безконечную судебную волокиту полюбовнымъ соглашеніемъ, для чего царемъ былъ назначенъ, вѣроятно, довольно короткій срокъ, ибо уже въ 1551 г. онъ имѣлъ возможность объявить, что всѣ нерѣшенныя дѣла были благополучно приведены къ концу.

Созывать земскій соборъ изъ представителей всего народа, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не входило въ планъ политической системы, унаслѣдованной Іоанномъ отъ его предковъ и которую онъ не думалъ измѣнить, а хотѣлъ только приспособить къ своимъ надобностямъ. Что это было именно такъ, ясно изъ того, что представители боярской партіи, съ Курбскимъ во главѣ, не возставали противъ созыва дальнѣйшихъ соборовъ, видя въ нихъ, вѣроятно, исключительно административную мѣру, а нѣкоторые предлагали даже созывать подобнаго рода соборы въ извѣстные, правильно опредѣленные, промежутки времени.

Однако второй соборъ былъ созванъ лишь въ 1566 г., и опять таки съ совершенно опредѣленной цѣлью, а именно для обсужденія недоразумѣній, возникшихъ съ Польшею. До насъ дошелъ оффиціальный списокъ лицъ, участвовавшихъ въ этомъ соборѣ. Въ немъ засѣдали 32 представителя высшаго духовенства, 258 бояръ или боярскихъ дѣтей (высшихъ и низшихъ служилыхъ людей), 9 вотчинниковъ, 53 московскихъ купца и 22 смоленскихъ, которые обозначены подъ общимъ названіемъ «смолянъ». Слѣдовательно, на этомъ соборѣ не было ни одного представителя народа. Это былъ совѣтъ «служилыхъ людей», въ составъ котораго были допущены купцы, такъ какъ сношенія съ Польшею касались главнымъ образомъ торговли и, слѣдовательно, затрогивали преимущественно интересы пограничнаго купечества.

Итакъ, эти соборы ничѣмъ не напоминаютъ возврата къ старинному

вѣчу или стремленія къ представительнымъ собраніямъ въ духѣ западныхъ державъ.

Служилые люди, принимавшіе въ нихъ участіе, являлись представителями не общественныхъ, но административныхъ интересовъ. Они возвышали свой голосъ не какъ защитники извѣстныхъ сословныхъ нуждъ, а какъ представители правительственныхъ органовъ, призванные для того, чтобы дать центральному правительству извѣстныя свѣдѣнія и получить отъ него соотвѣтствующія указанія. Этимъ все исчерпывалось, и царь, подъ видомъ фиктивныхъ совѣщаній, во время которыхъ онъ дѣлалъ видъ, что совѣщается съ присутствующими, въ сущности только давалъ приказанія.

Земскіе соборы были мимолетнымъ явленіемъ въ исторіи Россіи. Съ 1550 по 1653 г. ихъ было шестнадцать, но они не оставили по себѣ ни воспоминаній, ни сожалѣній. Вызванные къ жизни волею царя, они по его же волѣ прекратили свое существованіе, не оставивъ слѣда въ жизни русскаго народа.

Все историческое значеніе собора 1550 г. заключается всецѣло въ тѣхъ побужденіяхъ, кои руководили при этомъ царемъ, и въ тѣхъ мѣропріятіяхъ, коимъ постановленія этого собора послужили исходной точкою. Созвавъ земскій соборъ, Іоаннъ доказалъ, что онъ давалъ себѣ вполнѣ ясно отчетъ въ тѣхъ ужасныхъ язвахъ, отъ которыхъ страдала его страна, и которыя онъ обнажилъ съ удивительной смѣлостью, доказавъ этимъ свое желаніе избавить отъ нихъ народъ. Это былъ первый шагъ къ реформамъ, къ коимъ онъ приступилъ въ слѣдующемъ году.

Весьма немногочисленная въ царствованіе Іоанна и не особенно развитая интеллигенція, къ которой принадлежали всѣ мыслящіе и пишущіе люди того времени, интересовалась однако уже политическими и соціальными вопросами, и въ ея средѣ началось (какъ мы уже знаемъ) движеніе въ пользу реформъ. Хотя въ основѣ образовавшихся тогда двухъ умственныхъ теченій легли совершенно различные взгляды, но конечная цѣль, которую имѣли въ виду представители обоихъ направленій, была почти одинакова и сводилась къ волновавшему ихъ великому вопросу о владѣніи землею. Намъ уже извѣстно, каковы были взгляды на этотъ предметъ послѣдователей Нила Сорскаго и Вассіана Патрикѣева.

Въ появившемся весьма рѣзкомъ обличительномъ сочиненіи «Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ Сергія и Германа», которое приписываютъ перу Патрикѣева, осуждалось чрезмѣрное накопленіе земли и богатствъ въ рукахъ чернаго духовенства и указывалось на тѣ злоупотребленія, коимъ это давало поводъ.

Чтеніе этой «Бесѣды» невольно рождало вопросъ: если считать зломъ чрезмѣрное накопленіе земельной собственности монастырями,

то не была-ли подобнымъ же зломъ неумѣренная раздача земли «служилымъ людямъ» и постепенный ея захватъ этимъ привилегированнымъ классомъ, поступки котораго были такъ жестоко заклеймены Іоанномъ.

Вскорѣ появилось другое обличительное сочиненіе въ формѣ письма или челобитной къ царю Іоанну отъ имени нѣкоего Ивашки Пересвѣтова (было-ли это настоящее имя автора или псевдонимъ, осталось невыясненнымъ); это былъ настоящій обвинительный актъ противъ землевладѣльческаго класса, который колдовствомъ и интригами овладѣлъ сердцемъ царя и заставлялъ его дѣлать все, что ему хотѣлось. Разбогатѣвъ на счетъ безземельныхъ крестьянъ, которыхъ они немилосердно обирали, вотчанники проводили время въ праздности и развратѣ. Алчные и трусливые, они плохо предводительствовали царскимъ войскомъ во время войны, а въ мирное время брали въ свою пользу огромный налогъ съ податей, которыя они вымогали у его подданныхъ, поэтому на нихъ падала главнымъ образомъ вина за всѣ бѣдствія народа. Таково было содержаніе этой челобитной.

Какой же слѣдовалъ изъ этого выводъ, какимъ способомъ полагалъ авторъ челобитной устранить зло? Такимъ же точно радикальнымъ средствомъ, какова была секуляризація духовныхъ имуществъ, къ которой московская политика стремилась со временъ Іоанна III. Ивашка Пересвѣтовъ предлагалъ уничтожить «кормленіе», отобрать у служилыхъ людей пожалованныя имъ земли въ пользу государства и замѣнить этотъ способъ вознагражденія за государеву службу опредѣленнымъ жалованьемъ. Такимъ образомъ царь имѣлъ бы вѣрныхъ и покорныхъ слугъ, а земля вернулась бы къ ея законнымъ владѣльцамъ, и народъ избавился бы отъ невыносимыхъ поборовъ и притѣсненій.

Какъ видимъ, смѣлый и радикальный реформаторъ XVI вѣка предлагалъ ни болѣе, ни менѣе какъ полное преобразованіе всего политическаго и соціальнаго строя, какъ бы дополняя этимъ программу, предложенную на Стоглавомъ соборѣ, для преобразованія быта духовныхъ лицъ.

Разумѣется, отъ теоріи до примѣненія ея на практикѣ было далеко.

Интересно знать, что думалъ объ этомъ Іоаннъ? Какъ относился онъ къ этому двоякому умственному теченію? Не подлежитъ сомнѣнію, что относительно вопроса объ отобраніи церковныхъ имуществъ онъ былъ готовъ идти по стопамъ своего дѣда, ибо московская политика шла, въ этомъ отношеніи, неизмѣнно однимъ путемъ, несмотря на перемѣну царствованій и даже династіи. Но внуку, точно такъ же, какъ дѣду, пришлось столкнуться, при проведеніи этой реформы, съ цѣлымъ рядомъ препятствій, которыя могли быть устранены и побѣждены только съ теченіемъ времени.

Преобразованія въ области свѣтской земельной собственности были сопряжены еще съ бо̀льшими затрудненіями и препятствіями. Кто бы ни былъ Ивашка Пересвѣтовъ, но для того чтобы говорить такъ смѣло, онъ долженъ былъ знать, что у него есть сильная защита; мѣстами въ его челобитной слышался какъ бы отголосокъ рѣчи, произнесенной юнымъ царемъ на Красной площади.

Громя одинаково крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ и требуя отобранія у нихъ земли, авторъ дѣлалъ впрочемъ большую ошибку, ибо когда землею владѣли помѣщики пожизненно и въ ограниченномъ количествѣ, то это отнюдь не составляло злоупотребленія съ соціальной точки зрѣнія и не представляло ни малѣйшей опасности, съ точки зрѣнія политической.

Настоящимъ привилегированнымъ и опаснымъ для правительства сословіемъ были прежніе удѣльные князья, которые одни пользовались достаткомъ среди всеобщаго обнищанія и даже увеличивали свое состояніе, пользуясь наступившимъ экономическимъ и соціальнымъ кризисомъ, привлекая на свои земли рабочія руки приманкою болѣе крупнаго заработка, или даже увлекая ихъ силою, изъ другихъ, мелкихъ помѣстій.

Вотчинники были также царскіе слуги, но съ ними трудно было совладать; они часто порицали правительство, плохо повиновались ему и были недоступны наказанію.

Соблюсти интересы государства, не уничтожая ни крупныхъ, ни мелкихъ землевладѣльцевъ, такъ какъ ихъ нечѣмъ было замѣнить, но противупоставить ихъ другъ другу, ослабивъ сильнѣйшаго и болѣе опаснаго и усиливъ болѣе слабаго и безвреднаго, а затѣмъ, перейти отъ угрозъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ, и, не разрушая правительственнаго зданія, сохранить въ немъ все полезное, устранивъ все то, что было помѣхою, завершивъ такимъ образомъ историческую эволюцію, посредствомъ которой на мѣсто прежней, удѣльно-вѣчевой Россіи возникла Русь самодержавная—такова была программа, которую намѣтилъ себѣ впослѣдствіи Іоаннъ IV и которая вполнѣ соотвѣтствовала историческому прошлому государства и его современнымъ нуждамъ.

Разумѣется, эта программа не могла быть выработана сразу, и въ описываемую эпоху Іоаннъ увлекался еще быть можетъ тѣми умственными теченіями, коихъ новизна и смѣлость должна была прельщать его живой, воспріимчивый умъ. Онъ прислушивался къ рѣчамъ «нестяжателей» и поощрялъ Ивашку Пересвѣтова въ его проповѣди.

Судебникъ, изданный Іоанномъ въ 1550 г., едва коснулся вопроса о владѣніи землею и даже, вопреки тогдашнему стремленію къ реформамъ, согласно желанію консервативной партіи, обратилъ въ законъ существовавшій обычай выкупа наслѣдственныхъ имѣній, согласно кото-

рому, продавъ свою землю, помѣщикъ, а за его отсутствіемъ его родственники имѣли право выкупить ее, по прошествіи неопредѣленнаго срока, уплативъ ту сумму, за которую оно было продано.

Хотя законъ этотъ былъ вскорѣ ограниченъ сорокалѣтнею давностью, тѣмъ не менѣе имъ былъ узаконенъ самый нелѣпый и устарѣвшій обычай, чрезвычайно стѣснявшій продажу имѣній и экономическій прогрессъ.

Въ томъ же 1550 г., къ которому относятся первыя, довольно робкія начинанія Іоанна, имъ былъ сдѣланъ и болѣе рѣшительный шагъ на томъ пути, который привелъ его къ побѣдѣ надъ боярскою партіей и далъ ему возможность согласовать необходимую реформу съ существованіемъ той политической системы, объ уничтоженіи которой онъ не могъ думать.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1550 г. появился указъ, коимъ былъ преобразованъ высшій классъ «служилыхъ людей». Указъ этотъ имѣетъ весьма важное значеніе, такъ какъ въ немъ таился зародышъ будущей опричины и весь смыслъ внутренней политики царствованія Іоанна.

Царь повелѣлъ набрать въ разныхъ мѣстахъ тысячу боярскихъ дѣтей изъ лучшихъ семей и раздать имъ помѣстья въ окрестностяхъ Москвы и близъ лежащихъ округахъ. Они должны были образовать дворянство столицы, или тотъ контингентъ людей, коими царь могъ бы располагать для отправленія всякаго рода службы и преимущественно военной. Къ нимъ были причислены и боярскія семьи, издавна поселившіяся въ этой мѣстности, и всѣ высшія должностныя лица, коимъ были розданы тамъ земли.

При этомъ были вполнѣ точно опредѣлены обязанности, кои должны были нести эти боярскія дѣти, а именно: владѣлецъ 50 десятинъ былъ обязанъ доставлять казнѣ, въ случаѣ войны, коннаго воина и запасную лошадь, если походъ предстоялъ продолжительный. Впрочемъ, эта натуральная повинность могла быть замѣнена денежной.

Въ установленной такимъ образомъ служебной іерархіи идея о государевой службѣ была поставлена на первый планъ. Это обнаружилось весьма скоро на практикѣ. Въ протоколѣ земскаго собора 1566 г. въ спискѣ приглашенныхъ на совѣщаніе высокопоставленныхъ лицъ не значилось ни одного князя. Они какъ бы исчезли въ той передѣлкѣ, въ которой на первый планъ былъ поставленъ классъ служащихъ людей, по крайней мѣрѣ они перестали существовать оффиціально. Въ означенномъ спискѣ ихъ титулы были замѣнены наименованіемъ несомой ими должности. Эти титулы встрѣчаются только при подписяхъ, чѣмъ князья какъ бы старались поддержать и подтвердить свои права. Но законъ игнорировалъ ихъ, и они сами, мало-по-малу, какъ будто начали забывать о своихъ княжескихъ правахъ. Такъ, напр., въ 1554 г. одинъ изъ потомковъ бывшихъ удѣльныхъ князей Воротынскихъ, Ми-

хаилъ Ивановичъ Воротынскій, кичился не своимъ княжескимъ титуломъ, а лишь званіемъ дворянина, т. е. человѣка придворнаго, служащаго при дворѣ, что̀ считалось тогда выше всего. Московская политика, со своей стороны, старалась неизмѣнно исключить родовитый элементъ изъ этой высшей сферы служилыхъ людей.

Эта система получила дальнѣйшее развитіе въ 1571 г., когда охрана южной и югозападной границы Московскаго государства была возложена на тѣхъ лицъ, которыя владѣли землею въ этой мѣстности. По приказанію Іоанна многимъ боярскимъ дѣтямъ, не имѣвшимъ опредѣленныхъ занятій, были розданы помѣстья на этой окраинѣ, подвергавшейся зачастую набѣгамъ татаръ; они были такимъ образомъ заинтересованы въ защитѣ границы и за пожалованныя имъ земли были обязаны нести караульную службу. Такимъ образомъ, отъ Алатыря и Темникова до Путивля и отъ Нижняго Новгорода до Звенигорода была сооружена двойная линія укрѣпленій. Когда этотъ опытъ оказался удачнымъ, то эта система была распространена на востокъ и на западъ, и такимъ образомъ безопасность имперіи была вполнѣ обезпечена.

Одного этого, широко задуманнаго плана обороны границъ Московскаго государства, который былъ проведенъ въ высшей степени энергично, несмотря на тяжелыя времена, переживаемыя страною,— было бы достаточно, чтобы защитить Іоанна отъ взводимаго на него обвиненія, будто въ первую половину своего царствованія онъ только и былъ занятъ казнями и суровыми расправами.

Также точно нельзя ставить ему въ вину того обстоятельства, что Стоглавый соборъ не отмѣтилъ собою блестящей страницы въ исторіи Россіи.

Въ немъ принимали участіе митрополитъ, архіепископы новгородскій и ростовскій и множество епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ, высшихъ придворныхъ чиновъ и боярская дума въ полномъ составѣ; на обсужденіе собора былъ представленъ новый Судебникъ. Конечно, это дѣлалось только для формы, ибо этотъ законодательный трудъ былъ предварительно разсмотрѣнъ царемъ и его ближайшими совѣтниками; собору же, какъ высшему авторитету въ странѣ, предстояло только утвердить произведенныя уже или только намѣченныя преобразованія.

Всѣхъ занималъ въ особенности вопросъ объ отобраніи государствомъ церковныхъ имуществъ, относительно котораго Іоаннъ рѣшилъ, повидимому, поступить энергично. Онъ находился тогда, очевидно, подъ вліяніемъ идей Нила Сорскаго, и Артемію, впослѣдствіи настоятелю Троицко-Сергіева монастыря и ярому противнику іосифлянъ[1]), было

[1]) Іосафъ—одинъ изъ членовъ, стоявшій за реформу.

разрѣшено представить царю записку, въ которой этотъ вопросъ обсуждался бы открыто.

Но митрополитъ Макарій, какъ достойный ученикъ Волоколамскаго монастыря, высказался рѣшительно противъ всякихъ крайнихъ мѣръ. Въ знаменитомъ посланіи, написанномъ очевидно въ отвѣтъ на проектъ какого-нибудь закона, подготовленнаго юнымъ царемъ, онъ сослался на примѣръ греческихъ императоровъ, русскихъ государей и даже татарскихъ хановъ, которые относились всегда бережно къ церковнымъ имуществамъ. На соборѣ противники реформы оказались въ огромномъ большинствѣ, и Іоанну пришлось уступить; но онъ предложилъ все-же на обсужденіе собравшихся вопросъ о дурномъ управленіи монастырскихъ имуществъ и о чрезмѣрной алчности монашествующей братіи.

Соборъ высказался, въ принципѣ, за искорененіе злоупотребленій, но согласился крайне неохотно на принятіе нѣкоторыхъ практическихъ мѣръ, какъ-то: возвращеніе вотчинъ, уступленныхъ боярами, монастырямъ безъ согласія царя, а равно всѣхъ земель, присвоенныхъ церковью незаконно или пожертвованныхъ ей во время малолѣтства Іоанна; запрещеніе монастырямъ пріобрѣтать впредь наслѣдственныя имѣнія удѣльныхъ князей и бѣлому духовенству пріобрѣтать вотчины безъ соизволенія царя, обложеніе церковныхъ имуществъ дополнительными сборами, несмотря на протестъ духовенства, утверждавшаго, что оно и безъ того несло большія тяготы, поставляя для военной службы извѣстное число рекрутъ и принимая участіе въ содержаніи нѣкоторыхъ укрѣпленій. На соборѣ 1573 г. «по повелѣнію царя» было окончательно запрещено отдавать вотчины въ даръ богатымъ монастырямъ, кои имѣли достаточно земли. На соборѣ 1580 г. этотъ законъ былъ расширенъ: бѣлому и черному духовенству окончательно было воспрещено пріобрѣтать какія бы то ни было земли покупкою или принимать въ пожертвованіе: такимъ образомъ былъ положенъ предѣлъ росту церковнаго имущества.

Рядъ вопросовъ, предложенныхъ Іоанномъ на обсужденіе этого собора относительно быта духовенства, былъ съ его стороны данью новымъ вѣяніямъ. Эти вопросы вошли вмѣстѣ съ данными на нихъ отвѣтами и дополнительными замѣчаніями царя въ текстъ Стоглава. Весьма любопытно, какъ ловко старался соборъ уклониться отъ прямыхъ отвѣтовъ на предложенные оскорбительные для духовенства вопросы, то сбиваясь на чисто обрядовую сторону дѣла, то распространяясь на тему объ испорченности нравовъ среди мірянъ.

Преобразованія, принятыя соборомъ въ принципѣ, остались на практикѣ мертвою буквою. Но онъ все-таки былъ вынужденъ признать фактъ страшной испорченности нравовъ среди духовеcтва, которая роняла православную церковь и внушала опасенія за ея будущее. При-

чиною этого явленія было признано поголовное невѣжество бѣлаго и чернаго духовенства; поэтому было рѣшено основать значительное число школъ для обученія духовныхъ лицъ, но существованіе ихъ не было ничѣмъ обезпечено. Богатые епископы и архимандриты уклонились отъ какого бы то ни было денежнаго участія въ этомъ дѣлѣ, какъ будто оно могло быть выполнено однимъ усердіемъ и стараніями бѣдныхъ поповъ, которые влачили большею частью нищенское существованіе и сами были весьма мало образованы.

Соборъ не хотѣлъ признать, что тутъ надобно было начать дѣло съ верху, т. е. поднять прежде всего умственный уровень высшей церковной іерархіи. Самъ митрополитъ Макарій дѣлалъ, напр., весьма грубыя ошибки при истолкованіи и выборѣ текстовъ.

Стоглавый соборъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ Максима Грека, занялся также обсужденіемъ вопроса объ исправленіи богослужебныхъ книгъ и постановилъ основать, для перепечатанія ихъ по правильнымъ образцамъ, первую въ Москвѣ типографію. Но существованіе ея было, какъ извѣстно, непродолжительно; она была разрушена во время одного изъ народныхъ волненій.

Несмотря на всѣ недостатки и недочеты собора 1551 г., его постановленія не заслуживаютъ того пренебрежительнаго отношенія, съ какимъ принято отзываться о нихъ; самая анаѳема, произнесенная противъ нихъ на соборѣ 1667 г., свидѣтельствуетъ о томъ, что эта смѣлая попытка къ преобразованіямъ имѣла для того времени не малое значеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не заслуживаетъ уваженія тотъ фактъ, что въ малообразованномъ и довольно развращенномъ обществѣ нашлась кучка людей, способная добиться всѣхъ этихъ нововведеній и желать бо̀льшаго. Нѣкоторые умаляютъ и даже совершенно отрицаютъ личное участіе въ этомъ дѣлѣ Іоанна. По мнѣнію этихъ лицъ, все было сдѣлано Сильвестромъ и Адашевымъ, или Максимомъ Грекомъ и Макаріемъ, которые будто бы составили даже знаменитый списокъ вопросныхъ пунктовъ, послужившій основою для преній на соборѣ. Конечно, молодой царь не могъ все сдѣлать и обдумать самъ. Даже первыя постановленія собора были посланы въ Троицко-Сергіевскій монастырь, гдѣ жили въ опалѣ престарѣлый митрополитъ Іоасафъ, бывшій ростовскій епископъ Алексѣй и другіе іерархи, которые должны были высказать относительно ихъ свое мнѣніе, и по всей вѣроятности, благодаря имъ, вопросъ о монастырскихъ владѣніяхъ былъ рѣшенъ въ вышеупомянутомъ смыслѣ.

Но эти опальные іерархи, извѣстные послѣдователи Нила Сорскаго, могли быть привлечены къ трудамъ собора не иначе, какъ по особому

повелѣнію высшей власти, которая не исходила, конечно, отъ членовъ собора.

Къ числу матеріаловъ, служившихъ при составленіи Стоглава, нѣкоторые причисляютъ посланіе, съ коимъ Сильвестръ обратился къ Іоанну во время безпорядковъ, бывшихъ въ Москвѣ въ 1547 г.

Надобно замѣтить, что Іоаннъ, несмотря на свою молодость, стоялъ, по уму и образованію, гораздо выше морали, проповѣдуемой авторомъ Домостроя. Къ тому же вопросы, которые обсуждались на соборѣ, не только были предложены отъ имени царя, но частью были писаны имъ собственноручно. Сравнивая ихъ съ другими, позднѣйшими сочиненіями Іоанна, въ нихъ ясно виденъ отпечатокъ его личности: его образъ мыслей, его способъ изложенія, обороты рѣчи, его живой, сильный и язвительный слогъ, не имѣвшій ничего общаго со слогомъ Сильвестра, скромнаго писателя и не глубокаго мыслителя. Даже въ вопросахъ церковныхъ, въ которыхъ Іоанномъ могъ руководить Макарій, царь выказывалъ всегда большую начитанность.

Главнымъ виновникомъ за ту относительную неудачу, которой окончился соборъ 1551 г., надобно считать митрополита Макарія, такъ какъ онъ стоялъ во главѣ оппозиціи, которая боролась съ реформаторскими стремленіями послѣдователей Нила Сорскаго и Іоасафа и самого царя.

Впрочемъ, митрополитъ также находилъ необходимымъ реформу духовнаго быта, но онъ понималъ ее въ другомъ смыслѣ. Не стремясь къ прогрессу, онъ видѣлъ спасеніе въ возвратѣ къ прошлому, къ его нарушеннымъ и позабытымъ преданіямъ и къ произвольно понятому идеалу первобытнаго христіанства. Благочестіе, основанное на точномъ исполненіи обрядовъ, строгое чиноначаліе церковной іерархіи, пополняемой изъ аристократическаго круга и накопляющей изъ года въ годъ богатства, «ниспосылаемыя ей Богомъ»; соглашеніе со свѣтской властью, основанное на принципѣ взаимопомощи; безпощадное искорененіе ересей и полное отсутствіе школъ,—таковъ былъ идеалъ митрополита Макарія; что касается замѣчаній, одѣланныхъ на Стоглавъ Іоасафомъ, то они, конечно, не были бы приняты соборомъ, если бы этого не потребовалъ всемогущій человѣкъ, который одинъ только могъ бросить большинству подобный вызовъ. Включенныя въ Стоглавъ, эти замѣчанія, весьма естественно, сбиваютъ съ толку изслѣдователей, заставляя предполагать, что они были одѣланы самимъ соборомъ, и что онъ раздѣлялъ идеи нестяжателей. Въ сущности, это была только нѣкоторая уступка со стороны собора, вся честь которой должна принадлежать Іоанну.

Эта, сама по себѣ, довольно скромная побѣда была значительно умалена стараніями консервативной партіи: постановленія собора дол-

гое время не были оглашены повсемѣстно, вдобавокъ, духовныя власти всячески постарались о томъ, чтобы помѣшать ихъ осуществленію на практикѣ.

Преобразовать церковь Іоанну такъ и не удалось, но, продолжая выполненіе своей программы, онъ вступилъ вслѣдъ за тѣмъ въ упорную и энергическую борьбу съ представителями другаго оппозиціоннаго элемента—съ боярской партіей и вышелъ изъ нея побѣдителемъ, повергнувъ страну въ ужасъ и оставивъ по себѣ такую память, что одно имя его повергаетъ до сихъ поръ въ трепетъ и содроганіе.

Но прежде чѣмъ приступить къ этой ломкѣ, Іоанну предстояло другое дѣло. Забота о территоріальномъ увеличеніи нарождавшейся огромной имперіи заставила его отложить на время законодательную работу и подумать о завоеваніяхъ.

VIII.

При вступленіи на престолъ Іоанна, о нашествіи татаръ осталось въ Россіи только одно тяжелое воспоминаніе. Царство Чингисъ и Тимуръ-хановъ распалось, и только на южной и восточной границѣ Московскаго государства уцѣлѣли остатки Золотой Орды, въ видѣ нѣсколькихъ, почти независимыхъ, ханствъ или царствъ, образовавшихся въ Казани, Астрахани и въ Крымскихъ степяхъ. Монгольскій потокъ отхлынулъ обратно въ Азію; въ рукахъ татаръ не осталось ни пяди русской земли. По ихъ пятамъ шли русскіе переселенцы и завоеватели, проникая все далѣе и далѣе въ глубь необозримаго Азіатскаго материка. Медленными, но вѣрными шагами подвигались великіе князья московскіе на востокъ, увеличивая свои владѣнія и расширяя вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно сферу своего вліянія. Изъ бывшихъ вассаловъ они превратились постепенно въ верховныхъ властителей сосѣднихъ хановъ.

Но на Крымскомъ полуостровѣ образовался новый центръ татарскаго владычества, и крымскій ханъ, благодаря болѣе искусной политической и военной организаціи своего ханства, сумѣлъ привлечь къ себѣ сосѣднихъ татарскихъ князей и порвать вассальныя узы, которыя связывали ихъ съ Москвою.

Крымскій ханъ Саибъ-Гирей, которому удалось утвердиться, въ 1539 г., въ Казани, оставилъ тамъ гарнизонъ подъ начальствомъ Сафы-Гирея, принялъ къ своему двору перебѣжчика Симеона Бѣльскаго и вскорѣ до того расхрабрился, что осмѣлился послать въ Москву письмо, написанное въ тонѣ тѣхъ повелительныхъ приказаній, которыя татар-

скіе ханы посылали нѣкогда великимъ князьямъ. «Иду на тебя, не храдучись, чтобы завладѣть твоей землею,—писалъ онъ,—тебѣ же до моей земли не достать». Обѣщаніе не трогать Казани показалось дерзкому хану недостаточнымъ; онъ требовалъ ежегодной дани. Это было бы возвратомъ къ постыдному прошлому, поэтому московскому правительству пришлось вступить съ ханомъ въ борьбу, которая продолжалась все малолѣтство Іоанна.

Въ Казани, сторонники Сафы-Гирея боролись съ московской партіей, которая, заручившись содѣйствіемъ самаго славнаго татарскаго воина, Булата, успѣла, при его помощи, посадить на мѣсто Сафы-Гирея Шаха-Али, которому покровительствовали русскіе. Но Саибъ-ханъ, взявъ съ собою Бѣльскаго и получивъ отъ турокъ помощь людьми и оружіемъ, угрожалъ Москвѣ. Былъ моментъ, когда боярами обсуждался вопросъ о томъ, могъ-ли юный царь оставаться долѣе въ столицѣ и принять участіе въ ея оборонѣ, и только вслѣдствіе настоянія митрополита Іоасафа Іоаннъ не покинулъ Кремля, и Саибъ-ханъ отступилъ, вообразивъ, что если юный царь не счелъ нужнымъ бѣжать, то значитъ, у него было довольно сильное войско, которое могло одолѣть татаръ.

Въ 1548 и 1549 гг., Іоаннъ самъ водилъ безуспѣшно свою рать противъ Казани, но его войско выступило въ походъ слишкомъ поздно и было застигнуто въ пути морозами. Полки шли въ сугробахъ снѣга, артиллерія утонула при переправѣ черезъ Волгу. «Служилые люди» такъ увлеклись своими распрями изъ-за мѣстничества, что позабыли свои обязанности. Царь, внѣ себя отъ гнѣва, дважды былъ вынужденъ отступить, а крымскіе и казанскіе татары расхрабрились и опустошили самыя лучшія его земли.

Впрочемъ, второй походъ царя увѣнчался нѣкоторымъ успѣхомъ: при впаденіи въ Волгу Свіяги, неподалеку отъ Казани, на непріятельской землѣ, была заложена крѣпость и въ ней оставленъ гарнизонъ. Къ русскимъ стали вскорѣ тяготѣть сосѣднія племена: черемисъ, чувашей и мордвы, и казанскіе татары поняли, что имъ придется вскорѣ считаться съ новымъ сосѣдомъ. Между тѣмъ ихъ ханство приходило, мало-по-малу, въ упадокъ. Покинутые крымскими татарами, которые, бросивъ своихъ женъ и дѣтей, оставили городъ, предварительно разграбивъ его, казанцы обратились къ московскому царю съ просьбою прислать имъ управителя по его собственному выбору, и Іоаннъ разсчитывалъ уже, что Казань станетъ вскорѣ его добычею, но, когда назначенный туда воеводою князь Семенъ Ивановичъ Микулинъ прибылъ въ Казань въ февралѣ мѣсяцѣ 1552 г., вмѣстѣ съ Адашевымъ, то вслѣдствіе происковъ Шаха-Али, который удалился въ Свіяжскъ, и вмѣшательства эмиссаровъ крымскаго хана, положеніе дѣлъ измѣни-

лось. Ворота города не растворились предъ царскимъ посланнымъ, татары вооружились и послали въ Крымъ просить о помощи.

Микулинъ былъ вынужденъ повернуть въ Свіяжскъ, гдѣ онъ едва не былъ окруженъ со своимъ маленькимъ отрядомъ татарами. Въ его лагерѣ обнаружилась чума, и солдаты не хотѣли ему повиноваться. Когда объ этомъ узнали въ Москвѣ, то бояре, собравшись на совѣщаніе, прибѣгли, для предотвращенія бѣдствія, къ слѣдующимъ мѣрамъ: изъ Благовѣщенскаго собора въ Успенскій были торжественно перенесены мощи и совершенъ крестный ходъ; затѣмъ, мощи эти были посланы въ Свіяжскъ вмѣстѣ съ назидательнымъ словомъ, написаннымъ новымъ митрополитомъ Макаріемъ.

Но Іоаннъ и его ближайшіе совѣтники были того мнѣнія, что слѣдовало принять болѣе дѣйствительныя мѣры, ибо тутъ дѣло шло о вліяніи и политическомъ преобладаніи Москвы. Поэтому надобно было либо одержать, во что бы то ни стало, побѣду, либо отказаться впредь отъ всякихъ завоеваній и, быть можетъ, подпасть снова подъ ненавистное иго татаръ. Опытъ послѣднихъ лѣтъ показывалъ, что надобно было спѣшить.

16-го іюня 1552 г. Іоаннъ, ввѣривъ царицѣ Анастасіи управленіе государствомъ, приказалъ возвратить свободу значительному числу плѣнныхъ и совершилъ другія благочестивыя дѣла, дабы призвать на начатое дѣло благословеніе Божіе, а затѣмъ двинулся къ Казани со всей своей ратью.

По словамъ лѣтописцевъ, подъ стѣнами Казани у Іоанна было 150 орудій и 150 тысячъ войска. Цифры эти очевидно преувеличены, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что у царя было этотъ разъ значительное войско. Несомнѣнно также, что Іоанну пришлось сдѣлать надъ собою большое усиліе воли, чтобы пойти въ походъ. Не говоря уже о томъ, что онъ, какъ всѣ Рюриковичи, не питалъ ни малѣйшей любви къ превратностямъ военнаго времени, его удерживала дома весьма важная причина: Анастасія ожидала первенца.

Но казанцы не даромъ обратились за помощью къ своимъ крымскимъ сородичамъ: полчища новаго крымскаго хана Девлетъ-Гирея появились уже подъ Тулой. Узнавъ объ этомъ, юный царь поспѣшилъ ей на выручку; крымцы обратились въ бѣгство. Тогда Іоаннъ повелъ часть рати на Владиміръ, Муромъ и Нижній; а на Сурѣ къ нему присоединились другія части русскаго войска, съ которымъ онъ подошелъ къ Свіяжску 13-го августа. Появлѣніе царя болѣе ободрило войско, нежели окропленіе его святой водою и чтеніе наставленій, присланныхъ митрополитомъ Макаріемъ. 23-го августа Іоаннъ былъ подъ стѣнами Казани.

Городъ былъ огражденъ только деревянными стѣнами и землянымъ

валомъ, но его тридцатитысячный гарнизонъ былъ полонъ отваги и рѣшимости защищаться до послѣдней крайности. Татары понимали, что имъ нельзя было ожидать пощады и что подъ стѣнами Казани рѣшалась вѣковая борьба двухъ племенъ, двухъ царствъ и двухъ религій. За исключеніемъ нѣсколькихъ укрѣпленныхъ постовъ и вновь основаннаго Свіяжска, русскіе взяли у нихъ обратно всего нѣсколько второстепенныхъ укрѣпленій; завоевавъ Казань, они овладѣли бы однимъ изъ оплотовъ ислама. Ободренные прибывшимъ изъ Крыма царемъ Едигеромъ, который привелъ съ собою отрядъ превосходныхъ воиновъ, татары вспомнили свою прежнюю боевую славу и отразили побѣдоносно первые приступы русскаго войска. Іоаннъ уже опасался, что походъ затянется и что его застигнетъ подъ Казанью суровая зима.

.Въ сентябрѣ мѣсяцѣ сильнымъ ураганомъ снесло въ московскомъ лагерѣ много палатокъ и потопило на Волгѣ значительное количество судовъ, везшихъ провіантъ, и осажденные, съ высоты своихъ стѣнъ, въ коихъ артиллерія Іоанна не могла пробить бреши, начали насмѣхаться надъ «бѣлымъ царемъ». Дѣлая непристойныя тѣлодвиженія, повернувшись спиною къ русской арміи и подымая полы своихъ кафтановъ, они кричали: «Не взять тебѣ Казани, царь-государь, хоть...»; своими ужимками и дикими криками, которые русскіе принимали за колдовство, они наводили ужасъ на своихъ противниковъ.

Но Іоаннъ не упалъ духомъ. Чтобы разсѣять колдовство, нагнавшее проливные дожди, онъ велѣлъ привезти изъ Москвы чудотворный крестъ, благодаря чему возстановилась хорошая погода, а для того, чтобы овладѣть искусно возведенными укрѣпленіями, онъ обратился къ содѣйствію иноземныхъ инженеровъ, которые, соорудивъ апроши, облегчили этимъ дѣйствіе артиллеріи и ускорили паденіе крѣпости.

Осада Казани, продолжавшаяся нѣсколько недѣль, пріобрѣла въ глазахъ народа эпическіе размѣры осады Трои. Въ народныхъ пѣсняхъ говорится, будто Іоаннъ провелъ подъ Казанью восемь и даже тридцать лѣтъ. На самомъ же дѣлѣ, артиллерія уже къ концу сентября настолько обезсилила осажденныхъ, что было рѣшено 2-го октября штурмовать крѣпость.

Побѣда русскихъ была несомнѣнна. Но Іоаннъ, проявивъ въ началѣ большую энергію и храбрость, выказалъ себя тутъ не въ свою пользу. Войско уже привыкло къ тому, чтобы имъ командовалъ царь; оно его боялось и вмѣстѣ съ тѣмъ повиновалось ему. Но когда войско пошло на приступъ, то Іоанна не оказалось во главѣ его. Храбрый предводитель войска исчезъ, остался только Рюриковичъ, который страшился опасности, содрогался при мысли о кровопролитіи и вмѣсто того, чтобы идти въ бой, простоялъ всю ночь колѣнопреклоненнымъ, вознося къ Богу молитвы о дарованіи войску побѣды. На разсвѣтѣ, въ то время,

когда князь Михаилъ Воротынскій бралъ приступомъ послѣднія укрѣпленія, въ походной церкви, въ лагерѣ московскихъ войскъ, были отслужены обѣдня и торжественное молебствіе. По словамъ легенды, въ то время, какъ діаконъ произнесъ слова: «и о покорити подъ нозѣ всякаго врага и супостата», раздался первый взрывъ заложенныхъ минъ, а когда священникъ окончилъ чтеніе Евангелія словами: «и будетъ едино стадо и единъ пастырь»—послышался второй, еще болѣе сильный взрывъ.

Наконецъ, священнослужители и саперы окончили свое дѣло: насталъ моментъ идти на приступъ. Въ воздухѣ уже свистѣли стрѣлы и пули, и онъ оглашался криками осаждающихъ и осажденныхъ, когда къ Іоанну прибѣжалъ, весь запыхавшись, одинъ изъ бояръ: «Государь! пора идти! начался рукопашный бой; вашъ полкъ ожидаетъ васъ....»

Іоаннъ отвѣчалъ на это текстомъ священнаго писанія, коимъ доказывалась польза продолжительной молитвы. Царь не двинулся съ мѣста.

Но вотъ явился второй посланный: осаждающіе дрогнули; татары снова взяли верхъ, присутствіе царя во главѣ войска было необходимо.... Іоаннъ глубоко вздохнулъ, горько заплакалъ и сталъ громко читать молитвы, прося у Господа помощи

Въ этомъ сказались всѣ наслѣдственныя черты его предковъ и отчасти его собственный нервный темпераментъ.

Можно-ли было назвать это трусостью? Конечно, нѣтъ, ибо нельзя назвать трусомъ того, кто не побоялся вооружить противъ себя страшную злобу, кто сумѣлъ подчинить все и всѣхъ своей желѣзной волѣ и дѣйствовать такъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ, не обращая вниманія на вызванную имъ всеобщую ненависть и на противодѣйствіе своихъ ближайшихъ бояръ; будущій глава опричины не могъ быть трусомъ. Онъ былъ истый потомокъ тѣхъ московскихъ князей, которые создали величіе Россіи не храбрыми подвигами и побѣдами на полѣ битвы, но путемъ интригъ, переговоровъ и скопидомства, дѣйствуя съ изумительнымъ терпѣніемъ, хитростью и стоическимъ самоотреченіемъ; это былъ также достойный ученикъ тѣхъ восточныхъ наставниковъ страны, которые привили ей привычку къ азіатской лѣни, презрѣніе къ физической силѣ и невозмутимое равнодушіе. Сражаться, чтобы наносить удары, рискуя самому получить ихъ,—не было, по ихъ понятіямъ, дѣломъ приличнымъ монарху. Для этого у него были слуги. Онъ повелѣвалъ, посылалъ людей на смерть, а самъ молился.

Но бояре, окружавшіе Іоанна, не раздѣляли этого взгляда. Весьма вѣроятно, что кто-нибудь изъ нихъ принудилъ его дѣйствовать, пустивъ для этого въ ходъ угрозы; какъ бы то ни было, Іоаннъ, послѣ долгихъ колебаній, приложившись къ чудотворной иконѣ св. Сергія, испилъ святой воды, скушалъ кусокъ просфоры, принялъ благословеніе своего духовника, сказалъ рѣчь духовенству, прося у него проще-

нія и благословенія въ «ту минуту, когда онъ готовъ былъ пострадать за истинную вѣру», и сѣлъ наконецъ на коня, чтобы ѣхать къ своему полку. Но и тутъ, по свидѣтельству Курбскаго, которое не было опровергнуто Іоанномъ, несмотря на то, что сраженіе приходило къ концу и осажденные не могли болѣе взять верхъ, съ трудомъ удалось заставить лошадь и всадника идти впередъ: боярамъ пришлось вести ее подъ уздцы.

Московскія знамена уже развѣвались на стѣнахъ крѣпости; первыя штурмовыя колонны проникли въ городъ. Началась рѣзня. Шесть тысячъ татаръ тщетно искали спасенія, стараясь перейти Казанку въ бродъ. Іоаннъ не далъ приказанія прекратить бойню. Это неудивительно, ибо и на западѣ, всякій городъ, взятый приступомъ, былъ обреченъ на погибель. Только однѣ женщины и дѣти были пощажены и уведены въ плѣнъ. Послѣ чего, приказавъ отслужить молебенъ, царь водрузилъ собственноручно большой крестъ на мѣсто, гдѣ во время сраженія развѣвалось знамя послѣдняго казанскаго хана. На этомъ мѣстѣ было рѣшено соорудить церковь, которая два дня спустя была готова и освящена, а Іоаннъ, горя нетерпѣніемъ вкусить радости семейнаго счастья и насладиться славою, ожидавшею его въ Москвѣ, поспѣшилъ уѣхать изъ завоеваннаго края, оставивъ въ Казани двухъ управителей, князя Александра Борисовича Горбатова и князя Василія Семеновича Серебреннаго. По словамъ Курбскаго, бояре настаивали на томъ, чтобы онъ пробылъ въ Казани до весны. Но возможно, что они сами были причиною его поспѣшнаго отъѣзда. Его «служилые люди» не разъ готовы были покинуть его, во время похода, жалуясь на утомленіе, на недостатокъ силъ и денежныхъ средствъ. Между ними и царемъ уже началась безмолвная борьба; Іоаннъ чувствовалъ, что онъ не держалъ ихъ всецѣло въ своихъ рукахъ, а они видѣли, со своей стороны, что царь не долго удовольствуется тѣмъ призрачнымъ повиновеніемъ, которое они оказывали ему скрѣпя сердце, позволяя себѣ нерѣдко громко роптать. Совершенныя Іоанномъ и подготовленныя имъ реформы вызвали среди бояръ недовольство, которое проявлялось при всякомъ удобномъ случаѣ, такъ что Іоаннъ едва-ли чувствовалъ себя въ полной безопасности среди военачальниковъ, которые рѣшались указывать ему его мѣсто на полѣ битвы и вели его противъ воли въ бой.

По пути въ столицу, во Владимірѣ царя ожидала радостная вѣсть: царица разрѣшилась отъ бремени сыномъ, нареченнымъ во св. крещеніи Димитріемъ. Въ селѣ Тайнинскомъ, въ окрестностяхъ Москвы, братъ царя, Юрій, поздравилъ его съ побѣдою, а въ Москвѣ его встрѣтилъ митрополитъ во главѣ духовенства и въ своей привѣтственной рѣчи сравнилъ его съ Дмитріемъ Донскимъ, съ Александромъ Невскимъ и съ Константиномъ Великимъ и, сдѣлавъ земной поклонъ, благодарилъ

государя за побѣду, дарованную странѣ и церкви, а три года спустя, первый архіепископъ казанскій и свіяжскій Гурій отправился къ мѣсту своего служенія съ цѣлой свитою священниковъ. Освятивъ церковь во имя Пресвятой Богородицы, сооруженную въ Кремлѣ въ память одержанной побѣды, онъ сѣлъ на судно, на которомъ продолжали служить молебны и пѣть молитвы; во время его плаванія по Москвѣ и Волгѣ, несмѣтная толпа народа восторженно привѣтствовала архипастыря, ѣхавшаго проповѣдывать православную вѣру язычникамъ.

Подъ стѣнами Казани былъ нанесенъ исламу и власти крымскихъ хановъ такой ударъ, отъ котораго они уже не могли оправиться. Отнынѣ Іоанну не было надобности «бить челомъ» своимъ грознымъ сосѣдямъ, какъ онъ дѣлалъ это нѣкогда въ перепискѣ съ ними, тогда какъ онъ претендовалъ вести переговоры съ императоромъ германскимъ и султаномъ, какъ равный съ равными.

Но и помимо этого, съ матеріальной стороны, Казань представляла драгоцѣнное пріобрѣтеніе: расположенная на среднемъ теченіи Волги, эта послѣдняя монгольская столица, хотя и не угрожала болѣе Москвѣ, но во всякомъ случаѣ преграждала ей путь на востокъ, препятствуя ея естественному росту и развитію.

Для Азіи Казань оставалась по-прежнему торговымъ и промышленнымъ центромъ, а для монгольскаго царства—это былъ послѣдній его оплотъ въ Европѣ, такъ какъ Крымское ханство представляло собою не болѣе, какъ лагерь кочевниковъ, бродившихъ по южнымъ степямъ. Правда, у монголовъ оставалась еще Астрахань; но послѣ взятія Казани, паденіе этого города было только вопросомъ времени, и начатыя русскими завоеванія и колонизація должны были неудержимо устремиться къ богатымъ землямъ, орошаемымъ притоками Волги и Дона. Наконецъ, Казань была естественнымъ центромъ, къ которому тяготѣли многочисленныя дикія племена черемисъ, морды, чувашей, вотяковъ и башкиръ, заселившихъ оба берега Волги.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1552 г. Іоаннъ едва не лишился плодовъ своей побѣды. Въ Казани и ея окрестностяхъ началось броженіе, которое выразилось вскорѣ открытымъ возстаніемъ. Казаки и стрѣльцы оккупаціоннаго отряда потеряли тысячу человѣкъ въ стычкѣ съ племенами, населявшими нагорный берегъ Волги; эти непокорные горцы основали даже новый городъ, въ 70 верстахъ отъ Казани. Въ 1554 г. пришлось начать противъ нихъ новый походъ, и край былъ окончательно усмиренъ только по прошествіи пяти лѣтъ. Въ это время Москва сдѣлала еще одно крупное пріобрѣтеніе.

Весною того же 1554 г. 30.000 русскихъ, подъ предводительствомъ князя Юрія Ивановича Пронскаго, отправились внизъ по Волгѣ и 29-го августа, въ день ангела Іоанна, къ нему прискакалъ въ Коломну

гонецъ съ извѣстіемъ о взятіи Астрахани. Хотя этотъ городъ не былъ еще окончательно покоренъ, но Пронскій посадилъ въ немъ ханомъ Дербыша, заставивъ его платить Москвѣ ежегодную дань и обезпечить ей свободное плаваніе по Волгѣ, отъ Казани до Астрахани.

Дербышъ-хану было не легко лавировать между своими новыми покровителями и мѣстными татарами, которые нетерпѣливо сносили ихъ власть, и между крымскимъ ханомъ, который также считалъ себя ихъ верховнымъ властителемъ, и турками, которые были не прочь вмѣшаться въ ихъ распри; поэтому онъ поспѣшилъ войти въ сношеніе съ сосѣднимъ племенемъ ногайскихъ татаръ, гдѣ два брата, Измаилъ и Юсуфъ, оспаривали, въ то время, другъ у друга власть. Дербышъ попытался при поддержкѣ одного изъ нихъ добиться независимости. Москвѣ пришлось снова послать противъ него войско, такъ какъ Дербышъ вступилъ въ соглашеніе съ Юсуфомъ, а когда послѣдній былъ убитъ братомъ, съ его дѣтьми, то Іоаннъ началъ переговоры съ Измаиломъ, который потребовалъ за свое содѣйствіе весьма скромную плату: три охотничьихъ птицы: кречета, сокола и ястреба, большое количество свинца, шафрана, красильнаго вещества, бумаги и 500.000 гвоздей... Дербышъ былъ изгнанъ; его мѣсто занялъ Измаилъ, но такъ какъ онъ, въ свою очередь, оказался непокорнымъ, то ему пришлось уступить мѣсто своимъ племянникамъ. Москвѣ долго еще пришлось возиться съ этими неугомонными данниками, но въ концѣ концовъ она все же утвердила свое владычество на устьяхъ Волги; тогда съ нею вошли въ сношенія сосѣднія мелкія кавказскія княжества, которыя то обращались къ ней съ просьбою быть судьею въ ихъ распряхъ, то просили у нея поддержки и незамѣтнымъ образомъ увлекали ее все далѣе и далѣе на востокъ.

По пятамъ московскихъ завоевателей хлынула въ Крымъ и Азовъ волна переселенцевъ и казаковъ съ береговъ Дона и Терека. Въ казачествѣ была въ рукахъ московскаго правительства огромная сила, которая могла однако со временемъ превратиться въ опасность.

Власть Москвы надъ этимъ буйнымъ и своенравнымъ элементомъ была долгое время весьма призрачна. Только въ 1570 г. одному изъ воеводъ Грознаго, Новосильцеву, удалось подчинить отчасти власти правительства донскихъ казаковъ. Но уже въ 1577 г. Іоаннъ былъ вынужденъ послать цѣлый корпусъ, подъ предводительствомъ Мурашкина, чтобы обуздать эту вольницу, которая предавалась грабежамъ и насиліямъ; тогда будущіе покорители Сибири, Ермакъ и его сотоварищи, Убѣгая отъ угрожавшаго имъ наказанія, искали убѣжища у Строгановыхъ, обширныя владѣнія которыхъ соприкасались съ Азіей.

Такимъ образомъ было подготовлено новое, еще болѣе важное завоеваніе; но покуда Іоаннъ не имѣлъ возможности обуздать вооружен-

ныхъ казаковъ, которые грабили и безчинствовали на границахъ Крыма, и ему пришлось изъ-за этого вступить съ крымскимъ ханомъ въ многолѣтнюю борьбу, которая завершилась только при Екатеринѣ II, покореніемъ Крыма.

Въ 1555 г. противъ крымскаго хана Девлетъ-Гирея, напавшаго на русскую Украйну, былъ посланъ 13.000-й отрядъ подъ начальствомъ Шереметева. Болѣе смѣлый и подвижный, нежели русскіе, ханъ подошелъ уже къ Тулѣ; но когда Іоаннъ двинулся ему навстрѣчу, то ханъ поворотилъ назадъ, однако нанесъ Шереметеву серьезное пораженіе у Судбища—въ 150 в. отъ Тулы. Это не помѣшало отряду казаковъ, подъ командою дьяка Ржевскаго, совершить въ слѣдующемъ году набѣгъ на Очаково и всполошить приднѣпровское населеніе Украйны, а годъ спустя подданный короля польскаго, князь Дмитрій Вишневецкій, заключивъ союзъ съ Іоанномъ, вздумалъ помѣриться силами съ крымскимъ ханомъ на одномъ изъ Днѣпровскихъ островов,—Хортицѣ, который былъ имъ занятъ и укрѣпленъ; потерпѣвъ неудачу, онъ долженъ былъ отступить. Но въ слѣдующемъ 1558 году онъ отплатилъ татарамъ, побивъ ихъ подъ Азовомъ, между тѣмъ какъ командующій московскимъ войскомъ, Даніилъ Адашевъ, дошелъ до Днѣпровскаго лимана, гдѣ захватилъ два турецкихъ судна, а затѣмъ высадился въ Крыму и навелъ страхъ на татаръ.

Этотъ моментъ казался благопріятнымъ для того, чтобы предпринять противъ татаръ рѣшительныя дѣйствія и нанести имъ окончательный ударъ. Окружающіе склоняли къ этому Іоанна, но въ его умѣ зародился въ то время новый планъ. Его влекло на западъ, въ Ливонію, пріобрѣтеніемъ которой онъ надѣялся принести своей странѣ болѣе пользы во всѣхъ отношеніяхъ.

Одновременное завоеваніе Крыма и Ливоніи было, разумѣется, немыслимо, и хотя планъ, избранный Іоанномъ, подвергался многократно критикѣ, но вполнѣ понятно, что онъ на немъ остановился. Идти походомъ въ Крымъ было далеко не то, что идти на Казань или Астрахань. Перевозка войска и провіанта съ береговъ Москвы-рѣки на Волгу облегчалась воднымъ путемъ, который шелъ, хотя отчасти, по довольно населенной мѣстности. На пути же въ Крымъ, отъ Тулы и Пронска, тянулась необъятная пустынная равнина, гдѣ трудно было укрыться и найти какіе-либо припасы, уже не говоря о томъ, что позади Крыма стояла Турція, въ то время грозное государство, Турція XVI вѣка и Солимана Великаго.

Строго говоря, Іоаннъ не былъ вполнѣ свободенъ въ своемъ выборѣ. Уже съ 1554 г. онъ воевалъ, изъ-за той же Ливоніи, со Швеціей, и изъ-за нея же находился въ постоянной враждѣ съ Польшей; заключаемыя съ нею перемирія то и дѣло грозили быть нарушены.

При томъ, какъ ни опасенъ былъ Крымъ, но завоеваніемъ его можно было повременить, тогда какъ Ливонія легко могла ускользнуть изъ рукъ. Ливонскій орденъ пришелъ въ состояніе такого упадка, который возбуждалъ алчность сосѣдей; онъ постепенно разрушался, и всякій старался подоспѣть первымъ, чтобы урвать свою долю; Москвѣ нужно было опередить Польшу и Швецію, иначе онѣ навсегда оттѣснили бы ее отъ Балтійскаго моря. Отказаться отъ Ливоніи? Іоаннъ не могъ и думать объ этомъ. Онъ и въ Казани одержалъ побѣду только благодаря искусству европейскихъ инженеровъ и рабочихъ, вызванныхъ имъ изъ Германіи, Венгріи и Италіи. Хотя въ Италіи и отчасти въ Германіи охотно исполняли его просьбы о присылкѣ въ Москву артистовъ и мастеровъ, но въ другихъ и при томъ сосѣднихъ странахъ относились къ его попыткамъ къ сближенію крайне недовѣрчиво и даже враждебно, задерживали по пути ѣхавшихъ въ Москву мастеровъ, запрещали имъ покупку усовершенствованныхъ боевыхъ снарядовъ и старались поддержать то отчужденіе, въ которомъ жила Москва. Ливонія была окномъ въ Европу—тѣмъ самымъ окномъ, которое прорубилъ со временемъ Петръ Великій; Іоанну представлялся случай открыть это окно, какъ ему казалось, безъ особенныхъ усилій. Отказаться отъ этого было бы безуміемъ.

Нѣкоторые историки высказывали мысль, что Іоаннъ могъ воспользоваться для этой цѣли той частью Финскаго залива, которая уже принадлежала ему отъ рѣки Сіестры до устьевъ Наровы. Едва-ли Іоанну могла придти смѣлая мысль основать городъ на томъ мѣстѣ, гдѣ возвышается нынѣ Петербургъ. Обладай онъ даже геніемъ Петра, врядъ-ли онъ могъ бы заставить своихъ подданныхъ выполнить это грандіозное дѣло, противъ котораго возстали бы рѣшительно всѣ. Нужно было еще полтораста лѣтъ неустаннаго, упорнаго труда, чтобы упрочить побѣду самодержавія и дать въ руки Петра ту власть, которой не обладалъ Іоаннъ, чтобы совершить грандіозное дѣло, значеніе котораго, впрочемъ, до нынѣ многими оспаривается. Да и самъ Петръ Великій не слишкомъ былъ доволенъ новымъ портомъ на непривѣтливомъ, болотистомъ берегу Финскаго залива, а Іоанну казалось, что, стоило только протянуть руку, чтобы пріобрѣсти нѣчто гораздо лучшее.

Задуманное имъ предпріятіе не удалось только потому, что онъ натолкнулся на совершенно неожиданное препятствіе. Этимъ препятствіемъ или «чудомъ» была блистательная карьера Баторія: это былъ настоящій король въ странѣ, гдѣ давно уже были только слабые намеки на королевскую власть. Хотя Баторій царствовалъ всего 10 лѣтъ, но этого короткаго срока было вполнѣ достаточно, чтобы создать изъ Ягеллонской Польши, которую Москва знала и съ которой она могла безбоязненно сразиться, другую Польшу, существованіе которой она не подо-

зрѣвала и могущество которой ей не могло быть извѣстно. Такимъ образомъ походъ, который все повелѣвало ему предпринять, превратился въ рискованное предпріятіе, и побѣда, которую завоеватель Казани и Астрахани считалъ несомнѣнной, обратилась въ пораженіе.

Іоаннъ началъ этотъ походъ, окруженный ореоломъ недавнихъ побѣдъ; онъ пользовался въ то время такою славою, которая была превзойдена только однимъ изъ его преемниковъ, и такою популярностью, какой не пользовался никто изъ нихъ. Побѣды и реформы Петра Великаго были не такъ доступны пониманію народа и поэтому менѣе оцѣнены имъ. Но Іоаннъ, побѣдитель ислама, законодатель, заботившійся о нуждахъ самыхъ скромныхъ своихъ подданныхъ, судья грозный только для однихъ «бояръ»—вызывалъ восхищеніе даже среди иностранцевъ. Дженкинсонъ, напр., писалъ въ 1557 г., что никто изъ христіанскихъ монарховъ не сумѣлъ внушить своимъ подданнымъ такого страха и вмѣстѣ съ тѣмъ такой любви, какъ Іоаннъ. Въ то же время венеціанскій посланникъ Фоскарини превозносилъ правосудіе царя, его привѣтливость, человѣколюбіе, его обширныя познанія, роскошь его двора, его могущественную армію и ставилъ его въ число первѣйшихъ государей своего времени.

Въ самомъ дѣлѣ, Іоаннъ обладалъ въ то время несомнѣннымъ превосходствомъ надъ своими сосѣдями, королями польскимъ и шведскимъ. У него была многочисленная армія, богатая казна, огромная власть и та увѣренность въ своихъ силахъ, которую даетъ побѣда.

Но могуществу и славѣ Іоанна суждено было погибнуть въ той пропасти, которой никто въ то время не видѣлъ и глубину которой никто не былъ въ состояніи измѣрить.

IX.

Въ борьбѣ, которую вели въ XVI вѣкѣ Швеція, Данія, Москва и Польша, за обладаніе Балтійскаго побережья, были замѣшаны самые разнообразные торговые, промышленные, культурные и религіозные интересы.

Съ точки зрѣнія исторической давности, наиболѣе законныя права на Ливонію имѣлъ московскій царь, ибо еще въ лѣтописи Нестора упоминается о томъ, что Ливонія и Эстляндія составляли часть русской земли.

Въ нѣмецкой литературѣ и народной поэзіи XVI вѣка нашествіе русскихъ на Ливонію, со всѣми связанными съ этимъ ужасами, изо-

бражается, какъ Божье наказаніе за грѣхи рыцарей Ливонскаго ордена. Положеніе ихъ страны представляло, дѣйствительно, картину весьма неприглядную. Она была въ состояніи полнѣйшаго упадка, прежній воинственный духъ рыцарей угасъ, не уступивъ мѣсто гражданскимъ доблестямъ. Обязательное для рыцарей безбрачіе привело къ самому грязному разврату. По близости отъ ихъ замковъ жило всегда множество женщинъ легкаго поведенія; роскошь, которая царила въ этихъ замкахъ, и происходившія въ нихъ оргіи были причиною страшной нищеты простаго народа.

Впрочемъ, упадокъ нравственности былъ, въ то время, явленіемъ повсемѣстнымъ въ Европѣ; слѣдовательно, одного этого недостаточно, чтобы объяснить печальное положеніе, въ какомъ находилась Ливонія. На это была другая причина.

Начиная съ XII вѣка Ливонскій орденъ представлялъ странную картину нѣмецкой колоніи, которая, по примѣру греческихъ поселеній на берегу Малой Азіи и Сициліи, стремилась сдѣлаться независимымъ государствомъ, не имѣя никакой основы въ народѣ. Мѣстное населеніе финскаго или латышскаго племени только терпѣло своихъ иноземныхъ властителей, но не имѣло съ ними ничего общаго: ни языка, ни нравовъ, ни религіи. Не имѣя никакой опоры въ народѣ, орденъ не имѣлъ также прочной связи съ метрополіей, и въ то время какъ ему угрожали со всѣхъ сторонъ сосѣди, у него не было ни собственныхъ средствъ къ защитѣ, ни надежды на постороннюю поддержку. Правда, Польша не только предлагала, но даже навязывала свою помощь, но она была уже въ то время ослаблена внутренними смутами и раздорами, и ея приходилось скорѣе бояться, какъ врага, нежели видѣть въ ней союзницу.

Въ 1554 г., король шведскій, Густавъ I хотѣлъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Іоанна Грознаго, который былъ отвлеченъ въ то время завоеваніями на востокѣ, чтобы образовать вмѣстѣ съ Ливоніей, Польшей и Литвою лигу противъ московскаго царя, но это ему не удалось, и когда ему пришлось одному вступить въ борьбу съ Москвою, то онъ былъ вынужденъ заключить съ нею въ 1557 г. сорокалѣтнее перемиріе. Такимъ образомъ злополучная Ливонія была предоставлена самой себѣ, а между тѣмъ у Іоанна было достаточно поводовъ, чтобы напасть на нее.

Прибалтійскія провинціи всегда были не прочь принять участіе въ томъ безмолвномъ противодѣйствіи, которое иныя державы оказывали всѣмъ попыткамъ Московскаго государства завязать сношенія съ Европой. Объ усердіи, съ какимъ они дѣйствовали въ этомъ случаѣ, можно судить по надѣлавшему въ то время не мало шума дѣлу Ганса Шлитте. Этотъ саксонецъ, получивъ въ 1548 г. отъ императора Карла V дозволеніе

набрать въ Германіи художниковъ и мастеровъ на службу московскаго царя, былъ задержанъ вмѣстѣ съ ними въ Ливоніи и заключенъ въ тюрьму, гдѣ ихъ продержали до тѣхъ поръ, пока приглашенные Шлитте мастера не разбѣжались.

Кромѣ столь явнаго недоброжелательства къ Москвѣ были и другія причины, которыя, послѣ паденія Новгорода, сдѣлали завоеваніе Ливоніи необходимымъ. Овладѣвъ Новгородомъ, русскіе проявили въ немъ свою власть прежде всего въ томъ, что разрушили нѣмецкій дворъ, и торговля этого бывшаго Ганзейскаго города перешла въ Ригу, Нарву и другіе ливонскіе города, гдѣ жители относились къ Москвѣ враждебно, запрещали иностранцамъ учиться русскому языку и вести торговлю непосредственно съ Россіей, а за кредитъ, оказанный русскимъ купцамъ, налагали денежныя пени. Все это служило, разумѣется, поводомъ къ неудовольствію. Въ числѣ поводовъ къ ссорѣ могло служить и слѣдующее обстоятельство: между ливонскимъ городомъ Нейгаузеномъ и Псковомъ существовала въ древности нейтральная полоса земли, на которую русскіе, послѣ долгихъ споровъ и пререканій, пріобрѣли верховную власть, и мѣстные ливонскіе земледѣльцы были обязаны платить имъ ежегодную дань въ видѣ 10 фунтовъ меда. Съ теченіемъ времени, когда были вырублены лѣса, исчезли улья и эта натуральная повинность была обращена въ денежную, которая была опредѣлена въ 6 ефимковъ, но со временемъ о ней позабыли.

Въ 1554 г., послѣ взятія Астрахани, Іоаннъ вспомнилъ объ этой недоимкѣ, къ которой присоединились новыя жалобы по поводу нарушенія пограничной черты и конфискаціи православныхъ церквей протестантами. Два года спустя, когда его новыя пріобрѣтенія на востокѣ были вполнѣ обезпечены, царь заговорилъ еще болѣе рѣшительнымъ тономъ. Ежегодная дань въ десять фунтовъ меда или въ шесть ефимковъ превратилась, въ устахъ его посланника, въ обязательство платить по одной маркѣ съ души, и на основаніи этого общая сумма недоимокъ была исчислена въ 50.000 ефимковъ или талеровъ.

Епископъ дерптскій думалъ выпутаться изъ бѣды, прибѣгнувъ къ слѣдующей уловкѣ: онъ обѣщалъ все заплатить, если на это послѣдуетъ согласіе императора, которому онъ написалъ въ то же время, разумѣется, въ совершенно иномъ смыслѣ. Посланный царя, Терпигоревъ, сдѣлалъ видъ, будто онъ не понялъ этой хитрости.

— Императоръ? какое же ему до этого дѣло?—говорилъ онъ. Согласны ли вы уплатить деньги, да или нѣтъ?

Вмѣсто ефимковъ ему дали письмо къ Іоанну съ объясненіями.

— Ого!—воскликнулъ онъ, тщательно пряча документъ въ шелковый мѣшечекъ. Вотъ скотинка, которая порядкомъ раздобрѣетъ со временемъ.— И, приказавъ изумленнымъ членамъ магистрата подать вы-

пить и закусить, онъ весело расхаживалъ по комнатѣ. Испуганные ливонцы ссылались на невозможность собрать въ нѣсколько дней столь значительную сумму.

— Полно, полно,—возразилъ Терпигоревъ,—въ подвалахъ городской ратуши есть двѣнадцать бочекъ серебра.

— Можетъ быть, но ключи отъ нея не у однихъ насъ: одинъ ключъ въ Ригѣ, другой въ Ревелѣ.

— Ладно, ладно! Если вы не хотите дать денегъ, царь самъ придетъ за ними.

Царь замышлялъ дѣйствительно походъ въ Ливонію. Недаромъ послѣ взятія Казани Макарій сравнилъ его съ Александромъ Невскимъ. Іоаннъ былъ не прочь оправдать это лестное сравненіе. Но времена измѣнились: въ защитѣ балтійскаго побережья была заинтересована теперь вся Европа.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1557 г. въ Москву прибыла изъ Ливоніи депутація съ просьбою отсрочить уплату долга, но Іоаннъ отказался принять пословъ, поручилъ Адашеву выпроводить ихъ за границу и объвилъ походъ. Въ концѣ года войско, состоявшее по большей части изъ татаръ, подъ начальствомъ бывшаго казанскаго царя Шахъ-Али, вторглось въ Ливонію и произвело въ ней жестокое опустошеніе. Русскіе насиловали и замучивали женщинъ до смерти, вырывали младенцевъ изъ утробы матерей, жгли дома, топтали посѣвы. Быть можетъ, эти разсказы нѣсколько преувеличены, но извѣстно, что войны сопровождались въ то время страшнымъ звѣрствомъ. Черемисы Шахъ-Али не уступали въ этомъ отношеніи болѣе дисциплинированнымъ разбойникамъ герцога Альбы. Выбравъ самыхъ красивыхъ плѣнницъ и удовлетворивъ на нихъ свои желанія, татарскіе воины привязывали ихъ, по словамъ лѣтописцевъ, къ деревьямъ и упражнялись на нихъ въ стрѣльбѣ въ цѣль. Такъ какъ походъ былъ предпринятъ не столько ради завоеванія, сколько въ видѣ военной экзекуціи, то, само собою разумѣется, что считалось необходимымъ застращать жителей.

Населеніе Ливоніи не оказало почти никакого сопротивленія. Войско Іоанна встрѣтило, на протяженіи 200 верстъ, лишь нѣсколько слабыхъ отрядовъ, которые оно безъ труда обратило въ бѣгство или разбило на-голову.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1558 г. Шахъ-Али, собравъ огромную добычу, заключилъ перемиріе, и въ Москву была отправлена новая депутація, привезшая царю нѣкоторую сумму денегъ, въ счетъ уплаты требуемой недоимки. Этотъ разъ ея ходатайство, благодаря вмѣшательству московскихъ купцовъ, торговавшихъ съ Дерптомъ и сосѣдними городами, было успѣшнѣе. Іоаннъ рѣшился уже вести переговоры, согласившись обождать уплату подати, въ виду истощенія страны, какъ вдругъ полу-

ченное неожиданно извѣстіе о взятіи Нарвы испортило все дѣло. Адашевъ, который велъ переговоры, перемѣнилъ тонъ. До тѣхъ поръ онъ говорилъ, что только одно Дерптское епископство обязано платить дань; теперь же онъ сталъ говорить, что не только вся Ливонія была обязана платить ее, но что она должна была «подобно Казани и Астрахани» признать верховную власть Москвы. Гросмейстеру ордена, Фюрстенбергу, и епископамъ дерптскому и рижскому повелѣвалось явиться въ Москву и изъявить свою покорность въ качествѣ вассаловъ, а Нарва и прочіе уже завоеванные города просто-на-просто присоединены къ Московскому царству.

Но, очевидно, Іоаннъ не думалъ, что всѣ эти условія будутъ приняты сразу. Война продолжалась; хотя несчастная Ливонія была совершенно не въ состояніи вести ее. Фюрстенбергу удалось собрать всего на всего 8.000 человѣкъ, и въ отчаяніи онъ передалъ командованіе Кетлеру, но и тотъ не могъ ничего сдѣлать; города и крѣпости сдавались Москвѣ одинъ за другимъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1558 г. былъ осажденъ Дерптъ; епископъ и его приближенные поспѣшили сдаться, чтобы выговорить себѣ кое-какія льготы. Эта капитуляція представляла собою явленіе исключительное, дѣлающее честь Москвѣ. Главнокомандующій русскими войсками, князь Петръ Ивановичъ Шуйскій, даровалъ жителямъ полную амнистію, свободу вѣроисповѣданія, ихъ старинное муниципальное управленіе, свой судъ и полную свободу торговыхъ сношеній съ Россіей. Вначалѣ условія эти соблюдались въ точности, такъ какъ Шуйскій держалъ своихъ солдатъ въ строгой дисциплинѣ и запрещалъ имъ всякое насиліе.

Но Нарва была предана разграбленію, послѣ чего побѣдители выказали великодушіе, предоставивъ ей такія же права и привилегіи, какъ Дерпту. Іоаннъ нашелъ эти льготы чрезмѣрными. Онъ утвердилъ грамоты, данныя этимъ городамъ Шуйскимъ, лишь съ нѣкоторыми ограниченіями; а именно съ тѣмъ, чтобы въ муниципалитетѣ присутствовалъ представитель царя; чтобы аппеляціи подавались не въ Рижскій судъ, а московскому воеводѣ или самому царю; и чтобы торговля съ русскими городами, за исключеніемъ Новгорода, Пскова, Ивангорода и Нарвы, облагалась пошлиною. За то жителямъ Дерпта было разрѣшено селиться въ любой мѣстности Московскаго государства. Но и ограниченныя такимъ образомъ привилегіи казались вѣроятно довольно заманчивы, такъ какъ къ осени изъявили покорность еще двадцать городовъ.

Война далеко еще не была окончена. Ревель держался, и когда, съ приближеніемъ зимняго времени года, Шуйскій, по неизмѣнному обычаю русскихъ воеводъ, отступилъ, то Кетлеръ воспользовался этимъ, чтобы перейти въ наступленіе. Собравъ 10.000 человѣкъ, онъ взялъ

обратно Рингенъ, потерявъ при этомъ, какъ говорятъ, 2.000 человѣкъ и, дойдя до Себежа и Пскова, сжегъ ихъ предмѣстья. Въ это время Іоанну угрожали крымскіе татары, поэтому ему пришлось обуздать свой гнѣвъ и согласиться на перемиріе, которое было заключено въ маѣ 1559 г. Но на слѣдующій годъ царь отплатилъ Ливоніи за этотъ набѣгъ. Курбскій, подъ стѣнами Феллина, нанесъ 2-го августа 1560 г. рѣшительное пораженіе цвѣту ливонскихъ рыцарей, и когда, вскорѣ послѣ этого, былъ взятъ Феллинъ, то въ числѣ плѣнныхъ оказался самъ Фюрстенбергъ, уже отказавшійся отъ власти въ пользу Кетлера. Бывшій гросмейстеръ, вмѣстѣ съ прочими, наиболѣе знатными плѣнными, былъ отправленъ въ Москву, гдѣ, по словамъ ливонскихъ хроникеровъ, съ нимъ обращались съ величайшимъ варварствомъ. Ихъ водили по улицамъ и били желѣзными прутьями, а затѣмъ послѣ жестокихъ пытокъ убили, оставивъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ. Что касается Фюрстенберга, то это свѣдѣніе не вѣрно, такъ какъ онъ былъ живъ еще въ 1575 г. и писалъ изъ-подъ Ярославля, гдѣ ему было пожаловано помѣстье, что ему живется не дурно. Въ тотъ моментъ, когда онъ былъ привезенъ въ Москву, тамъ находились датскіе послы, которые на обратномъ пути удостовѣрили передъ Ревельскимъ магистратомъ, что съ Фюрстенбергомъ обращались хорошо, присовокупивъ однако, что всѣ прочіе плѣнные были убиты.

Съ точки зрѣнія Іоанна эти казни были вполнѣ логичны. По мѣрѣ успѣха его войскъ въ Ливоніи возрождались пріятныя для національной гордости воспоминанія о принадлежности нѣкогда этихъ земель Москвѣ, поэтому было вполнѣ естественно, что царь смотрѣлъ на эту страну какъ на принадлежащую ему по праву, а жителей ея считалъ своими подданными, возставшими противъ своего законнаго государя, такъ что когда датскій король заявилъ ему о своихъ правахъ на Эстляндію, то онъ отвѣчалъ, что Ярославъ уже пятьсотъ лѣтъ назадъ пріобрѣлъ на нее неоспоримыя права, заложивъ Юрьевъ и соорудивъ въ странѣ православныя церкви.

Ливонія была почти завоевана, въ ней оставалось всего нѣсколько крѣпостей, которыя продолжали обороняться, и хотя Кетлеръ и его сподвижники обращались за помощью къ императору, къ Даніи, Швеціи и Польшѣ, но надежды на вмѣшательство державъ было весьма мало, несмотря на то, что вторженіе русскаго войска въ Ливонію произвело въ Европѣ потрясающее впечатлѣніе. Протестантскіе публицисты, готовые видѣть вездѣ и во всемъ интриги Испаніи, обвиняли въ ней Филиппа II, который, какъ монархъ католической державы и какъ супругъ Маріи Тюдоръ, былъ вдвойнѣ заинтересованъ въ этой войнѣ, ибо онъ могъ воспользоваться ею, чтобы нанести въ Ливоніи ударъ протестантству и утвердиться на прибрежьи Балтійскаго моря. Просьба о

помощи, съ которою ливонцы обратились къ императору Фердинанду I, осталась безуспѣшна; это былъ бюрократъ, дорожившій прежде всего своимъ спокойствіемъ. Онъ просилъ извѣщать его о ходѣ дѣлъ, завелъ переписку съ Іоанномъ, обмѣнялся взглядами съ королями польскимъ, шведскимъ и датскимъ, но не двинулся съ мѣста.

При томъ, Іоаннъ постарался расположить этого вліятельнаго государя въ свою пользу. Сношенія Москвы съ Габсбургскимъ домомъ, начавшіяся въ исходѣ пятнадцатаго вѣка, поддерживались со стороны великихъ князей путемъ мелкихъ уступокъ въ вопросахъ, затрогивавшихъ самолюбіе императора. Такъ и теперь, стараясь оправдать свой поступокъ, Іоаннъ не стѣснился приписать всѣ несчастія Ливоніи ея отступничеству отъ католической вѣры.

Нѣкоторую надежду подали Ливоніи нѣмецкіе курфирсты, признававшіе необходимость придти на помощь своимъ ливонскимъ сородичамъ. Но ни одно изъ постановленій германскихъ сеймовъ объ ассигнованіи ливонцамъ денежнаго пособія и объ отправленіи къ Іоанну для переговоровъ посольства не было приведено въ исполненіе.

26-го ноября 1561 г. императоръ Фердинандъ сдѣлалъ кое-что въ ихъ пользу, издавъ манифестъ, коимъ воспрещалось плаваніе по Наровѣ. Это было равносильно запрещенію ввоза въ Московію западныхъ товаровъ и въ особенности военныхъ снарядовъ. Но Англія нашла уже средство ввозить въ Россію товары инымъ путемъ, и сама Ганза, несмотря на болѣе или менѣе искреннія симпатіи къ Ливоніи, была не прочь конкурировать въ этомъ отношеніи съ англичанами и воспользоваться случайностью, благодаря которой она избавилась въ Ригѣ, Ревелѣ и Дерптѣ отъ опасныхъ конкурентовъ.

Злополучная Ливонія была всѣми оставлена, и ей не оставалось ничего инаго, какъ испытать послѣднее средство—обратиться къ иноземнымъ державамъ. Въ январѣ мѣсяцѣ 1559 г. посланный Ливонскимъ орденомъ появился въ Піотроковѣ передъ польскимъ сеймомъ. Но, убѣдясь, что сеймъ былъ всецѣло поглощенъ внутренними дѣлами Польши, онъ обратился къ королю Сигизмунду-Августу. Этотъ послѣдній представитель угасавшей династіи Ягеллоновъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, обладалъ способностью правильно оцѣнивать интересы, затрогиваемые вопросами внѣшней политики. Онъ выслушалъ посланнаго и два мѣсяца спустя вступилъ въ переговоры съ Кетлеромъ, поставивъ ему свои условія. Польша соглашалась защитить Ливонію, рискуя войною съ Москвой, если ей будетъ обѣщано за ея содѣйствіе: Кокенгаузенъ, Юкскуль, Динабургъ и Рига, т. е. ключи ко всей Ливоніи.

Кетлеръ колебался нѣкоторое время, ѣздилъ въ Вѣну, гдѣ онъ надѣялся уладить дѣло выгоднѣе, хотѣлъ отправиться на сеймъ въ Аугсбургъ, но возвратился въ Вильно, не достигнувъ никакого успѣха.

Впрочемъ, король польскій не спѣшилъ выполненіемъ довольно сложной программы, сознавая, что плохо дисциплинированное польское войско легко могло оказаться не на высотѣ своей задачи. Онъ мечталъ образовать лигу изъ скандинавскихъ державъ и ганзеатическихъ городовъ, чтобы имѣть такимъ образомъ то, чего ему недоставало: регулярное войско, флотъ и гавани.

Къ сожалѣнію, предполагаемые его союзники были заняты въ это время совсѣмъ другимъ. Скандинавскія державы отнюдь не хотѣли играть въ руку Польшѣ, и началась борьба, которая велась цѣлыхъ двадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ неоднократно перерѣшалась судьба несчастной Ливоніи, за обладаніе которой велась эта борьба.

Сигизмунду-Августу пришлось приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ гораздо скорѣе, нежели онъ того желалъ. Въ августѣ 1560 г. появился въ Ригѣ, во главѣ польской арміи, виленскій воевода, Николай Радзивиллъ, прозванный Чернымъ, и потребовалъ подчиненія Польшѣ всей Ливоніи и присоединенія къ ней и секуляризаціи всѣхъ земель, лежавшихъ по правому берегу Двины.

Кетлеръ, котораго современники обвиняли въ измѣнѣ, употреблялъ все свое стараніе, чтобы хотя отсрочить паденіе страны и найти какой-нибудь исходъ. Только въ концѣ этого злополучнаго года онъ былъ вынужденъ уступить настоятельнымъ требованіямъ Польши и подписалъ 21-го ноября 1561 г. актъ, коимъ, въ качествѣ гросмейстера Ливонскаго ордена, онъ признавалъ присоединеніе Ливоніи къ Литвѣ, получивъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ наслѣдственное владѣніе, подъ верховною властью Польши, герцогство Курляндское съ нѣсколькими сосѣдними округами.

5-го марта 1562 г. Кетлеръ передалъ Радзивиллу свой крестъ, мантію и ключи Рижскаго замка.

Въ этотъ моментъ прибалтійскія провинціи представляли зрѣлище необычайное даже для той эпохи, когда то и дѣло происходили споры и ссоры изъ-за обладанія разныхъ областей. Къ югу отъ Двины водворился новый герцогъ Курляндскій и Семигальскій. На сѣверѣ король польскій вступилъ во владѣніе нѣкоторой части земель Ливонскаго ордена и заявилъ себя верховнымъ властителемъ всѣхъ принадлежавшихъ ему земель. Рига, признавшая также верховную власть короля польскаго, сохранила нѣкоторую долю независимости, какъ вольный городъ. Ревель и Гарріенъ находились во власти Швеціи. Эзель, Викъ и Пельтенъ признавали власть Магнуса. Наконецъ, русскіе, утвердившіеся въ Дерптѣ и на границѣ Ливоніи, намѣревались оспаривать обладаніе ею и у всѣхъ остальныхъ.

Такимъ образомъ отношенія Москвы къ Польшѣ, и безъ того недружелюбныя со времени завоеванія Смоленска въ 1514 г., грозили

обостриться изъ-за Ливоніи, какъ вдругъ, въ тотъ самый моментъ, когда Кетлеромъ былъ подписанъ актъ объ уступкѣ Ливоніи королю польскому, Іоаннъ вздумалъ послать въ Варшаву одного изъ своихъ близкихъ бояръ съ самымъ дружественнымъ предложеніемъ.

Въ Москвѣ совершилось въ это время событіе, послѣдствія котораго были нѣсколько преувеличены, но вліянія котораго на умъ царя, на его характеръ и до нѣкоторой степени на направленіе его политики, нельзя отрицать: царь лишился своей жены, Анастасіи, которой приписываютъ столь благотворное вліяніе на его необузданный и жестокій нравъ; впрочемъ, хотя царь дѣйствительно очень любилъ свою первую супругу, но это не помѣшало ему тотчасъ по ея кончинѣ подумать о новомъ бракѣ.

У Сигизмунда-Августа было двѣ незамужнія сестры, и окольничьему Ѳедору Ивановичу Сукину, посланному Іоанномъ въ Варшаву вскорѣ послѣ кончины Анастасіи, было поручено просить у него руку одной изъ нихъ. Король крайне неохотно и послѣ долгихъ проволочекъ изъявилъ согласіе показать ему обѣихъ принцессъ въ церкви. Случайно, или быть можетъ съ умысломъ, младшая, Екатерина, обернулась, и это послужило прологомъ къ одной изъ самыхъ мрачныхъ трагедій, разыгравшихся въ ту эпоху, столь богатую драматическими эпизодами. Помимо личныхъ прелестей, которыя Сукинъ изобразилъ Іоанну въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ, эта невѣста имѣла, въ глазахъ царя, то преимущество, что, вступивъ съ нею въ бракъ, царь всея Россіи пріобрѣталъ право на Литву, какъ на ея наслѣдственное владѣніе. Благодаря его страстному и своенравному характеру, эта мысль до того овладѣла Іоанномъ, что она сдѣлалась въ послѣдующіе годы руководящей нитью его политики.

Но, согласившись показать принцессу царскому посланному, Сигизмундъ-Августъ старался, видимо, только сохранить благопристойность и выиграть время. Помимо различія вѣроисповѣданій, вопросъ о наслѣдіи Литвы былъ, съ точки зрѣнія Польши, препятствіемъ къ браку, который могъ угрожать неприкосновенности ея владѣній и помѣшать сліянію двухъ славянскихъ племенъ, Польши и Литвы, къ чему именно и стремился послѣдній изъ Ягеллоновъ. Кромѣ того, Екатерина была почти помолвлена съ братомъ шведскаго короля, великимъ княземъ финляндскимъ, Іоанномъ.

Въ 1562 г. она была оффиціально объявлена его невѣстою, и вскорѣ послѣ того между Польшею и Москвою возобновились непріязненныя дѣйствія.

Іоаннъ писалъ Сигизмунду-Августу оскорбительныя письма, а король отплатилъ ему за это, склонивъ крымскаго хана вторгнуться въ московскіе предѣлы.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1563 г. Іоаннъ двинулся противъ Сигизмунда-Августа во главѣ многочисленнаго войска, везя съ собою гробъ, въ который, какъ онъ говорилъ, будетъ положенъ трупъ короля или его собственный, и вскорѣ одержалъ значительную побѣду, взявъ Полоцкъ, главный городъ польско-литовскаго воеводства, и важный торговый центръ, имѣвшій постоянныя сношенія съ Ригою.

Но на слѣдующій годъ поляки одержали, въ свою очередь, крупную побѣду въ окрестностяхъ Орши: Николай Радзивиллъ разбилъ на голову войска князя Петра Ивановича Шуйскаго, который самъ при этомъ былъ убитъ.

Тогда Іоаннъ возъимѣлъ желаніе сблизиться со Швеціей.

Эрикъ XIV, при вступленіи своемъ на престолъ, въ 1561 г., поспѣшилъ послать посольство въ Москву и, несмотря на пренебрежительное отношеніе къ нему царя и на совѣты своего приближеннаго, Филиппа-де-Морнэ, онъ упорно добивался сближенія съ Іоанномъ, расширяя въ то же время свои владѣнія въ Ливоніи.

Когда царь обратился къ нему совершенно неожиданно съ нѣкоторыми дружескими предложеніями, то Эрикъ вообразилъ, что всѣ его желанія сбудутся и что онъ подѣлитъ Ливонію съ Іоанномъ. Но онъ вскорѣ убѣдился въ своей ошибкѣ. Во-первыхъ, Іоаннъ потребовалъ себѣ львиную долю, соглашаясь уступить королю только Ревель, Перновъ и Виттенштейнъ; а затѣмъ, совершенно неожиданно, вздумалъ примѣшать къ переговорамъ польскую принцессу, ставшую великой княгиней финляндской, отъ которой онъ все еще не думалъ отказываться. Онъ заявилъ желаніе получить почти всю Ливонію и Екатерину, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что она была уже замужемъ. Стоило-ли церемониться съ великимъ княземъ финляндскимъ!

Впрочемъ, самъ Іоаннъ уже былъ женатъ вторично, но это также ни мало не смущало его, такъ какъ его вторая жена была его подданная. Впослѣдствіи Іоаннъ отрицалъ то обстоятельство, что онъ хотѣлъ нарушить священныя узы брака и утверждалъ, что онъ хотѣлъ получить Екатерину только въ качествѣ заложницы...

Эрикъ XIV держался вначалѣ стойко, не соглашаясь предать ни своей невѣстки, ни Ливоніи, и мечталъ о союзѣ съ Польшей, съ императоромъ, со всѣми нѣмецкими владѣтельными князьями, чтобы справиться съ московскимъ варваромъ, какъ вдругъ оказалось, что въ то время, какъ эти грозныя мечты были только въ проектѣ, ему приходилось уже считаться съ гораздо болѣе страшной опасностью; переговоры, начатые Польшей въ 1561 г. съ Даніей, завершились наступательнымъ и оборонительнымъ союзомъ, заключеннымъ этими державами въ Штеттинѣ 5-го октября 1563 г., а вслѣдъ за тѣмъ, по соглашенію, заключенному въ Любекѣ, къ этому союзу присоединился союзъ ганзеатиче-

скихъ городовъ. Іоаннъ, со своей стороны, велъ переговоры съ Даніей и подписалъ, 7-го августа 1562 г., въ Можайскѣ договоръ, коимъ обѣ державы обязались дѣйствовать совмѣстно съ Польшей и Швеціей, за что̀ царь призналъ, со своей стороны, права Даніи на Эстляндію. Швеція оказалась одинокою. Эрику ничего не оставалось, какъ примириться съ совершившимся фактомъ, что̀ онъ и сдѣлалъ, пославъ въ Дерптъ своихъ уполномоченныхъ для переговоровъ съ русскими, которые окончились заключеніемъ перемирія.

Эрикъ, вынужденный вести борьбу одновременно съ Польшей и съ Даніей, становился волей-неволей союзникомъ Іоанна. Но это былъ скользкій путь, который могъ привести его къ погибели.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Тарговицкая конфедерація.

III [1]).

Принимая мѣры къ оборонѣ Рѣчи Посполитой, варшавскій сеймъ, въ засѣданіи 10-го (21-го) апрѣля 1792 г., постановилъ довести численность польской арміи до ста тысячъ человѣкъ. Между тѣмъ, если не считать гарнизоновъ, стоявшихъ въ Варшавѣ, Краковѣ, Ченстоховѣ, Познани и др. городахъ, въ составъ коихъ входило около 7.000 чел., то Польша могла выставить въ поле всего около половины этого числа, а именно 45.000 человѣкъ, большая часть которыхъ находилась въ Украйнѣ, подъ начальствомъ племянника короля, князя Іосифа Понятовскаго, а другая, меньшая часть,—въ Литвѣ.

Собственно коронное войско, предназначавшееся для обороны юго-восточныхъ воеводствъ, состояло изъ двухъ дивизій: брацлавско-кіевской и резервной, волыно-подольской. Первая, численностью въ 17.000 человѣкъ, была растянута на протяженіи 100 миль вдоль границы, отъ Могилева на Днѣстрѣ до Лоева, при впаденіи въ Днѣпръ р. Сожи. Растянутая на столь большомъ пространствѣ, она не могла оказать русскому войску энергичнаго сопротивленія, тѣмъ болѣе, что нѣкоторая часть ея была распредѣлена внутри страны до Полоннаго, въ разстояніи 50 миль отъ Днѣпра и Днѣстра.

Въ волыно-подольской дивизіи подъ командою князя Михаила Любомірскаго было всего около 4.500 человѣкъ.

Литовская армія, вмѣстѣ съ вспомогательными польскими отрядами, состояла изъ 14.500 чел.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, сентябрь 1904 г.

Въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцѣ обѣ польскія арміи только еще формировались и были далеки отъ боевой готовности.

На мѣсто Щенснаго-Потоцкаго, уволеннаго 16-го (27-го) января 1792 г. отъ занимаемой имъ должности, командующимъ брацлавско-кіевской дивизіей былъ назначенъ племянникъ короля, князь Іосифъ Потоцкій, начавшій свое военное поприще въ австрійской службѣ, въ которой онъ пріобрѣлъ хорошую военную выправку, но онъ не обладалъ ни талантомъ, ни самостоятельностью, необходимыми для командованія войскомъ.

Онъ отправился къ мѣсту своего служенія 25-го апрѣля (6-го мая), тотчасъ по окончаніи празднованія годовщины майской конституціи, и поселился въ Тульчинѣ, бывшей резиденціи Щенснаго-Потоцкаго. Ему было приказано сосредоточить дивизію въ Полонномъ и возвести тамъ укрѣпленіе для защиты провіантскихъ магазиновъ.

Князю Любомірскому было приказано расположиться со своей дивизіей въ окрестностяхъ Стараго Константинова.

Такое сосредоточеніе польскихъ силъ имѣло цѣлью не столько оборону юго-западныхъ границъ, сколько защиту Варшавы, откуда войско должно было получать оружіе, аммуницію, шатры и деньги.

Главнокомандующимъ литовской арміи былъ назначенъ генералъ-поручикъ князь Людвигъ Виртембергскій, зять Адама Чарторыйскаго и двоюродный братъ великой княгини Маріи Θеодоровны. Онъ выѣхалъ изъ Варшавы въ половинѣ мая, но вмѣсто того, чтобы спѣшить въ Минскъ, къ главному корпусу литовской арміи, остановился въ Волчинѣ, имѣніи своего тестя, сославшись на боль въ ногѣ, и пребывалъ тамъ въ полномъ бездѣйствіи, въ то время какъ обстоятельства требовали съ его стороны самой напряженной дѣятельности. Войска, коими онъ долженъ былъ командовать, были разсѣяны на такомъ протяженіи что, по его собственному сознанію [1]), онъ не имѣлъ даже свѣдѣній о томъ, гдѣ именно они находятся и въ какой мѣрѣ годны для боя; у него не были заготовлены магазины для провіанта, онъ былъ совершенно незнакомъ съ мѣстностью и съ краемъ, гдѣ должны были происходить военныя дѣйствія, и, вслѣдствіе этого, не имѣлъ возможности составить соображеній ни о мѣстѣ сосредоточенія войска, ни о расположеніи магазиновъ, ни о будущихъ дѣйствіяхъ противъ непріятеля. Донося объ этомъ королю, онъ писалъ, что положеніе его безвыходно и что ему надобно сдѣлать почти чудо, чтобъ спасти, если не край, то хоть войска, довѣренныя ему королемъ, и просилъ его, принявъ

---

[1]) Донесеніе королю польскому отъ 10-го (21-го) мая 1792 г. Сборникъ, т. 47, стр. 326.

во вниманіе всѣ эти обстоятельства, быть его защитникомъ передъ націей, въ случаѣ несчастнаго окончанія дѣла, какого онъ долженъ былъ ожидать при существующемъ положеніи вещей, будучи увѣренъ, что непріятель не дастъ ему времени ни съ чѣмъ управиться [1]).

Между тѣмъ принцъ вовсе не спѣшилъ приступить къ дѣлу и хотя нѣсколько дней спустя онъ увѣдомилъ короля, что здоровье его улучшилось и что онъ собирался ѣхать для осмотра Минска, Вильны и Ковны, но оказалось, что онъ и въ концѣ мая все еще находился въ Волчинѣ. Причина столь страннаго образа дѣйствій вскорѣ объяснилась. Въ Ломжѣ было перехвачено письмо принца къ королю прусскому, въ которомъ онъ извѣщалъ Фридриха-Вильгельма, что онъ дѣйствуетъ согласно его приказанію: не сосредоточиваетъ силъ, разсѣянныхъ въ Литвѣ, чтобы онѣ могли быть легче разбиты русскими войсками.

Когда измѣна принца Виртембергскаго открылась, то онъ былъ немедленно уволенъ отъ командованія войсками, и на его мѣсто былъ назначенъ генералъ Юдицкій, человѣкъ мало способный, въ помощники которому были назначены: генералъ коронной артиллеріи Станиславъ Потоцкій и литовскій хорунжій Вавржецкій.

11-го (22-го) мая сеймъ постановилъ отдать верховную команду надъ войскомъ королю, съ неограниченнымъ правомъ заключать перемирія, военныя капитуляціи и всякіе договоры, кромѣ окончательнаго мирнаго трактата, заключеніе котораго было предоставлено исключительно сейму. Взявъ судьбы страны въ свои руки, Станиславъ-Августъ сказалъ на засѣданіи сейма: „Положитесь на меня! если понадобится пожертвовать жизнью, то я не пощажу ее!“

Хотя Польша не была готова вести войну собственными силами съ сто тысячной почти русской арміей, но она могла разсчитывать на помощь со стороны другихъ державъ. Договоръ 18-го (29-го) марта 1790 г. обезпечивалъ ей содѣйствіе Пруссіи; она могла также надѣяться на помощь со стороны Австріи и курфирста саксонскаго.

Переговоры съ Пруссіей были начаты въ Варшавѣ и въ Берлинѣ. Въ Дрезденъ поѣхалъ ксендзъ Піатоли съ посломъ инфляндскимъ, Іосифомъ Мостовскимъ.

14-го (25-го) мая, министръ иностранныхъ дѣлъ, литовскій подканцлеръ Хрептовичъ, подалъ прусскому посланнику въ Варшавѣ, ноту, въ которой говорилось, что «вступленіе русскихъ войскъ въ предѣлы

---

[1]) Донесенія принца Виртембергскаго королю польскому отъ 10-го (21-го) мая, 12-го (23-го), 14-го (25-го), 19-го (30-го), 28-го мая (8-го іюня) и 12-г-(23-го) іюня 1792 г. (Сборникъ ист. общ., т. 47, стр. 326, 340, 345, 346, 356. 366, 390).

Рѣчи Посполитой ставитъ республику въ такое положеніе, которое вынуждаетъ ихъ обратиться къ королю прусскому, какъ своему союзнику, съ просьбою о помощи», гарантированной Польшѣ 6-мъ пунктомъ договора, заключеннаго ею съ Пруссіей въ мартѣ мѣсяцѣ 1790 г.

Луккезини отвѣчалъ Хрептовичу въ тотъ же день, но довольно уклончиво, присовокупивъ, что рѣшеніе зависитъ отъ Берлинскаго двора, которому онъ препроводитъ записку канцлера.

Для того чтобы поддержать это ходатайство, въ Берлинъ былъ отправленъ 20-го (31-го) мая великій литовскій маршалъ Игнатій Потоцкій, одинъ изъ главныхъ участниковъ въ заключеніи союза между Польшей и Пруссіей; онъ везъ Фридриху-Вильгельму письмо короля польскаго, въ которомъ Станиславъ-Августъ писалъ: «письмо, которое будетъ отдано вашему королевскому величеству маршаломъ графомъ Игнатіемъ Потоцкимъ, пишу въ то время, когда все налагаетъ на меня обязанность защищать независимость и владѣнія Польши. Тѣ и другія подверглись нападенію со стороны ея величества, императрицы Россійской. Если союзъ, существующій между вашимъ величествомъ и Польшею, даетъ право обратиться къ вамъ за помощью, то мнѣ существенно важно знать, какимъ образомъ вашему величеству угодно будетъ исполнить свои обязательства; положительныя свѣдѣнія о чувствахъ вашего величества также необходимы для моего поведенія, какъ необходимы ваши войска для моихъ успѣховъ. Среди безпокойства и страданій я утѣшаюсь тѣмъ, что стою за святое дѣло и опираюсь на союзника, самаго почтеннаго и самаго вѣрнаго въ глазахъ современниковъ и потомства».

Разговоръ съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ произвелъ на Потоцкаго самое тягостное впечатлѣніе.

Прусскій министръ Шуленбургъ, съ которымъ онъ видѣлся вслѣдъ за тѣмъ, доказывалъ ему, что король прусскій не обязанъ помочь Польшѣ, такъ какъ война предстоитъ изъ-за конституціи 3-го мая, объявленной безъ его вѣдома.

«Если вы хотите поступить честно и прямодушно,—говорилъ Потоцкій Шуленбургу,—то вы обязаны защищать неприкосновенность и независимость Польши, помимо вопроса о конституціи 3-го мая. Его королевское величество можетъ потребовать удаленія русскихъ войскъ отъ нашей границы, не упоминая о конституціи. Впрочемъ, если бы три сосѣднія державы потребовали отъ насъ измѣненія конституціи то я полагаю, что народъ обратилъ бы вниманіе на это требованіе и сдѣлалъ бы шаги, какіе повелѣваетъ благоразуміе».

«Мы не можемъ—отвѣчалъ Шуленбургъ,—«помѣшать дѣйствіямъ Россіи въ Польшѣ иначе какъ силою оружія, но война не соотвѣтствуетъ

нашимъ интересамъ. Ведите войну, если это вамъ нравится; побѣждайте русскихъ; для насъ это безразлично».

Напрасно убѣждалъ Потоцкій прусскаго министра, такъ какъ наканунѣ этого разговора и на другой день послѣ его аудіенціи у короля, 28-го мая (8-го іюня), въ Варшаву былъ посланъ отвѣтъ на ноту Хрептовича и на письмо Станислава-Августа.

Нотою отъ 30-го мая (10-го іюня) Луккезини увѣдомилъ Хрептовича, что король прусскій не можетъ вмѣшиваться въ дѣйствія варшавскаго сейма, такъ какъ они его совершенно не касаются.

Отвѣтъ «вѣрнаго союзника» на письмо короля польскаго былъ полонъ лжи и отговорокъ:

«Изъ письма вашего величества съ сожалѣніемъ вижу тѣ затрудненія, въ какія теперь поставлена республика Польская»,—писалъ Фридрихъ-Вильгельмъ,—«но скажу откровенно, что ихъ легко было предвидѣть послѣ того, что произошло въ Польшѣ годъ тому назадъ. Вспомните, ваше величество, что не одинъ разъ маркизу Луккезини поручаемо было передавать вамъ мои справедливыя опасенія на этотъ счетъ. Съ той минуты, какъ возстановленіе общаго спокойствія въ Европѣ позволяло мнѣ объясниться и съ тѣхъ поръ, какъ императрица россійская обнаружила рѣшительно свою враждебность къ новому порядку вещей, установленному переворотомъ 3-го мая, мой образъ мыслей и языкъ моихъ министровъ никогда не измѣнялся и, взирая спокойнымъ окомъ на новую конституцію, которую дала себѣ республика, безъ моего вѣдома и содѣйствія, я никогда не думалъ ее поддерживать или ей покровительствовать. Напротивъ, я предсказывалъ, что угрожающія мѣры и военныя приготовленія, къ которымъ не переставалъ прибѣгать сеймъ, непремѣнно вызовутъ враждебное чувство со стороны императрицы россійской и навлекутъ на Польшу бѣдствія, которыхъ думали избѣгнуть. Не будь этой новой правительственной формы, не выкажи республика усилій для ея поддержанія, Русскій дворъ не рѣшился бы на тѣ сильныя мѣры, которыя онъ теперь приводитъ въ исполненіе. Какова бы ни была дружба, питаемая мною къ вашему величеству, и участіе, принимаемое мною во всемъ, до него касающемся, ваше величество поймете сами, что вслѣдствіе совершенной перемѣны дѣлъ со времени заключенія союза между мною и республикою, и вслѣдствіе настоящихъ отношеній, созданныхъ конституціею 3-го мая, и неприложимыхъ къ обязательствамъ, въ трактатѣ постановленнымъ, отъ меня не зависитъ удовлетворить ожиданіямъ вашего величества, если намѣренія патріотической партіи остаются неизмѣнны и если она непремѣнно хочетъ поддержать свое созданіе. Но если она захочетъ возвратиться назадъ, обративъ вниманіе на затрудненія, возникающія со всѣхъ сторонъ, то я буду готовъ снестись съ императрицею и съ Вѣн-

скимъ дворомъ и постараюсь примирить различные интересы и согласовать наши взгляды относительно мѣръ, могущихъ возвратить Польшѣ спокойствіе».

О результатѣ миссіи Потоцкаго Берлинскій кабинетъ немедленно сообщилъ Петербургскому двору.

Сопоставляя отвѣтъ Фридриха-Вильгельма съ обнаруженнымъ участіемъ его въ поведеніи принца Виртембергскаго, становится ясна та роль, которую онъ намѣревался играть по отношенію къ своей союзницѣ—Польшѣ. Онъ торжественно нарушилъ обязательства, принятыя имъ по договору 1790 г., и подстрекалъ къ измѣнѣ другихъ, имѣя въ виду войти въ соглашеніе съ Россіей, чтобы поживиться на счетъ Польши.

Вѣнскій дворъ (Чарторыйскій былъ представленъ канцлеру Кауницу польскимъ посломъ Войною 20-го (31-го) мая) поручилъ своему посланнику въ Варшавѣ, де-Кашэ, опровергнуть слухъ, будто бы онъ желалъ, чтобы въ Польшѣ удержалась новая конституція, или что онъ, какимъ бы то ни было образомъ, намѣренъ идти противъ видовъ союзныхъ съ нимъ державъ [1]).

Курфирстъ саксонскій (Піатоли пріѣхалъ въ Дрезденъ 1-го (11-го) іюня) не могъ, при всемъ своемъ желаніи, оказать Польшѣ никакой услуги.

«Я вполнѣ убѣдился»,—такъ характеризовалъ положеніе дѣлъ Станиславъ-Августъ, въ письмѣ къ Букатому отъ 12-го (23-го) іюня,—«въ окончательной измѣнѣ короля прусскаго. Австрія отказывается оказать намъ какую бы то ни было помощь, ссылаясь на войну съ Франціей. Курфирстъ саксонскій держитъ себя вполнѣ безучастно» [2]).

Когда исчезла, такимъ образомъ, всякая надежда на помощь со стороны сосѣднихъ державъ, варшавскому правительству оставалось только одно: принять, какъ можно скорѣе, мѣры къ оборонѣ страны. Для этого необходимы были, прежде всего, деньги, затѣмъ хорошее войско и наконецъ готовность обывателей придти на помощь правительству. Всего этого Польшѣ какъ разъ недоставало.

Денегъ у варшавскаго правительства не было; въ казначействѣ Рѣчи Посполитой и великаго княжества Литовскаго на всѣ военные расходы находилось едва 1.300.000 злотыхъ въ то время, когда были начаты переговоры съ голландскими банкирами о ссудѣ 30.000.000 злотыхъ. Но этотъ заемъ не удался; голландцы, предостереженные Прус-

---

[1]) Хрептовичъ—польскому послу въ Копенгагенѣ, 9-го (20-го) іюня 1792. (Рукоп. Оссол. № 411, ч. II, стр. 147.)

[2]) Kalinka. Ostatnia lata pan St. Aug. Познань, 1868, т. II, стр. 215.

*

сіей, не дали Польшѣ денегъ, такъ какъ они видѣли, что ея дѣло проиграно.

Тогда, для увеличенія средствъ, было издано «Уложеніе о вѣчномъ устройствѣ королевщинъ», заключавшее правила о продажѣ и залогѣ староствъ; былъ утвержденъ «генеральный поборъ», состоявшій въ увеличеніи на 10% податей съ крупной поземельной собственности; подати, взимаемыя съ мелкихъ помѣстій и съ еврейскаго населенія, были удвоены; было положено удерживать извѣстный процентъ изъ жалованья гражданскихъ чиновъ, и открыть повсемѣстный сборъ «добровольныхъ патріотическихъ пожертвованій на оборону отечества».

Кромѣ сбора денежныхъ пожертвованій было постановлено: включить въ число регулярныхъ войскъ милиціи, содержимыя на частныя средства, вызвать охотниковъ, желающихъ вступить въ ряды защитниковъ отечества, и наконецъ призвать, въ случаѣ надобности, къ оружію всѣхъ жителей Польши (посполитое рушеніе).

Для того, чтобы привлечь жителей къ участію въ войнѣ, было рѣшено: выдавать извѣстное вознагражденіе за убытки, причиненные непріятельскимъ войскомъ; учредить фондъ въ 1.500.000 злот. для выдачи наградъ отличившимся воинамъ и для пособія семействамъ убитыхъ въ бою, а для поощренія храбрости была учреждена королемъ медаль: на голубой эмали въ срединѣ вѣнца былъ изображенъ золотой крестъ съ большимъ орломъ по срединѣ и съ надписью: «Virtuti militari». Медаль была золотая для офицеровъ и серебряная для унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ; ее полагалось носить на голубой лентѣ съ чернымъ краемъ.

По воеводствамъ, въ кои могли вступить русскія войска, были разосланы эмиссары, съ приказаніемъ побуждать обывателей къ оборонѣ, либо къ выселенію изъ своихъ домовъ, въ случаѣ, если бы конфедерація стала принуждать ихъ дѣйствовать съ нею заодно. Всѣ тѣ, кои присоединятся къ русскимъ войскамъ, были объявлены врагами отечества; виновнымъ было назначено очень сильное наказаніе.

Особой полицейской коммиссіи, состоявшей изъ 26 полицейскихъ чиновъ и 51 стражниковъ, было поручено слѣдить за образомъ мыслей обывателей. Въ данной этимъ полицейскимъ секретной инструкціи, имъ повелѣвалось объѣзжать ввѣренный имъ участокъ, разузнавать, съ должной осторожностью, въ тѣхъ селеніяхъ и мѣстностяхъ, гдѣ имѣлись костелы, были-ли и когда именно оповѣщены съ амвона универсалъ и королевскіе приказы стражѣ и другія распоряженія правительства; узнавать, не читались-ли какія-либо противныя правительству и волнующія умы брошюры, не слышно-ли было о какихъ-либо сборищахъ или подстрекательствахъ, съ цѣлью волновать умы, не производилась ли закупка аммуниціи, оружія; не скупалъ-ли кто-либо лошадей; не укрывались-ли гдѣ дезертиры изъ польскаго войска или иностранные шпіоны

и т. п. Обо всемъ этомъ, а равно обо всемъ, что могло угрожать общественному спокойствію, полицейская коммиссія была обязана немедленно доносить одновременно гражданской коммиссіи и ближайшимъ властямъ.

Что касалось состоянія польскаго войска, передъ началомъ войны, то оно было весьма неудовлетворительно; «войско было плохо обучено, полки были скудно комплектованы; такъ, напр., тамъ, гдѣ нужно было быть въ полку по два баталіона, было по одному, въ кавалеріи были плохія лошади, былъ недостатокъ шатровъ, аммуниціи и боевыхъ запасовъ. Артиллерія была въ дурномъ состояніи. Уже по полученіи русской деклараціи было сдѣлано распоряженіе о постройкѣ новаго литейнаго завода и о выпискѣ желѣзныхъ пушекъ изъ Англіи. Въ доставкѣ фуража и съѣстныхъ припасовъ господствовалъ безпорядокъ.

Готовность населенія приносить жертвы на алтарь отечества была также не велика. Народъ не только не стремился въ ряды войска, напротивъ, разбѣгался и прятался, какъ только появлялись вербовщики.

Таково было далеко не отрадное состояніе Польши наканунѣ войны; но русскую декларацію народъ принялъ съ достоинствомъ.

«Декларація, поданная русскимъ посланникомъ, не вызвала здѣсь (въ Варшавѣ) ни волненія, ни особыхъ опасеній,--писали въ «Народовой газетѣ» (Gazeta narodowa i obca, 12 (23) мая 1792 № 41). Глубоко почувствовавъ причиненныя ему несправедливость и обиду, твердо рѣшивъ отомстить за нее и защитить свою свободу и неприкосновенность, всѣ соблюдали въ своихъ поступкахъ и словахъ умѣренность, твердость и степенность, приличествующія вольному и доблестному народу. Такъ же точно народъ отнесся и къ угрозамъ иностранныхъ державъ, только постыдный поступокъ тѣхъ выродковъ польскаго народа, которые, преслѣдуя свои выгоды и цѣли, просили иноземную державу вступить, съ оружіемъ въ рукахъ, въ ихъ собственное отечество, заставилъ содрогнуться всѣ сердца и вызвалъ съ ихъ стороны вполнѣ заслуженные гнѣвъ и презрѣніе».

Гнѣвъ, вызванный къ тѣмъ, кои были виновниками вторженія русскихъ войскъ, обрушился на всѣхъ сторонниковъ Россіи. Особенно ярко проявился патріотизмъ въ Варшавѣ.

На другой день, по обнародованіи русской деклараціи, въ Саксонскій садъ и къ дому Красинскихъ собралась несмѣтная толпа народа. Въ то время, когда шли горячіе толки на тему о вторженіи русскаго войска и о средствахъ обороны, въ Саксонскій садъ прибѣжалъ поморскій воевода Войцехъ Міеръ (Mier), крича:

«Bonne nouvelle! bonne nouvelle! (Хорошая вѣсть, хорошая вѣсть), русское войско уже вступило въ Польшу и разбило отрядъ народовой кавалеріи въ 600 человѣкъ!»

Воевода едва не поплатился жизнью за свою наивность или под-

лость, точно такъ же, какъ познанскій посолъ Мелжинскій, который говорилъ, что поляки не могутъ воевать съ Россіей, такъ какъ они не готовы къ войнѣ. Міера хотѣли повѣсить, а Мелжинскаго едва не убили. Народъ грозилъ также висѣлицей послу Боскампу, который былъ извѣстенъ прислуживаніемъ русскому посольству, и другимъ лицамъ, которыя были замѣчены въ симпатіи къ Россіи.

Подобное же настроеніе господствовало и въ столицѣ Литвы. Епископъ инфляндскій Коссаковскій, которому угрожали смертью, если онъ не будетъ стоять за конституцію, поспѣшно уѣхалъ изъ Вильны въ свое ковенское имѣніе. По той же причинѣ выѣхалъ изъ Вильны епископъ Масальскій. Полагая, что онъ собрался въ Россію, жители Кальваріи задержали его со всей свитой, подъ предлогомъ, что онъ ѣхалъ безъ паспорта. Полицейская коммиссія поспѣшила прислать Масальскому паспортъ и разрѣшеніе продолжать путь, однако съ условіемъ, что онъ не поѣдетъ въ Россію.

Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, въ Варшавѣ былъ учрежденъ 31-го мая (11-го іюня) чрезвычайный сеймовый судъ, для присужденія наказаній виновнымъ, которые присоединятся къ непріятельской арміи.

Выказывая такую ненависть къ сторонникамъ Россіи, шляхта и мѣщане г. Варшавы проявили вмѣстѣ съ тѣмъ необычайный воинственный пылъ и учредили клубъ волонтеровъ, лозунгомъ котораго было: «сражаться за отечество или умереть». Въ этотъ клубъ принимали и тѣхъ, которые, не будучи въ состояніи воевать, выражали готовность жертвовать деньгами.

Отвѣтъ сейма на русскую декларацію, универсалъ къ народу и воззваніе короля къ войску были одобрены всѣми. Всѣ вѣрили въ торжество праваго дѣла, возлагали надежду на доблесть польскаго войска и на цѣлесообразность средствъ обороны, принятыхъ правительствомъ. Но эта вспышка патріотизма не могла сослужить Польшѣ особенной службы.

Принявъ главное начальство надъ арміей и желая воодушевить войско и народъ, король объявилъ о своемъ намѣреніи отправиться къ войску. 25-го мая (5-го іюня) былъ учрежденъ военный совѣтъ, въ составъ котораго вошли: маршалы сейма, Малаховскій и Сапѣга, изъ военныхъ: генералъ-поручикъ Горженскій, генералъ-маіоръ Цихоцкій, генералъ артиллеріи коронной Станиславъ Потоцкій, подполковникъ коронной артиллеріи Шюллеръ, подполковникъ Гицъ и изъ гражданскихъ чиновъ: князь Казиміръ Понятовскій и Тадеушъ Дембовскій.

Въ ночь съ 7-го (18-го) на 8-е (19-е) мая переправились черезъ Днѣстръ два русскихъ корпуса: Кутузова подъ Могилевомъ и Дунина

у Сорокъ. Одновременно перешелъ границу ольвіопольскій корпусъ, а три дня спустя вступилъ въ Польшу васильковскій корпусъ.

О поводахъ къ вступленію русскихъ войскъ въ Рѣчь Посполитую Каховскій извѣстилъ поляковъ плакатомъ, который вмѣстѣ съ русской деклараціей былъ присланъ ему изъ Петербурга, въ количествѣ 500 экземпляровъ для распространенія по помѣстьямъ и мѣстечкамъ. Въ этихъ плакатахъ жителей увѣряли въ дружелюбныхъ намѣреніяхъ русскаго войска, приглашали ихъ присоединиться къ конфедераціи, обѣщая всѣмъ личную безопасность и неприкосновенность имущества, и угрожая наказаніемъ всякому, кто будетъ противиться волѣ императрицы.

При томъ, крайне неудовлетворительномъ положеніи, въ какомъ находились польскія войска, они не могли, разумѣется, оказать русской арміи никакого сопротивленія; война состояла, въ сущности, въ томъ, что польскія войска постоянно отступали передъ русскими. Значительная битва была въ началѣ іюня при деревнѣ Деревичи, недалеко отъ Любара, гдѣ потерпѣлъ пораженіе Віельгорскій.

Второй упорный бой былъ при Зеленцѣ, недалеко отъ Полоннаго, гдѣ генералъ Марковъ удержалъ поле сраженія, несмотря на превосходное число непріятеля.

Каховскій преслѣдовалъ польскую армію по пятамъ, съ намѣреніемъ окружить ее и заставить сдаться въ плѣнъ, и расчищалъ путь генеральной коронной конфедераціи.

Изъ конфедератовъ первымъ выѣхалъ изъ Петербурга Злотницкій-передъ отъѣздомъ онъ былъ представленъ императрицѣ и удостоился отъ нея подарка, который онъ, однако, не принялъ, вѣроятно для того, чтобы доказать свое республиканское безкорыстіе. Ему было поручено сконфедеровать подольское воеводство и вести переговоры съ польскимъ войскомъ. По дорогѣ его нагналъ посланный Щенснаго-Потоцкаго съ письмомъ, въ которомъ маршалъ просилъ его повременить собираніемъ конфедераціи и не вступать въ переговоры съ польскимъ войскомъ до полученія отъ него дальнѣйшихъ указаній, мотивируя это тѣмъ, что конфедераты выѣдутъ изъ Петербурга нѣсколько позднѣе, чѣмъ предполагали.

Получивъ это письмо, Злотницкій поѣхалъ въ Яссы, куда онъ прибылъ 3-го (14-го) мая, а затѣмъ въ Хотинъ для разсылки оттуда своимъ пріятелямъ писемъ [1]). Въ Хотинѣ ему представился случай начать дѣйствовать до полученія дальнѣйшихъ приказаній отъ генеральнаго маршала конфедераціи. Встрѣтивъ 7-го (18-го) мая въ пограничномъ сел-Новоселицахъ своего товарища, Яна Илинскаго, служившаго въ кавалѣ

[1]) Донесеніе Каховскаго миператрицѣ отъ 11-го (22-го) мая 1792 года (Сборникъ, т. 47, стр. 33).

леріи народовой, онъ сталъ уговаривать его дезертировать съ 30 или 40 рядовыми въ Могилевъ, за что̀ обѣщалъ ему штабъ-офицерскій чинъ и 500 дукатовъ.

«Вскорѣ,—говорилъ онъ Илинскому,—въ Польшу вступитъ съ трехъ сторонъ болѣе 75.000 русскаго войска, а 4.000 народовой кавалеріи и пѣхоты только и ждутъ прибытія конфедератовъ, чтобы отдать себя въ ихъ распоряженіе. Мы обратимъ костелъ, сооруженный для увѣковѣченія памяти о конституціи 3-го мая, въ провіантскій магазинъ» [1]).

Склонить Илинскаго къ дезертирству Злотницкому, однако, не удалось, и онъ отправился 8-го (19-го) мая въ Могилевъ, куда пріѣхалъ и червоноградскій кравчій Северинъ Качковскій, и гдѣ они совѣщались съ Каховскимъ, въ ожиданіи приказаній отъ генеральнаго маршала.

Щенсный-Потоцкій выѣхалъ изъ Петербурга 26-го апрѣля (7-го мая), а 9-го (20-го) числа того же мѣсяца былъ въ Елисаветградѣ и въ тотъ же день писалъ Злотницкому, прося его приступить къ исполненію возложеннаго на него дѣла.

Тогда Злотницкій, принявъ званіе маршала подольскаго воеводства, началъ вмѣстѣ съ Качковскимъ составлять и разсылать письма къ офицерамъ польскаго короннаго войска и къ обывателямъ. Письма эти развозились казаками, которые прятали ихъ за пазуху, въ шапку, въ лошадиной гривѣ, подъ сѣдломъ и т. п.

Однако, несмотря на всѣ усилія конфедератовъ, вооруженіе шло крайне плохо.

Польскій народъ узналъ оффиціально о состоявшейся конфедераціи впервые не отъ ея творцовъ, а изъ плакатовъ Каховскаго и изъ опубликованной деклараціи русскаго правительства. Въ этихъ документахъ говорилось о конфедератахъ и о томъ, что императрица, уступая ихъ просьбамъ, рѣшилась помочь польскому народу, но не говорилось, кѣмъ именно, когда и гдѣ была составлена конфедерація. Въ Варшавѣ все это было извѣстно изъ сообщеній Деболи.

Только по вступленіи русскихъ войскъ въ Польшу, когда Каховскій уже распространилъ свои плакаты, генеральная коронная конфедерація сочла нужнымъ заявить о своемъ существованіи польскому народу, издавъ въ Тарговицѣ, 8-го (19-го) мая, универсалъ, который былъ составленъ еще въ Петербургѣ, но подписанъ конфедератами только 3-го (14-го) мая въ Тарговицѣ.

Въ Тульчинѣ конфедерація получила впервые правильную организацію.

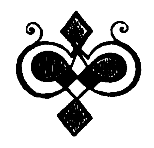
Главную заботу конфедератовъ составлялъ недостатокъ собственнаго войска. У нихъ былъ всего одинъ полкъ легкой конницы, въ составъ

[1]) Показаніе Илинскаго (Militaria, т. V).

котораго вошло нѣсколько сотъ человѣкъ, набранныхъ въ украинскихъ имѣніяхъ Потоцкаго, изъ окрестностей Елисаветграда и Тарговицъ. Кромѣ того въ Тульчинѣ Потоцкій не нашелъ никакого оружія, такъ какъ оно было забрано княземъ Понятовскимъ. Гетманы находились постоянно въ лагеряхъ русскихъ генераловъ, и вся сила конфедераціи опиралась на русскую армію. Это роняло ее въ глазахъ императрицы и польскаго народа. Поэтому Потоцкій употребилъ все свое стараніе, чтобы устранить этотъ недостатокъ. Онъ обратился къ командирамъ польской арміи съ посланіемъ, въ которомъ предлагалъ имъ, во избѣжаніе пролитія польской крови, идти вмѣстѣ съ конфедератами на защиту польской вольности и не сражаться напрасно противъ монархини, которую Провидѣніе избрало, чтобы освободить Польшу изъ неволи.

Екатерина, рескриптомъ отъ 12-го (23-го) іюня [1]), повелѣла Каховскому и барону Бюллеру принять противъ конституціонной партіи самыя суровыя мѣры, издавъ отъ имени конфедераціи декреты «противъ всѣхъ мятежниковъ и противниковъ ея законной власти Весьма важно, чтобъ конфедерація немедленно заявила эту власть»,— писала императрица, «и приступила къ такимъ мѣрамъ, для укрощенія и обузданія умовъ, которыхъ надежда на безнаказанность только поощряетъ къ дерзости и насилію. Итакъ, вы сдѣлаете представленія объ этомъ маршалу конфедераціи и его главнымъ совѣтникамъ, удостовѣривъ ихъ, что гдѣ только понадобится для праваго дѣла помощь моихъ войскъ, тамъ они вездѣ могутъ на нее разсчитывать».

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Сборникъ, т. 47, стр. 384.

Воспоминанія педагога [1]).

Реформа кадетскихъ корпусовъ [2]).

Въ мартѣ 1863 года военно-учебныя заведенія принялъ свиты его величества генералъ-маіоръ Николай Васильевичъ Исаковъ [3]). Въ это время вопросъ о преобразованіи кадетскихъ корпусовъ былъ уже рѣшенъ, и генералу Исакову оставалось только привести въ исполненіе самую реформу на тѣхъ основаніяхъ, которыя были выработаны до него. Николай Васильевичъ былъ не такой человѣкъ, чтобы задумываться надъ вопросомъ, какъ бы реформа не отразилась гибельно на воспитывавшихся тогда въ корпусахъ дѣтяхъ; онъ предпринялъ не преобразованія а ничѣмъ не оправдываемую ломку, не заботясь о жертвахъ, хотя жертвами (не говоря о служащихъ) были дѣти и юноши

---

[1]) См. „Русскую Старину" сентябрь 1904 г

[2]) Эта часть записокъ была составлена мною во время самаго преобразованія кадетскихъ корпусовъ; почти черезъ двадцать лѣтъ послѣ преобразованія я, при чтеніи этихъ записокъ, найдя ихъ во многихъ мѣстахъ слишкомъ рѣзкими, старался ихъ смягчить; но, несмотря на столь продолжительное протекшее время, я, какъ служившій тогда въ 1-мъ корпусѣ и лично видѣвшій по истинѣ ужасное преобразованіе 1-го корпуса, до сихъ поръ еще не могу вполнѣ спокойно отнестись не къ теоретической сторонѣ дѣла, противъ которой я ничего не могу сказать, но къ самому исполненію его. При чтеніи, во мнѣ снова подымалось возмущающее душу чувство; поэтому хотя я нѣсколько разъ прочиталъ и исправлялъ настоящія записки свои, съ цѣлью дать имъ вполнѣ спокойный тонъ, я не ручаюсь, чтобы мнѣ это удалось достигнуть.

[3]) Умеръ въ должности члена Государственнаго Совѣта и генераломъ-отъ-инфантеріи въ 1891 году.

Согласно составленному плану, генералъ Исаковъ долженъ былъ въ 1863 году ограничиться слѣдующими преобразованіями: 1) закрыть одинъ корпусъ (указывалось на Виленскій Александровскій), 2) соединить специальные классы всѣхъ корпусовъ въ трехъ училищахъ: Константиновское, уже существовавшее при Я. И. Ростовцовѣ, другія же два предполагалось открыть на мѣсто двухъ какихъ-нибудь корпусовъ, одного въ Петербургѣ и одного въ Москвѣ; 3) въ видѣ опыта одинъ изъ петербургскихъ корпусовъ преобразовать въ военную гимназію.

Первый вопросъ состоялъ въ закрытіи Александровскаго Виленскаго кадетскаго корпуса, къ чему и было приступлено въ началѣ іюня, тотчасъ по окончаніи экзаменовъ въ этомъ корпусѣ. Вотъ какъ было произведено это закрытіе.

Въ пятницу вечеромъ, совершенно неожиданно для служащихъ, пріѣзжаетъ въ Вильну помощникъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній генералъ-маіоръ Никита Васильевичъ Корсаковъ и объявляетъ, что корпусъ немедленно закрывается, что черезъ два дня, т. е. въ понедѣльникъ, воспитанники должны быть на вокзалѣ желѣзной дороги для отправки въ Петербургъ, что видно по обмундированію; бѣлье, книги, библіотека, аптека и кабинеты физическій, химическій и военные должны быть упакованы въ ящики и отправлены въ Петербургъ, а мебель должна быть продана теперь же. Я бы могъ привести многіе возмутительнаго свойства разсказы служившихъ въ это время въ Виленскомъ корпусѣ офицеровъ о томъ, какъ распродавалось казенное имущество; но въ запискахъ своихъ я держусь правила говорить только то, что я самъ видѣлъ, или за вѣрность чего могу ручаться, поэтому я не рѣшаюсь повторять слова лицъ, совершенно обиженныхъ при этомъ обстоятельствѣ. Довольно сказать, что такъ какъ покупщиками вещей явились одни евреи, которые въ пятницу вечеромъ и въ субботу ничего не покупаютъ, то все имущество пришлось распродать въ одинъ воскресный день. Можно себѣ представить, за что пошли казенныя вещи, и что потеряли несчастные дежурные офицеры и ротные командиры, обязанные также продать въ одинъ день все свое добро евреямъ, которые конечно не упустили случая прижать невольныхъ продавцовъ.

По своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, воспитанники Александровскаго Виленскаго корпуса были раздѣлены на три части: одну часть помѣстили въ зданіе 1-го кадетскаго корпуса на Васильевскомъ островѣ, а двѣ остальныя на Петербургской сторонѣ въ Павловскомъ и во 2-мъ кадетскихъ корпусахъ. Офицерамъ и ротнымъ командирамъ, даже и семейнымъ, отвели каждому по одной классной комнатѣ. На этомъ бивакѣ, почти безъ всякаго дѣла, воспитанники упраздненнаго Виленскаго корпуса провели время до конца іюля, когда ихъ постепенно распре

дѣлили по разнымъ корпусамъ: меньшую часть оставили въ Петербургѣ, а большую часть опять вывезли изъ Петербурга въ разные губернскіе корпуса [1]).

Въ вопросѣ о преобразованіи корпусовъ въ военныя училища остановились на 1-мъ кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ и на Александринскомъ сиротскомъ корпусѣ въ Москвѣ. Но генералъ Ванновскій хотѣлъ получить военное училище, гдѣ фронтъ и военная дисциплина были на первомъ планѣ, и вотъ онъ начинаетъ хлопотать о томъ, чтобы не 1-й, а Павловскій корпусъ былъ преобразованъ въ военное училище. Какіе доводы приводилъ Ванновскій въ пользу своего мнѣнія, мнѣ не извѣстно, но ему удалось убѣдить генерала Исакова, который согласился обратить Павловскій корпусъ въ военное училище, директору же 1-го корпуса, генералъ-маіору Николаю Павловичу Гартонгу, было сказано, что 1-й корпусъ будетъ преобразованъ въ военную гимназію черезъ годъ, т. е. въ 1864 году, а пока отъ него только отдѣляютъ спеціальные классы въ военныя училища. Достигнувъ своей главной цѣли, ген. Ванновскій пожелалъ перемѣститься въ зданіе 1-го корпуса. Онъ началъ заявлять генералу Исакову о неудобствахъ, какія представляетъ зданіе Павловскагокорпуса на Петербургской сторонѣ (гдѣ нѣкогда помѣщался Дворянскій полкъ) для будущаго военнаго училища. Онъ указывалъ, что для правильнаго исполненія возложеннаго на него порученія, было бы удобнѣе и цѣлесообразнѣе

[1]) Много говорили тогда въ Петербургѣ о причинѣ такого быстраго закрытія Виленскаго Александровскаго корпуса. Разсказывали о тѣхъ симпатіяхъ, которыя проявляли воспитанники этого корпуса, по большей части поляки, бывшему въ то время повстанью. Между прочимъ извѣстенъ тотъ фактъ, что когда генералъ Ганецкій, бывшій тогда начальникомъ собранныхъ тамъ войскъ, проѣзжалъ мимо корпуса, то воспитанники стали стучать ему въ окна, а когда онъ посмотрѣлъ на окна, то грозили ему кулаками. Разсказывали также, что унтеръ-офицеръ какого-то полка донесъ своему начальству, что старшіе воспитанники корпуса, разговаривая съ караульными солдатами, стоявшими въ зданіи корпуса, совѣтовали имъ не стрѣлять въ своихъ же братьевъ поляковъ. Какъ бы тамъ ни было, но достаточно было перевести воспитанниковъ спеціальныхъ классовъ въ другіе корпуса, гдѣ и распредѣлить ихъ по 10-ти въ корпусѣ; тамъ ихъ польскія идеи среди русскихъ дѣтей не могли бы имѣть никакого дурнаго вліянія, и остальные классы можно было бы оставить на мѣстѣ до августа, когда и пополнить ими другіе корпуса, замѣстивъ ими открывшіяся вакансіи. Во всякомъ случаѣ можно было не разорять ни несчастныхъ служащихъ, ни казенное добро такимъ неожиданнымъ закрытіемъ; больше же всего пострадали дѣти, жившія безъ дѣла слишкомъ два мѣсяца. Бывшее зданіе Виленскаго корпуса было тотчасъ занято госпиталемъ; но не нужда въ госпиталѣ заставила закрыть корпусъ, а оставшееся свободнымъ зданіе, какъ ненужное, отдано было госпитальному вѣдомству.

перевести Павловскій корпусъ на Васильевскій островъ въ зданіе 1-го кадетскаго корпуса, гдѣ и преобразовать его въ училище, а 1-му корпусу отдать зданіе Павловскаго корпуса, зданіе котораго для военной гимназіи гораздо удобнѣе, нежели зданіе 1-го корпуса.

Казалось бы, что, убѣдившись въ истинѣ словъ ген. Ванновскаго, Исаковъ могъ бы просто распорядиться преобразованіемъ 1-го корпуса въ военное училище, а Павловскаго въ военную гимназію; онъ могъ бы по крайней мѣрѣ спросить директора 1-го корпуса, точно-ли ему удобнѣе будетъ помѣстить будущую военную гимназію въ зданіи Павловскаго корпуса. Но не таковъ былъ генералъ Исаковъ, чтобы серьезно задумываться надъ какими бы то ни было вопросами. Онъ даже не обратилъ вниманія на странныя, противорѣчившія одна другой, просьбы генерала Ванновскаго; онъ просто отдалъ приказъ въ іюнѣ 1863 года, чтобы къ августу 1-й и Павловскій корпуса помѣнялись своими зданіями.

Такимъ образомъ 1-й корпусъ, существовавшій съ 1731 г., уже отпраздновавшій свой стодвадцатипятилѣтній юбилей, бывшій первымъ свѣтскимъ училищемъ въ Россіи, когда не существовало ни одной гимназіи, ни одного университета,—корпусъ, который далъ уже Россіи много славныхъ военныхъ, государственныхъ и литературныхъ дѣятелей, вдругъ однимъ почеркомъ пера изгоняется изъ его историческаго зданія. Директоръ 1-го корпуса, генералъ Гартонгъ, обратился къ главному начальнику съ письменнымъ запросомъ, какъ поступить съ тѣми историческими памятниками, которые существуютъ въ заведеніи, и которыми гордятся кадеты 1-го кадетскаго корпуса, можетъ-ли онъ взять ихъ съ собою въ новое помѣщеніе, но получилъ въ отвѣтъ, чтобы оставить ихъ Павловскому училищу. Онъ спросилъ, разрѣшено-ли будетъ ему взять съ собою ту икону, которой благословилъ корпусъ императоръ Александръ Николаевичъ, при своемъ вступленіи на престолъ; велѣно было и ее оставить въ зданіи, а въ утѣшеніе воспитанниковъ разрѣшено было взять съ собою мундиръ покойнаго государя Николая Павловича, свое знамя и свой архивъ, все же остальное сдать Ванновскому. Такимъ образомъ однимъ ударомъ были разбиты всѣ хорошія традиціи 1-го корпуса. Воспитанники привыкли уважать исторію корпуса, они гордились тѣми замѣчательными личностями, которыхъ далъ 1-й корпусъ [1]); но когда они узнали, что все это попрано

[1]) Воспитанники до такой степени любили 1-й корпусъ, что дѣлали пожертвованія на украшеніе своей корпусной церкви, такъ всѣ мѣстные образа (большихъ размѣровъ) на иконостасѣ были въ серебряныхъ ризахъ, которыя начали кадеты постепенно дѣлать на свой счетъ. Увидѣвъ нѣкоторые образа уже въ ризахъ, прихожане пожелали своими пожертвованіями украсить и остальные ризами. При сдачѣ корпуса ризы снимали и вѣшали на вѣсахъ гг. пріемщики отъ Павловскаго корпуса.

Исаковымъ да Ванновскимъ, они пришли въ полное негодованіе и громко стали выражать свое неудовольствіе, говоря: къ чему намъ говорили, что мы должны гордиться своимъ воспитаніемъ въ 1-мъ корпусѣ, когда одинъ человѣкъ, по своей прихоти, можетъ уничтожить все, что намъ дорого; намъ даже не позволяютъ дорожить благословленіемъ государя; вотъ мундиръ не нуженъ Ванновскому, и онъ отдалъ намъ его, а болѣе цѣнныя вещи забралъ себѣ... Годъ спустя послѣ такого погрома, мнѣ пришлось по одному дѣлу лично явиться къ генералу Исакову; ему почему-то вздумалось ходить со мною взадъ и впередъ по діагонали своей пріемной комнаты, при этомъ онъ жаловался, что онъ, посѣщая школы въ Англіи, съ удовольствіемъ видѣлъ, какъ тамъ ученики дорожатъ своимъ заведеніемъ, уважаютъ его, дорожатъ исторіею, и какъ мало это развито у насъ въ Россіи. По истинѣ человѣкъ самъ не вѣдалъ, что творилъ! Много лѣтъ спустя мнѣ пришлось встрѣтиться въ Кіевѣ съ генераломъ Ванновскимъ, который былъ тогда начальникомъ дивизіи; я прямо выразилъ ему удивленіе, какъ только могло быть допущено такое отношеніе къ 1-му корпусу. Онъ отвѣтилъ мнѣ на это слѣдующее: «да слишкомъ поцеремонились тогда съ однимъ человѣкомъ, все это произошло оттого, что не хотѣли сдѣлать начальникомъ училища Гартонга». Въ это время я уже ничему больше не удивлялся и потому не удивился даже этому отвѣту.

Все это было очень дурно, но худшее было еще впереди; казалось, что генералъ Исаковъ имѣлъ какую-то личную непріязнь къ 1-му корпусу и поставилъ себѣ задачею во что бы то ни стало привести 1-й корпусъ къ полному упадку.

При рѣшеніи вопроса, какой корпусъ преобразовать раньше другихъ въ военную гимназію, генералъ Исаковъ остановился на 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, по указанію инспектора классовъ этого корпуса, полковника Да—ича.

Да—ичъ былъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ коммиссіи по преобразованію военно-учебныхъ заведеній, обсуждавшей вопросъ о преобразованіи подъ предсѣдательствомъ Д. А. Милютина. Ловкій, но въ то же время умный и образованный, человѣкъ этотъ умѣлъ обратить на себя вниманіе военнаго министра, который и рекомендовалъ его Исакову, какъ лучшаго его помощника въ предстоявшемъ преобразованіи кадетскихъ корпусовъ. Генералъ Исаковъ сказалъ Да—ичу, что при преобразованіи корпусовъ въ военныя гимназіи прежніе директора корпусовъ будутъ устранены отъ своихъ должностей и первую вакансію на должность директора гимназіи онъ предоставитъ ему—Д—ичу.

Какъ разъ въ это время (1863 г.) директоръ 2-го кадетскаго корпуса, генералъ-лейтенантъ Степановъ, рѣшился оставить корпусъ, и

полковнику Д—чу предложено было принять корпусъ и, согласно его просьбѣ, приступить къ преобразованію его въ военную гимназію.

Да — ичъ съумѣлъ обойти молчаливаго, величаваго Николая Васильевича Исакова. Онъ заявилъ, что такъ какъ онъ открываетъ военную гимназію первымъ, дѣлаетъ первый опытъ, то онъ непремѣнно долженъ сразу поставить новое заведеніе въ отличное состояніе, чтобы враги реформы военно-учебныхъ заведеній увидѣли бы пользу отъ преобразованія. Поэтому ему необходимо отобрать въ свое заведеніе болѣе молодыхъ (подразумѣвалось лучшихъ) воспитанниковъ изъ всѣхъ петербургскихъ корпусовъ, т. е. 1-го, 2-го и Павловскаго, оставивъ застарѣлыхъ воспитанниковъ 1-го корпуса въ томъ же заведеніи и пополнивъ комплектъ его худшими воспитанниками 2-го и Павловскаго корпуса. Получивъ на это согласіе Исакова, онъ потребовалъ себѣ черезъ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній списки всѣхъ воспитанниковъ общихъ классовъ 1-го и Павловскаго корпуса, съ обозначеніемъ возраста каждаго воспитанника, балловъ за поведеніе, балловъ за ученіе, съ отмѣткою, кто изъ воспитанниковъ оставался въ которомъ-нибудь классѣ. По этимъ спискамъ Да—ичъ лично выбралъ себѣ составъ своего заведенія, назначивъ всѣхъ засидѣвшихся въ корпусѣ, безнравственныхъ, лѣнивыхъ и тупыхъ воспитанниковъ трехъ корпусовъ въ 1-й корпусъ [1]).

Комплектъ какъ 1-го, такъ и 2-го корпуса былъ 600 человѣкъ, комплектъ Павловскаго корпуса—500 человѣкъ, всего 1.700 воспитанниковъ; изъ нихъ 150 человѣкъ вышли въ тотъ годъ изъ этихъ трехъ корпусовъ офицерами, около 400 переходило въ военныя училища; при отдѣленіи спеціальныхъ классовъ, оставалось 1.150 человѣкъ, которые и слѣдовало распредѣлить между 2-мъ и 1-мъ корпусами; но Да—ичъ упросилъ уменьшить свой комплектъ; ему разрѣшено было выбрать себѣ только 500 воспитаниковъ изъ 1.150.

Вслѣдствіе такого распоряженія, 1-й корпусъ пришелъ въ новое свое помѣщеніе изъ лагеря подъ Петергофомъ въ половинѣ августа 1863 года въ слѣдующемъ составѣ:

Переведенныхъ	изъ 2-го корпуса.	139	человѣкъ
»	» Павловскаго корпуса. .	176	»
»	» Виленскаго корпуса . .	25	»
»	» Тульскаго и Воронежскаго	2	»
	Всего . .	342	»

[1]) Говорятъ, что Д—ичъ объявилъ прямо Исакову, что надо отлично обставить 2-ю воен. гимназію и въ то же время какъ можно хуже обставить 1-й кад. корпусъ, съ тѣмъ, чтобы явился рѣзкій контрастъ этихъ двухъ рядомъ стоящихъ заведеній, и тѣмъ расположить общество въ пользу преобразованія.

Къ этому числу прибавилось оставшихся въ 1-мъ корпусѣ 300 воспитанниковъ, да сверхъ того вновь поступило около 20 или 25 человѣкъ (точнаго числа я не записалъ).

Страннымъ покажется, почему бы назначить новичковъ въ 1-й корпусъ, а не опредѣлить ихъ прямо во вновь открытую 2-ю военную гимназію, гдѣ они могли бы сразу быть поставлены въ новыя условія воспитанія; но Да—ичъ, отказываясь отъ новичковъ, имѣлъ свой разсчетъ: новенькій воспитанникъ нерѣдко оказывался и лѣнивымъ, и безнравственнымъ мальчикомъ, его не узнаешь раньше нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ заведеніи, а Д—ичъ билъ на-вѣрняка: онъ выбиралъ уже испытанныхъ дѣтей, уже отлично аттестованныхъ прежнихъ кадетъ. Что же касалось того, что несчастные новички попадали въ зачумленную среду и, побывъ лишь одинъ годъ подъ управленіемъ стараго порядка, должны были затѣмъ черезъ годъ переходить къ новому режиму, то Да—чу до этого не было никакого дѣла, лишь бы дѣла шли хорошо. А Исаковъ легко соглашался на всякое предложеніе Да—ича.

Достигъ-ли по крайней мѣрѣ Да—чъ своей цѣли, привелъ-ли онъ свою гимназію въ образцовое состояніе? И умные люди могутъ горько ошибаться, особенно когда въ основаніи ихъ дѣйствій лежитъ не польза дѣла, а одни лишь постороніе разсчеты.

Лучшіе ученики 2-й военной гимназіи стали портиться, соревнуя выказать свои туземные виды молодечества. Въ ноябрѣ 1863 года эти лучшіе ученики вновь преобразованной военной гимназіи устроили такой скандалъ, который превзошелъ всѣ ходячія понятія о кадетскихъ бунтахъ. Генералъ Исаковъ пріѣхалъ на другой день въ военную гимназію и приказалъ Да—ичу вызвать наиболѣе виновныхъ въ этомъ скандалѣ. Были вызваны три воспитанника, которыхъ Исаковъ тотчасъ же велѣлъ отправить въ военно-начальную школу (батальонъ кантонистовъ) [1]. Одного изъ этихъ погубленныхъ дѣтей, переведеннаго въ августѣ того же года изъ 1-го корпуса, я хорошо зналъ и могу только пожалѣть, что такія способныя и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасныя дѣти, достигшія уже 15-ти лѣтняго возраста, были жертвами реформы. Такъ какъ остальные двое также были подобраны Да—ичемъ, какъ лучшіе ученики изъ трехъ заведеній, то конечно и они не тѣмъ бы окончили при другихъ условіяхъ.

Случай этотъ далъ поводъ Г. Г. Д—ичу указать на 1-й кор-

---

[1]) При этомъ ген. Исаковъ прибавилъ: „очень жаль, что вы нашли виновными только троихъ; но если комитетъ такъ призналъ, то пусть такъ и будетъ; если же что-нибудь подобное повторится, то представить къ переводу въ батальонъ военныхъ кантонистовъ по крайней мѣрѣ половину (!!).

пусъ какъ на главнаго виновника всѣхъ его бѣдъ. Тамъ, говорилъ онъ, другіе порядки, моимъ воспитанникамъ они больше нравятся, поэтому они недовольны и воспользовались первымъ случаемъ, чтобы произвесть такой скандалъ. Генералъ Исаковъ прямо изъ военной гимназіи явился въ 1-й корпусъ, который долженъ былъ вынести на себѣ еще одно нелѣпое его распоряженіе; но объ этомъ скажу ниже. Какъ вообще шло воспитаніе во вновь устроенной военной гимназіи, можно судить изъ того обстоятельства, что жители Петербургской стороны перестали ходить по той сторонѣ тротуара, гдѣ находилась 2-я военная гимназія, потому что ихъ постоянно обливали водой и чернилами, бросали въ нихъ шариками изъ бумаги или хлѣба, кустами штукатурки и т. п. [1]).

Но посмотримъ результаты сортировки въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ.

Когда отобранные воспитанники пришли въ 1-й корпусъ, то оказалось, что отъ рвенія слить все худшее въ одно мѣсто собрано было слишкомъ много воспитанниковъ: вмѣсто 600 — 670. Директоръ корпуса обратился къ главному начальнику съ вопросомъ, что дѣлать ему съ сверхъ-комплектными воспитанниками, такъ какъ онъ не имѣетъ ни денежныхъ средствъ содержать ихъ и открывать для нихъ особыхъ классовъ, ни должнаго помѣщенія. Ему сказано было, чтобы онъ отдѣлилъ излишнихъ, которые и будутъ отправлены въ другіе корпуса. До конца сентября (полтора мѣсяца) отдѣленные 66-ть воспитанниковъ болтались безъ всякаго дѣла и, наконецъ, отправлены были 35 человѣкъ въ Тульскій корпусъ и 31—въ Орловскій. Тульскій корпусъ имѣлъ у себя тогда одни только низшіе классы, комплектъ былъ небольшой (кажется, 125 или 150 человѣкъ), и вдругъ въ это заведеніе являются 35 отчаянныхъ молодцовъ, побывавшихъ уже въ разныхъ корпусахъ, привыкшихъ къ праздности и сразу заявившихъ себя во всевозможныхъ проступкахъ. Директоръ корпуса генералъ-маіоръ Набель страшно испугался этого подарка, онъ убѣдительно сталъ просить главнаго начальника взять ихъ отъ него, такъ какъ они портятъ его воспитанниковъ. Онъ, наконецъ, успѣлъ въ этомъ и получилъ разрѣшеніе отправить полученный товаръ въ Орелъ [2]). Такимъ образомъ эти 35 человѣкъ снова поѣхали въ другой корпусъ.

---

[1]) Мѣстныя преданія объ этомъ подтверждаются журналомъ „Педагогическій Сборникъ" № V (февраль) 1865 г. стр. 71.

[2]) Передъ закрытіемъ Тульскаго корпуса въ 1866 году генералъ Набель былъ въ Петербургѣ, въ 1-й военной гимназіи; хотя уже прошло три года, онъ не могъ забыть этой присылки и при мнѣ горько жаловался бывшему тогда директору гимназіи генералу Баумгартену, что Гартонгъ отобралъ для него самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ, удивляясь при этомъ, какъ могли довести кадетъ до такого состоянія. Онъ и не подозрѣвалъ, что выбора никакого не было, а просто часть переведенныхъ изъ другихъ корпусовъ въ 1-й корпусъ—передали ему.

Директоромъ Орловскаго кадетскаго корпуса, а затѣмъ военной гимназіи, генералъ-маіоромъ Бушеномъ эти 66 воспитанниковъ были въ короткое время постепенно удаляемы изъ заведенія и изъ 66-ти—63 было выгнано, а въ военныя училища перешло только трое!!... Фактъ этотъ, надѣюсь, говоритъ самъ за себя..... Это только первоначальныя жертвы реформы [1]...

Но возвратимся къ 1-му корпусу. При повѣркѣ по спискамъ состава вновь сформированнаго 1-го корпуса въ августѣ 1863 года оказалось, что возрастъ кадетъ вмѣсто того чтобы понизиться (вслѣдствіе отдѣленія спеціальныхъ классовъ), — значительно повысился. Пришлось на 600 воспитанниковъ открыть 21 классное отдѣленіе въ слѣдующемъ составѣ:

для	5-го общаго класса. . .	5 отдѣленій	(около	150 чел.)
»	4-го » » . . .	5 »	»	150 »
»	3-го » » . . .	5 »	»	145 »
»	2-го » » . . .	3 »	»	75 »
»	1-го » » . . .	2 »	»	55 »
»	приготовительнаго класса	1 »	»	25 »

При нормальномъ составѣ въ 5-мъ общемъ классѣ бывало обыкновенно 2 параллельныя отдѣленія, а въ приготовительномъ и 1-мъ классахъ по 4-ре отдѣленія.

Такъ какъ корпусъ по законному положенію долженъ былъ дѣлиться на пять ротъ 120 воспитанниковъ въ каждой, то въ неранжированную роту, гдѣ прежде были воспитанники до 12-ти лѣтъ, пришлось теперь помѣстить—даже слишкомъ 14-ти лѣтъ, такъ что многіе воспитанники, бывшіе уже въ 3-й и даже въ 1-й ротѣ, попали теперь въ неранжированную. Рота 1-я (его величества) и 4-я нисколько не различались возрастомъ, да и 2-я мало отличалась отъ нихъ, потому что Д—ичъ выбралъ себѣ только лучшихъ 25 воспитанниковъ 5-го общаго класса изъ трехъ корпусовъ, а остальныхъ цѣликомъ передалъ 1-му корпусу, но младшіе классы онъ у себя устроилъ многочисленные, такъ что 1-му корпусу эти классы достались на подборъ и дурные по поведенію, и малоспособные, и несоотвѣтственные возрасту. Тѣмъ не менѣе соста-

[1] Я помѣстилъ это число исключенныхъ воспитанниковъ (63) на основаніи словъ переведенныхъ воспитанниковъ Орловской военной гимназіи въ петербургскія военныя училища. Интересуясь судьбою этихъ несчастныхъ жертвъ, я къ нѣсколькимъ воспитанникамъ Орловской гимназіи обращался съ вопросомъ, много-ли было изгнано изъ переведенныхъ изъ 1-го корпуса, и всѣ они единогласно говорили мнѣ, что фактъ этотъ былъ хорошо извѣстенъ всему заведенію, такъ какъ онъ былъ предметомъ частаго разговора между служащими, а также между воспитанниками. То же самое мнѣ впослѣдствіи подтвердили и лица, служившія въ то время въ Орлѣ.

вившаяся неранжированная рота была устроена въ особомъ помѣщеніи и, при сравнительно небольшомъ числѣ воспитанниковъ (110 человѣкъ при 10 унтеръ-офицерахъ изъ 5-го класса), ихъ удалось привести въ должный порядокъ. Однако генералъ Исаковъ своимъ, какъ ниже увидимъ, неумѣстнымъ и неумѣлымъ вмѣшательствомъ во внутреннюю жизнь заведенія, съумѣлъ тутъ испортить дѣло.

Въ началѣ года, получивъ кадетъ изъ четырехъ корпусовъ, мы, служившіе тогда въ 1-мъ корпусѣ, полагали, что кадеты 2-го корпуса окажутся хуже остальныхъ, потому что воспитанниковъ 1-го и Павловскаго корпуса Да—чъ подбиралъ себѣ лишь по аттестатамъ, которые не всегда даютъ полное представленіе о нравственности аттестуемаго; воспитанниковъ же 2-го корпуса онъ зналъ лично и не могъ ошибиться въ выборѣ ихъ. Оказалось однако, что худшими вышли бывшіе кадеты Павловскаго корпуса, потомъ 2-го, затѣмъ 1-го, а лучшими—Виленскаго Александровскаго корпуса. Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что небольшое число этихъ кадетъ (25 человѣкъ) не были выбраны какъ негодные и между ними попали очень хорошіе мальчики. Но выдающаяся испорченность кадетъ Павловскаго корпуса могла свидѣтельствовать о крайней распущенности и деморализаціи этого заведенія въ послѣдніе годы передъ преобразованіемъ, когда директоромъ былъ полковникъ, а потомъ генералъ-маіоръ Ванновскій.

Къ оставшимся въ 1-мъ корпусѣ 600 кадетамъ были приставлены дежурные офицеры, которые очень хорошо знали, что черезъ годъ никто изъ нихъ не останется въ заведеніи, такъ какъ предполагалось въ 1864 году преобразовать корпусъ въ военную гимназію, а при подобномъ преобразованіи, какъ показалъ примѣръ 2-й военной гимназіи, и хорошіе, и дурные офицеры поголовно оставлялись за штатомъ. Вслѣдствіе этого, офицеры отыскивали себѣ другія мѣста, а кто могъ, уходить прочь. Наличное число дежурныхъ офицеровъ стало быстро уменьшаться; сначала дошло до того, что за недостаткомъ офицеровъ по лазарету стали назначать дежурнымъ кадета 5-го класса (и это въ лазаретѣ, гдѣ постоянно были больные сифилисомъ), а въ концѣ года даже иногда и по двумъ ротамъ дежурилъ одинъ офицеръ. Собравши въ одно заведеніе все негодное изъ трехъ корпусовъ, не хотѣли даже установить порядочнаго надзора, не говоря уже о воспитаніи! Директоръ корпуса просилъ прикомандировать къ нему нѣсколькихъ офицеровъ, просившихся въ корпусъ, хотя на одинъ годъ, но отъ генерала Исакова получилъ отвѣтъ, что, вслѣдствіе имѣющихся въ виду преобразованій, прикомандировывать на время новыхъ лицъ—не стоитъ [1]). Тогда директоръ просилъ прислать къ нему по крайней мѣрѣ

[1]) Отказъ мотивировался тѣмъ, что остающимся за штатомъ приходилось выдавать не въ зачетъ годовой окладъ, слѣдовательно, на трехъ офицеровъ,

*

тѣхъ офицеровъ, которые находились при военно-начальной школѣ, но считались состоящими въ 1-мъ корпусѣ, гдѣ, изъ суммъ 1-го корпуса, получали жалованье,—ему отвѣтили, что они и тамъ нужны. Кромѣ того, положеніе самихъ начальствующихъ лицъ было не обезпеченное.

Разумѣется, что при подобной обстановкѣ не могло быть и рѣчи объ исправленіи дурныхъ воспитанниковъ, да и оставшіеся хорошіе мальчики и новички стали замѣтно портиться. Проступки, которые прежде считались выходящими изъ ряда обыкновенныхъ, теперь стали явленіемъ нормальнымъ, и на нихъ не обращалось почти никакого вниманія. Въ заведеніи развились: пьянство (не рѣдко цѣлыми компаніями), венерическія болѣзни, картежная игра, кража казенныхъ книгъ и продажа ихъ на толкучемъ рынкѣ (одинъ воспитанникъ, лютеранинъ, былъ отпущенъ къ пастору на конфирмацію и встрѣченъ былъ на улицѣ съ узломъ казенныхъ книгъ, которыя онъ несъ на продажу), подписываніе подъ руку учителей на выдачу бумаги въ большомъ количествѣ и т. п. Сверхъ того бывало много случаевъ дѣйствій воспитанниковъ скопомъ, и всегда зачинщиками оказывались кадеты бывшаго Павловскаго корпуса.

Въ ноябрѣ трое воспитанниковъ (одинъ 2-го корпуса и 2 Павловскаго), будучи въ отпуску, зашли въ распивочную и выпили водки; на улицѣ одинъ изъ нихъ опьянѣлъ и упалъ (2-го корпуса, видно еще не привыкъ пить), тогда другіе двое пошли за извощикомъ, но въ это время его взяли въ полицію, о чемъ тотчасъ донесли оберъ-полицеймейстеру, а тотъ донесъ государю. Государь, не знавшій, что изъ 1-го корпуса была сдѣлана помойная яма, куда сливали все негодное, разгнѣвавшись, сказалъ: «никогда ничего подобнаго я не видалъ въ

въ прикомандированіи которыхъ отказывали, приходилось выдать лишніе 900 рублей. Эти 900 р. показались такими большими деньгами въ то время, когда зря кидали десятки тысячъ! Такъ, всѣ чины (директоръ, инспекторъ классовъ, офицеры, учителя) вновь переименованнаго Павловскаго училища получили неизвѣстно за что годовой окладъ каждый, точно также получили годовые оклады всѣ чины 2-й военной гимназіи, Александровскаго училища въ Москвѣ и всѣ переведенные изъ одного заведенія въ другое не фактически, а хотя бы только по названію. Директоръ 2-й военной гимназіи, оставаясь въ той же квартирѣ, какую онъ занималъ, будучи въ званіи директора 2-го кадетскаго корпуса, только потому, что онъ сталъ называться директоромъ военной гимназіи, получаетъ годовой окладъ. Были многочисленные случаи, что служащій, даже не перемѣнившій казенной квартиры, получалъ годовой окладъ только потому, что заведеніе его получало другое названіе. Чины же 1-го корпуса, хотя и переѣхали въ другое зданіе, но такъ какъ они остались съ тѣмъ же названіемъ 1-го корпуса,—ничего не получили.

1-мъ корпусѣ», и съ тѣхъ поръ на всѣхъ разводахъ и парадахъ, гдѣ участвовали также кадеты 1-го корпуса, проходилъ мимо кадетъ, не здороваясь. Точно также ни одного раза въ томъ году онъ не посѣтилъ 1-й корпусъ. И тѣ, которые имѣли смѣлость испортить заведеніе, не имѣли мужества оправдать невинныхъ передъ лицомъ государя!

Генералъ Исаковъ посѣтилъ заведеніе въ сентябрѣ, молча ходилъ цѣлый часъ и молча уѣхалъ. Въ октябрѣ онъ посѣтилъ заведеніе во второй разъ во время утреннихъ классовъ. Во время перемѣны онъ замѣтилъ табачный дымъ, который наполнялъ классный корридоръ, и обратился къ директору съ вопросомъ: «отчего это дымъ?» Генералъ Гартонгъ, озлобленный на всѣ тѣ невзгоды, которыя ему пришлось вынести вмѣстѣ съ заведеніемъ, отвѣчалъ хладнокровно: это курятъ воспитанники въ ватеръ-клозетѣ.—«Отчего же вы не запретите?»—Я имъ запрещаю, но не имѣю достаточнаго числа офицеровъ для усиленнаго надзора, и этотъ проступокъ сдѣлался у насъ ничтожнымъ сравнительно съ другими, на которые приходится больше обращать вниманіе.

— Какъ же такъ, они не стѣсняются даже моимъ присутствіемъ? Собрать, по окончаніи классовъ, двѣ старшія роты въ залъ!

Двѣ старшія роты были приведены и построены въ библіотекѣ. Съ свойственнымъ ему спокойствіемъ и хладнокровіемъ, генералъ Исаковъ высказалъ имъ слѣдующее: «Вы позволяете себѣ курить даже и въ моемъ присутствіи, я это выведу. Васъ здѣсь болѣе двухсотъ человѣкъ, но васъ останется здѣсь полтораста, можетъ быть, и сто, можетъ быть, и меньше, остальные будутъ выгнаны, мнѣ это все равно, но только я вамъ объявляю, что я уничтожу ваше куреніе». Воспитанники улыбаются на эту рѣчь. Генералъ Исаковъ обратился къ директору: «дежурнаго по корпусу—на трое сутокъ арестовать, также и дежурныхъ офицеровъ». Затѣмъ онъ уѣхалъ. Въ тотъ же день воспитанники послали доносъ военному министру на генерала Исакова.

Послѣ этого посѣщенія, генералъ Исаковъ, какъ кажется, закаялся показываться въ 1-й корпусъ, но бунтъ, учиненный воспитанниками 2-й военной гимназіи въ ноябрѣ, заставилъ его еще разъ явиться въ заведеніе. Высказавъ навѣянную на него Да—чемъ мысль, что безпорядокъ во 2-й гимназіи произошелъ отъ вліянія 1-го корпуса, онъ приказалъ директору старшую роту отдѣлить въ отдѣльное помѣщеніе. Когда же директоръ заявилъ ему, что у него въ зданіи такого помѣщенія нѣтъ, то онъ пошелъ самъ по заведенію и указалъ мѣсто неранжированной роты, которую приказалъ перевесть на мѣсто 1-й его величества роты, а 1-ю на мѣсто неранжированной. Напрасно генералъ Гартонгъ казывалъ все неудобство соединенія неранжированной роты съ другими ротами, напрасно онъ говорилъ, что старшую роту этимъ не отдѣлишь, а только неранжированную смѣшаешь съ другими, генералъ Исаковъ

остался при своемъ и съ тѣмъ уѣхалъ. Въ тотъ же день генералъ Гартонгъ собралъ воспитательный комитетъ, гдѣ и было изложено приказаніе генерала Исакова. Члены комитета единогласно признали приведеніе въ исполненіе этого приказанія крайне вреднымъ для заведенія, которымъ и безъ того съ такимъ трудомъ приходилось управлять; всѣ пришли просто чуть не въ отчаяніе и просили директора корпуса объяснить генералу Исакову всѣ дурныя послѣдствія, какія отъ этого надо ожидать для неранжированной роты, безъ всякой пользы для 1-й роты. Гартонгъ объявилъ, что онъ уже высказалъ свое мнѣніе Исакову и считаетъ себя не въ правѣ опять съ тѣмъ же являться къ нему, что приходится подчиниться приказанію и исполнить его.

И началось переселеніе; послѣдствія вышли самыя пагубныя. И маленькіе кадеты, и новички, все заразилось дурнымъ примѣромъ старшихъ: порча вышла поголовная.

А генералъ Исаковъ? Испортивъ въ конецъ заведеніе, онъ успокоился и съ тѣхъ поръ больше ни разу въ него не заглядывалъ до самаго преобразованія. Видя такое равнодушіе къ заведенію, какъ жалѣлъ потомъ директоръ, что онъ послушался Исакова и не оставилъ всего по-старому!

Впрочемъ, заведеніе вспомнило его еще разъ. На Крещенскомъ парадѣ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, воспитанники 1-й роты были также со знаменемъ 1-го корпуса. Государь, хотя въ началѣ и не поздоровался съ кадетами, но по окончаніи парада въ присутствіи кадетъ приказалъ отпустить всѣхъ участвовавшихъ въ парадѣ воспитанниковъ (двухъ училищъ и 1-го корпуса) въ отпускъ на три дня. По уходѣ государя генералъ Исаковъ, подойдя тутъ же во дворцѣ къ директору Гартонгу, сказалъ ему: «ваши довольно гуляли, можно ихъ не отпускать». (Между тѣмъ на репетицію парада кадеты должны были являться во время Рождественскихъ праздниковъ почти каждый день). Такой-то примѣръ исполненія царскаго приказа преподавался юношамъ! [1]).

---

[1]) Позволю себѣ привести другой случай, который былъ мнѣ лично разсказанъ генераломъ Гартонгомъ тотчасъ послѣ того, какъ онъ былъ. Государь призвавъ къ себѣ ген. Исакова, наканунѣ назначеннаго имъ парада кадетъ въ лагеряхъ подъ Петергофомъ въ 1863 году, приказалъ Исакову разставить кадетскіе корпуса въ указанномъ имъ порядкѣ; ген. Исаковъ, выслушавъ приказаніе государя, уѣхалъ домой, не сказавъ никому ни слова. На другой день государь пріѣхалъ на парадъ и, замѣтивъ, что воспитанники стоятъ не такъ, какъ онъ приказалъ, обратился къ генералу Гартонгу (который въ тотъ годъ командовалъ кадетскимъ отрядомъ) съ вопросомъ: „развѣ тебѣ Исаковъ не передалъ моего приказанія?"; — Никакъ нѣтъ, ваше императорское величество, — отвѣчалъ Гартонъ. Государь, не сказавъ ни слова, пошелъ по фронту.

Не буду перечислять тѣхъ выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ проступковъ, какіе происходили въ 1-мъ корпусѣ въ этотъ злополучный для него годъ, достаточно упомянуть о двухъ изъ нихъ, чтобы составить понятіе о той средѣ, которую создали господа высшіе педагоги своими распоряженіями.

Рота 1-я (его величества) и 4-я поссорились между собою и объявили другъ другу, что при первой возможности они разсчитаются. Та и другая сторона принялись точить ножи. Въ промежутокъ времени между обѣдомъ и вечерними классами обѣ стороны бросились другъ на друга. Послѣдствія были бы ужасныя, если бы къ счастію не нашлось въ обѣихъ ротахъ человѣкъ до 25-ти, не одобрявшихъ воинственный пылъ своихъ товарищей; они заранѣе условились быть постоянно насторожѣ и не допустить свалки. Находясь все свободное время около ружей, эти нейтральные, замѣтивъ движеніе, схватили ружья и, помѣстившись въ дверяхъ, не допускали противниковъ сойтись. Одинъ изъ воспитанниковъ, по приказанію дежурнаго офицера, отправился на квартиру директора и сообщилъ о готовящейся дракѣ на ножахъ. Директоръ корпуса, явившись въ роту, прочелъ длинный списокъ тѣхъ кадетъ, которыхъ онъ немедленно поѣдетъ представить къ исключенію въ полки рядовыми, если драка состоится. Кадеты пожалѣли переименованныхъ товарищей и рѣшились помириться.

Учебная часть была въ началѣ года правильно установлена, но и здѣсь Исаковъ показалъ свое полное равнодушіе (чтобы не сказать пренебреженіе) къ заведенію. Инспекторъ классовъ 1-го корпуса, генералъ-маіоръ Линденъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ былъ назначенъ директоромъ Омскаго кадетскаго корпуса; на мѣсто его лишь 1-го сентября былъ Исаковымъ присланъ въ 1-й корпусъ полковникъ Николай Павловичъ Воронцовъ-Вельяминовъ при запискѣ, въ которой приказывалось директору корпуса выдавать ему инспекторское жалованье, начиная съ 15-го августа. Въ началѣ сентября государь императоръ, на представленіи о назначеніи полковника Воронцова-Вельяминова въ должность инспектора классовъ 1-го кадетскаго корпуса, вычеркнулъ его фамилію, и такимъ образомъ 1-й корпусъ остался безъ инспектора.

Воронцовъ-Вельяминовъ представляетъ довольно замѣчательную личность, поэтому нелишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ какъ о немъ самомъ, такъ и о причинѣ нежеланія государя сдѣлать его инспекторомъ классовъ въ 1-мъ корпусѣ.

Окончивъ курсъ въ Артиллерійской академіи, Воронцовъ-Вельяминовъ поступилъ учителемъ математики и артиллеріи въ кадетскій корпусъ въ Москвѣ. Во время Крымской войны, когда для доставленія студентамъ университета возможности поступать въ военную службу было

введено въ университетахъ преподаваніе военныхъ наукъ, Воронцовъ-Вельяминовъ назначенъ былъ читать студентамъ лекціи артиллеріи. Чтеніями этими Воронцовъ-Вельяминовъ на столько съумѣлъ заинтересовать студентовъ и даже профессоровъ, посѣщавшихъ его лекціи, что совѣтъ университета сдѣлалъ представленіе (которое не было утверждено) о сохраненіи каѳедры артиллеріи на математическомъ факультетѣ и въ мирное время. Михаилъ Никифоровичъ Катковъ, будучи тогда профессоромъ университета, очень скоро оцѣнилъ умнаго и образованнаго Воронцова-Вельяминова и предложилъ ему сотрудничество въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и въ «Московскихъ вѣдомостяхъ». Въ 1863 году, во время польскаго возстанія, «Московскія вѣдомости», какъ извѣстно, представляли органъ національной партіи; органъ этотъ разбиралъ дѣйствія правительства въ царствѣ Польскомъ, осуждалъ неумѣлость администраторовъ и нерѣшительность правительственныхъ мѣръ къ подавленію возстанія. «Московскія вѣдомости» встрѣтили сочувствіе во всемъ русскомъ обществѣ и расходились въ огромномъ числѣ экземпляровъ. Вотъ почему великій князь Константинъ Николаевичъ (бывшій тогда намѣстникомъ) писалъ М. Н. Каткову, что такая распространенная газета, какъ «Московскія вѣдомости», неправильно судитъ о дѣйствіяхъ правительства въ царствѣ Польскомъ, что̀ происходитъ отъ неимѣнія на мѣстѣ дѣйствія постояннаго корреспондента, который могъ бы слѣдить за ходомъ дѣлъ. На предложеніе великаго князя прислать въ Варшаву корреспондента, Михаилъ Никифоровичъ изъявилъ согласіе и обратился къ Воронцову-Вельяминову съ просьбой взять на себя эту обязанность, выбравъ себѣ помощника по своему усмотрѣнію. Въ это время Воронцовъ-Вельяминовъ состоялъ въ должности инспектора классовъ Александровскаго сиротскаго кадетскаго корпуса въ Москвѣ; онъ воспользовался наступившимъ каникулярнымъ временемъ и согласился ѣхать въ Вильно и въ Варшаву на три лѣтніе мѣсяца, т. е. на іюнь, іюль и августъ, помощникомъ же себѣ выбралъ своего помощника по службѣ поручика Павла Николаевича Юшенова.

Константинъ Николаевичъ принялъ Воронцова-Вельяминова очень любезно, безпрестанно приглашалъ его къ завтраку и къ своему столу. Умный и прямой Воронцовъ-Вельяминовъ все видѣлъ и умѣлъ здраво оцѣнить. Начали появляться въ «Московскихъ вѣдомостяхъ» корреспонденціи, которыя приводили въ ужасъ великаго князя. Видя безуспѣшность всѣхъ мѣръ, великій князь пожелалъ поскорѣе избавиться отъ неподкупнаго корреспондента: его перестали принимать у намѣстника, обращались болѣе чѣмъ холодно; жизнь его въ Варшавѣ сдѣлалась тяжелой, приходилось бѣжать, въ это же время уже истекалъ срокъ отпуска, и въ концѣ августа Воронцовъ-Вельями-

новъ оставилъ царство Польское. Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Варшавы, Воронцовъ-Вельяминовъ счелъ своей обязанностью явиться къ великому князю; Константинъ Николаевичъ принялъ его очень любезно и предложилъ ему вопросъ, что онъ думаетъ съ собой дѣлать? Такъ какъ въ это время Александровскій сиротскій корпусъ былъ уже преобразованъ въ Московское александровское военное училище и инспекторомъ былъ назначенъ Сергѣй Александровичъ Слуцкій, то Воронцовъ-Вельяминовъ остался за штатомъ. Узнавъ это, Константинъ Николаевичъ предложилъ ему свое содѣйствіе и свою рекомендацію по какому угодно вѣдомству. Вѣря въ искренность словъ великаго князя, Воронцовъ-Вельяминовъ изъявилъ желаніе служить по министерству финансовъ. Великій князь написалъ письмо министру финансовъ и передалъ его запечатаннымъ Воронцову-Вельяминову. Это письмо Воронцовъ-Вельяминовъ лично доставилъ министру финансовъ, который, прочитавъ его, сказалъ, что онъ его устроитъ, но затѣмъ никакого дальнѣйшаго дѣйствія письмо не имѣло.

Когда государь получилъ представленіе о назначеніи полковника Воронцова-Вельяминова въ должность инспектора классовъ 1-го кадетскаго корпуса,то онъ сдѣлалъ на поляхъ такую надпись: «тотъ-ли это Воронцовъ-Вельяминовъ, который былъ лѣтомъ въ царствѣ Польскомъ?» и по полученіи отвѣта, что это тотъ самый, перечеркнулъ представленіе.

Когда генералъ Исаковъ сообщилъ Воронцову-Вельяминову, что ему нельзя оставаться въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній, по нежеланію государя, то Воронцовъ-Вельяминовъ сталъ искать другаго мѣста. Катковъ рекомендовалъ его министру внутреннихъ дѣлъ, который предложилъ ему должность, которая должна была вскорѣ открыться: предсѣдателя временной коммиссіи по надѣлу крестьянъ въ царствѣ Польскомъ. Представленіе было сдѣлано государю черезъ министра внутреннихъ дѣлъ: государь сдѣлалъ на поляхъ помѣтку: «не тотъ-ли это Воронцовъ-Вельяминовъ, который служитъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ?» По полученіи утвердительнаго отвѣта, государь перечеркнулъ представленіе.

Воронцовъ-Вельяминовъ очень безпокоился такимъ исходомъ дѣла; онъ явился къ военному министру Д. А. Милютину и разсказалъ ему все это. Д. А. принялъ участіе въ немъ и сказалъ, что если генералъ Исаковъ сдѣлаетъ вторичное представленіе его въ должность инспектора 1-го корпуса, или если министръ внутреннихъ дѣлъ сдѣлаетъ о немъ другое представленіе, то онъ лично будетъ ходатайствовать передъ государемъ императоромъ объ утвержденіи такого представленія. Генералъ Исаковъ отказался сдѣлать вторичное представленіе, министръ

же внутреннихъ дѣлъ сдѣлалъ второе представленіе, и государь подписалъ его [1]).

Около двухъ недѣль Воронцовъ-Вельяминовъ исправлялъ должность инспектора классовъ 1-го кадетскаго корпуса; въ половинѣ сентября онъ передалъ мнѣ разговоръ свой съ генераломъ Исаковымъ по поводу неутвержденія его въ должности, въ заключеніе сказалъ, что такъ какъ ген. Исаковъ обѣщалъ назначить новаго инспектора къ концу сентября, черезъ двѣ недѣли, то онъ, въ виду необходимости пріискать себѣ мѣсто, прекращаетъ свои занятія теперь же и проситъ меня остаться за инспектора эти двѣ недѣли. Между тѣмъ проходитъ мѣсяцъ, другой, инспекторъ не назначается; Воронцовъ-Вельяминовъ пока получаетъ инспекторское жалованье; онъ ѣдетъ къ ген. Исакову съ вопросомъ, не будетъ-ли онъ оставленъ инспекторомъ 1-го корпуса; но получаетъ отвѣтъ, что къ концу ноября явится въ корпусъ новый инспекторъ. Я снова остаюсь одинъ. Приходитъ Рождество, инспектора нѣтъ. Въ январѣ Воронцовъ-Вельяминовъ опять отправляется къ ген. Исакову, который объявляетъ ему, что въ этомъ мѣсяцѣ онъ пришлетъ инспектора. Проходитъ январь, февраль, мартъ, Исаковъ объявляетъ пріѣхавшему къ нему директору, что къ Святой недѣлѣ будетъ назначенъ инспекторъ. Такъ прошелъ учебный годъ, и инспекторъ былъ назначенъ только къ новому учебному году. Такимъ образомъ мнѣ пришлось цѣлый годъ исправлять должность инспектора классовъ въ заведеніи съ 600 отборныхъ воспитанниковъ, не имѣя помощника, не имѣя соотвѣтствующихъ правъ, не получая соотвѣтствующаго содержанія и, что̀ всего хуже,—это исполненіе тяжелой обязанности было даже неоффиціальное; не имѣя права, я былъ вполнѣ стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ какъ внизу, на инспекторской квартирѣ, жило лицо извѣстное всѣмъ какъ инспекторъ, но только не являющееся въ классы. Сколько я вынесъ труда и тяжелыхъ впечатлѣній въ теченіе этого ужаснаго для меня года, извѣстно только мнѣ, для котораго одно только воспоминаніе объ этомъ годѣ подымаетъ слишкомъ тяжелыя чувства, чтобы я могъ говорить объ этомъ.

Между тѣмъ переводъ 1-го корпуса на Петербургскую сторону вызвалъ ропотъ не только между воспитанниками и служащими, но и въ высшихъ военныхъ сферахъ, гдѣ было много лицъ, воспитывавшихся въ 1-мъ корпусѣ, дорожившихъ славою заведенія. Ропотъ этотъ усили-

[1]) Коммиссія для надѣла крестьянъ царства Польскаго существовала только, кажется, три года; послѣ закрытія ея, Воронцовъ-Вельяминовъ, по ходатайству попечителя Варшавскаго учебнаго округа дѣйствительнаго статскаго совѣтника Витте, былъ назначенъ помощникомъ попечителя этого округа. Въ 1885 г. Воронцовъ-Вельяминовъ былъ назначенъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа, въ 1897 г. онъ вышелъ въ отставку.

вался все болѣе и болѣе и наконецъ дошелъ до государя Александра Николаевича, который выразилъ свое неудовольствіе генералу Исакову на такое неуваженіе къ исторіи (никто однако не зналъ, что сдѣлали изъ 1-го корпуса, знали только объ его удаленіи изъ его зданія). Генералъ Исаковъ долженъ былъ исправить ошибку и не нашелъ ничего лучшаго, какъ въ концѣ учебнаго года внести въ проектъ высочайшаго приказа о преобразованіи 1-го кадетскаго корпуса въ 1-ю петербургскую гимназію—дополненіе этого приказа о приданіи Павловскому военному училищу названія перваго Павловскаго военнаго училища, о присвоеніи 1-й ротѣ этого училища—названія роты его величества, о передачѣ изъ 1-го корпуса въ Павловское военное училище мундира Николая Павловича, знамени 1-го корпуса, архива и другихъ историческихъ памятниковъ (таковыхъ не оказалось). Высочайшій приказъ этотъ напечатанъ въ приказахъ по военно-учебнымъ заведеніямъ 17-го мая 1864 г. № 158. Такимъ образомъ 1-й корпусъ обратился въ 1-ю военную петербургскую гимназію, а изъ Павловскаго училища сдѣлали не то Павловскій, не то 1-й корпусъ.

Интересно привести число исключенныхъ изъ тѣхъ воспитанниковъ, которыхъ собрали въ 1-й корпусъ въ 1863 году. Могу привести только нѣкоторыя цифры, за неполные два года, которыя однако вполнѣ достаточны, чтобы должнымъ образомъ оцѣнить взглядъ преобразователей на воспитываемыхъ и отношеніе ихъ къ судьбѣ дѣтей.

Съ сентября 1863 г. по сентябрь 1864 г. было исключено изъ корпуса въ юнкера и домой	82	воспит.
Съ сентября 1864 г. по сентябрь 1865 г. было еще исключено въ юнкера и домой	41	»
Всего въ два года исключено . .	123	»

чтó составляетъ $20{,}5\%$, т. е. болѣе $^1/_5$ части всего состава, а если возьмемъ не 600 воспитанниковъ, какъ это было въ октябрѣ, а 670, какъ было въ началѣ учебнаго года, въ августѣ 1863 г., изъ которыхъ 66 были отправлены въ Орелъ и оттуда исключены изъ нихъ 63, то на 670 воспитанниковъ будетъ исключенныхъ $123 + 63 = 186$, чтò составитъ $28{,}08\%$, т. е. слишкомъ на 3% болѣе четверти всего состава. Сколько впослѣдствіи было исключено изъ оставшихся въ 1-й военной гимназіи и изъ переведенныхъ въ другіе корпуса (о чемъ я скажу немного ниже),—мнѣ не извѣстно; но, судя по сильно развившемуся уже въ 1-й военной гимназіи пристрастію къ этой мѣрѣ, въ исполненіи весьма легкой, можно опасаться, что изъ 670 воспитанниковъ, собранныхъ въ 1863 году въ 1-й корпусъ, въ конечномъ результатѣ исключено около половины!

Да не подумаетъ читатель, что всѣ исключенные были настолько дурны, что отъ нихъ и ожидать нельзя было ничего хорошаго даже и въ томъ случаѣ, если бы они оставались въ своихъ прежнихъ заведеніяхъ. Нѣтъ, я лично наблюдалъ печальныя явленія. Ничего не могу сказать о тѣхъ мальчикахъ, которые были переведены въ 1-й корпусъ изъ другихъ корпусовъ, такъ какъ мнѣ не извѣстно, каковы они были прежде; но что касается до оставшихся въ 1-мъ корпусѣ, то они въ одинъ годъ испортились до такой степени, что приходилось исключать нерѣдко бывшихъ прежде очень хорошихъ воспитанниковъ. Я видѣлъ даже такихъ воспитанниковъ, которые еще весной 1863 года получили подарки за хорошіе успѣхи и хорошее поведеніе, а въ слѣдующемъ учебномъ году, заразившись дурнымъ примѣромъ, они испортились до того, что бросили учиться, стали дурно вести себя, и ихъ исключили изъ корпуса. Поступившіе въ томъ году новички сдѣлались настолько нравственно-испорченными дѣтьми, что черезъ два-три года, будучи уже въ военной гимназіи, они обращали на себя серьезное вниманіе воспитателей и часто приходилось слышать въ педагогическомъ комитетѣ 1-й военной гимназіи, отчего эти дѣти, бывшія въ корпусѣ всего одинъ неполный годъ, такъ выдаются своими дурными нравственными качествами? Оно и понятно: прежде нерѣдко дѣти вмѣстѣ съ родителями своими попадали въ тюрьмы, откуда выходили вполнѣ готовыми опытными мошенниками; но тогда никто и не думалъ задаваться какими-нибудь цѣлями воспитанія этихъ несчастныхъ дѣтей преступниковъ. Здѣсь же всѣ эти преобразованія совершались во имя внесенія въ военно-учебныя заведенія правильнаго воспитанія. Все это дѣлалось тѣми людьми, которые поголовно изгоняли всѣхъ прежнихъ ротныхъ командировъ и дежурныхъ офицеровъ какъ людей, яко бы не понимающихъ, какъ надо воспитывать, и замѣняли ихъ другими людьми—яко бы педагогами. Все это дѣлалось тѣми, которые прежніе корпуса, прежніе порядки называли «ростовщиной», употребляя почтенное имя заслуженнаго человѣка въ видѣ браннаго слова. А сами смотрѣли на дѣтей, какъ на старые гвозди, которые задано имъ пересыпать изъ мѣшка въ мѣшокъ, которые слѣдовало сортировать на годные и негодные.... Пересыпку эту не окончили однимъ годомъ, сортировка эта продолжалась и дальше....

Въ маѣ 1864 года было приступлено къ преобразованію 1-го кадетскаго корпуса въ 1-ю военную гимназію. Одновременно съ 1-мъ корпусомъ приступили къ преобразованію въ военныя гимназіи слѣдующихъ кадетскихъ корпусовъ: 1-й и 2-й московскіе, Тульскій-Александровскій (съ увеличеніемъ комплекта съ 150 до 300) и Орловскій Бахтина.

При преобразованіи кадетскихъ корпусовъ имѣлось въ виду, во 1-хъ,

уменьшить число корпусовъ, оставивъ во всемъ государствѣ только девять военныхъ гимназій и сохранивъ въ прежнемъ составѣ корпуса Сибирскій, Оренбургскій, Пажескій и Финляндскій и, во 2-хъ, уменьшить: комплектъ военныхъ гимназій до 300 человѣкъ (вмѣсто бывшаго комплекта въ корпусахъ 600, 500 и 400 человѣкъ) такъ, чтобы имѣть въ девяти военныхъ гимназіяхъ всего 2.700 интерната. 300 человѣкъ въ одномъ заведеніи признано было наибольшимъ числомъ, возможнымъ для правильнаго воспитанія дѣтей.

Уменьшеніе числа корпусовъ началось, какъ сказано уже, закрытіемъ Виленскаго корпуса въ 1863 году, затѣмъ назначено было черезъ годъ, т. е. въ 1864 г., закрыть Новгородскій графа Аракчеева корпусъ, но въ это время былъ еще живъ одинъ изъ душеприказчиковъ Аракчеева—графъ Клейнмихель, который, узнавъ совершенно случайно отъ одного изъ учителей 1-го корпуса о предполагавшемся закрытіи Аракчеевскаго корпуса, сдѣлалъ заявленіе военному. министру, что въ случаѣ закрытія Новгородскаго корпуса, онъ имѣетъ распоряженіе покойнаго графа Аракчеева дать оставленному имъ капиталу на содержаніе корпуса другое назначеніе. Вслѣдствіе заявленія графа Клейнмихеля, Новгородскій корпусъ не закрыли, а въ 1865 году перевели его въ Нижній-Новгородъ и тамъ преобразовали въ военную гимназію. Вопросъ же объ уменьшеніи числа корпусовъ былъ пока отложенъ.

Преобразованные корпуса въ 1864 году въ военныя гимназіи должны были довести свой комплектъ до 300 воспитанниковъ, но такъ какъ некуда было дѣвать излишекъ, то временно велѣло было сохранить комплектъ въ 350 человѣкъ, съ тѣмъ, чтобы черезъ годъ перейти къ нормальному комплекту—300.

1-й корпусъ, состоявшій въ 1863—64 учебномъ году изъ 600 кадетъ, приведенъ былъ въ августѣ 1864 г. къ слѣдующему составу:

Переведено въ военныя училища	125
» » приготов. пансіонъ при кавалер. училищѣ.	8
Исключено изъ заведенія, какъ негодные.	82
Всего. . .	215

слѣдовательно, осталось въ заведеніи 600—215=385, къ нимъ назначено еще 25 новичковъ, итого—410. Можно было бы всѣхъ ихъ временно оставить въ 1-й военной гимназіи, гдѣ помѣщалось же въ предыдущій годъ 600 человѣкъ; но страсть къ ломкѣ и перевозкѣ (лучше сказать пересыпкѣ товара) выразилась и здѣсь. Для чего-то вздумали переводить изъ различныхъ корпусовъ въ 1-ю военную гимназію:

изъ Воронежскаго корпуса.	4
» Орловскаго »	1
изъ различныхъ корпусовъ магометанъ.	20
Всего. . .	25

За то изъ 1-й военной гимназіи велѣно было отправить:

въ Новгородскій гр. Аракчеева корпусъ	22
» Полоцкій корпусъ.	46
» Михайловскій Воронежскій корпусъ.	23
Всего. . .	91

Началась опять перевозка, не справляясь съ желаніемъ родителей; разумѣется, при этомъ отбирался худшій товаръ, что̀ заставляетъ предположить, что немногіе изъ этихъ 91 воспитанника окончили курсъ въ тѣхъ заведеніяхъ, куда были переведены.

Но особенно замѣчательно распорядились съ воспитанники 2-й петербургской военной гимназіи. Какъ сказано выше, въ 1863 году туда отбирали лучшихъ учениковъ изъ трехъ петербургскихъ корпусовъ, а въ 1864 году, по выпускѣ 21 воспитанника въ военныя училища и переводѣ 3-хъ въ приготовительный пансіонъ при кавалерійскомъ училищѣ, всего 24-хъ воспитанниковъ, велѣно было привести комплектъ заведенія также къ 350, при чемъ приказано перевести:

въ Новгородскій гр. Аракчеева корпусъ	18
» Полоцкій корпусъ.	80
» Михайловскій Воронежскій корпусъ.	35
Всего. . .	133

Директоръ гимназіи Г. Г. Д—чъ, собравъ педагогическій комитетъ, сталъ снова чистить свое заведеніе; онъ читаетъ фамиліи воспитанниковъ своихъ и, согласно указаніямъ членовъ комитета, отмѣчаетъ, кто изъ нихъ похуже и кто лучше. Затѣмъ были отобраны 133 воспитанника похуже и отправлены въ три названныя заведенія. Многіе изъ этихъ 133 взяты были за годъ передъ тѣмъ изъ другихъ заведеній и, побывавъ въ рукахъ воспитателей при новыхъ порядкахъ снова отправлены были въ три названные корпуса, еще не преобразованные, слѣдовательно, опять подпали старому режиму, т. е. военной дисциплинѣ, шагистикѣ и ружистикѣ. Многіе родители справедливо выражали свое неудовольствіе такому ежегодному переводу ихъ дѣтей и измѣненію воспитательныхъ условій; кромѣ того, живя въ Петербургѣ, они заявляли желаніе видѣть дѣтей своихъ около себя. Такимъ

родителямъ было любезно замѣчено Да—чемъ, что «они могутъ взять дѣтей къ себѣ домой, чему заведеніе препятствовать не будетъ!».. Замѣтимъ, что въ то время не было еще желѣзныхъ дорогъ, и переводъ ребенка въ Воронежъ былъ равносиленъ удаленію его отъ семьи на все время воспитанія.

Передъ преобразованіемъ 1-го корпуса въ военную гимназію генералъ Гартонгъ былъ отстраненъ отъ должности директора. Было необходимо назначить лицо болѣе сильное въ знаніи педагогическихъ требованій, и генералъ Гартонгъ признанъ былъ для этого негоднымъ. Прибавлю отъ себя, что для приведенія искусственно испорченнаго во всѣхъ отношеніяхъ заведенія въ должный порядокъ, дѣйствительно требовался руководитель съ сильнымъ, твердымъ характеромъ, опытный въ дѣлѣ воспитанія, но не таковъ былъ вновь назначенный директоръ 1-й военной гимназіи генералъ-маіоръ Евгеній Карловичъ Баумгартенъ; человѣкъ этотъ, отличавшійся лишь необыкновеннымъ упрямствомъ, не державшійся никакого постояннаго принципа, добрый, но ограниченный, совершенно не въ силахъ былъ поднять нравственное состояніе заведенія. Понятно поэтому, что послѣ болѣе 13-ти-лѣтняго управленія заведеніемъ онъ передалъ его новому директору генералъ-маіору Носовичу въ нравственномъ отношеніи столь плохимъ, что генералъ Носовичъ, испугавшись отвѣтственности, которая можетъ пасть на него, представилъ въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній секретную записку о нравственномъ состояніи принятой имъ 1-й с.-петербургской военной гимназіи; въ запискѣ этой онъ указывалъ на полное отсутствіе въ заведеніи нравственнаго воспитанія. Но о личности генерала Баумгартена мнѣ придется еще говорить въ той части записокъ, въ которой я буду излагать свою службу въ 1-й военной гимназіи.

Генералъ Гартонгъ былъ назначенъ директоромъ 1-го корпуса въ 1862 году, послѣ выхода въ отставку генерала Лихонина; до того генералъ Гартонгъ былъ полковымъ командиромъ въ арміи. Онъ отличался добротой характера, доходившей до слабости; этой слабостью его и воспользовались генералы Исаковъ и Ванновскій и полковникъ Д—чъ. Однажды въ разговорѣ съ нимъ я спросилъ его, почему онъ допустилъ до такой степени испортить 1-й корпусъ; онъ отвѣтилъ, что, принявъ годъ тому назадъ заведеніе, онъ долженъ былъ войти въ долги, чтобы прилично своему званію сдѣлать обстановку квартиры, и теперь не можетъ дѣйствовать рѣшительно, опасаясь потерять мѣсто. Безъ сомнѣнія, онъ только сдѣлалъ себѣ (не говоря о заведеніи) вредъ своей излишней податливостью, и его въ 1864 г. все равно удалили отъ должности. Между тѣмъ репутація 1-го корпуса въ послѣдній годъ упала до такой степени, и все это было приписано ему же, Гартонгу,

и когда дядя Гартонга, генералъ Желтухинъ, просилъ военнаго министра дать ему другое назначеніе, то Милютинъ отвѣтилъ: какое я могу дать Гартонгу назначеніе, когда онъ, командуя 1-мъ корпусомъ всего два года, распустилъ заведеніе до такой степени, что даже на улицѣ подымали пьяныхъ кадетъ.

Впослѣдствіи онъ назначенъ начальникомъ мѣстныхъ войскъ въ Харьковскомъ округѣ [1]).

Соблюдая нѣкоторое приличіе, генералъ Исаковъ, назначивъ въ 1-й корпусъ новымъ директоромъ генерала Баумгартена, въ то же время далъ Гартонгу должность по особымъ при себѣ порученіямъ, а черезъ полгода, безъ вѣдома Гартонга, отчислилъ его отъ главнаго управленія [2]).

При преобразованіи 1-го корпуса въ военную гимназію оказалось, что зданіе бывшаго Павловскаго корпуса совершенно неудобно для гимназіи (напротивъ того, оно было бы въ высшей степени удобно для военнаго училища; но личные разсчеты были прежде всего); была испрошена почтенная сумма въ 40 тысячъ для приспособленія зданія къ устройству въ немъ военной гимназіи и, несмотря на это, и впослѣдствіи постоянно заявлялось, что для воспитательнаго заведенія зданіе это неудобно.

Откладывая описаніе вновь преобразованной 1-й военной гимназіи до слѣдующей части записокъ, я здѣсь окончу въ общихъ чертахъ изложеніе дальнѣйшаго хода преобразованій военно-учебныхъ заведеній.

Въ 1864 году, кромѣ перечисленныхъ выше заведеній, была преобразована Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Число желающихъ поступить въ

---

[1]) Въ 90-хъ годахъ Н. П. Гартонгъ умеръ, находясь въ отставкѣ.

[2]) Съ другими директорами прежнихъ кадетскихъ корпусовъ генералъ Исаковъ еще менѣе церемонился. Такъ, пріѣхавъ въ Полоцкій корпусъ, онъ предложилъ директору генералу Павловскому вопросъ: „что вы думаете дѣлать съ собою?“ Генералъ Павловскій отвѣтилъ, что онъ чувствуетъ себя въ силахъ продолжать службу. На это генералъ Исаковъ сказалъ: „да, конечно, но только не по военно-учебнымъ заведеніямъ“. Въ Кіевскомъ корпусѣ генералъ Исаковъ, пріѣхавъ неожиданно, молча ходилъ нѣсколько часовъ по зданію; осмотрѣвъ все въ подробности, онъ собрался уѣзжать, но, передъ отъѣздомъ своимъ, въ швейцарской обратился къ директору, генералу Вольскому, съ слѣдующими словами: „Вы передадите заведеніе полковнику Слуцкому, который на-дняхъ сюда пріѣдетъ“. Это такъ поразило Вольскаго, что, какъ говорили мнѣ служившіе въ то время въ корпусѣ, онъ такъ и остался стоять на мѣстѣ, пока генералъ Исаковъ уѣхалъ.

эту школу въ пѣхотную часть (подпрапорщиками), послѣ освобожденія крестьянъ (вслѣдствіе обѣднѣнія помѣщиковъ) стало быстро уменьшаться, такъ что въ 1864 году, вмѣсто комплекта въ 100 человѣкъ подпрапорщиковъ, въ школѣ было всего 3; тогда рѣшено было перевести этихъ троихъ въ Пажескій корпусъ, а школу преобразовать въ кавалерійское военное училище съ комплектомъ 200 юнкеровъ (до преобразованія комплектъ сост. 100) и открыть при этомъ училищѣ приготовительный пансіонъ на 100 человѣкъ. Такъ какъ при школѣ уже существовалъ частный пансіонъ Шакѣева, то и нашли удобнымъ обратить его въ казенный, для чего было предложено Шакѣеву принять должность директора или начальника пансіона съ жалованьемъ 4.000 рублей въ годъ и казенною квартирою. Шакѣевъ согласился на это предложеніе [1]). Впослѣдствіи пансіонъ былъ расширенъ и переведенъ въ особое зданіе.

Въ 1865 году преобразованы были въ военныя гимназіи корпуса: Петровскій-Полтавскій, Владимірскій-Кіевскій, Полоцкій и Михайловскій-Воронежскій. Въ томъ же году, еще не успѣли преобразованныя гимназіи войти въ нормальный комплектъ (300), какъ уже приказано было увеличить ихъ до 350 человѣкъ, а въ 1866 году—увеличили комплектъ большей части военныхъ гимназій на 400 воспитанниковъ. Впослѣдствіи Н. В. Исаковъ не только забылъ принципъ немногочисленности интерната, но ходилъ по зданіямъ военныхъ гимназій и пріискивалъ мѣсто для увеличенія комплекта. Такъ въ 1869 году онъ увеличилъ комплектъ интерната Кіевской военной гимназіи еще на пятую сотню, хотя зданіе не представляло для этого достаточнаго удобства и на тѣсноту помѣщенія тамъ жалуются и до сихъ поръ. Генералъ Исаковъ до такой степени былъ въ это время увлеченъ идеей объ увеличеніи комплекта заведеній, что тогда же обѣщалъ прислать въ Кіевскую гимназію своего архитектора, чтобы перегородить залъ этой гимназіи на два яруса и наверху помѣстить еще шестую сотню, но, къ счастію, уѣхавъ, забылъ объ этомъ.

Въ 1865 году былъ также преобразованъ Пажескій корпусъ, гдѣ общіе классы отдѣлили отъ спеціальныхъ, помѣстивъ тѣ и другіе въ различныхъ этажахъ.

Въ 1866 году закрытъ былъ Тамбовскій корпусъ, воспитанники котораго отправлены въ Орловскую военную гимназію. Въ томъ же году

---

[1]) Когда пансіонъ открылся, то оказалось, что директору пансіона назначено по штату содержаніе всего 3.000 рублей; но Шакѣевъ, представивъ письмо генерала Исакова, требовалъ, чтобы ему выдавали, согласно предложенію, 4.000 рублей. Генералу Исакову было доложено о требованіи Шакѣева, и онъ приказалъ выдавать ему дополнительныя 1.000 рублей изъ суммъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній.

закрыли только-что созданную Тульскую военную гимназію, разославъ воспитанниковъ ея въ гимназіи 1-ю и 2-ю петербургскія и въ Нижегородскую, которая только въ этомъ году была открыта вмѣсто Новгородскаго-Аракчеевскаго кадетскаго корпуса. Въ томъ же 1866 году были вызваны въ Петербургъ директора Омскаго и Оренбургскаго кадетскихъ корпусовъ для рѣшенія вопроса о преобразованіи этихъ корпусовъ. Директоръ Омскаго корпуса ген.-маіоръ К. А. Линденъ привезъ съ собой проектъ преобразованія корпуса, различавшійся отъ тѣхъ основаній, которыя были намѣчены главнымъ управленіемъ. Предполагалось преобразовать эти два корпуса по примѣру Пажескаго корпуса, т. е. отдѣлить спеціальные классы въ тѣхъ же заведеніяхъ и вести ихъ какъ военныя училища, а общіе классы вести какъ военныя гимназіи. К. А. Линденъ доказывалъ въ своемъ проектѣ неудобства соединенія двухъ разнородныхъ заведеній въ одномъ зданіи; онъ предлагалъ преобразовать эти корпуса въ военныя гимназіи, а переходящихъ въ спеціальные классы отправлять въ военныя училища въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Въ оправданіе своего мнѣнія Линденъ приводилъ слѣдующіе доводы: во 1-хъ, трудно имѣть хорошихъ учителей по спеціальнымъ предметамъ въ этихъ двухъ городахъ; во 2-хъ, педагогическое удобство: возможность начальнику заведенія вести одну воспитательную часть, не раздвояясь въ своей дѣятельности при двухъ различнаго характера заведеніяхъ, въ 3-хъ, необходимость познакомить жителей этихъ отдаленныхъ странъ съ другой жизнью, съ искусствами, съ художественными произведеніями и т. п., которыя они могутъ увидѣть во время своего двухлѣтняго пребыванія въ столичныхъ училищахъ. Свой проектъ Линденъ прочелъ въ коммиссіи, собранной въ главномъ управленіи подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора Оренбургскаго края—Крыжановскаго, который, выслушавъ записку Линдена, сказалъ: «Вы въ Омскѣ затрудняетесь въ пріисканіи хорошихъ учителей военныхъ наукъ, у насъ же, въ Оренбургѣ, это не представляетъ затрудненія, поэтому я предлагаю Омскій корпусъ преобразовать въ военную гимназію и оканчивающихъ въ ней курсъ посылать въ Оренбургъ, гдѣ будутъ и военно-гимназическіе классы (общіе) и спеціально-военные». Такъ и было рѣшено (и въ этомъ смыслѣ были въ 1867 г. преобразованы эти корпуса), хотя Линденъ возставалъ противъ такого рѣшенія и доказывалъ, что ужъ лучше сохранить спеціальные классы и въ Омскѣ. Несостоятельность предложенія Крыжановскаго скоро оказалась на практикѣ, и черезъ два года, въ 1869 г., признало было неудобнымъ имѣть спеціальные классы въ Оренбургѣ, и теперь, согласно проекту Линдена, изъ обѣихъ военныхъ гимназій посылаютъ воспитанниковъ, окончившихъ въ нихъ курсъ, въ военныя училища въ Москвѣ и въ Петербургѣ.

Въ 1868 году военно-начальныя школы (бывшіе батальоны воен. кантонистовъ) были преобразованы въ военныя прогимназіи съ элементарнымъ курсомъ (четыре класса), и открыта учительская семинарія въ Москвѣ, для приготовленія учителей и воспитателей для военныхъ прогимназій [1]).

Съ 1873 г. главное управленіе обуялъ духъ увеличенія числа военныхъ гимназій. Въ этомъ году были открыты двѣ новыя военныя гимназіи: одна въ Петербургѣ (3-я) и одна въ Симбирскѣ,—обѣ для приходящихъ учениковъ, послѣдняя въ 1878 году была преобразована въ закрытую.

Въ 1874 году была открыта новая военная гимназія въ Москвѣ (3-я) для приходящихъ; въ этомъ же году предполагалось открыть еще девять военныхъ гимназій для приходящихъ, но бывшій тогда министръ народнаго просвѣщенія графъ Толстой просилъ государя не допускать этого, такъ какъ этимъ нарушалась классическая система образованія Россіи. Государь согласился съ мнѣніемъ гр. Толстаго и разрѣшилъ открыть только одну военную гимназію въ Москвѣ. Такимъ образомъ, вмѣсто предполагавшихъ 12-ти военныхъ гимназій для приходящихъ открылось всего три, изъ которыхъ впослѣдствіи двѣ (въ Симбирскѣ и въ Петербургѣ) обратились въ закрытыя, а московская была упразднена.

Въ 1875 году открыта была военная гимназія въ Тифлисѣ.

Въ 1877 году были открыты двѣ военныя гимназіи: въ Псковѣ и въ Москвѣ (4-я), обѣ преобразованныя изъ военныхъ прогимназій. Въ этомъ же году приступлено къ постройкѣ зданія для военной гимназіи въ Ярославлѣ, съ окончаніемъ котораго предполагалось образовать военную гимназію изъ находившейся тамъ военной прогимназіи, но предположеніе это осуществлено такъ и не было. (Оно осуществилось въ 1895 г.).

Въ 1878 году открытъ приготовительный пансіонъ при Пажескомъ корпусѣ (впослѣдствіи закрытый).

Духъ расширенія военно-учебныхъ заведеній не угасъ до самой смѣны Милютина и Исакова, т. е. до 1881 года, когда еще шли переговоры объ открытіи военныхъ гимназій въ Крыму и въ Варшавѣ.

Перечисливъ преобразованіе различныхъ военно-учебныхъ заведеній, я ничего не могу сказать о томъ, какъ совершались самыя преобразованія; но если петербургскіе корпуса, находившіеся на глазахъ высшаго начальства, преобразовывали съ такимъ крайнимъ невниманіемъ къ судьбѣ дѣтей, то чего можно было ожидать тамъ, гдѣ дѣло происходило вдали отъ всѣхъ?! Я могу по крайней мѣрѣ засвидѣтель-

---

[1]) Послѣдняя закрыта въ 1886 г.

ствовать слѣдующій фактъ: въ Кіевской военной гимназіи, преобразованной въ 1865 году, воспитанниками былъ, въ 1866—67 учебномъ году, произведенъ безпорядокъ [1]). По этому поводу произвели разслѣдованіе и нашли виновными 50 человѣкъ воспитанниковъ, которыхъ и велѣно было удалить изъ заведенія въ полки; затѣмъ изъ главнаго управленія было получено приказаніе отобрать дурныхъ по поведенію и ихъ также исключить (опять знакомая уже намъ сортировка на годные и негодные!). Директоромъ заведенія былъ въ это время генералъ Г. П. Кузьминъ-Короваевъ, человѣкъ въ высшей степени черствый, онъ съ такимъ усердіемъ занялся этой сортировкой, что набралъ еще 81 воспитанника! Такимъ образомъ изъ 400 бывшихъ въ то время воспитанниковъ было разомъ исключено 131, т. е. 32,75%—треть всего числа!!

И такъ, приходится прійти къ слѣдующему выводу относительно преобразованій кадетскихъ корпусовъ.

Преобразованіе совершали безъ твердо установленнаго плана: въ началѣ уменьшали число заведеній съ общеобразовательнымъ характеромъ и въ нихъ уменьшали комплектъ воспитывавшихся, потомъ стали снова увеличивать число этихъ заведеній и въ нихъ комплектъ воспитанниковъ, дѣйствуя такъ подъ вліяніемъ одного только увлеченія.

Самое преобразованіе совершалось безъ всякаго вниманія къ судьбѣ служащихъ и главное къ судьбѣ несчастныхъ дѣтей: сотни дѣтей перевозились съ мѣста на мѣсто, изъ города въ городъ, мѣняя не только заведеніе, но и воспитательныя условія. Кромѣ громадныхъ издержекъ, такія перевозки портили дѣтей, пріучали воспитанника къ праздности: онъ ничего не дѣлаетъ, ожидая переѣзда, потомъ ничего не дѣлаетъ во время переѣзда, по пріѣздѣ на новое мѣсто, оглядывается и знакомится и опять ничего не дѣлаетъ. Удивительно-ли, что занятія нейдутъ ему на умъ? Кромѣ того, безпрестанно порываются отношенія къ товарищамъ, мѣняется начальство и обращеніе, все это должно въ высшей степени невыгодно дѣйствовать на характеръ ребенка. Бродячая жизнь начинаетъ ему нравиться, потому что отвлекаетъ его отъ занятій, и я видѣлъ не мало случаевъ, когда воспитанники сами, безъ всякой причины, просились, чтобы ихъ перевезли въ другой корпусъ, если начальство ихъ къ этому не назначало. Понятно, что многія дѣти потомъ изгонялись изъ заведенія за неуспѣхи въ наукахъ. Еще хуже того, сотни дѣтей изгонялись изъ заведеній, благодаря искуственно созданной дурной обстановкѣ. И добро бы еще господа преобразователи наконецъ сознали свою ошибку; нѣтъ, они до конца остались въ томъ

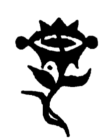

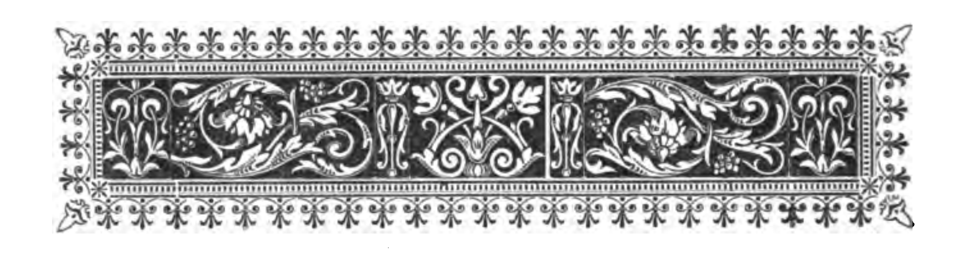
[1]) Объ этомъ подробно будетъ изложено въ главѣ: служба моя въ Кіевской военной гимназіи.

убѣжденіи, что поступили благоразумно. Вотъ что, напр., читаемъ мы въ оффиціальномъ органѣ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній въ 1864 году, когда уже успѣли многое испортить: «мѣры эти (преобразованія) имѣютъ характеръ опыта(?) и прилагаются осторожно(!) и постепенно(?!!)... («Педагогическій Сборникъ» 1864 г., сентябрь № 1, стр. IX).

В. Фонъ-Бооль.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ быта стараго духовенства.

I.

изнь духовнаго сословія до реформы Петра Великаго текла мирнымъ потокомъ. Такія явленія, какъ ереси и затѣмъ расколъ, колыхали лишь верхніе слои этого потока, но не затрогивали всего уклада жизни духовенства, которая продолжала оставаться традиціонно неподвижною и все также далекой отъ какого-либо глубокаго культивирующаго вліянія. Духовное развитіе сословія, игравшаго руководящую роль въ общественной жизни, не только не прогрессировало, а даже постепенно падало. Какъ же чувствовало себя духовенство при наступленіи самой бурной для него эпохи замѣчательныхъ государственныхъ и общественныхъ реформъ, давшихъ новое направленіе всей русской жизни? Для правильнаго сужденія о немъ необходимо принять во вниманіе ту жизненную обстановку, въ которой протекала его дѣятельность и прежде всего образовательный его уровень, такъ какъ развитіемъ и характеромъ образованія въ значительной степени опредѣляются и духовный обликъ, и направленіе дѣятельности какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлаго класса общества.

Вслѣдствіе общаго недостатка просвѣщенія древняя Русь не имѣла самаго существеннаго средства къ умственному и нравственному возвышенію духовенства. Исправленія недостатковъ его думали достичь однимъ усиленіемъ надзора надъ нимъ и нравственно-религіозными увѣщаніями. Школа стояла на второмъ планѣ, и образовательнаго значенія науки не понимали. Съ реформой дѣло существенно измѣняет-

ся. Стремясь подчинить своему вліянію самое мышленіе, духовныя силы народа, Петръ Великій естественно обратилъ свое вниманіе на учителей и воспитателей народа, на духовенство—и самою могучею силою его вліянія призналъ просвѣщеніе. «Священники ставятся,—говорилъ онъ патріарху,—грамотѣ мало умѣютъ; еже бы ихъ таинствъ научати и ставити въ тотъ чинъ. На сіе надобно человѣка и не единаго, кому сіе творити, и опредѣлити мѣсто, гдѣ быть тому». Послѣ Петра Великаго правительство въ каждое почти царствованіе болѣе или менѣе рѣшительно повторяло въ своихъ предписаніяхъ мысль о необходимости образованія для духовенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельно принимается за развитіе въ средѣ духовенства просвѣщенія и власть духовная, которую въ первой половинѣ XVIII в. почти повсемѣстно представляли принявшіе на себя въ это время спеціально просвѣтительную миссію малороссы, а со второй половины вѣка и великороссы. Благодаря такимъ обоюднымъ усиліямъ свѣтской и духовной властей къ самому концу XVIII в. было уже 36 духовныхъ семинарій и 4 академіи. Но этотъ количественный ростъ учебныхъ заведеній не говоритъ еще самъ по себѣ объ успѣшномъ развитии образованія въ средѣ духовенства, такъ какъ положеніе открытыхъ школъ было очень печально во всѣхъ отношеніяхъ и прежде всего въ матеріальномъ. Достаточно сказать, что уже во второй половинѣ XVIII в., послѣ секуляризаціи церковныхъ имуществъ, на содержаніе школъ, въ томъ числѣ 26 семинарій, отпущено было всего 40 тыс. рублей, въ самомъ же концѣ XVIII в. средній окладъ семинарій опредѣлялся въ 3—4 тысячи руб. Исключительная зависимость духовныхъ школъ отъ различныхъ органовъ епархіальнаго управленія и главнымъ образомъ отъ крайне невѣжественныхъ по своему составу и заявившихъ себя классическимъ эксплоататорствомъ консисторій, фактически ставила существованіе школы въ почти невозможныя условія. «Распорядители семинарской экономіи,—говоритъ историкъ Владимірской семинаріи,—заставляютъ испытывать учениковъ невыносимый голодъ, а учители дѣлятся съ учениками своимъ бѣднымъ кускомъ хлѣба. Нерѣдко бывало, что ученикъ, истомленный голодомъ, идетъ къ своему учителю и робкою рукою стучится у его двери.—Урокъ, что-ли, прослушаться пришелъ?—спрашиваетъ учитель своего воспитанника.—Нѣтъ, я голоденъ,—отвѣчаетъ онъ.—И бѣдный учитель раздѣляетъ съ голоднымъ ученикомъ свои скудные припасы» [1]).

Немаловажнымъ препятствіемъ для развитія духовно-учебнаго дѣла оказался недостатокъ вполнѣ подходящихъ, подготовленныхъ учите-

---

[1]) „Владимірскія Еп. Вѣдом.", 1866 г. П. Знаменскій: Духовныя школы въ Россіи.

лей. Въ теченіе первой половины вѣка образовательный цензъ учителей въ духовныхъ школахъ былъ чрезвычайно разнообразенъ. Кромѣ окончившихъ Кіевскую академію или хоть побывавшихъ въ ней, контингентъ учителей состоялъ въ большинствѣ случаевъ изъ мѣстнаго духовенства, — изъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ архіерейскаго дома, изъ мѣстныхъ дьяконовъ, дьяковъ, пономарей, поповыхъ дѣтей, не пристроившихся къ мѣсту, и архіерейскихъ пѣвчихъ. Само собою понятно, что съ помощью такихъ просвѣтителей обученіе не могло далеко уйти, и курсы архіерейскихъ школъ должны были постоянно держаться на уровнѣ почти одного элементарнаго образованія. Архіереи «бились съ учителями, не всегда лучшихъ найти могли» и должны были приготовлять учителей изъ самихъ же воспитанниковъ семинарій. И во второй половинѣ XVIII в. продолжаетъ широко практиковаться способъ приготовленія семинаріями учителей изъ своихъ же собственныхъ болѣе даровитыхъ воспитанниковъ, часто даже до окончанія ими полнаго семинарскаго курса. Такіе недоучившіеся учителя и были обыкновенно преподавателями въ низшихъ классахъ почти всѣхъ семинарій. Вслѣдствіе этого составъ учителей въ семинаріяхъ не могъ быть хорошъ. Вотъ, напр., отзывы современниковъ о преподавателяхъ лучшей изъ семинарій—Невской. И. И. Мартыновъ, учившійся въ этой семинаріи въ концѣ XVIII вѣка, дѣлаетъ такой отзывъ объ іеромонахѣ Павлѣ, читавшемъ философію: «онъ былъ большой схоластикъ и принадлежалъ къ числу тѣхъ старыхъ ученыхъ, которые незнаніе свое прикрывали лишь латинскимъ языкомъ и важностью сана. Другой (архим. Иннокентій, читавшій богословію) заикался и во весь двухгодичный курсъ былъ въ классѣ не болѣе 10 разъ и, указывая на сочиненіе Θеофана Прокоповича, состоявшее изъ трехъ большихъ томовъ на латинскомъ языкѣ, довольствовался одною остротою: «сіе море великое и пространное, но тамо гады, имъ же нѣсть числа» [1]). Другой воспитанникъ той же семинаріи и того же времени, М. М. Сперанскій, разсказывалъ, что нѣкоторыхъ преподавателей вовсе не стоило слушать; былъ одинъ такой, который или былъ пьянъ, или трезвый проповѣдывалъ ученикамъ Вольтера и Дидро [2]). Недостатокъ подготовленныхъ учителей низводилъ семинарскую науку на степень простой грамотности. Вскорѣ по изданіи регламента, намѣтившаго очень широкій курсъ наукъ для духовныхъ семинарій, Св. Синодъ въ указѣ 31-го мая 1722 г. о заведеніи школъ позволялъ, въ виду недостатка образовательныхъ средствъ въ епархіяхъ, «учить нынѣ въ архіе-

---

[1]) „Современникъ", 1859 г., III, 9.

[2]) Корфъ: Жизнь гр. Сперанскаго, 25. —П. Знаменскій: Духовныя школы въ Россіи.

рейскихъ школахъ церковническихъ дѣтей, въ надежду священства опредѣленныхъ, по недавно изданнымъ перваго отроковъ ученія книжицамъ, букварями именуемымъ... И какъ уже тѣхъ букварей они изучатся и писать понавыкнутъ, тогда начинать имъ во обученіе славенскую грамматику». По своему внутреннему характеру семинарское образованіе въ XVIII в. лишено было вовсе жизненнаго признака современности и страдало слишкомъ формальнымъ направленіемъ. Схоластика лишь убивала живую религіозную мысль и питала въ духовныхъ воспитанникахъ пустой духъ любопренія да школьный педантизмъ.

Духовно-учебныя заведенія въ XVIII в. носили совершенно закрытый характеръ и задавались цѣлью оторвать воспитанниковъ отъ современнаго общества и воспитывать ихъ въ новомъ направленіи. Попавшій въ такое закрытое заведеніе, «аще,—какъ выражается тогдашняя педагогическая система- «иеика іерополитика»,—и тигръ нравомъ будетъ, агнчую тамо воспріиметъ кротость на ся». Жизнь семинаристовъ въ особомъ «домѣ образомъ монастыря» (по выраженію регламента) подчинена была самой строгой регламентаціи со стороны начальства, самой строгой дисциплинѣ. Самъ составитель регламента сознался, что «такое младыхъ человѣкъ житіе—кажется быти стужительное и заключенію плѣнническому подобное; но,—прибавляетъ онъ,—кто обыкнетъ такъ жить, хотя чрезъ единъ годъ, тому весьма сладко будетъ». Но насколько оправдались предположенія составителя регламента относительно сладости школьной жизни, краснорѣчиво показываютъ внушительныя цифры самовольно убѣжавшихъ изъ школъ учениковъ. Очевидно, что на самомъ дѣлѣ не такъ сладко жилось въ духовныхъ школахъ, если ихъ воспитанники съ такою настойчивостью стараются отъ нихъ избавиться. Къ этому необходимо прибавить, что школьная педагогія въ XVIII вѣкѣ не возвышалась до широкаго понятія о воспитаніи, а ограничивалась одними служебно-профессіональными требованіями. Школьное образованіе сливалось со службою, и ученикъ трактовался, какъ полный гражданинъ, человѣкъ уже служащій и присяжный. Вслѣдствіе этого педагогическія начала въ школахъ естественно замѣнялись юридическими, а воспитаніе обращалось въ одну дисциплину, которая вмѣсто нравственнаго развитія имѣла своей задачей лишь водвореніе внѣшняго порядка, благопристойности и субординаціи. Всѣ педагогическія требованія отъ воспитанника сводились къ требованію отъ него аккуратнаго исполненія его служебныхъ оффиціальныхъ обязанностей безъ какого-либо намека на нравственное значеніе послѣднихъ. «Отношенія учителей къ ученикамъ и учениковъ между собою были чрезвычайно ложныя и странныя. Собственно нравственныхъ отношеній ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не было; самыя добрыя наклонности инаго начальника или наставника уступали неумѣстной

и нелѣпой оффиціозности. Учителя слишкомъ униженно держали себя передъ начальствомъ. Ученики смотрѣли на учителей не какъ на добрыхъ наставниковъ, но какъ на слишкомъ строгую полицейскую власть; они умѣли только бояться, а не любить и уважать» [1]). И дѣйствительно, вслѣдствіе преобладанія въ школьномъ воспитаніи юридическихъ началъ надъ нравственными, собственно педагогическія отношенія учителей и начальниковъ къ ученикамъ были крайне слабо развиты. Во всемъ строѣ тогдашней школьной корпораціи видимъ не дѣтей и отцовъ, а исключительно подчиненныхъ и начальниковъ, или, какъ ихъ тогда выразительно называли, командировъ. Это командирство, охватывавшее собою всѣ школьныя отношенія сверху до низу и являвшееся лучшимъ выраженіемъ тогдашней педагогической грубости, особенно замѣтно выражалось въ школьныхъ наказаніяхъ; послѣднія имѣли исключительно карательный, а не нравственно-исправительный и воспитательный характеръ, и отличались большою грубостью, такъ что отъ нихъ поистинѣ «жить въ семинаріи становилось всячески невозможно». «Среди этой грубой системы семинарскихъ экзекуцій, — говоритъ профессоръ Знаменскій въ своемъ прекрасномъ трудѣ о духовныхъ школахъ,—и вырабатывались эти долго господствовавшіе въ нашихъ бурсахъ, дожившіе и до нашей памяти, типы старыхъ бурсаковъ-кремней, притерпѣвшихся къ плетямъ и физической боли экзекуцій до такой степени, что, по пословицѣ, уже ни за какимъ лишнимъ тычкомъ не гнались, способны были выдержать какія угодно истязанія отъ начальства, не уступивъ ему ни на волосъ, могли хоть сейчасъ же отправиться подъ шпицрутены солдатской службы или подъ муки тайной канцеляріи,—вырабатывался тотъ и доселѣ извѣстный по преданіямъ бурсацкій закалъ, во имя котораго всякая чувствительность, нѣжность нравственнаго чувства, особенно совѣстливость предъ педагогическими внушеніями преслѣдовались въ средѣ учениковъ, какъ черты бабьи, недостойныя порядочнаго бурсака,—закалъ, который обязывалъ человѣка и дѣлалъ для него возможнымъ не поморщиться подъ самыми жгучими ударами и этою геройскою, презрительною безчувственностью къ наказанію уколоть и посрамить бѣсившагося педагога... Выйдя потомъ изъ школы на службу, эти закаленные люди, презиравшіе и свои и чужія страданія, сами дѣлались тиранами своихъ подчиненныхъ или по крайней мѣрѣ своихъ женъ и дѣтей и вѣрными продолжателями той же системы каръ и жестокостей» [2]).

[1]) Исторія Владимірской семинаріи.

[2]) Духовныя школы въ Россіи, 67–72, 371—407, 592—597, 707—829. „Къ исторіи духовнаго образованія въ Россіи"—моя статья въ „Вѣстникѣ Воспитанія", мартъ, 1900 г.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ духовное образованіе не удовлетворяло своему назначенію и съ чисто количественной стороны. Число учащихся въ семинаріяхъ, особенно въ первой половинѣ вѣка, было очень ограничено; уже въ 1764 г. въ 26 семинаріяхъ обучалось лишь 6 тыс. школьниковъ, въ 1783 г. 11 тыс. и только въ началѣ XIX в. (1807 г.)—24 тысячи. Цифры эти, конечно, нельзя признать достаточными, въ сравненіи съ тою громадною потребностью въ образованныхъ кандидатахъ на церковныя должности, какая ощущалась въ это время. Но даже и наличный контингентъ учащихся могъ бы самымъ благодѣтельнымъ образомъ повліять въ образовательномъ отношеніи на составъ духовенства, если бы всѣ воспитанники духовныхъ школъ по окончаніи курса поступили на городскіе и сельскіе приходы. Но этого-то на самомъ дѣлѣ и не было. Въ теченіе всего XVIII в. очень часто требовали воспитанниковъ семинарій и академій къ церквамъ нашихъ заграничныхъ миссій; кромѣ этого, многіе изъ нихъ до окончанія и послѣ окончанія курса поступали по распоряженію правительства и по собственному желанію въ другія среднія и высшія учебныя заведенія [1]). Было очень много и другихъ требованій. Въ 1782—86 гг., напр., коммиссіею объ учрежденіи народныхъ училищъ изъ Александро-Невской семинаріи вытребовано было столько воспитанниковъ, что высшіе классы почти опустѣли и митроп. Гавріилъ затруднялся въ пріисканіи кандидатовъ на священническія мѣста въ Петербургской епархіи [2]). Уходили при томъ всегда лучшія семинарскія силы. Особенно много лучшихъ воспитанниковъ, по распоряженію самого начальства, постригалось въ монашество. Вслѣдствіе всего этого на священническія и діаконскія мѣста поступали оставшіеся послѣ всѣхъ этихъ поборовъ худшіе воспитанники, да и тѣхъ было немного. Этимъ и можно объяснить то обстоятельство, что даже въ вѣкъ Екатерины II образованнаго духовенства мало было даже въ городахъ; что же касается сельскаго духовенства, то оно до самаго конца царствованія Екатерины II оставалось на томъ же почти уровнѣ умственнаго развитія, на какомъ застала его реформа Петра Великаго. И въ Московской епархіи и то только къ концу царствованія Екатерины митроп. Платонъ могъ поставить ученыхъ священниковъ лишь въ нѣкоторые сельскіе приходы. Даже въ Малороссіи, несмотря на давность существованія здѣсь духовныхъ школъ, несмотря на сравнительно большое распространеніе здѣсь школьнаго образованія, чѣмъ въ Великороссіи, бѣлое духовенство имѣло въ своихъ рядахъ очень мало школьныхъ ученыхъ, потому что и Кіевская академія, и Харьковскій коллегіумъ,

---

[1]) „Исторія Спб. Дух. Академіи“, 54.

[2]) Ibid., 58—9.

и Переяславская семинарія были заведенія открытыя, принимали и выпускали большинство свѣтскихъ воспитанниковъ, поступавшихъ по окончаніи наукъ не въ духовную службу, а въ казаки, мѣщане и проч. Затѣмъ немногіе кончившіе курсъ духовные воспитанники большею частію шли въ монахи и расходились по учительскимъ и начальственнымъ должностямъ въ разныхъ семинаріяхъ и по многочисленнымъ доходнымъ и почетнымъ мѣстамъ при архіерейскихъ каѳедрахъ, такъ что на долю бѣлаго духовенства оставались одни исключенные и недоучившіеся школяры, которые рѣдко доходили выше синтаксиса и извѣстны были подъ именемъ латынниковъ. Въ самомъ Кіевѣ и притомъ въ половинѣ уже XVIII в. священникъ считалъ себя въ правѣ обижаться за то, что ему не давали «авантажа предъ прочими», тогда какъ онъ «достигнулъ даже до философіи». Въ остальной массѣ бѣлаго духовенства господствовало образованіе дьяковскихъ школъ, такъ называемое псалтырничество [1]).

Послѣ этого нечего удивляться тѣмъ фактамъ невѣжества, какіе встрѣчаемъ среди духовенства въ прошломъ вѣкѣ. Нерѣдко священно и церковнослужители «въ книжномъ чтеніи являлись неумѣющими» [2]). Подъ однимъ челобитьемъ священника вмѣсто него подписался господскій крестьянинъ, «для того,—какъ объяснено въ подписи, — что онъ, попъ, писать не умѣетъ» [3]). При такомъ отсутствіи иногда простой даже грамотности, еще болѣе возможны были факты глубокаго религіознаго невѣжества. «Нынѣ, — свидѣтельствуетъ Посошковъ о началѣ XVIII в.,—истинно таковыхъ пресвитеровъ много, что не то, чтобы кого отъ невѣрія въ вѣру привести, но и того не знаютъ, что есть реченіе вѣра... Видѣлъ я въ Москвѣ пресвитера изъ знатнаго дома боярина Льва Николаевича Нарышкина, что и татаркѣ противъ ея гаданія отвѣту здраваго дать не умѣлъ, что же можетъ рещи сельскій попъ, уже и вѣры христіанскія, на чемъ основана, не вѣдаетъ» [4]). Факты поразительнаго религіознаго невѣжества попадаются и во второй половинѣ XVIII в. Когда, напр., къ сѣвскому преосвященному Тихону Якубовскому явились однажды священники и были спрошены имъ о Законѣ Божіемъ, о членахъ вѣры и ея таинствахъ, то многіе изъ нихъ не дали никакого отвѣта «и извинялись тѣмъ, якобы они на тотъ часъ не могли отвѣщать за приключившимся имъ тогда нѣкіимъ изумленіемъ и робостію». При испытаніи тѣмъ же преосвященнымъ

---

[1]) Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра Великаго. Знаменскаго, стр. 54.

[2]) „Исторія Моск. сп. упр.“, ч. II, кн. I, пр. стр. 43—48, 50, 142; Тв. Свв. Отцевъ, 1862 г. 2, и др.

[3]) Опис. Архива Св. Синода, т. I, ч. 2, № 422.

[4]) И. Посошковъ, ч. I, стр. 13.

вдовыхъ поповъ оказалось, что «не только тѣ, которые пять — шесть лѣтъ, но и которые двадцать и тридцать лѣтъ совершаютъ службу, явились совершать Божественную литургію неумѣющими и въ самыхъ важныхъ реченіяхъ ошибающимися; напр., вмѣсто преложивъ говорили: предложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ, и по обыкновенію своему въ такой погрѣшности едва могли пріобыкнуть къ одному правильному реченію; одинъ вдовый попъ, священникъ, дѣйствовавшій уже болѣе 30 лѣтъ, явился совсѣмъ службы совершать неумѣющимъ» [1]). Или вотъ характерная резолюція того же преосвященнаго относительно священника с. Георгіевскаго Аѳанасія Михайлова, 70-лѣтняго старика: «читать почти не умѣетъ. Святителя Николая почитаетъ Богомъ. О Христѣ Спасителѣ никакого понятія не имѣетъ» [2]).

Всѣ эти факты поразительнаго невѣжества, конечно, не говорятъ о какомъ-нибудь исключительномъ невѣжествѣ духовенства по сравненію съ другими сословіями. За исключеніемъ нѣкоторой европейски образованной части высшаго класса, все остальное населеніе въ Россіи XVIII в. представляло сверху до низу одну сплошную невѣжественную массу, различавшуюся лишь по соціальнымъ признакамъ, а не по образованію. И въ такой средѣ духовенство, конечно, не было еще послѣднимъ по образованію. Въ своей массѣ оно было все-таки грамотно, и это было несомнѣннымъ его преимуществомъ. Но если принять во вниманіе религіозно-просвѣтительныя задачи его дѣятельности, то нельзя не видѣть, что оно было слишкомъ далеко отъ удовлетворенія этихъ задачъ, и невѣжество его въ этомъ отношеніи слишкомъ било въ глаза.

Наиболѣе ярко свидѣтельствуетъ о невысокомъ образовательномъ уровнѣ духовенства существованіе въ его средѣ разнообразныхъ суевѣрій. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что и въ данномъ отношеніи духовенство лишь слѣдовало за общимъ суевѣрнымъ теченіемъ и платило дань времени на-ряду съ другими сословіями. Постепенно накопляясь и развиваясь въ теченіе многихъ вѣковъ, суевѣрія ко времени реформъ Петра Великаго окутали народную жизнь какъ бы густымъ облакомъ. Вѣра въ волшебство развита была во всѣхъ классахъ общества. На порогѣ XVIII в., въ правленіе царевны Софіи, извѣстный вельможа кн. Голицынъ, возбуждавшій своимъ образованіемъ удивленіе иностранцевъ, пыталъ какого-то Бунакова за то, что онъ вынималъ княжій слѣдъ; бралъ у своего крестьянина-колдуна приворотные коренья, чтобы класть ихъ въ кушанье царевны Софіи; одного поляка Салина заставлялъ взбираться на Ивановскую колокольню, чтобы узнать

---

[1]) Я. Горожанскій. „Дамаскинъ Семеновъ Рудневъ“, 161; Орл. Еп. Вѣд. 1872, I, 27—29.

[2]) „Орл. Еп. Вѣд.“ 1872 г., I, 29—30.

по звѣздамъ, сбудутся-ли планы Софіи и ея приверженцевъ. Наконецъ, встрѣчаемъ двухлѣтніе розыски колдуновъ, заподозрѣнныхъ въ намѣреніи извести царя Петра съ его матерью. Немногимъ лучше обстояло дѣло и въ концѣ XVIII в. В. И. Семевскій дѣлаетъ такое замѣчаніе о высшемъ, помѣщичьемъ классѣ общества этого времени: «мы невольно поражаемся умственнымъ и нравственнымъ убожествомъ представителей господствующаго сословія. Они также вѣрятъ въ колдуновъ, въ то, что посредствомъ какого-нибудь корешка можно приворожить человѣка, что еретица не можетъ выговорить «да воскреснетъ Богъ» [1]). По свидѣтельству Духовнаго Регламента, къ благочестивымъ обманамъ прибѣгали иногда лица даже изъ высшаго духовенства; нѣкоторые архіереи для вспоможенія бѣднымъ церквамъ или для построенія новыхъ нарочно позволяли «пріискивать» явленныя иконы и выдавали ихъ за чудотворныя. Что же сказать послѣ этого о простомъ народѣ, который стоялъ, разумѣется, на еще болѣе низкой ступени развитія и, по словамъ Регламента, не въ состояніи былъ «разсудить между деснымъ и шуимъ?» Вѣра въ колдовство породила множество исторій о колдунахъ, оборотняхъ, порчахъ и т. п. Татищевъ передаетъ нѣсколько такихъ исторій изъ современныхъ ему толковъ [2]). Религіозныя представленія народа носили грубо-чувственный характеръ. Народъ вѣрилъ въ чудодѣйственную силу источниковъ, тѣлъ умершихъ, вѣтвей дуба и т. п. вещей, которыя выдавались за чудодѣйственныя людьми, эксплоатировавшими народную довѣрчивость. Огромныя толпы народа собирались около поддѣльныхъ плачущихъ иконъ и своими приношеніями обогащали обманщиковъ. Пользуясь благочестіемъ народа, по всей Россіи странствовало не мало греческихъ иноковъ и разнаго рода проходимцевъ съ подложными святынями, торгуя ими. Однажды въ отсутствіе Петра какіе-то монахи успѣли сбыть за тысячу рублей кусокъ несгораемаго полотна, будто отъ ризы Богоматери, самой царицѣ. Въ народѣ жили еще остатки язычества. Къ числу такихъ полуязыческихъ пережитковъ Регламентъ относитъ, напр., обычай «не дѣлать въ пятокъ, и празднованіемъ проводить, и сказуютъ пятница гнѣвается на непразднующихъ. Тако жъ поститися нѣкіихъ 13 пятницъ, а то, аки важнѣйшія паче иныхъ временъ, службы почитать, обѣдню благовѣщенскую, утреню воскресную и вечерню пятидесятницы. И таковое Кіево-Печерскаго монастыря преданіе, что погребенный тамо человѣкъ, хотя бы и безъ покаянія умеръ, спасенъ будетъ... Молитвы людемъ, далече отстоящимъ, чрезъ посланниковъ ихъ въ шапку давать». Такимъ образомъ высокая христіанская мораль въ народномъ

---

[1]) „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II“.

[2]) „Исторія Россійскаго государства“, I, 12—13.

представленіи размѣнивалась на слишкомъ мелкую, часто совершенно фальшивую монету. «Вѣкъ тогдашній,—говоритъ Болтинъ, — благовременъ былъ пустосвятству, обману и подлогамъ; ханжи и лицемѣры чудесамъ не вѣрили, но пользу свою обрѣтали; большая часть народа вѣрили и обманщиковъ обогащали; нѣкоторые видѣли обманъ, но говорить не смѣли, и таковыхъ было немного. Сколько вещей обыкновенныхъ, простыхъ, ничего не значащихъ, принято было за святыню, за предметъ почтенія и уваженія» [1]).

Насколько слова эти справедливы, подтверждаетъ слѣдующій характерный случай, свидѣтельствующій о томъ, что суевѣрія и предразсудки охватывали одинаково всѣ слои общества. Въ 1740 г. въ Петербургѣ солдатъ Кронштадскаго полка Алексѣй Андреевъ напился пьянъ, и съ него пьянаго сняли казенный кафтанъ. За потерю казенной вещи Андреева ожидала тысяча, а то и больше шпицрутеновъ. Бѣдняга подумалъ: «хоть бы дьяволъ далъ мнѣ денегъ». Тутъ кто-то явился передъ нимъ въ крестьянской одеждѣ, назвалъ себя дьяволомъ, далъ два рубля денегъ и сказалъ: «вѣруй въ меня, а отъ Бога отступись». Андреевъ пошелъ на морской рынокъ, купилъ кафтанъ, но снялъ съ себя крестъ, пересталъ креститься, ходить въ церковь, исповѣдываться и пріобщаться. Въ 1755 г. Андреевъ бѣжалъ изъ полка и очутился въ болотѣ, около Невскаго монастыря. Здѣсь опять явилось ему то же самое лицо и теперь за свои два рубля потребовало письменнаго удостовѣренія, что солдатъ останется ему вѣренъ до смерти. Солдатъ не согласился. Тогда это лицо объявило Андрееву, что за побѣгъ изъ полка его накажутъ шпицрутенами, и исчезло. Спустя нѣсколько времени Андреевъ попалъ въ тайную канцелярію, гдѣ, чтобы отсрочить наказаніе, разсказалъ всю эту сказку, изъявивъ раскаяніе и желаніе вѣровать въ Бога. Канцелярія признала разсказъ его справедливымъ и для наставленія и присоединенія къ церкви препроводила въ консисторію, которая съ своей стороны поручила Андреева ученому священнику Петропавловскаго собора Сергѣю Коноплеву. Послѣдній велъ съ отступникомъ частыя, продолжительныя бесѣды о вѣрѣ, убѣждалъ его доказательствами изъ священнаго писанія, церковной исторіи, житій святыхъ—и, наконецъ, убѣдилъ. Андреева огласили. Потомъ въ Петропавловскомъ соборѣ онъ принесъ публичное церковное покаяніе, исповѣдывался, но не удостоенъ былъ причащенія Св. Таинъ, проходилъ наложенную на него тайную эпитимію и, подъ наблюденіемъ того же священника, утверждался въ вѣрѣ и добромъ житіи. Окончательно затѣмъ присоединивши Андреева къ церкви, отправили его на мѣсто службы [2]). Такимъ образомъ, и тайная канцелярія, и духовная конси-

---

[1]) „Примѣчанія на исторію Леклерка“, I, 550. СПБ., 1788 г.

[2]) „Истор. стат. свѣд. о СПБ. епархіи“, в. VI, отд. I, 59—60.

сторія, и ученый священникъ, на авторитетъ котораго всецѣло полагался этотъ органъ духовнаго управленія, признали возможнымъ, что дьяволъ двумя рублями хотѣлъ купить душу пьяницы, не подозрѣвая, что весь разсказъ Андреева—повтореніе народныхъ сказокъ.

Послѣ этого нисколько не кажется удивительнымъ, что и рядовое духовенство заражено было суевѣріемъ. Тяжесть матеріальнаго и общественнаго положенія и—главное—недостатокъ образованія приравнивали его къ положенію убогой, безправной и невѣжественной массы, съ которою оно должно было дѣлить и одинаковыя жизненныя условія, и весьма часто—одинаковое міровоззрѣніе, суевѣрныя понятія и обычаи.

Особенно распространена была среди духовенства вѣра въ заговоры. Даже студентъ школы богословія Славяно-Греко-Латинской академіи, Сергѣй Ворошиновъ, судимъ былъ въ 1748 г. «за письмишко, приличествующее къ заговору, а именно писалъ заговоры отъ ружья, отъ руды; по послѣднему заговору пользовалъ бѣлаго діакона въ Срѣтенскомъ монастырѣ Семена Григорьева, у котораго кровь шла изъ гортани» [1]). Среди же духовенства необученнаго ни въ какихъ школахъ, подобныя суевѣрія находили для себя еще болѣе удобную почву. Домовой служитель вологодскаго архіерея Николай Разуваевъ представилъ ему найденныя въ домѣ одного священника Алексѣя Попова «еретическія письма» — заклинанія, составленныя и писанныя тѣмъ священникомъ для своего сына; въ нихъ между прочимъ составитель заклинаній обращается съ мольбами къ бабѣ-ягѣ [2]). Въ 1724 г. также взяты были у одного попа «заговорныя его руки записи»; тотъ объяснялъ, что онъ вовсе не пользовался этими записями, но дикастерія резонно по этому поводу разсуждала: «ежели бы не ради какого дѣйствія тѣ письма имѣлъ, то бъ на что тѣ письма списывать и въ домѣ своемъ содержать? Явное ево вины своей отбывательство» [3]). «Изъ производимыхъ въ консисторіи дѣлъ,—пишетъ святитель Тихонъ уже во второй половинѣ XVIII в.,—оказалось, нѣкоторыхъ войска Донскаго станицъ не токмо простолюдины, но и священно-и-церковнослужители имѣли у себя волшебныя и суевѣрныя тетрадки и письма, и оныя, или по невѣжеству, или жъ по точному правилъ свв. отецъ пренебреженію, не токмо за богопротивныя не почитали, но еще вѣря имъ по единому тому, что въ нихъ написаны имена Божіи, Пресвятыя Богородицы и другихъ святыхъ, по нихъ дѣйствовали» [4]).

---

[1]) „Истор. Моск. епарх. упр.“, кн. II, ч. I, прим., стр. 70—1.
[2]) „Опис. докум. и дѣлъ арх. Св. Синода“, VIII, № 644/741.
[3]) „Ист. Моск. епарх. управл.“, ч. I, стр. 219, прим.
[4]) „Твор. свв. отцевъ“, 1862 г., 2.

Кромѣ вѣры въ заговоры, распространена была среди духовенства вѣра въ непосредственныя сношенія съ чортомъ въ видимомъ образѣ. Въ 1722 г. пономарь Троицкаго собора Дмитрій Матѳѣевъ разгласилъ, что въ ночь на 9-е декабря въ колокольнѣ собора «былъ слышенъ великій стукъ съ жестокимъ страхомъ на подобіе бѣганья», на что діаконъ Стефанъ Ѳедосѣевъ сказалъ: «то де чортъ возится, вотъ де пустѣть Петербургъ будетъ». Въ другой разъ уже попъ Герасимъ Титовъ, услыхавъ о подобныхъ же непонятныхъ явленіяхъ, сказалъ, что на трапезѣ сидитъ кикимора, а діаконъ по-прежнему настаивалъ; что де возится на трапезѣ чортъ и Петербургъ пустѣть будетъ» [1]). Не чуждо было такихъ же суевѣрныхъ воззрѣній и духовенство украинскихъ областей Польши. Дьячекъ Григорій Комарницкій обвиненъ былъ въ Дубенскомъ магистратѣ въ обольщеніи дѣвицы Екатерины Сахнюковой. Онъ оправдался отъ взводимаго на него обвиненія, доказавъ alibi, и, желая объяснить, что могло подать поводъ къ обвиненію, онъ высказалъ предположеніе, что «можетъ быть, бѣсъ принялъ на себя мой видъ и въ моемъ лицѣ ходилъ къ Сахнюковой совершать грѣхъ». Судъ, впрочемъ, не обратилъ никакого вниманія на это заявленіе [2]).

Встрѣчается вѣра въ порчу, связываемую обыкновенно съ какими-нибудь внѣшними дѣйствіями или предметами. Въ 1710 г. въ Каменецкій магистратъ жаловался священникъ Іоаннъ Ставицкій на жену священника Бабиженка, что послѣдняя угрожала женѣ его смертью, говоря: «попадья будетъ пухнуть и ее раздуетъ, и она треснетъ». Вслѣдъ затѣмъ угрожавшая стала ходить у воротъ дома Ставицкаго, потряхивая постоянно веревкою, въ чемъ священникъ видѣлъ ясное чародѣйство [3]).

Чрезвычайно характерный примѣръ суевѣрія священника разсказываетъ въ своихъ запискахъ Болотовъ. Священникъ его деревни, «почтенный и степенный отецъ Иларіонъ», послѣ случившагося съ нимъ пожара, происшедшаго, какъ онъ думалъ, по поджогу его сослуживца, другаго священника, не рѣшался отстраиваться вновь. Всѣ убѣжденія автора записокъ не помогали. «Тогда,—говоритъ Болотовъ,—любопытенъ я былъ узнать, чтобъ тому была причина; но какъ же удивился, услышавъ отъ сего впрочемъ толико умнаго и почтеннаго старца такое, чего я всего меньше отъ него ожидалъ, а именно, что не хочетъ строиться на новомъ мѣстѣ изъ опасенія, чтобъ товарищъ его чего не наворожилъ на ономъ». На замѣчаніе Болотова о неприличіи подобнаго суевѣрія для священника, о. Иларіонъ разсказалъ ему слѣдующую исторію:

---

[1]) „Опис. док. и дѣлъ арх. Св. Синода", т. II, ч. 2, № 1219.
[2]) Проф. В. Б. Антоновичъ, „Колдовство", прилож., № 47.
[3]) Ibidem, № 11.

— Случилось мнѣ, милостивый государь,—говорилъ онъ,—однажды новыя ворота становить. Выкопавши подъ вереи ямы, не успѣли мы въ тотъ день оныя поставить, и отложили дѣло сіе до другаго дня. Но между тѣмъ люди добрые ночью спроворили и съиграли надъ воротами моими шутку. Не успѣли мы на другой день вереи поставить, ямы закопать и ворота отдѣлать, какъ вдругъ не хотѣла въ оныя идтить ни одна скотина: бѣгала кругомъ, ревѣла, а въ ворота вогнать никоимъ образомъ ни одну было не можно. Господи помилуй! говоримъ мы, что за диковинка и что за чудо? Но сколько мы ни дивились, но скотина не шла, и мы не знали, что дѣлать. Наконецъ, одинъ усердствующій мнѣ бобыль вывелъ дѣло наружу и сказалъ мнѣ, чтобъ я, вырывши вереи, опять посмотрѣлъ бы, что закопано подъ ними. Сперва было я тому не повѣрилъ, однако наконецъ принужденъ былъ сдѣлать по его совѣту. И что жъ бы думали вы, милостивый государь, мы нашли подъ ними?... Зарытую человѣческую кость.

— Это удивительно,—сказалъ я, рѣчь его перервавши:—но кто жъ бы зарылъ сію кость?

— Точно попъ Иванъ, мой товарищъ,—сказалъ онъ. Кость вынули, вереи опять поставили и зарыли, и скотина наша пошла, какъ надобно.

— Удивительна мнѣ и невѣроятна была сія исторія,—прибавляетъ Болотовъ,—однако онъ увѣрялъ, что она была въ самомъ дѣлѣ, и присовокуплялъ къ тому, что онъ для самаго того опасается и нынѣ на новомъ мѣстѣ строиться, ибо слышалъ, что товарищъ его посылалъ къ какой-то вѣдьмѣ, и что будто не одну уже ночь собаки его мечутся къ тому мѣсту, гдѣ онъ строиться былъ намѣренъ [1]).

Особый видъ суевѣрія состоялъ въ злоупотребленіи именемъ Божіимъ и различными священными предметами, которымъ усвоялось сверхъестественное религіозное значеніе. «Въ Малой Россіи,—говорится въ Регламентѣ,—въ полку Стародубскомъ, въ день уреченный праздничный водятъ жонку простовласую подъ именемъ пятницы, а водятъ въ ходѣ церковномъ (если то по истинѣ сказуютъ), и при церкви честь оной отдаетъ народъ съ дары и со упованіемъ нѣкоей пользы. Также на иномъ мѣстѣ попы съ народомъ молебствуютъ предъ дубомъ, и вѣтви ѻна дуба попъ народу раздаетъ на благословеніе» [2]).

Особенно много возникло дѣлъ по разглашенію духовенствомъ ложныхъ чудесъ. Въ основѣ своей проступки эти имѣли большею частью корыстный характеръ. Въ 1721 г. новгородскій архіерей Ѳеодосій донесъ Св. Синоду, что бывшій въ Новгородѣ, въ Ямской Новинской свободѣ, при Троицкой церкви дьячкомъ Василій Евфимовъ выдумалъ

---

[1]) Записки Болотова, т. II, 794—797.

[2]) Дух. реглам., дѣла общія, п. 5.

и огласилъ ложное чудо, будто бы бывшее въ этой церкви, а именно онъ тайкомъ пробрался въ церковь, зажегъ тамъ свѣчи, наполнилъ храмъ благоуханіемъ и тайкомъ же удалился изъ храма. Народъ повѣрилъ чуду, но святотатственная продѣлка открылась. Дьячка, сознавшагося въ преступленіи, опредѣлено казнить, и онъ былъ сожженъ [1]). Совершенно аналогичный случай разсказываетъ иностранецъ Веберъ. Одинъ священникъ въ Петербургѣ задумалъ обогатиться при помощи поддѣльной чудотворной иконы Богоматери. Какъ ни тайно велъ дѣла свои этотъ священникъ, но слухъ о новыхъ чудесахъ дошелъ до императора Петра I. Священникъ былъ вызванъ во дворецъ, куда принесена была и чудотворная икона, чтобы она въ присутствіи царя сотворила чудо; но священникъ тотчасъ же упалъ въ ноги, сознался въ обманѣ и былъ посаженъ въ крѣпость, гдѣ его подвергли колесному наказанію и затѣмъ лишили сана [2]).

Кромѣ чудотворныхъ иконъ въ ходу было распространеніе всякаго рода ложныхъ реликвій. Напримѣръ, въ церкви Василія Блаженнаго употреблялось въ продажу «нѣкакое масло», которое «въ почтеніи содержалось». Такія же продажи, какъ стало извѣстно Св. Синоду, «и въ другихъ монастыряхъ и церквахъ бываютъ», а также «во многихъ монастыряхъ и церквахъ обрѣтаются, будто чудотворцевъ нѣкіихъ, вериги, которыя возлагаютъ, якобы для исцѣленія, на младенцевъ» [3]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существовало много поддерживаемыхъ духовенствомъ обычаевъ, которые не согласовались съ постановленіями церкви, унижали предметы христіанскаго чествованія и воспитывали въ простомъ народѣ суевѣріе. Такъ въ Сѣвской епархіи существовалъ обычай кропить св. водою лошадей въ день мучениковъ Флора и Лавра и ставить святыя иконы въ кадушки, наполненныя рожью, овсомъ, гречихой и т. п. [4]). Обычай кропленія лошадей св. водою существовалъ и въ Суздальской епархіи [5]).

Суевѣріе иногда соединялось съ лжепророчествомъ. Соборный протопопъ города Мирополя Василій Антоновъ сосланъ въ отдаленный монастырь на труды за написаніе соблазновъ якобы о рожденіи антихриста на миропольскомъ горизонтѣ [6]). Священники лжепророчествовали

---

[1]) Арх. Св. Синода, I, 306.—Полное собр. пост. и расп. по в. пр. испов., т. I, № 225.—„Русскій Архивъ", 1867 г., 1708—1720.—Гольцевъ. Законодат. и нравы въ Россіи въ XVIII в., 37.

[2]) „Рус. Арх.", 1878 г., стр. 1618.

[3]) Арх. Св. Синода, т. II, ч. I, № 290. Полное собр. пост. и расп. по вѣд. прав. испов., II, № 445.

[4]) Орловскія епарх. вѣд., 1872 г., № 6.

[5]) Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. испов., II, № 476.

[6]) Истор.-стат. опис. Спб. еп., I, II, 53.

*

при богослуженіи. Въ 1718 году посадскій человѣкъ Аѳанасій Потаповъ жаловался, что попъ Прохоръ на утрени Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, при чтеніи книги житій, остановивъ чтеніе, лжепророчествовалъ о немъ, Аѳанасіи: «умереть-де тебѣ сего мѣсяца ноября въ 23-й день въ послѣднемъ часу дня», такожде и про иныхъ людей такія рѣчи говорилъ [1]).

Въ первой половинѣ XVIII в. появился новый видъ суевѣрія, совершенно неизвѣстный до того времени. Въ 1733 г. рижскій протопопъ Николай Ростовецкій спрашивалъ вдову одного умершаго священника, «идетъ-ли она замужъ, объявляя ей, буде идетъ, то онъ того умершаго попа, а ея мужа погребетъ безъ ризъ, а ежели послѣ того мужа своего, во второбрачіе не вступитъ, то погребетъ въ ризахъ» [2]).

Но удерживаемыя умственнымъ и религіознымъ невѣжествомъ, суевѣрія не выводились въ средѣ духовенства въ продолженіе всего XVIII в. Постепенно, впрочемъ, они уменьшались, соотвѣтственно развитію образованія, а также подъ вліяніемъ энергичнаго преслѣдованія ихъ со стороны свѣтской и духовной властей. Со времени реформы правительство слишкомъ ревностно вооружалось противъ суевѣрій, едва-ли не болѣе, чѣмъ противъ другихъ религіозныхъ преступленій, полагая въ этомъ свое культивирующее назначеніе по отношенію къ духовенству и часто растягивая понятіе суевѣрія до слишкомъ широкихъ размѣровъ. Все это, конечно, не могло не содѣйствовать уменьшенію суевѣрныхъ обычаевъ въ средѣ духовенства.

II.

Умственное и религіозное невѣжество духовенства должно было отразиться и на профессіональной сторонѣ его дѣятельности — на совершеніи церковныхъ службъ. Въ этомъ отношеніи къ началу XVIII в. успѣли уже прочно утвердиться нѣкоторыя традиціи отрицательнаго свойства, дававшія весьма нежелательный тонъ всему богослужебному поведенію духовенства. Русская религіозность въ данное время исчерпывалась почти однимъ обрядовымъ благочестіемъ. Это исключительно обрядовое направленіе религіозности должно было оказать рѣшающее вліяніе и на характеръ богослужебныхъ дѣйствій духовенства. Глав-

---

[1]) Описаніе докум. и дѣлъ арх. Св. Синода, т. VIII, № 476.

[2]) Истор.-стат. опис. Спб. еп., II, 295; А. Лотоцкій, „Изъ исторіи борьбы духовенства съ суевѣріями".

нымъ дѣломъ считалось вычитать всѣ молитвы, пропѣть всѣ пѣсни, какія положены на извѣстный день въ церковномъ уставѣ, а о прочемъ уже не заботились. Отсюда сплошь и рядомъ бывало, что священникъ заранѣе дома вычитывалъ тѣ молитвы, какія ему нужно было читать въ церкви по служебнику, а во время службы стоялъ уже спокойно и говорилъ одни возгласы. «Воспомяну вещь ужасную,—пишетъ св. Димитрій Ростовскій,—юже донесе намъ протопресвитеръ нашъ Ростовскій съ протодіакономъ, еже сами они очима своима видѣша. Въ нѣкоей церкви (мѣста и имени не вспоминаетъ) попъ служилъ литургію безъ книги, служебникъ нарицаемой, и безъ молитвъ, служенію подобающихъ, токмо едины возгласы глаголя, и егда протопресвитеръ и протодіаконъ, то узрѣвше, вопросиша его: для чего безъ книги служебника и безъ молитвъ служишь?—Отвѣща попъ: я уже прочелъ служебныя молитвы въ дому. Начаша убо глаголати ему, яко не добрѣ дѣетъ; онъ же рече: азъ отъ старыхъ поповъ сего навыкохъ, и сказа по имени, отъ кого навыче. О, крайняго безумія—восклицаетъ святитель,—и нерадѣнія глупыхъ іереевъ, паче же реку, ругателей Христовыхъ. О, безстрашія и небреженія! О, пагубы ихъ вѣчныя! Коль веліе есть долготерпѣніе Божіе, яко не падетъ огнь съ высоты на таковые попы, и не сожжетъ я живы на тѣхъ же мѣстахъ, идѣже тако литургисаютъ, истиннѣ же реку, ругаются Христови!..» [1]).

Глубокое возмущеніе святителя вполнѣ понятно. Вотъ какую, напр., неприглядную картину богослуженія въ первой половинѣ XVIII в. рисуетъ намъ историкъ Петербургской епархіи. «Въ невзрачной низкой церкви всѣ стѣны увѣшаны вершковыми иконами. Предъ каждою изъ нихъ горитъ свѣчка; предъ иною двѣ и три. Эти иконы, большею частію почернѣлыя, закоптѣлыя, приносятъ въ церковь прихожане, ставятъ гдѣ кому вздумается, и каждое воскресенье, каждый праздникъ жгутъ предъ ними свѣчи,—отъ этого духота въ церкви была невообразимая. Церковно-служители и сторожа накладывали въ кадильницы много ладону, иногда поддѣланнаго, съ примѣсью воску, и тогда къ духотѣ примѣшивался угаръ. Чтеніе и пѣніе на клиросѣ, при безграмотности священниковъ и причетниковъ, было безграмотно; пѣніе напоминало нѣкій неустроенный инструментъ или стадо разнородныхъ животныхъ. Вотъ, «на хвалитѣхъ» отправляется священникъ по церкви кадить. Его правая рука занята кадильницею, лѣвая протянута къ публикѣ. Священникъ кадитъ иконы и народъ, а лѣвую подноситъ каждому. Добрые прихожане сыплятъ туда посильные вклады, кто денежку, кто копейку, а кто и цѣлый пятакъ. Рука наполняется и быстро опускается въ карманъ и опять, опорожненная, она къ услугамъ жертво-

---

[1]) „Св. Димитрій, митроп. Ростовскій“, 1849 г., стр. 45—46.

вателей [1]). Однажды петербургскій протопопъ Семеновъ на замѣчаніе сослужащихъ о неблагочиніи такого способа кажденія отвѣчалъ: «что-де тамъ кадить, гдѣ стоятъ маркитанты и прочіе подлые люди, и взять-де у нихъ за то кажденіе нечего» [2]). Существовалъ еще обычай подносить крестъ и евангеліе для цѣлованія почетнымъ или просто щедрымъ прихожанамъ на средину церкви [3]). Точное въ количественномъ смыслѣ соблюденіе устава отзывалось невыгодно на качествѣ совершенія службы. Богослуженіе совершалось сразу нѣсколькими голосами: одинъ пѣлъ, другой читалъ, третій говорилъ эктенію, четвертый произносилъ возгласы въ одно и то же время. «Худой и вредный и весьма богопротивный обычай вошелъ,—говоритъ Регламентъ,—службы церковныя и молебны двоегласно и многогласно пѣть, такъ что утреня или вечерня, на части разобранная, вдругъ отъ многихъ поется, и два или три молебны вдругъ же отъ многихъ пѣвчихъ и четцовъ совершается. Сіе сдѣлалось отъ лѣности клира, а вошло въ обычай, и конечно должно есть перевесть таковое богомоліе» [4]). Къ такому формализму въ совершеніи богослуженія часто присоединялись недостатки и другаго рода. Сулимовскіе прихожане доносили на извѣстнаго уже намъ священника Карпѣнскаго, что онъ не въ назначенные дни служитъ литургію Василія Великаго, послѣ литургіи не произноситъ отпуска, служитъ литургію «на порожней чаши», въ страстную пятницу и субботу и даже въ день Пасхи совершаетъ богослуженіе безъ ризъ, въ одной епитрахили, и т. п. [5]). Совершеніе литургіи часто сопровождалось ругательствами, дракою и т. п. безчинствами. Св. Димитрій Ростовскій свидѣтельствуетъ, что священники «въ церкви и святомъ алтарѣ сквернословятъ, матерно бранящеся, и творятъ домъ Божій вертепомъ разбойниковъ» [6]).

Кронштадскій священникъ Семеонъ Аѳанасьевъ проскомисальнымъ копіемъ ударилъ солдата такъ, что полилась кровь; въ Ропшѣ пьяные священникъ и дьячекъ во время драки роняютъ въ грязь крестъ и епитрахиль [7]). Петербургскій протопопъ Семеновъ билъ въ церкви дьячка и церковника кулакомъ, въ тычки и по щекамъ, по совершеніи литургіи, сидя на стулѣ, гдѣ садятся во время чтенія апостола священнослужащіе іереи, ругался, священника Іакова Борисова называлъ «деревенской попенцо, второй суета», священника Алексѣя Андреева—«бѣдненькой священникъ, безумный предикантъ», діакона Тимофеева

[1]) Опис. Петерб. еп., V, стр. 99—100.
[2]) Ibid., V, отд. II, 35—6.
[3]) Опис. Харьк. еп., I, 27.
[4]) Духовный Регламентъ, дѣла общія, п. 9.
[5]) Изъ моихъ архивныхъ замѣтокъ.
[6]) Сочин. Св. Димитрія.
[7]) Опис. Петерб. еп., V, отд. I, 139—40.

называлъ «козленкомъ, кострикою, плутомъ», по окончаніи богослуженія подходилъ обыкновенно къ жертвеннику, наливалъ въ ковшъ церковнаго вина и пилъ его сперва съ антидоромъ или благословенными хлѣбами, а потомъ съ кренделями, которые вынималъ изъ своего кармана [1]).

Многіе священнослужители просто уклонялись отъ совершенія богослуженія, — нѣкоторые по различнымъ хозяйственнымъ причинамъ, а другіе по нетрезвости, а иные просто по лѣности. «А нынѣ вси сельстіи попы,—пишетъ Посошковъ,—аще у коея церкви попа и два-три, то мало церковной службы у нихъ бываетъ. Въ Новогородскомъ уѣздѣ, въ Устрицкомъ погостѣ случилось мнѣ быть: у тоя церкви три попа, да дьяконъ, а на святую Пасху только по два дни литургія была, а тутошніе жители сказывали, что больше одной обѣдни на святой недѣлѣ прежде сего не бывало, то-де тебя поопаслись, что двѣ обѣдни были; и жилъ я ту недѣлю, ничимъ не отмѣнну отъ простыхъ недѣль: ни обѣденъ, ни вечерень, ни утреннихъ не было. А у коихъ церквей по одному попу, то, чаю, и во весь годъ обѣденъ десятка—другаго не отслужитъ, понеже аще пашни ему не пахать, то голодну быть» [2]). Одною изъ главныхъ причинъ опущенія богослуженія были такимъ образомъ хозяйственныя занятія духовенства. Св. Тихонъ усмотрѣлъ, что иные священники въ праздники и воскресные дни уѣзжаютъ отъ своего прихода на ярмарки, оставляя церковь безъ службы, или безъ спросу отлучаются отъ своего прихода иногда верстъ за сто [3]). Не менѣе обыкновенною причиною опущенія богослуженія было пьянство. Въ 1752 г. причтъ Сергіевской Петербургской церкви жаловался, что «той же церкви священникъ Петръ Аввакумовъ пришелъ отъ невоздержанія своего отъ пьяства въ великую слабость и какъ чреду свою порядочно не исправляетъ и часто литургіи не бываетъ, такъ и съ мірскими потребами часто за тѣмъ же не ходитъ, а иногда за тѣмъ же пьянствомъ отлучается отъ дому сутки по четыре и по недѣлѣ, оставя и чреду свою. И сего же числа въ свою же чреду не токмо подлежащей панихиды не исправлялъ, но и службы никакой всѣ сутки не было и напредь сего во многіе дни вечерни служилъ пьяный и покидалъ службу, не докончивъ, уходилъ изъ церкви. И какъ у себя въ домѣ, такъ и въ другихъ домахъ многія отъ пьянства чинилъ безобразія, и шумъ и драки, и за пьянствомъ въ домѣ себя связывать не велитъ, и безстыдно бродитъ пьянствовать по кабакамъ, и такъ ослабѣлъ, что безъ діакона отслужить не смѣетъ» [4]). Иногда богослуженіе опускалось

---

[1]) Ibid., V, отд. II, 35.
[2]) Сочиненія Ивана Посошкова, ч. I, стр. 27.
[3]) Дух. Хр., 63—64 г., 483.
[4]) Истор.-стат. свѣд. о СПБ. еп., вып. VI, отд. II, стр. 41.

просто по лѣности. Преосвященный Рафаилъ Заборовскій писалъ: «извѣстилися мы о томъ, что викаріями настоятели какъ волами работники непрестанно работаютъ, викаріевъ къ наичастѣйшему служенію какъ наемниковъ употребляютъ, а сами прохлаждаются по хуторамъ... да частными питейными тонкогупками упражняются» [1]).

Много нестроеній было и въ совершеніи частныхъ службъ и таинствъ. При таинствѣ крещенія многіе священники употребляли одну и ту же воду для крещенія нѣсколькихъ младенцевъ [2]); въ Малороссіи, по словамъ указа митроп. Рафаила, «обычаи непстребные весьма вкоренились, что по двѣ, по три и по четыре пары бываетъ воспріемниковъ у единой дитины, отъ того многолюдствіе духовное размножается, и въ томъ родствѣ размноженномъ противно правиламъ святымъ бракосочетоваются и кровосмѣшаются» [3]).

Сулимовскій священникъ Карпѣнскій, служившій часто «на порожней чаши», причащалъ простою ложкою [4]). По свидѣтельству преосвященнаго Іоасафа Горленко, въ Бѣлгородской епархіи «во многихъ церквахъ Божественнаго Агнца раздробленныя части, хранящіяся для больныхъ, не всѣ напоены кровію Божественною, и тако священники причащаютъ народъ подъ единымъ токмо видомъ хлѣба въ противность православію восточной Церкви» [5]). Одинъ изъ священнослужителей Московской епархіи самъ пріобщался Св. Таинъ подъ однимъ видомъ, не вливъ въ потиръ вина [6]). Ивангородскій священникъ, Кіевской епархіи, во время запрещенія похитилъ св. Агнца [7]). Богослуженіе совершалось иногда на окисломъ винѣ [8]) и вообще небрежно. Такая небрежность замѣчалась, напримѣръ, въ храненіи Агнца. Преосвященный Іоасафъ Горленко говоритъ, что нѣкоторые «невнимающіе своему служенію священники не имѣютъ особенныхъ ковчеговъ ради ношенія Божественныхъ таинъ къ больнымъ и носятъ оныя въ кошелькахъ и бумажкахъ» [9]). Другой святитель, св. Димитрій Ростовскій, также сильно вооружается противъ небрежнаго храненія св. Агнца. «Вижду бо,—говоритъ онъ,—во многихъ церквахъ творимое Пречистымъ и Животворящимъ Христовымъ Таинамъ непочитаніе, паче же и уничиженіе: держатъ бо тую

---

[1]) „Опис. рукоп. Черниговской духовной семинаріи“, стр. 101.

[2]) Ibid., стр. 103.

[3]) Кіевск. еп. вѣд., № 7, стр. 204—5; Руков. для сельск. паст., 1860 г. № 20, стр. 36—7.

[4]) Изъ моихъ архивныхъ замѣтокъ.

[5]) Опис. Харьковской еп., I, 25; „Душеп. Чтеніе“, 1869 г., ч. 3, 317.

[6]) Исторія Моск. еп. упр., ч. III, кн. I, прим., стр. 53.

[7]) Опис. рукоп. Черниговской семинаріи, 98.

[8]) Дух. Хр., 1863—4, 486; Опис. Харьковской еп., I, 245.

[9]) „Душеп. Чтеніе“, 1869 г., ч 3, 317.

толь великую святыню не на подобающемъ мѣстѣ, но нѣгдѣ во углѣ, а иногда въ домѣ безъ всякаго почитанія, и въ сосудѣхъ нечистыхъ очернѣлыхъ, а еже горѣе, яко ниже нарицанія имъ честнаго вѣдятъ. Не нарицаютъ бо я Пречистыми Христовыми Тайнами, сіе есть Тѣломъ Христовымъ, но нѣкіимъ простымъ, паче же рещи, безчестнымъ нарицаніемъ именуютъ, рекше, запасъ. Случися бо намъ мимошедшаго 1702 года во градъ Ярославль грядущимъ, внити въ единой веси въ церковь, идѣже по обычномъ моленіи, азъ смиренный, хотя обычную почесть и поклоненіе воздати Пречистымъ Христовымъ Тайнамъ, егда вопросихъ тамошняго попа, гдѣ суть Животворящія Христовы Тайны? Попъ же той не уразумѣ словесе моего, и яко не домышляяй стояше, молча. Паки рѣхъ: гдѣ Тѣло Христово? попъ же ни сего словеси познати можаше. Егда же единъ отъ со мною бывшихъ искусныхъ іереевъ рече къ нему: гдѣ запасъ? Тогда онъ изъемъ отъ угла сосудецъ, зѣло гнусный, показа въ немъ хранимую оную въ небреженіи толь велію Святыню, на нюже Ангели смотрятъ со страхомъ» [1]). Преосвященный Іоасафъ Горленко передаетъ еще болѣе разительный случай небрежнаго отношенія къ Святынѣ. «Увидя,—говоритъ онъ,—на полкѣ между горшками бумагу, взялъ ее посмотрѣть, что въ ней завернуто; когда же раскрылъ ее, то съ ужасомъ увидѣлъ, что въ ней были Божественныя Тайны». Святитель провелъ всю ночь безъ сна, въ молитвѣ при св. Тайнахъ, а священнику запретилъ священствовать [2]).

Совершеніе таинства брака также страдало многими недостатками. При вѣнчаніи въ церковь привозились хмѣльные напитки, при чемъ вмѣстѣ съ мірянами напивалось и духовенство [3]). Браки часто совершались въ родствѣ. Преосвященный вологодскій доносилъ въ Синодъ, что «попъ церкви Воскресенія Христова, что въ Дягилевыхъ горахъ Алексѣй Поповъ повѣнчалъ двухъ двоюродныхъ братьевъ на родныхъ же сестрахъ, безъ вѣнечныхъ памятей [4]). «Въ консисторіи нашей оказалось,—пишетъ св. Тихонъ Воронежскій въ своей инструкціи, - что многіе люди, въ томъ числѣ приходящіе изъ дальнихъ мѣстъ: какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ въ брачное супружество вступаютъ, въ противность правилъ св. отецъ, и потому беззаконное, какъ-то въ четвертые браки, а другіе мужья отъ живыхъ женъ, а жены отъ живыхъ мужей, а иныя дѣти малыя съ возрастными и далеко большими дѣвками въ супружество входятъ, а священники иные лакомствомъ прельщаеми, иные въ пьянствѣ, иные слѣпотою ума помраченные, какъ изъ дѣлъ

---

[1]) Сочин. Св. Димитрія, митрополита Ростовскаго, ч. I, страницы 200—201

[2]) Описаніе жизни преосв. Іоасафа Горленка, Спб., 1841 г., стр. 15—16.

[3]) Истор. Моск. еп. упр., ч. III, кн. I, прим., стр. 185.

[4]) Описаніе докум. и дѣлъ арх. Св. Синода, т. VIII, стр. 612.

по консисторіи явствуетъ, важности дѣла не разсуждая, беззаконные браки вѣнчаютъ и тѣмъ какъ себя, такъ и другихъ въ тяжкіе грѣхи приводятъ [1]). Неправильные браки по родству совершались часто, какъ свидѣтельствуетъ митроп. Рафаилъ «за недобрымъ разспросомъ» брачущихся [2]). Иногда священники вѣнчали браки насильственно, принуждая къ нимъ одну изъ вступающихъ въ бракъ сторонъ. Намѣстникъ кобеляцкій Василій Могилевскій жаловался на кобеляцкаго протопопа Михаила Быстрицкаго, что тотъ его «сестру двоюродную, дочь Василія дьячка Покровскаго Марію, купно съ матерію ея нудилъ въ оковахъ желѣзныхъ чрезъ три дне денно и нощно», по тому поводу, что сестра намѣстника Марія, согласившись выйти замужъ за казака Тонконога, потомъ, увидя, что женихъ ея горькій пьяница, раздумала и отказала ему. Обиженный женихъ, «хвалясь денегъ много наложить», обратился съ жалобою къ протопопу, который, не долго думая, велѣлъ невѣсту съ матерью заковать въ кандалы. Тонконогъ, видя упорное нежеланіе Маріи выйти за него замужъ, рѣшилъ оставить ее въ покоѣ съ тѣмъ, чтобы ему были возвращены всѣ убытки, требуя въ томъ числѣ, «дабы паче накладъ ему возвращено, яко до нѣсколько рублей якобы онъ въ правленіи потерялъ». Отвѣтчица указала на то, что «накладъ» долженъ быть возвращенъ протопопомъ. Когда протопопъ «накладу» не возвратилъ, «въ тѣ пори онъ, челобитчикъ, паки началъ суда просить и, призвавши оную дѣвицу и матерь ея, начали стращать ихъ». «Стращанія», видимо, подѣйствовали: «оной дѣвицѣ мать начала съ плачемъ договаривать, что буде ти въ бракъ сей не пойдешь, то развѣ по жизнь свою выслуживатись будешь». Подъ давленіемъ такихъ обстоятельствъ невѣста согласилась выйти замужъ и была обвѣнчана [3]). Вотъ еще случай. Поповскій староста г. Торопца Иванъ Ивановъ доносилъ на священника Рождественскаго дѣвичьяго монастыря Петра Тимофеева, что тотъ насильственно повѣнчалъ торопецкаго жителя Ивана Ферякова съ дѣвицею Татьяною. Невѣста была увѣчная и сверхъ того заподозрѣнная въ воровствѣ денегъ и вещей у подъячаго, «объѣзжаго дворянина» Аѳанасія Жеребцова. Самый бракъ, для совершенія котораго, по распоряженію поповскаго старосты, попа Петра Тимофеева, женихъ съ побоями приведенъ былъ въ церковь ночью солдатами, былъ прерванъ появленіемъ солдата, посланнаго торопецкимъ судьею для взятія новобрачной къ розыску. При розыскѣ она показала, что изъ украденныхъ денегъ дала поповскому старостѣ Тимофееву пять рублей съ тѣмъ, чтобы онъ устроилъ ея бракъ съ Феряковымъ [4]).

---

[1]) Творенія Святыхъ Отецъ, 1862 г., 2.
[2]) «Кіев. еп. вѣд.», 1870 г., № 7, 203.
[3]) Изъ моихъ архивныхъ замѣтокъ.
[4]) Опис. арх. Св. Синода, т. I, ч. 2, № 471.

Причиною всѣхъ этихъ насилій были, какъ видимъ, корыстныя побужденія священнослужителей. Среди послѣднихъ попадались личности корыстолюбивыя, позволявшія себѣ большія вымогательства. Такъ, священникъ с. Рацева Григорій Ковалевскій требовалъ за бракъ 20 р. [1]). Роменскій протопопъ Самойловъ взялъ за бракъ у жителя гавриловскаго Ивана Опары 210 злотыхъ, у другаго—взялъ «полкуфы дегтю, кожу, полпяти золотою, два кафтана», еще у одного взялъ за бракъ съ первою женою 8 копъ, со второю—10 талеровъ, съ третьей—100 злотыхъ [2]). По словамъ казака Агаөона Сумина, чугуевскій протопопъ бралъ за вѣнечныя памяти «сверхъ указнаго числа» по три, по четыре и по пяти руб. за память [3]). Не только священники позволяли себѣ вымогательства, но и дьячки. Митрополитъ кіевскій Рафаилъ говоритъ о большихъ поборахъ церковниковъ за браки: «дьячки окаянніи поти не пойдутъ на клиросъ пѣти надлежащаго брака, покамисть у убогаго мужика не выдерутъ таляра» [4]).

Всѣ эти вымогательства имѣли въ своемъ основаніи крайне недостаточное матеріальное обезпеченіе духовенства. Сами священники указывали на свою бѣдность какъ на главную причину поборовъ. Пристромскій (Переяславской епархіи) священникъ Леонидъ Ольшанскій требовалъ за бракъ 2 р., ему давали 60 коп. На слѣдствіи, которое назначено было по жалобѣ прихожанина, священникъ объяснялъ, что онъ, «какъ бы шуточно требовалъ двухъ рубліовиковъ, а за рубля, если бъ было дали, то бъ и повѣнчалъ, что жъ де онъ Леонтій показанныхъ лицъ за 60 коп. не хотѣлъ обвѣнчать и сверхъ указного требовалъ за обвѣнчаніе съ нихъ рубліовика денегъ, то онъ сіе сдѣлалъ потому, что и самъ убогъ, и за малостію прихода ни откуду болше, кромѣ съ такихъ доходовъ, ежедневное пропитаніе себѣ имѣетъ, такъ и обыкновенніе столовіе денги взимаеміе за рождественскій и воскресенскій праздники въ каөедру Переяславскую какъ прежде оплачивалъ, такъ и теперь оплачивать съ тѣхъ же доходовъ слѣдуетъ». Послѣ этого онъ далъ подписку не брать за бракъ болѣе указныхъ 10 коп. [5]).

Однимъ изъ могущественныхъ средствъ религіозно-нравственнаго вліянія духовенства на общество является исповѣдь; въ таинствѣ исповѣди духовнику предоставляется полная возможность проникнуть въ самые глубокіе тайники довѣрчиво раскрытаго для него сердца. Но, какъ мы уже говорили, отожествленіе нравственной области съ госу-

---

[1]) Изъ моихъ архивныхъ замѣтокъ.
[2]) „Кіевская Старина". 1887 г., V, 194—5.
[3]) Опис. арх. Св. Синода, I, 494.
[4]) Опис. рукоп. Черниговской семинаріи, 97.
[5]) Изъ моихъ архивныхъ замѣтокъ.

дарственными интересами создавало крайне фальшивыя отношенія между духовенствомъ и паствою. Священники, напримѣръ, обязывались объявлять Преображенскому приказу и тайной канцеляріи о сообщенныхъ имъ на исповѣди народныхъ соблазнахъ и злодѣйственныхъ намѣреніяхъ, къ которымъ отнесены: «измѣна или бунтъ на государя или на государство, или злое умышленіе на честь и здравіе государево и на фамилію его царскаго величества», даже «слова, до высокой его императорскаго величества чести касающіяся, или государству вредительныя».

Регламентъ старается доказать, что такое объявленіе нисколько не противорѣчитъ существу исповѣди, что напротивъ духовникъ черезъ свой доносъ исполнитъ слова Господни: «аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ.. аще же не послушаетъ, повѣждь церкви», что если Господь повелѣваетъ объявлять церкви о частныхъ обидахъ, то тѣмъ болѣе нужно доносить полиціи о злодѣйственныхъ умышленіяхъ. Кромѣ того, священники «не токмо намѣренное зло, которое въ дѣйство произвестися хощетъ, должны объявлять, но и сдѣланной уже народной соблазнъ, напримѣръ: еже кто, вымысливъ гдѣ, какимъ-либо образомъ или притворно учинивъ, разгласитъ ложное чудо... а раскаянія на то не покажетъ, и опубликовать того (дабы невѣдущіе той лжи за истину не принимали) не обѣщается, то духовникъ долженъ, гдѣ надлежитъ, безъ всякаго медленія о томъ объявить, дабы такая лжа была пересѣчена и народъ, тою лжею прельщенный, невѣдѣніемъ не согрѣшалъ и лжи за истину не принималъ... И таковые духовники, которые какъ о вышеозначенномъ зломъ и нераскаянномъ намѣреніи, такъ и о содѣянномъ ложныхъ и притворныхъ чудесъ разглашеніи объявятъ, и по изслѣдованіи явится то объявленіе истинно, награждены будутъ достойною по мѣрѣ вѣрности его императорскаго величества милостію. А ежели кто изъ священниковъ сего не исполнитъ, и о вышеозначенномъ услышавъ, вскорѣ не объявитъ, тотъ безъ всякаго милосердія, яко противникъ и таковымъ злодѣемъ согласникъ, паче же государственныхъ вредовъ прикрыватель, по лишеніи сана и имѣнія, лишенъ будетъ и живота» [1]). Такое и безъ того тяжелое положеніе духовниковъ еще болѣе осложнялось въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ. На духовенствѣ, напримѣръ, лежала высокая по своей идеѣ, но тяжелая по послѣдствіямъ обязанность увѣщевать и напутствовать предъ смертною казнью преступниковъ; для этого избирался обыкновенно священникъ высокихъ душевныхъ качествъ, «который бы былъ добрыя

---

[1]) Полное собр. пост. и распоряж. по вѣд. прав. испов., т. II, № 557, стр. 205.

совѣсти и могъ таковыхъ осужденныхъ во отчаяніи на истинный путь возвращать» [1]). Обязанность увѣщателя колодниковъ была не легкою. Вотъ какъ выражается по этому поводу историкъ Петербургской епархіи: «ночью священника приглашаютъ на каторжный дворъ или, еще лучше, въ казематы тайной канцеляріи. Предъ нимъ несчастный, умирающій отъ пытокъ. Онъ хочетъ облегчить свою душу, хочетъ облегчить сердце, быть можетъ ожесточенное несправедливостями, тиранствомъ. У постели умирающаго у духовника всего ближе и естественнѣе слово утѣшенія, слово сочувствія. Но берегись, духовникъ! Въ казематахъ и у стѣнъ есть уши, которыя тайну предсмертнаго покаянія не сочтутъ священною, и можетъ быть за нѣсколько сочувственныхъ, невѣрно понятыхъ словъ ты завтра же попадешь на мѣсто твоего духовнаго сына, испытаешь наслажденія застѣнковъ. Можетъ быть, тотъ же утѣшаемый тобою страдалецъ, оправившись подъ новыми пытками, оговоритъ и тебя. Берегись, духовникъ! Въ казематахъ сочувствіе и теплота сердца немыслимы» [2]).

Разрывъ, созданный подобными отношеніями, долженъ былъ отражаться на исполненіи таинства исповѣди крайне вредно. Таинство это легко получало въ глазахъ духовенства формальное и даже корыстолюбивое значеніе. Нѣкоторые священники смотрѣли на него исключительно какъ на источникъ доходовъ, а потому часто отказывали въ исповѣди бѣднымъ, не имѣвшимъ средствъ вознаградить ихъ за трудъ. «Еще же и сіе нашему смиренію вѣстно сотворися,—пишетъ св. Димитрій,—яко нѣцыи отъ нерадивыхъ іереевъ, немалую подъ собою паству душъ человѣческихъ имущіи, не пекутся, якоже пещися подобаетъ, о спасеніи ихъ, и лѣнятся ходити къ больнымъ, еже исповѣдати и причастити ихъ; а наипаче къ людемъ убогимъ и нищимъ не хотятъ ходити, токмо ко богатымъ ходятъ, а убогихъ и нищихъ презираютъ, и мнози нерадѣніемъ ихъ безъ исповѣди и безъ причастія божественныхъ таинъ умираютъ» [3]). Такимъ корыстолюбіемъ отличался, напримѣръ, упоминавшійся уже нами петербургскій протопопъ Семеновъ, отказывавшійся не только ходить къ бѣднымъ на квартиры для таинства исповѣди, но и принимать ихъ у себя, даже въ случаѣ крайней нужды [4]). Для бѣдныхъ практиковался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оригинальный и недостойный св. таинства способъ исповѣди—нѣсколькихъ человѣкъ вмѣстѣ [5]).

---

[1]) Полное собр. пост. по дух. вѣд., II, № 874.
[2]) Опис. Петерб. еп., вып. V, стр. 101.
[3]) Соч. св. Димитрія, митроп. Ростовскаго, ч. I, стр. 166—7.
[4]) Опис. С.-Петербургской епархіи, V, отд. II, 35—6.
[5]) Руководство для сельскихъ пастырей, 1860, № 20, стр. 57.

Другимъ недостаткомъ духовенства по отношенію къ таинству исповѣди было открытіе въ ссорѣ или по какимъ-либо корыстнымъ видамъ—грѣховъ, сказанныхъ «на духу». Св. Димитрій Ростовскій глубоко возмущался и со всѣмъ пыломъ своей души вооружался противъ такого отношенія духовенства къ исповѣди. О, духовниче неискусный, злый обличителю дѣтей своихъ духовныхъ, разорителю Тайны Божія, соблазнителю міра и виновниче пагубы многихъ душъ человѣческихъ,—восклицаетъ ревностный владыка, обращая рѣчь свою къ нарушителямъ святости таинства.—Почто исповѣданные грѣхи, и уже прощенные, паки на среду приводиши? Почто Богомъ покровенная и потаенная открытыя являеши? Почто благо омовенное паки наносиши на омовенныхъ? Почто скверниши очищенныхъ? Почто мимошедшая, и уже забвенію преданная, паки воспоминая, возвращаеши? Богъ положи въ забвеніе грѣхи человѣческіе, исповѣданные... ты же, окаянный іерею, дѣтей твоихъ духовныхъ грѣхи памятствуеши и воспоминаеши, ихже не подобаетъ воспоминати, и творишися противенъ Богу. Той бо единою прощенная не имать воспомянути въ безконечные вѣки; ты же дерзаеши та воспоминати: коимъ казнемъ достоинъ еси» [1]). Болотовъ разсказываетъ такой случай злоупотребленія таинствомъ исповѣди для сведенія личныхъ счетовъ. «Нѣкогда случилось, что родительница моя, не знаю чѣмъ, неисполненіемъ-ли какой-нибудь его просьбы или инымъ чѣмъ его (мѣстнаго священника) поразсердила. Онъ, будучи таковъ же внутренно золъ и любомстителенъ, колико наружно благочестивъ и набоженъ, сокрылъ тогда досаду свою въ глубинѣ своего сердца; но какъ нѣсколько времени потомъ случилось родительницѣ моей прихворнуть и она вздумала исповѣдаться, какъ то нерѣдко она дѣлывала, то что жъ онъ сдѣлалъ?—Онъ, зная коротко расположеніе ея нрава и великую привязанность ее ко всему суевѣрному, вздумалъ ей при семъ случаѣ мстить свою мнимую обиду, но чѣмъ же?—Такъ называемымъ связаніемъ на духу, о важности котораго постарался онъ уже издавна вперить въ нее страшныя мысли. Мать моя сочла сіе невѣдомо за что, и сіе связаніе нагнало на нее такой страхъ и ужасъ, что она считала себя не инако какъ погибшею, ежели паки разрѣшена не будетъ. Нѣсколько недѣль препроводила она въ превеликомъ смущеніи и впала было отъ этого въ сущую меланхолію, и тѣмъ паче, что попъ пересталъ вовсе къ намъ ходить и открыто уже изъявилъ всю свою злобу, скрывавшуюся до того въ его сердцѣ. Нечего было дѣлать, принуждены были засылать къ попу и ходить за нимъ и уговаривать. Онъ спѣсивится и гордится, и на силу его какъ-то уговорили и довели до того, что онъ мать мою разрѣшилъ» [2]).

[1]) Сочин. св. Димитрія, митроп. Ростовскаго, ч. I, стр. 164—5.
[2]) Записки Болотова, т. I, стр. 149 -150.

Подобные же недостатки имѣли мѣсто и при исправленіи другихъ богослужебныхъ дѣйствій, если только въ этомъ случаѣ замѣшана была матеріальная сторона дѣла. Кромѣ брака и исповѣди, этотъ матеріальный элементъ отношеній въ особенности оказывалъ свои разлагающія послѣдствія при совершеніи погребенія и хожденіи съ крестомъ; то и другое являлось удобнымъ поводомъ для проявленія низкихъ корыстолюбивыхъ стремленій.

Погребеніе богатыхъ отличалось вообще большою торжественностью, къ погребенію же бѣдныхъ духовенство относилось иногда очень невнимательно. Историкъ Петербургской епархіи такъ описываетъ погребеніе бѣдныхъ въ Петербургѣ. «Придетъ священникъ съ причетникомъ къ почившему, покадитъ, отслужитъ литію, дастъ на кладбище письмо (т. е. свидѣтельство) и отправляется домой, а покойника несутъ на кладбище его близкіе... Въ самомъ же домѣ почившаго, у одра, на которомъ лежало его тѣло, среди плача, а нерѣдко и раздирающихъ сердце рыданій, священно-и-церковнослужители заводили между собою споръ и ссоры или пускались въ совершенно неприличныя мѣсту и обстановкѣ шутки и смѣхотворные разговоры» [1]). Столь же несовмѣстимые съ характеромъ печальнаго момента поступки допускались священнослужителями и при самомъ обрядѣ погребенія, даже въ церкви. Мы уже упоминали, какъ совершалъ погребеніе священникъ с. Юсковецъ Іоаннъ Максимовъ. Не имѣя права совершать требы, онъ «самохотно въ епитрахиль и ризи убрался и сталъ по виносѣ тѣла съ изби разговаривать съ парохіянами и необично реготать и шутить, а потомъ при провожденіи тѣла взялъ человѣка именемъ Івана Гусака за бороду». Въ погребальномъ ходу онъ оставилъ свое мѣсто, отошелъ къ своей женѣ, шедшей вмѣстѣ съ другими женщинами, и тамъ разговаривалъ съ женами, благословилъ жену «сказывая сѣчовимъ благословеніемъ съ великимъ соблазномъ присутствующихъ людей и смѣхотвореніемъ». По внесеніи тѣла въ церковь, онъ позволялъ себѣ еще бо́льшія безчинія,—«безпрестанно шумѣлъ и реготалъ, а при послѣднемъ цѣлованіи приходячихъ людей до креста многихъ тѣмъ же крестомъ по головамъ билъ, сказуя: «знайте, что я запорожецъ» [2]). Другой, также извѣстный уже намъ священникъ Симеонъ Карпѣнскій, пріѣхавъ однажды для печатанія могилы, приказалъ для чего-то выкапывать трупъ умершаго, но ужъ сами прихожане «не послушали его, яко необычайно велитъ» [3]).

Погребеніе часто давало духовенству поводъ къ вымогательствамъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія одинъ священникъ въ Кар-

---

[1]) Опис. Петерб. еп., V, 144—5.
[2]) Изъ моихъ архивныхъ замѣтокъ.
[3]) Ibidem.

гопольскомъ уѣздѣ сильно притѣснялъ крестьянъ: съ одной крестьянки за погребеніе ея брата требовалъ рѣзной складень цѣною въ 2 р. 50 к., а съ другой за погребеніе мужа 50 к., и, не получивъ требуемой платы, цѣлую недѣлю не хоронилъ мертваго, такъ что въ церковной трапезѣ, гдѣ лежали трупы, на лавкахъ и по полу текла пересадная кровь, на тѣлахъ показались черви и по всей церкви было страшное зловоніе. Свидѣтели (103 человѣка, въ томъ числѣ приходскій дьячекъ) приложили къ своимъ показаніямъ длинный реестръ незаконныхъ поборовъ священника при крещеніи, вѣнчаніи и погребеніи. Синодъ лишилъ его священства [1]). Въ Малороссіи иногда выставляли тѣла бѣдняковъ, умершихъ въ госпиталѣ, на два-три дня для испрошенія подаянія на погребеніе и уплату священнику [2]). Въ Сибири, гдѣ приходы были чрезвычайно разбросаны и гдѣ чувствовался большой недостатокъ въ священнослужителяхъ, дѣло требоисправленія иногда и ограничивалось однимъ взиманіемъ платы за требы безъ самаго совершенія требъ. Въ самомъ концѣ XVIII в. жители Мелецкаго острога жаловались архіерею, что «хотя они усердіе ко св. церкви имѣютъ и св. таинъ причаститься желаютъ, но священникъ ихъ, Василій Хавовъ, мертвыхъ не погребаетъ, младенцевъ не креститъ, родильницамъ молитвъ не читаетъ и св. таинъ не пріобщаетъ, «а когда жъ прибудетъ въ годъ однажды черезъ почты съ колокольцемъ, съ мертвыхъ тѣлъ за погребеніе беретъ сполна деньгами и случится коньми, а погребенія нѣтъ» [3]).

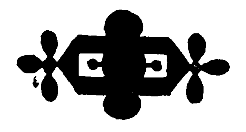
Извѣстны случаи вымогательства и при хожденіи священнослужителей съ крестомъ. Въ 1767 г. одинъ фельдшеръ изъ шведовъ Никита Ланшевъ жаловался консисторіи, что когда его приходскій причтъ (изъ 5 человѣкъ) во время пасхальнаго хожденія по приходу былъ у него въ домѣ и когда онъ по окончаніи святыни далъ попу на соборъ 14 коп., то попъ «дьяконъ съ причетниками требовали еще 10 коп., печенаго хлѣба и пирога, а когда онъ не далъ, то бранили его скверными словами, потомъ, бросивъ ковчегъ съ крестомъ, били его смертно, и при тѣхъ побояхъ попъ укусилъ у него палецъ лѣвой руки и «едва оный прочь не откусилъ»; въ доказательство доношенія онъ ссылался на свидѣтельство бывшихъ у него на ту пору гостей [4]).

Нами указаны лишь нѣкоторыя, немногія стороны быта приходскаго духовенства въ XVIII в., при чемъ мы обращали вниманіе лишь на

[1]) Полн. Собр. Законовъ, т. 19, № 13910. «Рус. Старина», 1877 г., т. 19, 517.
[2]) Руков. для сельскихъ пастырей, 1860 г., № 20, стр. 38—9.
[3]) Н. Лѣсковъ. Сибирскія картинки. «Вѣстн. Европы», 1892 г., III.
[4]) Исторія Моск. еп. упр., II, кн. 2, примѣч. 345.

болѣе характерные факты изъ громаднаго числа другихъ—одного съ ними характера. Но какъ ни мрачна нарисованная картина, было бы большой ошибкой представлять по ней нравственный обликъ всего духовнаго сословія въ разсматриваемую эпоху. Какъ извѣстно, внѣшняя и внутренняя стороны дѣятельности не покрываютъ вполнѣ одна другую; положительная — принадлежитъ къ той сферѣ дѣятельности, которая имѣетъ тѣмъ большую цѣнность, чѣмъ менѣе она демонстрируется вовнѣ; идеалъ ея—чтобы лѣвая рука не знала, что творитъ правая. Поэтому-то исключительная дѣятельность даннаго общественнаго класса не затрогивалась вовсе тѣми оффиціальными архивными документами—по большей части судебно-карательнаго характера, какими мы главнымъ образомъ пользовались. Отсюда—обиліе фактовъ отрицательнаго характера не говоритъ еще о безусловно отрицательномъ направленіи жизни духовенства въ XVIII в. Необходимо еще принять во вниманіе, что тогда было другое время, другія понятія и условія жизни; съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ признать совершенно правильнымъ взглядъ церковнаго историка XVIII в.—митр. Платона Левшина, который осуждалъ современныхъ ему «Исторіи россійскихъ писателей» между прочимъ за то, что они «древніе духовенства поступки, съ тогдашнимъ временемъ сходственные, представляли по образу мыслей и состоянію настоящаго времени,—чтò съ порядкомъ и истиною исторіи никакъ не совмѣстительно» [1]).

А. Лотоцкій.

[1]) Церковная россійская исторія, предисл., VI.

Неизданная рукопись И. И. Лажечникова.

(Архивная справка къ юбилею).

По случаю 35-ти лѣтней годовщины смерти извѣстнаго нашего писателя Ивана Ивановича Лажечникова намъ хотѣлось бы обратить вниманіе читающаго общества на одинъ неизданный его трудъ, рукопись—автографъ котораго мы разыскали въ архивѣ императорскаго Казанскаго университета.

Служба И. И. Лажечникова въ Казанскомъ университетѣ представляетъ собою любопытный, но мало извѣстный эпизодъ изъ его біографіи. Въ статьѣ «Какъ я зналъ Магницкаго» (вошла въ XII т. сочиненій, изд. 1884 г.) И. И. самъ разсказываетъ, какъ онъ неожиданно сталъ любимцемъ всемогущаго въ то время попечителя Казанскаго учебнаго округа. Съ 1824 г. Лажечниковъ состоялъ директоромъ Казанской гимназіи (тогда единственной, нынѣ I императорской). На этомъ посту онъ пріобрѣлъ себѣ передъ Казанью заслугу, первый подавши мысль поставить здѣсь памятникъ знаменитому мѣстному урожденцу—Г. Р. Державину. Не удовлетворяясь директорскимъ мѣстомъ, И. И. задумалъ испытать себя на ученомъ поприщѣ и перебраться въ университетъ.

Такое намѣреніе Лажечникова, пожалуй, покажется теперь страннымъ. Вѣдь онъ не имѣлъ никакой ученой степени и даже не окончилъ курса въ университетѣ. Но въ то время къ ученымъ относились не такъ формально, и достоинства ихъ цѣнились не только съ точки зрѣнія имѣющагося у нихъ диплома на ту или другую ученую степень. Въ иныхъ случаяхъ дѣлались исключенія, лишь бы кандидатъ былъ достойный. Вдобавокъ ученыхъ было такъ мало, что для замѣщенія

каѳедръ приходилось сплошь и рядомъ выписывать изъ-за границы нѣмцевъ, не знавшихъ по-русски и читавшихъ по-латыни или по-французски.

Въ апрѣлѣ 1825 г. И. И. Лажечниковъ вошелъ въ совѣтъ Казанскаго университета съ такимъ прошеніемъ:

«Извѣстившись, что мѣсто адъюнкта россійской исторіи въ Казанскомъ университетѣ остается до сего времени никѣмъ не занятымъ и чувствуя въ себѣ достаточныя свѣдѣнія для преподаванія этой науки, которой самъ обучался у гг. профессоровъ Московскаго университета [1]); сверхъ того, по склонности моей къ ученымъ трудамъ, коимъ посвящалъ всѣ досуги мои отъ службы, желая быть полезнымъ членомъ ученаго сословія, къ коему нынѣ обращаюсь: покорнѣйше прошу почтеннѣйшій совѣтъ удостоить меня выборомъ въ адъюнкты россійской исторіи. Оправдать сей лестный выборъ потщусь постояннымъ усердіемъ въ исполненіи моей должности и усовершенствованіемъ ввѣренной мнѣ части.

«Между тѣмъ осмѣливаюсь ожидать разрѣшенія почтеннѣйшаго совѣта: не благоугодно ли будетъ дозволить мнѣ представить ему упражненія мои по предмету исторіи? Къ сему прошенію честь имѣю приложить два свидѣтельства о прежнихъ моихъ ученыхъ занятіяхъ».

Нельзя отрицать, что И. И. всегда обнаруживалъ большой интересъ къ отечественной исторіи и впослѣдствіи стяжалъ себѣ громкую славу именно историческими романами. Но въ ту пору онъ былъ извѣстенъ въ публикѣ только «Походными записками русскаго офицера», гдѣ описалъ свои личныя впечатлѣнія во время Отечественной войны, а по части исторіи у него былъ тогда напечатанъ (въ «Вѣстникѣ Европы» за 1820 г.) только отрывокъ изъ «Исторіи города Дерпта». Другія «упражненія», которыя онъ собирался представить на судъ ученой коллегіи, находились, вѣроятно, въ рукописи. Но при всемъ томъ Лажечниковъ чувствовалъ уже въ себѣ «достаточныя» свѣдѣнія для преподаванія университетскаго курса русской исторіи.

На прошеніе Лажечникова совѣтъ университета положилъ такую резолюцію: «передать при выпискѣ прошеніе въ словесное отдѣленіе съ тѣмъ, чтобы оно по уставу истребовало отъ просителя потребныя сочиненія, отзывъ отъ профессора, почитаетъ ли онъ нужнымъ имѣть себѣ помощника, и внести съ мнѣніемъ о достоинствѣ сочиненія,— представить совѣту».

Изъ резолюціи видно, что на самомъ дѣлѣ никакой вакансіи адъюнкта русской исторіи не имѣлось, а ее еще пришлось бы создавать, если бы спеціалистъ пожелалъ себѣ кого-либо въ помощь. Съ другой

---

[1]) Вѣроятно, путемъ приватныхъ уроковъ.

стороны всѣмъ было извѣстно, что Лажечниковъ — любимецъ самого Магницкаго, а при Магницкомъ, гонявшемъ профессоровъ со службы десятками, совѣтъ въ общемъ ходилъ по стрункѣ. Поэтому отказать— прямо не отказали, а избрали полумѣру: совѣтъ предоставилъ изворачиваться словесному отдѣленію (нынѣшнему историко-филологическому факультету).

Профессоромъ русской исторіи состоялъ тогда въ Казанскомъ университетѣ Владиміръ Яковлевичъ Булыгинъ. Онъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ слугъ Магницкаго и пребылъ ему вѣрнымъ до самаго конца.

Надо полагать, что онъ не пожелалъ себѣ имѣть Лажечникова помощникомъ; обижать же его насильственнымъ назначеніемъ не захотѣли. Осуществили иную комбинацію. Предложили Лажечникову проситься не по исторіи, а по словесности.

Въ своей вышеупомянутой статьѣ (стр. 385) самъ Лажечниковъ о попыткѣ занять каѳедру говоритъ глухо и вовсе не упоминаетъ о прежнихъ намѣреніяхъ насчетъ русской исторіи: «За нѣсколько мѣсяцевъ до перваго отъѣзда Магницкаго въ Петербургъ, по вызову нѣкоторыхъ профессоровъ я представилъ въ совѣтъ университета диссертацію для полученія званія адъюнкта по русской словесности. Можетъ быть, я устыдился бы теперь этого сочиненія, но какъ бы то ни было совѣтъ одобрилъ его и избралъ меня въ адъюнкты. Вліянія попечителя не было никакого въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ оно совершилось въ его отсутствіе».

Положимъ, что отсутствіе тутъ ничего не значило. Грозный Михаилъ Леонтьевичъ, сидя въ Петербургѣ для послуги предъ Аракчеевымъ, черезъ своихъ шпіоновъ все зналъ, что творилось въ Казани. Оказать угодное его протеже было выгодно и въ отсутствіе попечителя. Вдобавокъ, какъ мы видимъ, И. И. Лажечниковъ изображаетъ дѣло не точно, не такъ, какъ оно происходило, т. е. какъ будто сами профессора приглашали его на каѳедру, тогда какъ, наоборотъ, онъ просился первоначально, и даже не на словесность, а на исторію, и комбинація съ словесностію наладилась уже потомъ.

30-го сентября 1825 г. совѣтъ Казанскаго университета дѣйствительно избралъ Лажечникова на основаніи его диссертаціи въ адъюнкты россійской словесности.

Вотъ эту диссертацію Лажечникова, списка съ которой онъ и самъ уже, очевидно, не имѣлъ, когда писалъ воспоминаніе о Магницкомъ, мы и разыскали въ архивѣ Казанскаго университета въ подлинной рукописи самого автора.

Рукопись эта въ листъ, писана на старой синей бумагѣ довольно

мелкимъ почеркомъ и озаглавлена «Риторика». Глава I. Введеніе. Форма изложенія—нѣчто вродѣ лекціи, какъ бы «вступительной».

По своему содержанію этотъ доселѣ неизвѣстный трудъ Лажечникова можно опредѣлить, какъ его писательское profession de foi въ ту пору его литературной дѣятельности. Правда, во многихъ мѣстахъ авторъ выражается осторожно и старается не разойтись съ тѣми пресловутыми «инструкціями», какія преподалъ своему «обновленному» [1]) университету Михаилъ Леонтьевичъ.

Нѣкоторыя изъ тѣхъ научныхъ положеній, на какія опирается нашъ авторъ, уже устарѣли, да и та наука, которую онъ намѣревался преподавать, риторика, теперь сдана въ архивъ. Но сочиненіе Лажечникова и современнаго читателя подкупаетъ большою логичностью, стройностью плана, а также чрезвычайно образнымъ, плавнымъ и легкимъ языкомъ. Главный же интересъ, какой мы испытываемъ, беря эту рукопись для чтенія, разумѣется, лежитъ въ томъ, чтобы узнать, какъ Лажечниковъ смотрѣлъ на задачи и сущность литературной дѣятельности,—посмотрѣть, насколько онъ самъ обрисовывается въ преподаваемыхъ имъ взглядахъ. При этомъ случаѣ нельзя не поскорбѣть о томъ, что, несмотря на три уже юбилея (1869, 1894 и 1904) Лажечникова, историческое изученіе его сочиненій еще и не начато; поэтому и наша скромная архивная справка можетъ оказаться небезполезною.

Изложимъ вкратцѣ содержаніе диссертаціи Лажечникова.

«Особеннымъ благоволеніемъ Творца даровано намъ с л о в о, сей знакъ мыслей, сіе выраженіе души нашей, такъ начинаетъ авторъ. Онъ опровергаетъ возможность того, чтобы языкъ человѣкъ изобрѣлъ отъ себя или нашелъ его случайно. Слово связываетъ людей въ общества и служитъ условіемъ всякихъ усовершенствованій въ жизни человѣчества; съ помощью письма слово все оживляетъ, и благодаря слову для мысли нѣтъ времени и пространства.

Эти преимущества слова заставляютъ обратить на него особое вниманіе. Всегда будемъ мы имѣть сильныя побужденія изучать искусство управлять рѣчью.

Всѣ искусныя произведенія слова называются въ совокупности с л о в е с н о с т і ю. Словесность дѣлится на п р о з а и ч е с к у ю и с т и х о т в о р н у ю. Правилами прозы занимается р и т о р и к а; правилами поэзіи—піитика.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Лажечниковъ показываетъ разницу между риторикою древнихъ и новою. Въ древности она была наукою

---

[1]) Какъ извѣстно, даже въ оффиціальныхъ бумагахъ тогда отмѣчали въ университетѣ годъ не только отъ рожденія Христа, но и отъ «обновленія университета».

хорошо говорить. Въ наше время разсудокъ и законы взяли перевѣсъ надъ страстями и лишили витій прежней власти въ судахъ и народныхъ собраніяхъ; за это стѣсненіе области краснорѣчія ораторамъ вручили новыя права въ храмахъ и ученыхъ обществахъ. Теперь риторика занимается образованіемъ не только однихъ ораторовъ, но и писателей во всѣхъ родахъ словесности, а поэтому и опредѣляютъ риторику шире, чѣмъ прежде, а именно, какъ науку хорошо управлять словомъ.

Лажечниковъ при этомъ проводитъ совершенно правильную мысль, которая въ его время была далеко не всѣмъ доступна, а именно, что искусство предшествуетъ его теоріи, что правила извлекаются изъ образцовъ, а не словесныя произведенія пишутся для выполненія заранѣе формулированныхъ правилъ. По мнѣнію автора, теорія словесности есть плодъ наблюденій, собранныхъ въ твореніяхъ великихъ писателей.

Значеніе «правилъ» разсматриваетъ Лажечниковъ и далѣе. Правила служатъ къ образованію дарованій, и самый геній не долженъ ихъ чуждаться: иначе онъ совратится съ пути. Но и правила одни, сами по себѣ, не имѣютъ значенія безъ свыше посланнаго дара, который обнаруживается въ молодомъ человѣкѣ восторгомъ при чтеніи великихъ твореній и пламеннымъ желаніемъ производить подобное имъ. Если этотъ даръ не тревожилъ васъ, обращается авторъ къ своимъ будущимъ слушателямъ, бросьте перо и никогда не льстите себя славою писателя. Но и тогда имъ все-таки не обойтись безъ изученія риторики: вѣдь слово есть необходимое орудіе и посредникъ человѣческихъ дѣйствій; искусство управлять словомъ пригодится и на службѣ, и въ обществѣ.

Затѣмъ перечисляются дальнѣйшія условія, необходимыя для писателя. На поприщѣ словесности и дара, и правилъ недостаточно — безъ доброй нравственности, безъ разбора и изученія великихъ образцовъ, безъ любви къ своему искусству, безъ познаній.

Отчасти, быть можетъ, и подъ вліяніемъ Магницкаго, хорошую нравственность писателя Лажечниковъ прежде всего видитъ въ любви къ религіи. Невѣрующій писатель не создастъ ничего прекраснаго. Мать запретитъ дочери читать его сочиненія, старецъ съ ужасомъ исторгнетъ хладѣющею рукой ихъ изъ своего книгохранилища, потомство наложитъ на нихъ печать вѣчнаго позора. За то простотою религіознаго слова рыболовы и пастыри покорили народы кресту. Пока на землѣ будетъ добродѣтель, всѣ возрасты и всѣ состоянія будутъ платить дань сердца Фенелону, Расину, Паскалю и Державину: ихъ перо никогда не сквернило безвѣріе.

Отъ университетскихъ преподавателей Магницкій требовалъ не

учености, а религіознаго духа въ преподаваніи. Поэтому авторъ диссертаціи вліяніе религіи на совершенство литературныхъ произведеній изображаетъ подробно—и гораздо короче говоритъ о прочихъ элементахъ нравственности у писателей; писатель, кромѣ религіозности, долженъ еще имѣть любовь и преданность государю и отечеству, покорность властямъ, благородныя и твердыя правила, стремленіе къ истинной славѣ и уваженіе къ чистымъ нравамъ. Всѣ эти чувствованія должны быть искренними и непритворными.

Что касается познаній, необходимыхъ для литературной дѣятельности, то можно сказать вообще: чѣмъ богаче запасъ свѣдѣній, тѣмъ больше у писателя и средствъ къ убѣжденію читателя. Прежде всего писателю надобно твердо знать основныя свойства и духъ роднаго языка, а потомъ надо изучать иностранные, древніе и новые языки, на которыхъ написаны образцовыя произведенія. Затѣмъ необходима писателю философія. Философія эта характеризуется во вкусѣ Магницкаго: «не обремененная грузомъ педантическихъ ученій нѣмцевъ, не зараженная вольнодумствомъ французскихъ писателей XVIII в.», философія простая, научающая жить въ мирѣ съ ближними и съ самимъ собою, недерзающая преступить черту, на которой покоится перстъ Божій, разрѣшающая наши невѣдѣнія свѣтомъ Евангелія. Послѣ философіи важно изученіе практической психологіи, изученіе человѣческаго сердца и нравовъ, затѣмъ изученіе исторіи: историческими примѣрами мы подкрѣпимъ наши убѣжденія. Наконецъ и познаніе другихъ наукъ полезно будущему литератору, смотря по роду предметовъ, избранному имъ для трудовъ по словесности.

По части образцовъ въ Казанскомъ университетѣ въ то время на лекціяхъ словесности, преимущественно, занимались истолкованіемъ псалмовъ и эстетическимъ идеаломъ считалась Псалтирь. И Лажечниковъ, но вскользь, указываетъ, что изученіе образцовъ начинать надо со св. Писанія. Не останавливаясь на этомъ пунктѣ, онъ—къ чести его—указываетъ еще многихъ писателей: такъ онъ совѣтуетъ напитать себя краткостью, силою изображеній и уроковъ Тацита, краснорѣчіемъ Ливія, обиліемъ Цицерона. Рекомендуя этихъ трехъ латинскихъ классиковъ, Лажечниковъ не называетъ ни одного грека. Далѣе идутъ французы и русскіе, но ни одного нѣмца или англичанина: рекомендуются для подражанія возвышенность Паскаля, богатство слога и теплота сердца Фенелона, великолѣпіе Ломоносова, привлекательность Карамзина, ученая и разборчивая критика Лагарпа и Мерзлякова, чистота и пріятность Батюшкова. Разборъ ихъ сочиненій, выписки изъ нихъ и подражаніе имъ подвинутъ юныя дарованія къ совершенству.

Лажечниковъ порицаетъ при этомъ темноту и изнѣженность слога у нѣкоторыхъ сентименталистовъ, которыхъ онъ уподобляетъ женопо-

добнымъ мужчинамъ, и предостерегаетъ отъ чуждыхъ русскому языку нововведеній какихъ-то «пылкихъ набѣжчиковъ» на область словесности.

Непремѣннымъ условіемъ писательскаго труда является любовь къ своему искусству, которая не должна оскудѣвать отъ препятствій. Дитя, кидавшій мрежи на берегахъ Двины, и рекрутъ въ Германіи былъ у насъ отцомъ краснорѣчія и поэзіи. Юношу-писателя не должны охлаждать первыя неудачи, строгія замѣчанія. Никто не возмужалъ въ нѣсколько дней! Подвиги истиннаго дарованія—это внимать полезнымъ урокамъ, съ терпѣніемъ исправлять свои ошибки, въ новыхъ произведеніяхъ стремиться къ большему совершенству, не довѣрять одобренію друзей и своему собственному, не ожидать это отъ толпы. Главный интересъ писателя въ его трудѣ, и изъ всѣхъ страстей ему одна только доступна: страсть славы. Новая богатая мысль, новый оборотъ рѣчи ему дороже сокровищъ.

Въ заключеніи трактата И. И. излагаетъ методъ и программу предполагаемаго преподаванія риторики.

Онъ не хочетъ отягощать памяти студентовъ мелочнымъ и суетнымъ ученіемъ общихъ мѣстъ и громкихъ словъ. Правила надо знать для примѣненія ихъ при сочиненіи, а не для щегольства памятью.

Повторивъ необходимыя познанія въ риторикѣ, Лажечниковъ предполагаетъ прочесть краткую исторію словесности и перейти къ практическимъ упражненіямъ. Разбирая теорію всѣхъ родовъ прозаическихъ произведеній, какъ-то: писемъ, разговоровъ, описаній, повѣствованій (отъ сказки до исторіи) и кончая краснорѣчіемъ, И. И. хотѣлъ ознакомлять студентовъ и писателей, которые наиболѣе въ каждомъ родѣ прославились, съ критикою на нихъ и наилучшими изъ нихъ примѣрами.

Диссертація Лажечникова въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ есть, несомнѣнно, памятникъ эпохи Магницкаго. Но если отбросить эти наносныя черты, объясняемыя уродливыми требованіями тогдашнихъ университетскихъ программъ, то въ диссертаціи останется много цѣннаго и вѣрнаго даже для нашего времени. И теперь курсъ въ такомъ видѣ, какъ проектировалъ Лажечниковъ, принесъ бы большую пользу студентамъ. Какъ извѣстно, въ наше время изученіе словесности приняло въ университетѣ исключительный и крайне односторонній характеръ историческій; словесность понимается только, какъ исторія литературы; эстетическое и практическое изученіе словесности находится въ забросѣ, а теорія словесности и вовсе не считается за науку и не преподается студентамъ. Но тѣ же студенты, сдѣлавшись преподавателями, обязаны преподавать ученикамъ теорію словесности

(старую риторику и піитику), которой ихъ самихъ никто не училъ въ университетѣ.

И. И. Лажечниковъ наоборотъ всю силу изученія словесности переносилъ на эстетику и практику, не исключая, однако, и краткаго изученія исторіи словесности. Какъ человѣкъ живой, съ большимъ вкусомъ, замѣчательнымъ литературнымъ дарованіемъ, и самъ владѣвшій прекраснымъ стилемъ, И. И., разумѣется, былъ бы на каѳедрѣ весьма полезенъ для студентовъ. Его лекціи были бы дѣльнѣе, чѣмъ та мертвечина, какою тогда пичкали въ Казанскомъ университетѣ.

Въ 1825—26 учебномъ году въ Казанскомъ университетѣ преподавали русскую словесность трое: ординарный профессоръ Григорій Николаевичъ Городчаниновъ, человѣкъ совершенно бездарный, но страшный педантъ и литературный старовѣръ-ложноклассикъ до фанатизма; экстраординарный профессоръ Григорій Степановичъ Суровцевъ, въ наукѣ неповинный, и адъюнктъ Михаилъ Самсоновичъ Рыбушкинъ. Въ означенномъ году они читали такіе курсы:

Городчаниновъ преподавалъ россійскую поэзію по Блеру (sic) и своимъ тетрадямъ, разбиралъ лучшія россійскія стихотворенія, а особливо показывалъ силу Св. Писанія.

Суровцевъ преподавалъ практическую часть краснорѣчія, избиралъ (sic) лучшихъ отечественныхъ писателей, Св. Писаніе и Св. Апостоловъ съ филологическими и эстетическими замѣчаніями, по своимъ тетрадямъ и занималъ студентовъ разнаго рода сочиненіями.

Рыбушкинъ излагалъ ѳеоретическую часть риторики по Блеру и Ролленю, присовокупляя примѣры изъ лучшихъ россійскихъ, а особенно церковныхъ авторовъ, и преподавалъ славянскій языкъ.

При наличности уже трехъ преподаватаелей по каѳедрѣ русской словесности, неизвѣстно, какія же еще лекціи достались бы на долю Лажечникова. Но его выбрали вторымъ адъюнктомъ, кромѣ Рыбушкина. Очевидно, считали неудобнымъ отказать ему.

Впрочемъ, не суждено было Ивану Ивановичу выступить на каѳедрѣ. Самъ Лажечниковъ въ указанной статьѣ кратко сообщаетъ: «когда обстоятельства перемѣнились, ученый синклитъ университета не представилъ меня къ утвержденію въ званіи адъюнкта за препятствіями, ни на какой законности не основанными».

Перемѣна обстоятельствъ заключалась въ томъ, что Лажечниковъ началъ утрачивать фаворъ у Магницкаго, а еще болѣе въ томъ, что и подъ самимъ Михаиломъ Леонтьевичемъ Магницкимъ заколыхалась почва. Сравнительно въ скоромъ времени, а именно 6-го мая 1826 г., Магницкій съ позоромъ былъ удаленъ съ занимаемаго имъ мѣста попечителя, оказавшись не только святошею-реакціонеромъ, но еще и казнокрадомъ.

А разъ приходилось плохо Магницкому, то кому какое дѣло было до Лажечникова! Да вдобавокъ, какъ мы сказали выше, и вакансіи адъюнкта собственно не было, надобно было создавать новую, а на словесности и безъ того уже сидѣли трое. При Михаилѣ Леонтьевичѣ все было возможно, а безъ него кому еще припала бы охота вести дѣло Лажечникова и добиваться для него утвержденія въ должности адъюнкта.

Взамѣнъ доцентуры Лажечникову пришлось получить въ университетѣ же, но совсѣмъ другую должность, и при томъ безпокойную и весьма непріятную. У Магницкаго была какая-то страсть перемѣщать чиновниковъ, и при томъ такъ, что одному предоставлялось иногда нѣсколько мѣстъ со всѣмъ ихъ жалованьемъ, и обратно, на одно мѣсто сажалось нѣсколько. Такъ изъ профессоровъ Яковъ Миничъ Карблиновъ имѣлъ на рукахъ шесть каѳедръ, Сергѣевъ и Жобаръ по двѣ и по три и т. п. Съ другой стороны, въ изображаемый нами моментъ на должности директора университета (это была особая должность, которую не надо смѣшивать съ ректоромъ: ректоръ подчинялся директору) значился исправляющій должность Гавріилъ Ѳедоровичъ Вишневскій, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлся и настоящій директоръ Трифонъ Егоровичъ Любомировъ. Инспекторомъ студентовъ значился тотъ же Вишневскій, но фактически онъ не исправлялъ ни той, ни другой должности, а постоянно назначались на-ряду съ нимъ исправляющіе должность инспектора, которые правили дѣломъ. Такъ въ разное время назначались и. д. инспектора Яковъ Андреевичъ Миллеръ, Василій Яковлевичъ Баженовъ, Николай Дмитріевичъ Брашманъ, и также съ 27-го сентября 1825 г. былъ назначенъ И. И. Лажечниковъ.

Эта новая должность принесла ему много горя. Во-первыхъ, она поставила его въ неловкія отношенія къ Вишневскому, который не былъ уволенъ отъ инспекціи. А во-вторыхъ Ивану Ивановичу приходилось теперь постоянно сталкиваться съ директоромъ университета, креатурою Магницкаго, Любомировымъ, человѣкомъ отъ природы дерзкимъ и отъ обстоятельствъ зазнавшимся.

Медико-хирургъ Т. Е. Любомировъ никогда не принадлежалъ къ числу преподавателей Казанскаго университета. 4-го іюня 1824 г. онъ представилъ казанскому медицинскому факультету диссертацію Laricovium, за которую былъ удостоенъ степени доктора медицины и хирургіи. Уже 21-го іюля 1825 г. Магницкій поставилъ его сразу во главѣ университета въ званіи директора. При несносномъ характерѣ Любомировъ былъ еще потребителемъ опіума, который онъ, какъ медикъ, самъ себѣ прописывалъ. Прослужилъ Любомировъ въ званіи директора не долго. 14-го января 1826 г. онъ умеръ отъ неумѣреннаго употребленія опіума.

Столкновенія Лажечникова съ Любомировымъ завершились, кажется, рукопашною схваткою или единоборствомъ, какъ можно догадываться по намеку въ статьѣ Лажечникова.

При такихъ условіяхъ понятно, что Лажечниковъ въ скорости и очень охотно оставилъ Казань. Уже въ слѣдующемъ 1826 г. онъ былъ въ Москвѣ. Поэтически описываетъ онъ свой восторгъ, съ какимъ онъ, уѣзжая, оглядывался на Казань, исчезавшую за его спиной.

Оффиціально онъ все еще считался въ Казани на службѣ, и увольненіе его состоялось только осенью 1827 года.

Русская литература ничего не потеряла отъ того, что И. И. Лажечниковъ не добился казенной каѳедры. Врядъ-ли много потерялъ и самъ Лажечниковъ. Долгое пребываніе въ глухомъ провинціальномъ, хотя и университетскомъ городѣ, вѣроятно, неблагопріятно отозвалось бы на его литературной дѣятельности, и казанскій адъюнктъ риторики едва-ли явился бы авторомъ «Послѣдняго новика», «Ледянаго дома» и «Басурмана». Въ несомнѣнномъ выигрышѣ отъ назначенія Лажечникова былъ бы только университетъ: студенты его пріобрѣли бы въ Лажечниковѣ благороднаго, добраго и опытнаго наставника и руководителя въ занятіяхъ литературою. И, быть можетъ, Лажечникову удалось бы замѣнить собою незабвеннаго учителя, Н. М. Ибрагимова, ученикомъ котораго былъ студентъ Казанскаго университета Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ.

Найденная нами рукопись диссертаціи Лажечникова интересна, какъ раннее свидѣтельство его литературныхъ убѣжденій, какъ выраженіе здравыхъ, благородныхъ и чистыхъ идей, какія онъ предполагалъ преподавать своимъ слушателямъ, и какимъ онъ самъ оставался вѣренъ въ теченіе своей свыше пятидесятилѣтней литературной дѣятельности. И дѣйствительно, мы знаемъ, что Лажечниковъ самъ соотвѣтствовалъ тѣмъ требованіямъ, какія онъ считалъ необходимыми для истиннаго писателя. Онъ любилъ свое искусство, литературу, добросовѣстно разрабатывалъ языкъ своихъ произведеній, изучалъ матеріалы и мѣстности, изображаемыя имъ въ своихъ историческихъ романахъ, и что главное, всегда, до самой смерти оставался въ литературѣ представителемъ добраго, гуманнаго и нравственнаго направленія. Такимъ образомъ, положенія его диссертаціи не были случайными и бѣглыми мыслями, но представляли собою твердо формулированные принципы, которыхъ онъ самъ постоянно держался. Освѣщая личность и литературныя убѣжденія И. И. Лажечникова, его диссертація должна быть принимаема въ разсчетъ при общей оцѣнкѣ его литературной дѣятельности.

Профессоръ **Евгеній Бобровъ.**

Баронъ Густавъ Андреевичъ Розенкампфъ.

I.

Личность барона Розенкампфа.—Отзывы о немъ разныхъ лицъ.—Служба Розенкампфа въ Лифляндіи.—Прибытіе въ Петербургъ и знакомство съ Державинымъ.—Представленіе мое императору Александру 1-му.—Знакомство Розенкампфа съ Кочубеемъ, Новосильцевымъ, Чарторійскимъ и графомъ Строгановымъ.—Вопросъ о преобразованіи Сената.—Характеристика Александра I-го.—Аудіенція у императора.—Разговоръ объ освобожденіи крестьянъ.—Законодательная коммиссія.

Въ императорской публичной библіотекѣ хранятся нѣсколько десятковъ отдѣльныхъ листовъ на нѣмецкомъ языкѣ, собственноручно написанныхъ барономъ Густавомъ Андреевичемъ Розенкампфомъ, съ большими поправками, составляющихъ часть его автобіографіи, которую онъ, повидимому, писалъ на склонѣ своей жизни. Этотъ трудъ является неоконченнымъ, и трудно рѣшить вопросъ, былъ ли онъ доведенъ до конца или нѣтъ. Но надо полагать, что начало этой біографіи было написано и почему-то не дошло до насъ, такъ какъ трудно предположить, что Розенкампфъ началъ бы писать свою біографію съ середины.

Дополнивъ этотъ послѣдній пробѣлъ, мы помѣщаемъ въ переводѣ безъ измѣненій дошедшую до насъ часть автобіографіи Розенкампфа, представляющуюся во многихъ отношеніяхъ столь же любопытною, какъ и личность самого Розенкампфа, о которомъ по преимуществу дошли до насъ отзывы неблагопріятные. Такъ, напримѣръ, извѣстный графъ П. С. Мордвиновъ отмѣтилъ на поляхъ одной записки: «въ коммиссіи законовъ предсѣдательствуетъ Розенкампфъ, о которомъ молва народная

гласитъ, что онъ есть sans foi et sans loi. (Арх. графа Мордвинова, т. V, стр. 473). По словамъ В. А. Вильбасова, современники свои и чужіе, равно презирали этого нѣмца Розенкампфа. Бентамъ и Парротъ признавали его презрѣннымъ человѣкомъ. Мордвиновъ писалъ о немъ: «Розенкампфъ дуракъ и интриганъ, а такіе люди всегда умудряются вылѣзать впередъ, ибо ему никто не завидуетъ и онъ льститъ сильнымъ міра сего, которые относятся къ нему покровительственно, будучи такъ же невѣжественны, какъ и онъ самъ» («Рус. Стар.», томъ 106, стр. 202). По словамъ графа М. А. Корфа, одного изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ Сперанскаго и уже по этому одному, рѣшительнаго противника Розенкампфа, «все, что писалъ Розенкампфъ, было безпощадно мараемо Сперанскимъ или передѣлываемо имъ совсѣмъ заново» [1]).

По словамъ того же барона Корфа [2]), Розенкампфъ обладалъ острымъ умомъ, обширными теоретическими свѣдѣніями въ юридическихъ наукахъ, но знанія его въ русскомъ языкѣ были крайне скудны.

По словамъ же Ильинскаго, Розенкампфъ не только не зналъ русскаго языка, но и говорилъ по-русски съ великою нуждою только; свѣдѣнія же его о Россіи были вообще еще скуднѣе [3]). Нельзя, однако, не замѣтить, что этотъ отзывъ барона Корфа о его соотечественникѣ нѣмцѣ Розенкампфѣ, а также отзывъ Ильинскаго надо принять съ большимъ и большимъ ограниченіемъ. Если бы Розенкампфъ не зналъ русскаго языка, то едва-ли поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ и никакъ не могъ бы написать на русскомъ языкѣ статью: «Нѣкоторыя замѣчанія на уголовные и гражданскіе законы въ отношеніи Россіи», помѣщенную въ «Вѣстникѣ Европы» 1803 года, январь № 2, издаваемомъ Карамзинымъ. Если бы Розенкампфъ не зналъ русскаго языка, то не могъ бы «перепечатать все касающееся нашего древняго права», какъ это заявляетъ извѣстный Погодинъ, дѣлающій при этомъ слѣдующее примѣчаніе, весьма характерное: «Розенкампфъ противъ нѣмцевъ; мы можемъ ходить уже не на помочахъ,—говоритъ онъ (т. е. Розенкампфъ, см. «Жизнь и труды Погодина»—Барсукова, т. III, стр. 35). Не отсюда ли гнѣвъ къ нему Корфа, хотя измѣнившаго вѣрѣ отцовъ своихъ, но считавшаго нѣмцевъ спасителями Россіи и русскихъ, не цѣнившихъ высоко.

Высказываемое графомъ Корфомъ, что Розенкампфъ былъ лицемѣрный льстецъ, лгунъ, мстительный, исполненный коварства и желчной злобности, что онъ готовъ былъ на все, когда дѣло шло о личныхъ

---

[1]) Это могло происходить не отъ того, что изложеніе было неудовлетворительно, но отъ того, что содержаніе изложеннаго Розенкампфомъ совершенно расходилось съ воззрѣніями Сперанскаго.

[2]) См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. I.

[3]) См. „Русскій Архивъ“ 1879 г., т. III, стр. 423.

интересахъ (см. «Рус. Стар.» 1903 г., апрѣль, стр. 31), по нашему мнѣнію, не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія, потому что это только голословная брань. Корфъ ничѣмъ не доказываетъ своихъ словъ, точно такъ же, какъ и не приводитъ основаній, почему должно вѣрить скорѣе разсказу стараго шифрера Беку объ опредѣленіи на службу Розенкампфа, нежели разсказу самого Розенкампфа, изложенному въ его запискахъ, изъ которыхъ Корфъ приводитъ только нѣкоторыя отдѣльныя фразы и тѣмъ значительно измѣняетъ ихъ смыслъ и значеніе.

Это побуждаетъ насъ привести дословный переводъ дошедшихъ до насъ листковъ автобіографіи Розенкампфа, пополнивъ недостоящія въ нихъ свѣдѣнія о первыхъ годахъ жизни его преимущественно изъ его же рукописнаго сочиненія подъ заглавіемъ: «Uebersicht der russischen Gesetzgebung seit der Regierung Peter des Grossen bis zum Tode Alexanders I».—Обозрѣніе русскаго законодательства со временъ царствованія Петра Великаго до Александра I.

Потомокъ шведскаго офицера, возведеннаго королемъ Карломъ XII въ дворянское достоинство, Густавъ Андреевичъ Розенкампфъ [1]) родился 6-го января 1764 года въ Лифляндіи, въ принадлежащемъ его отцу имѣніи Керзель, въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ въ 1754 году родился и графъ Н. П. Румянцевъ, когда знаменитый его отецъ стоялъ въ Лифляндіи вмѣстѣ со своимъ полкомъ. Молодой Розенкампфъ обучался въ этомъ родительскомъ домѣ, а затѣмъ въ имѣніи Луденгофѣ [2]), подъ надзоромъ доктора философіи и автора многихъ сочиненій Финдейзена, геттингенскаго профессора. Свое образованіе Густавъ Розенкампфъ закончилъ въ Лейпцигскомъ университетѣ, куда отправился въ 1782 г. Онъ слушалъ лекціи извѣстныхъ тогда профессоровъ Замта, Зегера, Платнера и Эрхарда Клодіуса и сблизился въ это время съ Козодавлевымъ [3]), находившимся также въ Лейпцигѣ.

По выдержаніи экзамена въ 1785 году, Розенкампфъ получилъ предложеніе занять духовное мѣсто дворянскаго каноника въ архіепископствѣ Мерзебургскомъ [4]) (Hochstift als adliger Domheer). Но прави-

---

[1]) См. также Россійскую Родословную книгу кн. Долгорукова, часть III, стр. 379 и Recke und Napiersky—Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten Lexicon.

[2]) Керзель и Луденгофъ—находятся въ Лифляндіи, Дерптскомъ уѣздѣ, не далеко отъ рѣки Эмбахъ по дорогѣ изъ Дерпта (Юрьева) въ Тапсъ.

[3]) Козодавлевъ Осипъ Петровичъ, р. 1753 г., обучался за границею и былъ при Павлѣ I сенаторомъ, а съ 1810 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ. Онъ умеръ въ 1819 г. Козодавлевъ занимался литературою также и основалъ въ 1809 г. оффиціальную газету „Сѣверную Почту“.

[4]) Мерзебургъ—одинъ изъ стариннѣйшихъ городовъ въ прусской Саксоніи, на р. Заале, въ которомъ часто собирался рейхстагъ. Онъ былъ очень

тельство не сочло возможнымъ утвердить это назначеніе, и Розенкампфъ возвратился въ Россію въ 1786 г. и поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ въ качествѣ чиновника при архивѣ. Въ Петербургѣ, однако, онъ служилъ недолго и въ 1789 г. уволился въ отставку съ чиномъ 9-го класса и отправился на родину въ Лифляндію, гдѣ занялся хозяйствомъ. Онъ скоро былъ избранъ на ландтагѣ лифляндскаго дворянства засѣдателемъ въ Дерптскомъ округѣ и посвятилъ себя службѣ по дворянскимъ выборамъ, занимаясь одновременно различными частными дѣлами, какъ адвокатъ. Розенкампфъ, отличаясь знаніями и добросовѣстнымъ исполненіемъ служебныхъ своихъ обязанностей, былъ скоро избранъ дворянствомъ въ окружные судьи (Kreisrichter), а, наконецъ, въ 1791 году и на важную должность ландрихтера округовъ Дерпта и Верро.

Трудно предположить, чтобы остзейское дворянство, непремѣнно, выбирало бы изъ среды себя на эту важную должность именно такое лицо, которое былъ бы лгунъ, мстителенъ, исполненъ коварства и желчной злобности, какъ пишетъ графъ Корфъ,—или лицо sans foi ni loi по отмѣткѣ графа Мордвинова.

Помѣщаемое ниже является буквальнымъ переводомъ дошедшихъ до насъ записокъ Розенкампфа.

Около 11-ти лѣтъ,—говоритъ Розенкампфъ,—я отправлялъ обязанности окружнаго судьи и ландрихтера въ очень большомъ округѣ Лифляндіи и нисколько не помышлялъ о перемѣнѣ своего положенія. Тѣмъ не менѣе явились обстоятельства, совершенно измѣнившія не только мое спокойное положеніе и мою дѣятельность, но и всю мою дальнѣйшую судьбу. Императоръ Павелъ I проѣзжалъ въ 1797 году по Лифляндіи, направляясь въ Петербургъ [1]).

По обязанности ландрихтера Дерпта (нынѣ г. Юрьевъ), я долженъ былъ встрѣчать его на границѣ моего округа. Мнѣ посчастливилось на нѣсколько предложенныхъ мнѣ его величествомъ вопросовъ дать удовлетворительные отвѣты, о которыхъ императоръ вспомнилъ даже позднѣе, когда губернаторъ лифляндскій, графъ Паленъ [2]), докладывалъ ему,

---

разоренъ въ крестьянскую войну 1525 г. и затѣмъ въ тридцатилѣтнюю войну. Въ Мерзебургѣ находится замѣчательный соборъ съ 4 колокольнями и рѣдкимъ органомъ.

[1]) Императоръ Павелъ I, послѣ коронованія въ Москвѣ 5-го апрѣля 1797 г., возвращался въ Петербургъ окружнымъ путемъ чрезъ Литовскія и Прибалтійскія губерніи.

[2]) Графъ Паленъ Петръ Людвиговичъ или Алексѣевичъ, р. 1745 г., управлялъ при Екатеринѣ II Рижскимъ намѣстничествомъ, пользовался неограниченною милостью Павла I и былъ въ его царствованіе членомъ совѣта и коллегіи иностранныхъ дѣлъ и пожалованъ графомъ въ 1799 году. При Александрѣ I уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ и умеръ въ 1821 году.

что возложилъ на меня исполненіе нѣсколькихъ важныхъ порученій, относившихся до положенія ввѣренныхъ ему въ то время губерній. Равнымъ образомъ его величеству угодно было вспомнить о моихъ отвѣтахъ и позднѣе при возложеніи на меня въ Гатчинѣ Мальтійскаго ордена [1]). Такъ какъ я удостоился быть рыцаремъ справедливости, то его величество выразилъ: «потомки древнихъ оруженосцевъ должны быть скорѣе рыцарями справедливости, нежели милости» (les descendants des anciens porte-glaives doivent plutôt être chevalier de justice que de guerre). На этомъ основаніи я удостоился быть зачисленнымъ въ такъ называемую высокую степень.

Графъ Паленъ, въ то время министръ иностранныхъ дѣлъ, начальникъ гвардіи, завѣдующій почтами и т. д., предложилъ мнѣ перейти къ нему на службу въ Петербургъ, но я былъ настолько доволенъ и своимъ положеніемъ сельскаго судьи, и своею судебною дѣятельностью, что не отважился покинуть оную и пуститься въ бурное море столичной жизни.

Скоро послѣ этого свершилось событіе 11-го марта 1801 года, и новый императоръ вступилъ на россійскій престолъ.

Въ іюлѣ 1802 года императоръ Александръ I отправился въ Мемель [2]); я также встрѣтилъ его и сопровождалъ до самой границы округа. На предпослѣдней станціи его величество освѣдомился у меня о нѣкоторыхъ мѣстныхъ условіяхъ и высказалъ мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ. Въ числѣ окружавшихъ его лицъ я болѣе всего замѣтилъ Новосильцова [3]) и графа Кочубея [4]). Осенью того же года я удостоился

---

[1]) Мальтійскій крестъ или орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго учрежденъ императоромъ Павломъ I въ 1798 году и состоялъ изъ различныхъ степеней и званій (пріорство, командорство и т. д.).

[2]) Въ 1802 г. императоръ Александръ I ѣздилъ въ Мемель на свое первое свиданіе съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ и его супругою Маріею-Луизою, извѣстною красавицею.

[3]) Новосильцовъ Николай Николаевичъ, р. въ 1761 г., скоро пріобрѣлъ расположеніе Александра I, былъ дѣятельнымъ членомъ извѣстнаго комитета, а затѣмъ товарищемъ министра юстиціи и членомъ коммиссіи законовъ. Съ 1804 года онъ является дипломатическимъ дѣятелемъ, а позднѣе завѣдывалъ комитетомъ по учебной части въ Царствѣ Польскомъ. Въ 1831 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта; онъ умеръ въ 1836 году.

[4]) Кочубей Викторъ Павловичъ, р. 1768 г., племянникъ гр. А. А. Безбородко, былъ вице-канцлеромъ и управлялъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ съ 1812 г. Во время войнъ 1813—1814 годовъ былъ президентомъ центральнаго совѣта по совмѣстнымъ дѣйствіямъ германскихъ правительствъ противъ Наполеона I, а позднѣе, въ 1827 г.,—предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ. Онъ умеръ въ 1834 году.

получить орденъ св. Владиміра по представленію князя Репнина, сдѣланному еще въ предшествовавшее царствованіе.

Лѣтомъ 1802 года я по своимъ домашнимъ дѣламъ поѣхалъ въ Петербургъ и возобновилъ знакомство съ Козодавлевымъ, уже сенаторомъ, получившимъ образованіе въ Лейпцигскомъ университетѣ. Онъ былъ прекрасный человѣкъ. Козодавлевъ и также тайный совѣтникъ Державинъ [1]), вскорѣ назначенный министромъ юстиціи, приняли меня очень ласково и предложили составить записку о законодательствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они говорили со мною о возобновленіи дѣятельности прежней законодательной коммиссіи, для которой знаменитая императрица Екатерина II написала нѣкогда свой извѣстный наказъ. Завѣдываніе этою коммиссіею было поручено въ 1802 году графу Петру Васильевичу Завадовскому [2]).

По возвращеніи моемъ въ Дерптъ (нынѣ Юрьевъ), я занялся сдѣланнымъ мнѣ предложеніемъ и получилъ въ то время отъ Козодавлева письмо, въ которомъ онъ мнѣ напоминалъ еще объ этомъ. Вскорѣ я послалъ ему составленную мною записку о законодательствѣ, которая, какъ я позднѣе узналъ, была напечатана въ журналѣ, издававшемся Карамзинымъ въ Москвѣ. Такимъ образомъ моя записка дошла до свѣдѣнія государя императора.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ я получилъ отъ Державина предложеніе прибыть въ Петербургъ, чтобы занять почетное мѣсто. Я не замедлилъ пріѣхать и явиться Державину, который, послѣ непродолжительнаго разговора, сообщилъ мнѣ, что докладывалъ обо мнѣ государю императору, и его величеству угодно было приказать представить меня ему лично въ кабинетѣ.

Нѣсколько дней ранѣе я имѣлъ случай познакомиться съ Новосильцовымъ, пользовавшимся въ то время большимъ довѣріемъ Александра I. Новосильцовъ принялъ меня очень благосклонно, говорилъ о моей статьѣ, напечатанной въ журналѣ Карамзина [3]), и предложилъ болѣе подробно изложить высказанныя въ ней предположенія, которыя

---

[1]) Державинъ Гавріилъ Романовичъ, р. 1743 г. въ Казани, извѣстный поэтъ, былъ позднѣе сенаторомъ, министромъ юстиціи и генералъ-прокуроромъ. Приверженецъ порядковъ временъ Екатерины, онъ сталъ приходить у молодаго императора Александра въ остуду, а у министровъ его во вражду и по прошенію своему уволенъ отъ службы въ 1803 году. Онъ умеръ въ 1816 году.

[2]) Завадовскій Петръ Васильевичъ, р. въ 1738 г., состоялъ при собственныхъ дѣлахъ Екатерины II, а потомъ при Александрѣ I—былъ министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ умеръ 10-го января 1812 года.

[3]) Т. е. въ „Вѣстникѣ Европы" 1803 г., январь № 2. „Нѣкоторыя замѣчанія на уголовные и гражданскіе законы въ отношеніи Россіи.

онъ намѣревался также представить его величеству. Вслѣдствіе этого я представилъ Новосильцову особый докладъ и выразилъ ему свое желаніе заниматься по преимуществу дѣлами законодательства, такъ какъ въ то время уже состоялось мое назначеніе на службу въ Петербургѣ. По словамъ Новосильцова, еще наканунѣ, въ разговорѣ съ государемъ императоромъ, былъ возбужденъ вопросъ, откуда можно достать человѣка, соотвѣтствующаго предпринимаемымъ законодательнымъ работамъ. Это, конечно, являлось обстоятельствомъ очень для меня благопріятнымъ, тѣмъ болѣе, что до этого шла рѣчь только о возложеніи на меня работы, которую я могъ также хорошо исполнить и въ провинціи; чего-либо положительнаго о моемъ назначеніи на службу въ Петербургъ тогда еще не было.

Первое мое представленіе его величеству въ кабинетѣ послѣдовало въ присутствіи Державина и было очень непродолжительно. «Я очень радъ съ вами познакомиться,—сказалъ императоръ, на французскомъ языкѣ,—и предлагаю вамъ продолжать ваши полезныя занятія, которыя намъ пригодятся. Гдѣ вы прежде служили? Надѣюсь, вамъ не составитъ непріятности посвятить себя другаго рода дѣятельности, которая откроетъ болѣе обширное поприще вашимъ познаніямъ и пріобрѣтенной уже вами опытности. Объяснитесь съ Новосильцовымъ, который пользуется полнымъ моимъ довѣріемъ». Представленіе мое этимъ и кончилось.

Мои послѣдовавшія, затѣмъ, объясненія съ Новосильцовымъ, о которыхъ онъ доводилъ до свѣдѣнія его императорскаго величества, касались различныхъ предметовъ законодательства, какъ-то: о различныхъ сословіяхъ въ государствѣ, объ исключительныхъ правахъ каждаго изъ нихъ, о недостаткахъ судебнаго порядка въ Имперіи, о порядкѣ составленія законовъ, о Сенатѣ, какъ высшемъ судебномъ учрежденіи и т. д. Я просилъ Новосильцова дать мнѣ опредѣленныя указанія относительно возложенной на меня работы. На это онъ выразилъ мнѣ намѣреніе переговорить объ этомъ предварительно съ его величествомъ. Эти разговоры съ Новосильцовымъ привели меня къ заключенію, что онъ обладаетъ свѣтлымъ умомъ, большою проницательностью, яснымъ, сжатымъ разговоромъ и вполнѣ тою откровенностію, которую только можно было ожидать. Онъ спрашивалъ мое мнѣніе о различныхъ предметахъ, и я разстался очень довольный этимъ человѣкомъ, столь искренно преданнымъ государю.

Явившись къ Новосильцову снова чрезъ нѣсколько дней, я узналъ, что его величеству угодно было одобрить всѣ мои предположенія, назначить мнѣ содержаніе [1]) и особаго секретаря и вмѣстѣ съ тѣмъ по-

[1]) Его величеству благоугодно было назначить мнѣ пожизненно 2.000 р. въ годъ.

велѣть, чтобы я предварительно занялся нѣкоторыми отдѣльными вопросами по законодательству, при чемъ мнѣ прежде всего повелѣвалось заняться вопросомъ о преобразованіи Судебнаго и Правительствующаго Сената.

Въ то время я познакомился близко съ княземъ Чарторыйскимъ, графомъ Кочубеемъ, графомъ Павломъ Строгановымъ, а также съ его отцомъ [1]), очень умнымъ старикомъ уже, годы молодости котораго совпадаютъ съ годами царствованія Елизаветы Петровны; онъ долгое время пребывалъ въ Парижѣ и вращался въ обществѣ Дидеро, Гримма, д'Аламбера и другихъ подобныхъ же лицъ. Строгановъ очень любезно приглашалъ меня къ себѣ.

Данное мнѣ порученіе заняться устройствомъ Сената до крайности меня изумило, потому что только въ сентябрѣ 1802 года было утверждено государемъ учрежденіе, въ которомъ подробно говорилось о значеніи и преимуществахъ Сената. Такимъ законодательнымъ актомъ являлось, основанное на совершенно иныхъ началахъ, учрежденіе Государственнаго Совѣта, произведеніе пера Трощинскаго [2]), при которомъ въ то время служилъ Сперанскій. Это обстоятельство доставило послѣднему мѣсто начальника одной изъ экспедицій въ канцеляріи Государственнаго Совѣта, съ титуломъ статсъ-секретаря. Эта канцелярія раздѣлялась на нѣсколько экспедицій; одна была для дѣлъ юстиціи, другая—для дѣлъ финансовыхъ, третья—для дѣлъ внутрен-

[1]) Графъ Строгановъ Александръ Сергѣевичъ, р. 1773 г., извѣстный русскій меценатъ, покровитель талантовъ въ области живописи, ваянія и литературы, былъ съ 1806 г. президентомъ Академіи Художествъ и въ числѣ первыхъ членовъ Государственнаго Совѣта при его учрежденіи. Онъ завѣдывалъ постройкою Казанскаго собора и по освященіи его въ 1811 году произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники I-го класса, послѣ чего вскорѣ скончался 27-го сентября 1811 года. Графъ Строгановъ Павелъ Александровичъ, р. въ Парижѣ, въ 1772 г., и воспитаніе его было поручено французу Рому. Онъ былъ видный дѣятель негласнаго комитета 1801 года и рѣшительный приверженецъ освобожденія крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія. Позднѣе, онъ участвовалъ въ сраженіи при Аустерлицѣ 1805 года, въ кампаніи 1806—7 годовъ, а также въ войнѣ 1812 и слѣдующихъ годовъ. Графъ Строгановъ исполнялъ одно время дипломатическія порученія въ Лондонѣ, а также обязанности товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Онъ умеръ въ 1817 году.

[2]) Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, р. 1749 г., служилъ гражданскимъ чиномъ у князя Репнина и Безбородко, и былъ позднѣе статсъ-секретаремъ императрицы Екатерины II, а при Павлѣ I сенаторомъ и предсѣдателемъ главнаго почтоваго управленія, но въ 1800 г. уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ. При Александрѣ I состоялъ при особѣ его величества у исправленія возложенныхъ на него по особой довѣренности дѣлъ, былъ министромъ удѣловъ съ 1802 года, а позднѣе министромъ юстиціи съ 1814 года по 1817 годъ, когда былъ уволенъ по прошенію. Онъ умеръ въ 1829 году.

*

нихъ, а четвертая—для дѣлъ военныхъ. Начальникомъ первой былъ Сперанскій, второй—А. Оленинъ [1]), третьей—Энгель, а четвертой князь Циціановъ [2]). Всѣ они находились подъ начальствомъ директора канцеляріи, тайнаго совѣтника Вейдемейера; Трощинскій же, какъ младшій членъ Государственнаго Совѣта, въ которомъ засѣдали важнѣйшіе сановники имперіи, имѣлъ главное надъ ними начальство.

Но довѣріе, которымъ пользовался Трощинскій въ самые первые годы царствованія Александра I, не могло долго держаться, потому что не столько онъ лично, сколько одна особа, называвшаяся Прасковья, проживавшая въ его домѣ, не пользовалась довѣріемъ и уваженіемъ общества, и подозрѣвалась въ лихоимствѣ и взяткахъ. Проницательный и очень подозрительный императоръ постепенно лишилъ Трощинскаго своего довѣрія.

Въ то время существовала еще прежняя административная система коллегій, находившихся въ подчиненіи Сената, которымъ завѣдывалъ Беклешевъ [3]), генералъ-прокуроръ; ранѣе этого онъ былъ губернаторомъ въ Лифляндіи. Я имѣлъ случай познакомиться съ нимъ еще въ 1788 г. въ Петербургѣ, а затѣмъ позднѣе въ Лифляндіи, гдѣ состоялъ подъ его начальствомъ, занимая должность окружнаго судьи. Беклешевъ былъ человѣкъ, обладавшій очень большимъ умомъ, замѣчательный по своей дѣятельности и трудолюбію; окружавшія его лица также въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ компрометтировали его. Поэтому, когда Новосильцовъ, Строгановъ, Кочубей и Чарторыйскій [4]) предложили

---

[1]) Оленинъ Алексѣй Николаевичъ, р. 1763 г., былъ при Павлѣ I оберъ-прокуроромъ Сената и директоромъ школы юнкеровъ, учрежденной для образованія юристовъ. При Александрѣ I онъ былъ товарищемъ министра удѣловъ, въ 1811 г. директоромъ публичной библіотеки, а съ 1817 г. президентомъ императорской Академіи Художествъ. Онъ умеръ въ 1843 году.

[2]) Циціановъ Петръ Дмитріевичъ, князь, р. 1754 г., участвовалъ въ войнахъ 1787—1794 гг., а затѣмъ былъ астраханскимъ губернаторомъ въ 1802 г., а позднѣе главнокомандующимъ въ Грузіи; онъ былъ измѣннически убитъ въ 1806 году подъ Баку.

[3]) Беклешевъ Александръ Андреевичъ, р. 1745 г. и былъ при Павлѣ I произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи въ 1797 г. и назначенъ сенаторомъ и генералъ-прокуроромъ въ 1799 г. 2-го февраля 1800 г. вовсе отъ службы уволенъ. При Александрѣ I Беклешевъ былъ снова генералъ-прокуроромъ и главнокомандующимъ въ Москвѣ въ 1804 г. Онъ скоро по болѣзни вышелъ въ отставку и умеръ въ Ригѣ въ 1808 году.

[4]) Чарторыйскій князь Адамъ Адамовичъ, р. 1770 г., и пріѣхавъ въ Петербургъ, пріобрѣлъ расположеніе Александра I, былъ дѣятельнымъ членомъ извѣстнаго комитета, сопровождалъ императора въ походахъ 1807 и 1814 гг., былъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. При началѣ возстанія въ Польшѣ 1830 г., былъ президентомъ временнаго правительства, а затѣмъ удалился въ Парижъ, гдѣ и умеръ въ 1861 году, находясь во главѣ польской аристократической партіи.

императору Александру I систему министерствъ, Беклешевъ остался не у дѣлъ, не получилъ министерскаго назначенія и не участвовалъ въ новой системѣ управленія.

Положеніе о министерствахъ вышло одновременно съ новымъ учрежденіемъ о Сенатѣ [1]), но вскорѣ, послѣдовавшее затѣмъ, лѣтомъ 1803 года, упраздненіе коллегій, мѣста которыхъ заняли различные департаменты и канцеляріи министерствъ, при чемъ степень власти

---

[1]) 8-го сентября 1802 г. (П. С. З. № 20405) былъ изданъ указъ о правахъ и обязанностяхъ Сената, а того же числа и года (I. П. С. З. № 20406) изданъ манифестъ объ учрежденіи министерствъ.

Необходимо припомнить, что существовавшіе до Петра Великаго различные приказы пришли къ концу XVII вѣка въ полное разстройство. Петръ Великій, сознавая необходимость въ государствѣ центральныхъ учрежденій, искалъ образцы для нихъ за границею и остановился на шведскихъ коллегіяхъ, считавшихся въ то время лучшими центральными учрежденіями въ Европѣ. Указомъ 1720 г. были учреждены у насъ коллегіи числомъ семь, состоявшія каждая изъ президента, совѣтниковъ и ассесоровъ (числомъ 4—5) и секретаря. Дѣла рѣшались по большинству голосовъ. За ходомъ дѣлъ наблюдалъ прокуроръ, и коллегіи были подчинены Сенату. Петръ придавалъ большое значеніе коллегіямъ, несравненно болѣе личнаго или бюрократическаго начала представляющимъ гарантіи къ устраненію административнаго произвола и къ достиженію законности и безпристрастія при рѣшеніи дѣлъ. Коллегіи существовали до Александра I, который, въ видахъ успѣшнѣйшаго теченія государственныхъ дѣлъ, и желая раздѣлить таковыя на разныя части, сообразно естественной ихъ связи, поручилъ манифестомъ 8-го сентября 1802 г. коллегіи вѣдѣнію избранныхъ министровъ, которымъ каждая коллегія по принадлежности посылала о дѣлахъ еженедѣльно меморіи, а по дѣламъ затруднительнымъ или спѣшнымъ—особыя представленія, на которыя министръ давалъ рѣшительные отвѣты т. е. прямо рѣшали дѣло. Министръ имѣлъ право личныхъ докладовъ у государя, но не иначе, какъ по соглашенію съ другими министрами. Дѣятельность министровъ подлежала контролю Сената, который могъ требовать отъ нихъ объясненія и представлялъ объ этомъ его величеству. Но уже одинъ изъ первыхъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, въ извѣстной запискѣ своей (составленной Сперанскимъ) въ 1803 г. указывалъ на недостатки коллегій (ихъ медленность въ дѣлопроизводствѣ, слабую отвѣтственность членовъ коллегій, избытокъ формъ дѣлопроизводства и т. д.) и на неудобства, вытекавшія изъ отношеній министровъ къ коллегіямъ. Эта записка имѣла послѣдствіемъ упраздненіе коллегій и замѣну ихъ департаментами при всѣхъ министрахъ (кромѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ). Затѣмъ 25-го іюня 1811 г. издано было новое учрежденіе министерствъ, при чемъ имѣлось въ виду объединить администрацію посредствомъ Сената, для чего предполагалось преобразовать Сенатъ; но это послѣднее не осуществилось. Розенкампфъ, подобно Трощинскому, являясь горячимъ приверженцемъ коллегій и ихъ подчиненія Сенату, выступалъ противникомъ учрежденія министерствъ, создателемъ которыхъ являлся Сперанскій. Отсюда и взаимное ихъ нерасположеніе другъ къ другу.

ихъ была значительно расширена, породило систему централизаціи и существенно измѣнило во многихъ отношеніяхъ дѣятельность и значеніе Сената.

Сенатъ перестал быть сосредоточіемъ различныхъ отраслей управленія государствомъ, и это вызвало необходимость изданное о немъ положеніе согласовать съ новымъ положеніемъ дѣлъ.

Я сталъ изучать обѣ системы управленія, при чемъ Козодавлевъ давалъ мнѣ полезныя указанія. Сперанскій, бывшій въ то время директоромъ у Кочубея, приложилъ все свое стараніе къ тому, чтобы власть министровъ усилить на счетъ другихъ учрежденій. Это было не трудно сдѣлать, потому что образцомъ, по которому составлялось учрежденіе нашихъ министерствъ, являлось учрежденіе министерствъ во Франціи. Я долженъ былъ при этомъ прежде всего изучить воззрѣнія на это дѣло самого Новосильцова, но я не могъ скоро обнять этотъ предметъ во всѣхъ отношеніяхъ, а также постичь цѣль руководящей идеи царскаго совѣтника. Желаетъ ли онъ только упорядочить государственный строй или проложить вмѣстѣ съ тѣмъ путь конституціонной монархіи. Добивается ли онъ свободы для всего народа, а также участія всѣхъ сословій въ законодательствѣ и пользованія всѣми гражданскими правами для всѣхъ сословій, или только для нѣкоторыхъ изъ нихъ?

Насколько близки эти воззрѣнія Новосильцова съ воззрѣніемъ въ этомъ отношеніи государя императора?

Я долженъ былъ тщательно разсмотрѣть какъ эти, такъ и многіе другіе подобные имъ вопросы и затѣмъ уже съ полученными результатами сообразовать мою работу о Сенатѣ.

Я скоро замѣтилъ, что въ составленномъ положеніи о Сенатѣ многое было упущено, многое не такъ изложено, какъ бы слѣдовало, и многое требовало значительныхъ измѣненій и передѣлокъ. Ознакомившись съ источниками, послужившими основаніями для того или другаго правила, я въ моемъ докладѣ избѣгалъ входить въ подробное изслѣдованіе этихъ положеній и ограничивался изложеніемъ общаго впечатлѣнія, ими производимаго. Я не разъ толковалъ съ Новосильцовымъ. Онъ слушалъ внимательно и говорилъ хорошо. Познакомившись во время своего пребыванія въ Англіи съ практическою стороною государственнаго управленія, Новосильцовъ, бывшій также и въ Россіи управляющимъ юстиціею, зналъ въ общихъ чертахъ также сущность русскаго управленія. Чарторыйскій и Строгановъ въ этомъ отношеніи знали гораздо менѣе его.

Новосильцовъ изъ нихъ былъ безспорно всѣхъ болѣе научно образованъ, но только очень разсѣянъ. Онъ по временамъ, очень рѣдко, впрочемъ, проявлялъ проблески великаго ума. Кочубей зналъ

все совершенно поверхностно и смотрѣлъ на все преимущественно съ практической точки, въ особенности съ точки зрѣнія вліянія. Державинъ, министръ юстиціи, былъ очень хорошій поэтъ и затѣмъ ничего болѣе, какъ старый рутинеръ. Онъ находилъ, что я долженъ обратить вниманіе на принципы. Онъ скоро представилъ его величеству о назначеніи трехъ юрисконсультовъ, которые въ послѣдней инстанціи должны были рѣшать важные вопросы судебной практики и давать по нимъ свои заключенія. Державинъ предоставилъ мнѣ честь занять первое мѣсто среди этихъ означенныхъ лицъ, на чтò уже послѣдовало соизволеніе государя императора.

Но я счелъ нужнымъ отказаться отъ подобнаго назначенія. Бросивъ взглядъ на тотъ хаосъ, въ которомъ находилось современное мнѣ судопроизводство, можно было потерять всякую охоту подвизаться на этомъ поприщѣ.

Его величество, повидимому, остался доволенъ подобнымъ съ моей стороны отказомъ. Когда, передъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга, я имѣлъ честь откланиваться государю императору въ кабинетѣ, Александръ I изволилъ сказать мнѣ, также на французскомъ языкѣ: «вполнѣ одобряю, что вы отклонили отъ себя то назначеніе, которое предполагалъ дать вамъ министръ юстиціи. Вы получите другое и не будете имѣть недостатка въ занятіяхъ. Продолжайте по-прежнему имѣть сношенія съ Новосильцовымъ, и мы будемъ имѣть случаи видѣться».

Я едва успѣлъ выразить его величеству, что посвящу себя всецѣло работѣ и приложу всѣ силы, чтобы быть покорнѣйшимъ и признательнѣйшимъ слугою его величества, какъ государю доложили о комъ-то и моя аудіенція окончилась. Я былъ вполнѣ очарованъ императоромъ, его привѣтливостью, добротою, лаской, его чувствомъ собственнаго достоинства и т. д., я былъ не единственный испытавшій подобное очарованіе.

Послѣ этого я отправился къ Новосильцову, Козодавлеву, министру юстиціи и т. д., и пробылъ въ Петербургѣ еще нѣсколько дней, съ цѣлію взять съ собою указъ о назначеніи мнѣ содержанія, который сопровождался другимъ указомъ о назначеніи меня чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ.

2-го января 1803 года я покинулъ Петербургъ и поѣхалъ въ Дерптъ, гдѣ никто и не подозрѣвалъ всего того, что со мною произошло въ столицѣ. Дорогою я имѣлъ время обсудить подробно все со мною происшедшее въ столь короткое время.

По мѣрѣ приближенія къ родному Дерпту, меня все болѣе и болѣе тревожила мысль о предстоящей перемѣнѣ моего мѣстопребыванія. Предчувствіе подсказывало мнѣ, что я покину Дерптъ навсегда, и въ

этомъ случаѣ я долженъ былъ освободиться съ неизбѣжными пожертвованіями отъ множества различныхъ дѣлъ и обстоятельствъ, требовавшихъ моего присутствія въ Дерптѣ, а также моего вліянія и вмѣшательства. Мнѣ предстояло покинуть мои обычныя занятія, мой уютный домъ, мой красивый садъ, мои земли и уже никогда болѣе ихъ не увидѣть. Я долженъ былъ разстаться съ матушкою моею, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, съ моимъ очень любимымъ братомъ, моими сестрами, изъ коихъ младшая съ ея дѣтьми была очень ко мнѣ привязана. Всѣ они были очень опечалены моимъ отъѣздомъ, и въ особенности моя мать, которая высказывала мнѣ свое грустное предчувствіе, что никогда болѣе меня не увидитъ. Добродѣтельнымъ женщинамъ дано въ удѣлъ точнѣе предусматривать будущее, нежели намъ, поглощеннымъ смутными обстоятельствами настоящаго. Достигнувъ уже 40 лѣтъ и не считая себя легкомысленнымъ, я не могъ однако отрицать, что испытывалъ какое-то большое довольствіе, съ которымъ предавался новому неизвѣстному будущему. Чѣмъ болѣе я думаю объ этомъ, тѣмъ сильнѣе и глубже слышатся мнѣ скорби и тихіе упреки моей матери. Всѣ эти искренніе и дорогіе участники въ моей судьбѣ отошли отъ меня въ вѣчность, но ихъ послѣднія письма и послѣ 15—20 лѣтъ терзали мою душу. Я принялъ, конечно, всѣ мѣры къ своему возвращенію на родину предковъ и къ тому, чтобы приготовить себѣ отчизну, и сдѣлалъ все отъ меня возможное, чтобы не остаться навсегда въ Петербургѣ. Но кто въ состояніи избѣжать назначенной ему судьбы?..

Въ концѣ апрѣля 1803 года я получилъ очень любезное письмо отъ Державина съ приложеніемъ копіи высочайшаго указа о производствѣ меня въ надворные совѣтники; вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ сообщалось высочайшее повелѣніе о доставленіи заключенія по какому-то дѣлу, производящемуся въ малороссійскихъ судахъ. Исполненіе этого порученія заняло меня нѣсколько дней.

Наконецъ, справивъ всѣ свои дѣла домашнія и служебныя, я рѣшился отправиться въ Петербургъ. 3-го мая покинулъ я мою должность и стулъ, на которомъ сидѣлъ 13 лѣтъ, со рвеніемъ занимаясь судебными дѣлами округа.

Выданный мнѣ Дерптскимъ гофгерихтомъ аттестатъ удостовѣрялъ: «что въ продолженіе всего времени отправленія моей должности, ни одно рѣшеніе, мною поставленное, не было отмѣнено и что всѣ, лежавшія на мнѣ, обязанности исполнялись мною съ совершеннымъ знаніемъ дѣла и полною добросовѣстностью». Въ продолженіе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Дерптѣ, я съ большимъ напряженіемъ занимался, возложеннымъ на меня его величествомъ, составленіемъ положенія о Сенатѣ, къ которому присоединилъ еще положеніе о городовомъ управленіи. Я не любилъ дѣлать что-либо поверхностно,

писать пустые разборы различныхъ статей и положеній, приводить блестящія фразы и пр. и пр.

Я старался преимущественно выставить значеніе дворянскаго сословія въ порядкѣ управленія, выдвинуть основы и формы, которыя полагаютъ возможные предѣлы произволу, старался примѣнить эти начала ко всѣмъ сословіямъ и городовому управленію, которое требовало нормъ различныхъ, смотря по мѣстностямъ и народностямъ.

Въ составленіи проекта учрежденія Сената я встрѣтилъ различнаго рода затрудненія. Изученіе различныхъ законодательныхъ источниковъ вселило во мнѣ убѣжденіе, что организація Сената, установленная императоромъ манифестомъ 8-го сентября 1802 года, являлась своего рода хартіею, которая сверхъ подтвержденія правилъ о Сенатѣ, существующихъ со временъ Петра Великаго (основателя этого высшаго центральнаго учрежденія), придавала ему не малую власть въ государствѣ. Министры обязаны были представлять Сенату отчеты о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, а Сенату было предоставлено право дѣлать представленія о замѣченныхъ имъ во вновь издаваемыхъ законахъ несообразностяхъ (incongruilät) [1]). Таково было намѣреніе его величества и его совѣтниковъ Новосильцова, Чарторыйскаго .... судя по изложенію статей. Но скоро по одному возникшему дѣлу министръ юстиціи оспаривалъ это право Сената, и возникшее поэтому разногласіе было доложено государю императору.

Посѣтивъ какъ-то Новосильцова, я нашелъ его занятымъ составленіемъ проекта высочайшей резолюціи по этому поводу, изъ которой вытекало, что Сенату предоставлено пользоваться вышеозначеннымъ правомъ разъ навсегда, при всякой перемѣнѣ престола. Подобное рѣшеніе вызвало не малое смущеніе. Государь въ данномъ случаѣ поступилъ, повидимому, противъ своего убѣжденія, такъ какъ подобное разъясненіе уничтожало совсѣмъ право, предоставленное Сенату, весьма важнымъ для него учрежденіемъ 1802 года, но которое вытекало, впрочемъ, также изъ содержанія прежнихъ данныхъ ему указовъ. На меня это двоесмысліе произвело также глубокое впечатлѣніе, и я не зналъ, какимъ образомъ разъяснить оное его величеству.

Упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, потому что оно близко касается возложеннаго на меня порученія—разсмотрѣть положеніе о Сенатѣ. Я, конечно, не могъ обойти молчаніемъ такое важное право Сената и старался при толкованіи его держаться возможно ближе словъ манифеста 8-го сентября и позднѣйшей резолюціи его величества по сему

---

[1]) Отъ латинскаго слова incongruens, incongruentia—непристойность, нескладность, несообразность.

предмету, намѣреваясь при разсмотрѣніи положенія о Сенатѣ возбудить вновь обсужденіе этого вопроса.

Въ моемъ проектѣ о Сенатѣ особенно характернымъ являлось полное отдѣленіе административной дѣятельности Сената отъ судебной. Въ отношеніи первой я развивалъ права Сената по надзору за административными установленіями имперіи, насколько это являлось возможнымъ съ соблюденіемъ установленныхъ порядковъ. Министры, по моему мнѣнію, являвшіеся докладчиками его величества, а также органы коллегіальнаго обсужденія дѣлъ въ каждой отдѣльной отрасли управленія, какъ таковые, должны были быть членами Сената (административнаго), который, кромѣ того, долженъ былъ состоять еще изъ десяти особъ. Дѣла рѣшались по большинству голосовъ. По моему предложенію этотъ же Сенатъ разрѣшалъ въ качествѣ высшей инстанціи различные споры по административнымъ дѣламъ (contentieux administratif) съ соблюденіемъ особыхъ охранительныхъ формъ.

Въ отношеніи дѣлъ судебныхъ, Сенатъ являлся послѣднею, высшею инстанціею и раздѣлялся по моему проекту на пять отдѣльныхъ округовъ. Въ основаніе этого дѣленія я принималъ различія правовыхъ понятій, отдѣляющія рѣзко различныя народности, входящія въ составъ имперіи. Такихъ сенатскихъ округовъ предполагалось имѣть пять въ имперіи, именно: три округа составляли 29 древне-русскихъ губерній, при чемъ центрами округа являлись: Петербургъ, Москва, Казань; одинъ округъ—всѣ сибирскія и бывшія польскія губерніи и одинъ—губерніи Остзейскаго края.

Пребываніе Сената должно было находиться въ центральномъ пунктѣ каждаго округа. Правосудіе въ Сенатѣ отправлялось съ соблюденіемъ подлежащихъ порядковъ судопроизводства въ каждомъ округѣ.

Всѣ эти предположенія являлись осуществленіемъ взглядовъ великой императрицы Екатерины II и оправдывались природою и свойствомъ самаго дѣла. Я старался дать этимъ взглядамъ возможную точность и опредѣлительность, избѣгая всякихъ не безусловно нужныхъ статей и параграфовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я полагалъ, что эти положенія о Сенатѣ явятся прежде всего предметомъ обсужденія въ совѣщаніи, такъ какъ отъ того обстоятельства, удостоятся ли они одобренія или нѣтъ, зависѣла уже разработка дальнѣйшихъ положеній.

Прибывъ въ Петербургъ, я узналъ, что императоръ Александръ I только наканунѣ поѣхалъ въ сопровожденіи Новосильцова въ Финляндію, гдѣ долженъ былъ встрѣтиться со своимъ шуриномъ, шведскимъ королемъ Густавомъ IV Адольфомъ и имѣть съ нимъ переговоры о политическомъ положеніи дѣлъ въ Европѣ. Я не замедлилъ съ первымъ фельдъегеремъ увѣдомить Новосильцова о моемъ прибытіи въ столицу, при чемъ, упомянувъ о составленныхъ мною проектахъ, просилъ его

довести о нихъ до свѣдѣнія его величества. Черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ Новосильцова отвѣтъ, что государь императоръ изволилъ мнѣ приказать нанять помѣщеніе въ Петербургѣ и ожидать его прибытія. Когда же осенью собрались въ столицѣ мои доброжелатели, я приложилъ все мое вниманіе и стремленіе къ скорѣйшему обсужденію мною составленныхъ предположеній и каждому изъ упомянутыхъ представилъ копію съ моихъ предположеній съ особымъ изложеніемъ началъ, принятыхъ мною въ основаніе моего труда. Оба предмета представлялись необычайно важными; они касались всего государственнаго строя, и отъ тѣхъ воззрѣній, которыя будутъ при этомъ приняты, зависѣла возможность основательнаго устройства всѣхъ главныхъ и мѣстныхъ властей въ государствѣ и законное учрежденіе всего государственнаго порядка. Я это постоянно имѣлъ въ виду при ежедневныхъ совѣщаніяхъ съ этими достопочтенными людьми, происходившихъ у князя Чарторыйскаго въ присутствіи его величества, занимавшаго мѣсто среди нихъ. Занятія этихъ господъ (Чарторыйскаго, Новосильцова и Строганова) и въ особенности Новосильцова увеличивались съ каждымъ днемъ. Къ предметамъ вѣдомства послѣдняго принадлежали: 1) всякаго рода проекты (съ которыхъ онъ и началъ свою дѣятельность). При каждомъ новомъ царствованіи никогда не бываетъ недостатка въ многочисленныхъ, новыхъ предположеніяхъ и проектахъ, но въ особенности ихъ много при молодомъ государѣ, которому заранѣе была внушена мысль, что все существующее преисполнено недостатковъ и требуетъ преобразованія; его величество большею частію соглашался разсматривать проекты и одобрялъ ихъ; 2) академія наукъ, въ которой Новосильцовъ былъ президентомъ; 3) предсѣдательство и доклады по дѣламъ главнаго управленія училищъ [1], состоявшаго изъ профессоровъ недавно основаннаго университета. Эта обязанность включала также и контроль надъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, которое ввѣрено было графу П. В. Завадовскому; 4) доклады всѣхъ представленій, поступавшихъ отъ Сената и генерала-рекетмейстера на всемилостивѣйшее воззрѣніе государя императора; 5) доклады по дѣламъ Святѣйшаго Синода и православной церкви въ имперіи, представляемымъ отъ оберъ-прокурора Синода;—позднѣе это явилось предметомъ вѣдомства особаго министерства духовныхъ дѣлъ; 6) доклады по журналамъ Комитета мини-

[1]) Новосильцовъ былъ попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа; статсъ-секретарь Муравьевъ—Московскаго, генералъ Клингеръ — Дерптскаго и Остзейскихъ провинцій и Выборгской; сенаторъ графъ Северинъ и Потоцкій—Харьковскаго, академикъ Румовскій Казанскаго и наконецъ князь Чарторыйскій — Виленскаго учебнаго округа, обнимавшаго всѣ бывшія польскія губерніи. (прим. Розенкампфа).

填стровъ; 7) кромѣ этого, Новосильцовъ докладывалъ его величеству по многимъ дѣламъ, порученнымъ ему государемъ, и также по тѣмъ просьбамъ и ходатайствамъ частныхъ лицъ, по которымъ желалъ взять на себя починъ, на что̀ онъ имѣлъ особое уполномочіе. Одни дѣла этого рода могли всецѣло поглотить всю дѣятельность самаго трудолюбиваго человѣка и вполнѣ занять его.

Казалось невѣроятнымъ, чтобы всѣ столь разнородныя дѣла сосредоточивались въ однѣхъ рукахъ, вмѣщались бы въ одной головѣ въ надлежащемъ порядкѣ. Тѣмъ не менѣе дѣятельность Новосильцова до того разросталась и увеличивалась, что я называлъ его Атлантомъ, по миѳологіи грековъ, на плечахъ своихъ державшимъ весь земной шаръ, и шутя освѣдомлялся у него, не будетъ ли онъ завѣдывать также дѣлами адмиралтейства и флота. Въ дѣлахъ иностранной политики Новосильцовъ принималъ участіе, по крайней мѣрѣ только посредственное, путемъ дружбы своей съ Чарторыйскимъ, продолжавшейся впрочемъ недолго. Кромѣ того, съ нимъ же имѣлъ также частыя объясненія графъ Кочубей, по дѣламъ ему ввѣреннымъ. Въ совершенно иномъ положеніи были другіе министры, какъ-то: Державинъ, Васильевъ [1]), Вязьмитиновъ [2]), Н. П. Румянцевъ [3]) (министръ торговли и начальникъ водяныхъ сообщеній) и въ особенности Трощинскій (государственный секретарь, а также министръ удѣловъ и почтъ), Гурьевъ [4]), въ то время еще бездѣятельный товарищъ ми-

---

[1]) Васильевъ Алексѣй Ивановичъ, р. 28-го февр. 1742 г., служилъ при генералъ-прокурорахъ и въ 1793 г. былъ директоромъ медицинской коллегіи и сенаторомъ. При Павлѣ I—онъ назначенъ государственнымъ казначеемъ и возведенъ въ баронское званіе 5-го апрѣля 1797 г., а въ 1800 г. уволенъ отъ должности. При Александрѣ I вновь назначенъ государственнымъ казначеемъ 12-го марта 1801 г., а затѣмъ въ 1802 году—министромъ финансовъ. Онъ умеръ въ 1807 г., возведенный въ графское достоинство въ 1801 г.

[2]) Вязьмитиновъ Сергѣй Козьмичъ, р. 1749 г., находился въ военной службѣ и былъ при Павлѣ I произведенъ въ 1798 г. въ генералы-отъ-инфантеріи, а затѣмъ уволенъ отъ службы. При Александрѣ I былъ министромъ военно-сухопутныхъ силъ и предсѣдателемъ Комитета министровъ. Въ 1816 г. онъ возведенъ въ графское достоинство и назначенъ петербургскимъ генералъ-губернаторомъ. Онъ умеръ въ 1819 году.

[3]) Румянцевъ Николай Петровичъ, р. 1754 г., бывшій при Александрѣ I министромъ коммерціи, директоромъ водяныхъ коммуникацій, управлялъ съ 1807 г. министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Заключенный имъ фридрихсгамскій договоръ 1809 года доставилъ ему званіе государственнаго канцлера. Вторженіе Наполеона въ предѣлы Россіи такъ его поразило, что его постигъ апоплексическій ударъ: онъ оставилъ службу и посвятилъ себя дѣлу русской исторіи, на пользу которой при его содѣйствіи и щедрыхъ поощреніяхъ издалъ цѣлый рядъ цѣнныхъ трудовъ. Онъ умеръ въ 1826 году.

[4]) Гурьевъ Димитрій Александровичъ, р. 1751 г., былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Кочубеемъ, Новосильцовымъ, Чарторыйскимъ и т. д. и назна-

нистра. Между всѣми этими лицами, придворными рутинерами, не существовало никакого единенія или даже общенія мысли, равно какъ и съ княземъ А. Н. Голицынымъ, который былъ собственно ближайшимъ и довѣреннѣйшимъ лицомъ и другомъ молодости императора, а также ежедневнымъ его собесѣдникомъ и умѣлъ очень занимать его. Еще далѣе отъ нихъ находился оберъ-гофъ-маршалъ графъ Толстой [1]), видѣвшій государя не только ежедневно, но чуть-ли не ежечасно и почти никогда его не покидавшій. Толстой былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Голицынымъ [2]) и Гурьевымъ. Равнымъ образомъ, графъ Ливенъ, завѣдывавшій экспедиціею дѣлъ военныхъ, былъ совершенно чуждъ новымъ дѣловымъ любимцамъ, которые во всѣхъ вышеназванныхъ лицахъ встрѣчали тайныхъ себѣ противниковъ у государя.

Каждому знакомому съ подобнымъ положеніемъ дѣлъ должно было казаться немыслимымъ, чтобы одинъ человѣкъ, обладавшій даже великимъ трудомъ и большими умственными силами, могъ возложить на себя, какъ Новосильцовъ, подобное колоссальное бремя разнородныхъ дѣлъ и быть въ состояніи долгое время сносить его. Новосильцовъ обладалъ требуемымъ для этого мужествомъ и необходимыми умственными средствами, при условіи, однако, чтобы государь не только имѣлъ откровенное и постоянное желаніе его поддерживать, но и на самомъ дѣлѣ вполнѣ серьезною и непрерывною любовью къ труду поддержалъ бы его, Чарторыйскаго и Строганова. Когда я появился въ Петербургѣ и пріобрѣлъ довѣріе означенныхъ трехъ, выдающихся лицъ, я былъ увѣренъ въ постоянной благосклонности къ нимъ тремъ императора, распо-

ченъ въ 1802 г., товарищемъ министра финансовъ, затѣмъ въ 1806 г. министромъ удѣловъ, а въ 1810 — министромъ финансовъ. Онъ отправлялъ эту обязанность съ 1823 г., когда былъ уволенъ отъ званія министра финансовъ, оставаясь въ управленіи кабинетомъ и министромъ удѣловъ. Онъ умеръ 30-го сентября 1820 года.

[1]) Толстой графъ Петръ Александровичъ, р. 1761 г., служилъ въ военной службѣ, былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Парижѣ, откуда отозванъ послѣ свиданія въ Эрфуртѣ. Позднѣе онъ командовалъ ополченіемъ въ 1812 г., занялъ Дрезденъ въ 1813 г., былъ главнокомандующимъ въ 1825 г. и наконецъ членомъ Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ. Онъ умеръ въ 1844 году.

[2]) Голицынъ Александръ Николаевичъ, р. 1773 г., былъ съ раннихъ лѣтъ очень близокъ къ императору Александру I, пользовался его расположеніемъ и былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Синода, главноуправляющимъ дѣлами иностранныхъ исповѣданій и министромъ народнаго просвѣщенія (съ 1816 г.). При Николаѣ I—былъ только главноуправляющимъ надъ почтовымъ департаментомъ, а позднѣе предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Въ 1843 г. Голицынъ вышелъ въ отставку и умеръ въ Крыму въ своемъ имѣніи въ 1844 году.

лагавшаго къ себѣ всѣхъ, имѣвшихъ къ нему доступъ. Таково было впечатлѣніе, произведенное на меня императоромъ и всѣми окружавшими его лицами.

Если будешь составлять себѣ идеалъ сошедшаго съ небесъ на землю царя, который какъ высшій разумъ, являясь необходимымъ съ единодержавною властью и волею, а также всевѣдущимъ, чтобы управлять такимъ государствомъ, какъ Россія, то можно было допустить мысль, что появленіе подобнаго высшаго учредителя дѣлъ съ соотвѣтствующими орудіями исполненія близилось къ осуществленію въ такомъ государствѣ, какъ Россія, и вызвало бы къ жизни возможно совершеннѣйшее управленіе на землѣ.

Я намѣренъ упомянуть о впечатлѣніяхъ, которыя находившійся въ то время въ полномъ расцвѣтѣ своихъ жизненныхъ силъ, достойный императоръ производилъ своимъ разговоромъ, своими взглядами на каждаго, къ нему приближавшагося, о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя затѣмъ, переходя изъ устъ въ уста и изъ сердца въ сердце, распространялись по всему государству. При этомъ я упомяну и о нераздѣльномъ уваженіи, которое оказывали мнѣ Новосильцовъ, облеченный въ то время высшимъ довѣріемъ монарха, и о томъ цѣломъ, которое онъ вмѣстѣ съ Чарторыйскимъ и Строгановымъ въ тѣ дни составлялъ.

Мои первые шаги были до того рѣшительны и удачны, что я съ полнымъ довѣріемъ предался мысли, что осуществленіе и послѣдующихъ будетъ столь же легко. Я не имѣлъ недостатка ни въ доброй волѣ, ни въ терпѣніи выжидать и могъ безъ всякаго тщеславія выдать себѣ удостовѣреніе, что соотвѣтствую возложенной на меня задачѣ не менѣе другихъ лицъ, съ коими приходилъ въ соприкосновеніе. Къ тому же мое самолюбіе было очень ограничено; я вовсе не мечталъ о министерствѣ, но желалъ положить въ Россіи основаніе законодательству, которое изучилъ и которому безгранично предался. На сколько это мнѣ удалось, докажетъ исторія, когда всѣ, оставленные мною труды, напечатанные и ненапечатанные, дадутъ возможность изложить мою дѣятельность безпристрастно.

Позволю себѣ сказать предварительно нѣсколько словъ о личности самого Александра I, насколько я могъ постичь его. Императоръ Александръ I не былъ человѣкомъ зауряднымъ, обыкновеннымъ, его лицо и въ особенности профиль его въ молодые годы напоминали черты его великой бабки Екатерины II, съ которою имѣли не мало общаго также старшая сестра императора и даже младшій его братъ, великій князь Михаилъ Павловичъ. Но у этихъ двухъ лицъ недоставало той искры генія, которая такъ ярко высказывалась у Александра I. Счастливо одаренный природою, обладавшій большимъ остроуміемъ и при томъ умомъ очень проницательнымъ, императоръ Александръ I совмѣщалъ въ себѣ

при томъ еще необыкновенную способность предаваться различнымъ, не рѣдко совершенно противоположнымъ впечатлѣніямъ. Собственно разумъ его былъ не особенно великъ, и во всякомъ случаѣ сила его сужденія была не обширна. Сердце онъ имѣлъ такое же, какъ и императрица Екатерина II, и при томъ не безучастное къ другимъ. Но оба эти лица скорѣе охотно упускали, нежели искали случай проявить свое доброе сердце; они оба оказывали добро и благодѣяніе скорѣе изъ тщеславія, ради (ostentation) видимости, чванства, нежели по чувству любви и сострадaнія, но всегда исполняли это самымъ привѣтливымъ и ласковымъ образомъ. Оба они легко усваивали себѣ какое-либо мнѣніе другаго лица, но также скоро отказывались отъ него; они съ трудомъ прощали свое заблужденіе и рѣдко примирялись съ тѣми, кого послѣ благоволенія постигало ихъ нерасположеніе и опала. Александръ I, подобно Екатеринѣ II, обладалъ талантомъ разоблачать сокровенныя мысли другихъ лицъ и таить весьма тщательно свои собственныя. Чувственность онъ также унаслѣдовалъ отъ своей великой бабки.

Напротивъ того, онъ не унаслѣдовалъ ничего ни физическаго, ни нравственнаго ни отъ своихъ Голштинскихъ предковъ, по природѣ вспыльчивыхъ, но скоро примирявшихся, ни отъ своего отца, рыцаря по характеру. Равнымъ образомъ къ нему не перешло ничего и отъ его матери, Виртембергской принцессы, которая впрочемъ умѣла держать себя съ достоинствомъ и обладала доброю волею и особенною любовью къ порядку.

Природныя наклонности Александра I все болѣе и болѣе усиливались отъ воспитанія и тѣхъ различныхъ положеній, въ которыхъ онъ долго находился. Съ ранняго дѣтства онъ очутился среди двухъ началъ, враждовавшихъ между собою, и двойственность развивалась все болѣе и болѣе въ характерѣ юноши. При первоначальномъ своемъ воспитаніи Александръ I очутился между царственною своею бабкою, доставившею сама себѣ престолъ, и своимъ отцомъ, удаленнымъ отъ престола и находившимся въ постоянной оппозиціи съ своею матерью. Жизнь великаго князя Павла Петровича была непрерывнымъ, болѣе или менѣе громко выраженнымъ порицаніемъ дѣйствій и распоряженій императрицы Екатерины II и всего ея управленія.

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ (ровесникъ почти великаго князя) былъ самымъ вѣрнымъ домашнимъ другомъ его; онъ одно время былъ даже удаленъ отъ двора, ибо слишкомъ мало скрывалъ свое расположеніе и участіе къ великому князю. Его младшій братъ, Алексѣй Куракинъ [1]), поддерживалъ это критическое настроеніе вели-

---

[1]) Куракинъ Алексѣй Борисовичъ, р. въ 1759 г., былъ при Павлѣ I генералъ-прокуроромъ, а при Александрѣ I сперва генералъ-губернаторомъ Малороссіи

каго князя разными замѣчаніями, обыкновенно очень поверхностными, которыя онъ ему читалъ въ Гатчинѣ. Они предположили составить порядокъ престолонаслѣдія, который и былъ позднѣе объявленъ закономъ съ тѣмъ Гатчинскимъ числомъ. Великій князь очень хорошо запомнилъ эти замѣчанія и, вступивъ на престолъ, передалъ ихъ Куракину, назначенному генералъ-прокуроромъ, съ тѣмъ, чтобы онъ осуществилъ бы на дѣлѣ всѣ эти предполагавшіяся улучшенія. Но они оба, и Куракинъ и государь, не могли слѣдовать долго этому пути.

Конечно, правленіе Екатерины II имѣло свои слабыя стороны и свои недостатки; этого отрицать нельзя. Но это правленіе имѣло и сильную сторону, которую не могли постичь такія поверхностныя и одностороннія лица, какъ Куракинъ и многія ему подобныя. Императрица Екатерина II была удивительная артистка въ искусствѣ управлять государствомъ (что̀ совершенно иное дѣло, чѣмъ слѣдовать всякому впечатлѣнію) и при томъ умѣла обходиться съ народомъ и достигать многаго малыми средствами. Къ тому же она умѣла хорошо выбирать людей, ей необходимыхъ. Рѣшеніе ея передать престолъ Имперіи не сыну своему, а внуку Александру I, фактъ несомнѣнный. Однажды, когда смотритель царскаго гардероба показывалъ мнѣ стоящую въ этомъ помѣщеніи мебель, снесенную изъ покоевъ императрицы послѣ ея кончины, онъ двинулъ изъ письменнаго стола открытый ящикъ, и мы въ немъ увидѣли подлинное, подписанное рукою императрицы Екатерины II объявленіе, въ которомъ была выражена вышеупомянутая воля императрицы, на случай ея кончины.

Тотъ же смотритель нашелъ въ гардеробѣ самую древнюю доселѣ извѣстную рукопись XI вѣка, именно такъ называемое Остромирово Евангеліе [1]), которое позднѣе было препровождено въ Императорскую публичную библіотеку. Гдѣ же хранится первый упомянутый документъ, мнѣ не извѣстно.

затѣмъ съ 1807 по 1811 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ и наконецъ членомъ Государственнаго Совѣта. Онъ умеръ въ 1829 году, а Куракинъ Александръ Борисовичъ, р. въ 1752 г., воспитывался вмѣстѣ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, былъ позднѣе посломъ въ Вѣнѣ, сенаторомъ и посломъ въ Парижѣ въ началѣ 1812 г. Онъ умеръ въ 1818 г.

[1]) Написанное въ 1056—57 гг. дьякономъ Григоріемъ для новгородскаго посадника Остромира недѣльное Евангеліе было отправлено изъ Москвы, гдѣ хранилось въ ризницѣ Воскресенской дворцовой церкви, въ Петербургъ по указу Петра Великаго и перешло къ императрицѣ Екатеринѣ II, какъ историческій памятникъ. По ея кончинѣ это Евангеліе было найдено въ ея гардеробѣ Я. А. Дружининымъ и поднесено императору Александру I, приказавшему отдать оное въ Императорскую Публичную Библіотеку, гдѣ оно хранится и по настоящее время. (См. Жур. М. Нар. Просв. № 5, отд. 2, статья г. Каринскаго).

Окружавшіе великаго князя Александра Павловича, начиная съ главной няньки до послѣдняго его министра, съ самаго дня рожденія его до кончины, являли постоянно рѣзкую противоположность, какъ между собою, такъ и по отношенію къ самому князю. Не должно также упускать изъ виду, что въ немъ въ полномъ объемѣ укоренилось глубокое впечатлѣніе, которое тяготѣетъ на наслѣдіи русскаго престола вообще и которое влечетъ за собою для него господство неограниченной власти, а для другихъ безграничное повиновеніе. Одинъ изъ его учителей, главный, имѣвшій большое на него вліяніе, былъ Фредерикъ Лагарпъ [1]), очень либеральный, пылкій швейцарецъ, другимъ былъ— скромный, разумный, любившій литературу болѣе, нежели придворную жизнь, ученый Эпинусъ [2]), а также Остервальдъ [3]); все прекрасные люди. Прочіе учителя также отличались благородными воззрѣніями, какъ, напримѣръ, Карамзинъ.

Во главѣ всего воспитанія Александра I стоялъ Салтыковъ, впослѣдствіи графъ и князь, одинъ изъ тончайшихъ царедворцевъ своего времени, дававшій молодому великому князю наилучшія наставленія и прекраснѣйшій примѣръ, какимъ образомъ можно всего лучше понравиться державной бабкѣ его и злорадостному отцу. Являясь въ Петербургѣ, Царскомъ Селѣ, въ Государственномъ Совѣтѣ въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ и камзолѣ, а въ Павловскѣ и Гатчинѣ—въ солдатскомъ мундирѣ, съ ружьемъ, съ военною выправкою, царственный юноша принималъ каждаго съ особеннымъ достоинствомъ. Окружавшіе его придворные кавалеры, оба князя Чарторыйскіе, Александръ Голицынъ, Павелъ Строгановъ, Александръ Салтыковъ, Муравьевъ, Будбергъ, Ахвердовъ и т. д., отличались каждый различною степенью образованія, но, вообще говоря, выборъ ихъ, сдѣланный императрицею Екатериною II, былъ недуренъ.

Большой дворъ и великокняжескій (т. е. Павла Петровича и его супруги) являли собою самую рѣзкую противоположность. Въ первомъ царила величественная придворная жизнь императрицы, великолѣпіе, пышность, расточительность, обществолюбіе (т. е. стремленіе жить въ

[1]) Лагарпъ Фредерикъ-Цезарь, р. 1654 г. въ Швейцаріи, извѣстный воспитатель великихъ князей Александра и Константина Павловичей, позднѣе членъ правительства Гельветической республики съ 1798—1800 годы. Онъ умеръ въ 1838 году.

[2]) Эпинусъ Францъ-Ульрихъ, р. 13-го дек. 1724 г. въ Ропштокѣ, былъ членъ академіи наукъ въ Петербургѣ и Берлинѣ, тайный совѣтникъ въ 1797 г., онъ умеръ въ Дерптѣ 10-го августа 1802. Эпинусъ занимался медициною, магнетизмомъ и электричествомъ.

[3]) Остервальдъ Дидрихъ, р. 1727 г., былъ офицеромъ въ Шляхетномъ корпусѣ, преподавалъ вел. кн. Павлу Петровичу исторію, географію, русскій и нѣмецкій языки, позднѣе былъ сенаторъ и умеръ въ 1794 году.

сообществѣ людей), развязность и даже разнузданность со всѣми ея принадлежностями; всякій пребывалъ и въ надеждѣ, и въ трепетѣ; каждый отъ мала до велика находился во свѣтѣ славы Екатерины II, освѣщенный къ тому же ея любимцами; при томъ же всѣ являлись обожателями великой императрицы.

При великокняжескомъ дворѣ въ Павловскѣ и Гатчинѣ царили только полковыя ученья, строгая солдатская дисциплина, небольшіе парады и всякаго рода лишенія. Императрица Екатерина II смѣялась надъ этимъ; Александръ же не только принималъ участіе во всемъ этомъ, но и совершенно соотвѣтствовалъ всему этому. Всякій былъ какъ бы увѣренъ въ немъ. Лагарпъ часто твердилъ ему, что будущій монархъ никогда не долженъ вполнѣ предаваться чему-либо.

Екатерина II сочла полезнымъ побудить его рано вступить въ бракъ. Она избрала ему супругою великодушную, благородную, мало понятую людьми принцессу Баденскую, Елизавету Алексѣевну; благородство души ея далеко превосходило прелестную ея наружность. Въ началѣ супружеской жизни обѣ стороны были въ высшей степени счастливы. Этотъ бракъ въ началѣ очень благотворно вліялъ на настроеніе духа Александра I и, если бы онъ могъ оставаться долѣе въ этихъ вѣрныхъ узахъ, то въ немъ укрѣпилось бы еще болѣе благодушіе и благожеланіе и изгладились бы болѣе, быть можетъ, скрытыя наклонности его характера. Его братъ, великій князь Константинъ, не хуже его былъ одаренъ отъ природы, но былъ совершенно испорченъ воспитаніемъ и сдѣлался страшилищемъ.

Принужденіе, подъ вліяніемъ котораго Александръ находился, при вступленіи его родителя на престолъ, развивало въ немъ все болѣе и болѣе двойственность его воли и довело его притворство до высшей степени. Все царствованіе великой императрицы являлось ненавистнымъ ея державному сыну. Онъ хотѣлъ все измѣнить, передѣлать всю Россію и не упустилъ бы дать другое направленіе даже рѣкѣ Невѣ, если бы былъ въ силахъ это сдѣлать. Въ его кратковременное царствованіе Александръ, казалось, раздѣлялъ всѣ эти воззрѣнія, которыя не замедлили произвести на него не малое впечатлѣніе, такъ какъ никто никогда, ни въ какое время не взялъ на себя труда изложить и объяснить молодому князю основныя начала правленія великой императрицы и ея законодательныя воззрѣнія; это требовало подробнаго изученія и совершенно безпристрастнаго взгляда и на ея управленіе, и на ея особу.

Никто такъ не расположенъ къ нововведеніямъ и всякимъ новшествамъ, какъ лица, не обладающія основательными познаніями и терпѣніемъ. Чрезвычайно привлекательно прошедшее, которое себя болѣе не защищаетъ, замѣнить нѣчто совершенно новымъ, имѣющимъ за себя

всегда сотни приверженцевъ. Всякій вводитель новаго ласкаетъ себя мыслію, что онъ вполнѣ и всесторонне обдумалъ и обсудилъ свое могучее слово.

Преобразованіе и полная реорганизація арміи являлись главною заботою императора Павла и его сына, который былъ не что иное, какъ первый адъютантъ своего отца, съ 18—20-лѣтняго возраста находился подъ непрестаннымъ давленіемъ, принужденіемъ и нерѣдко испытывалъ даже подозрѣнія отца. Очень частыя перемѣны лицъ, окружавшихъ императора Павла I, принуждали Александра I постоянно притворяться и быть насторожѣ.

Царствованіе Павла I съ начала до конца онаго являлось какою-то опрометчивостію (безразсудностію). Незаслуженныя милости и выраженія благоволенія, незаслуженныя награды, незаслуженныя опалы и немилости, незаслуженныя наказанія и т. д. Все это изливалось непрерывно и постоянно все измѣняло. При этомъ никто съ большею готовностію не желалъ устранять учиненныя несправедливости, исправлять свои ошибки и заблужденія, какъ самъ государь. Тѣмъ не менѣе всѣ слуги и сановники прежняго царствованія были имъ устранены или сами удалились отъ дѣлъ. Всѣ были одинаково обижены. Появились на сцену новые слуги и также скоро исчезли. Только двое изъ нихъ съумѣли удержаться въ продолженіе всего царствованія, именно камердинеръ Кутайсовъ, сдѣлавшійся графомъ, шталмейстеромъ и кавалеромъ ордена св. Андрея, и Аракчеевъ, который, не будучи геніемъ и не обладая талантами, превосходилъ всѣхъ твердостію своего характера, неутомимою дѣятельностью и рѣдкою выносливостью. Императоръ слѣдовалъ весьма опасному пути.

Давно невѣдомый гнетъ и насиліе наступили послѣ многолѣтняго снисхожденія и терпѣнія. Съ Сенатомъ обходились круто; дарованное лицамъ дворянскаго происхожденія освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія было отмѣнено; смертная казнь снова стала примѣняться. Князь Сибирскій, почтенный генералъ, начальникъ провіантскаго вѣдомства, былъ отставленъ отъ должности и какъ простой рядовой, въ оковахъ на ногахъ, отправленъ въ Сибирь. Министръ финансовъ Васильевъ смѣщенъ съ должности. Совершенно необдуманная война съ Англіею привела въ разстройство русскую торговлю, причинила большіе убытки и нанесла тяжкія неизлѣчимыя раны благосостоянію Прибалтійскихъ губерній. Всѣ эти и другія подобныя имъ дѣла были такого рода, что къ большему или меньшему участію въ нихъ привлекался и великій князь, чѣмъ все болѣе затруднялось и его положеніе, и его отношенія. Въ непрерывныхъ своихъ сношеніяхъ съ Аракчеевымъ, Кутайсовымъ, Паленомъ—тремя лицами, совершенно между собою различными, великій князь Александръ I находился въ постоянномъ напряженіи и за-

*

трудненіи, но мастерски умѣлъ однако сохранять съ каждымъ изъ нихъ хорошія отношенія и не давать имъ повода къ какимъ-либо столкновеніямъ, неудовольствіямъ и даже порицаніямъ. Другъ его, Чарторыйскій, былъ скоро удаленъ отъ двора. Вспыльчивость императора не знала предѣловъ, и самому Александру предстояла горькая доля . . . .

. . . .

Никто изъ соучастниковъ 11-го марта не подвергся преслѣдованію; никто изъ нихъ не былъ даже чѣмъ-либо огорченъ. Только не много позднѣе графъ Паленъ былъ совершенно удаленъ отъ двора за свою непослѣдовательность и за попытки свои вліять на молодаго самодержца и внушать ему различныя распоряженія. Паленъ пострадалъ изъ-за характера Александра I, который самъ и еще болѣе вдовствующая императрица Марія Өеодоровна не пожелали его болѣе видѣть.

На престолѣ Александру I открывалась совершенно иная жизнь, укрѣплявшая въ немъ все болѣе и болѣе тотъ складъ характера, который былъ пріобрѣтенъ имъ ранѣе. Одинъ изъ старѣйшихъ и наиболѣе довѣренныхъ слугъ, Геслеръ, разсказывалъ за достовѣрное, что императоръ въ самые первые дни царствованія своего, просмотрѣвъ уже бумаги умершаго государя, очень измѣнился; лицо его приняло совершенно иное выраженіе, совершенно для него, Геслера, чуждое, такъ что всѣ ранѣе нарисованные его портреты перестали походить на него. Александръ I совсѣмъ отрѣшился отъ всего прошлаго и явился совершенно инымъ человѣкомъ, оставаясь съ тѣми же природными свойствами, но въ совершенно иной обстановкѣ и при совсѣмъ иныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Съ этого времени онъ во всемъ рѣзко перемѣнился, какъ во внѣшнемъ, такъ и во внутреннемъ. Перемѣна произошла и въ его наружномъ представительствѣ, въ прежнихъ манерахъ, въ привычкѣ напѣвать, въ окружающихъ его лицахъ и т. д.

Словомъ, все вдругъ измѣнилось.

Даже изъ числа военныхъ лицъ, бывшихъ своихъ сослуживцевъ, Александръ I удержалъ теперь весьма не многихъ, да и тѣ принуждены были долго выслуживаться. Никто собственно его не угадалъ. Наиболѣе вѣрно судилъ о новомъ императорѣ Аракчеевъ и былъ въ милости у него немного болѣе другихъ. Военный духъ Павла I произвелъ сильное впечатлѣніе на Александра, никогда въ немъ не ослабѣвавшее.

Надѣявшіеся, что императоръ Александръ I возвратится къ системѣ правленія и законодательства великой императрицы, жестоко ошиблись, не менѣе тѣхъ, которые были облагодѣтельствованы Павломъ I. Александру I были противны обѣ системы управленія, при чемъ братъ его, Константинъ, имѣлъ немалое въ томъ участіе. Но даже и въ этомъ отношеніи всѣ дѣйствія Александра I являютъ собою какое-

то постоянное колебаніе, какой-то постоянный выборъ между двумя противоположностями, при чемъ онъ постоянно переходилъ отъ однихъ воззрѣній къ другимъ, но только эти колебанія не всегда были одинаково сильны. Въ то время, какъ проницательный умъ Александра I и его недовѣріе къ людямъ возбуждали въ немъ все новыя сомнѣнія, его способность сужденія не всегда была настолько достаточно сильна, чтобы изыскать средства къ отстраненію сомнѣній. Только иногда внезапныя впечатлѣнія оказывали на него сильныя вліянія, но на него не дѣйствовала никогда какая бы то ни была сила убѣжденій. Кругъ, въ которомъ Александръ I вращался, не былъ всегда одинъ и тотъ же, но въ каждомъ данномъ кругу онъ являлся нѣкоторое время всегда крайнимъ (ultra), до тѣхъ поръ, пока недовѣріе или подозрѣніе или иное обстоятельство перемѣщали его изъ даннаго круга въ новый, который начинался и заканчивался такимъ же образомъ, какъ и первый.

Въ послѣднее, очень удрученное время его велико-княжеской жизни, онъ имѣлъ еще досугъ заниматься чтеніемъ вмѣстѣ съ своею супругою, которая чрезвычайно охотно предавалась всякимъ умственнымъ занятіямъ и искусствамъ. Если бы онъ въ это время и въ этомъ именно отношеніи пожелалъ бы держаться ближе научно-образованнаго Чарторыйскаго, то кругозоръ его знаній значительно бы расширился. Но это время было имъ упущено; оно прошло и никогда болѣе не возвратилось. Александръ I пренебрегъ примѣромъ Петра Великаго, который и на престолѣ стремился постоянно къ знаніямъ.

Отъ этихъ великихъ предметовъ обращаюсь снова къ мелкимъ.

Обсужденія возложеннаго на меня проекта организаціи Сената и тѣсно связаннаго съ нимъ преобразованія губернскаго учрежденія были чрезвычайно близки моему сердцу, но къ сожалѣнію очень затягивались. Впрочемъ, причиною этого являлись ни Новосильцовъ, ни Чарторыйскій, ни Строгановъ; они всѣ выражали полную готовность собираться для обсужденія моихъ предложеній и утромъ и вечеромъ, и высказывали свои по нимъ замѣчанія, которыми я охотно пользовался или для установленія новыхъ началъ или для измѣненія уже выставленныхъ въ моемъ проектѣ. Все главнѣйшимъ образомъ зависѣло отъ того, какъ это будетъ доложено государю императору.

Изданное въ 1802 г. учрежденіе министерствъ и, въ особенности, учрежденіе министерства внутреннихъ дѣлъ, представляло нѣкоторыя затрудненія моимъ предположеніямъ; графъ Кочубей еще не вполнѣ высказалъ свои въ этомъ отношеніи воззрѣнія. Я выставлялъ впередъ вопросъ о системѣ коллегіальнаго управленія, какъ наиболѣе существенной, и предполагалъ сохранить эту систему. Манифестъ 8-го сентября 1802 г. не упразднялъ коллегіи, но сохранялъ ихъ на преж-

нихъ основаніяхъ, министры же должны были быть только верховными ихъ руководителями въ дѣлахъ администраціи вообще; онъ не касался ни предмета вѣдомства (компетенціи) коллегій, ни ихъ іерархическихъ отношеній. Все это я намѣревался сохранить и въ моемъ проектѣ, какъ существующее со временъ Петра I и Екатерины II, потому что я имѣлъ въ виду какъ можно менѣе измѣнять существующее и по возможности держаться установленныхъ уже учрежденій.

Тѣмъ временемъ наступилъ іюль мѣсяцъ. Я получилъ квартиру и все для меня необходимое. Жена моя[1]) прибыла изъ Дерпта, и я настолько устроился, что могъ принимать у себя графа Строганова, Новосильцова и Чарторыйскаго. Мое положеніе было очень удовлетворительно; я ни въ чемъ не нуждался, и всѣ мои стремленія были направлены къ тому, чтобы быть полезнымъ и возможно менѣе терять времени при возложенныхъ на меня работахъ.

Лично отъ себя я не имѣлъ права явиться къ государю, но очень желалъ имѣть съ нимъ личное объясненіе и всего болѣе добивался этого, потому что былъ въ это время убѣжденъ, что его величество приметъ живое участіе въ моихъ трудахъ, такъ какъ они касались той высшей сферы государственнаго организма, которая не была еще затронута и требовала, по моему убѣжденію, различныхъ дополненій, неизбѣжно предшествующихъ всякому дальнѣйшему его развитію. Его величество самъ обратилъ вниманіе на это и приказалъ мнѣ заняться этимъ.

Я очень хорошо зналъ, что государь былъ въ это время чрезвычайно занятъ военными дѣлами; къ тому же наступившее лѣто гораздо менѣе способствовало занятіямъ, нежели осень и зима, особенно въ Петербургѣ. Было чрезвычайно трудно уловить удобное время, чтобы доложить его величеству о ходѣ моихъ работъ. Происходившія въ Петербургѣ при дворѣ собранія представлялись случаемъ мало для того удобнымъ, но я посѣщалъ ихъ, чтобы доставить удовольствіе женѣ моей. Это послѣднее побудило меня отправиться также на собраніе въ іюлѣ мѣсяцѣ. День былъ чудный. Мнѣ представилась та же картина, которую я видѣлъ болѣе 20 лѣтъ тому назадъ (въ 1780 году); я нашелъ залу, въ которой только-что начался польскій, безъ всякаго наружнаго измѣненія, только лица были уже почти всѣ другія. Государь императоръ шелъ въ первой парѣ и, проходя мимо меня, очень любезно нѣсколько разъ привѣтствовалъ присутствующихъ; я конечно не могъ отнести этого исключительно къ себѣ, потому что въ толпѣ было много

---

[1]) Розенкампфъ вступилъ въ 1797 г. въ бракъ съ Маріею-Анною фонъ-Бларамбергъ, дочерью одного лифляндскаго помѣщика. Графъ Корфъ нисколько не стѣсняясь говоритъ, что Розенкампфъ вступилъ въ бракъ съ француженкою („Рус. Стар." 1903 г., апрѣль, стр. 32).

другихъ лицъ, которымъ это могло преимущественно относиться. По окончаніи польскаго его величество, подойдя также и ко мнѣ, сказалъ по-французски:

— Я васъ привѣтствовалъ три раза, но вы не удостоили это замѣтить.

— Ваше величество, я не дерзалъ льстить себя мыслію, что этотъ привѣтъ относится ко мнѣ.

— Но конечно! Что же вы дѣлаете?—Я воспользовался этими словами, чтобы обратиться къ предмету моихъ занятій и отвѣтилъ:

— Я прибылъ уже нѣсколько времени съ возложенными на меня работами, но не осмѣливался испрашивать у вашего величества аудіенцій, которая сдѣлала бы меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

— Я буду очень радъ,—отвѣтилъ государь,—при моемъ возвращеніи мы увидимся.—При этомъ я воспользовался случаемъ представить его величеству, стоявшую со мною рядомъ, мою супругу. Государю угодно было сказать ей нѣсколько ласковыхъ словъ, послѣ чего онъ удалился.

Это монаршее ко мнѣ вниманіе не осталось конечно незамѣченнымъ присутствовавшими въ залѣ. Министръ юстиціи подошелъ ко мнѣ немедленно и выразилъ желаніе, чтобы я представилъ ему мою жену, и замѣтилъ при этомъ, что онъ былъ первымъ, представившимъ меня его величеству. Это побудило меня выразить ему искреннюю мою за это признательность. Послѣ этого очень многіе изъ числа моихъ знакомыхъ поздравляли меня съ столь лестнымъ для меня монаршимъ вниманіемъ. Новосильцовъ мнѣ въ тотъ вечеръ не повстрѣчался, и я только чрезъ два дня имѣлъ возможность передать ему все вышеизложенное, такъ какъ онъ возвратился въ городъ лишь на слѣдующій день, поздно вечеромъ. Я просилъ его дать мнѣ указаніе, что мнѣ дѣлать, но онъ предоставилъ это вполнѣ моему усмотрѣнію, повидимому желая выждать, чтобы его величество выразилъ ему что-либо въ этомъ отношеніи. Однако ожиданіе не осуществилось, и я поэтому отправился самъ доложить о себѣ его величеству.

21-го іюля я отправился въ пріемную его величества, гдѣ встрѣтилъ меня тотъ же камеръ-лакей, ранѣе уже обо мнѣ докладывавшій. Онъ немедленно направился въ кабинетъ государя и, скоро возвратясь, объявилъ мнѣ, чтобы я явился къ пріему государемъ на другой день въ то же самое время. При этомъ онъ мнѣ сообщилъ, что можно явиться къ пріему во фракѣ.

Я не замедлилъ все это выполнить въ точности и, явившись на другой день (22-го іюля), былъ черезъ четверть часа позванъ къ его величеству въ кабинетъ, гдѣ и послѣдовалъ слѣдующій разговоръ на французскомъ языкѣ:

— Я очень доволенъ, что васъ вижу, намъ необходимо познакомиться.

— Ваше величество, мнѣ представлялось важнымъ возможно скорѣе повергнуть благоусмотрѣнію вашего величества мои предположенія о Сенатѣ, составленіе которыхъ было на меня уже возложено г. Новосильцовымъ по приказанію вашего величества. Я присоединилъ къ этому и другой трудъ объ учрежденіи мѣстныхъ властей. Мнѣ казалось, что эти предметы должны необходимо подлежать совмѣстному разсмотрѣнію и что возможныя въ нихъ улучшенія должны предшествовать тѣмъ, которыя могутъ быть совершены въ другихъ отрасляхъ управленія и законодательства.

— Это также мое мнѣніе, вы уже приступили къ разсмотрѣнію вашихъ трудовъ съ нами?

— Мои предположенія были уже прочтены, но какъ всѣ указанія исходятъ отъ вашего величества, я почелъ бы себя счастливымъ, если бы ваше величество соблаговолили разрѣшить мнѣ прочесть вамъ мои предположенія.

— Очень хорошо, я выслушаю ихъ со вниманіемъ, но они тѣмъ не менѣе будутъ подлежать разсмотрѣнію Сената или Государственнаго Совѣта.

— Благоугодно ли будетъ вашему величеству дозволить мнѣ выразить замѣчаніе?

— Говорите.

— Сенатъ при разсмотрѣніи моихъ предположеній явился бы одновременно и судьею, и стороною. Въ составъ Государственнаго Совѣта входятъ гг. министры, права и власть которыхъ затрогиваются также моими предположеніями. Мнѣ казалось бы, что подобное основное положеніе должно исходить единственно отъ вашего величества, коль скоро оно удостоится высочайшаго одобренія.

— Это трудно сдѣлать, но я посмотрю. Объяснитесь съ Новосильцовымъ, а я переговорю съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Я замолчалъ, но былъ неудовлетворенъ результатами разговора, что не ускользнуло отъ вниманія его величества. Государь предложилъ мнѣ слѣдующій вопросъ.

— Что думаете вы объ освобожденіи крестьянъ?

— Полагаю, ваше величество, что это было бы въ высшей степени полезно не только крестьянамъ, но также и всѣмъ помѣщикамъ.

— Но повѣрятъ ли они тому?

— Осмѣлюсь утверждать это, потому что трудъ свободнаго человѣка вдвое лучше, нежели трудъ крѣпостнаго; земля останется по-прежнему за ея собственниками (владѣльцами), и никогда не будетъ недостатка рукъ для ея воздѣлыванія. Россія будетъ производить и воздѣлывать

по крайней мѣрѣ вдвое болѣе; но трудно будетъ побудить согласиться на это нынѣшнихъ собственниковъ, предписавъ это или общими законами или указами.

— Но какъ же это сдѣлать?

— Необходимо начать это въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, которыя надо къ тому подготовить, опросивъ мнѣніе отдѣльныхъ мѣстностей и опредѣливъ правовое положеніе этого класса населенія совершенно для него особыми кодексами законовъ: гражданскихъ, полицейскихъ, сельско-хозяйственныхъ и положеніемъ объ общинахъ сельскихъ. Эти три небольшіе кодекса, составленные исключительно для того класса населенія съ измѣненіями, смотря по мѣстнымъ условіямъ каждой провинціи, убѣдятъ землевладѣльцевъ и крестьянъ въ ихъ взаимныхъ выгодахъ. Такимъ образомъ, чтобы съ успѣхомъ осуществить это дѣло, необходимо, я полагаю, дѣйствовать постепенно, въ одной губерніи послѣ другой.

— Это длинный путь.

— Но однако наивозможно короткій и въ то же время самый надежный.

— Можно сдѣлать опытъ въ балтійскихъ провинціяхъ, и мнѣ кажется, что тамъ уже этимъ занимались.

— Всѣ губерніи одинаково къ этому пригодны, и русскіе крестьяне смышленѣе и понятливѣе эстонцевъ и ливонцевъ, у которыхъ уже сдѣланы первые шаги къ замѣнѣ барщины (обязательныхъ работъ) и другихъ поборовъ произвольныхъ и неопредѣленныхъ другими обязательными работами и поборами, опредѣленными Положеніемъ, но еще не достигли желаемаго.

— Ландратъ Сиверсъ мнѣ писалъ объ этомъ и прислалъ весьма недавно объемистый томъ на нѣмецкомъ языкѣ, который я еще не прочелъ.

Его величество далъ мнѣ при этомъ очень хорошо переплетенную тетрадь въ большой листъ. Просмотрѣвъ сопровождавшее эту тетрадь письмо, я сейчасъ увидѣлъ, что эта тетрадь заключаетъ въ себѣ матеріалы для составленія Положенія о лифляндскихъ крестьянахъ. Я раскрылъ тетрадь и въ оглавленіи, напечатанномъ крупнымъ шрифтомъ, прочелъ, что я авторъ этого Положенія.

— Это только первый шагъ, ваше величество,—сказалъ я,—но на немъ останавливаться не надо, необходимо идти далѣе.

— Дѣла этого рода будутъ подлежать разсмотрѣнію комитета. Я желалъ бы вообще даровать участіе всей націи, всѣмъ моимъ народамъ въ пользованіи правами гражданъ на сколько это возможно. Это должно быть опредѣлено общимъ кодексомъ (книгою законовъ), который мои предшественники, начиная съ Петра I, обѣщали націи. Вотъ, мнѣ ка-

жется, чѣмъ бы надлежало заняться прежде всего, потому что оно будетъ обнимать все остальное. Сядьте здѣсь рядомъ со мною поближе и сообщите мнѣ ваши объ этомъ взгляды.

Императоръ худо слышалъ вообще и напрягалъ все свое вниманіе, чтобъ меня слушать.

— Ваше величество, мои воззрѣнія объ этомъ довольно просты. Соблаговолите разрѣшить мнѣ вполнѣ выразиться по этому предмету. Чтобы составить то, что называется кодексъ (code), необходимо прежде всего начать съ изученія состоянія дѣйствующаго законодательства во всѣхъ его отрасляхъ государственнаго и частнаго права, и имѣть его передъ глазами.

— Развѣ государственное право и политическія права должны также войти въ составъ кодекса?

— Я не имѣлъ въ виду ни представительство, ни какое-либо другое политическое право. Я разумѣю подъ словомъ государственное право (droit public) организацію властей, предметы ихъ вѣдомства, допущеніе къ пользованію гражданскими правами и даже права сословій, которыя не всѣ изложены въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, ни въ проектахъ, составленныхъ при императорѣ Петрѣ I и императрицѣ Екатеринѣ II.

Государь меня прервалъ, сказавъ:

— Ахъ, да, когда были созваны депутаты здѣсь, въ этомъ самомъ мѣстѣ.

— Ваше величество совершите нѣчто болѣе для счастья вашихъ народовъ, нежели созваніе сотни депутатовъ, которые не понимали другъ друга.

— Я всегда былъ того мнѣнія и высказывалъ его моему преподавателю и другу Лагарпу, очень хорошую записку котораго я вамъ сообщу.

— Очень буду счастливъ воспользоваться ею. Вашему величеству извѣстно лучше меня, сколько предметовъ надо разсмотрѣть и сколько предметовъ принять въ соображеніе при составленіи одного какого-либо закона, одного положенія органическаго; тѣмъ болѣе необходимо все это взвѣсить, когда идетъ дѣло о кодексѣ, т. е. о пересмотрѣ или переработкѣ всей массы законовъ. Сдѣлать это не является невозможностью, но надо поступать съ увѣренностію при посредствѣ предварительныхъ работъ, которыя имѣютъ еще особенное преимущество — оправдывать (т. е. подтверждать) содержаніе кодекса, и все зависитъ отъ предварительно установленныхъ началъ, послѣдующая затѣмъ редакція окажется болѣе легкою.

— Я понимаю, необходимо изложить побудительныя причины са-

мыхъ законовъ, какъ во Франціи, гдѣ всегда имѣются искусные къ тому люди.

— Каждая страна, государь, имѣетъ свои мѣстныя начала. Новый кодексъ не можетъ быть составленъ иначе, какъ на основаніи началъ существующаго уже права, которое уже знаютъ и въ которомъ ваше величество изволите приказать сдѣлать необходимыя по усмотрѣнію вашему измѣненія и перемѣны. Кодексъ не что иное, какъ книга законовъ. Но какъ законы и право не были созданы за разъ, но сложились постепенно, путемъ времени и какъ никто не можетъ предусмотрѣть будущихъ обстоятельствъ, то необходимо начать составленіе кодекса по началамъ уже существующимъ.

— Но все ежедневно мѣняется; нѣтъ ничего безусловно постояннаго, ни законовъ, ни началъ.

— Безъ сомнѣнія, ваше величество. Съ этого я и начинаю. Государство—это собраніе семействъ, общинъ, провинцій,—слѣдуетъ тѣмъ же органическимъ законамъ, какъ тѣло отдѣльнаго лица въ маломъ. Если сіе послѣднее изъ года въ годъ измѣняется и возобновляется по частямъ и было бы невозможно возобновить его въ полномъ составѣ заразъ, тѣмъ болѣе это совершается тѣмъ же порядкомъ и въ политическомъ организмѣ, великомъ общественномъ тѣлѣ, которое пополняется такимъ же образомъ. Великое начало единства началъ покоится на началахъ особенностей у народностей. Властитель является вершиною пирамиды, повелитель, покровитель, защитникъ законовъ и совмѣщаетъ въ себѣ всѣ ихъ отрасли.

Администрація, частное право и даже, могу сказать, вѣроисповѣданія имѣютъ каждое свое начало. Существеннымъ поэтому является познать анатомію этого великаго общественнаго тѣла, составленнаго изъ другихъ тѣлъ и частей. Но изучить и познать его хорошія и худыя стороны. Послѣ этого, государю, какъ верховному законодателю, предстоитъ указать тѣ измѣненія, которыя онъ признаетъ соотвѣтствующими. Ваше величество изволите усмотрѣть, какія части нуждаются въ какомъ-либо новомъ жизненномъ началѣ.

Вашему величеству извѣстенъ французскій кодексъ. Онъ не содержитъ въ себѣ какихъ-либо правилъ кромѣ существовавшихъ очень давно въ законодательствѣ различныхъ провинцій Франціи. Не должно также упускать изъ виду, что во Франціи и Германіи законовѣдѣніе является наукою, которою занимаются уже вѣками. Въ такихъ странахъ легко постигаютъ содержаніе и смыслъ различныхъ постановленій кодекса, въ немногихъ статьяхъ своихъ содержащаго все, что разсѣяно во множествѣ предшествовавшихъ ему законовъ. Но я опасаюсь, что такой отвлеченный трудъ не будетъ понятъ въ Россіи. Чтобы сдѣлать

понятнымъ кодексъ, надо изложить самые источники, изъ которыхъ извлечены его положенія, и предоставить времени совершить остальное.

— Это глубокая мысль, это изумительное дѣло!

— Во время самой работы обнаружится, что очень много прекрасныхъ правилъ, которыя должны быть сохранены, смахнувъ съ нихъ покрывающую ихъ пыль и отстранивъ несоотвѣтствующее имъ. Другія правила требуютъ новаго жизненнаго принципа. Понемногу будутъ устранены всѣ препятствія. Это все сдѣлать просто и не трудно, но сдѣлавъ доступнымъ для всѣхъ и каждаго посредствомъ оправдательныхъ документовъ. Если нѣкоторыя части и потребуютъ отмѣны, другія останутся неприкосновенными. Вамъ будетъ предстоять большой трудъ.

— Но за то и зданіе будетъ. Петръ I началъ его сто лѣтъ тому назадъ, а Екатерина II лѣтъ сорокъ; они желали строить, не установивъ самыхъ началъ того права государственнаго и частнаго, а потому и не могли закончить работу. Всякій вѣкъ порождалъ то, что ему всего болѣе соотвѣтствовало, но наука и методъ постоянно дѣлали успѣхи, которыми необходимо воспользоваться.

— Начнемте, я надѣюсь, что дѣло пойдетъ Принимайтесь за работу, и когда вы составите свой планъ, пришлите его прямо ко мнѣ. Я хочу его видѣть прежде другихъ.

— Я сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ; результатъ будетъ зависѣть отъ непосредственныхъ попеченій такого монарха, какъ Александръ I, который очень сильно желаетъ этого; въ препятствіяхъ и затрудненіяхъ недостатка не будетъ, вашему величеству это извѣстно. Вы найдете людей болѣе меня годныхъ для подобной работы, но, будь это наиспособнѣйшіе люди въ мірѣ, они могутъ имѣть успѣхъ только при непосредственномъ руководствѣ вашего величества, при особенномъ съ вашей стороны надзорѣ. Глазъ повелителя долженъ руководить и поддерживать насъ. Простите меня, ваше величество, за такое откровенное съ моей стороны объясненіе; я не умѣю льстить, я умѣю исполнять свой долгъ.

— Очень хорошо, я удовлетворенъ. Принимайтесь за работу; обѣщаю вамъ полное мое покровительство, лишь бы только былъ успѣхъ.

— Дозвольте мнѣ, ваше величество, добавить еще нѣсколько словъ, которыя въ этомъ отношеніи мнѣ кажутся существенными. Вы изволили уже основать народное просвѣщеніе на прекрасныхъ началахъ; необходимо было бы также основать школу права, потому что пока мы займемся предварительными работами, основными началами кодекса, необходимо также подготовить людей, которые бы примѣняли ихъ на дѣлѣ.

— Безъ сомнѣнія; но гдѣ же мы найдемъ людей для обученія?

— Мы ихъ найдемъ, мы ихъ даже подготовимъ; достаточно для этого одного желанія вашего величества. При появленіи солнца недостатка въ свѣтѣ не бываетъ. Мы начнемъ съ кадровъ, а затѣмъ сформируется уже и сама армія.

— Хорошо, займитесь всѣмъ этимъ. Прощайте. Мы еще со временемъ увидимся.

Съ этими словами государь всталъ и вдругъ предложилъ мнѣ слѣдующій вопросъ, который я никакъ не ожидалъ.

— Знаете ли вы сочиненія знаменитаго нѣмецкаго философа Канта? [1])

— Я читалъ нѣкоторыя его сочиненія; онъ писалъ также и о правѣ, но исключительно съ философской точки зрѣнія. Полагаю, что ваше величество изволите говорить о его «Критикѣ чистаго разума»?

— Именно объ этомъ.

— Я не изучалъ этого сочиненія, но оно считается образцовымъ; онъ основалъ новую школу въ философіи, но его сочиненіе читается съ чрезвычайно большимъ трудомъ, хотя бы и съ технической стороны

— Что это за техническая сторона?

— Я разумѣю подъ этимъ различныя встрѣчающіяся въ книгѣ наименованія, опредѣленія, терминологію, которая измѣнилась, введеніе и значеніе множества словъ.

— У меня есть эта книга, я постараюсь, чтобъ мнѣ ее разъяснили.

Я колебался конечно выразить на это свою готовность и замолчалъ. Только спустя нѣсколько лѣтъ я узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что государь имѣлъ особенно великое расположеніе къ этому сочиненію Канта. Кто доставилъ эту книгу его величеству и съ кѣмъ онъ ее читалъ, этого я никогда узнать не могъ.

Когда я собирался уходить, государь приблизился ко мнѣ еще на нѣсколько шаговъ и сказалъ: — Это было предварительное объясненіе, которымъ я очень доволенъ. Я хочу, чтобы все это осталось между нами, понимаете, вы никому не должны объ этомъ сообщать.

— Приказаніе вашего величества будетъ исполнено. Соблаговолите удостоивать меня по временамъ счастьемъ являться къ вашему величеству. Это доставитъ мнѣ необходимыя для работы силы и указанія.

Я поблагодарилъ камеръ-лакея за его услужливость и затѣмъ въ передней комнатѣ или корридорѣ встрѣтилъ незнакомаго мнѣ адъютанта, за которымъ шелъ совершенно запыленный курьеръ. Явись онъ

[1]) Кантъ Иммануилъ р. въ Кенигсбергѣ 22-го апрѣля 1724 г. и умеръ 12-го февр. 1804 г., знаменитый философъ, написавшій много сочиненій по философіи, въ томъ числѣ и „Kritik der reinen Verunft“ (Критику чистаго разума) въ 1788 г., пріобрѣвшее громкую извѣстность.

часомъ ранѣе, я не былъ бы допущенъ до его величества и не было бы никакого со мною разговора о законодательствѣ.

Направившись изъ дворца прямо по набережной, я встрѣтилъ въ каретѣ Чарторыйскаго, ѣхавшаго ко дворцу. Вѣроятно курьеръ прибылъ съ политическими извѣстіями. Позднѣе я узналъ дѣйствительно, что были получены весьма важныя извѣстія изъ Франціи. Я поспѣшилъ домой, чтобы скорѣе записать весь разговоръ мой и всѣ слова, сказанныя при этомъ его величествомъ.

Приступивъ къ внимательному обсужденію всего слышаннаго мною, я встрѣтилъ много поразительныхъ для меня сомнѣній и неопредѣленностей. Главная цѣль моего свиданія съ его величествомъ—обсужденіе проекта о Сенатѣ и губернскомъ учрежденіи, была совершенно упущена изъ виду; въ этомъ отношеніи я очутился еще въ бо́льшей неизвѣстности, а между тѣмъ это дѣло являлось наиболѣе существеннымъ, не столько для меня, который вовсе не былъ къ тому призванъ, сколько для всего государства. Взамѣнъ этого явились новыя задачи еще бо́льшаго объема. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости! Вся сфера законодательства. Все это представлялось дѣломъ очень блестящимъ, ослѣпительнымъ, но гораздо болѣе неизвѣстнымъ и труднымъ, чѣмъ предварительно на меня возложенная практическая задача. Въ первыхъ же словахъ его величества объ этихъ новыхъ задачахъ я примѣтилъ гораздо болѣе уклончиваго и какъ бы препятствующаго, нежели содѣйствующаго; но не совсѣмъ могъ уяснить себѣ это съ перваго раза. Я долженъ былъ обо всемъ переговорить съ Новосильцовымъ; государь же хотѣлъ потолковать съ Кочубеемъ и узнать его мнѣніе.

Все это представлялось мнѣ только затрудненіями для дѣла. Къ тому же, по послѣднимъ словамъ императора, я никому не долженъ былъ говорить чего-либо о моемъ разговорѣ съ его величествомъ!

Весь слѣдующій день я просидѣлъ дома. Моя жена отправилась къ супругѣ Козодавлева на дачу; я обѣщался за нею пріѣхать вечеромъ. Только на третій день, въ субботу, отправился я къ Новосильцову, жившему на дачѣ Строганова; онъ былъ окруженъ множествомъ посѣтителей и не имѣлъ возможности много говорить со мною. Однако онъ успѣлъ мнѣ сообщить, что его величество наконецъ самъ далъ ему поводъ переговорить подробно о моихъ занятіяхъ, и добавилъ, что на слѣдующій день, въ субботу, передастъ мнѣ содержаніе этого разговора, послѣ доклада своего у государя (въ то время Новосильцовъ имѣлъ три или четыре раза въ недѣлю такой докладъ).

Я прибылъ по приказанію около 2-хъ часовъ дня, и вслѣдъ за мною пріѣхалъ фельдъегерь съ портфелемъ, а затѣмъ и самъ Новосильцовъ. Онъ подробно передалъ мнѣ, что напоминалъ его величеству

два или три раза о моемъ трудѣ, лежавшемъ у него въ портфелѣ, но по множеству другихъ различныхъ дѣлъ не имѣлъ возможности вновь утруждать этимъ государя, тѣмъ болѣе, что графъ Кочубей выразилъ желаніе отдалить всякое обсужденіе и разсмотрѣніе предположеній о Сенатѣ и губернскихъ учрежденіяхъ до тѣхъ поръ, пока не завершитъ полную организацію ввѣреннаго ему министерства, утвержденную въ послѣдніе дни мѣсяца, которою сіе послѣднее получало еще большее развитіе.

Я испугался этого сообщенія и старался представить Новосильцову, до чего все направленіе этого учрежденія, сдѣлавшагося мнѣ извѣстнымъ нѣсколько дней тому назадъ, именно принципъ централизаціи, разрушающій систему коллегіальнаго управленія, несовмѣстимъ съ вновь предполагаемымъ мною строемъ и что именно отъ того, будутъ ли держаться началъ централизаціи или нѣтъ, зависитъ участь всего моего проекта, на который я при воззрѣніяхъ графа Кочубея долженъ смотрѣть, какъ на составленный совсѣмъ напрасно. Я напоминалъ ему главныя основанія, принятыя въ нашихъ совѣщаніяхъ, согласныя вполнѣ съ манифестомъ о министерствахъ и положеніемъ о Сенатѣ. Но я замѣтилъ, что и самъ Новосильцовъ очень восхищенъ и увлеченъ блестящимъ принципомъ централизаціи и министерствами, занимавшими мѣсто прежнихъ коллегій; мнѣ было очевидно, что онъ вполнѣ высказался въ пользу этой системы, чего я, послѣ моихъ разговоровъ съ нимъ ранѣе, никакъ не могъ себѣ представить.

— Оставимъ этотъ разговоръ,—сказалъ мнѣ наконецъ Новосильцовъ, и будемъ говорить о планѣ занятій новой законодательной коммиссіи, о которой помышляетъ государь. Именемъ его величества, поручаю я вамъ заняться составленіемъ этого плана, потому что, повидимому, это рѣшительная его воля. Этимъ путемъ можно также осуществить и другія предпріятія. Государь освѣдомлялся у меня о васъ и, повидимому, очень къ вамъ расположенъ.

Я обѣщалъ Новосильцову начать и эту новую работу и испросилъ его разрѣшенія на послѣдовательныя съ нимъ обсужденія моихъ трудовъ, по мѣрѣ ихъ подготовленія.

На слѣдующій день я отправился къ Чарторыйскому, чтобы начать съ нимъ подобный же разговоръ, и нашелъ его вполнѣ къ нему уже подготовленнымъ. Я также разъяснялъ ему подробно необходимость обсужденія моего проекта о Сенатѣ и учрежденіи губернскаго управленія, потому что былъ вполнѣ убѣжденъ, что эти проекты, какъ основанія правильнаго монархическаго строя, необходимо подробно и основательно разсмотрѣть прежде другихъ проектовъ; иначе возникающая теперь по французскому образцу система централизаціи такъ сильно разовьется, что нельзя будетъ найти и слѣдовъ прежнихъ порядковъ.

По моему мнѣнію, при сохраненіи коллегій ничего не утрачивалось ни въ средствахъ хорошаго управленія, ни въ средствахъ контроля надъ ними; напротивъ того, министры, какъ верховные ихъ руководители и представители ихъ, какъ въ Сенатѣ, такъ и передъ государемъ, могли точнѣе и полнѣе знать о положеніи ввѣренныхъ имъ дѣлъ, нежели когда издавна установившаяся у насъ система коллегій и центръ управленія будетъ замѣненъ такъ называемыми департаментами или канцеляріями. Степень власти и сфера дѣйствій департаментовъ и канцелярій гораздо самопроизвольнѣе, они будутъ зависѣть во многомъ отъ личныхъ воззрѣній того или другаго лица,—министра,—часто мѣняющагося, чего при коллегіяхъ, въ которыхъ нѣсколько лицъ участвуютъ при разсмотрѣніи дѣлъ, случиться не можетъ. При министерскомъ управленіи все зависитъ отъ воззрѣнія лица одного, поставленнаго во главѣ департамента или канцеляріи; это влечетъ за собою не только произволъ, но непослѣдовательность и безпорядки, потому что опытность, хранящаяся въ прошедшихъ дѣлахъ, совсѣмъ утрачивается [1]). Это все удаляетъ отъ основныхъ началъ истинно монархическаго учрежденія. Чарторыйскій все это выслушивалъ, но говорилъ самъ очень мало.

Въ тотъ же вечеръ я повторилъ всѣ мои доводы у Новосильцова въ совѣщаніи, при чемъ присутствовали также князь Чарторыйскій, графъ Строгановъ и графъ Кочубей, но не могъ однако ихъ убѣдить въ правильности моихъ взглядовъ. На всѣ мои доводы они возражали единственно тѣмъ, что Положеніе о министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и сопровождавшая оное записка удостоились высочайшаго утвержденія въ іюлѣ 1803 года, и указывали при этомъ на преимущества управленія путемъ канцелярій и департаментовъ предъ управленіемъ коллегіями. Тѣмъ не менѣе я остался при своемъ, находя, что воззрѣнія моихъ противниковъ имѣютъ слабыя основанія и покоятся болѣе на софизмахъ, въ основательности которыхъ легко убѣдиться, сопоставивъ ихъ съ сильными доводами Петра Великаго, высказанными имъ въ предисловіи къ генеральному регламенту [2]). Но всѣ эти господа, высказавъ

---

[1]) Эти не вполнѣ ясныя строки должны по всей вѣроятности выражать ту мысль, что коллегія (т. е. присутствіе изъ нѣсколькихъ лицъ), весьма рѣдко измѣняемая въ своемъ полномъ составѣ одновременно, руководствуется болѣе однообразными правилами при рѣшеніи дѣлъ, нежели одно лицо; болѣе или менѣе сохраняетъ преемственность въ своихъ стремленіяхъ, лучше знаетъ прошлое своей дѣятельности и настойчивѣе въ своихъ взглядахъ, нежели отдѣльное лицо, поставленное во главѣ учрежденія, съ устраненіемъ котораго исчезаютъ и его стремленія, взгляды и познанія.

[2]) Розенкампфъ очевидно имѣетъ въ виду Генеральный Регламентъ Петра Великаго 28 февр. 1720 г. (№ 3534 П. С. З.), въ которомъ была особая глава (2-я) о преимуществахъ коллегій.

уже однажды всѣ эти свои взгляды передъ государемъ, и не расположены были отступиться отъ нихъ, всего менѣе графъ Кочубей, потому что на этомъ одномъ было основано расширеніе предоставленной ему власти. Я также очень хорошо зналъ, что истиннымъ творцомъ этого преобразованія былъ служившій у Кочубея М. М. Сперанскій, пользовавшійся у него большимъ значеніемъ и большимъ вліяніемъ, который былъ также заинтересованъ въ томъ, чтобы ниспровергнуть совершенно всю старую систему коллегіальнаго управленія и ввести управленіе департаментское. Все это я зналъ, но уповалъ еще на силу доводовъ, на интересы въ пользу самаго дѣла и наконецъ на убѣжденія самого государя; но въ этомъ я ошибся.

Скоро я еще болѣе убѣдился въ томъ, что императора склонили въ пользу министерствъ и что цѣль, для которой я собственно былъ вызванъ, была отодвинута рѣшительно на задній планъ. Если бы Новосильцовъ ранѣе меня объ этомъ поставилъ въ извѣстность, то я имѣлъ бы ранѣе случай наглядно изложить основанія моихъ воззрѣній, теперь же это все было уже поздно. Новосильцовъ, а также Чарторыйскій и Строгановъ, не считали коллегіи главными частями въ устройствѣ министерствъ, какъ это implіate [1]) было выражено въ манифестѣ 8-го сентября, и даже не желали сохранять ихъ далѣе; не упоминая о коллегіяхъ во всемъ ихъ объемѣ, они содѣйствовали тому, что старая система была низвергнута. Воззрѣнія ихъ были шатки до чрезвычайности. Графъ Кочубей убѣдилъ ихъ и всѣ трое полагали, что иначе и быть не можетъ; они думали, что иначе министерства и существовать не могутъ, какъ по образцу французскому, хотя уже въ то время министерства по учрежденію 8-го сентября 1802 г. существенно отличались отъ французскаго. Это отличіе являлось своеобразнымъ, основнымъ, твердымъ правиломъ, которое отнюдь не надлежало колебать и низвергать.

Мнѣ предстояло теперь или, рѣшительно отрѣшившись отъ всего, возвратиться къ себѣ въ Лифляндію, или попытать еще разъ явиться его величеству. Но скоро спокойное обсужденіе показало мнѣ, что, поступая такимъ образомъ, я ставлю на карту всю мою будущность и, тѣмъ не менѣе, изъ этого для пользы дѣла ничего не выйдетъ, коль скоро его величество окажется инаго по этому вопросу со мною мнѣнія. Козодавлевъ, съ которымъ я говорилъ о моихъ воззрѣніяхъ, хотя и склонялся на мою сторону, но тѣмъ не менѣе находилъ, что такъ какъ недавно, по крайней мѣрѣ въ отношеніи министерства внутреннихъ дѣлъ, было принято противоположное моему воззрѣніе, то теперь едва-ли можно осуществить высказываемые мною взгляды.

---

[1]) Т. е. не ясно, неопредѣленно, включительно въ чемъ-нибудь.

Кромѣ того онъ мнѣ замѣтилъ, что ни одно изъ выше названныхъ мною лицъ не изучило основательно все дѣло. Мнѣ не возможно было ему не замѣтить, что если мои основанія не будутъ приняты, то учрежденіямъ государства и его управленію будутъ предстоять большія перемѣны, которыя всѣ трудно предусмотрѣть. Чѣмъ болѣе я размышлялъ объ этомъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался въ правильности моего мнѣнія, которое оправдалось и временемъ. Я не могъ себя упрекнуть, что не настаивалъ, на сколько могъ, на моемъ мнѣніи, но если бы былъ въ состояніи все предвидѣть, то попытался бы написать подробно его величеству. Все это мнѣ казалось тѣмъ болѣе страннымъ, что мнѣ очевидно было, что авторъ записки министра внутреннихъ дѣлъ, при ея составленіи, несомнѣнно имѣлъ предъ глазами мои предположенія, основныя начала которыхъ и опровергалъ, при чемъ держался противоположныхъ, которыя я въ свою очередь могъ также легко опровергнуть.

Новосильцовъ уклонялся отъ дальнѣйшихъ со мною объясненій о моемъ проектѣ и при каждой встрѣчѣ говорилъ единственно о планѣ новой законодательной коммиссіи. Онъ сообщилъ мнѣ, что его величество неоднократно начиналъ съ нимъ говорить объ этой коммиссіи, что министръ юстиціи вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ (каковымъ былъ назначенъ въ это время Новосильцовъ) должны составлять дирекцію этой коммиссіи, и что его величество, находя Державина (въ то время министра юстиціи) не соотвѣтствующимъ для этихъ новыхъ занятій, призналъ нужнымъ назначить министромъ юстиціи князя Лопухина [1]), пребывавшаго въ то время въ Парижѣ.

Такимъ образомъ единственнымъ предметомъ моихъ занятій являлось составленіе проекта устройства новой законодательной коммиссіи. Новою, побудительною причиною къ устройству такой коммиссіи явилось появленіе на французскомъ языкѣ, въ переводѣ Дюмона [2]), съ до-

---

[1]) Лопухинъ Петръ Васильевичъ, р. 1753 г., былъ при Екатеринѣ II генералъ-губернаторомъ ярославскимъ и вологодскимъ, при Павлѣ I генералъ-прокуроромъ, а при Александрѣ I—министромъ юстиціи и предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Возведенный въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости въ 1799 году, онъ умеръ въ 1827 году.

[2]) Дюмонъ Петръ-Стефанъ, р. въ Женевѣ 18-го іюля 1759 г., былъ протестантскій пасторъ и замѣчательный проповѣдникъ, жившій въ Петербургѣ, Парижѣ и Лондонѣ, гдѣ близко сошелся съ Фокомъ, Шериданомъ и особенно съ Бентамомъ; онъ раздѣлялъ всѣ взгляды и ученія послѣдняго и старался очень о ихъ распространеніи. Съ этою цѣлью онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ въ 1809 году. Возвратясь въ Женеву въ 1814 г., Дюмонъ сложилъ съ себя духовное званіе, сдѣлался членомъ представительнаго правленія и умеръ 29-го сентября 1829 г. въ Миланѣ.

полненіями, сочиненія Бентама [1]) о законодательствѣ. Дюмонъ, ранѣе уже пользовавшійся большимъ расположеніемъ общества, какъ прекрасный проповѣдникъ реформатской церкви въ Петербургѣ, обладалъ большимъ краснорѣчіемъ и умомъ. Позднѣе онъ былъ приглашенъ въ Англію руководить воспитаніемъ сына богатаго лорда, а затѣмъ, появившись снова въ Петербургѣ, распространялъ сочиненія и взгляды знаменитаго Бентама и въ особенности его предположеніе основать на общихъ философскихъ началахъ законодательство и кодификацію. Дюмонъ былъ представленъ Новосильцову, Строганову, Чарторыйскому и поднесъ имъ свой переводъ означеннаго сочиненія Бентама. Означенныя лица пожелали имѣть и мое мнѣніе объ этой книгѣ. Я прочелъ ее, кромѣ того лично познакомился и встрѣчался съ ея издателемъ Дюмономъ у его племянника Френа (Fraen), также и Дюваля, очень почтенныхъ и достойныхъ уваженія людей, которыхъ я часто посѣщалъ и ранѣе съ большимъ удовольствіемъ и былъ очень радушно ими принятъ. Графъ Строгановъ пригласилъ меня однажды къ себѣ къ обѣду въ его саду вмѣстѣ съ Дюмономъ, имѣвшимъ при этомъ случай подробно изложить всѣ свои взгляды, а также и теорію Бентама. Примѣненіе этихъ теорій на дѣлѣ нигдѣ конечно не являлось большею историческою выдумкою, какъ въ Россіи. Едва-ли въ Россіи возможно было содержаніе дѣйствующаго русскаго законодательства изложить и разъяснить по началамъ, предлагаемымъ Бентамомъ. Книга Дюмона въ томъ видѣ, какъ она лежала предъ нами, являлась невозможною для чтенія и совершенно непонятною для русскаго историческаго міра [2]). Самый языкъ русскій, въ то время, не разработанный еще для изложенія философскихъ и юридическихъ опредѣленій и выраженій, являлъ непреодолимыя къ тому препятствія, хотя нельзя не замѣтить, что

---

[1]) Бентамъ Іеремій, р. 15-го февраля 1748 г., умеръ 1832 г., знаменитый англійскій публицистъ и философъ, въ основаніе всей своей системы положившій начало пользы. Его сочиненія были изданы на французскомъ языкѣ Дюмономъ и нашли почитателей среди наиболѣе вліятельныхъ людей того времени въ нашемъ отечествѣ. Кочубей, Салтыковъ, Чарторыйскій, Сперанскій и въ особенности Н. С. Мордвиновъ принадлежали къ ихъ числу.

[2]) Нельзя при этомъ не упомянуть, что по словамъ Дюмона Розенкампфъ былъ великій почитатель Бентама; онъ по моемъ пріѣздѣ, говоритъ Дюмонъ, поспѣшилъ увидѣться со мною, и мы много разъ съ нимъ бесѣдовали. Онъ нѣсколько поверхностенъ; но у него есть свѣдѣнія, и я полагаю, онъ могъ бы сносно вести редакцію, которую ему поручили, если бы имѣлъ мужество нѣсколько жертвовать своимъ самомнѣніемъ. Бѣда въ томъ, что онъ боится, что его назовутъ плагіаторомъ, если онъ будетъ пользоваться мыслями, которыя самъ не выдумалъ и т. д. (см. „Вѣстникъ Европы“ 1896 г. № 2, стр. 769—805 и слѣд.), статья А. Н. Пыпина „Русскія отношенія Бентама“.

вскорѣ явился опытъ перевода этого сочиненія на русскій языкъ [1]). Я съ большимъ удовольствіемъ видѣлся съ Дюмономъ, такъ какъ онъ былъ образованный человѣкъ, но не могъ усмотрѣть, какимъ образомъ проводимыя имъ начала могутъ быть имъ примѣнены при улучшеніяхъ, необходимыхъ для русскаго права вообще. Онъ, какъ я послѣ слышалъ, былъ этимъ не доволенъ, сердился на меня за это и позднѣе вручилъ Новосильцову, во время его пребыванія въ Лондонѣ, рѣзкую критику составленнаго мною плана трудовъ законодательной коммиссіи. Эти воззрѣнія Бентама, приводимыя Дюмономъ, являлись въ Петербургѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, предметомъ оживленныхъ разговоровъ образованнаго общества. Всѣ не упускали случая отдавать должную справедливость автору и его переводчику за ихъ великій талантъ, большое остроуміе и проницательность, съ которыми изложены многія отдѣльныя главы, составляющія съ теоретической стороны само по себѣ прекрасно разработанное цѣлое.

Въ Россіи неоднократно возникала рѣчь о составленіи новой книги законовъ. Потребность въ точно опредѣленномъ управленіи проявляется иногда и въ деспотическихъ странахъ; не рѣдко масса населенія полагаетъ, что все заключается въ одной книгѣ законовъ, не зная вовсе, что можетъ произвести подобная книга и что можетъ она (масса населенія) въ ней найти въ отношеніи собственныхъ ея правъ и улучшенія положенія, такъ какъ масса населенія не всегда знаетъ, въ чемъ собственно кроется зло. Что Петръ Великій сдѣлалъ для государства и что онъ именно хотѣлъ сдѣлать — извѣстно народу только въ самыхъ общихъ чертахъ и при томъ только по преданіямъ. О томъ, насколько различныя его правительственныя мѣропріятія сохранились въ основанныхъ имъ учрежденіяхъ, доселѣ существующихъ, знаютъ всего менѣе, такъ какъ со временъ Петра I не только Петербургъ, но и вся Россія до того измѣнились, что изъ существовавшаго при Петрѣ I почти ничего нельзя узнать въ настоящее время. Также о большой коммиссіи депутатовъ, созванной Екатериною II, и о знаменитомъ Наказѣ, составленномъ для нея великою императрицею изъ очень хорошихъ ис-

---

[1]) Вѣроятно, Розенкампфъ имѣетъ въ виду вышедшій на русскомъ языкѣ переводъ сочиненія Бентама „Traités de législation civile et penale", подъ заглавіемъ „Разсужденія о гражданскихъ и уголовныхъ законоположеніяхъ съ предварительнымъ изложеніемъ началъ законоположеній и всеобщаго начертанія полной книги законовъ и съ присовокупленіемъ опыта о вліяніи времени и мѣста относительно законовъ. Сочиненіе Бентама, переведенное Михаилъ Михайловымъ (вѣроятно Сперанскимъ?) съ прибавленіемъ дополненій, отъ Дюмона сообщенныхъ." По высочайшему повелѣнію въ 3-хъ томахъ. С.-Петербургъ, 1805 г. въ типографіи Шнора. Эта книга имѣется въ Императорской публичной библіотекѣ.

точниковъ и не безъ прилежнаго ихъ изученія, — масса публики едва-ли что помнитъ; только весьма немногіе могутъ основательно судить о нихъ. Отъ одного правительства до другаго издавались отдѣльныя узаконенія, не составляющія одного законченнаго цѣлаго, а теперь, при молодомъ государѣ, подающемъ прекрасныя надежды, снова возникли въ большомъ размѣрѣ различнаго рода ожиданія, и болтуны нашли себѣ новый обильный матеріалъ для громкихъ разговоровъ. Такъ какъ слова государя и окружавшихъ его лицъ быстро распространялись въ публикѣ, а въ этихъ словахъ не рѣдко упоминалось и мое имя, то благодаря этому и мое положеніе обратило на себя вниманіе публики.

Послѣдній мой разговоръ съ его величествомъ въ особенности увеличилъ мои заботы о возложенномъ на меня порученіи. Въ то время я еще не зналъ ни государя, ни вообще положенія дѣлъ въ той мѣрѣ, въ какой имѣлъ случай изучить то и другое позднѣе, но тѣмъ не менѣе имѣлъ достаточно основаній къ тому, чтобы болѣе опасаться за прекрасную цѣль, которой посвятилъ всю свою жизнь, нежели надѣяться достигнуть желаннаго успѣха. Но какъ люди вообще никогда не перестаютъ надѣяться, то и я слѣдовалъ тому же и приложилъ всѣ свои силы, чтобы съ наибольшею дѣятельностью подвигаться впередъ при исполненіи возложеннаго на меня новаго порученія. Осень является благопріятнымъ для такихъ работъ временемъ. Мои покровители возвратились въ городъ со своихъ дачъ, и я, вполнѣ погрузившись въ работы, пересталъ даже думать о той запискѣ, о которой намекнулъ мнѣ его величество въ послѣднемъ разговорѣ. Между тѣмъ 3-го ноября вдругъ пріѣзжаетъ ко мнѣ фельдъегерь, который, вручивъ мнѣ пакетъ съ надписью рукою его величества, сообщилъ мнѣ, что получилъ приказаніе вернуться ко мнѣ по истеченіи недѣли, чтобы получить обратно присланное съ нимъ и доставить его величеству, который изволилъ отправиться въ Царское Село.

Этотъ пакетъ меня очень обрадовалъ; онъ доказывалъ, что государь помнилъ о разговорѣ со мною, такъ какъ въ пакетѣ заключалась, по-видимому, та записка Лагарпа, которую его величество выразилъ намѣреніе прислать мнѣ. Новосильцовъ, ранѣе упомянувъ мнѣ о ней, находилъ, что записка имѣетъ слишкомъ либеральное направленіе. Я прочелъ ее съ большимъ вниманіемъ. Авторъ высказывалъ въ ней свои воззрѣнія на обязанности русскаго властителя, который долженъ вывести подвластные ему народы изъ крѣпостной зависимости, привести ихъ къ законно-правому порядку, преобразовать многія учрежденія и законы и прилагать всѣ свои силы и наибольшую настойчивость къ осуществленію этой возвышенной цѣли, которая одна уже доставитъ ему безсмертіе и душевное спокойствіе. Авторъ писалъ съ великою

откровенностію и ничѣмъ не стѣсняясь. Но видимо зналъ Россію во всѣхъ ея отношеніяхъ очень мало; внутреннее положеніе государства было также ему не извѣстно, но основныя начала государственнаго строя имперіи, а также ея управленія были ему въ общихъ чертахъ довольно хорошо знакомы. Любовь и наклонность автора къ централизаціи вообще, къ господствовавшимъ идеямъ того времени, и въ особенности къ французской централизація, проглядывали въ каждой строкѣ. Онъ не оставилъ безъ вниманія и затрудненій, представляемыхъ внутренними обстоятельствами и отношеніями страны къ достиженію государемъ указанныхъ имъ цѣлей. Все это имѣло безспорно свою цѣну, и записка имѣла, безъ сомнѣнія, большое вліяніе на воззрѣнія Александра I. Если онъ впослѣдствіи едва-ли остался ей вѣренъ, то, тѣмъ не менѣе, произведенныя ею на императора впечатлѣнія не остались безслѣдными для того времени и даже для будущаго. Чрезъ восемь дней точно явился ко мнѣ фельдъегерь снова, и я возвратилъ съ нимъ записку его величеству, при слѣдующемъ краткомъ письмѣ:

«Ваше величество соизволили доставить мнѣ большое удовольствіе чтеніемъ прилагаемой интересной записки. Я совершенно согласенъ съ изложенными въ ней началами и чувствами автора, которому завидую, но впрочемъ въ запискѣ встрѣчаются взгляды объ устройствѣ административныхъ властей, которые я не могу вполнѣ раздѣлять. Пребываю у ногъ вашихъ».

Взявъ изъ архива бывшей законодательной коммиссіи необходимыя для меня бумаги, я сталъ заниматься проектомъ устройства новой законодательной коммиссіи, и работа моя настолько быстро подвигалась впередъ, что скоро было приступлено къ ея разсмотрѣнію моими благожелателями. Новосильцовъ, Строгановъ и Чарторыйскій относились очень благосклонно и терпѣливо ко всѣмъ моимъ вопросамъ и разъясненіямъ. По поводу доклада его величеству о какихъ-то двухъ канцелярскихъ чиновникахъ и переписчикахъ, я узналъ, что государь императоръ освѣдомлялся, насколько подвинулась уже моя работа. Въ началѣ декабря мой проектъ былъ готовъ и представленъ совсѣмъ Новосильцову. Согласно полученному мною ранѣе приказанію его величества, я заготовилъ одновременно и другой экземпляръ этого проекта и вручилъ его въ секретаріатѣ, бывшемъ передъ царскимъ кабинетомъ. Его величество не находился въ кабинетѣ, а потому я оставилъ мой проектъ камеръ-лакею для представленія его величеству, при слѣдующихъ строкахъ: «Согласно приказанію вашего императорскаго величества, пріемлю смѣлость представить проектъ учрежденія коммиссіи и планъ ея занятій для составленія законовъ».

Чрезъ нѣсколько дней я узналъ отъ Новосильцова, что онъ докладывалъ государю императору мой проектъ и что таковой съ незначи-

тельными измѣненіями удостоился вообще одобренія его величества. Такимъ образомъ предстояло только изложить эти измѣненія и исполнить прочія формальности. Государь предоставилъ все это сдѣлать Новосильцову. Передъ самымъ новымъ годомъ или немедленно послѣ его наступленія долженъ былъ состояться послѣдній докладъ, а затѣмъ послѣдовать и самое обнародованіе утвержденнаго проекта. Такимъ образомъ самое существенное дѣло было окончено. Однако различныя, отдѣльныя подробности, относительно устройства помѣщенія для новой коммиссіи и содержаніе онаго заняли болѣе времени, нежели я предполагалъ, въ продолженіе котораго князь Лопухинъ, возвратившійся изъ своего заграничнаго путешествія, былъ назначенъ министромъ юстиціи. Это побудило Новосильцова вмѣстѣ со мною поѣхать къ князю и познакомить его съ составленнымъ проектомъ. Князю Лопухину было уже извѣстно, что его величество остался доволенъ моею работою, и онъ соглашался со всѣмъ, мною изложеннымъ.

Лопухину было по моему мнѣнію въ то время лѣтъ 60; онъ обладалъ очень красивою наружностью и постоянно веселымъ словомъ и запасомъ забавныхъ анекдотовъ. Онъ постоянно говорилъ о себѣ «я добрый малый», что во многихъ отношеніяхъ было вѣрно. Однако общество, публика почему-то его не долюбливали. Фамилія Лопухиныхъ татарскаго происхожденія[1]); по разнымъ историческимъ спискамъ XV столѣтія одинъ изъ ея членовъ переселился въ Россію и принялъ христіанскую вѣру. Князь происходилъ, по боковой линіи, отъ извѣстнаго въ Петровскія времена семейства Лопухиныхъ, изъ среды котораго была избрана первая супруга Петра Великаго, мать несчастнаго царевича Алексѣя и бабка Петра II. При дѣтяхъ императрицы Екатерины I эта фамилія не была въ чести и милости, но ей возвращены были отобранныя ранѣе имѣнія. Во времена Екатерины II существовалъ одинъ потомокъ этой вѣтви, именно сенаторъ Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ[2]), покровитель религіозныхъ воззрѣній, ревностный мартинистъ, щедрый благотворитель бѣднымъ, подаяніями разстроившій свое состояніе. Онъ пользовался большою извѣстностью въ Россіи. Князь Лопухинъ принадлежалъ къ другой вѣтви того же семейства, не столь богатой. Еще будучи унтеръ-офицеромъ гвардіи, онъ стоялъ однажды въ 1763 году на караулѣ въ Ригѣ, во время пребыванія императрицы,

---

[1]) Самое названіе происходитъ отъ татарскаго слова—лопухъ.
Примѣч. Розенкампфа.

[2]) Лопухинъ Иванъ Владиміровичъ, р. 1756 г., внукъ царицы Евдокіи, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ дѣятелей масонства въ Москвѣ, былъ сенаторомъ, отличался сострадательностью и непреклонностью мнѣній въ пользу смягченія участи преступниковъ. Онъ авторъ нѣкоторыхъ философско-религіозныхъ сочиненій. Лопухинъ умеръ въ 1816 году.

и герцогъ Биронъ, находившійся въ передней комнатѣ, обративъ вниманіе на красиваго молодаго солдата, заговорилъ съ нимъ по-русски. Лопухинъ, служившій ранѣе рядовымъ въ Лифляндіи и владѣвшій довольно порядочно нѣмецкимъ языкомъ, отвѣтами своими понравился герцогу, который и рекомендовалъ его императрицѣ. Она скоро произвела Лопухина въ офицеры гвардіи, а затѣмъ онъ скоро дослужился до чина полковника. Вступивъ въ бракъ съ богатою особою, Лопухинъ вышелъ въ отставку бригадиромъ. Позднѣе онъ снова вступилъ въ службу и былъ оберъ-полиціймейстеромъ въ Петербургѣ, а затѣмъ и губернаторомъ въ Москвѣ. Государыня очень подозрѣвала, что и онъ принадлежитъ къ мартинистамъ или масонамъ, удалила его изъ Москвы, назначивъ генералъ-губернаторомъ въ Ярославль. Во время пребыванія Лопухина въ Москвѣ, при коронованіи Павла I, красивая дочь его, позднѣе вышедшая въ 1805 году за князя Гагарина, очень понравилась молодому императору. Лопухинъ прибылъ въ Петербургъ, былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ, пожалованъ графомъ, потомъ княземъ и орденомъ св. Андрея Первозваннаго, одаренъ большими помѣстьями и украшенъ портретомъ императора. По удаленіи Державина, Лопухинъ былъ назначенъ министромъ юстиціи и отправлялъ эту должность до 1810 года, когда былъ назначенъ предсѣдателемъ департамента законовъ Государственнаго Совѣта, и наконецъ и предсѣдателемъ общаго собранія Государственнаго Совѣта, послѣ кончины князя Салтыкова. Кромѣ того Лопухинъ былъ возведенъ въ число особъ перваго класса и былъ фельдмаршаломъ. По его собственнымъ словамъ, онъ родился въ 1746 году, по словамъ же Н. Новикова—въ 1744 году. Мнѣ придется впослѣдствіи не разъ упоминать объ этомъ лицѣ, занявшемъ, какъ министръ юстиціи, также почетное мѣсто предсѣдателя въ дирекціи законодательной коммиссіи, въ которой главнымъ начальникомъ и руководителемъ ея дѣятельности былъ Н. Новосильцовъ. Отъ самого императора я лично не получалъ никакихъ указаній по дѣламъ коммиссіи.

Всѣ предварительныя распоряженія по открытію означенной коммиссіи не могли быть окончены ранѣе февраля мѣсяца 1804 г., и только 28-го числа этого мѣсяца она приступила къ своимъ занятіямъ, когда былъ посланъ Сенату указъ о ея учрежденіи вмѣстѣ съ приложеніями для ихъ распубликованія.

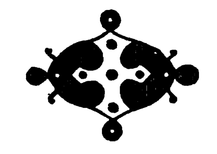
Помѣщеніе для коммиссіи было пріискано какъ разъ противъ дома Козодавлева, это обстоятельство дѣлало для меня еще пріятнѣе прекрасное помѣщеніе, тѣмъ болѣе, что и мой другъ Кампенгаузенъ [1]) жилъ также въ домѣ Козодавлева.

[1]) Кампенгаузенъ, баронъ Балтазаръ Балтазаровичъ, р. въ 1772 году въ Лифляндіи, обучался въ Лейпцигѣ и Геттингенѣ, состоялъ при нашемъ

Мѣсяцы мартъ и апрѣль прошли въ перевозкѣ въ это помѣщеніе архивовъ прежнихъ законодательныхъ коммиссій, а также въ различныхъ приспособленіяхъ къ предстоящимъ занятіямъ вновь учрежденной коммиссіи составленія законовъ.

П. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

посольствѣ въ Стокгольмѣ въ 1796 году, а позднѣе завѣдывалъ коммерческимъ училищемъ въ Москвѣ, былъ государственнымъ казначеемъ въ 1810 г. и въ 1811 г.—назначенъ сенаторомъ и членомъ Государственнаго Совѣта. Въ 1823 г. онъ назначенъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, но въ томъ же 1823 году сентября 11-го умеръ.

Бытовые очерки В. П. Лободовскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I [1]).

Былъ жаркій іюньскій день. На небѣ ни одного облачка, въ воздухѣ ни малѣйшаго движенія, равно какъ и звука. Раскаленные лучи солнца, сдѣлавшагося похожимъ на громадный огненно-красный шаръ, немилосердно жгли природу, и все въ ней куда-то припряталось, притаилось и какъ бы замерло. Только царь земли, неугомонный человѣкъ, вѣчно гонимый нуждою и житейскими заботами, изрѣдка подавалъ о себѣ голосъ то доносившимися съ большой дороги, прерывистыми звуками колокольцевъ, то отбиваньемъ и клепаньемъ косъ въ полѣ, то пѣсною, гдѣ-то начатою рабочимъ людомъ для подзадориванія себя, но почти тотчасъ же порывавшеюся, очевидно, отъ истощенія силъ. Въ такую жару по большой дорогѣ, въ пяти верстахъ отъ губернскаго города N., показалась партія, человѣкъ въ десять, молодыхъ здоровыхъ людей, одѣтыхъ по-господски. Это были студенты академіи, друзья Перепелкина, пожелавшіе проводить его до постоялаго двора, содержимаго отставнымъ солдатомъ Родіономъ Куликомъ. Этотъ Куликъ, поселившійся здѣсь лѣтъ десять тому назадъ и неизвѣстно отчего разбогатѣвшій, ежегодно ходилъ лѣтомъ пѣшкомъ на поклоненіе угодникамъ московскимъ и преподобному Сергію, какъ говорили въ народѣ, для отмаливанія тайныхъ своихъ грѣховъ. За недѣлю раньше, закадычный другъ Перепелкина, хохолъ Ничипоренко, нарочно ходилъ къ нему справляться, когда онъ отправляется въ путь и не приметъ ли въ спутники Перепелкина, которому путь также лежитъ черезъ Москву. Куликъ былъ

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1904 г.

радъ такому спутнику и согласился даже подождать немного, если будетъ нужно, пока Перепелкинъ справится съ своими дѣлами.

Кулику было 65 лѣтъ, но на видъ никто бы не далъ ему болѣе 50: такъ онъ былъ и свѣжъ, и крѣпокъ, и здоровъ. Жена его, рослая и полная женщина, тоже нисколько не походила на старуху въ 60 лѣтъ, какъ ей теперь было. У нихъ было только двое дѣтей: горбатая дочь, дѣвица, родившаяся еще до поступленія Кулика въ службу и казавшаяся теперь на видъ старше матери, да сынъ, гигантскихъ размѣровъ человѣчина, родившійся гораздо позже сестры, когда Куликъ приходилъ въ побывку къ женѣ. Отецъ и мать почти не вмѣшивались въ дѣла хозяйственныя, которыми исключительно орудовала дѣвица-горбыль, Алексаша, какъ наиболѣе интеллигентная сила въ семействѣ, весьма, впрочемъ, неглупомъ и въ полномъ своемъ составѣ. Алексаша была лихая, какъ говорили, счетчица на счетахъ и умственно, знала цыфирь и кое-какъ мараковала грамотѣ, такъ что дѣлаемыя ею какими-то, ни для кого непонятными іероглифами, записи по содержанію постоялаго двора, а, главное, по отпуску въ долгъ сѣна и овса обознымъ возчикамъ, она во всякое время читала безъ затрудненія и совершенно вѣрно, какъ могъ припомнить каждый, попавшій въ ея большую записную и зашнурованную книжку. Она же знала хорошо примѣты всѣхъ дней и атмосферныя и всегда подавала будто бы вѣрные совѣты, что можно и должно предпринять когда и чего нельзя. Сверхъ того слыла знахаркой и лѣкаркой и немало денегъ выручала этимъ ремесломъ съ обозныхъ и другихъ проѣзжихъ и прохожихъ. Говорили, что лихоманку заговаривала она на водѣ, змѣевикъ—на углѣ, а боль подъ ложечкой уничтожала, будто бы навсегда, тѣмъ, что давала носить ладанку, наполненную высохшими и растертыми въ порошокъ неизвѣстными травами.

— Съ этой силой, любезный дружище, надо считаться, если хочешь имѣть спутникомъ Кулика,—предостерегалъ Перепелкина Ничипоренко: не понравишься ей, шельмѣ, заподозритъ что-нибудь не доброе, скажетъ отцу примѣту, и тогда все кончено.

Дѣло и дѣйствительно могло бы разстроиться, если бы сообразительный Ничипоренко заблаговременно не смекнулъ, какъ его поправить.

Когда Перепелкинъ заявилъ, что онъ желалъ бы сегодня же, часовъ черезъ шесть, передъ закатомъ солнца, выйти, чтобъ на холодкѣ поспѣть на ночлегъ въ близкую деревню, Алексаша, несмотря на выраженное тотчасъ же согласіе старика, съ негодованіемъ запротестовала противъ этого и, подозрительно осмотрѣвъ съ ногъ до головы всѣхъ, стала перешептываться съ матерью и, наконецъ, ни съ того, ни съ

сего заявила, что это, дескать, еще вилами писано, пойдетъ или не пойдетъ на этой недѣлѣ старикъ.

— Вонъ и сѣно еще едва-ли сегодня на одной полосѣ уберутъ, а на другой докосятъ. А эта примѣта не къ добру,—сказала она, сурово смотря на старика.

— А далеко у васъ косятъ?—спросилъ Ничипоренко, комбинируя въ своемъ умѣ планъ, который долженъ былъ ниспровергнуть неожиданную преграду задуманному предпріятію.

— Да тутъ, за околицей. Пожалуй и версты не будетъ,—живо отвѣчалъ старикъ, какъ будто догадываясь о счастливомъ разрѣшеніи сомнительнаго и спорнаго пункта.

— Такъ мы живо уберемъ вамъ сухое сѣно и скосимъ свѣжее, только давайте косъ и грабель намъ по числу насъ,—сказалъ Ничипоренко, самъ лихой косарь, какъ оказалось черезъ часъ.

Ихъ снабдили всѣмъ, что нужно, и Алексаша, въ восторгѣ отъ этого предложенія, сама повела такихъ невиданныхъ косцовъ на свое поле. Тамъ на одной полосѣ косило три косца, а на другой раньше скошенную и уже хорошо высохшую траву сгребали пять женщинъ, складывая ее въ копны. Работы оставалось у тѣхъ и у другихъ еще много, которой не только до вечера, но на другой день, можетъ быть, они не окончили бы еще.

— Раззудись плечо, размахнись рука!—командовалъ Ничипоренко, идя во главѣ сильныхъ косцовъ, снявшихъ съ себя сюртуки, жилеты и галстухи, и въ лоскъ валившихъ траву широкой полосой, такъ что прежніе косцы, начавшіе косить съ другаго конца, увидѣли скоро, что имъ придется положить косы и, разинувъ рты отъ удивленія, любоваться на такихъ невиданныхъ и неожиданныхъ помощниковъ.

Бабы тоже сбѣжались сюда и кричали: «помогите и намъ, поповичи, совсѣмъ мы выбились изъ силъ».

— А вотъ тутъ кончимъ,—говорилъ неутомимый Ничипоренко,—и въ ту же минуту, безъ отдыха, къ вамъ, а вы теперь повеличайте насъ пѣснями.

Бабы зазвенѣли пискливыми голосами величанія, въ которыхъ слышались и «ясные соколы», и «красныя солнышка», и «души архангельскія» и даже «ходебщики Божіи». Всѣхъ усерднѣе пищала молодка, лѣтъ 17—18, но имѣвшая тутъ же, подъ копной сѣна, двухъ малютокъ-близнецовъ, родившихся въ полѣ, за работой, только десять дней тому назадъ. Мужъ ея, курчавый красивый парень, былъ тутъ же на покосѣ.

Когда студенты, покончивъ косьбу, перешли на бабью полосу для уборки сѣна, молодка, припавъ къ землѣ, кормила изъ тощей груди одного малютку-близнеца, а другой сосалъ или, быть можетъ, только

держалъ пока во рту грязную соску, поминутно безпокоимый мухами, со всѣхъ сторонъ насѣдавшими на него, несмотря на помахиванія матери.

— Вонъ она, черноземная-то сила, какъ выростаетъ!—говорили студенты, всматриваясь на представшее предъ ними зрѣлище.

— И тебѣ не стыдно и не грѣхъ таскать на работу жену, когда она только десять дней какъ родила?—обратились съ укорами многіе къ мужу молодки.

— Теперь что! На другой день послѣ родовъ норовила идти на работу... ну, удержалъ. На третій—вотъ-те Христосъ!—не пущалъ, такъ убѣгомъ ушла съ ребятами, и какъ ни гналъ съ поля, ничего не могъ подѣлать: стала робить.

— Намъ-ли, голышамъ, прохлаждаться,—затараторила разбитная бабенка: когда у насъ ни кола, ни двора, а изъ лопоти (по-нашему, похохлацки—худоба, замѣтилъ Ничипоренко Перепелкину) только и есть, что на насъ, а остальное или въ закладѣ, или продано!

— Такъ зачѣмъ же вы поженились, когда оба такіе бѣдные?

Мужики и бабы захохотали въ голосъ. Даже суровая Алексаша-горбыль взвизгнула.

— Чтобъ вамъ пусто было! какіе вы смѣшные,—замѣтила черноглазая, лѣтъ подъ 30, бабенка: зачѣмъ поженились вишь! Знамо дѣло, слюбились и поженились... а то какже?—обратилась она съ вопросомъ къ студентамъ, подбоченясь и заливаясь самымъ забористымъ смѣхомъ, на который дружно вторили и всѣ остальные.

Бабью работу студенты шутя покончили еще скорѣе, чѣмъ мужичью, и весело занялись болтовней съ рабочими.

— А смотри, Петруха,—обратилась молодка къ мужу,—легшему возлѣ малютокъ-двойней и заботливо сгонявшему съ нихъ мухъ: какъ бы горбатая не объегорила насъ.

— Какъ такъ?—спросили студенты.

— А не засчитаетъ этого дня, скажетъ, поповичи сработали вашей работы на цѣлый день. И ничего не подѣлаешь: мы, вѣдь, въ кабалѣ у нихъ, да и не мы одни, а, почитай, весь поселокъ, потому сила и насчетъ денегъ, и насчетъ власти. Попробуй спорить—голодомъ изморятъ: ни денегъ, ни хлѣба не дадутъ въ займы, когда придетъ нужда, а заложить ужъ нечего больше будетъ.

Горбатая ушла раньше, и потому разговоры на эту тему пошли пространные и откровенные, изъ которыхъ выяснилось, что поселившіеся тутъ Кулики «слопали всѣхъ посельчанъ» въ какихъ-нибудь десять лѣтъ. Прежде было въ поселкѣ четыре постоялыхъ двора и «всѣмъ былъ хлѣбъ», «всѣмъ было сыто», да и не державшіе постоялыхъ «добывали копѣйку съ прохожаго человѣка, торгуя по мелочамъ», «а

нонѣ—шабашъ: все прибрали къ рукамъ Кулики, все слопали одни». Державшіе постоялые дворы, потягавшись съ Куликами, кто сколько могъ, и предвидя окончательное, неминуемое разореніе, перебрались подальше на другія мѣста, а голытьба осталась на жертву Куликамъ и въ полной ихъ кабалѣ теперь, отрабатывая имъ долги въ рабочую дорогую пору, по цѣнѣ, какую заблагоразсудитъ уставить горбатая Куликова дочка.

Чтобы разсѣять уныніе, овладѣвшее, какъ было замѣтно, молодой четой, отъ одного предположенія о незачотѣ имъ этой работы, Перепелкинъ положилъ къ изголовью малютокъ рубль, къ которому и другіе студенты еще сколько-то, по мелочамъ, прибавили. Надо было видѣть радость этихъ юныхъ дѣтей природы, такъ рано обзаведшихся сразу семействомъ, чтобы составить себѣ понятіе о гнетущей ихъ бѣдности.

— Что же это такое намъ Богъ даетъ, Петруха?—говорила молодка, подбирая деньги со смѣхомъ и плачемъ.

Но Петруха и самъ недоумѣвалъ, какъ и откуда что, и только кланялся на всѣ стороны и глупо ухмылялся.

Отдохнувъ въ тѣни копенъ пахучаго свѣжаго сѣна, студенты, напутствуемые благодарностію и благопожеланіями рабочихъ, направились къ Куликамъ, гдѣ для нихъ уже готовъ былъ обѣдъ, заказанный ими предъ выходомъ на работу.

Когда они вошли въ комнату, у стариковъ происходилъ споръ съ горбатою изъ-за денегъ, которыхъ она не давала отцу на дорогу столько, сколько потребовалось по ихъ крайне умѣренному разсчету.

— И кому только ты, убогая, копишь,—сердито говорилъ старикъ изъ кладовой, гдѣ онъ собирался въ путь, пряча въ большой ранецъ бѣлье и вещи, и навѣшивая на солдатскій сюртукъ медали: вѣдь, надо же когда-нибудь околѣвать, а неправедно нажитое... Но тутъ ему зашикали жена и дочь, и онъ замолчалъ.

Немного погодя, онъ вошелъ къ гостямъ въ комнату и поставилъ на столъ двѣ бутылки наливки, отъ себя, какъ онъ выразился, въ дополненіе къ тѣмъ, которыя были поданы по заказу.

— Вотъ эта наливка,—говорилъ онъ, раскупоривая одну изъ принесенныхъ бутылокъ,—будетъ много получше той, что подала вамъ за деньги скупердя Алексашка: съ коихъ поръ берегъ ее для одного знатнаго господина, да не проѣзжалъ, такъ и осталась. Разопью теперь съ вами, господа поповичи, на радостяхъ, что все устроилось по Божьему и мы съ Саввой Саввичемъ сегодня же, подъ вечерокъ, побредемъ потихоньку, да полегоньку, въ путь-дороженьку.

Онъ налилъ себѣ и всѣмъ студентамъ по рюмкѣ, и когда всѣ выпили, и нашли, что эта наливка, дѣйствительно, много лучше проданной студентамъ, старикъ расходился и потребовалъ, чтобы Алексаша

замѣнила послѣднюю другой. Стихъ ли такой нашелъ на горбатую, или же старикъ былъ таковъ, что въ иныхъ случаяхъ и нельзя было ему противорѣчить, только Алексаша поспѣшно и безъ всякаго протеста и пререканій исполнила волю отца.

Здорово ѣли ребята послѣ хорошей мускульной работы, такъ что горбатая устала и едва поспѣвала носить и подбавлять имъ кушанья; но грѣхъ сказать, чтобъ они и пили мало. За двумя—тремя исключеніями, всѣ остальные любили выпить и къ концу обѣда были въ самомъ веселомъ настроеніи духа. Шумныя полились рѣчи. Перебрала молодежь всю свою убогую бурсацкую жизнь, съ любовью и сочувственнымъ волненіемъ останавливаясь на тѣхъ явленіяхъ, которыя были близки къ ея идеаламъ, и съ негодованіемъ, ненавистью и даже проклятіями относясь къ тѣмъ, которыя противорѣчили требованіямъ ихъ пока не испорченной и не зачерствѣвшей природы.

Начались тосты, сопровождаемые спичами.

— Сердечно я тебя полюбилъ, дружище, да и остальные всѣ, сколько тутъ насъ есть, я знаю, не меньше моего любятъ тебя,—обратился Ѳаворовъ растроганнымъ голосомъ къ Перепелкину:—много есть въ твоей натурѣ такого, что сразу можетъ привязать къ тебѣ иныхъ, какъ ты и видишь это на насъ, но есть не мало и того, что можетъ, если не оттолкнуть, то навѣрное, по крайней мѣрѣ, отдалить отъ тебя многихъ, а съ теченіемъ времени, пожалуй, и обратить ихъ въ непримиримыхъ враговъ. Нельзя не полюбить тебя за искренность, прямоту, правдивость и ту задушевность, съ которой ты относишься ко всему честному, доброму и благородному. Я за себя прибавлю еще: за необыкновенную любознательность, не останавливающуюся ни предъ какими преградами, за горячее стремленіе къ высокимъ цѣлямъ въ жизни, за чудную способность сразу проникать въ суть дѣла и правильно опредѣлять его характерныя черты. Я еще сказалъ бы: за наблюдательность и вѣрность въ пониманіи натуры людей, съ безошибочнымъ, сколько я могъ, въ теченіе года убѣдиться, указаніемъ того, что человѣкъ таитъ про себя, прикрываясь казовой стороной, но... Но тутъ уже начинаются твои отрицательныя свойства, благодаря которымъ у тебя всегда будутъ недоброжелатели и даже враги. Много требованій ты предъявляешь къ человѣческой природѣ, а она и сама по себѣ далека отъ совершенства, да и глубоко испорчена въ теченіе вѣковъ случайной побѣдою и преобладаніемъ въ ней дурныхъ ея инстинктовъ надъ добрыми. Вотъ ты, напримѣръ, отвернулся отъ товарища Липскаго, который къ тебѣ сильно было привязался, и отвернулся только за подмѣченную тобой въ немъ наклонность заискивать и лебезить предъ начальствомъ, а подумалъ ли ты о томъ, что эта черта быть можетъ унаслѣдована имъ, Богъ знаетъ, отъ какой давней, предъидущей гене-

раціи, и какъ бы ни опошлялась, переходя изъ рода въ родъ, но все-таки она имѣетъ свой raison d'être тамъ, гдѣ право сильнаго выше права человѣческаго, выше дѣйствующаго закона. Чѣмъ же тутъ виноватъ человѣкъ единично? Слѣдовательно, мѣрять всѣхъ и все на одинъ аршинъ несправедливо, это масштабъ совсѣмъ невѣрный: исключенія не составляютъ правила.

— Щырый хохолъ бильше жыве сердцемъ, чымъ головою, и колы одвернувся видъ кого, то значыть, есть въ тимъ чоловици що нибудь дуже негарне, або дуже не добре, що и почувъ сердцемъ хохолъ,— сказалъ Ничипоренко: у мене и самого не лежыть душа къ Лыпскому.

— Но ты, другъ мой, не совсѣмъ вѣрно понялъ причину моего нерасположенія къ Липскому,—обратился, наконецъ, Перепелкинъ къ Ѳаворову:—когда ухмыляется слабый сильному изъ одной только боязни за себя, чтобъ тотъ не раздавилъ его медвѣжьей пятой, то я могу только пожалѣть о немъ, а никакъ не ненавидѣть, потому, что для всякаго же тутъ ясно, что онъ дѣйствуетъ такъ по чувству самосохраненія, а этого инстинктивнаго чувства не чуждо ни одно изъ живыхъ существъ на землѣ. Но если онъ ухмыляется, да еще язвительно, и тогда, когда сильный, на его глазахъ, но ничѣмъ ему лично не угрожая, лягаетъ другаго, то, я думаю, ни въ одной честной душѣ не можетъ не заговорить, по меньшей мѣрѣ, чувство негодованія, если не полнаго отвращенія къ нему. Когда отсталый, а можетъ быть, уже и выжившій изъ ума, педагогъ глумился надо мной на экзаменѣ за излишнія мои познанія по преподаваемому имъ предмету, философіи, съуживая ея содержаніе до размѣровъ заскорузлаго міросозерцанія Іоанна, экзарха Болгарскаго, то не только поощрительный смѣхъ, но и самое невинное выраженіе сочувствія такому идіотскому мнѣнію въ глазахъ честныхъ интеллигентныхъ людей должно было считаться преступной пошлостію. Липскій даровитая личность и развитой человѣкъ, однако онъ такъ же усердно вторилъ смѣхомъ издѣвательствамъ профессора какъ и тѣ слабоумные, нисколько не заинтересованные въ наукѣ студенты, про которыхъ только можно сказать: «невѣдятъ бо, что творятъ».

— Правда, правда!—заговорили всѣ разомъ и горячо одобрили сказанное Перепелкинымъ.

— За все душевно честное!—кто-то провозгласилъ тостъ. Чокнулись и всѣ перецѣловались между собой.

— Пусть же правда преобладаетъ, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ дѣйствіяхъ разумныхъ людей!—провозгласилъ Ѳаворовъ, горячо пожимая руку Перепелкина.

Опять перечокались и перецѣловались всѣ между собою.

Но жаръ схлынулъ. Солнце пошло на закатъ. Старикъ Куликъ, въ солдатскомъ сюртукѣ и съ регаліями на немъ, явился и объявилъ, что

теперь, помолясь Богу, можно и въ путь отправиться. Онъ пригласилъ всѣхъ на свою половину и просилъ, по обычаю русскому, присѣсть. Самъ онъ усѣлся въ «красномъ углу», подъ божницею. Вскорѣ вошла сюда старуха, въ сопровожденіи горбуньи-Алексаши и громаднаго верзилы сына, Ѳаддея. Они также, по приглашенію старика, усѣлись. Всѣ молчали. Черезъ минуту старикъ всталъ, обратился къ образамъ и сдѣлалъ три земныхъ поклона, что̀ продѣлали остальные члены его семейства и всѣ студенты. Старикъ опять сѣлъ на прежнее мѣсто и попросилъ также студентовъ присѣсть. Началась сцена прощанія съ нимъ его домочадцевъ. Прежде всего старуха трижды земно ему поклонилась и потомъ троекратно, крестъ-на-крестъ, облобызалась съ нимъ, затѣмъ продѣлали то же самое сынъ и дочь.

— Ну, берегите добро, да не забывайте поберегать и души,—сказалъ старикъ какъ-то загадочно, въ волненіи.

Студенты учинили прощаніе съ Перепелкинымъ на крыльцѣ, и оно было такъ трогательно, что старуха и Алексаша, спокойно, не проронивъ ни одной слезы, продѣлавшіе церемонію прощанія со старикомъ, здѣсь, только какъ зрители прощанія между собою чужихъ людей, ни съ сего, ни съ того вдругъ разрюмились и заревѣли въ голосъ, что̀ вызвало слезы и у всѣхъ другихъ.

— Гдѣ бъ ни былъ ты, и что бъ съ тобою ни произошло, дружище, подавай намъ голосъ,—говорили растроганные товарищи Перепелкину: мы же тебя никогда не забудемъ.

Долго стояли они на крыльцѣ, провожая глазами уходившаго все далѣе и далѣе товарища, и кланялись ему и махали платками, когда онъ оборачивался назадъ, пока наконецъ не скрылся онъ за пригоркомъ. Уныло побрели они тогда въ городъ, гадая о томъ, что-то выйдетъ изъ этого симпатичнаго юноши, толкаемаго какъ бы судьбой куда-то и зачѣмъ-то.

— Савко, Савко, що то выйдетъ изъ тѐбе?—часто говорилъ Ничипоренко, на ходу оборачиваясь въ ту сторону, куда направился человѣкъ, которому онъ всей душой былъ преданъ.

А путники, полегоньку, да помаленьку, все подвигались, да подвигались впередъ. Нелегко было и у нихъ на душѣ, но новизна положенія и разнообразіе видовъ смягчили для Перепелкина тяжесть впечатлѣнія отъ прощанія съ друзьями.

Чудный готовился быть лѣтній вечеръ. Еще задолго до наступленія его, какъ только началъ спадать жаръ, все въ природѣ оживилось. И съ земли и съ воздуха понеслись звуки вмѣстѣ съ разнообразными ароматами полевыхъ цвѣтовъ и всякой другой растительности. Зажужжали комары, зачиликали воробьи, весело купаясь въ дорожной мелкой пыли; перепела забили, страстно откликаясь шавканьемъ на тихій призывъ

самокъ; закуковали кукушки, и дятлы застучали по дорожнымъ ракитамъ, добывая острымъ клювомъ лакомыхъ червяковъ изъ-подъ коры дерева.

Движеніе на дорогѣ стало увеличиваться. Кромѣ растянувшихся на цѣлыя версты обозовъ стали часто попадаться пѣшіе богомольцы и партіи рабочихъ. Кулика многіе узнавали. «Что, Родивонъ Пилипичъ, къ угодникамъ собрался, грѣхи отмаливать?—обращались нѣкоторые,—а мы ночевать-то у тебя: что въ городъ-то тащиться; у васъ повольготнѣе. Да и полѣчиться, слышь ты, надо у Алексашки».

— Милости просимъ, милости просимъ!—только твердилъ старикъ, чтобы отдѣлаться поскорѣе, такъ какъ онъ думалъ, что эти остановки не нравятся его спутнику.

Остановился среди дороги обозъ, и нѣсколько возчиковъ окружили Кулика. Пошли разспросы: почемъ овесъ, сѣно и дастъ-ли въ долгъ Алексашка.

— Эхма!—говорилъ долговязый мужичонко, почесывая затылокъ, спину и другія части тѣла съ такимъ усердіемъ, какъ будто ожидалъ получить награду за это: а я-то думалъ, Радивонъ Палипичъ постоитъ за меня, эка напасть какая! Топеря Алексашка живьемъ съѣстъ меня, значитъ: не токма рупъ долгу отдать, а и за овесъ заплатить нечѣмъ.

— Ничего, любезный, дастъ въ долгъ,—сказалъ старикъ,—торопясь отдѣлаться: ты только напомни ей, что, молъ, отецъ наказывалъ на прощаньи.

— Было попущеніе Божіе на насъ за мои грѣхи,—обратился старикъ къ Перепелкину, продолжая путь: сынъ-то мой Ѳаддей ни за что просидѣлъ въ острогѣ три года и только по манифесту ослобонили отъ Сибири. Наѣхали, слышь ты, извозчики. Алексашка и заведи споръ, а затѣмъ и ссору съ ними изъ-за долгу. Одинъ, такой лядащій на видъ, сперва лаялся какъ собака, а потомъ кинулся на Алексашку и давай ее душить. Ну, сбѣжались тутъ всѣ и отвели его. Черезъ минуту—гладь—слово за слово, онъ кинулся опять на нее съ ножомъ. Ѳаддей мой—ты видѣлъ, каковъ онъ собой—не будь глупъ, схватилъ его сзади въ охапку и только—вотъ передъ Богомъ—маленько сжалъ, всѣ видѣли, чуточку только эдакъ поприжалъ его и продержалъ—а онъ ёкъ, ёкъ, будто поперхнулся, а затѣмъ вытянулся, какъ пластъ и захрипѣлъ. Стали ставить на ноги—куды? повалился, какъ снопъ. Ну, всѣ показали, какъ было дѣло. Доктора потрошили его и сказали, что смерть приключилась отъ злости: больно злой, говорятъ, былъ, сердце и разорвалось отъ злости. Ну, что жъ? Ѳаддея все-таки посадили въ острогъ, а насъ три года таскали по судамъ. Много извели добра на это. А все, видишь, за наши грѣхи Богъ наказываетъ. Ѳаддей попла-

тился за мой грѣхъ. Былъ у насъ ротный, страшный звѣрюга, изъ нѣмцевъ, по фамиліи Оскаръ, а мы его промежь себя звали Пискарь. Много у насъ было злыхъ офицеровъ, но такого лютаго и не видывали: за все, про все въ зубы и кулаками, и каблуками, и всѣмъ, что попадетъ подъ руку. А пѣна, какъ у бѣшеной собаки, такъ изо рта и хлещетъ. Бывало, закричитъ на солдата: ѣшь землю, ну и набьетъ ротъ землею; или: стукайся лбомъ объ стѣну, ну и стукается. А не послушайся, закатаетъ розгами. Былъ такой случай: я былъ старшимъ унтеромъ и оставался за фельдфебеля. Кричатъ мнѣ: скорѣй къ ротному. Я бѣгомъ черезъ дворъ,—квартира его—рукой подать. Только отворилъ дверь, онъ схватилъ меня за уши, визжитъ и зубами: клацъ, клацъ! Потомъ затрепеталъ и вотъ такъ же свалился, какъ снопъ. Мнѣ бы за дохтуромъ, али хошь за фершаломъ—тутъ же, подъ бокомъ—а я, грѣшнымъ дѣломъ, думаю себѣ: туда тебѣ, звѣрюгѣ, и дорога. Тутъ же стоятъ окровавленные: вѣстовой, денщикъ и поваръ. Никому и заботушки нѣтъ о томъ, какъ бы подать ему помощь, только трясутся всѣмъ тѣломъ и тоже думаютъ: туда тебѣ, собака, и дорога. Потрошить не потрошили, только много докторовъ осматривали его голаго и написали, что умеръ отъ удара. Всѣ мы каялись тогда попу на духу, что съ перепугу не бросились за докторомъ, и попъ сказалъ, что это тяжкій грѣхъ и его всю жизнь надо отмаливать.

— Да развѣ солдатъ не можетъ жаловаться высшему начальству за жестокое обращеніе съ нимъ?

— Какъ не можетъ, по закону можетъ: послѣ смотровъ всякій разъ претензіи отбираютъ, да только охотниковъ давать ихъ не бываетъ, потому забьютъ до смерти. У насъ былъ полковой командиръ Куляба, рослый и красивый такой полковникъ, что любо взглянуть, а вотъ никакъ бывало не разберешь, когда онъ сердитъ, а когда нѣтъ. Все со смѣшками, да прибауточками пристаетъ ко всѣмъ, а ужъ хохочетъ во все горло; но вотъ ушелъ и, кажется, все благополучно. Вдругъ черезъ какихъ-нибудь полчаса вызываютъ человѣкъ 15—20 и отсчитываютъ горячихъ березовыхъ—кому сотню, кому полторы, а кому и цѣлыхъ двѣ, все по росписанію полковника. Такой ехидный! Здорово разъ досталось и мнѣ отъ него. Послали разъ человѣкъ по 20 изъ роты на косьбу къ помѣщику, который водилъ дружбу съ нашимъ полковымъ начальствомъ. Хоть денегъ намъ за работу никогда не давали, но мы думали, что, по крайности, поѣдимъ и попьемъ хорошо денька два—три. А вышло то, что всѣхъ насъ на первый же день, къ вечеру, безъ ужина отправили въ полкъ и жестоко перепороли. Ошибка, вишь, произошла, а отъ кого—Господь вѣдаетъ: мы такъ и не узнали, кто въ этомъ дѣлѣ виноватъ былъ. «Вамъ велѣно было»,—кричалъ полковой адъютантъ Жаба: «косить только полосы малорослаго и рѣдкаго

*

хлѣба, а болѣе рослаго и густаго оставлять для жнитва, а вы заурядъ все скосили». А мы—побожиться—никто и слыхомъ не слыхалъ такого распоряженія ни отъ кого: ни отъ своихъ, ни отъ управляющаго. Насъ выстроили на дворѣ полковника. Пискарь подбѣжалъ къ солдатикамъ своей роты и бацъ, бацъ, бацъ! Визжитъ, пищитъ, лопочетъ что-то. Другіе ротные ничего, ходятъ тутъ, разговариваютъ промежъ себя, курятъ цыгарки. Только какъ на смѣхъ кто-то икнулъ... разъ, два, да такъ громко, что Пискарь пересталъ трещать и лаяться, и всѣ командиры остановились предъ фронтомъ. Ермолаевъ, высокій такой капитанъ, ротный 2-й роты, былъ уже порядочно выпивши и, проходя по фронту, сталъ всматриваться въ каждаго солдатика и вдругъ хлопъ одного правой рукой; потомъ размахнулся лѣвой, но сдѣлалъ промахъ и упалъ. Господа захохотали. Кто-то и изъ нашихъ прыснулъ сдуру. А тутъ какъ разъ полковникъ: «здорово, ребята!» Здравія желаемъ вашему высокородію!—гаркнули мы.

— Ну, что жъ, ребята, поразмялись маленько?—хохоталъ онъ,— весело обходя фронтъ. Мы молчали.

— Какъ же это вы не дослышали самаго главнаго?—говорилъ онъ ласково и со смѣшками. Мы въ одинъ голосъ крикнули: «ничего такого не слыхали, ваше высокородіе». Черезъ часъ повели насъ на экзекуцію и такъ отлепортовали, что человѣкъ 15—и я въ томъ числѣ— больше мѣсяца провалялись въ лазаретѣ.

«Господи Боже мой, все время думалъ Перепелкинъ: для кого же пишутся всѣ эти милостивые законы наши! И какимъ путемъ вырабатывается такое звѣрье? Строгость дисциплины я понимаю, но что общаго между дисциплиной и этими безчеловѣчными, варварскими и безсмысленными дѣлами?»

II.

Далеко, далеко, почти на двѣ версты въ длину растянулось по большому московскому тракту село Подгорное, первый ночлегъ нашихъ путниковъ. Перепелкинъ чувствовалъ себя бодрымъ и свѣжимъ, но Куликъ немного пораскисъ и, не доходя верстъ двухъ до деревни, повалился на траву и предложилъ съ полчасика отдохнуть, что, впрочемъ, уже и ранѣе раза два дѣлалось.

— А какъ вы, Савва Саввичъ, насчетъ дождя? Не боитесь?

— Да, вѣдь, у меня такой зонтикъ, что обоихъ насъ прикроетъ. Да и незамѣтно, чтобъ быть дождику скоро.

— Нѣтъ, завтра безпремѣнно будетъ. Ужъ у меня на это есть вѣрная примѣта: какъ только заломитъ спину, да заноютъ суставы на рукахъ и ногахъ, такъ и быть непогодѣ. Алексашка по-своему тоже вѣрно угадываетъ и давича сказала, что быть дождю завтра. Я это къ тому, примѣрно, говорю, что ежели на первыхъ порахъ не захочется мокнуть, то можно тутъ и переждать маленько: люди знакомые, гдѣ мы остановимся, и ничего съ насъ не возьмутъ ни за хватеру, ни за ѣду.

— Чья это усадьба видна вправо отъ деревни?

— А это господъ Бугаевскихъ. Ничего, люди хорошіе. Тутъ, вѣдь, лѣтъ пять тому назадъ, молодой барчукъ напроказилъ было маленько, да ничего, дѣло обошлось хорошо. Былъ, слышь, въ этомъ селѣ, гдѣ мы будемъ ночевать теперь, храмовой праздникъ. Изъ сосѣднихъ имѣній наѣхали господа и торговцы, потому тутъ ярмарка была. У протопопа много гостей перебывало послѣ обѣдни и вечеромъ. На другой день, рано утромъ, прошелъ слухъ, что дочка протопопская куда-то дѣвалась и нигдѣ ее найти не могутъ. Немного погодя, прискакалъ верховой вотъ изъ этой усадьбы и говоритъ, что разосланы гонцы во всѣ концы на поиски барчука, но нигдѣ не могутъ разъискать его. Протопопъ и протопопша убиваются, потому одно дитя только и было. Помѣщикъ и помѣщица чуть съ ума не сходятъ и все гоняютъ людей по сусѣдямъ и въ дальнія мѣста. Малый, вишь, учился тамъ гдѣ-то и пріѣхалъ домой только на вакацію, такъ и туда послали. Ну, и нѣтъ, какъ нѣтъ, ни поповны, ни барчука. Отъ губернатора наѣхалъ чиновникъ слѣдствіе производить. Ничего не открылъ, съ тѣмъ и уѣхалъ. Чрезъ полгода получаетъ барыня письмо отъ сынка: простите, мамаша, пишетъ онъ, мы повѣнчамшись. Если простите вы и папаша, то мы сейчасъ же и поѣдемъ къ вамъ, по полученіи письма; а не простите, то больше уже никогда не увидите меня. Простили, только заставили молодую учиться въ городѣ, пока сынокъ кончилъ свою науку. Хорошо живутъ. Про нихъ только и говорятъ, что все цѣлуются, да милуются: чай пьютъ — цѣлуются, обѣдаютъ—цѣлуются, гулять пойдутъ—цѣлуются, а ужъ говорятъ, говорятъ и не наговорятся.

Этотъ нехитрый разсказъ сильно разбередилъ сердечную рану Перепелкина. Глубоко запечатлѣлся въ его душѣ симпатичный образъ Клодочки. Онъ всегда въ состояніи былъ живо представить себѣ ея мелодическій, въ душу проникающій, голосъ; прекрасные, свѣтящіеся добротой и привѣтомъ, глаза; обворожительную улыбку, сопровождавшую ея разговоръ съ кѣмъ бы то ни было, и ту задушевность, съ которою она относилась ко всѣмъ людямъ, безъ различія ихъ положенія, и которая сразу располагала всѣхъ въ ея пользу. И проклялъ онъ судьбу свою суровую, на первыхъ же порахъ разбившую его счастье, первую любовь.

— Вы что-то какъ бы не по себѣ!—простодушно замѣтилъ Куликъ, всматриваясь старыми глазами въ омрачившееся лицо Перепелкина.

При входѣ въ село, путники развлеклись сценой, происходившей у кабака, который стоялъ одиночкой почти на выѣздѣ.

Нѣсколько офеней раскинулись по случаю полной распродажи всѣхъ своихъ товаровъ по окрестнымъ усадьбамъ и селамъ.

Одинъ изъ нихъ игралъ на гармоніи, а двое плясали, или, правильнѣе сказать, топтались на мѣстѣ, распѣвая пѣсню, отъ которой явственно слышались только два слова, въ видѣ припѣвовъ: весна красна.

— Радивону Пилипичу наше почтеніе!—заговорилъ красный, какъ буракъ, человѣкъ, тоже одинъ изъ офеней, выходя изъ кабака и прожовывая, въ видѣ закуски, черствую корку хлѣба.

Съ такими же привѣтами обступили Кулика танцующіе и игравшій на гармоніи.

— Съ богомолья аль на богомолье плетешься?

— На богомолье,—какъ-то неохотно и какъ-бы растерянно процѣдилъ сквозь зубы старикъ, приподнявъ картузъ въ знакъ прощанія.

— Аль все еще не отмолилъ грѣховъ?—пустилъ кто-то въ догонку путниковъ, вопросъ, сильно смутившій Кулика.

— Нѣтъ, братъ, не отмолишь скоро; а околѣешь—покипишь въ смолѣ. Аль крюкомъ подцѣпятъ за ребро, да подтянутъ къ выварному кузнечному горну, чтобъ маленько поприжарить,—острили офени, смѣясь.

Хотя путники отошли уже на порядочное разстояніе отъ кабака, но раздававшіяся въ этомъ родѣ остроты явственно доносились до слуха ихъ и произвели такое смущеніе въ старикѣ, что онъ даже позеленѣлъ въ лицѣ и нѣсколько разъ съ ожесточеніемъ сплюнулъ въ сторону, откуда неслись онѣ.

Содержатель постоялаго двора, куда прибыли путники, толстопузый рыжій мужикъ, подобострастно встрѣтилъ Кулика и сейчасъ же увелъ его на свою половину, куда приглашалъ и Перепелкина, но послѣдній, изъ любопытства, предпочелъ пока остаться въ общей обширной комнатѣ, наполненной ямщиками и прохожимъ людомъ, преимущественно богомольцами и богомолками. Жирная здоровенная баба, съ тыквообразными грудями, собирала ужинъ для ямщиковъ. Ихъ было восемь. Каждый изъ нихъ, прежде чѣмъ сѣсть за столъ, мылъ руки изъ рукомойника, висѣвшаго надъ лоханкой у дверей, противъ печки, и молился Богу. И то и другое, повидимому, дѣлалось безъ внутренней потребности удовлетворенія чистоплотности и чувства религіознаго.

Подойдетъ, плеснетъ, зря, на руки и сейчасъ же вытираетъ ихъ о грязное, тутъ же висящее, полотенце, оставляя на немъ свѣжіе слѣды

грязи. Затѣмъ мотнетъ раза три головой предъ образами, осѣняя себя скороспѣлымъ, неуклюже дѣлаемымъ крестомъ и причитывая вслухъ: «Господи—Суся, Микола—чудотворецъ, пятинка святая», потомъ садится къ столу, напередъ облюбовавъ мѣсто, ложку и куски хлѣба.

Все это интересовало Перепелкина, какъ малоросса, незнакомаго съ нравами и обычаями великороссовъ.

Ямщики заняли только небольшую часть длиннаго, во всю ширину комнаты, стола, а на остальной части размѣщались, въ одиночку и группами, прохожіе, большею частію, трапезовавшіе свою снѣдь.

Когда толстогрудая баба водворила на столъ огромную миску щей, съ острымъ, бьющимъ въ носъ запахомъ, ямщики съ серьезнымъ видомъ приступили къ ѣдѣ. Нельзя было сразу не замѣтить, что въ процессѣ этого дѣла строго соблюдался своего рода этикетъ и порядокъ. Запускали ложки въ хлебово не всѣ разомъ, а одинъ за другимъ, по порядку, начиная съ крайняго. Хлебнувъ жижи, каждый клалъ ложку на столъ и, откусивъ хлѣба, медленно и долго пережевывалъ его, громко чавкая, пока не дойдетъ до него очередь вновь запускать ложку въ хлебово. Два раза уже наполняли миску щей съ краями и хотя въ ней, на днѣ, была и убоина, нарѣзанная кусками, но до нея, къ удивленію Перепелкина, никто не дотрогивался. Но вотъ, наконецъ, за третьей подбавкой, крайній мужикъ, какъ первакъ по ложкѣ, стукнулъ ею два раза объ миску, и, запустивъ ее туда поглубже, выудилъ кусокъ мяса. То же стали продѣлывать, чинно, по порядку, и всѣ остальные.

«Не можетъ быть, думалъ про себя Перепелкинъ, чтобъ русскіе ходили за море плакаться на то, что порядка у нихъ нѣтъ. Вѣдь, вотъ же выработался образцовый порядокъ въ мелочахъ, почему жъ бы онъ не могъ выработаться и въ чемъ-нибудь поважнѣе, если бы не ушкуйничали вороватые люди съ загребистыми руками».

А ребята все ѣли, да ѣли, немилосердно чавкая и чмокая. Потъ градомъ катился съ ихъ лицъ, который они, то-и-дѣло, обтирали рукавами грязныхъ своихъ рубашекъ. Послѣ каши, приправленной постнымъ масломъ, началось сильное иканіе, за которымъ слѣдовало причитаніе: «Господи—Суся» и знаменіе рта крестомъ. Къ концу ужина, многіе выходили на дворъ, освѣжиться, и возвращаясь къ ѣдѣ, рекомендовали другимъ то же сдѣлать: «важно, братцы, продуло холодкомъ, съѣшь больше». А иногда слышалось: «подь-ка, Сенька, во дворъ, лошадь твоя заброталась».

На другомъ концѣ прохожіе ѣли молча, въ сухомятку.

Съ однимъ, пришедшимъ поздно, уже подъ конецъ ужина другихъ, и усѣвшимся за свой скудный ужинъ, состоявшій изъ черстваго чернаго хлѣба съ солью и луковичнаго зеленца, случился казусъ, произвед-

шій суматоху, на которую прибѣжали хозяева и всѣ ихъ домочадцы. При первомъ глоткѣ онъ подавился, весь посинѣлъ и сталъ задыхаться.

Богомолки взвизгнули и стали отчитывать его, но тутъ подбѣжалъ здоровенный ямщикъ и такимъ тумакомъ по загривку наградилъ страдальца, что у него мгновенно выскочило проглоченное.

— Вишь ты, кроха попала!—говорили всѣ, участливо осматривая оправившагося сразу мужика.

Кроха эта, впрочемъ, была величиной съ дѣтскій кулачокъ.

Быстро заходили на счетахъ привычные пальцы толстопузаго хозяина, когда послѣ ужина, раскраснѣвшіеся отъ духоты и сытной ѣды, подступили къ нему ямщики, съ развязанными и болтавшимися на шеѣ кошелями; но, Боже мой, сколько младенческаго недомыслія и просто тупоумія проявили они всѣ сообща при самыхъ несложныхъ числовыхъ комбинаціяхъ. Для провѣрки суммы изъ двухъ простыхъ чиселъ напрягались головы всѣхъ, требовалось прибѣгать къ пальцамъ, суставамъ пальцевъ и другимъ предметамъ, но все-таки часто не выходило никакого толку, потому что всѣ галдѣли разомъ и сбивали другъ друга. Начались шумныя пререканія между хозяиномъ и возчиками и, можетъ быть, дѣло дошло бы и до крупныхъ споровъ, если бы вниманіе всѣхъ вдругъ не было отвлечено разсказами богомолки о чудодѣйственной силѣ оливковаго масла, принесеннаго ею отъ святыхъ мѣстъ Іерусалима.

— А ты, касатикъ,—говорила она подавившемуся прохожему, подставляя раскрытый пузырекъ,—только маленько возьми на перстъ маслица и потри имъ горлышко—никогда ужъ не будетъ такого лиха.

Прохожій исполнилъ въ точности ея совѣтъ и положилъ ей за такое одолженіе мѣдный пятакъ.

Всѣ обступили ее, даже хозяйскіе всѣ собрались сюда, а за ними и Куликъ. Толстогрудая баба бросила перемывать посуду и тоже подступила къ столу.

— Такъ-таки, милые, какъ рукой сниметъ всякую болѣсть,—продолжала расписывать бойкая богомолка,—а-на-дысь въ городѣ—скажу вамъ истинную правду,—дьяконица-просвирня, Богъ знаетъ, отчего занемогла глазами, да такъ занемогла, такъ занемогла, что вотъ, вотъ ослѣпнетъ человѣкъ, а семья и вдовьимъ дѣломъ,—только отъ просвиръ и питается. Случись я тутъ и говорю ей: возьми, раба Божія, на перстъ капельку святыни ерусалимской и потри ею вѣки. Что жъ вы думаете, милые? Какъ рукой сняло болѣсть—вотъ те Христосъ, царь небесный, царица—матушка небесная! Прозрѣла, тое-жъ минуту прозрѣла, какъ здоровая—не сойти съ мѣста,—архангельскія мои души!

Всѣ мужики и бабы стали класть ей гроши, копейки, пятаки и

просить дать имъ потереть—кто подъ глазами, кто подъ ушами, а кто подъ ложечкой.

— Что такъ-то зря терять святыню,—говорила лукавая баба,—надо взять, мои милые, на чистую тряпочку капельку, да и беречь ее на случай какой болѣсти: только дотронься—тое-жъ секунду какъ рукой сниметъ,—дарма что маслицо засохнетъ на тряпкѣ. Хозяева хотѣли было увести ее въ свою комнату, но ямщики приступили къ ней съ просьбами оказать помощь ихъ товарищу, который съ недѣлю уже сильно недомогаетъ—надорвался, должно быть, что ли—и лежитъ теперь подъ навѣсомъ въ своей телѣгѣ, какъ пластъ какой.

Хитрая бабенка струсила такого эксперимента и начала вилять.

—Ежели теперича, примѣрно, нутро отбилъ, то куды жъ ты приложишь святыню, — говорила она, очевидно обдумывая, какъ выйти изъ неловкаго положенія,—всего обтереть—и пузырька не хватитъ, да не на всякое мѣсто и приложишь святость, потому грѣхъ великій,—продолжала она уже властно, воодушевляясь своей находчивостью.

Перепелкинъ вышелъ, чтобъ посмотрѣть страдальца. Это былъ изможденный человѣкъ, очевидно, дышавшій на ладонъ, на видъ нестарый, съ жиденькой бородкой и такими же волосами на головѣ. Онъ взглянулъ мутными глазами на Перепелкина и едва слышнымъ голосомъ проговорилъ: «испить бы, добрый человѣкъ!» Перепелкинъ принесъ ему воды. Онъ отрицательно потрясъ головой: «кваску бы, кваску! Охъ, охъ, охъ!»—застоналъ онъ, поворачиваясь на другой бокъ. Перепелкинъ подалъ квасу. Ознаменовавъ себя крестомъ, онъ съ жадностью припалъ къ ковшу и выпилъ его весь.

— Спасибо, добрый человѣкъ, спасибо!—говорилъ онъ, охая и тяжело дыша.

— Что у тебя болитъ?

Страдалецъ рукой безнадежно махнулъ.

— Вѣстимо, что нутро болитъ,—разсуждали промежъ себя ямщики, выходившіе изъ избы,—да противъ нутра что подѣлаешь, какъ приложишь святость-то?

— Нѣ, робята, къ Алексашкѣ надыть, — говорилъ первакъ по ложкѣ. — Я, вѣдь, опозналъ старика: онъ тута-ка, говорилъ: милости просимъ, Алексашка повѣритъ въ долгъ, коли чего не хватаетъ. Ты, молъ, только напомни ей, что говорилъ отецъ на прощаньи.

— Отчего онъ заболѣлъ? — обратился Перепелкинъ къ ямщикамъ съ вопросомъ.

— Съ чего! Рытвина... Возъ засѣлъ... Недосмотрѣлъ, значитъ. Ну, меринъ хвать, хвать, анъ силы-то не хватаетъ... Ёнъ и подыми бокъ... Ну, вотъ съ того: надорвался, значитъ.

— Есть у него семейство?

— Самъ-сёмъ, да все дѣвки-погодки, старшей пошелъ одиннадцатый годъ.

Перепелкинъ сунулъ въ руку страдальца два рубля.

— Да вы бы его въ городѣ въ больницу сдали,—обратился онъ ямщикамъ.

— Какой ты шустрый! Въ больницу... да мы его отъ всякаго начальства прячемъ, потому задержка будетъ, придерутся—что и какъ... а онъ, вишь, въ больницу. И мужики всѣ съ сожалѣніемъ посмотрѣли на неопытнаго совѣтчика.

— Ну, я вамъ дамъ письмо въ городъ къ своимъ пріятелямъ,— убѣждалъ Перепелкинъ,—они это и безъ васъ устроятъ, задержки вамъ никакой не будетъ.

— Подь ты къ Богу съ твоимъ письмомъ!—говорили мужики, покачивая головой и размахивая руками.

— Если хотите, самъ поѣду,—горячился Перепелкинъ,—потому что безчеловѣчно же такъ оставлять страдальца, когда, можетъ быть, доктора и помогли бы ему.

Мужики не обращали уже вниманія на его слова и стали укладываться спать.

— А, вѣдь, ямщики правильно разсуждаютъ,—сказалъ хозяинъ, стоявшій на крыльцѣ,—легко ли сказать въ больницу! Безъ помощи этого сдѣлать нельзя, а тутъ можетъ завариться такая каша, что, пожалуй, и въ двѣ недѣли не расхлебаешь ея. Да и что вы или ваши товарищи могутъ тутъ сдѣлать? Ничего не сдѣлаете. Полиціи нужно сорвать, ну и сорветъ, кто бъ тутъ ни вмѣшался. Куликъ то же самое подтвердилъ на разныхъ примѣрахъ.

Путникамъ отвели для ночлега кладовку, такъ какъ въ комнатѣ было душно. Старикъ, помолившись Богу, поохавъ, повздыхавъ, скоро уснулъ; но Перепелкину не спалось: онъ занятъ былъ переборкой впечатлѣній дня. Назойливѣе всего была мысль о несчастномъ страдальцѣ, съ кучею дѣтей, которыя должны остаться безъ куска хлѣба. «Господи, Боже мой!—разсуждалъ онъ про себя,—больнаго везутъ чрезъ университетскій городъ, гдѣ есть и клиника и не одна больница, есть благотворительныя общества, на-лицо всѣ высшія власти, а все-таки хлопотать о помощи ему нельзя, потому полиція... сорвать нужно... задержка безпремѣнная... хошь и дашь, задержка будетъ! Да неужели же исхода нѣтъ изъ этого проклятаго положенія?»

— Да какъ же ты, родная, доплелась до Ерусалима?—слышалось изъ комнаты: чай, какихъ диковинокъ насмотрѣлась и въ пути и на мѣстѣ, въ святомъ градѣ!

— И, мать моя, и не разсказать всего! Все по солнцу шли, все по солнцу: черезъ Кѣовъ, черезъ Адестъ, а тамъ все бусурманскія земли, по-нашему, по-русскому, никто ни слова не говоритъ; все по-своему,

все по-своему. И вѣры не нашей, креста не носятъ и не кладутъ. А въ Ерусалимѣ, мать моя, есть гора, большущая такая. А въ той горѣ есть щель. Передъ заутреней Христовой только приложи ухо къ ней, услышишь, какъ грѣшныя души мучатся въ аду...

— Неужто, касатка, сама слыхала?

— Охъ, слыхала, мать, слыхала! Да лучше бы и не слыхать. Такъ болѣзно стонутъ и ноютъ, что сердце у меня замерло и волосы на головѣ поднялись дыбомъ. Видно, въ смолѣ кипятъ: клокочетъ и пыхтитъ. Аль на оковородахъ жарятся, потому лязгъ желѣза и цѣпей чудится.

— Мать ты моя Пресвятая, Владычица Небесная! — раздавались причитанія, сопровождаемыя тяжелыми вздохами.

Подъ монотонные, лживые разсказы болтливой богомолки Перепелкинъ сталъ мало-по-малу засыпать и, наконецъ, уснулъ. И снится ему, что онъ—епископъ, и ѣдетъ по епархіи, съ цѣлью удостовѣриться, наставляется ли его паства духовная въ правилахъ нравственности, въ правдѣ и истинѣ; не терпитъ ли она соблазна отъ нарушенія божескихъ и человѣческихъ законовъ; не страждетъ ли она, безпомощная, отъ стихійныхъ случайностей: голода, холода, опустошительнаго огня и сокрушительнаго наводненія; не колеблется ли ея вѣра отъ человѣческаго безсилія противостоять злу; какими путями доводится она до убѣжденія въ Промыслѣ Божіемъ, успѣшно ли освобождается отъ суевѣрія и предразсудковъ, низводящихъ человѣка на степень животнаго. И, вотъ, на пути чрезъ городъ, у полицейскаго дома, онъ видитъ группу людей унылыхъ, очевидно, пораженныхъ горемъ.—Что такое?—спрашиваетъ онъ, велѣвъ остановиться и подозвавъ къ себѣ одного изъ этихъ людей,— что такое у васъ случилось, что вы всѣ въ такомъ уныніи и кто тамъ у васъ на телѣгѣ лежитъ подъ рогожкой—больной или мертвый?

— Больной... Еле дышетъ... надорвался... возъ поднялъ... Всего свело. Хотѣли, слышь, въ больницу, да не принимаютъ и насъ не отпущаютъ: другія сутки, слышь, стоимъ тутъ.

Онъ, епископъ, хочетъ выйти изъ кареты, чтобы благословить страдальца и ходатайствовать за него, какъ вдругъ—откуда ни возьмись— какъ изъ земли выросъ передъ ними полицеймейстеръ:

— Не извольте безпокоиться, ваше преосвященство,—говорилъ онъ заискивающимъ голосомъ,—это дѣло сейчасъ устроится... маленькія недоразумѣнія тутъ были... теперь устранены... сейчасъ все устроится.

— Хорошо, пришлите мнѣ сказать, когда все устроится: я тутъ по дорогѣ заѣду въ двѣ церкви, но не уѣду изъ города, пока не дадите мнѣ знать, что больной помѣщенъ въ больницу, а ямщики отпущены.

И сладкій трепетъ почувствовалъ онъ, владыка, въ своемъ сердцѣ, когда не прошло и полчаса, какъ онъ увидѣлъ знакомый обозъ, потянувшійся мимо той церкви, изъ которой онъ выходилъ, и подъѣхавшаго

къ нему полицеймейстера съ докладомъ, что больной помѣщенъ въ больницу. И чудится ему далѣе, что мать-таки дождалась исполненія одного изъ ея желаній, увидѣть его не меньше какъ губернаторомъ или архіереемъ. «Послѣднее бы еще лучше», мечтала она когда-то, лаская и цѣлуя его: «ждутъ архіерея... я стою на паперти, затертая толпой. Ты, голубчикъ, сразу запримѣтилъ мать и направляешься стремительно къ ней, чтобы ей первой дать святительское благословеніе. Народъ разступается... мать, мать, говорятъ, ищетъ... а я трепещу отъ радости и боюсь, какъ бы не умереть на мѣстѣ отъ такого счастья». И видитъ онъ, что карета его уже въѣзжаетъ на гору, съ которой, какъ на ладони, видно село, гдѣ онъ родился. Вотъ верховой подскакалъ къ колокольнѣ, и раздался звонъ. Народъ заполнилъ всю ограду и половину улицы, примыкавшей къ ней. Отецъ Савва съ крестомъ и св. водой выступилъ въ полномъ облаченіи въ преддверіе храма встрѣчать своего сына-епископа. И вотъ у него, единороднаго, любимаго отцомъ и матерью, Савоньки, нынѣ епископа, по монашескому обѣту отрекшагося отъ міра и всѣхъ его привязанностей, начинается борьба мірскаго чувства, любви къ родителямъ, съ условіями епископскаго достоинства, требующаго безстрастнаго отношенія къ присныиъ и кровнымъ — выдержитъ ли онъ подобающую роль и не бросится ли онъ на шею матери, цѣлуя ее и въ очи, и въ уста, и въ руки? Нѣтъ, не выдержалъ епископъ: онъ прослезился, благословляя отца, цѣлуя его руки и не давая своей, и страшно зарыдалъ, когда только еще приблизился къ матери, которой такъ давно не видалъ...

— Что такое? Что такое? Голубчикъ, Савва Саввичъ, съ чего вы такъ разрыдались?—говорилъ Куликъ, вскочивши съ своего ложа и опрометью подбѣжавши къ Перепелкину.

— А? что? рыдалъ?.. сонъ...—бормоталъ несвязно полусонный епископъ, обводя глазами кладовку и, отеревъ смоченное слезами лицо, опять уснулъ.

Но сонъ его вскорѣ былъ прерванъ раздавшимся въ кладовкѣ, — гдѣ, какъ ему казалось, они только вдвоемъ съ Куликомъ спали,—дѣтскимъ пискомъ.

Въ углу, на полу, изъ-подъ рваной понявы, вынырнула маленькая дѣвчонка и, прикрывая ручонками чью-то головку, умоляла толстогрудую бабу, стоявшую надъ нею съ прутомъ, дать Митѣ еще поспать маленько и не стегать его.

— Я сама, тетенька, я сама догляжу—вотъ-те Христосъ—догляжу. Не стегай только его, родная! Вчерась и кусочка не ѣлъ, весь день головка болѣла.

— Ну, разговаривай больше, вшивая: я и космы-те оборву,—шипѣла

баба и замахнулась прутомъ, чтобы стегнуть дѣвочку, но Перепелкинъ вырвалъ изъ ея руки прутъ и сломалъ его. Произошла сцена.

— Ты что мнѣ за указчикъ такой?—свирѣпѣла баба,—они, вѣдь, не хозяйскія какія, «въ кусочки ходятъ». Ишь ты, какой еще нашелся заступникъ! Вставайте живо, щенки, а то самое хозяйку пошлю,—крикнула она, уходя изъ кладовки и ругаясь.

Дѣвочка растормошила братишку, и оба поспѣшили къ исполненію какихъ-то обязанностей.

Оказалось, что дѣти—круглыя сироты. Дѣвочкѣ 5 лѣтъ, мальчику—четыре года. Живутъ милостыней—«ходятъ въ кусочки»,—для собиранія которой одному изъ нихъ, поочередно, дается въ день часа два времени, а остальное время, съ ранняго утра и до заката солнечнаго, они должны караулить на дворѣ и на улицѣ хозяйскую птицу: цыплятъ, гусятъ, утятъ и индючатъ. Все это за пріютъ, который имъ давали лѣтомъ въ кладовкѣ, а зимой подъ лавкой у печки. Это считается благодѣяніемъ.

— Какъ-бы не мы, куда бы они дѣлись, мозглявыя!—слышался изъ комнаты протестъ уже самой хозяйки.

Сильно сжималось сердце въ груди Перепелкина, когда онъ сталъ вдумываться въ безпомощное положеніе этихъ сиротъ-малютокъ, брошенныхъ судьбою, очевидно, къ такимъ людямъ, отъ которыхъ не то, что ласки и привѣта, даже простаго человѣческаго состраданія къ нимъ нельзя ожидать.

— Какъ бы имъ помочь?—сказалъ онъ вслухъ, разсуждая самъ съ собой.

— Чу! погромыхиваетъ уже,—откликнулся Куликъ, быстро повернувшійся къ нему лицомъ съ своего ложа и прислушивавшійся къ отдаленному глухому гулу: я вамъ говорилъ, что быть дождю, не даромъ суставы ныли. Вотъ увидите, какой хлестанетъ.

Пробило четыре часа на хозяйской половинѣ. Перепелкинъ, занятый мыслями о судьбѣ малютокъ, оберегателей пернатыхъ выводковъ, пошелъ поискать ихъ во дворѣ, присмотрѣться къ нимъ и поразспросить ихъ, что они и какъ. Дворъ былъ огромный, съ навѣсами кругомъ, откуда несло ѣдкимъ острымъ запахомъ навоза и всякой неперебродившей дряни. Ямщиковъ уже и слѣдъ простылъ: они еще на зарѣ тронулись въ путь. Подъ однимъ изъ навѣсовъ сама хозяйка, дородная женщина, и толстогрудая баба, ея кухарка, доили коровъ. Онѣ недружелюбно поглядывали на Перепелкина, который, хотя и запримѣтилъ дѣтей подъ однимъ изъ отдаленныхъ навѣсовъ,—гдѣ, повидимому, происходила кормежка цыплятъ, потому что часто слышались, дѣтскими голосами, призывы: «цыпъ, цыпъ, цыпъ!»—но рѣшился не подходить къ нимъ, пока бабы не уйдутъ съ молокомъ въ избу.

Вотъ онѣ спускаютъ уже подобранные высоко и подтыканные, на время доенія, подолы и уходятъ, бросая мимоходомъ суровые и даже, видимо, враждебные взгляды на Перепелкина; но онъ не смущается тѣмъ, и какъ только онѣ скрылись, подошелъ къ малюткамъ такъ тихо, что тѣ и не замѣтили его. Митя, худенькій, тщедушный мальчикъ, съ большой непокрытой и нечесанной головой, одѣтый въ какую-то рвань, очевидно, съ чужихъ плечъ, сидѣлъ, спиной къ Перепелкину, на корточкахъ, выгребалъ своими маленькими и худенькими ручонками пшенную кашу изъ горшка и разбрасывалъ ее самымъ маленькимъ цыплятамъ, строго наблюдая, чтобъ на нее не набрасывались цыплята постарше, которымъ былъ разсыпанъ другой кормъ подальше, гдѣ сидѣла сестренка, и такъ была занята распутываньемъ конскихъ волосъ, напутавшихся вокругъ ножекъ уже не маленькаго цыпленка, что тоже не примѣтила Перепелкина, хотя и сидѣла въ полъоборота къ нему.

Митя, кормя кашкой цыплятъ, соблазнялся ею и самъ: нѣтъ-нѣтъ, да и броситъ горсточку себѣ въ ротикъ.

— Манька, что-жъ ты кашки-то?—обратился онъ къ сестренкѣ:— эво, сколь ищо, и не скормить за день!

Перепелкинъ въ ту же секунду поспѣшилъ осторожно передвинуться за уголъ такъ, чтобъ дѣти какъ можно дольше не примѣтили его.

Дѣвочка отпустила распутаннаго цыпленка, подошла къ братишкѣ и, запустивъ раза два ручонки въ горшокъ съ кашей, набила ею ротикъ.

— Бери ящо, эво сколь осталось!—поощрялъ ее Митя.

Но она заботливо осмотрѣла пернатыхъ и, усѣвшись возлѣ Мити, ручонками стала расчесывать его бѣлокурые жиденькіе волосенки.

— Что, головка не болитъ?

— Нѣ, топеря нѣ.

— А болячку-то почто сорвалъ?

— Свербитъ дюжо.

— Вишь, стегнула-то какъ паскуда.

— Это не Химка, это сама, а Химка эво-гдѣ—показывалъ мальчонка ручкой на своей головкѣ.

Хлопнула дверь въ избѣ, и Перепелкинъ за лучшее счелъ пройти незамѣченнымъ въ огородъ, чтобъ не накликать бѣды на дѣтей. Раскаты грома слышались все чаще и ближе. Кругомъ все небо заволокло. Въ воздухѣ—несмотря на раннее время—чувствовалась духота, вродѣ свинцовой тяжести, производившая томительное давленіе на грудь и голову. Перепелкинъ, поспѣшая въ комнаты, заглянулъ подъ навѣсъ; но дѣтей тамъ не видать было. Только на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣли они давеча, онъ увидѣлъ трехъ насѣдокъ, которыя, подобравъ подъ себя и

свои крылья дѣтенышей, сидѣли нахохлившись съ полузакрытыми глазами. Впослѣдствіи, впрочемъ, оказалось, что дѣти сидѣли тутъ же въ опрокинутомъ кузовѣ тарантаса, прижавшись другъ къ дружкѣ и закрывшись съ головами, такъ какъ сильно боялись грома.

Когда Перепелкинъ вошелъ въ комнату, раздался оглушительный трескъ, вслѣдъ за которымъ полился дождь, какъ изъ ведра. Было около 6 часовъ. На столѣ кипѣлъ самоваръ и стояло нѣсколько чайныхъ приборовъ, но для кого—Перепелкинъ недоумѣвалъ, въ комнатѣ никого не было, ни чужихъ, ни хозяйскихъ. Но вотъ вошелъ Куликъ, а вслѣдъ за нимъ и хозяинъ съ хозяйкой. Послѣдняя сперва зажгла по случаю грозы подъ образами лампадку и восковыя свѣчи, прилѣпленныя къ кіотамъ, а потомъ заварила чай. При раскатахъ грома, Куликъ, хозяева и появившаяся съ горячими ватрушками, толстогрудая Химка истово крестились и всякій разъ приговаривали: Господи—Суся, Владычице Пресвятая, Илья пророкъ праведный, помилуй насъ! Началось чаепитіе, къ которому былъ приглашаемъ и Перепелкинъ, но онъ отказался, подъ предлогомъ, что не привыкъ такъ рано ѣсть и пить.

— А это, господинъ,—не знаемъ какъ васъ величать—обратился хозяинъ къ Перепелкину, можетъ быть, обидѣвшись неумѣстнымъ отказомъ его отъ совмѣстнаго чаепитія—не резонтъ озорничать и ломать прутья, когда за дѣло стегаютъ робятъ.

Перепелкина взорвало выраженіе: «озорничать», и онъ уже готовъ былъ въ самыхъ пылкихъ рѣчахъ объяснить—кто тутъ озорничалъ, но, вспомнивъ, что этимъ можно только навлечь гнѣвъ на несчастныхъ дѣтей и ухудшить ихъ положеніе, онъ тотчасъ же смирился и съ кротостію замѣтилъ, что мы должны слѣдовать Христу, который-де сильно любилъ невинныхъ дѣтей и всегда кротко и нѣжно обходился съ ними.

— Мы писаніевъ не знаемъ, - отвѣчала за мужа жена его,—а знаемъ, какъ насъ учили, то же, вѣдь, прутьевъ не жалѣли.

Перепелкинъ не счелъ нужнымъ продолжать разговоръ и вышелъ посидѣть на крыльцо. Дождь продолжался, но небольшой уже и съ перемежками. Воздухъ освѣжѣлъ, очистился, и стало легко и хорошо дышать имъ. Перепелкинъ все думалъ, что̀ бы сдѣлать въ пользу несчастныхъ сиротокъ. Онъ уже примѣтилъ, гдѣ они, но находилъ совершенно неблагоразумнымъ подходить къ нимъ, а тѣмъ болѣе вступать съ ними въ какіе-либо разговоры, изъ опасенія подвергнуть ихъ преслѣдованіямъ этихъ свирѣпыхъ людей.

Дождикъ уже пересталъ, и можно было собираться въ путь, но Куликъ не выходилъ—значитъ, чаепитіе продолжалось въ комнатѣ, а Перепелкину не хотѣлось и порога переступать туда, пока оно не кончится. Вотъ пробило въ комнатѣ семь часовъ, а Куликъ все пьетъ,

да пьетъ чай. Перепелкинъ сталъ терять терпѣніе и не потому, чтобы ему хотѣлось поскорѣе отправиться въ путь, а потому, что онъ никакъ не могъ придумать, что̀ бы можно было сдѣлать наскоро въ пользу несчастныхъ дѣтей, и хотѣлъ наединѣ посовѣтоваться объ этомъ со старикомъ. Вдругъ съ улицы сталъ доноситься легкій стукъ колесъ по бревенчатой мостовой близъ дома, и раздался громкій смѣхъ и говоръ свѣжихъ молодыхъ голосовъ. На дворъ влетѣлъ маленькій фаэтончикъ, запряженный въ одну лошадь и правимый маленькой, повидимому, барышней. Съ ней рядомъ, обнявши ее правой рукой за талію, сидѣлъ высокій, очень молодой мужчина, какъ бы похожій на нее. Оба были чрезвычайно красивые.

— Вы играете въ шахматы?—крикнула она издали Перепелкину, еще подъѣзжая только къ крыльцу.

Молодой человѣкъ зажалъ ей легонько ротъ, смѣясь и весело раскланиваясь съ Перепелкинымъ, но она, веселая и бойкая, тоже со смѣхомъ отдернула руку своего спутника и продолжала:

— Вѣдь, вы семинаристъ? Я это вижу сейчасъ.

— Да полно тебѣ, Вѣрочка!—говорилъ молодой человѣкъ, взявъ ее на руки и неся ее, какъ куколку, на рукахъ на крыльцо.

— Вѣдь, правда - вы семинаристъ?—опять обратилась она къ Перепелкину, когда ее поставили на ноги.

— Семинаристъ,—отвѣчалъ раскраснѣвшійся, какъ зарево, Перепелкинъ.

— А я поповская дочь,—говорила она, подавая маленькую, въ изящной перчаткѣ, руку Перепелкину. А это—указала она на своего спутника, заливавшагося веселымъ смѣхомъ—мужъ мой—ночной воръ, онъ укралъ меня изъ родительскаго дома въ глухую полночь и на разсвѣтѣ повѣнчался со мною за пятьдесятъ верстъ отсюда. Вотъ—кто мы! И она повисла на шею этому вору и совершенно зацѣловала его, несмотря на то, что на крыльцѣ уже очутились хозяинъ, хозяйка, Куликъ и даже толстогрудая Химка.

— Вы извините ее, пожалуйста,—обратился, въ свою очередь, молодой человѣкъ—ночной воръ къ Перепелкину, крѣпко пожимая ему руку,—она у меня еще совершенно какъ ребенокъ, болтаетъ, что въ голову придетъ. Видите ли, мы ѣхали къ своимъ—здѣсь ея папаша, а мой тесть, живетъ. У нея зоркіе глаза. Вонъ, говоритъ, на крыльцѣ сидитъ семинаристъ—побожилась даже, что семинаристъ—и навѣрное умѣетъ играть въ шахматы. Вотъ я, говоритъ, и сдѣлаю моему свекру сюрпризъ, предоставлю ему сейчасъ часика на два, на три этого молодца. Навѣрное, не откажетъ. Отецъ мой, старикъ, надо вамъ сказать, третій день хандритъ, нѣтъ ему партнера въ шахматы. Мы съ Вѣрой и понятія объ этой игрѣ не имѣемъ...

— Неправда,—перебила она,—играешь ты недурно, да только отъ меня ни на минуту не отстаешь и путаешь, а папа не любитъ, когда разсѣянно играютъ.

— Ну, можетъ быть, и такъ,—согласился молодой человѣкъ, держась за ея гибкую талію и не утерпѣвъ таки, чтобъ не поцѣловать ее крѣпко, что привело на память Перепелкину слова Кулика: «и все цѣлуются да милуются, цѣлуются да милуются».

— А постоянный его портнеръ—видите ли—проживающій у насъ съ давнихъ поръ, отставной маіоръ Хлопкинъ,—продолжалъ молодой человѣкъ,—уѣхалъ на три дня въ городъ, да вотъ ужъ пятый день не возвращается, и посланный вчера въ городъ нарочный нигдѣ не могъ его разыскать: должно быть, закутилъ и удралъ куда подальше.

— Да, полно тебѣ тянуть,—перебила она его опять. Видите ли, старикъ хандритъ, и если вы умѣете играть въ шахматы, да еще не торопливо и долго обдумываете ходы, то вы бы премного обязали и его, и насъ, поѣхавъ съ нами—тутъ близехонько—и пожертвовавъ намъ часика два, если только можно.

Перепелкинъ любилъ играть въ шахматы, и именно такъ, какъ требовалось тутъ, и сейчасъ же согласился, тѣмъ съ большей готовностью, что онъ надѣялся чрезъ этихъ веселыхъ и счастливыхъ людей устроить судьбу сиротокъ, въ чемъ онъ и не ошибся.

Усадьба была близехонько, и потому Перепелкинъ поспѣшилъ, какъ только выѣхали со двора, сообщить молодымъ людямъ о тяжкомъ положеніи малютокъ, которыхъ участь тяжелымъ камнемъ легла на его сердце, но какъ существенно помочь имъ, онъ рѣшительно ума не приложитъ, и только можетъ оставить въ ихъ пользу рублей десять денегъ, но сомнѣвается, чтобъ эти деньги были употреблены на нихъ, не говоря уже о томъ, что жестокое обращеніе съ ними отъ этой помощи вовсе не измѣнится.

Куда дѣвались смѣхъ и веселая болтовня молодой счастливой четы, когда Перепелкинъ, съ дрожью въ голосѣ и слезами на глазахъ, наглядно представилъ имъ видѣнныя картины варварства надъ малютками!

И онъ и она отдались серьезнымъ думамъ, и ни на минуту уже нельзя было сомнѣваться, что судьба малютокъ будетъ устроена. Это были мягкіе, добрые, гуманные и притомъ умственно развитые молодые люди.

— Что касается насъ, а особенно ея вотъ—говорилъ тоже взволнованнымъ голосомъ молодой супругъ: то тутъ и рѣчи не можетъ быть о томъ, чтобъ мы оставили теперь этихъ малютокъ на произволъ судьбы. Ее, вѣдь,—указалъ онъ на супругу и поцѣловалъ таки—и хлѣбомъ не корми, а подавай только побольше такихъ дѣлъ. У нея тамъ, въ имѣ-

ніи, завелся уже цѣлый пріютъ сиротокъ, и, конечно, намъ ничего не стоитъ взять и этихъ дѣтей, но тутъ есть одно затрудненіе...

— Да я объ этомъ-то и сама теперь думаю: согласится ли сельское общество уволить дѣтей и отдать ихъ намъ на попеченіе?

— Я полагаю,—серьезно замѣтилъ супругъ,—что намъ съ тобою и браться самимъ не слѣдуетъ за это дѣло, чтобъ какъ-нибудь не испортить его, или не затормозить надолго, а лучше просить стариковъ, твоего и моего отца: они основательнѣе насъ поступятъ въ этомъ случаѣ, да и вѣсъ ихъ въ глазахъ крестьянъ позначительнѣе нашего.

— Браво, браво!—захлопала въ ладоши молодая супруга и, обвившись руками вокругъ шеи мужа, засыпала его поцѣлуями, такъ что онъ передалъ вожжи Перепелкину, извиняясь передъ нимъ неизвѣстно въ чемъ.

— Видишь, какъ мы сдѣлаемъ это: сперва мы поведемъ сейчасъ атаку на твоего отца и, заручившись его согласіемъ, поѣдемъ ту жъ минуту къ моему. Мой—не сомнѣваюсь—все сдѣлаетъ для меня.

— А развѣ мой отецъ, а также и мать моя отказывали тебѣ въ чемъ-нибудь? Эта маленькая особа,—обратился онъ къ Перепелкину, указывая головой на жену, по тѣснотѣ экипажа, сидѣвшую у мужа на колѣняхъ,—могла бы сдѣлаться деспотомъ въ домѣ, если бы отъ природы не была надѣлена безгранично добрымъ сердцемъ, благородствомъ души и чувствомъ высокой справедливости. Вѣдь, въ ней души не слышатъ всѣ, начиная отъ послѣдней прислуги въ домѣ и кончая моими родителями, которые не надышатся на нее, какъ на . . . Дальше она не дала ему говорить, зажавши ротъ ему своей миніатюрной и чрезвычайно граціозной ручкой.

«Вотъ парочка-то!»—думалъ про себя не безъ-зависти Перепелкинъ. Онъ прикидывалъ въ своемъ умѣ, кто лучше: эта крошка, или Клодочка, лучезарнымъ метеоромъ блеснувшая предъ нимъ на короткій мигъ? «Нѣтъ, Клодочка»,—рѣшалъ онъ безпристрастно, «лучше: у ней и мысль и чувство должны быть глубже, чѣмъ у этой, какъ-бы не вполнѣ еще физически и нравственно сформировавшейся, куколки».

Старикъ чрезвычайно обрадовался, когда ему отрекомендовали Перепелкина, который готовъ пожертвовать хоть цѣлый день на игру съ нимъ въ шахматы, если и ему помогутъ устроить одно доброе дѣло здѣсь въ селѣ, «что мы уже и обѣщали ему», сказали молодые супруги не безъ нѣкотораго волненія.

— Что жъ это за дѣло такое?—спросилъ старикъ, пристально взглянувъ на свою жену и глубокомысленно понюхавъ табачку.

Молодые робковато, какъ-бы не увѣренные въ успѣхѣ своего ходатайства, передавали суть дѣла и съ замѣтно тревожнымъ духомъ ожидали, что скажетъ старикъ.

— Только-то?—обратился онъ къ Перепелкину: ну, давайте играть.

— Какъ, папочка, дѣло въ шляпѣ, какъ вы говорите?—подскочила невѣстка къ свекру и горячо поцѣловала его въ обѣ щеки.

— Конечно, въ шляпѣ,—сказалъ онъ, усаживаясь за маленькій столъ и приглашая Перепелкина занять мѣсто.

— Когда-жъ, папочка, можно это сдѣлать?—осаждала она.

— Да хоть сейчасъ.

— А сельское общество?

— Это пустяки!—отвѣчалъ старикъ нѣсколько сурово: поѣзжайте и привезите ихъ сейчасъ сюда. А если бы тамъ начались споры о правахъ, то скажите головѣ или тамъ въ волости, что я беру дѣтей-сиротъ на свое попеченіе до ихъ совершеннолѣтія, такъ какъ съ ними жестокосердно обращаются, и что никто имъ не мѣшаетъ жаловаться на меня, если кто этого пожелаетъ.

Восторгомъ дышало лицо молодой заступницы, которая опять не преминула поцѣловать старика въ обѣ щеки, съ нѣжностью обняла, мимоходомъ, добродушно улыбавшуюся свекровь свою, и, схвативъ подъ руку своего мужа, кивнула головкой Перепелкину и быстро исчезла.

Чрезъ минуту уже доносился со двора въ комнаты веселый смѣхъ и говоръ ихъ, когда они усѣлись въ экипажѣ и заспорили, чья очередь теперь править.

— Милое дитя!—сорвалось у старухи, стоявшей у окна и проводившей ихъ глазами.

— А, вѣдь, было время, моя милая, когда мы оба—ухъ! какъ свирѣпѣли противъ этой крошки, соблазномъ будто-бы увезшей нашего сынка.

Старуха перекинулась нѣсколькими словами съ гостемъ, распорядилась, чтобъ ему подали чаю, и удалилась.

Старикъ, какъ видно, былъ страстный любитель игры въ шахматы. Онъ очень долго обдумывалъ каждый ходъ и готовъ былъ, повидимому, разсердиться, за одинъ, какъ ему показалось, опрометчивый ходъ, сдѣланный Перепелкинымъ, но вскорѣ увидѣлъ, что у противника есть свой оригинальный планъ, съ которымъ ему пришлось считаться во всеоружіи своего долгаго навыка и опыта, и все-таки, какъ ни бился онъ, радъ былъ уже тому, что игра кончилась «ни въ чью».

— Да, вы того . . —сказалъ онъ, понюхавъ табачку.

Но старуха предложила завтракать, и онъ не договорилъ чего-того.

Оба они были люди симпатичные, простые, на видъ ужъ очень пожилые, и Перепелкину какъ-то легко и пріятно чувствовалось въ ихъ обществѣ. Онъ понялъ теперь и вполнѣ раздѣлялъ мысль сына ихъ, что крошка—невѣстка ихъ, пользуясь безграничной любовью со сто-

роны мужа и стариковъ, дѣйствительно могла сдѣлаться деспотомъ въ домѣ, если бы не обладала такими высокими качествами, какія приписываетъ ей мужъ ея. Но откуда же взять эти качества? Положимъ, можно быть по природѣ добрымъ, мягкимъ, безхарактернымъ до тряпичности, равно какъ жосткимъ, черствымъ и злымъ до звѣрства,— но «благородство души, чувство высокой справедливости»—вѣдь, это же, несомнѣнно, свойства благопріобрѣтенныя, вырабатывающіяся воспитаніемъ подъ вліяніемъ среды, мѣста, духа времени, преобладающихъ вѣяній и настроенія въ общественной жизни, въ тѣсной связи, разумѣется, съ условіями матеріальной жизни. Значитъ же, было въ условіяхъ жизни этой крошки что-то такое, что развило въ ней эти свойства.

«Значитъ же, не праздная и не пустая фантазія, задаться цѣлію—самому стремиться къ самоусовершенствованію, умственному и нравственному, и другихъ направлять и подстрекать къ тому же»,—упражнялся мысленно на своемъ любимомъ, обычномъ уже, конькѣ Перепелкинъ, пока старикъ, прежде чѣмъ сѣсть за завтракъ, настрочилъ отвѣтъ на поданную лакеемъ въ столовой записку, чтеніемъ которой въ то же время занялась и старуха.

— Дѣти пишутъ, что въ волости потребовали отъ нихъ письменнаго удостовѣренія, что я беру сиротъ на свое попеченіе до ихъ совершеннолѣтія—ну и послалъ имъ это удостовѣреніе,—говорилъ старикъ, садясь за столъ и завязывая салфетку на шеѣ.

— А вамъ чего угодно?—въ одно время спросили Перепелкина старики: водочки, винца, или наливочки?

Перепелкинъ налилъ себѣ полъ-рюмки наливки.

— Что жъ вы такъ?—удивился старикъ: вѣдь, ваша братія любитъ выпивку.

— Нѣтъ, я не охотникъ.

— Бываетъ и это. Вотъ у насъ два сына. Тотъ, котораго вы видѣли, и въ ротъ не беретъ ничего хмѣльнаго вотъ уже пять лѣтъ—съ тѣхъ поръ, какъ женился на своей милкѣ, хотя и жестоко покучивалъ студентомъ, ну, а другой, постарше, военный, много горя причиняетъ намъ со старухой своимъ пристрастіемъ къ водкѣ. И въ кого такой задался: ни въ моемъ, ни въ женином родѣ—насколько можно прослѣдить нашу генеалогію по восходящей линіи—пьяницъ не было, были любители кутежей, но не пьяницы. А этотъ напивается до безобразія, постоянно скандалитъ и все больше, и больше запутывается въ долги. Чѣмъ ужъ кончитъ—боимся думать. У старухи показались слезы, она усиленно стала мигать глазами, и старикъ замолчалъ.

Освѣдомившись, затѣмъ, подробно—кто онъ, куда направляется и съ какими цѣлями, старики любезно стали убѣждать Перепелкина про-

ѣхать на ихъ лошадяхъ упряжки двѣ—три, погостивши у нихъ денекъ—другой.

— Нѣтъ, этого я не могу сдѣлать: часамъ къ четыремъ я желалъ бы выйти изъ деревни.

— Да, почему же такъ?—удивились они оба.

— У меня есть спутникъ, который по обѣту идетъ пѣшкомъ на богомолье въ Москву и Сергіевскую лавру, и на лошадяхъ ни за что не согласится ѣхать.

— Ну, и пусть себѣ идетъ, вы догоните.

— Да, извольте видѣть, человѣкъ онъ опытный, знаетъ эти края, а мнѣ хотѣлось бы ко всему присмотрѣться, кое-что изучить или, по крайней мѣрѣ, ознакомиться...

— Да для чего все это вамъ нужно? Вѣдь, вы же учиться идете въ академію или въ университетъ тамъ?—возразили старики, удивленно переглядываясь другъ съ другомъ и вопросительно смотря на Перепелкина.

Перепелкинъ видѣлъ, что не легко растолковать старикамъ, чему бы онъ хотѣлъ поучиться въ дорогѣ, а потому сказалъ только, что онъ, какъ малороссъ, мало знакомый, да и то по книжкамъ—съ Великороссіей, надѣется, при маленькомъ содѣйствіи своего спутника, познакомиться съ нравами и обычаями кореннаго русскаго народа, что̀, дескать, очень интересуетъ его.

Старики недовѣрчиво улыбнулись, переглянувшись другъ съ другомъ.

— А! теперь я догадалась,—сказала, добродушно обрадовавшись своему открытію, старушка,—вы хотите заблаговременно присмотрѣться, гдѣ лучше быть священникомъ.

— Э, э! молодъ, да, небось, себѣ на умѣ!—подтвердилъ старикъ ея догадку, пріятно осклабляясь на Перепелкина. Ну, пойдемъ те же теперь и сразимся не на животъ, а на смерть!—говорилъ онъ, весело подхвативъ Перепелкина подъ руку и уводя его.

— Господь съ тобою!—запротестовала старушка,—какія слова ты употребляешь, ужъ совсѣмъ таки не идущія къ дѣлу!

— Ну, теперь я себя не дамъ вамъ поддѣть, какъ ужъ ни хитрите тамъ: ни, ни, ни,—говорилъ онъ, дѣлая ходъ.

Оба партнера углубились въ игру. Наступило гробовое молчаніе, изрѣдка только прерываемое возгласами старика: ни, ни, ни, не поддамся! если только онъ находилъ какой-либо ходъ со стороны противника особенно хитрымъ, да продолжительнымъ чиханіемъ, когда онъ, для возбужденія мысли, закладывалъ въ ноздри добрую понюшку крѣпкаго табака.

Былъ моментъ, когда Перепелкинъ, какъ ему казалось, могъ по-

прижать старика и выиграть игру, но онъ хотѣлъ повеликодушничать, затянулъ ее и проигралъ.

— Вотъ, что называется,—говорилъ старикъ восторженно,—разбить непріятеля по всѣмъ правиламъ искусства въ пухъ и прахъ!

Но когда Перепелкинъ, не щадя самолюбія старика, замѣтилъ, что игру можно было обратить ни въ чью, если бы онъ не сплоховалъ и воспользовался однимъ моментомъ, то старикъ, какъ истый любитель игры, потребовалъ возстановить этотъ моментъ и сразу далъ ловкій отпоръ хитро придуманному маневру самонадѣяннаго юноши, но слишкомъ ужъ обрадовался такому обороту дѣла и попалъ таки въ просакъ: какъ ни ломалъ голову, какъ ни набивалъ носъ табакомъ, приговаривая: ни, ни, шалишь, не поддамся, игра пошла въ такомъ направленіи, что онъ, видимо, долженъ былъ проиграть.

— Да, вы того...—сказалъ онъ опять упавшимъ голосомъ,—когда игра, дѣйствительно, была проиграна, и такое сокрушеніе духа разлилось по его лицу, что Перепелкину стало жаль его, и онъ попенялъ на себя въ душѣ за этотъ вызовъ, который и кончиться могъ бы все-таки полнымъ вторичнымъ его пораженіемъ, если бы старикъ, слишкомъ понадѣявшись на свою опытность, не сдѣлалъ на радостяхъ одного рискованнаго хода.

Вотъ ужъ скоро будетъ два часа, а молодой четы нѣтъ какъ нѣтъ. Во дворъ въѣхалъ легкій тарантасъ, и старикъ, какъ только заслышалъ стукъ экипажа и разсмотрѣлъ его, быстро оставилъ игру и поспѣшилъ на крыльцо. Перепелкинъ подошелъ къ окну. Изъ тарантаса высаживался, съ помощію лакея, очень, очень пожилой господинъ, съ мягкими и добрыми чертами лица. Старикъ сошелъ съ крыльца ему навстрѣчу, и они, крѣпко обнявшись, нѣсколько разъ принимались цѣловаться, смотря одинъ другому въ глаза и не выпуская другъ друга изъ объятій.

— Вѣрно, того?—подмигнулъ старикъ-хозяинъ.

— Ни, ни, ни!—говорилъ пріѣхавшій, отрицательно качая головой.

— Я, вѣдь, посылалъ за тобой въ городъ: нигдѣ не могли разъискать тебя...

— Ни, ни, ни!—отрицалъ что-то пріѣзжій.

На крыльцо вышла старуха. Пріѣзжій почтительно поцѣловалъ ей руку и освѣдомился о ея здоровьи.

— Вы-то какъ?—спросила она, пристально всматриваясь ему въ лицо, дышавшее необыкновенною кротостію.

— Ни, ни, ни!—потрясалъ пріѣзжій головою и отмахивался руками отъ какого-то таинственнаго предложенія стариковъ.

Всѣ прошли на половину маіорскую,—такъ назывались три комнаты, занимаемыя пріѣхавшимъ господиномъ. Это былъ, «съ давнихъ поръ»,

проживающій здѣсь майоръ, взамѣнъ котораго, вслѣдствіе затянувшагося его отсутствія, притащили сюда Перепелкина. Онъ имѣлъ слабость—пить запоемъ, но это не часто ему случалось. Попьетъ у себя въ комнатѣ, никуда не выходя и избѣгая всякихъ сношеній съ людьми, дней пять-шесть, и затѣмъ мѣсяца три-четыре въ ротъ ничего не беретъ. Отличался необыкновенною кротостію и уступчивостію. Любилъ духовное чтеніе и зналъ наизусть всѣ псалмы Давида и Евангеліе всѣхъ евангелистовъ. Никогда ни съ кѣмъ не спорилъ и свое несогласіе съ мнѣніемъ другихъ выражалъ или совершеннымъ молчаніемъ, или отрицательнымъ покачиваніемъ головы, съ прибавкой иногда: ни-ни. Вообще немногорѣчивъ, къ короткимъ отвѣтамъ прибавлялъ: съ. Съ чувствомъ игралъ на кларнетѣ, забравшись рано утромъ въ садъ и вызывая пернатыхъ на состязаніе, но больше всего любилъ шахматную игру, въ которой былъ силенъ, и Перепелкинъ изъ шести партій съ нимъ не выигралъ ни одной.

Пришелъ лакей и попросилъ Перепелкина пожаловать на майорскую половину. Старики, познакомивъ его съ маіоромъ, ушли.

— Въ Питеръ?—полюбопытствовалъ маіоръ, пыхтя изъ длиннѣйшаго чубука.

— Да, туда... учиться.

— Бывалъ и тамъ-съ. Пыхъ, пыхъ, пыхъ. У Аракчеева служилъ-съ.

— Ахъ, это любопытно,—встрепенулся Перепелкинъ,—что это за человѣкъ былъ такой загадочный?

Маіоръ пыхтѣлъ изъ чубука, смотрѣлъ на Перепелкина и не скоро отвѣтилъ:

— Звѣрь-съ!

— Но уменъ, должно быть, очень?

Пыхъ, пыхъ, пыхъ.

— Глупый-съ.

— Но за что же такъ превозвышенъ?

Началось сильнѣйшее, съ минуту продолжавшееся пыхтѣніе изъ чубука.

— Судьба-съ!

Маіоръ поставилъ трубку въ углу, къ коллекціи многихъ разнообразныхъ чубуковъ, и вытянулся во весь ростъ передъ Перепелкинымъ, какъ бы изображая въ статую обратившагося человѣка.

— Вотъ-съ! больше ничего не требовалъ отъ подчиненныхъ-съ.

— Говорятъ, набожный былъ?

— Одно лицемѣріе-съ.

— Неужели?

— Вѣкъ такой былъ-съ: требовалось.

Сѣли играть. Перепелкинъ, какъ ни старался быть внимательнымъ, но никакъ не могъ совершенно освободиться отъ мыслей, возбуждавшихся въ его умѣ этой не сложной и не многословной характеристикой извѣстнаго государственнаго человѣка, и проигрывалъ партію за партіей.

Наконецъ, къ четыремъ часамъ, когда уже позвали къ столу, пріѣхали молодые и съ шумомъ представляли заробѣлыхъ, растерявшихся, подобно пойманнымъ звѣркамъ, Машу и Митю. Они уже были вымыты, тщательно причесаны и въ чистомъ свѣжемъ бѣльѣ. Ихъ всѣ старались приласкать, но сколько-нибудь подбодрить ихъ и вызвать на разговоръ— оказалось пока невозможнымъ.

— Доброе дѣло-съ!—говорилъ маіоръ, погладивъ тоже по головкѣ мальчика и дѣвочку: доброе дѣло-съ и христіанское.

Рядомъ съ людской была чистая, высокая и очень большая комната, куда торжественно и повели дѣтей всѣ гурьбой. Здѣсь уже было пятеро дѣтей отъ 2 до 6 лѣтъ. Они были ввѣрены непосредственному попеченію вдовы бывшаго садовника, изъ крѣпостныхъ, очень доброй, какъ говорили, и благообразной пожилой женщины. На помощь ей назначена была горничная, которая тутъ же и помѣщалась. Въ комнатѣ, кромѣ чистоты, ничего не замѣчалось такого, что пріучало бы къ изнѣженности, отрывало бы отъ среды и развивало наклонности и вкусы, несовмѣстные со средствами простыхъ бѣдныхъ людей. Въ этомъ виденъ былъ тактъ молодой патронессы, о гуманности и добросердечіи которой успѣлъ маіоръ шепнуть Перепелкину на ухо нѣсколько словъ, пока она перекидывалась ласковыми словами, обращаясь то къ одному, то къ другому дитяти. Они ее обступили, глядѣли на нее привѣтливо, съ любовію, говорили смѣло, бойко, но учтиво; почтительно, безъ малѣйшаго оттѣнка чего-нибудь похожаго на фамиліарность. И здѣсь былъ виденъ тактъ воспитанія.

«Ангелъ-хранитель-съ, — шепнулъ маіоръ Перепелкину, стоя съ нимъ рядомъ позади всѣхъ, когда крошечная патронесса сиротъ-малютокъ взяла на руки двухлѣтняго карапузика, пощекотала его въ грудку и нѣсколько разъ любовно поцѣловала. На лицахъ всѣхъ присутствовавшихъ изображалось умиленіе.

«Господи,—думалъ Перепелкинъ:—какъ легко и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно дѣлать добро и самимъ сдѣлаться добрыми! Вѣдь, стоитъ только серьезно захотѣть сдѣлать добро, и судьба поможетъ сдѣлать его. Не даромъ говорится: на ловца и звѣрь бѣжитъ. Какъ я счастливъ, что мнѣ удалось вырвать этихъ несчастныхъ дѣтей изъ проклятаго омута!»

Но, къ удивленію его, дѣти съ этимъ омутомъ разставались не только неохотно, а даже съ плачемъ и рыданіемъ обращались къ той же Химкѣ, стегавшей ихъ прутомъ по чемъ попало, чтобъ она не

давала ихъ господамъ. На силу успокоили ихъ: такъ робка и незлопамятна дѣтская натура!

Обѣдъ прошелъ въ оживленной бесѣдѣ, которую умѣла заводить и поддерживать молодая хозяйка дома. Она мило потрунила надъ неумѣлостью своей и мужа говорить съ простыми людьми и выяснять имъ свои намѣренія; весьма характерно сообщила объ угрозахъ Химки и ея хозяйки по адресу Перепелкина, вслѣдствіе чего она, безъ разрѣшенія «адресата», вынужденною нашлась привезти его вещи съ собой, а «длинноносому» Кулику посовѣтовала продолжать путь и не безпокоиться о спутникѣ, который на лошадяхъ догонитъ его.

— Папа, можно на нашихъ лошадяхъ подвезти его до встрѣчи съ Куликомъ?

— Еще бы! Мы и сами ужъ предлагали, да онъ что-то упирается˙

— Ну, теперь не станетъ упираться, когда спутникъ ужъ давно въ дорогѣ: онъ поспѣшилъ уйти, когда и на него стали коситься изъ-за дѣтей.

— А вся эта кутерьма изъ-за васъ произошла,—обратилась она съ милою улыбкою къ маіору. Гдѣ это вы, Николай Ивановичъ, къ нашему общему огорченію и безпокойству, пропадали такъ долго? Ужъ не влюбились ли въ кого?

— Вояжировалъ, милая Вѣра Николаевна, вояжировалъ, больше ничего,—говорилъ маіоръ,—добродушно улыбаясь и смотря на нее съ отеческою нѣжностью.

— Но почему же вы, Савва Саввичъ, отклоняли отъ себя предложеніе ѣхать на нашихъ лошадяхъ?

— Да онъ не спроста путешествуетъ, — подмигнулъ старикъ по направленію Перепелкина,—онъ, видишь, хочетъ, при содѣйствіи знающаго край Кулика, повысмотрѣть себѣ хорошее мѣстечко, чтобъ не искать его долго, по окончаніи курса.

— Нѣтъ, я этого вовсе не имѣлъ въ виду,—сказалъ Перепелкинъ, по обыкновенію конфузясь и краснѣя за чужой промахъ.

— А какъ же вы давеча говорили?—пристали старикъ и старуха.

— Я говорилъ только, что хочу познакомиться съ нравами и обычаями великороссовъ, которыхъ мало, только по книжкамъ знаю.

— Ну, вотъ оно такъ и есть: тутъ, вѣдь, другой же цѣли и не можетъ быть,—смѣялись добродушно старики, которымъ сталъ вторить и маіоръ.

— Нѣтъ, папочка и мамочка,—возразили въ голосъ молодые супруги,—тутъ можетъ быть цѣль совсѣмъ другая, научная.

Маіоръ сдѣлалъ серьезную физіономію. Старики, въ свою очередь,

переконфузились и стали съ дѣтскою растерянностію посматривать на молодыхъ людей, на маіора и другъ на друга.

— Мнѣ собственно хотѣлось бы присмотрѣться къ тому, какъ вообще живутъ люди на бѣломъ свѣтѣ,—рѣшился высказаться Перепелкинъ. Въ чемъ состоитъ ихъ счастье и несчастье, гдѣ корень зла...

— Да вамъ же какое дѣло до другихъ? Вѣдь, вы же не чиновникъ какой!—серьезно замѣтилъ старикъ.

— Можетъ быть, и въ вашемъ заступничествѣ за чужихъ дѣтей есть что-нибудь неладное?—съ безпокойствомъ въ лицѣ обратилась старуха къ переконфузившемуся Перепелкину.

— Что вы, мамочка, что вы... Господь съ вами!—говорили молодые супруги: это вопросы научные, надъ которыми и мы часто задумываемся, для разрѣшенія которыхъ выписываемъ много книгъ, читаемъ ихъ вмѣстѣ, изучаемъ и часто подолгу говоримъ и споримъ по поводу прочитаннаго.

— Что-то я этого не замѣчала у васъ,—сказала старуха, тревожнымъ взглядомъ посматривая то на сына, то на невѣстку.

— А развѣ, мамочка, я не совѣтовалась съ вами, какъ наполнить нашу жизнь такъ, чтобы мы оба еще очень молодые отъ бездѣйствія не подверглись разъѣдающей праздныхъ людей скукѣ, а имѣли бы опредѣленныя цѣли и задачи въ жизни, выполненіе которыхъ сообща, вмѣстѣ другъ съ другомъ, и поддерживало бы до гроба ту неразрывную связь, которая установилась между нами? Развѣ забота, которую мы оба приняли на себя, объ улучшеніи положенія нашихъ крестьянъ и о призрѣніи сиротъ, и вообще заброшенныхъ дѣтей, не составляетъ одной изъ задачъ, которыя требуютъ серьезнаго изученія?

— Да, вѣдь, это все, милая, дѣлается, въ вашихъ личныхъ интересахъ,—съ самодовольствомъ уже возражали старики,—ты имѣешь въ виду себя и мужа. А то вдругъ выискался человѣкъ, который пѣшкомъ хочетъ пройти полторы тысячи верстъ, чтобъ присмотрѣться— кто счастливъ, кто несчастливъ, и въ чемъ корень зла,—иронизировали уже старики.

Перепелкина это взорвало, тѣмъ болѣе, что онъ самъ чувствовалъ, что выразился неловко.

— Вѣдь я же иду,—заговорилъ онъ съ живостью, обратившею на него вниманіе всѣхъ,—съ цѣлію окончить свое научное образованіе въ столицѣ, такъ почему же не воспользоваться продолжительнымъ путешествіемъ и для другихъ цѣлей? Все, что я имѣю въ виду изучить, посредствомъ ли прямыхъ и непосредственныхъ наблюденій надъ жизнью, или по разсказу другихъ, будетъ способствовать моему умственному и нравственному развитію, а это можетъ быть полезно не

только для меня лично, если ужъ преслѣдовать только личные интересы, но и для всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ мнѣ придется жить, буду ли я священникомъ, чиновникомъ или простымъ чернорабочимъ.

— Богъ знаетъ, что вы говорите,—ворчали старики, покачивая головой, отъ большого-то ума—чернорабочимъ! Лучше ужъ не смущайте дѣтей такими рѣчами.

Дѣти, дѣйствительно, смутились отъ такой наивности папаши и мамаши. Краска выступила на ихъ лицѣ, и они стыдились поднять глаза на Перепелкина.

— Я вамъ сейчасъ на примѣрѣ покажу, сколько пользы могу я извлечь изъ моего, такъ сказать, научнаго путешествія, положимъ, какъ будущій священникъ,—говорилъ расходившійся уже, горячій на слово Перепелкинъ: въ вашей губерніи, наканунѣ какого-то поста, было перерѣзано, съ цѣлію грабежа, все семейство кабатчика, жившаго въ полуверстѣ отъ села Ржевки, и онъ самъ задушенъ. Злодѣевъ открыли и уличили только по небольшой сумкѣ, съ сдобными лепешками, брошенной ими въ рѣку, при возвращеніи съ мѣста убійства, въ виду незамѣченныхъ ими двухъ бабъ, срѣзавшихъ камышъ...

— Да, это мы знаемъ,—заговорили въ одно время старики и маіоръ: злодѣевъ было трое, ихъ осудили и сослали въ каторгу. Но мало ли кого ссылаютъ... по дѣломъ вору и мука... это и вездѣ бываетъ... что жъ тутъ вамъ за наука?

Дѣти опять конфузливо потупились, особенно молодая хозяйка, у которой такъ и игралъ румянецъ на щечкахъ.

— А наука вотъ въ чемъ: Ихъ спрашиваютъ на судѣ: зачѣмъ же вы бросили въ воду сумку? «Что жъ мы нехристи какіе, прости Богъ грѣхи!—отвѣчаютъ они съ негодованіемъ: тоже, вѣдь, православные,—не станешь ѣсть постомъ скоромное, аль не повезешь домой, чтобъ дѣтей малыихъ оскоромить—вотъ, молъ, что!»

— Такъ что жъ! все жъ таки, значитъ, хоть злодѣи, а постъ-то соблюдаютъ и вѣру...

Старуха не договорила, очевидно, спохватившись, что далеко зашла въ непониманіи сути дѣла.

Разговоръ вдругъ оборвался. Всѣмъ сдѣлалось какъ-то неловко.

Маіоръ и старикъ безъ видимой физической причины стали покашливать, какъ бы желая ослабить впечатлѣніе отъ водворившагося вдругъ гробоваго молчанія. Перепелкинъ мысленно упрекалъ себя, что неловкими выраженіями подалъ поводъ къ разговорамъ, имѣвшимъ такой странный исходъ.

— Если ужъ вы такъ любопытны по этой части,—заговорилъ вдругъ маіоръ, то я вамъ дамъ письмо къ племяннику моему, игу-

мену N. монастыря, близъ Новгорода: бросилъ міръ изъ-за людскаго нечестія-съ!

Всѣ обрадовались перемѣнѣ разговора и устремили глаза на маіора, какъ бы боясь, чтобы онъ, несловоохотливый вообще, не замолкъ вдругъ.

— А, это тотъ, что не любилъ покойнаго Фотія, настоятеля Юрьевскаго монастыря?—поспѣшила поощрить маіора къ разговору молодая хозяйка.

— Да... терпѣть не могъ-съ... за честолюбіе и самолюбіе-съ!

— Онъ, кажется, не любилъ и митрополита Филарета?—вмѣшался старикъ, тоже, вѣроятно изъ опасенія, какъ бы не истощилась эта тема.

— Терпѣть не можетъ-съ.

— За что же?—быстро подхватилъ Перепелкинъ.

Маіоръ, и вообще не скоро отвѣчавшій на вопросы, заставилъ таки долго дожидаться отвѣта на послѣдній вопросъ.

— За сухость сердца-съ!—отвѣчалъ онъ, наконецъ, внушительно посмотрѣвъ на всѣхъ.

Обѣдъ кончился. Перемѣна разговора не привела къ тому результату, какого, повидимому, ожидали всѣ, т. е. къ возстановленію тѣхъ симпатичныхъ отношеній, какія первоначально установились было между стариками и гостемъ. Очевидно, черная кошка пробѣжала между ними. Это чувствовали и видѣли молодые супруги и Перепелкинъ.

Старуха отозвала къ себѣ невѣстку, а сынъ ея увелъ Перепелкина къ себѣ наверхъ въ мезонинъ. Здѣсь онъ крѣпко обнялъ и поцѣловалъ своего гостя.

— Это,—безъ хвастовства скажу вамъ — еще лучшіе экземпляры между окрестными помѣщиками, по крайней мѣрѣ, по сердечной добротѣ и по совершенной неспособности умышленно вредить кому бы то ни было. Вотъ туговаты только понимать такія вещи, о которыхъ мы заговорили тамъ случайно, чего мы съ Вѣрочкой вообще избѣгаемъ.

Перепелкинъ выразилъ опасеніе, какъ бы эта неловкая случайность не повліяла на судьбу дѣтей.

— О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! никоимъ образомъ,—успокоилъ молодой человѣкъ. Если бъ вы усомнились въ моей готовности или недостаткѣ энергіи къ обезпеченію положенія сиротъ, то это имѣло бы еще какое-нибудь основаніе, потому что до женитьбы на милкѣ я отличался легкомысліемъ, непостоянствомъ и неимѣніемъ никакихъ опредѣленныхъ цѣлей жизни. Но что касается ея, то она такими дѣлами занималась еще въ домѣ отца, о чемъ можетъ засвидѣтельствовать вамъ вся деревня. Да и меня она въ дѣлѣ гуманности переработала такъ, что ужъ за

кого—за что, а за обездоленныхъ я всегда готовъ распинаться. Вѣдь, это чудо что за женщина! говорилъ онъ, все болѣе и болѣе воодушевляясь,—она и въ другихъ отношеніяхъ переработала меня до неузнаваемости. Женившись на ней,—какъ она правильно вамъ говорила,—воровскимъ образомъ, я бросилъ университетъ и по тряпичности своей готовъ былъ заниматься только амурами съ нею, но она заставила таки меня, въ качествѣ приватнаго слушателя, закончить университетскій курсъ, сама долбила со мною по запискамъ «всякія права»—я былъ на юридическомъ факультетѣ — выслушивала меня передъ экзаменомъ, помогала мнѣ писать диссертацію и успокоилась только тогда, когда я благополучно сдалъ экзаменъ. Вотъ какая эта женщина!—заключилъ онъ въ радостномъ волненіи.

Возвратилась отъ свекрови молодая хозяйка и внесла съ собой оживленіе, тотчасъ же сообщившееся собесѣдникамъ. Огонь свѣтился въ ея глазахъ, а жизнерадостное ея лицо ясно свидѣтельствовало, что она одержала побѣду надъ мнительностію старухи. Поцѣловавъ мужа и обмѣнявшись съ гостемъ нѣсколькими привѣтливыми словами, она предложила пройтись съ ней по саду.

Спустившись въ залу, откуда былъ ходъ черезъ стеклянную дверь въ садъ, они заслышали голоса дѣтей, сгруппировавшихся около цвѣтниковъ, и остановились у окна такъ, чтобъ ихъ не замѣтили снизу. Двѣ шестилѣтнія дѣвочки объясняли привезенной Машѣ, какъ надо ухаживать за цвѣтами, какую траву вырывать, а какую оставлять, когда какіе цвѣты надо поливать, и какъ какіе называются. Маша бойко запоминала названія и полюбопытствовала спросить, больно ли стегаютъ ихъ, если не такъ что сдѣлаешь. Она очень удивилась, когда ей отвѣчали, что здѣсь никогда и ни за что не стегаютъ, а только ставятъ въ уголъ за драку и за капризы.

— Туто-ка, не стегаютъ, Митя, николи не стегаютъ,—радостно обратилась къ братишкѣ, на что̀ тотъ широко улыбнулся, показавъ рядъ бѣлыхъ жемчужныхъ зубовъ.

Ему тоже объяснили сверстники его, что не надо ловить бабочекъ и протыкать ихъ палочками, не надо также и въ птичекъ бросать камушками, раззорять гнѣзда ихъ: «маодая баиня не юбитъ этого», говорила дѣвочка еще меньше Мити, который съ любопытствомъ перебѣгалъ глазенками съ предмета на предметъ и поминутно спрашивалъ: а это что такое? а то что?

— Нравится вамъ эта идиллія?—обратилась молодая хозяйка къ Перепелкину. Мы съ Гришей какъ нельзя болѣе довольны пока деревенской жизнью—не правда ли?—сказала она, взявъ мужа за обѣ руки и смотря ему въ глаза.

— Правда, правда! милка,—сказалъ онъ, осыпая ее поцѣлуями.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтки и воспоминанія Михаила Чайковскаго.

(Садыкъ-паши.)

По возвращеніи моемъ въ отечество, я получилъ въ 1879 г. письмо изъ Лейпцига отъ издателя моихъ повѣстей, Брокгауза, извѣщавшаго меня о томъ, что онъ не можетъ болѣе издавать мои сочиненія и печатать что-либо вышедшее изъ-подъ моего пера, такъ какъ за нарушеніе этого запрета ему угрожаютъ смертью.

Въ томъ же году одна полька, находясь въ нуждѣ, обратилась ко мнѣ съ просьбой о вспоможеніи. Такъ какъ мои средства были весьма ограничены, то, не имѣя возможности оказать ей существенной помощи деньгами, я отдалъ въ ея распоряженіе свою повѣсть «Устья Дуная» предоставивъ ей право издать ее въ свою пользу книгопродавцамъ-издателямъ. Она послала повѣсть въ Варшаву, но тамошніе книгопродавцы отвѣтили, что имъ запрещено издавать и печатать сочиненія Михаила Чайковскаго, Садыкъ-паши. Повѣсть была переведена на русскій языкъ и напечатана въ «Кіевлянинѣ»; слѣдовательно, запрещеніе издать ее въ Варшавѣ не могло исходить отъ правительственной цензуры.

Въ то же время я далъ г. Г., съ которымъ мы сражались вмѣстѣ въ 1831 г., и который уѣзжалъ въ австрійскую Галицію, статью, долженствовавшую служить отвѣтомъ на нападки на меня поляковъ въ газетахъ, съ просьбою помѣстить ее въ одномъ изъ журналовъ, издаваемыхъ въ Львовѣ или Краковѣ. Ни въ томъ, ни въ другомъ городѣ статьи не приняли, объясняя отказъ тѣмъ же запретомъ, на который ссылались Брокгаузъ и варшавскіе издатели. Стараніемъ Г. статья эта была переведена на русскій языкъ и напечатана въ издающейся на русскомъ языкѣ газетѣ въ Галиціи.

Такимъ образомъ я находился подъ запретомъ или анаѳемой тайнаго общества и долженъ былъ совершенно отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ печатать мои труды, чтобы не быть невольной причиной смерти моихъ издателей, каковой имъ угрожали.

Принимаясь теперь записывать пережитое и передуманное мною какъ бы въ дополненіе къ оставляемымъ мною запискамъ, я дѣлаю это не съ цѣлью издать эти замѣтки, а оставляю ихъ на память моимъ дѣтямъ и тѣмъ изъ моихъ политическихъ и боевыхъ товарищей, которые трудились вмѣстѣ со мною и понимали мои труды; быть можетъ, это представитъ интересъ и для отдаленнаго потомства, которое будетъ еще говорить, понимать и чувствовать по-польски.

Въ дополненіе этого моего, какъ бы предисловія, привожу копію моего письма къ одному изъ моихъ товарищей Ричарду Бервинскому, который лучше другихъ понималъ мои дѣйствія и былъ однимъ изъ полезнѣйшихъ политическихъ моихъ сотрудниковъ.

«Любезный Ричардъ, изъ письма Бентковскаго, издателя «Познанскаго Дневника», которое вы сообщили мнѣ до отъѣзда моего изъ Стамбула въ Кіевъ, вы могли видѣть, какъ относились ко мнѣ поляки-католики, дѣятели 1863 года. Лучше погубить (potçpic) Михаила Чайковскаго, Садыкъ-пашу, хотя бы онъ былъ самый дѣльный изъ поляковъ, самый честный и умный изъ польскихъ политиковъ,—«писалъ онъ»,—нежели обнаружить, что полякамъ недоставало и недостаетъ отваги и политическаго самопожертвованія, ума и практичности. А это было бы неизбѣжно, если бы начать писать всю правду о Чайковскомъ, о его дѣятельности и успѣхахъ на Востокѣ.

«Доводъ іезуитскій, но логическій. Результатомъ примѣненія этого принципа ии практикѣ явился начатый противъ меня походъ двухъ приспѣшниковъ Бѣлоцерковскаго двора, которые, подъ псевдонимами Грифа и Плуга старались чернить меня въ стихахъ и прозѣ; далѣе католическія демонстраціи въ Кіевѣ, угрозы смерти лейпцигскому издателю Брокгаузу и, безъ сомнѣнія, также и другимъ польскимъ издателямъ, если бы они отважились печатать и распространять мои сочиненія. Словомъ, тотъ, кто всѣмъ рѣшительно жертвовалъ для польскаго дѣла, для поляковъ, и кто болѣе всѣхъ успѣлъ сдѣлать для нихъ въ теченіе своей политической карьеры—подвергается анаѳемѣ поляковъ-католиковъ.

«Сынъ Украйны, я горячо любилъ свое отечество и ея славу, болѣлъ душой объ ея упадкѣ. Изучая наше прошлое и настоящее, я не могъ не придти къ заключенію, что латинскій или римскій католицизмъ оторвалъ насъ отъ восточной православной церкви и отъ славянства, отъ нашей силы, отъ нашего могущества, отъ нашей народной будущности, и бросилъ насъ подъ ноги, на съѣденіе Западу, насъ,

людей Востока, не имѣющихъ и не могущихъ имѣть жизни иначе, какъ только на Востокѣ, въ славянствѣ. Это убѣжденіе я высказывалъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, вышедшихъ въ Парижѣ, которыя я выпускалъ въ свѣтъ не какъ плоды литературные, но какъ мысли, выражающія мою будущую политическую программу.

«Когда князь Адамъ Чарторыйскій пригласилъ меня къ дѣятельному участію въ политическомъ служеніи польскому дѣлу, во главѣ котораго онъ стоялъ, то я принялъ это предложеніе съ оговоркой, что я буду проводить въ жизнь мысли, высказанныя уже въ моихъ печатныхъ сочиненіяхъ.

«Въ первую мою поѣздку съ политической миссіей въ Римъ, я старался отклонить посредничество отцовъ-іезуитовъ, которые присвоили себѣ опеку надъ церковью въ польскихъ земляхъ, и завязать непосредственныя сношенія между папой,съ одной стороны, и княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, законнымъ, по мнѣнію нашей партіи, претендентомъ на польскую корону, съ другой. Мои старанія шли успѣшно; непосредственныя сношенія завязались; но я навлекъ на себя неудовольствіе, а быть можетъ и ненависть отцовъ-іезуитовъ и польскихъ «змартвыхъ встанцевъ»—этой новой отрасли іезуитовъ. Они боялись, чтобы такъ называемая лепта св. Петра, вѣрнѣе польская вдовья лепта, присылаемая въ распоряженіе католиковъ, не направилась въ народную королевскую кассу князя А. Чарторыйскаго и не была употреблена на польское дѣло, а не на нужды польско-католическихъ церковныхъ обществъ.

«Пробывъ годъ въ Римѣ, я отправился въ Константинополь. Завязавъ въ этой столицѣ кое-какія сношенія съ нѣсколькими сановниками, стоявшими у кормила оттоманскаго государства, я не желалъ однако нарушать традицій эмиграціонной политики князя А. Чарторыйскаго, опиравшейся на католицизмъ и на отношенія къ Англіи, въ основаніе коихъ было положено соглашеніе съ черкесами и мусульманами Кавказа.

«Я вошелъ немедленно въ уговоръ съ отцами-лазаристами и основалъ польскую колонію на азіатскомъ берегу Босфора, верстахъ въ десяти отъ берега, которая сдѣлалась убѣжищемъ для нѣсколькихъ семействъ польскихъ колонистовъ, и отъ имени которой я выхлопоталъ у французскаго правительства политическое покровительство для тысячи поляковъ, проживавшихъ въ разныхъ мѣстахъ Оттоманской имперіи. Путемъ воспитанія я бросилъ первыя сѣмена соглашенія между лазаристами и болгарами, а равно и другими славянами Турціи. Это было дѣломъ польскаго посредничества, заслугой политики князя Адама Чарторыйскаго предъ славянствомъ.

«Защищая отъ беззаконнаго гнета австрійскихъ властей боснійскихъ отцовъ-францисканцевъ, религіозное общество, проникнутое чисто

славянскимъ народнымъ духомъ, я вошелъ съ ними въ близкія отношенія, ввелъ ихъ въ польскую колонію на Босфорѣ и поручилъ имъ завѣдывать въ ней приходомъ, питая надежду, что этой связью съ католицизмомъ я, хотя отчасти, привлеку поляковъ къ славянству. Несмотря на всѣ мои старанія и на матеріальные успѣхи, дѣло это не пошло такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось; со стороны поляковъ замѣчалось какое-то удивительное отвращеніе отъ славянства и съ другой стороны какое-то непонятное, безсмысленное влеченіе къ западу и къ латинству.

«Католицизмъ былъ причиною, по которой я не могъ сдѣлать для поляковъ болѣе того, что сдѣлалъ.

«Я послалъ двухъ дѣльныхъ людей, лучшихъ изъ поляковъ, Людвига Звѣрковскаго и Гордона, на Кавказъ. Черезъ нихъ я вошелъ въ сношеніе съ независимыми черкесскими племенами и съ самимъ Шамилемъ. Я завязалъ сношенія между этимъ вождемъ Кавказа и княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, сношенія письменныя, какихъ не имѣли англичане, ведшіе переговоры лишь чрезъ турокъ. Но и на этой почвѣ нельзя было добиться успѣха для польскаго дѣла, и эта натянутая дружба окончилась смертью храбраго Гордона, который былъ измѣннически убитъ хаджи-Керандукомъ Барзекомъ, главой племени убыховъ, а Звѣрковскій былъ раненъ однимъ изъ братьевъ Зазы-оглу, изъ племени шапсуговъ, который взялся провести его къ Шамилю. Зависть и недовѣріе были причиною этихъ преступленій, но болѣе всего то, что между поляками, славянами и кавказцами не могло быть ни племенной, ни исторической связи.

«Не порывая отношеній ни съ католицизмомъ, ни съ населеніемъ Кавказа, я бросился въ союзъ славянскій, православный и на этой почвѣ утверждалъ свою политическую дѣятельность въ интересахъ польскихъ. Вѣрно избранное основаніе не преминуло сказаться желанными успѣхами и результатами. Славянская политика князя А. Чарторыйскаго, руководимая мною, была понята южными славянами и блистательной Портой, въ особенности султаномъ Абдулъ-Меджидомъ и его главными управителями: Мустафа-Решидъ-пашой, Гассанъ-Риза-пашой и Мехмедъ-Фуадъ-пашой. Польско-славянская политика имѣла свой вѣсъ и значеніе и, смѣло могу сказать, что ее цѣнили не меньше политики самыхъ вліятельныхъ державъ Европы; польской политикѣ стали вѣрить, на нее стали полагаться, и она сдѣлалась посредницею между южно-славянскими народами и оттоманскимъ правительствомъ. Установилась прочная политика, явились казацкіе полки съ историческимъ знаменемъ польскаго войска, полные энтузіазма и вѣры въ будущее. Но политика эта въ рѣшительныхъ дѣйствіяхъ постоянно встрѣчала помѣху со стороны польскихъ католиковъ и потому не могла выполнить то, что желалось и что можно было сдѣлать. Зависть и ненависть католицизма къ

православію парализовали успѣхи польскаго дѣла. Вы знаете подробности, вы были участниками моей дѣятельности; поэтому мнѣ нѣтъ надобности повторять эти факты, горестные для меня, какъ поляка.

«Въ 1854 году въ казацкихъ полкахъ, составленныхъ изъ православныхъ, старообрядцевъ и иныхъ сектантовъ православія, польскіе католики хотѣли поставить священниками католическихъ ксендзовъ, задумали перекрещивать солдатъ изъ вѣры православной, славянской, въ вѣру католическую, латинскую, вышивать на казацкихъ знаменахъ, сохранившихся отъ временъ Запорожья, латино-католическіе кресты вмѣсто православныхъ славянскихъ. Я не могъ не сдерживать и не наказывать этихъ политическихъ безумствъ, этого смѣшнаго и вреднаго религіознаго фанатизма. Польскій католицизмъ пустилъ въ ходъ всѣ свои средства и интриги, чтобы не дать мнѣ съ полками перейти черезъ Прутъ, чтобы отозвать меня оттуда, чтобы я не былъ отправленъ съ полками на Кавказъ, чтобы пропагандой и подкупомъ англійскимъ золотомъ возбуждать въ моихъ полкахъ недовольство и безпорядки. Въ Польшѣ удерживали охотниковъ, желавшихъ поступить въ казацкіе славянскіе полки, боровшіеся за польское дѣло; а сочувствіе украинскихъ казаковъ подавляли пушечными ядрами и ружейными пулями русскихъ войскъ, коими предводительствовали тѣ самые люди, которыхъ украинскій народъ призывалъ стать во главѣ казачества, желавшаго бороться за Польшу.

«Таковы были перипетіи той эпохи, коихъ вы были свидѣтелемъ и которыя достаточно объясняются словами графа Владислава Замойскаго, сказанными вамъ, когда вы совѣтовали ему для пользы дѣла сблизиться со мною и дѣйствовать совмѣстно.

«Нѣтъ»,—сказалъ онъ,—«почемъ знать, какъ бы Чайковскій замаралъ меня въ политикѣ съ своимъ казачествомъ, православіемъ и славянствомъ».

«Отвѣтъ этотъ показываетъ, что мы не забыли нашихъ капитальныхъ ошибокъ и ничему не научились.

«Но въ то время моимъ политическимъ противовѣсомъ былъ, по крайней мѣрѣ, графъ Владиславъ Замойскій, гигантъ польскаго магнатства, который одинъ жертвовалъ всегда и вездѣ, ради отечества, жизнію и деньгами. Однако я не разъ говорилъ ему: «Не ройте подо мною ямы, перестаньте соперничать со мною! Когда я перейду съ полками Днѣстръ, стану на польской землѣ и не буду тамъ нуженъ, я сдамъ вамъ командованіе полками, а самъ возвращусь въ Турцію». Я говорилъ отъ души, искренно, и увѣренъ, что графъ В. Замойскій вѣрилъ мнѣ, но католицизмъ удерживалъ его отъ сближенія и дружнаго, согласнаго дѣйствія со мною.

«По окончаніи войны, я упрочилъ организацію нашего войска и далъ ему всѣ средства совершенствоваться въ военномъ дѣлѣ, питая

надежду, что мы дождемся новыхъ событій и, умудренные опытомъ, съумѣемъ ими лучше воспользоваться.

«Наступило возстаніе 1863 года, съ тайнымъ правительствомъ, съ начальниками безыменными, необдуманное, несвоевременное и, по моему мнѣнію, кромѣ того, опиравшееся на ложное основаніе, имѣвшее видъ манифестаціи противъ великаго дѣла монарха, освободившаго народы, подвластные его державѣ, отъ крѣпостнаго права. Возстаніе это велось безъ способности и энергіи въ военномъ отношеніи, съ спекуляціями, нерѣдко мошенническими, въ отношеніи финансовомъ. Я былъ противъ него и высказалъ свое мнѣніе со всевозможною ясностью и откровенностью. Однако я не воспрещалъ охотникамъ изъ полковъ принимать въ немъ участіе, охраняя лишь порядокъ, повиновеніе и воинскую честь въ нашей организаціи; когда же это злополучное возстаніе окончилось, то я принималъ въ ряды моихъ полковъ всѣхъ желающихъ эмигрантовъ и отъ всего сердца оказывалъ имъ помощь и братское покровительство. Въ это-то время появился въ Константинополѣ Ѳаддей Оржеховскій, именовавшій себя барономъ Окша. Онъ выдавалъ себя за коммиссара невидимаго польскаго правительства; польско-католическая партія дала ему въ помощники Владислава Іордана, стараго и извѣстнаго представителя польскаго дѣла на Востокѣ, дѣйствовавшаго, однако, не въ его, а въ свою пользу. Начались всевозможныя интриги и противъ меня, и противъ организаціи казацкихъ полковъ, не побрезгали даже самыми грязными инсинуаціями. Но все было напрасно; организація полковъ безпрерывно совершенствовалась въ военномъ отношеніи; я стоялъ во главѣ ея, и меня осыпали благодарностями, похвалами и довѣріемъ султанъ и мои непосредственные начальники—турки.

Неутомимый въ своихъ происках, баронъ Окша съумѣлъ обѣщаніями, а можетъ быть и подачками, привлечь на свою сторону нѣсколькихъ служившихъ въ полкахъ поляковъ, которые подали военному министру прошеніе о введеніи въ полкахъ команды на турецкомъ языкѣ, т. е.—объ отуреченіи польско-славянской организаціи. Просьба эта была сильно поддержана посольствами австрійскимъ, англійскимъ и другими, не расположенными къ славянамъ и опасающимися славянства политически. Постановленія и распоряженія объ этой перемѣнѣ были изданы военнымъ министромъ и, не взирая на мои протесты, остались въ силѣ. Всѣ знали, что послѣ такой реформы я устранюсь отъ командованія полками, которые не хотѣли быть ни польскими, ни славянскими. Вы сами видѣли и слышали, какъ эти польскіе католики похвалялись и грозили по кофейнямъ Галаты и Перы: «Когда спровадимъ Садыка-Чайковскаго, тогда-де покажемъ, что мы знаемъ и что сдѣлаемъ!»

*

«Я устранился, оставивъ полки въ отношеніи военной организаціи въ блестящемъ состояніи; что они сдѣлали, это видѣли вы, видѣли и другіе поляки. Всѣмъ памфлетистамъ, не исключая Бентковскаго, я могъ бы отвѣчать вопросомъ: «а вы что сдѣлали послѣ меня и безъ меня?»

«Въ Россіи я присоединился къ восточной православной церкви не по личному нерасположенію къ западной, католической церкви, за неразумное и нечестное поведеніе относительно меня нѣкоторыхъ ея послѣдователей, а изъ желанія личнымъ дѣйствіемъ подтвердить явно и откровенно правдивость моего искренняго убѣжденія, столько разъ высказаннаго съ самаго начала моей политической карьеры. Я далекъ отъ желанія пропагандировать между поляками церковь восточную, православную, славянскую. Я знаю, что теперь это невозможно и пожалуй ни къ чему бы не повело; но политическое сознаніе, основанное на свидѣтельствѣ исторіи и многолѣтнемъ опытѣ, заставляетъ меня сказать: латинскій католицизмъ сбиваетъ съ пути польское дѣло и толкаетъ его въ вѣчную могилу. Вашъ Михаилъ Чайковскій, Садыкъ-паша».

29 ноября 1878 года.
Хуторъ Борки, Остерскаго уѣзда,
Черниговской губерніи.

Языкъ, нарѣчіе, есть драгоцѣннѣйшее сокровище каждой народности: съ его упадкомъ или измѣненіемъ упадаетъ или измѣняется народность. Послѣ языка палладіумъ народности заключается въ исторической славѣ народа, въ дѣяніяхъ его предковъ, а потомъ уже въ родной землѣ. Евреи, сохранивъ языкъ и историческую славу, сохранили народность, хотя и потеряли землю своихъ праотцевъ. Мидяне, парѳяне и другіе народы древности, не сохранивъ народнаго языка или измѣнивъ его, то же самое сдѣлали и съ историческою славой и хотя сохранили землю праотцевъ, но утратили свою народность.

Католицизмъ латинскій не поддерживаетъ и не возвышаетъ никакой народности; напротивъ, въ силу основнаго своего принципа, онъ парализуетъ ихъ, подавляетъ и подчиняетъ власти церкви, а не власти народнаго правительства. Представители католической церкви перестаютъ быть членами отдѣльной народности, становятся служителями церкви и по долгу своего званія обязаны быть противниками вольностей и самобытности отдѣльныхъ народностей, иначе они не соотвѣтствовали бы своему назначенію. Это составляетъ принципъ западной католической церкви. поэтому она и не признаетъ богослуженія на народномъ языкѣ, уподобляясь въ этомъ исламу, который оффиціальнымъ языкомъ молитвы къ Богу признаетъ языкъ арабскій, точно такъ же, какъ въ католичествѣ оффиціальнымъ языкомъ богослуженія служитъ языкъ латинскій. Восточная церковь и протестантизмъ, допуская оффиціальное богослуженіе на

народномъ языкѣ и признавая принципъ принадлежности своего духовенства къ обществу, можетъ споспѣшествовать развитію и подъему всякой національности, а не обезличенію и угнетенію ея.

Съ 1863 года всѣ дѣйствія поляковъ противъ славянской Россіи, противъ правительства, освободившаго отъ крѣпостнаго права и надѣлившаго землею подвластные ему народы, составляютъ заблужденіе, наносящее тяжкіе удары моральной сторонѣ польскаго дѣла, не говоря уже о сторонѣ матеріальной. Съ этого несчастнаго года, съ этого роковаго возстанія, оно стало безсильно, потеряло объединяющее начало на долгіе годы, а кто знаетъ, быть можетъ и навсегда. Польскіе каменщики, взявшіеся въ 1862 г. за постройку польскаго зданія, такъ расшатали его, что при малѣйшемъ прикосновеніи и даже безъ прикосновенія, оно рушится въ прахъ.

Генералъ Дверницкій, побѣдитель подъ Сточкомъ, человѣкъ не дюжинныхъ военныхъ способностей, ловкій ораторъ и политическій писатель, доказывалъ, что только тотъ можетъ управлять поляками, кто съумѣетъ скрыть свои способности и казаться бо́льшимъ, нежели они, невѣждой, бездарностью, чтобы доставить каждому удовольствіе если не говорить, то по крайнѣй мѣрѣ про себя думать: «я его за носъ или за уши веду или поведу, какъ захочу». Онъ такъ и поступалъ, и управлялъ поляками, даже распоряжался ихъ деньгами, какъ ему хотѣлось. Онъ часто говаривалъ: «Только мы, Ѳаддей Костюшко, князь Іосифъ Понятовскій и я, были дѣйствительно популярны между поляками и могли давать имъ совѣты, т. е. управлять ими по произволу».

Несчастное изреченіе древнихъ римлянъ: «когда маковка поднимется выше другихъ въ огородѣ, подъ серпъ ея дерзкую голову», такъ распространилось между поляками, какъ сорная трава въ пшеницѣ. Оно какъ бы вошло въ ихъ плоть и кровь и было и остается главнымъ препятствіемъ для способнѣйшихъ и наиболѣе благородныхъ людей въ ихъ служеніи отечественному дѣлу. Это испыталъ на себѣ генералъ Домбровскій, творецъ и вождь славныхъ польскихъ легіоновъ. Зависть къ его способностямъ и заслугамъ, а вслѣдствіе этого непопулярность его между поляками были причиной, что Наполеонъ I, послѣ неудачи подъ Березиной, назначилъ командующимъ войсками герцогства Варшавскаго не этого храбраго и умнаго полководца, а князя Іосифа Понятовскаго. По той же причинѣ цесаревичъ Константинъ Павловичъ, умѣвшій отдавать должное военнымъ способностямъ, не воспользовался въ 1815 году услугами этого извѣстнаго полководца при новой организаціи войскъ Царства Польскаго, хотя высоко уважалъ его.

Князь А. Чарторыйскій, человѣкъ безукоризненной честности, безпредѣльно преданный отечеству, предъ способностями и благородствомъ коего преклонялись даже иноземные монархи, быть можетъ, послѣдній изъ великихъ мужей Польши, подвергся насмѣшкамъ, злословію и клеветамъ отъ поляковъ потому, что онъ былъ между ними гигантъ по своимъ личнымъ достоинствамъ. Генералъ Бемъ, который ни на минуту не переставалъ думать о польскомъ дѣлѣ, когда бодрствовалъ и мечталъ о немъ во снѣ, жертвовалъ ему жизнію, здоровьемъ, всѣмъ достояніемъ, получилъ въ награду отъ поляковъ два злодѣйскихъ выстрѣла, одинъ отъ Пасербскаго въ Буржѣ, другой отъ какого-то поляка, котораго приняли за это въ офицеры польско-венгерскаго легіона, въ Пештѣ; онъ не былъ любимъ при жизни и пріобрѣлъ нѣкоторую популярность только по смерти. Генерала Скржинецкаго, за его доблесть подъ Гроховомъ, Великимъ Дембомъ и проч., всячески старались лишить доброй славы, и онъ перенесъ всякія невзгоды отъ властей. Полякъ изъ поляковъ, маркизъ Велепольскій испыталъ ту же участь, равно какъ и многіе другіе, сколько-нибудь стоющіе поляки, которые умомъ и заслугами вознесли свои головы превыше маковокъ большинства. Вотъ отчего все, что ни предпринимали поляки, шло прахомъ и должно было неизбѣжно кончаться неудачей.

Послѣ 1863 года поляки перестали быть людьми выспренней фантазіи, которую такъ удачно характеризовали турки поговоркой: «гордый и сумасбродный невѣрный гяуръ». Выспренняя фантазія, несмотря на всю свою выспренность, не можетъ существовать безъ великодушія, мужества, благородныхъ, хотя бы и сумасбродныхъ порывовъ. Но, потерявъ фантазію, пріобрѣли ли они разсудительность, умъ, практичность? Это еще вопросъ; пока мы этого не видимъ.

Погубленную однажды, лишенную бытовой независимости народность нельзя поднять и поставить на ноги ни кистью, ни смычкомъ, ни волшебно-гармоническими звуками, ни гимнами, ни литаніями. Независимость отечества нельзя ни вымолить, ни выторговать, ни умомъ выдумать, но надобно отвоевать; всѣ иные способы—мыльные пузыри.

Мы постоянно плачемся на интриги и обманы иноземныхъ государствъ: на французовъ, на нѣмцевъ, на англичанъ, на Наполеона I, Наполеона III, на графа Андраши, на князя Бисмарка I. Но мы не хотимъ признать правды, въ сокрушеніи сердца ударить себя въ грудь и сказать: сами, сами мы во всемъ виноваты.

Не нужно было начинать возстанія въ 1830 году и вести его такъ неумѣло и недобросовѣстно, какъ оно было ведено. Когда же люди или

непредвидѣнныя событія вызвали возстаніе, надобно было провозгласить короля дѣйствительнаго, видимаго, биться до послѣдней капли крови, а не бѣжать за границу и составлять эмиграцію, это политическое безобразіе.

Не надо было дѣлиться на партіи: аристократическую, монархическую, демократическую и монастырскую, а остаться поляками-славянами и искать способа существовать, безразлично какъ существовать. Надобно было создать себѣ внѣшнюю политику, основанную на славянствѣ, о чемъ, къ сожалѣнію, отцы наши не заботились. Надобно было за границей учредить свои военные кадры, съ военными школами въ видахъ будущей организаціи народнаго войска. При этомъ вести дѣло такъ, чтобы имѣть войско хорошо организованное, согласно съ исторіей, съ традиціями, снабженное всѣмъ необходимымъ, готовое подняться каждую минуту, по первому приказанію.

Въ 1854 году надобно было воспользоваться военною коалиціей западныхъ державъ противъ Россіи, существованіемъ казацкихъ полковъ подъ моимъ предводительствомъ, дружиной народной и при томъ славянскою, и взяться за оружіе искренно, горячо, на самомъ дѣлѣ.

Не надо было давать Пруссіи, Австріи и наконецъ Россіи опередить себя въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ. Нужно было сдѣлать это самимъ смѣло, честно, сердечно, хотя бы это навлекло неудовольствіе другихъ правительствъ. Не слѣдовало пускаться въ религіозныя манифестаціи, которыя вносили въ народъ вѣроисповѣдную рознь и должны были лишь прежде времени обнаружить нашу слабость и безсиліе.

Не надо было истреблять за границей то, что было организовано какъ въ военномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи; напротивъ, слѣдовало укрѣплять эти народныя силы, обезпечивавшія будущность самой же народности.

При первыхъ признакахъ движенія въ славянствѣ, надобно было дружно и энергически выступить въ рядахъ славянъ, засвидѣтельствовать жизненность поляковъ въ военномъ дѣлѣ и ихъ славянское самосознаніе такимъ образомъ, чтобы заставить и славянъ, и державы считаться съ польскою народностью. Польская эмиграція 1863 года была достаточно многочисленна и молода: она могла и должна была это сдѣлать. Если же латинскій католицизмъ не дозволялъ соединиться съ православіемъ, то, по крайней мѣрѣ, вѣрные исторіи и традиціямъ, поляки должны были дружно выступить съ оружіемъ въ рукахъ на защиту Турціи и взять на себя хотя бы непризнанную миссію, примирить славянъ христіанъ съ мусульманами и съ оттоманскимъ правительствомъ. Это было возможно: я поступалъ такимъ образомъ и былъ полезенъ какъ турецкому правительству, такъ и мусульманамъ. За

эту дѣятельность я неоднократно получалъ и благодарность турецкаго правительства, и изъявленія признательности отъ славянъ христіанъ.

Теперь, когда мы всего этого не сдѣлали, не вступили на этотъ логическій и практическій путь, намъ не остается ничего инаго, какъ примириться съ русскими искренно, сердечно, во имя славянства, и слиться государственно съ Россіей, признавъ ее за великое политическое отечество всѣхъ славянъ, а слѣдовательно и поляковъ и такимъ образомъ остаться поляками въ этомъ всеславянствѣ.

Теперь на это еще есть время, послѣ будетъ поздно. Ибо злиться, поддѣлывать историческіе и политическіе документы, поддѣлывать кредитныя бумаги и государственные кредитные билеты, лгать, клеветать, хотя бы этимъ занимались какіе угодно громкіе писатели и публицисты, съ какими бы то ни было побужденіями,—не приведетъ ни къ чему, какъ только къ упадку народнаго имени и народной славы, а въ концѣ концовъ къ гибели народности.

Такъ я понималъ и понимаю положеніе польскаго дѣла съ самаго начала моей личной какъ политической, такъ и военной службѣ этому дѣлу.

Во всѣ періоды моей дѣятельности я не щадилъ ни усилій, ни жертвъ, на какія только былъ способенъ, чтобы поступать сообразно съ моимъ добросовѣстнымъ пониманіемъ польскаго дѣла. Я имѣлъ успѣхъ несомнѣнный, потому что правда была за мной и со мной. Я не отступалъ предъ напоромъ противниковъ польскаго дѣла, не обращалъ вниманія ни на какія препятствія и выходилъ съ честью, часто даже побѣдоносно изо всѣхъ такихъ столкновеній. Но у меня не хватило силъ устоять предъ завистью, интригой и всякаго рода хитростями и обманами демократовъ, аристократовъ и польскихъ католиковъ.

Послѣ сорока слишкомъ лѣтъ горячаго служенія польскому дѣлу, саблей и перомъ, я удалился съ поля дѣйствія и напечаталъ въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ откровенную исповѣдь моей политической жизни. Эта исповѣдь была перепечатана и въ польскихъ изданіяхъ ради клеветы на меня и преданія проклятію моихъ политическихъ заслугъ и моего пониманія польскаго дѣла.

Недавнія событія въ славянскомъ мірѣ показали еще разъ, что поляки ничего не забыли и ничему не научились. Ихъ не хватило на такую дѣятельность, которая соотвѣтствовала бы блестящему прошлому славянства, и потому имъ ничего не остается, какъ жить въ славянствѣ, признавая Россію своимъ великимъ политическимъ отечествомъ, если они не хотятъ обратиться въ историческій миѳъ по собственной волѣ и винѣ.

Еще въ 1830 году я говорилъ, что, возставая, надо стряхнуть съ себя католическіе предразсудки и признать православіе за вѣроисповѣданіе нашего народа, за славянскую церковь; я такъ и поступилъ. Я освободилъ своихъ крестьянъ отъ барщины и далъ имъ земельный надѣлъ; окружалъ уваженіемъ своего сельскаго священника и покровительствовалъ ему. Мои крестьяне пошли за мной и были примѣрными солдатами. Когда въ эмиграціи я сдѣлался беллетристомъ не ради литературной славы, но чтобы познакомить поляковъ съ программой своихъ политическихъ идей и добыть матеріальныя средства на осуществленіе ея, то въ первыхъ моихъ сочиненіяхъ: «Казацкіе разсказы» и «Вернигора», я не выступилъ противъ латино-католической церкви, но высказалъ по совѣсти свое убѣжденіе, что политическое безсиліе Польши—причина, по которой не могли развиться ея могущество и величіе, наконецъ самое ея паденіе, должны быть приписаны ни чему иному, какъ тому, что поляки подчинились западной, латино-католической церкви, ибо это оторвало ихъ отъ славянства и поставило во враждебныя отношенія къ восточной, славянской церкви. Эта политическая ошибка, сознать которую мѣшало полякамъ католическое духовенство, въ особенности же отцы-іезуиты, была причиной всѣхъ золъ.

Не такъ поняли мои слова о крестьянахъ и казачествѣ польско-католическіе помѣщики Волыни. Господа помѣщики, многочисленные и имѣвшіе вліяніе въ губерніи, своимъ veto противъ освобожденія крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ и противъ православнаго казачества, парализовали наше возстаніе, а выбравъ ему въ руководители хлыща, который бѣжалъ со страха за границу, до начала возстанія, доконали его. Самъ храбрый Карлъ Ружицкій испугался воинственнаго духа крестьянъ: его страшила коліевщина.

Хорошій пріемъ, оказанный публикой моимъ сочиненіямъ въ самомъ началѣ, не могъ понравиться полякамъ, составлявшимъ ультракатолическій кружокъ, который назывался тогда «монастырькомъ». Противъ моихъ сочиненій и еще болѣе противъ моей личности выступили: Станиславъ Ропелевскій въ своей «Критикѣ польской литературы», Левъ Зеньковичъ и Луціанъ Семенскій въ издававшейся ими газетѣ Pszonka. Весь польско-католическій «монастырекъ» сдѣлался моимъ врагомъ, и только значительная прибыль, которую получалъ издатель моихъ сочиненій, ксендзъ Александръ Еловицкій, и практическій умъ его компаніона, Евстафія Янушкевича, обезпечили дальнѣйшее изданіе моихъ сочиненій.

Нѣкогда, преклоняясь предъ военными способностями генерала Іосифа Дверницкаго, я удивлялся его знанію польскихъ сердецъ, его умѣнью угождать имъ, владѣть ими и направлять ихъ по своей волѣ.

Нынѣ этому качеству, проявившемуся болѣе блестяще и практически, я удивляюсь въ Іосифѣ Крашевскомъ. Извѣстный и неутомимый писатель, онъ затмилъ популярностью у поляковъ Мицкевича, Сеньковича, Залѣсскаго, Мохнацкаго и всѣхъ поэтовъ, писателей и государственныхъ людей старой и новой Польши. Дождался апоѳеоза при жизни, ему бьютъ челомъ какъ богу и свои, и чужіе, бьютъ челомъ и великіе, и малые, монархи и даже самъ папа, потому что онъ съумѣлъ идти въ шагъ съ тенденціей нынѣшняго польскаго вѣка. Онъ проповѣдывалъ въ сущности слѣдующее»: разсѣдлайте коней, говорилъ онъ, поломайте сабли; пусть каждый запрется въ своемъ домѣ, въ своемъ тѣсномъ кругу, какъ въ крѣпости, и никого не впускаетъ къ себѣ; откажитесь отъ всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ; сидите спокойно, ѣшьте, пейте, шалите и копите деньги. Такимъ образомъ сохраняйте народность и вѣру отцовъ вашихъ въ домахъ-крѣпостяхъ, не подвергая риску ни своей личности, ни достоянія. Храните эти сокровища, какъ улитка свое тѣло въ скорлупѣ. Не имѣйте дѣла ни съ правдой, ни съ вѣрой, ни съ правительствами и иноземными народами; относитесь къ нимъ пассивно, оборонительно. Такимъ только образомъ вы исполните свой патріотическій долгъ.

Аристократамъ это нравилось, потому что не надо было жертвовать деньги на народныя возстанія, компрометтировать себя лично и имущественно, участвуя въ подготовительныхъ патріотическихъ работахъ: каждый у себя, за себя и для себя. Демократы были довольны, потому что ихъ не тащили на поля и къ саблѣ, позволяли имъ кричать противъ правительства и противъ общества, развивать свои теоріи въ своихъ домахъ-крѣпостяхъ, въ своихъ скорлупкахъ. Въ общественную жизнь проникъ эгоизмъ, въ политическую—будированіе. А такъ какъ прежнихъ привычекъ и обычаевъ нельзя было истребить разомъ, вдругъ, то привычку жертвовать духовенство взялось направить въ пользу церкви и утилизировало ее на лепту св. Петра. Всѣ остались довольны и справедливо бьютъ поклоны виновнику этого довольства, совершенно справедливо!

Такимъ образомъ поляки, объятые летаргическимъ сномъ празднаго будированія, проспали многолѣтнее движеніе славянскихъ народовъ.

Это будированіе, этотъ летаргическій сонъ могутъ быть названы по справедливости политикой Іосифа Крашевскаго.

Въ моментъ войны французовъ съ нѣмцами, въ моментъ вторженія нѣмцевъ во Францію, въ лагерѣ подъ Шумлой было собрано нѣсколько десятковъ тысячъ турецкаго войска, въ томъ числѣ казацкіе полки и я съ ними. Всѣ турецкіе паши, безъ исключенія, и поляки-офицеры казацкихъ полковъ, за весьма малыми исключеніями, радовались побѣдамъ

нѣмцевъ и бѣдствіямъ французовъ. Радовались упадку, суетности, самонадѣянности французскаго войска и французовъ вообще. Заранѣе съ удовольствіемъ предсказывали паденіе Наполеона III, а съ нимъ и имперіи. Турецкіе наши восклицали:

«Онъ не будетъ болѣе мѣшаться въ наши внутреннія дѣла, не будетъ вовлекать насъ въ новыя войны по своему капризу; по крайней мѣрѣ и мы и весь свѣтъ отдохнемъ спокойно».

Поляки, забывъ все, что сдѣлали для нихъ обѣ имперіи; забывъ благодарность къ французамъ, которые столько помогали имъ, столько оказывали имъ сочувствія во всѣхъ случаяхъ и всѣми способами, кричали: «Такъ имъ и нужно! зачѣмъ не возстановили Польши? Пусть ихъ пропадаютъ! пусть разберутъ ихъ нѣмцы, какъ насъ разобрали нѣмцы и русскіе! Пусть только ведутъ насъ, мы пойдемъ бить ихъ вмѣстѣ съ нѣмцами отъ всего сердца!»

Поляки восторгались подвигами познанскаго ландвера и распивали въ честь его тосты. Даже слова князя Бисмарка, сказанныя императору Вильгельму: «видите, ваше величество, какъ эти познанскія с..... дерутся за насъ», не казались имъ оскорбительными, ибо они говорили, что Бисмаркъ этого не сказалъ, что по ошибкѣ напечатано «Schweine».

Въ лицѣ молодаго Путткамера-фонъ-Клещинскаго, племянника Бисмарка, поступившаго волонтеромъ въ одинъ изъ казацкихъ полковъ, они видѣли агента великаго канцлера, который имѣлъ, по ихъ словамъ, намѣреніе даровать полякамъ королевство Польское, простирающееся отъ Балтійскаго до Чернаго моря, отъ Двины до Дона, до Эльбы и Карпатъ, съ королемъ Фридрихомъ-Карломъ, славнѣйшимъ, послѣ Мольтке, изъ героевъ франко-прусской войны.

Я напоминалъ полякамъ, что Наполеонъ I посадилъ поляковъ на коня, и когда въ 1807 году ему представлялась депутація Великопольской шляхты изъ Познани въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, въ парикахъ и со шляпами въ рукахъ, онъ сказалъ имъ: «не въ такомъ видѣ я надѣялся встрѣтить васъ, господа, а въ народныхъ чамаркахъ, при сабляхъ, въ сапогахъ со шпорами. На коней, господа, берите сабли! Народъ, желающій возстановить независимость своего отечества, не долженъ сходить съ коня и отпоясывать сабли, пока не достигнетъ этого!»

Сто тысячъ поляковъ было на коняхъ и съ оружіемъ въ рукахъ; Наполеонъ сказалъ: «въ вашихъ рукахъ теперь Польша».

Когда, послѣ Березинской катастрофы, Наполеонъ оставлялъ армію, то прощаясь съ княземъ Іосифомъ Понятовскимъ, которому ввѣрилъ предводительство надъ всѣми польскими полками, онъ сказалъ:

«Защищайтесь на отечественной землѣ, вы отстоите меня, и я ворочусь къ вамъ».

Не его вина, что князь Понятовскій, вмѣсто того чтобы защищать родную землю, отстаивать Польшу и стараться упрочить ея независимость, вопреки совѣту генерала Домбровскаго, не сдѣлалъ даже попытки къ оборонѣ и поспѣшилъ съ войскомъ чрезъ австрійскія владѣнія въ Дрезденъ. «Оружіе на возахъ, солдаты съ пустыми руками, подъ эскортой капраловъ императора австрійскаго, тогда еще союзника Франціи», такъ шло польское войско не какъ легіоны Домбровскаго изъ Италіи въ Польшу, но изъ земли Польской въ землю Саксонскую, добровольно оставивъ Польшу. Печальный походъ, но въ этомъ не была вина Наполеона!

Наполеонъ III далъ оружіе и конскую сбрую двумъ казацкимъ полкамъ. Охотники прибывали въ эти полки на средства Франціи. Первоначальный планъ состоялъ въ томъ, чтобы вести кампанію надъ Днѣпромъ, въ земляхъ польскихъ, и поднять польскій вопросъ.

Когда этотъ планъ былъ оставленъ, не по волѣ Наполеона, но подъ давленіемъ Англіи и Австріи, и по внушенію Пруссіи принятъ планъ локализованной войны въ Крыму, Наполеонъ все-таки думалъ о Польшѣ, и я, находясь съ полками надъ Прутомъ, получилъ письмо отъ французскаго военнаго министра, который благодарилъ меня за услуги, оказанныя союзнымъ войскамъ, и извѣщалъ, что если пульсъ общаго народнаго возстанія въ польскихъ земляхъ покажетъ признаки его зрѣлости, то планъ еще можетъ быть измѣненъ. Увы, пульсъ этотъ нельзя было нащупать!

Злополучное возстаніе 1863 года не было ни вызвано, ни поощряемо императоромъ французовъ, и, однако, приглашая Англію и Австрію поддержать дипломатически польское дѣло, онъ самъ также оказалъ ему поддержку. Адамъ Мицкевичъ очень вѣрно замѣтилъ, что польское дѣло, по волѣ Божіей, находится съ Наполеонами въ вѣчномъ и неразрывномъ брачномъ союзѣ.

Французская монархія, какъ бурбонская, такъ и орлеанская, была съ поляками въ дружественныхъ отношеніяхъ, опиравшихся на старинныхъ союзахъ и на католицизмѣ. Вотъ почему во время одной парламентской сессіи палата перовъ и палата депутатовъ приняли постановленіе: «польская народность не погибнетъ». Конечно, безъ поддержки вооруженной силы это былъ протестъ звучный, но пустой; однако онъ имѣлъ извѣстное политическое значеніе.

Республиканское правительство, какъ первой, такъ и второй Французской республики не выказало къ намъ ни горячаго сочувствія, ни желанія поддержать наше дѣло. Безумная, бѣшеная храбрость познанскаго ландвера и неутомимые набѣги прусскихъ улановъ, между коими

отличались волонтеры изъ великопольской познанской шляхты, въ соединеніи съ нежеланіемъ многочисленной польской эмиграціи подняться на защиту Франціи, неспособность и злоупотребленія польскихъ организаторовъ охладили къ намъ сочувствіе французскаго народа. Когда мы перестанемъ быть для нихъ «французами сѣвера» и сдѣлаемся по меньшей мѣрѣ поляками онѣмеченными, Франція перестанетъ быть сестрой Польши. Тогда не будетъ у насъ во всей Европѣ ни нравственной, ни политической поддержки, ибо ни Италія съ папой и отцами іезуитами, ни Швейцарія со своими либеральными учрежденіями, ни Англія со своимъ золотомъ и своими наемными солдатами, ни мадьяры со своими гановедами не замѣнятъ намъ Франціи. Если бы мы забыли, по крайней мѣрѣ, западъ и перестали съ упрямствомъ лѣзть къ нему въ дружбу, къ нему, чуждому намъ и по происхожденію, и по политическимъ интересамъ, и обратились бы сердцемъ къ Востоку, родственному намъ и по происхожденію и по политическимъ интересамъ!

Но одному Богу извѣстно, будемъ ли мы когда-нибудь настолько благоразумны. Католицизмъ всегда будетъ мѣшать намъ слиться съ православными славянами, вступить въ среду славянъ. Только самодержецъ всероссійскій и его правительство могутъ воротить насъ, несмотря на католицизмъ, въ лоно славянства, этой колыбели нашего могущества и силы, изъ которой мы никогда не должны были выходить, съ которой никогда не должны были порывать связи. Таковъ долженъ быть нашъ конецъ, если мы хотимъ сохранить нашу народность, а не отдать ее на жертву германизму, какъ лужичане, оботриты и иныя славянскія племена, обитавшія по Эльбѣ и Одеру.

Такъ я говорилъ, но это былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ... Поляки ожидали только клича, хотя бы нѣмецкаго: на конь и на врага! Радовались бѣдствіямъ и неудачамъ Франціи.

Туркамъ я доказывалъ, что, съ паденіемъ Франціи, у нихъ не будетъ ни ста тысячъ штыковъ на ихъ защиту, ни нравственнаго veto, которое защитило бы ихъ отъ превращенія въ англійскихъ сипаевъ, а тогда имъ не останется ничего, какъ только сдаться на милость русскаго императора, если они не хотятъ быть изгнанными изъ Европы и потерять господство въ Азіи. Отвѣтомъ на мои слова была улыбка, а прусскіе офицеры-инструкторы возводили грозныя укрѣпленія неподалеку отъ Шумлы, въ Бешъ-Тепе, увѣряя, что это единственный путь, по которому русскіе, по переходѣ черезъ Дунай, могутъ двинуться чрезъ Добруджу въ Балканы и оттуда въ Константинополь и что укрѣпленія эти будутъ такія, что все русское войско будетъ перестрѣлено изъ разставленныхъ на нихъ крупповскихъ орудій, до послѣдняго солдата.

Честный Абдулъ-Керимъ-Надиръ-паша радовался этому несказанно и, объѣзжая каждый день, по утрамъ, фортификаціоныя работы, съѣдалъ за завтракомъ по два ока пилава, а паши и прусскіе инструкторы однимъ духомъ осушали бокалы шампанскаго, провозглашая тосты въ честь нѣмецкихъ побѣдъ и на погибель Франціи.

Въ это самое время я получилъ отставку, которую ожидалъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, и поѣхалъ въ Константинополь; на другой день по пріѣздѣ моемъ въ столицу, я былъ у тогдашняго великаго визиря Али-паши и высказалъ ему самымъ положительнымъ и откровеннымъ образомъ свой взглядъ на вещи, присовокупивъ, что военный министръ Гуссейнъ-Авни-паша, стремясь отуречить созданную мною славяно-христіанскую организацію, показываетъ этимъ, что онъ не желаетъ имѣть для защиты престола и государства солдатъ изъ славянъ и христіанъ, и что я опасаюсь, какъ бы эта неполитическая мѣра не сдѣлала изъ нихъ возстанцевъ и бунтовщиковъ во вредъ тому самому престолу и государству, которому они вѣрою и честью служили и могли бы, еще съ большей пользою, служить. Али-паша вполнѣ согласился съ моимъ взглядомъ на вещи, а также съ моимъ мнѣніемъ относительно пораженія Франціи и могущихъ возникнуть отъ того послѣдствій. Что касается отуреченія славяно-христіанской организаціи, то, по его словамъ, мѣра эта была принята по совѣту пословъ западныхъ державъ, которые доказывали, что не должно быть войска въ войскѣ, государства въ государствѣ. Аргументація эта не могла не понравиться султану Абдулъ-Азису и его министрамъ; и такимъ образомъ мѣра, о которой идетъ рѣчь, была принята.

Потомъ онъ спросилъ меня, какого образа дѣйствія должна была, по моему мнѣнію, держаться Турція въ то время и въ будущемъ. Я отвѣчалъ, не колеблясь,—искать союза съ Россіей по собственному побужденію, безъ предварительнаго совѣщанія съ посольствами западныхъ державъ, уничтожить трактатъ 1856 года и положиться на великодушіе императора Александра II.

Видя на его лицѣ удивленіе, вызванное моими словами, я прибавилъ: «Не удивляйтесь этому совѣту со стороны поляка, который сорокъ слишкомъ лѣтъ боролся противъ Россіи и теперь еще готовъ бороться противъ нея: онъ есть доказательство моей политической честности, нелицемѣрной преданности и искренней признательности къ особѣ султана, къ его правительству и ко всѣмъ туркамъ за ихъ благородное поведеніе относительно меня и моихъ соотечественниковъ».

Онъ пожалъ мнѣ руку, и въ этотъ день мы разстались еще большими друзьями, чѣмъ были когда-либо.

То же самое я повторилъ всѣмъ турецкимъ сановникамъ, съ которыми былъ издавна въ близкихъ отношеніяхъ личнаго знакомства.

Однажды я высказалъ это мнѣніе Эдхемъ-пашѣ, тогда министру публичныхъ работъ, у котораго былъ въ гостяхъ представитель Сербіи, Филиппъ Христичъ, мой добрый пріятель и старый знакомый, горячій, но разумный славянинъ, окончившій образованіе въ Парижѣ. Въ этомъ дружескомъ кружкѣ (съ Эдхемъ-пашой я былъ въ близкихъ отношеніяхъ еще въ то время, когда онъ состоялъ генераломъ-адъютантомъ и начальникомъ военно-дипломатической канцеляріи султана Абдулъ-Меджида),—ничто не мѣшало намъ говорить вполнѣ откровенно и искренно. Христичъ былъ славяниномъ, а въ царствованіе Абдула-Меджида, монарха, обладавшаго высокими качествами ума и сердца, мы не разъ разсуждали о федераціи южныхъ славянъ подъ верховною властью султановъ оттоманскихъ, какъ единственно законныхъ потомковъ по женской линіи сербскихъ царей. Весь мой разговоръ дошелъ до слуха генерала Игнатьева, россійскаго посла въ Константинополѣ. Вскорѣ послѣдовало отреченіе Оттоманской Порты отъ статьи Парижскаго трактата 1856 г., отреченіе добровольное безъ предварительнаго соглашенія съ западными государствами и безъ вѣдома Англіи. Со стороны Англіи это вызвало сильное неудовольствіе и рѣзкіе упреки, но мнѣ кажется, что въ то время оттоманская Порта согласилась бы на расторженіе этого трактата во всемъ, что касалось въ немъ оттоманскаго государства, если бы Россія не оказалась слишкомъ умѣренною въ своихъ требованіяхъ и слишкомъ внимательною къ Англіи. Таково было настроеніе Али-паши и самого султана Абдулъ-Азиса.

Смѣло могу сказать, что между сановниками Порты Али-паша лучше всѣхъ понималъ важность союза съ Франціей и наиболѣе сожалѣлъ объ ея неудачахъ и паденіи имперія.

Этотъ государственный человѣкъ, извѣстный своимъ политическимъ умомъ, но не отличавшійся смѣлостью и непоколебимостью рѣшеній, простеръ, въ данномъ случаѣ, довольно далеко свою смѣлость.

Нѣсколько десятковъ казаковъ, выслужившихъ срокъ службы въ полкахъ, прибыли ко мнѣ изъ Добруджи и стали требовать:

«Если намъ ужъ нельзя воевать въ Турціи, веди насъ во Францію бить нѣмцевъ; вѣдь они наши враги, а французы наши друзья!» Узнавъ объ этомъ, Али-паша пригласилъ меня къ себѣ, говорилъ со мной, призналъ, что подобная демонстрація была бы въ извѣстномъ отношеніи полезна, и совѣтовалъ мнѣ только не ѣздить самому во Францію, такъ какъ война уже близилась къ концу, а послать своего старшаго сына, который вмѣстѣ со мною вышелъ въ отставку, присовокупивъ, что ему извѣстно намѣреніе нѣкоторыхъ зажиточныхъ болгаръ подарить мнѣ лошадей, конскую сбрую и обмундированіе на полкъ и доставить потребное число людей изъ болгаръ, служившихъ въ казацкихъ полкахъ, чтобы сформировать славяно-турецкій легіонъ и идти

на помощь Франціи. Такое предложеніе дѣйствительно было мнѣ сдѣлано. Али-паша не былъ противъ этой мысли и находилъ, что если война продлится и приметъ благопріятный для французовъ оборотъ, то можно будетъ осуществить ее, и что тогда наступитъ благопріятный моментъ отправиться во Францію мнѣ самому и стать во главѣ славянской дружины.

При его матеріальномъ содѣйствіи я обмундировалъ и выслалъ въ два пріема сто тридцать казаковъ на французскихъ судахъ; первый отрядъ подъ начальствомъ двухъ отставныхъ офицеровъ изъ казацкихъ полковъ: Маріана Заленицкаго и Іосифа Стемпковскаго; второй—подъ начальствомъ сына моего Адама Чайковскаго. Послѣдняго я снабдилъ письмами къ Тьеру, съ которымъ былъ хорошо знакомъ еще со временъ пребыванія моего въ Франціи.

Первый отрядъ былъ захваченъ поляками въ Марсели, завезенъ въ Ліонъ и тамъ приписанъ къ какому-то итальянскому легіону. Что касается второго, то, отправляясь съ письмами къ Тьеру, сынъ мой оставилъ его въ Марсели въ казармахъ, и агенты какого-то Гржимайлы включили его въ составъ организованнаго имъ легіона.

Сынъ мой былъ очень хорошо принятъ Тьеромъ, произведенъ въ капитаны конныхъ стрѣлковъ и назначенъ командиромъ своднаго эскадрона, куда имѣли быть зачислены прибывшіе съ нимъ волонтеры.

Но знакомые Гамбетты изъ эмигрантовъ 1863 года успѣли убѣдить его, что я бонапартистъ, сторонникъ Наполеона III и имперіи, близкій знакомый принца Наполеона, человѣкъ опасный, потому что предпріимчивый, что я намѣренъ вызвать во Франціи всѣми силами движеніе въ пользу бонапартизма. Чрезъ двѣ недѣли послѣ назначенія моего сына заключенъ былъ миръ; сынъ мой возвратился въ Турцію, а за нимъ и всѣ охотники-казаки съ ихъ офицерами. Эти послѣдніе разсказывали, что ихъ повсюду преслѣдовали поляки, какъ элементъ православный и славянскій, могущій вредить польскому дѣлу въ глазахъ католической Франціи и несочувствующей славянству западной Европы.

Печальные, недовольные, охотники, прощаясь со мной предъ возвращеніемъ въ Добруджу, говорили: «незачѣмъ было и ѣздить».

Проживая въ Стамбулѣ на заслуженную пенсію, я получалъ изъ Босніи отъ нѣсколькихъ тамошнихъ ксендзовъ францисканцевъ и двухъ беговъ, съ которыми я былъ давно знакомъ, отъ времени до времени, довольно интересныя, обширныя и подробныя сообщенія о положеніи Босніи и Герцоговины и объ интригахъ австро-венгерскихъ агентовъ, возмущавшихъ христіанскихъ жителей этихъ провинцій противъ беговъ землевладѣльцевъ, противъ властей и ислама, а мусульманъ противъ

правительства, замышлявшаго ввести реформы, несогласныя съ привилегіями мусульманъ. Пропаганда эта обращена была главнымъ образомъ на католическое духовенство и торговцевъ какъ христіанскаго. такъ и мусульманскаго исповѣданій. Старались освоить сербовъ Босніи и Герцоговины съ мыслію, что только императоръ Австро-Венгріи можетъ освободить ихъ отъ варварскаго ига турокъ и сдѣлаться ихъ благодѣтелемъ.

Я вручилъ эти сообщенія Али-пашѣ и предложилъ, чтобы онъ назначилъ меня организаторомъ боснійской конницы, и отправилъ въ Боснію и Герцоговину съ двумя казацкими сотнями, укомплектовавъ ихъ волонтерами или изъ существующихъ казацкихъ полковъ, или, еще лучше, изъ некрасовцевъ и старообрядцевъ Добруджи; сотни эти должны были послужить кадрами и образцомъ при сформированіи боснійской кавалеріи и дать мнѣ возможность прекратить пропаганду, стремившуюся взбунтовать жителей этого края. Я обязывался возстановить порядокъ, поддержать спокойствіе и положить конецъ всякой мятежной пропагандѣ. Мои сообщенія обратили на себя вниманіе Али-паши, и по его лицу я видѣлъ, что проектъ мой ему нравился. Онъ взялъ бумаги и просилъ меня придти за отвѣтомъ черезъ нѣсколько дней. На третій день Антоній Аллеонъ, другъ и наперстникъ великаго визиря, съ которымъ я находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ лѣтъ тридцать, объявилъ мнѣ отъ имени великаго визиря, что султанъ и совѣтъ министровъ были вполнѣ согласны съ моимъ предложеніемъ, но въ тотъ самый день, когда вопросъ этотъ обсуждался въ совѣтѣ, драгоманы всѣхъ иностранныхъ посольствъ, за исключеніемъ русскаго, заявили самый рѣшительный протестъ противъ этого постановленія и назначенія меня на службу въ какую-либо изъ провинцій, населенныхъ славянами. Антоній Аллеонъ повторилъ мнѣ слова великаго визиря: «Наши западные опекуны не хотятъ ни нашего примиренія со славянами, ни даже отуреченія славянъ, что̀ составляетъ любимую идею Садыкъ-паши». Я узналъ, что мое представленіе было сообщено въ копіяхъ всѣмъ заграничнымъ посольствамъ въ Константинополѣ, и что русскому посольству предлагали даже купить его, но это предложеніе было отвергнуто, и генералъ Игнатьевъ не пожелалъ видѣть продавца.

Поставщикомъ копій былъ начальникъ тайной полиціи въ Константинополѣ, полякъ Ѳаддей Оржеховскій, баронъ Окша, полномочный коммиссаръ при Оттоманской Портѣ невидимаго революціоннаго правительства 1863 года. Странное дѣло! Когда въ Турціи нашли нужнымъ учредить тайную полицію, то не нашлось ни одного турка, ни одного мусульманина, который согласился бы взять на себя эту обязанность: армянамъ, грекамъ и инымъ христіанамъ не довѣряли, и во все время

моего пребыванія въ Турціи, а оно продолжалось тридцать два года, нашлись только два иностранца, которые исполняли эту обязанность директоровъ тайной политической полиціи.

Первый былъ Цивинисъ Корфіотъ, офицеръ русской службы, исключенный изъ этой службы и изгнанный изъ Россіи за поддѣлку подписи императора Николая I, съ цѣлью выманить бриліанты у одного изъ московскихъ банкировъ; второй Ѳаддей Оржеховскій, баронъ Окша.

Послѣ разсказаннаго происшествія, за эту нескромность, а можетъ быть и за какія-нибудь другія продѣлки, о безчисленномъ рядѣ которыхъ толковала тогда константинопольская публика, директоръ тайной полиціи былъ отрѣшенъ отъ должности, а затѣмъ и самая канцелярія, состоявшая почти исключительно изъ поляковъ, эмигрантовъ 1863 года, прекратила свою дѣятельность. Изъ продѣлокъ этого почтеннаго директора не могу не разсказать объ одной довольно комическаго свойства.

Въ одинъ прекрасный день баронъ Окша явился въ канцелярію русскаго посольства и предложилъ продать секретный трактатъ наступательнаго и оборонительнаго союза противъ Россіи, заключеннаго между Австро-Венгріей и Оттоманской Портой. Посолъ не хотѣлъ видѣть барона, однако поручилъ первому драгоману купить копію, и за нее было заплачено г. Оржеховскому нѣсколько десятковъ лиръ. На слѣдующій день посолъ съ копіей въ карманѣ поѣхалъ къ великому визирю Али-пашѣ. Прибывъ въ конакъ, онъ быстро вошелъ въ кабинетъ, подалъ великому визирю копію и сталъ рѣзко упрекать его за недостатокъ довѣрія и оскорбительное поведеніе относительно Россіи.

Великій визирь прочиталъ копію, улыбнулся и вмѣсто отвѣта далъ послу ключъ отъ бюро, прося его отворить указанный ему ящикъ и вынуть лежавшую на верху бумагу. Оказалось, что это былъ оригиналъ трактата между Пруссіей и Россіей съ подписями князя Горчакова и князя Бисмарка и съ заголовкомъ на французскомъ языкѣ: «Россійское министерство иностранныхъ дѣлъ». Посолъ читалъ съ изумленіемъ, а Али-паша сдѣлалъ замѣчаніе, что оригиналъ и копія писаны одною и тою же рукой, и узнавъ, сколько стоила копія, отозвался, что трактатъ обошелся дороже, потому что Халиль-Шерифъ-паша, тогдашній посолъ въ Вѣнѣ, заплатилъ за него двѣ тысячи турецкихъ лиръ. Не было надобности искать автора этой поддѣлки; оба сейчасъ же догадались, что имъ былъ баронъ Окша.

Назначенный министромъ полиціи, Кіатибъ-Мустафа-паша, мой товарищъ по войнѣ 1854 г., показывалъ мнѣ всѣ дѣла помянутой тайной полиціи за время директорства Окши. Большая часть его рапортовъ и докладныхъ записокъ, а также рапортовъ нѣкіихъ Владислава Мощинскаго и Подгайскаго, состояла изъ доносовъ на меня и

казаковъ, бывшихъ подъ моимъ начальствомъ. Ихъ обвиняли въ тайной пропагандѣ и потворствѣ болгарамъ и инымъ славянамъ, а меня въ стремленіи сдѣлаться болгарскимъ княземъ. Идея этого послѣдняго доноса возникла по слѣдующему поводу.

Генералъ Лудвигъ Быстроновскій, состоявшій во время русско-турецкой войны на турецкой службѣ, по искреннему убѣжденію и съ добрыми намѣреніями, составилъ мемуаръ, въ которомъ онъ совѣтовалъ Турціи сдѣлать изъ Болгаріи вассальное княжество, даровать ей автономію и назначить меня княземъ болгарскимъ. Одинъ экземпляръ этого мемуара онъ вручилъ Халиль-Шерифъ-пашѣ, бывшему тогда посломъ въ Парижѣ, а другой великому визирю Фуадъ-пашѣ. Объ этомъ мнѣ ровно ничего не было извѣстно; о мемуарѣ впервые разсказалъ мнѣ Халиль-паша, вручая мнѣ паспортъ на выѣздъ въ Россію. Но баронъ Окша зналъ объ этомъ.

Убѣдившись въ томъ, что католицизмъ и эмигранты 1863 г. сдѣлали невозможною мою политическую дѣятельность на пользу Польши за границей въ томъ смыслѣ, какъ я понималъ ее, утомленный опротивѣвшей мнѣ борьбой съ католиками-поляками, опасаясь, что меня заставятъ разрушить собственными руками ту военную организацію, проведеніе которой въ жизнь стоило столькихъ трудовъ и усилій, наконецъ, льстя себя надеждой, что когда я сойду со сцены, они, быть можетъ, опомнятся и между ними найдется человѣкъ болѣе меня популярный, который станетъ во главѣ казацкихъ полковъ и поведетъ далѣе польско-славянское дѣло въ Турціи,—я устранился, оставивъ полки въ такомъ же комплектѣ и такъ же хорошо выученные, какъ они были подъ моимъ начальствомъ. Впрочемъ, чрезъ два дня по моемъ отъѣздѣ изъ лагеря подъ Шумлой, Абдулъ-Керимъ-Надиръ-паша на маневрахъ остался такъ недоволенъ неумѣлостью и неспособностью новаго командира Фарнези, что воскликнулъ предъ фронтомъ: «Нѣтъ Садыкъ-паши, и эти храбрые казацкіе полки ничего не стоятъ».

Неудача моего намѣренія служить въ Босніи показала мнѣ самымъ несомнѣннымъ образомъ, что католицизмъ и veto западной дипломатіи не дозволятъ мнѣ служить въ Турціи и дѣйствовать на славянскомъ основаніи, а иначе я не могъ поступать, не могъ идти наперекоръ своей совѣсти и своимъ политическимъ убѣжденіямъ. Я воспользовался амнистіей великодушнаго монарха, въ надеждѣ, что своимъ примѣромъ наведу на путь истинный моихъ соотечественниковъ. Не удалось и это, а потому я поселился въ пустынѣ, но въ пустынѣ казацкой; живу одиноко между людьми, размышляю, вспоминаю и пишу. Авось пригодится когда-нибудь, если не для поляковъ, то для сыновей моихъ и внуковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Стихотвореніе князя П. Шаликова по поводу событій 14-го декабря 1825 г.

Письмо Шаликова къ Николаю Назарьевичу Муравьеву.

23-го мая 1826 г. Москва.

Имѣвши счастіе пользоваться благорасположеніемъ незабвеннаго дядюшки вашего, Михаила Никитича, равно какъ и честію знакомства съ вашимъ превосходительствомъ, принимаю смѣлость безпокоить васъ, милостивый государь, авторскою просьбою, слѣдовательно самою близкою къ сердцу. Между тѣмъ давно поселившееся въ немъ чувство отличнаго уваженія къ дарованіямъ и особѣ вашего превосходительства придаетъ мнѣ болѣе рѣшимости на сію смѣлость.

Именно о томъ прошу ваше превосходительство, чѣмъ нѣкогда съ счастливѣйшимъ успѣхомъ утруждалъ вѣчно живущаго въ сердцахъ нашихъ истиннаго мецената нашего—прошу достойнѣйшаго его племянника: поднести государю императору прилагаемые стихи, излившіеся изъ души моей по прочтеніи всего того, что было обнародовано объ извѣстныхъ происшествіяхъ.

Ваше предстательство конечно обратитъ монаршее вниманіе на патріотическія чувствованія питомца русскихъ музъ, столь любезныхъ вамъ и столь любящихъ васъ.

Пользуясь симъ случаемъ, прошу ваше превосходительство принять нелицемѣрное свидѣтельство глубочайшаго почтенія и совершенной преданности, съ которыми навсегда имѣю честь пребыть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою князь Петръ Шаликовъ.

Стихотвореніе князя П. Шаликова.

Россіи императоръ новый!
На Тронѣ будь благословенъ.

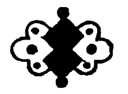
Карамзинъ.

Благословенія сердецъ
Всегда на тронъ сопровождали
Пріявшихъ скипетръ и вѣнецъ
Въ странѣ, гдѣ благость ихъ познали:
Россіи доблестной ови
Знакомы, святы искони!
Россія въ вѣрности ко трону,
Къ владыкамъ, долгу и закону
Тверда, надежна, какъ гранитъ!
Ее ничто не поколеблетъ:
Она сама себя хранитъ;
Самой себѣ лишь только внемлетъ.
Но если слухъ и взоръ ея
Всечасно устремленъ къ державѣ;
Монархъ! всесильная твоя
Предъ ней явилась въ новой славѣ!
Ты воскресилъ Петра въ себѣ,
И далъ урокъ самой судьбѣ,
Что отъ небесъ стяжавшій царство
Разрушитъ злобу и коварство,
Развѣетъ прахомъ дерзкій ковъ,
Спасетъ отечество, наслѣдье;
И въ чистотѣ души готовъ,
Какъ Богъ, врагамъ на милосердье!
Въ огнѣ сладчайшихъ чувствъ своихъ
Поэтъ всѣ вѣки вопрошаетъ:
Еще сравненіе онъ въ нихъ
Съ тобой, монархъ! найти желаетъ.
И Генрихъ, честь, краса людей,
Наставникъ, образецъ царей,
Воображенію поэта,
Въ лучахъ безсумрачнаго свѣта,
Съ улыбкой благости предсталъ
И гласъ исторіи раздался:
„Онъ для „прощенья“ побѣждалъ;
„И подданныхъ отцомъ остался!“
И ты заблуждшихся простилъ;
И ты, монархъ, свой санъ высокій
Сіяньемъ новымъ окружилъ,
Крамолъ разсѣявъ мракъ жестокій!
И Равальяки да падутъ
Въ геенну, гдѣ ихъ муки ждутъ

Раскаянья и поношенья!
Вселенной Титы—утѣшенья!
А первый шагъ ко трону твой,
Монархъ! явилъ вселенной Тита!
Владѣй же россіянъ душой;
Ты ихъ блаженство и защита!

Князь Петръ Шаликовъ.

На письмѣ кн. Шаликова рукою Муравьева написано: «государь императоръ изволилъ читать въ Петергофѣ 1-го іюня 1826 г.».

Изъ Варшавскихъ архивовъ.

(1883 г.).

Рѣчь варшавскаго генералъ-губернатора І. В. Гурко при пріемѣ чиновъ варшавскаго учебнаго округа.

11-го іюля 1883 года.

Нахожу не лишнимъ сказать вамъ нѣсколько словъ, такъ какъ я считаю задачу учебнаго вѣдомства самою существенною изо всѣхъ. Завѣдуя разными отраслями управленія, другія вѣдомства имѣютъ дѣло съ настоящимъ; учебное же вѣдомство, подготовляя для Россіи будущихъ гражданъ, держитъ въ своихъ рукахъ ея будущее.

Задача эта крайне важная вообще, въ здѣшнемъ же краѣ въ особенности. Само собой разумѣется, дѣло идетъ здѣсь не о томъ, чтобы сдѣлать поляковъ русскими. Правительство не имѣетъ въ виду подобной цѣли. Но зато съ особенною настойчивостью должно быть развиваемо и укрѣпляемо въ юношахъ убѣжденіе, что они русскіе граждане, подданные Русскаго государства и останутся таковыми на вѣки.

Не стану входить въ собственно учебную часть вашей дѣятельности; остановлюсь только на воспитательной, болѣе важной въ данномъ случаѣ и болѣе для меня ясной. Существеннымъ элементомъ воспитанія должны быть подчиненіе и дисциплина. Дѣти, не привыкшія къ подчиненію въ школѣ, не будутъ и въ жизни подчиняться никому и ничему. Но какъ пріучить ихъ къ подчиненію? По природѣ своей, дѣти народъ весьма примѣтливый, чуткій къ тому, что̀ совершается вокругъ. Они не столько воспріимчивы къ отвлеченнымъ нравоученіямъ, сколько къ живымъ нагляднымъ примѣрамъ. У хорошихъ и честныхъ родителей и дѣти бываютъ хороши и честны, и наоборотъ. Поэтому, чтобы видѣть благотворные результаты своей дѣятельности, наставники сами должны служить примѣромъ для учащихся.

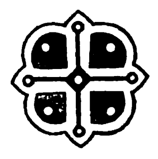
Зная могущественное значеніе примѣра для юношества, германскія школы, для пріученія его къ подчиненію, поддерживаютъ въ своей средѣ строгую дисциплину. Служащіе сами въ своихъ отношеніяхъ къ начальству, къ директорамъ, являютъ примѣръ строгаго подчиненія и этимъ собственнымъ примѣромъ наиболѣе вліяютъ на расположеніе юношества къ послушанію и повиновенію начальству. Необходимо поэтому, чтобъ и у насъ въ школахъ установилось это строгое подчиненіе служащихъ своему начальству и своимъ благодѣтельнымъ примѣромъ дѣйствовало бы на учащихся. Директоръ школы долженъ быть примѣромъ всего: его не только должны уважать, но даже можно сказать бояться.

Повторяю: я профанъ въ собственно учебномъ дѣлѣ; но эта сторона педагогической дѣятельности мнѣ представляется вполнѣ ясною, и на нее я считаю нужнымъ обратить ваше особенное вниманіе.

Я самъ буду слѣдить за этою стороною школьнаго дѣла.

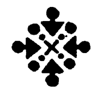
Генералъ-фельдмаршалъ I. В. Гурко состоялъ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ съ іюня 1883 г. по конецъ 1894 года.

Сообщилъ С. Никольскій.

Поправка:

Въ сентябрьскую книжку «Русской Старины» въ статью профессора Висковатаго «Карлъ Карловичъ Зейдлицъ» попало только одно вступленіе, а самая статья случайно осталась непомѣщенною, а отложенною на будущее время.

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

при томъ сообщить точную копію. А понеже по справкѣ въ канцеляріи Святѣйшаго Синода канцелярскіе служители подписками объявили, что таковыхъ граммать въ повытіяхъ ихъ по дѣламъ не имѣется, того ради приказали: изъ Троицкаго Сергіева изъ Рождественскаго въ Владимірѣ изъ Ипатскаго въ Костромѣ и изъ другихъ Московской епархіи монастырей по силе выше объявленнаго Кабинета Ея И. В. требованія съ жалованныхъ граммать, какія на оныя монастыри государевы и патріарши имѣются, точныя копіи съ надлежащимъ настоятелей засвидѣтельствованіемъ прислать въ Святѣйшій Синодъ въ какой возможно скорости; таковыхъ въ граммать копіи съ надлежащимъ же настоятелей засвидѣтельствованіемъ для извѣстія Святѣйшему Синоду и изъ монастырей протчихъ всѣхъ епархій епархіальнымъ архіереямъ собравъ и переплетя въ книги, съ реестрами прислать въ Святѣйшій Синодъ немедленно, а которые монастыри таковыхъ граммать не имѣютъ и о тѣхъ противу каждаго монастыря на реестрѣ подписать же и о томъ къ синодальнымъ членомъ и въ епархіи къ архіереомъ послать указы".

Синодъ, на первыхъ же порахъ своего существованія, обратилъ особое вниманіе на раскольниковъ и озаботился изысканіемъ мѣръ къ пресѣченію раскола. Одною изъ такихъ мѣръ была конфискація у раскольниковъ рукописныхъ и старопечатныхъ книгъ, а равно и тетрадей, которыя были по преимуществу церковнаго характера и заключали въ себѣ раскольничьи лжемудрованія и вообще погрѣшности противъ ученія святой церкви. И рукописныя и старопечатныя книги, конфискованныя у раскольниковъ, по разсмотрѣніи ихъ Синодомъ, время отъ времени сдавались или въ Синодальный архивъ, или въ Московскую Синодальную библіотеку, или сжигались. Въ 1721 г. состоялось распоряженіе Синода объ отобраніи въ Приказъ Церковныхъ Дѣлъ—продававшихся на Спасскомъ мосту въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ разныхъ священныхъ изображеній, а также службъ, каноновъ и молитвъ, сочиненныхъ и напечатанныхъ безъ надлежащаго дозволенія, и о присылкѣ изъ таковыхъ по одному экземпляру въ Святѣйшій Синодъ, „пріобща обыкновенный тому реестръ".

Въ 1773 г. присланы были въ Святѣйшій Синодъ изъ Сената, при особомъ вѣдѣніи, конфискованныя сибирскимъ вице-губернаторомъ Петровымъ-Солововымъ изъ Тарской пустыни у старца Сергія рукописныя книги и письма, въ коихъ, по разсмотрѣніи, явились „многія плутовскія бредни и между тѣмъ богохульныя и касающіяся чести Его И. В. непотребныя слова".

11-го сентября 1724 г. Синодъ постановилъ: „обрѣтающіяся книги... для знанія или наипаче, когда случится съ таковыми жъ противники въ разговорахъ обличенія ихъ безумныхъ хуленій, запечатавъ, содержать въ Синодальномъ архивѣ, а прочія письма для публичнаго сожженія возвратить паки въ Сенатъ при вѣдѣніи, въ которомъ объявить синодальное разсужденіе: дабы изъ Правительствующаго Сената во всѣ губерніи и провинціи посланы были съ подтвержденіемъ указы, чтобъ ежели у кого такія и тѣмъ подобныя раскольническія рукописныя книги есть, тѣ люди объявляли оныя въ городѣ духовнымъ управителемъ, гдѣ надлежитъ, неукоснительно, безъ всякой боязни, и никто у себя такихъ о расколѣ сумнительныхъ и подозрительныхъ книгъ и тетрадей ни тайно, ни явно ни подъ какимъ видомъ держать не дерзали подъ опасеніемъ жестокой казни; а ежели кто не объявитъ и послѣ такія о расколѣ рукописныя книги, чрезъ свое объявленіе у кого сыщутся, тобъ такимъ преслушателемъ чинено было по указу. А тѣ книги, которыя добровольно отъ кого объявлены будутъ и которыя по доносамъ сыщутся, духовнымъ управителемъ изъ городовъ собирать къ архіереямъ, а отъ архіереевъ присылать въ Святѣйшій Синодъ".

28-го января 1747 г. Святѣйшій Синодъ постановилъ, чтобы архіепископъ великоустюжскій Гавріилъ прислалъ въ Синодъ „старопечатныхъ книгъ Кормчихъ печатныхъ въ десть четыре, Маргаритъ одинъ, Житіе преподобнаго Сергія въ десть одно, многословныхъ свитковъ печатныхъ въ полдесть два, Измарагдъ письменный въ полдесть одинъ, Пчелу письменную въ четверть одну, Жемчужную Матицу письменную въ полдесть одну, Лѣствичникъ печатный въ десть одинъ" и т. д.

27-го іюня 1787 г. данъ былъ высочайшій именной указъ Святѣйшему Синоду, въ коемъ повелѣно: „наблюдать, дабы ни въ одной свѣтской типографіи или свѣтской книжной лавки не были продаваемы молитвенники, не отъ Синода изданные, также книги церковныя или къ священному писанію, вѣрѣ, либо толкованію закона и святости относящіяся, кромѣ тѣхъ, кои напечатаны въ Синодской или иныхъ духовныхъ типографіяхъ, подъ вѣдомствомъ Синода Нашего состоящихъ, или же отъ коммиссіи народныхъ училищъ въ дозволенія Нашего изданы и впредь издаваемы будутъ. Вслѣдствіе сего, во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, гдѣ найдутся въ продажѣ книги подобныя, не въ помянутыхъ духовныхъ типографіяхъ напечатанныя или же не отъ Коммиссіи народныхъ училищъ изданныя, оныя тотчасъ, запечатавъ, отдать подъ сохраненіе Синода".

Такова, въ краткихъ словахъ, исторія возникновенія Синодскаго рукописнаго архива. Къ первому тому Описанія рукописей приложены 10 таблицъ снимковъ съ рукописей, представляющихъ интересъ въ палеографическомъ отношеніи, и указатели: предметный, личныхъ именъ и мѣстныхъ именъ.

Н. К-ш-ъ.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXV-й. НОЯБРЬ. 1904 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ св. о. Серафима Саровскаго.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1904 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза",
Большая Подъяческая, № 39.
1904.

XI-я книга „Русской Старины" вышла 1-го ноября 1904 года.

Библіографическій листокъ.

Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ. Выпускъ XVI.—Записки, собранныя по повелѣнію импер. Павла I о началѣ регулярнаго войска, о ново и славяно-сербскихъ поселеніяхъ, о полкахъ гусарскихъ и пандурскихъ и о военныхъ школахъ.

Въ настоящее время, когда наше доблестное воинство ведетъ кровопролитную и упорную войну съ коварнымъ врагомъ, небезъинтересно прослѣдить исторію возникновенія нашихъ регулярныхъ войскъ.

Разсматриваемый нами XVI выпускъ Сборника военно-историческихъ матеріаловъ заключаетъ въ себѣ очень интересныя свѣдѣнія по этому вопросу, а именно записки, собранныя по повелѣнію императора Павла Петровича: I. Извѣстія о началѣ, учрежденіи и состояніи регулярнаго войска въ Россіи, съ показаніемъ перемѣнъ, какія по временамъ и обстоятельствамъ въ ономъ производимы были. II. Экстрактъ учиненный съ котораго времени и какія войска въ коликомъ числѣ учреждены. III. Объ остзейскихъ и внутреннихъ гарнизонахъ. IV. Экстрактъ о новосербскомъ бывшемъ поселеніи и о полкахъ гусарскихъ и пандурскихъ, подъ командою Хорвата учрежденныхъ и состоявшихъ. V. О славяно-сербскомъ поселеніи, о учреждавшихся тамъ гусарскихъ школахъ, гдѣ тогда сдѣлана была Екатерининская провинція, гусарскіе и пикинерные полки составлены. VI. О военныхъ школахъ.

Эти шесть записокъ въ рукописномъ видѣ, безъ подписей, составляли особое дѣло, хранившееся въ Московскомъ отдѣленіи Архива Главнаго штаба,—Дѣло по 2-му отдѣленію дежурства Главнаго штаба Его Императорскаго Величества по военному поселенію „о свѣдѣніяхъ, собранныхъ по повелѣнію блаженныя памяти императора Павла I" (начато 9-го августа, окончено 2-го октября 1830 г.).

Изъ приложенной въ концѣ дѣла переписки видно, что онѣ по повелѣнію императора Николая I были уже напечатаны въ количествѣ десяти экземпляровъ, изъ коихъ пять было разослано: цесаревичу Константину Павловичу, великому князю Михаилу Павловичу, генералъ-фельдмаршаламъ: графу Дибичу Забалканскому, графу фонъ-деръ-Остенъ-Сакену и графу Паскевичу-Эриванскому.

Сдѣланныя Общимъ архивомъ Главнаго штаба попытки разыскать хотя бы одинъ печатный экземпляръ этихъ „записокъ" не увѣнчались успѣхомъ.

Мы ознакомимъ читателей съ содержаніемъ наиболѣе интересной записки—о началѣ регулярнаго войска.

Нѣтъ, кажется, надобности упоминать, сколь полезно есть содержаніе въ государствахъ по правиламъ учрежденнаго войска,—говорится въ началѣ этой записки,—поелику частые, неожидаемые и непредвидимые случаи требуютъ непрестанно, дабы войско было въ готовности или защитить области отъ враговъ внѣшнихъ, нарушающихъ доброе согласіе сосѣдственной дружбы, или укротить враговъ внутреннихъ, возстающихъ на разрушеніе спокойствія и безопасности гражданъ. Время, опыты и самое уваженіе на нужду сего учрежденія не только въ Россіи, но и во всѣхъ государствахъ образовали постепенно какъ состояніе, такъ исправность и вооруженіе войскъ. Воинская наука, какъ и всѣ другія, не вдругъ достигла своего совершенства. Надлежало многія преодолѣть трудности и побѣдить предразсудки, чтобъ успѣть въ предпріятіи толико полезномъ благосостоянію государственному.

Повѣствованія временъ, древностью отъ насъ отдаленныхъ, представляютъ арміи воюющихъ народовъ въ видѣ хищниковъ: ибо они не знали ни порядочно сражаться, ни удерживать мѣста, коими овладѣли. По нуждѣ собранные обыватели производили военныя дѣйствія столь долго, пока могли имѣть пропитаніе; недостатокъ онаго отпускалъ ихъ въ домы. Часто безъ правилъ и подчиненности на возвратѣ своемъ подвергались они конечному истребленію отъ того, что, удаляясь въ безпорядкѣ, не рѣдко учинивъ въ земляхъ непріятельскихъ знатные успѣхи и завоеванія, по отходѣ въ домы своя, отмщеваемы были сами разореніями и опустошеніями: и сіе происходило отъ того, что не было готоваго войска къ защищенію.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный первый положилъ начало около 1554 года къ учрежденію порядочнаго войска. При немъ, во время осады Казани, составлены изъ людей боярскихъ нѣкоторыя порядочныя сотни, названныя потомъ стрѣльцами, и содержаны оныя были какъ въ военное, такъ и въ мирное время. Къ его царствованію должно отнести начало употребленія въ Россіи артиллеріи и инженерства, ибо при той же казанской осадѣ находился у него въ службѣ одинъ иностранный инженеръ, коего россіяне не инженеромъ, но розмысломъ называли.

Преемники Грознаго содержали во всей цѣлости сіе его учрежденіе, а послѣдовавшія вскорѣ за кончиною его бѣдствія внѣшней междоусобной войны и большую еще открыли нужду въ содержаніи непремѣнныхъ войскъ, какъ пѣхотныхъ, такъ и конныхъ, подъ названіемъ стрѣлецкихъ.

Царь Михаилъ Ѳедоровичъ умножилъ число ихъ, а мудрый его преемникъ, царь Алексѣй Михайловичъ, положилъ основаніе и тому, чтобъ не только имѣть всегдашнее войско, но и содержать его по правиламъ военной науки. Для сего выписаны были иностранные чиновники, переведены разныя книги, касающіяся до военной науки, и въ 1654 г., при осадѣ Смоленска, въ арміи его находились уже семь полковъ, обученныхъ по европейскому обычаю и имѣв-

Дозв. ценз. Спб., 16 Октября 1904 г. Тип. Тов. „Общ. Польза“, Б. Подьяч., 39.

СЕРАФИМЪ САРОВСКІЙ.

Записки Василія Антоновича Инсарскаго.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

VI [1]).

Учрежденіе новаго управленія намѣстника.—Дѣятельность спеціальнаго комитета.—Моя борьба съ сочленами.—Знаніе сердца и страстей человѣческихъ, выказанное при этомъ случаѣ княземъ.—Рѣшимость князя утвердить новые проекты своею властью.—Знаменитый домъ Аршакуни, гдѣ должны были расмѣститься нѣкоторые департаменты.—Торжественное открытіе новаго управленія.—Оригинальное замѣщеніе одной изъ вакансій моего учрежденія.

Характеръ нашего преобразовательнаго комитета отличался упорнѣйшимъ столкновеніемъ мнѣній. Кр—нъ, впрочемъ, неувѣренный въ своихъ силахъ, постоянно молчалъ; Харитоновъ, имѣвшій нѣкоторую дѣловую опытность, былъ скученъ и мелокъ во всѣхъ вопросахъ, требующихъ широкаго взгляда и законодательной сообразительности. Мелочность его, съ одной стороны, и страшное тщеславіе, съ другой, дѣлали его просто невыносимымъ. Онъ претендовалъ на каждый вздоръ, прося каждое ничтожное обстоятельство вносить въ новое положеніе о главномъ управленіи. Справедливость требуетъ сказать, однако, что Харитоновъ, многословный и мелочной до безконечности, былъ только скученъ ужасно; но никакой серьезной и стойкой оппозиція онъ держать не могъ ужъ по самой слабости своего характера, нервнаго, какъ у женщины. Витте, человѣкъ очень благо-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1904 г.

разумный, постоянно находился на моей сторонѣ и держался моихъ мнѣній. Но самымъ упорнымъ моимъ антагонистомъ явился князь Георгій Мухранскій. Я выше много говорилъ объ этой личности, и изъ всего, что сказано мною, можно вывести только одно искреннее мое уваженіе къ этой замѣчательной личности, уваженіе, основанное на ближайшемъ знакомствѣ моемъ съ нею впослѣдствіи. Не такъ было во время нашихъ комитетскихъ занятій.

Предложенія князя Мухранскаго, его мнѣнія, его возраженія—отличались такимъ упорствомъ, что я не считалъ его и имѣлъ полное основаніе не считать его человѣкомъ ученымъ. Способный и даровитый человѣкъ можетъ быть неопытенъ къ какомъ-нибудь дѣлѣ; но онъ сейчасъ пойметъ сущность вопроса, когда ему предоставятъ дѣльныя объясненія. Князь Мухранскій, напротивъ, при совершенной неопытности въ законодательныхъ работахъ, неопытности, совершенно очевидной, не только не хотѣлъ при происходящихъ дебатахъ внимать соображеніямъ и доводамъ противной стороны, но съ упорствомъ и самонадѣянностью противупоставлялъ этимъ доводамъ свои умствованія, рѣшительно ни на чемъ не основанныя и къ дѣлу совершенно не примѣнимыя. И теперь, когда я такъ сблизился съ Мухранскимъ, такъ уважаю его преимущественно за его тонкій умъ, я не могу постигнуть, откуда проистекала тогдашняя его оппозиція. Само собою разумѣется, что обращаться къ нему самому за разъясненіемъ этого недоумѣнія и тѣмъ самымъ возбуждать воспоминанія о періодѣ самыхъ непріязненныхъ нашихъ отношеній я считалъ совершенно неудобнымъ. Всего вѣроятнѣе думать, что этою массою сбивчивыхъ, темныхъ, неосновательныхъ возраженій, мнѣній и предложеній онъ разсчитывалъ если не совершенно уронить проектъ, то по крайней мѣрѣ задержать его осуществленіе изъ той ненависти его къ Кр—ну, о которой я выше говорилъ...

Бурный характеръ нашихъ преній сдѣлался извѣстнымъ не только всему Тифлису, имѣвшему всѣ свойства провинціальнаго города, но и самому князю Александру Ивановичу, и въ слѣдствіе того произошла однажды между нимъ и мною та сцена, которую я давно уже разсказалъ и которую, за всѣмъ тѣмъ, позволяю себѣ здѣсь повторить. Какъ теперь вижу князя предъ своими глазами. Онъ лежалъ на кушеткѣ, опять больной, въ Тифлискомъ уже дворцѣ. Я сидѣлъ противъ него. Послѣ постороннихъ предметовъ, князь коснулся занятій нашихъ въ комитетѣ.

— Я слышалъ, что у васъ происходятъ ужасно бурныя пренія,—сказалъ князь. Я слышалъ, что вы хотите присоединить къ положенію портреты сторожей.

— Столь же бурныя, сколько и безплодныя, — отвѣчалъ я. Крайняя неопытность нѣкоторыхъ членовъ въ законодательныхъ работахъ главною тому причиною. Князь подумалъ нѣсколько минутъ, что̀ всегда онъ дѣлалъ, собираясь сказать что-нибудь исключительное. Потомъ сказалъ: «зачѣмъ вы это говорите, Василій Антоновичъ! не надо никогда задѣвать чужаго сомолюбія»... «Я это сказалъ только вашему сіятельству»,—замѣтилъ я. «Знаю, знаю!»—возразилъ князь и, вставъ съ кушетки, началъ, по обычаю, ходить по кабинету. «Но я хочу вамъ вообще дать дружескій совѣтъ. Конечно, вы не будете за это на меня сердиться. Бога ради никогда не затрогивайте чужаго самолюбія. Это самая оскорбительная вещь, которая никогда не забывается. Вамъ все простятъ; но оскорбленія, нанесеннаго самолюбію, никогда. Я знаю, что вы никогда не произнесете оскорбительныхъ словъ; но иногда одинъ жестъ какой-нибудь, улыбка бываетъ оскорбительнѣе самыхъ словъ. Вотъ примѣръ. Когда я играю въ карты съ Зи—вымъ, онъ страшно шумитъ, горячится и положительно грубитъ мнѣ; но это меня нисколько не оскорбляетъ; мнѣ даже пріятно и весело смотрѣть на его вспышки, слышать его указы и замѣчанія, отъ которыхъ онъ, по натурѣ своей, не въ силахъ удержаться, хотя бы игралъ съ самимъ царемъ. Напротивъ, не знаю ничего хуже и непріятнѣе, какъ играть съ Мі—мъ. Этотъ господинъ не шумитъ, не кричитъ и даже не говоритъ. Но когда сдѣлаешь иногда какой-нибудь ходъ не по его вкусу, онъ только усмѣхнется такимъ образомъ, какъ будто даетъ знать: «вотъ дуракъ!» Такая усмѣшка въ тысячу разъ оскорбительнѣе грубостей Зи—ева и при видѣ этой усмѣшки Мі—го такъ бы и бросилъ ему карты въ рожу!» Князь долго разсуждалъ на этотъ мотивъ и хотя онъ не прилагалъ этихъ разсужденій лично ко мнѣ; но ясно было, что онъ желалъ ими сдержать мои порывы, въ самомъ дѣлѣ иногда очень энергическіе...

Два вопроса особенно были причиною нашихъ комитетскихъ преній: во-первыхъ, упраздненіе округовъ и во-вторыхъ—образованіе особой канцеляріи при намѣстникѣ. Составляя свой проектъ, я рѣшительно былъ чуждъ всякаго лицепріятія. Не говоря уже о томъ, лежитъ ли это свойство вообще въ моей натурѣ, или нѣтъ, я былъ безпристрастенъ уже по той простой причинѣ, что не успѣлъ еще, по краткости моего пребыванія въ Тифлисѣ, образовать такихъ связей, которыя вліяли бы на мои предположенія. Отсюда становится ясною та безцеремонность, съ которою я наложилъ руку на округа, слѣдуя единственно глубокому моему убѣжденію въ безполезности ихъ. Не то было съ моими товарищами по комитету. Ихъ устрашала одна мысль посягнуть на положеніе такихъ знатныхъ и могущественныхъ личностей, какъ Дю—си, баронъ Н—и, которые были могущественны именно потому,

*

что владѣли округами и, располагая огромною массою хорошихъ и выгодныхъ мѣстъ, дѣлали своимъ сослуживцамъ тысячи услугъ, предоставляя эти мѣста родственникамъ и благопріятелямъ сотоварищей. Эту главную причину своей оппозиціи мои сочлены прикрывали опасностью оставить такія важныя части: какъ учебная, финансовая, почтовая, безъ ближайшаго за ними надзора, который сосредоточенъ былъ въ лицѣ управляющихъ округами. Однимъ словомъ мои товарищи приходили въ ужасъ отъ одной мысли о закрытіи округовъ. Даже молчаливый Кр—нъ, равнодушно слушавшій всѣ другія статьи проекта и загоравшіяся на нихъ пренія—и тотъ, вѣроятно, нашпигованный Дю—си, къ которому Кр—нъ питалъ какое-то благоговѣніе и изъ-подъ котораго грозила окончательно улетучиться комфортабельная почва,—заговорилъ тутъ оппозиціоннымъ тономъ.

Ужасъ этотъ, естественно, начиналъ обнимать и всѣхъ тѣхъ, которые, принадлежа къ этимъ отдѣльнымъ вѣдомствамъ, связаны были съ управляющими округами особыми пріятными интимными узами, такъ что число лицъ, не сочувствующимъ закрытію округовъ, образовалось довольно значительное, и разнохарактерный говоръ, завязавшійся на этомъ пунктѣ, занялъ почти все чиновничье населеніе Тифлиса.

Въ одно прекрасное утро я передалъ дѣйствительное положеніе этого вопроса князю Александру Ивановичу и предложилъ ему: не угодно ли будетъ отложить окончательное разрѣшеніе вопроса объ округахъ до времени. «И прекрасно! очень радъ», сказалъ князь. «Не надо вдругъ возбуждать большой оппозиціи. Пусть сдѣлается сперва главное; остальное мы сдѣлаемъ постепенно, потихоньку. Пусть теперь остаются округа; мы ихъ уничтожимъ черезъ годъ!»

Сообразно этому князь подписалъ заготовленное мною предложеніе комитету, гдѣ говорилось, что князь полагаетъ оставить вопросъ объ округахъ въ прежнемъ видѣ впредь до того времени, когда департаменты главнаго управленія получатъ прочное и окончательное устройство и вступятъ въ кругъ дѣятельности, каждому предназначенный...

Идея объ образованіи особой канцеляріи при намѣстникѣ оспаривалась еще болѣе ожесточеннымъ образомъ. Всѣ хорошо знали, и самъ князь не скрывалъ, что учрежденіе это будетъ отдано въ мои руки. Отсюда явилась мысль, что я стану выше всего главнаго управленія и буду истиннымъ двигателемъ всѣхъ дѣлъ; что главное управленіе будетъ, въ существѣ, относиться ко мнѣ, а не къ князю, и что такимъ образомъ оно приметъ второстепенное, отдаленное отъ князя, положеніе, а канцелярія завладѣетъ самымъ высшимъ въ краѣ положеніемъ. Вѣрна ли была эта мысль или нѣтъ—это другой вопросъ; но она была достаточно сильна для того, чтобы возбудить энергическую оппозицію въ моихъ сочленахъ по комитету, т. е. въ будущихъ директорахъ

главнаго управленія. Во слѣдъ этимъ господамъ потянулся опять и молчаливый Кр—нъ, какъ главный представитель этого управленія. Они утверждали, что, при существованіи этой канцеляріи, страна вовсе не пойметъ самаго преобразованія. Народонаселеніе будетъ считать главное управленіе чѣмъ-то въ родѣ губернскаго правленія и попрежнему лѣзть со всѣми просьбами и дѣлами въ канцелярію намѣстника, которую десятки лѣтъ привыкло считать самымъ главнымъ и высшимъ мѣстомъ.

Такъ какъ вопросъ касался личнаго моего положенія и такъ какъ идея объ учрежденіи при князѣ особой канцеляріи принадлежала ему самому, то я и находилъ приличнымъ воздерживаться отъ преній. Соперники мои, опровергая учрежденіе этой страшной для нихъ канцеляріи, признавали, что для разработки органическихъ вопросовъ и различныхъ предположеній князя совершенно достаточно оставить то временное отдѣленіе для дѣлъ гражданскаго устройства края, которое именно съ этой цѣлью и было учреждено. Хотя всѣ доклады по комитету шли чрезъ меня; но этотъ вопросъ именно потому, что онъ касался лично моего положенія, я предоставилъ Кр—ну доложить князю, въ тѣхъ видахъ, чтобы устранить отъ себя всякое подозрѣніе въ желаніи повернуть его въ свою пользу. Кр—нъ получилъ отъ князя странное, хотя въ высшей степени лестное для меня, порученіе передать этотъ вопросъ на мое разрѣшеніе.

Кр—нъ передалъ мнѣ, что князь желаетъ непремѣнно устроить для меня, при настоящемъ преобразованіи, такое положеніе, которое было бы пріятно мнѣ. «Поэтому, говорилъ Кр—нъ, если вы желаете сохранить учрежденію, которое онъ предназначилъ имѣть при себѣ и поручить вашему завѣдыванію, наименованіе канцеляріи, то и онъ не отступитъ отъ этого наименованія; но если во избѣжаніе различныхъ неудобствъ, высказанныхъ комитетомъ, вы согласны оставить при немъ наименованіе временнаго отдѣленія, то онъ былъ бы очень благодаренъ».

Князь очень хорошо зналъ, что никакимъ предложеніямъ, сдѣланнымъ въ такой очаровательной формѣ, я противиться не въ силахъ. Я поручилъ Кр—ну передать князю благодарность мою за столь милостивое вниманіе и удостовѣрить его, что я всегда готовъ служить усердно ему, какія бы оффиціальныя наименованія ни присвоивались моимъ должностямъ и тѣмъ учрежденіямъ, какія отданы будутъ въ мое управленіе. Такимъ образомъ и сохранилось важнѣйшему изъ новыхъ учрежденій, по его существу, это отвратительное и въ то же время совершенно неправильное наименованіе: «Временнаго отдѣленія для дѣлъ гражданскаго устройства Кавказскаго и Закавказскаго края». Князь, при послѣдующемъ свиданіи со мной, любезно благодарилъ меня

за согласіе на это наименованіе, утверждалъ, что мое значеніе нисколько не потерпитъ отъ того, такъ или иначе будетъ называться мое учрежденіе, и что наконецъ онъ находитъ правильнымъ назвать это учрежденіе именно Временнымъ, потому, что, какъ только устроится главное управленіе по новому порядку, онъ тотчасъ переименуетъ мое отдѣленіе все-таки въ свою канцелярію.

Я такъ былъ глубоко преданъ князю Александру Ивановичу, что всѣ эти утѣшенія мнѣ вовсе не были нужны. Я такъ искренно вѣрилъ въ великолѣпіе моихъ исключительныхъ отношеній къ князю, что если бы и на половину осуществилось для меня то, что, по существу этихъ отношеній, можно было ожидать, то и то было бы ладно. Слѣдовательно, настаивать на томъ или другомъ наименованіи учрежденія, которое мнѣ ввѣрялось, не было никакой дѣйствительной надобности, не говоря уже о томъ, что такія настоянія были бы и неудобны по отношенію къ князю, предъ которымъ я истинно благоговѣлъ. Съ должностью управляющаго этимъ отдѣленіемъ соединялось и званіе директора походной канцеляріи намѣстника, званіе, которое, будучи взято отдѣльно, не представляло ничего особеннаго, тѣмъ не менѣе, свидѣтельствовало нѣкоторымъ образомъ объ исключительномъ моемъ положеніи при князѣ...

Не безполезно замѣтить, что въ дѣлѣ преобразованія главнаго управленія былъ еще одинъ вопросъ, въ рѣшеніи котораго я принималъ самое горячее участіе — именно вопросъ о содержаніи Кр—на, какъ начальника главнаго управленія. Вопросъ этотъ возникъ, какъ хорошо помню, еще то время, какъ князь Александръ Ивановичъ находился въ Боржомѣ. Надо замѣтить, что по прежней должности директора канцеляріи Кр—нъ получалъ весьма умѣренное содержаніе, что-то отъ 3.000 до 4.000 руб. въ годъ. По новымъ штатамъ, содержаніе директорамъ департаментовъ опредѣлялось въ 4.500 руб.; являлся вопросъ: какой окладъ назначить Кр—ну по новой его должности, гораздо высшей сравнительно съ директорскими должностями, и на этомъ-то вопросѣ завязалась упорная битва между мной и княземъ Александромъ Ивановичемъ.

Я доказывалъ въ своихъ письмахъ, на имя Булатова, занимавшаго въ то время положеніе директора походной канцеляріи при князѣ, что Кр—нъ, какъ ближайшій помощникъ князя и высшее лицо въ гражданскомъ мірѣ, долженъ получать такой окладъ, который если не превосходилъ, то никакъ не уступалъ бы другимъ высшимъ окладамъ, существующимъ уже въ этомъ гражданскомъ мірѣ; а такъ какъ окладъ кутаисскаго генералъ-губернатора составляетъ 10.000 руб., а окладъ тифлисскаго генералъ-губернатора еще выше, то и Кр—ну нельзя назначить меньшій окладъ. Роскошный и щедрый всегда князь, къ

удивленію, явился здѣсь упорнѣйшимъ экономомъ. Подъ вліяніемъ страшнаго перехода къ этому окладу отъ того умѣреннаго содержанія, которое Кр—нъ прежде получалъ, т. е. отъ 4.000 къ 10.000 руб., князь не соглашался на мои представленія и находилъ достаточнымъ назначить ему отъ 7.000 до 8.000 руб., что́ удвоивало его окладъ. Я не отступалъ и, зная, что мои письма Булатову будутъ подлинникомъ читаны княземъ, я не затруднялся, защищаемый свободною и дружескою формою моихъ писемъ, довольно круто называть совершенно нелогичнымъ всякій другой окладъ кромѣ 10.000 руб., точно такъ же, какъ я признавалъ нелогичнымъ всякое сравненіе прежняго положенія Кр—на съ новымъ его положеніемъ, прежняго его содержанія съ тѣмъ содержаніемъ, которое онъ долженъ получать по новой должности. Я прибавлялъ, что въ настоящемъ вопросѣ личность Кр—на полезнѣе вовсе забыть, потому что рѣчь идетъ вовсе не о Кр—нѣ, а объ установленіи закономъ правильныхъ отношеній, въ которыя долженъ быть поставленъ начальникъ главнаго управленія, и что съ этой точки зрѣнія никакого другаго оклада, кромѣ 10.000 р., ему, безъ нарушенія стройности этихъ отношеній, назначить нельзя. Побѣда осталась на моей сторонѣ, и начальнику главнаго управленія назначено всего содержанія именно 10.000 руб., раздѣленнаго, какъ это обыкновенно дѣлается, на столовыя, квартирныя и т. п.

Такимъ образомъ проектъ приходилъ къ окончанію, и вмѣстѣ съ тѣмъ приближался 1859 годъ, съ котораго онъ долженъ былъ осуществиться. Подъ моимъ руководствомъ составлено уже было росписаніе дѣлъ, которыя находились и производились въ канцеляріи намѣстника, по департаментамъ будущаго главнаго управленія, и распредѣленіе между ними чиновниковъ, составлявшихъ канцелярію. Когда все было готово, предсталъ вопросъ: должно ли представить проектъ преобразованія со всѣми приложеніями на предварительное утвержденіе въ Петербургъ, или князь можетъ привести его въ исполненіе собственною властію?

Хотя князь имѣлъ высочайше дарованное право преобразовать главное управленіе; но самая форма этого преобразованія была такъ широка и значительна, что я, а вмѣстѣ со мною и всѣ сочлены комитета, признавали совершенно необходимымъ представить наши проекты прежде въ Петербургъ. Но князь думалъ объ этомъ совершенно иначе.

— Если послать имъ проектъ,—говорилъ князь,—они непремѣнно начнутъ умничать и писать свои замѣчанія, такъ что и конца не будетъ, а если я ихъ введу прежде, а потомъ уже пошлю, тогда уже нечего будетъ имъ разсуждать. При всей вѣрности этого взгляда, пріученный петербургскими порядками видѣть, что министры о всякомъ ничтожномъ вздорѣ пишутъ всеподданнѣйшіе доклады, я боялся, что приведе-

ніе въ дѣйствіе такого важнаго дѣла, какъ созданіе многихъ департаментовъ, безъ предварительнаго его утвержденія высочайшею властью, взбаломутитъ все петербургское высшее управленіе и даже произведетъ скандалъ. Мысль эту я высказывалъ князю Александру Ивановичу, но онъ остался непоколебимъ и рѣшился самъ утвердить проекты и потомъ уже послать ихъ, для свѣдѣнія только, въ Кавказскій комитетъ. Сообразно этому, на поднесенныхъ ему проектахъ, написано было имъ такъ: «По высочайше предоставленной мнѣ власти, въ видѣ опыта, на одинъ годъ, утверждаю».

Для размѣщенія большей части новыхъ департаментовъ нанята была часть знаменитаго дома Аршакуни, столь извѣстнаго всѣмъ, кто посѣщалъ Тифлисъ.

Аршакуни былъ когда-то совершенно простой армянинъ. Проходя различныя прикащичьи должности, онъ попалъ наконецъ въ управляющіе Сальянскими рыбными промыслами въ то время, когда они находились въ содержаніи у какой-то компаніи, тоже изъ армянъ. Въ этой-то именно должности онъ и нажилъ значительное богатство. Есть какое-то повѣрье, что деньги, не добромъ нажитыя, идутъ прахомъ. Такъ было и съ Аршакуни, увлеченнымъ самымъ глупѣйшимъ тщеславіемъ. Если не все, то большую часть своего богатства онъ убилъ на свой домъ, дѣйствительно, замѣчательный по громадной массѣ денегъ, въ него засаженныхъ. Домъ этотъ онъ предположилъ отдѣлать въ восточномъ вкусѣ. Для этого онъ выписалъ изъ Персіи толпы рабочихъ и различныхъ мастеровъ, которые постоянно и нескончаемо кишѣли, какъ муравьи, около его дома; различныя принадлежности, какъ, напримѣръ, разноцвѣтныя стекла различныхъ формъ и размѣровъ, заказывались въ Англіи; Франція изготовляла люстры, вазы и т. п. Въ цѣломъ выходило нѣчто поразительное и въ то же время страшно безвкусное. Поразительное потому, что персидскія работы, а особенно лѣпныя, перемѣшанныя съ мельчайшими зеркальными стеклышками, дѣйствительно, представляли прелесть несказанную; знатоки утверждали положительно, что у самого персидскаго шаха не было въ его дворцѣ такихъ комнатъ, какія были въ домѣ Аршакуни. Безвкусное потому, что грубый армянинъ Аршакуни не имѣлъ архитектора и претендовалъ самъ лично быть архитекторомъ, оттого въ общемъ расположеніи комнатъ была замѣчательная чепуха, въ которой смѣшивались условія европейскія съ обычаями восточными. Точно также онъ самъ занимался и внутреннимъ убранствомъ комнатъ и въ этомъ отношеніи былъ еще хуже: въ персидскую комнату ставилъ французскую бронзу; комнату европейскую устилалъ персидскими коврами. Онъ часто ѣздилъ за границу и всегда вывозилъ оттуда разнороднаго хламу. И удивительное дѣло! этотъ сумасшедшій человѣкъ вовсе не имѣлъ дѣтей, а женой имѣлъ какое-то армянское пугало, которая гнѣ-

здилась гдѣ-то въ одной изъ заднихъ комнатъ и никогда не показывалась изъ своего гнѣзда.

Для чего онъ строилъ этотъ глупый, но все-таки великолѣпный домъ? При изслѣдованіи этого вопроса многіе говорили, что Аршакуни предполагаетъ, по совершенномъ окончаніи дома, поднести его въ даръ государю, или наслѣднику, или кому-то изъ императорской фамиліи. Увы! Если, дѣйствительно, таково было его предположеніе—онъ не успѣлъ привести его въ исполненіе. Смерть застигла его на окончательныхъ работахъ, и знаменитый домъ, вмѣсто высокой чести принадлежать царской фамиліи, попалъ въ грязныя руки дикой вдовы Аршакуни и толпы какихъ-то его родственниковъ, которые начали съ того, что раздѣлили его какъ-то на части и, не понимая ни значенія ремонта, ни необходимости бдительнаго надзора, тотчасъ превратили его въ какую-то, полную пыли и грязи, казарму.

Надобно замѣтить, что всяческое великолѣпіе сосредоточено было собственно во второмъ этажѣ; первый же этажъ не заключалъ въ себѣ особенной роскоши, и онъ-то былъ нанятъ подъ главное управленіе. Подъ моимъ руководствомъ произведено было распредѣленіе этого этажа на департаменты, меблировка ихъ, снабженіе царскими портретами и т. п. Такимъ образомъ здѣсь помѣстились: мое временное отдѣленіе и департаменты: общихъ дѣлъ и судебный. Департаментъ государственныхъ имуществъ остался въ томъ же отвратительномъ помѣщеніи, которое занимала прежняя экспедиція государственныхъ имуществъ; департаментъ финансовый и управленіе сельскаго хозяйства размѣстились въ другихъ наемныхъ домахъ.

Когда все готово было къ открытію главнаго управленія, князь Александръ Ивановичъ назначилъ для торжественнаго совершенія этого открытія особый день. Къ извѣстному времени собралась во дворцѣ намѣстника вся тифлисская знать, военная и гражданская, потомъ пріѣхалъ митрополитъ съ духовенствомъ, а потомъ вышелъ въ большую залу изъ внутреннихъ комнатъ самъ намѣстникъ, окруженный своею свитою. Торжество открытія началось чтеніемъ главныхъ основаній преобразованія главнаго управленія. Для этого чтенія самъ князь назначилъ одного изъ состоящихъ при немъ чиновниковъ по особымъ порученіямъ—грузина Іоселіани, человѣка, популярнаго въ высшей степени, туземнаго литератора и оратора. Этимъ избраніемъ князь какъ бы желалъ показать туземцамъ, что преобразованіе дѣлается для ихъ пользы, для благоденствія страны. Послѣ этого чтенія митрополитъ началъ богослуженіе, въ концѣ котораго голосистый протодіаконъ провозглашалъ различныя многолѣтія государю, намѣстнику, главному управленію и пр. По окончаніи богослуженія провозглашены были имена лицъ, которымъ поручались департаменты и другія части новаго глав-

наго управленія. Этимъ лицамъ самъ князь вручалъ печати, заготовленныя для департаментовъ и частей, имъ ввѣряемыхъ. Такимъ образомъ главное управленіе новыхъ, широкихъ размѣровъ было открыто и восприяло свое дѣйствіе. До какой степени вѣрно и хорошо все было предусмотрѣно и подготовлено, тому служитъ лучшимъ доказательствомъ, что департаменты не встрѣтили рѣшительно никакихъ затрудненій въ своихъ первоначальныхъ дѣйствіяхъ и съ разу безпрепятственно пошли по пути къ предназначеннымъ имъ цѣлямъ. Дошли ли они до этихъ цѣлей—это совершенно другой вопросъ, и я менѣе всѣхъ готовъ принять на себя его разрѣшеніе.

Я вступилъ, какъ и предназначено было, въ управленіе временнымъ отдѣленіемъ и на-ряду съ Д. А. Милютинымъ и Крузенштерномъ получилъ личный докладъ намѣстнику. Личный составъ этого отдѣленія я сформировалъ отлично. Въ этомъ составѣ были великолѣпные практики по всѣмъ частямъ; были юристы, были люди ученые, были, наконецъ, молодые люди, только-что вышедшіе изъ учебныхъ заведеній и жаждавшіе дѣятельности. Одну изъ вакансій я оставилъ для моего бывшаго почтоваго сотрудника Коковцева, о блестящихъ способностяхъ котораго я выше говорилъ, и когда этотъ молодой и даровитый человѣкъ споткнулся и не могъ уже воспользоваться моимъ предназначеніемъ, вакансія эта замѣщена была З—омъ, военнымъ офицеромъ, тоже человѣкомъ очень умнымъ и извѣстнымъ нѣсколько въ нашей литературѣ по нѣкоторымъ статейкамъ, напечатаннымъ имъ въ различныхъ изданіяхъ.

Замѣщеніе это совершилось съ такими подробностями, которыя, какъ мнѣ кажется, не лишены интереса. Когда я убѣдился окончательно въ невозможности предоставить эту вакансію (мѣсто VI класса съ жалованьемъ до 2.000 рублей) Коковцеву, я долженъ былъ искать другаго кандидата изъ мѣстныхъ дѣятелей, что̀ было очень затруднительно. Мои чиновники оффиціально, по самому штату, назывались редакторами, и это названіе указывало уже нѣкоторымъ образомъ на тѣ условія, которыя эти господа должны были соединять въ себѣ. Само собою разумѣется, что искателей этой солидной и привлекательной, особенно для молодыхъ людей вакансіи являлось множество, но всѣ они меня не удовлетворяли. Наконецъ, по рекомендаціи и ходатайству Орловскаго, который и въ то уже время, будучи еще только тифлисскимъ вице-губернаторомъ, былъ на дѣлѣ настоящимъ начальникомъ губерніи, я остановилъ вниманіе на родственникѣ его, Прибылѣ, молодомъ человѣкѣ весьма представительной наружности. Этому предпочтенію содѣйствовало то обстоятельство, что Прибыля я видѣлъ въ Москвѣ у князя, во время коронаціи, и зналъ, что онъ писалъ тамъ для него какія-то бумаги. Мнѣ казалось, что князю пріятно будетъ зачислить въ учре-

жденіе, которое будетъ заниматься разработкою его идей, человѣка, который уже имѣлъ счастіе съ нимъ заниматься.

Вышло, однако, не такъ. Когда я передалъ князю первоначальное предположеніе мое относительно Коковцева, затрудненія, встрѣтившіяся въ его исполненіи, и, наконецъ, соображенія, по которымъ я рѣшился взять Прибыля, князь не согласился. Я отвѣчалъ, что буду искать другаго кандидата. «Не хотите ли, я вамъ буду рекомендовать человѣка?» —сказалъ князь. Я отвѣчалъ, что буду очень благодаренъ. Князь продолжалъ: «видите, въ чемъ дѣло. Есть одинъ З—нъ, чрезвычайно способный человѣкъ, но такой интриганъ и проныра, что безъ интригъ жить не можетъ. Онъ служилъ у Евдокимова, человѣка, кажется, смѣтливаго, но и тотъ разочаровался потомъ и долженъ былъ удалить его. Сначала Евдокимовъ души не слышалъ отъ радости, что нашелъ такое золото, и вѣрить не хотѣлъ никакимъ замѣчаніямъ на счетъ его нѣкоторыхъ свойствъ. Потомъ онъ мнѣ самъ говорилъ: «ваше сіятельство! я не люблю ни о комъ говорить худо, но скажу, что З—нъ, дѣйствительно, дурной человѣкъ!» Разладивъ съ Евдокимовымъ, онъ перешелъ въ штабъ Врангеля, въ Дагестанъ, и, вѣроятно, тамъ начнетъ тоже интриговать. Я долженъ взять его оттуда, и именно теперь прекрасный случай для этого. Вчера онъ пріѣхалъ курьеромъ отъ Врангеля и теперь въ Тифлисѣ. Хотите назначить его вашимъ редакторомъ? Ручаюсь, батюшка, что никому не уступитъ. Умный и бойкій, но ужъ зато интриганъ. Да намъ-то что до этого за дѣло? Мы будемъ знать, что онъ интриганъ, а способностями его будемъ пользоваться. Хотите?» Само собою разумѣется, что я не могъ не изъявить полнѣйшаго согласія, когда самому князю принадлежала и нравилась эта идея: «ну, какъ же»,—продолжалъ князь. «Вы что ль сдѣлаете ему это предложеніе или я?». «Я вовсе его не знаю, ваше сіятельство,—отвѣчалъ я,—и никогда не видалъ. Мнѣ кажется, что личное предложеніе вашего сіятельства будетъ для него и болѣе лестно, и болѣе обязательно». «Ну, и прекрасно,—сказалъ князь,—завтра онъ долженъ явиться ко мнѣ, и я объявлю ему новое и, конечно, неожиданное для него назначеніе».

На другой день, по своимъ дѣламъ, я явился въ пріемную князя и въ ожиданіи доклада обо мнѣ, вмѣшался, по обычаю, въ толпы, почти всегда наполняющія пріемную. Случайно совершенно я присоединился къ одной изъ группъ и слушалъ какой-то разсказъ, изрѣдка присоединяя и свое слово. Въ этотъ моментъ двери кабинета князя растворилось, и онъ самъ на минуту взглянулъ въ пріемную. Замѣтивъ въ толпѣ различныхъ гражданскихъ и военныхъ фигуръ и мою фигуру, онъ тотчасъ пригласилъ меня въ кабинетъ. При самомъ входѣ моемъ туда, князь спросилъ: «вы говорили уже съ З—мъ?» «Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—я докладывалъ вамъ, что вовсе его не знаю!» «Да, вѣдь вы сейчасъ съ

нимъ говорили»,—живо сказалъ князь. Оказалось, что одинъ изъ офицеровъ, который стоялъ въ той же группѣ, гдѣ и я, и съ которымъ я перекинулся нѣсколькими словами, былъ З—нъ. Когда разъяснилось это обстоятельство, князь спросилъ: «ну, что, позвать что ли его? Хотите?» Я повторилъ, что З—ну будетъ пріятнѣе принять отъ самого князя новое назначеніе. «Ну, такъ позовите его»,—сказалъ князь. Видно было, что самъ князь предчувствовалъ, что это назначеніе не будетъ пріятно З—ну. И, дѣйствительно, съ первыхъ же словъ князя лицо этого господина приняло самое отвратительное выраженіе. Вѣроятно, противъ его собственнаго желанія, на немъ написано было въ одно и то же время и нежеланіе принять это предложеніе, и трусость отказаться отъ него. Проницательный князь быстро угадалъ все это и потому, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «потрудитесь, Василій Антоновичъ, подробнѣе объяснить З—ну положеніе, которое я ему назначаю, въ особенности разъясните, что онъ тутъ ничего не теряетъ, напротивъ, выигрываетъ».

Я видѣлъ, что миссія, возложенная на меня, будетъ довольно затруднительна. Когда мы вышли изъ кабинета князя, З—нъ тотчасъ началъ разъяснять мнѣ, что это предложеніе перевертываетъ совершенно всю его карьеру; что, посвятивъ себя исключительно военному поприщу, онъ, переходомъ къ статскимъ дѣламъ, къ которымъ никогда не чувствовалъ никакого призванія, теряетъ все, что пріобрѣтено уже имъ въ военной службѣ и т. п. Я долго и внимательно слушалъ его. Потомъ, когда изліянія его ослабѣли, я сказалъ: «позвольте мнѣ, прежде всего, обратить ваше вниманіе на тотъ простой фактъ, что до настоящей минуты я не имѣлъ удовольствія знать васъ, ни вашихъ достоинствъ, ни вашихъ предположеній. Ясно, что я не имѣлъ рѣшительно ни повода, ни побужденія желать, чтобы вы, именно, замѣстили извѣстную вакансію въ учрежденіи, которымъ управляю. Это идея самого князя, который, повидимому, слишкомъ хорошо знаетъ ваши достоинства, потому что превосходно о нихъ отзывается и который слишкомъ могущественъ, чтобы вознаградить всевозможныя потери, какія будутъ сдѣланы для исполненія его воли. И теперь—послѣ вашихъ объясненій, я лично еще менѣе могу желать поступленія вашего ко мнѣ, поступленія, столь противоположнаго вашимъ видамъ, за всѣмъ тѣмъ долгомъ считаю выразить вамъ убѣжденіе, что лучше плыть по теченію, т. е. слѣдовать волѣ князя, который позаботится о вашей карьерѣ именно потому, что вы исполните его волю, чѣмъ противиться этой волѣ и, слѣдовательно, рисковать всѣмъ».

З—нъ внялъ этому внушенію и просилъ только заявить князю, что онъ съ благоговѣніемъ исполняетъ его предназначеніе, несмотря на то, что всѣ его виды и интересы сосредоточены были на военной службѣ,

что̀ мною добросовѣстно и было исполнено. Этого мало. Я былъ постояннымъ представителемъ и посредникомъ его послѣдующихъ желаній и интересовъ предъ княземъ. Надобно сказать, что З—нъ имѣлъ способность вѣчно ныть и этимъ нытьемъ страшно надоѣлъ мнѣ, такъ что, если онъ желалъ вырваться изъ области гражданскихъ дѣлъ, то я еще болѣе желалъ избавиться отъ него, разумѣется, съ полнымъ соблюденіемъ его интересовъ. Его интересы имѣли впрочемъ мало возвышеннаго. Онъ постоянно мечталъ быть командиромъ полка или бригады линейныхъ казаковъ, съ завистью и злобою разсказывая, какими громадными выгодами пользуются эти командиры. Именно, подъ вліяніемъ желанія возвратить его въ военный міръ, я бралъ его съ собою въ знаменитый походъ 1859 г., разсчитывая, между прочимъ, что, находясь вмѣстѣ со мною подлѣ князя, онъ какъ-нибудь успѣетъ проявить себя, какъ человѣка, именно созданнаго для военнаго дѣла. Сначала казалось, что разсчеты эти обѣщаютъ осуществиться; но походъ былъ конченъ, а З—нъ снова начиналъ ныть, не принося почти никакой пользы моему отдѣленію.

Спустя значительное время, не помню уже, когда именно, князь отправлялся въ Владикавказъ. Предъ этимъ отправленіемъ, занимаясь съ нимъ дѣлами, я сказалъ ему, между прочимъ: «не изволите ли, ваше сіятельство, при свиданіи съ Евдокимовымъ, замолвить ему слово о З—нѣ?». «А что такое?»—живо возразилъ князь и потомъ тотчасъ прибавилъ: «а! понимаю! вы хотите, чтобы я избавилъ васъ отъ него! Ну, хорошо—избавлю». «Совсѣмъ нѣтъ, ваше сіятельство,—началъ я,—я имъ очень доволенъ, но онъ такъ любитъ военную службу»... «Ну, хорошо, хорошо! — прервалъ меня князь,—будьте благонадежны, устроимъ!» И, дѣйствительно, скоро З—нъ былъ назначенъ состоять въ распоряженіи Евдокимова, а затѣмъ получилъ казачій полкъ или казачью бригаду; но, вѣроятно, усердіе его по части разработки тѣхъ выгодъ, которыми, по его собственнымъ словамъ, пользуются командиры казачьихъ полковъ и казачьихъ бригадъ, вышло уже изъ предѣловъ, потому что въ заключеніе онъ какъ-то довольно скоро ушелъ съ Кавказа.

VII.

Работы моего учрежденія.—Нѣкоторое сходство этого учрежденія со II-мъ отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи.—Разнородные проекты.—Отъѣздъ моего семейства въ Петербургъ.—Рѣшимость моя идти въ походъ.—Услуга моя военному міру по части денежныхъ пособій.—Поѣздка князя въ Петербургъ.—Начало карьеры Д. А. Милютина.—Начало исторіи объ отчетѣ.—Переходы отчета изъ рукъ въ руки и различныя при этихъ переходахъ приключенія.

Отдѣленіе, мнѣ порученное, имѣло оригинальное назначеніе: писать и издавать законы. Въ этомъ назначеніи было нѣкоторое сходство съ назначеніемъ II отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи: то и другое издавало законы. Этимъ только сходство и ограничивалось. Между тѣмъ въ дѣятельности этихъ учрежденій представлялась та существенная разница, что одно изъ нихъ само не писало законовъ, а только приводило въ систему законы, выходящіе въ различныхъ частяхъ и вѣдомствахъ государственнаго управленія, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ давало заключеніе о томъ, въ какой степени изготовляемый какимъ-либо вѣдомствомъ новый законъ соотвѣтствуетъ общему духу, или, какъ Сперанскій говорилъ, «разуму» нашего законодательства, тогда какъ ввѣренное мнѣ учрежденіе должно было само писать новые законы. Однимъ словомъ, II отдѣленіе собирало, такъ сказать, плоды законодательной дѣятельности другихъ вѣдомствъ, мое отдѣленіе должно было изготовлять законы, относящіеся до различныхъ частей и вѣдомствъ. Я даже не знаю, существуетъ ли и существовало ли гдѣ-нибудь подобное, столь оригинальное заведеніе, да и можетъ ли оно, не нарушая «законовъ чистаго разума», существовать.

Въ организаціи блаженной памяти V отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи было нѣчто подобное: предпріимчивые и черезчуръ ужъ смѣлые Киселевъ и Карнѣевъ могли бы изготовить въ нѣсколько часовъ отличную конституцію для китайскаго государства, если бы это было имъ поручено; но и ихъ трескучая дѣятельность не выходила изъ области государственныхъ имуществъ, по правдѣ сказать, имѣвшей безконечныя и разнообразныя развѣтвленія и отрасли. Съ этой стороны и V отдѣленіе, эта школа моего дѣловаго образованія, этотъ образецъ храбрости, все преодолѣвающей и ни предъ чѣмъ не останавливающейся—должно уступить моему кавказскому отдѣленію, которое должно было своею мудростію обнимать всѣ области.

Но на Кавказѣ все возможно. Когда въ битвѣ съ турками у князя Андроникова были перебиты артиллерійскія лошади, онъ, не задумы-

ваясь, запрегъ подъ пушки почтовыхъ лошадей, къ величайшему изумленію почтоваго вѣдомства, и выигралъ сраженіе. Другой кавказскій полководецъ князь Григорій Орбеліани, какъ я говорилъ выше, при атакѣ какого-то аула, нашелъ совершенно ненужными штурмовыя лѣстницы, которыхъ у него требовали, по правиламъ военной науки, петербургскіе офицеры генеральнаго штаба, и все-таки взялъ аулъ. Нѣчто подобное этому презрѣнію къ существующимъ правиламъ, къ установившимся обычаямъ, къ законамъ науки,—существовало и въ гражданскомъ мірѣ.

Вопросъ о томъ: можетъ ли одинъ и тотъ же человѣкъ, какъ бы даровитъ и опытенъ онъ ни былъ, изготовлять законы по всѣмъ частямъ, какъ бы разнородны онѣ ни были, рѣшительно никого не занималъ.

Второстепенныхъ дѣятелей онъ не занималъ потому, что такъ уже рѣшено было княземъ; а князя онъ не занималъ потому, что тотъ разсчитывалъ на безусловное исполненіе.

У меня, въ ряду другихъ свойствъ, хорошихъ или дурныхъ, было свойство, отличающее, болѣе или менѣе, русскаго человѣка,—свойство, развитое и усовершенствованное въ V отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцеляріи, свойство дѣлать все, что велятъ, «по крайнему разумѣнію»; а какъ разумѣнія этого было достаточно, то въ результатѣ и выходило нѣчто порядочное, по крайней мѣрѣ относительно. На этомъ основаніи, еще въ молодыхъ лѣтахъ, я писалъ техническую инструкцію, какъ должны поступать ученые нѣмецкіе садовники, чтобы садоводство въ Россіи процвѣтало, или какъ должны дѣйствовать учебныя агрономическія фермы, чтобы поднять народное сельское хозяйство и т. п. На томъ же основаніи, но уже несравненно съ большею самоувѣренностію, я сталъ писать все, что заказывалъ князь.

До какой степени разнообразны были мои работы по отдѣленію, приведу нѣкоторыя изъ нихъ: положеніе объ Обществѣ для возстановленія христіанства на Кавказѣ и уставъ о конскихъ скачкахъ въ краѣ; положенія о новыхъ городахъ и уставъ тифлисскаго собранія; положеніе объ Обществѣ сельскаго хозяйства на Кавказѣ, и положеніе о вспомогательныхъ кассахъ; уставъ благотворительнаго общества св. Нины, и дѣло объ устройствѣ желѣзной дороги отъ Поти до Баку; уставъ о строительной и дорожной частяхъ на Кавказѣ и составленіе всеподданнѣйшаго отчета намѣстника государю. Но составленіе отчета сопровождалось такими замѣчательными обстоятельствами, что они должны составить предметъ особаго повѣствованія; а теперь я отмѣчу двѣ черты, относящіяся къ моимъ занятіямъ по отдѣленію.

Я сказалъ уже, что мнѣ, по должности управляющаго этимъ отдѣ-

леніемъ, предоставленъ былъ личный докладъ князю въ опредѣленные для того дни. Это была высокая честь, которою пользовались только Кр—нъ и Д. А. Милютинъ; но я рѣшительно не зналъ, что мнѣ дѣлать съ этою честью. Какъ ни быстро изготовлялись мои работы, все-таки физически было невозможно приносить князю еженедѣльно по проекту устава или положенія. Предварительными же вопросами, относящимися къ этимъ уставамъ, я не хотѣлъ обременять князя, зная, съ одной стороны, что эти частности только затруднятъ его, а съ другой, полагая свою гордость именно въ томъ, чтобы приносить ему всегда уже совершенно готовыя и отдѣланныя вещи. Отъ этого и при совершенномъ отсутствіи текущихъ дѣлъ, которыми такъ удобно могли наполнять свои доклады Д. А. Милютинъ и Кр—нъ, случалось, что, въ мой докладной день, я рѣшительно не имѣлъ ничего, подлежащаго докладу. Это неудобство я заявлялъ князю; но онъ отвѣчалъ на это: «ну что жъ? все равно, приходите съ пустыми руками; потолкуемъ!»

Другое обстоятельство, которое я хотѣлъ замѣтить, заключается въ томъ, что ни одного проекта я не представлялъ князю, не сообщивъ его предварительно директорамъ главнаго управленія, на томъ основаніи, что исполненіе проектовъ переходило уже въ ихъ руки. Къ замѣчаніямъ, которыя проявляли эти господа, я относился совершенно добросовѣстно. Все, что улучшало дѣло, по моимъ убѣжденіямъ, я принималъ; затѣмъ всѣ замѣчанія, съ которыми, по тѣмъ же убѣжденіямъ, я не могъ согласиться, я представлялъ князю на рѣшеніе.

Въ заключеніе позволяю себѣ повторить, что частная переписка князя перешла уже, такъ сказать, оффиціально на мою обязанность. Въ этомъ отношеніи письма къ членамъ императорской фамиліи или отвѣты на ихъ письма занимали, конечно, первое мѣсто.

Между тѣмъ, какъ я возился съ работами моего отдѣленія, семейныя мои дѣла приходили постепенно въ страшное разстройство. Жена моя, послѣ родовъ, впала, какъ говорится, «въ тяжкую и продолжительную болѣзнь» и должна была уѣхать съ Кавказа.

Какъ ни грустна казалась мнѣ ожидающая меня перспектива одинокаго, бобыльскаго моего существованія въ такомъ отдаленномъ краѣ, который встрѣтилъ меня однѣми потерями; за всѣмъ тѣмъ, однако же, я не только не препятствовалъ, но даже усердно содѣйствовалъ этимъ приготовленіямъ. Въ іюнѣ 1859 г. я самъ проводилъ мою семью до Владикавказа и тамъ съ нею распрощался.

Между тѣмъ изготовлялся знаменитый походъ 1859 г. Надо замѣтить, что хотя по должности директора походной канцеляріи я долженъ былъ сопровождать князя во всѣхъ его поѣздкахъ, но князь

былъ такъ великодушенъ, что во вниманіе ли къ моему семейному положенію, или во вниманіе къ моимъ серьезнымъ занятіямъ, или, наконецъ, къ замѣченному имъ, быть можетъ, нерасположенію моему рыскать по разнымъ концамъ края, оставлялъ меня въ покоѣ и при случавшихся поѣздкахъ бралъ съ собою большею частію Булатова. Отправивъ свою семью и значительно скучая, я предоставилъ Кр—ну заявить князю, что я желаю идти съ нимъ въ походъ. Его я уполномочилъ къ этому заявленію потому, что имѣлъ правиломъ никогда не говорить князю прямо о себѣ или о своихъ желаніяхъ. По отзыву Кр—на, князь самъ не хотѣлъ предложить мнѣ идти съ нимъ, чтобы не связать меня этимъ предложеніемъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что тончайшая деликатность была постояннымъ спутникомъ всѣхъ отношеній князя ко мнѣ, и этою-то деликатностію онъ умѣлъ поселить во мнѣ самую необъятную, по силѣ и искренности, преданность къ себѣ.

Въ дальнѣйшихъ переговорахъ моихъ съ княземъ относительно предстоящаго похода, я рѣшилъ доложить ему: не позволитъ ли онъ мнѣ взять съ собою N? Князь съ удивленіемъ взглянулъ на меня и живо спросилъ: «это зачѣмъ?» «N. кажется очень хорошо знаетъ тотъ край»,—отвѣчалъ я,—«и быть можетъ своею опытностію будетъ полезенъ въ военномъ отношеніи». Князь подумалъ съ минуту и потомъ сказалъ: «ну, хорошо! возьмите его!» N., дѣйствительно, подробно зналъ всѣ мѣстныя обстоятельства страны, въ которую направлялся походъ, и знакомъ былъ почти со всѣми туземными личностями, сколько-нибудь замѣчательными. Владикавказъ, въ которомъ преимущественно производились различныя походныя заготовленія, онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ. Въ заключеніе онъ былъ нѣсколько разъ самъ въ походахъ и подробно зналъ всѣ пріятности и удобства походной жизни. Понятно, какъ мнѣ важно и полезно было имѣть при себѣ такого опытнаго человѣка, мнѣ, который, долженъ былъ вкусить впервые сладости похода. Точно также понятно, какъ я радъ былъ согласію князя на мое предложеніе. Я тотчасъ передалъ N всѣ хозяйственныя распоряженія по заготовленію для меня во Владикавказѣ комфортабельной походной палатки, по покупкѣ верховыхъ лошадей, по пріобрѣтенію вещей, необходимыхъ для походной канцеляріи, и т. п., и справедливость требуетъ сказать, что трудно было найти для всего этого болѣе ловкаго исполнителя.

Въ этихъ же переговорахъ съ княземъ мнѣ удалось оказать и кавказскому военному міру большую услугу, которая, впрочемъ, осталась какъ-то мало оцѣненною. Дѣло въ томъ, что свита главнокомандующаго и различные военные чины, которые должны были идти въ походъ, страшно жаловались на разорительныя издержки, имъ предстоя-

щія, и на вопросъ мой, какія именно пособія выдаются имъ въ подобныхъ случаяхъ отвѣчали, что никакихъ или почти никакихъ потому, что какія-то фуражныя и, кажется, еще прогонныя деньги составляли ничтожнѣйшую сумму. Удивленный этимъ отвѣтомъ и зная, что всѣ гражданскіе чины, при различныхъ командировкахъ, получаютъ всегда довольно значительныя пособія, я, подъ вліяніемъ стремленія къ тому молодечеству, о которомъ выше говорилъ, объявилъ, что такое ненормальное положеніе оставаться не можетъ и что я его исправляю. Свитскіе мои друзья стали усердно поддерживать меня въ этой пріятной для нихъ рѣшимости. «Разумѣется, ты одинъ можешь это сдѣлать», говорили они. «Скажи князю. Онъ не знаетъ. Когда онъ узнаетъ, сейчасъ прикажетъ дать и намъ такія пособія, какими вы, штафирки, пользуетесь. Чѣмъ мы хуже васъ» и т. п.

И, дѣйствительно, при докладѣ объ обычныхъ пособіяхъ чинамъ, составляющимъ походную канцелярію, я сказалъ князю: «и военныя лица, отправляющіяся въ походъ, находятъ справедливымъ, чтобъ имъ тоже было назначено пособіе. Но никто не осмѣливается доложить вашему сіятельству объ этомъ». Князь пріятно улыбнулся; но ничего не отвѣчалъ. На другой или на третій день, къ величайшему моему удовольствію, узнаю, что вышла утвержденная княземъ табель о пособіяхъ военнымъ лицамъ, которою опредѣлялось: сколько слѣдуетъ подъемныхъ полковнику, маіору, поручику и т. д. Нѣтъ нужды говорить о томъ, какъ возрадовались всѣ тѣ, которые жаловались на предстоящее разореніе, не ожидая сверху, на основаніи прежнихъ порядковъ, никакой помощи.

До начала похода князь нашелъ нужнымъ отправиться въ Петербургъ для предварительныхъ переговоровъ съ государемъ и оттуда возвратиться прямо въ крѣпость Грозную, гдѣ, если не ошибаюсь, къ 10-му іюля должно было сосредоточиться все, что назначено къ участію въ походѣ. Въ день отъѣзда князя я съ ранняго утра такъ сильно былъ занятъ съ нимъ въ его кабинетѣ, что, при наступленіи часа торжественнаго съ нимъ прощанія всѣхъ тифлисскихъ властей, онъ не позволилъ мнѣ даже съѣздить домой, чтобы надѣть мундиръ, и разрѣшилъ мнѣ остаться въ сюртукѣ. Надо замѣтить, что при обыкновенныхъ докладахъ князь не только не требовалъ никакой формальности въ платьѣ, но даже не любилъ положительно этой формальности. Приводя въ порядокъ различныя бумаги, которыя князь долженъ былъ взять съ собою, я волею неволею видѣлъ сверху ихъ реестръ, собственноручно имъ написанный, важнѣйшимъ вопросамъ, по которымъ онъ предполагалъ переговорить съ государемъ. Во главѣ этихъ вопросовъ стояли слова: «Милютинъ товарищъ военнаго министра». Нѣтъ сомнѣнія, что эта лаконическая строка была первымъ основаніемъ всей по-

слѣдующей карьеры Д. А. Милютина. Прощаясь со мной, князь въ особенности просилъ меня заняться отчетомъ, къ исторіи котораго и перехожу...

Начать съ того, что еще въ концѣ 1858 г., когда я заваленъ былъ текущими дѣлами прежней канцеляріи намѣстника и занятъ сильнѣйшимъ образомъ проведеніемъ проекта преобразованія главнаго управленія, князь, въ одно прекрасное утро, въ присутствіи Кр—на, сказалъ между прочимъ: «однако пора заняться гражданскимъ отчетомъ, займитесь!» Я взглянулъ выразительно на Кр—на, тотъ сказалъ князю: «ваше сіятельство! Василій Антоновичъ такъ сильно обремененъ занятіями, что увеличивать ихъ физически не возможно!» — «Я знаю это; но что же прикажете дѣлать?»—замѣтилъ князь. «Позвольте отложить составленіе отчета до 1-го января 1859 г.,—отвѣчалъ Кр—нъ,—тогда вѣроятно Василій Антоновичъ будетъ свободнѣе и будетъ въ состояніи заняться отчетомъ».—«Ну, нечего дѣлать!»—какъ-то грустно отозвался князь,—«только мнѣ хотѣлось бы какъ можно скорѣе; военный отчетъ ужъ пишутъ».

Дѣйствительно, мнѣ было извѣстно, что пріятель мой Фадѣевъ занимается именно подготовкою военнаго отчета. У меня блеснула мысль, которую я тотчасъ и заявилъ князю. «Ваше сіятельство»,—сказалъ я,—«чтобы обезпечить скорое составленіе гражданскаго отчета, не угодно ли сдѣлать распоряженіе, подобное тому, какъ сдѣлано по военному вѣдомству?»—«Какъ это?»—спросилъ князь. «Такъ какъ подготовка военнаго отчета поручена Фадѣеву»,—отвѣчалъ я,—«не угодно ли будетъ поручить кому-либо подготовку гражданскаго отчета».—«Кому же?»—снова спросилъ князь. «Да хоть Ки—ни, напр.»,—отвѣчалъ я,—«онъ совершенно свободенъ, хорошо пишетъ и будетъ очень радъ этому порученію».—«Ну, хорошо»,—отозвался князь,—«я ему скажу». Дѣйствительно, князь пригласилъ его и поручилъ заняться отчетомъ. Ки—ни, восхищенный этимъ порученіемъ, тотчасъ разослалъ во всѣ мѣста и ко всѣмъ лицамъ сотни бумагъ съ требованіемъ разнородныхъ свѣдѣній для отчета и съ жаромъ принялся за работу. Затѣмъ онъ выпросилъ у князя позволеніе читать ему лично части, по мѣрѣ ихъ изготовленія. По Тифлису тотчасъ разнеслось, что Ки—ни каждое утро пріѣзжаетъ къ князю и читаетъ ему свой отчетъ.

Въ такомъ положеніи дѣла наступилъ отъѣздъ князя. За день или за два князь говоритъ мнѣ, между прочимъ: «мнѣ Ки—ни читалъ свой отчетъ. Хорошо. Только еще не конченъ. Остается немного. Мнѣ очень бы хотѣлось поднести его лично государю. Если бы вы могли взять военный отчетъ у Фадѣева, а гражданскій у Ки—ни, слить ихъ въ одно, исправить, гдѣ найдете нужнымъ, напечатать и прислать мнѣ въ Петербургъ, гдѣ я пробуду недѣли двѣ? Скажите, можете вы это сдѣ-

*

лать?» — «Это рѣшительно невозможно, ваше сіятельство!»—твердо отвѣчалъ я. «О моемъ усердіи исполнить вашу волю не можетъ быть и рѣчи; но это именно такая работа, которая требуетъ непремѣнно вашего личнаго участія и руководства. Я не видалъ ни отчета Фадѣева, ни отчета Ки—ни; тѣмъ не менѣе вполнѣ убѣжденъ, что какъ бы совершенны они ни были, все-таки, при сліяніи ихъ, неизбѣжно явятся такіе вопросы и недоумѣнія, которыя только вы одни можете разрѣшить. Потомъ печатаніе отчета»... «Правда, правда»,—перебилъ меня князь,—«срокъ слишкомъ малъ и поспѣшностію можно все дѣло испортить. Въ такомъ случаѣ прошу васъ, во время моего отсутствія, переговорить съ этими господами, а также и съ Д. А. Милютинымъ, и приготовить отчетъ къ моему возвращенію въ Грозную. Мы можемъ его оттуда послать государю»...

На другой же день я получилъ отчетъ Ки—ни и, быстро пробѣжавъ его, пришелъ въ ужасъ. И по системѣ, и по изложенію вещь, совершенно невозможная, въ которой предметы излагались съ отсутствіемъ всякой послѣдовательности, часть гражданская перепутывалась на каждомъ шагу съ военною и въ которой, въ заключеніе, оставалось множество пробѣловъ, пополненіе которыхъ требовало и большаго труда, и большаго времени. Я принудилъ Кр—на прочитать это произведеніе и сказать свое мнѣніе. Мнѣніе его было, что отчетъ Ки—ни надо совершенно бросить и написать другой. На вопросъ мой: какимъ же образомъ князь могъ остаться доволенъ такой работой? Кр—нъ отвѣчалъ, что это произошло отъ того, что этотъ отчетъ читалъ самъ Ки—ни князю, а не князь лично, и что Ки—ни читаетъ такъ громко и такъ торжественно, что во время его чтенія всякій вздоръ кажется краснорѣчіемъ.

Это обоюдное впечатлѣніе я передалъ Д. А. Милютину и молилъ его также, Христомъ Богомъ, прочитать отчетъ. Усѣявъ его безчисленными критическими замѣтками, Милютинъ также отозвался, что отчетъ совершенно негоденъ. Что касается до военнаго отчета, то Милютинъ сказалъ, что о немъ онъ ничего не знаетъ, и что такое пишетъ краснорѣчивый Фадѣевъ, ему совершенно не извѣстно. Всѣ эти факты погрузили меня въ размышленіе о томъ, что же теперь я долженъ дѣлать?

Вопросъ этотъ я рѣшилъ такимъ образомъ, что я долженъ довести до свѣдѣнія князя наше соединенное мнѣніе о совершенной негодности отчета и, для устраненія всякаго сомнѣнія въ пристрастіи съ моей стороны, довести не самъ лично, а чрезъ Милютина, какъ человѣка, непремѣнно безпристрастнаго по отношенію къ гражданскому міру и, главное, человѣка, вполнѣ компетентнаго въ произведеніяхъ подобнаго рода. Но какъ въ этомъ докладѣ никакого особеннаго труда съ моей стороны не могло быть, а вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было извѣстно,

что князь настоятельно желалъ ускорить составленіемъ отчета, то я призналъ нужнымъ и безопаснымъ, на случай требованія князя во что бы то ни стало дать ему отчетъ, приготовить планъ и матеріалы, которые дали бы мнѣ возможность исполнить это требованіе.

Такимъ образомъ, вооруженный сильнѣйшимъ убѣжденіемъ, составленнымъ изъ мнѣній: моего собственнаго, Милютина и Кр—ва, что отчетъ никуда не годится, и въ то же время подготовительными средствами для составленія новаго отчета, я ожидалъ прибытія князя въ Грозную. О передвиженіи туда всей свиты я буду говорить особо, а теперь нахожу нужнымъ сохранить цѣлость разсказа собственно объ отчетѣ. На другой день прибытія князя, послѣ Милютинскаго доклада, князь потребовалъ меня къ себѣ. Первое дѣло, которое мнѣ было поручено—это представленіе въ Петербургъ о перенесеніи губернскаго города изъ Шемахи, подвергавшейся и прежде землетрясеніямъ, а въ отсутствіе князя окончательно почти разрушенной сильнѣйшимъ землетрясеніемъ, въ Баку, который, по своему приморскому положенію, представлялъ тысячи благопріятныхъ условій. Затѣмъ, послѣ многоразличныхъ вопросовъ, отвѣтовъ, объясненій, я самъ коснулся вопроса объ отчетѣ, вполнѣ убѣжденный, что Милютинъ, согласно нашему условію, передалъ уже ему наше совокупное мнѣніе относительно произведенія Ки—ни. Подъ вліяніемъ этого убѣжденія, я первый спросилъ князя: «вашему сіятельству докладывалъ Дмитрій Алексѣевичъ объ отчетѣ?»—«Нѣтъ, а что такое?»—какъ-то чрезвычайно встревоженно спросилъ князь.

По тону, которымъ сдѣланъ былъ этотъ вопросъ, и вообще по выраженію озабоченнаго лица князя, я тотчасъ понялъ, что сдѣлалъ большую глупость, коснувшись этого вопроса. Въ этомъ сознаніи я уклончиво отвѣчалъ: «вѣроятно, онъ завтра, при докладѣ вашему сіятельству, представитъ вамъ нужное объясненіе».

— Да что такое, Боже мой?—Говорите!—нетерпѣливо сказалъ князь. Отступать было невозможно. «Мы нашли, что отчетъ не годится!»—отвѣчалъ я.—Господи! а я государю сказалъ, что отчетъ пришлю, какъ возвращусь!—вскричалъ князь съ какимъ-то отчаяніемъ. Краска выступила ему на лицо. Князь промолчалъ нѣсколько минутъ.—Да чѣмъ онъ не годится?—спросилъ онъ потомъ.—Ваше сіятельство!— отвѣчалъ я—это трудно объяснить въ нѣсколькихъ словахъ и требуетъ особаго доклада!—Я не понимаю, почему онъ не годится?—опять возразилъ князь и въ голосѣ его слышался уже капризный оттѣнокъ: Ки—ни читалъ мнѣ его...—Это не мое только личное мнѣніе—отвѣчалъ я,—это также мнѣніе Милютина и Кр—на.—Удивительно!—сказалъ князь—ну, приходите завтра и доложите мнѣ подробно!

Съ нѣсколько тревожнымъ чувствомъ притащилъ я на другой день

къ князю толстѣйшее произведеніе Ки—ни и готовился, какъ всегда, словесными объясненіями убѣдить князя въ негодности этого произведенія. Но съ первыхъ же словъ я замѣтилъ, что дѣло принимаетъ серьезный характеръ и должна произойти буря, которой я никакъ не могъ ожидать. Возраженія князя были такого рода, что въ нихъ ясно можно было видѣть преднамѣренную его рѣшимость отдѣлать или, лучше сказать, осадить меня. Чѣмъ болѣе старался я придать силы моимъ замѣчаніямъ, тѣмъ болѣе князь капризничалъ и раздражался. Преднамѣреніе это положительно обнаружилось, когда князь, почти въ самомъ началѣ моихъ объясненій, бросилъ предметы, спеціально относящіеся къ отчету, и перешелъ къ общимъ взглядамъ, смыслъ которыхъ оставался для меня въ ту минуту рѣшительно неуловимымъ.

— Это непониманіе не только моей воли, но и моего характера,—говорилъ князь весьма суровымъ тономъ. Я стоялъ предъ нимъ, раскрывъ удивленные глаза и рѣшительно ничего не понимая.—Я хочу самъ управлять и никакъ не хочу, чтобы мною другіе управляли,—продолжалъ князь тѣмъ же тономъ. Но трудно и припомнить и передать всѣ тѣ варіаціи, которыя князь развивалъ предо мною на этотъ мотивъ. Мнѣ ничего не оставалось, какъ сохранять видъ молчаливаго и почтительнаго слушателя. Смутно и неопредѣленно я могъ догадываться только, что или кто-нибудь отлично насплетничалъ на меня князю или ему самому показалось, что я слишкомъ зазнался, и потому онъ рѣшился меня проучить. Однимъ словомъ, вышла сцена, самая тяжелая, непріятная и едва-ли не единственная во всѣхъ моихъ отношеніяхъ къ князю. Разстались мы на этотъ разъ также весьма холодно.

Прямо отъ князя я отправился къ Милютину и, передавъ ему такое оригинальное свойство моего доклада, вопросилъ его: что все это значитъ? Послѣдствіемъ обоюдныхъ нашихъ изысканій и соображеній по этому вопросу былъ тотъ выводъ, что гордый и властолюбивый князь призналъ въ насъ преступленіемъ единственно смѣлость нашу не одобрить то, что онъ уже одобрилъ. Другихъ причинъ рѣшительно не было никакихъ. Онъ не могъ безнаказанно допустить, чтобы мы дозволили себѣ опорочить вещь, которую онъ въ теченіе многихъ дней слушалъ самъ по утрамъ и призналъ удовлетворительною. Кто-нибудь изъ насъ ошибался въ оцѣнкѣ этой вещи: или мы или онъ! Насъ троихъ, самыхъ важныхъ его помощниковъ, онъ не могъ заподозрить въ томъ, чтобы мы не понимали дѣла; съ другой стороны ему тяжело было допустить, безъ протеста въ той или другой формѣ, тотъ фактъ, что онъ ошибался.

Князь былъ молодой и можно сказать гуманный человѣкъ; но въ немъ было много такого, что, во времена Николая, считалось большимъ достоинствомъ въ начальникахъ—именно непогрѣшимость власти. Дурно

ли, хорошо ли приказаніе власти, оно должно быть исполнено. Я не сомнѣваюсь, что я, лично, въ глазахъ его, былъ бы менѣе виноватъ, а можетъ быть и не былъ бы вовсе виноватъ, если бы представилъ ему только мои личныя замѣчанія на отчетъ. По всей вѣроятности онъ бы принялъ ихъ равнодушно и далъ бы приказаніе или исправить по нимъ отчетъ Ки—ни, или написать новый отчетъ; но я имѣлъ неосторожность, такъ сказать, обнародовать это дѣло, призвать къ участію въ немъ и Кр—на, и Милютина, такъ что ошибочный взглядъ князя на трудъ Ки—ни получилъ значительную извѣстность, а къ такому положенію дѣла князь, по справедливости, не могъ отнестись равнодушно и вслѣдствіе того запечатлѣлъ наши, всегда милѣйшія отношенія, замѣчательной и единственной головомойкой, мною полученной.

Между тѣмъ военныя дѣла приняли столь неожиданно благопріятный оборотъ, что почти совершенно поглотили вниманіе князя. Съ другой стороны въ нашъ лагерь прибылъ находившійся въ отрядѣ барона Врангеля Фадѣевъ, сочинитель военнаго отчета, также съ великолѣпными извѣстіями о дѣйствіяхъ того отряда. Я передалъ Фадѣеву всю исторію съ гражданскимъ отчетомъ и замѣтилъ, что такое солидное дѣло крайне неудобно дѣлать на походѣ. Сознавалъ ли Фадѣевъ справедливость этого замѣчанія или его военный отчетъ былъ тоже не въ порядкѣ, только, при первыхъ же объясненіяхъ съ княземъ, онъ провелъ ту мысль, что вообще дѣло объ отчетѣ было бы лучше отложить до окончанія похода, тѣмъ болѣе, что самый этотъ походъ обѣщаетъ дать матеріалы для самыхъ блистательныхъ страницъ. Къ величайшему и пріятнѣйшему моему удивленію, князь согласился, какъ можно думать подъ вліяніемъ того сознанія, что вѣроятное покореніе восточнаго Кавказа даетъ его отчету такое значеніе, какого нельзя достигнуть никакими краснорѣчивыми изъясненіями о разныхъ, такъ называемыхъ, предварительныхъ распоряженіяхъ по устройству и умиротворенію Кавказа. Но походъ кончился, восточный Кавказъ покоренъ, Шамиль взятъ въ плѣнъ, а отчетъ долго еще продолжалъ подвергаться различнымъ переходамъ и истязаніямъ, въ которыхъ было много драматическаго, а еще болѣе комическаго.

Начать съ того, что по окончаніи похода князь все дѣло объ отчетѣ передалъ Фадѣеву, который, съ его бурнымъ характеромъ, страшно грубилъ и надоѣдалъ всему гражданскому міру. Всегда заносчивый, строптивый, хотя въ душѣ нисколько незлобивый, Фадѣевъ сильно кичился сдѣланнымъ ему порученіемъ и относился къ нашимъ директорамъ высокомѣрно въ высшей степени. Въ свою очередь директоры злобствовали на него. Князь снова жилъ въ это время въ Боржомѣ. Фадѣевъ, тоже для поддержанія и продленія своего величія, предполо-

жилъ читать князю по частямъ свой отчетъ и для этого рѣшился ѣхать въ Боржомъ. Какъ ни просто было это дѣло, тѣмъ не менѣе этотъ оригиналъ умѣлъ учинить неосторожность относительно Д. А. Милютина. Дѣло въ томъ, что Фадѣевъ, въ сознаніи своего величія, явился къ Д. А. требовать курьерской подорожной. Д. А. замѣтилъ, что ему, какъ начальнику главнаго штаба, слѣдуетъ знать, по какому дѣлу онъ ѣдетъ въ Боржомъ? Фадѣевъ торжественно отвѣчалъ, что по такимъ дѣламъ, о которыхъ онъ не можетъ сказать.—Въ такомъ случаѣ—сказалъ Д. А.—я не могу дать курьерской подорожной потому, что выдача этихъ подорожныхъ ограничена самою настоятельною экстренностію дѣла, а вашихъ дѣлъ я не знаю.—Фадѣевъ началъ такъ неумѣренно шумѣть и кричать, что скромный и учтивый Д. А., по собственнымъ словамъ Фадѣева, употребилъ способъ, совершенно несвойственный ни его личному характеру, ни характеру его оффиціальныхъ отношеній.—Если вы будете возвышать голосъ—сказалъ Милютинъ,— я прикажу васъ арестовать. Вещь по истинѣ удивительная до невѣроятности! Когда Фадѣевъ, явившійся отъ Д. А. Милютина прямо ко мнѣ, разсказалъ мнѣ всю эту исторію, я тотчасъ посовѣтовалъ этому непрактическому господину смягчить, а если можно и совершенно загасить ее, сознавая вполнѣ, что во всякомъ случаѣ вся невыгода этого столкновенія, предъ глазами князя, останется на сторонѣ Фадѣева, а въ заключеніе далъ ему курьерскую подорожную изъ находившихся въ моемъ распоряженіи и по званію директора департамента общихъ дѣлъ, и по званію директора походной канцеляріи.

Что именно дѣлалъ бурный мой пріятель для того, чтобы загладить невыгодное для него столкновеніе и дѣлалъ ли что-нибудь, я не знаю; но только между нимъ и Д. А. навсегда остались весьма непріязненныя отношенія. Фадѣевъ, при всякомъ случаѣ, открыто выражалъ непріязнь къ Милютину; скромный Д. А., также въ свою очередь, постоянно саркастически относился къ Фадѣеву. Должно полагать, однако, что случай, который я разсказалъ, только уяснилъ, такъ сказать, ихъ отношенія; но и независимо отъ этого случая между ними существовала замѣтная для всѣхъ антипатія, весьма легко объясняемая совершенною противуположностію ихъ свойствъ и характеровъ. Въ какой степени одинъ былъ скроменъ, сдержанъ, учтивъ—въ такой степени другой былъ рѣзокъ, грубъ, дерзокъ, можно сказать, нахаленъ, хотя, какъ я сказалъ уже, безъ малѣйшей злобы.

Обращаюсь къ отчету. Слушалъ или нѣтъ князь Александръ Ивановичъ сдѣланное Фадѣевымъ гражданское изложеніе отчета—я ужъ не знаю и не помню; но вслѣдствіе ли неудачнаго опыта съ отчетомъ Ки—ни или вслѣдствіе доклада Кр—на, подбитаго директорами, что Фадѣевъ черезчуръ уже безцеремонно обходится съ доставленными

ему по гражданской части матеріалами, только послѣдовало приказаніе разсмотрѣть фадѣевскій отчетъ въ собраніи директоровъ, подъ предсѣдательствомъ Кр—на. Медаль обернулась. Озлобленные рѣзкими выходками Фадѣева, его повелительнымъ тономъ, съ которымъ онъ относился къ нимъ по вопросамъ, относящимся до отчета, директоры яростно накинулись на его произведеніе и разбили его въ пухъ и прахъ. Князь, изумленный и затрудненный этими колебаніями, этими критиками и антикритиками, приказалъ окончательно передать отчетъ въ мои руки съ полномочіемъ слить обѣ части, гражданскую и военную, исправить, дополнить и даже напечатать.

Я усердно занялся этимъ порученіемъ и напечаталъ отчетъ. Къ этой части работы, именно печатанію, я привлекъ всѣхъ моихъ сотрудниковъ, такъ что корректуру держали по крайней мѣрѣ человѣкъ десять. Но здѣсь торжественно оправдалась пословица: «дѣло мастера боится». Несмотря на многочисленность корректоровъ, несмотря на величайшее усердіе ихъ уловлять всевозможныя ошибки и опечатки, все-таки, въ результатѣ, занятія ихъ оказались малоцѣннѣе занятій какого-нибудь одного опытнаго, журнальнаго корректора. Когда я торжественно поднесъ напечатанный отчетъ князю, онъ замѣтилъ, что было бы полезно дать прочитать его Филипсону, заступившему уѣхавшаго уже въ Петербургъ Д. А. Милютина въ должности начальника главнаго штаба, въ томъ вниманіи, что бо̀льшая половина отчета заключалась собственно въ изложеніи военныхъ дѣлъ, соображеній и предположеній. Я отвѣчалъ, что это не только полезно, но даже необходимо.

На этомъ основаніи отчетъ переданъ Филипсону. Къ ужасу моему, онъ нашелъ въ отчетѣ нѣсколько опечатокъ; но главное онъ призналъ, что нѣкоторыя военныя статьи дурно или превратно изложены, а потому требуютъ исправленія, о чемъ и доложилъ князю. Когда князь передалъ мнѣ все это, я энергически отвѣчалъ, что я сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ и что сдѣлать больше или лучше я рѣшительно не въ состояніи; а такъ какъ отчетъ долженъ перепечатываться по причинамъ, относящимся до военной части, а у штаба есть своя военная типографія и цѣлая толпа офицеровъ генеральнаго штаба, быть можетъ болѣе опытныхъ въ работахъ этого рода, чѣмъ мои чиновники, то всего лучше и правильнѣе новое печатаніе отчета предоставить попеченію самого Филипсона. Князю видимо надоѣло все это, и онъ какъ то лѣниво отвѣчалъ: «ну, какъ хотите; переговорите съ Филипсономъ».

При переговорахъ съ Филипсономъ я, прежде всего, разсказалъ страданія моихъ чиновниковъ съ корректурою отчета, а потомъ удивленіе мое, что за всѣмъ тѣмъ онъ, Филипсонъ, все-таки нашелъ нѣсколько опечатокъ. Сей почтенный человѣкъ съ нѣкоторою гордостію

сталъ увѣрять меня, что у него глаза такъ устроены, что съ разу падаютъ на опечатки, въ какой бы книгѣ онѣ ни встрѣтились, и я, конечно, не имѣлъ никакого повода сомнѣваться въ этомъ исключительномъ достоинствѣ его зрѣнія. Въ заключеніе я объявилъ Филипсону волю князя, чтобы новое печатаніе отчета совершилось уже въ военной типографіи, подъ его личнымъ наблюденіемъ и руководствомъ, что онъ также принялъ не безъ нѣкоторой гордости и, тотчасъ пригласивъ при мнѣ же молодаго и милаго офицера, кажется, Корниловича, возложилъ на него все это дѣло и снабдилъ его различными спеціальными наставленіями.

Я очень радъ былъ избавиться отъ этого тяжелаго, почти совершенно матеріальнаго дѣла и только просилъ Фалипсона, когда будетъ готовъ новый отчетъ, прежде представленія его князю, прислать одинъ экземпляръ предварительно мнѣ на тотъ конецъ, чтобы, въ свою очередь, я могъ просмотрѣть и провѣрить гражданскую его часть. Тутъ наступилъ высшій моментъ комизма, которымъ, какъ я сказалъ уже, частію сопровождалось все это дѣло. Когда мнѣ прислали обѣщанный экземпляръ, я быстро развернулъ его въ двухъ или трехъ мѣстахъ, чтобы взглянуть, такъ сказать, на внѣшнюю его сторону. Удивительное дѣло! На всѣхъ тѣхъ страницахъ, которыя я развернулъ, такъ и били въ глаза самыя грубѣйшія опечатки и даже не въ самомъ текстѣ, но въ оглавленіяхъ, раздѣляющихъ главные періоды отчета и сдѣланныхъ крупными буквами. Я не сталъ уже читать отчета въ подробности, но заложилъ только тѣ страницы, на которыхъ являлись безобразныя опечатки, и тотчасъ отправилъ отчетъ Кр—ну, поздравляя его съ этимъ произведеніемъ военнаго искусства и приглашая его заявить отрадный фактъ о совершенной негодности этого произведенія князю. Въ душѣ я не могъ не посмѣяться надъ наивнымъ заблужденіемъ почтеннаго Филипсона о необычайныхъ достоинствахъ его зрѣнія, не пропускающаго нигдѣ ни малѣйшей опечатки.

Когда окончательно былъ вывѣренъ печатный экземпляръ, тогда съ него уже составленъ былъ писаный экземпляръ, такъ что государю, въ одно время, посланы были два экземпляра: одинъ писаный, требуемый установленнымъ порядкомъ и облеченный въ роскошнѣйшую папку, какую только можно было сочинить въ Тифлисѣ, а другой печатный, который, по убѣжденію князя, государю будетъ пріятнѣе читать, нежели писаный. Въ одно почти время съ представленіемъ отчета государю, экземпляры его разосланы членамъ императорской фамиліи, министрамъ и нѣкоторымъ, по особому назначенію князя, государственнымъ людямъ. При опредѣленіи числа печатныхъ экземпляровъ проявился странный и оригинальный капризъ князя: онъ требовалъ непремѣнно, чтобы за разсылкою и раздачею этихъ экземпляровъ назначеннымъ

имъ самимъ лицамъ, оставался только одинъ экземпляръ у него самого, и затѣмъ ни у кого болѣе, такъ что даже директоры остались безъ отчета и должны были свои воспоминанія о содержаніи его основывать на черновыхъ матеріалахъ, вошедшихъ въ составъ отчета. Я даже, столько послужившій составленію отчета, не рѣшился оставить для себя экземпляра.

Если бы меня спросили: сознаю ли я самъ какой-либо интересъ во всѣхъ этихъ словесныхъ подробностяхъ составленія отчета,—я истинно затруднился бы отвѣчать положительно на этотъ вопросъ. За симъ я предвижу возможность совершенно основательнаго укора; зачѣмъ же я наполняю свои записки такими подробностями, въ которыхъ самъ не сознаю положительнаго интереса? На этотъ укоръ можно много сказать, дѣльно или нѣтъ,—это другой вопросъ. Прежде всего я скажу, что мое страшное многословіе мучитъ меня самого. Мнѣ самому кажется, что оно, такъ сказать, поглощаетъ въ себѣ все то, что дѣйствительно могло бы имѣть нѣкоторый интересъ, если бы было представлено въ сжатыхъ чертахъ. Но мои благопріятели, которымъ я читалъ отрывки изъ моихъ записокъ и передавалъ мучившее меня сомнѣніе относительно неумѣренной плодовитости ихъ, энергически говорили мнѣ: «пишите, пишите больше!» Потомъ записки, чьи бы то ни были, можно уподобить вину: «чѣмъ старше, тѣмъ лучше». И, дѣйствительно, когда пройдутъ десятки лѣтъ, когда явятся новыя системы, новые люди, не похожіе на старыхъ, тогда все старое можетъ сдѣлаться цѣннымъ и интереснымъ, какъ какое-нибудь неуклюжее кресло, бывшее въ распоряженіи нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ; тогда, быть можетъ, интересно будетъ знать, какъ думалъ, какъ говорилъ, въ такой-то періодъ, о Кавказѣ человѣкъ, который въ свое время считался тамъ и дѣльнымъ, и значительнымъ. Наконецъ, кто можетъ провидѣть будущее? Кто можетъ поручиться, что имя князя Баратинскаго, съ которымъ такъ долго и такъ крѣпко связана была судьба моя, не пріобрѣтетъ въ потомствѣ того блеска, въ которомъ отказываютъ ему его несовсѣмъ справедливые современники? Я, по крайней мѣрѣ, за это нисколько не ручаюсь. А если потомство вздумаетъ обратить на него вниманіе, узнать ближе, что это за личность, какія его были достоинства и недостатки, мое многословіе, лишенное стройности и изящества, весьма и весьма пригодится на томъ основаніи, что оно отражаетъ одну чистѣйшую правду. Тогда и скучный разсказъ объ отчетѣ все-таки будетъ имѣть какую-нибудь цѣну въ томъ отношеніи, что и въ немъ видно, какъ дѣлались дѣла на Кавказѣ въ мое время, какъ князь Александръ Ивановичъ относился къ этимъ дѣламъ, какъ защищалъ онъ свое значеніе и какъ щекотливъ онъ былъ, когда видѣлъ малѣйшее проявленіе самостоятельности, несогласной съ его воззрѣніями. Подъ вліяніемъ этихъ разнородныхъ причинъ и об-

стоятельствъ, я не только оставляю все то, что сказалъ объ отчетѣ, но рѣшаюсь дополнить это сказаніе повѣствованіемъ о томъ, какъ составлялось донесеніе государю, при которомъ представлялся отчетъ.

Надо сказать предварительно, что отчетъ, обнимая дѣятельность князя, военную и гражданскую, за три первые года его управленія, былъ великолѣпенъ. Дѣйствительно, и сдѣлано было и начато много хорошаго. Но онъ былъ страшно обширенъ, такъ что существенныя черты, какъ въ моихъ запискахъ, расплывались во множествѣ второстепенныхъ подробностей и оттого значительно утрачивали свой блескъ и цѣну. Ясно было, что прочитать его въ одинъ пріемъ не было никакой возможности; а при чтеніи въ нѣсколько пріемовъ всякое произведеніе, за исключеніемъ развѣ весьма немногихъ, теряетъ и даже наводитъ утомленіе. Отъ этого ли или изъ желанія князя облегчить государю возможность короче ознакомиться съ содержаніемъ отчета, а быть можетъ и вовсе избавить его величество отъ подробнаго чтенія его, предназначено было приложить къ отчету такое донесеніе, которое, въ краткихъ чертахъ, изображало бы сущность его. Приготовить такую штуку заказано было тому же Фадѣеву на томъ основаніи, что военная дѣятельность князя за этотъ періодъ, заключавшаяся плѣненіемъ знаменитаго Шамиля, представляла все-таки несравненно болѣе блеску, нежели гражданская. Не излишне замѣтить, что отчетъ и это донесеніе составлялись и оканчивались послѣ этого плѣненія и послѣ возвращенія князя изъ С.-Петербурга, гдѣ каждый день для него былъ новымъ торжествомъ и гдѣ до такой степени завалили его хвалебными спичами, что онъ самъ вынужденъ былъ, несмотря на обычное недовѣріе къ своимъ силамъ и въ особенности къ своему ораторскому таланту, размѣры котораго дѣйствительно были крайне скудны, отвѣчать и говорить. Все, что онъ говорилъ въ подобныхъ случаяхъ, представляло тотъ смыслъ, что онъ довершилъ только труды своихъ предшественниковъ. Фадѣевъ не былъ въ Петербургѣ съ княземъ и не зналъ этого обстоятельства, а если и зналъ, то не счелъ нужнымъ обращать на него, при составленіи заказаннаго ему донесенія, особенное вниманіе. Когда донесеніе это было готово, князь выразилъ желаніе, чтобы я присутствовалъ при чтеніи его Фадѣевымъ.

Въ назначенный день и часъ Фадѣевъ и я явились къ князю. Фадѣевъ началъ читать свой проектъ; мы съ княземъ стали внимательно слушать. Съ первой же страницы я убѣдился, что Фадѣевъ, такъ сказать, ступилъ не съ той ноги. Онъ началъ съ того, что всѣ предшественники князя ошибались и увлекались ложными системами и что только князь избралъ вѣрный путь. Какъ въ Мингрельскомъ дѣлѣ, я призналъ этотъ пріемъ, кромѣ несправедливости его, далеко не возвышеннымъ уже потому, что тѣ, на которыхъ опрокидывались укоры въ неразуміи,

не могли оправдываться. Движимый этимъ убѣжденіемъ, я энергически сказалъ: «дѣла вашего сіятельства такъ велики, что для объясненія ихъ, кажется, нѣтъ нужды, затрогивать и обвинять вашихъ предшественниковъ». Фадѣевъ тотчасъ забарабанилъ что-то въ защиту своего изложенія; но князь прервалъ его и въ отвѣтъ мнѣ весьма нетерпѣливо и капризно сказалъ: «напротивъ, прекрасно написано; читайте дальше». Такой отвѣтъ, сдѣланный такимъ тономъ, значительно задѣлъ мое самолюбіе. Я покраснѣлъ и замолчалъ. Фадѣевъ продолжалъ пѣть ту же пѣснь. Я не выдержалъ. «Ваше сіятельство!»—сказалъ я,—«это донесеніе—вещь невозможная! Въ Петербургѣ вы сами нѣсколько разъ говорили, что вы шли по слѣдамъ вашихъ предшественниковъ и только довершили труды ихъ. Эти слова слышали самые высшіе представители государства въ Петербургѣ и Москвѣ. Потомъ они перешли въ газеты и разнесены по всей Россіи. Скромность, выраженная этими словами, увеличила общее къ вамъ уваженіе. Можно ли, послѣ этихъ словъ, писать въ отчетѣ, что предшественники ничего не понимали и вы только одни это сдѣлали. Тутъ явится поразительное противорѣчіе, которое поставитъ всѣхъ въ тупикъ! Это просто невозможно!»

Князь, какъ я сказалъ уже, былъ большой сердцевѣдецъ. Онъ читалъ не только въ словахъ, произносимыхъ предъ нимъ, но и въ голосѣ, глазахъ, во всей физіономіи говорящаго. Мой голосъ, моя вся фигура исполнены были величайшей рѣшимости, непреклоннаго убѣжденія. Кромѣ того, князь всегда принималъ въ соображеніе, что если я не унимаюсь сразу, такъ тутъ дѣйствительно должно быть что-нибудь неладное. Поэтому князь, выслушавъ меня и съ видимымъ желаніемъ замаскировать отступленіе, какъ-то нерѣшительно сказалъ: «да развѣ всѣ отчеты печатаются?»—«Одни печатаются, а другіе не печатаются; да это все равно. Намѣстнику и главнокомандующему нельзя говорить одно, а писать другое»,—съ прежнею энергіею отвѣчалъ я. Князь подумалъ нѣсколько минутъ, потомъ посмотрѣлъ на Фадѣева и, улыбаясь, сказалъ ему: «дѣйствительно, кажется, это надо согласить какъ-нибудь». Довольный своимъ торжествомъ, я быстро успокоился, и когда пошла рѣчь собственно о томъ, что сдѣлано, я только подхваливалъ. Когда кончилось чтеніе, князь благодарилъ Фадѣева и опять, указывая на меня, сказалъ: «надо сознаться: онъ правъ; нечего дѣлать—потрудитесь передѣлать начало и принесите мнѣ»... Чтобы истребить совершенно слѣды этого столкновенія, я сказалъ князю: «вашему сіятельству извѣстны мои отношенія къ этому господину; никто не цѣнитъ такъ высоко его прекраснаго дарованія, какъ я, и онъ самъ, я увѣренъ, и минуты не усомнился въ томъ, что я своими замѣчаніями хочу уронить его прекрасный трудъ; единственная цѣль моя»... «Ну, ну, знаю, знаю!»—пре-

рвалъ меня князь и разстался со мною самымъ благосклоннымъ образомъ.

VIII.

Приготовленія къ знаменитому походу 1859 года.—Составъ походной канцеляріи.—Замѣчательный подвигъ молодаго чиновника.—Переѣздъ во Владикавказъ.—Моя походная палатка и ея исторія.—Передвиженіе въ кр. Грозную.—Билліардныя битвы мои съ княземъ Суворовымъ.—Ближайшее знакомство мое съ саранчей.—Донскіе казаки, ко мнѣ назначенные.—Вьюки, какъ варварскій способъ передвиженія.—Прибытіе князя въ Грозную.—Первое впечатлѣніе, произведенное на меня горцами.—Парадный обѣдъ у графа Евдокимова.—Татары, какъ наши политическіе агенты.—Сунженскіе пѣсельники.—Слѣпцовъ и князь Барятинскій.—Исторія окрошки.—Графъ Ферзенъ и его исторія.—Едминскій, знаменитый острякъ.—Нѣмецкій артистъ Горшельтъ, старавшійся превратиться въ джигита.—Великолѣпная нагайка, подаренная мнѣ Едминскимъ.

Исторія отчета, подобно многимъ другимъ предметамъ, увлекла меня далеко впередъ. Возвращаюсь къ походу. Я сказалъ уже, что князь, отправившись въ Петербургъ, приказалъ, чтобы все, принадлежащее къ походу, сосредоточилось въ крѣпости Грозной къ 10-му іюля (1859 г.). Съ приближеніемъ этого срока, началось отправленіе изъ Тифлиса различныхъ частей и различныхъ личностей. Очередь дошла и до меня.

Моя походная канцелярія была сформирована довольно комфортабельно. Булатовъ входилъ въ составъ ея въ качествѣ походнаго казначея и тащилъ съ собою сундуки, набитые серебромъ и золотомъ и такъ называемыми экстраординарными вещами, т. е. часами, кольцами, браслетами, оружіемъ и т. п., которыхъ въ казначействѣ намѣстника всегда хранится значительный запасъ. Разнородныя эти вещи, доставлявшіяся прежде изъ кабинета государя, предназначались для подарковъ туземцамъ, а такъ какъ во время похода необходимость этихъ подарковъ предстояла въ весьма значительныхъ размѣрахъ, то Булатову и отдано было все, что состояло на лицо, да и того оказалось недостаточно. Роскошный князь Александръ Ивановичъ сталъ такъ щедро сыпать этими подарками во время похода, что весьма скоро потребовался новый запасъ.

Способъ доставленія этого дополнительнаго запаса, составленнаго уже наскоро изъ вещей, купленныхъ въ Тифлисѣ, изъ Тифлиса въ мѣсто походнаго нашего расположенія, былъ такъ оригиналенъ, что

изумилъ всѣхъ, даже самого князя. Доставить эти вещи поручено было одному изъ чиновниковъ моего отдѣленія, милому молодому человѣку Рутковскому, совершенно незнакомому съ тонкостями и опасностями военнаго быта. Это-то незнакомство и помогло ему совершить подвигъ, который всѣ единогласно признали дивнѣйшимъ. Дѣло въ томъ, что, получивъ экстраординарныя вещи, Рутковскій отправился къ намъ не тѣмъ путемъ, которымъ мы шли, а какимъ-то другимъ, встрѣчнымъ. Собственное ли соображеніе руководило его въ этомъ или указанія другихъ, я не знаю и не помню; но въ началѣ своего пути онъ ѣхалъ по тѣмъ пунктамъ, гдѣ расположены были наши войска, которыя и отдѣляли нужныя части для его конвоированія. Потомъ пункты эти, неожиданно для него, какъ-то прекратились, и онъ внезапно очутился въ такомъ положеніи, что за нимъ лежалъ пройденный уже, довольно длинный путь, а впереди враждебная страна дикихъ и хищныхъ горцевъ. Всякій другой на его мѣстѣ, болѣе его опытный, возвратился бы назадъ, какъ это ни было бы непріятно; неопытный Рутковскій пошелъ впередъ и—удивительное дѣло!—здравъ и невредимъ явился въ нашъ лагерь, доставивъ въ совершенной цѣлости всѣ порученныя ему вещи.

Изъ разсказовъ его видно, что, являясь въ какой-нибудь аулъ, онъ относился къ нему, какъ къ какому-нибудь селу въ Тамбовской губерніи, требовалъ лошадей и проводниковъ, на томъ основаніи, что «казну везетъ». По словамъ Рутковскаго, слово «казна» имѣло на дикихъ горцевъ какое-то магическое дѣйствіе, и они относились къ нему съ замѣтнымъ уваженіемъ, какъ къ чему-то священному. Онъ говорилъ, что при появленіи его въ немирномъ аулѣ, почти все населеніе его выползало изъ сакель и группировалось вокругъ его съ физіономіями, на которыхъ удивленіе смѣшивалось съ непріязненностію. Слово «казна» какъ будто тотчасъ вразумляло и умиряло ихъ. Этого мало. Рутковскій говорилъ, что онъ нѣсколько разъ распаковывалъ вещи, показывалъ ихъ осаждавшимъ его толпамъ и любовался ихъ безконечнымъ изумленіемъ. Князь часто любилъ касаться этого предмета и говорилъ, что Рутковскій сдѣлалъ неслыханное дѣло. Картинный Фадѣевъ говорилъ, что поведеніе Рутковскаго во всемъ этомъ дѣлѣ походило на поведеніе ребенка, который находилъ веселымъ и забавнымъ огонь, обхватившій домъ, гдѣ онъ находился. И дѣйствительно, по свидѣтельству самого Рутковскаго, онъ не сознавалъ и не чувствовалъ рѣшительно никакой опасности, проходя чрезъ немирные аулы. Нѣтъ сомнѣнія, что въ нравственномъ состояніи страны, готовой уже покориться, надо искать объясненія замѣчательнаго подвига Рутковскаго.

Справедливость требуетъ сказать, что бѣдному Булатову было

много труда и возни съ своими деньгами и своими вещами, потому что расходованіе тѣхъ или другихъ, расходованіе, почти всегда экстренное и потому безпорядочное, все-таки требовало отчетности. Отъ этого происходило, что въ то время, когда всѣ другіе члены походной свиты намѣстника кутятъ или спятъ, Булатовъ вѣчно считалъ свои деньги или свѣрялъ свои счеты. Мнѣ лично было очень пріятно, что вся денежная часть была поручена такому солидному и опытному господину, и я избавленъ былъ отъ необходимости принимать въ ней какое-либо непосредственное участіе.

Потомъ къ составу походной канцеляріи, какъ я сказалъ уже, принадлежалъ Зиссерманъ, который былъ необычайно радъ этому назначенію и, чтобъ оправдать его, старался, повидимому, сдѣлать для меня предстоящій походъ однимъ удовольствіемъ, устранивъ отъ меня рѣшительно всѣ хлопоты и безпокойства. Наконецъ, къ походной канцеляріи присоединенъ былъ одинъ изъ наилучшихъ и наитолковѣйшихъ моихъ писцовъ, на руки котораго здана была вся матеріальная часть, включительно съ походною мебелью, состоявшею изъ складныхъ столовъ и стульевъ, нарочно для похода приготовленныхъ.

Для того, чтобы не затруднить почтовое передвиженіе всѣхъ частей изъ Тифлиса до Владикавказа, части эти выступали въ очередномъ порядкѣ по особо составленному росписанію. Въ назначенный день тронулась моя походная канцелярія и безъ особыхъ приключеній прибыла во Владикавказъ. Во Владикавказѣ Зиссерманъ, какъ говорится, плавалъ, какъ рыба въ водѣ. Всѣ и все тамъ были ему знакомы, какъ свои пять пальцевъ. Съ гордостію онъ являлъ прежнимъ своимъ сослуживцамъ въ лицѣ своемъ господина, принадлежащаго къ свитѣ намѣстника, хотя впослѣдствіи, къ сожалѣнію, оказалось, что эта коварная свита относилась къ нему съ величайшимъ пренебреженіемъ. Въ Владикавказѣ представлены были на мое усмотрѣніе пріобрѣтенныя и заготовленныя предварительными распоряженіями Зиссермана походныя принадлежности. Изъ нихъ наиболѣе достойными моего вниманія были: во-первыхъ, походная лошадь и, во-вторыхъ, походная палатка. И то и другое оказалось вполнѣ удовлетворительнымъ.

Исторія лошади была слѣдующая: въ какомъ-то бывшемъ не задолго предъ тѣмъ сраженіи съ какимъ-то возмутившимся племенемъ и ауломъ убитъ былъ знаменщикъ враждебной партіи, которому именно принадлежала эта лошадь. За смертію хозяина она досталась вдовѣ его. Одинъ изъ мѣстныхъ начальниковъ, полковникъ или генералъ, кажется Куидуховъ, самъ татаринъ и величайшій лошадникъ, къ которому обратился Зиссерманъ по части пріобрѣтенія для меня походнаго коня, насѣлъ, какъ говорится, на эту вдову и отбилъ у нея лошадь убитаго знаменщика, разумѣется, не жалѣя денегъ. Счастливый всегда и во

всемъ, я и здѣсь оказался счастливцемъ. Это была не лошадь, а сокровище. Необычайной силы, умна, быстра, послушна и въ высшей степени осторожна. Слава ея весьма скоро разнеслась по лагерю. Какихъ хитростей ни употребляли мои свитскіе друзья, чтобъ отбить ее у меня посредствомъ мѣны и различныхъ другихъ средствъ, безпрестанно и безуспѣшно ими изобрѣтаемыхъ!

Шагъ у нея былъ удивительный, и ни одна лошадь не могла равняться съ ней въ этомъ отношеніи, такъ что когда мы, въ отсутствіе князя, о которомъ сказано будетъ ниже, переходили съ позиціи на позицію, и когда я, выдвинувшись впередъ, собиралъ вокругъ себя всѣхъ адъютантовъ, въ качествѣ пѣсельниковъ, они часто злились на меня именно за то, что я на своемъ шагистомъ конѣ утомляю ихъ лошадей, которыя никакъ не могли поспѣвать за нимъ и шли большею частію рысью. Рысь эта лошадь имѣла также необычайную, и я смѣло вызывалъ всѣхъ на состязаніе, оканчивавшееся всегда моею побѣдою. Въ особенности милый и добродушный Суворовъ принимался нѣсколько разъ оспаривать эту побѣду и всегда безуспѣшно. Однимъ словомъ, я гордился своею великолѣпною лошадью и благодаря ея необычайнымъ достоинствамъ превратился въ совершеннаго джигита. Въ то время, когда адъютанты и другіе свитскіе господа, запасшіеся двумя или тремя лошадьми, бросали ихъ постепенно вслѣдствіе слабости, изнуренія или болѣзней, мой конь постоянно оставался здравъ и невредимъ, не теряя ни тѣла, ни силы. Когда пріѣзжалъ въ нашъ лагерь какой-нибудь петербургскій господинъ, напр. Свѣчинъ, Перфильевъ и др., и начиналъ розыскивать, гдѣ бы пріобрѣсти хорошую походную лошадь, онъ тотчасъ накидывался на моего коня и дѣлалъ самыя блистательныя предложенія въ матеріальномъ отношеніи. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что лошадь эту, во время похода, нельзя пріобрѣсти ни за какія деньги, явилось много желающихъ купить ее по окончаніи похода. Въ числѣ этихъ желающихъ былъ и мой пріятель Фадѣевъ. Продать лошадь за высшую цѣну противъ той, которую я самъ заплатилъ, я считалъ неприличнымъ; слѣдовательно, если я долженъ былъ уступить ее за свою цѣну—то, конечно, естественнѣе уступить ее пріятелю. На этомъ основаніи Фадѣевъ былъ предпочтенъ и объявленъ будущимъ владѣтелемъ моей лошади. Это объявленіе освободило меня отъ всякихъ дальнѣйшихъ притязаній по этой части, такъ что когда кто-нибудь потомъ обращался съ разспросами и предложеніями относительно лошади, я коротко говорилъ: «эта лошадь не моя, а Фадѣева», Фадѣевъ же съ своей стороны гордо заявлялъ, что онъ этой лошади не продаетъ.

Что касается до походной палатки, изготовленной для меня во Владикавказѣ, то и она меня также удовлетворила вполнѣ: подбитая

сукномъ, съ прекрасно устроеннымъ окномъ, она обѣщала оправдать свое назначеніе. И дѣйствительно, устланная ковромъ, заставленная уютною походною мебелью, она представляла очень милую комнатку. Но мое личное пользованіе этою комнатою ограничивалось почти тѣмъ только, что я въ ней спалъ. Моя палатка какъ-то съ разу сдѣлалась общимъ достояніемъ всей свиты, такъ что почти въ теченіе всего дня она служила сборнымъ пунктомъ для всѣхъ адъютантовъ, и для меня попасть въ нее было такъ же трудно, какъ и для всякаго посторонняго. Этому содѣйствовало, во-первыхъ, комфортабельное устройство и убранство моей палатки, какихъ не было ни у кого другаго на всей улицѣ, заселенной свитскими господами, во-вторыхъ, обиліе всевозможныхъ запасовъ, находившихся въ распоряженіи моего камердинера, и необычайное его умѣнье удовлетворять желаніямъ и требованіямъ каждаго, и въ третьихъ, учрежденіе между свитскими господами страшной по увлеченію и размѣрамъ карточной игры, для которой мои походные столы служили важнымъ и, можно сказать, единственнымъ основаніемъ. Просто непостижимо, какъ умѣли эти господа набиваться и умѣщаться въ эту, во всякомъ случаѣ, не большую палатку, человѣкъ по 20. Я помню, что на одной моей походной кровати размѣщалось какъ-то, въ различныхъ изломанныхъ положеніяхъ, человѣкъ по 6 и по 8. Палатка моя освободилась нѣсколько тогда только, когда князю Александру Ивановичу была прислана великолѣпная, круглая, татарская палатка, которую князь на первое время отдалъ, какъ я выше говорилъ, въ распоряженіе Тромповскаго и которая сдѣлалась главнымъ мѣстомъ картежныхъ сраженій.

О походныхъ ящикахъ, заготовленныхъ для меня во Владикавказѣ, говорить нечего; для тѣхъ, кто незнакомъ съ ихъ устройствомъ практически, достаточно сказать, что это просто продолговатые сундуки извѣстной мѣры, снабженные всевозможными ремнями, петлями, крючьками, за которые они и прикрѣпляются на вьючной лошади къ сѣдлу особаго устройства.

Во Владикавказѣ мы пробыли весьма не долго, дня два или три и затѣмъ, въ тѣхъ же экипажахъ, но только не на почтовыхъ, а ужъ на казачьихъ лошадяхъ, передвинулись въ крѣпость Грозную. Эта крѣпость, въ то время, также мало походила на крѣпость, какъ и Владикавказъ. Это скорѣе былъ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ средней руки. Стараніями и распоряженіями того же Зиссермана, намъ отвели квартиру, далеко не блестящаго вида, въ домѣ какого-то офицера изъ татаръ. Но задача состояла уже не въ томъ, чтобъ имѣть хорошую квартиру; хорошихъ квартиръ и вовсе не существовало въ Грозной, а въ томъ, чтобы имѣть какое-нибудь помѣщеніе, а съ этой точки наше помѣщеніе было еще лучшимъ, сравнительно съ другими. Грозная, можно

сказать, была биткомъ набита, и конечно во все время своего существованія она не имѣла такого оживленія, какъ въ этотъ моментъ. Хозяиномъ нашимъ здѣсь былъ Евдокимовъ. Домъ, который онъ постоянно занималъ, былъ имъ очищенъ для князя, а самъ онъ помѣщался въ какомъ-то другомъ изъ казенныхъ домовъ.

Домъ, приготовленный для князя, представлялъ для меня величайшій интересъ. Я зналъ, что князь Александръ Ивановичъ, по должности начальника лѣваго фланга, жилъ въ этомъ домѣ нѣсколько лѣтъ; что въ этомъ домѣ получались, распечатывались и читались мои петербургскія письма, которыя я адресовалъ въ крѣпость Грозную, не имѣя ни малѣйшаго понятія, что это за крѣпость, гдѣ и какъ она стоитъ. Понятно, съ какимъ любопытствомъ я разсматривалъ его. Я нашелъ, что и по фасаду, и по внутреннему расположенію онъ очень походитъ на одинъ изъ помѣщичьихъ домовъ средней руки нашей внутренней Россіи: одноэтажный, обширный, чуждый изящества и великолѣпія, но удобный и покойный. Въ этомъ домѣ, еще до пріѣзда князя, мы собирались ежедневно въ назначенный часъ обѣдать. Обѣды эти совершались уже, если не ошибаюсь, на счетъ князя или, лучше сказать, на казенный счетъ, подъ командою милаго Тромповскаго, назначеннаго комендантомъ главной квартиры и дѣлавшагося истиннымъ мученикомъ по этой должности, потому что безконечная его доброта производила то, что, съ одной стороны, его никто не хотѣлъ слушаться и признавать въ немъ какое-либо серьезное значеніе, а съ другой—на него сыпались со всѣхъ сторонъ всевозможные упреки самаго мельчайшаго свойства, и за то, напр., что супъ не хорошъ, и за то, что вина мало и т. п. Послѣ обѣда, большею частію, вся свита высыпала гурьбой въ городской или, лучше сказать, крѣпостной садъ, по срединѣ котораго устроена была деревянная площадка. На этой площадкѣ играла музыка и происходили танцы. Наши адъютанты пускались танцовать и волочиться. Въ этотъ періодъ скупой Н. рѣшился задать намъ праздникъ. Нижегородскій полкъ стоялъ верстахъ въ десяти отъ Грозной, и всѣ мы пустились туда верхами, пробуя по дорогѣ впервые нашихъ походныхъ коней. Справедливость требуетъ сказать, что праздникъ былъ очень хорошъ: съ иллюминаціей, моремъ вина, пѣснями, добрымъ ужиномъ, качаньемъ на рукахъ и всею обстановкою, какою отличаются полковые праздники на Кавказѣ.

Между тѣмъ жары стояли нестерпимые, такъ что до обѣда, т. е. до 6 часовъ, почти носу высунуть было нельзя изъ квартиры. Изрѣдка только собирались мы въ дрянномъ трактирчикѣ, играли на дряннѣйшемъ билліардишкѣ и пили скверное шампанское. Надо замѣтить, что я очень любилъ билліардное искусство и въ ряду мастеровъ этого дѣла всегда занималъ довольно почетное мѣсто, такъ что и по петербург-

скому Англійскому клубу, вмѣщавшему въ себѣ истинныхъ художниковъ по этой части, я былъ зачисленъ знаменитымъ маркеромъ Павломъ въ высшій разрядъ, какъ-то замысловато и не совсѣмъ удобопонятно раздѣленный имъ на пятки и десятки. Два билліардные генерала этого клуба: Нарышкинъ и Алединскій, весьма выгодно отзывались о моей игрѣ. И, дѣйствительно, если она не поражала блескомъ какихъ-нибудь знаменитыхъ ударовъ, зато исполнена была большаго разсчета и большой осторожности и отъ этого дѣлалась для моихъ противниковъ столь упорною, что одолѣть меня было чрезвычайно трудно. Многіе считавшіе себя великими артистами, какъ напр. князь Иванъ Грузинскій, князь Борисъ Голицынъ и др., сначала свысока смотрѣвшіе на мою игру, вынуждены были признать, что въ ней заключается значительная сила.

Ужъ не знаю почему и на какомъ основаніи считалъ себя тоже артистомъ на Кавказѣ милѣйшій и безпутнѣйшій Суворовъ и также высокомѣрно относился къ моей игрѣ. Еще въ Тифлисѣ были уже у насъ жаркія битвы. Однажды, я помню, мы схватились у Гильома въ гостинницѣ «Кавказъ». Въ своемъ высокомѣріи князь Суворовъ никакъ не соглашался играть иначе, какъ на довольно значительный кушъ, если не ошибаюсь, рублей по пятидесяти партію. Я всегда избѣгалъ денежной игры; тутъ же въ особенности было множество причинъ избѣгать ее. Я зналъ, во-первыхъ, что я гораздо сильнѣе Суворова, слѣдовательно, идти на такой большой кушъ значило почти навѣрное обыгрывать его; во-вторыхъ, я еще лучше и положительнѣе зналъ, что Суворовъ почти вѣчно былъ безъ денегъ и не имѣлъ ни возможности, ни охоты расплачиваться съ долгами, несравненно болѣе важными и серьезными, нежели билліардные проигрыши. Но Суворовъ въ этотъ моментъ не соглашался иначе играть, какъ на деньги, и я рѣшился проучить его, о чемъ торжественно и заявилъ всѣмъ другимъ товарищамъ, принимавшимъ участіе въ нашихъ предварительныхъ спорахъ. Игра началась. Суворовъ проигрывалъ, горячился и увеличивалъ куши. Сначала проигрышъ его удерживалъ нѣкоторый смыслъ; но потомъ, послѣ многихъ сряду проигранныхъ имъ партій, самъ Суворовъ старался уже придать ему баснословный, несбыточный характеръ. Мы играли уже на сотни тысячъ, которыя онъ также проигрывалъ, такъ что общая сумма его проигрыша составляла уже милліоны. Само собою разумѣется, что все это обращено въ шутку.

Съ сожалѣніемъ, свойственнымъ всякому русскому порядочному человѣку, я видѣлъ много примѣровъ, что наши аристократы, обыкновенно задирающіе носъ предъ другими смертными, по части денежныхъ дѣлъ являлись часто менѣе корректными, чѣмъ люди изъ среды, несравненно низшей и по происхожденію, и по матеріальному

положенію. Я говорилъ уже, что Суворовъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ былъ добрый, милый, хотя и пустой господинъ; поступки его въ денежномъ отношеніи были ниже всякой критики.

Обращаюсь къ Грозной. Уничтоживъ всякое серьезное значеніе нашей Тифлисской игры, Суворовъ относился къ ней только со стороны искусственной и постоянно утверждалъ, «что онъ шалилъ, не хотѣлъ меня обыгрывать или былъ не въ ударѣ» и т. п. Я, конечно, протестовалъ противъ такого самохвальства, и отъ этихъ споровъ мы переходили къ дѣлу, испытывая на практикѣ справедливость нашихъ противоположныхъ воззрѣній. Но при этихъ новыхъ опытахъ рѣшительно и положительно устраняя рѣчь о денежныхъ кушахъ, я замѣнялъ ихъ винными кушами: нѣсколько бутылокъ шампанскаго должны были вѣнчать побѣдителя. Практика была на моей сторонѣ, и Суворовъ долженъ былъ разсчитываться за шампанское, которое тутъ же и распивалось значительнымъ обществомъ нашихъ пріятелей. Уже въ Грозной можно было предугадывать по несомнѣннымъ признакамъ, что если не пьянство, то страшное питье будетъ отличительною чертою предстоящаго похода.

Вспоминая мое пребываніе въ Грозной, я долженъ замѣтить, что здѣсь именно я увидѣлъ и узналъ впервые, что такое саранча, этотъ бичъ Божій! Не знаю почему, но всѣ слухи и разсказы о саранчѣ еще прежде постоянно интересовали меня. Мнѣ казалось невѣроятнымъ, что саранча застилаетъ солнце, превращаетъ хлѣбныя поля мгновенно въ голую степь и т. п. Какъ-то, проѣзжая однажды по желѣзной дорогѣ изъ Москвы въ Петербургъ, я встрѣтилъ какого-то господина, который въ стеклянной банкѣ везъ нѣсколько экземпляровъ живой саранчи изъ Новороссійскаго края и торжественно показывалъ ее всѣмъ желающимъ. Любопытныхъ было множество; видно было, что на сѣверѣ не я одинъ жаждалъ взглянуть на это, ничтожное въ отдѣльности, но страшное въ массѣ насѣкомое жаркихъ странъ. Я разсматривалъ экземпляры, заключающіеся въ банкѣ, съ величайшимъ любопытствомъ, видѣлъ въ нихъ нѣчто въ родѣ обыкновенныхъ, только большихъ размѣровъ, кузнечиковъ и все-таки не могъ понять страшной истребительной силы этого слабаго творенія... Я помнилъ также оффиціальный разсказъ, напечатанный въ газетахъ, въ родѣ какого-то донесенія, гдѣ говорилось, что въ какомъ-то селеніи одной изъ Закавказскихъ губерній появилась саранча, что жители, слѣдуя стариннымъ преданіямъ, избрали изъ среды себя самаго благочестиваго человѣка и послали его, въ сопровожденіи депутатовъ или ассистентовъ, къ какому-то извѣстному ключу за водой; потомъ разсказывалось, какъ онъ почерпнулъ этой воды въ какой-то сосудъ и понесъ ее торжественно въ свое селеніе, какъ при этомъ обратномъ шествіи надъ головой его вились во множествѣ какія-то птицы и вмѣстѣ съ нимъ прилетѣли въ

селеніе и какъ, наконецъ, птицы эти напали на саранчу и истребили ее. Этотъ разсказъ, исполненный чего-то чудеснаго и въ то же время имѣвшій оффиціальный характеръ, еще болѣе приковалъ мое любопытство къ вопросу о саранчѣ.

При этихъ условіяхъ понятно, какое чувство испыталъ я, когда однажды утромъ мой камердинеръ сказалъ мнѣ: «не угодно ли взглянуть на саранчу? летитъ тучей чрезъ Грозную». Когда я вышелъ изъ своихъ комнатъ, мнѣ, прежде всего, представилось, что вмѣсто яснаго утра наступило что-то въ родѣ сумерекъ. Необъятной тучей саранча затемнила все видимое пространство и летѣла такъ низко, что щелкалась о мой лобъ. Милліоны или, лучше сказать, неизчислимыя числа этихъ летучихъ существъ съ легкимъ шумомъ и какъ-то бочкомъ проносились надъ Грозной. Множество мальчишекъ, вооруженныхъ палками, махали противъ теченія и разомъ побивали тысячи. Взрослое населеніе оставалось совершенно равнодушно и не обращало на саранчу рѣшительно никакого вниманія, продолжая заниматься своими обычными дѣлами. Что касается до меня, то я долго оставался въ созерцаніи безконечной тучи саранчи и даже принимался на-ряду съ мальчишками содѣйствовать истребленію ея тѣмъ простымъ способомъ, который они употребляли. Саранчи, дѣйствительно, падало множество подъ нашими ударами; но совокупныя дѣйствія наши имѣли на уменьшеніе саранчи то же вліяніе, какое можетъ имѣть, напр., на уменьшеніе многоводной Невы стаканъ воды, почерпнутый изъ нея. Вообще въ то лѣто, въ томъ краѣ, было особенно много саранчи, и вопросъ о способахъ истребленія ея, я помню, былъ не разъ предметомъ разговоровъ за обѣдами князя, по его прибытіи въ Грозную. Я помню, какъ онъ самъ разсказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ при первоначальномъ знакомствѣ съ саранчею; изъ его словъ, между прочимъ, видно было, что тѣ священныя птицы, о которыхъ я выше упомянулъ, не что иное, какъ скворцы какой-то особой породы; что вслѣдъ за саранчей всегда появляются и они; что птицы эти имѣютъ, по природѣ своей, какую-то непостижимую ненависть къ саранчѣ и потому не пожираютъ ее, что́ дѣйствительно и было бы невозможно, но истребляютъ, т. е. побиваютъ; по словамъ князя, когда птицы эти утомятся этимъ побіеніемъ, онѣ летятъ, окровавленныя къ ближайшей рѣкѣ, купаются тамъ, обмываются, освѣжаются и съ новыми силами опять летятъ на враговъ и опять побиваютъ.

Человѣкъ ко всему привыкаетъ; точно такъ и я, познакомившись съ саранчею, потомъ почти вовсе уже не обращалъ на нее вниманія. Между тѣмъ, когда я изъ похода возвращался въ Пятигорскъ и проѣзжалъ степными мѣстами, саранча почти постоянно была моимъ спутникомъ. Ѣдешь, напр., по степи, ничего не видя ни впереди, ни по

сторонамъ, вдругъ предъ вами начинаетъ взвиваться отъ земли какой-то дымокъ. Это значитъ, что начинаетъ подниматься саранча, встревоженная вашимъ почтовымъ колокольчикомъ. Дымокъ, сначала едва замѣтный, поднимается выше, становится гуще и образуется въ большую тучу. Вы скоро въѣзжаете въ эту тучу; яркій свѣтъ, которымъ вы наслаждались, меркнетъ нѣсколько; вы окружены со всѣхъ сторонъ саранчей; она бьетъ васъ въ лицо, набивается въ тарантасъ, въ складки вашего платья; колеса вашего экипажа, копыта вашихъ лошадей мнутъ ее въ невообразимомъ множествѣ. Въ подобныхъ случаяхъ мнѣ часто приходило на умъ, что, еслибы это насѣкомое, страшное только своимъ множествомъ, способно было наносить непосредственно человѣку вредъ, хотя равносильный только тому вреду, какой наноситъ комаръ или ничтожнѣйшая мошка? Саранча была бы страшнѣе льва.

Между тѣмъ, мой дѣятельный Зи—нъ продолжалъ распоряжаться. Онъ зналъ, какъ говорится, всѣ выходы и входы. Онъ не только распоряжался, но постоянно училъ. Благодаря этому ученію или этимъ совѣтамъ, я былъ снаряженъ и обезпеченъ со всѣхъ сторонъ. У меня было походное военное пальто, на генеральскій манеръ, шашка чрезъ плечо, подаренная мнѣ Суворовымъ, сапоги по колѣна, бурка, башлыкъ и, наконецъ, усы.

Для Зи—на всего этого, однако же, было недостаточно. Онъ вытребовалъ и прикомандировалъ ко мнѣ, или, лучше сказать, къ походной канцеляріи, значительное число донскихъ казаковъ, этихъ несчастныхъ паріевъ кавказскаго военнаго міра. Относительно военнаго достоинства этихъ казаковъ я слышалъ различныя мнѣнія. Смотря на какое-то общее презрѣніе, съ которымъ относился къ нимъ Кавказъ въ мое время, на унизительныя и часто совершенно чуждыя всякаго военнаго оттѣнка обязанности, которыя тамъ на нихъ возлагались, я имѣлъ основаніе заключать, что собственно къ боевому дѣлу они или вовсе негодны или пригодны, да мало, особенно при сравненіи ихъ съ кавказскими линейными казаками, которые, по общему убѣжденію и по моимъ собственнымъ наблюденіямъ, имѣли полнѣйшее право называться «молодцами». Между тѣмъ люди знающіе и опытные говорили, что у донцовъ все зависитъ отъ полковаго командира. Если полковой командиръ молодецъ, то они превращаются въ молодцовъ не хуже линейныхъ казаковъ. Въ примѣръ ставили знаменитаго Бакланова, который съ тѣми же донцами дѣлалъ на Кавказѣ такія чудеса, которымъ удивлялись и рукоплескали кавказцы. Самъ князь Александръ Ивановичъ имѣлъ высокое мнѣніе о донцахъ. Онъ много разсказывалъ примѣровъ ихъ изумительной храбрости. Изъ числа ихъ я особенно живо помню одинъ и, конечно, потому, что князь разсказывалъ его съ неподражаемымъ искусствомъ. Гдѣ-то когда-то шли два дон-

скіе казака безъ оружія. Вдали пробѣжалъ какой-то невиданный ими звѣрь, что-то въ родѣ волка. Впослѣдствіи оказалось, что это была гіена, звѣрь, попадающійся на Кавказѣ. Казаки замѣтили, что звѣрь тотчасъ скрылся въ разщелину какой-то скалы. Они — туда и послѣ розысковъ замѣтили нѣчто въ родѣ естественной норы. Они стали шумѣть, чтобы выгнать оттуда звѣря, но безуспѣшно; тогда казаки сами полѣзли въ нору и вскорѣ, въ глубинѣ ея, замѣтили сверкающіе глаза и щелкающіе зубы. Пріостановясь, они стали разсуждать о томъ, какъ имъ взять звѣря; взять однако было нечѣмъ, потому что съ ними не было никакого оружія. Они порѣшили такимъ образомъ, что одинъ изъ нихъ пойдетъ назадъ на свой постъ, въ нѣсколькихъ верстахъ, и принесетъ ружье, а другой останется въ норѣ стеречь звѣря, чтобъ не ушелъ. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Одинъ путешествовалъ нѣсколько часовъ, а другой все это время, совершенно безоружный, оставался съ глазу на глазъ съ гіеной, въ ея собственномъ жилищѣ. Когда принесено было ружье, казаки преспокойно ее застрѣлили, не подозрѣвая, что они совершаютъ такой подвигъ, о которомъ чрезъ нѣсколько лѣтъ самъ главнокомандующій будетъ разсказывать.

Но, оставляя вопросъ о храбрости донцовъ въ сторонѣ, я могу положительно сказать, что на Кавказѣ положеніе ихъ, по крайней мѣрѣ въ мое время, было самое отвратительное. Кавказъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на сторожей или разсыльныхъ. Они разсыпаны были по кордоннымъ линіямъ; они стояли на постахъ, по почтовымъ трактамъ, гдѣ не было кавказскихъ казачьихъ станицъ, и сопровождали почту и проѣзжающихъ; они перевозили летучую почту, которая напоминаетъ мнѣ также одинъ разсказъ, не лишенный комизма. Летучая почта учреждалась тамъ, гдѣ не существовало почтовыхъ трактовъ, и перевозилась въ особыхъ сумкахъ верховными казаками отъ одного пункта до другаго. На одномъ изъ подобныхъ пунктовъ очутился какъ-то какой-то значительный господинъ изъ чиновныхъ. Вынужденный оставаться нѣкоторое время въ этомъ пунктѣ, т.-е. въ какомъ-то казенномъ домѣ, онъ замѣтилъ гдѣ-то, подъ лавкой или столомъ, кожанную сумку и спросилъ: что это такое? Ему отвѣчали: «Это летучка (т.-е. летучая почта) бѣгитъ!» «А давно она бѣгитъ?» спросилъ господинъ. «Нѣтъ! вчера только сюда пришла; скоро отправимъ»,—отвѣчали ему. Размѣщали этихъ несчастныхъ донскихъ казаковъ въ самыхъ болѣзненныхъ мѣстахъ, подобно Елисаветпольскому тракту, на которомъ я своими глазами видѣлъ ихъ валяющихся безъ памяти кучами, въ лихорадочномъ жару, съ открытыми ртами, въ которыхъ свободно расхаживали мухи и различныя букашки. Я съ ужасомъ представляю себѣ, какъ много донцовъ сложили свои кости въ этомъ гибельномъ и не-

привлекательномъ для нихъ краѣ и какое впечатлѣніе производятъ въ донскихъ семьяхъ разсказы уцѣлѣвшихъ и возвратившихся казаковъ о безчисленныхъ страданіяхъ, которымъ они дѣйствительно тамъ подвергаются.

Главная обязанность назначенныхъ къ намъ казаковъ заключалась въ томъ, чтобы, во-первыхъ, ухаживать за нашими походными лошадьми; во-вторыхъ, состоять при насъ ординарцами во время нашихъ разъѣздовъ и переходовъ и, въ-третьихъ, охранять и сопровождать наши вьюки, во время передвиженія ихъ съ одной позиціи на другую. Само собою разумѣется, что сюда же относилось снимать и укладывать наши палатки со всѣмъ нашимъ имуществомъ, когда снимался нашъ лагерь, и разбивать и устанавливать все это на новой позиціи; вообще они составляли второстепенныхъ нашихъ слугъ, и состояли, преимущественно, въ распоряженіи моего камердинера. Впрочемъ, въ хозяйственную часть я нисколько не углублялся и зналъ только своего ординарца. Такъ какъ въ составѣ походной канцеляріи я былъ первый человѣкъ, то въ должность ординарца при мнѣ вступилъ донской унтеръ-офицеръ, начальникъ, или старшій надъ всѣми другими казаками, къ намъ назначенными. Это былъ удивительный человѣкъ, и я съ благодарностью о немъ вспоминаю. Умный, ловкій, расторопный! Безъ сомнѣнія, снабженный нѣкоторыми опытными совѣтами и указаніями моего камердинера, онъ быстро примѣнился къ моему характеру и къ моимъ привычкамъ. Во время разъѣздовъ онъ ни на минуту и ни на вершокъ не отставалъ отъ меня. Стоило только вздумать что-нибудь и выразить свое желаніе, чтобы оно мгновенно исполнилось. На рукахъ этого казака была моя бурка, мой башлыкъ, а главное весьма помѣстительный сакъ-вояжъ, который заключалъ въ себѣ рѣшительно все, чего только душа попроситъ. Въ этомъ сакъ-вояжѣ находилось все, способное удовлетворить не только меня самого, но и всѣхъ товарищей, которые безпрерывно обращались ко мнѣ то за тѣмъ, то за другимъ. Питейная и съѣстная часть, конечно, занимала главное мѣсто въ ряду нашихъ потребностей, и части эти всегда отличались не только изобиліемъ, но и разнообразіемъ. Мой казакъ съ его запасами пріобрѣлъ, какъ и мой камердинеръ, величайшую популярность въ различныхъ толпахъ похода. Адъютанты, для которыхъ онъ особенно былъ пріятенъ, называли его не иначе, какъ по имени и отчеству. Все это очень льстило моему донцу, а мои щедрые подарки радовали его и въ матеріальномъ отношеніи. Видно было, что онъ считалъ себя счастливымъ, что попалъ къ такому веселому и тароватому господину. Когда я вырвался изъ похода, онъ со слезами прощался со мною, и въ сію минуту я испытываю величайшее сожалѣніе, что не записалъ его имени и тѣмъ лишилъ себя великаго

удовольствія, въ воспоминаніе самыхъ рельефныхъ дней моей жизни, поддерживать его, для чего у меня много и готовности и достаточно средствъ.

Я упомянулъ о вьюкахъ. Вьюки—принадлежность тѣхъ мѣстъ, которыя не имѣютъ правильныхъ путей сообщеній. Еще при самомъ пріѣздѣ на Кавказъ, я былъ уже пораженъ на Военно-Грузинской дорогѣ безконечными вереницами верблюдовъ, подъ громадными вьюками медленно и осторожно переставляющихъ свои длинныя ноги. Но товарный правильный вьюкъ на спинѣ верблюда, какъ будто нарочно приспособленный именно къ перевозкѣ тюковъ, не представлялъ еще ничего особенно отвратительнаго. Съ отвратительными зрѣлищами по части вьюковъ я познакомился ближе въ Тифлисѣ. Безъ преувеличенія можно сказать, что нѣкоторыя изъ этихъ зрѣлищъ способны навести дурноту, даже и обморокъ на какого-нибудь чувствительнаго члена одного изъ безчисленныхъ обществъ хорошаго обращенія съ животными. На каждомъ шагу тамъ можно видѣть небольшаго ешака, или просто осла, положительно изнемогающаго подъ массою дровъ, на него нагроможденною, въ сопровожденіи туземца, (въ довершеніе колючекъ, которыя бѣдное животное получаетъ отъ своей ноши), осыпающаго его ударами дубины, по ногамъ или головѣ и всюду, куда только дубина, не задерживаемая дровами, можетъ достать. Что касается до меня, то я положительно имѣю омерзѣніе ко всевозможнымъ вьюкамъ, какъ къ самому дикому и варварскому способу передвиженія тяжестей.

Между тѣмъ еще до похода я слышалъ уже, что заподряжено огромнѣйшее число вьючныхъ лошадей. Изъ этого числа распорядительный N успѣлъ пріобрѣсти солидную часть для походной канцеляріи.

Лошади эти не находились, впрочемъ, при насъ постоянно и оставались на попеченіи своихъ хозяевъ; но въ назначенный часъ для передвиженія онѣ являлись, навьючивались и навьюченныя слѣдовали, въ сопровожденіи нашихъ казаковъ, на новый пунктъ, тамъ развьючивались и пропадали до новой надобности. Этихъ операцій навьючиванія и развьючиванія я постоянно, вслѣдствіе сильнѣйшей къ нимъ антипатіи, избѣгалъ, предоставляя моей прислугѣ и нашимъ казакамъ укладываться и раскладываться, какъ знаютъ. Мнѣ даже совѣстно было слушать, когда камердинеръ упоминалъ, что шестомъ моей палатки, напримѣръ, испортило ногу у одной лошади, и что у другой походнымъ столомъ весь бокъ стерло. Мнѣ казалось, что это я самъ надѣлалъ всѣ эти гадости, и краснѣлъ, что онѣ такъ противоположны прекраснымъ цѣлямъ обществъ покровительства и защиты животныхъ, цѣлямъ, которымъ я постоянно и искренно сочувствовалъ.

Наконецъ сталъ приближаться день прибытія князя въ Грозную. Я уже много говорилъ о могуществѣ и значеніи намѣстника и главнокомандующаго на Кавказѣ. Вспоминая день прибытія князя въ Грозную, я не могу не сказать, что день этотъ наиболѣе осязательнымъ практическимъ образомъ свидѣтельствовалъ о могуществѣ и значеніи его. Уже за нѣсколько дней до его пріѣзда пошли различныя приготовительныя распоряженія для встрѣчи его, но какъ распоряженія эти относились преимущественно до военнаго міра, то, не принимая въ нихъ никакого участія, я даже мало зналъ, въ чемъ они состояли. Я видѣлъ только значительную суетню и слышалъ постоянно одни и тѣ же вопросы и отвѣты: «Когда», «тогда-то».

Когда стало положительно извѣстно, что князь прибудетъ въ такой-то день и часъ, къ этому времени военный и гражданскій міръ высшаго разряда собрался при домѣ, назначенномъ для князя; на площадкѣ предъ домомъ поставленъ былъ почетный караулъ, и устроены были другія военныя почести, которыя всегда оставались для меня мало понятными.

Часовъ въ пять или шесть прискакали, какъ бѣшеные, передовые люди съ извѣстіемъ, что ѣдетъ... Все стало устанавливаться въ извѣстный порядокъ и принимать неподвижный видъ, какъ будто проникнутое торжественнымъ величіемъ предстоящей минуты, такъ что и я невольно почувствовалъ какое-то нервное волненіе. Скоро стало видимо для насъ громаднѣйшее облако густой [illegible] пыли, скрывавшее поѣздъ князя. Облако быстро приближалось къ намъ; раздались крики: «смирно» и другія военныя команды. Почти въ непроницаемой тучѣ страшной пыли меня, прежде всего, поразили страшныя образины татаръ, сопровождающихъ, въ видѣ конвоя, князя. Съ черными отъ пыли лицами, съ сверкающими глазами, съ бритыми головами, съ громаднѣйшими на нихъ папахами, заломленными назадъ и покрывавшими длинными лохматыми клочьями милыя физіономіи этихъ господъ—они были истинно страшны и въ то же время великолѣпны. Ничего подобнаго я дотолѣ не видывалъ. Наши линейные казаки, сходные съ горцами по одеждѣ, казались мнѣ въ эту минуту милашками предъ этими ужасными людьми. Подъ вліяніемъ величайшаго любопытства я впивался глазами въ нѣкоторыя, особенно типическія физіономіи, но какъ только падалъ на меня гордый, несказанно самоувѣренный и въ то же время свирѣпый взглядъ татарина, я тотчасъ отводилъ, какъ школьникъ, отъ него свои глаза: взгляда этого, быстраго, смѣлаго, упорнаго, въ высшей степени, я положительно выносить не могъ. Я тотчасъ старался собрать свѣдѣнія, что это за люди? Мнѣ отвѣчали, что это конвой, составленный изъ горцевъ только-что покоренныхъ ауловъ. «Ну», думаю себѣ, «хороши! Каковы же должны быть оби-

татели ауловъ непокоренныхъ?» Однимъ словомъ, впечатлѣніе, произведенное на меня этими господами, было необычайно сильно. Мнѣ какъ-то вдругъ сдѣлались понятны всѣ ужасные разсказы различнаго содержанія, которые связывались съ «гибельнымъ Кавказомъ».

Но въ числѣ достоинствъ и недостатковъ истинно-русскаго человѣка есть та черта, что онъ способенъ удивляться чему бы то ни было одинъ только, и то первый разъ. Потомъ онъ не только привыкаетъ къ тому, что его впервые поразило, но и начинаетъ находить, что тутъ и нѣтъ ничего поразительнаго. Если тотъ, кто, быть можетъ, будетъ читать мои записки, вспомнитъ мой разсказъ о томъ, какъ мои пріятели и пріятели хромаго Языкова затащили его почти насильно во дворецъ, какъ онъ сначала трусилъ и жался въ заднихъ рядахъ и какъ потомъ, освоившись и осмотрѣвшись, онъ сталъ безцеремонно расхаживать тамъ уже, откуда тѣ же пріятели, во избѣжаніе скандала, должны были извлекать его со внушеніемъ большей скромности,—тотъ, повторяю, пойметъ ту черту русскаго человѣка, которую я хочу здѣсь отмѣтить. Именно эта самая черта нашлась и въ моей русской душѣ по отношенію къ горцамъ. Глубоко пораженный впервые ихъ видомъ, я потомъ уже такъ расходился, что называлъ ихъ не иначе, какъ сволочью. Однажды это презрѣніе я выразилъ даже въ присутствіи князя. Приглашенный къ обѣду въ его собственную палатку, вмѣстѣ съ другими знатными лицами походнаго міра, я долженъ былъ оставаться довольно долго нѣмымъ слушателемъ различныхъ разсказовъ изъ военной исторіи Кавказа. Рѣчь шла большею частію о томъ, что тогда-то тамъ-то намъ приходилось плохо, и что если бы не это, то вовсе была бы бѣда и т. п. Во время какой-то паузы, я дерзнулъ сказать: «я сознаю свое глубокое невѣжество въ военномъ дѣлѣ, но изъ всѣхъ непонятныхъ вещей для меня наиболѣе непонятно то, какимъ образомъ сильное государство, въ теченіе столь продолжительнаго времени, своими громадными регулярными войсками не можетъ одолѣть толпу оборвышей, хотя и прикрытыхъ мѣстностію. Къ чему же тогда наука?» Потому ли, что такое заявленіе было слишкомъ нелѣпо, или, потому, что въ немъ былъ серьезный смыслъ—не знаю; но только послѣ моихъ словъ наступило молчаніе, продолжавшееся нѣсколько секундъ, такъ что я начиналъ уже тревожиться за свои слова, быть можетъ, крайне неумѣстныя. Князь Александръ Ивановичъ, отъ котораго я преимущественно ожидалъ отвѣта, прервалъ это странное молчаніе. Совершенно спокойно, безъ всякаго изумленія моему оригинальному заявленію, онъ сказалъ: «Видно, однако, не такъ легко одолѣть этихъ оборвышей, какъ вы говорите, когда столько главнокомандующихъ старались объ этомъ, да ничего

не могли сдѣлать». Я былъ очень доволенъ, что такъ дешево отдѣлался за мое вмѣшательство въ военныя сужденія.

Обращаюсь къ встрѣчѣ князя. За отрядомъ этихъ страшныхъ людей, составлявшихъ передовой конвой, летѣлъ экипажъ князя. Его положительно узнать нельзя было. Я не говорю уже о томъ, въ какомъ положеніи было его платье. Самое лицо, усы, бакенбарды покрыты были такимъ толстымъ слоемъ черной пыли, что все это въ совокупности представляло одно сплошное черное пятно съ одними прорѣзами, изъ которыхъ виднѣлись глаза. Мнѣ даже непріятно было, что князь рѣшился въѣхать въ Грозную въ такомъ странномъ видѣ. Какъ ни велико было общее къ нему благоговѣніе, все-таки при взглядѣ на его фигуру каждый испытывалъ невольное желаніе засмѣяться. Вообще я находилъ, что главнокомандующему не ловко было явиться къ ожидающимъ его толпамъ въ видѣ араба. Должно быть, князь и самъ сознавалъ это, потому что, выйдя изъ коляски, онъ быстро подошелъ къ стоявшимъ тутъ солдатамъ и затѣмъ тоже быстро скрылся. Спутники его были, разумѣется, не въ лучшемъ видѣ и тоже скрылись. Всѣмъ знатнымъ особамъ объявлено было, что князь переодѣвается и скоро всѣхъ приметъ. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько минутъ, князь вышелъ къ намъ въ залу свѣжій и блестящій и по обычаю, начавъ съ одного конца, сталъ обходить весь кругъ ожидающихъ «движенія воды» и съ каждымъ говорилъ по нѣскольку словъ.

Когда кончилось это представленіе, князь перешелъ въ столовую залу, блистательно освѣщенную, въ которой стояли накрытые и убранные столы. За нимъ потянулись всѣ приглашенные. Надо замѣтить, что по соглашенію Евдокимова съ Тромповскимъ этотъ первый обѣдъ, знаменующій встрѣчу князя, давалъ Евдокимовъ, и потому всѣ приглашенія заблаговременно сдѣланы были отъ имени Евдокимова. За этимъ обѣдомъ я впервые увидѣлъ много татарскихъ физіономій въ высокихъ папахахъ. Мнѣ разсказывали значеніе и исторію каждаго; но я конечно все перезабылъ, чему впрочемъ очень радъ, потому что повтореніе этихъ исторій еще болѣе усложнило бы и то уже черезчуръ пространныя мои записки. Помню однако же, что сущность этихъ исторій имѣла ту основную черту, что всѣ эти горскіе люди были люди столь же способные, сколько и неблагонадежные, что они по нѣскольку разъ переходили то къ намъ, то къ Шамилю, и что, несмотря на ихъ азіатское коварство и продажничество, эти люди въ рукахъ такихъ людей, какъ князь Барятинскій и Евдокимовъ, знавшихъ ихъ вдоль и поперекъ, приносили своимъ умомъ, своими связями, своимъ знаніемъ всѣхъ мѣстныхъ условій и обстоятельствъ, огромнѣйшую пользу. Это были, такъ сказать, лучшіе наши политическіе агенты, колебавшіе нравственное могущество нашего врага. Князь Александръ

Ивановичъ относился къ нимъ чрезвычайно ласково и привѣтливо. Потомъ я замѣчалъ, что они вѣчно вертѣлись около палатки Евдокимова, составлявшаго все-таки главный центръ и основную связь похода, и при передвиженіяхъ съ позиціи на позицію находились въ составѣ его свиты.

Во время обѣда играла полковая музыка; но она, можно сказать, совершенно стушевывалась предъ Сунженскими пѣсельниками, которые великолѣпно пѣли залихватскія казацкія пѣсни и прославляли въ нихъ Барятинскаго и Слѣпцова. Надо замѣтить, что Слѣпцовъ оставилъ великолѣпную по себѣ память на Кавказѣ, такъ что въ преданіяхъ и пѣсняхъ имя его постоянно сливается съ именемъ Барятинскаго и даже преимущественно предъ нимъ. Есть много людей, которые, въ невѣдѣніи своемъ, и доселѣ находятъ справедливымъ и возможнымъ сравнивать эти двѣ личности; но на самомъ дѣлѣ, сколько по моимъ собственнымъ соображеніямъ, столько и по отзывамъ людей, дѣйствительно способныхъ разсматривать этотъ вопросъ, между ними не могло существовать никакого сходства. Слѣпцовъ, по общему свидѣтельству, былъ идеалъ храбраго человѣка. Съ своими Сунженскими казаками онъ дѣлалъ чудеса, и эти чудеса окружили эту личность, особенно въ глазахъ казаковъ, чѣмъ-то чудеснымъ. Отъ казаковъ благоговѣніе предъ его именемъ распространилось далѣе и составляетъ справедливую дань безпримѣрному мужеству и храбрости Слѣпцова; но здѣсь все и оканчивается. Признаковъ полководца, администратора, однимъ словомъ, государственнаго человѣка Слѣпцовъ въ себѣ никакихъ не явилъ, и я даже не знаю, задѣвалъ ли его кто-нибудь и когда-нибудь именно съ этой стороны: до такой степени она была въ немъ ничтожна. Между тѣмъ князь Барятинскій уродился по преимуществу государственнымъ человѣкомъ. Въ молодости и онъ, будучи на Кавказѣ, рубился знатно, и конечно никому въ голову никогда не приходило заподозрѣвать его въ недостаткѣ мужества и храбрости; но это не было исключительнымъ его свойствомъ и призваніемъ. Съ молодыхъ еще лѣтъ онъ смотрѣлъ уже далеко и былъ такъ счастливъ, что въ зрѣлыхъ лѣтахъ имѣлъ возможность проявить въ себѣ не храбраго рубаку только, но истиннаго полководца и государственнаго человѣка, разрѣшившаго задачу, надъ которой трудились такіе умные люди, какъ Ермоловъ, баронъ Розенъ, князь Воронцовъ. Поэтому пусть за Слѣпцовымъ остается справедливо заслуженная имъ слава храбрѣйшаго изъ храбрыхъ, какіе появлялись только на Кавказѣ; но тотъ, кто вздумаетъ сравнивать его и ставить на одну ногу съ Барятинскимъ, не только поступитъ несправедливо, но и окажетъ славной памяти Слѣпцова плохую услугу. Всякому свое.

Еще во время обѣда князь вызывалъ изъ толпы пѣсельниковъ нѣко-

торыхъ усачей, которыхъ онъ лично зналъ и которые, конечно, лично знали его, на ступеняхъ, отдаленныхъ отъ положенія главнокомандующаго; вспоминалъ то или другое дѣло, обоюдно памятное, и своею привѣтливостію электризовалъ, такъ сказать, ихъ простыя сердца и доводилъ восторгъ ихъ до крайней степени. Предъ окнами дома и у сада, къ нему принадлежащаго, двигались огромныя толпы разнокалибернаго народа.

Я уже не могу сказать положительно, сколько именно дней князь, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ, что собрались для похода, провели въ Грозной; помню только, что не много. Всѣ дни, разумѣется, походили одинъ на другой. Утромъ совершались различные доклады князю, о которыхъ частію я говорилъ уже выше. Въ назначенный часъ собирались всѣ къ обѣду князя. Пользующіеся этою честію раздѣлялись на два разряда: одни, почетнѣйшіе и ближайшіе, къ числу которыхъ и я былъ отнесенъ, имѣли постоянное приглашеніе обѣдать у князя, другіе, не почетнѣйшіе и не ближайшіе, приглашались въ извѣстномъ очередномъ порядкѣ. За этими обѣдами, по случаю величайшихъ жаровъ, всегда являлась окрошка, или холодникъ, по-малороссійски, которою князь постоянно восхищался и объ изобрѣтеніи которой любилъ часто разсказывать.

Дѣло въ томъ, что для изготовленія окрошки нуженъ великороссійскій квасъ. Между тѣмъ этого истинно народнаго произведенія и въ самомъ Тифлисѣ почти не существовало, за исключеніемъ развѣ какой-нибудь солдатской кислятины. Любитель квасу вообще и считая его самымъ лучшимъ и могущественнѣйшимъ лѣкарствомъ для моей желчной натуры, я постоянно, живя въ Тифлисѣ, выписывалъ солодъ изъ Ставрополя, за 600 верстъ, откуда мнѣ его и доставляли съ экстра-почтой. Камердинеры мои, превыше всѣхъ другихъ обязанностей, должны были владѣть искусствомъ дѣлать квасъ, который составлялъ для меня величайшую необходимость. Все это въ совокупности имѣло результатомъ, что я славился на весь Тифлисъ своимъ квасомъ. Свитскіе господа, постоянно меня посѣщавшіе, непремѣнно требовали квасу, прежде вина, которое буквально на каждомъ шагу было у всѣхъ подъ рукою, тогда какъ квасъ, и квасъ великолѣпный, составлялъ истинную рѣдкость въ томъ краѣ. Даже самъ князь иногда присылалъ ко мнѣ за этимъ продуктомъ. Понятно, что если онъ составлялъ рѣдкость въ Тифлисѣ, то въ другихъ мѣстахъ, особенно въ походахъ, о немъ и думать было нечего.

По словамъ князя, гдѣ-то и когда-то стояли страшные жары. Садясь однажды за обѣдъ, князь замѣтилъ: «какъ бы хорошо теперь русской холодной окрошки!» Опочининъ, тутъ присутствовавшій, тотъ самый Опочининъ, который обладалъ вліятельною барынею, именуемою

«Бабаля», который считалъ обязанностію знать все лучше всѣхъ, начиная отъ какой-нибудь стряпни до джигитства на бѣшеномъ конѣ, и о которомъ самъ князь разсказывалъ по этому поводу тысячи уморительныхъ анекдотовъ, тотчасъ вызвался приготовить окрошку. «Какимъ образомъ?»—спросилъ князь. «Это мой секретъ», самоувѣренно отвѣчалъ Опочининъ. Вызовъ этотъ былъ такъ оригиналенъ, что возбудилъ общее недоумѣніе и любопытство. Рѣшено было пріостановить обѣдъ и ждать окрошки. Опочининъ скрылся и предался таинственнымъ занятіямъ. Всѣ ждали, что выйдетъ? Чрезъ нѣсколько минутъ дѣйствительно подаютъ окрошку, и князь утверждаетъ, что она всѣмъ чрезвычайно понравилась. Оказалось, что, за неимѣніемъ квасу, Опочининъ сдѣлалъ нѣсколько подобную ему смѣсь воды съ уксусомъ и посредствомъ сметаны и другихъ вспомогательныхъ средствъ такъ искусно замаскировалъ эту поддѣлку, что обѣдающіе только кушали, удивлялись и похваливали искусство Опочинина. Князь, хотя почти всегда болѣзненный и—странное дѣло!—несмотря на величайшую роскошь яствъ, на которыхъ онъ выросталъ, чрезвычайно не разборчивый и непретендательный по этой части, болѣе всѣхъ восхищался изобрѣтеніемъ Опочинина и покровительствовалъ ему съ такимъ ожесточеніемъ, съ какимъ стремился водворить Кахетинское вино на мѣсто шампанскаго. Успѣхъ, вѣроятно, былъ одинаковый потому, что если на обѣдахъ въ Грозной, въ глазахъ князя, присутствующіе и раздѣляли восхищеніе его, то истинно русскіе люди, которые единственно могли дать основательное мнѣніе по этому вопросу и къ которымъ безспорно принадлежалъ я, называли это изобрѣтеніе порядочною гадостію. И, дѣйствительно, сколько настоящій квасъ могъ быть полезенъ для русскаго желудка, столько эта смѣсь воды съ уксусомъ была вредна.

Изъ числа новыхъ лицъ, появлявшихся въ Грозной за обѣдами князя, нельзя было не обратить вниманія на молодаго графа Ферзена, сына петербургскаго Ферзена, начальника придворной егермейстерской части. До того времени я почти не имѣлъ никакого понятія объ этой личности. Дѣло въ томъ, что онъ состоялъ при Евдокимовѣ и только разъ прискакалъ при мнѣ въ Тифлисъ курьеромъ къ князю, а имъ тотчасъ отправленъ былъ тоже курьеромъ въ Петербургъ къ государю. Это было тотчасъ послѣ взятія Веденя, резиденціи Шамиля. Странное дѣло—это посылка курьеровъ! Связанная съ несомнѣнными благами, она всегда достается не тѣмъ, кто по праву заслуживаетъ этихъ благъ, а тѣмъ почти исключительно, которыхъ вся заслуга въ томъ, что они носятъ какое-нибудь звучное имя. Вопіющая несправедливость здѣсь очевидна! Между тѣмъ она такъ въѣлась въ нашъ военный бытъ, что ей подчиняются не только такіе люди, какъ Барятинскій, напр., связанные различными придворными и аристократическими отношеніями, ко-

торыя хоть сколько-нибудь если не оправдывають, то по крайней мѣрѣ объясняють эту несправедливость, но и такіе господа, какъ Евдокимовъ, не имѣющій ни родовыхъ предковъ, дальше отца и много уже дѣда, ни знатности, ни высшихъ связей. Взявъ Ведень, онъ послалъ курьеромъ графа Ферзена. Между тѣмъ за то только, что онъ проскакалъ въ Петербургъ и обратно, онъ получилъ флигель-адъютанта, одну изъ величайшихъ и почетнѣйшихъ наградъ для военнаго человѣка. Но справедливость требуетъ сказать и то, что если Ферзенъ и подобные ему не способны брать крѣпости, то, съ другой стороны, тѣ, которые берутъ эти крѣпости, едва-ли способны быть хорошими курьерами. Кажется, даже были нѣкоторые опыты въ этомъ отношеніи; но сколько извѣстно, во дворцѣ они не имѣли никакого успѣха. Всякому свое. Нельзя не сожалѣть только, что простому вѣстнику извѣстнаго событія достаются царскія милости, несравненно высшія противу тѣхъ, которыми правительство расплачивается потомъ съ самыми дѣйствительными участниками и совершителями этого событія.

Обращаюсь къ Ферзену. На обѣдахъ князя онъ блисталъ уже своимъ флигель-адъютантствомъ. Князь относился къ нему весьма благосклонно и часто обращался съ рѣчью о разныхъ петербургскихъ отношеніяхъ. Я помню, что за однимъ изъ этихъ обѣдовъ князь разсказывалъ всѣмъ присутствующимъ, какъ отецъ Ферзена умѣетъ сохранять себя, какъ съ этою цѣлью ежедневно взвѣшиваетъ себя и если замѣтитъ въ себѣ фунтъ лишній противу извѣстной нормы, старается избавиться отъ него посредствомъ гимнастики и другихъ различныхъ способовъ. Однимъ словомъ, князь видимо ласкалъ молодаго Ферзена ради отношеній къ старому Ферзену или, лучше сказать, ради отношеній этого стараго Ферзена ко двору и къ петербургскому аристократическому міру. Между тѣмъ не безполезно замѣтить мимоходомъ, что въ интимныхъ разговорахъ со мною князь постоянно отзывался о старомъ Ферзенѣ, какъ о человѣкѣ хитромъ. Само собою разумѣется, что молодой Ферзенъ тотчасъ примкнулъ къ свитѣ намѣстника, среди которой я былъ свой человѣкъ, и потому познакомился со мной. Знакомство это состоялось при весьма благопріятныхъ условіяхъ и мгновенно перешло въ дружбу, въ ту дружбу, военнаго характера, которая преимущественно выражалась и укрѣплялась крестообразнымъ питіемъ вина «на брудершафтъ» и словомъ: «ты». Дѣйствительно, умный, острый съ пріятною наружностію, Ферзенъ, на первыхъ порахъ, просто очаровалъ меня. Въ вящшее доказательство и укрѣпленіе нашей дружбы, я даже подарилъ ему великолѣпную нагайку, только-что полученную мною самимъ въ подарокъ.

Надо сказать, что по пути отъ Владикавказа къ Грозной мы проѣзжали чрезъ казачьи станицы. Въ одной изъ этихъ станицъ была

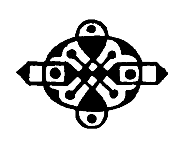
квартира командира какого-то казачьяго полка или казачьей бригады Едминскаго, личности въ высшей степени замѣчательной, исторіи которой я однако же разсказывать не буду по той простой причинѣ, что хотя я самъ много разъ слышалъ эту исторію, однако же помню ее весьма смутно и неопредѣленно. Скажу только, что это былъ полякъ, весьма образованный, но дурно говорившій по-русски, сто разъ бывшій богатымъ и столько же разъ разорявшійся, человѣкъ, пользовавшійся почему-то особеннымъ вниманіемъ намѣстниковъ и составившій себѣ огромную славу своими знаменитыми по остротѣ и вѣрности изреченіями, которыя ходили по всему краю. Когда началось передвиженіе изъ Тифлиса въ Грозную, господинъ этотъ, жившій на перепутьѣ, счелъ долгомъ открыть у себя какое-то безконечное угощеніе и зазывать къ себѣ всѣхъ мимо идущихъ и ѣдущихъ. При моемъ пріѣздѣ въ эту станицу я нашелъ уже тамъ большую часть свиты князя, которая слѣдовала верхами вмѣстѣ съ конвоемъ князя, выступившимъ изъ Тифлиса за нѣсколько дней до моего отъѣзда. Все было положительно пьяно, а пьянѣе всѣхъ былъ художникъ Горшельтъ, нѣмецъ великолѣпный, прибывшій въ Тифлисъ за нѣсколько дней до похода и получившій дозволеніе участвовать въ немъ. Талантъ его, проявившійся потомъ во многихъ картинахъ и рисункахъ кавказскаго содержанія, извѣстенъ публикѣ. Но въ ту минуту, когда я въѣхалъ въ станицу, вопросъ шелъ не о томъ, какой талантъ у Горшельта, какъ живописца, а о томъ, есть ли у него талантъ джигита. Длинноногій нѣмецъ, въ чрезвычайно оригинальномъ костюмѣ, имъ самимъ сочиненномъ, на какой-то маленькой лошаденкѣ, всѣми силами старался сдѣлать свои джигитскія способности не подлежащими сомнѣнію; но это ему плохо удавалось; на крутыхъ поворотахъ онъ терялъ равновѣсіе, падалъ, потомъ снова укрѣплялся въ сѣдлѣ и снова падалъ. Толпа свитскихъ господъ хохотала и подбивала артиста на новые опыты.

Раздѣляя общее веселье при видѣ такого оригинальнаго и даровагo спектакля, я былъ атакованъ самыми настоятельными приглашеніями радушнаго хозяина удостоить вниманіемъ его, какъ онъ выражался, «хлѣбъ и соль», которые, въ видѣ самыхъ разнообразныхъ яствъ, повидимому, не сходили съ его гостепріимнаго стола съ утра до вечера. Послѣ того, какъ я ближе познакомился съ обиліемъ и качествомъ этихъ блюдъ, хлѣбосольный и радушный хозяинъ представилъ мнѣ огромную коллекцію казацкихъ нагаекъ разнаго рода и высшаго сорта и просилъ меня принять одну изъ нихъ на память. Я былъ очень изумленъ этимъ предложеніемъ и, вовсе не будучи съ хозяиномъ въ такихъ близкихъ отношеніяхъ, при которыхъ такіе сувениры имѣли бы мѣсто и смыслъ, сообразилъ, что это не что иное, какъ ловкая продѣлка господина польской крови. «Баринъ этотъ пригодится», вѣроятно ду-

малъ смѣтливый Едминскій, наслышавшись, конечно, о моей близости князю. Само собою разумѣется, что началась такъ называемая «борьба великодушія». Я упорно отказывался; онъ еще упорнѣе настаивалъ и такъ какъ мой рѣшительный отказъ могъ бы показаться обиднымъ для него, то я и долженъ былъ уступить. Послѣ различныхъ благодарностей я сказалъ: «собраніе этихъ вещей такъ великолѣпно, что я истинно затрудняюсь сдѣлать выборъ и потому, если вамъ такъ настоятельно угодно дать мнѣ матеріальный знакъ вашего добраго расположенія ко мнѣ, то потрудитесь сдѣлать этотъ выборъ сами». Едминскій взялъ изъ цѣлой кучи нагаекъ самую лучшую и богатую, сплошь задѣланную въ серебро, и преподнесъ мнѣ. Я ужасно франтилъ этой великолѣпной нагайкой, подобной которой дѣйствительно ни у кого не было. Свитскіе пріятели по очереди стали выпрашивать у меня ее въ подарокъ, то «въ знакъ любви», то «въ знакъ дружбы», то «въ знакъ удовлетворенія», какъ пишутъ на фарфоровыхъ чашкахъ плохаго издѣлія; но я оставался упоренъ до тѣхъ поръ, пока не образовалась дружба съ Ферзеномъ, которому именно, въ знакъ этой дружбы, я и преподнесъ эту великолѣпную нагайку.

Но, увы! дружба эта, еще во время похода, начала охладѣвать съ моей стороны.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*

Воспоминанія педагога [1].

1-я Петербургская военная гимназія.

Учебный 1864—65 годъ я началъ службу въ прежней должности (помощника инспектора классовъ) въ новомъ учебномъ заведеніи—1-й Петербургской военной гимназіи, которая фактически была переименована изъ 1-го кадетскаго корпуса, несмотря на то, что всѣ старались увѣрить, будто 1-й корпусъ преобразовался въ Павловское военное училище. Къ началу августа, наконецъ, назначенъ былъ и инспекторъ классовъ—Порфирій Никитичъ Бѣлоха.

Директоромъ 1-й гимназіи былъ назначенъ Евгеній Карловичъ Баумгартенъ, а Н. П. Гартонгъ, признанный неспособнымъ къ должности педагога, назначенъ состоять при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній. Хотя нельзя не согласиться съ тѣмъ, что Гартонгъ вовсе не былъ педагогомъ и былъ бы не на мѣстѣ при новыхъ требованіяхъ отъ военныхъ гимназій; но замѣна его Баумгартеномъ вполнѣ подходила подъ извѣстную поговорку: «промѣняли кукушку на ястреба».

Евгеній Карловичъ былъ человѣкъ до крайности ограниченный, но считавшій себя необыкновенно умнымъ и потому пускавшійся въ разсужденія о какомъ угодно вопросѣ. Говорилъ онъ всегда много, но рѣчь его представляла словоизверженіе, безъ всякаго опредѣленнаго взгляда, нерѣдко конецъ рѣчи противорѣчилъ тому, что онъ высказывалъ въ началѣ ея. Духъ противорѣчія былъ развитъ въ немъ въ сильнѣйшей степени. О чемъ бы вы ни заговорили съ нимъ, онъ будетъ вамъ доказывать противное, въ тотъ же день, если услышитъ отъ васъ то, что онъ сегодня высказывалъ, онъ станетъ говорить и

---

[1]) См. «Русскую Старину», октябрь, 1904 г.

доказывать совершенно противоположное. Этотъ человѣкъ всегда спорилъ только ради спора, нисколько не заботясь объ истинѣ. Никакого твердаго убѣжденія онъ не имѣлъ; сдѣлавъ сегодня какое-нибудь распоряженіе, онъ завтра выражалъ неудовольствіе, почему исполняется такъ, а не иначе, и если ему указывали, что самъ же онъ приказалъ сдѣлать такъ,—онъ отпирался, увѣряя, что никогда ничего подобнаго не приказывалъ и не могъ приказывать, такъ какъ это не согласно съ его взглядомъ. Все это говорилось не потому, чтобы онъ былъ лживъ; нѣтъ,—не имѣя памяти, онъ самъ былъ искренно увѣренъ, что говоритъ правду. Въ первое время своего управленія заведеніемъ, Евгеній Карловичъ приводилъ въ отчаяніе воспитателей своими противорѣчивыми распоряженіями, но потомъ лучшіе воспитатели согласились между собою никогда не противорѣчить ему, чтобы его не раздражать, а соглашаться съ нимъ, о чемъ бы онъ ни говорилъ, какія бы ни отдавалъ приказанія, но продолжать дѣлать по-своему, не обращая вниманія на его распоряженія. Дѣло отъ этого выигрывало. Бывало, встрѣтитъ Баумгартенъ воспитанниковъ съ воспитателемъ и всегда найдетъ что-нибудь замѣтить: или не въ такомъ порядкѣ у него воспитанники идутъ, или не то дѣлаютъ, хотя бы все исполнялось согласно составленнымъ въ комитетѣ правиламъ; воспитатель молчитъ или говоритъ: «слушаю». Баумгартенъ уходитъ, а воспитатель дѣлаетъ такъ же, какъ и дѣлалъ, и обѣ стороны довольны.

Передаю со словъ одного изъ лучшихъ воспитателей слѣдующій случай, хорошо характеризующій Баумгартена.

Является Баумгартенъ въ старшій возрастъ во время приготовленія воспитанниками уроковъ. Воспитанники встали, Баумгартенъ велѣлъ имъ садиться и обходитъ ихъ, выискивая случай что-нибудь замѣтить, чтобы пуститься въ разсужденія. Дежурный воспитатель — Лейхтъ, молча идетъ за нимъ. Воспитанники уставили глаза свои въ книги, кажется, все въ порядкѣ; но Баумгартенъ не можетъ обойтись безъ разговора, онъ останавливается между столами и начинаетъ: «Вы, господа, занимаетесь? (молчаніе). Но что это за занятія? Каждый изъ васъ сидитъ и читаетъ про себя. Это не занятія, надо, чтобы одинъ читалъ другому и объяснялъ ему, тогда только каждый пойметъ то, что ему не понятно»... На эту тему Баумгартенъ продолжалъ говорить, наконецъ, пошелъ въ спальню. Здѣсь онъ видитъ, что двое воспитанниковъ занимаются у столика около кровати, онъ подходитъ къ нимъ. «Вы что здѣсь дѣлаете?»—Занимаемся. «Какъ же вы занимаетесь?» Я, говоритъ одинъ изъ нихъ, объясняю ему по математикѣ. «Да, это значитъ, что одинъ читаетъ, а другой ничего не дѣлаетъ. Такъ нельзя заниматься. Надо, чтобы каждый изъ васъ занимался отдѣльно и самостоятельно приготовлялъ урокъ. Разойдитесь въ разныя

мѣста и занимайтесь отдѣльно». Хотя тотъ же воспитатель находился при этомъ, но Баумгартенъ нисколько не стыдился говорить при немъ такимъ образомъ, потому, что онъ говорилъ, не сознавая, что противорѣчитъ себѣ же, даже забывъ то, что говорилъ нѣсколько минутъ передъ тѣмъ другимъ юношамъ. Вотъ какому человѣку поручено было преобразовать заведеніе!

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію моей двухлѣтней службы въ 1-й военной гимназіи, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о значеніи преобразованія прежнихъ кадетскихъ корпусовъ. Была ли необходимость преобразовывать кадетскіе корпуса? На этотъ вопросъ можно отвѣчать только утвердительно. Прежніе корпуса отжили свой вѣкъ и настоятельно требовали обновленія отчасти въ учебномъ дѣлѣ, но главнымъ образомъ въ воспитательномъ отношеніи; да въ нихъ, строго говоря, и не было воспитанія, въ смыслѣ воздѣйствія приставленныхъ для этой цѣли лицъ на развитіе нравственныхъ силъ дѣтей. Воспитывала наука и сама дѣтская среда. Наука, дѣлая дѣтей и юношей умнѣе (развивая умственно), вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлала ихъ и лучше. Вліяніе товарищеской среды могло быть лучше или хуже, потому, каковы были традиціи этой среды; но каково бы ни было это вліяніе, оно не могло быть даже удовлетворительнымъ, такъ какъ всегда масса была угнетена кулаками болѣе сильныхъ и наглыхъ товарищей и должна была служить интересамъ ихъ, несмотря на то, что интересы эти нерѣдко противорѣчили нравственному чувству отдѣльныхъ личностей. Воспитывала дѣтей отчасти и военная дисциплина, въ смыслѣ пріученія ихъ сдерживать свои порывы, а черезъ это въ нихъ отчасти развивались самообладаніе, воля, и это составляло лучшую сторону воспитанія прежнихъ корпусовъ. Но, съ другой стороны, военная дисциплина, сдерживая однимъ только страхомъ проявленіе дурныхъ наклонностей дѣтей, сдерживала ихъ только въ данное время, а не искореняла ихъ, и потому кадетъ, казавшійся въ глазахъ старшихъ вполнѣ нравственнымъ, за глазами ихъ, съ удаленіемъ страха наказанія, проявлялъ эти наклонности тѣмъ съ бо́льшей силой. Вотъ почему нерѣдко прекрасные кадеты, собравшись гдѣ-нибудь въ отпуску, зная, что ихъ не видятъ, дѣлали отчаянныя выходки, которыя, если случайно доходили до ушей начальства, то заставляли послѣднихъ въ недоумѣніи разводить руками и повторять вѣчно одну и ту же фразу: «признаюсь, отъ этого воспитанника не ожидалъ, готовъ былъ голову прозакладывать, что онъ на это не способенъ». Но до начальства весьма рѣдко доходили проступки кадетъ, совершенные за его глазами, потому что, при отсутствіи нравственной связи между начальствующими лицами и кадетами, сами кадеты составляли твердую замкнутую среду, почти всегда враждебную начальству. Жизнь этой среды проявлялась, хотя нерѣдко, уродливо,

но тѣмъ съ большей энергіей, что она подавлялась военной дисциплиной въ присутствіи старшихъ. Дѣти оберегали и защищали самостоятельность своей жизни, которая и могла проявляться только за глазами старшихъ, и начальство вполнѣ сознавало, что воспитанники за ихъ глазами живутъ не такъ, какъ на глазахъ, и что только заглазная жизнь, въ которой проявляются настоящія нравственныя качества воспитанниковъ, могла бы дать имъ правильное понятіе о ихъ характерѣ и душевныхъ свойствахъ. Вотъ почему эта послѣдняя жизнь воспитанниковъ особенно интересовала начальствующихъ лицъ, которыя, стараясь проникнуть въ нее, искали себѣ союзниковъ въ слабо-характерныхъ или въ совершенно нравственно-испорченныхъ дѣтяхъ, создавая себѣ изъ нихъ шпіоновъ, всячески поддерживая и поощряя ихъ къ исполненію этой роли. Такой образъ дѣйствія начальствующихъ лицъ вносилъ въ среду кадетъ еще бо̀льшую нравственную порчу, развращая тѣхъ, которые поддавались увѣщаніямъ принимать на себя эту роль, и разрушая добрыя товарищескія отношенія, вызывая кадетскій самосудъ, нерѣдко переходившій въ жестокое преслѣдованіе шпіоновъ. Узнаваніе жизни кадетъ черезъ шпіоновъ было такимъ обычнымъ явленіемъ въ то время, что даже лучшіе люди, каковымъ былъ, напр., А. П. Выходцевскій [1]), которые и въ настоящее время могли бы считаться лучшими воспитателями, къ сожалѣнію, также выразились общимъ взглядомъ.

Составляя свой тѣсно сплоченный кружокъ, почти всегда враждебный начальству (исключенія бывали рѣдко и то только въ младшихъ ротахъ), кружокъ этотъ имѣлъ свои убѣжденія и взглядъ на вещи, нерѣдко совершенно противорѣчившіе взглядамъ нравственно развитаго человѣка. Такъ, напр., наживаться на счетъ солдата и казеннаго имущества, по понятіямъ кадетскаго кружка, считалось дѣломъ не только не безчестнымъ, но даже должнымъ. Въ разговорахъ между собою кадеты высчитывали, сколько доходовъ должны имѣть начальники, начиная отъ ротнаго и до полковаго командира включительно. Такіе разговоры пріучали будущихъ командировъ съ ранней юности смотрѣть на казнокрадство совершенно съ спокойной совѣстью, какъ на обыкновенное дѣло, связанное съ службою. Вотъ чѣмъ объясняется такое большое число случаевъ воровства, какое обнаружено было въ послѣднюю войну Крымскую. Многія изъ лицъ, преданныхъ за это суду, были воспитанники прежнихъ корпусовъ. Въ кадетскій кружокъ, убѣжденія котораго сложились еще въ старое время, почти не проникало освѣжающаго внѣшняго вліянія, такъ какъ только вліянія можно и

---

[1]) См II-й отдѣлъ моихъ записокъ: «1-й кадетскій корпусъ».

должно было ожидать отъ воспитателей, а ихъ-то, въ истинномъ значеніи этого слова, и не было.

Такова была внутренняя жизнь кадетъ. Если прибавить къ этому тотъ вредный въ нравственномъ отношеніи элементъ, который вносилъ въ среду маленькихъ кадетъ ближайшій ихъ руководитель и начальникъ,—унтеръ-офицеръ (объ этомъ вліяніи я высказалъ подробно въ описаніи моего воспитанія въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ), то будетъ ясно, какъ необходимо было измѣнить воспитательныя условія кадетъ, чтобы дать государству людей, обновленныхъ правильнымъ нравственнымъ воспитаніемъ.

Самыя условія жизни кадетъ прежнихъ корпусовъ были также неестественны. Воспитаніе происходило въ массѣ (въ одномъ корпусѣ было 600 и даже 1.000 человѣкъ), индивидуальныя особенности личности вовсе не принимались въ соображеніе; мало того, не принимался въ разсчетъ даже возрастъ кадетъ: и десятилѣтнее дитя, и юноша 20—21 лѣтній, который черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ожидалъ офицерскій чинъ, находились подъ однимъ и тѣмъ же режимомъ: тотъ и другой (если онъ не получилъ особаго права) ходили въ отпускъ только съ провожатымъ, тотъ и другой не смѣли выйти безъ спроса по своей нуждѣ, изъ той комнаты, куда ихъ привелъ дежурный офицеръ; оба получали одинаковый столъ, одинаковой величины порціи, носили одинаковыя курточки. Словомъ, девять или десять лѣтъ, проведенныя кадетомъ въ корпусѣ, онъ оставался въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ, какъ въ первый день поступленія своего въ корпусъ, такъ и въ послѣдній день передъ выпускомъ въ офицеры [1], по этому-то нерѣдко молодые офицеры во многихъ отношеніяхъ оставались дѣтьми, и только дальнѣйшая служба измѣнила взгляды и убѣжденія этихъ дѣтей.

Такъ какъ все воспитаніе кадетъ основано было на одномъ только страхѣ, то дѣлается понятнымъ, почему прежніе корпуса стали быстро распадаться, какъ только духъ времени конца пятидесятыхъ и начала 60-хъ годовъ заставилъ уменьшить строгость наказаній и нѣсколько ослабить военную дисциплину корпусовъ. Все воспитаніе, основанное на одномъ страхѣ, оказалось никуда негоднымъ, какъ только наказанія стали слабѣе и черезъ то уменьшился страхъ. Все зданіе, такъ долго сдерживаемое въ порядкѣ и казавшееся такимъ прочнымъ, оказалось расшатаннымъ въ

[1]) Не лишнимъ считаю прибавить, что какъ маленькіе воспитанники пѣли дискантомъ, такъ и старшіе пѣли густымъ басомъ одну и ту же молитву за своихъ начальниковъ:

„Спаси, Господи, начальниковъ, наставниковъ, учителей и всѣхъ пекущихся о насъ".

Отъ маленькихъ это было пріятно слышать, но отъ большихъ, нерѣдко враждебно относившихся къ своимъ начальникамъ,—такая молитва звучала скажемъ,—диссонансомъ.

самомъ основаніи своемъ; распущенность корпусовъ и деморализація кадетъ, особенно тѣхъ корпусовъ, гдѣ не существовало хорошихъ традицій, сдѣлались тогда для всѣхъ явленіемъ очевиднымъ. Требовалось принять какія-нибудь радикальныя мѣры, для приведенія ихъ въ порядокъ. По сознанію всѣхъ понимавшихъ дѣло, одно только введеніе правильнаго воспитанія въ корпусахъ могло возстановить эти заведенія.

И такъ, главные недостатки прежнихъ кадетскихъ корпусовъ состояли въ слѣдующемъ:

1) неумѣстность совмѣстнаго воспитанія дѣтей съ юношами, готовившимися вступить въ жизнь.

2) неумѣстность въ дѣтскомъ возрастѣ военной дисциплины, замѣнявшей правильное воспитаніе.

3) большое число воспитанниковъ, собранныхъ въ одномъ заведеніи, вслѣдствіе чего воспитаніе массы было единственною заботою руководителей, а единичнымъ воспитаніемъ совершенно пренебрегалось. Къ этому можно прибавить еще

4) почти отсутствіе понимавшихъ дѣло воспитателей, такъ какъ дежурные офицеры и ротные командиры по большей части не имѣли понятія о правильномъ воспитаніи и передавали его въ руки унтеръ-офицеровъ, еще менѣе ихъ способныхъ понимать и вести это дѣло, требующее серьезной подготовки.

Вотъ на какія стороны слѣдовало обратить вниманіе при преобразованіи кадетскихъ корпусовъ. Ни одна изъ этихъ сторонъ не ускользнула отъ вниманія коммиссіи, на которую возложено было выработать проектъ преобразованія военно-учебныхъ заведеній. Въ теоретическомъ отношеніи преобразованіе было ведено совершенно правильно: было признано необходимымъ отдѣлить спеціальные классы въ особыя заведенія—военныя училища, которымъ предположено придать болѣе строгую военную организацію, а общіе классы отдѣлить въ военныя гимназіи, въ которыхъ вмѣсто военной дисциплины рѣшено было ввести правильное воспитаніе подъ руководствомъ особыхъ воспитателей, безъ всякаго участія унтеръ-офицеровъ. Комплектъ военныхъ гимназій считалось необходимымъ никакъ не доводить выше 300, если можно, то и меньше, раздѣлить это число на болѣе мелкія части, для каждаго воспитателя около 25 человѣкъ. Отношеніе между директоромъ заведенія и воспитателями также было въ принципѣ совершенно измѣнено: было признано, что директоръ военной гимназіи только старшій воспитатель, дающій совѣты младшимъ и направляющій ихъ дѣятельность къ одной опредѣленной цѣли.

Подъ вліяніемъ такихъ гуманныхъ взглядовъ, имѣлось въ виду приступить къ преобразованію кадетскихъ корпусовъ. Къ великому несчастью для самихъ корпусовъ, для русскихъ дѣтей и юношей и для

родителей ихъ, исполненіе преобразованія было поручено генералу Исакову, не только не имѣвшему понятія о томъ дѣлѣ, за которое онъ брался, но и не любившему заниматься и потому даже не вникнувшему въ это дѣло, но за то относившемуся къ прежнимъ корпусамъ съ какимъ-то непонятнымъ враждебнымъ чувствомъ. Все прежнее Исаковъ попиралъ самымъ неуважительнымъ, беспощаднымъ образомъ. Это враждебное чувство Исакова было тотчасъ подхвачено Баумгартеномъ, который полагалъ, что онъ вноситъ новый духъ въ заведеніе, уничтожая и попирая все, что только носило какіе-нибудь слѣды прежнихъ корпусовъ, какъ бы хорошо оно ни было. Впрочемъ, и въ другихъ заведеніяхъ также была ломка, а не преобразованіе.

Замѣчу еще, что не успѣли окончить начатое преобразованіе корпусовъ, какъ уже начали нарушать нѣкоторые изъ тѣхъ принциповъ, которые были выставлены и приняты въ началѣ: единичное воспитаніе не могло правильно установиться, такъ какъ заведенія еще не привели своего комплекта къ нормальному трехсотенному, какъ уже должны были увеличивать его до 400, а въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ до 500. Правда, заведенія разбивались на возрасты по 100 человѣкъ въ каждомъ, но и 100 человѣкъ вмѣстѣ трудно воспитывать, тѣмъ болѣе, что во многихъ заведеніяхъ каждая сотня не была должнымъ образомъ отдѣлена отъ остальной массы. Въ первое время лучшіе воспитатели посвящали бо̀льшую часть своего времени своимъ питомцамъ и такимъ путемъ могли еще отдѣлять своихъ 25 человѣкъ отъ остальной массы и, вникая въ индивидуальныя свойства ихъ характера, воспитывать сообразно съ этими свойствами; но это продолжалось не долго, такъ какъ принципъ, по которому предполагалось, что директоръ былъ только старшимъ воспитателемъ, остался только на бумагѣ, а на дѣлѣ отношеніе его къ воспитателямъ было чисто-формальное. Убѣдившись въ этомъ, лучшіе воспитатели стали быстро уходить прочь, воспитательныя силы заведеній стали падать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и единичное воспитаніе стало снова замѣняться воспитаніемъ массы. Черезъ какіе-нибудь два—три года, изъ всей хорошо задуманной системы воспитанія въ военныхъ гимназіяхъ осталось только одно существенное измѣненіе противъ прежнихъ кадетскихъ корпусовъ (кромѣ отдѣленія спеціальныхъ классовъ): воспитанниковъ окружаютъ (вообще говоря), лица, болѣе образованныя, нежели прежніе дежурные офицеры (замѣтить не лишне, что прежніе офицеры получали содержаніе 300 р., а воспита тели 1.200 р.). Безъ сомнѣнія, это—очень важное измѣненіе, имѣвшее огромное значеніе въ воспитательномъ отношеніи, но только оно совершенно не соотвѣтствуетъ тому шуму, который приданъ былъ вначалѣ всему дѣлу преобразованія кадетскихъ корпусовъ, ужъ не говоря о той безпощадной ломкѣ, которую я лишь слабо изобразилъ въ преды-

дущей главѣ моихъ записокъ, и при которой не щадили даже дѣтей, такъ что служащіе остроумно и справедливо назвали это время «избіеніемъ младенцевъ».

Первое дѣло генерала Баумгартена состояло въ томъ, чтобы перестроить самое зданіе, сообразно требованіямъ новыхъ воспитательныхъ условій. Взявъ планы зданія, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись и не понимая строительнаго дѣла, Баумгартенъ отмѣтилъ, гдѣ ломать стѣны, гдѣ строить новыя. Архитекторъ составилъ смѣту, согласно указаннымъ перестройкамъ; оказалось, что затѣя Баумгартена обходилась до 40 тысячъ. Пошло представленіе въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній, и ген. Исаковъ разрѣшилъ расходъ. Началась ломка. Четырехъэтажное зданіе стали расшатывать: капитальныя стѣны, даже перваго этажа, стали пробивать во всѣхъ направленіяхъ, не оставили въ покоѣ даже своды. При перестройкахъ оказалось, что въ пробиваемыхъ капитальныхъ стѣнахъ шли дымовые ходы, которые пришлось переустраивать, пробивать новые ходы въ капитальныхъ стѣнахъ. По окончаніи перестройки оказалось, что зданіе, въ которомъ когда-то безъ тѣсноты помѣщалось 1.000 человѣкъ воспитанниковъ дворянскаго полка, стало тѣсно для 350-ти. Всѣ стали жаловаться на неудобства помѣщенія, Баумгартенъ же пренаивно сказалъ: «ну, что же, сразу не сообразить, какъ лучше, на будущій годъ мы все передѣлаемъ» и составилъ новый проектъ, который потребовалъ новыхъ 25 тысячъ, затѣмъ постоянно все передѣлывалось, такъ что когда я, черезъ три года послѣ выхода своего изъ 1-й воен. гимназіи, заѣхалъ въ это заведеніе, то Баумгартенъ съ первымъ же вопросомъ обратился ко мнѣ: «хотите посмотрѣть мое зданіе? вы его не узнаете». И точно, все было перестроено на новый ладъ.

При этомъ переустройствѣ, всѣ памятники корпусовъ были заброшены: мраморныя доски съ именами первыхъ выпущенныхъ изъ корпуса воспитанниковъ были оставлены въ складѣ (впрочемъ, воспитанники этимъ и не дорожили, такъ какъ доски принадлежали не 1-му, а Павловскому корпусу), точно также бюстъ великаго князя Михаила Павловича, съ извѣстнымъ сердечнымъ его «прощаніемъ съ моими дѣтьми», былъ заброшенъ въ манежѣ вмѣстѣ съ различнымъ хламомъ.

Порѣшивъ у себя въ кабинетѣ вопросъ о перестройкѣ зданія, Баумгартенъ занялся выборомъ воспитателей. Всѣхъ прежнихъ дежурныхъ офицеровъ и ротныхъ командировъ Баумгартенъ удалилъ изъ заведенія, несмотря на то, что между ними находились достойные люди, которые и были рекомендованы ему. Одного отличнаго, образованнаго офицера, о которомъ со всѣхъ сторонъ Баумгартенъ слышалъ прекрасные отзывы, онъ призвалъ къ себѣ и сказалъ ему: «хотя васъ мнѣ особенно реко-

мендуютъ, но я не могу васъ оставить, такъ какъ я удаляю всѣхъ прежнихъ офицеровъ». Между тѣмъ когда вновь набранные воспитатели явились въ гимназію, то оказалось, что нѣкоторые изъ нихъ были и по уму, и по образованію, и по своему воспитанію несравненно ниже нѣкоторыхъ прежнихъ офицеровъ; но Баумгартенъ не любилъ входить въ оцѣнку лицъ, дѣлая все сплеча. По настоянію, кажется, главнаго начальника, онъ однако снова принялъ къ себѣ на службу воспитателемъ бывшаго ротнаго командира—Козлова, обремененнаго 7 или 8-ю малолѣтними дѣтьми, и далъ ему возможность дослужить послѣдніе годы до пенсіи.

Точно также безцеремонно Баумгартенъ готовъ былъ поступить и съ учителями, но при этомъ даже Исаковъ, ни во что не входившій, посовѣтовалъ ему удержать хорошихъ учителей. Исполняя въ это время должность инспектора классовъ, я по просьбѣ его долженъ былъ дать свой отзывъ объ учителяхъ и увидѣлъ, что Баумгартенъ хотя никого не зналъ, склоненъ удалить едва-ли не всѣхъ поголовно. Я долженъ былъ ихъ отстаивать. Интересно, что мнѣ съ большимъ трудомъ удалось отстоять Порфирія Никитича Бѣлоху, учителя географіи, только-что издавшаго тогда для того времени очень хорошіе учебники. Баумгартенъ, наконецъ, согласился оставить его преподавателемъ, хотя съ видимымъ неудовольствіемъ. Это было въ іюнѣ, а въ августѣ Исаковъ назначилъ Бѣлоху инспекторомъ класоовъ въ 1-ю военную гимназію, и Бѣлоха совершенно взялъ въ руки бездарнаго и безхарактернаго Баумгартена.

Точно также принялся Баумгартенъ за порядки заведенія: онъ уничтожилъ хоръ пѣвчихъ и обычай пѣть молитву утромъ, вечеромъ, до и послѣ обѣда. На слѣдующій годъ то и другое было рекомендовано ему генераломъ Исаковымъ, какъ нѣчто новое и прекрасное, и потому снова введено, но уничтожать было легче, нежели создавать: пришлось формировать новый хоръ почти цѣлый годъ.

Всѣ бывшія свѣдѣнія о воспитанникахъ, какъ-то: характеристика ихъ, проступки, взысканія, баллы за поведеніе и т. п., записанныя въ аттестаціонныхъ тетрадяхъ ихъ, Баумгартенъ велѣлъ сложить въ канцеляріи и не выдавать воспитателямъ, говоря: «вы, господа, получили однихъ только прекрасныхъ дѣтей», забывая, что воспитывающій долженъ по возможности знать все, что было съ ребенкомъ до поступленія его къ нему. Всѣ ходили въ потемкахъ, не зная своихъ воспитанниковъ, а когда черезъ полгода воспитатели получили аттестаціонныя тетради, то оказалось, что въ нихъ большая часть воспитанниковъ была отлично охарактеризована и что знакомство съ предыдущей жизнью каждаго могло бы только облегчить трудъ воспитателей, на

что̀ и было впослѣдствіи указываемо Баумгартеномъ, какъ-бы на имъ самимъ открытую истину [1]).

Точно также имъ было пренебрежено опрятностью дѣтей и ихъ помѣщеній: все это признавалось мелочью, ниже его педагогическихъ принциповъ. Въ октябрѣ пріѣхалъ въ новую гимназію государь императоръ (Александръ II) и удивился отсутствію той чистоты и опрятности, которыя онъ привыкъ видѣть въ корпусахъ. Государь указалъ на это Баумгартену, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Развѣ ты не зналъ, что они должны быть чисты, опрятны и выстрижены такъ же, какъ это было прежде?» Онъ уѣхалъ недовольный, что̀ и высказалъ встрѣтившемуся ему на улицѣ военному министру Д. А. Милютину. Милютинъ на другой день посѣтилъ гимназію, велѣлъ всѣхъ выстричь и вычистить и сказалъ, что онъ просилъ императора посѣтить заведеніе еще разъ, чтобы успокоить воспитанниковъ и служащихъ, огорченныхъ его неудовольствіемъ, и что государь обѣщалъ снова пріѣхать на недѣлѣ. Черезъ нѣсколько дней онъ, дѣйствительно, пріѣхалъ и остался доволенъ [2]).

---

[1]) Въ то время, какъ во вновь преобразованныхъ военныхъ гимназіяхъ проводились взгляды, что всѣ воспитанники только отличныя дѣти, въ военныхъ училищахъ проводился совершенно противоположный взглядъ: тамъ смотрѣли на только-что переведенныхъ къ нимъ этихъ дѣтей такими суровыми глазами, что въ Константиновскомъ училищѣ лучшій изъ переведенныхъ изъ 1-го корпуса кадетъ, спустя мѣсяцъ послѣ перевода,—застрѣлился, оставивъ такую записку: „лишаю себя жизни изъ-за подлости начальства“. Точный смыслъ этой фразы мнѣ—не знавшему хорошо это училище—непонятенъ.

[2]) Надо замѣтить, что военныя гимназіи первое время, въ противоположность кадетскимъ корпусамъ, стали даже щеголять неряшливостью. Такъ, напр., 2-ю петербургскую военную гимназію инспектировалъ въ 1865 году генералъ Сутговъ: когда онъ замѣтилъ, что одежда у воспитанниковъ не въ порядкѣ, то Да—чъ спокойно отвѣтилъ ему: это мы васъ встрѣтили въ парадѣ, а не угодно-ли вашему превосходительству посмотрѣть, въ чемъ мы ходимъ ежедневно, и приказалъ показать классную курточку одного изъ воспитанниковъ. Сутговъ, брюзга, взялъ курточку двумя пальчиками, разложилъ ее на кровати, надѣлъ свое пенсне и, отойдя на нѣсколько шаговъ, долго любовался ею, наконецъ, сказалъ: „да это мозаичная работа!“. Спокойный видъ Да—ча не выдалъ его злораднаго настроенія: это вы-де старые генералы, занимаетесь такими мелочами, какъ одежда, а у насъ-де высшія задачи воспитанія.

Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ государь посѣтилъ 2-ю петербургскую военную гимназію, нашелъ все грязно, неряшливо, воспитанники не умѣли даже прилично стоять передъ нимъ; государь уѣхалъ и сказалъ Милютину слѣдующее: „Можетъ быть, то, что я нашелъ, такъ и должно быть, но только я больше туда не поѣду!“

Въ засѣданіяхъ своего педагогическаго комитета Да—чъ всегда гово-

Началъ Баумгартенъ воспитаніе съ того, что предложилъ воспитателямъ составить таблицу наказаній воспитанниковъ за различные проступки. Воспитатели указывали, что неудобно воспитывать по таблицѣ, но упрямый Баумгартенъ, несмотря на вѣскіе доводы воспитателей, настаивалъ на своемъ; когда же, послѣ ежедневной работы цѣлой недѣли, таблица была составлена, Баумгартенъ заявляетъ уже отъ себя, что неудобно воспитывать по таблицѣ, и уничтожилъ ее.

Во время ежедневныхъ, а потомъ еженедѣльныхъ комитетовъ воспитателей, Баумгартенъ постоянно повторялъ воспитателямъ: «чтобы не были палки, не пугайте воспитанниковъ наказаніями, не наказывайте ихъ» и т. п., а уже съ октября мѣсяца онъ ввелъ розги, примѣняя довольно часто, при чемъ при каждомъ, назначенномъ имъ наказаніи, вынималъ изъ кармана списокъ и отмѣчалъ человѣкъ 16 или 20, которыхъ и приказывалъ воспитателямъ привести смотрѣть на это зрѣлище, чтобы поучаться. Когда я однажды напомнилъ ему въ комитетѣ принципъ не воспитывать изъ-подъ палки, то онъ отвѣтилъ: «отъ этого мы ужъ давно отказались».

Я могъ бы привести множество и другихъ примѣровъ, въ которыхъ выражалось желаніе Баумгартена уничтожать все старое, а также доказывающихъ шаткость его убѣжденій. Воспитатели часто не знали, что дѣлать. Тѣхъ воспитателей, которыхъ онъ вначалѣ цѣнилъ вскорѣ, за твердость ихъ убѣжденій, призналъ негодными и сталъ выживать; въ короткое время лучшіе воспитатели стали выходить изъ заведенія, тѣмъ болѣе, что этому много способствовалъ П. Н. Бѣлоха.

П. Н. Бѣлоха, человѣкъ умный, имѣлъ, однако, слабость признавать свой авторитетъ выше всего и постоянно боялся, чтобы кто-нибудь не подорвалъ его авторитетъ. Ко мнѣ онъ сразу всталъ въ отношенія холодныя только потому, что, исправляя предшествующій годъ должность инспектора классовъ, мнѣ пришлось два раза вводить его въ классъ, изъ котораго его воспитанники выгоняли; такого, какъ ему казалось, униженія, онъ не могъ простить мнѣ, свидѣтелю. Онъ не могъ выносить противорѣчій своимъ мнѣніямъ, которыя высказывались лучшими воспитателями въ нашихъ еженедѣльныхъ комитетахъ; всѣхъ такихъ воспитателей Бѣлоха считалъ какъ-бы врагами своими и, пользуясь слабохарактерностью Баумгартена, постоянно нашептывалъ ему о непригодности того или другаго воспитателя, который былъ ему

рилъ воспитателямъ: „намъ некогда заниматься чистотой заведенія, конечно, въ этомъ отношеніи мы отстали отъ бывшихъ корпусовъ, но это такая мелочь, что если отъ насъ потребуютъ, то мы въ одну недѣлю придемъ въ прежній порядокъ“. Когда послѣ этого посѣщенія государя, отъ Да—ча потребовали этого порядка, то онъ уже вовсе не могъ его достигнуть и послѣ этого пересталъ говорить о томъ, какіе все это пустяки и мелочи.

не понутру. Баумгартенъ очень скоро усвоивалъ себѣ взглядъ Бѣлохи на воспитателя, быстро мѣняя о немъ свое мнѣніе и къ концу учебнаго года Бѣлоха, подготовивъ такимъ образомъ почву, напускалъ Баумгартена на этого воспитателя, оставаясь самъ въ сторонѣ. Воспитателю или отказывали отъ мѣста, или прилично спускали его, выхлопотавъ ему назначеніе на такое мѣсто, которое затѣмъ вскорѣ упразднялось, и онъ оставался за штатомъ. Ниже я укажу, какіе воспитатели были такимъ образомъ удалены.

Баумгартена Бѣлоха съумѣлъ расположить къ себѣ, по наружности исполняя только его приказанія, какъ-бы подчиняясь ему совершенно; въ особенности Бѣлоху полюбилъ Баумгартенъ за его, какъ ему казалось, высокія литературныя способности, выразившіяся при слѣдующемъ случаѣ. Баумгартенъ былъ честолюбивъ (лучше сказать, суетенъ), ему казалось обиднымъ, почему протоколы педагогическихъ комитетовъ его заведенія не печатаются въ «Педагогическомъ Сборникѣ» въ то время, когда протоколы сосѣдней ему 2-й военной гимназіи печатались часто. Съ должностью помощника инспектора классовъ была связана должность секретаря педагогическихъ комитетовъ, и однажды Баумгартенъ обратился ко мнѣ: «почему наши протоколы не печатаютъ?». Я отвѣчалъ, что, вѣроятно, вопросы, подымаемые у насъ, представляютъ мало общаго интереса. «Нѣтъ, вы составьте такой протоколъ, чтобы его напечатали». Я составилъ протоколъ почти стенографически, но отказался сочинять ихъ, тогда за это взялся Бѣлоха. Онъ, дѣйствительно, сочинилъ протоколъ, въ которомъ сочинилъ вопросы, сочинилъ дебаты на нихъ; одни члены комитета высказались въ пользу такого-то мнѣнія, другіе возражали то-то и то-то, и протоколъ вышелъ настолько интересенъ, что былъ напечатанъ въ № VIII «Педагогическаго Сборника» за 1866 годъ, съ помѣткою въ началѣ: «директоръ гимназіи генералъ-маіоръ Е. К. Баумгартенъ» [1]). Баумгартенъ долго веселый ходилъ по заведенію и сталъ съ особымъ уваженіемъ смотрѣть на Бѣлоху. Когда впослѣдствіи стали изъ главнаго управленія требовать обширные отчеты отъ гимназіи по учебной и воспитательной части, то отчеты эти, по просьбѣ Баумгартена, всегда составлялъ Бѣлоха, запершись на цѣлую недѣлю на своей квартирѣ и выдумывая по своему усмотрѣнію, лишь бы вышло гладко, а Баумгартенъ за него

---

[1]) Въ протоколѣ этомъ выставлено три вопроса, которые какъ-будто обсуждалъ комитетъ въ засѣданіи: 1) О точнѣйшемъ опредѣленіи содѣйствія воспитателей успѣху учебныхъ занятій воспитанниковъ; 2) раздѣленіе классовъ на параллельныя отдѣленія; 3) размѣщеніе воспитанниковъ гимназіи.

Ни одинъ изъ этихъ вопросовъ даже не былъ предложенъ комитету. По написаніи сочиненнаго протокола, его обнесли для подписи учителей, во время уроковъ, и каждый, не читая, подписалъ его.

ходилъ по классамъ, никому не позволяя въ это время безпокоить Бѣлоху.

Въ отношеніи учебнаго дѣла Баумгартенъ совершенно былъ сбитъ съ толку введенными въ то время новыми пріемами преподаванія. Этимъ же, хотя и въ болѣе умѣренной степени, страдалъ и Бѣлоха. Побывавъ во 2-й петербургской военной гимназіи на урокахъ нѣкоторыхъ новыхъ педагоговъ въ младшихъ классахъ, Баумгартенъ вообразилъ себѣ, что онъ проникся духомъ инаго взгляда на учебное дѣло и, являясь на уроки въ своемъ заведеніи, сталъ рѣшительно мѣшать дѣлу преподаванія. Придетъ, напр., къ учителю русскаго языка, посѣдитъ минуты двѣ-три и затѣмъ давай вмѣшиваться въ преподаваніе: самъ начинаетъ предлагать вопросы, часто совершенно ни къ селу, ни къ городу, самъ отвѣчаетъ, все перепутаетъ, а учитель остается посторонним зрителемъ. Однажды онъ пришелъ на урокъ русскаго языка къ учителю Н. Л. Ломану; идетъ диктовка. Кажется, нечего ему тутъ вмѣшиваться, нѣтъ, услыхалъ онъ слово «мѣдный»; тотчасъ принялся за роль учителя. «А какъ пишется слово «мѣдный»? Ученики отвѣчаютъ: черезъ *ѣ*. Онъ обращается къ одному: «почему черезъ *ѣ*?» Ученикъ молчитъ. «Кто знаетъ?» — всѣ молчатъ. «Оттого, поучаетъ Баумгартенъ, что не говорятъ мёдный, а мѣдный». Одинъ ученикъ встаетъ: «ваше превосходительство, вѣдь не говорятъ дёрево, а здѣсь не пишется *ѣ*». Баумгартенъ быстро обращается къ учителю: «а что они у васъ не шалятъ?» Нѣтъ, не шалятъ. «То-то, вѣдь они большіе шалуны», и скорѣе уходитъ.

Учитель математики, А. Ѳ. Фроловъ, очень добросовѣстно готовился къ своимъ урокамъ, составлялъ планъ урока, выбиралъ соотвѣтствующія задачи, но Баумгартенъ особенно любилъ посѣщать его уроки, и Фроловъ съ отчаяніемъ выходилъ изъ класса, говоря: «опять пропалъ урокъ, все перепуталъ мнѣ, переливая изъ пустаго въ порожнее, такъ что я сегодня ничего не сдѣлалъ».

Бѣлоха также любилъ соваться въ преподаваніе съ своими вопросами, но, какъ человѣкъ умный, не желая попасть въ просакъ, дѣлалъ это только на урокахъ географіи и исторіи, а на остальныхъ предметахъ сидѣлъ молча.

Преподаватели, видя такое требованіе начальства, стали вести дѣло преподаванія, постоянно прерывая сами себя и все только предлагая вопросы. Объяснять что-нибудь ученикамъ въ продолженіе даже пяти минутъ считалось полнымъ нарушеніемъ педагогическихъ требованій; точно также преслѣдовалось спрашиванье одного ученика. «Тревожьте постоянно весь классъ, не давайте ученикамъ покоя, всегда катехизація», вотъ что постоянно твердилось всѣмъ и каждому, по крайней мѣрѣ, въ 1-й военной гимназіи. Ухватившись за слово «катехизація»,

совали его каждому учителю на всякомъ шагу, злоупотребляя имъ до безобразія. Результаты такихъ требованій выразились самымъ очевиднымъ образомъ уже черезъ два года: ученики привыкли лишь къ отдѣльнымъ вопросамъ и не были въ состояніи связно изложить свою мысль: сказалъ слово или два и ждетъ вопроса. Присутствуя на экзаменахъ, я былъ просто пораженъ полнымъ неумѣньемъ воспитанниковъ выражать свои мысли. Пониженіе уровня умственнаго развитія военныхъ гимназистовъ первыхъ выпусковъ,—вотъ плоды такого способа преподаванія [1]). Не знаю, долго ли держалась эта система въ 1-й военной гимназіи, такъ какъ черезъ два года я перешелъ оттуда въ другое учебное заведеніе.

Въ отношеніи веденія хозяйства, Баумгартенъ былъ такъ же безалаберенъ, какъ и во всемъ остальномъ. Онъ, напр., задумалъ устроить подъемныя машины для доставки дровъ во всѣ этажи зданія. Машины въ числѣ двухъ существовали еще въ то время, когда зданіе принадлежало Дворянскому полку; онѣ состояли изъ четырехъ толстыхъ дубовыхъ мачтъ съ желѣзными зубчатыми полосами, по которымъ подымался на цѣпяхъ ящикъ съ дровами. Когда 1-й корпусъ перешелъ въ это зданіе, то машины оставались безъ употребленія, какъ говорили, потому, что однажды цѣпь оборвалась, ящикъ упалъ и убилъ подымавшаго его служителя. Ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, Баумгартенъ призвалъ какого-то механика и заказалъ ему новыя двѣ машины за 2.000 руб. и въ придачу отдалъ ему старыя дорогія машины. Механикъ поставилъ два тонкіе желѣзные стержня, между которыми долженъ былъ подыматься ящикъ на маленькихъ колесикахъ, а цѣпи замѣнилъ простой веревкой. Поставивъ такія машины, механикъ получилъ деньги, при чемъ машины даже не были испытаны. Когда вздумали примѣнить осенью машины для подъема дровъ, то оказалось, что стержни въ верхнихъ частяхъ расходились и ящикъ качался во всѣ стороны, грозя паденіемъ, къ тому же веревки при морозѣ (машины стояли на дворѣ) должны были разрываться. Такимъ образомъ бросили машины, ни разу не употребивъ ихъ.

Много подобныхъ заказовъ было сдѣлано Баумгартеномъ, окончившихся неудачей (классные шкафы, доски, машина для подъема пищи изъ кухни въ столовую и т. п.).

При преобразованіи корпуса въ военную гимназію, должность особаго

[1]) Интересно, что, толкуя постоянно о катехизаціи и поучая учителей на ихъ урокахъ своему методу, Баумгартенъ и Бѣлоха говорили вмѣстѣ съ тѣмъ, что только ихъ методомъ и можно достигнуть умственнаго развитія учениковъ. Результаты получились какъ разъ противоположные, чего, однако, они вовсе и не замѣчали. И другія военныя гимназіи вначалѣ чрезмѣрно увлекались тѣмъ же духомъ, хотя съ бо́льшимъ смысломъ.

казначея упразднялась, и бывшій казначей капитанъ Флоровъ, съѣздивъ послѣдній разъ за жалованьемъ служившихъ тогда въ корпусѣ лицъ, похитилъ это жалованье (около 5.000 руб.). Привезя деньги изъ казначейства, Флоровъ роздалъ жалованье Баумгартену и членамъ бывшаго въ это время въ канцеляріи корпуса хозяйственнаго комитета, а остальныя деньги не положилъ въ казенный ящикъ, какъ слѣдовало по закону, а унесъ къ себѣ домой. На другое утро Флоровъ заявилъ собравшимся за жалованьемъ лицамъ, что ночью у него украденъ былъ портфель съ деньгами, при чемъ пустой, разорванный портфель былъ найденъ въ саду. Въ тотъ же день я былъ по дѣлу у книгопродавца Я. А. Исакова, и въ разговорѣ съ нимъ между прочимъ разсказалъ объ этомъ происшествіи. Яковъ Алексѣевичъ спросилъ только: не Флоровъ ли казначей? Я говорю: да.—Ну такъ онъ самъ укралъ ваши деньги. Взявъ съ меня слово никому не говорить о томъ, что онъ мнѣ сообщитъ, онъ разсказалъ слѣдующее.

Въ концѣ 1863 г. онъ получилъ отъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній увѣдомленія, что всѣ кадетскіе корпуса представятъ ему свои остаточныя суммы, на которыя онъ впослѣдствіи долженъ будетъ высылать книги и пособія [1]). Въ январѣ 1864 г. управленіе запросило Исакова, отъ какого заведенія и сколько онъ получилъ денегъ. Составивъ вѣдомость (сколько помню, до 70 тысячъ), онъ не помѣстилъ въ нее 1-го корпуса, отъ котораго ничего не получилъ. Черезъ недѣлю является къ нему Флоровъ и привозитъ залоги подрядчиковъ которые и проситъ принять временно вмѣсто денегъ (кажется, 6 тыс.) съ обязательствомъ обмѣнять ихъ на деньги въ самое короткое время Яковъ Алексѣевичъ говорилъ, что онъ сперва отказывался принять чужіе залоги, но послѣ усиленныхъ слезныхъ просьбъ Флорова согласился на это, взявъ съ него соотвѣтствующую росписку. Въ мартѣ Флоровъ выкупилъ часть залоговъ, а остальные залоги, прибавилъ Я. А. Исаковъ, онъ выкупилъ только вчера, и теперь я понимаю, на какія деньги! Не считая себя въ правѣ распространять сказанное мнѣ Я. А. по секрету, я тогда промолчалъ объ этомъ дѣлѣ.

Между тѣмъ слѣдствіе окончилось и предстоялъ судъ. Тогда Баумгартенъ, опасаясь отвѣтить за то, что допустилъ казначея унести деньги изъ канцеляріи на домъ, приказалъ служащимъ росписаться въ полученіи жалованья. Флоровъ былъ спасенъ и поступилъ на службу въ полицію, а мы такъ и лишились третнаго жалованья. При этомъ

[1]) Это было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы оставшіяся суммы не сдавать въ казначейство, какъ слѣдовало по только-что вышедшимъ тогда новымъ кассовымъ правиламъ, а по усмотрѣнію главнаго управленія, распорядиться ими впослѣдствіи. Мнѣ лично пришлось имѣть дѣло съ Я. А. Исаковымъ, по поводу этихъ денегъ спустя три года послѣ 1863 г., т. е. въ 1866 году.

былъ такой случай. Одинъ изъ оставшихся за штатомъ офицеровъ, Н. И. Тваневъ, заявилъ Баумгартену, что онъ не роспишется, пока ему не выдадутъ жалованье, за нимъ то же повторили еще двое или трое, говоря, что имъ и безъ того нечего ѣсть. Баумгартенъ разсердился и приказалъ написать всѣмъ имъ предписаніе очистить немедленно казенную квартиру (которую имъ было дозволено занимать цѣлый годъ) и сдать эти квартиры въ наемъ, полученныя же за нихъ деньги выдать имъ въ счетъ жалованья. Предписанія были уже заготовлены, но кто-то вразумилъ недальновиднаго Баумгартена, и онъ ихъ уничтожилъ, а деньги приказалъ имъ выдать изъ тѣхъ, которыя частію внесъ Флоровъ.

Приведу два случая изъ педагогической дѣятельности Баумгартена, хорошо характеризующіе его какъ педагога.

Однажды онъ входитъ въ столовую въ то время, когда обѣдали воспитанники младшаго возраста (10—12 л.). Едва онъ вошелъ въ дверь, какъ ему попадаетъ въ лицо ломоть хлѣба, брошенный кѣмъ-то изъ шалости, но вѣроятно случайно попавшій въ него [1]). Баумгартенъ страшно вспылилъ, раскричался на воспитанниковъ, что за это онъ тотчасъ высѣчетъ, а потомъ выгонитъ изъ гимназіи, затѣмъ потребовалъ, чтобы бросившій хлѣбъ вышелъ. Разумѣется, дѣти, такъ напуганныя,—не выходятъ. Баумгартенъ настаиваетъ: «выходи, а не то я всѣхъ строго накажу». Никто не выходитъ. Баумгартенъ растерялся. Онъ велѣлъ воспитанникамъ построиться въ столовой и три раза медленно обошелъ всѣхъ, пристально смотря каждому въ глаза, надѣясь найти виновнаго. Всѣ смѣло смотрятъ въ глаза, никто не обнаруживаетъ признака смущенія. Что дѣлать? Помявшись на мѣстѣ, Баумгартенъ погрозилъ дѣтямъ пальцемъ, говоритъ: «шалуны» и съ тѣмъ уходитъ.

Въ 1867 г. въ «Педагогическомъ Сборникѣ» была помѣщена небольшая замѣтка директора Орловской-Бахтина военной гимназіи ген. Бушена объ отдаленной прогулкѣ воспитанниковъ этой гимназіи, которую предпринялъ самъ директоръ. Написана она была не дурно, указывалось на пользу подобныхъ прогулокъ въ педагогическомъ отношеніи. Эта книжка «Пед. Сборника» была получена Баумгартеномъ въ концѣ іюля, и едва онъ прочелъ замѣтку Бушена, какъ тотчасъ призналъ необходимымъ совершить такую же прогулку своимъ воспитанникамъ. Самому ему было однако трудно подняться, и онъ рѣшилъ отправить воспитанниковъ съ двумя воспитателями. Взявъ планъ Петер-

[1]) Объясняя этотъ поступокъ даже нечаянностью, нельзя не придти къ заключенію о плохомъ воспитаніи мальчиковъ, бросавшихъ за обѣдомъ ломти хлѣба, тѣмъ болѣе непростительномъ, что это случилось въ 1867 г. въ февралѣ, уже послѣ трехлѣтняго существованія гимназіи.

*

гофа и его окрестностей, Баумгартенъ отсчиталъ кругъ приблизительно въ 100 верстъ и, призвавъ воспитателей старшаго возраста, приказалъ въ тотъ же день вести своихъ воспитанниковъ (35 чел.) на прогулку по этому плану. Воспитатели говорятъ, что воспитанники къ этому не приготовлены, да и они сами не ознакомились съ той мѣстностью, куда надо идти. Баумгартенъ настаиваетъ; они идутъ къ воспитанникамъ и сообщаютъ имъ приказаніе директора. Воспитанники заявляютъ, что они не хотятъ идти на шесть дней, что они лучше останутся дома. Воспитатели сообщаютъ Баумгартену желаніе воспитанниковъ. Баумгартенъ разсердился, явился въ лагерь, приказалъ воспитанникамъ старшаго возраста построиться и сказалъ имъ, что они тотчасъ же выступаютъ на прогулку, а кто не желаетъ идти, тотъ не будетъ переведенъ въ военное училище, а будетъ исключенъ домой. Затѣмъ онъ выдалъ воспитанникамъ деньги на расходы, скомандовалъ: «направо, маршъ», и воспитанники отправились на прогулку. Воспитатели разсказывали мнѣ потомъ, что, вмѣсто всякаго удовольствія, прогулка эта была чистымъ наказаніемъ какъ для воспитанниковъ, такъ въ особенности для воспитателей. Воспитанники все время ворчали, просили воспитателей вернуться домой, безпрестанно останавливались и садились отдыхать, такъ что воспитателямъ пришлось какъ можно чаще останавливаться, покупать молоко и крупы и варить кашу, или картофель, словомъ, имъ удавалось успокаивать воспитанниковъ только ѣдой. Кое-какъ отошли отъ лагеря верстъ 15-ть, переночевали, а на другой день, по другой дорогѣ, вернулись домой. Въ это время Баумгартенъ уже на столько остылъ, что даже не разсердился на такое скорое возвращеніе воспитанниковъ, тѣмъ болѣе, что встрѣтилъ возвращавшихся большею частію хромавшими и только удивлялся: «Какъ они такъ не привычны къ походамъ?»

Лучшими воспитателями въ 1-й военной гимназіи были слѣдующіе·

Степанъ Андреевичъ Лейхтъ. Окончивъ курсъ въ Артиллерійской академіи, по выдержаніи установленныхъ испытаній, былъ учителемъ математики въ Дворянскомъ полку, а при преобразованіи поступилъ на должность воспитателя, вполнѣ отдавшись этому дѣлу. С. А. имѣлъ одинъ очень важный недостатокъ: онъ былъ вспыльчивъ, но вліяніе его на воспитанниковъ было такъ сильно, что они прощали ему его, несмотря на то, что въ горячности своей онъ иногда ихъ выбранитъ. Воспитанники до такой степени уважали его, видя его умственное надъ собою превосходство, что старались сами успокоить его, приходили къ нему съ повинной, и онъ, очень добрый по природѣ своей, скоро остывалъ; тогда все забывалось, онъ снова дѣлался ихъ другомъ, снова бесѣдовалъ съ ними, а бесѣды его воспитанники особенно любили. Баумгартенъ, считавшій себя необыкновенно умнымъ, и тотъ въ

первое время видимо признавалъ надъ собою умственное превосходство С. А. Лейхта; но самостоятельность мнѣній Лейхта не нравилась Е. К. Баумгартену, тѣмъ не менѣе онъ, по прошествіи перваго года, не рѣшился его спустить, сознавая его сильное и полезное вліяніе на воспитанниковъ, тѣмъ болѣе, что воспитанники Лейхта переходили въ старшій классъ и мѣнять на одинъ годъ воспитателя было неудобно. Въ теченіе втораго учебнаго года Баумгартенъ окончательно разошелся съ Лейхтомъ, постоянно дѣйствуя наперекоръ его взглядамъ, и положеніе Лейхта сдѣлалось до такой степени невыносимымъ, что онъ, не дождавшись конца учебнаго года, въ началѣ марта оставилъ своихъ воспитанниковъ и удалился изъ гимназіи, предпочитая остаться безъ всякаго мѣста. Въ это время, въ ожиданіи новыхъ военныхъ судовъ, по инициативѣ Д. А. Милютина, открылось въ Петербургѣ общество для приготовленія военныхъ юристовъ, гдѣ искавшіе должности офицеры разбирали старыя уголовныя дѣла и представляли по нимъ защиту и обвиненіе. Лейхтъ случайно попалъ на засѣданіе этого общества, заинтересовался разборомъ дѣлъ и просилъ дать ему одно дѣло на разсмотрѣніе. Въ слѣдующемъ засѣданіи Лейхтъ представилъ такой обстоятельный разборъ этого дѣла, что Лохвицкій, Философовъ и др. юристы обратились къ нему съ вопросомъ: вѣроятно, вы окончили курсъ по юридическому факультету? Когда же они узнали, что онъ никогда даже не занимался юридическими науками, то предложили ему разобрать еще одно дѣло. Второе дѣло оказалось разобраннымъ столь же блестяще, и тогда-то Лейхту было предложено записаться кандидатомъ на штабъ-офицерскую должность для военныхъ судовъ. Послѣ этого Лейхтъ занялся изученіемъ законовъ и въ 1866 г., при открытіи судовъ, получилъ мѣсто при Петербургскомъ судѣ, потомъ былъ переведенъ въ Харьковъ и наконецъ сдѣланъ предсѣдателемъ Петербургскаго военно-окружнаго суда.

Платонъ Степановичъ Цытовичъ, окончивъ курсъ въ Артиллерійской академіи, былъ учителемъ артиллеріи въ Новгородскомъ графа Аракчеева корпусѣ; при преобразованіи корпусовъ взялся за должность воспитателя и въ 1863 г. поступилъ во 2-ю военную гимназію, а въ 1864 г. перешелъ въ 1-ю военную гимназію, гдѣ принялъ самыхъ старыхъ и загрубѣлыхъ воспитанниковъ старшаго класса, но въ одинъ годъ измѣнилъ ихъ нравы до такой степени, что къ концу года ихъ нельзя было узнать. Бѣлохѣ Цытовичъ не понравился, такъ какъ не раболѣпствовалъ передъ нимъ, и потому черезъ годъ его спустили, съ просьбою передъ Исаковымъ дать ему какое-нибудь мѣсто. Исаковъ далъ ему, въ видѣ повышенія, должность начальника военно-начальной школы въ Смоленскѣ (бывшій батальонъ военныхъ кантонистовъ). Раньше чѣмъ черезъ годъ школу эту закрыли, и Цытовичъ остался за

штатомъ. Съ большимъ трудомъ ему удалось получить черезъ годъ мѣсто инспектора классовъ военно-начальной школы въ Псковѣ, переименованной въ военную прогимназію. Лѣтъ черезъ пять Цытовичъ получилъ мѣсто начальника Петербургской военно-фельдшерской школы; но былъ здѣсь недолго: заслужилъ нерасположеніе главнаго военно-медицинскаго инспектора — Козлова, который постоянно жаловался на него, почему на инспекторскомъ смотру заведенія придрались къ тому, что воспитанники имѣли мало бѣлья (Цытовичъ по честности своей никогда не позволялъ себѣ воспользоваться ни одной казенной копѣйкой),—смѣнили его. Цытовичъ былъ назначенъ помощникомъ инспектора классовъ Павловскаго военнаго училища (съ 2.400 р. жалованье перешелъ на 1.200 р.). Впрочемъ, черезъ годъ онъ былъ назначенъ инспекторомъ классовъ Симбирской военной гимназіи, а еще черезъ годъ,—директоромъ Омской военной гимназіи.

Федорченко окончилъ курсъ въ университетѣ по математическому факультету, былъ учителемъ въ Одесскомъ учебномъ округѣ, пожелалъ принять должность воспитателя изъ любви къ этому дѣлу, но не понравился Бѣлохѣ и Баумгартену, не любя угождать, и черезъ годъ былъ удаленъ изъ 1-й военной гимназіи. Онъ снова перешелъ въ министерство народнаго просвѣщенія, гдѣ впослѣдствіи получилъ мѣсто инспектора гимназіи, а потомъ, кажется, директора какой-то гимназіи на югѣ.

Александръ Яковлевичъ Гердъ, извѣстный педагогъ, былъ принятъ Баумгартеномъ съ большимъ трудомъ, потому, что рекомендованъ былъ ему Ѳ. Ѳ. Резенеромъ. Онъ поступилъ въ гимназію черезъ два года послѣ ея открытія, но долго не оставался въ ней, гдѣ его не умѣли цѣнить. При открытіи Петербургской земледѣльческой колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, Гердъ получилъ мѣсто директора колоніи, гдѣ и работалъ вмѣстѣ съ Резенеромъ.

Кромѣ этихъ четырехъ выдающихся воспитателей, были и другіе хорошіе воспитатели: И. Ѳ. Бурачковъ, В. К. Челповъ, Н. С. Большаковъ, Ганике, — всѣ окончили курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Были также и плохіе воспитатели: Ма—въ, Хель—мъ, Брю—ръ, Ан—съ,—эти держались дольше хорошихъ, и Ма—въ,—единственный воспитатель, продержавшійся до конца управленія Баумгартена,—считался въ концѣ уже лучшимъ воспитателемъ, будучи вначалѣ худшимъ.

И такъ, почти половина воспитателей были хорошіе; если бы къ нимъ подбирали другихъ подходящихъ, то дѣло воспитанія пошло бы отлично, но въ 1-й воен. гимназіи поступали какъ разъ наоборотъ: хорошихъ воспитателей выгоняли и замѣняли ихъ худшими. Когда я въ

1874 году, будучи въ Петербургѣ, заѣхалъ въ 1-ю въ гимназію, то Бѣлоха сказалъ мнѣ между прочимъ: помните ли вы, В. Г., какіе были у насъ хорошіе воспитатели въ началѣ преобразованія, а теперь у насъ такая шушера (собственное выраженіе Бѣлохи).

Преобразованіе корпусовъ началось въ самое благопріятное время; тогда въ русскомъ обществѣ пробудилось стремленіе къ дѣятельности, и педагоги были очень рады приложить свои силы къ настоящему воспитанію, которое, какъ предполагалось, нашло себѣ мѣсто въ военныхъ гимназіяхъ. Вотъ почему съ такой охотой пошли тогда образованные и опытные люди на должность воспитателя. Умѣй тогдашніе директора военныхъ гимназій поддержать этихъ людей, и гимназіи были бы вскорѣ обставлены прекрасными воспитательными силами; но, какъ мы видѣли, въ Петербургѣ было поведено дѣло такъ дурно, что черезъ два—три года послѣ преобразованія стали раздаваться такіе голоса: «да стоитъ ли идти хорошему воспитателю, если такой-то и такой-то (указывались фамиліи), люди завѣдомо прекрасные педагоги, не могли удержаться на этой должности», и стремленіе настоящихъ педагоговъ къ военнымъ гимназіямъ прекратилось. Воспитатели стали обращаться въ чиновниковъ, отбывающихъ свои часы, и преобразованіе окончилось очень немногимъ: окружавшіе дѣтей люди стали умнѣе и образованнѣе (въ общемъ, конечно) прежнихъ офицеровъ, а самое воспитаніе подвинулось противъ прежняго немного.

Если такъ отбили охоту отъ педагоговъ въ петербургскихъ военныхъ гимназіяхъ, то въ провинціальныхъ воен. гимназіяхъ, преобразованныхъ двумя годами позже, хорошіе воспитатели составляли рѣдкость.

При преобразованіи 1-й гимназіи воспитателемъ желалъ поступить даже извѣстный, опытный, теоретически подготовленный, въ педагогическомъ мірѣ считавшійся однимъ изъ лучшихъ (если даже не безусловно лучшимъ) русскихъ педагоговъ—Θедоръ Θедоровичъ Резенеръ, но онъ долженъ былъ остановиться передъ фактомъ удаленія лучшихъ силъ и затѣмъ отказался отъ своей мысли.

Θ. Θ. Резенеръ—человѣкъ, настолько замѣчательный, что я считаю долгомъ своимъ сказать о немъ хотя нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что онъ игралъ нѣкоторую роль въ ходѣ дѣла 1-й военной гимназіи.

Θ. Θ. Резенеръ окончилъ курсъ въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ, откуда былъ переведенъ въ Петербургскій университетъ, какъ одинъ изъ способнѣйшихъ учениковъ; здѣсь онъ окончилъ курсъ по юридическому факультету. Будучи въ университетѣ, Резенеръ хорошо сошелся съ товарищемъ своимъ Сѣраковскимъ, высланнымъ впослѣдствіи изъ университета за какую-то исторію рядовымъ въ Оренбургскій линейный батальонъ. Изъ университета Θедоръ Θедоровичъ поступилъ на службу въ бывшій тогда при военномъ министерствѣ коммисса-

ріатскій департаментъ, но вскорѣ принужденъ былъ оставить эту службу, которой впрочемъ не сочувствовалъ съ самаго начала. Самъ Резенеръ черезъ 15-ть лѣтъ разсказывалъ мнѣ причину, по которой онъ долженъ былъ оставить службу и, несмотря на свою всегдашнюю крайнюю сдержанность, говорилъ мнѣ это съ необыкновеннымъ волненіемъ; представляю себѣ, что онъ тогда пережилъ.

Резенеръ хорошо зналъ, что арестъ Петрашевскаго и другихъ лицъ, между которыми были пріятели его (особенно Толь), былъ произведенъ по доносу Антонелли (чиновникъ тайной полиціи), вошедшаго въ знакомство съ кружкомъ и сочинившаго доносъ, съ цѣлью отличиться по службѣ. Собирался кружокъ только для бесѣдъ, во время которыхъ молодежь часто несдержанно выражалась о правительствѣ, и высказывались желанія, чтобы были освобождены крестьяне; но никакого заговора, никакой организаціи, никакой опредѣленной цѣли или плана кружокъ не имѣлъ. Антонелли записывалъ всякую фразу, кѣмъ бы то ни было сказанную, и простыя пріятельскія бесѣды представилъ въ видѣ заговора, составивъ сочиненный имъ доносъ, вслѣдствіе котораго члены кружка поплатились семилѣтней каторгой. Это было въ 1849 г.; Антонелли, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ ходить въ общество и между прочимъ бывалъ иногда за табльдотомъ (Мильбрета) у Полицейскаго моста, гдѣ собиралось ежедневно очень большое общество.

Однажды Резенеръ, придя въ отель, увидѣлъ тамъ Антонелли и обратился къ нѣкоторымъ лицамъ, знавшимъ Антонелли, съ предложеніемъ удалить его. Но, какъ разсказывалъ мнѣ Резенеръ, всѣ эти лица сдѣлали видъ, что не слышали его предложенія и, наклонившись надъ тарелкой, стали ѣсть супъ. А между тѣмъ Антонелли подходитъ то къ одной, то къ другой группѣ и вступаетъ въ разговоръ, который шелъ по поводу арестованія Петрашевскаго, при чемъ молодежь не стѣсняясь говоритъ очень свободно. Тогда, говорилъ мнѣ Резенеръ, я рѣшился дѣйствовать одинъ. Подойдя къ Антонелли, я сказалъ ему громко: «вы знаете меня и знаете, что мнѣ извѣстны ваши дѣла; поэтому, если вы не хотите огласки,—прошу васъ выйти и больше сюда не являться». Антонели на это сказалъ ему: — прошу васъ выйти со мною на два слова.

Резенеръ, опасаясь, что Антонелли предъявитъ ему полисъ 3-го отдѣленія и потребуетъ его съ собою, отказался выйти съ нимъ. Тогда Антонелли далъ ему пощечину.

«Первымъ моимъ движеніемъ, говорилъ Резенеръ, было ударить подъ грудь и нанести ему смертельный ударъ (Резенеръ отличался большой силой); но я тотчасъ остановился, разсудивъ, что это будетъ драка. Я схватилъ его крѣпко за обѣ руки и, обратясь къ присутствовавшимъ,

сказалъ: «господа, пощечина отъ шпіона не есть безчестіе» и объяснилъ, кто находится передъ ними». Все общество бросилось на Антонелли и, избивъ его, вытолкали вонъ, а Резенеру всѣ выразили свое уваженіе.

На другой день начальникъ Резенера, генералъ Булгаковъ, призвалъ его къ себѣ и спросилъ: «правда ли, что онъ получилъ пощечину?» Резенеръ разсказалъ, какъ было дѣло. «Что же это такъ и останется?» спросилъ Булгаковъ. Резенеръ отвѣтилъ, что если бы Антонелли не былъ шпіонъ, то онъ не оставилъ бы этого дѣла. Послѣ этого Резенеръ прослужилъ еще два или три мѣсяца и, давъ успокоиться молвѣ, подалъ въ отставку.

Съ этого времени Ѳ. Ѳ. Резенеръ принялся за литературную работу и за частные уроки. Въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ для Резенера открылась возможность заняться серьезно педагогическимъ дѣломъ. Онъ сталъ во главѣ Васильеостровской безплатной школы, открытой на небольшія средства, ассигнуемыя городской думой, и въ то же время сдѣлался сотрудникомъ только-что открытаго І. И. Паульсономъ педагогическаго журнала «Учитель». И раньше Резенеръ занимался изученіемъ педагогики, но тутъ онъ изучилъ ее основательно; это было ему тѣмъ легче, что онъ прекрасно владѣлъ языками: французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ. Дѣятельность Резенера въ Васильеостровской безплатной школѣ была описана сотрудникомъ его по этой школѣ В. П. Острогорскимъ въ некрологѣ Резенера, помѣщенномъ въ «Вѣстникѣ Европы» за 1881 годъ; въ то же время Резенеръ не переставалъ заниматься литературными трудами. Онъ перевелъ съ англійскаго Логику—Миля (въ сотрудничествѣ съ Петромъ Лавровичемъ Лавровымъ, съ которымъ и сошелся съ этого времени), множество книгъ по естествознанію, главнымъ образомъ съ нѣмецкаго написалъ много статей въ журналъ «Учитель», былъ редакторомъ «Чтенія для юношества», издававшагося при «Учителѣ». Строгій, сильный умъ Резенера, крайне скромная жизнь, удивительное трудолюбіе и положительное посвященіе себя на пользу школъ возбудили уваженіе въ его пріятелѣ—Чернышевскомъ, который въ романѣ своемъ «Что дѣлать?» лучшія черты характера Рахметова списалъ съ Ѳ. Ѳ. Резенера.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ, будучи человѣкомъ замѣчательнаго ума, въ то же время владѣлъ словомъ, логикой и силою убѣжденій до такой степени, что трудно было оспаривать его въ какихъ бы то ни было вопросахъ. Въ короткихъ словахъ, но съ замѣчательной ясностью и до такой степени логично онъ разовьетъ свой взглядъ на вещи и уничтожитъ мнѣніе противника, что обыкновенно послѣдній рѣшительно оказывается не въ силахъ съ нимъ спорить. Онъ производилъ всегда сильное впечатлѣніе на тѣхъ, кто узнавалъ его; никто не могъ относиться къ нему безразлично: или преданный другъ, или злой врагъ,—вотъ чѣмъ всегда

оканчивалось болѣе короткое знакомство съ Резенеромъ. Поэтому у него было столько же враговъ, сколько и друзей. Я зналъ Резенера съ 1864 года и до смерти его въ 1881 году, но былъ близокъ съ нимъ только до іюля 1867 г., когда мнѣ пришлось уѣхать изъ Петербурга а затѣмъ мы съ нимъ изрѣдка переписывались и видѣлись только при кратковременныхъ моихъ пріѣздахъ въ Петербургъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ я по отношенію знавшихъ Резенера лицъ составлялъ заключеніе о достоинствахъ самыхъ этихъ лицъ и ни разу не ошибся: хорошій человѣкъ дѣлался почитателемъ Резенера и наоборотъ. Можетъ быть, и бывали исключенія, но я по крайней мѣрѣ не встрѣтилъ ни одного.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ книгопродавецъ М. О. Вольфъ вздумалъ издавать журналъ «Заграничный вѣстникъ; онъ представилъ редакторомъ этого журнала П. Л. Лаврова, но министръ внутреннихъ дѣлъ не утвердилъ представленія по неблагонадежности Лаврова, тогда Вольфъ предложилъ редакцію—Резенеру; къ удивленію Резенера, его также не утвердили по неблагонадежности. Резенеръ объяснилъ это мщеніемъ Антонелли.

Въ 1866 году Паульсонъ, уѣзжая за границу на два слишкомъ года, передалъ редакцію журнала «Учитель» Резенеру, который, не имѣя возможности получить разрѣшенія издавать журналъ, издавалъ его сперва за подписью Паульсона, а когда цензоръ требовалъ, чтобы за отсутствіемъ редактора подписывалось какое-нибудь другое лицо, то подписывался Фанъ-деръ-Флитъ.

Резенеръ издавалъ «Учитель» годы 1866 и 1867 — 68. Изданіе 1866 года отличается замѣчательно хорошимъ выборомъ статей; Резенеръ самъ указывалъ сотрудникамъ, какого рода статьи желательны для журнала, и нерѣдко составлялъ планъ статьи и множество статей было написано имъ самимъ. До 4-го апрѣля журналъ издавался довольно легко; цензоръ Вилькенъ снисходительно пропускалъ статьи; но послѣ 4-го апрѣля Вилькена смѣнили, назначили другаго цензора, и тогда началось для журнала трудное время. Бывало, три статьи въ одномъ № не пропускались, въ то время, когда ихъ всего-то было пять или шесть; вслѣдствіе этого журналъ сталъ опаздывать выходомъ, и къ январю 1867 года изъ 24 нумеровъ 6-ть не успѣли выйти. Пришлось начать новый годъ съ іюля, и журналъ опять протянулся полтора года, такъ что къ январю 1869 г. Резенеръ отказался отъ редакціи, видя личное къ себѣ недовѣріе.

Въ 1870 г. Резенеръ былъ посланъ за границу вмѣстѣ съ А. Я. Гердомъ, по возвращеніи откуда, онъ былъ сдѣланъ директоромъ пріюта малолѣтнихъ преступниковъ въ Петербургѣ, открывъ это заведеніе, а

Гердъ директоромъ земледѣльческой колоніи [1]). Здѣсь Резенеръ управлялъ заведеніемъ три года, живя съ питомцами и посвящая имъ все свое время, но потратилъ здѣсь много силъ и здоровья, такъ что долженъ былъ отказаться отъ дѣла, на которое положилъ свою душу. Переѣхавъ въ Петербургъ, Резенеръ снова жилъ частными уроками, переводами и литературными занятіями. Послѣднее время онъ поступилъ учителемъ въ учительскую семинарію въ Твери, гдѣ опасно заболѣлъ, былъ перевезенъ въ больницу душевнобольныхъ въ Петербургѣ и здѣсь вскорѣ скончался (1881 г.).

Всю жизнь свою Резенеръ прожилъ частными занятіями на скромномъ поприщѣ учителя и литературнаго дѣятеля. Работая буквально цѣлые дни, нерѣдко и ночи, онъ, человѣкъ выдающагося ума, обширной эрудиціи и необычайной энергіи, едва-едва перебивался изо дня въ день. Пріѣзжая въ Петербургъ, я всегда отыскивалъ Резенера въ какой-нибудь крошечной меблированной комнаткѣ (всегда на Васильевскомъ островѣ), на столѣ которой всегда найдешь заказанный ему книгопродавцемъ переводъ. Съ грустью смотрѣлъ я, какъ этотъ человѣкъ, эта высокая личность, которой можно было только удивляться, долженъ былъ даже подъ старость лѣтъ биться изъ-за куска хлѣба, не имѣя даже постоянныхъ уроковъ въ какомъ-нибудь казенномъ заведеніи, какъ-будто онъ былъ лишнимъ человѣкомъ, и это у насъ въ Россіи, гдѣ такъ нуждаются въ честныхъ, умныхъ, образованныхъ и дѣятельныхъ людяхъ. А что Резенеръ былъ идеально честнымъ человѣкомъ, я знаю много фактовъ; достаточно указать на то, что, работая въ Васильеостровской школѣ цѣлые дни, онъ не бралъ никакой платы, и когда, наконецъ, совѣтъ школы заставилъ его получать жалованье 300 руб. въ годъ, грозя въ противномъ случаѣ закрыть школу, то онъ согласился, но черезъ три или четыре мѣсяца заявилъ, что онъ получилъ большую литературную работу, которая можетъ его обезпечить, а въ школѣ наступаютъ каникулы, когда его занятія уменьшаются; пользуясь этимъ случаемъ, онъ отказался отъ жалованья и больше уже не бралъ его. Друзей своихъ Резенеръ готовъ былъ спасать, не жалѣя себя.

Въ 1864-мъ году Резенеръ явился къ Баумгартену просить мѣсто воспитателя; какъ самъ мнѣ Резенеръ говорилъ, онъ, слѣдя за разработкой вопроса о преобразованіи военно-учебныхъ заведеній, увидѣлъ, что военное вѣдомство желаетъ настоящаго воспитанія дѣтей и юношей, и по его понятію на это желаніе обязаны были отозваться всѣ пони-

---

[1]) Во время поѣздки за границу Резенеръ, ожидая впереди дѣло, которому онъ былъ преданъ, былъ особенно веселъ, о чемъ свидѣтельствуетъ присланное имъ ко мнѣ письмо, которое онъ писалъ въ вагонѣ карандашемъ на пути изъ Петербурга. „Дѣла поворачиваются въ хорошую сторону", —писалъ онъ. Давно не слыхалъ я отъ него ничего подобнаго.

мающіе дѣло воспитанія. При этомъ Резенеръ не скрылъ передъ Баумгартеномъ, что онъ опасается, что находится на замѣчаніи въ 3-мъ отдѣленіи, изложивъ и причину этого. Баумгартенъ взялся устроить определеніе Резенера черезъ генерала Исакова. Вѣроятно, дѣло это и состоялось бы, но, какъ увидимъ ниже, обстоятельства заставили самого Резенера отказаться отъ своего желанія. Въ февралѣ 1865 г. Баумгартенъ выдумалъ пригласить Θедора Θедоровича въ педагогическій комитетъ 1-й Васильеостровской гимназіи, прося его изложить свою систему воспитанія, которой онъ держался, управляя Васильеостровской школой. Резенеръ явился въ комитетъ и употребилъ цѣлое продолжительное засѣданіе на подробное изложеніе своей системы, въ основаніи которой лежало: отсутствіе наказаній, укорененіе нравственной связи наставниковъ съ учениками и разборъ каждаго проступка ученика всѣмъ классомъ, съ тѣмъ, что и самое наказаніе за него, если только это признается нужнымъ, налагается также классомъ [1]). Система эта вызвала не только оживленныя пренія, но даже въ большей части членовъ комитета раздраженіе (довольно трудно объяснимое), многіе члены вызвались представить письменно свои возраженія, но кончилось только одной запиской учителя исторіи и географіи—Д. Θ. Щеглова. Въ своей пространной запискѣ Д. Θ. Щегловъ все дѣло свелъ къ одному выводу: Резенеръ нигдѣ не говоритъ о религіозномъ воспитаніи, слѣдовательно, онъ его отвергаетъ, а слѣдовательно Резенеръ своей системой будетъ воспитывать только нигилистовъ [2]). Такимъ образомъ диспутъ принялъ какое-то странное направленіе.

---

[1]) Относительно веденія дѣла въ Васильеостровской безплатной школѣ было Резенеромъ изложено, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ, въ журналѣ „Учитель“ 1867—68 гг. Въ томъ же году Резенеръ помѣстилъ въ журналѣ статью „О наказаніяхъ“, гдѣ въ принципѣ отвергаетъ всѣ вообще наказанія въ школѣ и указываетъ недостатки каждаго наказанія въ частности.

[2]) Нигилизмъ составлялъ idée fixe Щеглова. Не было, кажется, человѣка, познакомившись съ которымъ, Дмитрій Θедоровичъ не сталъ бы упрекать его въ нигилизмѣ: товарищей-сослуживцевъ, начальство, всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло служебное или частное, онъ упрекалъ въ этомъ ученіи. Только одни ученики оставались свободными отъ его обвиненій (да и то, я думаю, онъ только не рѣшался бросать въ нихъ это обвиненіе). За это свойство своего характера Щегловъ чувствительно платился: ему отовсюду отказывали въ урокахъ; тогда онъ перенесъ свои обвиненія въ частные дома, гдѣ давалъ уроки, и кончилъ судомъ, который въ свое время надѣлалъ въ газетахъ много шума и къ которому привлекъ его одинъ отецъ семейства за обвиненіе его въ нигилизмѣ. Куда затѣмъ дѣлся Щегловъ,—мнѣ не извѣстно. Интересно то обстоятельство, что въ одномъ изъ закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній (кажется, въ Елисаветинскомъ институтѣ) начальница обвинила самого Щеглова передъ принцемъ Ольденбургскимъ въ нигилизмѣ, за что̀ ему было отказано въ этомъ заведеніи.

Во время диспута многіе члены комитета неоднократно указывали Резенеру, что въ 1-й Васильеостровской гимназіи наказанія налагаются лишь въ крайнихъ случаяхъ, что ему не извѣстно только заведеніе, а то онъ не могъ бы указать на нецѣлесообразность мѣръ. Баумгартену такія рѣчи очень понравились, онъ вообразилъ себѣ, что и дѣйствительно у него дѣло идетъ превосходно, и онъ предложилъ Резенеру познакомиться съ заведеніемъ. Двѣ недѣли Резенеръ провелъ въ заведеніи, находясь въ немъ все время съ утра до ночи, пересмотрѣлъ штрафные журналы воспитанниковъ, и когда Баумгартенъ собралъ новый комитетъ, чтобы продолжать пренія по реферату Резенера, то Резенеръ сталъ фактами доказывать нецѣлесообразность мѣръ, практикуемыхъ въ заведеніи. Какъ нарочно Резенеръ, не зная, кѣмъ были наложены взысканія на воспитанниковъ, привелъ рядъ проступковъ и наказаній, наложенныхъ за нихъ самимъ Баумгартеномъ. Баумгартенъ, разсердившись, заявилъ, что это имъ принятыя мѣры, и выразилъ сожалѣніе, что онъ допустилъ Резенера къ осмотру заведенія, и тотчасъ прекратилъ засѣданіе комитета. Этимъ и окончились дебаты по вопросамъ, поднятымъ Резенеромъ. Послѣ этого Резенеръ уже не возобновлялъ рѣчи о своемъ поступленіи воспитателемъ въ 1-ю Васильеостровскую гимназію, тѣмъ болѣе, что увидѣлъ вслѣдъ за симъ стремленіе изгнать изъ Васильеостровской гимназіи лучшія силы.

Хотя пребываніе Ѳ. Ѳ. Резенера въ 1-й Васильеостровской гимназіи было не продолжительно, но тѣмъ не менѣе оно оставило за собою слѣдъ. Во-первыхъ, нашлись воспитатели, вполнѣ сочувствовавшіе ему, и они старались въ своемъ отдѣленіи если не совершенно уничтожить наказанія, то по крайней мѣрѣ прибѣгать къ нимъ весьма рѣдко, дѣйствуя болѣе убѣжденіями и постоянными бесѣдами. Во-вторыхъ, и тѣ воспитатели, которые не сочувствовали взглядамъ Резенеръ, увидѣли, что кромѣ наказаній есть и другія мѣры, а что наказанія даже вполнѣ осуждаются, и потому стали рѣже прибѣгать къ нимъ. Наконецъ, въ-третьихъ, во время преній (продолжавшихся 10-ть засѣданій) выяснилось много вопросовъ, приведено было много примѣровъ; сдѣлано было много указаній на авторитеты различныхъ писателей, и такимъ образомъ для воспитателей, по большей части мало знакомыхъ съ теоретической частью воспитанія, пренія эти были въ высшей степени поучительны. Можно было только пожалѣть, что дѣло было прервано на половинѣ.

Когда въ 1866 г. Резенеръ принялъ редакцію «Учителя», онъ, зная, что у меня собраны матеріалы относительно преобразованія 1-го кадетскаго корпуса, просилъ меня написать статью въ его журналъ. Служа въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, я не находилъ возможнымъ исполнить его просьбу, тогда онъ попросилъ у меня матеріалы и, сдѣлавъ извле-

ченіе, просилъ разрѣшить напечатать подъ своимъ именемъ. Статья эта, уже набранная, не была пропущена цензоромъ, который заявилъ, что отъ министра народнаго просвѣщенія, Головнина, онъ имѣетъ приказаніе пропускать снисходительно статьи, касающіяся его министерства, но отъ генерала Исакова такого распоряженія не имѣетъ. Тогда Резенеръ отнесъ статью къ генералу Исакову, который оставилъ ее у себя и, по прочтеніи, написалъ слѣдующее:

«Предлагаю г. Резенеру познакомиться съ Константиновскимъ, Павловскимъ и съ Московскимъ военными училищами, съ 1-й и 2-й Петербургской, съ 1-й и 2-й Московской и съ Орловской военными гимназіями и тогда позволяю ему писать на меня, что ему угодно».

Эта резолюція показывала, что генералъ Исаковъ такъ высоко ставилъ преобразованныя имъ заведенія, что считалъ ихъ совершенно выкупающими тотъ вредъ, который онъ нанесъ корпусамъ, и что жертвы, принесенныя несчастными дѣтьми и юношами, погубленными при преобразованіи, ничто въ сравненіи съ той пользой, какую якобы извлекутъ послѣдующія поколѣнія отъ преобразованныхъ военно-учебныхъ заведеній. Я же, съ своей стороны, думаю, что если бы даже и, дѣйствительно, преобразованныя заведенія выпускали нѣчто особенное (чего нѣтъ, да и не откуда было явиться), то и тогда они во сто лѣтъ не выкупили бы сдѣланнаго при преобразованіи вреда, тѣмъ болѣе, что и вредъ-то этотъ вовсе не вызывался необходимостью преобразованія, а былъ вызванъ лишь полнымъ равнодушіемъ генерала Исакова къ судьбѣ дѣтей.

На основаніи этой резолюціи, Резенеръ потребовалъ въ главномъ управленіи открытый листъ для осмотра названныхъ заведеній. Получивъ запечатанные пакеты на имя директоровъ этихъ заведеній, Резенеръ явился прежде всего въ 1-ю Васильеостровскую гимназію, гдѣ Баумгартенъ любезно предоставилъ ему осмотръ заведенія. Когда же онъ явился во 2-ю Васильеостровскую гимназію, то Г. Г. Да—чъ не допустилъ его для осмотра заведенія, говоря: «эти дни заведеніе мое имѣетъ особыя занятія, и вы можете помѣшать намъ, а я вамъ дамъ знать, когда вы можете посѣщать насъ».

Выждавъ недѣли двѣ, Резенеръ снова явился къ Да—чу и получилъ тотъ же отвѣтъ; при третьемъ посѣщеніи,—опять просили отложить. Итакъ вовсе не допустилъ Резенера къ осмотру. На этомъ осмотрѣ указанныхъ генераломъ Исаковымъ заведеній Резенеръ и остановился.

Статью Резенера, однако, Исаковъ не забылъ и въ разговорѣ со мной, во время моего пребыванія въ должности инспектора классовъ въ Полтавѣ, сказалъ мнѣ о ней нѣсколько словъ, изъ которыхъ можно было видѣть, что онъ очень удивлялся и недоумѣвалъ, почему Резенеръ

обращалъ вниманіе на такія мелочи (?!), о которыхъ не стоило и говорить, такъ что, по его мнѣнію, Резенеръ не такъ уменъ (это заключеніе на основаніи статьи о безобразіяхъ при преобразованіи), какъ ему приходилось о немъ слышать съ разныхъ сторонъ. При этомъ Исаковъ вдругъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «вы читали эту статью?» Сознаюсь откровенно: подозрѣвая въ этомъ вопросѣ умыселъ—уловить меня въ участіи въ составленіи статьи, я солгалъ,—сказавши: «нѣтъ».

Переходя къ учителямъ 1-й военной гимназіи, я буду говорить здѣсь только о тѣхъ изъ нихъ, которые поступили въ 1-ю военную гимназію послѣ преобразованія ея изъ 1-го корпуса, такъ какъ объ остальныхъ учителяхъ я уже говорилъ въ разныхъ частяхъ моихъ записокъ.

Николай Логиновичъ Ломанъ, учитель русскаго языка, былъ прежде преподавателемъ 2-го кадетскаго корпуса, съ преобразованіемъ перешелъ на службу въ 1-ю военную гимназію, оставаясь приватнымъ учителемъ 2-й военной гимназіи. Человѣкъ талантливый, учитель хорошій, котораго, однако, загубило честолюбіе.

Въ первые годы существованія журнала Степанова—«Искры», Ломанъ былъ въ немъ дѣятельнымъ сотрудникомъ, гдѣ подписывался подъ псевдонимомъ—Гнутъ. Отличаясь остроуміемъ и имѣя поэтическія дарованія, Ломанъ писалъ хорошія пародіи на К. К. Случевскаго, В. Крестовскаго и другихъ въ то время молодыхъ писателей. Окончивъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ со степенью дѣйствительнаго студента, Ломанъ поступилъ учителемъ русскаго языка въ Новгородскій графа Аракчеева кадетскій корпусъ, гдѣ посватался къ дочери директора корпуса барона Корфа. Но Корфъ, гордый своимъ баронствомъ и генеральствомъ, отказалъ ему, что̀ и заставило его перейти въ Петербургъ. Свое неудачное сватовство Ломанъ, обладавшій талантомъ все изображать въ юмористическомъ видѣ, даже и свои собственныя чувства,—выразилъ въ извѣстномъ стихотвореніи:

Я былъ титулярный совѣтникъ,
Она—генеральская дочь,
И сдѣлалъ я ей предложеніе—
Она прогнала меня прочь и т. д.

Редакторъ «Искры»—Степановъ, написалъ однажды въ журналѣ слѣдующее двустишіе:

Судьбой и счастьемъ избалованъ:
Сегодня Гнутъ, а завтра—Ломанъ.

У насъ между служащими было въ ходу другое стихотвореніе, не знаю кѣмъ написанное:

Весьма не знаменитъ,
Судьбой не избалованъ:
Онъ былъ и Гнутъ и Ломанъ,
И вѣрно будетъ битъ.

Какъ я сказалъ, Ломанъ былъ крайне честолюбивъ. Онъ всегда носилъ въ карманѣ орденъ, который не рѣшался надѣвать въ классахъ, такъ какъ въ 1-й военной гимназіи это было не въ обычаѣ; но когда онъ являлся въ тюрьму, гдѣ состоялъ членомъ тюремнаго комитета и директоромъ одного изъ отдѣленій тюрьмы,—онъ тотчасъ навязывалъ на шею Станислава и напускалъ на себя столько важности въ осанкѣ и въ голосѣ, при разговорѣ съ просителями, что послѣдніе пугались его и относились къ нему съ самымъ заискивающимъ видомъ. Будучи однажды приглашенъ въ тюрьму самимъ Ломаномъ, въ качествѣ эксперта (по поводу одного проекта машины, представленнаго однимъ изъ арестантовъ, съ просьбою выдачи ему денегъ на устройство модели этой машины), я, сидя въ сторонѣ, долго смотрѣлъ на Ломана, котораго я нѣсколько лѣтъ хорошо зналъ и въ домашнемъ быту, и на учебной службѣ, — и рѣшительно не узнавалъ его въ тюрьмѣ. Если бы я не пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ, я счелъ бы его за другое лицо, только едва на него похожее,—такъ могъ онъ мѣняться. Въ тюремномъ комитетѣ Ломанъ исполнялъ должность секретаря и, какъ человѣкъ умный,—пользовался уваженіемъ превосходительныхъ членовъ комитета, передъ которыми онъ разсыпался въ любезностяхъ, но въ то же время, въ частныхъ разговорахъ,—бывало, представлялъ ихъ до такой степени въ смѣшномъ видѣ, что мы, слушатели, хохотали до упада.

Ломанъ никакъ не могъ примириться съ скромной должностью учителя; онъ хлопоталъ о полученіи должности инспектора классовъ военной гимназіи; генералъ Исаковъ обѣщалъ ему ее, но не знаю почему, постоянно, на открывавшіяся вакансіи назначалъ другихъ лицъ. Между тѣмъ Ломанъ не могъ довольствоваться чиномъ статскаго совѣтника, ему хотѣлось повышенія, котораго, какъ учитель, онъ получить не могъ; тогда онъ воспользовался предстоявшимъ столѣтнимъ юбилеемъ тюремнаго комитета и предложилъ членамъ комитета взять на себя трудъ составленія исторіи этого учрежденія, за чтò отъ комитета его должны были представить къ юбилею къ чину дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Принявшись усердно за трудъ, Ломанъ составилъ довольно подробно исторію первыхъ лѣтъ существованія комитета и тотчасъ же напечаталъ эту часть; но затѣмъ оказалось такъ мало матерьяла, что слѣдующая часть выходила слишкомъ сжатой и несоотвѣтствующей началу. Онъ остановился и не зналъ, какъ выйти изъ этого положенія; время шло, а дѣло не подвигалось, это его безпокоило, и онъ, для облегченія

тяжелаго чувства, сталъ выпивать. Это повторялось ежедневно, а день юбилея близился. Мѣсяца за два до юбилея отъ комитета была составлена коммиссія, которая должна была подвинуть дѣло, если Ломанъ самъ не можетъ справиться; но Ломанъ объявилъ коммиссіи, что онъ вскорѣ окончитъ трудъ. Черезъ мѣсяцъ повторилась та же исторія, Ломанъ опять не отдалъ матерьяловъ, заявивъ, что онъ самъ представитъ на-дняхъ оконченную исторію. Наконецъ, за три недѣли до юбилея коммиссія явилась на квартиру къ Ломану, отобрала отъ него всѣ матерьялы, и сами члены кое-какъ составили исторію; но Ломанъ уже былъ представленъ къ чину и въ день юбилея получилъ его. Такъ какъ въ то же время Ломанъ почти совершенно не посѣщалъ уроки, то ему, жившему исключительно уроками, разомъ отказали почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ; это его еще болѣе огорчило, и онъ окончательно запилъ горькую, оставивъ семью почти безъ хлѣба. Бѣлоха и Баумгартенъ попробовали было сдѣлать его запаснымъ воспитателемъ съ платою 1.000 р., но онъ нѣсколько мѣсяцевъ не являлся на службу, а когда, наконецъ, явился, то весь трясся, и его должны были отправить домой. Такъ и пропалъ безспорно талантливый человѣкъ изъ-за честолюбиваго стремленія быть превосходительнымъ.

Викторъ Петровичъ Острогорскій, авторъ «Мглы», «Липочки», «На однѣхъ сѣняхъ» и др. театральныхъ произведеній, человѣкъ даровитый, оказался хорошимъ преподавателемъ; онъ былъ раньше учителемъ только въ одной Васильеостровской безплатной школѣ и былъ въ числѣ пріятелей Резенера. Онъ также имѣлъ слабость выпивать, хотя больше въ праздники и въ каникулярное время. Въ старшихъ классахъ 1-й военной гимназіи Острогорскій читалъ словесность и увлекалъ къ занятіямъ учениковъ [1]). При удаленіи Баумгартена изъ 1-й военной гимназіи, Острогорскій не сошелся съ новымъ директоромъ и вышелъ въ отставку, сдѣлавшись редакторомъ журнала «Дѣтское чтеніе», который онъ принялъ отъ своего двоюроднаго брата Алексѣя Николаевича.

Василій Яковлевичъ Баулеръ, учитель математики, былъ переведенъ Баумгартеномъ изъ Москвы, гдѣ онъ преподавалъ математику въ Александринскомъ сиротскомъ кадетскомъ корпусѣ. Какъ учитель математики, Баулеръ былъ не выше посредственности; но это была настоящая артистическая натура: игралъ на роялѣ превосходно, при чемъ не любилъ играть по нотамъ, хотя хорошо ихъ разбиралъ, но больше фантазировалъ и фантазировалъ увлекательно. Сильно любилъ выпить, но пьянъ почти не бывалъ, только въ веселомъ настроеніи и при

[1]) Впослѣдствіи редакторъ журнала „Міръ Божій“ и авторъ многихъ книгъ и статей.

этомъ игралъ особенно хорошо. Попросишь его что-нибудь съиграть, онъ фантазируетъ такъ, что заслушаешься, когда же попросишь его повторить то же, то онъ уже забылъ то, что игралъ, и фантазируетъ что-нибудь еще болѣе прекрасное. Этотъ человѣкъ былъ положительно не тѣмъ, чѣмъ бы ему слѣдовало: изъ него вышелъ бы замѣчательный композиторъ, если бы онъ серьезно занялся изученіемъ теоріи музыки, о чемъ я ему много разъ говорилъ; но онъ по лѣности своей и безпечному характеру не могъ ни за что приняться серьезно. Жизнь свою Баулеръ велъ какъ настоящій артистъ: будучи женатъ и имѣя взрослыхъ дѣтей (замужнюю дочь), Баулеръ проводилъ время какъ юноша: со всѣми заводилъ знакомство за первой рюмочкой, съ новымъ знакомымъ, не зная даже его фамиліи, уже за панибрата, кутитъ съ нимъ, пропадаетъ два—три дня, не являясь ни домой, ни на уроки. Семья его такъ къ этому привыкла, что даже и не безпокоится его отсутствіемъ. Спросишь у жены его: да вѣдь онъ можетъ быть гдѣ-нибудь погибъ; отвѣчаетъ: не въ первый разъ, и по недѣлямъ пропадалъ,—придетъ, а искать его негдѣ. Какъ онъ сводилъ знакомство, можно видѣть изъ слѣдующаго. Однажды онъ зашелъ въ какой-то трактиръ, тамъ разговорился съ какимъ-то господиномъ, стали вмѣстѣ пить до поздней ночи, затѣмъ этотъ господинъ совѣтуетъ ему остаться у него ночевать, такъ какъ онъ живетъ въ номерѣ тутъ же въ гостиницѣ. Баулеръ идетъ къ нему, ложится спать, а на утро, проснувшись, видитъ, что новый пріятель его куда-то вышелъ. Одѣвшись, Баулеръ вышелъ въ корридоръ, но номеръ не посмотрѣлъ и потому не могъ попасть назадъ, такъ какъ дверей много, а фамилію новаго знакомаго своего онъ не зналъ; между тѣмъ въ номерѣ осталась его шуба, и потому уйти онъ не могъ; онъ спрашиваетъ половаго по описанію, но тотъ не знаетъ, кого спрашиваютъ, и предлагаетъ ему подождать въ общей залѣ. Здѣсь Баулеръ провелъ цѣлый день, и только вечеромъ Соколовскій (такъ звали незнакомца), придя домой, удивился, увидѣвъ чужую шубу. Тогда только дѣло объяснилось. По этому случаю они вдвоемъ пропьянствовали и вторую ночь.

Пропуская уроки, ведя безобразную жизнь, преподавая плохо, Баулеръ однако держался въ заведеніи, благодаря Баумгартену, семья котораго особенно его любила за его музыкальный талантъ [1]). Съ

[1]) Замѣчательно то обстоятельство, что Е. К. Баумгартенъ, выживая изъ заведенія людей дѣйствительно достойныхъ, поддерживалъ и давалъ полное число уроковъ плохому учителю и отчаянному гулякѣ Баулеру. Лѣтомъ 1866 г. Баулеръ жилъ на дачѣ, въ деревнѣ Мартышкино (около Ораніенбаума), гдѣ отчаянно пилъ и вздумалъ на мѣстномъ кладбищѣ переставлять памятники. Къ коменданту петергофскому посылались жалобы, и Е. К. едва потушилъ это дѣло, благодаря знакомству съ комендантомъ.

Острогорскимъ Бауләръ быстро сошелся: вмѣстѣ пили и гуляли; бывало, встрѣтивъ на улицѣ плотную веселую фигуру Баулера, рядомъ съ нимъ увидишь маленькую, худенькую, косую фигурку В. П. Острогорскаго. На всѣхъ гуляньяхъ они неразлучны, покачиваясь и сталкиваясь плечами.

Однажды эти талантливые люди задумали прекрасное дѣло: Острогорскій началъ писать либретто оперы, а Баулеръ сочинялъ къ ней музыку, прекрасно исполняя ее на роялѣ; но тутъ замѣшались какія-то семейныя отношенія между ними, и они поссорились. Начатое дѣло было брошено, но Острогорскій написалъ затѣмъ комедію «Мгла», въ которой выставилъ Баулера, его дочь и самого себя.

Д. Щ—въ, о которомъ мнѣ приходилось говорить выше, окончилъ курсъ въ Педагогическомъ институтѣ, бывшемъ тогда при Петербургскомъ университетѣ, въ одно время съ Добролюбовымъ, съ которымъ постоянно состязался въ старшинствѣ по успѣхамъ въ наукахъ. Не знаю, по этой ли причинѣ, или почему-нибудь другому,—онъ очень не любилъ Добролюбова и постоянно называлъ его нигилистомъ, далеко не стоющимъ той репутаціи, какою онъ пользовался. Щ—въ былъ характера подозрительнаго и, какъ говорили у насъ служащіе (не выдаю это за истину), не брезгалъ доносами. Человѣкъ онъ былъ способный и занимающійся и написалъ хорошую книгу.

Когда я былъ инспекторомъ классовъ въ Кіевѣ, Щ—въ пріѣхалъ въ Кіевскій университетъ держать экзаменъ на степень магистра, не рѣшившись для этого явиться въ Петербургскій университетъ, гдѣ имѣлъ враговъ (особенно въ лицѣ профессора статистики—Вредена, съ которымъ препирался въ печати, подъ псевдонимомъ Крапивинцева). Профессора Кіевскаго университета отнеслись къ Щ—ву съ уваженіемъ и почти безъ экзамена пропускали его; но профессоръ Бунге (впослѣдствіи министръ финансовъ) сказалъ ему: «мы поговоримъ лучше о вашемъ сочиненіи, съ которымъ я во многомъ не согласенъ», и,—замѣчательное дѣло,—Щ—въ не только не могъ возражать Бунге, но даже оказался незнакомымъ съ тѣмъ предметомъ, о которомъ писалъ, какъ будто книга была написана не имъ, и онъ даже не читалъ ее. Экзамена Щ—въ не выдержалъ и уѣхалъ изъ Кіева ни съ чѣмъ Изъ 1-й военной гимназіи онъ вышелъ очень скоро, не ладя ни съ Баумгартеномъ, ни въ особенности съ Бѣлохой.

Изъ другихъ лицъ, поступившихъ въ 1-ю военную гимназію, заслуживаетъ вниманія преподаватель естественной исторіи—Марковъ, который пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Тулы и принятъ былъ по рекомендаціи генерала Исакова, лично знавшаго его. Онъ былъ человѣкъ способный и очень хорошій преподаватель, но пробылъ въ гимназіи

*

менѣе двухъ лѣтъ, перейдя снова въ министерство народнаго просвѣщенія.

Остальные приглашенные учителя не заслуживаютъ никакого вниманія, а два брата Якимовы (одинъ учитель русскаго языка, другой — географіи)—были ниже всякой посредственности; можно было только пожалѣть, что умнаго старика В. Т. Плаксина замѣнили ничтожнымъ Якимовымъ.

Замѣчателенъ также былъ вновь опредѣленный законоучитель—протоіерей Романовъ, къ сожалѣнію, пробывшій въ заведеніи едва одинъ годъ и удалившійся недовольный Баумгартеномъ и Вѣлохой. Отецъ Романовъ былъ кѣмъ-то рекомендованъ ген. Исакову, который и указалъ на него Баумгартену при преобразованіи 1-го корпуса. Отличаясь истинно христіанскимъ благочестіемъ, Романовъ съумѣлъ сразу пріобрѣсть огромное вліяніе на воспитанниковъ, развивая въ нихъ религіозное настроеніе; но Баумгартенъ не умѣлъ цѣнить людей: будучи лютераниномъ, онъ вмѣшивался въ преподаваніе православнаго Закона Божія, дѣлая указанія, которыя не соотвѣтствовали взгляду самого Романова. Черезъ годъ Романовъ возвратился въ Смольный монастырь, откуда былъ переведенъ въ 1-ю гимназію и куда приняли его съ распростертыми объятіями, а вмѣсто него назначенъ былъ законоучителемъ Василій Герасимовичъ Пѣвцовъ, оказавшійся также умнымъ и хорошимъ законоучителемъ.

Скажу еще нѣсколько словъ о Егорѣ Ивановичѣ Шульманѣ, съ которымъ мнѣ пришлось служить и въ 1-мъ корпусѣ, и въ 1-й военной гимназіи, а впослѣдствіи и въ Кіевской военной гимназіи.

Шульманъ окончилъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ по математическому факультету, потомъ поступилъ юнкеромъ въ артиллерію, былъ произведенъ въ прапорщики, прослужилъ въ артиллеріи года два или три и поступилъ репетиторомъ математики въ 1-й кадетскій корпусъ, кажется, годомъ раньше моего поступленія на службу въ тотъ же корпусъ. Выдержавъ пробную лекцію изъ математики, Шульманъ былъ утвержденъ преподавателемъ, при чемъ оказался учителемъ не выше посредственнаго и, не отличаясь качествами хорошаго учителя, имѣлъ за собой еще плохой выговоръ въ русскомъ языкѣ. При преобразованіи корпуса въ военную гимназію въ 1864 г., Шульмана предполагалось оставить за штатомъ; опасаясь этого, онъ обратился къ Баумгартену съ просьбой дать ему мѣсто воспитателя. Сперва Баумгартенъ не желалъ брать Шульмана, но потомъ, не успѣвъ пополнить комплектъ воспитателей, онъ принялъ его, и Шульманъ оказался совершенно безсловеснымъ во всѣхъ комитетахъ и покорнымъ подчиненнымъ, чѣмъ очень понравился не любившему возраженій Баумгартену. При такихъ качествахъ Шульманъ вѣроятно долго бы служилъ

въ 1-й военной гимназіи, но на второй годъ службы въ военной гимназіи, во время каникулярнаго мѣсячнаго отдыха, Шульманъ сошелся съ В. Я. Баулеромъ, и мы видѣли ихъ почти каждый день вмѣстѣ нѣсколько навеселѣ. По окончаніи мѣсяца Шульманъ обязанъ былъ ѣхать въ лагерь подъ Петергофомъ и вступить на дежурство. Не вполнѣ еще освѣжившійся, Шульманъ сѣлъ на пароходъ, потребовалъ себѣ пива, выпилъ нѣсколько бутылокъ и на берегу оказался уже значительно охмѣлѣвшимъ. Сослуживцы его, ѣхавшіе съ нимъ на пароходѣ, замѣтивъ нетрезвое состояніе Шульмана, привели его подъ руки въ баракъ, уложили спать, заперли его на ключъ, а сами отправились въ засѣданіе комитета, заявивъ Баумгартену, что Шульманъ хотя и явился въ лагерь, но нездоровъ и потому легъ въ постель. Между тѣмъ Шульманъ одѣлся, увидѣвъ дверь запертою, вылѣзъ въ окно и неожиданно для всѣхъ явился въ комитетъ. Усѣвшись на стулъ, молчаливый до тѣхъ поръ Шульманъ вдругъ заговорилъ, да еще самымъ неподчиненнымъ тономъ: «я вижу, что безъ меня здѣсь завелись новые порядки, я съ этимъ не согласенъ»... Тутъ Баумгартенъ прервалъ его рѣчь и закрылъ засѣданіе, затѣмъ, отозвавъ Шульмана, предложилъ ему ѣхать обратно въ Петербургъ и удалиться изъ военной гимназіи.

Пріѣхавши въ Петербургъ, Шульманъ обратился къ бывшему своему инспектору классовъ—К. А. Линдену, который въ это же время привезъ въ главное управленіе свой проектъ преобразованія Омскаго кадетскаго корпуса въ военную гимназію. Линденъ взялъ Шульмана въ Омскъ воспитателемъ. Черезъ три года службы въ Сибири Шульманъ сталъ хлопотать о переводѣ своемъ въ Кіевскую военную гимназію. Здѣсь онъ прослужилъ года три и кончилъ тѣмъ, что по нѣмецкой системѣ воспитанія избилъ одного своего воспитанника, почему ему было предложено удалиться. Воспользовавшись тѣмъ, что бывшій директоръ Кіевской военной гимназіи—Кузьминъ-Короваевъ былъ въ это время директоръ 2-й московской военной гимназіи, Шульманъ обратился къ нему съ просьбою о переводѣ, и Караваевъ, любя безсловесныхъ,—взялъ его къ себѣ воспитателемъ. Тамъ онъ находится и въ настоящее время [1]).

Вмѣстѣ съ преобразованіемъ кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи, общіе классы приняли другое наименованіе и порядокъ, и измѣнилось въ нихъ преподаваніе. Во 1-хъ, прежнее раздѣленіе классовъ на приготовительный и общіе уничтожено, и всѣ классы назвали по порядку, начиная съ I-го до VI-го (впослѣдствіи въ 1870 г. былъ прибавленъ еще VII-й классъ). Во 2-хъ, вмѣсто $1^1/_2$ часовыхъ уроковъ введены были уроки въ $1^1/_4$ часа (ежедневно по 4-ре урока), а черезъ

---

[1]) Въ 1893 году вышелъ въ отставку.

годъ замѣнили эти уроки—часовыми, по пяти уроковъ въ день. Въ 3-хъ, снова ввели тѣ предметы, которые изгнаны были изъ корпусовъ послѣ Ростовцева: естественную исторію и обязательными сдѣлали оба иностранные языка—французскій и нѣмецкій. Но за то уничтожили русскую словесность и исторію литературы, замѣнивъ ихъ разборомъ образцовъ. Послѣднее сохранилось до 1880 г. (т. е. въ продолженіе 16-ти лѣтъ), когда наконецъ убѣдились въ непроизводительной тратѣ времени, назначеннаго на эти разборы образцовъ. Для того, чтобы разборъ образцовъ получилъ смыслъ, учитель долженъ былъ обладать талантомъ, но большинство учителей русскаго языка (изъ тѣхъ, которыхъ я зналъ всѣ, за однимъ только исключеніемъ) занимались такими мелочами, что не только наводили на учениковъ скуку, но и уничтожали въ нихъ всякую любовь, всякое чутье къ поэтическимъ произведеніямъ. Чѣмъ болѣе учитель вдавался въ мелочи каждаго произведенія, привязываясь къ каждому его слову, тѣмъ лучше считался разборъ, такъ что красота и истинный смыслъ произведенія совершенно исчезали за, если можно такъ выразиться, анатомированіемъ подробностей. Приведу нѣсколько примѣровъ такихъ разборовъ учителей, считавшихся въ свое время мастерами своего дѣла.

Разбирается басня Крылова «Квартетъ». Почему, спрашиваетъ учитель, всѣ четверо усѣлись играть подъ липки? Такъ какъ въ то время считалось чуть не преступленіемъ что-нибудь сообщать ученикамъ и на всѣ вопросы ученики должны были непремѣнно отвѣтить сами, то учитель потѣлъ почти полчаса, чтобы добиться отвѣта отъ учениковъ. Много онъ давалъ такъ называемыхъ наводящихъ вопросовъ, много ученики давали отвѣтовъ, но все это было не то, чего хотѣлъ учитель. Находясь въ классѣ, я только удивлялся потерѣ времени, но, наконецъ, учитель самъ подсказалъ таки, а ученики повторили, что это потому, что они надѣялись собрать на свой концертъ большую публику на лужкѣ подъ липками!? Хотя я послѣ урока и сказалъ учителю, что по моему разумѣнію этого изъ басни не видно, а если такой выводъ онъ хотѣлъ сдѣлать, то проще было бы, не теряя времени и не мучая себя и дѣтей, прямо сказать имъ это; но учитель не согласился со мною и былъ доволенъ, что ученики будто-бы сами нашли отвѣтъ.

Тотъ же учитель, при разборѣ басни «Щука въ судѣ», спрашивалъ: «почему щуку принесли въ судъ въ лохани». Какъ онъ ни бился, но оставался недоволенъ отвѣтами и наконецъ сказалъ потому, что щука любила комфортъ (?!)

Другой учитель разбираетъ балладу Пушкина «Утопленникъ». Что значитъ: «Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка, съ нимъ я вѣкъ не разберусь?»

Ученикъ. Мужикъ боялся суда.

Учитель. Почему?

Ученикъ. Потому что надо оправдываться, могутъ его обвинить.

Учитель. А въ настоящее время можно ли такъ бояться суда?

Ученикъ. Нѣтъ.

Учитель. Теперь гласный судъ, судятъ иначе. Остальная часть урока пошла на описанія гласныхъ судовъ. И это урокъ словесности!

Я могъ бы привести много другихъ, болѣе куріозныхъ разборовъ, но откладываю это до другихъ частей записокъ, къ описанію того времени, къ какому это относится; теперь же разскажу о переходѣ моемъ изъ 1-й с.-петербургской военной гимназіи въ Николаевское кавалерійское училище.

Въ мартѣ 1866 года призвалъ меня Баумгартенъ къ себѣ на квартиру, встрѣчаетъ очень любезно, пожимаетъ руку и проситъ садиться. Затѣмъ онъ обращается ко мнѣ съ слѣдующей просьбой: С. А. Лейхтъ,—говоритъ онъ,—отказывается отъ должности воспитателя, и я желалъ бы, чтобы вы приняли на себя эту должность и взяли его отдѣленіе.

— Позвольте вамъ сказать,—говорю я,—что я уже отказался отъ этой должности три года тому назадъ, когда мнѣ предлагали ее во 2-й военной гимназіи, тогда же я предпочелъ ей должность помощника инспектора классовъ.

— Да, но вскорѣ выйдетъ новое положеніе, по которому директоръ гимназіи получитъ право переводить помощника-инспектора на должность воспитателя.

— Когда я принималъ должность помощника-инспектора классовъ,—говорю я,—мнѣ это не было заявлено, но какъ только выйдетъ такое положеніе, я тотчасъ же откажусь отъ этой должности, а пока положенія такого нѣтъ, я считаю себя въ правѣ отказаться отъ должности воспитателя.

— Но почему вы отказываетесь отъ такой благородной должности?

— Потому, ваше превосходительство, что я съ званіемъ воспитателя связываю и обязанность воспитывать ввѣренныхъ мнѣ дѣтей, а чтобы воспитывать, надо жить съ дѣтьми; получаемое же воспитателемъ содержаніе не окупаетъ такого полнаго посвященія себя этому труду. Въ настоящее время, я имѣю много занятій, которыя долженъ буду тотчасъ же оставить, если возьмусь за обязанности воспитателя.

Тогда у насъ начался интересный разговоръ: директоръ сталъ доказывать мнѣ, приглашаемому имъ на должность воспитателя, что

этого вовсе не нужно, что достаточно дежурить, а въ остальные дни жертвовать двумя часами, затѣмъ остальное время заниматься гдѣ и чѣмъ я хочу; я же, приглашаемый, сталъ доказывать ему неправильность такого взгляда и говорилъ, что самое названіе воспитателя (а не надзирателя), которому при томъ поручается вести физическое, нравственное и умственное воспитаніе дѣтей, показываетъ, что онъ долженъ посвятить себя этому дѣлу и т. д. Разговоръ продолжался въ этомъ родѣ около часа, наконецъ, Баумгартенъ разсердился, всталъ и сухо поклонился мнѣ, не подавая руки, и два дня со мной не хотѣлъ разговаривать.

Спустя мѣсяцъ, Бѣлоха сказалъ мнѣ, что въ кавалерійскомъ училищѣ открывается вакансія помощника-инспектора классовъ и что, если я желаю, онъ вмѣстѣ съ Баумгартеномъ будетъ хлопотать для меня это мѣсто. Я изъявилъ согласіе, и они оба начали хлопотать.

Въ началѣ іюня Баумгартенъ говоритъ мнѣ: дѣло ваше удалось, Н. В. Исаковъ обѣщалъ отдать о васъ на-дняхъ приказъ, съѣздите теперь къ нему для формы и попросите сами о переводѣ. Я поѣхалъ, и Н. В. Исаковъ, принявъ меня очень любезно, завелъ со мной слѣдующій разговоръ, весьма интересный въ его устахъ:

— Что заставляетъ васъ переходить въ училище?

— Директоръ заявилъ мнѣ, что по новому положенію о военныхъ гимназіяхъ, которое вскорѣ выйдетъ, помощникъ-инспектора можетъ быть по его усмотрѣнію переведенъ въ должность воспитателя. Не желая принимать на себя воспитательскія обязанности, я не могу оставаться въ должности помощника-инспектора классовъ военной гимназіи.

— Да, конечно, въ воспитатели идутъ только такіе люди, которые не имѣютъ ничего лучшаго; вы же получите повышеніе. Но почему же вы соглашаетесь на должность помощника-инспектора классовъ въ военномъ училищѣ?

— Въ училищѣ, ваше превосходительство, нѣтъ такого положенія, и при томъ тамъ съ должностью этой связано большее содержаніе.

— А сколько тамъ вы будете получать?

— Здѣсь я получалъ 1.200, а тамъ 1.500 р.

— Это очень странно, что тамъ жалованье выше, я полагаю, что должности эти одинаковы. Объ этомъ надо подумать. Но почему бы вамъ не остаться здѣсь до выхода новаго положенія о военныхъ гимназіяхъ, а потомъ оставить за собой должность преподавателя?

— Я прежде такъ и полагалъ поступить, но такъ какъ мнѣ было предложено мѣсто въ училищѣ, то я и согласился на него.

— Я полагаю, что вамъ лучше оставаться на прежнемъ положеніи,

тѣмъ болѣе, что я имѣю въ виду назначить васъ инспекторомъ классовъ въ скоромъ времени. На короткій срокъ не стоитъ мѣнять заведеніе. Оставайтесь пока на прежнемъ мѣстѣ

Мнѣ оставалось только поклониться, и мы разстались.

Я передалъ этотъ разговоръ Баумгартену, который очень удивился, говоря, что не далѣе какъ наканунѣ онъ обѣщалъ отдать обо мнѣ приказъ. Еще болѣе пришлось намъ удивляться, когда черезъ двѣ недѣли вышелъ приказъ о моемъ переводѣ на должность помощника-инспектора классовъ въ Николаевское кавалерійское училище. О разговорѣ нашемъ Николай Васильевичъ забылъ въ тотъ же день, а приказъ обо мнѣ онъ подписалъ еще утромъ.

Такимъ образомъ я разстался съ 1-й военной гимназіей, сохранивъ однако въ ней уроки физики. Я не особенно сожалѣлъ о заведеніи, въ которомъ прослужилъ столько лѣтъ, такъ какъ оно совершенно утратило характеръ и даже названіе 1-го кадетскаго корпуса.

Николаевское кавалерійское училище.

Въ августѣ 1866 года я перешелъ на службу въ Николаевское кавалерійское училище помощникомъ инспектора классовъ. Начальникомъ училища въ то время былъ замѣчательно добрый и сердечный человѣкъ генералъ-маіоръ Максимъ Антоновичъ Таубе. Этотъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ, однако, слабо относился къ учебнымъ занятіямъ юнкеровъ. Инспекторъ классовъ, полковникъ Юлій Ѳедоровичъ Нейманъ, былъ также прекрасный человѣкъ; всѣ служившіе тогда въ училищѣ офицеры отличались замѣчательно дружными отношеніями, такъ что я сразу почувствовалъ себя въ этой средѣ легко и тепло. Одно только непріятно было видѣть — слабыя отношенія начальства къ успѣхамъ юнкеровъ, чѣмъ сами юнкера пользовались въ полной мѣрѣ и учились по большей части довольно плохо. Комплектъ училища состоялъ тогда изъ 200 юнкеровъ, но, несмотря на то, что въ томъ году всѣхъ державшихъ вступительный экзаменъ приняли безъ отказа, какъ бы плохо онъ его ни выдержалъ, желавшихъ поступить было такъ мало, что всего набралось 140 юнкеровъ. Опасаясь, чтобы заведеніе не осталось безъ учениковъ, Таубе и принималъ всѣхъ безъ исключенія, затѣмъ приходилось и переводить всѣхъ ихъ въ старшій классъ, исходя опять изъ того же опасенія. Не знаю, долго ли продолжалось такое снисходительное отношеніе къ занятіямъ юнкеровъ, но въ томъ году меня и преподавателей крайне возмущала такая слабость требованій начальства отъ юнкеровъ учебныхъ занятій, о чемъ постоянно заявлялось Таубе въ педагогическихъ комитетахъ, но онъ

всегда возражалъ на это, что при настоящихъ условіяхъ надо поневолѣ снисходительнѣе относиться къ ученію юнкеровъ, иначе наша гвардейская кавалерія, гдѣ могутъ служить только богатые люди, останется безъ офицеровъ.

Надо замѣтить, что кавалерійское училище пополнялось изъ трехъ источниковъ. Во-первыхъ, больше всего изъ учениковъ окончившихъ курсъ въ кадетскихъ корпусахъ. Это были юнкера разнообразнаго состава, преимущественно лѣнивые и плохо занимавшіеся въ корпусахъ, но имѣвшіе кое-какія средства (часто очень небольшія), разсчитывавшіе выйти въ красивые гвардейскіе кавалерійскіе полки, безъ особыхъ трудовъ въ занятіяхъ [1]). Другіе же изъ этихъ кадетъ были хорошіе ученики, имѣвшіе хорошія средства и желавшіе служить въ кавалеріи; они составляли обыкновенно лучшихъ учениковъ училища. Во-вторыхъ, изъ такъ называемаго Шакѣевскаго пансіона. Это были, за рѣдкимъ исключеніемъ, плохіе ученики, уже исключенные изъ многихъ заведеній, но богатые родители нхъ хорошо платили Шакѣеву, и онъ вытягивалъ ихъ до конца курса; всѣ они были въ училищѣ своекоштными юнкерами. Въ-третьихъ, изъ поступившихъ со стороны, также богатые и также своекоштные юнкера.

Въ училищѣ былъ особый духъ, вѣроятно, усвоенный отъ прежней школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Младшій классъ (въ училищѣ было два класса) долженъ былъ безусловно подчиняться старшему, долженъ былъ служить ему, исполнять всѣ его приказанія и порученія; юнкера старшаго класса даже наказывали младшій классъ безъ отпуска, называли ихъ не иначе какъ з в ѣ р я м и. Всѣ юнкера должны были одѣваться франтами, а для этого не брать казенные мундиры и сапоги, а заказывать собственные. По городу юнкера обязаны были ѣздить непремѣнно на лихачахъ; въ отпуску они собирались компаніями, чтобы кутить. Такъ какъ для всего этого нужны были средства, то, поступивъ въ младшій классъ, небогатые юнкера сразу входили въ долги, которые къ выпуску въ офицеры доходили до нѣсколькихъ сотъ, а иногда даже тысячъ рублей. При мнѣ былъ такой случай. Юнкеръ А., перешедшій изъ 1-го корпуса, поэтому мнѣ хорошо извѣстный, какъ скромный и хорошій ученикъ, настолько тяготился своимъ положеніемъ бѣднаго, сравнительно съ товарищами, юнкера, что, соблазнившись небрежно лежавшими деньгами своего товарища—укралъ ихъ; его уличили въ воровствѣ, за что онъ былъ исклю-

[1]) Тогда еще не требовали отъ желающихъ поступить изъ корпусовъ въ кавалерійское училище никакого реверса, который былъ установленъ впослѣдствіи, въ виду того, что въ гвардейскую кавалерію, гдѣ требуется дорого содержать себя, стали выходить бѣдные люди. Для выпуска въ гвардію требовалось тогда всего 8 балловъ въ среднемъ.

ченъ изъ заведенія и такимъ образомъ пропалъ. Одинъ юнкеръ, уже будучи офицеромъ, разсказывалъ мнѣ, что онъ не имѣлъ средствъ ѣздить на лихачахъ; родители его жили на Васильевскомъ островѣ въ 14-й линіи, такъ что ему пришлось бы платить рубля два, чтобы пріѣхать въ училище, а между тѣмъ родители давали ему на извозчика всего 40 копѣекъ; онъ всю дорогу шелъ пѣшкомъ и только, подходя къ воротамъ училища, нанималъ возвращающагося изъ училища лихача за 40 к., чтобы въѣхать во дворъ и чтобы товарищи видѣли его на лихачѣ.

Нѣкоторые юнкера были на столько богаты, что имѣли въ городѣ свою наемную квартиру съ богатой обстановкой, куда и ходили въ отпускъ; были даже и такіе, которые имѣли на этой квартирѣ содержанку. Вообще нравственностью юнкера не отличались. Правда, въ самомъ заведеніи юнкера не кутили, и въ этомъ отношеніи Таубе былъ строгъ и не допустилъ бы такой безпорядокъ въ училищѣ, но тогда каждый юнкеръ могъ ходить въ отпускъ три раза въ недѣлю и, при имѣніи собственныхъ квартиръ, было и время, и мѣсто собираться и кутить въ отпуску. Въ заведеніи же были развиты обманы учителей, списываніе уроковъ, такъ называемые шпаргалки.

Каковъ былъ взглядъ на нравственность самихъ юнкеровъ, приведу небольшую выдержку, записанную мною тогда же изъ урока русскаго языка, на которомъ я лично присутствовалъ.

Преподаватель Н. Л. Ломанъ (описанный мною въ 1-й военной гимназіи) разбиралъ комедію Грибоѣдова «Горе отъ ума» и по временамъ обращался съ вопросами къ юнкерамъ. Прочитавъ первую сцену Фамусова съ Лизой, которую онъ засталъ переводящею часовую стрѣлку, Ломанъ обращается къ юнкерамъ съ вопросами.

Вопросъ. На основаніи этой сцены можно ли сказать, чтобы Фамусовъ отличался строгой нравственностью?

Отвѣтъ. Кажется, онъ ничего дурнаго не сдѣлалъ.

В. Но онъ ухаживаетъ за горничной?

О. Такъ что жъ? Холостой человѣкъ.

В. Какъ холостой? Вѣдь у него же взрослая дочь—Софья?

О. Ахъ, да! Ну, все-равно - вдовецъ.

Въ 1866 году училище было только-что преобразовано изъ бывшей Школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ; пѣхотная рота была уничтожена, а кавалерійская расширена до комплекта 200 человѣкъ вмѣсто прежнихъ 100. Введено было преподаваніе въ аудиторіяхъ, т. е. весь классъ помѣщался въ одной комнатѣ, гдѣ читалась лекція, а по вечерамъ назначались репетиціи юнкерамъ. Эта система образованія юнкеровъ очень нравилась начальнику Павловскаго училища Ванновскому, по инициативѣ котораго помощникъ инспектора классовъ этого училища полковникъ Кржановскій написалъ ей хвалеб-

ное слово въ «Педагогическомъ Сборникѣ», выставивъ эту систему, какъ совершенную. Это хвалебное слово системы развилъ еще болѣе помощникъ инспектора Константиновскаго училища Альбедиль, я же, убѣдившись въ теченіе года въ худыхъ сторонахъ этой нелѣпой системы, изложилъ въ двухъ статьяхъ [1]) всѣ недостатки ея, разобравъ и тѣ выгоды, которыя приписываются этой системѣ. Этими статьями я еще болѣе усилилъ враждебное отношеніе къ себѣ Ванновскаго, который не простилъ мнѣ этого до конца жизни. Вслѣдъ за этимъ я уѣхалъ изъ Петербурга и уже затѣмъ узналъ, какъ эта система преподаванія стала измѣняться: сперва нѣкоторые предметы перенесены были изъ аудиторій въ небольшія классныя отдѣленія, потомъ число предметовъ, читаемыхъ въ аудиторіяхъ, стало уменьшаться и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ аудиторіи были совершенно уничтожены. Осталась только система репетицій, но и та совершенно измѣнила свой первоначальный характеръ, такъ что статьи мои не прошли безслѣдно.

Пробывъ въ кавалерійскомъ училищѣ менѣе года, я болѣе ничего не могу сказать о немъ. Въ маѣ мѣсяцѣ юнкерамъ были произведены экзамены, показавшіе вообще довольно слабые успѣхи юнкеровъ.

Къ Святой недѣлѣ меня произвели въ чинъ капитана; этого только и ждалъ Исаковъ, чтобы сдѣлать меня инспекторомъ классовъ. По порученію Исакова, въ началѣ мая, пригласилъ меня къ себѣ генералъ Корсаковъ, который за отъѣздомъ Исакова, остался исправлять его должность и предложилъ мнѣ мѣсто инспектора классовъ въ Полтавской военной гимназіи. До меня въ Полтавѣ инспекторомъ классовъ былъ полковникъ Кругликовъ; онъ былъ тамъ всего одинъ учебный годъ и, какъ мнѣ было извѣстно, выходилъ оттуда по непріятностямъ съ директоромъ, полковникомъ Францемъ Ивановичемъ Симашко, вотъ это обстоятельство, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ, заставило меня на первыхъ порахъ отказаться отъ предложеннаго мнѣ мѣста. Генералъ Корсаковъ былъ очень удивленъ моимъ отказомъ и сказалъ мнѣ, что при моемъ чинѣ и моей молодости (я былъ всего одиннадцатый годъ на службѣ) это назначеніе показываетъ особое вниманіе ко мнѣ начальства, поэтому онъ совѣтуетъ мнѣ не отказываться отъ предлагаемаго мѣста, чтобы не разсердить начальство, и потому даетъ мнѣ на размышленіе одну недѣлю. Тогда я прямо заявилъ Корсакову, что мнѣ извѣстно, что Кругликовъ имѣлъ непріятности съ Симашко, поэтому я желаю знать, что вышло между ними. Корсаковъ сказалъ мнѣ, что генералъ Исаковъ разрѣшилъ ему показать мнѣ переписку Кругликова и Симашки съ главнымъ управленіемъ, если я этого пожелаю, и тотчасъ же

---

[1]) „Педагогическій Сборникъ“ 1867 г. № 8 и „Педагогическій Сборникъ“ 1868 г. № 3.

далъ мнѣ прочесть письма того и другаго къ генералу Исакову. Въ своемъ письмѣ Кругликовъ жаловался, что Симашко позволилъ себѣ кричать на него въ присутствіи швейцара, а Симашко обвинялъ Кругликова въ жестокости; когда онъ, Симашко, уѣхалъ на мѣсяцъ въ Петербургъ, а Кругликовъ остался исправлять за него должность директора гимназіи, то онъ своими жестокими мѣрами (хотя меня удивило, что жестокія мѣры заключались въ сбавкѣ у воспитанника трехъ балловъ поведенія) довелъ одного воспитанника до того, что Симашко, возвратясь въ Полтаву, нашелъ, что воспитанникъ этотъ страдаетъ умственнымъ разстройствомъ, и хотя онъ, Симашко, по пріѣздѣ своемъ, тотчасъ возвратилъ воспитаннику баллы, но было уже поздно и его пришлось исключить изъ гимназіи домой, какъ помѣшаннаго. Прочитавъ оба эти письма, я, хотя и удивился такому результату отъ сбавки трехъ балловъ за поведеніе, но мнѣ и въ умъ не приходило, чтобы здѣсь была ложь съ стороны Симашко, и я нашелъ, что Кругликовъ виноватъ. Впослѣдствіи, уже будучи въ Полтавѣ, я узналъ, что воспитанникъ этотъ (выпускной) дѣйствительно обнаруживалъ нѣкоторые признаки ненормальнаго состоянія умственныхъ способностей, но происходило это оттого, что онъ влюбился въ дочь діакона заведенія и, будучи исключенъ, уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ отрезвился и въ августѣ выдержалъ экзаменъ въ медико-хирургическую академію, откуда вскорѣ по поступленіи прислалъ въ военную гимназію товарищамъ письмо, объяснивъ въ немъ, почему онъ бросилъ заниматься въ гимназіи. Дѣло въ томъ, что былъ фактъ проступка воспитанника и былъ фактъ сбавки трехъ балловъ за этотъ проступокъ, что̀, впрочемъ, Кругликовъ сдѣлалъ не самъ, а на основаніи рѣшенія педагогическаго комитета, въ которомъ обсуждался этотъ проступокъ. Это было на 1-й недѣлѣ великаго поста, Симашко пріѣхалъ на 3-й недѣлѣ, а признаки нѣкоторыхъ ненормальныхъ проявленій воспитанникъ обнаружилъ передъ Святой недѣлей, и Симашко, который, вѣроятно, и самъ не вѣрилъ, чтобы воспитанникъ помѣшался черезъ шесть недѣль послѣ сбавки трехъ балловъ, да и могъ бы какъ слѣдовало разобрать это дѣло, чтобы выяснить его, этого, однако, не сдѣлалъ, а прямо воспользовался случаемъ, чтобы обвинить Кругликова въ жестокости, которая довела воспитанника до такого состоянія. Въ Полтавѣ, впрочемъ, всѣ хорошо знали причину ненормальнаго состоянія воспитанника, и никто не думалъ, что Симашко объясняетъ ее такимъ образомъ.

Не зная вовсе этого дѣла, я призналъ Кругликова виноватымъ, однако, отказался отъ назначенія, не желая уѣзжать изъ Петербурга въ такую глушь, какъ Полтава, которая лежала тогда далеко отъ желѣзныхъ дорогъ. Корсаковъ горячо уговаривалъ меня и въ заключеніе

сказалъ мнѣ, что ждетъ окончательнаго отвѣта отъ меня черезъ недѣлю.

Черезъ недѣлю я снова явился къ нему съ отказомъ, но онъ снова уговаривалъ меня и, узнавъ, что я не хочу уѣзжать изъ Петербурга, далъ мнѣ честное слово, что при первой же вакансіи инспектора классовъ въ Петербургѣ, меня снова переведутъ въ Петербургъ, при чемъ назначилъ срокъ никакъ не болѣе двухъ лѣтъ. Въ то время я еще вѣрилъ словамъ начальства (за что̀ и былъ наказанъ) и согласился взять мѣсто и когда черезъ пять лѣтъ я встрѣтился въ первый разъ съ Корсаковымъ и напомнилъ ему его честное слово, то онъ удивился и сказалъ, что этого не помнитъ.

Петровская Полтавская военная гимназія.

1-го августа 1867 года пріѣхалъ я въ Полтаву и въ тотъ же день поѣхалъ въ лагерь воспитанниковъ, находящійся въ семи верстахъ отъ города, около такъ называемой Шведской могилы, съ тѣмъ, чтобы явиться директору гимназіи Францу Ивановичу Симашко.

Назначеніе полковника Симашко директоромъ военной гимназіи, да еще въ Полтаву, было крупной ошибкой, безпрестанно повторяющейся въ Россіи, гдѣ не существуетъ выдержки какой бы то ни было системы. Польское возстаніе 1862—63 года вынудило наше правительство сдѣлать нѣкоторыя ограниченія полякамъ: въ артиллерійское училище былъ вовсе прекращенъ пріемъ молодыхъ людей-поляковъ, въ гимназіяхъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ военныхъ и гражданскихъ пріемъ ихъ былъ ограниченъ 10%; запрещено было принимать ихъ въ военно-учебныя заведенія въ должности учителей и воспитателей, и въ то же время полякъ Симашко назначается директоромъ заведенія (назначеніе С. было въ августѣ 1865 года) съ четырехсотеннымъ интернатомъ, да еще за 1.000 слишкомъ верстъ отъ Петербурга, гдѣ и надзоръ-то за нимъ былъ недоступенъ (желѣзныхъ дорогъ въ то время не было).

Передъ назначеніемъ Симашко многіе родители воспитанниковъ Полтавскаго корпуса отправили къ Н. В. Исакову письмо за общею подписью, въ которомъ просили его не назначать поляка воспитателемъ ихъ дѣтей, такъ какъ до нихъ дошли слухи о назначеніи Симашко. Что было сдѣлано съ этимъ письмомъ, мнѣ неизвѣстно; но представленіе о назначеніи Симашко было сдѣлано. Государь Александръ Николаевичъ въ это время и самъ не довѣрялъ полякамъ, а потому на представленіи сдѣлалъ сбоку помѣтку: «полякъ?» Тогда ген. Исаковъ, а вмѣстѣ съ нимъ и военный министръ Д. А. Милютинъ ручались передъ

государемъ въ томъ, что «Симашко болѣе русскій, нежели они сами», и настолько успѣли убѣдить государя, что онъ подписалъ приказъ о его назначеніи.

Назначенный директоромъ Полтавскаго кадетскаго корпуса, Симашко и преобразовалъ его въ военную гимназію.

Какъ видно, Симашко зналъ о недовѣріи къ нему родителей и полтавскаго общества и въ началѣ былъ очень остороженъ; онъ, тотчасъ по пріѣздѣ, приблизилъ къ себѣ стараго служащаго въ корпусѣ, всѣми уважаемаго учителя математики Г. В. Котельникова, зная, что человѣкъ этотъ пользовался въ Полтавѣ общею любовью, что онъ большой говорунъ и можетъ быть ему полезенъ, если будетъ прославлять его на всѣхъ городскихъ перекресткахъ. Затѣмъ онъ выписалъ себѣ изъ Новгородскаго Аракчеевскаго корпуса двухъ братьевъ Гудимъ, старшаго Александра Васильевича, бывшаго учителя географіи, въ должность воспитателя, а младшаго Петра Васильевича, бывшаго ротнаго командира,—въ должность завѣдывающаго обмундированіемъ; другаго ротнаго командира того же корпуса—Макшеева, перевелъ въ должность смотрителя дома. Всѣхъ этихъ лицъ Симашко зналъ, будучи инспекторомъ классовъ въ Аракчеевскомъ корпусѣ, и считалъ ихъ полезными для своихъ цѣлей. По рекомендаціи Гудимъ, онъ перевелъ къ себѣ изъ Нѣжинской гражданской гимназіи племянника ихъ Виктора Константиновича Вульфа, учителемъ русскаго языка и помощникомъ инспектора классовъ. Въ то же время всѣхъ служившихъ въ корпусѣ поляковъ—учителей и дежурныхъ офицеровъ, Симашко хотя и не удалилъ изъ заведенія, переведя послѣднихъ воспитателями, но не допускалъ ихъ къ себѣ даже въ квартиру. Такъ продолжалось два года. Котельниковъ и другіе друзья его стали вездѣ славить Симашку какъ прекраснаго начальника, хотя и поляка, но совершенно не расположеннаго къ полякамъ, а любящаго лишь русскихъ. Но вздорный и грубый характеръ Симашки началъ тотчасъ обнаруживаться, несмотря на всю его сдержанность. Инспекторомъ классовъ былъ въ это время полковникъ Румель, съ которымъ Симашко началъ ссориться почти съ перваго же дня своего пріѣзда. Румель былъ старый полковникъ и ожидалъ мѣста директора; два мѣсяца онъ прожилъ съ Симашкой и видя, что за человѣкъ новый директоръ, выхлопоталъ себѣ временное назначеніе состоять при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній и уѣхалъ въ Петербургъ. Такимъ образомъ, едва вступивъ въ должность директора, Симашко уже успѣлъ поссориться съ ближайшимъ своимъ помощникомъ; ссора эта не успѣла принять острый характеръ, и сообщилъ ли о ней Румель Исакову, ничего не извѣстно. По отъѣздѣ Румеля, должность его сталъ исправлять его помощникъ полковникъ Дудышкинъ. Стараясь подлаживаться къ

русскимъ учителямъ и воспитателямъ, Симашко за то принялся усиленно ссориться съ Дудышкинымъ. Дошло до того, что Дудышкинъ не могъ болѣе жить съ Симашкой и, едва окончился первый учебный курсъ, онъ поѣхалъ въ Петербургъ жаловаться на Симашку; не получивъ удовлетворенія, Дудышкинъ перешелъ преподавателемъ математики въ Межевой институтъ въ Москвѣ.

Вмѣсто Дудышкина, котораго имѣлось въ виду назначить инспекторомъ классовъ, назначенъ былъ инспекторомъ полковникъ С. Н. Кругликовъ, бывшій помощникъ инспектора классовъ въ кавалерійскомъ училищѣ. Несмотря на свой флегматическій темпераментъ и крайнюю доброту, Кругликовъ не могъ ужиться съ Симашкой; вскорѣ у нихъ началась ссора; Симашко не стѣсняясь говорилъ ему дерзости, такъ что къ концу учебнаго года Кругликовъ написалъ въ Петербургъ письмо, прося перевести его въ другое заведеніе; въ то же время Симашко написалъ ложный доносъ о томъ, что Кругликовъ довелъ одного воспитанника до сумасшествія (о чемъ сказано было выше), и Николай Васильевичъ назначаетъ Кругликова въ Омскую военную гимназію (въ Сибири) на ту же должность инспектора классовъ, что̀ дало поводъ Симашко лѣтъ десять повторять одну и ту же фразу: «я сослалъ Кругликова въ Сибирь, только кандалы не надѣлъ на него!» Вмѣсто Кругликова инспекторомъ классовъ въ Полтаву назначили меня. Такимъ образомъ въ два года Симашко успѣлъ выжить трехъ лицъ, исполнявшихъ должность инспектора классовъ.

Первый разговоръ, который завелъ Симашко со мною въ день моего представленія, былъ о Кругликовѣ. Симашко прямо назвалъ Кругликова набитымъ дуракомъ[1]) и выразилъ свою радость о томъ, что его отъ него взяли.

Дѣла, о которыхъ я выше говорилъ, я засталъ уже значительно из-

---

[1]) До своего назначенія директоромъ Полтавской военной гимназіи, Симашко былъ инспекторомъ классовъ въ Павловскомъ военномъ училищѣ у генерала Ванновскаго, гдѣ впрочемъ онъ былъ всего одинъ годъ. Въ этотъ годъ онъ съумѣлъ угодить П. С. Ванновскому, который, полюбивъ его, просилъ Исакова о его назначеніи; чѣмъ объясняю я то обстоятельство, что во время моего пребыванія въ Кіевѣ, Ванновскій въ разговорѣ со мною сказалъ: „неудивительно, что Симашко поссорился съ Кругликовымъ, какой это инспекторъ классовъ, вѣдь это „набитый дуракъ“. Выраженіе это Ванновскій повторялъ со словъ Симашки, самъ же Ванновскій почти не зналъ Кругликова. Слова эти въ устахъ Ванновскаго тѣмъ болѣе имѣютъ значеніе, что впослѣдствіи, будучи военнымъ министромъ, онъ не остановился передъ назначеніемъ этого „набитаго дурака“ въ должность директора той же Полтавской военной гимназіи (корпуса)!! Что касается лично меня, то я хотя и мало знаю Кругликова, но съ такимъ рѣзкимъ приговоромъ о немъ не согласенъ.

мѣнившимися. Симашко уже пробылъ директоромъ два года и считалъ себя настолько утвердившимся на своемъ мѣстѣ, что призналъ возможнымъ сбросить съ себя маску. Въ годъ моего пріѣзда, въ мартѣ мѣсяцѣ Симашко поѣхалъ въ Петербургъ узнать, будетъ ли онъ утвержденъ въ своей должности (онъ назывался исправляющимъ должность директора); ему было сказано, что имъ очень довольны и что въ 1868 году къ Пасхѣ онъ будетъ предоставленъ къ чину генерала съ утвержденіемъ въ должности директора. Когда Симашко задумалъ ѣхать въ Петербургъ, то поляки стали агитировать между служащими, чтобы устроить ему торжественные проводы. Это нѣсколько удивило служащихъ, такъ какъ поляковъ Симашко, казалось, держалъ въ черномъ тѣлѣ; но, видно, имъ была извѣстна программа его дѣйствій. По подпискѣ пять троекъ было нанято для проводовъ директора до первой станціи; было взято съ собой много вина, закусокъ, и на первой станціи началась оргія. Подъ вліяніемъ шампанскаго говорили самыя горячія рѣчи, благія пожеланія Симашкѣ; при этомъ нѣкоторые подпили, и одинъ изъ присутствовавшихъ, будучи навеселѣ, прямо обратился къ Симашкѣ съ слѣдующимъ вопросомъ: «вы думаете, Францъ Ивановичъ, что все это дѣлается искренно, а не изъ льстивыхъ побужденій?» На что Симашко, съ свойственнымъ ему цинизмомъ, отвѣтилъ: «Мнѣ это все равно, мнѣ были бы факты!» А факты были: вся Полтава и окрестные помѣщики стали говорить о томъ, что за прекрасный директоръ въ военной гимназіи, котораго такъ любятъ всѣ служащіе.

Возвратясь изъ Петербурга, Симашко почувствовалъ силу; выдержки однако у него не было, чтобы выждать еще годъ до полученія утвержденія въ должности; его строптивый характеръ началъ обнаруживаться: съ своимъ инспекторомъ Кругликовымъ онъ вступилъ въ открытую непріязнь и написалъ на него доносъ, о которомъ я говорилъ выше. Вслѣдъ затѣмъ онъ поссорился и удалилъ отъ себя всѣхъ тѣхъ русскихъ, которыхъ вначалѣ приблизилъ къ себѣ, а на мѣсто нихъ къ нему вошли въ домъ служившіе въ военной гимназіи поляки. Полякъ маіоръ Моралевскій, бывшій въ корпусѣ дежурнымъ офицеромъ и оставленный Симашкою воспитателемъ, сдѣлался любимцемъ и ближайшимъ совѣтникомъ Симашки; для него всегда были открыты двери его квартиры, и онъ чаще бывалъ у Симашки чѣмъ у себя дома. Полковникъ Липинскій, экономъ заведенія, котораго Симашко сдѣлалъ потомъ воспитателемъ, также былъ постояннымъ его гостемъ. Учителя-поляки Шишко, Михальскій и Туржанскій пользовались особеннымъ его довѣріемъ; два брата Ганнотъ—воспитатели (замѣчу очень плохіе) и нѣкоторые русскіе, угождавшіе полякамъ, также пользовались его расположеніемъ. Самъ Симашко, опасаясь при представленіи въ генералы новаго вопроса государя: «полякъ?»,—нашелъ полезнымъ измѣнить като-

лицизму и въ іюлѣ мѣсяцѣ принялъ лютеранство, не умѣя даже читать по-нѣмецки, при чемъ отговаривался тѣмъ, что его жена лютеранка и будто бы это обстоятельство заставило и его принять лютеранство. Бывшіе друзья Симашки: Котельниковъ, братья Гудимы, Макшеевъ, Вульфъ и нѣкоторые другіе преслѣдовались; въ особенности упорно преслѣдовался Симашкою священникъ заведенія протоіерей Катрановъ. Въ такомъ положеніи я засталъ заведеніе, когда прибылъ въ него въ должность инспектора классовъ. Всѣ эти подробности я узналъ почти черезъ полгода, когда я собирался уже уѣзжать изъ Полтавы.

Первый педагогическій комитетъ, бывшій 16-го августа, въ день открытія учебнаго курса, поразилъ меня тѣми враждебными отношеніями, которыя мнѣ, какъ новому лицу, невольно бросились въ глаза, въ особенности въ отношеніяхъ между воспитателями и преподавателями. Не преувеличивая говорю, что когда кто-нибудь изъ воспитателей говорилъ, то у нѣкоторыхъ преподавателей сверкали злобой глаза, и наоборотъ: рѣчи преподавателей вызывали озлобленіе воспитателей. По окончаніи комитета я обратился къ Симашкѣ съ вопросомъ: неужели здѣсь существуетъ вражда между воспитателями и преподавателями? Симашко поморщился и спросилъ: отчего вы такъ думаете?

— Изъ того, что я видѣлъ сегодня въ комитетѣ: изъ возраженій той и другой стороны, а еще болѣе изъ тѣхъ взглядовъ, которые бросались другъ на друга.

— Ну, это вамъ такъ показалось, этого нѣтъ.

На другой день помощникъ мой В. К. Вульфъ сказалъ мнѣ, что озлобленіе давно существуетъ, иногда оно въ комитетахъ выражается въ рѣзкой формѣ, но что вчера всѣ видимо сдерживались.

Прослуживъ нѣсколько недѣль, я не только самъ убѣдился въ страшномъ антагонизмѣ двухъ корпорацій, но и узналъ причину этого. Дѣло въ томъ, что Симашко далъ слишкомъ большое значеніе воспитателямъ въ ущербъ преподавателей. Разумѣется, преподаватели остались недовольны, такъ какъ воспитатели, люди большею частію не отличавшіеся большимъ развитіемъ, переименованные въ это званіе изъ прежнихъ дежурныхъ офицеровъ (когда они находились въ полномъ загонѣ у прежняго начальства), совершенно не понимали своихъ отношеній къ преподавателямъ, а поддерживаемые Симашкой, они начали какъ бы мстить за свое прежнее униженіе (прежде преподаватели третировали дежурныхъ офицеровъ) и начали позволять себѣ вмѣшиваться въ классныя занятія учителей, чѣмъ помѣшали успѣшному ходу этихъ занятій. Отношенія между преподавателями и воспитателями дошли, наконецъ, до того, что нерѣдко при встрѣчѣ другъ съ другомъ они не только не здоровались, но обходили одинъ другаго черезъ боковыя залы. Случалось, что во время урока воспитатель входилъ въ классъ, останавливалъ

занятія учителя и начиналъ разбирать проступки воспитанниковъ или раздавалъ имъ книги и тетради, дѣлая это даже съ умысломъ, чтобы доставить непріятность учителю. Въ началѣ учителя жаловались инспектору и Симашкѣ, но Симашко всегда принималъ сторону воспитателя, и, вѣроятно, это и было поводомъ ссоры его съ двумя первыми инспекторами, а Кругликовъ молчалъ. Потомъ учителя перестали жаловаться и по окончаніи урока нерѣдко сами вступали въ споры съ воспитателями. Конечно, между воспитателями было человѣкъ пять очень умныхъ и дѣльныхъ, они были сами преподаватели и умѣли себя держать съ должнымъ тактомъ, но именно самые плохіе воспитатели, а ихъ было большинство, старались при всякомъ случаѣ показать каждому учителю свое значеніе.

Вотъ эта-то ненормальность отношеній между воспитателями и учителями очень скоро бросилась мнѣ въ глаза, и я рѣшился для пользы дѣла возстановить значеніе учителя въ классѣ и указать должное мѣсто воспитателю во время классныхъ занятій его воспитанниковъ. Съ этою цѣлью я составилъ двѣ инструкціи: одну преподавателямъ, а другую воспитателямъ въ ихъ учебныхъ занятіяхъ съ воспитанниками. Въ инструкціяхъ этихъ, между прочимъ, было указано, что въ классѣ учитель есть полный хозяинъ, и воспитатель безъ разрѣшенія преподавателя не только не дѣлаетъ никакихъ распоряженій, но даже и замѣчаній ученику, которыя можетъ сдѣлать послѣ.

Надо замѣтить, что Симашко въ началѣ былъ со мною въ отличныхъ отношеніяхъ. Передъ каждымъ педагогическимъ комитетомъ, въ которомъ предстояло обсужденіе какого-нибудь вопроса, онъ заходилъ ко мнѣ на квартиру и совѣтовался со мною, какое рѣшеніе слѣдуетъ ему дать. Августъ, сентябрь и октябрь мѣсяцы мы жили мирно. Наши хорошія отношенія были не по нутру полякамъ, особенно упомянутому мною воспитателю Моралевскому, который началъ опасаться, чтобы вліяніе его на Симашку не ослабѣло черезъ меня; онъ постоянно говорилъ ему даже при другихъ воспитателяхъ,—и это доходило до меня,—что инспекторъ классовъ человѣкъ новый, не вполнѣ знакомъ съ нашими порядками, и потому не слѣдовало бы допускать въ комитетѣ обсужденіе тѣхъ вопросовъ, которые онъ возбуждаетъ. Замѣчательно, что Симашко въ этихъ разговорахъ съ Моралевскимъ всегда съ нимъ соглашался, а въ разговорахъ со мной соглашался съ моимъ мнѣніемъ. Все это показало мнѣ безхарактерность Симашки, и потому, составивъ инструкціи, я прочелъ ихъ ему, объяснивъ тѣ обстоятельства, которыя заставили меня написать ихъ (желаніе прекратить тѣ безобразія, которыя мнѣ приходилось наблюдать въ короткое время моего пребыванія въ заведеніи). Симашко вполнѣ одобрилъ обѣ инструкціи и просилъ ихъ налитографировать для раздачи членамъ комитета. Я налитографиро-

валъ ихъ въ видѣ проекта и далъ ему ихъ подписать, чтобы тѣмъ предупредить жалобы Моралевскаго, который видѣлъ бы, что подпись директора указываетъ, что инструкціи вносятся для обсужденія самимъ директоромъ. Симашко подписалъ, просилъ меня также подписаться, и, за три дня до комитета, обѣ инструкціи были розданы членамъ комитета.

Инструкція для преподавателей, послѣ непродолжительныхъ обсужденій, была принята; что же касается до инструкцій воспитателей, то она вызвала цѣлую бурю: въ теченіе двухъ комитетовъ ее обсуждали вкривь и вкось, и тутъ-то стало всѣмъ очевидно, какое озлобленіе существовало между воспитателями и преподавателями. Въ концѣ-концовъ инструкція такъ и осталась безъ окончательнаго рѣшенія, что въ ней слѣдуетъ принять и что нѣтъ, но все-таки она принесла большую пользу дѣлу: она заставила воспитателей измѣнить свои наглыя вмѣшательства въ классныя дѣла учителей; они перестали хозяйничать въ классѣ въ присутствіи учителя и такъ отучились отъ этого безобразія, что когда черезъ три мѣсяца послѣ обсужденія инструкціи ревизоръ В. В. Авиловъ (которому была извѣстна причина, вызвавшая составленіе инструкціи) спросилъ воспитателей въ частномъ комитетѣ (гдѣ отсутствовали преподаватели): позволяютъ ли они себѣ вмѣшиваться въ занятія преподавателей или нарушать эти занятія, то всѣ воспитатели единогласно (а вмѣстѣ съ ними и Симашко) заявили, что они никогда не позволяютъ себѣ этого дѣлать и остаются только наблюдателями въ классахъ. Хотя они и обобщали это и по прежнее время, но въ данное время это было совершенно вѣрно.

Несмотря на то, что инструкція, какъ я сказалъ, была подписана Симашкой, Моралевскій, въ присутствіи другихъ лицъ, жаловался Симашкѣ, что я внесъ въ комитетъ эту инструкцію, и Симашко не только одобрилъ его, но мнѣ выразилъ сожалѣніе, зачѣмъ была написана инструкція, а впослѣдствіи онъ донесъ въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній, что я составилъ въ комитетѣ инструкцію безъ его вѣдома и обвинялъ меня въ превышеніи власти.

В. Г. Фонъ-Бооль.

Бытовые очерки В. П. Лободовскаго.

III [1]).

Вечеръ, проведенный въ сообществѣ этихъ молодыхъ людей, равно какъ и стариковъ, повидимому, уже совершено примирившихся въ душѣ съ неопредѣленными стремленіями путешественника-гостя, оставилъ въ душѣ Перепелкина глубокіе слѣды. Онъ почти всю ночь не спалъ, несмотря на то, что рано простился со всѣми, чтобы на другой день, никого не безпокоя, часовъ въ пять выѣхать. Ворочаясь съ бока на бокъ, онъ никакъ не могъ отрѣшиться отъ мыслей, вызванныхъ явленіями, которыя прошли передъ его глазами въ этотъ день и, по ассоціаціи идей, привели на память множество другихъ аналогичныхъ изъ другаго времени. Ему казалось, что много силы уже прибавилось въ сферѣ его отвлеченнаго мышленія, при легкомъ пока знакомствѣ съ жизнью,—что же будетъ—мечталъ онъ—если путемъ серьезнаго изученія ея онъ до возможныхъ предѣловъ расширитъ горизонтъ знанія? Неужели, при ясно поставленныхъ и правильно сознанныхъ цѣляхъ жизни, онъ не въ состояніи будетъ осуществить этическія начала на поприщѣ практической дѣятельности? Вѣдь, въ этомъ состоитъ прогрессъ человѣчества—почему же и ему не посвятить себя на то, чтобы, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать этому прогрессу? Но устойчивы ли наши желанія и стремленія,—соображалъ онъ, приводя въ связь всѣ разрозненныя понятія, какія возникали въ его умѣ относительно молодой четы, задавшейся цѣлью до гроба идти рука объ руку въ стремленіи къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ, путемъ развитія между ними гуманныхъ на-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1904 г.

чалъ? Эта легкая, набѣгавшая по временамъ на чело молодой супруги, мимолетная задумчивость; эта очевидная неувѣренность въ самомъ себѣ со стороны ея мужа, всѣ свои упованія и надежды, повидимому, возложившаго на нее одну; эта порывистая страстность въ выраженіи пламенной любви другъ къ другу, какъ бы изъ боязни ея ослабленія и потери—не служатъ ли они признакомъ того, что время и обстоятельства могутъ представить серьезный искусъ для этихъ молодыхъ людей? Но нѣтъ, впрочемъ: «разъ вкусивши отъ плодовъ мысли, не найдешь удовлетворенія внѣ ея. Вѣдь, это неисчерпаемая задача—исканіе Бога, исканіе истины. Жизни не достаточно, чтобы удовлетворить неутолимой жаждѣ—мыслію и чувствомъ постигнуть многообразный міръ явленій и согласовать ихъ съ требованіями духа». Вотъ и эти простые помѣщики, почти не тронутые наукой, застывшіе въ рутинномъ взглядѣ на жизнь, не лишены же стремленія и способности опознаться въ сферѣ непривычной мысли и примирить ее съ своимъ опытомъ. Несомнѣнно, есть и идеалы у нихъ свои, иначе откуда бы взялась у маіора, при разнорѣчивыхъ и совершенно противорѣчивыхъ толкахъ объ извѣстныхъ личностяхъ, такая опредѣленная характеристика ихъ. Очевидно, они есть плодъ согласованія этихъ толковъ съ своими взглядами на жизнь, съ своими требованіями, съ своими идеалами. «За сухость сердца»,—говоритъ маіоръ, «не любитъ его племянникъ извѣстнаго ученаго богослова. Аскетъ въ своемъ же братѣ по духу, аскетѣ, не любитъ того, что̀ составляетъ аттрибутъ касты, какъ слѣдствіе отрѣшенія отъ міра. Что же—унаслѣдована ли эта сухость отъ предковъ, или она есть результатъ односторонняго знанія, вращавшагося только въ сферѣ отвлеченной мысли, безъ всякаго живаго приложенія къ человѣку? Но знаніе во всякомъ случаѣ—сила, которая бодритъ и оживляетъ духъ, а что оживляло или оживляетъ вотъ этихъ простыхъ людей, матеріально обезпеченныхъ въ такой степени, что они не имѣли и не имѣютъ надобности прикладывать умъ или руки къ какому-нибудь дѣлу, а внѣ матеріальныхъ потребностей, лишенныхъ всякихъ другихъ интересовъ до того, что отъ скуки начинаютъ хандрить и для развлеченія ихъ приходится съ дороги зазывать незнакомыхъ людей? Вѣра, говорятъ, удовлетворитъ человѣка всегда, вездѣ и во всемъ. Да, какъ живое начало, а не какъ заученная обрядность. Но, какъ живое начало, она наполнитъ душу идеями о благости Творца, внесетъ въ сердце жизнерадостное чувство, а не наклонность къ угрюмости и отчужденію отъ всего живаго. Воспринятая человѣкомъ какъ живое начало, а не какъ формальная обрядность, она поставитъ человѣка сразу въ правильныя отношенія къ ближнему, запечатлѣвъ въ его душѣ принципъ: «не дѣлать другому того, чего не желалъ бы, чтобъ тебѣ дѣлали». А это могло бы вызвать цѣлый рядъ обязанностей по отношенію къ закрѣпощеннымъ

людямъ, обязанностей, которыя наполнили ли бы всю жизнь человѣка—и до скуки ли ему было бы тогда? Слѣдовательно, и этихъ двухъ факторовъ—силы знанія и вѣры—важнѣйшихъ въ отправленіи моральной жизни, не было у этихъ людей. Въ чемъ же состояла ихъ духовная жизнь? Не ниже ли они тѣхъ людей простыхъ, совершенно не тронутыхъ наукой, которые нуждой поставлены въ необходимость напрягать физическія и умственныя силы къ пріисканію средствъ для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей, и той же нуждой, знакомящей ихъ съ ранняго возраста со всевозможными лишеніями, приводятся къ пониманію безпомощности человѣка, предоставленнаго самому себѣ и лишеннаго содѣйствія другихъ, а вслѣдствіе того и къ невольному сочувствію чужой бѣдѣ, чужому горю. Не даромъ же въ народѣ сложилась поговорка: «сытый голоднаго не понимаетъ».

Эти безпорядочныя, безсвязныя и неопредѣленныя мысли смѣнились другими, вылившимися въ болѣе стройной и ясной формѣ на бумагѣ, когда онъ, потерявъ надежду уснуть, при едва брезжущемъ свѣтѣ, принялся за письма къ своимъ друзьямъ. «Путешествіе—хотя бы и по способу апостольскому, въ видѣ пѣшаго хожденія—чрезвычайно полезное дѣло, особенно въ молодые годы,—писалъ онъ въ Бреховъ Смоквину и Неглигентову,—вы не можете себѣ представить, как я въ короткое время преобразился физически, подъ животворнымъ вліяніемъ великой матери-природы,—и морально, подъ давленіемъ массы разнообразныхъ впечатлѣній, пережитыхъ мною со времени разлуки съ вами. Мысль не дремлетъ и нѣтъ-нѣтъ—да и хватитъ на лету какой-нибудь могучій штрихъ изъ двухъ широко передо мною развертываемыхъ ежедневно книгъ — природы и жизни, глубоко запечатлѣетъ его въ душѣ, и носишься съ нимъ, анализируя его и такъ и сякъ до утомленія мозга, пока не вытѣснитъ его другой такой же, или еще болѣе могучій, и не займетъ его мѣста для тѣхъ же операцій. Но не мастеръ я читать ни въ той, ни въ другой книгѣ. Что я говорю—читать! Не то что читать, а разбирать даже пока еще очень трудно: знанія, знанія, знанія нѣтъ! Изъ естественныхъ наукъ почти никакого, или жалкіе обрывки изъ кое-какихъ наскоро прочитанныхъ журнальныхъ статей; по части антропологіи ничего солиднаго, устойчиваго, и думаю, что наши академіи ничего по этой части не въ состояніи дать, а потому безъ колебанія и сожалѣнія оставляю проторенную дорогу и стремлюсь въ университетъ. Избираю историко-филологическій факультетъ, но прислушаюсь къ правовѣдамъ и къ естественникамъ, разумѣется, выдающимся, кого стоитъ будетъ послушать. Все это, конечно, не для того, чтобъ наполнить голову чѣмъ попало и сдѣлать ее похожею на кладовую, въ которой разный хламъ въ безпорядкѣ валяется по угламъ: въ дѣлѣ знанія я ищу не количества, а качества. Мнѣ до тошноты опротивѣли

тѣ профессора, которые на лекціи, поскребши себѣ голову и наморщивши чело, выкопають и вынесуть на свѣть какую-нибудь мелочь, въ родѣ монеты, до того истертой, что и признаковъ печати на ней не видно, и, съ свойственною имъ мертвенной апатіей, преподносять аудиторіи, какъ нѣчто годное для возбужденія мысли. Но еще противнѣе тѣ изъ слушателей, которые, изъ угодничества профессору, именно эту-то мелочь, иногда помимо всего существеннаго, и сохраняють въ своей памяти, и въ видѣ сюрприза и сами преподнесуть ее публикѣ на экзаменѣ, къ крайнему смущенію своего патрона и удивленію экзаменаторовъ и ассистентовъ. Нѣть, мнѣ дай свѣта побольше въ наукѣ, или аріаднину нить въ руки, чтобы я самъ могъ выйти на свѣть изъ темнаго научнаго лабиринта. Чарующее дѣйствіе производить на меня природа, особенно по утрамъ, когда она какъ бы пробуждается отъ сна, и хотя ея законы для меня еще подъ семью печатями, но подъ обаяніемъ ея прелестей, доступныхъ моему чувству, такъ и хочется говорить за Лермонтовымъ: «И счастье я могу постигнуть на землѣ, и въ небесахъ я вижу Бога». И невольно припоминается великій Пушкинъ съ его суровымъ укоромъ кому-то, «враждебной властью вызвавшему его изъ ничтожества» для безцѣльной жизни, — и какъ-то не хочется вѣрить въ искренность словъ поэта, и думается, что если бы онъ, вмѣсто того, чтобы вращаться въ душной атмосферѣ пустой, тщеславной, безсмысленной и бездушной великосвѣтской черни, почаще уходилъ въ эту природу и внимательнѣе прислушивался бы къ біенію ея пульса, то онъ, по своей высокой артистической природѣ, можетъ быть, извлекъ бы изъ нея такія гаммы, отъ которыхъ растаяли бы и ледяныя сердца».

Во все время, пока Перепелкинъ писалъ это письмо, раздавались въ саду великолѣпныя трели соловья, но вотъ, наконецъ, заслышались другіе звуки и могучей волной стали вливаться въ растворенную форточку окна. Это маіоръ спозаранку упражнялся на своемъ любимомъ инструментѣ, кларнетѣ, и извлекалъ изъ него такіе чудные для Перепелкина звуки, что онъ вздрогнулъ отъ переполнившихъ вдругъ его сердце невѣдомыхъ сладостныхъ чувствъ, пріотворилъ окно и, усѣвшись на подоконникѣ, слушалъ, слушалъ и слушалъ, притаивъ дыханіе и глубоко умиляясь душою. Долго лились чудные звуки, становясь, чѣмъ далѣе, все задушевнѣе и обаятельнѣе, и дотого покорили впечатлительнаго юношу своей чарующей силѣ, что онъ и не замѣтилъ, какъ они порвались и предъ нимъ предсталъ самъ виртуозъ.

— Вы не спите?—сказалъ онъ и, опершись рукой о подоконникъ, съ ловкостью молодаго человѣка вскочилъ черезъ окно въ комнату Перепелкина.

— Боже мой! Какую душу надо имѣть, чтобы играть такъ, какъ

вы играете,—сказалъ взволнованный Перепелкинъ и никакъ не утерпѣлъ, чтобъ не броситься ему на шею и не осыпать его поцѣлуями.

— Душу-съ... душа—самая простецкая, самая простецкая-съ,—говорилъ маіоръ, — отмахиваясь руками отъ неожиданныхъ и какъ бы незаслуженныхъ похвалъ. А я вотъ для васъ приготовилъ письмецо-съ къ племяннику. Зайдите-съ... всего двѣ версты отъ большой дороги-съ. Да, вотъ, еще-съ... если смѣю предложить-съ... Маіоръ замялся и какъ-то робко посмотрѣлъ на Перепелкина: я, вѣдь, человѣкъ состоятельный-съ... Чѣмъ вамъ идти пѣшкомъ, я могу снабдить васъ деньгами-съ...

— О, что вы, что вы!—заговорилъ раскраснѣйшійся Перепелкинъ: у меня болѣе семидесяти рублей и если бъ я хотѣлъ ѣхать, то съ обозомъ могъ бы безъ затрудненія, но я хочу пѣшкомъ идти, во 1-хъ, изъ любознательности, которой легче удовлетворить именно такимъ способомъ, т. е. путешествуя пѣшкомъ, во-вторыхъ, съ цѣлію укрѣпить свое здоровье, въ чемъ и чувствую успѣхъ.

— Ну, какъ хотите!—сказалъ какъ бы обиженнымъ тономъ маіоръ: а то, вѣдь, я человѣкъ со средствами-съ... Здѣсь живу только по дружбѣ къ этому милому семейству-съ, да по своему круглому сиротству-съ... только племянникъ-монахъ—больше никого-съ.

Перепелкинъ отклонилъ его предложеніе, завѣривъ, что въ средствахъ не нуждается.

— Да вотъ еще я хотѣлъ васъ предупредить, чтобъ вы при встрѣчахъ съ помѣщиками-съ не сдавались на ихъ приглашенія къ себѣ, потому бываютъ между ними кутящіе и могутъ выйти большія непріятности-съ...

Перепелкинъ сдѣлалъ изумленные глаза.

— Да-съ! заставятъ пить, безобразничать-съ, а чуть что не по нимъ—прибьютъ-съ... а то и высѣкутъ-съ.

На физіономіи Перепелкина выразилось крайнее изумленіе и смущеніе.

— Да-съ! Здѣсь былъ такой случай: отставной капитанъ Рюшкинъ зазвалъ къ себѣ съ дороги семинариста-богослова, проэкзаменовать дѣтей въ наукахъ, да и высѣкъ его-съ.

— Помилуйте!—развелъ руками Перепелкинъ,—да за что же?

— Не одобрилъ отвѣтовъ-съ.

— Неужели за это?

— Только за это-съ. Дѣло третій годъ уже ведется-съ... въ Петербургъ ушло-съ... тысячъ пять ужъ капитану стоитъ-съ. Архіерей стоитъ крѣпко за богослова-съ.

— Да какъ же это подробно объясняютъ?—полюбопытствовалъ Перепелкинъ.

— Вотъ и всѣ тутъ подробности: не нашелъ успѣховъ-съ... жена попрекнула мужа-съ, что много ушло денегъ на обученіе дѣтей, а толку, какъ видно, никакого нѣтъ-съ. «А! такъ ты смущать, разбойникъ, вздумалъ насъ?»—вскинулся онъ въ бѣшенствѣ на растерявшагося семинариста-съ, позвалъ людей и высѣкъ-съ... Жена и дѣти въ слезы-съ, а онъ тумаками разогналъ ихъ-съ.

Какъ ошеломленный стоялъ Перепелкинъ передъ маіоромъ, широко раскрывъ глаза и не вѣря своимъ ушамъ. Но несомнѣнно честная натура нехитраго разсказчика не давала ни малѣйшаго повода къ предположенію, что въ его словахъ есть преувеличенія или неточности.

— Да-съ! есть безобразники-съ... особенно изъ бывшихъ военныхъ-съ... колотятъ женъ и дѣтей-съ... даже истязаютъ-съ.

— Да откуда же такая дикость и звѣрство?—спросилъ взволнованный Перепелкинъ.

Маіоръ задумался.

— Въ натурѣ ли это человѣка, или въ условіяхъ его жизни, воспитанія—разсуждалъ вслухъ Перепелкинъ.

Маіоръ воззрился на него, но ничего не сказалъ.

Пробило пять часовъ. Къ окну подошелъ кучеръ и сказалъ, что лошади готовы. Перепелкинъ подалъ ему вещи.

— Я васъ провожу-съ до околицы... пѣшкомъ-съ.

Перепелкинъ хотѣлъ было посмотрѣть на дѣтей, но оказалось, что лѣтомъ ихъ укладываютъ спать, обыкновенно, въ девять часовъ, а будятъ въ шесть—тѣхъ, что постарше, а самыя маленькія и ложатся, и встаютъ, какъ случится. Молятся же Богу утромъ и вечеромъ всегда въ присутствіи молодой барыни, которая и сама съ ними молится, читаетъ вслухъ молитвы, объясняетъ ихъ дѣтямъ и заставляетъ самихъ читать наизусть.

— Это зрѣлище умилительное-съ!—замѣтилъ съ задушевною искренностію маіоръ.

— Прекрасные люди—эти Бугаевскіе, — сказалъ Перепелкинъ,— желая вызвать маіора на отвѣтъ, по поводу звѣрства другихъ.

— Рѣдкіе-съ! Бога въ душѣ имѣютъ-съ...

Маіоръ замолчалъ. Перепелкинъ, въ ожиданіи продолженія разговора со стороны маіора на затронутую тему, тоже упорно молчалъ, идя рядомъ съ нимъ и засматривая ему въ лицо. Но объясненій, почему другіе помѣщики такъ безобразничаютъ, не послѣдовало, а надумался маіоръ поразсказать, въ краткихъ предложеніяхъ, съ обычными прибавками къ послѣднему слову «съ», о нѣкоемъ Ургинѣ нижеслѣдующее:

Служилъ въ кавалеріи, женился на некрасивой, но чрезвычайно богатой дочери помѣщика, вышелъ въ отставку и въ пять лѣтъ всѣ

имѣнія заложилъ и перезаложилъ. Велъ большую игру въ карты, свирѣпствовалъ въ спорахъ объ игрѣ и лѣзъ въ драку, за что̀ часто бывалъ битъ и имѣлъ тѣлесныя поврежденія. Всѣ свои имѣнія разорилъ, людей поразогналъ, такъ что до пятисотъ душъ обоего пола считалось въ бѣгахъ, многихъ забилъ до смерти, или искалѣчилъ. Тиранилъ жену, билъ ее чубукомъ по чему попало и ставилъ на колѣни на гречиху, на что она никому не смѣла жаловаться изъ боязни худшаго. Позадолжалъ многимъ въ окрестности порядочныя суммы и всѣмъ кредиторамъ понадѣлалъ дерзостей, а денегъ не возвратилъ. Взялъ и у него, маіора, на честное слово, три тысячи рублей, а на требованіе возвратить эти деньги прислалъ ему непристойные, облитые дрянною жидкостью, рисунки, обозвавши его дуракомъ. По двумъ стамъ дѣламъ производились о немъ слѣдствія, пока смерть не убрала его.

— Однажды утромъ, послѣ неистоваго кутежа и дебоша съ самыми отчаянными людьми, былъ найденъ мертвымъ въ своемъ кабинетѣ-съ. Неизвѣстно-съ, своею ль смертью умеръ, или задушенъ-съ... всю дворню развратилъ-съ... всѣмъ сталъ ненавистенъ-съ.

— Да отчего жъ такіе звѣри выходятъ?—вновь полюбопытствовалъ Перепелкинъ.

Маіоръ опять воззрился на Перепелкина и молчалъ.

— А? Николай Ивановичъ? Вѣдь есть же причины, отчего человѣкъ дѣлается такимъ звѣремъ?

— Не знаю-съ.

— Какъ вамъ не знать! Вы много прожили на свѣтѣ.

— Бога нѣтъ въ душѣ—вотъ-съ!

Крѣпко обнялъ старика Перепелкинъ на прощанье.

IV.

Бога нѣтъ въ душѣ... да какъ же его водворить тамъ? И водворить безъ искаженія облика его? назойливо раздумывалъ Перепелкинъ, улегшись въ тарантасикѣ и подремывая. Спать хочется, но лѣзетъ неотвязчивая мысль: кто несомнѣнно имѣлъ въ душѣ Бога—Коперникъ, Галилей, Ньютонъ, или тѣ мизерныя исчадія религіознаго фанатизма, которыя изобрѣли инквизицію и создали хищнически-злодѣйскій принципъ: цѣль оправдываетъ средства? И стала передъ нимъ развертываться, въ полуснѣ, картина несправедливостей, жестокостей, кровавыхъ дѣлъ, въ періодъ христіанства совершенныхъ людьми, часто съ крестомъ въ рукахъ, во имя милосерднаго Бога, заповѣдавшаго: «воз-

любиши ближняго, какъ самого себя». И невольно навертывалась мысль, что трудно человѣчеству проникнуться евангельскимъ ученіемъ, въ виду фальши, охватившей мірскую жизнь; что эгоизмъ человѣческій, для удовлетворенія своихъ животныхъ вожделѣній, найдетъ лазейку вездѣ и во всемъ, и именемъ распятаго Богочеловѣка способенъ прикрыть всевозможныя дѣла и поступки. И грезится ему уже во снѣ, что человѣчество, наконецъ, поняло тактику этого эгоизма и, строго осудивъ проявленія его въ прошедшемъ, сурово стало относиться ко всѣмъ лицемѣрамъ, которые только умѣютъ искусно прикрываться именемъ распятаго на крестѣ Богочеловѣка, совершенно не думая объ исполненіи Его заповѣдей, изъ которыхъ главная: «возлюбиши ближняго, какъ самого себя». И чудится ему, что человѣчество даже торжественно предаетъ проклятію ежегодно всѣхъ тѣхъ, которые носятъ маску лицемѣрія, не знаютъ правды и, такъ или иначе, нарушаютъ права человѣка, забывая ту заповѣдь, или прибѣгая, по усмотрѣнію, къ хитрымъ толкованіямъ ея: что это произвело своего рода дѣйствіе, и дошло уже до того, что люди несправедливые, нечестные, жестокіе никакими софизмами и масками не могутъ уже прикрыть своей нравственной наготы; что отъ нихъ, какъ отъ зачумленныхъ, сторонятся, чуждаются ихъ сообщества, что они, какъ презрѣнные паріи, осуждены вести жизнь унылую, постылую, и волей-неволей должны отрѣшиться отъ всякихъ злодѣйствъ, чтобы войти въ общеніе съ людьми, имѣющими Бога въ душѣ; что...

Хлопъ, хлопъ, хлопъ! Явственно слышитъ во снѣ Перепелкинъ какіе-то звуки, но онъ уснулъ на спинѣ и никакъ не можетъ освободиться отъ кошмара и очнуться, хотя слухъ его и поражается неистовымъ окрикомъ возницы: «Ты чаво дерешься? Я, вѣдь, господъ Бугаевскихъ...» И опять: хлопъ, хлопъ, хлопъ, тутъ ужъ что-то задѣло по ногамъ Перепелкина, онъ почувствовалъ боль и раскрылъ глаза. Изумленнымъ его взорамъ представилась такая картина: Тарантасикъ, въ которомъ онъ ѣдетъ, стоитъ среди дороги, пристяжной лошади не видать; возница его стоитъ у экипажа, отираетъ кровь съ лица и болѣзненно поводитъ плечами, то сжимая, то разжимая ихъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, вправо стоитъ маленькая бричонка, на которой лежитъ перепачканная пылью и засохшею грязью шинель, а на ней кожаный портфель. Обладателя этихъ предметовъ не видать, а возится около лошадей только его кучеръ, ямщикъ съ мѣдной бляхой на шапкѣ, весь избитый, съ слѣдами запекшейся крови на лицѣ. Коренная лошадь, вся въ пѣнѣ и взмыленная, тяжело дышала, широко раздувая свои бока; въ пристяжной Перепелкинъ узналъ лошадь изъ-подъ его тарантасика, а тутъ же, невдалекѣ, лежала раздувшаяся, какъ гора, издохшая лошадь.

— Что все это значитъ?—протирая свои глаза отъ изумленія, спросилъ Перепелкинъ своего возницу.

— Хвитегиръ,—неохотно проронилъ онъ,—прикладывая руки то къ затылку, то къ щекамъ: кульеръ такой, значитъ,—добавилъ онъ,— видя, что Перепелкинъ уставился на него изумленными глазами.

Вотъ выскочилъ изъ канавы рыжій, свирѣпаго, даже, просто, звѣрскаго вида, человѣкъ, въ какой-то странной военной формѣ, съ длинными висячими усами и такими же бакенбардами, крѣпкимъ сиплымъ голосомъ непристойно выругался на кучеровъ, вскочилъ въ бричонку, набросилъ на себя шинель и не сѣлъ, а, ставъ на колѣни, пустилъ въ ходъ толстую ременную трехвостку. Лошади помчались, только и видно было, какъ помахивалъ фельдъегерь трехвосткой, которая поминутно падала то на лошадей, то на возницу.

— Ну, я теперь пойду себѣ пѣшкомъ,—сказалъ Перепелкинъ,—собирая свои вещи.

— Почто пѣшкомъ... доѣдемъ до станціи, а тамъ какъ хотите.

— За что онъ тебя билъ?

— Не остановилъ сразу лошадей. Онъ кричитъ въ догонку: стой! а я, невдомекъ, кому кричатъ «стой» ѣду себѣ рысцой. Вотъ за это самое,—говорилъ флегматичный возница, какъ-будто такъ и слѣдовало, и ему досталось по дѣломъ.

— Да, по какому жъ праву онъ отобралъ лошадей?

— А кто жъ его знаетъ! Вѣстимо, хвитегиръ. Лѣтось попа и попадью спихнулъ съ телѣги, кучеру ихъ расквасилъ носъ и рыло свернулъ на бокъ, самъ вскочилъ въ телѣгу и пять верстъ гналъ до станціи, а сѣдоки вернулись на станцію пѣшкомъ: онъ навстрѣчу имъ ѣхалъ.

— А его экипажъ и кучеръ?

— Его кучеръ колесо налаживалъ—сломалось, вишь,—да вышибленные кульеромъ зубы вынималъ, да выбрасывалъ изо рта.

Лошадь, брошенную на станціи фельдъегеремъ, нашли въ такомъ видѣ, что не раньше, какъ часовъ черезъ пять, можно было запречь ее, а потому Перепелкинъ, давъ возницѣ, по его просьбѣ, записку къ его господамъ о случившемся въ дорогѣ приключеніи, одинъ побрелъ пѣшкомъ, въ надеждѣ догнать Кулика, что̀ могло бы осуществиться въ этотъ же день, если бы онъ, залюбовавшись видами какой-то холмистой, покрытой мелкимъ лѣсомъ, мѣстности, не запоздалъ на ночлегъ въ деревню, гдѣ, какъ послѣ оказалось, нарочно поджидалъ его Куликъ, но имъ пришлось ночевать на двухъ противоположныхъ концахъ и они, не подозрѣвая того, въ разное время вышли изъ деревни и только черезъ семь дней уже сошлись опять. Хотя онъ, съ годъ тому назадъ, и совершилъ въ одиночествѣ путешествіе изъ Брехова до города М., но онъ шелъ по мѣстностямъ своей и сосѣдней губерній, болѣе или

менѣе ему извѣстнымъ, и потому въ спутникѣ не ощущалъ особенной нужды. Здѣсь же другое дѣло, да при томъ онъ считалъ себя какъ-бы виноватымъ въ томъ, что Кулику пришлось одному продолжать путь, вопреки его привычкамъ никогда не уходить на богомолье, не заручившись спутникомъ, хоть въ одинъ конецъ. Перепелкинъ и въ деревняхъ, чрезъ которыя проходилъ, и встрѣчныхъ разспрашивалъ, не проходилъ ли съ такими-то примѣтами человѣкъ, но всегда получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «А не въ примѣту: мало-ли тутъ какого народа ходитъ!» Онъ сталъ мало-по-малу привыкать къ одиночеству, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ находилъ его даже болѣе удобнымъ для себя, какъ, напримѣръ, въ выборѣ времени и мѣста для дневнаго роздыха и для ночлега.

Такъ въ одной деревнѣ, съ цѣлію ознакомиться съ убогою жизнію бѣднѣйшихъ людей, онъ попросился ночевать въ очень неприглядную избушку, на завалинкѣ которой, съ улицы, сидѣла старушонка, а возлѣ нея, тутъ же, копались въ землѣ двое маленькихъ ребятъ, на которыхъ онъ и засмотрѣлся, едва только вошелъ въ деревню.

— Можно, бабушка, у васъ переночевать?—обратился онъ къ старухѣ.

— Чаво? Гаркни дюжѣй, не слышу.

Перепелкинъ нагнулся къ уху старухи и громко выразилъ свою просьбу.

— А кто ты будешь такой—дворовой, аль...

— Поповичъ,—опять громко произнесъ Перепелкинъ.

— Ну, что жъ—ночуй, только у насъ ничаво нѣтъ тебѣ покушать, аль напиться. Вотъ ужо развѣ молочка тебѣ раздобудемъ, какъ придетъ съ поля молодуха, а можа, и большакъ пріѣде и тады раздобуде тебѣ винца.

Перепелкинъ прокричалъ ей на ухо, что ничего ему не нужно, что покушать есть у него кое-что свое, а до винца онъ не охотникъ. При этомъ онъ досталъ изъ сумки два пирожка (ему полный мѣшочекъ съѣдобнаго положили въ тарантасъ безъ его вѣдома, по распоряженію молодой барыни, какъ объяснилъ возница) и отдалъ дѣтямъ, которыя и не знали, какъ съ ними справиться. Старуха одобрительно взглянула на него, но тутъ же спохватилась:

— Да не скоромные ли они? Вѣдь, нонѣ Петровки,—сказала она, поспѣшно отбирая пирожки отъ дѣтей.

— Какъ же ты, бабушка, маленькихъ дѣтей боишься оскоромить, а мнѣ думаешь раздобыть молочка?

— И! что вамъ, господамъ! Деньги есть, отмолишь грѣхи, какіе ни на есть; а то попомъ будешь, еще лучше: сорокъ акатистовъ прочиталъ Миколѣ угоднику и сниметъ грѣхъ.

Дѣти запросили ѣсть. Вошли въ избу. Все тутъ глядѣло бѣдно, черно и непріютно. Дѣти—дѣвочка трехъ лѣтъ и мальчикъ—четырехъ—вскарабкались на лавку около стола и дожидались ужина, робко поглядывая на Перепелкина. Старуха принесла изъ кладовки краюху хлѣба и свѣжаго зеленаго лучку, накрошила того и другаго въ миску, налила туда квасу и заправила солью. Дѣти взялись за ложки и усердно стали хлебать это незатѣйливое кушанье.

— Попробуй нашей-то тюри, касатикъ,—предложила старуха,—можа, не ѣдалъ никогды?

Перепелкинъ попробовалъ. Ничего, ѣсть можно, подумалъ онъ, только будешь ли сытъ отъ одной тюри.

— Вотъ бы кашки тебѣ: спорѣе бы она супротивъ тюри; да, вишь ты, ни крупы, ни пшена нѣту-ти, только на заправу щецъ и осталось малесенько,—говорила старуха,—сокрушительно качая головой: хлѣбушка тоже на исходѣ, дотянуть бы только далъ Богъ до новаго... мякинки подбавляемъ... въ хлѣбушко-то. А вотъ и самъ большакъ ѣде,—сказала она,—взглянувъ въ окошечко.

Во дворъ въѣхала телѣга, на которой сидѣли двѣ женщины и мужикъ, который ввелъ лошадь въ ворота. Женщины сейчасъ же вошли въ избу и очень изумились, увидѣвъ Перепелкина.

— Поповичъ... напросился ночевать... ѣсть ничаво не надо-те... свое все есть,—рекомендовала старуха гостя.

Женщины молчали и только оправили на себѣ кое-что. Обѣ были не дурны. Одна постарше—лѣтъ за тридцать, другой—съ небольшимъ развѣ двадцать. Старшая отличалась свѣжестью, здоровьемъ, смуглымъ цвѣтомъ загорѣлаго лица; младшая—худобой, блѣднымъ, безжизненнымъ цвѣтомъ нетронутаго загаромъ лица. Послѣдней и принадлежали дѣти. Она два года какъ овдовѣла. Мужъ ея уѣхалъ съ транспортомъ въ Венгрію и оттуда не вернулся: пришла вѣсть, что умеръ тамъ. «Вотъ съ того-то что-то и попритчилось съ нею: лѣтомъ, на зарѣ, въ полѣ или въ огородѣ, смотрится то въ осколокъ зеркальца, которое всегда носитъ съ собою, то на зарю, и воетъ, воетъ съ какими-то причитаніями, заливаясь слезами. Любитъ дѣтей. Смирна и послушна. Другая жена большака—съ «ндравомъ», капризна. Дѣтей у ней не было» Все это старуха успѣла сказать про своихъ невѣстокъ, пока онѣ въѣзжали во дворъ.

Вошелъ «большакъ», крѣпкій, мускулистый мужичокъ, лѣтъ 35. Онъ оказался очень общительнымъ и сейчасъ же вызвался сбѣгать «за перцовочкой, аль за наливочкой, коли ежели что потребоватся».

— Я важивалъ въ городъ поповичей: важно пьютъ. Ну, и драчуны же во хмѣлю!

Перепелкинъ сказалъ, что онъ не охотникъ до напитковъ.

— Пошто не пить... зелье-то пользительное, у! какъ пользительное... при работѣ-то... вотъ такъ бы и пропустилъ топеря шкаличекъ.. другой, да, вишь, въ мошнѣ-то ни денежки нѣту-ти.

Перепелкинъ далъ двугривенный. «Большакъ» живо исчезъ. Старшая невѣстка приготовляла тюрю; младшая, уложивъ дѣтей на полатяхъ, стала ей помогать, робко посматривая на всѣхъ. Уныніе и какая-то затаенная дума выражались на ея блѣдномъ, исхудаломъ и кроткомъ лицѣ. Ни та, ни другая не обмолвились еще ни однимъ словомъ. Только старуха трещала безъ умолку, не дожидаясь ни отъ кого ни отвѣтовъ, ни запросовъ. «Ѳаддей-то, Ѳаддей какъ обрадовался»,— говорила она про сына. «Обѣдняли мы, слышь ты,—обратилась она къ Перепелкину: допрежъ не то было... и въ будни ѣли лапшу и кашу съ масломъ... умеръ Ванюха-то,—не то стало (у вдовы закапали слезы, и она вышла изъ избы). Одинъ кормилецъ остался... коровушку лѣтось продали... за недоимку... мерина соблюлъ... для пахоты больше: извозомъ нонѣ не занимацца».

Явился Ѳаддей съ сіяющимъ лицомъ и, поставивъ посудинку на столъ, подошелъ къ рукомойнику и вымылъ руки. Бабы продѣлали это раньше, когда только приступали къ приготовленію ужина. Всѣ чинно помолились на чернѣвшія въ углу иконы безъ видимыхъ обликовъ и усѣлись за столъ. Но тутъ оказалось, что рюмки «нѣтути», давно разбилась.

— Тамотка, въ кладовкѣ, стаканчикъ изъ-подъ лампадки валяцца,— давай его суды,—командовалъ Ѳаддей.

— Что ты, что ты, шальной, святыню-то подъ водку!—ужаснулась старуха,—оправимся, купимъ маслица и опять приспособимъ къ святымъ образамъ лампадку-то.

Достали съ полки чайную чашку безъ ручки и съ выбитымъ краешкомъ.

— Ну, милость ваша—не знаемъ, какъ тя величать,—обратился Ѳаддей къ Перепелкину:—садись-ко съ нами вечерять, да и винца-то хоть маленько пропусти, аль, коли не употребляшь, хошь пригубь для компанства-то; а то что такъ-то глядѣть, какъ другіе станутъ ѣсть да пить.

Перепелкинъ усѣлся за столъ и «пригубилъ» ему первому поданную чашку. Затѣмъ «большакъ», наполнивъ чашку до разбитаго краешка, выпилъ ее залпомъ всю и крякнулъ. Выпила и старуха полчашки и стала морщиться и сплевывать.

— Гдѣ ты такого зелья досталъ?—сказала она, тряся головой съ закрытыми глазами и вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— У кого такой запеканки раздобудешь, какъ не у Трохима,—говорилъ, заливаясь заразительнымъ смѣхомъ, очень повеселѣвшій сразу

Ѳаддей. Вторила его смѣху жена, улыбалась молодка-вдова, весело стало почему-то и Перепелкину.

Молодухи оказались не пьющими, но по желанію большака, для компанства, должны были пригубить.

— Ну тебя съ этимъ винищемъ! ажно жжетъ,—сказала старуха, выходя изъ-за стола,—запью водицей, квасъ-отъ не помогаетъ.

Этотъ эпизодъ еще больше настроилъ всю компанію къ веселому расположенію духа. Обѣ молодухи съ искреннею непринужденностію стали хохотать, глядя, съ какимъ усердіемъ старуха отплевывалась и запивала водой жгучую запеканку. И безъ того симпатичное лицо молодухи-вдовы сдѣлалось необыкновенно пріятнымъ и привлекательнымъ, когда съ него сошла тѣнь обычнаго унылаго выраженія. Всѣ шутили надъ старухой, пока она не оправилась и не усѣлась снова за столъ. Чинно и мѣрно опускались ложки въ большую миску, наполненную тюрей до краевъ. Перепелкинъ въ пріемахъ ѣды старался подражать компаніи. Онъ теперь только разобралъ, что кушанье невкусно и, главное, очень горьковато. Оно состоитъ изъ четырехъ элементовъ, изъ которыхъ три можно отдѣльно испытать, а потому онъ пробовалъ брать въ ложку одного квасу, одного крошева хлѣба, и одного лучку, но все-таки той горечи не ощущалось, какъ во всемъ вмѣстѣ. Соль,—думалъ онъ,—но, вѣдь, она растворилась въ квасѣ, а все-таки квасъ не имѣетъ той горечи, какъ всѣ составныя части вмѣстѣ. Ѣли молча. А пока Перепелкинъ умственно производилъ анализъ тюри, большакъ, не считая уже нужнымъ безпокоить другихъ предложеніемъ пригубить или отпить винца, нѣсколько разъ приложился къ посудинкѣ и осушилъ ее всю до дна. Онъ сильно раскраснѣлся, глаза заискрились, но мягкій, какъ видно, характеромъ, онъ только улыбался, глядя на всѣхъ, и очень уже лѣниво запускалъ свою ложку въ хлебово.

— Ну, спасибо тебѣ, Савичъ,—обратился онъ къ Перепелкину,— умильно смотря ему въ глаза:—важно угостилъ меня. Давно не лакалъ этого зелья. Обезсилили мы, слышь ты, а допрежъ и у себя дома держали посудинку съ винцомъ. Вотъ, какъ передъ Богомъ, тебѣ говорю: дома винцо держали! Одинъ, вишь, кормилецъ остался, а за шесть ревизскихъ душъ долженъ платить, да постои, да наряды, да опчественные сборы—вотъ-те и кружись, какъ знашь.

— Да братъ давно померъ?—полюбопытствовалъ Перепелкинъ.

— Померъ... какъ бы померъ!

Вдова встала изъ-за стола, помолилась на образа и проворно полѣзла на полати къ дѣтямъ.

— Это, видишь, въ волость пришла бумага, что померъ, а сказываютъ не то: сказываютъ, что забили до смерти—вотъ оно что!

Съ полатей послышалось сдерживаемое всхлипыванье.

— Полно-те, Аксюха, не плачь: не воротишь... знать, на то воля Божья! Квартировали, слышь ты,—обратился онъ опять къ Перепелкину,—военные, антиллерія. Ну, объявился имъ походъ на венгровъ, значитъ. Господа такіе все знатные, капитаны да полковники. Братъ важивалъ ихъ часто въ губернскій городъ... ничего, платили и водкой потчивали. Вотъ они и сманили его, какъ объявился походъ: вези, молъ, снаряды, дадимъ хорошія деньги и запишемъ тебя подрядчикомъ на торгахъ, а залогъ сами внесемъ. Братъ сдуру-то и послушался ихъ, взялъ задатокъ, прикупилъ лошадокъ, да еще подбилъ изъ разныхъ деревень пять возчиковъ. Свалили на 25 подводъ снаряды и пустились въ путь. Ты жъ, Гаранька, давай намъ вѣсточки, гдѣ будешь, не скупись на писарей отписывать то,—говоритъ ему на прощанье Аксюха (съ полатей учащается всхлипыванье).—Чаво скупиться! не каменный я,—говорилъ онъ,—а самъ такъ и затрясся, какъ сталъ прощаться съ нею, да съ малыми дѣтьми.

Съ полатей раздалось рыданіе.

— Ну, Савичъ, пойдемъ со мною спать на сѣновалъ, я тебѣ тамъ доскажу.

Когда улеглись, Ѳаддей продолжалъ: «Вотъ проходитъ мѣсяцъ, другой, третій, полгода, а объ Гаранькѣ ни слуху, ни духу. Пошелъ девятый мѣсяцъ—нѣту. Сѣмъка, я съѣзжу въ Карасевку—оттеда тоже пошелъ возчикъ. Поѣхалъ туды, а онъ какъ разъ въ ту пору вернулся, возчикъ этотъ-то. Что, говорю, какъ дѣла? Убѣгомъ, говоритъ, ушелъ, все бросилъ: вотъ какъ есть, оборванцемъ пришелъ, христовымъ именемъ пробивался въ дорогѣ. Ну, а братъ мой? Братъ твой, говоритъ, въ могилѣ. Что съ нимъ, говорю, приключилось? А денегъ, говоритъ, господа не давали, скотинѣ подтянуло бока отъ безкормицы,—хошь самъ вези,—ну, онъ пожаловался какому-то начальству тамъ. Явился полковникъ-отъ, что̀ подряжалъ. «А, такъ ты бунтовать, говоритъ, сякой-такой!» Связали его, собрали насъ, да пять пучковъ березовыхъ и истрепали на немъ. «Довольно!»—кричитъ начальникъ—становый-ли аль исправникъ—не знаю. Перестали его полосовать, а онъ лежитъ. Подняли это его, а онъ только потянулся—и духъ вонъ. Я такъ и не пошелъ на постоялый, думаю себѣ: пропадай мое все, только бы живу быть. Да и другіе, должно быть, либо разбѣжались, либо забиты, какъ Гаранька твой, потому, не слыхать, чтобъ кто воротился.

— Боже мой, какіе треклятые бываютъ люди на свѣтѣ! - невольно сорвалось у Перепелкина.

— Какъ есть господа,—хладнокровно замѣтилъ Ѳаддей.

— Да развѣ жъ всѣ такіе?

— А то какъ же! Всѣ они норовятъ притѣснить мужика, содрать съ него, а не то—побить ни за что, ни про что.

— Ну, это вздоръ, что всѣ такіе! Бываютъ между ними очень добрые, я это самъ знаю,—вступился за господъ Перепелкинъ.

— Какъ, поди, не бывать! Должно быть, бываютъ, да я-то такихъ не видалъ.

— Да вотъ же ты самъ говорилъ, что братъ твой важивалъ ихъ въ городъ, они ему хорошо платили и угощали.

— Это что! Всякій пьющій тебя угоститъ, а то еще и побьетъ, коли не станешь пить: а то что! А ты сосчитай-ка, сколько бабъ они тутъ изобидили и всякихъ бѣдъ натворили крестьянамъ, такъ и не скажешь, что добрые, потому много ихъ, и будь хошь одинъ между ними добрый, то по крайности пристыдилъ бы другихъ и хошь маленько пріудержалъ бы ихъ. Такъ-то! И пьяницы они всѣ. Братъ сказывалъ: повезъ-эфто я, говоритъ, разъ полковника къ Лемеховскому барину, а тамъ ужъ, говоритъ, видимо невидимо охвицеровъ эфтихъ самыхъ, антиллеріи, значитъ. Вотъ, братецъ ты мой, они сперва все гуляли въ большомъ барскомъ домѣ, а потомъ ночью перешли въ хлигиль въ саду, и ужъ тамъ-то покойный братъ подивился, что они продѣлывали. Нагнали, говоритъ, туда бабъ, и онѣ сначала однѣ плясали голыя, какъ мать родила, а потомъ и господа раздѣлись и нагишомъ, какъ есть, стали съ ними отплясывать и вертѣться, а дворня, говоритъ братъ, и я съ ними стоимъ подъ окнами и посматриваемъ въ щели ставень. А потомъ, говоритъ, срамъ дѣлали, что всѣ, кто тутъ были, сплюнули и бѣгомъ оттуда убѣжали во дворъ.

Перепелкинъ уснулъ съ мыслью проснуться по зарѣ, чтобъ прислушаться и посмотрѣть, что будетъ причитывать и дѣлать молодая вдова на огородѣ. Его предупредилъ, впрочемъ, Ѳаддей, проснувшійся какъ разъ въ то время, когда кто-то вышелъ изъ избы и направился въ огородъ.

— Ну, Савичъ, ползи вонъ къ той щели, указалъ онъ рукой: оттеда все увидишь—вышла уже молодуха.

Перепелкинъ подползъ къ щели, присѣлъ на корточки и съ нетерпѣніемъ сталъ дожидаться появленія вдовы-молодухи. Вотъ она показалась изъ-за плетня и направилась къ многовѣтвистой вербѣ, росшей надъ «копанкой» съ небольшимъ срубомъ, изъ которой берутъ воду для питья. Остановилась у сруба, осмотрѣлась кругомъ и, вынувъ изъ тряпочки осколокъ зеркальца, стала смотрѣть то въ него, то на востокъ. Все лицо облилось слезами. Слышались: легкое всхлипываніе, завыванія, причитанія, сопровождаемыя какъ бы укоризненной жестикуляціей правой руки по направленію къ востоку; но уловить какой-нибудь членораздѣльный звукъ не представлялось никакой возможности.

*

Болѣзненно сжималось сердце Перепелкина при видѣ этой процедуры, продолжавшейся минутъ пять—шесть. Потомъ она зачерпнула воды стоявшимъ на срубѣ спускомъ, умылась и, вытершись полотенцемъ, которое достала изъ-за пазухи, помолилась на востокъ и на церковь и проворно ушла въ избу.

Пока большакъ съ молодухами приготовлялись къ отъѣзду въ поле, Перепелкинъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ видѣнной сцены, и живо заинтересованный симпатичной личностью несчастной молодой женщины, набросалъ карандашомъ въ дневникъ, на сѣновалѣ, слѣдующее стихотвореніе:

Подымусь я съ зарей,
Погляжу на себя:
Гдѣ краса ты моя,
Гдѣ пригожество?
Ахъ, ты грусть, тоска,
Ты сгубила меня:
Ужъ не я ли была,
Что румяна заря!
Не румянься жъ, заря,
Не стыди ты меня:
Нажила я тоску,
Потеряла красу!
Все ждала я его
Изъ чужой стороны,
Сердце ныло по немъ,
Краса вяла моя.
И дождалась я
Горькой вѣсточки,
Что полоненъ онъ
Смертью лютою,
Не румянься жъ заря,
Не стыди ты меня:
Нажила я тоску,
Потеряла красу!

«Сирыхъ дѣточекъ сбереги, Боже, а вдову младу подкрѣпи въ горѣ!»—прибавилъ уже отъ себя впечатлительный юноша.

Войдя въ избу, онъ далъ старухѣ 20 коп., чтобъ она купила баранокъ дѣтямъ сегодня въ лавочкѣ, а на два рубля, вручаемые ей тутъ же, прикармливала малютокъ молочкомъ и кашкой. Сильно переконфузился Перепелкинъ, когда старуха и вдова бросились моментально ему въ ноги, причитывая: «пошли Богъ счастья и здоровья тебѣ и всему твоему роду-племени, касатикъ христовенькій!» Поднявшись, онѣ рукавами рубахъ отирали слезы на глазахъ. Ѳаддей и жена его, озадаченные этимъ сюрпризомъ, низко поклонились Перепелкину и съ благоговѣйнымъ подобострастіемъ посматривали на него.

Перепелкинъ сейчасъ же и ушелъ. Но семейная радость по поводу этого событія, должно быть, шумно выразилась, потому что объ этомъ узнали въ волости, и Перепелкинъ чуть не поплатился кутузкой за свою щедрость: только напускная смѣлость спасла его.

Не прошелъ онъ и трехъ верстъ, какъ его нагнала телѣга, запряженная парой лохматыхъ лошадокъ, съ свѣжимъ репейникомъ въ гривахъ и хвостахъ. На телѣгѣ сидѣли двѣ заспанныя, мозглявыя, противнаго вида, личности: сухопарый, лѣтъ подъ сорокъ, мужичокъ, съ рыжей, клинообразной, жиденькой бородой и съ вялымъ, апатичнымъ выраженіемъ лица, да лакейскаго типа угреватый молодой человѣкъ, въ нанковомъ сюртукѣ.

— Прохожій, а прохожій!—закричалъ осипшимъ голосомъ рыжебородый, останавливая лошадей близко отъ Перепелкина,—ты кто будешь такой?

— А тебѣ какое дѣло?—сердито и съ напускною храбростью обратился къ нему Перепелкинъ, какъ-бы предчувствуя что-то недоброе.

Угреватый что-то пошепталъ на ухо рыжебородому.

— А пачепортъ есть у тебя?

— И до паспорта нѣтъ тебѣ дѣла!—грозно отвѣчалъ Перепелкинъ. Угреватый и рыжебородый переглянулись.

— Да мы изъ волости,—рявкнулъ, какъ изъ бочки, лакейскаго типа человѣкъ, распространивъ благовоніе сивухи на далекое разстояніе вокругъ себя.

— А почему же вы тамъ, въ деревнѣ, не освѣдомлялись о моемъ паспортѣ, если это требуется закономъ?

Угреватый опять принялся нашептывать что-то на ухо рыжебородому.

Перепелкинъ, впрочемъ, досталъ билетъ и показалъ его обоимъ имъ, не выпуская изъ своихъ рукъ. Они, внимательно осмотрѣвъ подписи билета и печать, опять стали между собой переглядываться и перешептываться.

— Надыть топереча, значитъ, его прописать въ волости,—сказалъ рыжебородый.

— Это зачѣмъ,—вскрикнулъ Перепелкинъ, изумляясь такой наглости.

— Зачѣмъ... вѣстимо зачѣмъ: человѣкъ пѣшкомъ пробираца, а деньги зря бросатъ! Можа, пачепортъ не твой!

— Ну, въ такомъ случаѣ, вези меня къ становому,—сказалъ разгорячившійся Перепелкинъ, быстро вскочивъ на телѣгу и помахивая крѣпкой суковатой палкой въ виду растерявшихся полупьяныхъ и не выспавшихся волостителей-мозгляковъ.

— Пошто жъ къ становому,—робко заговорилъ угреватый, лакей

скаго типа, человѣкъ, по всей вѣроятности, волостной писарекъ: мы такъ... примѣрно... для порядка... а, впрочемъ, извольте идти.

Перепелкинъ соскочилъ съ телѣги и пошелъ.

— На полуштофикъ бы съ вашей милости,—крикнулъ въ догонку рыжебородый, вѣроятно, староста.

— Вотъ я тебѣ дамъ на полуштофчикъ!—погрозивъ Перепелкинъ палкой.

Сконфуженные волостители повернули назадъ и тихонько поѣхали.

V.

Въ губернскомъ городѣ N Перепелкинъ долженъ былъ получить письма отъ своихъ друзей академистовъ, а также корреспонденцію отъ другихъ лицъ, если бы таковая оказалась, которую они должны были направлять въ губернскіе города, лежащіе по пути, соображаясь съ временемъ его выхода, и надписывая: «до востребованія».

Шесть писемъ на его имя оказалось въ почтамтѣ. Прежде всего онъ бросился на письмо Ничипоренко, надѣясь найти въ немъ записку отъ Клодочки, не предупрежденной объ его исчезновеніи изъ города. Съ замираніемъ сердца онъ вскрылъ конвертъ, но, увы! Письма отъ Клодочки въ немъ не оказалось, а первыя строки письма Ничипоренко вызвали даже блѣдность на его лицѣ, и онъ, опустивъ его въ карманъ къ другимъ письмамъ, поспѣшно вышелъ изъ почтамта. Ничипоренко, принимавшій ближайшее и самое горячее и искреннее участіе въ его отношеніяхъ къ Клодочкѣ, извѣщалъ, что приносила-де горничная письмо отъ барышни, но, узнавъ отъ сторожа о выбытіи Перепелкина изъ города, не отдала его никому, а затѣмъ больше уже не являлась.

«Ты, въ нѣкоторомъ родѣ, сдѣлался предметомъ обожанія для нашего, зѣло строптиваго по временамъ, начальства,—писалъ Ѳаворовъ. Представь себѣ, что всѣ близкіе къ тебѣ получили, подъ рукой, наказъ убѣждать тебя письменно воротиться назадъ непремѣнно. Особенною ревностью воспылалъ къ тебѣ нашъ краснобородый, именуемый между нами, отецъ Рыло и, говоритъ, покоя не даетъ инспектору, чтобъ онъ всѣ усилія употребилъ къ возвращенію и водворенію тебя въ промозглыхъ стѣнахъ нашей академіи. А вотъ тебѣ ни за что не угадать, съ чего сыръ боръ загорѣлся, хотя, собственно, самъ ты и виновникъ этого казуса. Дѣло вотъ въ чемъ: полюбопытствовалъ владыка просмотрѣть сочиненія послѣдняго выпуска на тему: преимущества Восточной церкви предъ Западной. Ему понравились пять, но особеннаго вниманія заслужили два—мое и Богородскаго... Что, смекаешь? И тебѣ не стыдно такъ хитрить передъ друзьями и не предупредить насъ, что ты скоту написалъ сочиненіе. Но слушай далѣе. На сочине-

нія Богородскаго написано рукою владыки: «очень талантливо написано и блистательное поприще ждетъ такого богослова. Христосъ да благословитъ юношу, такъ горячо и строго умѣющаго разграничивать правое отъ неправаго!» Владыка потребовалъ, чтобъ ему лично представили этихъ пятерыхъ, выдающихся, какъ онъ говорилъ, авторовъ. Вотъ мы и предстали предъ нимъ, предшествуемые отцомъ ректоромъ и отцомъ инспекторомъ. Владыка соблюдалъ свою градацію и, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ авторами трехъ сочиненій, вошелъ въ болѣе обстоятельныя разсужденія со мною, а, наконецъ, съ нескрываемымъ удовольствіемъ, подступилъ къ Богородскому для самаго уже, что ни на есть, обстоятельнаго коллоквіума, но, увы! чуть не отскочилъ отъ него, когда тотъ, смотря ему растерянно въ глаза, понесъ невыразимо страшную ахинею. На лицѣ владыки выразилось недоумѣніе, и онъ только вопросительно посматривалъ то на начальство, то на студентовъ. Наконецъ, не дослушавъ, благословилъ всѣхъ и удалился во внутренніе покои. Инспекторъ, прежде чѣмъ мы, студенты, возвратились въ академію, произвелъ обыскъ и нашелъ «чернякъ» сочиненія Богородскаго, писанный сплошь твоей рукой. Представь себѣ, какую рожицу сдѣлалъ постный отецъ ректоръ, когда ему преподнесли поличное. Что будетъ Богородскому—пока не извѣстно. Думаемъ, что—ничего, чтобъ не было огласки. Но владыкѣ все-таки конфиденціально сообщено объ этомъ, какъ говоритъ секретарь конференціи. Такъ вотъ плоды твоего зловредства, юноша и сердечный мой другъ! Съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя дорожныхъ писемъ».

Изъ Горохова Неглигентовъ и Смоквинъ писали, что университетъ мало удовлетворяетъ ихъ. Прежде будто бы лучше читались лекціи, но вдругъ почему-то начались урѣзки по философіи; наблюденія за профессорами, которые какъ будто обрадовались оному и впали въ такую апатію, что на лекціяхъ смертельную скуку нагоняютъ на самыхъ ярыхъ приверженцевъ науки. Такое положеніе нравится-де шалопаямъ, которые поступили въ университетъ ради диплома для карьеры, но любители истиннаго просвѣщенія упали духомъ и сильно озлобляются противъ духа тьмы, ставящаго науку въ такое двусмысленное и ложное положеніе.

Отецъ Савва жаловался, что предписывается-де строго внушать паствѣ истины евангельскія и всячески стараться, чтобы внѣдрить въ души пасомыхъ добрыя правила, но какъ ихъ внѣдрить, когда мужикъ съ головы до ногъ опутанъ всяческими неправдами, подрывающими вѣру въ добро и справедливость, а потому постоянно ожесточается и озлобляется противъ всѣхъ и всего.

И гдѣ жъ тѣ истинные и смѣлые патріоты у насъ, думалось Перепелкину, которые раскрыли бы всю правду царю: что лучшее моло-

дое юношество, ищущее свѣта истины и правды, цвѣтъ и надежда государства, ожесточается за неудовлетвореніе самыхъ существенныхъ духовныхъ своихъ потребностей, что оно озлобляется за приниженіе науки, за святотатственное обращеніе въ машинную толчею, въ которой мелко-намелко перемалывается всякій вздоръ и хламъ, не имѣющій и признаковъ плодотворнаго зерна и давно потерявшій уже всякую цѣну у опередившихъ насъ развитіемъ народовъ. Что упадкомъ науки въ заведеніи только поощряется и поддерживается шалопайство, которое образуетъ самый зловредный и опасный элементъ въ сложномъ административномъ механизмѣ—людей безнравственныхъ, корыстолюбивыхъ, жестокосердечныхъ, совершенно равнодушныхъ къ пользамъ государства, всегда думающихъ: «а послѣ насъ хоть трава не расти», но вѣчно лицемѣрящихъ патріотизмомъ, преданностію престолу, набожностію и всѣмъ тѣмъ, что̀ требуется минутой. Что неблагоразумно и опасно допускать нелѣпый принципъ: «чѣмъ бы дитя ни тѣшилось,— лишь бы не капризничало и не плакало», а ужъ если нельзя не держаться его, то, въ интересахъ самой опеки надъ незрѣлой юностью, лучше же предоставить молодымъ людямъ тѣшиться углубленіемъ въ науку, чѣмъ шалопайствомъ, верхоглядствомъ, ранними мечтами о карьерѣ и другими безпутствами, потому что душа молодаго человѣка, разъ тронутая лучомъ истиннаго научнаго свѣта, неудержимо рвется къ нему и сильно озлобляется противъ всего того, что́ заслоняетъ этотъ свѣтъ или и совсѣмъ старается скрыть его. Вѣдь былъ же такой случай,—продолжалъ фантазировать съ разгорячившимся воображеніемъ Перепелкинъ: что государственный человѣкъ, въ припадкѣ высокаго патріотическаго настроенія, дерзнулъ разорвать указъ, подписанный царемъ, упустившимъ изъ виду, какой вредъ могъ бы послѣдовать для государства, если бы онъ былъ исполненъ — и что же? великій царь еще болѣе приблизилъ къ себѣ этого государственнаго человѣка, еще бо̀льшаго довѣрія удостоилъ его, и поступокъ его всегда ставилъ другимъ въ примѣръ истиннаго патріотизма. А простой священникъ Сильвестръ развѣ не произвелъ переворота въ душѣ Іоанна, раскрывъ предъ нимъ мрачную картину несчастнаго управленія подъ вліяніемъ недостойныхъ людей. И опять засѣлъ въ голову Перепелкина и мучилъ вопросъ: на какомъ поприщѣ можно принести наибольшую пользу людямъ. Архіерейство, - но жизнь безъ подруги сердца онъ считалъ невозможнымъ дѣломъ для себя, да и вообще не любилъ безбрачія и считалъ его противоестественнымъ, несогласнымъ съ законами матери-природы. Губернаторство,—но оно дается людямъ искательнымъ, карьеристамъ, а у него и тѣни нѣтъ качествъ, свойственныхъ такимъ людямъ. Да и холодно на этихъ верхахъ: черствѣютъ люди и больше походятъ на муміи, чѣмъ на живыхъ людей. Конечно, лучше всего

педагогическое поприще, хотя, какъ оказывается, и тутъ можно зачерствѣть и обратиться если не въ мумію, то въ говорящую машину, въ попугая. Какъ же! урѣзки, да инструкціи, да наблюденія — вотъ и пошла механика. Человѣку хочется душу вложить въ живое дѣло, а тутъ взвѣшивай каждое слово, оглядывайся, не сказалъ ли чего лишняго. Вотъ Петръ Ивановичъ, напримѣръ, въ академіи вступительную лекцію прочелъ такъ, что всѣ какъ очарованные сидѣли, изъ аудиторіи не хотѣли выходить, пока, подъ живымъ впечатлѣніемъ, не набросали ея, каждый для себя отдѣльно, а потомъ сообща не возстановили въ томъ видѣ, какъ она была сказана. А потомъ никто уже не наводилъ на всѣхъ такой смертельной скуки, какъ этотъ несомнѣнно даровитый человѣкъ. Выкопаетъ ничтожный фактикъ и тянетъ канитель, разжевывая его до тошноты вяло, апатично, сонно, осторожно избѣгая соприкосновенныхъ съ этимъ мелочнымъ фактикомъ серьезныхъ животрепещущихъ вещей. Или эти громы, фарисейски направляемые противъ серьезныхъ мыслителей, развѣ они не плодъ этой странной опеки надъ наукой? И въ какой просакъ попадаетъ запуганный профессоръ! Любитель философіи Іоанна, экзарха Болгарскаго, напримѣръ, по поводу эклектизма Кузена, хотѣлъ наговорить любезностей по адресу этого представителя амальгамированной философіи и, желая на примѣрахъ доказать, какъ разборчивъ и строгъ онъ былъ въ оцѣнкѣ философомъ предшественниковъ и современниковъ, нагородилъ такихъ противорѣчивыхъ и нелѣпыхъ вещей, что сразу подорвалъ довѣріе и къ себѣ, и къ Кузену. А переконфузился и перепугался-то какъ, когда на другую лекцію, въ видѣ букета, былъ преподнесенъ ему Перепелкинымъ сводъ этихъ, противорѣчащихъ одна другой, нелѣпостей! Вотъ откуда, вѣроятно, и проистекаетъ его нелюбовь ко многимъ извѣстнымъ философамъ и горячая рекомендація основателя славянской философіи, Іоанна, экзарха Болгарскаго.

Перебравъ опять въ умѣ разныя поприща, гдѣ можно приносить, въ качествѣ общественнаго дѣятеля, наибольшую пользу, онъ безповоротно остановился на педагогическомъ, такъ какъ оно, по его мнѣнію, менѣе другихъ способствуетъ человѣку обратиться въ рутинера или въ машинальное орудіе для другихъ, предоставляетъ, сравнительно, больше почина и самостоятельности въ дѣятельности, волей-неволей заставляетъ держаться на извѣстной высотѣ развивающейся науки и несомнѣнно требуетъ во всѣхъ дѣйствіяхъ руководствоваться принципіальными убѣжденіями людей мыслящихъ, а не инстинктами животной натуры или стадными побужденіями толпы. Рѣшеніе этого вопроса необходимо было для него теперь и въ виду настоятельнаго требованія со стороны отца и сестеръ опредѣлить яснѣе и точнѣе свои стремленія, цѣли и намѣренія, и для отвѣта товарищамъ-академистамъ, кото-

рымъ поручило начальство настаивать о возвращенiи его въ академiю. «Не дастъ мнѣ ваша академiя того, чего, какъ вамъ хорошо извѣстно, я ищу, да и вообще наши академiи не такъ устроены, чтобы въ нихъ можно было получить удовлетворенiе своей любознательности, а потому принимаю рѣшительную мысль выйти въ свѣтское званiе и закончить образованiе въ университетѣ, чтобы сдѣлаться педагогомъ», писалъ онъ товарищамъ по академiи. Отцу въ первый разъ еще Перепелкинъ откровенно сообщилъ, что онъ положительно не намѣренъ оставаться въ духовномъ званiи и, по прибытiи въ Петербургъ, немедленно будетъ хлопотать объ увольненiи его въ свѣтское званiе, съ тѣмъ, чтобы, по окончанiи образованiя въ университетѣ, отъ котораго онъ большаго ожидаетъ, чѣмъ отъ духовной академiи, сдѣлаться педагогомъ. Онъ зналъ, что это откровенное признанiе можетъ повергнуть въ печаль не только старика, но и всѣхъ его домочадцевъ, такъ какъ имъ разрушаются завѣтныя мечты всего дома о будущей карьерѣ Савоньки, который долженъ служить подпорой всякому обездоленному члену семейства, а потому и счелъ нужнымъ расписать заманчивыми красками положенiе учителя въ свѣтскихъ заведенiяхъ.

«А что касается спасенiя души, которое вы находите болѣе удобнымъ въ духовномъ званiи, чѣмъ въ свѣтскомъ, — заключилъ свое письмо къ отцу Перепелкинъ,—то я его полагаю въ нравственной чистотѣ, прiобрѣтаемой и укрѣпляемой просвѣщенiемъ, а потому и удобнѣе сохраняемой именно на томъ поприщѣ, которое имѣетъ цѣлiю свѣтъ истины, правды и добра. Архiерейство же, которое такъ занимало мою покойную мать и которое вы рекомендуете мнѣ предпочтительно, какъ наилучшее во всѣхъ отношенiяхъ, а особенно въ отношенiи спасенiя души, поприще, мнѣ совсѣмъ не по сердцу уже по одному тому, что я безбрачiя терпѣть не могу. А вѣдь этого и Спаситель не осуждаетъ: «могiй вмѣстити, да вмѣститъ», сказалъ Онъ относительно этого пункта. А сколько же нечистоты душевной могло оказаться у человѣка съ моимъ темпераментомъ, принявшаго иночество! Затѣмъ сообразите, сколько зла и вопiющихъ къ небу неправдъ творится въ консисторiяхъ вольнымъ и невольнымъ попущенiемъ архiереевъ и увидите, что и тутъ спасенiе души подъ большимъ сомнѣнiемъ. Я сказалъ—невольное, потому что иные боятся искоренять злоупотребленiя, чтобъ самимъ не слетѣть съ мѣста или не попасть еще въ большую бѣду, такъ какъ взяточничество у насъ повсемѣстно распространено и составляетъ силу, съ которою бороться не легко; оклевещутъ, донесутъ и выйдутъ сухи изъ воды, при легкой подкупности бюрократическихъ верховъ».

(Продолженiе слѣдуетъ).

Баронъ Густавъ Андреевичъ Розенкампфъ.

II [1]).

Охлажденіе къ работамъ законодательной коммиссіи со стороны императора.— Школа правовѣдѣнія.—Еще характеристика Александра и Наполеона.—Чарторыйскій и Будбергъ.—Ухудшеніе матеріальнаго положенія Розенкампфа — Нерѣшительность Александра. — Охлажденіе къ Новосильцову. — Перемѣна политики послѣ Прейсишъ-Эйлау.—Новое порученіе коммиссіи законовъ.— Сперанскій по описанію Розенкампфа.—Паденіе Новосильцова.—Возвышеніе Сперанскаго.—Преобразованіе коммиссіи законовъ.—Закрытіе школы правовѣдѣнія.—Государственный Совѣтъ.—Невзгоды и смерть Розенкампфа.

На основаніи высочайше утвержденнаго положенія о коммиссіи законовъ, 28-го февраля 1804 года (I. П. С. З. № 20171), подписаннаго княземъ Лопухинымъ и Новосильцовымъ и скрѣпленнаго мною какъ главнымъ секретаремъ и первымъ ея референдаріемъ, коммиссія находилась въ полной независимости отъ Сената и другихъ учрежденій и получала приказанія только отъ его императорскаго величества. Она занималась единственно законами, устарѣлый слогъ которыхъ представлялъ собою не мало затрудненій, очень не многія лица могли хотя отчасти понимать законы и еще меньшее число—толковать ихъ. Положенія о коммиссіи законовъ были въ 1805 г. переведены на иностранные языки и напечатаны, кромѣ русскаго языка, еще на англійскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ и французскомъ [2]).

---

[1]) См. „Русскую Старину“, октябрь 1904 г.

[2]) Упоминаемыя Розенкампфомъ положенія были напечатаны въ 1805 г. въ типографіи Шнора подъ заглавіемъ «Труды коммиссіи составленія законовъ» и при томъ въ двухъ видахъ: въ одну 8 долю листа, а другое въ

Англійскій переводъ былъ сдѣланъ совѣтникомъ ганноверскаго посольства въ Петербургѣ, въ то время, Таттеромъ или скорѣе самимъ графомъ Мюнстеромъ; я имѣю у себя оригиналъ его руки. Императоръ не разъ бесѣдовалъ о законодательствѣ съ весьма образованнымъ графомъ. Латинскій переводъ сдѣлалъ Гаубольдъ (Haudold). Я охотно признаю себя авторомъ этого положенія и сопровождающаго оное плана со всѣми приложеніями и разъясненіями, положившихъ начало историко-практическому методу разработки права въ Россіи, который я съ тѣхъ поръ проводилъ и въ моихъ лекціяхъ по русскому праву, во многихъ моихъ разсужденіяхъ о правѣ и въ совѣщаніяхъ законодательной коммиссіи, особенно въ происходившихъ въ 1812 году. Нѣкоторыя мѣста утвержденнаго въ 1804 году плана могли бы быть изложены обстоятельнѣе на русскомъ языкѣ, но не должно забывать, что это было не обстоятельное изслѣдованіе, а только программа для большой работы, относящейся къ области юридической литературы.

Правильныя засѣданія дирекціи коммиссіи происходили еженедѣльно по субботамъ въ ея помѣщеніи. Докладчики представляли дерекціи свои работы по мѣрѣ ихъ исполненія, я же составлялъ общіе ежемѣсячные отчеты занятіямъ, изъ которыхъ составлялись доклады его величеству, представляемые княземъ Лопухинымъ. Новосильцовъ попрежнему являлся главнымъ руководителемъ нашей дѣятельности. На сколько было возможно, я пользовался случаемъ обсуждать съ нимъ и княземъ Чарторыйскимъ разнообразные, возникавшіе при нашихъ работахъ вопросы. Чарторыйскій обыкновенно говорилъ очень мало, выражался кратко, односложными словами и казался разсѣяннымъ, но это потому, что предавался вполнѣ предмету и болѣе обдумывалъ, нежели говорилъ. Онъ высказывался только въ рѣдкихъ случаяхъ, обуреваемый различными воззрѣніями, и при томъ въ сильныхъ, образныхъ выраженіяхъ и словахъ, которыя должно было тщательно улавливать, такъ какъ рѣчь его быстро прекращалась. Онъ обладалъ большою проницательностію, въ полномъ значеніи этого слова, но не могъ тягаться въ преніяхъ съ Новосильцовымъ, говорившимъ очень хорошо, потому что обращалъ вниманіе исключительно на главную мысль, оставляя все прочее безъ вниманія. Его письменныя произведенія чужды всякихъ литературныхъ украшеній и отличаются силою выраженій. Въ этомъ всякій можетъ легко убѣдиться, прочтя со вниманіемъ записки его на французскомъ языкѣ о политикѣ въ отношеніи Франціи. Я читалъ

одну 4, и въ этомъ послѣднемъ, кромѣ высочайше утвержденнаго доклада 28-го февраля 1824 о преобразованіи коммиссіи составленія законовъ и различныхъ выписокъ изъ журналовъ коммиссіи за время съ 26-го марта по 13-е сентября 1804 г., имѣются и переводы ихъ на языки: французскій, нѣмецкій, англійскій и латинскій. Польскаго перевода не оказывается.

также въ рукописи его основательныя сужденія объ англійскихъ учрежденіяхъ и рѣчь его при погребеніи графа Біелинскаго [1]), а также примаса Польши—Воронича [2]); все это написано рукою мастера. Въ многочисленныхъ совѣщаніяхъ нашихъ я имѣлъ не слишкомъ много съ нимъ объясненій, но достаточно, чтобы оцѣнить его способности. Я получилъ отъ него непосредственно порученіе составить проектъ конституціи для Іоническихъ островов [3]), принадлежавшихъ одно время Россіи; министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ тогда графъ Каподистріа. Не могу сказать, чтобы эта работа была удачна, но я старался на сколько могъ сохранить своеобразность этой страны и ея обывателей.

Его величество обратилъ вниманіе на нѣкоторыя части составленнаго мною плана по русскому государственному праву, и въ началѣ іюня князь Лобановъ, потребовавъ меня къ себѣ, сообщилъ мнѣ высочайшее приказаніе—заняться закономъ о престолонаслѣдіи и проектомъ конституціи для Россіи! Я едва вѣрилъ своимъ ушамъ...

Коммиссія не успѣла еще ознакомиться съ основными началами существующаго государственнаго строя Россіи, а отъ нея желаютъ имѣть окончательный ихъ выводъ, конституцію. Это вѣнецъ великаго зданія, который должно не только нарисовать на бумагѣ, но основать на прочномъ русскомъ фундаментѣ. Между тѣмъ, не только не были еще собраны многіе законы, относящіеся до различныхъ сословій подданныхъ въ государствѣ, до городскаго и общиннаго правленія, до правъ и преимуществъ дворянства, городскихъ обывателей, до крестьянскаго населенія, гражданскихъ правовыхъ ихъ отношеній и т. д.,

---

[1]) Біелинскій (Петръ), р. 1754 г., служилъ при королѣ Станиславѣ-Августѣ, былъ членомъ Гродненскаго сейма и большой патріотъ. Послѣ 3-го раздѣла Польши удалился въ деревню, но въ 1807 г. былъ снова членомъ временнаго правительства, составлялъ польскую конституцію 1807 года, участвовалъ въ Байонской конвенціи; былъ сдѣланъ графомъ въ 1825 г. и умеръ въ Варшавѣ въ 1829 году. Онъ отличался замѣчательною справедливостью.

[2]) Вороничъ, р. 1757 г. въ Волыни, былъ сперва въ орденѣ іезуитовъ и потомъ миссіонеромъ варшавскимъ и достигъ званія епископа краковскаго въ 1815 г., а затѣмъ и архіепископа варшавскаго въ 1827 г. Онъ совершалъ обрядъ коронованія въ Варшавѣ императора Николая въ 1829 г. и въ томъ году умеръ. Вороничъ занимался много литературою и оставилъ много сочиненій въ стихахъ и прозѣ и былъ замѣчательный проповѣдникъ.

[3]) Іоническіе острова близъ береговъ Греціи, принадлежавшіе Турціи были завоеваны въ 1797 г. Франціею, затѣмъ были заняты въ 1799 году Россіею и составили особую республику подъ покровительствомъ Россіи и Турціи. По Тильзитскому миру 1807 г. эти острова уступлены опять Франціи и находились въ ея владѣніи до 1815 года, когда на основаніи Парижскаго мира были преобразованы въ полусамостоятельное государство подъ покровительствомъ Англіи.

редакторовъ, шутилъ надъ маргиналами, предложенными мною для выписокъ опредѣленій изъ законовъ, и все шло очень хорошо. Послѣ перваго своего доклада государю, онъ очень изумилъ меня предъявленіемъ указа, которымъ мое содержаніе увеличивалось прибавкою 3.000 руб. столовыхъ денегъ. Я напрягалъ до чрезвычайности мои силы къ работѣ, мое умственное достояніе достигло высшаго развитія, и мнѣ въ настоящую минуту все улыбалось. Государь остался очень доволенъ первымъ годовымъ отчетомъ о трудахъ коммиссіи и пожаловалъ мнѣ 1-го января 1805 г. орденъ св. Анны 2-й степени. Въ чемъ же состояли мои занятія? Въ томъ, чтобы собрать и привести въ порядокъ весь матеріалъ для пересмотра нашего законодательства и тѣмъ положить основаніе такъ называемымъ въ римскомъ правѣ институціямъ. Все въ дѣлѣ этомъ зависѣло однако отъ воли его величества и отъ его воззрѣній. Такъ какъ мнѣ не представлялось случая имѣть какое-либо вліяніе на эти воззрѣнія лично или непосредственно, то мнѣ оставалось только вліять на нихъ очень посредственно, и нерѣдко самыя цѣлесообразные предположенія и проекты оставались безъ той жизненной силы, исходящей въ Россіи только отъ монарха. Всѣ эти проекты являлись прекрасными желаніями (pia desideria), которыя, до дѣйствительнаго ихъ осуществленія проходя рядъ посредствующихъ инстанцій, встрѣчаютъ на пути своемъ неопреодолимыя препятствія.

Отъ меня императоръ могъ требовать обстоятельно обдуманной работы и при этомъ большаго вниманія, ему же, какъ и моему начальнику, предстояло не только ее разсмотрѣть, но и точно также провѣрить, взвѣсить и серьезно обсудить представляемое; недостатка въ проницательности, для этого необходимой, не было.

Читающій въ сердцахъ людей знаетъ, что я при своихъ трудахъ не руководился никакими посторонними побужденіями или стремленіями. Я не искалъ ни чиновъ, ни почестей и не добивался имѣть вліяніе; я хотѣлъ быть только полезнымъ; это была единственная цѣль моихъ стремленій. Домашнія заботы меня не тревожили, я не имѣлъ дѣтей которыхъ бы предстояло мнѣ воспитывать.

Бесѣды съ моею высоко образованною супругою отрадно и пріятно заполняли время, не посвященное служебнымъ занятіямъ. Какъ счастлива была бы моя старость, если бы я съумѣлъ предотвратить первый мой шагъ на скользкомъ поприщѣ петербургской службы! Но мнѣ недостало тогда ни зрѣлаго обсужденія, ни твердаго рѣшенія, а между тѣмъ представлялись ежедневно новые соблазны. Уже въ то время, когда я цѣлые вечера просиживалъ съ моими благожелателями, считавшимися тогда любимцами государя, имѣвшими со своими докладами всегда открытый къ нему доступъ, уже въ то время я примѣтилъ, что имъ также предстояло преодолѣвать не мало затрудненій, изъ числа

которыхъ однимъ изъ самыхъ главныхъ являлось то, что они стояли на зыбкой почвѣ и не на вполнѣ соотвѣтствующей имъ ступени. Въ то время мнѣ легко было бы съ полнымъ почетомъ возвратиться къ моимъ сельскимъ занятіямъ въ Лифляндіи, снова жить для себя и посвятить себя любимымъ историческимъ занятіямъ, ранѣе мною уже начатымъ. Я по временамъ читалъ тогда сочиненіе Цицерона De officiis,—богатое сокровище жизненныхъ истинъ, полное утѣшеній при неудавшемся жизненномъ поприщѣ. Занятія исторіею несравненно болѣе удовлетворяютъ человѣка, нежели законодательныя работы, при которыхъ всегда находишься въ борьбѣ съ дѣйствительностію и отвлеченностію.

Весною Новосильцовъ возвратился изъ Англіи, съ которою былъ заключенъ въ то время союзъ. Война съ Франціею становилась неизбѣжною. Я опасался не безъ основанія, какъ того вліянія, которое такая война окажетъ на ходъ нашего законодательства вообще, такъ и того, которое занятія по дипломатической части могутъ оказать на Новосильцова. Послѣдствія подтвердили мои опасенія и доказали, что таковыя были болѣе или менѣе основательны.

По возвращеніи своемъ изъ Англіи, Новосильцовъ уже не сталъ обращать, какъ прежде, напряженнаго вниманія на законодательныя работы и въ особенности на самую важную часть ихъ, на основныя начала государственныхъ учрежденій. Я очень часто повторялъ ему и также друзьямъ его, Чарторыйскому и Строганову, съ которыми теперь встрѣчался гораздо рѣже, что работа коммиссіи законовъ отнюдь не можетъ ограничиваться однимъ составленіемъ, такъ называемой, книги законовъ, что частное гражданское право, какъ это ясно и кратко высказано въ предварительномъ объясненіи къ французскому кодексу, можетъ основаться на государственномъ публичномъ правѣ, на которое и должно обратить особенное вниманіе, потому что иначе нельзя многое исправить и улучшить въ гражданскихъ законахъ, что законодательныя работы должны главнымъ образомъ коснуться пересмотра законовъ о состояніяхъ, какъ-то закономѣрнаго положенія нижняго класса населенія Имперіи, составляющаго $^9/_{10}$ всего ея населенія, городскаго общественнаго управленія, положенія о дворянскихъ собраніяхъ и т. д. Между тѣмъ коммиссія пока занимается только выясненіемъ современнаго положенія различныхъ частей дѣйствующаго права. Основныя начала частнаго права были намъ настолько достаточно извѣстны, что самыя важныя изъ нихъ не были бы отодвинуты на задній планъ. Вниманіе его величества, какъ я всегда утверждалъ, должно непрестанно обращаться на учрежденія государственныя, какъ наиболѣе постоянныя, всѣ же остальныя подвергались непрерывно измѣненіямъ. Должно было опасаться, что неизбѣжно долгій ходъ нашихъ подготовительныхъ работъ будетъ казаться государю скучнымъ. Но мои слова

оказывали мало вліянія... Самый существенный предметъ законодательства былъ отстраненъ отъ глазъ, и предстояло заняться только механическою стороною дѣла, которая и находилась въ моихъ рукахъ.

Тѣмъ временемъ я жилъ очень пріятно. Пріѣздъ въ столицу двухъ очень интересныхъ лицъ, каждый въ своемъ родѣ, доставилъ мнѣ большое удовольствіе; это были: совѣтникъ финансовъ Гекингъ [1]), извѣстный ветеранъ среди писателей, и Піатоли, прибывшій по тяжебному дѣлу [2]) курляндскаго герцогскаго семейства. Я велъ это дѣло для нихъ въ Сенатѣ и совершенно его выигралъ. Піатоли былъ нѣкогда пріятель и другъ Чарторыйскаго. Онъ былъ классически образованный и ученый человѣкъ, обладавшій большими познаніями и владѣвшій многими языками, кромѣ нѣмецкаго однако. Я съ ними обоими велъ впослѣдствіи въ продолженіе многихъ лѣтъ переписку. Они оба были сдѣланы почетными членами коммиссіи законовъ.

Не стану говорить о ходѣ военныхъ дѣйствій въ 1805 году, всѣмъ извѣстныхъ уже; замѣчу только, что Новосильцовъ и Чарторыйскій сопровождали императора Александра I въ этомъ его походѣ въ предѣлы австрійскихъ владѣній. Кампанія кончилась сраженіемъ при Аустерлицѣ, въ которомъ потерпѣло первое пораженіе и вліяніе обоихъ друзей, пытавшихся удержать государя отъ сраженія, принимаемаго въ неблагопріятныхъ для насъ условіяхъ. Кутузовъ также раздѣлялъ ихъ

---

[1]) Гекингъ (Göking) Леопольдъ, р. 1748 г. въ Геттингенѣ, занимался камеральными науками и служилъ по финансовому вѣдомству въ Берлинѣ и былъ тайный совѣтникъ. Онъ умеръ въ 1828 году. Піатоли (Сципіонъ), р. въ 1750 г. въ Флоренціи, былъ священникъ у графа Маркизіо, перваго министра въ Моденѣ, и, пользуясь его библіотекою, пріобрѣлъ большія, разностороннія свѣдѣнія. Познакомившись съ княземъ Любомірскимъ, переѣхалъ въ Варшаву, предался политикѣ, имѣлъ большое вліяніе на Станислава-Августа и вмѣстѣ съ нимъ покинулъ Польшу. Онъ жилъ въ Прагѣ, гдѣ познакомился съ герцогомъ Курляндскимъ и сдѣлался учителемъ его дочерей. Вмѣстѣ съ опекуномъ и Гекингомъ Піатоли прибылъ въ Петербургъ по тяжебному дѣлу курляндскихъ герцогинь и познакомился съ Адамомъ Чарторыйскимъ, который опредѣлилъ его на русскую службу въ качествѣ секретаря своего и взялъ его съ собою во время войны 1805 года въ армію. Піатоли велъ тогда большую переписку и писалъ не мало важныхъ дипломатическихъ бумагъ По возвращеніи въ Петербургъ онъ вышелъ въ отставку, покинулъ Россію поселился въ Альтенбургѣ и предался вполнѣ филологическимъ занятіямъ, онъ особенно занимался Ювеналомъ. Піатоли умеръ въ 1809 г. Онъ былъ женатъ на дѣвицѣ Фитингофъ, покинувъ духовное званіе.

[2]) По этому дѣлу младшая мужская линія заявляла притязанія на наслѣдство, доставшееся женской линіи курляндскихъ герцоговъ, болѣе чѣмъ на милліонъ альбертъ-талеровъ доходовъ съ герцогскихъ аллодіальныхъ владѣній. Вдовствующая герцогиня сама прибыла въ Петербургъ, чтобы хлопотать по этому дѣлу.

мнѣніе. Но государь былъ увлеченъ юношескимъ пыломъ князя Долгорукова.

По возвращеніи Александра I въ столицу, все повидимому пошло обычнымъ путемъ. Между тѣмъ, по словамъ молвы, Новосильцовъ и Чарторыйскій перестали уже пользоваться довѣренностію государя, всѣмъ казалось несомнѣннымъ, что, несмотря на продолжавшіяся по-прежнему съ ними занятія по дѣламъ государства, его величество рано или поздно порветъ всякія съ ними сношенія. Такъ полагалъ и Козодавлевъ, но я продолжалъ сомнѣваться, потому что былъ убѣжденъ, что въ отношеніи дѣлъ законодательныхъ было трудно положиться на кого-либо инаго, какъ Новосильцова, съ большимъ основаніемъ. Продолжая непрерывно свои занятія, я долго пребывалъ въ нерѣшительности, искать ли мнѣ еще разъ случая къ личному объясненію съ государемъ или нѣтъ, но наконецъ къ этому представился весьма удобный поводъ. Я составилъ особую записку объ учрежденіи при коммиссіи законовъ школы правовѣдѣнія [1]) и вручилъ ее Новосильцову, представившему ее

[1]) Для удовлетворенія потребности въ юридической подготовкѣ лицъ, посвящающихъ свою дѣятельность службѣ по судебной и административной части, была давно уже учреждена по шведскому образцу, такъ называемая, школа для юнкеровъ при Сенатѣ. Ученики ея назывались титулярные юнкера коллегіи и получали преимущественно практическую подготовку. Съ цѣлью доставить преимущественно научное юридическое образованіе и практическую подготовку молодымъ людямъ, поступающимъ на службу, Розенкампфъ основалъ особое училище (школа юнкеровъ упразднялась при этомъ) правовѣдѣнія, въ которое поступали лица, уже окончившія курсъ въ университетахъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, а также въ гимназіяхъ. Принимали въ школу не болѣе 25 лицъ, которыя получали отъ казны по 300 руб. въ годъ жалованья каждый и полное содержаніе, считаясь на службѣ. Курсъ ученія продолжался три года. Первый годъ читали право естественное, римское (институціи, пандекты), общую теорію процесса, энциклопедію русскаго права и законодательство другихъ европейскихъ народовъ. Во второй годъ— институціи русскаго права, дѣйствующія законодательства, и продолжалось чтеніе по теоріи процесса и энциклопедіи русскаго права. Въ третій годъ читали общее право русское и мѣстное различныхъ губерній и оканчивали теорію процесса и энциклопедію права. Кромѣ теоретическихъ занятій существовали ежедневно еще практическія: молодые люди занимались разборомъ и обработкою матеріаловъ русскаго дѣйствующаго права, при чемъ обращалось вниманіе на то, чтобы направлять умы и силы учениковъ къ самостоятельнымъ работамъ. Ежегодно происходили испытанія. Окончившіе съ успѣхомъ курсъ опредѣлялись на службу по министерству юстиціи.

Училище помѣщалось въ томъ же домѣ, гдѣ находилась юнкерская школа, которая упразднялась. Содержаніе училища обходилось въ 18.000 руб., въ томъ числѣ 25 стипендій по 300 руб.—7.500 р. всѣмъ; 4 профессора—6.000 руб., содержаніе помѣщенія 2.000 руб. и т. д. Положеніе объ этомъ училищѣ учреждено было государемъ 1-го августа 1805 года. Розенкампфъ былъ назначенъ директоромъ этой школы правовѣдѣнія въ началѣ 1806 года и былъ тогда же

*

государю. Мои предположенія удостоились высочайшаго одобренія. Я пріискалъ профессоровъ, достаточно удовлетворительныхъ на первое только трехлѣтіе, такъ какъ имѣлось въ виду впослѣдствіи подготовить профессоровъ изъ числа лицъ, окончившихъ курсъ въ училищѣ. До 30 молодыхъ лицъ выразили желаніе поступить въ школу: они были большею частію изъ числа получившихъ образованіе въ С.-Петербургской семинаріи или университетѣ. Школа должна была состоять подъ моимъ непосредственнымъ руководствомъ. Я старался придать ей практическое для русскаго права направленіе, такъ какъ за исключеніемъ повторительнаго курса, естественнаго права, римскаго права и энциклопедіи права, большая часть занятій была направлена на практическую разработку русскаго права, при чемъ учащіеся могли пользоваться всѣми матеріалами архива коммиссіи законовъ и нашими трудами. Два раза въ недѣлю я самъ читалъ лекціи по различнымъ частямъ русскаго права, обращая вниманіе слушателей на источники права и способы пользованія ими. Я возлагалъ большія надежды на эту школу и съ большимъ рвеніемъ занимался ею.

Его величество, по просьбѣ Новосильцова, удостоилъ своимъ присутствіемъ открытіе училища, послѣдовавшее въ августѣ мѣсяцѣ. Всѣ гг. министры, сенаторы и высшія должностныя лица были приглашены на это торжество; я встрѣчалъ государя императора на самой послѣдней ступенькѣ лѣстницы и сопровождалъ его въ зало, гдѣ старшій профессоръ произнесъ съ каѳедры рѣчь. Государь императоръ былъ очень милостивъ и выразилъ мнѣ, что съ удовольствіемъ пріѣхалъ, чтобы меня снова увидѣть. Я попросилъ его пройти въ другое зало и взглянуть на работы редакторовъ. Въ этомъ залѣ были представлены его величеству всѣ чиновники и тетради двухлѣтнихъ ихъ занятій. Государь сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, которые, по его замѣчанію, свидѣтельствовали, что онъ хорошо помнитъ о происходившемъ нѣкогда между нами разговорѣ. Я началъ съ гражданскаго права, потомъ перешелъ къ уголовному, торговому и т. д. и старался обратить въ особенности монаршее вниманіе на государственное право, по отношенію къ внутреннему положенію Имперіи, на раздѣленіе обывателей на сословія, а также на мѣстные законы отдѣльныхъ губерній и т. д. Я очень охотно говорилъ объ этомъ, близкомъ моему сердцу предметѣ, и повидимому его величество слушалъ меня со вниманіемъ. Я не успѣлъ однако докончить свои объясненія, потому что князь Лопухинъ, бывшій,

---

произведенъ въ статскіе совѣтники. Это училище было окончательно упразднено въ 1816 г. по докладу кн. Лопухина (I. П. С. З. № 26170), по разнымъ неудобствамъ еще въ 1809 году остановленное. Истиннымъ побужденіемъ къ закрытію училища была необычайная скупость Лопухина къ казеннымъ деньгамъ, по словамъ гр. Корфа („Рус. Стар." 1903 г., апр., стр. 33).

такъ сказать, хозяиномъ торжества, предполагая, что моя продолжавшаяся съ четверть часа бесѣда съ государемъ можетъ его утомить, прервалъ ее, пригласивъ его величество къ завтраку, накрытому въ помѣщенiи библiотеки коммиссiи.

Во время завтрака, его величество бесѣдовалъ съ княземъ и другими приглашенными лицами. По окончанiи завтрака, государь подозвалъ меня къ окну для возобновленiя прерваннаго разговора и сказалъ:

— Вы мнѣ только-что говорили о законахъ областныхъ и мѣстныхъ?

Я возобновилъ разговоръ и старался уяснить мою мысль, что въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россiя, образованномъ изъ столь различныхъ частей, не могутъ существовать повсемѣстно одинаковыя законоположенiя и одинаковые правовые порядки, потому что таковые проистекаютъ изъ свойствъ самихъ народностей, сохранившихся въ продолженiе многихъ столѣтiй, народностей, которыя могутъ быть разрушены грубою силою или слиты съ другими народностями. Всѣ нынѣ существующiя учрежденiя покоятся на этихъ свойствахъ и такъ какъ они вмѣстѣ съ тѣмъ заключаютъ въ себѣ наилучшiя обезпеченiя для сохраненiя, какъ личныхъ, такъ и имущественныхъ правъ обывателей, то было бы совершенно безполезно нарушать усвоенныя преданiями правовыя воззрѣнiя многихъ миллiоновъ покорныхъ императору и преданныхъ государству подданныхъ, довольныхъ своимъ положенiемъ и исправно отбывающихъ повинности и подати, и навязывать этимъ подданнымъ правовыя воззрѣнiя совершенно чуждыя, изложенныя на другомъ совсѣмъ языкѣ.

— Но развѣ моя бабка не распространила учрежденiе о губернiяхъ на всѣ губернiи безъ различiя народностей, ихъ населяющихъ, и ихъ языка? Развѣ равенство правъ можетъ оскорбить одну народность скорѣе, нежели другую?

— Да, ваше величество. Императрица Екатерина II установила это, но вашъ августѣйшiй родитель возвратилъ отдѣльнымъ провинцiямъ ихъ мѣстные законы.

— Но дѣла въ послѣдней инстанцiи должны рѣшаться Сенатомъ; какимъ же образомъ сей послѣднiй въ состоянiи будетъ хорошо знать и разобрать всѣ видоизмѣненiя въ законахъ и отправлять высшую справедливость во всѣхъ провинцiяхъ Имперiи, коль скоро въ каждой изъ нихъ должны будутъ примѣняться особые законы, особые порядки и при томъ на различныхъ языкахъ?

— Сенатъ, ваше величество, одинъ и, въ интересахъ самой справедливости, скорѣе пусть самъ Сенатъ изучитъ законы каждой отдѣльной провинцiи, нежели всѣ различныя народности должны были бы изучить русскiй языкъ, чтобы быть судимыми по законамъ, которыхъ они не понимаютъ. Правосудiе не можетъ быть отправляемо безъ изу-

ченія законовъ и обрядовъ, существующихъ и утвержденныхъ вашимъ величествомъ, а также вашими августѣйшими предшественниками. Министръ юстиціи можетъ всегда наблюдать за дѣятельностью судебныхъ мѣстъ въ провинціяхъ, даже и въ томъ случаѣ, когда высшая инстанція этого суда не будетъ находиться въ Петербургѣ. Благоугодно вашему величеству припомнить проектъ закона о перемѣщеніи по мѣстностямъ различныхъ отдѣленій Сената, который, собственно говоря, представляетъ собою коллегію юстиціи, въ извѣстныхъ округахъ. Если трудно Сенату знать законы и языки всѣхъ народностей Имперіи или провинцій, находящихся подъ его вѣдѣніемъ, то совершенно невозможно, чтобы эти народности выучились бы русскому языку и русскимъ законамъ. Законы приводить трудно. При томъ же единообразіе въ законахъ или правѣ среди 50 мил. населенія и въ 50 губерніяхъ существуетъ только повидимому. На дѣлѣ же слишкомъ мало единообразія; различія возникаютъ сами собою и рождаются повсюду, гдѣ встрѣчается различіе въ мѣстности, народности, языкѣ.

— Но есть же однако много правъ общихъ всѣмъ подданнымъ имперіи?

— Права, ваше величество? Позвольте мнѣ утверждать, что очень мало правъ, одинаково принадлежащихъ всѣмъ народамъ вамъ подвластнымъ и всѣмъ сословіямъ. Общаго у нихъ то, что нельзя называть правомъ; - это рабство, крѣпостное состояніе, въ которомъ находится девять десятыхъ всего народа.

Государь очень хорошо понялъ, что я намекаю на сообщенную мнѣ имъ записку, пожалъ плечами и сказалъ:

— Это правда, но необходимо время. Мы возвратимся къ этому.

Послѣ этого его величество отошелъ отъ окна и, обращаясь опять ко мнѣ, произнесъ очень громко:

— Я въ особенности ввѣряю вамъ заботу хорошо наблюдать за новою школою правовѣдѣнія. Я надѣюсь, что ваши ученики будутъ заниматься прилежно и что вы доставите государству хорошихъ юрисконсультовъ.

Государь послѣ этого обратился снова къ тѣснившемуся около него кругу присутствующихъ, поговорилъ немного съ княземъ Лопухинымъ и другими лицами и затѣмъ уѣхалъ.

Князь Лопухинъ и Новосильцовъ послѣдовали за нимъ, и я поспѣшилъ снова стать на послѣднюю ступень, на которой его величество мнѣ еще разъ очень благосклонно выразилъ:

— Я всѣмъ очень доволенъ. То же самое изволилъ онъ повторить на другой день Новосильцову. По принятому въ Россіи порядку я получилъ разрѣшеніе представить къ наградамъ моихъ подчиненныхъ. Вскорѣ послѣ этого я былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и получилъ орденъ св. Анны съ алмазами.

Здѣсь я долженъ нѣсколько возвратиться назадъ и упомянуть о совершившемся въ томъ же 1806 году, но ранѣе открытія школы правовѣдѣнія.

Новосильцовъ, повидимому, пользовался еще прежнимъ довѣріемъ государя, хотя личныя его объясненія и доклады его величеству стали рѣже. Расположеніе государя къ нему замѣтно уменьшалось; снова надвигавшіяся на дипломатическомъ горизонтѣ тучи разразились скоро бурею, которая произвела большое разрушеніе.

Послѣ сраженія при Аустерлицѣ отношенія Россіи къ Франціи были неопредѣленны и очень шатки. Необходимо было приступить къ переговорамъ, и съ этою цѣлью Новосильцовъ былъ отправленъ въ Парижъ, его сопровождалъ Піатоли. Между тѣмъ свершилось присоединеніе къ Франціи Генуи.

Вслѣдствіе этого Новосильцовъ на пути своемъ въ Парижъ получилъ въ Берлинѣ приказаніе вернуться обратно въ Петербургъ. Князь Чарторыйскій предложилъ начать новые переговоры съ Франціею и при томъ исключительно о взаимной выдачѣ плѣнныхъ, взятыхъ въ минувшую войну. Назначенный для этого статскій совѣтникъ Убри [1]) получилъ въ то же время обширныя полномочія и на тотъ случай, если бы представилась возможность заключить миръ на выгодныхъ къ тому условіяхъ. Такъ и случилось. Вмѣсто того, чтобы посылать еще особаго курьера съ проектомъ мирнаго условія, Убри заключилъ миръ. Этотъ миръ былъ на самомъ дѣлѣ очень почетенъ и выгоденъ, на сколько это было въ то время только возможно, въ особенности же сохраняя за нами Іоническіе острова. Сравнивая условія этого мира съ заключеннымъ годомъ позже въ Тильзитѣ, трудно понять, почему встрѣтили препятствія его ратификовать. Чарторыйскій, бывшій въ то время еще министромъ, былъ того мнѣнія, что надо ратификовать мирный договоръ, заключенный Убри; такого же мнѣнія былъ и Новосильцовъ, хотя и отстаивалъ это свое мнѣніе довольно слабо. Эта загадка разрѣшается однако тѣмъ, что императоръ Александръ, отправляя Убри въ Парижъ, составилъ себѣ уже заранѣе рѣшеніе, тщательно скрываемое отъ своихъ министровъ. Когда Убри вернулся, онъ былъ очень изумленъ такимъ оборотомъ дѣлъ и полагалъ, что столь важное дѣло должно подлежать разсмотрѣнію Совѣта. Если бы у каждаго члена Совѣта въ отдѣльности спросили по совѣсти его мнѣніе объ этомъ трактатѣ, то каждый изъ нихъ, безъ сомнѣнія, выразилъ, что необходимо принять этотъ трактатъ обѣими руками. Но эти господа обладаютъ до-

---

[1]) Убри, Петръ Яковлевичъ, р. 1774 г. и умеръ въ 1847 г. въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Онъ служилъ по дипломатической части и былъ посланникомъ въ Мадридѣ и Франкфуртѣ.

стойнымъ изумленія талантомъ угадывать истинное намѣреніе государя. Самъ Убри былъ приглашенъ въ засѣданіе Совѣта, въ которомъ онъ самъ, а также Чарторыйскій отстаивали трактатъ, насколько только было возможно. Однако трактатъ этотъ значительнымъ большинствомъ Совѣта былъ признанъ невыгоднымъ для Россіи. Пренія объ этомъ происходили на русскомъ языкѣ. Порицали дѣйствія Убри и находили, что онъ преступилъ свои полномочія. Убри былъ на нѣкоторое время удаленъ въ деревню, но впрочемъ ничего не потерялъ и былъ даже скоро награжденъ. Только Чарторыйскій почувствовалъ двуличность государя и, не будучи въ силахъ снести подобное униженіе, просилъ уволить его отъ дѣлъ. Государь, казалось, былъ этимъ изумленъ и, не соглашаясь на его просьбу, укорялъ Чарторыйскаго, что онъ хочетъ поставить его въ затруднительное положеніе, зная хорошо, что онъ никого не имѣетъ въ виду, кому бы могъ вручить портфель министерства иностранныхъ дѣлъ. На неоднократные вопросы государя, кого князь можетъ указать ему какъ его замѣстителя, князь между прочимъ назвалъ Румянцева (министра коммерціи), но государь отклонилъ это какъ нѣчто смѣшное (dérision), зная хорошо, что Румянцевъ очень расположенъ къ Франціи. Такимъ образомъ государь и Чарторыйскій разстались. Государь въ то время и не думалъ о Румянцевѣ, котораго онъ очень хорошо понималъ и судилъ. Румянцевъ былъ тогда, какъ и позднѣе, горячій приверженецъ Наполеона. Оба императора совершенно не могли существовать одновременно· Оба не признавали инаго божества кромѣ силы. Наполеонъ безконечно превосходилъ Александра I геніальностію, познаніями и своими великими военными дарованіями, но Александръ превосходилъ его именно настолько же въ хитрости, притворствѣ и лукавствѣ. Онъ былъ всегда полный властелинъ своей тайны, которую никогда нельзя было отъ него вывѣдать. Онъ умѣлъ сдерживать все хитростью, кажущеюся податливостью и уступчивостью и очаровывать хоть только на время; но никто изъ знавшихъ его не любилъ и не цѣнилъ его подъ конецъ. До самой своей кончины Александръ I умѣлъ всѣхъ и все держать въ рукахъ своихъ, тогда какъ Наполеонъ, своею личностью умѣвшій приковывать къ себѣ людей всякаго рода и навсегда, кончилъ тѣмъ, что возстановилъ противъ себя всѣхъ и все, и бѣжавъ два раза долженъ былъ пасть предъ собственными своими кумирами. Оба они будутъ жить въ исторіи, но они не умѣли воспользоваться своимъ положеніемъ и не осуществили своего великаго предназначенія.

Александръ I въ то время полагалъ, что настало для него время вмѣстѣ съ прочею Европою помѣриться съ Наполеономъ. Ему нельзя сдѣлать упрека, что онъ въ какомъ-либо случаѣ упустилъ достойно и справедливо оцѣнить дѣйствія своего противника и побудительныя къ

тому причины и что не слѣдовалъ самъ его правиламъ. Какъ Наполеонъ устроилъ лагерь Булонскій, ни минуты не вѣря въ возможность высадки въ Англію, но единственно съ цѣлію имѣть предлогъ дѣлать во Франціи необходимыя вооруженія, точно также Александръ I стоялъ съ поднятымъ мечемъ надъ турками, съ которыми по желанію своему во всякое время могъ заключить миръ, и увеличивалъ все свои военныя силы, чтобы двинуть ихъ прежде всего противъ Наполеона, а затѣмъ и противъ Австріи, и никогда не упускалъ изъ вида славянъ. Онъ держался тутъ логикѣ и правиламъ, неразрывно связаннымъ съ большою деспотическою властію, которая обращаетъ вниманіе на учрежденія и людей, по сколько ихъ можно направить къ тому, чтобы пріобрѣсти силу и господство. Оба они, Наполеонъ и Александръ, простирали руки на славянъ, но Александръ имѣлъ при этомъ то надъ Наполеономъ преимущество, что былъ одного племени со славянами, отчасти одного съ ними вѣроисповѣданія, говорилъ на одномъ съ ними языкѣ и не упустилъ случая собрать различныя о нихъ свѣдѣнія.

Средства, къ которымъ прибѣгали эти оба представителя властолюбія, были также одинаковы; они не пренебрегали ничѣмъ и совершили при этомъ тѣ же непослѣдовательности, потому что таковыя, при слабостяхъ человѣчества, которыхъ нельзя отрицать, нераздѣльны съ системою абсолютной власти. Чарторыйскій, хотя и желалъ на самомъ дѣлѣ совсѣмъ серіозно получить отставку, но Новосильцовъ и Строгановъ съумѣли убѣдить его отказаться отъ этого намѣренія. Первый очень сильными доводами представлялъ государю, чтобы онъ не отпускалъ Чарторыйскаго, котораго ему удалось также убѣдить отступиться отъ своего намѣренія.

Тѣмъ болѣе было ему тягостно услыхать, когда государь, пожавъ плечами, отвѣтилъ ему, что онъ съ большимъ сожалѣніемъ узнаетъ объ этой перемѣнѣ желанія Чарторыйскаго, но уже поздно, такъ какъ выборъ его преемника имъ уже сдѣланъ. Александръ I настаивалъ, чтобы князь сохранилъ за собою прочія занимаемыя имъ должности, въ особенности попечителя Виленскаго учебнаго округа и оставался бы по прежнему его другомъ и добрымъ совѣтникомъ. Но кто была особа, на которую уже палъ выборъ его величества, въ преемники Чарторыйскаго,—оставалось еще ему неизвѣстнымъ. Объ этомъ узнали только нѣсколько дней спустя, когда состоялся высочайшій указъ, которымъ Будбергъ [1]), громче всѣхъ возстававшій противъ ратификаціи мир-

---

[1]) Будбергъ, Андрей-Эбергардъ р. 1750 г. близъ Риги и позднѣе, въ 1806 г., назначенъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Будучи противникомъ Тильзитскаго мира, въ заключеніи котораго не принималъ участія, Будбергъ вышелъ въ отставку въ 1808 г. и умеръ въ Петербургѣ въ 1812 году.

наго договора, заключеннаго Убри, назначался министромъ иностранныхъ дѣлъ. Будбергъ былъ вовсе не дипломатъ и вообще не имѣлъ ни научнаго образованія и ни малѣйшаго знанія въ дѣлахъ. Въ первый годъ царствованія Александра I онъ былъ временнымъ военнымъ губернаторомъ въ Петербургѣ, но не могъ долго удержать за собою это мѣсто; каждому было ясно, что и на этотъ разъ онъ будетъ управлять министерствомъ не долго, только временно, пока состоится выборъ другаго лица, болѣе соотвѣтствующаго обстоятельствамъ времени.

Я не былъ близокъ къ Чарторыйскому и встрѣчался съ нимъ очень рѣдко, и тѣмъ безпристрастнѣе наблюдалъ я за образомъ его дѣйствій. Перемѣна въ его положеніи была поучительна и въ томъ отношеніи, что коль скоро человѣкъ, во всѣхъ отношеніяхъ стоявшій столь высоко, долженъ былъ удалиться, то и каждому другому, въ болѣе ограниченной сферѣ дѣятельности, ничего лучшаго предстоять не могло. Я не сомнѣвался болѣе въ томъ что цѣль законодательной коммиссіи никогда вполнѣ достигнута не будетъ предоставленными въ ея распоряженіе средствами. Достиженіе цѣли являлось возможнымъ только въ томъ случаѣ, если бы государь со своими приближенными и совѣтниками, проникнутыми соотвѣтствующими къ тому воззрѣніями, какъ Новосильцовъ и Чарторыйскій, пожелалъ бы принять участіе въ работахъ коммиссіи съ полною самодѣятельностію и искреннимъ намѣреніемъ. Но къ этому повидимому не было никакой надежды, тѣмъ болѣе, что все болѣе и болѣе пріобрѣтала распространеніе система управленія департаментами и канцеляріями, совершенно не согласная съ моими воззрѣніями на законодательство и администрацію. Послѣ каммеръ и мануфактуръ-коллегіи исчезли постепенно одна за другою и прочія коллегіи. Личный составъ канцеляріи, бумажное дѣлопроизводство увеличивалось непрерывно, и временемъ освященные порядки и формы, совмѣщавшія и опытность и контроль, вытѣснялись все болѣе и болѣе усиливающимся потокомъ новыхъ формальностей. Мѣстныя власти утратили свое значеніе; все сосредоточилось въ министерскихъ управленіяхъ, которыя не въ состояніи были всего обнять и постичь. Должностныя лица быстро смѣщались и замѣнялись одно другимъ; ни одно изъ нихъ не имѣло ни времени, ни способовъ изучить основныя начала ввѣренной ему отрасли управленія и пріобрѣсти должную опытность. Потокъ становился все сильнѣе; разобраться въ этомъ хаосѣ отдѣльныхъ частныхъ улучшеній было трудомъ совершенно тщетнымъ, тѣмъ болѣе, что подобный ложный кругъ нигдѣ не имѣлъ твердой точки опоры.

Такимъ образомъ я ограничилъ всю свою дѣятельность возможнымъ улучшеніемъ законодательнаго матеріала и выясненіемъ его современнаго содержанія, которое должно было служить основаніемъ будущаго

законодательства. Живѣйшею моею заботою при этомъ являлось училище правовѣдѣнія. И это уже было прекрасное призванie, которому я охотно и совершенно вполнѣ посвятилъ себя. Прошедшее и столь лестную для меня въ началѣ надежду содѣйствовать вблизи императора достиженiю великой прекрасной цѣли отодвинулъ я совсѣмъ на заднiй планъ. Я и моя жена жили впрочемъ въ очень благопріятныхъ условіяхъ, въ кругу добрыхъ и любезныхъ людей и посѣщали нерѣдко Козодавлева, дюка Серра де Капріолли [1]), князя Голицына и многихъ другихъ лицъ. Я посѣщалъ также часто домъ Нарышкиной [2]) (Маріи Антоновны). Тѣмъ временемъ, со дня водворенія моего въ Петербургѣ испыталъ я нѣкоторыя невзгоды въ моемъ семействѣ. Въ Лифляндіи экономическія условія дворянства ухудшились вслѣдствіе различныхъ мѣръ и событій. Первая война съ Англіей, а также происшедшія измѣненія въ Голландіи дали иное направленіе вывозной нашей торговлѣ. Нарушеніе торговыхъ сношеній съ Голландіею, существовавшихъ въ продолженіе двухъ столѣтій, было самимъ чувствительнымъ ударомъ для балтійскихъ провинцій.

Недочетъ ежегодно поступавшихъ въ эти провинціи суммъ отъ 4 до пяти сотъ тысячъ альбертталеровъ, которые Голландія ежегодно выдѣлывала исключительно для торговли съ прибалтійскимъ краемъ, принудилъ значительную часть землевладѣльцевъ съ предложеніемъ избытка ихъ хлѣбныхъ произведеній обратиться въ Россію и преимущественно въ Петербургъ, гдѣ, вслѣдствіе конкуренціи съ хлѣбомъ внутреннихъ русскихъ губерній, цѣны на хлѣбъ значительно упали; кромѣ того прибалтійскія губерніи были наводнены русскими бумажными деньгами. На серебряную же монету, на которой заключались всѣ торговыя сдѣлки Россіи, постоянно стоялъ лажъ, вслѣдствіе постоянно неблагопріятныхъ для Россіи ежегодныхъ торговыхъ балансовъ. По всему этому цѣны на хлѣбъ въ имѣніяхъ прибалтійскихъ упали, а затѣмъ и всѣ прочіе предметы хозяйства соотвѣтственно понизились въ цѣнѣ. Все пришло въ разстройство, и значительное число землевладѣльцевъ потеряли свои помѣстья. Мой братъ, который

---

[1]) Серра Капріолли (Антуанъ Мареска) р. 1750 г., былъ неаполитанскимъ посланникомъ въ Петербургѣ съ 1782 по 1807 годы, а затѣмъ дипломатическимъ агентомъ монархической клерикальной реакціи, поддерживавшей на вѣнскомъ конгрессѣ права Бурбоновъ на неаполитанскій престолъ. Онъ умеръ въ 1822 году.

[2]) Марія Антоновна Нарышкина, рожд. Четвертинская, р. 1779 г., вступила въ бракъ въ 1795 г. съ оберъ-егермейстеромъ Дмитріемъ Львовичемъ Нарышкинымъ и пользовалась большимъ расположеніемъ Александра I. Овдовѣвъ въ 1838 г., она позднѣе вступила во второй бракъ съ Брозинымъ и умерла въ 1854 году.

взялъ на себя арендованіе большими имѣніями, очень пострадалъ преимущественно отъ этихъ обстоятельствъ.

Къ этому присоединились другіе, совершенно непредвидимые, несчастные случаи, такъ что, хотя мой братъ и былъ извѣстенъ какъ опытный дѣятельный сельскій хозяинъ, но не могъ удержать за собою наше родовое имѣніе Керзель, доставшееся намъ отъ нашего дѣда. При этомъ и я потерялъ всю причитавшуюся мнѣ по наслѣдству часть этого имѣнія; за мною осталась только небольшая деревня Куксъ, къ которой я прикупилъ небольшой еще дворъ. Въ 1791 году я пріобрѣлъ имѣнія г. Бока, Репгофъ и Фокферъ, и затѣмъ вскорѣ продалъ ихъ съ значительнымъ барышемъ въ 45.000 рублей серебромъ. Къ этому надо присоединить еще капиталъ въ 6.000 руб., который моя мать получила по наслѣдству отъ Кампенъ.

Съ этими деньгами я купилъ имѣніе Вительгофъ и затѣмъ промѣнялъ его тайному совѣтнику барону Кампенгаузену на замокъ Амесъ, купленный у моего свояка, барона Унгерна. Мой братъ очень запутался въ своихъ денежныхъ дѣлахъ и изъ вниманія и расположенія къ дружественному, уважаемому семейству Кампенгаузенъ, я согласился на заключенную имъ уступку имѣнія Лиліенфельду съ значительной потерею.

Подобное положеніе дѣлъ явилось отчасти слѣдствіемъ моего пребыванія въ Петербургѣ, потому что, находясь на мѣстѣ, въ Лифляндіи, я могъ бы успѣшнѣе быть полезнымъ моему брату совѣтами своими и содѣйствіемъ. Теперь же я не могъ да и не желалъ заниматься ничѣмъ инымъ, какъ моими служебными дѣлами. Я мечталъ, что живу единственно для законодательства Россіи и долженъ всѣмъ для него пожертвовать. Эти мои мечты были разсѣяны самымъ жестокимъ для меня образомъ.

Я нашелъ средство помочь моему брату. Онъ былъ зачисленъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и какъ опытный сельскій хозяинъ посланъ въ Саксонію для закупки мериносовъ. Позднѣе онъ былъ инспекторомъ иностранныхъ колоній на югѣ Россіи подъ начальствомъ герцога Ришелье въ Одессѣ, гдѣ и умеръ въ 1814 году. Я взялъ его сыновей къ себѣ, изъ которыхъ старшій теперь уже служитъ по управленію водяныхъ коммуникацій и начальникъ по урегулированію рѣкъ и пороговъ въ Финляндіи, а младшій состоитъ въ томъ же вѣдомствѣ.

Я скоро понесъ еще одну утрату.

Отношенія Новосильцова къ его величеству становились все холоднѣе. Послѣднее доказательство довѣрія къ нему государя заключалось въ томъ, что когда возникли несогласія между Беннигсеномъ и

графомъ Буксгевденомъ [1]), послѣ сраженія при Пултускѣ, Новосильцовъ былъ посланъ въ главную квартиру Беннигсена, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, до прибытія въ армію его величества. Александръ I по отчету Новосильцова склонялся на сторону Беннигсена; захваченныя при Пултускѣ французскія знамена имѣли большее при этомъ значеніе, нежели старшинство службы Буксгевдена. Битва при Прейсишъ-Эйлау, въ которой принялъ такое большое участіе Барклай-де-Толли, укрѣпила довѣріе императора къ Беннигсену.

Отправляясь въ армію въ сопровожденіи Новосильцова, Александръ I взялъ съ собою также и Будберга, чтобы имѣть его подъ рукою на случай паденія Новосильцова.

По прибытіи государя въ армію послѣдовало дѣло при Гейльсбергѣ, гдѣ былъ убитъ достойный Анрепъ.

Неблагопріятный исходъ сраженія при Фридландѣ произвелъ очень сильное впечатлѣніе на государя.

Такъ какъ его армія была слишкомъ слаба, то онъ рѣшился еще разъ умилостивить грозу, и послѣдовавшее за тѣмъ свиданіе въ Тильзитѣ разомъ измѣнило всю его политику. Достовѣрный свидѣтель разсказывалъ мнѣ, что императоръ за день передъ тѣмъ, какъ рѣшиться на полную перемѣну своей политики, сидѣлъ нѣсколько часовъ одинъ, запершись въ комнатѣ, терзаемый то мыслію отступить въ предѣлы своего государства для продолженія войны, то мыслію заключить сейчасъ же мирныя условія съ Наполеономъ. Недостатка въ средствахъ продолжать войну не ощущалось; ополченіе было уже сформировано; я самъ принималъ участіе въ планѣ его организаціи, составленномъ Новосильцовымъ съ Дружининымъ. Это было почти тотъ же самый планъ, который, позднѣе, въ 1812 г., стоявшій во главѣ ополченія престарѣлый графъ Татищевъ снова выдвинулъ въ переработанномъ Оленинымъ [2]) видѣ.

Финансами завѣдывалъ очень разумный и практическій Васильевъ,

---

[1]) Буксгевденъ Θедоръ Θедоровичъ, р. 1750 г., былъ при Павлѣ I генералъ-поручикомъ и петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, но въ 1798 г. уволенъ отъ службы. При Александрѣ I назначенъ инспекторомъ лифляндской инспекціи и рижскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ началѣ войны 1806—1807 г. командовалъ корпусомъ, но былъ отозванъ отъ арміи, а послѣ Тильзитскаго мира получилъ начальство надъ арміею послѣ Беннигсена. Въ шведскую войну 1808 г. командовалъ нашими войсками въ Финляндіи, а затѣмъ поселился въ Эстляндіи и умеръ 23-го августа 1811 г. въ Лоде.

[2]) Оленинъ Алексѣй Николаевичъ, р. въ 1763 г. и при Павлѣ I былъ оберъ-прокуроромъ Сената и директоромъ школы юнкеровъ, учрежденной при Сенатѣ для образованія дѣятелей по судебному вѣдомству. Позднѣе онъ былъ директоромъ Публичной библіотеки и президентомъ Академіи Наукъ въ 1817 году. Онъ умеръ въ 1843 году.

и они находились въ прекрасномъ состояніи; подати были не велики, и народъ преисполненъ рвенія.

Даже въ завоеванныхъ отъ Польши губерніяхъ не выказывалось ни малѣйшихъ признаковъ возстанія, потому что императоръ Павелъ возвратилъ ихъ обывателямъ прежніе статуты и съ ними обращались хорошо. Если бы дѣло дошло до необходимости, не оказалось бы недостатка и въ другихъ вспомогательныхъ средствахъ, которыя могли бы поддерживать и подкрѣплять побудительные поводы къ продолженію войны; не было недостатка также и въ совѣтахъ продолжать войну. Новосильцовъ находился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ главной квартиры и могъ бы явиться очень скоро къ дѣлу, Будбергъ также. Но государь не призвалъ ни одного изъ нихъ, потому что нисколько не дорожилъ мнѣніемъ ни того, ни другаго. Графъ Толстой, оберъ-гофмаршалъ, былъ единственный, съ которымъ онъ въ это время говорилъ. Конечно, этотъ ловкій царедворецъ, бывшій рѣшительнымъ врагомъ Новосильцова, посовѣтовалъ государю то, что по мнѣнію его являлось наиболѣе пріятнымъ Александру I.

Толстой хорошо видѣлъ, что императоръ, подобно тому, какъ и при Аустерлицѣ, находился подъ сильнымъ впечатлѣніемъ видимой опасности; великій князь Константинъ Павловичъ былъ также не изъ храбрыхъ; Беннигсенъ не вселялъ къ себѣ большаго довѣрія; Анрена не было въ живыхъ, Барклай единственный не совѣтовалъ заключать мира и утверждалъ, что возможно продолжать войну. Но этотъ дальновидный мужъ не обладалъ даромъ сильно высказывать свои мнѣнія и доказать ихъ; однако императоръ не забылъ нѣкоторыхъ высказанныхъ имъ мыслей. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ часовъ, и государь въ сильно возбужденномъ состояніи переходилъ отъ одного рѣшенія къ другому.

Должно было для виду поручить кому-нибудь вести переговоры; къ этому былъ призванъ генералъ-отъ-инфантеріи Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій [1]), племянникъ Репнина и Панина; онъ и подписалъ Тильзитскій мирный трактатъ во французской редакціи, одобренной уже государемъ. Этотъ договоръ въ сравненіи съ заключеннымъ Убри былъ несравненно болѣе для насъ невыгоденъ. Онъ видимо по-

---

[1]) Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, р. въ 1758 г. и съ 14 лѣтъ находился въ военной службѣ. Онъ участвовалъ въ войнѣ 1807 г. и въ заключеніи Тильзитскаго мира и Наполеономъ былъ назначенъ въ 1810 г. военнымъ губернаторомъ Риги и генералъ-губернаторомъ трехъ балтійскихъ провинцій, формировалъ резервныя войска въ 1812 г., а въ 1815 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а въ 1817 г. министромъ юстиціи Онъ отправлялъ эту должность до 1827 года, когда былъ уволенъ по прошенію.

ложилъ основаніе преимущественному господству Наполеона во всѣхъ дѣлахъ европейскаго материка. Но это было еще не такъ важно, потому что императоръ Александръ I могъ на материкѣ опять пріобрѣсти господство, какъ это и показали послѣдующія событія. Самая непростительная ошибка заключалась въ предстоящемъ разрывѣ съ Англіею, который нельзя было не предвидѣть и въ потерѣ Іоническихъ острововъ, этого столь важнаго пункта для морской силы Россіи, безъ котораго оба флота, находящіеся въ крѣпостяхъ Кронштадтѣ и Севастополѣ, и весь остальной флотъ военный (торговаго флота собственно не имѣлось вовсе), являются для насъ только чрезвычайно дорогимъ предметомъ роскоши.

Государь заключилъ миръ; увидѣвъ Новосильцова въ какомъ-то мѣстечкѣ на возвратномъ пути въ Россію, онъ встрѣтилъ его словами: «итакъ я получилъ орденъ Почетнаго Легіона».

Чувства Новосильцова были раздражены до чрезвычайности; съ этого времени онъ былъ утраченъ для русскаго законодательства. Онъ зналъ государя слишкомъ хорошо и имѣлъ слишкомъ большія права на его къ нему довѣріе, чтобы не выразить своихъ чувствъ. Онъ уже ранѣе выѣхалъ изъ дворца, въ которомъ жилъ, а теперь даже не являлся съ докладами къ государю лично, но посылалъ съ портфелемъ своего директора канцеляріи Дружинина, очень ловкаго и жизнерадостнаго человѣка.

Это неудовольствіе не могло долго продолжаться; Новосильцовъ наконецъ уѣхалъ къ графинѣ Софіи Потоцкой, бывшей нѣкогда красавицѣ-гречанкѣ и во всякое время ловкой интриганкѣ безъ всякаго образованія, но обладавшей изумительною хитростію и ловкостью, благодаря которымъ она умѣла узаконить всѣхъ своихъ дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, и выиграть самыя трудныя тяжбы.

Новосильцовъ передалъ завѣдываніе дѣлами духовныхъ исповѣданій князю Александру Голицыну, назначенному оберъ-прокуроромъ Синода. Голицынъ былъ другомъ дѣтства и собственно довѣреннымъ человѣкомъ и угодникомъ государя, умѣвшимъ всегда пріятно съ нимъ бесѣдовать. Онъ никогда не имѣлъ собственнаго о чемъ-либо мнѣнія, но схватывалъ съ величайшей готовностью и самымъ безграничнымъ подражаніемъ воззрѣнія своего повелителя. Ему поручено было завѣдывать и дѣлами просвѣщенія. Новосильцовъ былъ назначенъ сенаторомъ. Графъ Павелъ Строгановъ, послѣ того какъ Кочубей пересталъ завѣдывать министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, перешелъ въ военную службу генералъ-маіоромъ. Онъ былъ слишкомъ прямой и откровенный человѣкъ, чтобы пожелать оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ. За одно блестящее кавалерійское дѣло Беннигсенъ вполнѣ справедливо представилъ его къ наградѣ. Строгановъ удостоился получить орденъ

св. Георгія 3 класса и позднѣе былъ сдѣланъ генералъ-адъютантомъ. Въ дѣлѣ законодательства я остался теперь одинъ подъ начальствомъ князя Лопухина, который вовсе не интересовался этимъ дѣломъ и только по временамъ отдавалъ разныя приказанія. Онъ и прочіе министры неоднократно посѣщали мои лекціи въ школѣ правовѣдѣнія и оставались очень довольны. Молодые люди были прилежны и очень понятливы.

Профессора со своими тетрадями, въ которыхъ излагались извлеченія изъ сочиненій нѣмецкихъ ученыхъ съ русскимъ переводомъ, являлись не всегда вполнѣ удовлетворительными, но практическія занятія, которыя производились при первомъ публичномъ испытаніи по печатной программѣ, дали очень благопріятные результаты. Государь на этотъ разъ на экзаменъ не пріѣхалъ.

Я по-прежнему работалъ съ большимъ рвеніемъ по составленію изложенія дѣйствующаго права и дѣлалъ первые опыты составленія отдѣльныхъ статей по различнымъ главамъ. Мы всѣ изучали источники, и я могу сказать о себѣ, что не былъ самымъ лѣнивымъ изъ всѣхъ насъ. Князь Лопухинъ, любившій шутить, забавлялся очень, когда я доказывалъ, что каждый по окончаніи своего обученія и достиженіи 20 лѣтъ долженъ быть опредѣленъ по призванію своему къ какой-либо дѣятельности, одинъ въ профессора, другой въ доктора, третій въ школу правовѣдѣнія, коммиссію законовъ, по судебной части и т. д., чтобы въ 45—60 лѣтъ быть совершенно пригоднымъ руководить извѣстными отраслями дѣятельности, если только не отступать отъ своего предназначенія. Я указывалъ въ подтвержденіе моего мнѣнія на графа Оксенштерна [1]) и еще болѣе знаменитаго Питта [2]), при чемъ первый въ концѣ своего долгаго земнаго поприща выразилъ своему сыну, что «міръ управляется ничтожною долею мудрости». Лопухинъ замѣтилъ, что такимъ образомъ не много окажется занимающихся по призванію и, указавъ на одного изъ писцовъ, который очень хорошо переписывалъ, не понимая ни одного слова изъ того, что онъ списывалъ, спросилъ меня, на что предназначить можно этого генія? Я отвѣтилъ, что этотъ примѣръ подкрѣпляетъ высказанное мною, такъ какъ этотъ писецъ прекрасно уже исполняетъ свое предназначеніе, будетъ въ немъ усовершенствоваться и далѣе этого призванія и не пойдетъ. Другой разъ

---

[1]) Оксенштернъ (Аксель, р. 1583†1654), извѣстный шведскій дипломатъ и министръ при Густавѣ-Адольфѣ, принявшій начальство надъ войсками послѣ его смерти. Онъ былъ полнымъ правителемъ Швеціи при королевѣ Христинѣ.

[2]) Питтъ Вилльямъ, р. 1759†1806 г., первый министръ Англіи, возвысилъ ея морскія силы, сильный защитникъ роялизма, боровшійся всѣми силами противъ французской революціи.

въ тотъ день, когда Лопухинъ около 12 часовъ долженъ былъ быть съ докладомъ у государя, я отправился къ нему со своимъ шуриномъ, очень милымъ молодымъ человѣкомъ, состоявшимъ въ то время помощникомъ при мнѣ и потомъ пріобрѣвшимъ извѣстность, какъ ученый знатокъ Ольвійскихъ и другихъ греческихъ древностей. Я передалъ Лопухину записку о немедленномъ опредѣленіи этого молодаго человѣка на службу съ производствомъ, оказавъ, что полагаю самъ едва-ли это исполнимо, потому что я на лѣстницѣ встрѣтилъ священника и старую женщину и при этомъ забылъ по обычаю плюнуть на лѣвую сторону. Лопухинъ отвѣтилъ мнѣ, что трудно исправить подобный съ моей стороны промахъ, но тѣмъ не менѣе въ тотъ же день прислалъ мнѣ указъ объ опредѣленіи молодаго человѣка на службу и приписалъ «il ne faut pas désesperer de rien» (не надо ни въ чемъ отчаяваться). Но эти добрыя отношенія между нами являлись солнечнымъ лучемъ, который первая туча могла легко закрыть.

Я долженъ тутъ упомянуть еще о нѣкоторыхъ особыхъ порученіяхъ, которыя получала коммиссія законовъ по порученію государя, а именно въ началѣ 1807 года ей было повелѣно неотлагательно заняться преобразованіемъ въ Петербургской губерніи губернскаго управленія и судебной части, вмѣстѣ съ аппелляціонной инстанціею во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ. Это сообщили мнѣ князь Лопухинъ и Новосильцовъ по приказанію государя, съ тѣмъ чтобы окончить эту работу какъ можно скорѣе; государь приказалъ при этомъ сообщить мнѣ и всѣмъ редакторамъ, которые въ той работѣ будутъ участвовать, что если наша работа будетъ соотвѣтствовать его ожиданіямъ, то послѣдующія съ его стороны награды за это превзойдутъ всѣ наши ожиданія.

Мнѣ показался только весьма страннымъ тотъ спѣхъ, съ которымъ не только сопровождалось это порученіе, но самое приказаніе его скорѣе исполнить. Я представилъ князю Лопухину, что мы конечно вполнѣ всецѣло предадимся этой работѣ, съ наибольшимъ прилежаніемъ, но возможность скораго его окончанія крайне сомнительна, такъ какъ мы должны ближе ознакомиться собственно на дѣлѣ съ практической стороною дѣлопроизводства въ губернскихъ учрежденіяхъ и потому уже не можемъ работать со спѣхомъ. Кромѣ того общія начала тяжебнаго дѣлопроизводства, компетенція судебныхъ мѣстъ и исполнительной власти не были еще установлены, а затѣмъ, улучшенія, которыя предположено будетъ ввести въ предметы вѣдомствъ учрежденій Петербургской губерніи, необходимо должны повлечь за собою различныя измѣненія и въ установленіяхъ первой инстанціи, подчиненныхъ губернскимъ. Вмѣстѣ съ двумя лучшими редакторами (Геномъ и Беллингсгау-

зеномъ) [1]) мы отправились по формальному приказанію министра юстиціи въ губернскія присутственныя мѣста, ознакомились съ разными бумагами и дѣлами въ канцеляріяхъ, а также бывали въ присутствіяхъ при засѣданіяхъ. Мы не щадили трудовъ и открывали, насколько могли, различные недостатки и злоупотребленія, изыскивали средства къ ихъ устраненію, совѣщались съ самими членами присутствій объ установленіи болѣе цѣлесообразныхъ порядковъ дѣлопроизводства и о возможномъ усиленіи началъ, выраженныхъ въ уставѣ судопроизводства, но худо соблюдаемыхъ на дѣлѣ.

Мы скоро замѣтили, что недостатки кроются собственно не столько въ отсутствіи знаній законовъ и порядковъ дѣлопроизводства, сколько въ другихъ обстоятельствахъ, безъ отмѣны которыхъ даже наиболѣе обдуманныя и цѣлесообразныя правила не принесутъ существенной пользы, какъ, напр., въ худо оплачиваемомъ трудѣ, въ отсутствіи независимости суда и должнаго его значенія, а слѣдовательно и отсутствія чувства должностной чести какъ въ членахъ различныхъ судовъ, такъ и у служащихъ въ канцеляріяхъ. Давно существовало правило, по которому судьи за каждое въ высшей инстанціи отмѣненное ихъ рѣшеніе подвергались штрафу отъ 5 до 10 процентовъ исковой суммы. Губернскія судебныя учрежденія, какъ апелляціонная инстанція, присуждали къ штрафамъ въ подобныхъ случаяхъ членовъ уѣздныхъ и надворныхъ судовъ, какъ суда первой инстанціи, а Сенатъ, въ свою очередь, какъ третья инстанція, присуждалъ къ штрафамъ членовъ губернскихъ судебныхъ палатъ, а въ концѣ концовъ все это падало на самихъ тяжущихся. Это чудовищное правило было невозможно совмѣстить съ совѣстью судей и безопасностью сторонъ, такъ какъ подобное правило ставило судей и секретарей въ необходимость, чтобы не умирать съ голоду, соглашаться на всякіе подкупы. Мы подробно изслѣдовали всѣ эти чудные порядки и ни одного не скрыли, чтобъ придать бо̀льшую силу предлагаемымъ нами мѣрамъ къ уврачеванію подобнаго зла.

Негласное производство дѣлъ и неопредѣленное изложеніе различныхъ порядковъ процесса были вторымъ основаніемъ, поводомъ къ выше указанной продажности. Не упоминаю о многихъ другихъ недостаткахъ. Мы раздѣлили всю сдѣланную нами работу на двѣ отдѣльныя части, при чемъ въ одной было изложено устройство судебной части,

---

[1]) Первый былъ ранѣе секретаремъ губернскаго правленія, а второй губернскій прокуроръ. Генъ состоялъ послѣ при герцогѣ Ольденбургскомъ, былъ очень способный человѣкъ. Въ 1820 г. государь черезъ графа Аракчеева предложилъ ему мѣсто статсъ-секретаря у принятія прошеній, но Генъ отказался отъ этого. Они оба уже умерли. Мнѣ также это дѣло не было совершенно чуждо, такъ какъ я 13 лѣтъ былъ окружнымъ судьею и ландсратомъ. (Kreis und Landrath).

а во второй—самый порядокъ тяжебнаго дѣлопроизводства. Мы ограничивались предварительно только общимъ порядкомъ [1]) судопроизводства, предоставивъ себѣ изложить позднѣе различныя особенности судопроизводства. Эта работа заняла до 2 мѣсяцевъ, чему конечно никто ни удивится. Я дѣлалъ все, что только могъ, чтобъ ускорить работу, и тѣмъ не менѣе опоздалъ, какъ это сейчасъ объясню. Государь только бросилъ бѣглый взглядъ на работу. Чтобы представить ему этотъ трудъ нагляднѣе и понятнѣе, мнѣ слѣдовало бы самому лично явиться съ объясненіями къ его величеству, но государь меня не потребовалъ, а князь Лопухинъ, хотя самъ и не имѣлъ никакого вліянія на эту работу, былъ однако не вполнѣ согласенъ съ многими изъ моихъ воззрѣній. Онъ преимущественно не соглашался съ тѣмъ, чтобы не подвергать судей наказанію за поставляемыя ими рѣшенія за исключеніемъ случаевъ личнаго ихъ преступнаго дѣйствія (взяточничества, неправосудія и т. д). Онъ полагалъ, что въ Россіи безъ такого наказанія судъ быть не можетъ. Онъ равнымъ образомъ не хотѣлъ слышать объ увеличеніи чиновникамъ содержанія, объ установленіи закономъ сборовъ при дѣлопроизводствѣ, потому что всѣмъ извѣстно, говорилъ онъ, что судьи, получай они большое или малое жалованье, не будутъ воздерживаться отъ взятокъ и побочныхъ доходовъ [2]). Онъ полагалъ, что никакой пользы не будетъ отъ отступленія существующихъ порядковъ. Я же не могъ никакъ отступиться отъ моихъ воззрѣній. Позднѣе отъ этой теоріи денежныхъ наказаній судей наконецъ отказались, но очень многое другое осталось безъ измѣненія. Это доказываетъ только то, что всѣ улучшенія совершаются медленно, постепенно вмѣстѣ съ временемъ, какъ и постройка какого-либо города. Первыя постройки постепенно съ годами старѣютъ, приходятъ все болѣе и болѣе въ негодность, и съ каждымъ годомъ на ихъ фундаментѣ возвышаются, если можно такъ выразиться, вторыя и третьи поколѣнія новыхъ зданій.

При первомъ же докладѣ государь приказалъ послать мой проектъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, чтобы истребовать мнѣніе онаго (такъ какъ губернскія правленія и всѣ прочія исполнительныя власти въ губерніи находятся въ его вѣдѣніи), а затѣмъ съ возраженіями на оное со стороны коммиссіи законовъ представить вновь его величеству.

---

[1]) Этотъ общій порядокъ покоится совершенно на началахъ русскаго права; онъ позднѣе обсуждался въ Государственномъ Совѣтѣ, былъ принятъ имъ и напечатанъ въ 5-мъ томѣ трудовъ законодательной коммиссіи въ 1820—1821 годахъ.

[2]) Въ одномъ своемъ процессѣ, который князь велъ въ губерніи, гдѣ находились его земли, онъ находилъ вполнѣ естественнымъ, что его управляющій показывалъ по отчетамъ расходы на подарки судьямъ.

*

Противъ этого конечно ничего нельзя было возражать, но именно въ томъ министерствѣ (внутреннихъ дѣлъ) проектъ мой нашелъ себѣ противника въ Сперанскомъ, который имѣлъ въ виду не столько отстраненіе недостатковъ мѣстнаго управленія или улучшенія онаго, сколько желаніе взять въ свои руки руководство нашими работами. Онъ былъ въ то время еще директоромъ у графа Кочубея, пользовался особеннымъ его довѣріемъ и имѣлъ сильное на него вліяніе. Мнѣ необходимо здѣсь сказать нѣсколько словъ объ этомъ въ то время еще молодомъ человѣкѣ; ему было тогда лѣтъ 30 не болѣе.

Сынъ бѣднаго деревенскаго священника, Сперанскій былъ воспитанъ въ семинаріи и кромѣ богословскихъ познаній пріобрѣлъ и другія, которымъ обучали въ то время въ семинаріи, какъ-то въ языкахъ: латинскомъ, греческомъ, французскомъ (нѣмецкаго онъ не зналъ), въ логикѣ по Баумейстеру и т. д. Онъ скоро былъ признанъ достойнымъ занять каѳедру въ семинаріи и если бы пожелалъ принять монашескій санъ, то безъ сомнѣнія достигъ бы званія епископа и архіепископа. Но его тянулъ къ себѣ свѣтъ со всѣми его наслажденіями. Онъ старался перейти въ гражданскую службу. Ему удалось сперва получить мѣсто учителя при дѣтяхъ въ домѣ князя Куракина, въ то время генералъ-прокурора, и вмѣстѣ съ тѣмъ быть зачисленнымъ въ канцелярію онаго.

Обладая очень счастливыми дарованіями, привлекательною наружностью и при томъ въ высшей степени искусствомъ, лестью, уступчивостью соглашаться со всѣми мнѣніями лицъ высшихъ, уступавшихъ ему въ дарованіяхъ, ему удалось быстро пройти по первымъ ступенямъ служебной лѣстницы, отодвигая въ сторону сослуживцевъ, при чемъ не было недостатка съ его стороны въ различныхъ всякаго рода интригахъ.

Князь Куракинъ вмѣстѣ съ должностію генералъ-прокурорскою передалъ Сперанскаго своему преемнику князю Лопухину, а сей послѣдній въ свою очередь—Беклешеву. При вступленіи на престолъ императора Александра I, Сперанскій домогался расположенія Трощинскаго, работалъ съ нимъ вмѣстѣ по составленію перваго положенія о Государственномъ Совѣтѣ 1801 года и достигъ этимъ должности начальника одного изъ 4-хъ отдѣленій, на которыя дѣлился Совѣтъ въ то время, получивъ вмѣстѣ съ тѣмъ титулъ статсъ-секретаря. Его сотоварищами тогда были Энгель (уже статсъ-секретарь при Павлѣ), гораздо болѣе его основательно образованный, не менѣе интригавъ и быть можетъ не столь дѣятельный, а также Оленинъ и князь Циціановъ, впослѣдствіи начальникъ войскъ въ Грузіи, гдѣ онъ былъ убитъ.

Когда Трощинскій утратилъ довѣріе императора и были учреждены въ 1802 г. министерства, Сперанскій перешелъ къ Кочубею, въ качествѣ директора, и составлялъ вышеупомянутую записку о министерствѣ внутреннихъ дѣлъ отъ іюля 1803 г., которою основныя начала системы

министерствъ, находившейся еще въ соотношеніи съ бывшею ранѣе системою коллегій, были совершенно вытѣснены абсолютною системою централизаціи, составленной еще болѣе по французскому образцу.

Пока графъ Кочубей сохранялъ за собою министерство, Сперанскій пользовался своимъ вліяніемъ, чтобы положить основаніе своему матеріальному положенію, приблизиться къ государю и играть еще бо́льшую роль. При уходѣ Кочубея, Сперанскій неоднократно являлся съ докладами къ его величеству, такъ какъ товарищъ графа Кочубея, графъ Строгановъ, не отправлялъ уже этой обязанности. Сперанскій съумѣлъ своимъ прекраснымъ даромъ слова, своими дарованіями произвести для себя выгодное впечатлѣніе на государя, поддѣлаться подъ его воззрѣнія и скоро очаровалъ Александра I.

Сперанскій былъ назначенъ состоящимъ при немъ по особымъ дѣламъ, безъ болѣе точнаго обозначенія какихъ именно дѣлъ. Онъ тогда сталъ громко выражать желаніе принять участіе въ дѣлахъ коммиссіи законовъ и объявилъ, что намѣренъ вполнѣ подчиниться составленному плану ея занятій и методу работъ коммиссіи. Меня лично онъ увѣрялъ, что считаетъ себя моимъ ученикомъ. Князь Лопухинъ, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ ранѣе уже и который его спасъ, когда онъ сдѣлался подозрительнымъ императору Павлу I, не задумался на вопросъ государя о назначеніи Сперанскаго въ коммиссію законовъ высказать, что рабочія силы коммиссіи законовъ будутъ значительно усилены, коль скоро Сперанскій будетъ назначенъ третьимъ ея членомъ.

Между тѣмъ проектъ улучшенія тяжебнаго дѣлопроизводства въ губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ поступилъ еще во время министерства графа Кочубея къ Сперанскому, который не упустилъ случая съ начала до конца раскритиковать его. Онъ съумѣлъ объяснить иначе всѣ мною указанныя злоупотребленія и выставить другія для нихъ причины. Кто прочтетъ съ истиннымъ вниманіемъ и знаніемъ дѣла его разборъ моего проекта, мнѣ сообщенный, тотъ легко усмотритъ, что все изложенное имъ несравненно неудовлетворительнѣе, имѣетъ много пробѣловъ и несравненно слабѣйшія основанія.

Въ его возраженіяхъ заключалось множество ничего не значущихъ общихъ фразъ объ общемъ судебномъ порядкѣ и особенномъ, придававшихъ его замѣчаніямъ видъ какъ бы обстоятельности. Эти фразы, при поверхностномъ воззрѣніи на предметъ, могли вести къ ложнымъ заключеніямъ и заблужденіямъ. Критика и оппозиція всегда полезны, но для этого, особенно въ дѣлахъ законодательныхъ, въ которыхъ все покоится на основательномъ знаніи дѣла, требуется самое тщательное изслѣдованіе, чтобы представить дѣло въ истинномъ его видѣ. Мнѣ потребовалось не мало времени на возраженія, которыя

были пространны и обстоятельны. Но князь Лопухинъ относился къ нимъ равнодушно; государь находился большею частію въ отсутствіи, а Новосильцовъ близился уже къ немилости. Случись все это двумя годами ранѣе, проектъ послужилъ бы къ основательному пересмотру нашего законодательства.

Паденіе Новосильцова проявлялось постепенно. Онъ одинъ за другимъ лишался докладовъ у государя по разнымъ дѣламъ, и доклады его, при отсутствіи уже благосклонности къ нему государя, не имѣли большаго значенія. Прежнія его отношенія къ государю прекратились совершенно. Чарторыйскій также почти его не видѣлъ. Недостатка въ недругахъ не оказалось; всякій, недовольный Новосильцовымъ, или надѣявшійся что-либо выиграть отъ оставленія его и перехода на сторону Сперанскаго, старался приблизиться къ послѣднему. Новосильцовъ былъ хотя и абсолютистъ, но въ лучшемъ значеніи сего слова. Онъ не стоялъ за особенныя права, или мѣстные законы, а также за народности, за отдѣльныя сословія, корпораціи и муниципальныя учрежденія; по его мнѣнію, все это не являлось основнымъ условіемъ для управленія, которое онъ, во что бы то ни стало, непремѣнно хотѣлъ централизировать, сдѣлать зависимымъ единственно отъ воззрѣній министра и его замѣстителей. Всѣ народности въ государствѣ должно было, по его мнѣнію, слить въ одну. Освобожденіе народа, т. е. эмансипацію земледѣльческаго и промышленнаго класса, онъ соглашался едва допускать. Онъ признавалъ пользу перовъ, но не допускалъ свободы для лицъ, отъ нихъ зависѣвшихъ. Онъ основательно оспаривалъ предъ государемъ крайне либеральныя воззрѣнія Лагарпа, но не понималъ совмѣщенія элементовъ монархическаго государственнаго организма съ надлежащею либеральностью въ управленіи страною, хотя вообще нельзя отрицать въ немъ недостатка ума и проницательности.

Такова была однако его система. Поэтому еще во время его наибольшаго сближенія съ Чарторыйскимъ я замѣчалъ разладъ между ними въ отношеніи этихъ пунктовъ, столь близкихъ сердцу Чарторыйскаго, но о которыхъ онъ очень мало высказывался, понимая невозможность возвести эти взгляды въ Россіи на степень государственной догмы. Я тогда уже предвидѣлъ, что если бы царь пожелалъ раздѣлить мои воззрѣнія вполнѣ, то противоположное имъ мнѣніе должно было бы разсѣяться, потому что между этими двумя системами съ трудомъ могла быть средняя, переходная; эти системы обоюдно уничтожали другъ друга, имѣя однако совершенно одно и то же стремленіе, именно дѣлать все для укрѣпленія монархіи и законности. Во всякомъ случаѣ Новосильцовъ, въ томъ видѣ, какимъ онъ являлся въ то время (позднѣйшія его воззрѣнія мнѣ неизвѣстны; и я не хочу

повторять разныя клеветы лицъ, говорящихъ по слухамъ), заслуживалъ полной признательности, и это является тѣмъ болѣе справедливо, когда видишь его среди Строганова и Чарторыйскаго. Новосильцовъ, увидѣвъ, что его не понимаютъ и отодвигаютъ назадъ, не съумѣлъ умѣрить своихъ порывовъ порицанія. Онъ считалъ себя оскорбленнымъ и громко порицалъ оскорбившаго его, который презрѣлъ его добрые совѣты. Чарторыйскій же напротивъ того, ближе всѣхъ стоявшій къ царю и пользовавшійся одно время болѣе всѣхъ его довѣріемъ, былъ дотого преисполненъ превосходствомъ своихъ побудительныхъ причинъ, что считалъ недостойнымъ для себя говорить объ этомъ и тѣмъ менѣе нисходить до оправданія самого себя, когда онъ, въ свою очередь, оказался также непонятымъ. Въ бесѣдахъ съ классическими писателями древности, которыхъ онъ никогда не забывалъ, находилъ онъ себѣ утѣшеніе и вознагражденіе за непостоянство воззрѣній и нрава своего царственнаго друга. Новосильцовъ же не умѣлъ такъ терпѣливо, какъ онъ, сносить несправедливость и непризнанность, и громко порицалъ: Тильзитскій миръ, занятіе Финляндіи, преданность Румянцева ко всему французскому, предстоящій разрывъ съ Англіею и т. д. Будучи не столь высокаго происхожденія и не столь прекрасно образованъ, какъ Чарторыйскій, Новосильцовъ сталъ въ открытую оппозицію. Неосторожныя слова, произнесенныя имъ на какомъ-то, не помню хорошо, обѣдѣ въ общественномъ собраніи, были доведены до свѣдѣнія императора и ускорили ихъ разрывъ.

Находясь въ несравненно низшемъ служебномъ положеніи, нежели этотъ нѣкогда любимецъ царя, согрѣвавшій меня непосредственными лучами своего величія, я усмотрѣлъ, однако, въ его удаленіи, приближеніе и моего собственнаго паденія, а вмѣстѣ со мною—паденіе законодательныхъ трудовъ моихъ. Этотъ случай произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе; я твердо рѣшился какъ можно скорѣе и при первой возможности удалиться отъ дѣлъ. Я совершенно откровенно сообщилъ объ этомъ только моему другу Козодавлеву, назначенному тѣмъ временемъ товарищемъ князя Куракина. Онъ хотя и не порицалъ моего намѣренія, но, какъ вполнѣ разумный человѣкъ, вовсе не желавшій быть только министромъ, но и желавшій умереть въ этомъ званіи, какъ онъ не разъ увѣрялъ меня въ этомъ, посовѣтовалъ мнѣ обождать первую грозу и затѣмъ посмотрѣть что дѣлать.

Сперанскій долженъ былъ въ скоромъ времени быть товарищемъ министра юстиціи, а Козодавлевъ въ такомъ случаѣ являлся нѣкоторымъ образомъ посредникомъ между имъ и мною. Мои работы, въ продолженіе четырехъ съ половиною лѣтъ существованія коммиссіи, значительно подвинулись. Лежавшая на мнѣ ея задача была очень

обширна; она учреждалась на долгое время, но я могъ уже предъявить каждому доказательства, что ею сдѣлано не мало.

Я всегда презиралъ мнимую славу составленія эфемерной книги законовъ и всегда имѣлъ предъ собою важную цѣль выдвинуть впередъ общественныя сословныя учрежденія въ соотвѣтствующемъ Россійской имперіи видѣ, и при посредствѣ моихъ законодательныхъ историческихъ таблицъ, составленныхъ для всей имперіи, составить одновременно редакцію русскихъ пандектовъ и русскихъ институцій.

Козодавлевъ находилъ, что хотя Сперанскій и явится моимъ естественнымъ противникомъ и будетъ стараться приписать себѣ лично все сдѣланное мною, но лучше всего дать ему время осмотрѣться вполнѣ съ занятіями коммиссіи и ознакомиться со всѣми ея работами; Козодавлевъ полагалъ, что я этимъ могу обезпечить себѣ отставку болѣе выгодную, нежели показавшись обиженнымъ имъ, ранѣе чѣмъ со мною что-либо послѣдуетъ. «Всегда будетъ время», говорилъ онъ, «удалившись, или получить мѣсто губернатора въ какой-либо губерніи, или совсѣмъ удалиться отъ дѣлъ».

Онъ отъ себя уже началъ необходимые по этому поводу переговоры и находилъ, что государь имѣетъ намѣреніе не отстранять меня отъ занятій по коммиссіи законовъ.

Первое время все оставалось въ коммиссіи по-прежнему, но все остановилось. Сперанскій сдѣлался дѣйствительнымъ ея начальникомъ, а князь Лопухинъ собственно самъ не зналъ, при чемъ онъ остался. Сперанскій нашелъ излишними совсѣмъ ежемѣсячные отчеты, въ которыхъ я излагалъ подробно о всемъ происходившемъ въ коммиссіи; эти отчеты болѣе не докладывались государю. Мои редакторы и прочіе чиновники обратились къ новому начальнику; каждый изъ нихъ остался доволенъ его внѣшнимъ обхожденіемъ, обѣщаніями, данными имъ, и различными надеждами, всѣ они дѣлались менѣе привязанными ко мнѣ. Я узналъ, что Сперанскій отзывается съ малымъ уваженіемъ о нашихъ работахъ, но приписалъ это болѣе одностороннему отзыву мелкихъ чиновниковъ, изъ числа которыхъ только самая небольшая часть постигла и мой планъ и мой методъ. Я настаивалъ строго на правильномъ и постоянномъ трудѣ; они всѣ были рады освободиться отъ подобнаго принужденія. Насколько было возможно, я продолжалъ работы по-прежнему. Я преимущественно занимался программою предстоящаго публичнаго экзамена въ школѣ, и мнѣ было очень прискорбно, что и въ отношеніи школы нашелъ я нѣкоторыхъ, измѣнившихъ прежнее о ней мнѣніе.

Наступила поѣздка въ Эрфуртъ; Сперанскій, дѣлавшійся все болѣе и болѣе любимцемъ государя, былъ назначенъ сопровождать его величество. Графъ Румянцевъ, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, и

князь Александръ Голицынъ также отправлялись съ Александромъ I. Наполеонъ имѣлъ очень обстоятельныя свѣдѣнія объ окружающихъ государя лицахъ; онъ стремился расположить къ себѣ вполнѣ императора, а потому и не пренебрегъ никакими средствами къ тому, чтобы и каждаго изъ свиты государя расположить къ себѣ и къ французской системѣ правленія, которой должна была покориться Россія, когда настанетъ къ тому часъ. Онъ постоянно бывалъ только у Александра I, который былъ преисполненъ къ нему удивленія, но давно уже рѣшилъ въ самомъ себѣ надѣть на него оковы, которыя временно допустилъ наложить на себя.

Сперанскій, до отъѣзда еще въ Эрфуртъ, безъ моего вѣдома занимался съ нѣкоторыми редакторами, добивавшимися его расположенія, которымъ онъ сулилъ золотыя горы, хотя позднѣе онъ ихъ всѣхъ, кромѣ единаго, бывшаго наименѣе даровитымъ, удалилъ отъ себя, и они были точно такъ же обмануты въ своихъ ожиданіяхъ, какъ и государь. Я показывалъ видъ, какъ будто ничего не знаю объ этихъ мелкихъ поступкахъ, и собственно говоря не могъ нисколько этимъ обижаться. Въ самый день отъѣзда Сперанскаго въ Эрфуртъ, я бесѣдовалъ съ нимъ и представилъ ему схему всего государственнаго управленія и новаго губернскаго учрежденія въ особенности. Онъ хвалилъ мою работу, оставилъ ее у себя, и мы разстались въ хорошихъ отношеніяхъ.

По возвращеніи его изъ Эрфурта, я нашелъ въ немъ совершенно другаго человѣка. Онъ принялъ меня гордо, какъ обыкновенно выскочки принимаютъ подчиненнаго. Онъ прошелъ по кабинету раза два, и мои вступительныя слова къ приглашенію его посѣтить коммиссію законовъ вызвали съ его стороны выраженія, указывавшія мнѣ, что предо мною злой, надменный выскочка, вполнѣ созданный для этой роли; онъ считалъ себя вознесеннымъ особыми геніальными крыльями превыше всѣхъ затрудненій, представляемыхъ состояніемъ русскаго законодательства. Еще ранѣе, вполнѣ ревностный приверженецъ французской системы централизаціи (которой онъ былъ обязанъ своимъ служебнымъ поприщемъ, своимъ имѣніемъ, домомъ, деньгами), совершенно преданный кодексу Наполеона, какъ мастерскому произведенію геніальнаго человѣка, Сперанскій, почерпнувъ теперь непосредственно у самаго источника различныя воззрѣнія, явился вполнѣ убѣжденнымъ, что подобное же мастерское произведеніе должно и можно сотворить и у насъ въ Россіи. Весь французскій кодексъ содержалъ въ себѣ 1.800 статей, которыя онъ полагалъ возможнымъ легко изложить, въ какой-нибудь годъ, въ лучшемъ русскомъ обликѣ, послѣ того какъ подчиненные его соберутъ весь необходимый для него матеріалъ. Онъ мнѣ выразилъ, что въ настоящую минуту ничего другаго мнѣ

сказать не можетъ, какъ то, что коммиссіи должно дать совершенно иное устройство и новый планъ ея занятій по всѣмъ отраслямъ законодательства и что онъ неупустительно этимъ и займется. Изъ этихъ словъ я могъ легко уже заключить, какое направленіе примутъ всѣ наши работы. Я хотѣлъ объясниться съ нимъ по нѣкоторымъ вопросамъ, но онъ казался такъ занятымъ, такъ обремененнымъ посѣтителями, дѣлами, аудіенціями, что я не успѣлъ ничего сказать ему. Взоры всѣхъ были устремлены на новаго великаго государственнаго мужа, который теперь съ большею самоувѣренностію, съ большею бѣглостію сталъ говорить по-французски, нежели ранѣе, до поѣздки своей въ Эрфуртъ.

Я ушелъ отъ него и болѣе къ нему не ходилъ, ожидая развязки Сперанскій во время поѣздки въ Эрфуртъ имѣлъ удобный случай и полную возможность совсѣмъ расположить къ себѣ императора, и сей послѣдній былъ столько же и еще болѣе имъ восхищенъ, чѣмъ, повидимому, Наполеономъ, такъ какъ сей послѣдній могъ современемъ сдѣлаться его врагомъ, чего онъ не допускалъ со стороны Сперанскаго, находившагося въ его власти. Императоръ въ то время смотрѣлъ глазами Сперанскаго, осыпалъ его различными знаками своей милости и всякаго рода доказательствами своего довѣрія къ нему. Сперанскому могло быть не трудно изобразить его величеству столь часто затрагиваемую картину худо устроеннаго и еще хуже осуществляемаго на дѣлѣ порядка управленія, въ самыхъ яркихъ краскахъ, такъ какъ имѣлось много къ тому основаній, и при томъ никто менѣе Сперанскаго не сомнѣвался въ разсказахъ о недостаткахъ управленія и никто менѣе его не смотрѣлъ на самыя дѣла и указы, которые трудно было провѣрить. Личный составъ бывшихъ министровъ давалъ ему обильный къ тому матеріалъ, и онъ никого не щадилъ. Система управленія была до сего времени ввѣрена вообще слабымъ рукамъ; она являлась какимъ-то слабымъ очеркомъ, ожидавшимъ отъ государя дальнѣйшаго своего развитія и усовершенствованія. Эти вполнѣ на личность государя разсчитанныя картины вызывали, конечно, обсужденіе о необходимости лучшей организаціи Государственнаго Совѣта, учрежденнаго по образцу бывшаго въ Парижѣ, но примѣненнаго къ особенностямъ Россіи, также Сената, и преимущественно учрежденія министерствъ, департаментовъ и т. д.; все это проложило Сперанскому дорогу къ должности государственнаго секретаря, который, въ сущности, являлся главнымъ министромъ.

Въ отношеніи же законодательства, Сперанскій внушилъ государю, что работы коммиссіи законовъ совершенно неудачны, что для осуществленія въ Россіи хорошаго законодательства необходимо совсѣмъ иначе руководиться занятіями, именно дать имъ направленіе, соотвѣт-

ствующее видамъ государя. Между тѣмъ императоръ неоднократно выражался одобрительно и о моемъ планѣ, и о моей дѣятельности, и Сперанскій нѣкоторымъ образомъ соглашался съ этимъ, утверждалъ также, что я вполнѣ пригоденъ для обработки книги гражданскихъ законовъ, но не въ состояніи руководить общимъ ходомъ всѣхъ законодательныхъ работъ уже потому, что не владѣю достаточно русскимъ языкомъ. Кромѣ того, поручивъ мнѣ руководство подробностями законодательныхъ работъ, Сперанскій признавалъ необходимымъ высшее главное руководство сосредоточить въ Государственномъ Совѣтѣ, чрезъ который восходятъ законодательныя дѣла къ его величеству.

Все это я услыхалъ тремя днями позже, изъ устъ самого государя, а также отъ Аракчеева, которому его величество передалъ подробно весь разговоръ свой съ Сперанскимъ. Въ словахъ Сперанскаго были перемѣшаны истина и ложь. Его утвержденіе, что я не владѣю русскимъ языкомъ, являлось клеветою, потому что хотя я и не говорилъ на русскомъ языкѣ съ тою же легкостью и развязностію, какъ природный русскій, но тѣмъ не менѣе могъ вполнѣ объясняться по-русски и писалъ по-русски совершенно правильно. Хотя я и не обладалъ такимъ обиліемъ словъ, какъ Сперанскій, но вполнѣ владѣлъ русскою рѣчью и безъ затрудненія велъ пренія на русскомъ языкѣ, что̀ и оказалось на дѣлѣ позднѣе, когда съ 1812 г. я докладывалъ дѣла по законодательной части Совѣта и въ теченіе 10 лѣтъ послѣдовательно составилъ на русскомъ языкѣ не мало книгъ законовъ и болѣе, нежели 200 проектовъ отдѣльныхъ законовъ и заключеній, которые были приняты всѣми членами Государственнаго Совѣта. Все это доказываетъ, что я владѣю достаточно русскимъ языкомъ, чтобы выражаться на немъ ясно и основательно по различнымъ предметамъ и вопросамъ, не только юридическимъ и законодательнымъ, но также историческимъ. Это подтверждаютъ мои институціи русскаго права, мои мнѣнія, представленныя Совѣту, мой трудъ объ источникахъ каноническаго права, а также и другія мои историческія изслѣдованія, которыхъ Сперанскій не былъ въ состояніи написать, потому что онъ никогда не изучалъ основательно источниковъ ни законодательныхъ, ни историческихъ. Кто изъ насъ являлся способнѣе и груднѣе быть органомъ государя при обсужденіяхъ законодательныхъ и другихъ предметовъ въ Государственномъ Совѣтѣ—еще вопросъ, разрѣшеніе котораго зависитъ отъ того, кто изъ насъ двоихъ правильнѣе понималъ устройство государственнаго механизма и общественные элементы, входящіе въ составъ онаго, и кто изъ насъ могъ лучше проводить высшія, руководствующія начала.

Сперанскій одновременно представилъ государю, что Новосильцовъ и князь Лопухинъ одинаково не способны руководить законодательными работами. О первомъ я уже высказался ранѣе достаточно, въ особен-

ности же сравнительно съ Чарторыйскимъ. Что же касается князя Лопухина, то онъ не являлся къ чему-либо препятствіемъ, коль скоро узнавалъ волю объ этомъ государя. Сперанскій, въ отношеніи Лопухина, встрѣчался вполнѣ съ мнѣніемъ Александра I, который о князѣ не могъ имѣть большаго выгоднаго понятія изъ прежнихъ своихъ о немъ воспоминаній.

Результатомъ впечатлѣній, произведенныхъ въ Эрфуртѣ, было то, что Александръ I довѣрилъ Сперанскому исключительное руководство законодательствомъ и администраціею въ имперіи. Государь, подобно Сперанскому, имѣлъ непреодолимое стремленіе къ образованіямъ; каждый изъ нихъ при этомъ преслѣдовалъ особый идеалъ. Но все дѣло въ томъ, что ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ вполнѣ яснаго представленія объ этомъ идеалѣ, а потому это ихъ согласіе въ стремленіяхъ не могло быть продолжительнымъ. На время однако законодательство и управленіе Россіею находились въ рукахъ Сперанскаго. Въ его власти было если не вполнѣ достичь желаемой цѣли, то по крайней мѣрѣ положить прочное къ тому основаніе, именно тѣмъ, чтобы основательно и правильно постигнуть значеніе общественныхъ учрежденій. Сперанскій въ состояніи былъ бы это сдѣлать, если бы эту большую заслугу не принесъ въ жертву своему стремленію къ новшествамъ, своему пустому тщеславію все передѣлать. Онъ бредилъ только блестящими, красивыми фразами и отдалялъ отъ себя все болѣе и болѣе истинную цѣль.

Скоро, послѣ вышеупомянутаго разговора, меня потребовалъ князь Лопухинъ. Отправляя все по-прежнему свои служебныя обязанности, я захватилъ съ собою разные журналы и доклады. У князя я встрѣтился съ Сперанскимъ, который немедленно однако удалился.

Князь вручилъ мнѣ составленное безъ моего участія, но уже совсѣмъ начисто переписанное постановленіе, съ приказаніемъ привести его въ исполненіе. Въ этомъ постановленіи заключались побудительныя причины къ преобразованію коммиссіи, основныя начала новаго ея устройства, а также новое распредѣленіе работъ между чиновниками и т. д., все это должно было быть представлено установленнымъ порядкомъ на утвержденіе государя. Я послѣ этого простился съ княземъ и пожелалъ ему много счастья и преуспѣянія, при предстоящемъ преобразованіи коммиссіи, и затѣмъ уже и не ходилъ къ нему въ домъ до самаго 1812 года. Я очистилъ даже занимаемую мною комнату въ помѣщеніи коммиссіи и не касался болѣе ея дѣлъ занятій.

Новое положеніе о коммиссіи [1]), дѣйствительно, вскорѣ состоялось.

---

[1]) Новое преобразованіе коммиссіи составленія законовъ состоялось на основаніи высочайше утвержденнаго 7-го марта 1806 г. доклада (I. П. С. З.

Сперанскій чрезъ нѣсколько дней созвалъ циркуляромъ всѣхъ служащихъ въ коммиссіи, чтобы открыть новую коммиссію, дать каждому изъ нихъ новое назначеніе и предписать каждому новыя его занятія. Это новое положеніе, вскорѣ напечатанное, представляло собою не что иное, какъ сокращенное и испорченное изложеніе прежняго положенія о коммиссіи, о которой даже почти и не упоминалось. Новаго существеннаго въ положеніи было очень мало; всѣ нововведенія состояли въ переименованіяхъ и въ измѣненіяхъ формъ. Моя должность перваго референдаря и главнаго секретаря дирекціи упразднялась, также упразднялись редакторы и ихъ помощники. На ихъ мѣста явились начальники отдѣленій (для гражданскаго права, уголовнаго, торговаго, мѣстныхъ законовъ и т. д.), при чемъ каждый имѣлъ при себѣ канцелярію и юрисконсульта. Мнѣ предназначалось завѣдывать отдѣленіемъ гражданскихъ законовъ, которые я долженъ былъ разработать по новому, мнѣ сообщенному плану. Этотъ планъ содержалъ въ себѣ рубрики, почти тѣ же самыя, которыя встрѣчаются въ кодексѣ Наполеона, и которыя по мѣрѣ надобности могли быть расширены.

Единственно новымъ въ положеніи являлось назначеніе особаго верховнаго совѣта для разсмотрѣнія гражданскихъ законовъ, который долженъ былъ состоять изъ слѣдующихъ лицъ: князя Лопухина, графа Завадовскаго (который ни разу не явился), Новосильцова, Чарторыйскаго, графа Северина Потоцкаго, сенаторовъ: Алексѣева и Карнѣева. Сперанскій былъ собственно директоромъ коммиссіи, а князь Лопухинъ, особымъ на то указомъ, былъ устраненъ отъ всякаго участія въ дѣлахъ коммиссіи.

Такимъ образомъ прежняя коммиссія составленія законовъ, учрежденная нѣкогда по моему проекту, была совершенно упразднена; по революціонерному принципу, которому вполнѣ предался Сперанскій, не должно было ничего остаться отъ стараго порядка вещей и еще менѣе отъ моего метода и направленія моего руководительства работами. Для меня это было совершенно безразлично, потому что я терялъ при этомъ менѣе, нежели теряло самое дѣло, хорошее само по себѣ. Но мнѣ были крайне непріятны слѣдующія, принятыя вмѣстѣ съ преобразованіемъ коммиссіи мѣры.

Еще въ 1805 году государь одобрилъ сдѣланное ему предоставленіе коммиссіею законовъ о приглашеніи извѣстныхъ заграничныхъ профессоровъ и государственныхъ дѣятелей въ корреспонденты или почетные члены коммиссіи, при чемъ назначалось имъ по 400 р. въ годъ вознагражденія (тогда рубль по курсу стоилъ 25 пенсовъ или штюве-

---

№ 23525), при чемъ былъ опредѣленъ и личный составъ ея и труды, на нее возлагаемые.

ровъ). Предложенные мною кандидатами въ эти члены: Гекингъ, Піатоли, Ерхартъ, Кирхейзенъ, Клейнъ, Гуго-Шлецеръ, Тибо, Фейербахъ [1]), все достопочтенные люди, которые могли быть очень полезны коммиссіи,—были утверждены государемъ. Подписанные Новосильцовымъ и мною дипломы этимъ лицамъ на это званіе были имъ посланы, и каждый изъ нихъ прислалъ мнѣ что-нибудь изъ трудовъ своихъ или письма съ весьма полезными замѣчаніями. Два раза возникавшая съ 1805 года война и поѣздка государя замедлили уплату этимъ лицамъ назначеннаго имъ вознагражденія, но наконецъ послѣдовало положительное объ этомъ приказаніе. При вступленіи Сперанскаго въ управленіе коммиссіею, я вновь возбудилъ вопросъ объ уплатѣ вознагражденія корреспондентамъ, но Сперанскій, ничего не знавшій о трудахъ нѣмецкихъ юристовъ, потому что не умѣлъ читать по-нѣмецки, не пожелалъ упустить случая меня скомпрометтировать и хотя не могъ отмѣнить состоявшагося высочайшаго повелѣнія о ихъ назначеніи, убѣдилъ однако князя Лопухина, что лучше не выплачивать имъ вознагражденія, потому, что отъ нихъ не было никакой пользы коммиссіи и ничего они для нея не дѣлаютъ.

Я повторялъ два раза мое представленіе, но получалъ тотъ же отвѣтъ; въ слѣдствіе чего дальнѣйшая переписка съ этими лицами была прекращена. Князь Лопухинъ позднѣе не раздѣлялъ этого мнѣнія Сперанскаго, принятаго имъ теперь исключительно изъ экономическихъ соображеній. Одинъ Фейербахъ получилъ при содѣйствіи графа Брея знаки ордена св. Анны, но слѣдуемое ему вознагражденіе не было уплачено, какъ и остальнымъ. Объ этомъ предметѣ я коснусь еще разъ позднѣе. Я также увѣдомилъ государственнаго министра Глобига, что

---

[1]) Къ поясненію, почему именно были приглашены вышепомянутыя лица, достаточно упомянуть въ немногихъ словахъ слѣдующее: Фейербахъ (Павелъ Ансельмъ, р. 1775—1833 г.) былъ извѣстный составитель уголовнаго уложенія для Баваріи и знаменитый криминалистъ своего времени; Тибо (Антонъ Фридрихъ, р. 1772—1840 г.), извѣстный знатокъ римскаго права, доказывавшій необходимость имѣть одно общее гражданское уложеніе для всей Германіи; Гуго (Густавъ, р. 1764—1844), основатель вмѣстѣ съ Савиньи школы историческаго изученія права въ Германіи и профессоръ римскаго права въ Геттингенѣ; Клейнъ (Эрнестъ р. 1743 г. въ Бреславлѣ и умеръ 1810 въ Берлинѣ), профессоръ уголовнаго права въ Галле, принимавшій большое участіе въ переработкѣ прусскаго законодательства; Шлецеръ (Августъ, р. 1735—1809 г.), извѣстный помощникъ нашего исторіографа Миллера, а затѣмъ профессоръ въ Геттингенѣ, гдѣ онъ и умеръ: Эрхардъ, профессоръ государственнаго права, авторъ сочиненія „Ueber das Recht des Volkes zur Revolution. 1795. Iena и т. д. Противъ выбора такихъ лицъ для содѣйствія коммиссіи законовъ въ ея трудахъ—едва-ли можно возражать. Насколько достигалась желаемая цѣль ихъ приглашенія—также нельзя было сказать заранѣе.

за присланный имъ проектъ онъ получитъ орденъ св. Анны, но и эта награда была отмѣнена.

Еще болѣе чувствительнымъ для меня явилось послѣдовавшее закрытіе школы правовѣдѣнія. Сперанскій доложилъ государю, что до тѣхъ поръ, пока не составлена общая книга законовъ, совершенно излишне имѣть эту школу и, что университеты даютъ достаточно средствъ къ образованію по юридическимъ факультетамъ [1]). Это очевидно было неправильное заключеніе, потому что не во всѣхъ университетахъ находились въ достаточномъ числѣ профессора юридическихъ наукъ и не во всѣхъ имѣлись средства къ познанію русскаго права, которыми бы могли пользоваться профессора, и за отсутствіемъ которыхъ они могли читать только одни подготовительные къ тому курсы. Направленіе и цѣль школы были чисто практическія, и въ эту школу принимались лица, уже кончившія курсъ, чтобы приготовить изъ нихъ для практической дѣятельности судей и ученыхъ юристовъ. Эта спеціальная школа должна была дополнять полученное уже университетское образованіе. Первыя два публичныя испытанія въ школѣ достаточно доказали характеръ преподаванія въ оной, и я былъ убѣжденъ, что это заведеніе доставитъ пользу, каждые три года формируя хорошихъ юристовъ и судей.

Сперанскій смотрѣлъ на эту школу со свойственнымъ ему пренебреженіемъ къ существующему, не имъ сдѣланному. Послѣ послѣдняго экзамена студенты были по уставу распредѣлены по присутственнымъ мѣстамъ, но о новомъ комплектованіи этого учрежденія не было уже и рѣчи.

Наконецъ нѣкоторые изъ редакторовъ, мною ранѣе назначенныхъ, и нѣкоторые чиновники коммиссіи были принуждены Сперанскимъ просить о своемъ увольненіи.

Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій, Сперанскій предложилъ каждому начальнику отдѣленія изложить подробное развитіе общаго, составленнаго имъ плана, который онъ намѣревался представить на утвержденіе государя. Я ему передалъ чрезъ нѣкоторое время таковое изложеніе по гражданскимъ законамъ, которымъ онъ, повидимому, остался доволенъ по прочтеніи, и сказалъ мнѣ, что о дальнѣйшемъ ходѣ работѣ поставитъ меня въ извѣстность. Я не ходилъ къ Сперанскому съ осени 1808 года, занимался приведеніемъ въ порядокъ юридическихъ матеріаловъ, собранныхъ мною, и забылъ собственно объ обѣщанія Сперанскаго сообщить мнѣ о дальнѣйшемъ ходѣ работъ.

---

[1]) Необходимо замѣтить, что хотя положеніемъ коммиссіи 1809 г. высшее училище правовѣдѣнія и упразднялось, но оно просуществовало до 1816 г., когда было упразднено по докладу князя Лопухина (см. I. П. С. З. № 26710).

Прошло не мало времени, пока я снова съ нимъ свидѣлся. Поводомъ этого явилось то, что онъ склонился убѣжденіями нѣкоторыхъ изъ моихъ редакторовъ поручить имъ составленіе проекта первой части книги законовъ (права личныя); быть можетъ, онъ и самъ склонилъ ихъ просить объ этомъ.

Въ концѣ февраля 1809 года я узналъ дальнѣйшее о себѣ отъ самого Сперанскаго. Онъ прошелъ неожиданно въ мою рабочую комнату съ большою пачкою бумагъ подъ руками и показалъ мнѣ, по его словамъ, совершенно готовый кодексъ. Я пожелалъ ему счастья съ этою работою, но онъ не принялъ этого пожеланія и признался мнѣ, что ошибся въ лицахъ, взявшихся составлять гражданскіе законы, и что ихъ крайне неудачную работу онъ никакъ не можетъ представить Совѣту, который долженъ открыться 1-го мая. Поэтому онъ просилъ меня теперь же заняться, какъ можно скорѣе, изложеніемъ личныхъ правъ въ законахъ гражданскихъ.

Какъ начальникъ отдѣленія, я не могъ отказаться отъ этого порученія, но возражалъ только противъ краткаго срока, назначеннаго мнѣ на эту работу до 1-го мая. Онъ высказалъ мнѣ по этому поводу самыя лестныя для меня фразы и намѣревался довести до свѣдѣнія государя о моихъ заслугахъ, но конечно воздержался что-либо замолвить объ этомъ его величеству. Я обѣщалъ ему сдѣлать наилучшее, что могу, и въ нашемъ продолжительномъ разговорѣ обратилъ его вниманіе на необходимость и значеніе изложенія всѣхъ положеній законовъ, которое должно предшествовать окончательнымъ новымъ проектамъ законовъ. Это изложеніе должно быть сдѣлано не по рубрикамъ указовъ, но по ихъ содержанію, часто разбросанному и очень разностороннему.

Въ эту минуту Сперанскій вполнѣ съ этимъ согласился и предоставилъ мнѣ указать составныя части книгъ законовъ изъ различныхъ источниковъ по моему желанію. Онъ заботился только о томъ, чтобы скорѣе справиться съ этимъ дѣломъ. Онъ хотѣлъ жать, не только не посѣявъ, но даже и не пахавъ земли. Повсюду обнаруживалась его поверхностность. Какая же была возможность приступить въ маѣ мѣсяцѣ въ Совѣтѣ министровъ къ разсмотрѣнію свода, ни одной строчки котораго не было написано въ февралѣ, и къ чему для этого созывать Совѣтъ? Сперанскій остался при томъ, что при моихъ подготовительныхъ работахъ и при моемъ признанномъ дарованіи мнѣ не трудно будетъ справиться съ возлагаемой на меня задачею къ назначенному сроку. Я и самъ надѣялся что справлюсь, но желалъ по возможности менѣе поверхностно работать и быть возможно болѣе самъ доволенъ своею работою.

Я не требовалъ удаленія тѣхъ плохихъ мастеровъ, которые вмѣшались въ мое дѣло, но Сперанскій уже ихъ уволилъ. Я поставилъ

условіемъ, чтобы онъ самъ аккуратно, правильно просмотрѣлъ со мною въ коммиссіи и обсудилъ каждую отдѣльную главу проекта, потому что я не могъ таскать съ собою къ нему всѣхъ источниковъ, на основаніи которыхъ были составлены означенныя главы, и Сперанскій исправно исполнялъ это условіе и приходилъ въ коммиссію. Обработка законовъ о личныхъ правахъ по началамъ русскаго права являлась дѣломъ не легкимъ, въ особенности глава о бракѣ, для которой имѣютъ большое значеніе славянскіе и греческіе источники, а также инструкція Синода 1768 г.; все это смѣшивалось въ этой главѣ. Я на эту главу и ранѣе обратилъ большое вниманіе, какъ это можно усмотрѣть изъ источниковъ, приведенныхъ мною во второмъ томѣ русскихъ пандектовъ, гдѣ они всѣ собраны и изложены мною.

Сперанскій почти каждодневно являлся на наши совѣщанія въ коммиссію. Ссылки на отдѣльные указы и другія законныя опредѣленія, относившіяся къ нашей работѣ, которая на нихъ и основывалась и для которой они являлись частію источниками, частію доводами, были означены буквами. Присоединенное изложеніе мотивовъ на манеръ французскаго образца приводило все въ стройное цѣлое, совершеннѣйшую гармонію.

1-го мая 1809 г. члены новаго Совѣта собрались въ законодательную коммиссію. Всѣмъ имъ было сообщено, что государю угодно, чтобы прежде всего читался текстъ главы, подлежащей обсужденію. Новосильцовъ, Чарторыйскій, а также графъ Потоцкій сдѣлали при чтеніи очень основательныя замѣчанія, которыя частію въ томъ же засѣданіи, частію въ слѣдующемъ были опровергнуты или разъяснены. Въ особенности это случилось при вопросахъ о правахъ родительской власти, о раздѣлѣ имущества между дѣтями и т. д. Князь Лопухинъ не разъ значительно поглядывалъ на меня. Сенаторъ Алексѣевъ, очень большой приверженецъ всего стараго, хотя и подписалъ журналъ, но находилъ, что новое изложеніе, даже и оправдываемое ссылками на законы, тѣмъ не менѣе является собою нѣчто чуждое, новое, не совсѣмъ понятное русскимъ судебнымъ дѣятелямъ. Въ то время я еще совсѣмъ не зналъ этого Алексѣева, о которомъ мнѣ придется говорить позднѣе. Сперанскій сообщилъ мнѣ, что онъ несвѣдущій рутинеръ, котораго потому только посадили въ Совѣтъ, что онъ пользуется репутаціею знатока русскихъ законовъ, такъ какъ онъ долго сидѣлъ въ Сенатѣ. Недѣлю за недѣлею тянулось чтеніе главы новаго проекта и подписывались журналы. Въ октябрѣ мѣсяцѣ отдѣлъ о личныхъ правахъ былъ оконченъ разсмотрѣніемъ и началось печатаніе онаго. Сперанскій лично держалъ корректуру и дозволялъ себѣ при томъ различныя исправленія въ словахъ и выраженіяхъ. Заданный мнѣ урокъ на этотъ годъ былъ такимъ образомъ законченъ.

Я очень рѣдко посѣщалъ Новосильцова, мнѣ было больно напоминать ему о прошедшемъ. Чарторыйскаго видѣлъ я по временамъ у любезнаго и пріятнаго графа Строганова (старика), который оказывалъ мнѣ свое благосклонное расположеніе и повидимому лучше понималъ положеніе дѣлъ, чѣмъ это казалось многимъ.

Однажды въ осенній вечеръ, въ своемъ прекрасномъ дачномъ домѣ на Малой Невкѣ, онъ устроилъ прекрасный фейерверкъ, и когда я къ нему подошелъ, онъ сказалъ мнѣ со свойственною ему шутливостью: «Voila, mon cher, comme nous lançons nos fusées; chacun à sa manière. Mais vous voyez que l'obscurité y succède immediatement». (Вотъ, мой дорогой, какъ мы пускаемъ ракеты; всякій на свой ладъ. Но вы замѣчаете, что темнота наступаетъ немедленно).

Я ему отвѣтилъ: «La lumière est toujours bonne à quelque chose, ne fut ce que pour quelques moments. (Свѣтъ всегда къ чему-либо годенъ, хотя бы и на нѣсколько минутъ).

Старый графъ, въ то время президентъ Академіи художествъ, былъ очень занятъ постройкою Казанскаго собора. «Non omnis moriar». (Не весь умру), сказалъ онъ, когда соборъ былъ построенъ и освященъ.

Вскорѣ послѣ этого я имѣлъ случай видѣть его въ послѣдній разъ, когда поздравлялъ его съ назначеніемъ въ особы перваго класса, за успѣшное сооруженіе собора. Въ тотъ же день единственный его внукъ, сынъ графа Павла Строганова, молодой юноша, подававшій большія надежды, былъ произведенъ въ офицеры. Нѣсколько дней послѣ этого старый графъ окончилъ свою земную жизнь и со всѣми своими чинами и прекрасными качествами былъ погребенъ въ сооруженномъ имъ соборѣ.

Во все время обсужденій главъ и статей новаго кодекса мои отношенія со Сперанскимъ были самыя дружественныя. Мы разсуждали съ нимъ о многихъ другихъ законодательныхъ вопросахъ, и я всегда удивлялся поверхностности и неустойчивости его мыслей, выражаемыхъ имъ съ цвѣтистымъ краснорѣчіемъ. Такъ напр. онъ утверждалъ однажды, что законодатель долженъ совершенно отречься отъ понятія о собственности и что можно совсѣмъ обойтись безъ этого понятія потому, что одно государство—единственный собственникъ въ настоящемъ значеніи этого слова; всѣмъ же прочимъ предоставляется право пользованія на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Право частной собственности быть можетъ являлось полезнымъ въ прошлыя, отдаленныя времена, но при современномъ положеніи цивилизаціи можно обойтись безъ этого права. Начало централизаціи онъ считалъ самымъ совершеннымъ типомъ управленія, принятымъ Наполеономъ, этимъ по его мнѣнію величайшимъ изъ геніевъ; этотъ типъ ни въ какой странѣ не можетъ

имѣть такого полезнаго примѣненія, какъ въ Россіи, гдѣ съ верху до низу все должно быть преобразовано.

Все должно зависѣть отъ одного. Сообщество въ матеріальныхъ интересахъ Сперанскій еще допускалъ, но отнюдь не въ государственныхъ отношеніяхъ. Сохраненіе коллегій онъ считалъ за нѣчто пагубное, препятствующее твердому неуклонному примѣненію законовъ.

Отдохновеніемъ для Сперанскаго являлось чтеніе мистическихъ сочиненій, и его библіотека изобиловала произведеніями этого рода. Онъ не любилъ занятій историческихъ и философскихъ во всѣхъ ихъ отрасляхъ. Должно было по его мнѣнію стремиться прозрѣть сквозь матеріальную оболочку, насъ облекающую, съ тѣмъ, чтобы такимъ путемъ нашъ глазъ могъ взирать въ безконечность. На второмъ планѣ у него стоялъ піэтизмъ, въ который легко впадаетъ простой народъ и менѣе образованные классы его.

Выписка, сдѣланная мною для него изъ сочиненія Захарія о гернгутерахъ [1]), доставила ему большое удовольствіе. Это направленіе, которое позднѣе много разъ видоизмѣнялось въ Сперанскомъ и которое онъ былъ принужденъ не разъ покидать, являлось въ немъ господствующимъ въ то время; оно проглядываетъ во всѣхъ его письменныхъ работахъ за это время. При этомъ онъ обнаруживалъ пренебреженіе въ отношеніи различныхъ другихъ воззрѣній и смотрѣлъ на всѣхъ лицъ съ какой-то недосягаемой высоты.

Такъ какъ онъ самъ дошелъ до всего своими личными заслугами, то и смотрѣлъ на все его окружавшее какъ на сырой матеріалъ (металлъ или камень), который надлежитъ выкинуть, коль скоро изъ него выдѣлана уже извѣстная фигура. Онъ хвалилъ и уважалъ въ данную минуту только тѣхъ, которые по его предположеніямъ могутъ ему пригодиться для его цѣлей, и нерѣдко хвалилъ даже людей, которыхъ мало очень зналъ и конечно не желалъ бы хвалить. Такъ напр. князя Чарторыйскаго онъ называлъ великимъ государственнымъ человѣкомъ, хотя воззрѣнія ихъ обоихъ до крайности расходились и въ законодательной и публицистической дѣятельности. Короля Густава-Адольфа [2]) онъ считалъ за величайшую личность, которую только можетъ указать исторія царственныхъ особъ. Только одинъ Наполеонъ по его мнѣнію

---

[1]) Гернгутеры или моравскіе или богемскіе братья—особая религіозная секта, возникшая въ Богеміи въ началѣ XV столѣт., стремившаяся возвратиться къ первымъ временамъ христіанства. Она получила свое названіе отъ деревни Гернгутъ, гдѣ впервые проявилась. Гернгутеры поселились и у насъ въ Сарептѣ.

[2]) Густавъ-Адольфъ, р. 9-го декабря 1594 г., знаменитый шведскій король, герой тридцатилѣтней войны, убитый въ сраженіи при Люценѣ 16-го ноября 1632 года.

стоялъ выше его, потому что онъ съумѣлъ все обнять, все подчинить своей личности, своей политикѣ, своему господству, тогда какъ шведскій король проявилъ болѣе глубокую проницательность тѣмъ, что предпочелъ скорѣе потерять тронъ, нежели измѣнить свой образъ дѣйствія. Такихъ правителей, какъ Фридриха-Вильгельма [1]) и Франца [2]), при всѣхъ признанныхъ за ними качествахъ, онъ считалъ только куклами въ рукахъ ихъ министровъ и генераловъ. Вся Европа до появленія Наполеона имѣла учрежденія на половину устарѣлыя, на половину пришедшія въ упадокъ. Русскій государственный строй долженъ былъ быть совершенно преобразованъ до самаго его основанія. Императрица Екатерина II дѣйствовала при этомъ преобразованіи въ потьмахъ, а Александру I недостаетъ твердой воли, что тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что французскій идеалъ находился во всемъ своемъ блескѣ предъ его глазами.

Сперанскій былъ врагъ родоваго дворянства; всѣ титулы, званія почетныя, чины должны быть по моему мнѣнію только личными. Крестьянское сословіе должно быть прикрѣплено къ землѣ и ему должно уступить пользованіе землею за опредѣленные оброки.

Владѣльцы прочихъ земельныхъ участковъ должны подлежать различнымъ ограниченіямъ. Сперанскому казалось великою ошибкою государственнаго управленія, что вся большая масса производительныхъ силъ государства предоставлена произволу трехъ, четырехъ сотъ тысячъ лицъ. Городскія общественныя управленія должно считать обыкновенными общинами, которыя должны вполнѣ подчиняться тому направленію, которое признаетъ за благо дать имъ правительство; они должны управляться сверху.

Прочіе органы мѣстнаго управленія должны зависѣть равнымъ образомъ отъ центральныхъ мѣстъ, и губернское управленіе—являться въ меньшемъ только размѣрѣ ничѣмъ инымъ, какъ тѣми же министерствами и снимкомъ съ государственнаго управленія.

Позднѣе Сперанскій сталъ допускать, что Сенатъ съ отдѣленіемъ отъ него судебныхъ обязанностей долженъ составить одно центральное административное учрежденіе, которое должно быть поставлено въ самую тѣсную связь съ министерствами, чтобы имѣть полную возможность производить во всякое время контроль надъ управленіемъ. Въ та-

---

[1]) Фридрихъ-Вильгельмъ III, король прусскій, р. 1770 г. и умеръ въ 1845 г.; онъ вступилъ въ бракъ въ 1793 г. съ герцогинею мекленбургъ-стрелицкою Луизою, а послѣ ея кончины въ 1810 г. состоялъ въ морганатическомъ бракѣ съ графинею Гаррахъ, княгинею Лигницъ.

[2]) Францъ II Іосифъ, императоръ австрійскій, р. 12-го февраля 1768 г. въ Флоренціи и умеръ въ Вѣнѣ 12-го марта 1835 г. Онъ велъ неудачныя войны съ Наполеономъ и выдалъ дочь свою Марію-Луизу за Наполеона I въ 1810 г.

комъ видѣ онъ выставилъ это отношеніе и въ своемъ проектѣ объ учрежденіи Сената, представленномъ имъ въ 1811 году государю. Сперанскій уже тогда сознавалъ всѣ замѣшательства, произведенныя его запискою 1803 года, и потому принималъ на себя трудъ исправить прежнюю свою непослѣдовательность новою. Самъ государь это замѣтилъ, и это явилось одною изъ первыхъ причинъ, поколебавшихъ его довѣріе къ Сперанскому.

Высшее духовенство было Сперанскому ненавистно, а также и монашество; то и другое притѣсняло и угнетало низшее свѣтское духовенство, въ особенности сельское. Первыя впечатлѣнія юности, а также вынесенныя имъ изъ семинаріи должны были освоить и познакомить Сперанскаго болѣе, чѣмъ-кого либо другаго, съ недостатками и потребностями русскаго духовенства вообще; но когда государь поставилъ его во главѣ комитета, долженствовавшаго упорядочить положеніе обоихъ видовъ духовнаго состоянія, Сперанскій не сдѣлалъ ничего для улучшенія приходскаго духовенства.

Правда, мѣстныя семинаріи и духовныя училища были надѣлены денежными средствами, потому что на то послѣдовала высочайшая воля, но за то у нихъ отняты были свѣчныя деньги, а самое управленіе семинаріями и школами отнято у епархіальныхъ епископовъ и сосредоточилось въ высшемъ управленіи школъ при духовной академіи. Все должно было быть направляемо изъ Петербурга.

Таковы были неимовѣрно сбивчивыя воззрѣнія (colossal verworene Ansichten), высказываемыя Сперанскимъ при различныхъ случаяхъ. Я избѣгалъ всякаго подробнаго о нихъ разсужденія потому отчасти, что большая часть оныхъ не соотвѣтствовала моимъ воззрѣніямъ, а также и потому, что самъ Сперанскій часто мѣнялъ свои собственныя. Онъ какъ творецъ стоялъ среди хаоса матеріаловъ и обломковъ, составленныхъ частью изъ развалинъ существовавшаго, частью же изъ его собственныхъ уложеній, и извлекалъ изъ этого хаоса и обращалъ вниманіе то на одно, то на другое, Сперанскій даже не всегда былъ въ согласіи съ самимъ собою; часто было достаточно одного слова, чтобы склонить его на другія воззрѣнія.

Я припоминаю, что когда онъ разъ опровергалъ мои предположенія и воззрѣнія о губернскомъ управленіи и другихъ различныхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, я указалъ ему между прочимъ на нѣсколько его собственныхъ отзывовъ объ этомъ трудѣ моемъ. Но Сперанскій, едва взглянувъ на нихъ, немедленно сталъ опровергать ихъ, говоря, что они были высказаны имъ съ поспѣшностью, безъ зрѣлаго обсужденія. Онъ такъ же скоро чуждался своихъ собственныхъ мыслей, какъ и выраженныхъ другими, въ особенности когда не имѣлъ передъ собою книги или источника, которымъ пользовался ранѣе.

Главнѣйшимъ предметомъ занятій Сперанскаго осенью 1809 г. являлось учрежденіе новаго Государственнаго Совѣта.

Русскіе цари и императоры всегда имѣли при себѣ совѣщательное собраніе изъ бояръ. На востокѣ и на сѣверѣ совѣтъ подобныхъ лицъ сопровождалъ властителей всегда. Петръ I совѣтовался съ подобными совѣтниками только въ рѣдкихъ случаяхъ, пока не постигъ должнымъ образомъ системы и формъ внутренняго управленія государствомъ и пока не учредилъ Сената въ качествѣ высшаго центральнаго учрежденія въ государствѣ для дѣлъ управленія и суда. Совѣтъ же, какъ государственное учрежденіе, явился въ нашемъ отечествѣ въ первый разъ при императрицѣ Екатеринѣ I съ опредѣленными протоколами своихъ засѣданій. При Аннѣ Іоанновнѣ Совѣтъ получилъ болѣе обширныя обязанности и права, которыя подчинили ему даже Сенатъ, такъ какъ Совѣтъ именемъ государыни издавалъ указы. Сенатъ по-прежнему продолжалъ наименоваться высокій Сенатъ, но уже не назывался правительствующій.

Императрица Елизавета возвратила Сенату прежнія его права и принадлежности, а Совѣтъ явился только чисто совѣщательнымъ учрежденіемъ. Таковымъ застала Совѣтъ Екатерина II, при которой онъ и оставался въ томъ же видѣ во все продолженіе ея царствованія. Императрица хорошо понимала петровскую коллегіальную систему управленія, а также элементы русскаго государственнаго организма. Она хотя быть можетъ и являлась самою полною представительницею абсолютизма, но путемъ изученія понимала потребности своей страны и соотношеніе различныхъ частей управленія и кромѣ того сохранила съ благоразуміемъ и твердостью то, что она создала. Она не благоволила ни отдѣльнымъ партикулярнымъ (частнымъ) правамъ, ни отдѣльнымъ національностямъ, ни личной свободѣ; она разрушила Польшу, лишила многія провинціи ихъ особыхъ правъ и учрежденій по древнимъ статутамъ, обратила два милліона свободныхъ казаковъ въ крѣпостныхъ (Leibeigene), наблюдая впрочемъ за тѣмъ, чтобы имъ въ этомъ новомъ положеніи было по возможности хорошо. Она не увеличивала податей, держала небольшія арміи, была снисходительна къ мелкимъ хищеніямъ, но противодѣйствовала большимъ злоупотребленіямъ. Прежде всего она упорядочила низшія правительственныя учрежденія. Въ 1766, 1772, 1783 и 1785 году она дополнила изданныя Петромъ I учрежденія въ ихъ настоящемъ духѣ. Хозяинъ, хорошо знающій всѣ части своего хозяйства и своей земли, а также умѣющій прилагать съ умомъ и бережливостью всѣ свои силы, всегда будетъ процвѣтать, хотя быть можетъ его рабочіе и его сосѣди не всегда будутъ имѣть возможность хвалить его поступки. Мудрость пользуется всѣмъ и дѣлаетъ даже жестокость менѣе чувствительною. Въ этомъ состоитъ искусство упра-

влять большимъ и малымъ. Императрица держала бразды повидимому мягко, но съ неумолимою строгостью, если это было нужно. Она была въ высшей степени не благосклонна къ либеральнымъ идеямъ, хотя сама написала книгу о правахъ и обязанностяхъ и отмѣнила цензуру. Но горе тому, кто хвалилъ свободу, и за нѣсколько строкъ, за нѣкоторыя выраженія былъ наказанъ извѣстный Новиковъ [1]), оказавшій столько услугъ изученію историческихъ источниковъ, а также разжалованъ и сосланъ въ Сибирь Радищевъ [2]). Все это не мѣшало однако тому, что императрица была великою правительницею государства и оставила свое государство въ цвѣтущемъ состояніи.

Неосновательно упрекаютъ императрицу въ томъ, что она первая отмѣнила учрежденіе коллегій, возложивъ въ губерніяхъ все руководство новымъ экономическимъ управленіемъ на камеральные суды и передавъ исполнительную власть въ губерніи особымъ правленіямъ, а судебную особымъ палатамъ (гражданскаго и уголовнаго суда), какъ составившимъ третью аппеляціонную инстанцію. Чрезъ это многія центральныя коллегіи, бывшія въ Петербургѣ, становились конечно излишними. Когда Екатерина II по введеніи губернскихъ учрежденій упразднила мануфактуръ и ревизіонную коллегіи, она однако не заявила, что должны быть отмѣнены центральныя административныя управленія. Этимъ не разрушилась система коллегій, напротивъ того, она усиливалась, ибо всѣ мѣстныя провинціальныя коллегіи находились подъ вѣдомствомъ центральной коллегіи, т. е. Сената. Вопросъ шелъ только о томъ, что независимо отъ этихъ 50 провинціальныхъ коллегій необходима тѣмъ не менѣе еще средняя инстанція, коммерцъ и мануфактуръ-коллегіи, а также бергъ-коллегія и другія, чтобы не слишкомъ обременять различными мелочными дѣлами и подробностями Сенатъ, какъ центральную коллегію.

Въ царствованіе императора Павла I было принято это вполнѣ правильное воззрѣніе (по предложенію Васильева), и коллегіи были снова возстановлены, при чемъ необходимо было сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ положеніи о губернскомъ управленіи; единство управленія и контроль вполнѣ были сохранены. Но эта лучшая система правленія, вполнѣ соотвѣтствующая природѣ вещей, была, какъ и мѣстныя особенности управленія, несовмѣстима съ тѣми личными воззрѣніями,

---

[1]) Новиковъ, Николай Ивановичъ, р. 1744 г. извѣстный ревнитель народнаго просвѣщенія при Екатеринѣ II, издатель журналовъ, собиратель матеріаловъ для исторіи Россіи и ея литературы, учредитель типографской компаніи и т. д. Онъ умеръ въ 1818 году.

[2]) Радищевъ, Александръ Николаевичъ, р. 1749 г., авторъ извѣстнаго описанія Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву, сильно разгнѣвавшаго императрицу Екатерину II. Онъ умеръ въ 1802 году.

подъ вліяніемъ которыхъ директоръ разсматривалъ все дѣло. Только путемъ этихъ личныхъ его воззрѣній, защищаемыхъ слабыми софизмами, было проведено расширеніе министерскаго наказа и Сенатъ утратилъ чрезъ это всѣ свои исполнительныя права и преимущества. Легкомысліе, съ которымъ при этомъ поступали, было превзойдено только поверхностнымъ выполненіемъ этого преобразованія. Сохранялся первый департаментъ Сената, въ которомъ были сосредоточены всѣ обязанности Сената относительно управленія государствомъ; онъ остался наравнѣ съ министрами и комитетомъ министровъ. Въ этомъ крылась двойная непослѣдовательность, которая стала теперь очевидною и для лицъ, создавшихъ всю эту аномалію. Съ переходомъ всей исполнительной власти вполнѣ въ руки министровъ, прекратилось на самомъ дѣлѣ значеніе Сената. Самое выдающееся въ этой аномаліи заключается въ томъ, что тѣ же министры—въ то же время всѣ члены Сената и часто въ комитетѣ министровъ отмѣняютъ распоряженія Сената и измѣняютъ то, что они, какъ министры, сами одобрили и подтвердили.

Всѣ эти недостатки я не разъ указывалъ какъ въ составленномъ мною въ 1803 г. проектѣ о Сенатѣ, такъ и при другихъ случаяхъ. Конечно, этотъ же вопросъ долженъ былъ возникнуть, когда Сперанскій сталъ заниматься устройствомъ Государственнаго Совѣта, Сената и комитета министровъ, и хотя онъ во многихъ отношеніяхъ соглашался съ моими воззрѣніями, но я сомнѣвался, чтобы онъ принялъ ихъ въ какое-либо соображеніе. Тѣхъ побудительныхъ причинъ, которыми онъ руководствовался ранѣе, теперь уже не существовало. Государственный человѣкъ, стоявшій на такой новой, высокой степени, конечно, долженъ бы былъ поступить не столь легкомысленно, но Сперанскій, думая только о своемъ собственномъ я, о вліяніи, которое онъ можетъ оказывать на всѣхъ министровъ, упустилъ совершенно изъ виду матеріальные интересы всѣхъ государственныхъ сословій. Онъ добивался единства административныхъ началъ въ Государственномъ Совѣтѣ и сдѣлалъ себя независимымъ, всемогущимъ государственнымъ секретаремъ онаго. Но это была слишкомъ слабая опора; — ему по крайней мѣрѣ слѣдовало бы сгладить нѣкоторыя отдѣльныя коллизіи между Сенатомъ и министерствами. И если для него лично дѣло шло о томъ, чтобы на мѣсто Сената поставить Государственный Совѣтъ, то ему слѣдовало бы освободить Совѣтъ отъ коллегіальныхъ формъ, отъ всѣхъ порядковъ дѣлопроизводства коллегій, отъ внѣшнихъ и внутреннихъ связей съ коллегіями или департаментами министерскими, короче сказать—отъ связи и отношеній между всѣмъ государственнымъ организмомъ, безъ чего Государственный Совѣтъ, конечно, не могъ ни дѣйствовать, ни контролировать. Въ отношеніи управленія онъ являлся

какъ бы за кулисами стоящій авторитетъ, къ которому не могло обращаться ни одно учрежденіе и также ни одно частное лицо. Онъ не имѣлъ никакихъ способовъ слѣдить за ходомъ управленія.

Я допускаю, что при этомъ, какъ и при составленіи кодекса на французскій манеръ, положенъ въ основаніи эрфуртскій типъ. Таковы были уже убѣжденія Сперанскаго и его привязанности. Но стоитъ только устройство французскаго государственнаго совѣта со всѣми его департаментами, докладчиками, съ его формами, порядками дѣлопроизводства и т. д. сравнить съ положеніемъ и ходомъ дѣлъ нашего Государственнаго Совѣта,гдѣ все неопредѣленно, гдѣ члены никогда не знаютъ, что будетъ имъ доложено, гдѣ имъ даже не дозволено брать съ собою документовъ и бумагъ, чтобы имѣть возможность обсудить дѣло [1]), гдѣ предсѣдатель лишенъ всякой власти, а государственный секретарь являлся всемогущимъ и всевѣдущимъ, — то легко скоро убѣдиться въ пустотѣ и совершенной безполезности подобнаго преобразованія. Въ Россіи же, кромѣ того, гдѣ едва было столько интеллигенціи, столько знаній прошлаго, столько охранительныхъ формъ и опытности дѣловой, сколько требовалось для того, чтобы ходъ управленія по крайней мѣрѣ не сдѣлать еще хуже, еще произвольнѣе,—новая система, которая собою все подрывала, ничего не основывала, должна была причинить сумбуръ, который становился съ каждымъ днемъ все чувствительнѣе и значительнѣе.

Опытъ уже достаточно указалъ, что въ ходѣ этихъ перемѣнъ не было никакой связи, никакой руководящей мысли, и если по временамъ какому-либо министру удавалось осуществить или провести что-либо полезное, то это достигалось скорѣе о б х о д о м ъ Государственнаго Совѣта, нежели при его содѣйствіи. Точно такъ же при осуществленіи чего-либо вреднаго, Государственный Совѣтъ не имѣлъ возможности этому препятствовать. Его учрежденіе и составъ въ такой степени недостаточны, что онъ не можетъ содѣйствовать къ осуществленію чего-либо полезнаго или воспрепятствовать совершенію чего-либо вреднаго.

---

[1]) По правиламъ образованія Государственнаго Совѣта 1-го января 1810 г. (I П. С. З. № 24064) всѣ дѣла докладывались государственнымъ секретаремъ (§ 45); чтеніе дѣла никѣмъ не прерывается до самаго окончанія онаго (§ 46). По прочтеніи дѣла каждый членъ могъ требовать поясненія или повторенія тѣхъ статей кои представятся неясными (§ 49). Никакое дѣло, Совѣту предложенное, не можетъ быть сообщено внѣ онаго безъ особеннаго на то высочайшаго дозволенія; но каждый членъ можетъ потребовать дѣла для особеннаго прочтенія въ самомъ Совѣтѣ (§ 56). Никакихъ записокъ по дѣламъ не разсылалось членамъ Совѣта для предварительнаго прочтенія.

*

Руководство и контроль какъ отдѣльныхъ министерствъ, такъ и всего управленія государствомъ являлись одною изъ обязанностей, включенныхъ въ сферу дѣятельности Государственнаго Совѣта, и должны были сосредоточиваться въ такъ называемомъ отдѣленіи государственнаго хозяйства.

Вторымъ предметомъ являлась судебная дѣятельность, возложенная на отдѣленіе гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ.

Сенатъ, именно судебные его департаменты, являлись ничѣмъ инымъ, какъ высшею или третью аппеляціонною инстанціею. При несостоявшемся единогласіи между членами отдѣльныхъ департаментовъ или по предложенію министра юстиціи, судебныя дѣла переходятъ въ общее собраніе нѣкоторыхъ департаментовъ, такимъ образомъ имѣется нѣсколько общихъ собраній, и никто не станетъ отрицать, что вполнѣ достаточно этихъ 3 или 4 судебныхъ инстанцій. Можно однако еще упомянуть пятую, именно при министерствѣ юстиціи, когда министръ юстиціи предлагаетъ обсудить дѣло своимъ юрисъ-консультамъ въ своемъ присутствіи и потомъ даетъ заключеніе свое Сенату. При этомъ происходитъ потеря времени, интриги и происки тяжущихся сторонъ и пр. пр., точно такъ же, какъ и при всякой обыкновенной судебной инстанціи.

Сперанскій къ этому добавилъ еще новыя инстанціи и открылъ тѣмъ безконечное поле для неопредѣленности законовъ и правъ, для медленности суда, для протекціи и т. д., не прибавивъ никакихъ охранительныхъ формъ для лучшаго отправленія правосудія. Учрежденіе Государственнаго Совѣта повлекло за собою то именно, что послѣ того какъ Сенатъ рѣшитъ дѣло окончательно, стороны получаютъ право просить государя о новомъ пересмотрѣ дѣла. Если ходатайство будетъ уважено, то государственный секретарь требуетъ извлеченіе изъ дѣла отъ канцеляріи Сената, и по этому извлеченію дѣло разсматривается сперва въ отдѣленіи Государственнаго Совѣта, а затѣмъ и въ общемъ собраніи всѣхъ членовъ Совѣта и разрѣшается тамъ. Стороны ничего не знаютъ о томъ, что происходитъ при разсмотрѣніи ихъ дѣлъ въ Совѣтѣ; нѣтъ публичности дѣлопроизводства и нѣтъ никакихъ охранительныхъ формъ. Стороны имѣли только возможность познакомиться тайно съ извлеченіемъ изъ дѣла; они составляютъ и раздаютъ маленькія выписки изъ извлеченія и стараются склонить на свою сторону мнѣніе Канцеляріи и членовъ Совѣта, въ особенности же государственнаго секретаря и статсъ-секретаря того отдѣленія, въ которомъ разсматривается дѣло, и ихъ подчиненныхъ. Но формально, установленнымъ порядкомъ, стороны не узнавали ничего о состоявшемся рѣшеніи (ибо все сохранялось въ тайнѣ), а только по любезности Канцеляріи. Рѣшеніе же Государственнаго Совѣта препровождалось въ Сенатъ, ко-

торый и сообщалъ оное указомъ сторонамъ и подчиненнымъ ему въ губерніяхъ учрежденіямъ для надлежащаго приведенія рѣшенія въ исполненіе. Изъ губерній же опять генералъ-губернаторъ могъ остановить исполненіе этого рѣшенія, сдѣлавъ о томъ представленіе, которое могло часто явиться основаніемъ или поводомъ къ тому, что дѣло вновь возвращалось въ Сенатъ, опять поступало въ консультацію, опять переходило въ Государственный Совѣтъ и нерѣдко даже въ комитетъ министровъ, прежде нежели восходило до высочайшаго утвержденія. Государь или утверждалъ мнѣніе большинства или меньшинства или же иногда постановлялъ совершенно иное рѣшеніе. Что при этомъ соблюдается величайшая тайна—это подразумѣвается само собою.

Законодательство Имперіи было возложено на отдѣленіе законодательное, дѣятельность котораго возникала или по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ или по почину кого-либо изъ министровъ, когда онъ вносилъ на разсмотрѣніе проектъ новаго положенія или закона, или по почину Сената, когда сей послѣдній признавалъ необходимость новаго опредѣленія по вопросамъ, на которые существующіе законы не могли дать отвѣта. Во всѣхъ сихъ случаяхъ дѣло поступало къ государственному секретарю, какъ директору законодательной коммисіи, и прежде всего въ законодательное отдѣленіе, а послѣ онаго въ общее собраніе, гдѣ предложеніе принималось или отвергалось или измѣнялось и затѣмъ съ мнѣніемъ коммиссіи представлялось государю. Тотъ же порядокъ соблюдался и при законопроектахъ, разработанныхъ самою коммиссіею подъ руководствомъ директора оной. Никакой новый законъ, никакое измѣненіе существующаго не должно было въ будущемъ состояться безъ предварительнаго разсмотрѣнія онаго вышеуказаннымъ порядкомъ. Это правило, которое отчасти имѣлось въ прежнемъ учрежденіи, являлось единственно полезнымъ и въ то же время послѣдовательно проведеннымъ во всемъ планѣ.

При этомъ изложеніи самъ государь, всѣ его министры должны были сами ограничить свою власть и волю, но по общему положенію дѣлъ это было невозможно и неисполнимо. Стремленіе къ централизаціи, деспотизмъ и тщеславіе Сперанскаго обнаружились здѣсь вполнѣ. Онъ одинъ былъ все, всѣ остальные—ничто. Администрація—это я! (L'administration—s'est moi); но онъ не считалъ хозяина. Наконецъ при Совѣтѣ было еще четвертое отдѣленіе, учрежденное на тѣхъ же началахъ для дѣлъ военныхъ.

Коммиссія составленія законовъ являлась теперь только какимъ-то чуждымъ придаткомъ, подчиненнымъ не столько Государственному Совѣту, сколько государственной канцеляріи или, точнѣе, государственному секретарю.

Коммиссія прошеній была вторымъ подобнымъ придаткомъ и госу-

дарственная канцелярія, во главѣ которой былъ Сперанскій—третьимъ, которое включало въ себѣ оба первые. Все это было снабжено введеніемъ, въ которомъ излагались такъ называемыя конституціонныя опредѣленія или основныя начала, и кромѣ того различными образцами формъ. Изъ всего этого возникли въ обществѣ самые странные толки объ этомъ учрежденіи. Я часто толковалъ объ этомъ съ Козодавлевымъ (въ то время уже министромъ внутреннихъ дѣлъ), который, будучи неопытенъ въ изслѣдованіи, не могъ постичь, какъ и многіе другіе, сущность и цѣль всего учрежденія. Румянцовъ (Н. П.), скоро послѣ Фридрихсгамскаго мира назначенный государственнымъ канцлеромъ (онъ назначался въ предсѣдатели будущаго Государственнаго Совѣта), былъ приглашенъ для виду только къ обсужденію положенія о Совѣтѣ, т. е. ему дали только прочесть проектъ онаго. Сперанскій, который вполнѣ уже обворожилъ государя и овладѣлъ имъ, не нуждался ни въ какомъ совѣтѣ. Самъ графъ Кочубей не могъ ничего узнать объ этомъ проектѣ, хотя онъ еще 30-го декабря два или три раза останавливался у дверей Сперанскаго, но не былъ принятъ. Сперанскій говорилъ о немъ: «c'est un homme qui jamais n'a eu une idée» (это человѣкъ, у котораго никогда не было ни единой мысли).

Моя частная жизнь въ то время была очень пріятна. Кромѣ дома Козодавлева я съ женою моею посѣщалъ еще дюка Серра Капріола, прекраснаго человѣка, даровитаго, обладавшаго силою сужденія, здравымъ смысломъ и со всею подвижностью веселаго неаполитанца; онъ былъ очень ко мнѣ благожелателенъ. Мы часто бывали также у Анны Никитичны Нарышкиной [1]), тетки Румянцова и нѣкогда подруги молодости императрицы Екатерины II; она принимала насъ очень ласково; князя Куракина, князей Михаила и Бориса Голицыныхъ и т. д. Меня очень часто посѣщалъ очень достопочтенный дипломатъ Наварро (Navarro), позднѣе баронъ de Villa Secca, графъ Мэстръ [2]), очень разговорчивый, свѣдущій человѣкъ, и многіе ученые и художники. Моя молодая супруга развивала все болѣе свой умъ и свои таланты. Учите-

---

[1]) Нарышкина, Анна Никитична, рожденная Румянцова, род. 1730 г., была другомъ Екатерины II и повѣренною личныхъ ея тайнъ и статсъ-дамою. При Павлѣ I сдѣлана гофмейстериной и умерла въ глубокой старости въ 1820 году. Она вступила въ бракъ въ 1746 г. съ оберъ-гофмаршаломъ Алекс. Алекс. Нарышкинымъ.

[2]) Мэстръ, графъ Жозефъ, р. 1754 г., французскій философъ, представитель ученія о церковномъ абсолютизмѣ, авторъ извѣстныхъ сочиненій «Soirées de St. Petersbourg, Etude sur la Souverenité» и т. д. Онъ былъ посланникомъ Савойскаго герцогства въ Петербургѣ съ 1803 по 1817 годъ. Онъ умеръ въ 1821 году.

лями ея въ музыкѣ были Фильдъ [1]) и Клементи [2]); она занималась много рисованіемъ и дѣлала значительные въ этомъ успѣхи. Она получила въ Эрмитажѣ особую комнату, гдѣ срисовывала многія знаменитыя картины итальянской школы съ особеннымъ тщаніемъ.

Такъ истекъ 1809 годъ, и 31-го декабря министры и прочіе сочлены получили приглашеніе явиться 1-го января къ открытію засѣданія Совѣта въ Императорскомъ дворцѣ.

Первое засѣданіе было одною простою формальностью. Государь открылъ его краткою вступительною рѣчью, обращенною къ членамъ. Я въ тотъ день получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степени. Въ газетахъ былъ распубликованъ этотъ конституціонный статутъ.

Въ напыщенномъ манифестѣ, служившемъ ему введеніемъ, были изложены обычныя общія мѣста и упомянуто о неудавшихся до сего времени попыткахъ законодательства, а также о необходимости болѣе совершеннаго управленія. Старая тема, что начатое еще Петромъ I и продолженное его преемниками должно быть усовершенствовано въ настоящее время болѣе цѣлесообразно, повторялась съ новыми фразами и красивыми оборотами. Манифестъ возвѣщалъ еще, что проектъ первой части новой книги законовъ «благодаря помощи Всевышняго, къ великому нашему удовольствію уже законченъ и что послѣдующія части будутъ тѣмъ же порядкомъ закончены».

Этими словами признана была оффиціально, насколько возможно, и моя работа [3]).

Я только вкратцѣ изложилъ основныя черты новаго учрежденія. Кто прочтетъ положеніе о немъ со вниманіемъ или съ знаніемъ доселѣ существовавшаго учрежденія, тотъ скоро признаетъ мощную руку, касавшуюся различныхъ частей существующаго государственнаго организма,

---

[1]) Фильдъ, Джонъ, р. 1782 г., англійскій піанистъ и композиторъ, ученикъ Клементи, поразительно игравшій фуги Баха. Онъ имѣлъ необычайный успѣхъ въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ окончательно поселился въ 1820 году и умеръ въ 1853 году.

[2]) Клементи, Муціо, р. 1752 г., извѣстный итальянскій піанистъ и композиторъ множества сонатъ и Gradus ad Parnassum. Жилъ преимущественно въ Лондонѣ и Петербургѣ. Онъ умеръ въ 1832 г.

[3]) Г. Розенкампфъ говоритъ о манифестѣ 1-го января 1810 (I П. С. З. №24064), которымъ возвѣщалось также, что первая часть гражданскаго уложенія окончена, а другія – постепенно и непрерывно за нею послѣдуютъ. При этомъ указывалось, что Государственный Совѣтъ обратитъ вниманіе: 1) на гражданское уложеніе, а затѣмъ на уголовное; 2) на различныя части, министерствамъ ввѣренныя, и главныя основанія общаго Наказа министерствамъ; 3) на положеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ, которые требуютъ неукоснительно разсмотрѣнія и опредѣленія.

чтобы дать ему другой составъ и достигнуть, разорвавъ старое, поверхностнаго подражанія французской наполеоновской монархіи...

На этомъ прекращаются листки записокъ Розенкампфа, хранящіеся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Трудно рѣшить вопросъ, было ли написано Розенкампфомъ дальнѣйшее продолженіе этихъ листковъ. Быть можетъ, онъ не успѣлъ ихъ написать, а быть можетъ написанные листки испытали ту же участь, которой весьма часто подвергаются у насъ различные историческіе памятники и важные документы дорогаго нашего отечества. Во всякомъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что не имѣется дальнѣйшаго продолженія записокъ Розенкампфа, въ которыхъ ему предстояло говорить о паденіи Сперанскаго, о его возвращеніи въ Петербургъ и вторичномъ назначеніи въ коммиссію составленія законовъ, въ которой Розенкампфъ продолжалъ трудиться все время. Въ заключеніе нашей статьи считаемъ не лишнимъ сказать въ немногихъ словахъ о дальнѣйшей судьбѣ и дѣятельности Розенкампфа.

Необходимо прежде всего упомянуть, что еще въ 1809 году, вскорѣ послѣ завоеванія Финляндіи, для ближайшаго завѣдыванія ея дѣлами была учреждена въ Петербургѣ особая коммиссія, но скоро, 6-го ноября 1811 года, по предложенію Сперанскаго преобразованная въ комитетъ, который долженъ былъ разсматривать и подготовлять къ докладу дѣла, требовавшія высочайшаго утвержденія или разрѣшенія. Первымъ предсѣдателемъ этого комитета былъ извѣстный Густавъ-Морицъ Армфельдъ [1]), пользовавшійся большимъ расположеніемъ Александра I. Членомъ комитета былъ назначенъ также Розенкампфъ [2]), который и

---

[1]) Армфельтъ, Густавъ-Морицъ, р. въ 1757 г. въ Финляндіи, любимецъ короля шведскаго Густава III, участвовавшій въ заговорѣ противъ его преемника Карла XIII и бѣжавшій въ Россію. Позднѣе Армфельтъ былъ прощенъ Густавомъ IV, осыпанъ милостями, назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Финляндіи въ 1805 г., но скоро навлекъ на себя неудовольствіе короля и пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ принятъ радушно и возведенъ въ графское достоинство. Онъ сопровождалъ императора Александра I въ армію въ 1812 г., возбудилъ въ немъ мысль объ освобожденіи Польши и усердно работалъ на пользу своего отечества—Финляндіи, будучи президентомъ комитета по финляндскимъ дѣламъ. Онъ скоропостижно умеръ въ 1814 году. Сынъ его, графъ Александръ Армфельдъ, былъ долгое время статсъ-секретаремъ по дѣламъ Финляндіи.

[2]) Прочими членами этого комитета были Іоаннъ Аминовъ, Яковъ Хизингеръ и Карлъ Валлэнъ. Статсъ-секретаремъ комитета былъ Робертъ Ребиндеръ, горячій приверженецъ Финляндіи. Вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Николая I этотъ комитетъ по финляндскихъ дѣламъ былъ упраздненъ 17-го марта 1826 года, и оставленъ только одинъ статсъ-секретарь по финляндскимъ дѣламъ (каковымъ былъ Ребиндеръ до самой его кончины въ 1841 году), при которомъ была канцелярія для дѣлопроизводства.

занималъ это мѣсто до самаго упраздненія комитета въ 1826 году. Это назначеніе очень сблизило Розенкампфа съ Армфельдомъ (скоро впрочемъ скончавшимся, въ 1814 году), который находился съ нимъ въ интимной перепискѣ во время поѣздки своей съ императоромъ Александромъ I въ Вильно. въ 1812 г., какъ это можно заключить изъ писемъ Армфельда къ Розенкампфу.

Въ томъ же 1811 г. Розенкампфъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники [1]) и назначенъ предсѣдателемъ особаго комитета для устройства нерѣшенныхъ дѣлъ по Финляндіи.

Въ началѣ марта 1812 г. послѣдовало удаленіе Сперанскаго.

Князь Лопухинъ, которому, по предсѣдательству его во всѣхъ департаментахъ Государственнаго Совѣта, было ввѣрено императоромъ и управленіе коммиссіею составленія законовъ, передалъ на разсмотрѣніе означенной коммиссіи составленную Розенкампфомъ записку или, точнѣе, обозрѣніе о дѣйствіяхъ коммиссіи составленія законовъ отъ начала ея учрежденія, въ которомъ выражалась самая ожесточенная критика всѣхъ распоряженій и мѣръ Сперанскаго съ того времени, какъ она была ввѣрена его управленію. (Корфъ, ч. II, стр. 42).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Лопухинъ поручилъ Розенкампфу, какъ старшему изъ начальниковъ отдѣленія, наблюденіе за производствомъ дѣлъ коммиссіи и за занятіями чиновниковъ, съ тѣмъ однако, чтобы представленія коммиссіи вносились къ нему, Лопухину, за подписаніемъ не только Розенкампфа, но и Тургенева (тогда помощника статсъ-секретаря Госуд. Совѣта). Не много позднѣе, 11-го мая, Розенкампфъ былъ назначенъ въ вновь учрежденный при коммиссіи составленія законовъ особый совѣтъ (состоящій изъ него, Тургенева и Дружинина). Этотъ совѣтъ замѣнялъ собою прежняго директора коммиссіи и учреждался съ цѣлью сохраненія единообразія въ дѣлопроизводствѣ. Въ этотъ совѣтъ поступали отъ начальниковъ отдѣленій всѣ ихъ проекты для внесенія въ Государственный Совѣтъ отъ Лопухина.

Такимъ образомъ Розенкампфъ явился однимъ изъ главныхъ руководителей работъ коммиссіи составленія законовъ.

Въ 1812 г., когда изыскивались средства всякаго рода для борьбы съ Наполеономъ, Розенкампфъ вмѣстѣ съ Армфельдомъ внесъ въ Госу-

---

[1]) Если припомнить, что Розенкампфъ, назначенный въ 1809 г. начальникомъ отдѣленія въ коммиссіи законовъ, былъ 1-го января 1810 г. награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3-й степени, а черезъ годъ произведенъ въ чинъ, то должно заключить, что онъ и въ глазахъ Сперанскаго выдавался по своимъ трудамъ изъ среды лицъ, служившихъ въ коммиссіи. Нежелательно допустить, чтобы Сперанскій, подъ начальствомъ котораго состояла въ то время коммиссія, представлялъ бы къ такимъ наградамъ лицъ безъ всякаго къ тому основанія.

дарственный Совѣтъ свой проектъ о земельныхъ облигаціяхъ [1]. При прочтеніи первой статьи этого проекта соединенные департаменты Совѣта замѣтили, что достаточно оной одной, дабы во всемъ народѣ возродить величайшее безпокойство, и что мѣры, въ запискѣ излагаемыя, произвести могутъ самыя вредныя впечатлѣнія. Проектъ этотъ былъ отклоненъ. По словамъ графа Мордвинова, писавшаго возраженіе на проектъ Розенкампфа, таковой представляетъ собою не что иное, какъ списокъ съ поземельныхъ мандатовъ, введенныхъ во Франціи въ 1790 г. (mandats territoriaux) и уничтоженныхъ въ 1797 году, въ самое лютѣйшее время французской революціи. Съ введеніемъ ихъ изчезла и цѣна монеты и способы исправленія оной. Правительство должно было объявить себя банкротомъ, и только хитрые выдумщики мандатовъ нажились. У насъ это не осуществилось. Воспрещеніемъ выпуска такихъ облигацій Россія спасена была отъ подобнаго бѣдствія и поставлена преграда похищенію за безцѣнокъ казенныхъ имѣній (Арх. графа Мордвинова, т. IV, стр. 147 и дал.). Розенкампфъ, будучи старшимъ членомъ Совѣта коммиссіи составленія законовъ, былъ также назначенъ въ 1812 г. помощникомъ статсъ-секретаря Энгеля въ департаментъ финансовъ Государственнаго Совѣта.

Работа по коммиссіи законовъ тѣмъ временемъ подвигалась, и она вскорѣ закончила подготовленную 3-ю часть гражданскаго уложенія и составила 1-ю часть устава гражданскаго судопроизводства и напечатала съ измѣненіями прежніе проекты уложенія торговаго и уголовнаго, а также сводъ указовъ къ двумъ первымъ частямъ гражданскаго уложенія. Въ воздаяніе неусыпныхъ трудовъ по коммиссіи составленія законовъ Розенкампфъ удостоился получить при рескриптѣ 4-го декабря 1812 г. изъ [2]) Карлсруе орденъ Св. Анны 1-й степени, а позднѣе, 13-го іюня 1817 г., онъ былъ вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ возведенъ въ баронское достоинство вел. кн. Финляндскаго, при чемъ ему данъ гербъ, въ золотомъ полѣ котораго помѣщались двѣ лавровыя вѣтви а между ними серебряный столбъ, увѣнчанный императорской короною, а на столбѣ доска со словомъ «законъ». При этомъ былъ девизъ: principi, legi, patriae (Царю, закону, отечеству) [3]).

Такая награда вызвала слѣдующія строки М. М. Сперанскаго въ

---

[1]) Надо замѣтить, что этотъ проектъ Розенкампфа и проектъ манифеста объ этихъ облигаціяхъ до насъ не сохранились; въ архивѣ Госуд. Совѣта имѣется одна обложка журнала 1812 г. № 1 (см. архивъ графа Мордвинова, т. IV, стр. 147).

[2]) См. Сборникъ истор. матер., извлеченныхъ изъ архива I отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи, т. III, стр. 154.

[3]) См. россійская родословная книга князя Долгорукова, ч. III, стр. 380. Дѣтей Розенкампфъ не имѣлъ, какъ видно изъ этой родословной книги.

письмѣ его къ Столыпину изъ Пензы отъ 31-го іюля 1817 года: «правда, у васъ такъ много совершается невозможностей, что и мѣру теряешь, чего можно желать и чего нельзя. Напримѣръ, какъ можно было угадать, что Розенкампфъ будетъ возведенъ и съ племянникомъ его въ баронское достоинство. Правду говорятъ, что на милость образца нѣтъ». (См. «Рус. Архивъ», 1870 г., стр. 1143). Нельзя при этомъ не замѣтить, что Розенкампфъ не забывалъ своего начальника, находившагося въ опалѣ, и послалъ ему всѣ труды коммиссіи составленія законовъ при самомъ учтивомъ письмѣ, по словамъ самого же Сперанскаго. (См. «Рус. Архивъ» 1870 г., стр. 1181, письмо къ Столыпину 27-го марта 1817 г.).

Нельзя не упомянуть также, что Розенкампфъ составилъ новый штатъ коммиссіи составленія законовъ, который удостоился высочайшаго утвержденія 25-го февр. 1816 г. (1 П. С. З. № 26170). По этому штату при коммиссіи полагался Совѣтъ; однимъ изъ членовъ его былъ Розенкампфъ, и кромѣ того при ней находились прежніе ея корреспонденты.

Государственный Совѣтъ при разсмотрѣніи различныхъ проектовъ уложеній, внесенныхъ Розенкампфомъ, нашелъ необходимымъ, чтобы своды прежнихъ законовъ, находящіеся въ виду коммиссіи составленія законовъ, были приведены въ систематическій порядокъ и напечатаны по матеріямъ для большаго удобства разсмотрѣнія самихъ уложеній. Вслѣдствіе этого Розенкампфъ занялся составленіемъ «систематическаго свода существующихъ законовъ въ Россійской имперіи съ основаніями правъ, изъ оныхъ извлеченныхъ», который былъ напечатанъ и состоялъ изъ немалаго числа частей.

Кромѣ того Розенкампфъ съ 1817 г. издавалъ такъ называемый Журналъ законодательства, который выходилъ до 1819 года.

Вскорѣ послѣдовало возвращеніе Сперанскаго изъ ссылки въ 1821 году, при чемъ за отъѣздомъ князя Лопухина за границу Сперанскому поручено было управлять коммиссіей составленія законовъ. Это, конечно, не было особенно благопріятно Розенкампфу, ранѣе порицавшему всѣ дѣйствія Сперанскаго по означенной коммиссіи, и 13-го апрѣля 1822 г. послѣдовало увольненіе Розенкампфа изъ коммиссіи законовъ, на основаніи особаго указа на имя князя Лопухина.

Весьма часто удаленіе Розенкампфа изъ коммиссіи составленія законовъ объясняется крайнимъ нерасположеніемъ къ нему Сперанскаго и совершенною противоположностію взглядовъ его и Сперанскаго на законодательство и кодификацію. Но такое объясненіе является предположеніемъ, не имѣющимъ твердаго основанія и при томъ опроверга-

емымъ заявленіемъ самого Розенкампфа о причинахъ его удаленія [1]). Если бы причиною онаго являлся Сперанскій, то конечно Розенкампфъ упомянулъ бы объ этомъ. Между тѣмъ онъ не только не указываетъ этого, но даже ни словомъ не намекаетъ объ этомъ, онъ прямо говоритъ, что причиною удаленія его изъ коммиссіи законовъ является князь Лопухинъ и вотъ по какому поводу. Государственный Совѣтъ, при разсмотрѣніи внесенныхъ коммиссіею составленія законовъ проектовъ гражданскаго и уголовнаго уложенія, призналъ необходимымъ напечатать законодательные источники, служившіе основаніемъ для этихъ проектовъ, а также различные объяснительные къ нимъ проекты и предложилъ князю Лопухину привести это въ исполненіе.

Осуществленіе этого требовало не мало расходовъ, и князь Лопухинъ, отличавшійся вообще чрезмѣрнымъ сбереженіемъ казенныхъ денегъ, предложилъ Розенкампфу принять изданіе этого сборника на себя, съ тѣмъ условіемъ, что у него будетъ пріобрѣтено извѣстное количество экземпляровъ по опредѣленной цѣнѣ, чѣмъ и покроются всѣ издержки изданія и устройства необходимой для этого типографіи. Розенкампфъ на это согласился, въ виду полезности подобнаго изданія не только для законодательныхъ работъ, но и для чиновъ судебнаго вѣдомства. Вслѣдствіе сего и было сдѣлано княземъ Лопухинымъ надлежащее представленіе комитету министровъ, утвердившему это распоряженіе князя Лопухина, при чемъ цѣна каждаго тома въ 40—50 листовъ опредѣлена по 8 руб. за томъ. Въ то же время на Розенкампфа было возложено изданіе особаго періодическаго изданія, подъ названіемъ «Журналъ русскаго законодательства». Съ Розенкампфомъ было заключено условіе на изданіе въ 1820—21 годахъ этого систематическаго свода, въ размѣрѣ 12 томовъ, по 8 рублей каждый, при чемъ Лопухинъ обѣщалъ ему взять у него до 680 экземпляровъ, на сумму около 50.000 руб. Розенкампфъ приступилъ къ работамъ и къ устройству типографіи, затративъ на это весьма значительную часть своего состоянія, чтобы не задерживать принятую на себя работу, которую и окончилъ къ сроку. Между тѣмъ князь Лопухинъ, всячески заботясь о сбереженіи денегъ, не взялъ обѣщаннаго числа экземпляровъ, но гораздо меньшее, и платилъ за нихъ по частямъ, изъ процентовъ, получаемыхъ по сберегаемымъ суммамъ. Министръ же юстиціи князь Лобановъ-Ростовскій возбудилъ къ тому же вопросъ, не имѣется ли въ

---

[1]) Все нижеслѣдующее извлечено нами изъ рукописнаго сочиненія Розенкампфа на нѣмецкомъ языкѣ. Übersicht der russischen Gesetzgebung seit der Regierung Peter des Grossen bis zum Tode Alexandre I, написаннаго имъ послѣ увольненія отъ службы и послѣ преобразованія коммиссіи составленія законовъ во II отдѣленіе соб. его императорскаго величества канцеляріи въ 1826 году.

систематическомъ сводѣ произвольныхъ вставокъ и добавленій. Уклоненіе князя Лопухина отъ исполненія своего обѣщанія побудило Розенкампфа изложить все это дѣло его величеству и просить объ увольненіи его изъ коммиссіи составленія законовъ [1]). Вслѣдствіе этого и состоялся высочайшій указъ Лопухину 13-го апрѣля 1822 года объ увольненіи Розенкампфа отъ должности старшаго члена коммиссіи составленія законовъ. При этомъ Розенкампфу никакой пенсіи назначено не было, но онъ продолжалъ получать по-прежнему содержаніе, оставаясь членомъ комитета по Финляндскимъ дѣламъ. Однако вскорѣ, въ 1826 году, и этотъ комитетъ былъ закрытъ, и Розенкампфъ, по его словамъ, остался безъ содержанія и безъ пенсіи. Онъ жилъ въ совершенномъ уединеніи, оставленный и забытый прежними знакомыми, гдѣ-то на Садовой ул. въ деревянномъ домѣ, довольно ветхой наружности, по словамъ Печорина, оставившаго намъ въ своихъ запискахъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ послѣднихъ годахъ жизни Розенкампфа. Печоринъ приходилъ къ нему каждое утро въ 8—9 часовъ и садился съ нимъ за работу по историческимъ и филологическимъ изысканіямъ о Кормчей книгѣ, предпринятую по желанію канцлера графа Н. П. Румянцова.

Оба они, Розенкампфъ и Печоринъ, занимались вмѣстѣ до 4 часовъ, когда приходилъ старый, какъ лунь, парикмахеръ, причесывалъ посѣдѣлыя кудри барона, послѣ чего послѣдній отправлялся къ своей супругѣ, особѣ лѣтъ сорока не болѣе. Она была очень блѣдна, какое-то облако грусти висѣло на ея челѣ, но видны были слѣды прежней красоты; она нѣкогда блистала при дворѣ Александра I. Дѣтей у нихъ не было. Рѣдко кто заходилъ въ этотъ опальный домъ, въ которомъ господствовала оппозиція; всѣ дѣйствія новаго правительства были безпощадно порицаемы [2]). Окончивъ изслѣдованіе Кормчей книги, Розенкампфъ написалъ къ ней предисловіе и посвятилъ этотъ трудъ графу Румянцову [3]).

---

[1]) Розенкампфъ при этомъ ни слова не упоминаетъ о Сперанскомъ, который только всего нѣсколько мѣсяцевъ какъ вступилъ вновь въ сношенія съ коммиссіею. Сперанскому, какъ извѣстно, по возвращеніи его изъ Сибири было поручено заниматься трудами коммиссіи составленія законовъ, поступающими въ Государственный Совѣтъ, только въ 1821 году (ноября 3-го) и при томъ б е з ъ в с я к а г о у ч а с т і я в ъ у п р а в л е н і и о з н а ч е н н о ю к о м м и с с і е ю. Такимъ образомъ Розенкампфъ могъ находиться въ сношеніяхъ съ Сперанскимъ не болѣе трехъ, четырехъ мѣсяцевъ, при чемъ Сперанскій вовсе не являлся начальникомъ его.

[2]) См. „Русскій Архивъ“ 1870 года, стр. 1334 и слѣд.

[3]) Этотъ трудъ изданъ въ 1829 г. Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при импер. Московск. университетѣ. Второе изданіе онаго сдѣлано Анастасевичемъ съ немалыми прибавленіями въ 1839 г. послѣ кончины Розенкампфа.

*

Самъ Розенкампфъ былъ большой почитатель канцлера графа Румянцова, какъ это можно заключить изъ письма его отъ 25-го апрѣля 1825 года къ кіевскому митрополиту Евгенію (см. сочиненіе Ивановскаго, «Госуд. канцлеръ графъ Румянцовъ»), съ которымъ Розенкампфъ находился въ перепискѣ, какъ это видно изъ сообщенія г. Шмурло въ журналѣ «Библіографъ», Лиссовскаго, 1889 г., стр. 64.

Вскорѣ послѣ этого занимаясь новымъ изданіемъ Обозрѣнія Кормчей книги, Розенкампфъ прилегъ отдохнуть и вскорѣ 16-го апрѣля 1831 года умеръ. Онъ погребенъ на кладбищѣ св. Александро-Невской Лавры въ Петербургѣ.

Розенкампфъ умеръ въ великой бѣдности, такъ что не нашлось ста рублей на его похороны. Деньги, необходимыя на погребеніе, были выданы изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія. Вдова же его, баронесса Розенкампфъ, продала библіотеку покойнаго своего мужа и лучшую мебель, чтобы дать обычный послѣ погребенія обѣдъ духовенству, а затѣмъ она перебралась на маленькую квартиру и, по словамъ Погодина, умерла съ голода [1]).

Розенкампфъ былъ почетнымъ членомъ Московскаго университета, а также членомъ: общества исторіи и древностей россійскихъ при означенномъ университетѣ, общества вольно-экономическаго въ Петербургѣ и Минералогическаго. Кромѣ упомянутаго Обозрѣнія Кормчей книги, онъ написалъ также на французскомъ языкѣ записку по поводу ссылки Сперанскаго, напечатанную въ полномъ объемѣ въ сочиненіи барона Корфа «Жизнь Сперанскаго» (т. II, стр. 31). Ранѣе этого Розенкампфъ составилъ еще записку о ходѣ финансоваго управленія. По словамъ барона Корфа («Жизнь Сперанскаго», т. II, стр. 42) Розенкампфъ оставилъ послѣ себя въ рукописи рядъ мемуаровъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, которыми пользовался баронъ Корфъ при составленіи біографіи Сперанскаго, но гдѣ таковые мемуары хранятся, въ настоящее время не извѣстно; въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной библіотеки имѣются только отрывки этихъ мемуаровъ, нами выше помѣщенные, а также еще слѣдующія бумаги Розенкампфа: 1) Sur les basiliques—краткое обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ; 2) Materialien und Vorarbeitungen zur geschichtlichen Darstellung des russischen Kirchenrecht—матеріалы и предварительныя работы къ историческому изложенію русскаго церковнаго права; 3) Über den Ursprung des älteren russischen und nordischen Rechts—о происхожденіи древняго русскаго права.

Кромѣ этого имѣется переписка Розенкампфа съ различными лицами по поводу изслѣдованія о Кормчей книгѣ и описанія списковъ

---

[1]) См. Жизнь и труды Погодина—Н. Барсукова, т. II, стр. 35.

Кормчей книги. Розенкампфъ самъ упоминаетъ о слѣдующихъ своихъ литературныхъ трудахъ:

1) Essai sur la statistique de la Russie. Leipzig 1785 г. (Опытъ статистики Россіи).

2) Einzelne Abhandlungen über verschiedene juristische Gegenstände.

3) Materialien zur Liwländischen Bauerverfassung. Dorpat 1797 г. (Матеріалы по освобожденію крестьянъ въ Лифляндіи).

4) Über den Tarif (russischen) mit einer Vorrede von O. P. Kosodovleff. (О русскомъ тарифѣ съ предисловіемъ Козодавлева).

5) Übersicht der russischen Gesetzgebung seit der Regierung Peters des Grossen bis zum Tode Alexander I,—дошедшее до насъ въ рукописи въ двухъ спискахъ.

П. Майковъ.

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ

и

Россія шестнадцатаго вѣка.

X [1]).

Въ 1565 г., въ то время, когда война въ Ливоніи велась съ перемѣннымъ счастьемъ, на Швецію обрушились, одно за другимъ, два бѣдствія: въ январѣ мѣсяцѣ король датскій Фридрихъ II, желая изолировать эту державу, воспретилъ судамъ проходъ черезъ Зундъ, а въ ноябрѣ мѣсяцѣ императоръ Максимиліанъ издалъ манифестъ, коимъ шведы обвинялись въ нарушеніи мира и въ союзѣ съ монархомъ варварской страны. Между тѣмъ представители нѣмецкихъ торговыхъ домовъ, которые вели дѣла съ Москвою, старались настроить общественное мнѣніе въ пользу Іоанна. Одинъ изъ нихъ, Вейтъ Зенге, повѣренный въ дѣлахъ герцога Баварскаго въ Любекѣ, утверждалъ, что Іоаннъ хвалился своимъ нѣмецкимъ происхожденіемъ и что онъ охотно далъ бы императору 30.000 своей отборной конницы и большую сумму денегъ для войны съ турками, за честь состоять съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ и получить отъ него орденъ, и не только отказался бы отъ Ливоніи, но даже подчинилъ бы православную церковь папской власти. По словамъ Зенге, это сближеніе, которое было чрезвычайно желательно съ точки зрѣнія всего христіанскаго міра, могло быть скрѣплено брачными узами: у

[1]) См. «Русскую Старину», октябрь 1904 г.

Іоанна были сынъ и дочь на возрастѣ, а московскія красавицы могли плѣнить любаго нѣмецкаго принца.

Эти фантастичные планы обсуждались на германскихъ сеймахъ и не могли не повліять на рѣшеніе германскаго императора, который и безъ того былъ склоненъ къ нейтралитету.

Въ 1566 г. Магнусъ, тѣснимый шведами, сдѣлалъ попытку сблизиться съ Польшею, но высказалъ при этомъ чрезмѣрныя требованія: онъ просилъ руки одной изъ сестеръ Сигизмунда-Августа и выражалъ желаніе получить за нею въ приданое Ливонію. Сигизмундъ не придалъ его словамъ никакого значенія, а на слѣдующій годъ самъ повелъ войска въ Ливонію; но походъ былъ для поляковъ неудаченъ. Тѣмъ не менѣе русскіе, послѣ первыхъ же столкновеній съ ними, выразили желаніе начать переговоры о мирѣ, заключенія котораго Польша, съ своей стороны, страстно желала. Но Іоаннъ потребовалъ уступки Ревеля и Риги и завелъ въ то же время непріязненную переписку съ литовскими магнатами, — два обстоятельства, которыя не могли содѣйствовать мирному соглашенію.

Между тѣмъ въ Польшѣ полагали, что опричина должна была создать въ Москвѣ массу недовольныхъ, которые, подобно Курбскому, были готовы «отъѣхать» изъ ея предѣловъ и съ которыми, поэтому, было бы выгодно войти въ сношеніе, и до свѣдѣнія Іоанна дошло, что нѣкоторые изъ его бояръ получили письма отъ великаго гетмана литовскаго Ходкевича, отъ литовскихъ магнатовъ и отъ самого короля. Взволнованный и раздраженный этимъ, онъ созвалъ соборъ, который высказался единогласно противъ какихъ бы то ни было уступокъ въ Литвѣ. Пограничные литовскіе землевладѣльцы заявили, со своей стороны, рѣшительно, что они готовы скорѣе умереть, нежели уступить хотя бы клочекъ своей земли. Успокоенный съ этой стороны, царь самъ продиктовалъ отвѣты тѣмъ польскимъ панамъ, которые вступили въ переписку съ его подданными; и даже Сигизмундъ-Августъ, предлагавшій князю Ивану Дмитріевичу Бѣльскому великолѣпный удѣлъ въ Литвѣ, если онъ «отъѣдетъ» изъ Москвы, увидѣлъ, что значило предлагать подданнымъ царя подобнаго рода сдѣлки.

«У меня у самого достаточно земли»,—писалъ ему Бѣльскій, титулуя его братомъ;—«а вамъ лучше всего было бы уступить Литву моему царю, тогда вы были бы, по крайней мѣрѣ, спокойны, что сохраните верховную власть надъ Польшей и будете такъ же, какъ и я, подданнымъ наилучшаго изъ монарховъ».

Въ такомъ же духѣ были написаны, подъ диктовку царя, и прочіе отвѣты.

Въ это время дѣла приняли снова оборотъ благопріятный для Іоанна; Эрикъ согласился исполнить всѣ его требованія, не исключая выдачи

Екатерины, лишь бы царь предоставилъ ему полную свободу свести счеты съ Польшей. Дальманъ (Dahlman: Dissertatio de occasione foederum regis Erici XIV cum Russia, Упсала, 1783) утверждаетъ, на основаніи подлинныхъ дипломатическихъ актовъ, что король шведскій обсуждалъ въ 1566 г. вопросъ о возможности сдѣлать Іоанну эту уступку, но такъ какъ его совѣтники не соглашались на это, то онъ далъ своему посланнику Гюлленштерну повелѣніе упорствовать до послѣдней возможности, но все же уступить, ежели союзъ могъ быть заключенъ цѣною подобной уступки.

Такимъ образомъ Гюлленштернъ подписалъ 16-го февраля 1567 г., въ Александровской слободѣ, союзный договоръ, всѣ статьи коего были подчинены вышеупомянутому требованію.

Русскіе историки отзываются съ особеннымъ восторгомъ объ этомъ дипломатическомъ актѣ: безспорно, Іоаннъ прекрасно обезпечилъ имъ свои интересы; выговоривъ себѣ обладаніе Ригою, онъ могъ убить этимъ торговлю шведскаго Ревеля и лишалъ такимъ образомъ Польшу повода оспаривать Ливонію у Швеціи и Россіи, но всѣ выговоренныя этимъ преимущества были подчинены, быть можетъ, неосуществимому, но во всякомъ случаѣ постыдному условію: выдачѣ наслѣдницы Ягеллоновъ Екатерины. Іоаннъ настойчиво добивался осуществленія запавшей ему въ голову мысли, вопреки всякому благоразумію и всякой видимой возможности, ибо дѣло шло о женщинѣ замужней; это доказываетъ, что внутренній кризисъ, который переживала его страна, не поглощалъ всецѣло его мысли, какъ полагаютъ иные, и что упоенный злобою и кровью, онъ все же стойко преслѣдовалъ свои планы.

Къ счастью, договоръ, заключенный въ Александровской слободѣ, не могъ быть выполненъ: когда уполномоченные царя явились въ маѣ мѣсяцѣ 1567 г., въ Швецію для ратификаціи договора, то Эрикъ XIV не могъ принять ихъ, онъ былъ помѣшанъ, а въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1568 г. вступилъ на престолъ его братъ, Іоаннъ.

Женатый на Ягеллонской принцессѣ, выдачи которой такъ давно добивался Іоаннъ, новый шведскій король былъ естественнымъ союзникомъ Сигизмунда-Августа и силою вещей долженъ былъ стать во главѣ католиковъ, противниковъ протестантизма. Такимъ образомъ, Іоаннъ очутился лицомъ къ лицу со шведами и поляками, которые намѣревались дѣйствовать противъ него соединенными силами.

Но ключомъ къ Балтійскому морю оставалась по-прежнему Ливонія, въ которой Іоаннъ сохранилъ преобладающее положеніе и гдѣ ни поляки, ни шведы не могли нанести ему рѣшительнаго удара.

Продолжая съ преемникомъ Эрика XIV непріязненныя дѣйствія, Іоаннъ обмѣнялся съ нимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, посольствами. Но шведскіе послы ничего не могли добиться въ Москвѣ, такъ какъ царь настаивалъ

по-прежнему на точномъ исполненіи договора 1567 г. Послы были задержаны въ Новгородѣ, затѣмъ ихъ повезли изъ Москвы въ Муромъ, изъ Мурома въ Клинъ и, если вѣрить ихъ донесеніямъ, то съ ними обращались какъ съ военноплѣнными, самымъ грубымъ и жестокимъ образомъ. Связавъ имъ за спину руки, ихъ водили по улицамъ, гдѣ толпа встрѣчала ихъ криками и свистомъ и грозила избить ихъ палками, если они не согласятся на всѣ требованія царя, не исключая и передачи въ его руки Екатерины. Ея супругъ, бывшій великій князь Финляндскій, несомнѣнно былъ живъ, ибо онъ царствовалъ, но Іоаннъ не хотѣлъ ничего знать и дѣлалъ видъ, что ему ничего не извѣстно: «мало-ли что говорятъ!»

Въ это время, кромѣ внутреннихъ смутъ, вызванныхъ его преобразованіями, царя волновала опасность, угрожавшая Москвѣ со стороны татаръ, которыхъ старалась натравить на него Польша. Всѣ усилія Іоанна были направлены къ тому, чтобы предотвратить ихъ нашествіе, но онъ тщетно посылалъ хану великолѣпные подарки и заискивалъ его дружбы. Польша, съ своей стороны, домогалась расположенія хана, который, будучи раздраженъ завоеваніемъ Казани и Астрахани, благоволилъ болѣе къ полякамъ.

Въ 1569 г. татары, соединясь съ турками, угрожали Астрахани, и Іоаннъ, желая умилостивить турецкаго султана, согласился снести возведенное, незадолго передъ тѣмъ, укрѣпленіе на Терекѣ. Тогда Селимъ II потребовалъ возврата Казани и Астрахани, настаивая на томъ, чтобы царь принялъ титулъ его вассала. Переговоры, само собою разумѣется, были прерваны, и въ маѣ мѣсяцѣ 1571 г. татары переправились черезъ Оку, не встрѣтивъ сопротивленія, и появились подъ стѣнами Москвы. Этотъ разъ Іоаннъ удалился, по обычаю предковъ, въ Серпуховъ, а оттуда въ Александровскую слободу и въ Ростовъ. Покинутая имъ столица была предана огню и мечу. Митрополитъ, запершись съ духовенствомъ въ Успенскомъ соборѣ, ожидалъ смерти, а князь Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій, которому была поручена оборона столицы, задохнулся въ погребѣ, гдѣ онъ искалъ спасенія. Пощадивъ Кремль, татары отступили; но ханъ послалъ царю дерзкое письмо, въ которомъ онъ настойчиво требовалъ сдачи Казани и Астрахани. Приходилось смириться. Іоаннъ отвѣчалъ въ покорномъ тонѣ. Прося заключить перемиріе, онъ предлагалъ хану Астрахань, но въ то же время въ инструкціяхъ, посланныхъ Нагому, находившемуся въ Крыму, писалъ, что Астрахань будетъ управляться однимъ изъ сыновей хана, при которомъ будетъ состоять бояринъ, по назначенію царя.

Начались переговоры. Ханъ настаивалъ на безусловной сдачѣ Казани и Астрахани и такъ какъ переговоры затянулись, то онъ потребовалъ въ счетъ будущей дани 2.000 р., которые, по его словамъ, были

ему необходимы для покупки посуды и другихъ предметовъ по случаю какого-то семейнаго праздника. Но тѣмъ временемъ Іоаннъ успѣлъ принять мѣры: онъ быстро мобилизовалъ всѣ свои силы и подъ предлогомъ полнаго истощенія средствъ и разоренія, вызваннаго недавнимъ нападеніемъ татаръ, послалъ хану «200 рублей—все, что у него было подъ рукою». Мехмедъ-Гирей понялъ, что царь хотѣлъ только выиграть время, перешелъ снова Оку (въ 1572 г.), но, встрѣтивъ на Лопастѣ, въ 50 в. отъ Москвы, войска князя Михаила Ивановича Воротынскаго, былъ вынужденъ отступить, послѣ чего Іоаннъ сразу перемѣнилъ тонъ и отказался отъ всѣхъ сдѣланныхъ имъ уступокъ. Пережитое волненіе повергло царя въ страшное раздраженіе, котораго онъ былъ не въ силахъ побороть. Приписывая всю бѣду боярамъ, дѣйствовавшимъ яко бы заодно съ врагомъ, въ чемъ одинъ изъ нихъ, Мстиславскій, былъ вынужденъ признаться, царь многихъ казнилъ и сорвалъ свой гнѣвъ на злополучныхъ шведскихъ послахъ. «Если бы ему прислали Екатерину»,—говорилъ онъ,—«то все устроилось бы какъ нельзя лучше. Бракъ Іоанна съ этой полькой испортилъ все дѣло. Онъ былъ увѣренъ, что Екатерина овдовѣла, иначе онъ не подумалъ бы отнимать жену у мужа, мать у дѣтей. Но сдѣланнаго не воротишь».

На благополучный исходъ переговоровъ не было надежды, тѣмъ болѣе, что Іоаннъ, какъ дошло до свѣдѣнія шведскаго короля, завязалъ сношенія съ Магнусомъ.

Онъ давно уже хотѣлъ назначить правителемъ Ливоніи одного изъ бывшихъ гроссмейстеровъ Ливонскаго ордена, но такъ какъ Фюрстенбергъ и Кетлеръ отъ этого отказались, то онъ вспомнилъ о Магнусѣ.

Можно себѣ представить радость послѣдняго, когда къ нему явились, для переговоровъ отъ имени царя, два ливонскихъ перебѣжчика, Таубе и Крузе, и предложили ему, ни болѣе ни менѣе, какъ корону Ливоніи, подъ верховной властью царя. Для вида Магнусъ обратился за согласіемъ къ Фридриху II, увѣряя его, что новое королевство будетъ находиться въ зависимости отъ Даніи. Въ то же время онъ послалъ въ Москву своихъ уполномоченныхъ, которые вернулись со слѣдующими великолѣпными условіями: Іоаннъ объявлялъ престолъ Ливоніи наслѣдственнымъ въ семействѣ новаго короля, отказывался въ его пользу отъ всѣхъ сдѣланныхъ и будущихъ завоеваній въ Ливоніи, обѣщалъ помочь ему завоевать Ригу и другіе города, и все это подъ единственнымъ условіемъ,—служить въ его войскѣ въ военное время.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1570 г. Магнусъ отправился въ Москву со свитой изъ 400 человѣкъ и получилъ изъ рукъ Іоанна корону и невѣсту, родную племянницу царя, Евфимію, которой послѣдній обѣщалъ дать въ приданое пять бочекъ золота.

Это былъ сонъ на яву! но таковымъ онъ и остался.

Первые шаги новаго ливонскаго короля были неудачны: рѣшивъ отнять у шведовъ Ревель, онъ двинулся во главѣ наемнаго войска и вспомогательнаго русскаго отряда, но былъ вынужденъ отступить послѣ продолжительной осады, распустивъ войско.

Между тѣмъ въ Польшѣ произошло непредвидѣнное и важное событіе: 7-го іюля 1572 г. скончался отъ простуды Станиславъ-Августъ— послѣдній изъ Ягеллоновъ.

Наслѣдіе, оставленное имъ въ Ливоніи и въ Польшѣ, породило не мало хлопотъ.

Политика, которую онъ велъ съ Кетлеромъ, со скандинавскими державами и съ крымскимъ ханомъ, была успѣшна; союзъ, заключенный съ Литвою противъ Москвы, также могъ считаться побѣдою; но борьба, возгорѣвшаяся въ это время въ католической Польшѣ съ протестантствомъ и диссидентами, вызвала въ средѣ православнаго населенія присоединенныхъ къ Польшѣ земель противодѣйствіе, которое побуждало его тяготѣть къ Москвѣ. Дѣятельная проповѣдь іезуитовъ, основавшихся въ Виленскомъ епископствѣ, еще болѣе разжигала страсти; когда же они распространили свою дѣятельность на Ливонію, то это породило новое осложненіе. Блокада Нарвы, при отсутствіи флота, была фиктивной, но создавала недоразумѣнія съ сосѣдними морскими державами, а при недостаткѣ регулярнаго войска, трудно было разсчитывать нанести пораженіе болѣе многочисленнымъ силамъ Іоанна. Поэтому, тотчасъ послѣ кончины Сигизмунда-Августа, въ Литвѣ и главнымъ образомъ въ Польшѣ возникла мысль обезпечить странѣ болѣе прочныя блага, нежели сулилъ ей самый выгодный миръ съ Москвою.

Польско-литовскій посланникъ, Воропай, прибывшій въ Кремль, чтобы возвѣстить царю о кончинѣ Станислава-Августа, сообщилъ ему о желаніи поляковъ и литовцевъ имѣть королемъ его сына Ѳеодора.

Само собою разумѣется, это желаніе не было единодушно и даже, быть можетъ, вполнѣ искренно; это былъ скорѣе компромиссъ, на который согласилось большинство вліятельныхъ избирателей въ виду невозможности предложить корону самому Іоанну.

Въ Польшѣ, такъ же точно, какъ въ Литвѣ, магнаты были противъ избранія Іоанна, такъ какъ оно было несовмѣстимо съ ихъ олигархическими стремленіями.

Тѣ же причины заставляли шляхту оказывать предпочтеніе Іоанну. По крайней мѣрѣ въ Польшѣ шляхта говорила съ восторгомъ объ его кандидатурѣ. Нельзя допустить, чтобы ей былъ неизвѣстенъ характеръ Грознаго, ибо въ избирательныхъ манифестахъ подробно обсуждались качества и недостатки Іоанна, и упоминалось объ опричинѣ.

Поляки имѣли всѣ свѣдѣнія отъ Курбскаго и другихъ перебѣжчиковъ, они хорошо знали, что Іоаннъ былъ строгъ и немилосерденъ, но,

думали они, въ Московіи онъ имѣлъ дѣло съ подданными, которые своимъ измѣнническимъ образомъ дѣйствій оправдывали его поведеніе. Иное дѣло въ Польшѣ, гдѣ избиратели обезоружили бы его гнѣвъ своей лояльностью и гдѣ его нравъ смягчился бы отъ соприкосновенія съ высшей культурою. Въ лицѣ Іоанна Польша имѣла бы царя твердаго, энергичнаго, смѣлаго и предпріимчиваго. Словомъ, поляки были отъ него заранѣе въ восторгѣ и, какъ засвидѣтельствовали посланные Іоанна, въ Варшавѣ уже подражали русскимъ въ одеждѣ, экипажахъ и сбруѣ [1]).

Въ Литвѣ не замѣчалось въ этомъ случаѣ подобнаго единодушія. Получивъ недавно льготы, привилегіи и вольности, коими пользовалась Польша, литовская шляхта боялась утратить ихъ, но, съ другой стороны, она находилась еще подъ впечатлѣніемъ взятія Іоанномъ Полоцка и колебалась между боязнью имѣть его своимъ монархомъ или своимъ врагомъ; даже магнаты соглашались съ тѣмъ, что избраніе Іоанна будетъ вѣрнѣйшимъ средствомъ продолжить перемиріе, между тѣмъ въ глубинѣ души они надѣялись, что избраніе его не состоится. Какъ бы то ни было, на сторонѣ Іоанна было большинство, и надобно признать, что въ этомъ случаѣ политическій смыслъ и широта взглядовъ оказались на сторонѣ шляхты, которая, приступивъ къ реформѣ народныхъ учрежденій, надѣялась довести ее до конца при содѣйствіи грознаго, но могущественнаго царя, котораго она призывала на престолъ, въ надеждѣ создать при его помощи обширную славянскую монархію, достаточно могущественную для того, чтобы выполнить историческую задачу, которую, въ отдѣльности, не могли взять на себя ни Москва, ни Польша.

Іоаннъ выслушалъ Воропая благосклонно.

— Но почему же поляки хотятъ избрать Ѳеодора?—сказалъ онъ,— это только упрочитъ соперничество двухъ странъ.

Онъ долго и пространно развивалъ свою мысль, жаловался на преступныя дѣйствія бояръ и доказывалъ, что было бы предпочтительнѣе соединить обѣ короны въ рукахъ одного лица.

— Разумѣется, поляки не могли бы сдѣлать ему столько зла, какъ его бояре, и предать его,—говорилъ царь, поэтому и онъ относился бы къ нимъ иначе, уважалъ бы ихъ привилегіи и вольности и даже увеличилъ бы ихъ. Но если Польша не хочетъ имѣть его королемъ, то онъ все-таки готовъ заключить съ нею миръ, согласенъ даже возвратить ей Полоцкъ, если ему будетъ предоставлена Ливонія вплоть до Двины.

Важнѣе всего, по словамъ Іоанна, было заключить миръ и рѣшить вопросъ о границахъ; только это одно и было важно; избраніе Ѳеодора не дало бы возможности покончить этого вопроса.

---

[1]) Сборн. имп. ист. общ., т. LXXI, стр. 763.

Польскіе и литовскіе магнаты отлично понимали это; поэтому они и остановились на мысли объ избраніи Өеодора, въ надеждѣ, что оно не состоится, такъ какъ оно не представляло никакихъ выгодъ. Но въ виду того, что большинство избирателей настаивало на своемъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ Москву явился новый польско-литовскій посолъ, Михаилъ Гарабурда, съ предложеніемъ, чтобы Іоаннъ либо самъ принялъ корону, либо предоставилъ ее своему сыну. Этотъ разъ предложеніе было обставлено извѣстными условіями, о коихъ Воропай не упоминалъ, а именно поляки требовали исправленія границъ, въ силу котораго къ Польшѣ должны были отойти кромѣ Полоцка Смоленскъ и Усвятъ.

Іоаннъ былъ далекъ отъ мыслей, что ему надобно было просить поляковъ о своемъ избраніи, а тѣмъ болѣе вознаграждать ихъ за это. Развѣ онъ нуждался въ Польшѣ? Напротивъ, Польшѣ нуженъ былъ подходящій король. Если она избирала его, то ей слѣдовало просить и изъявить покорность, какъ дѣлали всѣ тѣ, кои просили царя о какой-нибудь милости. Таковъ былъ его отвѣтъ Гарабурдѣ.

Но такъ какъ предложеніе поляковъ понравилось ему, то онъ далъ наконецъ посланному согласіе исполнить ихъ желаніе, но на слѣдующій же день вернулъ Гарабурду съ дороги и заявилъ рѣшительно, что союзъ Польши и Москвы возможенъ только подъ его скипетромъ и что, такъ какъ онъ долженъ доставить выгоды обѣимъ сторонамъ, то Польша получитъ Полоцкъ и Курляндію, а Россія—Ливонію и Кіевъ. Кромѣ того титулъ «царь всея Россіи» будетъ писаться впереди королевскаго титула.

Требованія Іоанна были чрезмѣрны, но, быть можетъ, онъ понялъ своимъ проницательнымъ умомъ, чего именно добивались польскіе магнаты, торгуясь съ нимъ изъ-за короны. Вѣроятно, ему было ясно, что они старались только выиграть время, дабы непріязненныя дѣйствія не возобновились во время междуцарствія.

По пути Гарабурду нагналъ гонецъ Іоанна, везшій въ Польшу новыя, еще болѣе неподходящія условія.

Въ Варшавѣ полагали, что Іоаннъ приметъ католическую вѣру, между тѣмъ царь заявлялъ, что его будетъ короновать въ Варшавѣ митрополитъ, безъ участія польскихъ епископовъ, которые не будутъ даже допущены присутствовать при церемоніи; кромѣ того онъ предоставлялъ себѣ право выстроить въ Польшѣ столько православныхъ церквей, сколько онъ пожелаетъ, а на старости лѣтъ удалиться въ монастырь.

Несмотря на предъявленныя царемъ требованія, шляхта упорно стояла за своего кандидата. Но рѣчь, произнесенная царскимъ посланнымъ въ Варшавѣ, которая дала полякамъ понятіе о высокомѣрномъ и неуступчивомъ характерѣ царя, испортила все дѣло, и на польскій

престолъ былъ избранъ Генрихъ Валуа. Его избраніе было для Іоанна весьма чувствительнымъ ударомъ, такъ какъ оно перепутало всѣ политическія отношенія.

Въ оцѣнкѣ созданнаго этимъ положенія Іоаннъ выказалъ вполнѣ вѣрный взглядъ и истинно политическій умъ; съ Польшею въ данное время ему не было надобности считаться.

Вновь избранному королю было, на первыхъ порахъ, безъ того не мало дѣла, въ Ливоніи же командующій польскими силами располагалъ всего 200 чел. кавалеріи и тщетно ожидалъ присылки 3.000 флориновъ для уплаты имъ жалованія.

Прекрасно освѣдомленный и вполнѣ владѣвшій собою, царь рѣшилъ сдѣлать сначала то, что было всего неотложнѣе, и поставилъ себѣ задачею сокрушить прежде всего силы шведовъ въ Эстоніи. «Очередь поляковъ настанетъ послѣ»,—думалъ онъ; поэтому, совершивъ угрожающее движеніе на границѣ Литвы, царь изъявилъ согласіе вступить съ новымъ королемъ польскимъ въ переговоры о продленіи перемирія и высказалъ даже готовность идти на уступки, какъ вдругъ бѣгство Генриха Валуа изъ Варшавы разрушило всѣ его планы.

Польшѣ предстояло избрать новаго короля.

Іоаннъ не могъ не интересоваться новыми выборами, точно такъ же, какъ и поляки и литовцы не могли не возобновить съ нимъ игры, которая однажды удалась имъ. Теперь дѣло представлялось въ еще болѣе благопріятномъ свѣтѣ, такъ какъ, подъ вліяніемъ католической пропаганды, озлобившей мѣстное населеніе, и военной демонстраціи, совершенной русскими войсками, число сторонниковъ Москвы въ Литвѣ и въ русскихъ провинціяхъ, находившихся подъ владычествомъ Польши, возросло, тѣмъ болѣе, что и Магнусъ не дремалъ въ Ливоніи.

Іоаннъ поступилъ съ этимъ искателемъ приключеній не особенно хорошо, хотя онъ и женилъ его, 12-го апрѣля 1573 г., на одной изъ своихъ племянницъ, Маріи Владиміровнѣ, сестрѣ Евфиміи, скончавшейся до вступленія въ бракъ. На бракосочетаніи, совершенномъ съ большою торжественностью, царь, стоя на клиросѣ, самъ управлялъ пѣвчими, помахивая своимъ посохомъ съ желѣзнымъ наконечникомъ, вмѣсто дирижерской палочки, и отбивая ею время отъ времени тактъ по головѣ пѣвчихъ. Но обѣщанное приданое—пять бочекъ золота и все остальное, такъ и осталось обѣщаніемъ. Живя въ маленькомъ городѣ Каркузѣ, на весьма скромныя средства, Магнусу приходилось добыть денегъ и королевскую корону, которой онъ все еще не получилъ.

Отказавшись отъ мысли овладѣть хорошо укрѣпленными шведскими крѣпостями, онъ напалъ съ отрядомъ татаръ и нѣмецкихъ войскъ на польскія земли и угрожалъ Пернову и Ригѣ. Это послужило польскимъ и литовскимъ магнатамъ новымъ поводомъ настаивать на избра-

ніи Іоанна и «забавлять» своего грознаго московскаго сосѣда приманкою короны, а шляхта говорила: «пусть будетъ хоть Ѳеодоръ, хоть Ягеллонъ,—было бы намъ хорошо».

Донесенія папскаго нунція, Викентія Лаурео, подтверждаемыя свидѣтельствомъ хорошо освѣдомленныхъ датскихъ агентовъ, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно намѣреній шляхты, но Іоаннъ не съумѣлъ воспользоваться ими, такъ какъ онъ не зналъ достаточно хорошо почвы, на которой ему приходилось дѣйствовать. Онъ не понималъ огромной разницы, существовавшей въ условіяхъ политической жизни Польши и Москвы. Введенный въ заблужденіе высказаннымъ поляками желаніемъ имѣть его своимъ королемъ и объясняя это, какъ монархъ полуазіатской страны по-своему, Іоаннъ не подумалъ послать въ Варшаву посольство, которое привлекло бы на его сторону избирателей, а сталъ ожидать посольства изъ Польши, и поляки были чрезвычайно изумлены, когда на предварительномъ избирательномъ сеймѣ, происходившемъ въ маѣ мѣсяцѣ 1575 года, появился простой царскій гонецъ, который не былъ уполномоченъ Іоанномъ сдѣлать какія бы то ни было предложенія отъ имени царя и дать какія бы то ни было обѣщанія. Они надѣялись, что посольство явится, по крайней мѣрѣ, на сеймъ. Примасъ Ушанскій, стоявшій во главѣ правленія во время междуцарствія, былъ увѣренъ въ томъ, что царь объявитъ о своемъ намѣреніи принять католическую вѣру, и поэтому горячо поддерживалъ мысль объ избраніи Іоанна и даже послалъ ему образцы писемъ, которыя онъ долженъ былъ разослать наиболѣе значительнымъ магнатамъ.

Депутаты и сенаторы, со своей стороны, съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія московскихъ пословъ и выслали имъ навстрѣчу гонцовъ, но были весьма разочарованы, когда, въ концѣ концовъ, отъ Іоанна было получено высокомѣрное письмо, въ которомъ онъ обѣщалъ прислать «со временемъ» посольство изъ второстепенныхъ лицъ, какъ подобало въ отсутствіе монарха.

Что же произошло въ это время въ Москвѣ? Ожидаемое поляками посольство было отправлено еще въ августѣ мѣсяцѣ 1575 г. и должно было прибыть на сеймъ своевременно. Послу Лукѣ Захарьевичу Новосильцову было поручено хлопотать объ избраніи Ѳеодора и поддержать его кандидатуру обѣщаніями денежныхъ подарковъ и наградъ знатнѣйшимъ магнатамъ. Но посольство было задержано по пути, по повелѣнію царя, который вздумалъ послать одновременно своего довѣреннаго человѣка, Скобельцына, въ Вѣну, съ порученіемъ вывѣдать мысли императора относительно совмѣстныхъ дѣйствій съ цѣлью завладѣть наслѣдіемъ Станислава-Августа. Такъ какъ вакантный престолъ не былъ предложенъ царю, на желательныхъ для него условіяхъ, и по-

ляки и литовцы не спѣшили преподнести ему корону на золотомъ блюдѣ, то Іоаннъ, дѣлая видъ, что онъ готовъ уступить ихъ желанію, былъ занятъ мысль о раздѣлѣ «выморочнаго имущества».

Однимъ изъ кандидатовъ на польскій престолъ былъ сынъ императора, Эрнестъ, который, по мнѣнію Іоанна, могъ взять себѣ Польшу, между тѣмъ какъ Іоаннъ, отказавшись отъ соискательства польской короны, взялъ бы себѣ Литву.

Скобельцынъ вернулся изъ Вѣны ни съ чѣмъ: императоръ полагалъ, что дѣло могло быть улажено безъ посторонняго вмѣшательства. Но затѣмъ, до Іоанна дошло извѣстіе, что въ Вѣнѣ раскаивались по поводу нелюбезнаго пріема, оказаннаго его посланному, и что въ Москву было отправлено посольство. Поэтому Новосильцову было приказано не спѣшить въ Варшаву, а выждать результата переговоровъ.

Но рѣшая по своему личному усмотрѣнію вопросъ, въ которомъ его самодержавная власть была безсильна, Іоаннъ ошибся въ разсчетѣ. Сеймъ не сталъ ожидать. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1575 г. депутаты высказались рѣшительно противъ московскаго кандидата, и избранными оказались одинаковымъ числомъ голосовъ Стефанъ Баторій и Максимиліанъ.

Это еще давало Іоанну надежду на осуществленіе его плана; но переговоры, начатые съ императорскими посланными въ Можайскѣ въ январѣ 1576 г., не привели ни къ чему. Максимиліанъ не только не постарался упредить Баторія въ Польшѣ, но упорно настаивалъ на кандидатурѣ своего сына Эрнеста и просилъ царя поддержать ее, требуя вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы изъ Ливоніи были выведены русскія войска, за что̀ онъ предлагалъ Іоанну Константинополь и восточную имперію!

Іоаннъ попытался еще разъ поправить дѣло.

Онъ разослалъ польскимъ и литовскимъ магнатамъ письма, совѣтуя первымъ избрать Эрнеста, подъ страхомъ жестокаго возмездія, если они отдадутъ предпочтеніе кандидату султана, Баторію, а вторымъ онъ предлагалъ избрать королемъ польскимъ или литовскимъ его, Іоанна. Новосильцовъ, которому было приказано продолжать путь, поддержалъ царя въ его заблужденіи, сообщивъ ему, что Ходкевичъ и Радзивиллъ заявляли, что они не желаютъ имѣть королемъ Баторія, и подали голосъ за Максимиліана съ отчаянія, видя, что царь не принималъ никакихъ мѣръ, чтобы добиться престола. Получивъ это извѣстіе, Іоаннъ рѣшилъ, что все находится еще въ его власти. Неудивительно, что онъ ошибся, ибо даже нунцій Лауреo писалъ въ Римъ, что при новыхъ выборахъ, которые были неизбѣжны въ виду того, что голоса раздѣлились, избраніе русскаго царя было почти обезпечено, такъ какъ поляки ненавидѣли Эрнеста. Какъ бы то ни было, Максимиліану и Іоанну было не-

обходимо спѣшить; между тѣмъ императоръ терялъ драгоцѣнное время въ переговорахъ съ поляками, а царь послалъ въ Вѣну князя Захара Ивановича Сугорскаго, чтобы возобновить переговоры, начатые въ Можайскѣ; Баторій же, въ это время, поспѣшилъ въ Варшаву и короновался.

Но Іоаннъ и тутъ не потерялъ надежды и предложилъ императору дѣйствовать совмѣстно противъ «похитителя престола». Но съ Максимиліаномъ трудно было сговориться, точно такъ же, какъ и съ его преемникомъ Рудольфомъ, вступившимъ на престолъ въ томъ же, 1576 г., послѣ кончины Максимиліана. Какъ бы то ни было, о переизбраніи короля уже не могло быть рѣчи: Іоаннъ оставилъ мечты и со свойственной ему проницательностью постарался воспользоваться обстоятельствами.

Желая имѣть свободу дѣйствій въ Польшѣ, онъ рѣшилъ прекратить непріязненныя дѣйствія со Швеціей и согласился заключить съ нею миръ, коимъ были пріостановлены военныя дѣйствія въ Финляндіи и въ Новгородской области. Сосредоточивъ всѣ свои силы въ Ливоніи, царь осадилъ Перновъ—важный стратегическій пунктъ, при взятіи котораго русскіе потеряли 7.000 человѣкъ. Вслѣдъ за Перновомъ сдалось еще нѣсколько городовъ. Тогда Іоаннъ вернулся къ своему первоначальному плану, заключавшемуся въ томъ, чтобы покончить сперва со шведами, и, оставивъ поляковъ въ покоѣ, двинулся въ Эстляндію.

Весною 1576 г. русскимъ сдались, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, безъ сопротивленія Лоде, Фикель, Гапсаль. Въ послѣднемъ, въ день капитуляціи, жители устроили банкеты и танцы.

«Странный народъ, эти нѣмцы!—говорили русскіе. Если бы намъ пришлось сдать безъ нужды такой городъ, намъ совѣстно было бы взглянуть въ глаза честному человѣку, да и царь не зналъ бы, какъ казнить насъ».

Въ 1577 г. русскіе подъ начальствомъ князя М. Ф. Мстиславскаго и И. В. Шереметева появились подъ стѣнами Ревеля, но послѣ шестинедѣльной осады вынуждены были отступить. Шведы оборонялись геройски. Шереметевъ поклялся взять городъ или умереть: онъ былъ убитъ. Увидавъ, что со Швеціей трудно справиться, Іоаннъ рѣшилъ долѣе не упорствовать и вмѣсто того, чтобы осадить вторично Ревель, напалъ неожиданно на польскую Ливонію и не встрѣтилъ никакого сопротивленія, вся страна была вскорѣ въ его рукахъ.

Неудачи, испытанныя въ Варшавѣ и подъ стѣнами Ревеля, привели Іоанна въ бѣшенство, и онъ учинилъ въ Ливоніи суровую расправу. Въ Леневарденѣ онъ приказалъ вырвать глаза старику маршалу Гаспару фонъ-Мюнстеру, послѣ чего велѣлъ засѣчь его до смерти. Ко-

менданты прочихъ крѣпостей были четвертованы, посажены на колъ, изрублены въ куски.

Дошедшіе въ это время до Іоанна слухи о новыхъ подвигахъ Магнуса повергли его въ страшное озлобленіе. Онъ подозрѣвалъ его въ сношеніяхъ съ поляками. Это оказалось невѣрно, но когда ливонцамъ пришлось выбирать между Магнусомъ и царемъ, то они не задумались избрать меньшее зло; Магнусъ воспользовался этимъ и сталъ дѣйствовать въ Ливоніи какъ полновластный хозяинъ страны и король.

Онъ быстро занялъ своимъ войскомъ многіе города и заявилъ желаніе, чтобы русскіе не тревожили его «вѣрныхъ подданныхъ». Іоаннъ поспѣшилъ въ Кокенгузенъ, казнилъ пятьдесятъ человѣкъ нѣмцевъ изъ свиты «короля» и приказалъ послѣднему прибыть къ нему. «Повинуйся или убирайся туда, откуда пришелъ» заявилъ онъ Магнусу. «Мы недалеко другъ отъ друга, и у меня хватитъ солдатъ и сухарей». Несчастный Магнусъ попытался вступить въ переговоры; Іоаннъ приказалъ высѣчь присланныхъ имъ парламентеровъ и повторилъ свое приказаніе. На слѣдующій день Магнусъ былъ у его ногъ.

«Дуракъ!—закричалъ, царь увидя его,—нищій, принятый мною въ мою семью, котораго я обулъ, одѣлъ; ты вздумалъ противиться мнѣ!» Онъ приказалъ запереть его и продержать нѣсколько дней въ избѣ, на соломѣ; затѣмъ повезъ его въ Дерптъ, гдѣ Магнусъ ожидалъ казни, но, вопреки всякимъ ожиданіямъ, былъ помилованъ.

Полагая, что дѣло съ поляками было покончено и что ему остается только вести переговоры со шведами, Іоаннъ жестоко ошибся. Ему слѣдовало поступить наоборотъ. Въ началѣ Баторій не отказался бы вѣроятно войти съ нимъ въ соглашеніе: такъ какъ въ моментъ его восшествія на польскій престолъ составился заговоръ, съ цѣлью возвести его на венгерскій престолъ, который въ глазахъ этого искателя приключеній, безъ сомнѣнія, стоилъ Ливоніи. Напавъ на Ливонію, Іоаннъ лишилъ его свободы выбора; «король польскій» не могъ не отплатить ему за это; иначе его дальнѣйшее пребываніе въ Варшавѣ сдѣлалось бы немыслимымъ.

Война съ Іоанномъ была для Баторія неизбѣжна.

Въ оправданіе Іоанна можно сказать, что ни прошлое Польши, ни предъидущая карьера ея новаго короля не давали возможности предугадать, что онъ перейдетъ изъ оборонительнаго въ наступательное положеніе и обрушится, подобно урагану, на Москву въ тотъ моментъ, когда она еще не успѣла справиться съ тяжелымъ внутреннимъ кризисомъ, который переживала въ ту пору страна.

XI.

Война съ Ливоніей и вызванныя ею дипломатическія осложненія и переговоры, которые вынудили Іоанна войти въ сношеніе съ западными державами, оживили умственное движеніе, начавшееся въ Московскомъ государствѣ при его вступленіи на престолъ.

Еще при отцѣ Грознаго, въ Москвѣ возникла Нѣмецкая слобода; поселившіеся въ ней поляки и литовцы очень скоро слились съ остальнымъ населеніемъ; послѣ побѣдоносныхъ войнъ Іоанна, въ Москвѣ появился новый контингентъ иностранцевъ: то были военноплѣнные и невольные переселенцы, подобранные на поляхъ битвы или увезенные силою изъ ливонскихъ городовъ и селъ. Предмѣстье, въ которомъ они были поселены, на правомъ берегу Яузы, сдѣлалось средоточіемъ западной образованности и разсадникомъ людей, игравшихъ впослѣдствіи видную роль въ исторіи Россіи. Многіе изъ ливонцевъ, обитавшихъ въ этой слободѣ, были впослѣдствіи приближенными къ царю лицами и принимали дѣятельное участіе въ дипломатическихъ переговорахъ.

Англійскіе мореплаватели, высадившіеся въ 1554 г. на берегу Бѣлаго моря, открыли европейскому вліянію новый доступъ въ Россію; въ то же время русскіе стали посѣщать Европу, и ихъ паломничества на востокъ, которыя предпринимались ранѣе исключительно съ религіозной цѣлью, приняли иной характеръ.

Москва выходила, мало-по-малу, изъ берлоги, въ которой она дремала въ теченіе пяти вѣковъ.

Вліяніе Европы, проникавшее разными путями въ Москву 16-го вѣка, отразилось на ней различно. Въ высшемъ, наиболѣе доступномъ иноземному вліянію классѣ, среди начитанныхъ бояръ, самымъ яркимъ представителемъ коихъ былъ Курбскій, оно вызвало склонность къ критикѣ, къ свободѣ, къ отстаиванію личныхъ правъ, что̀ привело неизбѣжно къ столкновенію его съ самодержавной властью, которая въ то же самое время развивалась и крѣпла.

Между тѣмъ царь почерпалъ въ урокахъ, которые преподавалъ ему западъ, практическія указанія для преобразованія образа правленія на болѣе современныхъ, но отнюдь не либеральныхъ началахъ.

Возникшее въ то время въ Московскомъ государствѣ двоякое религіозное и умственное теченіе соотвѣтствовало антагонизму политическихъ идей. Между тѣмъ какъ Іосифъ Волоцкій и его послѣдователи проповѣдывали византійскую доктрину неограниченной самодержавной власти, приверженцы древнихъ вольностей встрѣтили поддержку со стороны «заволжскихъ старцевъ». Представители политической и религіозной оппозиціи сошлись въ вопросѣ объ ограниченіи царской власти: одни изъ нихъ требовали, чтобы боярамъ было предоставлено право

участвовать въ совѣтѣ царя, другіе настаивали на участіи въ этомъ совѣтѣ духовныхъ іерарховъ.

Положеніе, занятое по отношенію къ этому вопросу Іоанномъ, сложилось частью подъ давленіемъ историческихъ традицій, частью подъ вліяніемъ личнаго характера самого царя.

Возможно ли считать Грознаго, этого типическаго представителя неограниченной и сильно централизованной монархической власти, тѣмъ разочарованнымъ идеалистомъ, каковымъ представляютъ его себѣ нѣкоторые славянофилы, который, въ порывѣ отчаянія, разрушалъ собственноручно все то, что ему не удавалось преобразовать, доходилъ до изступленія при видѣ нагроможденныхъ имъ развалинъ и опьянялся картинами разрушенія и убійствъ?

Безъ сомнѣнія, Іоаннъ былъ опьяненъ кровью и доходилъ, быть можетъ, иногда до умоизступленія, но несомнѣнно также, что его политика и его личность не всегда вызывали порицаніе, но имѣли и горячихъ поклонниковъ. Дѣятельность его не прошла безслѣдно; нѣкоторыя изъ его реформъ придаютъ донынѣ политическому строю Россіи и ея соціальной организаціи тотъ своеобразный отпечатокъ, коимъ она отличается отъ прочихъ государствъ Европы.

Точно также въ немъ нельзя видѣть трагическаго актера, любителя эффектныхъ драматическихъ положеній, какимъ рисуетъ его Константинъ Аксаковъ, или низменнаго и пошлаго деспота, какимъ изобразилъ его Костомаровъ, или, наконецъ, маніака, причисленнаго Михайловскимъ къ разряду самыхъ заурядныхъ психопатовъ. Унаслѣдовавъ отъ предковъ государство съ обветшалымъ административнымъ строемъ, но вступившимъ уже на путь прогресса и преобразованій, Іоаннъ старался уничтожить остатки обветшалой удѣльной системы, сохраняя, однако, все то, что соотвѣтствовало требованіямъ современной жизни. Онъ былъ глубоко проникнутъ взглядами своихъ духовныхъ учителей: Іосифа Волоцкаго и Вассіана Топоркова, которые учили, что его власть происходитъ отъ Бога, что она должна находиться безраздѣльно въ его рукахъ, должна быть безгранична и безконтрольна; при этомъ онъ былъ отъ природы раздражителенъ, жестокъ, обладалъ пылкимъ, необузданнымъ воображеніемъ, живымъ, проницательнымъ, но неуравновѣшеннымъ и безпокойнымъ умомъ, склоннымъ къ преувеличеніямъ и крайностямъ.

Все это отражалось на выработанномъ имъ представленіи о прерогативахъ царской власти. По понятію Іоанна, его роль была очень высока, и все должно было подчиняться ему. Встрѣчая противодѣйствіе, онъ сокрушалъ его, такъ же точно, какъ и его предки, но такъ какъ онъ встрѣчалъ болѣе сильное сопротивленіе, то онъ долженъ былъ употребить и бо́льшее усиліе, чтобы сломить его, а будучи жестокъ и неумолимъ отъ природы, онъ поступалъ при этомъ болѣе сурово и безжа-

лостно. Подобно своимъ предкамъ, онъ не допускалъ ни малѣйшаго противодѣйствія своей волѣ и не терпѣлъ совѣтовъ тогда, когда онъ ихъ не спрашивалъ. Но при этомъ царь шелъ неуклонно къ намѣченной имъ цѣли и, не желая сознаться въ томъ, что онъ дѣйствовалъ деспотично, онъ выработалъ, для оправданія своихъ поступковъ, цѣлую теорію, заимствованную у самой туманной идеологіи.

«Какую цѣль преслѣдовалъ онъ, подчиняя своихъ подданныхъ строгимъ законамъ и требуя отъ нихъ жертвъ, отъ коихъ они старались уклониться? Стремился ли онъ создать великую державу, завоевать вслѣдъ за Казанью и Астраханью Ливонію, одержать побѣды, покрыть себя славою? Отнюдь нѣтъ. Единственная цѣль, къ которой онъ стремился, была дать познать своимъ подданнымъ божественную истину. Напрасно обвиняли его и возставали противъ его правленія, ибо оно не только не было деспотично, но оно не было даже его личнымъ дѣломъ. Имъ руководили: божественная благодать, милосердіе Богородицы, молитвы всѣхъ святыхъ и благословеніе всѣхъ почившихъ государей. Онъ былъ только живымъ воплощеніемъ всѣхъ этихъ ипостасей. Съ человѣкомъ, который приписывалъ себѣ подобную власть и подобное назначеніе, очевидно, не было возможности вступать въ споръ, и ясно, что никто не могъ раздѣлять его власти.

Что касается тѣхъ двухъ лицъ, вліянію которыхъ Іоаннъ подчинялся одно время и мнѣніемъ коихъ онъ руководствовался, то о нихъ судятъ различно, точно такъ же, какъ и о той роли, которую они играли.

Начиная съ 1551 г. боярская дума собиралась рѣдко и дѣла рѣшались царемъ при участіи нѣсколькихъ близкихъ къ нему лицъ, среди которыхъ первую роль вмѣстѣ съ Курбскимъ играли Адашевъ и Сильвестръ. Духовное званіе Сильвестра, его властный характеръ и качества тонкаго и ловкаго царедворца обезпечили ему огромное вліяніе на глубоко религіознаго монарха, который не былъ еще вполнѣ увѣренъ въ своихъ силахъ. Но уже въ 1553 г. между ними произошло охлажденіе.

Послѣ извѣстнаго спора бояръ во время болѣзни Іоанна, по поводу присяги Дмитрію, Іоаннъ не могъ забыть происшедшаго, и между нимъ и боярами возникло взаимное недовѣріе и охлажденіе. Въ послѣдующіе годы оппозиція еще болѣе усилилась, а съ 1554 года стали все чаще и чаще повторяться тревожные факты «отъѣзда» бояръ изъ Москвы. Въ іюлѣ мѣсяцѣ былъ задержанъ князь Никита Дмитріевичъ Ростовскій, ѣхавшій въ Литву. И тогда же стало извѣстно, что его семья и многочисленные его родственники: Лобановы, Пріимковы и другіе вступили въ переговоры съ королемъ польскимъ. Съ точки зрѣнія удѣльновѣчевой въ этомъ не было ничего преступнаго. Это было только пользованіе правомъ «ухода»; сила старинныхъ взглядовъ и обычаевъ была еще такъ велика, что царь не посмѣлъ наказать ихъ за это особенно

строго: Ростовскій благодаря ходатайству нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ былъ только заточенъ въ Бѣлозерскій монастырь. Въ числѣ его защитниковъ оказался опять-таки Сильвестръ.

Въ это время положеніе Сильвестра и Адашева было значительно поколеблено; но оно еще болѣе ухудшилось во время ливонской войны, когда они приняли рѣшительно сторону тѣхъ бояръ, которые громко осуждали этотъ походъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1560 г. Адашевъ былъ удаленъ отъ двора, а Сильвестръ добровольно удалился въ Бѣлозерскій монастырь, — всегдашнее убѣжище опальныхъ бояръ. Вообще, вся эта часть царствованія Іоанна весьма темна. Также точно намъ ничего не извѣстно о послѣднихъ дняхъ жизни Сильвестра. Адашевъ умеръ въ тюрьмѣ два года спустя; многіе родные и близкіе бывшаго любимца были казнены. Въ это время было пролито много крови. По словамъ Гваньино, между другими погибъ молодой князь Дмитрій Оболенскій-Овчининъ изъ-за распри съ новымъ царскимъ любимцемъ Ѳедоромъ Басмановымъ, котораго онъ жестоко оскорбилъ.

— Мои предки служили государю какъ честные люди, такъ же, какъ и я служу ему,—сказалъ князь Басманову, а ты служишь ему какъ житель Содома.

Напуганные опалами и казнями, бояре бѣжали изъ Москвы; если ихъ удавалось задержать, то оправданные или помилованные, они должны были дать подписку въ томъ, что они впредь не покинутъ страны и представятъ поручителей.

Это показываетъ, что правительство какъ бы признавало за ними право ухода. Въ теоріи, право это дѣйствительно существовало какъ наслѣдіе удѣльной системы, но въ объединенной Россіи оно имѣло смыслъ только какъ протестъ со стороны недовольныхъ. Впрочемъ, правомъ ухода пользовалось и сельское населеніе, а начиная съ XV вѣка движеніе переселенцевъ изъ Москвы въ Польшу и обратно особенно усилилось.

Въ числѣ «отъѣхавшихъ» изъ Москвы былъ и знаменитый князь Андрей Михайловичъ Курбскій, потомокъ Владиміра Мономаха, принадлежавшій къ старшей линіи Рюриковичей.

Живя въ Польшѣ, Курбскій воспользовался досугомъ, чтобы написать исторію Іоанна, которая представляетъ настоящій обвинительный актъ его правленія и панегирикъ тѣхъ лицъ, кои составляли ближайшій совѣтъ царя. Сообразно этому, царствованіе Грознаго раздѣлено Курбскимъ на двѣ части: эпоха славы до паденія Сильвестра, Адашева и Курбскаго и мрачная эпоха казней.

Въ перечнѣ взведенныхъ княземъ на Іоанна обвиненій встрѣчается не мало плодовъ его воображенія, хотя многіе факты не были опровергнуты его царственнымъ противникомъ, а нѣкоторые даже подтвер-

ждены другими документами. Въ своемъ, витіевато и страстно написанномъ, обвинительномъ актѣ Курбскій перечисляетъ оказанныя имъ услуги и нанесенныя ему обиды, громитъ злоупотребленіе Іоанномъ властью и совершенныя имъ злодѣянія, его распутную жизнь, гнусные поступки его новыхъ любимцевъ, развратныхъ и кровожадныхъ Басманова и Малюты Скуратова, но не касается вовсе сущности вопроса, глубокихъ и сложныхъ причинъ разлада, возникшаго между царемъ и той группой людей, которые не хотѣли признавать его нововведеній. Это значительно умаляетъ историческое значеніе ихъ переписки; но тотъ фактъ, что Курбскій могъ вызвать «царя всея Россіи» на этотъ литературный поединокъ, и что Іоаннъ принялъ брошенный ему вызовъ, имѣлъ, самъ по себѣ, огромное значеніе и отмѣтилъ собою весьма важный моментъ въ исторіи Россіи. Эта переписка, въ которой воплотилась вѣковая борьба между прошлымъ и будущимъ, между приверженцами стараго и новаго порядка, между двумя соперничавшими вѣтвями Рюриковичей, говорила краснорѣчиво о вступленіи великой сѣверной державы на путь прогресса.

Въ виду своего высокаго положенія, Іоаннъ могъ бы пренебречь нападками Курбскаго; казалось бы, гордость должна была побудить его къ этому. Но его увлекъ инстинктъ современнаго человѣка, и благодаря этому потомство обладаетъ драгоцѣннымъ историческимъ документомъ; отвѣчая Курбскому на его обвиненія, Іоаннъ писалъ горячо, съ вдохновеніемъ, удивительно мѣтко выбирая выраженія; слова его, подобно стрѣламъ, бьютъ мѣтко въ цѣль; письма изобилуютъ ссылками на св. писаніе, которыя свидѣтельствуютъ объ его огромной начитанности. Возражая Курбскому, который, также ссылаясь на священное писаніе, доказывалъ, что государь долженъ слушаться своихъ совѣтниковъ, царь развивалъ теорію неограниченной самодержавной власти: «мы вольны наказывать и награждать кого хотимъ, писалъ онъ; никогда еще русскій государь не давалъ отчета въ своихъ поступкахъ кому бы то ни было».

Знаменитый противникъ Грознаго имѣетъ среди русскихъ историковъ одинаково убѣжденныхъ защитниковъ и порицателей. По мнѣнію первыхъ, Курбскій, несмотря на всѣ свои недостатки, былъ выдающимся представителемъ передовыхъ идей, усвоенныхъ Россіей шестнадцатаго вѣка. Это доказываетъ, до какого, сравнительно высокаго, уровня, могли возвыситься русскіе люди того времени, несмотря на ихъ отчужденность отъ западнаго просвѣщенія, и на то, что они были стѣснены въ исканіи истины и подавлены правительственнымъ гнетомъ.

Курбскій, говорятъ его поклонники, былъ человѣкъ науки, старался расширять свои познанія, коими удовлетворялось большинство его соотече-

ственниковъ; это былъ первый русскій публицистъ, поклонникъ прогресса не побоявшійся возвысить свой голосъ противъ грубаго деспотизма.

Но надобно замѣтить, что дѣятельность Курбскаго въ Москвѣ менѣе извѣстна, нежели подробности его пребыванія въ Польшѣ; послѣднія же не особенно говорятъ въ его пользу. Вполнѣ обезпеченный и владѣвшій обширными помѣстьями, онъ былъ прескверный хозяинъ, непріятный сосѣдъ и самый отвратительный и непокорный подданный. Переводя сочиненія Іоанна Златоуста и возставая въ своей перепискѣ съ Грознымъ противъ деспотизма, онъ самъ совершилъ и дозволялъ своимъ управляющимъ совершать такія злоупотребленія и беззаконія, которыя были не менѣе чудовищны, нежели поступки Іоанна; такъ, напр., съ его вѣдома заключали жидовъ въ темницы, наполненныя водою и піявками! Онъ ссорился со всѣми, начиная съ короля, который былъ далеко не тиранъ, и съ властями, изъ-за уплаты податей и рекрутскаго набора въ своихъ новыхъ владѣніяхъ и этимъ заслужилъ въ Польшѣ всеобщую ненависть.

Въ Россіи Курбскій явился представителемъ той партіи, съ коей Іоанну было неизбѣжно вступить въ борьбу: это были люди доступные нѣкоторой цивилизаціи, но понимавшіе свободу въ узкомъ, сословномъ или партійномъ смыслѣ.

Въ Москвѣ постоянною заботою Курбскаго было оберечь отъ посягательства правительства свои наслѣдственныя владѣнія и даже увеличить ихъ на счетъ казны, отвоевать себѣ право присутствовать въ совѣтѣ царя, имѣть въ немъ первый голосъ и повиноваться царю лишь постолько, посколько это соотвѣтствовало его личнымъ интересамъ. Поэтому, Курбскій, несмотря на всю кажущуюся его прогрессивность, былъ, въ сущности, консерваторъ, приверженцъ старинныхъ традицій, и коронованный его противникъ, несмотря на всѣ его навѣты, изображается въ народныхъ сказаніяхъ не угнетателемъ невинныхъ, а карателемъ измѣны. Русскій народъ не видѣлъ ничего инаго въ драмѣ, разыгравшейся между Курбскимъ и царемъ; по понятіямъ народа, преслѣдуя и казня бояръ, царь защищалъ только малыхъ и слабыхъ.

Большинство историковъ, занимавшихся царствованіемъ Грознаго, не допускаетъ, чтобы народъ могъ быть на сторонѣ этого деспота. Что сдѣлалъ онъ для массы крестьянъ, говорятъ они, которые такъ недавно были свободными землепашцами и которые въ его царствованіе были почти прикрѣплены къ землѣ и, по мѣрѣ возростанія государственныхъ потребностей, все болѣе и болѣе обременялись налогами.

Но факты говорятъ за себя: эти рабы, коихъ бѣдность и рабство возрасли при Іоаннѣ, воспѣли, превознесли его и восхищались имъ. Отъѣздъ Курбскаго, которому предшествовали другіе, подобнаго рода

факты, долженъ былъ навести Іоанна на раздумье и поставить въ затруднительное положеніе и полную неизвѣстность относительно будущаго.

Достиженіе тѣхъ цѣлей внутренней и внѣшней политики, которыя онъ себѣ поставилъ, ибо внутреннія реформы служили подготовкой къ внѣшнимъ завоеваніямъ, требовало людей и денегъ. Гдѣ же было взять ихъ царю? Одни бѣжали, заботясь болѣе о своихъ правахъ, нежели о благѣ государства, другіе проигрывали сраженія, ссорясь между собою за мѣста, или вступали въ соглашеніе съ непріятелемъ.

Деньги находились также въ рукахъ бояръ, которые, занимая извѣстныя должности или владѣя землею, составлявшею главное богатство страны, расходовали ихъ безконтрольно. Бояре были воеводами, намѣстниками, судьями, членами верховнаго совѣта, въ ихъ рукахъ было все; сидя въ своихъ древнихъ вотчинахъ, содержа въ нихъ дворъ и милицію, чиня судъ и расправу и отказываясь, подчасъ открыто, платить подати, они корчили изъ себя независимыхъ царьковъ и, ссылаясь на права старшинства, предъявляли къ царствовавшему въ Москвѣ представителю младшей линіи Рюриковичей такія требованія, которыя, при всей ихъ тщетности и недѣйствительности, все-таки внушали ему опасенія.

О преобразованіи кадра гражданской и военной организаціи нечего было и думать; Москва XVI-го вѣка жила традиціями старины. Царь былъ въ ней полновластнымъ хозяиномъ надъ личностью своихъ подданныхъ, но его власть была безсильна надъ тѣмъ строемъ, съ которымъ были тѣсно связаны его собственное положеніе, его вліяніе и власть. Князья и бояре, привыкшіе къ тому, что управленіе страною находилось въ ихъ рукахъ и что вотчины принадлежали имъ по праву, считали утвержденіе ихъ въ служебныхъ должностяхъ не подлежащимъ контролю правительства и видѣли въ мѣстничествѣ гарантію своихъ наслѣдственныхъ привилегій; царю было бы трудно оспаривать этотъ взглядъ, такъ какъ его собственная власть проистекала изъ того же источника и основывалась на томъ же правѣ. Бояре и великіе князья, потомки Рюрика или Гедемина, управляли нѣкогда Россіей самостоятельно въ своей вотчинѣ; теперь они управляли ею совмѣстно, кто сидя на престолѣ, кто правя областью или приказомъ; всѣ были одного происхожденія, одной семьи.

Да и кѣмъ могъ бы Іоаннъ замѣнить ихъ? Нѣсколько Скуратовыхъ и Грязныхъ, коимъ онъ предоставилъ власть послѣ Сильвестра и Адашева, «вытащивъ ихъ изъ грязи», какъ онъ выражался, не могли ни матеріально, ни нравственно сравниться съ ними. Помимо боярской среды, съ которой политика Іоанна заставила его вступить въ борьбу, ему не за кого было взяться. Окончательный разрывъ между бояр-

ствомъ и самодержавіемъ былъ немыслимъ. Въ этотъ трудный моментъ, надобно было прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Царь на это и рѣшился, никому не открывая своей мысли.

XII.

3-го декабря 1564 г., въ одинъ прекрасный день, онъ уѣхалъ изъ столицы, взявъ съ собою свою вторую жену, Марію Темрюковну. За ними потянулись многочисленныя повозки съ его сокровищами, серебромъ, посудою, драгоцѣнными камнями, мебелью, иконами, множество бояръ, весь его дворъ и его многочисленная челядь. Въ столицѣ долгое время никто не зналъ, куда и зачѣмъ царь уѣхалъ.

Эта неизвѣстность продолжалась до 3-го января 1565 г., когда въ Москву прискакалъ изъ Александровской слободы (близъ Владиміра) посланный отъ царя съ грамотою къ митрополиту, въ которой Іоаннъ исчислялъ подробно вины бояръ, воеводъ и служилыхъ людей, высшаго и низшаго духовенства, и говорилъ, что онъ налагаетъ на всѣхъ опалу и, не желая терпѣть измѣны, рѣшилъ оставить государство и поселиться, «гдѣ Богъ ему укажетъ».

Но въ царской грамотѣ заключалось противорѣчіе: съ одной стороны, царь какъ будто отказывался отъ престола, а съ другой—онъ проявлялъ свою власть, наказывая подданныхъ, налагая на нихъ опалу. Впрочемъ, одновременно была получена грамота къ купечеству и къ «православному христіанству града Москвы», въ которой государь заявлялъ, что на нихъ онъ не имѣетъ гнѣва.

Весьма вѣроятно, что въ то время, такъ же точно, какъ и впослѣдствіи, никто не понялъ хорошенько, что все это значило, но такъ какъ народъ уже привыкъ къ тому, что царь задавалъ ему загадки, то рѣшеніе было тотчасъ принято.

Бояре, какъ и полагалось, были смущены, народъ волновался, кричалъ и былъ умиленъ, купцы предложили денегъ—самый краснорѣчивый способъ присоединиться къ общему чувству, и всѣ обратились къ митрополиту съ просьбою, чтобы онъ умолялъ царя не оставлять государство, править имъ по своей волѣ и казнить измѣнниковъ какъ ему угодно.

Съ этой просьбой были посланы въ Александровскую слободу уполномоченные; выслушавъ ихъ, царь изъявилъ свое согласіе исполнить просьбу народа, но предъявилъ свои условія, сказавъ, что онъ будетъ казнить измѣнниковъ, конфискуетъ ихъ имущество и вернется въ Мо-

скву не иначе, какъ выдѣливъ себѣ изъ государства и двора часть, которая будетъ называться опричиной.

Припомнимъ указъ 10-го октября 1550 г., въ силу котораго тысяча боярскихъ дѣтей, набранныхъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи, получили помѣстья въ Московскомъ и сосѣднихъ съ нимъ округахъ и образовали ядро новаго, избраннаго класса служилыхъ людей, организованное на новыхъ началахъ. Опричина 1568 г. была, въ сущности, только дальнѣйшимъ развитіемъ этого первоначальнаго плана.

Іоаннъ раздѣлилъ государство на двѣ части, изъ коихъ одна сохранила прежнюю организацію и прежнее управленіе, т. е. сохранила своихъ воеводъ, намѣстниковъ, судей и всякаго рода кормленщиковъ, а другая, въ составъ которой вошло нѣсколько волостей и городовъ, и даже нѣсколько московскихъ кварталовъ, составила какъ бы особую вотчину или удѣлъ царя, гдѣ было поселено тысяча человѣкъ князей, бояръ и дѣтей боярскихъ по собственному выбору Іоанна.

Все остальное государство было названо земщиной.

Весь смыслъ произведеннаго, такимъ образомъ, опыта заключался въ преобразованіи наслѣдственныхъ вотчинъ—въ жалованныя помѣстья и въ перемѣщеніи служилыхъ людей изъ одной вотчины въ другую.

Оторвать владѣльца наслѣдственной и свободной отъ всякихъ податей вотчины отъ того клочка земли, гдѣ искони накоплялось и упрочивалось его состояніе и значеніе его рода, вырвать его изъ родной среды, порвать узы, связывавшія его съ этой средой, и поселить оторваннаго, такимъ образомъ, отъ земли одинокаго человѣка въ новомъ мѣстѣ, какъ можно далѣе, дать ему новую вотчину, но не иначе, какъ пожизненно и на извѣстныхъ условіяхъ, съ обязательствомъ нести государеву службу и платить налоги, словомъ, сдѣлать изъ него человѣка безъ прошлаго, безъ защиты и поддержки—таковъ былъ смыслъ нововведенія, именуемаго опричиной.

Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать, ибо Іоаннъ никому не открылъ своей сокровенной мысли.

Хотя связь, существующая между указами 1550 и 1565 годовъ, не была до сихъ поръ подмѣчена, но она несомнѣнно существуетъ и доказываетъ, что Іоаннъ придерживался въ своихъ дѣйствіяхъ извѣстной, вполнѣ опредѣленной системы.

Все, что касалось учрежденія опричины, хранилось въ глубочайшей тайнѣ, какъ при жизни Іоанна, такъ и послѣ его смерти.

Отправляя въ 1565 году посольство въ Польшу, царь предвидѣлъ, что его будутъ разспрашивать объ опричинѣ и, такъ какъ московская дипломатія имѣла обыкновеніе оберегать себя отъ непрошеннаго любопытства, то Іоаннъ приказалъ посламъ отвѣчать, если ихъ спросятъ, что такое опричина:

«Мы не знаемъ, о чемъ вы говорите. Никакой опричины нѣтъ. Царь живетъ въ избранномъ имъ мѣстѣ; подлѣ него находятся тѣ изъ его слугъ, коими онъ доволенъ, они живутъ по близости отъ него; другіе живутъ не много далѣе: вотъ и все тутъ. А коли мужики, ничего не понимая, говорятъ о какой-то опричинѣ, то на ихъ рѣчи не стоитъ обращать вниманіе».

Но факты говорятъ за себя.

Количество земли, отведенной первоначально подъ опричину, постепенно увеличивалось, такъ что она занимала чуть не половину государства; вмѣстѣ съ тѣмъ число опричниковъ было увеличено до 6 тысячъ человѣкъ.

Въ 1565 году къ опричинѣ были причислены: Вологда, Устюгъ, Каргополь, Можайскъ, Вязьма; въ 1566 г. всѣ земли Строгановыхъ; въ 1571 году часть Новгородской области; это расширеніе сопровождалось каждый разъ раздачею помѣстій, отобранныхъ у прежнихъ владѣльцевъ, которые получали взамѣнъ земли въ другихъ областяхъ; при этой перетасовкѣ подъ опричину отошли въ центрѣ страны тѣ округа, въ которыхъ остатки прежнихъ удѣловъ были наиболѣе густо заселены.

Опричина проникла въ наслѣдственныя владѣнія князей Ростовскихъ, Стародубскихъ, Суздальскихъ, Черниговскихъ, поглотила земли за «Окой» и старинныя наслѣдственныя вотчины удѣльныхъ князей Одоевскихъ, Воротынскихъ, Трубецкихъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ-то: князья Ѳедоръ Михайловичъ Трубецкой и Никита Ивановичъ Одоевскій вступили въ опричину; другіе были вынуждены перемѣнить мѣстожительство. Вмѣсто Одоева князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій получилъ Стародубъ-Ряполовскій, въ нѣсколькихъ верстахъ западнѣе отъ Одоева. Другіе заволжскіе помѣщики получили земли въ подмосковныхъ округахъ, по близости отъ Коломны, Дмитрова и Звенигорода.

Въ Тверскомъ округѣ, въ которомъ числилось 272 вотчины, владѣльцы 53 вотчинъ не несли никакой государственной службы: одни изъ нихъ платили повинности двоюродному брату царя, князю Владиміру Андреевичу, другіе—потомкамъ бывшихъ удѣльныхъ князей: Оболенскимъ, Мстиславскимъ, Голицынымъ и др. Опричина все это измѣнила; она уничтожила частныя милиціи, изъ-за которыхъ строптивые подданные нерѣдко для царя были страшнѣе внѣшнихъ враговъ; провозгласила принципъ личной службы;со всѣхъ принадлежавшихъ опричникамъ земель стали взимать въ пользу казны прямые и косвенные налоги.

Руководствуясь финансовыми и экономическими соображеніями, Іоаннъ отвелъ подъ опричину города, лежавшіе на большихъ торговыхъ трактахъ, и любопытно отмѣтить, что купцы не протестовали противъ

этого, а представители англійской торговой компаніи даже просили, какъ особой милости, быть включенными въ новую систему.

Въ 1572 году опричина утратила свое первоначальное названіе и стала именоваться «дворомъ». Въ это время она уже имѣла характеръ вполнѣ организованнаго государственнаго учрежденія, которое, наравнѣ съ земщиной, вѣдало дѣлами и отнюдь не играло, какъ это принято думать, исключительно полицейской роли.

Опричина не была въ состояніи искоренить окончательно боярскаго элемента, но она сильно подорвала его значеніе. Родовитые бояре, зачисленные въ опричину, тѣмъ самымъ были обезоружены; изъ числа остальныхъ были пощажены весьма немногіе, какъ, напримѣръ, князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, князь Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій, люди совершенно безличные, стоявшіе во главѣ земщины.

Роль, которую играли выдвинутые опричиной выскочки: Захарьины, Годуновы и др., свидѣтельствуетъ о томъ, что политическое значеніе бояръ было окончательно подорвано.

Чтобы пополнить недостатокъ въ людяхъ, созданный массовыми казнями и уходомъ людей за предѣлы Россіи, въ опричину вербовали не мало простыхъ людей, казаковъ и татаръ, которые образовали довольно значительный контингентъ, ставшій могущественнымъ орудіемъ демократизаціи служилаго класса.

Этотъ переворотъ, ибо таковымъ надобно считать учрежденіе опричины, не могъ, разумѣется, совершиться безъ потрясеній, ибо онъ затронулъ слишкомъ много интересовъ, а вслѣдствіе раздробленія крупной земельной собственности былъ созданъ новый видъ земледѣльческаго и промышленнаго пролетаріата.

Выполненіе этого плана сопровождалось многочисленными злоупотребленіями, которыя заслуживаютъ, разумѣется, самаго строгаго порицанія, но они неизбѣжны при всякомъ крупномъ переворотѣ, поэтому исторія не можетъ произносить своего сужденія объ опричинѣ, не взвѣсивъ всѣхъ обстоятельствъ и не принявъ во вниманіе, что описаніе насилій, которыя запятнали эту реформу въ глазахъ современниковъ и исказили ея смыслъ и истинную цѣль въ глазахъ потомства, несомнѣнно сильно преувеличено. Къ этимъ разсказамъ, исходящимъ по большей части отъ такихъ пристрастныхъ свидѣтелей, какимъ былъ, напримѣръ, Курбскій, или отъ людей завѣдомо недоброжелательныхъ, какими было большинство иностранцевъ, слѣдуетъ относиться въ высшей степени критически. Къ сожалѣнію, мы почти не имѣемъ данныхъ, на основаніи которыхъ мы могли бы провѣрить эти разсказы и выяснить истину.

За отъѣздомъ Курбскаго изъ Москвы, гнѣвъ Іоанна обрушился на дѣйствительныхъ и мнимыхъ его сообщниковъ; такъ, были казнены

князь Александръ Борисовичъ Шуйскій, его сынъ Петръ и нѣкоторые ихъ родственники, два Ховригина, князь Иванъ Сухой-Кашинъ, князь Иванъ Куракинъ, Шевыревъ и многіе другіе. Множество бояръ было сослано и имущество ихъ конфисковано; только удовлетворивъ свою злобу и приступивъ къ казнямъ, Грозный согласился вернуться въ столицу.

По свидѣтельству современниковъ, царь былъ неузнаваемъ: лицо его осунулось, волосы вылѣзли. Это показаніе особенно любопытно, ибо оно показываетъ, до какой степени разыгравшееся воображеніе можетъ преувеличить безъ того мрачную картину событій. Такъ какъ царь, подобно всѣмъ его современникамъ, имѣлъ обыкновеніе брить волосы, то его плѣшивость, разумѣется, не могла никому броситься въ глаза.

По возвращеніи Іоанна въ Москву, началось слѣдствіе о перехваченной перепискѣ бояръ съ Польшею. Всѣ тѣ, кои были уличены въ этомъ, какъ, напримѣръ, князь Иванъ Куракинъ-Булгаковъ, трое князей Ростовскихъ и нѣкоторые другіе, подверглись жестокимъ пыткамъ и казнямъ.

Затѣмъ настала очередь духовныхъ лицъ, коихъ связывала съ жертвами новаго режима общность интересовъ. Событія, совершавшіяся на глазахъ духовенства, давали ему болѣе, чѣмъ когда-либо, право вмѣшиваться въ дѣйствія царя и ходатайствовать за опальныхъ; это составляло самую драгоцѣнную привилегію церкви. Но она навлекла на себя вскорѣ царскій гнѣвъ, въ лицѣ одного изъ преемниковъ Макарія, митрополита Филиппа.

Происходя изъ извѣстной фамиліи Колычевыхъ, Филиппъ былъ вынужденъ удалиться отъ двора, когда его родныхъ постигла опала; онъ постригся въ монахи и, ставъ игуменомъ Соловецкаго монастыря, при высокихъ нравственныхъ качествахъ, выказалъ выдающіяся административныя способности. Іоаннъ зналъ его съ дѣтства и, какъ полагаютъ, любилъ. Поэтому, когда изъ Москвы былъ изгнанъ митрополитъ Германъ [1]), требовавшій отмѣны опричины, то царь, якобы по совѣту своихъ новыхъ любимцевъ, предложилъ Филиппу занять его мѣсто. Вначалѣ Филиппъ соглашался на это только подъ условіемъ, чтобы опричина была уничтожена. Но затѣмъ онъ уступилъ и далъ письменное обязательство не вмѣшиваться ни въ политику, ни въ частную жизнь царя, который призналъ за нимъ, однако, право «ходатайства и заступничества», сдѣлавъ оговорку, что «его обязанность состояла не въ томъ, чтобы идти противъ воли царя, а чтобы смягчать его гнѣвъ».

---

[1]) Германъ, архіепископъ казанскій, изъ рода Полевыхъ, былъ назначенъ въ 1566 году въ митрополиты московскіе, † 1568 г.

Результатомъ было то, что царь сталъ скоро избѣгать митрополита. Но они жили слишкомъ близко другъ отъ друга, чтобы возможно было не встрѣчаться. Даже, живя въ Александровской слободѣ, Іоаннъ не могъ не посѣщать время отъ времени столицы и ея храмовъ, поэтому встрѣчи были неизбѣжны.

Однажды, въ воскресный день, 31-го мая 1568 г., войдя въ Успенскій соборъ съ опричниками, которые были въ монашескомъ одѣяніи, царь подошелъ, по обыкновенію, къ митрополиту и просилъ его благословенія.

Филиппъ безмолвствовалъ.

Царь трижды повторилъ свою просьбу, не получивъ отвѣта.

Наконецъ, побуждаемый боярами, митрополитъ прервалъ молчаніе и, къ ужасу присутствующихъ, сталъ громить преступныя дѣйствія Іоанна, который тщетно пытался прервать его рѣчь.

— Если живые люди молчатъ, то камни этого храма заговорятъ и произнесутъ твой приговоръ—такъ закончилъ свою рѣчь Филиппъ.

— Молчи! говорю тебѣ. Молчи и благослови насъ!—повторилъ царь... Мои подданные, мои родные возстали противъ меня и замышляютъ мою погибель. Не бунтуй вмѣстѣ съ ними, или откажись отъ своего сана.

— Я не добивался его,—отвѣчалъ Филиппъ,—я не прибѣгалъ для этого ни къ подкупу, ни къ интригамъ. Для чего вывелъ ты меня изъ моего уединенія?

Іоаннъ подавилъ свой гнѣвъ и сдѣлалъ видъ, что онъ смиряется, но его вторая встрѣча съ митрополитомъ, происшедшая въ іюлѣ мѣсяцѣ, рѣшила участь Филиппа.

Надъ нимъ былъ наряженъ судъ. Не дожидаясь приговора, митрополитъ хотѣлъ сложить съ себя знаки своего высокаго сана.

— Подожди! ты не долженъ самъ произносить надъ собою приговора,—сказалъ Іоаннъ и повелѣлъ ему служить на слѣдующій день обѣдню. Это происходило 8-го ноября 1568 г. Во время службы, въ храмъ вошли опричники, совлекли съ митрополита облаченіе, надѣли на него разодранную монашескую рясу и, усадивъ его въ сани, увезли, заметая за нимъ слѣдъ и ударяя его метлами. Онъ былъ заточенъ въ Твери, куда Іоаннъ послалъ къ нему въ слѣдующемъ году самаго лютаго изъ своихъ опричниковъ, Малюту Скуратова.

Печальный конецъ митрополита извѣстенъ.

Рѣшивъ не щадить никого, Іоаннъ не могъ, разумѣется, допустить, чтобы кто-либо становился между нимъ и тѣми жертвами, которыхъ онъ считалъ нужнымъ устранить съ своего пути. Онъ не щадилъ даже членовъ своей семьи. Упомянувъ въ своемъ разговорѣ съ Филиппомъ о родныхъ, которые точили противъ него козни, онъ имѣлъ

въ виду своего двоюроднаго брата Владиміра Андреевича, котораго царь подозрѣвалъ еще въ 1563 г. въ участіи въ заговорѣ. Въ 1566 г. у него былъ отнятъ удѣлъ, а въ 1569 г., когда Владиміръ, по словамъ лѣтописца, предложилъ королю польскому перейти къ нему на службу, несчастный князь исчезъ навсегда; былъ ли онъ зарѣзанъ, обезглавленъ или отравленъ, не извѣстно. Въ слѣдующемъ году цѣлый городъ поплатился за тотъ поступокъ, за который пострадалъ Владиміръ, т. е. за сношенія съ Польшею. Нѣкто Петръ Волынецъ, бродяга, за что-то озлобленный противъ новгородскихъ властей, донесъ, что жители Новгорода были не прочь перейти въ подданство Сигизмунда-Августа и будто бы они заключили даже съ нимъ письменный договоръ, который хранился за образомъ Богоматери въ Софійскомъ соборѣ. Означенный документъ дѣйствительно былъ найденъ въ указанномъ мѣстѣ; подписи архіепископа Пимена и многихъ именитыхъ гражданъ были признаны подлинными. Произведенное слѣдствіе обнаружило, что заговорщики хотѣли предать Новгородъ и Псковъ Литвѣ и возвести на московскій престолъ, при помощи Польши, Владиміра. Карамзинъ упоминаетъ въ своей Исторіи Россіи о подлинномъ дѣлѣ объ этомъ заговорѣ, но онъ не могъ видѣть его, такъ какъ въ его время дѣло это только значилось въ архивныхъ спискахъ, а въ дѣйствительности оно давно исчезло безслѣдно.

Этотъ разъ Іоаннъ совершилъ страшную расправу, превзошедшую все, когда-либо видѣнное въ Московскомъ государствѣ, даже въ его царствованіе.

Іоаннъ часто посѣщалъ Новгородъ, и его отношенія къ архіепископу и ко всему духовенству были до тѣхъ поръ превосходны. Пименъ только-что провелъ въ Москвѣ двѣ недѣли и уѣхалъ оттуда, увозя съ собою довольно значительную сумму денегъ, пожертвованную государемъ для возобновленія одной изъ новгородскихъ церквей. Ничто не предвѣщало грозы, обрушившейся на Новгородъ въ январѣ 1570 г., когда Іоаннъ двинулся туда, какъ въ походъ, со своей опричиной и цѣлымъ отрядомъ войска.

Экзекуція началась на границѣ Тверской губерніи систематическимъ разореніемъ окрестной мѣстности. По пути, пройденному царемъ отъ Клина до Новгорода, вся мѣстность обратилась въ пустыню. 2-го января войско появилось подъ стѣнами Новгорода и обложило его со всѣхъ сторонъ. Монастыри, находившіеся въ предмѣстьяхъ, были разграблены; монахи, числомъ 500, уведены. На слѣдующій день опричники, проникнувъ въ городъ, захватили во всѣхъ церквахъ священниковъ и дьяконовъ и отправили ихъ на правежъ, гдѣ ихъ били палками ежедневно, съ утра до вечера, требуя выкупа по 20 рублей съ головы. Судя по сохранившимся документамъ, только нѣкоторымъ счастливцамъ уда-

лось откупиться; остальныхъ ожидала самая грозная участь. Въ то же время опричники грабили дома и загоняли жителей въ ограду, охраняемую солдатами. 6-го января прибылъ въ Новгородъ самъ Іоаннъ, въ сопровожденіи 1.500 стрѣльцовъ, и отдалъ приказъ забить подъ кнутомъ всѣхъ монаховъ, бывшихъ на правежѣ.

Настала очередь бѣлаго духовенства. Два дня спустя, въ то время, какъ царь кушалъ обѣдъ у архіепископа Пимена, опричники, по данному имъ сигналу, бросились грабить домъ архіепископа, сорвали съ него облаченіе и заключили его со всѣми домочадцами въ темницу. Въ послѣдующіе дни царь творилъ судъ на одной изъ городскихъ площадей; жители были подвергнуты допросу, ихъ жгли на медленномъ огнѣ и топили въ рѣкѣ; привязавъ несчастныхъ къ санямъ, ихъ опускали въ рѣку по откосу къ тому мѣсту, гдѣ рѣка, вслѣдствіе быстраго теченія никогда не замерзаетъ.

По словамъ новгородской лѣтописи, избіенія продолжались пять недѣль; рѣдкій день не топили свыше пяти или шести сотъ человѣкъ обоего пола. Бывали дни, когда число жертвъ доходило до 1.500 человѣкъ.

Быть можетъ, эти цифры преувеличены, но во всякомъ случаѣ рѣзня была ужасная; когда жертвъ осталось мало, то злоба царя обратилась на неодушевленные предметы. Въ предмѣстьяхъ, гдѣ сосредоточивалась главнымъ образомъ торговая и промышленная жизнь, и самомъ городѣ, всѣ лавки и многіе дома были разграблены и снесены до тла.

Наконецъ, когда болѣе нечего было разрушать, 13-го января 1570 г. Іоаннъ повелѣлъ привести къ нему самыхъ именитыхъ изъ оставшихся въ живыхъ гражданъ Новгорода, по нѣсколько человѣкъ съ каждой улицы. Ни живы, ни мертвы отъ страха, несчастные ожидали ужасной пытки, но царь успокоился и, противъ всякаго ожиданія, взглянулъ на нихъ благосклонно и произнесъ милостивую рѣчь, сказавъ, что они могутъ впредь жить безбоязненно и мирно, и молить Господа избавить царя и Россію отъ измѣнниковъ, подобныхъ Пимену. Это было его прощальное слово Новгороду. Въ тотъ же день Грозный уѣхалъ въ Москву.

Новгородъ вздохнулъ свободно, но ему былъ нанесенъ такой жестокій ударъ, отъ котораго онъ уже не могъ оправиться. Съ гибелью именитыхъ гражданъ благосостояніе этого торговаго города погибло на вѣки.

Каковъ бы ни былъ поводъ къ столь жестокой расправѣ, она превзошла, несомнѣнно, всякую мѣру. Но необходимо принять во вниманіе, что всѣ описанія этого мрачнаго эпизода, несомнѣнно, преувеличены; не слѣдуетъ также забывать, что незадолго передъ тѣмъ и въ западной Европѣ разыгрывались подобныя же драмы. Если сравнить

описаніе Новгородскаго погрома хотя бы съ разгромомъ Льттиха, совершеннымъ въ 1468 г. Карломъ Смѣлымъ, при участіи войскъ французскаго короля, то оказывается, что погромъ Новгорода былъ лишь его слабымъ подражаніемъ.

«Весь ужасъ этого событія»,—говоритъ Мишле въ своей Исторіи Франціи (т. VIII, 148),—«заключается въ томъ, что это была не рѣзня, сопровождающая штурмъ города, а неистовая расправа побѣдителя, разгромъ, продолжавшійся цѣлыхъ три мѣсяца. Всѣхъ, кто не успѣлъ бѣжать, заключали подъ стражу и топили въ Мозелѣ. Городъ былъ сожженъ съ соблюденіемъ полнаго порядка»... Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «женщины и монахини были изнасилованы, а затѣмъ убиты; священнослужители были зарѣзаны у престола... Всѣ плѣнные, пощаженные солдатами, были повѣшены или утоплены въ Мозелѣ».

Копія точь въ точь походитъ на оригиналъ. И тутъ число жертвъ насчитывали свыше 50 тысячъ; расправа происходила также въ зимнее время, въ ноябрѣ и въ декабрѣ мѣсяцахъ.

Изъ Новгорода царь отправился въ Псковъ. Но пресыщенный кровью и обезоруженный покорностью жителей, онъ ограничился тѣмъ, что предоставилъ городъ разграбленію.

По возвращеніи въ Москву, Іоаннъ потѣшилъ себя, устроивъ торжественный въѣздъ, въ родѣ тѣхъ маскарадныхъ шествій, которыя такъ любилъ впослѣдствіи Петръ Великій. Предшествуемый шутомъ, который ѣхалъ верхомъ на быкѣ, царь выступалъ во главѣ своихъ опричниковъ съ ихъ атрибутами: метлою и собачьей головой.

Затѣмъ начался судъ надъ виновными новгородцами и псковитянами, который тянулся нѣсколько мѣсяцевъ. 25-го іюля 1570 г., послѣ предварительной жестокой пытки, было казнено до 120 человѣкъ.

Безъ сомнѣнія, Грозный былъ мастеръ въ искусствѣ причинять страданіе и совершать казни, но и въ этомъ отношеніи у него было много общаго съ современниками; при сужденіи о его поступкахъ не слѣдуетъ забывать, что къ разсказамъ иноземцевъ, коими приходится пользоваться за неимѣніемъ иныхъ источниковъ, надобно относиться крайне осторожно. Между тѣмъ многіе историки, слѣпо довѣряя ихъ словамъ, дошли до утвержденія, будто Іоаннъ превзошелъ жестокостью Нерона и Калигулу, и высказали предположеніе, будто онъ страдалъ нервнымъ разстройствомъ, граничившимъ съ умопомѣшательствомъ. Между тѣмъ завѣщаніе, составленное Іоанномъ въ описываемую эпоху (1572 г.), свидѣтельствуетъ о вполнѣ нормальномъ состояніи его умственныхъ способностей.

Зная любовь Іоанна къ лирическимъ эффектамъ и преувеличеніямъ, нельзя понимать все то, что онъ говоритъ, буквально. Но именно его стараніе говорить красно и всѣ хитрости, къ которымъ онъ при-

бѣгаетъ, стараясь оправдаться въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ, исключаютъ всякую мысль о помраченіи его умственныхъ способностей.

«Онъ не чувствовалъ себя безопаснымъ на престолѣ, будущность семьи не внушала ему спокойствія, онъ былъ одинокъ и вынужденъ грозными врагами вести войну, коей не предвидѣлось конца, его силы были истощены, умъ не зналъ покоя»,—такъ писалъ Іоаннъ въ своемъ завѣщаніи. «Его тѣлесныя и душевныя раны умножились, у него не было никого, кто бы излѣчилъ ихъ, кто бы сочувствовалъ его страданіямъ и утѣшилъ его. Ему отплатили зломъ за добро, ненавистью за любовь. Но онъ готовъ видѣть въ этихъ испытаніяхъ справедливое возмездіе за свои многочисленные проступки, за кои онъ обреченъ влачить скитальческую жизнь вдали отъ столицы, откуда его изгнали себялюбивые бояре. Быть можетъ, его сыновья будутъ счастливѣе и съумѣютъ положить конецъ этому бѣдственному положенію. Поэтому онъ хотѣлъ дать имъ кое-какіе совѣты. Это не означаетъ, что онъ готовится къ смерти, которая была бы для него сладка и желанна, но вѣроятно Господь откажетъ ему въ этомъ благѣ, дабы онъ могъ искупить грѣхи, влача на землѣ горестную жизнь».

Въ такомъ духѣ было написано все завѣщаніе. Возможно ли считать его бредомъ больнаго? Отнюдь, ибо совѣты, которые онъ даетъ дѣтямъ, прекрасны и внушены свѣтлымъ и твердымъ умомъ, хотя въ нихъ и проглядываетъ крайнее ко всѣмъ недовѣріе. Іоаннъ склоненъ вездѣ видѣть враговъ и измѣну; но когда, предостерегая своихъ сыновей отъ козней, онъ совѣтуетъ имъ слѣдить за всѣмъ лично и никогда ни въ чемъ не полагаться на другихъ, если они не хотятъ, чтобы послѣдніе присвоили себѣ на дѣлѣ власть, которой они будутъ пользоваться фиктивно, то въ этихъ словахъ слышится мудрый правитель, а отнюдь не безумный [1]).

Мы имѣемъ еще доказательство необычайной ясности ума, проявленной царемъ въ тотъ моментъ, когда самый стойкій человѣкъ могъ бы обнаружить на его мѣстѣ, хотя временно, нѣкоторые симптомы слабости и упадка духа.

Тотчасъ послѣ страшныхъ московскихъ казней, совершенныхъ вслѣдъ за погромомъ Новгорода, Іоаннъ изъявилъ свое согласіе вести, въ присутствіи многочисленныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, богословскій споръ съ членомъ богемскаго братства Іоанномъ Рокитою, который сопровождалъ въ Москву посольство, снаряженное Станиславомъ-Августомъ къ Іоанну Грозному, и царь вышелъ побѣдителемъ изъ этого

---

[1]) Завѣщаніе Іоанна напечатано въ историческихъ актахъ. Прилож. I, № 222.

*

пренія о вѣрѣ, которое могло поставить въ затруднительное положеніе и сбить съ толку любаго свѣтскаго человѣка.

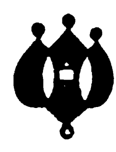
По ясности мысли, твердости и логичности сужденій и обилію высказанныхъ во время спора знаній, превосходной памяти и тонкой діалектикѣ ясно видно, что Іоаннъ обладалъ вполнѣ всѣми способностями своего яснаго ума.

Въ довольно темной, вообще говоря, исторіи опричины встрѣчается однако одинъ эпизодъ, который, повидимому, плохо вяжется съ мыслью о полномъ обладаніи Іоанномъ его умственными способностями.

Этотъ эпизодъ представляетъ собою самый загадочный и не поддающійся объясненію фактъ царствованія Іоанна Грознаго.

Въ 1574 или 1575 г. (дата не вполнѣ установлена), при жизни Іоанна, въ Россіи появился новый государь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны
къ великимъ князьямъ
Николаю и Михаилу Павловичамъ[1]).

Num. 69.

Pawlowsk, ce 2 Septembre 1815.

Je suis revenue chez moi pour le dîner, mes chers amis, après avoir fait beaucoup de choses cette matinée. Elle a commencé par un travail avec notre petite promise pour des arrangements pour le mariage sous le rapport des cadeaux à faire aux anciens serviteurs, instituteurs, gouvernantes, charges de cour etc. etc.; après quoi j'ai dû faire le même travail pour moi qui a été suivi d'une visite de ..... [2]) pour le tierçal. Ensuite j'ai été à la communauté où j'ai travaillé avec Madame Adlerberg, l'inspecteur des études et Villamof pour les cours d'études à suivre pour les classes que nous précisons davantage. Revenue au Palais Taurique, j'ai eu des visites, nous avons déjeuné, après quoi nous sommes allées à pied au canal pour voir et monter un bâtiment qui marche par la pompe à feu: cette imitation anglaise sera de la plus grande utilité pour la navigation de nos navires et ouvre une perspective d'une nouvelle et grande prospérité pour la Russie. Nous nous sommes promenées dans le bassin; la machine à feu a la force de 16 chevaux, sa composition est égale aux autres à l'exception des balanciers qui se trouvent placés de côté pour prendre moins de place.

---

[1]) См. «Русскую Старину», августъ 1904 г.

[2]) Слово осталось неразобраннымъ.

La marche du bâtiment est très légère et tourne avec la plus grande facilité; c'est Beard qui en est le propriétaire. Après cette visite nous nous sommes mises en voiture et sommes venues ici. Après le dîner j'ai été voir mon nouvel arrangement derrière la volière qui réussit très bien: le jardin y gagne beaucoup et sera plus gai de ce côté qui était encombré. Ensuite j'ai été voir mes neveux et ma nièce, puis j'ai travaillé, après les 8 heures nous sommes sorties dans la salle, nous avons travaillé et Wolf nous a fait lecture. Voici le précis de ma journée; je voudrais bien savoir celui de la vôtre, mais je n'ai pas cette satisfaction et me voici 15 jours sans lettre et d'un mois et 4 jours de distance de la date de vos dernières nouvelles: c'est désolant et, je l'avoue, impatientant, car je n'en comprends pas la raison. Bonsoir, mes amis, dites-moi, si vous pensez encore à nous? Je vous embrasse de tout mon coeur. À propos, Blok est devenu père aujourd'hui d'un fils.

Ce Vendredi, 3 Septembre.

Encore pas de courrier. Nous nous en désespérons Annette et moi tout en nous inquiétant: nous voici à 36 jours de date de votre dernière lettre; jamais retard pareil n'eut lieu; il me paraît inconcevable et paralyse mes facultés écrivantes, mais non pas les aimantes, car je me dis que ce retard n'est de votre faute et que si vous l'eûtes connu, vous vous en affligeriez avec nous et souffririez de la pensée que vos lettres restent dans le gouffre des chancelleries sans être expédiées. Notre temps a été très beau aujourd'hui; on prétend qu'il a gelé un peu la nuit; je suppose que c'était plutôt une rosée blanche. Nous avons monté à cheval et j'ai marché ensuite. Rien au monde de nouveau chez nous. L'étonnement est grand de ce retard de courrier si extraordinairement prolongé. Bonsoir, mes bons amis. Bonsoir, mes bons amis, je vous aime bien et vous embrasse de tout mon coeur. Puisse-je bientôt revoir votre écriture, vous savoir bien portants et au moment de nous revoir au plus tôt.

Ce Samedi, 4 Sept(embre).

Enfin il y a une demi heure qu'un courrier de l'empereur est arrivé et m'a apporté sa lettre du 5 et du 12 Août, le porteur de la première étant tombé malade; il m'a remis de même une seule lettre de vous, mes amis, du 5 Août: enfin du moins c'est quelque chose et je vous en remercie de tout mon coeur. J'aurais bien désiré que celle de Michel fût un peu plus longue; vos lettres sont de si peu de lignes que nous nous demandons, comment vous avez si peu à nous dire écrivant si rarement. Vos lettres, cher Nicoche, sont plus détaillées, ce qui me fait grand plaisir.

Je suis persuadée, mes enfants, qu'il y en a de perdues des vôtres; il faudrait prier le prince Wolkonski de voir s'il n'y en a pas d'oubliées. Je vous dirai, mes amis, que j'ai reçu une lettre charmante du prince d'Orange, à laquelle j'ai répondu d'abord: elle satisfait bien mon cœur, car il paraît content de s'unir à nous. Dieu veuille rétablir sa santé. Il me paraît un jeune homme bien intéressant. Je suis charmée, chers enfants, de ce que vous employez votre temps utilement, mais je voudrais en avoir des détails. Faites mes compliments au g(énéral) Konovnitzin et dites-lui que depuis bien longtemps je n'ai pas reçu de ses nouvelles; quant à vos messieurs, ils sont bien fautifs ne me donnant pas signe de vie, et surtout mensieur de Savrassof qui en était plus particulièrement chargé, devant m'envoyer le relevé des dépenses chaque mois. Je vous remercie, mes enfants, de l'envoi des deux livres. Je voudrais bien que vous me parliez de Pougens et me répondiez à son sujet. Avez-vous fait mes achats, cher Nicoche, d'après la petite liste que je vous ai donnée à votre départ: vous ne m'en dites rien; je vous ai donné ensuite un supplément de commissions, mais vous ne m'en parlez non plus.

Vous m'assurez, cher Nicoche, que jusqu'à ce moment votre conduite est irréprochable: j'en bénis Dieu et vous conjure tous deux, au nom de mon coeur maternel, de continuer à marcher toujours le sentier austère de la vertu: votre bonheur demestique vous en recompensera. Si l'empereur va à Bruxelles et à Berlin, certainement vous l'y suivrez et reverrez Alexandrine, cher Nicolas; je voudrais qu'elle pût être des nôtres pour acquérir tout ce qu'il lui faut pour captiver tous les suffrages ici, au reste on la dit charmante; mais il faut s'instruire de la religion et se familiariser avec nos usages et coutumes. Lorsque l'empereur nous arrivera, je lui parlerai, et mon Nicoche se dira que tout ce que je pourrai faire pour son bonheur sera ma tâche la plus douce et la plus sacrée pour mon coeur. Adieu, mes bons amis, je vous embrasse de toute mon âme et vous donne mille bénédictions.

Marie.

Mes compliments à tous nos braves. Que font Benkendorf et Woronzof? J'espère, cher Michel, que vous vous êtes remis de votre abcès; qu'était-ce et cela vous a-t-il fait beaucoup souffrir? Félicitez le bon Rühl de sa décoration.

Répondez-moi donc au sujet du tierçal: faut-il vous envoyer tout le reste ou une partie, ou faut-il le garder en caisse pour votre retour? Il y a 4 semaines que je vous ai fait la demande sans avoir de réponse.

Павловскъ, 2-го сентября 1815 г.

(Переводъ). Я вернулась домой къ обѣду, дорогіе друзья мои, проведя утро очень дѣятельно. Прежде всего я была занята съ нашей милой невѣстой разными распоряженіями относительно свадьбы: мы распредѣляли подарки, которые надо будетъ сдѣлать старымъ слугамъ, преподавателямъ, гувернанткамъ, придворнымъ и т. д. и т. д. Послѣ того я должна была заняться тѣмъ, какіе мнѣ придется сдѣлать подарки имъ же; затѣмъ посѣтилъ меня .....[1]), для врученія третныхъ денегъ. Потомъ я была въ Смольномъ, гдѣ я занималась съ г-жой Адлербергъ, инспекторомъ классовъ и Вилламовымъ; мы выработали съ ними болѣе точно программы учебныхъ предметовъ. По возвращеніи въ Таврическій дворецъ, я принимала визиты; позавтракавъ, мы пошли пѣшкомъ на каналъ, чтобы взглянуть на судно, движущееся при помощи паровой машины; это англійское изобрѣтеніе будетъ въ высшей степени полезно для нашихъ судовъ и обѣщаетъ Россіи въ будущемъ большія, крупныя выгоды. Мы прошлись по доку; паровая машина имѣетъ шестнадцать лошадиныхъ силъ; она построена по тому же типу, какъ и другія, съ тою лишь разницею, что коромысла помѣщены сбоку, чтобъ они занимали менѣе мѣста: судно очень легко на ходу и очень легко поворачивается; оно принадлежитъ Берду. Осмотрѣвъ судно, мы сѣли въ экипажъ и вернулись сюда. Послѣ обѣда я ходила осматривать новый цвѣтникъ позади птичника, онъ вышелъ весьма удачный, садъ отъ этого очень выигралъ и будетъ гораздо веселѣе съ этой стороны, тогда какъ прежде онъ былъ загроможденъ. Затѣмъ я была у моихъ племянниковъ и у племянницы, потомъ работала; около восьми часовъ мы вышли въ залу; мы работали, а Вольфъ намъ читалъ вслухъ. Вотъ вамъ точное описаніе проведеннаго мною дня; я бы очень хотѣла знать, какъ вы провели его, но я лишена этого удовольствія. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я не имѣю писемъ; прошелъ мѣсяцъ и четыре дня съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ получила отъ васъ извѣстія: это приводитъ меня въ отчаяніе и, признаюсь, выводитъ даже изъ терпѣнія, такъ какъ я не понимаю причины этого молчанія. Прощайте, друзья мои; скажите мнѣ, вспоминаете ли вы еще объ насъ. Обнимаю васъ отъ всего сердца. Кстати, у Блока родился сегодня сынъ.

Пятница, 3-го сентября.

Курьера все нѣтъ: мы приходимъ съ Аннетой въ отчаяніе и тревожимся; уже тридцать шесть дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ было получено ваше послѣднее письмо. До сихъ поръ еще не было подобной задержки; для меня это непостижимо, и это парализуетъ мою способность

---

[1]) Слово осталось въ подлинникѣ неразобраннымъ.

писать вамъ, но не мою любовь къ вамъ, ибо я увѣрена, что задержка произошла не по вашей винѣ и что если бы вы знали это, то вы горевали бы вмѣстѣ съ нами и страдали бы при мысли, что ваши письма пропали гдѣ-то въ канцеляріи, не будучи отправлены. Сегодня у насъ была прекрасная погода; говорятъ, будто ночью слегка морозило; но я думаю, что это былъ просто-на-просто утренникъ. Мы катались верхомъ, затѣмъ я сдѣлала прогулку пѣшкомъ. У насъ нѣтъ ничего новаго. Всѣ очень удивлены тѣмъ, что курьера нѣтъ такъ долго. Прощайте, добрые друзья мои, покойной ночи, я очень люблю васъ и отъ всего сердца цѣлую. Какъ бы мнѣ хотѣлось поскорѣе увидѣть вашъ почеркъ, знать, что вы здоровы и что вы собираетесь скоро къ намъ.

Суббота, 4-го сентября.

Наконецъ-то, съ полчаса тому назадъ, прибылъ курьеръ отъ императора и привезъ мнѣ его письма отъ 5-го и 12-го августа, такъ какъ курьеръ, посланный съ первымъ письмомъ, заболѣлъ по пути. Онъ привезъ мнѣ также письмо отъ васъ, друзья мои, помѣченное 5-мъ августа; это хоть что-нибудь; благодарю васъ за него отъ всей души. Мнѣ было бы очень пріятно, еслибъ письмо Михаила было немного длиннѣе; ваши письма такъ коротки, что мы недоумѣваемъ, какъ вы имѣете такъ мало сказать намъ, когда вы такъ рѣдко пишете. Вы, дорогой Никошъ, пишете подробнѣе, что̀ доставляетъ мнѣ большое удовольствіе. Я увѣрена, дѣти мои, что нѣкоторыя изъ вашихъ писемъ пропали; надо будетъ попросить князя Волконскаго освѣдомиться, не позабыли ли ихъ гдѣ-нибудь. Могу сообщить вамъ, друзья мои, что я получила прелестное письмо отъ принца Оранскаго, на которое я немедленно отвѣчала; оно очень меня порадовало, такъ какъ онъ повидимому радъ войти съ нами въ родство. Молю Господа, чтобъ здоровье его возстановилось. Мнѣ кажется, что онъ очень интересный молодой человѣкъ. Я въ восторгѣ, дорогія дѣти, что вы употребляете время съ пользой, но я хотѣла бы знать подробно, чѣмъ вы занимаетесь. Передайте мой привѣтъ генералу Коновницыну и скажите ему, что я давно уже не имѣла отъ него извѣстій; что касается вашихъ кавалеровъ, то они очень виноваты передъ мной, не подавая признака жизни, въ особенности Саврасовъ, которому это было спеціально приказано, такъ какъ онъ долженъ былъ посылать мнѣ ежемѣсячно отчетъ въ произведенныхъ расходахъ. Благодарю васъ, дѣти мои, за присланныя двѣ книги; мнѣ очень хотѣлось бы, чтобъ вы сообщили мнѣ о Пужонсѣ и чтобъ вы отвѣтили на мои вопросы о немъ. Сдѣлали ли вы, дорогой Никошъ, для меня покупки по маленькому списку, который я вамъ дала при отъѣздѣ; вы ничего не пишете мнѣ объ этомъ; я дала

вамъ съ тѣхъ поръ новыя порученія, но вы также не упоминаете объ этомъ.

Вы пишете, дорогой Никошъ, что поведеніе ваше до сихъ поръ безупречно; благодарю за это Бога и умоляю васъ обоихъ, во имя моей материнской любви, идти всегда суровой стязей добродѣтели; наградою за это будетъ вамъ семейное счастье. Если императоръ поѣдетъ въ Брюссель и Берлинъ, разумѣется, вы будете сопровождать его, дорогой Никошъ, и снова увидите Александрину; я хотѣла бы, чтобъ она была съ нами, чтобъ пріобрѣсти всѣ необходимыя качества и заслужить всеобщее одобреніе; впрочемъ, говорятъ, что она прелестна; но ей необходимо познакомиться съ нашей религіей и свыкнуться съ нашими нравами и обычаями. Когда императоръ пріѣдетъ, я поговорю съ нимъ, и мой Никошъ можетъ быть увѣренъ, что я сочту самой пріятной и священной для себя обязанностью сдѣлать все отъ меня зависящее для его счастья. Прощайте, добрые друзья мои, обнимаю васъ отъ всей души и тысячу разъ благословляю васъ. Марія.

Мой привѣтъ всѣмъ нашимъ молодцамъ-военнымъ. Что подѣлываютъ Бенкендорфъ и Воронцовъ? Надѣюсь, дорогой Михаилъ, что вашъ нарывъ прошелъ. Что это такое было? и много ли вы страдали отъ него? Поздравьте добраго Рюля съ орденомъ.

Отвѣтьте же мнѣ по поводу вашего третнаго жалованья. Надо ли вамъ выслать все или часть его, или же его слѣдуетъ хранить до вашего возвращенія? Вотъ уже четыре недѣли, какъ я васъ спрашивала объ этомъ, но не получила отвѣта.

Num. 70.

Ce Dimanche, 5 Sept(embre) 1815.

Mon Dieu, mes amis, combien mes yeux vous ont cherchés aujourd'hui comme il me paraissait absolument que vous devriez être dans le salon et avec quel plaisir j'ai vu que beaucoup de personnes de la société pensaient comme moi. Voilà le fait: la fête a été célébrée comme de coutume, messe, dîner, beaucoup de monde: nous étions 112 personnes à table; il fallait faire passer la soirée agréablement, et comme grâce à Dieu notre sang ne coule plus, on a dansé. Chers enfants, que j'aurais voulu vous voir vous amuser sous mes yeux et jouir du plaisir de vous voir contents et gais. Toutes nos jolies danseuses étaient de la partie: la princesse Serge Soltikof, la Troubetzkoi, la Sablukof, la Lopuchin etc. La princesse Troubetzkoi m'a parlé de vous avec bien de l'amabilité; beaucoup de personnes en ont fait de même; le bon Gortchakof m'a chargée de mille choses pour vous; il se remet de sa maladie et a meil-

leure mine. On nous avait donné hier la fausse nouvelle que notre digne et respectable papa Lamsdorf était arrivé; j'en étais d'une joie d'enfant et vite j'avais fait préparer un appartement pour lui, finalement il s'est trouvé que la nouvelle était fausse, ce qui m'a fait peine, il me tarde de revoir le digne vieillard. Bonsoir, mes bons amis, notre temps est affreux.

Ce Lundi, 6 Sept(embre).

Nous avons une journée de mois d'Octobre, c'est bien complètement désagréable. Je vous dirai comme nouvelle que la princesse Tscherbatof se marie et épouse le gentilhomme de chambre Polikarpof; ensuite je vous dirai encore que monsieur Жуковскій est ici depuis Samedi et que nous avons passé une partie de la soirée du Samedi et toute celle de ce soir à lire de ses productions et pour la bonne bouche nous avons lu le Пѣвецъ et le Посланіе: que de beaux et de touchants souvenirs cette lecture ne me retrace-t-elle pas! Je désire une (lettre) de l'empereur espérant que je recevrais vos lettres du 12 qui me manquent, j'en ai perdu plusieurs des vôtres qui reposent apparemment dans la chancellerie où vous les avez envoyées. Parlez-moi je vous en prie du pr(ince) r(oyal) de W(urtemberg), vient-il chez vous et vous voyez-vous en frère? êtes-vous sur un pied amical? Enfin dites-moi, comment est-il, comment se conduit-il à Paris? Est-il effectivement attaché à Catherine? et sa conduite le prouve-t-elle? Que Dieu veille sur son bonheur. Les gazettes disent que monsieur Paul s'est retiré et établi en Suisse; que bien lui fasse, mais je ne serai pas étonnée s'il se faisait renvoyer de là-bas par sa conduite et les mauvais propos. Adieu, mes chers amis; dites-moi, cher Nicoche, si vous vous êtes occupé de mes commissions données à votre départ, dont vous avez la liste, et comment elles me parviendront. Répondez-moi de même au sujet de Pougens et dites-moi finalement, si vous avez vu le fils de Villamof. Bonsoir, mes enfants, bonne nuit et dormez bien. J'ai reçu une lettre de Constantin qui me dit avoir reçu l'ordre de l'empereur de venir le rejoindre: il en est bien content. On dit ici que la princesse Bagration est arrivée à Paris; cela est-il-vrai?

Ce Mardi, 7 Sept(embre).

Bonjour, mes chers amis! Où êtes-vous?Je suppose que si l'empereur ira à Bruxelles vous l'accompagnerez, peut-être alors reverrez-vous Guillaume, je le voudrais; tout ce que j'entends dire de ce jeune homme me présage le bonheur d'Annette; et cette espérance fait le mien; les nôtres l'aiment beaucoup, le disent bien aimable et d'une tournure charmante; cela ne déplaira pas à Annette qui aime le comme-il-faut

dans les manières. L'autre n'est pas aimé chez nous, son ton moqueur et ses manoeuvres ont fait grand tort: on ne le croit pas même fidèle à C(atherine): son avenir me donne bien des inquiétudes, je crains que mes pressentiments ne se vérifient et qu'elle se repentira de son choix. Parlez-moi de lui, je vous en prie. Tâchez que vos lettres me parviennent, chers enfants, et informez vous pourquoi je n'en ai pas reçu par le courrier du 12. Mes compliments au général, à vos messieurs, à nos braves. Ne m'oubliez pas, rappelez-vous des mes conseils, chers enfants, et donnez-moi le bonheur, la jouissance de vous estimer toujours vous-mêmes, alors vous le serez par vos compatriotes et bénis par votre mère qui vous serre dans ses bras et vous embrasse bien tendrement.

Marie.

Au cas que Pougens soit mort, informez-vous, cher Nicoche, à qui je pourrais m'adresser pour le remplacer pour les soins de ma bibliothèque et l'achat des livres.

Воскресенье, 5-го сентября 1815 г.

(Переводъ). Боже мой, друзья мои, какъ я васъ искала глазами сегодня; мнѣ положительно казалось, что вы должны быть въ залѣ; и какъ мнѣ было пріятно видѣть, что многіе изъ собравшихся думали то же. Праздникъ прошелъ какъ обычно; была отслужена обѣдня, былъ обѣдъ и много гостей; насъ сидѣло за столомъ 112 человѣкъ; такъ какъ надо было позаботиться, чтобы гости провели вечеръ пріятно, и такъ какъ, благодаря Бога, русская кровь болѣе не проливается, то мы танцовали; дорогія дѣти, какъ мнѣ было бы отрадно, если бы вы веселились вмѣстѣ съ нами, и какъ было бы пріятно видѣть, что вы довольны и веселы. Всѣ наши хорошенькія танцующія дамочки были на лицо: княгиня Салтыкова, супруга князя Сергѣя, Трубецкая, Саблукова, Лопухина и т. д. Княгиня Трубецкая очень любезно говорила о васъ, такъ же, какъ и многія другія; добрый Горчаковъ просилъ меня передать вамъ его привѣтъ; онъ поправляется отъ болѣзни и имѣетъ лучшій видъ. Вчера намъ сообщили, будто нашъ достойный и многоуважаемый папаша Ламсдорфъ пріѣхалъ, но это оказалось невѣрно; я обрадовалась, какъ дитя, и велѣла какъ можно скорѣе приготовить для него комнату, но когда оказалось, что это была неправда, то я была очень огорчена; я желала бы скорѣе увидѣть этого достойнаго старика. Прощайте, добрые друзья мои; погода у насъ отвратительная.

Понедѣльникъ, 6-го сентября.

Сегодня была настоящая октябрьская погода, это очень непріятно. Скажу вамъ новость: княжна Щербатова выходитъ замужъ за камеръ-

юнкера Поликарпова; затѣмъ скажу вамъ, что Жуковскій здѣсь съ субботы и что мы провели часть вечера въ субботу и весь сегодняшній вечеръ, читая его произведенія, а на закуску прочли «Пѣвца» и «Посланіе»; какъ много прекрасныхъ и трогательныхъ воспоминаній вызвало во мнѣ это чтеніе! Я съ нетерпѣніемъ ожидаю письма отъ императора; надѣюсь получить отъ васъ письма отъ 12-го числа, которыхъ недостаетъ; нѣсколько вашихъ писемъ пропало: очевидно, они находятся въ канцеляріи, куда они были отданы вами. Напишите мнѣ пожалуйста о наслѣдномъ принцѣ Виртембергскомъ, бываетъ ли онъ у васъ и встрѣчаетесь ли вы съ нимъ по-братски? Въ дружескихъ ли вы съ нимъ отношеніяхъ? Словомъ, скажите мнѣ, каковъ онъ и какъ онъ ведетъ себя въ Парижѣ? Дѣйствительно ли онъ любитъ Екатерину, доказываетъ ли онъ это своимъ поведеніемъ? Да пошлетъ ей Господь счастье. Въ газетахъ пишутъ, что Павелъ [1]) удалился въ Швейцарію, гдѣ онъ окончательно поселился. Дай Богъ ему всего хорошаго, но я не удивлюсь, если его вышлютъ оттуда за его поведеніе и неумѣстныя рѣчи. Прощайте, друзья мои; скажите мнѣ, дорогой Никошъ, исполнили ли вы мои порученія, данныя вамъ при отъѣздѣ, коихъ вы имѣете списокъ, и какимъ путемъ они будутъ мнѣ доставлены. Отвѣтьте мнѣ также насчетъ Пуженса и скажите мнѣ наконецъ, видѣли ли вы сына Вилламова. Прощайте, дѣти мои, спокойной ночи, спите спокойно. Я получила письмо отъ Константина; онъ пишетъ мнѣ, что императоръ приказалъ ему пріѣхать къ нему, чѣмъ онъ очень доволенъ. Здѣсь носится слухъ, будто въ Парижъ пріѣхала княгиня Багратіонъ; правда ли это?

7-го сентября, вторникъ.

Здравствуйте, мои добрые, дорогіе друзья. Гдѣ вы? Я полагаю, что если императоръ поѣдетъ въ Брюссель, то вы будете сопровождать его и, быть можетъ, увидитесь тогда съ Вильгельмомъ; я очень желала бы этого. Все, что я слышу объ этомъ молодомъ человѣкѣ, предвѣщаетъ мнѣ счастье для Аннеты, и отъ этого я чувствую себя счастливой; всѣ наши очень любятъ его, говорятъ, что онъ очень любезенъ и изященъ; это понравится Аннетѣ, которая любитъ изящныя манеры. Того—другого у насъ не любятъ, его насмѣшливый тонъ и продѣлки очень повредили ему; думаютъ даже, что онъ невѣренъ Екатеринѣ. Ея будущность внушаетъ мнѣ большія опасенія; я боюсь, чтобы мои предчувствія не оправдались и чтобъ она не раскаялась въ сдѣланномъ ею выборѣ. Прошу васъ, напишите мнѣ о немъ. Постарайтесь, чтобы ваши письма были получены мною, дорогія дѣти, и справьтесь, почему я не получила отъ васъ

---

[1]) Принцъ Виртембергскій.

письма съ курьеромъ, посланнымъ 12-го числа. Шлю привѣтъ генералу, вашимъ кавалерамъ и нашимъ молодцамъ военнымъ. Не забывайте меня, помните мои совѣты, дорогія дѣти, и доставьте мнѣ счастье и радость видѣть, что вы уважаете себя; тогда васъ будутъ уважать и ваши соотечественники и будетъ благословлять ваша мать, которая горячо обнимаетъ и цѣлуетъ васъ. Марія.

Въ случаѣ, если Пуженсъ умеръ, разузнайте, дорогой Никошъ, кому бы мнѣ поручить вмѣсто него заботы о моей библіотекѣ и покупку книгъ?

Num. 71.

Ce Mercredi, 8 Sept(embre) 1815.

Partagez ma satisfaction, mes bons, chers amis: notre bon et digne général Lamsdorf est arrivé et viendra demain chez moi. Je m'en réjouis du fond de mon coeur, nous causerons de vous et nos âmes seront à l'unisson pour vous chérir et demander à Dieu votre maintien dans la voie du devoir, de l'ordre, de la règle, de la vertu; je vous manderai demain comment je l'aurai trouvé. Nous avons eu une journée superbe, il a fait une rosée ou une gelée blanche qui nous a valu un ciel pur et serein, et le soleil a réchauffé l'air. Nous avons dîné chez la comtesse Golowkin dans sa nouvelle galerie, qu'elle a construite sur la place que j'avais donnée à la ..... [1]) et qu'elle a vendue à la comtesse. L'emplacement est très beau, la vue délicieuse, mais la galerie me paraît manquée dans les proportions. Paschkof m'a annoncé ce soir que le g(énéral) Lévachof était arrivé et demandait à m'être présenté, je l'ai fixé à demain; il précède son régiment pour affaires. Cher Michel, que nous penserons à vous. Dans peu tous nos militaires reviendront, ce qui nous fait plaisir. On dit que le comte Miloradovitch fait une excursion à Kiew. Bonsoir, mes bons amis, dormez bien.

Ce Jeudi, 9 Sept(embre).

Notre bon papa Lamsdorf est arrivé ce matin à 9 heures, frais, gai, dispos, avec la mine brillante de santé, bien content de vous, mes bons amis, de vos lettres, il venait d'en recevoir une de vous, cher Nicoche, du 7 Août. Les éloges qu'il entend faire de vous rajeunissent ce respectable vieillard, il me répétait ce matin avec l'accent du sentiment: J'espère qu'ils quitteront Paris purs, vertueux, dignes de vos bontés, et qu'en se retrouvant dans vos bras ils pourront vous dire: Maman, vous pouvez être contente de nous. C'est ce dont je me flatte aussi, chers enfants, c'est ce que je demande à Dieu avec ardeur. Nous avons passé

---

[1]) Слово не разобрано.

la matinée à parler de vous, ensuite à midi, par un temps superbe, nous avons fait une longue promenade à pied; il a dîné chez moi et m'a quittée après le dîner pour rejoindre sa femme qui était un peu souffrante. Nous nous verrons, s'il plaît à Dieu, le 14 en ville et il m'a promis de venir passer quelques jours à Gatschina. Il a trouvé le bon Glinka chez moi et s'en est bien réjoui. Je ne puis vous exprimer, mes bons amis, ce que j'ai éprouvé en le revoyant, c'est un avant-goût du bonheur que j'éprouverai à vous embrasser, mais comme mes yeux vous ont cherchés et ne concevaient pas que vous n'étiez pas des nôtres. J'ai béni Dieu de trouver le bon vieillard aussi bien, mais il est bien certainement plus frais et mieux qu'à son départ. Il m'enverra Dimanche une lettre pour vous. Le général Lévaschof a été des nôtres à dîner, il a pris les devants pour arranger ses réserves et les préparer; il a été à Varsovie et est enchanté et émerveillé des travaux de Constantin; il dit que la troupe qu'il a formée est superbe. Voilà toutes mes nouvelles, mes bons amis, que je vous donne en terminant ces lignes, en vous embrassant de tout, tout mon coeur et vous donnant mille bénédictions.

Ce Vendredi, 10 Sept(embre).

Nous avons un temps des dieux, mes amis, le plus beau ciel possible, une température délicieuse à midi, mais il gèle toutes les nuits; mon jardinier de Gatschina m'a dit qu'il a même gelé de la glace et que les fleurs sont abîmées, ce qui n'est pas le cas ici. Je viens de faire une grande promenade sur votre place avec l'ami Gonzague; elle devient belle; le bois tombe derrière votre palais, nous nous efforçons à vous plaire, chers enfants, pour que vous trouviez le séjour à nous agréable. Rien de nouveau à vous mander d'ici; ainsi, comme j'ai encore à faire, adieu, mille bénédictions et autant d'assurances d'amitié et de tendresse.

Marie.

Mes compliments au général et à vos messieurs, de même qu'à nos braves. On dit ici que Pougens existe: de grâce, mes enfants, tâchez d'en avoir des nouvelles: peut-être M-r Cuvier pourra-t-il vous en donner.

Среда, 8-го сентября 1815 г.

(Переводъ). Порадуйтесь вмѣстѣ со мной, добрые, дорогіе друзья мои; нашъ добрый и достойный ген. Ламсдорфъ пріѣхалъ и будетъ завтра у меня, я отъ души радуюсь этому, мы будемъ говорить о васъ, наши души сольются въ любви къ вамъ, и мы будемъ вмѣстѣ съ нимъ просить Бога поддержать васъ на пути долга, порядка и добродѣтели; я напи-

шу вамъ завтра, какъ я нашла его. У насъ была великолѣпная погода; по утру былъ иней, небо было ясное, и солнце согрѣло воздухъ; мы обѣдали у графини Головкиной въ ея новой галереѣ, построенной на мѣстѣ, которое я подарила ...... [1]) и которое она продала графинѣ. Мѣстность очень красивая, видъ прелестный, но галерея, по моему мнѣнію, не пропорціональна. Пашковъ доложилъ мнѣ сегодня вечеромъ, что пріѣхалъ генералъ Левашовъ и желаетъ представиться мнѣ; я приму его завтра; онъ пріѣхалъ раньше полка по дѣламъ. Дорогой Михаилъ, какъ мы будемъ думать о васъ. Въ скоромъ времени всѣ наши военные вернутся, чему мы очень рады. Говорятъ, будто графъ Милорадовичъ ѣдетъ въ Кіевъ. Покойной ночи, добрые друзья мои; спите спокойно.

Четвергъ, 9-го сентября.

Нашъ добрый папаша Ламсдорфъ пріѣхалъ сегодня по утру въ 9 часовъ, свѣжій, веселый, бодрый; его лицо дышетъ здоровьемъ, и онъ очень доволенъ вами, добрые друзья мои, и вашими письмами; онъ только-что получилъ письмо отъ васъ, дорогой Никошъ, отъ 7-го августа. Похвалы, которыя онъ слышитъ о васъ, подбодряютъ этого почтеннаго старца; онъ говорилъ мнѣ сегодня утромъ съ искреннимъ чувствомъ: «Я надѣюсь, что они уѣдутъ изъ Парижа чистые, добродѣтельные, достойные вашихъ милостей и, очутившись въ вашихъ объятіяхъ, они будутъ имѣть право сказать: «Мамаша, вы можете быть довольны нами». Я также надѣюсь на это, дорогія дѣти, и горячо молю объ этомъ Господа. Мы все утро говорили о васъ; а затѣмъ въ полдень совершили большую прогулку пѣшкомъ, погода была великолѣпная; Ламсдорфъ обѣдалъ у меня, но послѣ обѣда уѣхалъ, онъ торопился къ женѣ, которая немного нездорова. Мы увидимся, Богъ дастъ, 14-го числа въ городѣ, онъ обѣщалъ мнѣ пріѣхать на нѣсколько дней въ Гатчину. Онъ былъ очень доволенъ, заставъ у меня добраго Глинку. Не могу выразить вамъ, добрые друзья мои, что я испытала, увидавъ его; это было предвкушеніе того счастья, которое я испытаю, обнявъ васъ; но какъ я васъ искала глазами, я не могла помириться съ мыслью, что васъ не было съ нами. Благодарю Бога за то, что добрый старикъ чувствуетъ себя очень хорошо, онъ сталъ несомнѣнно гораздо свѣжѣе и на видъ лучше, нежели передъ отъѣздомъ. Въ воскресенье онъ пришлетъ мнѣ письмо для передачи вамъ. Генералъ Левашовъ обѣдалъ съ нами; онъ пріѣхалъ впередъ, чтобы приготовить резервы; онъ былъ въ Варшавѣ и восхищенъ работою Константина; онъ говоритъ, что сформированное имъ войско великолѣпно. Вотъ и всѣ мои новости, добрые

[1]) Слово не разобрано.

друзья мои. Заканчиваю эти строки, благословляя васъ отъ всей, отъ всей души, и посылаю вамъ тысячу благословеній.

10-го сентября, пятница.

У насъ божественная погода, друзья мои, небо восхитительное, въ полдень температура пріятная, но каждую ночь слегка подмораживаетъ; мой гатчинскій садовникъ сказалъ мнѣ, что вода даже замерала и цвѣты попорчены; здѣсь этого не было. Я только-что совершила большую прогулку съ моимъ другомъ Гонзаго въ вашей части парка; она становится очень красивою; позади вашего дворца вырубаютъ лѣсъ; мы стараемся дѣлать вамъ пріятное, дорогія дѣти, чтобы вы чувствовали себя съ нами хорошо. Я не имѣю сообщить вамъ отсюда ничего новаго, поэтому прощайте, такъ какъ у меня еще есть дѣло; тысячу разъ благословляю васъ и столько же разъ увѣряю васъ въ своей любви и дружбѣ. Марія.

Мой привѣтъ генералу и вашимъ кавалерамъ и нашимъ молодцамъ военнымъ. Здѣсь говорятъ, будто Пуженсъ живъ. Бога ради, дѣти мои, постарайтесь разузнать о немъ; быть можетъ, г. Кювье можетъ дать вамъ какія-нибудь свѣдѣнія о немъ.

Num. 72.

Ce Samedi, 11 Sept(embre) 1815.

Il y a 8 jours que nous avons reçu vos dernières lettres, mes bons amis, et elles étaient du 6 et 7 Août, ainsi je suis à un mois et 3 jours de sa date: c'est bien bien long. Dieu sait d'où viennent ces retards des courriers. Le temps est superbe, ainsi les chemins doivent être parfaits, car il gèle toutes les nuits, mais la journée est magnifique. Les gazettes m'alarment, car il me paraît que les esprits sont bien agités en France. Est-il vrai que les jours de la d(uchesse) d'Angoulême ont été en danger à Poitiers? Elles nous disent aussi que l'empereur va à Milan, mais le Ciel nous présérvera du malheur de voir prolonger son absence: ce serait réduire tout le monde au désespoir. Bonsoir, mes enfants, rien de nouveau au monde, je finis par mon vieil adage en vous répétant l'assurance de mon souvenir et renouvellant ma bénédiction.

Ce Dimanche, 12 Sept(embre).

Nous avons eu encore la plus belle journée possible et la promenade a été des plus agréables. J'ai passé la journée en retraite, comme toujours, elle est riche en tristes souvenirs pour moi. Pas de courrier encore. Nous faisons nos paquets pour partir avec l'aide de Dieu après-demain; par le temps superbe qu'il fait je quitte Pawlovsk à regret. On

nous a dit aussi que M-r Swistunof le chambellan est mort au Caucase où il avait été, je crois, envoyé par commission. Rien de nouveau du reste, je n'ai vu personne, aussi Pawlovsk à ce Dimanche ne se ressemble pas avec ceux des autres semaines. Bonsoir, mes bons amis. Toute à vous de coeur et d'âme.

Ce 13 Sept(embre).

Adieu, mes chers enfants, je pars demain et j'empaquète, je n'ai un moment à moi. Voici une lettre de papa Lamsdorf. Pas de vos nouvelles depuis 10 jours, c'est désolant. Je vous embrasse bien tendrement et vous aime de même. Ne m'oubliez pas.

Marie.

Mes compliments à qui appartient.

Суббота, 11-го сентября 1815 г.

(Переводъ). Уже недѣля прошла съ тѣхъ поръ, какъ мы получили ваши послѣднія письма, друзья мои; они были помѣчены 6-мъ и 7-мъ августа, слѣдовательно, писаны мѣсяцъ и три дня тому назадъ, это очень давно. Богъ знаетъ, почему курьеры такъ запаздываютъ. Погода стоитъ великолѣпная, и дороги должны быть очень хороши, такъ какъ ночью подмораживаетъ, а днемъ стоитъ великолѣпная погода. Газеты тревожатъ меня, такъ какъ изъ нихъ видно, что умы во Франціи очень возбуждены. Правда ли, что жизнь герцогини Ангулемской подверглась опасности въ Пуатье? Въ газетахъ пишутъ также, что императоръ собирается въ Миланъ. Не дай Богъ, чтобы отсутствіе его продолжилось долго: это было бы большое несчастіе и привело бы всѣхъ въ отчаяніе. Прощайте, дѣти мои, у насъ нѣтъ ничего новаго; кончаю своимъ вѣчнымъ припѣвомъ, повторяя вамъ увѣреніе въ томъ, что я васъ помню и благословляю.

Воскресенье, 12-го сентября.

Сегодня у насъ была опять великолѣпнѣйшая погода, я совершила очень пріятную прогулку; сегодняшній день я провела по обыкновенію въ уединеніи; онъ полонъ для меня грустныхъ воспоминаній. Курьера все еще нѣтъ. Мы укладываемся и съ Божьей помощью собираемся уѣхать послѣ-завтра. Погода такъ хороша, что я покидаю Павловскъ съ сожалѣніемъ. Намъ сообщили также, что камергеръ Свистуновъ умеръ на Кавказѣ, куда онъ былъ посланъ, кажется, съ порученіемъ. Впрочемъ, у меня нѣтъ никакихъ новостей, я никого не

видѣла, и Павловскъ въ это воскресенье не былъ похожъ на всѣ другія воскресенья. Прощайте, добрые друзья мои; ваша душой и сердцемъ.

13-го сентября.

Прощайте, дорогія дѣти, я уѣзжаю завтра, укладываюсь и не имѣю свободной минутки. Прилагаю письмо отъ папаши Ламсдорфа. Вотъ уже 10 дней, какъ отъ васъ нѣтъ извѣстій; это приводитъ меня въ отчаяніе. Нѣжно цѣлую васъ и также нѣжно люблю. Не забывайте меня. Марія.

Мой привѣтъ кому слѣдуетъ.

Num. 73.

St. Pétersbourg, ce Mardi, 14 Sept(embre), 1815.

Je suis ici depuis le dîner, mes chers enfants. Toute mon après-dînée je l'ai employée à visiter les instituts. La journée était digne du mois de Juillet, aussi, à force d'avoir été en mouvement, je me sens fatiguée et mes yeux me tombent. Bonsoir donc, mes bons amis; le reste, s'il plaît à Dieu, demain.

Ce 15 Sept(embre), Mercredi.

Cher Nicolas, j'ai passé et hier et aujourd'hui dans vos chambres, les miennes sont démeublées, on les nettoie et arrange un peu, il n'y a que ma chambre à coucher qui reste telle qu'elle a été et dont la tapisserie ne peut pas se laver; ainsi je dors chez moi et dès ce que j'ai fait ma première toilette de matin j'ai passé chez vous, pour déjeuner, m'habiller et recevoir du monde. Nous avons dîné hier et aujourd'hui dans votre chambre d'étude et avons pris le café sur votre balcon. Je ne puis vous exprimer, cher Nicoche, ce que j'éprouve de me trouver chez vous sans vous voir: je me crois plus rapprochée de vous, je crois vous voir, vous entendre, et mon coeur se serre en voyant que vous n'y êtes pas. Le bon papa Lamsdorf a dîné chez moi hier, il était un peu enrhumé, ce qui l'a empêché de venir me voir aujourd'hui, mais son incommodité est sans conséquence. Annette est chez vous, cher Michel, et éprouve les mêmes sentiments: nous nous disons que vous aurez plaisir à nous avoir hébergées. J'ai été à l'église de Casan par un temps du mois de Juillet; Annette n'a pas été avec moi ayant pris hier accidentellement un peu de colique, alors Chreithon n'a pas voulu qu'elle s'expose à l'humidité de l'église, mais du reste elle se porte bien et a dîné et soupé avec moi. Nous comptons aller voir demain l'exposition des tableaux et puis nous irons à Gatchina. Je désire que le temps nous

*

y favorise comme il l'a fait ces jours-ci, où nous avons eu la plus belle journée d'été. J'ai vu aujourd'hui le bon général Sipägin et le prince Dmitri Galitzin. Sipägin m'a dit que notre bon comte Miloradovitch voulait aller à Kief, mais que pour la mi-d'Octobre il serait de retour. J'espère bien que pour la mi-Octobre je reverrai aussi mes petits amis: je m'en meurs d'envie et demande au Ciel de vous ramener tous au plus tôt. Il est grandement temps et essentiel que l'empereur revienne: son absence désole. Bonsoir, mes bons amis, je vous embrasse de tout mon coeur et vous écris toujours, quoique vous ne m'écrivez pas. Nous voici 13 jours sans vos nouvelles et à un mois et 7 jours de notre dernière lettre; c'est cruel, mais je sais que ce n'est pas votre faute. Bonsoir, chers et bien aimés enfants, que Dieu soit avec vous.

Gatchina, ce 16 Sept(embre).

Chers, bien aimés enfants, me voici arrivée ici, je vous cherche partout, je crois vous entendre, je vais chez vous, enfin mon coeur est ..... [1]) de ne pas vous voir près de moi et j'en éprouve une peine qui ne s'exprime pas, mais qui (se) sent profondément. J'ai eu le bonheur de recevoir ce matin trois de vos lettres à la fois, du 12, 17 et 22 Août et vous en remercie de tout mon coeur: elles me donnent une jouissance inexprimable et vous valent toujours des bénédictions. Que je vous suis obligée, cher Nicoche, de me parler avec cette franchise et cet abandon: c'est le seul langage à admettre entre mère et fils, mes bons enfants, le seul qui établit la confiance et la légitime par l'estime. Je bénis Dieu de vous savoir vous maintenir dans les principes que je vous ai souvent prêchés, cher Nicolas, de même que notre digne et respectable Lamsdorf; tenez-vous y constamment, mon bon ami, et alors vous descendrez toujours avec satisfaction au fond de votre conscience et vous vous direz: Dieu sera content de moi, ainsi maman le sera. Je vous dis la même chose, cher et bien aimé Michel, et voudrais bien que vous aussi me parliez avec toute l'ouverture possible. Il m'est pénible, mes bons amis, de voir par vos occupations continuellement militaires du matin que vous ne pouvez donner nul temps à une occupation sérieuse et ..... [2]) qui soit au profit de votre esprit, de votre jugement, de vos connaissances. Voilà bien du temps perdu, mes bons amis; souvenez-vous du précepte de feu mon père que je vous ai cité si souvent: le jour qu'on n'avance pas en connaissance, on recule. Enfin j'espère, s'il plaît à Dieu, que votre séjour à Paris tire à sa fin et que bientôt vous reprendrez la route qui vous ramènera chez nous, où vous tâcherez, j'en suis sûre, de

---

[1]) Слово не разобрано.
[2]) Слово не разобрано.

regagner le temps perdu. L'empereur nous fait espérer son retour, ce qui me rend d'un grand bonheur: je ne peux assez répéter, combien il est essentiel qu'il revienne au plus tôt. Je vois, cher Nicoche, que vous avez l'espérance de revenir par Berlin et de vous y arrêter quelques jours, je m'en réjouis avec vous; je suis bien aise de voir qu'Alexandrine paraît être portée pour vous, mais ménagez sa délicatesse, cher Nicoche, et ne la faites pas apercevoir que vous savez son secret: il faut vous le dissimuler à vous-même pour être d'autant plus heureux dans la suite. Je me réjouis beaucoup des bonnes nouvelles de la santé de Guillaume: tout le temps que j'entends dire de cet estimable jeune homme me le rend toujours plus cher. Il est bien heureux de le voir aimé par les nôtres: ils sont bons juges. Il est cruel de voir que l'autre ne l'est pas; le sort de Cateau me donne des angoisses mortelles: elle l'aime de si bonne foi, elle en a une si haute opinion que si jamais elle est obligée d'en décompter, elle en sera bien malheureuse. Elle se loue beaucoup de son amitié, de sa confiance, de sa grande exactitude, dernièrement elle m'a marqué qu'il lui avait parlé de la manière la plus avantageuse de Guillaume et qu'il paraissait qu'ils s'étaient liés d'amitié. Il est très particulier que l'empereur ne me nomme plus le W(urtemberg); c'est comme s'il n'existait pas; j'observe donc le même silence sur lui dans mes lettres: pour vous, mes bons amis, soyez prudents, il a certainement de l'esprit et de la finesse, ainsi soyez sur vos gardes pour ne pas lui faire voir que vous n'en avez pas bonne opinion. Je plains Catherine du fond de mon coeur. Ne savez-vous rien des intentions du prince de W(urtemberg): vient-il ici? ne vient-il pas? y-a-t-il quelque chose de décidé sur le temps et les lieux de la noce? Assisterez-vous au couronnement du r(oi) des Pays-Bas? Et vers quel temps croyez-vous que vous pourrez arriver chez nous? Puis-je me livrer à l'espoir de vous voir le 14 Oct(obre)? Grand Dieu, que je serai heureuse! Avant mon départ de ce matin j'ai été à l'académie des beaux-arts. Voilà un superbe établissement qui périclite et qui ne se ressemble plus depuis la mort du comte Stroganof, c'est bien dommage. Notre temps est superbe. Je ne puis rien vous dire d'ici, si non que j'ai logé Petruche dans vos chambres, Nicoche, pour avoir un enfant près de moi; cela me donne quelques moments d'heureuse illusion.

J'ai vu ce matin papa Lamsdorf à qui j'ai remis votre lettre, cher Michel; elle lui a fait grand plaisir. Bien obligée, mon bon ami, pour votre superbe robe, mais c'est trop beau, cher enfant, et je suis peinée de vous voir faire de la dépense pour moi, mon bon ami; recevez tous mes remercîments et mes tendres embrassements. Dites-moi, cher Nicoche, si vous avez fait toutes mes emplettes, sans avoir oublié les fleurs; j'espère que vous nous enverrez des listes pour que nous ne nous trompions pas avec Annette. Je vois, mes bons amis, que tous ces grands

dîners vous ennuient beaucoup, et ne m'en étonne pas; j'ai été surprise de vous voir dîner chez la duchesse de Courlande, femme bien méprisable, à laquelle je ne rendrai pas les compliments qu'elle m'a fait faire. Comment vous êtes-vous amusé à Grosbois? La princesse est-elle aimable? Adieu, chers et bons enfants, faites mes compliments à vos messieurs, à tous nos braves militaires, surtout à Constantin Benckendorf; mille choses au bon Rühl, dites-lui qu'il n'oublie pas de me faire une bonne provision de pastilles pour la toux qui m'ont fait tant de bien. Répondez-moi, je vous en prie, sur Pougens. Est-il mort ou vivant? Cette ignorance nuit à ma bibliothèque qui languit et ne reçoit rien depuis le mois de Mars. Adieu mille fois, chers et bien aimés enfants, je vous embrasse de toute mon âme, de tout mon coeur et vous donne mille bénédictions.

Marie.

On dit le g(énéral) Kleinmichel mort d'un coup d'apoplexie; il était en Pologne.

С-Петербургъ. 14-го сентября, вторникъ, 1815 г.

(Переводъ). Я здѣсь съ обѣда, дорогія дѣти; все послѣобѣденное время я обозрѣвала институты. Погода была чисто-іюльская, и такъ какъ я много двигалась, то я чувствую себя утомленной и глаза у меня слипаются; поэтому прощайте, добрые друзья мои; остальное, если Богу будетъ угодно, напишу завтра.

15-го сентября, среда.

Дорогой Николай, я провела сегодняшній и вчерашній день въ вашихъ комнатахъ; изъ моихъ комнатъ вынесена вся мебель, ихъ чистятъ и приводятъ немного въ порядокъ. Только моя спальня осталась не тронутой, въ ней нельзя мыть обои, поэтому я сплю у себя и, совершивъ по утру свой туалетъ, тотчасъ отправляюсь къ вамъ, завтракаю, одѣваюсь и принимаю гостей. Вчера и сегодня мы обѣдали въ вашемъ кабинетѣ и пили чай на вашемъ балконѣ; не могу выразить вамъ, дорогой Никошъ, что я чувствую, находясь въ вашихъ комнатахъ и не видя васъ: мнѣ кажется, что я ближе къ вамъ, мнѣ кажется, что я вижу и слышу васъ, и сердце сжимается у меня отъ боли, видя, что васъ нѣтъ. Вчера у меня обѣдалъ добрый папаша Ламсдорфъ; у него былъ маленькій насморкъ, потому онъ не могъ быть у меня сегодня, но его болѣзнь пустяшная. Аннета помѣщается у васъ, дорогой Михаилъ, и испытываетъ тѣ же чувства; мы думаемъ, что вамъ будетъ пріятно слышать, что вы пріютили насъ. Воспользовавшись чисто-іюльской по-

годой, я побывала въ Казанскомъ соборѣ; Аннета со мной не ѣздила, такъ какъ у нея случайно сдѣлались желудочныя спазмы и Крейтонъ не хотѣлъ, чтобы она ѣздила въ церковь, боясь сырости; впрочемъ, она чувствуетъ себя хорошо и обѣдала и ужинала вмѣстѣ со мною. Завтра мы намѣрены побывать на выставкѣ картинъ, а затѣмъ поѣдемъ въ Гатчину. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ погода намъ благопріятствовала такъ же, какъ всѣ эти дни, которые были совершенно лѣтніе. Я видѣла сегодня добраго генерала Сипягина и князя Дмитрія Голицына. Сипягинъ сказалъ мнѣ, что нашъ добрый графъ Милорадовичъ собирается въ Кіевъ и что онъ вернется въ половинѣ октября. Надѣюсь также въ половинѣ октября увидѣть моихъ милыхъ друзей; я страстно желаю этого и прошу Господа, чтобы вы всѣ вернулись какъ можно скорѣе; императору давно уже пора вернуться, это необходимо, его отсутствіе приводитъ всѣхъ въ отчаяніе. Прощайте, добрые друзья мои, цѣлую васъ отъ всего сердца; я постоянно пишу вамъ, хотя вы мнѣ ничего не пишете. Вотъ уже 13 дней, какъ мы не имѣемъ отъ васъ извѣстій, а съ тѣхъ поръ, какъ вы мнѣ писали послѣдній разъ, прошелъ мѣсяцъ и 6 дней; это жестоко, но я знаю, что вы въ этомъ не виноваты. Прощайте, дорогія, любезныя дѣти, да сохранитъ васъ Господь.

Гатчина, 16-го сентября.

Дорогія, любезныя дѣти, вотъ я и пріѣхала въ Гатчину; я повсюду ищу васъ; мнѣ кажется, что я васъ слышу; я иду въ ваши комнаты, словомъ, я тоскую всѣмъ сердцемъ, что васъ нѣтъ со мною, и испытываю такую грусть, которую нельзя передать словами, но которую я чувствую глубоко. Я имѣла удовольствіе получить сегодня утромъ отъ васъ три письма сразу отъ 12-го, 17-го и 22-го августа; отъ всего сердца благодарю васъ за нихъ, они доставляютъ мнѣ неоказанное удовольствіе, и я благословляю васъ за нихъ.

Какъ я благодарна вамъ, дорогой Никошъ, за вашу откровенность и искренность; это единственный языкъ, возможный между матерью и сыномъ; добрыя дѣти мои, онъ одинъ только и можетъ вызвать довѣріе и оправдать его взаимнымъ уваженіемъ. Я благодарю Бога за то, что вы не отступаете отъ тѣхъ правилъ, которыя я такъ часто внушала вамъ, дорогой Николай, точно такъ же, какъ нашъ достойный и уважаемый Ламсдорфъ; держитесь ихъ всегда, добрый другъ мой, тогда вы всегда будете прислушиваться къ голосу вашей совѣсти и скажете себѣ: «Богъ доволенъ мной, мамаша тоже будетъ довольна». Повторяю то же самое и вамъ, дорогой и любезный Михаилъ; мнѣ хотѣлось бы, чтобы и вы писали мнѣ также со всевозможною откровенностью. Мнѣ грустно видѣть, добрые друзья мои, что, будучи заняты все утро военными упражненіями, вы не можете посвятить времени серьезнымъ заня-

тіямъ, которыя были бы полезны для вашего ума, для вашего разсудка, для вашихъ знаній. Вы теряете такимъ образомъ очень много времени, добрые друзья мои; припомните правило моего покойнаго отца, которое я вамъ не разъ повторяла: въ тотъ день, когда человѣкъ не пріобрѣтаетъ новыхъ знаній, онъ идетъ назадъ. Я надѣюсь однако, что съ Божьей помощью ваше пребываніе въ Парижѣ скоро кончится и что вы вскорѣ пуститесь снова въ путь къ намъ и, пріѣхавъ сюда, постараетесь, я увѣрена, наверстать потерянное время.

Императоръ подаетъ намъ надежду, что онъ скоро вернется; это насъ несказанно радуетъ. Я не могу достаточно выразить вамъ, до какой степени необходимо, чтобы онъ вернулся какъ можно скорѣе. Я вижу, дорогой Никошъ, что вы разсчитываете на обратномъ пути быть проѣздомъ въ Берлинѣ и остановиться тамъ на нѣсколько дней; я радуюсь этому вмѣстѣ съ вами; я очень довольна, что Александрина повидимому расположена къ вамъ, но пощадите ея деликатность и не показывайте ей, что вамъ извѣстенъ ея секретъ: вы должны это скрывать отъ самого себя, чтобъ быть счастливѣе впослѣдствіи. Меня очень радуютъ добрыя вѣсти о здоровьи Вильгельма; все, что я слышу объ этомъ достойномъ молодомъ человѣкѣ, дѣлаетъ его еще дороже для меня. Я очень рада, что наши полюбили его: они хорошіе судьи; тяжело видѣть, что того-другого не любятъ; судьба Като меня теперь сильно тревожитъ; она его такъ искренно любитъ и такого хорошаго о немъ мнѣнія что она была бы очень несчастлива, если бы ей пришлось измѣнить это мнѣніе. Она не нахвалится его любовью, его довѣріемъ, его аккуратностью; еще недавно она писала мнѣ, что онъ отозвался самымъ выгоднымъ образомъ о Вильгельмѣ, и они какъ будто бы подружились. Удивительно, что императоръ не упоминаетъ болѣе о (принцѣ) Виртембергскомъ, какъ будто его не существуетъ; поэтому и я также умалчиваю о немъ въ своихъ письмахъ; что касается васъ, добрые друзья мои, будьте осторожны, онъ несомнѣнно уменъ и хитеръ, поэтому будьте осмотрительны, чтобы не показать ему, что вы дурного о немъ мнѣнія. Я отъ всей души жалѣю Екатерину. Не извѣстно ли вамъ что-нибудь о намѣреніяхъ принца Виртембергскаго, собирается ли онъ пріѣхать сюда или нѣтъ? Рѣшено ли что-нибудь окончательно относительно времени и мѣста свадьбы? Будете ли вы присутствовать на коронаціи короля Нидерландскаго и когда вы разсчитываете пріѣхать къ намъ? Могу ли я надѣяться видѣть васъ 14-го октября? Боже мой, какъ я была бы счастлива! Сегодня утромъ передъ отъѣздомъ я была въ академіи художествъ: это великолѣпное учрежденіе приходитъ въ упадокъ, оно совершенно измѣнилось послѣ смерти графа Строганова; это очень жаль. Погода стоитъ у насъ великолѣпная. Я не могу вамъ сообщить ничего новаго кромѣ того, что я помѣстила Петрушу въ ваши

комнаты, Никошъ, чтобы имѣть подлѣ себя ребенка: это даетъ мнѣ нѣсколько минутъ пріятной иллюзіи.

Я видѣла сегодня утромъ папашу Ламсдорфа, которому я передала ваше письмо, дорогой Михаилъ; оно доставило ему большое удовольствіе. Я очень благодарна вамъ, добрый другъ мой, за присланное вами великолѣпнѣйшее платье; оно слишкомъ хорошо, дорогое дитя; мнѣ непріятно, что вы тратитесь для меня, дорогой другъ мой; искренно благодарю васъ за него и нѣжно цѣлую. Скажите мнѣ, дорогой Никошъ, сдѣлали ли вы для меня всѣ покупки и не забыли ли вы цвѣты. Надѣюсь, что вы намъ пришлете списки, чтобы мы съ Аннетой не ошиблись. Я вижу, добрые друзья мои, что всѣ эти парадные обѣды очень надоѣдаютъ вамъ, и это меня не удивляетъ; я была изумлена, что вы обѣдали у герцогини Курляндской, женщины весьма недостойной, которой я не пошлю съ своей стороны поклона, хотя она мнѣ и послала свой. Веселились ли вы въ Гробуа? Была ли принцесса любезна? Прощайте, добрыя, дорогія дѣти мои; передайте отъ меня поклонъ всѣмъ вашимъ кавалерамъ, всѣмъ нашимъ молодцамъ военнымъ, въ особенности Константину Бенкендорфу; привѣтъ доброму Рюлю, скажите ему, чтобъ онъ не забылъ сдѣлать для меня хорошій запасъ пастилокъ отъ кашля, которыя принесли мнѣ такую пользу. Отвѣтьте мнѣ пожалуйста на счетъ Пуженса, живъ онъ или умеръ; эта неизвѣстность вредитъ моей библіотекѣ, которая хирѣетъ и не пополняется съ марта мѣсяца. Прощайте, тысячу разъ, дорогія, любезныя дѣти, цѣлую васъ отъ всей души и всего сердца и тысячу разъ благословляю васъ. Марія.

Говорятъ, будто генералъ Клейнмихель скончался отъ апоплексическаго удара, въ Польшѣ.

Num. 74.

Gatschina, Vendredi, ce 17 Sept(embre) 1815.

Mon Dieu, mes bons amis, combien vous me manquez, vous ne saurez vous en faire une idée; tout est vide autour de moi et j'éprouve un véritable sentiment d'angoisse de ne pas vous voir avec moi, près de moi, à côté de moi; j'entre dix fois dans la journée dans vos chambres, cher Nicoche, je voudrais pouvoir m'asseoir à ma place, vous écouter, et je reviens chez moi le cœur serré. Heureusement que le petit se trouve placé chez vous, de même ses cris enfantins de joie et de contentement me donnent quelque satisfaction. Le temps nous favorise, il a fait une journée délicieuse: j'ai parcouru mes orangeries et me suis beaucoup promenée. J'attends avec impatience les semences que vous m'avez promis de m'envoyer et les ai annoncées déjà à M. Weimar,

qui m'a fait une profonde révérence pour me remercier. Le bon Nélédinski est des nôtres. Nous avons fait une lecture le soir, la petite Anrep a touché ensuite le clavecin. Nous sommes peu de monde encore à cause de l'approche du 20, ainsi personne n'arrive, surtout que je ne reçois pas ce jour; ensuite nous recevrons des visites de la ville. J'ai oublié de vous dire hier que j'ai vu Adlerberg qui vous présente ses respects; il se porte bien et a bonne mine, il reste ici, s'y trouvant par commission: son pauvre chef est constamment malade. Bonsoir, mes amis, je vous embrasse de tout mon cœur.

Ce Samedi, 18 Sept(embre).

Nous avons eu encore une bien belle journée et j'ai fait un tour de promenade immense; j'ai marché deux heures et demie sans m'arrêter. J'ai bien pensé à vous, mes bons amis, car j'ai trouvé Gatschina très beau; Weimar l'a embelli par les clumbs de fleurs; mais il est singulier combien les arbres sont jaunes ici, il n'y a pas de comparaison à faire avec Pawlowsk. Les gazettes du jour nous disent l'empereur parti de Paris pour Vertus; les français disent, selon les gazettes, qu'il tiendra la revue de ses troupes dans ses domaines (vertu): voilà qui est aimable et rappelle le bon temps des français, où ils savaient dire des choses flatteuses et spirituelles. Comme l'empereur tiendra la revue le 29 Août, Constantin n'aura pas eu le temps d'arriver; il me paraît qu'il se trouvera au départ de l'empereur de Paris, car j'espère bien que le séjour ne sera plus prolongé. Dieu le veuille, car en vérité il n'y a qu'un cri pour demander au Ciel le retour de l'empereur. Rien de nouveau à vous mander d'ici, mes bons amis, je n'ai vu personne encore et ce ne sera que la semaine prochaine que nous attendons de la société. Bonsoir, mes bons amis. Toute à vous de cœur et d'âme. Je crains que vu la fatigue de revue nous n'aurons de longtemps pas de vos nouvelles. Dites-moi, si vous verrez Catherine en chemin. Reviendra-t-elle ici, ou le mariage se fera-t-il en pays étranger? Répondez-moi sur cette question, mes enfants.

Dimanche, ce 29 Sept(embre).

Mes bons amis, que vous nous avez manqué à la messe, que j'aurais voulu vous attirer chez moi, votre absence jette un voile de tristesse sur tout. Dieu veuille que cet état de choses cesse. J'ai fait prendre des chantres avec nous cette fois, ainsi même sous ce rapport vos bonnes oreilles n'auraient pas eu à souffrir. Le temps est superbe et j'en ai rofité. Je n'ai pas reçu de monde de la ville à cause de la veille de l'anniversaire de papa, à qui, j'en suis sûre, vous penserez particulière-

ment demain et prierez Dieu pour lui. Les officiers de notre garnison ont dîné selon l'ancienne habitude avec nous aujourd'hui et à votre retour nous vous conterons certaine anecdote qui vous fera rire tout en vous étonnant. Adieu, mes chers enfants, je vous embrasse de tout mon cœur et fais mes compliments au général, à vos messieurs et à nos braves militaires. Ne m'oubliez pas et dites-vous que je pense sans cesse à vous et vous renouvelle à chaque instant toutes mes bénédictions.

Marie.

Гатчина, пятница, 17-го сентября 1815 г.

(Переводъ). Боже мой, добрые друзья мои, вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ васъ недостаетъ, вокругъ меня все пусто, и я испытываю настоящую тоску, не видя васъ со мною, подлѣ меня, рядомъ со мной; я вхожу по десяти разъ въ день въ ваши комнаты, дорогой Никошъ, мнѣ хотѣлось бы сѣсть на мое обычное мѣсто, послушать васъ, и я возвращаюсь къ себѣ съ сердцемъ, преисполненымъ грусти. Къ счастью, маленькій помѣщенъ у васъ, и его дѣтскіе крики, выражающіе радость и удовольствіе, доставляютъ мнѣ нѣкоторое удовлетвореніе. Погода благопріятствуетъ намъ, сегодня день былъ прелестный, я обошла свои оранжереи и много гуляла. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ сѣмена, которыя вы обѣщали выслать мнѣ, я уже говорила объ этомъ Веймару, который поблагодарилъ меня, отвѣсивъ глубокій поклонъ. Добрый Нелединскій гоститъ у насъ. Вечеромъ мы читали, а затѣмъ маленькая Анрепъ играла на фортепіано. У насъ мало гостей въ виду того, что приближается 20-ое число; поэтому никто не пріѣзжаетъ, въ особенности потому, что я въ этотъ день не принимаю, а послѣ этого числа мы ожидаемъ гостей изъ города. Я позабыла вамъ сказать вчера, что я видѣла Адлерберга, который свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе; онъ здоровъ и имѣетъ прекрасный видъ; онъ остается здѣсь, такъ какъ посланъ сюда съ порученіемъ; его бѣдный начальникъ то и дѣло хвораетъ. Прощайте, друзья мои, цѣлую васъ отъ всего сердца.

Суббота, 18-го сентября.

Сегодня у насъ была опять прекрасная погода, и я совершила весьма большую прогулку; я ходила два съ половиной часа, не останавливаясь. Я много думала о васъ, добрые друзья мои; Гатчина показалась мнѣ прелестной. Веймаръ украсилъ ее цвѣточными клумбами; удивительно, какъ здѣсь деревья пожелтѣли, нѣтъ никакого сравненія съ Павловскомъ. Въ сегодняшнихъ газетахъ сказано, что императоръ уѣхалъ изъ Парижа въ Вертю; въ газетахъ пишутъ, что французы говорятъ, что онъ про-

изведетъ смотръ войскамъ «въ своихъ владѣніяхъ» (т. е. въ vertu) *(игра словъ; vertu означаетъ здѣсь добродѣтель)*; это любезно и напоминаетъ доброе старое время, когда французы умѣли говорить пріятныя и остроумныя вещи. Такъ какъ императоръ будетъ производить смотръ 29-го августа, то Константинъ вѣроятно не успѣетъ пріѣхать; я полагаю, что онъ будетъ въ Парижѣ къ отъѣзду императора, ибо я надѣюсь, что его пребываніе будетъ тамъ непродолжительно. Дай Богъ, такъ какъ, по правдѣ сказать, всѣ единодушно молятъ Господа, чтобъ онъ вернулся какъ можно скорѣе. Я не могу сообщить вамъ отсюда никакихъ новостей, добрые друзья мои, я еще никого не видѣла, и мы ожидаемъ гостей не ранѣе будущей недѣли. Прощайте, добрые друзья мои. Ваша душой и сердцемъ. Я боюсь, что мы долго не будемъ имѣть отъ васъ извѣстій, такъ какъ вы будете утомлены смотромъ. Напишите мнѣ, увидитесь ли вы по пути съ Екатериной. Вернется ли она сюда, или же бракосочетаніе будетъ совершено за границей? Отвѣтьте мнѣ на этотъ вопросъ, дѣти мои.

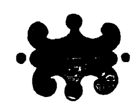
Воскресенье, 19-го сентября.

Добрые друзья мои, какъ васъ недоставало намъ за обѣдней; какъ я хотѣла бы привлечь васъ къ себѣ; ваше отсутствіе омрачаетъ все; дай Богъ, чтобы оно поскорѣй окончилось. Я велѣла взять этотъ разъ съ нами пѣвчихъ; слѣдовательно, въ этомъ отношеніи вашему нѣжному слуху не пришлось бы страдать. Погода стоитъ великолѣпная, и я воспользовалась ею сегодня. У меня никого не было изъ города, такъ какъ это канунъ памяти папаши, о которомъ, я увѣрена, вы особенно вспомните завтра и помолитесь за него Богу. Офицеры нашего гарнизона, по старой привычкѣ, обѣдали сегодня съ нами; когда вы вернетесь, мы разскажемъ вамъ одинъ анекдотъ, который посмѣшитъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удивитъ васъ. Прощайте, дорогія дѣти, отъ души цѣлую васъ и прошу передать мой привѣтъ генералу, вашимъ кавалерамъ и нашимъ молодцамъ военнымъ. Не забывайте меня и будьте увѣрены, что я постоянно думаю о васъ и каждую минуту посылаю вамъ свое благословеніе.

Марія.

Сообщ. **В. В. Щегловъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ портрету Св. о. Серафима Саровскаго.

Портретъ, фотографическій снимокъ съ котораго прилагается [1]), присланъ былъ святителемъ Серафимомъ Саровскимъ моей бабушкѣ Татьянѣ Гурьевнѣ Моревой.

Дѣло было такъ. Въ началѣ августа 1832 года дѣдъ мой, отецъ моей матери, протоіерей Петръ Ивановичъ Моревъ, переѣхалъ съ своимъ семействомъ изъ Бѣжецка (Тверск. губ.) въ Нижній Новгородъ, перемѣщенный сюда въ качествѣ настоятеля въ Козьмо-Даміановскую церковь. Но не суждено было ему пожить въ новомъ приходѣ. Простудившись, вѣроятно, во время дороги, онъ въ скоромъ времени по пріѣздѣ въ Нижній Новгородъ тяжко занемогъ и 9-го сентября скончался.

Бабушка моя съ пятью дѣтьми—двумя сыновьями и тремя дочерьми осталась безъ всякихъ средствъ. Положеніе ея было бы ужасно, если бы не было у нея сильнаго покровителя родственника въ лицѣ мѣстнаго архіерея Амвросія (Морева), бывшаго впослѣдствіи епископомъ въ Пензѣ. Преосвященный, весьма заботливо относившійся ко всѣмъ своимъ родственникамъ, принялъ горячее участіе въ осиротѣвшей семьѣ своего роднаго брата. Взявши въ архіерейскій домъ двухъ своихъ племянниковъ, онъ заявилъ своей невѣсткѣ, что заботу объ ихъ образованіи всецѣло принимаетъ на себя. Вдову же съ тремя ея дочерьми помѣстилъ въ мѣстномъ женскомъ монастырѣ, гдѣ она и прожила до 9-го сентября 1833 года—до времени переѣзда въ Пензу.

Благодаря попеченію и покровительству преосвященнаго, бабушка

---

[1]) Фотографическій снимокъ сдѣланъ не непосредственно съ портрета, а съ копіи, исполненной карандашомъ. Неоднократныя попытки фотографировать портретъ совершенно не удались: краски настолько потемнѣли отъ времени, что даже на ортохроматической пластинкѣ не получилось изображенія у опытнаго фотографа-спеціалиста. Теперь, благодаря И. А. Козакову, указавшему мнѣ для снятія копіи съ портрета на молодаго художника Н. С. Чеодаева, своего ученика, я имѣю художественную копію, сдѣланную послѣднимъ отъ руки, за что считаю долгомъ выразить названнымъ лицамъ глубокую благодарность и искреннюю признательность.

Съ этой копіи уже снята фотографія домашнимъ образомъ.

не испытала острой нужды; но тѣмъ не менѣе и нелегко жилось ей, пока не выросли и не пристроились дѣти. Особенно тяжело чувствовалось ей въ первое время вдовства, такъ какъ приходилось послѣ самостоятельной жизни привыкать къ положенію человѣка, живущаго милостями покровителя. Внимательный и заботливый къ сиротамъ, владыка былъ строгъ до суровости и своенравенъ. Облагодѣтельствованная вниманіемъ и заботами своего покровителя, бабушка жила однимъ желаніемъ постоянно выражать свою признательность благодѣтелю и внушить тѣ же чувства своимъ дѣтямъ. Боясь огорчить и раздражить владыку, она не осмѣливалась высказать своихъ мыслей и желаній относительно воспитанія и образованія своихъ дѣтей и была глубоко благодарна за все, что дѣлалось для нихъ заботливымъ дядею. Преосвященный же, уважая права матери, во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, касающихся сиротъ, совѣтовался съ бабушкою. Но эти совѣты, соображенія и предположенія сообщались ей обыкновенно въ видѣ обдуманныхъ рѣшеній, гдѣ надо было не обсуждать—хорошо ли, плохо ли предпринимаемое, а благодарить. А между тѣмъ материнскому сердцу нелегко было примириться съ необходимостью почти что отказаться отъ правъ матери, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ своимъ сыновьямъ, помѣщеннымъ въ архіерейскомъ домѣ съ архіерейскими пѣвчими, нравы которыхъ въ то время далеко не отличались безупречностью.

Безропотно перенося горе, тая въ глубинѣ души огорченія, считая свое несчастіе испытаніемъ Божіимъ и испытывая чувство глубочайшей благодарности къ Господу, пославшему сиротамъ покровителя, бабушка, вообще очень религіозная, поселившись въ монастырѣ, всецѣло предалась религіознымъ размышленіямъ, находя въ нихъ утѣшеніе и нравственную поддержку. Сосредоточиваясь болѣе и болѣе на мысляхъ религіознаго характера, она особенное удовольствіе находила въ чтеніи житій святыхъ угодниковъ и въ бесѣдахъ объ ихъ подвигахъ. Ей страстно хотѣлось, между прочимъ, повидать о. Серафима Саровскаго, о святой жизни котораго приходилось слышать много удивительныхъ разсказовъ; хотѣлось ей принять отъ него благословеніе и услышать слово поученія и ободренія изъ устъ высокаго подвижника. Желаніе это, однако жъ, казалось бабушкѣ настолько неосуществимымъ, что она даже никому и не высказывала своихъ мыслей. Путь отъ Нижняго Новгорода до Саровской пустыни при тогдашнихъ условіяхъ передвиженія былъ не легкимъ да и не дешевымъ. И ей ли, имѣющей при себѣ трехъ дочерей и живущей въ монастырѣ изъ милости архіерея, ей ли отправляться въ далекое, продолжительное и недешевое путешествіе? Бабушкѣ казалось даже неловкимъ высказывать свое желаніе и приходилось скрывать его въ тайникахъ своей души.

Но вотъ въ скоромъ времени желаніе бабушки видѣть святаго

старца сбылось, но такимъ образомъ, какъ бабушка и ожидать не могла. Въ монастырь явился монахъ-послушникъ изъ Саровской пустыни, разыскалъ келью, гдѣ жила вдова протоіерея Морева, и вручилъ ей портретъ о. Серафима, писанный масляными красками и вставленный въ простую деревянную рамку, окрашенную простою краскою. Вмѣстѣ съ портретомъ монахъ передалъ бабушкѣ и пять сухариковъ чернаго хлѣба—по числу ея сиротъ. Вручая послушнику посылаемое, о. Серафимъ, какъ сообщилъ посланный, благословилъ свой портретъ, т. е. сдѣлалъ надъ нимъ крестное знаменіе рукою, и, передавая монаху сухарики, приказалъ сказать бабушкѣ: «Не печалься, вдова! Трудно живется тебѣ, но Богъ милостивъ. Онъ прокормитъ твоихъ сиротъ. Вотъ тебѣ сухарики».

Портретъ этотъ бабушка, жившая въ Пензѣ съ моими родителями, берегла, какъ святыню, и неоднократно разсказывала съ благоговѣніемъ исторію его. Онъ постоянно висѣлъ въ ея комнатѣ, и я сталъ помнить его съ тѣхъ поръ, какъ сталъ помнить себя. Къ сожалѣнію, я не помню, говорила ли бабушка, въ какомъ мѣсяцѣ и какого числа былъ присланъ ей портретъ; да этому обстоятельству я тогда по малолѣтству (бабушка скончалась въ 1868 году) и не могъ придавать особаго значенія. Двѣ же дочери ея—моя мать, Елизавета Петровна Смирнова, и тетка, Марья Петровна Бурлуцкая, проживающія въ Пензѣ, не помнятъ точнаго времени присылки портрета. Достовѣрно, однако, то, что онъ присланъ въ періодъ времени отъ 9-го сентября 1832 года до 2-го января 1833 года.

Остается сказать нѣсколько словъ о самомъ портретѣ. Онъ, какъ уже выше упомянуто, написанъ на полотнѣ масляными красками, вѣроятно, домашнимъ монастырскимъ художникомъ. Полотно натянуто на тонкую сосновую доску 38,5 сантим. въ высоту и 31 сантим. въ ширину.

В. Смирновъ.

Поправка

къ воспоминаніямъ барона Густава Андреевича Розенкампфъ.

На стр. 184 (октябрьская книжка «Р. Стар.» сего года) Розенкампфъ говоритъ, что дочь князя Лопухина, Анна Петровна, вышла замужъ за князя Гагарина *въ 1805 г.* Это не точно, бракосочетаніе князя Гагарина съ княжной Лопухиной состоялось 8 февраля *1800 г.* въ Высочайшемъ присутствіи; посаженнымъ отцомъ жениха былъ гр. Н. И. Салтыковъ, а невѣсты—гр. А. С. Строгановъ; посаженною матерью жениха была гр. Ш. К. Ливенъ; вѣнцы держали: надъ женихомъ—поручикъ Кавалергардскаго полка Ушановъ, а надъ невѣстою—камергеръ кн. Львовъ. (См. Камеръ-Фурьер. журн. 1800 г. стр. 144—146).

Михаилъ Соколовскій.

Дурной сонъ.

Въ 1768 году пасторъ нѣмецкой Саратовской колоніи Бурмейстеръ подалъ въ контору опекунства иностранныхъ бумагу, въ которой описывалъ сонъ, видѣнный имъ въ день коронаціи Екатерины II.

По словамъ Бурмейстера, «сидѣлъ онъ, будто, за великолѣпнымъ столомъ съ дамою, которая подавала тайно любовные знаки раздающему кушанья, о которомъ всѣ думали, что онъ супругъ, но не государь. Подлѣ духовной особы во всемъ облаченіи стояла императрица въ готовности къ коронованію, но какъ той духовной особѣ все что за столомъ невѣжливаго происхожденія было непріятно, то она, изъявивъ неудовольствіе и снявъ съ себя великолѣпную шапку, возложила на императрицу. Шапка сія однако показалась поношеннымъ колпакомъ, и императрица разгнѣвалась и перемѣнялась въ разные виды, а духовная особа смѣялась, доколѣ не сдѣлался ужасный въ небѣ трескъ, отчего всѣ разбѣжались. Бурмейстеръ бѣжалъ какъ будто изъ Петергофа и примѣтилъ вдали государыню и прочихъ, за коими слѣдовалъ странный звѣрь: голова его ослиная, хвостъ змѣиный; и онъ хвостомъ зацѣпился за пень. Бурмейстеръ же, видя, по взгляду государыни, что должно дать ему помощь, освободилъ его»...

Бурмейстеръ былъ взятъ и заключенъ подъ стражу при канцеляріи опекунства иностранныхъ. Но здѣсь онъ вторично написалъ свое сновидѣніе и выбросилъ изъ окна на улицу.

По освидѣтельствованіи докторомъ, сновидецъ былъ признанъ помѣшаннымъ въ умѣ и отосланъ въ Кексгольмъ «на житіе подъ присмотромъ», а затѣмъ, въ виду его безпокойнаго характера, въ 1795 г. посаженъ въ крѣпость.

Кексгольмскій комендантъ де-Жерве 15-го іюня 1801 г. писалъ государю:

«Пасторъ Бурмейстеръ съ начала вступленія моего въ нынѣшнюю мою должность до сего числа, также и по сдѣланной мною выправкѣ и при предмѣстникахъ моихъ велъ себя всегда скромно, тихо и смирно. Нынѣ въ разсужденіи старости его лѣтъ, которыхъ онъ уже имѣетъ шестьдесятъ три года, слабость его корпуса, зрѣнія и памяти, не имѣя уже на свѣтѣ никакихъ желаній кромѣ покоя, неуповательно, чтобъ онъ могъ какъ себѣ самъ, равно и другимъ быть въ свободѣ опасенъ. Образъ жизни его, Бурмейстера, состоитъ единственно только въ томъ, что онъ препровождаетъ время чтеніемъ нѣкоторыхъ старинныхъ или молитвенныхъ книгъ, иногда занимался нѣкоторыми художественными рукодѣліями, въ коихъ онъ прежде сего былъ искусенъ. Нынѣ однако жъ какъ зрѣніе и силы его уже оставляютъ и симъ совсѣмъ заниматься не можетъ и ни къ чему не способенъ».

Въ 1801 г. 2-го іюля состоялось высочайшее повелѣніе объ освобожденіи Бурмейстера изъ крѣпости и объ отдачѣ на попеченіе и призрѣніе сыну его лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка лѣкарю Бурмейстеру.

Сообщилъ **Д. У.**

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

щихъ начальниками своими офицеровъ изъ англичанъ и шотландцевъ. Упадокъ сихъ полезныхъ началъ при царѣ Θедорѣ Алексѣевичѣ, показавшемъ впрочемъ сильное желаніе поддержать столь знаменитое заведеніе своего родителя и послѣдовавшее за кончиною его смутное правительствованіе, предавшее оное къ совершенному забвенію, было бы крайняго и невозвратнаго сожалѣнія достойно, если бы въ императорѣ Петрѣ Великомъ не воскресъ духъ родителя его, царя Алексѣя Михайловича.

Прежнее войско состояло, во-первыхъ, изъ дворянъ, имѣющихъ собственныя свои вотчины и верстанныхъ помѣстными окладами, по которымъ повинны они были отправлять службу не только сами до своей смерти, но еще по числу состоящихъ за ними крестьянъ водить на собственномъ своемъ иждивеніи какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ воиновъ. Къ ихъ сословію принадлежали всѣ древніе именитые роды и тѣ особы, которыя назывались родословными, такъ какъ и чиновники, извѣстные подъ именемъ стольниковъ, стряпчихъ, окольничихъ и другихъ царедворцевъ; однако, слово дворянинъ сдѣлалось всѣмъ имъ общимъ уже при Петрѣ Великомъ; во-вторыхъ: изъ дѣтей боярскихъ, которые были подобны стрѣльцамъ или казакамъ, т. е. были люди свободные и составляли родъ конной ландмилиціи: они получали также помѣстья, по мѣрѣ коихъ и военную службу отправляли; въ-третьихъ: изъ городовыхъ дворянъ, которые находились въ вѣдомствѣ начальника того города и уѣзда, гдѣ были помѣщены, и въ военное время ходили на войну, а въ мирное исправляли всякія службы по городу; въ 4-хъ,—изъ московскихъ дворянъ, которые сверхъ того, что составляли московское охранное войско, яко имѣющіе помѣстья близъ Москвы, обязаны были ходить и въ походы, какъ скоро только будутъ потребны, и тѣ изъ нихъ, которые назначались собственно для охраненія Москвы, назывались жильцами, и въ пятыхъ,—изъ войска стрѣлецкаго, которое какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ было содержано на жалованьи и провіантѣ и, по разности службы, называлось просто стрѣлецкимъ, т. е. пѣхотою, рейтарами, драгунами, копейщиками и тому подобными названіями, означавшими ихъ должности. Башкиры, татары, иноземцы, служившіе въ Россіи, и всѣ тѣ, кои помѣстій за собою не имѣли, получали въ военное время жалованье и провіантъ и назывались кормовымъ войскомъ. Образъ ополченія воинскаго составляли шесть полковъ, и именно: полкъ большой, подобный нынѣшнему коръ де арме, полкъ передовой или авангардъ, полкъ правой руки, т. е. правое крыло, полкъ лѣвой руки, т. е. лѣвое крыло, сторожевой полкъ или арріергардъ и ертаульный полкъ, состоявшій изъ легкихъ войскъ. Вооруженіе какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ состояло изъ ружей безъ замковъ, изъ копій и изъ сабель.

Неудачные во время малолѣтства Петра Великаго походы въ Крымъ, безнадежность въ твердости мира со стороны сосѣдей и духъ мятежа, вкоренившійся въ стрѣльцевъ, вселили въ великаго монарха еще большую охоту къ учрежденію войскъ по правиламъ военной науки, и Ф. Лефортъ, яко изъ лучшихъ тогдашняго времени военачальниковъ и пользовавшійся всею довѣренностью государя, долженствовалъ, по волѣ его, составлять новые полки, въ числѣ коихъ въ 1687 г. первые учреждены Лефортовскій и Бутырскій изъ старыхъ стрѣлецкихъ полковъ; а потѣшное войско, которое между тѣмъ знатно умножилось, раздѣлено на два полка: Лейбъ-Гвардіи Преображенскій и Семеновскій. Стройность сихъ новыхъ войскъ, ихъ вооруженіе, введенный порядокъ, искусство въ военныхъ оборотахъ и дѣйствіи ружьемъ, оказанныя на опытахъ при частныхъ примѣрныхъ сраженіяхъ и осадахъ городовъ, нарочно сдѣланныхъ, въ сравненіи съ прежними необученными стрѣльцами, толико были очевидны, что императоръ все тщаніе свое употребилъ, чтобы исправить или, лучше сказать, преобразовать старое военное учрежденіе, и, вслѣдствіе того, около 1690 года находился уже подъ командою генерала Гордона корпусъ войскъ, обученныхъ по правиламъ въ числѣ 5.000 чел. Въ 1699 г. изъ собранныхъ 32.000 рекрутъ составлено 29 полковъ пѣхоты и конницы во всемъ по европейскому обряду.

Съ 1762 г., когда Россійская имперія начала отъ благодѣйствующей руки Великой Екатерины воспринимать новыя учрежденія, пользу и внутреннее ея спокойствіе составляющія, и когда неусыпнымъ монархини сея промысломъ предѣлы пространныя ея имперіи учинились отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ не только безопасными, но и весьма распространенными, то и армія Россійская, какъ учрежденіемъ новыхъ полковъ и другихъ военныхъ командъ знатно увеличилась, такъ и иныя по временамъ и обстоятельствамъ сдѣланы въ ней перемѣны, о коихъ подробныя описанія слѣдуютъ подъ симъ.

Далѣе приведено описаніе полковъ.

Не лишена интереса и записка о военныхъ школахъ. Въ 1721 г., по состоявшемуся въ военной коллегіи указу, учреждены въ гарнизонахъ школы, въ которыхъ опредѣлено имѣть по 50 вакансій, а на той суммѣ содержать въ наукахъ малолѣтнихъ солдатскихъ дѣтей отъ каждаго полка по 50 чел. Въ тѣ школы опредѣлялись дѣти отъ 7-ми до 15-ти лѣтъ, для того „что меньше 7-ми лѣтъ къ наукамъ не такъ способны, точію напрасной будетъ имъ, въ такомъ сущемъ малолѣтствѣ, трудъ и на нихъ излишній расходъ".

Изъ изложеннаго видно, насколько интересны матеріалы, помѣщенные въ разсматриваемомъ нами 16-мъ выпускѣ Сборника.

Н. К-ш-ъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXV-й. ДЕКАБРЬ. 1904 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, № 39.
1904.

XII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го декабря 1904 года.

Библіографическій листокъ.

Японія. Очерки японской культуры. Причины войны. Составилъ М. Коваленскій. Изданіе журнала „Правда“. Москва. 1905 г. Цѣна 20 к.

Вспыхнувшая такъ внезапно русско-японская война требуетъ немедленнаго отвѣта на цѣлый рядъ вопросовъ, недостаточное освѣщеніе которыхъ лишаетъ возможности правильно оріентироваться въ событіяхъ, имѣющихъ для всѣхъ очевидную важность.

На многіе изъ такихъ вопросовъ мы находимъ обстоятельные отвѣты въ разсматриваемой нами книгѣ г. Коваленскаго.

Матеріаломъ для этой книги послужили: „Японія“, полковника Богуславскаго, и особенно приложенныя къ ней таблицы; кромѣ того труды токійскаго профессора Анри Дюмолира, а также работы Гессе Вартега, Инацо Ота Нитобе и заграничныя справочныя изданія Пертеса, Гикмана и Брокгауза.

Японія меньше Россіи въ 53 раза, но населеніе ея только въ три раза меньше Россіи. Въ Россіи считается около 117 милл., а въ Японіи 48 милл. Нижеслѣдующія данныя показываютъ густоту населенія на одинъ квадратный километръ: въ Японіи 114, въ соб. Китаѣ 60, въ Кореѣ 46 (по послѣдней переписи 26), въ Маньчжуріи 6, въ Россіи 6, въ Азіатской Россіи 1,4; въ Сибири и Пріамурьѣ 0,5; въ намѣстничествѣ Дальняго Востока 0,4.

Нормальный приростъ населенія считается обыкновенно въ 1%. Въ настоящее время естественный приростъ даетъ въ Японіи 1,09% въ годъ,—меньше, чѣмъ въ Россіи и Америкѣ (1,13 и 2,09%), но больше, чѣмъ въ Англіи, Австріи, Франціи (1,07; 1,04; 0,08). Больше половины всего населенія Японіи, около 60%, до сихъ поръ живетъ земледѣліемъ. Главные продукты земледѣлія: рисъ, чай, шелковица. Съ пріобрѣтеніемъ Формозы, къ нимъ прибавился сахаръ. Такимъ образомъ, Японія является страной преимущественно земледѣльческой, съ очень интенсивной земледѣльческой культурой, съ мелкой формой земельнаго хозяйства. Средняя величина крестьянскаго хозяйства составляетъ всего 0,8 десятины. Такое малоземелье ведетъ къ тому, что японцамъ не хватаетъ своего риса, и они принуждены, несмотря на то, что рисъ занимаетъ у нихъ половину всѣхъ полей,—ввозить его на 12—13 милл. іенъ, а съ другими хлѣбами—на 19 милл.

Этимъ малоземельемъ объясняется и неразвитость въ Японіи тѣхъ отраслей народнаго хозяйства, для которыхъ требуется особенно большой земельный просторъ. Таково положеніе скотоводства и коневодства; вслѣдствіе этого Японія почти не питается мясомъ; въ составѣ японской арміи меньше всего развита кавалерія, а для перевозки пассажировъ въ извозчичьи экипажи впрягаются не лошади, а люди.

Сильно развито въ Японіи горное дѣло, особенно добыча мѣди и каменнаго угля. Мѣдные рудники и угольныя залежи ея чрезвычайно богаты. Добыча мѣди въ 1898 г. доходила до 1.233.000 пуд., каменнаго угля—до 415 милл. пуд. Вывозъ мѣди въ милліонахъ іенъ былъ въ 1898 г.: 7,3; 99 г.—11,4; въ 1900 г.—12,99; въ 1901 г.—14,19; угля—12,24; 15,1; 20,45; 17,91.

Японская обработывающая промышленность также работаетъ не только на внутренній, но и на внѣшній рынокъ. Исключеніе составляютъ суконные, пороховые, оружейные, судостроительные заводы, работающіе на казенный спросъ. Старо-японская кустарная промышленность выпускаетъ на рынокъ: лакированныя и соломенныя издѣлія, бронзу, фарфоръ и фаянсъ, бумагу, напитокъ саке и приправу сои. Новыя производства выпускаютъ: спички, шелковыя ткани, хлопчатобумажныя матеріи. Цифровыя данныя за 1900 и 1901 гг. показываютъ, что вывозъ растетъ, а ввозъ падаетъ.

Въ развитіи своихъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ Японія опередила Нидерланды, Швецію, Бельгію. Если же сравнить съ Россіей, то получимъ: желѣзныхъ путей на 100 кв. километр.—въ Россіи 0,8 кил., въ Японіи 2 кил.; что касается развитія почтовыхъ сношеній, то въ Россіи на одного жителя придется 6 почтовыхъ отправленій, а въ Японіи 13 (въ Англіи 89).

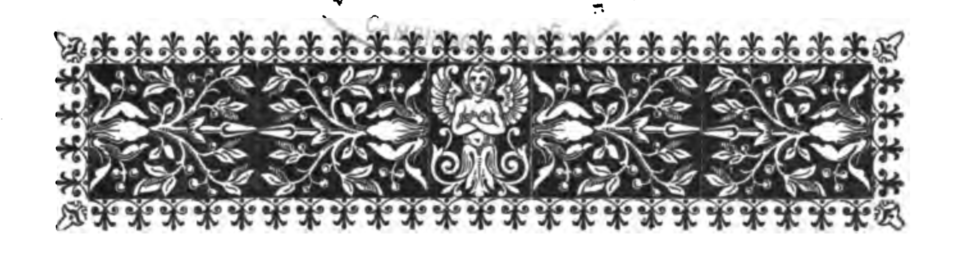
Коммерческій флотъ Японіи насчитывалъ къ 1-му января 1901 г.: паровыхъ судовъ 1.321, парусныхъ 3.850, вмѣстимостью 800 тысячъ тоннъ; судовъ японской постройки—911.

Съ появленіемъ фабрикъ, Японія должна была познакомиться и съ рабочимъ вопросомъ въ его европейскихъ формахъ. Японское рабочее движеніе привело уже къ организаціи рабочихъ союзовъ по образцу англійскихъ трэдъ-юніоновъ; стачки также знакомы Японіи. Программа японскаго рабочаго движенія сводится къ повышенію платы, къ законодательной защитѣ правъ и интересовъ рабочаго класса, особенно женщинъ и дѣтей, и къ расширенію

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 16 ОКТЯБРЯ 1904 Г.
ТИП. ТОВ. „ОБЩ. ПОЛЬЗА“, В. ПОДЪЯЧ., 39.

Похоронная церемонія въ Варшавѣ въ 1826 году въ память императора Александра I-го.

Записки Василія Антоновича Инсарскаго.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

XI [1]).

Наше движеніе въ горахъ.—Картина выступленія въ походъ.—Рубка лѣса въ непріятельской странѣ.—«Ведень», бывшая столица Шамиля.—Расположеніе нашего лагеря на позиціяхъ.—Проложеніе дорогъ для дальнѣйшаго нашего слѣдованія.—Шествіе надъ пропастями.—Страшная высота.—Облака и грозы подъ нами.—Прибытіе князя въ нашъ лагерь.—Какъ говорятъ полководцы съ войсками.—Опытъ глазомѣра.—Мое участіе въ рекогносцировкахъ.—Наша позиція «на Андійскихъ высотахъ», близъ аула «Тандо».—Занятіе аула Тандо нашими войсками.—Постоянные кутежи свиты.—Безуспѣшная борьба князя съ этими кутежами.—Почетные обѣды въ палаткѣ князя.—Походные верблюды.—Жалкая участь ихъ.—Безуспѣшное попеченіе о нихъ самого князя.

Наконецъ объявленъ былъ день дѣйствительнаго похода. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено было, что князь опять отправляется куда-то въ сторону, для обзора какихъ-то мѣстностей, до взятія Веденя бывшихъ недоступными для насъ, и потомъ чрезъ нѣсколько дней присоединится къ намъ уже на походѣ.

Я живо помню день нашего выступленія изъ Грозной. Часовъ въ пять утра весь штабъ князя былъ уже въ сборѣ на указанномъ мѣстѣ. По данному кѣмъ-то знаку или приказанію тронулась въ путь безконечная вереница всадниковъ, вьюковъ и солдатъ. Надобно замѣтить впрочемъ, что войска имѣли расположеніе и движеніе, отдѣльное отъ насъ. Группа солдатъ, въ составѣ нѣсколькихъ ротъ

---

[1]) См. „Русскую Старину" ноябрь 1904 г.

или баталіоновъ, составляла только наше прикрытіе. Оживленіе въ этой движущейся медленно вереницѣ было величайшее. Всѣ съѣзжались и разъѣзжались безпрерывно, осматривая походный видъ каждаго, какъ будто бы какой-то праздникъ наступилъ. Всѣ смотрѣли весело и радостно. Погода стояла дивная и солнце съ раннихъ поръ начало припекать сильнѣйшимъ образомъ, а въ полдень палило уже невыносимо, такъ что многіе солдаты, какъ намъ говорили, падали на дорогѣ отъ жары и утомленія. Казаковъ, линейныхъ и донскихъ въ нашемъ отрядѣ было безчисленное множество; они, какъ мухи, порхали по всѣмъ направленіямъ. Первыя впечатлѣнія нашего походнаго движенія были великолѣпны. Подъ вліяніемъ ихъ тотчасъ начались взаимныя угощенія, потому что рѣшительно не было человѣка, принадлежащаго къ штабу, который не счелъ бы долгомъ запастись или бутылкою вина, или фляжкою рома и водки. У тѣхъ же, за которыми, какъ за мною, слѣдовали казаки, подобные запасы представляли значительное обиліе и разнообразіе. Я, лично, положительно стоялъ на первомъ планѣ въ этомъ отношеніи, и какъ только фактъ этотъ сдѣлался извѣстнымъ въ кругу моихъ свитскихъ пріятелей, они стали безпрерывно налетать ко мнѣ, какъ саранча.

Первый привалъ, сколько могу припомнить, былъ Шали, какое-то военное укрѣпленіе, гдѣ и было устроено нашимъ милымъ комендантомъ Тромповскимъ нѣчто въ родѣ завтрака. Второй привалъ, помню очень хорошо, былъ въ подобномъ же укрѣпленіи Бердикель, помню потому, что здѣсь именно сдѣланъ былъ починъ тому страшному разгулу, которымъ занималась исключительно свита князя во все время похода, за рѣшительнымъ отсутствіемъ всякихъ другихъ занятій. Въ укрѣпленіе это мы прибыли значительно уже подготовленные бывшимъ въ Шали завтракомъ, а главное почти безпрерывными возліяніями, которыя мы совершали во время самыхъ переходовъ. Въ Бердикеляхъ приготовленъ былъ распоряженіями того же Тромповскаго обѣденный столъ, который на первыхъ же порахъ показалъ, что этому кроткому и добродушному человѣку не по силамъ и не по характеру управляться съ такою буйною и размашистою толпою, какую представляла изъ себя свита намѣстника. Она шумѣла, пѣла, сбивала съ толку прислугу, однимъ словомъ, производила страшный хаосъ. Бѣдный Тромповскій метался во всѣ стороны и безуспѣшно старался водворить какое-нибудь подобіе порядка.

Среди обѣда свитскіе вдругъ стали куда-то изчезать, одинъ за другимъ. За ними и я потянулся. Оказалось, что гдѣ-то подъ горой открытъ какой-то дрянной духанъ, гдѣ мои пріятели и расположились пировать. Когда я пріѣхалъ туда съ моимъ казакомъ, я нашелъ тамъ, какъ говорится, «дымъ коромысломъ». Смѣтливый армянинъ, хозяинъ

духана, имѣлъ благоразуміе запастись шампанскимъ, и я былъ истинно удивленъ, когда, войдя въ грязный хлѣвъ съ земляньмъ поломъ, увидѣлъ хлопающія пробки Клико и Редерера. Вѣроятно этотъ день нашествія свиты остался самымъ лучшимъ днемъ въ грязной жизни этого грязнаго духанщика. Пито и выпито необъятное количество, такъ что и я, считавшійся крѣпкимъ изъ крѣпкихъ, почувствовалъ сильное опьяненіе.

Обращаясь къ серьезной сторонѣ похода, надо сказать, прежде всего, что мы на пути своемъ видѣли блистательное практическое приложеніе той великолѣпной, принадлежащей безспорно князю Воронцову, системы вырубки лѣсовъ, о которой мы всѣ такъ часто читали въ кавказскихъ извѣстіяхъ и реляціяхъ, плохо понимая сущность дѣла. Дѣло въ томъ, что скалы и лѣса всегда были самыми страшными и неодолимыми союзниками и защитниками горцевъ. Отсюда происходило то, что горцы, безпрепятственно пропуская насъ впередъ, никогда не выпускали насъ безнаказанно назадъ. Разсѣянные въ дремучихъ лѣсахъ, они и въ маломъ числѣ были страшны, потому что были недоступны, неуловимы и поражали наши войска на выборъ. Люди опытные, и въ томъ числѣ краснорѣчивый Фадѣевъ, утверждаютъ, что десятокъ невидимыхъ оборвышей останавливали цѣлые баталіоны. Кто не знаетъ исторіи Ичперинскихъ лѣсовъ, изъ которыхъ самъ князь Воронцовъ, съ громадными силами, едва успѣлъ спастись. Отсюда явилась система вырубки лѣсовъ, т. е. проложеніе въ лѣсахъ такихъ просѣкъ, по которымъ наши отряды могли бы безпрепятственно и безопасно двигаться внутрь вражеской страны и также безопасно возвращаться назадъ.

Что дѣлалось по этой части въ другихъ мѣстахъ—не знаю; но что сдѣлано на пути, намъ лежащемъ, всѣ мы видѣли своими изумленными глазами, потому что проходили именно этими баснословными просѣками, шириною на ружейный выстрѣлъ. Зрѣлище по истинѣ изумительное- Трудно было усвоить себѣ понятіе, что все это сдѣлано руками челоовѣческими, руками безпримѣрныхъ кавказскихъ солдатъ. Нельзя был понять, что эти вѣковыя, страшныя деревья, ужасающихъ размѣровъ въ вышину и ширину, пали не отъ какой-нибудь страшной силы самой природы, а отъ пилъ и топоровъ этихъ солдатъ. Надо замѣтить, что по общимъ отзывамъ эти невѣроятные результаты и недешево намъ доставались. Я не говорю уже о вражескихъ пуляхъ, которыми осыпались войска, занимавшіяся рубкой. Самый трудъ этой рубки былъ хуже всякихъ битвъ. Въ этомъ отношеніи Евдокимовъ подвергался справедливымъ и общимъ укоризнамъ. Онъ не щадилъ солдатъ и заботился только объ исполненіи воли князя и, слѣдовательно, о личныхъ своихъ интересахъ, осуществленіе которыхъ вполнѣ и единственно зависѣло именно отъ исполненія этой воли. Онъ держалъ войско, не

только по нѣскольку мѣсяцевъ, но цѣлые годы на работахъ и въ походахъ, такъ что только съ терпѣніемъ русскаго человѣка и особенно русскаго солдата можно было переносить тѣ ужасающія лишенія, которымъ они подвергались. Не ручаюсь за истину, но мнѣ говорили нѣкоторые господа, близко знающіе эту процедуру, что нѣкоторые солдаты предпочитали смерть существованію. Когда подпиленное или подрубленное вѣковое дерево начинало валиться, солдатики подбѣгали къ его стволу, кричали товарищамъ: «прощайте, братцы» и раздавливались страшною тяжестью. Но сколько я понимаю, никакіе великіе успѣхи недостижимы безъ разнородныхъ жертвъ; а потому я полагаю, что лучше накинуть покрывало на прошедшія наши несчастія, жертвы и неудачи и возблагодарить Евдокимова, что такъ или сякъ—онъ все-таки привелъ дѣло къ концу.

Но въ тотъ моментъ, о которомъ я говорю, до конца было еще далеко, хотя начала, положенныя Евдокимовымъ, были уже блистательны и обѣщали много въ будущемъ. Въ ряду этихъ началъ взятіе Веденя, резиденціи Шамиля, того Веденя, къ которому мы подвигались этими невѣроятными просѣками, конечно, стояло на первомъ планѣ. Я знаю и помню, какъ это событіе стояло высоко въ глазахъ самого князя, знаю потому, что еще до взятія Веденя князь уже готовилъ собственноручно различные благодарственные приказы по арміи и, какъ всегда, сдѣлалъ меня участникомъ этой работы; знаю потому, что князь, въ теченіе нѣсколькихъ дней, съ этими готовыми приказами, постоянно и напряженно ждалъ радостнаго извѣстія о взятіи Веденя, кажется, задержанномъ нѣсколько дождями и распутицей.

Когда мы пришли въ Ведень,—это уже была штабъ-квартира Куринскаго полка, а командиромъ его былъ тогда Чертковъ. Мѣстоположеніе Веденя представилось намъ довольно живописнымъ. Сколько могу припомнить, это довольно обширная, продолговатой формы, долина, въ концѣ которой стоялъ замокъ или дворецъ Шамиля. Съ понятнымъ любопытствомъ мы бросились смотрѣть этотъ дворецъ и, разумѣется, испытали величайшее разочарованіе: смотрѣть было нечего, потому что ни дворца, ни замка никакого не было; была какая-то груда дикаго камня, имѣвшая форму большой сакли, да и та была на половину разрушена нашими пушечными выстрѣлами. Груда эта оказалась ни къ чему негодною даже для нашей штабъ-квартиры потому, что она расположилась совершенно на другомъ мѣстѣ и обстроилась на русскій ладъ. Наше любопытство гораздо болѣе было удовлетворено многоразличными разсказами о подробностяхъ взятія Веденя, которыя здѣсь не могутъ имѣть мѣста по той простой причинѣ, что я уже рѣшительно ихъ не помню.

Не помню даже хорошо порядка дальнѣйшаго нашего слѣдованія.

Знаю только, что, приходя на какую-нибудь позицію, мы комфортабельно располагались, стояли здѣсь день, два, три, кутили, играли въ карты и разъѣзжали изъ одной походной части въ другую въ гости къ начальникамъ ихъ и командирамъ, такъ какъ всѣ части занимали огромное пространство и одна отъ другой располагались иногда на весьма значительное разстояніе. Средоточіемъ, разумѣется, былъ штабъ князя. Собственно этотъ штабъ располагался слѣдующимъ образомъ. На самомъ возвышенномъ мѣстѣ ставилась палатка князя, довольно обширная, но не имѣвшая ничего блестящаго дотолѣ, пока ему не прислали или не подарили какую-то круглую татарскую палатку, составленную изъ безчисленныхъ кусковъ косимы и обитую внутри шелковою матеріею съ окномъ въ верху, отъ которой князь сначала отказывался, отдавъ ее въ пользованіе Тромповскаго, но которую потомъ взялъ себѣ. Въ нѣкоторомъ, впрочемъ довольно близкомъ. разстояніи отъ палатки князя располагалась громаднѣйшая, кажется, лазаретная, палатка, образующая столовую залу для всѣхъ состоящихъ при князѣ, которыхъ число простиралось отъ 80 до 100 человѣкъ. За этою палаткою располагались походныя кухни, повара, прислуга, конвой и т. п. Все это составляло, такъ сказать, главный центръ.

Отъ этого центра въ обѣ стороны шли улицы, образуемыя палатками и заселенныя свитою князя и разными лицами, принадлежащими къ штабу. Одна улица, идущая въ правую сторону отъ палатки князя, заключала въ себѣ собственно свиту и, какъ впослѣдствіи окажется, причиняла много хлопотъ и безпокойствъ князю, потому что эта веселая улица буквально никогда не умолкала. Первый, ближайшій къ палаткѣ князя, пунктъ на этой улицѣ занимался моею палаткою, и отъ нея уже шли палатки другихъ членовъ свиты. Другая улица, идущая отъ палатки князя въ лѣвую сторону, улица, несравненно болѣе благонравная, чѣмъ наша, начиналась палаткою Д. А. Милютина, начальника главнаго штаба, отъ которой шли палатки начальника артиллеріи, начальника инженеровъ и т. п. Само собою разумѣется, что за главными палатками разныхъ лицъ шли палатки ихъ прислуги, казаковъ и т. д., такъ что все это въ совокупности составляло значительный городъ. Съ окончаніемъ нашей свитской улицы ставилась палатка Евдокимова, отъ которой тянулись палатки различныхъ мѣстныхъ начальниковъ и другихъ чиновъ. Затѣмъ на различныхъ точкахъ кругомъ главнаго лагеря располагались разнородныя части войскъ, такъ что, куда ни взглянешь кругомъ,—всюду палатки. Съ наступленіемъ вечера всѣ окрестности оглашались музыкою и пѣснями. Потомъ, когда князь пріѣхалъ къ намъ, онъ не одинъ разъ замѣчалъ, что нашъ штабный городъ, по числу палатокъ, долженъ представляться непріятелю самой грозной силой.

Между тѣмъ, какъ мы стояли на одномъ мѣстѣ и занимались исключительно кутежами, невѣдомо для насъ, дѣлались рекогносцировки дальнѣйшей мѣстности и прокладывались дороги, по которымъ мы должны пробираться впередъ. Это прокладываніе и устройство дорогъ для нашего пути составляло также предметъ, не лишенный занимательности. Я помню, на одной позиціи мы оставались довольно долго. Прямо отъ этой позиціи поднималась, совершенно стѣной, громадная гора, и намъ говорили, что мы должны будемъ взбираться на эту гору, что̀ казалось дѣломъ рѣшительно невозможнымъ. Между тѣмъ, одному изъ путейскихъ офицеровъ, старому кавказцу, Богъ вѣсть когда и какими судьбами, туда занесенному, умному и образованному Декроа, поручено было дѣйствительно разработать подъемъ на эту стѣну. Декроа сдѣлалъ то, что обыкновенно дѣлаютъ на Кавказѣ, при проложеніи горныхъ дорогъ—т. е. безчисленные зигзаги, которыми онъ изрѣзалъ гору, и по этимъ зигзагамъ пробилъ узенькую тропиночку, по которой едва, едва могла проходить одна лошадь. Если взять эту гору прямо въ вышину, то разстояніе ея подножія отъ верхушки составитъ, быть можетъ, версту или полторы; устроенные Декроа зигзаги образовали протяженіе верстъ въ десять.

Въ назначенное время мы стали взбираться на эту достопамятную гору, и странно было видѣть змѣеобразное наше восхожденіе. Разумѣется, въ теченіе двухъ или трехъ часовъ мы безпрерывно вертѣлись почти на одномъ мѣстѣ, такъ что вы постоянно могли разговаривать съ вашими знакомыми, находящимися вверху, или внизу; такъ они были близки отъ васъ, а между тѣмъ, чтобъ соединиться съ ними, вамъ нужно было полчаса, или даже часъ пути. Это восхожденіе памятно тѣмъ еще, что мой сотоварищъ и сотрудникъ Зиссерманъ, представлявшійся дотолѣ отчаяннымъ джигитомъ, подвергался здѣсь величайшей опасности. На одномъ изъ безчисленныхъ зигзаговъ, лошадь его чего-то испугалась, повернула въ сторону и, неудержавшись на чрезвычайно узкомъ пространствѣ дорожки, покатилась внизъ и съ всадникомъ. Они катились довольно долго съ зигзага на зигзагъ, и всѣ ожидали самаго печальнаго конца; но какъ всѣ тропинки заняты были сплошь идущими вверхъ лошадьми и людьми, то этому только Зиссерманъ и конь были обязаны своимъ спасеніемъ: гдѣ-то внизу, на одномъ изъ поворотовъ, ихъ задержали.

Надобно замѣтить, что главная задача этого проложенія дорогъ, заключалась въ томъ, чтобъ пробить въ горныхъ скалахъ, надъ страшными пропастями, какую-нибудь тропинку, по которой можно было бы пробраться въ одну лошадь, и эта задача не всегда разрѣшалась удовлетворительно. Я уже не говорю о паденіяхъ вьючныхъ лошадей, которыя, невольно ударяясь своими вьюками о скалы, валились въ

кручь. Приведу случай, который былъ предъ моими глазами. Ужъ не помню, гдѣ, мы поднимались на величайшую крутизну, по самой узенькой тропинкѣ, по одну сторону которой стояли отвѣсныя скалы, а по другую виднѣлись бездонныя пропасти. Шли мы въ одну лошадь, самымъ осторожнымъ образомъ. Случилось такъ, что впереди меня шелъ Лимановскій, потомъ дежурный генералъ Кавказской арміи, впереди какой-то казакъ и т. д. Вдругъ чрезъ Лимановскаго я замѣтилъ, что казакъ пропалъ, и въ ту же минуту въ пропасть посыпалось съ безконечнымъ шумомъ множество камней. Я былъ убѣжденъ, что съ этими камнями полетѣлъ и казакъ... Лимановскій мгновенно остановился и соскочилъ съ лошади, я послѣдовалъ его примѣру. Оказалось, что ленточка, по которой мы тянулись, такъ была узка и ненадежна, что лошадь казака проломила ее задними ногами и оборвалась, но казакъ такъ былъ ловокъ, что успѣлъ не только соскочить съ сѣдла самъ, но и вытянуть за поводья висящую на переднихъ ногахъ лошадь. Нѣсколько мгновеній мы съ Лимановскимъ остановились предъ этимъ неожиданнымъ проваломъ; дальше раздумывать было нечего, потому что нечего было ожидать, чтобы намъ стали чинить эту дорогу или прокладывать другую, или наконецъ подали покойные экипажи, на лежачихъ рессорахъ; мы перепрыгнули сами чрезъ этотъ провалъ и заставили перескочить нашихъ лошадей, потомъ сѣли на нихъ и продолжали путь, какъ ни въ чемъ не бывало. Такимъ же конечно образомъ поступили и всѣ тѣ, которые слѣдовали за нами.

Есть пословица: «кто въ морѣ не бывалъ, тотъ Богу не молился». Эту пословицу, по всей справедливости, можно было бы приложить къ нашему походу, если бы не существовало другой пословицы: «на людяхъ смерть красна». Эта послѣдняя пословица находила полнѣйшее примѣненіе къ моему личному поведенію во время похода, да безъ сомнѣнія и къ поведенію всѣхъ. Вслѣдствіе той же черты великороссійскаго характера, о которой я выше говорилъ, послѣ первыхъ, не совсѣмъ пріятныхъ впечатлѣній, которыя производили на меня невообразимыя горы, страшныя пропасти и горныя тропинки, я совершенно освоился съ ними. Теперь, вспоминая все то, что было и происходило во время похода, я самъ недумѣваю, неужели это я самъ лично тамъ былъ и дѣйствовалъ именно такъ, какъ дѣйствовалъ? Нѣтъ сомнѣнія, что теперь, если бы мнѣ обѣщали разомъ десять звѣздъ за то, чтобы я повторилъ все то, что выдѣлывалъ въ походѣ, я постыдно уклонился бы отъ этой выгодной сдѣлки. Между тѣмъ въ то время я плавалъ въ разнородныхъ опасностяхъ, какъ рыба въ водѣ. Я не только не испытывалъ чувства какого-либо смущенія и робости тамъ, гдѣ никто не робѣлъ и не смущался, но подстрекаемый тѣмъ стремленіемъ къ молодечеству во всѣхъ родахъ и видахъ,

о которомъ я выше говорилъ, я считалъ долгомъ выказать и проявить наибольшее презрѣніе къ опасностямъ, наибольшее потому именно, что я былъ гражданскій человѣкъ и при малѣйшемъ колебаніи съ моей стороны на меня посыпались бы насмѣшки и я сдѣлался бы непремѣнно предметомъ различныхъ анекдотовъ, не столько дѣйствительныхъ, сколько вымышленныхъ, для чего въ мірѣ, меня окружавшемъ, имѣлись величайшіе художники.

По мѣрѣ нашего движенія впередъ, замѣтно становилось, что мы поднимались къ небесамъ. Страшныя, большею частію скалистыя горы, среди которыхъ, казалось, ничего разобрать нельзя было, обступили насъ со всѣхъ сторонъ. Люди знающіе, указывая по сторонамъ, говорили, что это вотъ то, а это вотъ то. Я ничего разобрать и различить не могъ. Повсюду торчали сѣрые пики или вершины горъ, отъ которыхъ вѣяло какою-то страшною дикостью и безжизненностью. Казалось, мы зашли въ какой-то невѣдомый и необитаемый міръ, въ которомъ человѣческому глазу не представлялось рѣшительно ничего жизненнаго.

Первое проявленіе страшной высоты, на которую мы взобрались, я замѣтилъ въ томъ, что я лично сталъ испытывать какое-то удушье. Дышать для меня становилось чрезвычайно тяжело, и я уже думалъ, что пріобрѣлъ какую-нибудь новую болѣзнь; но доктора, находившіеся въ отрядѣ, увѣрили меня, что это происходитъ отъ сильной разрѣженности горнаго воздуха. Потомъ стали являться болѣе положительные признаки нашего черезчуръ возвышеннаго положенія: это тучи и облака, плавающія внизу насъ. Нѣтъ сомнѣнія, что я не увижу уже никогда такихъ картинъ, которыя въ то время развертывались предъ моими глазами. Такъ, напр., случалось часто, особенно по утрамъ, что все лежащее подъ нами пространство казалось наполненнымъ необъятнымъ количествомъ растрепанной хлопчатой бумаги, сквозь которую рѣшительно ничего нельзя разглядѣть. Это были облака, окружавшія насъ и разсыпавшіяся подъ нами. Случалось также, что въ этой массѣ облаковъ, плавающихъ подъ нами, гремѣлъ громъ и сверкала молнія. Все это поражало меня въ высшей степени, и я чрезвычайно удивлялся, что другіе такъ мало удивляются этимъ невиданнымъ мною и дѣйствительно дивнымъ картинамъ. Доказательствомъ страшной высоты нашего положенія служило и то, что тѣ маленькіе пригорки, которые представлялись намъ внизу, оказывались, когда мы спускались къ нимъ при рекогносцировкахъ, также значительными горами.

Во время пребыванія нашего на этихъ возвышенностяхъ мы большею частію испытывали чувство холода; такъ что для Фадѣева, прибывшаго потомъ въ нашъ лагерь, изъ отряда барона Врангеля, не

было болѣе высшаго наслажденія, какъ поставить самоваръ, внести его въ мою палатку и закрыть ее со всѣхъ сторонъ. Часто поднимались самые свирѣпые вѣтры, такъ что для противодѣйствія ихъ неистовымъ порывамъ палатка князя обставлялась вплотную другъ къ другу солдатами, которые такимъ образомъ и удерживали ее. Многія изъ другихъ палатокъ просто срывались и уносились вѣтромъ, обнажая весь внутренній бытъ ихъ владѣтелей. Крутизны, которыми мы были постоянно окружены, представляли ужасающій видъ. Казацкія и вьючныя лошади, пущенныя на пастьбу съ стреноженными ногами, взбираясь осторожно вверхъ, или спускаясь внизъ, казались едва замѣтными точками, меньше барановъ. Однажды, сидя у своей палатки, я видѣлъ, какъ одна изъ этихъ несчастныхъ лошадей оступилась, покатилась съ страшной высоты, почти по отвѣсной горѣ, внизъ и осталась на мѣстѣ. Вообще о какой-нибудь площадкѣ, ровномъ, хотя небольшомъ пространствѣ, мы забыли и думать.

Само собою разумѣется, что наши позиціи располагались на такихъ мѣстахъ, гдѣ была вода. Но по этой части горы были крайне скудны, и вода большею частію добывалась изъ ключей и родниковъ. Въ двухъ, или трехъ мѣстахъ мы видѣли великолѣпныя озера съ такимъ обиліемъ великолѣпной форели, что̀, по выраженію князя, солдаты ловили ее «портками». Видъ этихъ озеръ былъ великолѣпенъ. Такъ и видно было, что если мы любуемся ихъ чистотою и прозрачностію, то и они сами какъ будто немало удивлены нашимъ нежданнымъ нашествіемъ; видно было, что отъ сотворенія міровъ ихъ чистыя воды не оскверняились прикосновеніемъ человѣка, такъ какъ кругомъ не было никакихъ ауловъ. Собственно рѣку, или, лучше сказать, маленькую горную рѣченку я только видѣлъ одну и не только видѣлъ, но даже купался въ ней. Я помню, лагерь нашъ расположился на горѣ. Скоро стало извѣстно, что вблизи, въ двухъ, или трехъ верстахъ, внизу есть какая-то рѣчка Страшный охотникъ купаться, я тотчасъ отправился съ моимъ камердинеромъ отыскивать ее. Поиски наши продолжались недолго. Мы увидѣли не рѣку, въ русскомъ смыслѣ слова, а маленькій горный и потому сердитый ручеекъ, въ которомъ мнѣ и уложиться было трудно. Увлеченный, однако же, ожидаемымъ наслажденіемъ погрузиться въ холодныя струи, я рѣшился все-таки совершить мое купанье, во что бы то ни стало. Раздѣвшись, я уложился въ ручей сначала однимъ бокомъ, потомъ другимъ, потомъ спиной и т. д. Во время этой операціи, на противоположномъ берегу стояло нѣсколько туземныхъ оборвышей, въ косматыхъ шапкахъ, съ винтовками въ рукахъ, и смотрѣли на мои переворачиванія. Когда я возвратился въ лагерь и разсказалъ объ этихъ молчаливыхъ свидѣтеляхъ моего купанья товарищамъ, мнѣ сначала не хотѣли вѣрить, а когда повѣрили, стали упрекать меня

за мое величайшее безразсудство, которое могло очень дурно кончиться, и удивительно, что не такъ кончилось, потому что для горца нѣтъ выше удовольствія, да удовольствія, еще священнаго, какъ подстрѣлить гяура.

Кстати о горцахъ. Я рѣшительно не знаю, въ какихъ отношеніяхъ они находились къ намъ въ этотъ моментъ. Замѣтно было, однако же, что вслѣдствіе взятія Веденя, нѣкоторыя ближайшія племена или аулы рѣшились сдержать свои враждебныя дѣйствія. Объ этомъ я заключаю потому, что меня не застрѣлили во время купанья моего, а еще болѣе потому, что на нѣкоторыхъ пунктахъ нашихъ переходовъ, близъ Веденя и преимущественно въ палаткахъ нашего знаменитаго маркитанта Лебедева, которыя мы не оставляли постоянными нашими посѣщеніями, насъ окружали иногда толпы туземныхъ горцевъ, мирныхъ или немирныхъ, это я уже плохо знаю. Въ желаніи привлечь ихъ окончательно на нашу сторону гражданскими дѣйствіями, я обильно осыпалъ ихъ различными сластями, которыя Лебедевъ, вмѣстѣ съ другими припасами, передвигалъ въ огромныхъ количествахъ. Помню очень хорошо, что они относились къ этимъ сластямъ съ величайшимъ недовѣріемъ, такъ что я долженъ былъ самъ все это ѣсть передъ ихъ глазами для удостовѣренія, что тутъ нѣтъ никакой отравы. За всѣмъ тѣмъ, однако же, невозможно было истребить ихъ подозрительности. Когда одни, повидимому, рѣшались рискнуть, другіе начинали на нихъ шумѣть по-татарски и удерживали ихъ. Такимъ образомъ мои гражданскіе опыты окончательнаго умиротворенія этихъ людей оказались неудачными, такъ что, подъ вліяніемъ нѣкоторой досады, я спрашивалъ всѣхъ: «что же это за народъ? мирный или немирный?». «А чортъ его знаетъ!» отвѣчали мнѣ: «сегодня мирный, среди нашихъ штыковъ, а завтра, если придется, отлично зарѣжетъ каждаго изъ насъ!»

Наконецъ, наступилъ день прибытія князя въ нашъ лагерь. Ужъ не помню, на какой позиціи это было; помню только, что мѣстоположеніе было не блистательно и изобиловало въ особенности какими-то буграми и пригорками. Встрѣча князя была великолѣпна. Войскъ сосредоточено было на этой позиціи весьма много. Съ ранняго утра все пришло въ движеніе и стало располагаться на назначенныхъ мѣстахъ. Длинныя линіи войскъ, разставленныя по неровной мѣстности, представляли оригинальную картину, слишкомъ различную отъ тѣхъ, какія представляютъ намъ всевозможные петербургскіе парады. Вся свита, къ которой и я былъ примкнутъ, имѣла свое отдѣльное мѣсто и старалась, елико можно, выравняться, что̀ представляло немалый трудъ, сколько потому, что наши кабардинскіе коня не очень-то способны были сохранять стройное и почтительное положеніе, столько же и потому, что многіе изъ всадниковъ, послѣ нѣкоторыхъ чарочныхъ пріе-

мовъ, съ трудомъ уже отличали линію ровную отъ неровной. Ожиданіе, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, длилось долго. Наконецъ, изъ-за безчисленныхъ бугровъ и пригорковъ стали показываться несущіеся во весь опоръ передовые всадники, а затѣмъ появился и самъ князь, съ своимъ значкомъ и своимъ конвоемъ.

Я не могу удержаться, чтобъ не сказать для людей, конечно, мало знакомыхъ съ военнымъ бытомъ на Кавказѣ, что значекъ—вещь великолѣпная! Это какое-то личное знамя, которое всегда слѣдуетъ за тѣмъ, кому оно принадлежитъ. Такимъ образомъ этотъ значекъ былъ не только у князя, но и у Евдокимова и многихъ другихъ значительныхъ лицъ. Я не знаю, опредѣлено ли закономъ, кто можетъ имѣть эти значки и кто не можетъ; не знаю даже, составляютъ ли они исключительную принадлежность Кавказа, или употребляются въ другихъ мѣстахъ, но дѣло въ томъ, что во время нашего похода я видѣлъ много и у многихъ — этихъ значковъ, которые напоминаютъ что-то рыцарское. Само собою разумѣется, что у князя былъ наивеликолѣпнѣйшій значекъ! Это было большое знамя, вышитое и расшитое золотомъ и серебромъ, среди котораго изображенъ былъ родовой княжескій гербъ князя. Это знамя вѣчно развѣвалось среди группы, сопровождавшей князя. У другихъ эти значки, конечно, были менѣе роскошны и представляли или также родовые гербы, или другія эмблематическія изображенія. Именно по этимъ значкамъ можно было узнавать на далекомъ разстояніи, кто именно ѣдетъ, ибо развѣвающееся знамя и находящееся на немъ изображеніе тотчасъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ.

Громогласное «ура!» встрѣтило появленіе князя. Среди этихъ кликовъ князь объѣхалъ ряды войскъ въ сопровожденіи различныхъ генераловъ и свиты, къ нему примкнувшихъ, и потомъ сталъ на возвышенное мѣсто, заблаговременно избранное. Съ этого мѣста, снявъ фуражку, князь сталъ говорить войскамъ, что самъ государь велѣлъ ему благодарить ихъ за отличную службу, что государь надѣется, что, сдѣлавъ такъ много, они въ досталь покорятъ горы и т. п.

Здѣсь я позволяю себѣ замѣтить, что, читая часто въ заграничныхъ извѣстіяхъ, что такой-то король или такой-то ораторъ говорилъ то-то и то-то народу, или читая различныя исторіи, изображавшія, какъ такой-то полководецъ воодушевилъ своею рѣчью войска и т. п., я всегда недоумѣвалъ, какъ это дѣлается на практикѣ? Недоумѣніе это было для меня тѣмъ мучительнѣе, что я самъ нѣкоторымъ образомъ принадлежалъ къ числу немногихъ публичныхъ говоруновъ; одаренный отъ природы крѣпкимъ и здоровымъ голосомъ, я по опыту зналъ, что даже въ залѣ, густо набитой слушателями, трудно говорить такъ, чтобы и задніе ряды могли слушать внятно всѣ слова оратора! Какимъ

же образомъ всѣ эти короли и полководцы могли воодушевлять своихъ слушателей, которыхъ уже было не сотни, а тысячи, и когда они размѣщались не въ залѣ какой-нибудь, какъ бы ни была она обширна, а на поляхъ и долахъ? Поэтому я съ живѣйшимъ любопытствомъ ожидалъ, не разрѣшитъ ли моихъ недоумѣній рѣчь, обращенная княземъ къ войску.

Увы! сколько онъ ни кричалъ, сколько онъ ни махалъ своей фуражкой—солдаты ничего не слыхали и не понимали. Услыхали только «ура!» раздавшееся въ группѣ, окружавшей князя, и во слѣдъ ему какъ-то безсознательно и вяло стали кричать свое «ура!». Князь тотчасъ все это понялъ и сообразилъ и потому мгновенно разослалъ во всѣ концы своихъ адъютантовъ съ приказаніемъ объявить солдатамъ, что самъ государь ихъ благодаритъ. Тогда по рядамъ войскъ понеслось болѣе сознательное, болѣе рѣшительное и болѣе крѣпкое новое «ура!». Когда крики эти стихли, началось такъ называемое церемоніальное прохожденіе всѣхъ войскъ мимо князя. Оно было похоже на всѣ подобныя упражненія этого рода съ тѣмъ только различіемъ, что видъ солдатъ, уступая во внѣшнемъ изяществѣ гвардейскимъ солдатамъ, далеко превосходилъ ихъ со стороны безконечной отваги, которая, прежде всего, кидалась въ глаза на смуглыхъ, загорѣлыхъ физіономіяхъ кавказцевъ. Для меня всего удивительнѣе было видѣть въ этихъ стройныхъ рядахъ какую-то далеко не изящную толпу грязныхъ оборвышей, въ какихъ-то длинныхъ балахонахъ, съ огромными папахами на головахъ, съ клочьями бараньей шерсти, спускающимися отъ папахъ на ихъ и безъ того непривлекательныя физіономіи! Это были такъ называемые охотники Кабардинскаго полка, впервые учрежденные княземъ во время командованія имъ этимъ полкомъ. Главная обязанность этихъ охотниковъ состояла въ томъ, чтобъ одичать, на сколько можно, шляться по лѣсамъ и подстрѣливать горцевъ, какъ дичь, всюду, гдѣ только можно. Въ этихъ обованныхъ и страшныхъ фигурахъ, когда они проходили предъ княземъ, менѣе всего можно было узнать русскихъ солдатъ!

По окончаніи парада князь, а за нимъ все знатное и значительное направилось къ той громадной столовой палаткѣ, о которой я говорилъ и въ которой, на этотъ разъ, приготовленъ былъ общій парадный обѣдъ. Предназначалось, что и князь будетъ съ нами обѣдать; но онъ пріѣхалъ къ намъ полубольной: проклятая подагра снова начинала къ нему придираться, и потому онъ обѣдать съ нами не могъ, хотя оставался все время въ этой палаткѣ и, уложивъ покойно свои больныя ноги въ извѣстномъ положеніи, продолжалъ переговаривать то съ тѣмъ, то съ другимъ. Когда обѣдъ кончился, кругомъ князя образовалась значительная группа и слушала разнообразные его разсказы. Тутъ-то именно и зашла рѣчь о способности нѣкоторыхъ измѣрять однимъ взглядомъ про-

странство. Многіе изъ окружающихъ князя стали замѣчать, что и они не чужды этой способности. Князь указалъ на какой-то пунктъ вдали и спросилъ этихъ хвастуновъ: «сколько, по ихъ мнѣнію, шаговъ до этого пункта?» Явились мнѣнія ужасающаго различія. Князь засмѣялся. «А я полагаю—столько-то»,—сказалъ онъ. Многіе стали опровергать предложенную имъ мѣру и защищать свою. «Въ такомъ случаѣ надо повѣрить, у кого глазомѣръ вѣрнѣе»,—сказалъ князь. Дѣло стало принимать занимательный оборотъ: князь поручилъ кому-то записать мѣру, назначаемую каждымъ, равно какъ и свою. Потомъ избранъ былъ одинъ изъ казаковъ и, послѣ сдѣланныхъ ему внушеній и наставленій, отправленъ для измѣренія и опредѣленія дѣйствительнаго пространства. Казакъ началъ усердно шагать и считать. Всѣ напряжённо смотрѣли на него и съ понятнымъ безпокойствомъ ожидали его возвращенія. Когда вернувшійся казакъ объявилъ результатъ своихъ трудовъ, сначала всѣ изумились, а потомъ засмѣялись. Это была какая-то чушь, ни къ чему неподходящая. Ясно было, что казакъ или вовсе считать не умѣлъ, или, отъ излишняго старанія повѣрнѣе, сосчитать, сбился и все перепуталъ. Мѣру, имъ объявленную, никто не признавалъ вѣроятною, ни тѣ, которые назначали много, ни тѣ, которые назначали мало.

Послѣ различныхъ воззрѣній на безполезный трудъ сконфуженнаго казака, князь сказалъ: «а жаль, что нашъ споръ остался неразрѣшеннымъ!» «Если вашему сіятельству угодно, я приму на себя измѣрить спорное пространство!»—сказалъ я. «Помилуйте!»—возразилъ князь,—«стоитъ ли того»... Но я уже зашагалъ въ гору и для точности сталъ записывать каждую пройденную сотню шаговъ на своей бѣлой фуражкѣ. Дойдя до опредѣленнаго пункта, я быстро вернулся и предъявилъ самый вѣрный учетъ сдѣланныхъ мною шаговъ. Побѣда была на сторонѣ князя. Послѣ разрѣшенія такимъ образомъ спора, князь сказалъ мнѣ: «какъ я завидую вамъ, Василій Антоновичъ, какъ молодецки ходите, какія у васъ желѣзныя ноги». Дѣйствительно, во всей моей натурѣ ноги самая крѣпкая вещь; тѣмъ не менѣе князь никогда ни обратилъ бы на это вниманія, если бы не возился безпрерывно съ своими больными ногами. Въ насъ всегда возбуждаетъ зависть именно то, чего у насъ нѣтъ. Такъ точно и князь, безъ сомнѣнія, считалъ величайшимъ счастіемъ имѣть только и исключительно здоровыя ноги, упуская изъ виду, что для здоровья человѣка мало однѣхъ крѣпкихъ ногъ и что при желѣзныхъ, какъ онъ выражался, ногахъ можно имѣть аневризмы, ракъ, разстроенную печень и т. п. Справедливо только то, что всякія болѣзни, а въ томъ числѣ и подагра въ ногахъ, вовсе не шли къ тому положенію, въ которомъ князь находился въ это время, положенію, въ которомъ онъ обязанъ былъ дѣйствовать самымъ усиленнымъ образомъ нравственно и физически...

Съ прибытіемъ князя въ нашъ лагерь, начались усиленныя рекогносцировки дальнѣйшей мѣстности. Начинались онѣ съ самаго ранняго утра, часовъ въ пять, и часто продолжались до пяти часовъ вечера, такъ что люди совершенно изнемогали, а лошади у многихъ казаковъ и у свитскихъ или просто падали или становились въ тупикъ и не доходили до мѣста. Въ первыхъ рекогносцировкахъ я съ понятнымъ чувствомъ любопытства охотно участвовалъ; но потомъ и онѣ, какъ все на свѣтѣ, наскучили мнѣ и представляли одно утомленіе. «Я вѣдь гражданскій чиновникъ»,—подумалъ я себѣ,—«эти военныя обозрѣнія до меня не относятся; съ какой же стати я буду по десяти часовъ сряду мучиться». Подъ вліяніемъ такого успокоительнаго соображенія я прекратилъ эти поѣздки.

Объ этихъ продолжительныхъ поѣздкахъ, за исключеніемъ тѣхъ общихъ чертъ, которыя приведены мною выше, мнѣ не предстоитъ уже сказать много. Отличительный ихъ характеръ состоялъ въ томъ, что мы безпрерывно поднимались на скалы и спускались съ нихъ въ пропасти и ущелья. Непріятеля мы мало видѣли, на что̀ ужасно злобствовали мои воинственные друзья свиты, жаждавшіе подраться; изрѣдка только гдѣ-нибудь, въ отдаленіи, покажется непріятельскій пикетъ и скоро скроется. Замѣчательной чертой этихъ путешествій можно считать то, что, почти постоянно находясь между скалъ и пропастей, т. е. предъ зубами смерти, и находясь при томъ всегда несовсѣмъ въ нормальномъ положеніи въ слѣдствіе чарочныхъ пріемовъ, мы почти не имѣли никакихъ несчастій, а если что и было, то такъ ничтожно, что и упоминать не стоитъ.

Лично я только разъ задумался надъ вопросомъ: останусь ли живъ или умру? При одной изъ подобныхъ поѣздокъ, спустившись съ нашей возвышенной позиціи, мы должны были переходить какую-то топкую ложбину. Я шелъ вблизи князя, рядомъ съ Евдокимовымъ. Предъ нами очутилось что-то въ родѣ канавы или рва. Евдокимовъ спокойно повернулъ свою лошадь и объѣхалъ это памятное мѣсто. Я поѣхалъ прямо и, по манежнымъ правиламъ, желая предупредить свою лошадь объ этой канавѣ, прибралъ поводья и, нѣтъ сомнѣнія, что этимъ испортилъ все дѣло. По общимъ отзывамъ знатоковъ и линейныхъ казаковъ—при всѣхъ опасныхъ переходахъ, какого бы свойства они ни были, самое лучшее средство для исполненія ихъ дать туземной лошади полнѣйшую свободу. Я нарушилъ это правило и порядкомъ поплатился за то. Едва я подобралъ поводья, какъ въ тотъ же моментъ лошадь моя передними ногами провалилась въ эту проклятую яму. Мнѣ предстояло перелетѣть чрезъ ея голову и, запутавшись въ стременахъ, представить довольно драматическое зрѣлище; но я удержался и висѣлъ, такъ сказать, надъ лошадиною головою. Все это однако же продолжалось одно мгновеніе.

Сильная лошадь быстро рванулась всѣмъ передомъ изъ канавы, и я получилъ при этомъ движеніи сильнѣйшій ударъ въ грудь. Въ глазахъ потемнѣло, дыханіе стѣснилось, и тутъ-то я подумалъ: кончено! Если бы ударъ этотъ нанесенъ былъ головою лошади—дѣйствительно все было бы кончено; но къ счастію лошадь ударила меня только своею шеею. Безсознательно я отъѣхалъ въ сторону и ждалъ, что будетъ. У меня до такой степени захватило духъ, что я слова произнести не могъ, такъ что всѣ проносились мимо меня, рѣшительно ничего не замѣчая. Чрезъ нѣсколько секундъ или минутъ я почувствовалъ возможность дышать, и хотя грудь страшно ломило, но я видѣлъ, что обстановка, въ которой я находился, исключала всякую мысль о какихъ-либо нѣжныхъ и попечительныхъ пособіяхъ. Всѣ неслись, какъ угорѣлые, и мнѣ рѣшительно ничего не оставалось, какъ нестись за ними, предоставивъ остальное на волю Божію. Дѣло кончилось такъ хорошо, что на обратномъ пути я уже рѣшительно ничего не чувствовалъ и когда разсказывалъ этотъ случай своимъ товарищамъ, на ихъ физіономіяхъ было написано подозрѣніе, что все это я сочинилъ. Затѣмъ рѣшительно нигдѣ я не подвергался никакой опасности, хотя, по природному стремленію моему къ молодечеству, пускался на разныя штуки. Много разъ случалось спускаться съ какой-нибудь крутизны. На лошадяхъ надобно было извиваться по безконечнымъ зигзагамъ, о которыхъ я выше говорилъ, и проходить большое протяженіе, тогда какъ спуститься прямо можно было тотчасъ, если только не разобьешься самъ въ пухъ и прахъ. Въ подобныхъ случаяхъ я отдавалъ свою лошадь казаку, который и велъ ее по дорогѣ, а самъ спускался на прямки. Сильныя ноги и крѣпкія желѣзныя подковы подъ походными сапогами всегда сносили меня благополучно къ величайшему изумленію слабоногаго князя, на глазахъ котораго я продѣлывалъ эти штуки. Впрочемъ, я пускался на нихъ отнюдь не столько изъ тщеславія, сколько собственно для спокойствія. Нѣтъ ничего хуже и утомительнѣе, какъ спускаться на лошади съ крутыхъ мѣстъ, особенно на англійскомъ сѣдлѣ, какое у меня было. Это просто мученіе и для лошади, и для сѣдока! Между тѣмъ спуститься на ногахъ для меня рѣшительно не было ни труда, ни опасности.

Не могу при этомъ не вспомнить комическихъ случаевъ, когда милый Горшельтъ, «богомазъ», какъ называли его свитскіе пріятели, также предпринималъ спускаться прямо, избѣгая объѣздовъ. Какъ теперь вижу его долговязую, тонконогую фигуру и его маленькую верховную лошадку. Однажды онъ сталъ спускаться на ногахъ вмѣстѣ со мною съ довольно крутой горы. У него не было своего казака, и потому онъ повелъ лошадь за собою въ поводу. Конечно, это была картина, единственная въ своемъ родѣ. Я долженъ былъ останавливаться нѣсколько разъ, положительно умирая отъ смѣху. Дѣло въ томъ, что самъ Гор-

шельтъ и его маленькая лошадь ежеминутно падали и, что̀ всего комичнѣе—спасали другъ друга! Горшельтъ съ поводомъ въ рукахъ упадетъ и покатится; его маленькая лошадь остановится, упрется и посредствомъ этого повода удержитъ своего хозяина; потомъ маленькая лошадка его спотыкнется, оступится, упадетъ и покатится. Длинный Горшельтъ упрется, схватится обѣими руками за поводъ и въ свою очередь удержитъ коня...

Послѣ этихъ рекогносцировокъ и передвиженій съ одной позиціи на другую мы прибыли наконецъ на позицію, которая на моихъ оффиціальныхъ бумагахъ называлась: «на Андійскихъ высотахъ близъ аула Тандо». На этой позиціи мы стояли долго, и на ней собственно совершилось покореніе Восточнаго Кавказа; а потому и я долженъ посвятить ей большую часть моихъ воспоминаній.

Прежде чѣмъ мы окончательно заняли эту позицію, мы предварительно обозрѣвали ее разъ или два. Изобразить ее со стороны природы едва-ли въ состояніи самое искусное перо. На этой-то преимущественно позиціи мы видѣли плавающія внизу облака и грозы, въ нихъ разражавшіяся. Съ высотъ, на которыхъ мы стояли, въ лѣвую сторону мы видѣли безконечный рядъ скалистыхъ, сѣрыхъ, какихъ-то безжизненныхъ вершинъ. Люди знающіе и опытные, показывая на эти вершины, говорили, что тамъ находятся какія-то Андійскія ворота, тамъ же находится мѣсто или аулъ, кажется, «Ururahu», а въ немъ стоитъ самъ Шамиль съ своими мюридами и пушками. Для неопытнаго глаза ничего ни понять, ни разглядѣть было невозможно: все сливалось въ какую-то сѣрую мглу, сѣдой туманъ, въ которомъ прорѣзывались безчисленные горные пики. Въ правую сторону отъ насъ на первомъ планѣ, далеко внизу, виднѣлся аулъ Тандо, за нимъ ровная повидимому плоскость, потомъ берега Андійскаго Койсу, бѣшеной горной рѣки, а за нимъ лагерь сына Шамиля, немногія палатки котораго и происходившее тамъ движеніе составляли предметъ особенныхъ наблюденій съ нашей стороны. Прямо предъ нами, внизу, открывалась необозримая долина, съ нѣкоторыми пригорками, оказавшимися впослѣдствіи, когда мы спускались туда, тоже большими горами.

Я помню очень хорошо день занятія этой позиціи. Когда мы пришли къ ней, князь сошелъ съ лошади и сѣлъ на краю возвышенности. Его примѣру послѣдовали всѣ. Посредствомъ зрительныхъ трубъ и другихъ способовъ найдено было, что лежащій внизу аулъ Тандо не очищенъ еще жителями, и потому князь приказалъ немедленно занять его. Ужъ не знаю почему начальникомъ дѣйствующихъ войскъ считался въ этотъ моментъ баронъ Николаи, братъ статскаго барона Николаи, нынѣ генералъ-адъютантъ. Занятіе аула предоставлено было Кабардинскому полку, части котораго немедленно и отправились внизъ. Всѣ мы, распо-

ложенные на обрывахъ возвышенности, сидѣли, какъ въ партерѣ, и ожидали занятія аула, какъ ожидаютъ въ театрѣ начала какого-нибудь спектакля. Само собою разумѣется, что для меня это ожиданіе было исполнено наибольшаго интереса вслѣдствіе самой новости подобныхъ дѣлъ. Ожиданіе наше длилось очень долго, потому что самый спускъ, по которому шли наши войска, оказался необъятнаго протяженія. Вдругъ сдѣлалось замѣтнымъ величайшее движеніе въ аулѣ; стали раздаваться выстрѣлы, постепенно учащаясь. Я помню, что я былъ очень удивленъ звукомъ этихъ выстрѣловъ: отъ свойства ли горной атмосферы, или отъ устройства винтовокъ—звукъ этотъ вовсе не походилъ на звукъ нашихъ обыкновенныхъ выстрѣловъ; это былъ скорѣе какой-то деревянный стукъ, сухой и короткій. Прислушиваясь къ этому стуку, я понялъ, почему на Кавказѣ, говоря о горцахъ, вмѣсто, напр. «начали стрѣлять» говорятъ: «застукали», или вмѣсто: «застрѣлили», говорятъ «устукали». Стукотня эта была впрочемъ непродолжительна; прежде, нежели мы могли замѣтить приближеніе нашихъ войскъ къ аулу, мы видѣли, что изъ аула потянулись конныя партіи горцевъ, продолжая стрѣлять назадъ, кажется, больше для собственнаго удовольствія, чѣмъ для дѣйствительной пользы. Такое поспѣшное отступленіе рѣшительно разочаровало насъ, ожидавшихъ видѣть зрѣлище свалки; но оно тотчасъ объяснилось, когда мы увидѣли фигуры той охотничьей команды Кабардинскаго полка, о которой я говорилъ, заходившія съ обѣихъ сторонъ аула на значительномъ отъ него разстояніи; этотъ обходъ, повидимому, и заставилъ горцевъ убираться по добру, по здорову.

Когда такимъ образомъ аулъ занятъ былъ нашими войсками, князь потребовалъ коня, сѣлъ на него и сталъ спускаться къ аулу. Разумѣется, его примѣру послѣдовали всѣ. Я никогда не забуду этого достопамятнаго спуска. Онъ превосходилъ все, что мы до тѣхъ поръ видѣли и проходили. Начать съ того, что онъ тянулся, какъ говорили, пять верстъ. Крутизну онъ представлялъ невообразимую. Лошади, спускаясь, положительно садились на задъ. Всадники предоставляли себя Богу, да ловкости коня. Къ этому надобно прибавить, что дорога по этому спуску представляла почву изрытую, обрывистую, усѣянную громадными камнями, такъ что лошади почти на каждомъ шагу должны были преодолѣвать эти препятствія. Но что всего было отвратительнѣе—это то, что спускъ этотъ не имѣлъ прямой линіи внизъ, а безпрерывно извивался и загибался. Спускаясь, напр., съ одного поворота, ждешь, когда онъ кончится, въ надеждѣ, что за поворотомъ дорога будетъ лучше. Повернулъ и обомлѣлъ! Еще круче, еще хуже!

Я помню, когда пріѣхалъ въ нашъ лагерь остроумный Челяевъ (зачѣмъ онъ пріѣзжалъ—ужъ Богъ его знаетъ), князь нѣсколько разъ выражалъ желаніе, чтобы онъ также участвовалъ въ дальнѣйшихъ реко-

гносцировкахъ, которыя, разумѣется, должны были начинаться съ этого милаго спуска. Надо замѣтить, что Челяевъ природный грузинъ, слѣдовательно, природный ѣздокъ, хотя уже немножко отяжелѣвшій и отвыкшій отъ джигитскихъ замашекъ. Онъ нѣсколько разъ порывался исполнить желаніе князя и спуститься внизъ, но каждый разъ возвращался съ дороги и выдумывалъ для представленія князю различные уважительные предлоги. Въ дружеской же бесѣдѣ чрезвычайно остро и забавно разсказывалъ дѣйствительныя причины, заставлявшія его возвращаться. «Это чортъ знаетъ, что такое?»,—говорилъ онъ между прочимъ: «развѣ можно порядочнымъ людямъ ѣздить по такимъ дорогамъ? Постоянно висишь надъ пропастью, а подъ ногами камень на камнѣ. Думаешь, вотъ поверну—пойдетъ ровно. Не тутъ-то было. Еще хуже. Можетъ быть за новымъ поворотомъ будетъ лучше. Еще хуже. Я думаю, что черти въ адѣ спускаются покойнѣе. Нѣтъ, слуга покорный! Если Шамиля суждено поймать—поймаютъ и безъ меня. А я по-пусту, изъ одной любви къ искуству, головы ломать не намѣренъ!» и т. п.

Но я по этому спуску въ тотъ моментъ, о которомъ говорю, ѣхалъ въ первый разъ подлѣ самаго князя, и само собою разумѣется, что мысль о возвращеніи не могла мнѣ и въ голову придти уже потому, что исполненіе ея покрыло бы меня вѣчнымъ позоромъ. Князь ѣхалъ спокойно и съ улыбкою смотрѣлъ, какъ моя лошадь спускалась на хвостѣ. Всему бываетъ конецъ; былъ конецъ и этому проклятому спуску. Мы въѣхали въ занятой аулъ по узенькой извивающейся улицѣ и въ слѣдъ за княземъ вошли на какую-то башню или крѣпость, съ которой открывался обширный видъ. Свитскіе товарищи мои недолго, однако же, наслаждались этимъ видомъ и потребовали у меня открытія на пользу общую всѣхъ моихъ запасовъ. Мы спустились съ башни и дружно принялись за поиски моего казака, у котораго находился мой подвижной запасный магазинъ. Когда казакъ былъ отысканъ, мы расположились на берегу какого-то ручья и такъ дружно занялись своимъ завтракомъ и преимущественно разными питіями, что даже прозѣвали жаркую схватку, происшедшую на противоположной сторонѣ аула. Дѣло въ томъ, что когда князь находился на башнѣ, противъ ея, въ отдаленіи, показалась партія конныхъ горцевъ. Преслѣдовать и разсѣять ее предоставлено было какому-то туземному полку или отряду, недавно предъ тѣмъ въ чемъ-то оплошавшему. Нашъ конный отрядъ, чтобъ смыть лежавшее на немъ пятно, яростно кинулся на вражескую партію и быстро разсѣялъ ее, при чемъ было убито нѣсколько человѣкъ. Дѣло было исполнено такъ мгновенно, что не только мы, бывшіе въ отдаленіи и углубившіеся въ свои спеціальныя занятія, но и многіе другіе ничего не видали.

Обозрѣвъ открывающуюся изъ этого аула мѣстность, князь потя-

нулся назадъ, а за нимъ двинулась и безконечная вереница, составлявшая его хвостъ. Подъемъ былъ столь же утомителенъ, сколько и скученъ, только съ другой стороны: если при спускѣ вы должны были, во избѣжаніе удовольствія полетѣть чрезъ голову лошади, ложиться ей на спину, то при подъемѣ вы должны были держаться за гриву лошади, чтобъ не съѣхать съ сѣдла и не остаться за хвостомъ вашего коня. Поднявшись, мы расположились «на Андійскихъ высотахъ, близъ аула Тандо».

На этой позиціи, какъ я сказалъ уже, мы стояли весьма долго. Замѣтно было, что здѣсь совершались важныя военныя соображенія, ожидались извѣстія изъ другихъ отрядовъ, велись переговоры, дѣлались окончательныя предположенія. Но эта часть была мнѣ и моимъ пріятелямъ мало знакома, и потому я объ этомъ умолчу.

Бывшій въ свитѣ князь Голицынъ самъ создалъ для себя должность безсмѣннаго моего адъютанта и усердно исполнялъ ее. Голицыныхъ на бѣломъ свѣтѣ и въ русскомъ мірѣ нѣсть числа. Какую отрасль въ этомъ вѣтвистомъ древѣ составлялъ мой адъютантъ, я плохо знаю, потому что нисколько не интересовался этимъ; знаю только, что онъ былъ сынъ того Голицына, который былъ генералъ-губернаторомъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, служилъ прежде въ кавалергардахъ или конногвардейцахъ, жилъ долго въ Парижѣ, потомъ попалъ на Кавказъ и поступилъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, гдѣ онъ и состоялъ во время похода. Такимъ образомъ онъ собственно не принадлежалъ къ свитѣ намѣстника, но примкнулъ къ ней вслѣдствіе частію родовыхъ, а частію прежнихъ петербургскихъ отношеній, точно такъ же, какъ къ ней примкнули много и другихъ личностей, какъ, напр., князь Долгоруковъ, бывшій во время похода солдатомъ какого-то полка, разжалованный въ это званіе за какую-то петербургскую исторію, братъ своей сестры, впослѣдствіи Альбединской; Бутурлинъ, состоявшій тогда при Евдокимовѣ, какой-то Нарышкинъ и много другихъ. Князь Голицынъ былъ милый, но уже потерянный человѣкъ. Безъ вина онъ уже положительно жить не могъ. Можно было догадываться, что какая-нибудь романтическая драма дала сильный толчекъ его существованію. Владѣя прекраснымъ теноромъ, онъ великолѣпно пѣлъ пѣсни своего сочиненія. Слова этихъ пѣсенъ, манера, съ которою онъ ихъ пѣлъ, показывали, что въ сердцѣ у него сидѣла глубокая заноза. Однимъ словомъ, это была широкая русская даровитая натура, сбившаяся съ толку. Въ качествѣ моего адъютанта, онъ постоянно докладывалъ мнѣ о потребности тѣхъ или другихъ питей и, получая мои приказанія, передавалъ ихъ тѣмъ, у кого хранились винные запасы.

Казалось бы, при такихъ раннихъ и безспорно обильныхъ обѣдахъ и ужинахъ, не было уже ни мѣста, ни времени никакимъ другимъ за-

*

тѣямъ, тѣмъ болѣе, что, какъ я сказалъ уже, князь, постоянно обѣдая въ своей отдѣльной палаткѣ, подобно тому, какъ заведено было въ Тифлисѣ, ежедневно приглашалъ къ себѣ обѣдать человѣкъ шесть, восемь, десять изъ наиболѣе почетныхъ и близкихъ лицъ и въ силу этого порядка выдергивалъ, такъ сказать, изъ среды нашей веселой молодости, то одного, то другаго, то по-двое и по-трое вдругъ. Всего этого для праздной и богатой свиты, однако же, было недостаточно. Началось съ того, что она изобрѣла очередные завтраки, разумѣется, роскошные въ той степени, въ какой только было возможно, при той обстановкѣ, въ какой мы находились. Сегодня завтракъ былъ у одного, завтра у другаго, потомъ у третьяго и т. д. Такимъ образомъ съ ранняго утра свита становилась уже на веселую ногу. И этого оказалось мало.

Всѣ пиры, болѣе или менѣе, походили одинъ на другой. Изящества не требовалось, потому что и требовать его нельзя было; но численность ихъ и страшная роскошь были ужасающихъ размѣровъ, что можно было заключать изъ того, что многіе господа, пустившіеся въ походъ съ соотвѣтственными денежными запасами, стали разыскивать почти неизбѣжнаго спутника ихъ молодой и веселой жизни — кредита Мы ловили малѣйшій случай созидать пиры. Пріѣхалъ кто-нибудь—пиръ Уѣзжаетъ кто-нибудь—пиръ! Получилъ кто-нибудь награду — пиръ! Имениникъ -- пиръ! Если ничего этого не было, вспоминалось какое-нибудь дѣло, событіе, обстоятельство—и во славу или память его — опять пиръ!

Въ то время, когда на лѣвой, Милютинской улицѣ царствовала дѣловая, серьезная сторона, на нашей, Свитской улицѣ—пиры, большею частью, продолжались всю ночь. Пѣніе, сопровождавшее наши кутежи, гремѣло, постоянно и, конечно, мало содѣйствовало спокойствію тѣхъ, кто въ своихъ походныхъ постеляхъ искалъ сна, не исключая и самого князя...

Палатка моя, какъ я сказалъ уже, стояла первою отъ палатки князя по Свитской улицѣ, и ею именно начиналась эта улица; поэтому нисколько не удивительно, что наши оргіи не только доходили до слуха князя, но и значительно безпокоили его. Безконечно деликатный, онъ и къ нашему шуму вначалѣ относился чрезвычайно деликатно. Потомъ, среди нашихъ ночныхъ пировъ, являлся къ намъ нашъ милый комендантъ Тромповскій и съ своимъ польскимъ акцентомъ говорилъ: «Господа! ради Бога потише! Самъ князь проситъ васъ не шумѣть такъ! Вы никому спать не даете! Князь никакъ не можетъ заснуть и самъ прислалъ меня просить васъ»... Тромповскаго всѣ чрезвычайно любили; но я говорилъ уже, что онъ не имѣлъ рѣшительно никакого серьезнаго значенія, не имѣлъ до такой степени, что даже и въ этомъ случаѣ,

когда онъ говорилъ отъ имени самого князя, на его слова не было обращено рѣшительно никакого вниманія; свитскіе господа продолжали пѣть и шумѣть по-прежнему, какъ ни въ чемъ не бывало. Князю однако же дѣлалось, повидимому, невыносимо, такъ что онъ горько жаловался на свиту Милютину и пригласилъ его, какъ начальника главнаго штаба, принять соотвѣтственныя мѣры, все-таки избѣгая, по той же деликатности, необходимости сдѣлать лично выговоръ и замѣчаніе своимъ приближеннымъ.

Упомянувъ выше объ отдѣльныхъ обѣдахъ у князя, въ его собственной палаткѣ, я долженъ прибавить, во-первыхъ, что они по достоинству, какъ и само собою разумѣется, были гораздо выше тѣхъ, которые поѣдались «саранчею» въ общей палаткѣ, и, во-вторыхъ, что въ порядкѣ ихъ соблюдался тотъ же этикетъ, какой существуетъ въ отношеніи тифлисскихъ обѣдовъ съ тою только разницею, что здѣсь, въ походѣ, отъ гражданскихъ лицъ не требовались бѣлые галстуки, непремѣнное условіе тифлисскихъ обѣдовъ. За всѣмъ тѣмъ, когда въ нѣкоторые царскіе дни, мы съ Всеволожскимъ, секретаремъ князя для иностранной переписки, являлись въ палатку къ обѣду въ бѣлыхъ галстукахъ, князь былъ весьма доволенъ и положительно выражалъ свое удовольствіе.

Честь обѣдать въ палаткѣ у князя, завидная для многихъ, доставалась мнѣ довольно часто. Князь какъ будто видимо желалъ поддержать и ободрить меня своимъ благоволеніемъ въ этомъ новомъ для меня мірѣ. Между прочимъ какъ-то однажды, послѣ моего доклада, князь сказалъ мнѣ: «приходите сегодня ко мнѣ обѣдать». Я молчаливо поклонился. Надо замѣтить, что это было во время разгара нашихъ завтраковъ, о которыхъ я выше говорилъ. Въ этотъ именно день былъ очередной завтракъ у близнецовъ графовъ Орловыхъ-Давыдовыхъ, племянниковъ князя. Среди этого завтрака я и былъ потребованъ къ князю съ моимъ докладомъ. На мой молчаливый поклонъ князь вопросительно взглянулъ на меня и сказалъ: «а что? вѣрно затѣянъ кутежъ какой-нибудь?» «Нѣтъ, ваше сіятельство», отвѣчалъ я, «мы только завтракаемъ сегодня у графовъ Орловыхъ-Давыдовыхъ». «Ну, я знаю эти завтраки!» весело сказалъ князь: «въ такомъ случаѣ приходите лучше завтра обѣдать ко мнѣ, а то съ вами, пожалуй, поносъ сдѣлается!» Я очень радъ былъ этой льготѣ потому, что нашъ завтракъ, веселый и свободный, протянулся далеко за полночь.

За этими обѣдами, какъ и въ Тифлисѣ, князь, большею частью одинъ ораторствовалъ; всѣ другіе почтительно слушали или столь же почтительно улыбались и поддакивали. До какой степени опасно было вмѣшиваться въ разговоры князя и до какой степени проникнутъ онъ былъ мнительностью и подозрительностью въ отношеніи къ тому, что

ему или при немъ говорятъ, приведу слѣдующій случай. Если этотъ случай разсказанъ уже выше гдѣ-нибудь, то я прошу извиненія у великодушнаго читателя за повтореніе. За однимъ изъ этихъ обѣдовъ князь, между прочимъ, разсказывалъ, что когда-то ему нужно было купить лошадь и что для этой цѣли онъ отправился въ какую-то крѣпость или станицу, гдѣ по слухамъ была именно такая лошадь, какая была нужна князю, принадлежавшая одному изъ туземныхъ офицеровъ. Едва онъ прибылъ въ эту крѣпость или станицу, какъ къ нему тотчасъ явился одинъ изъ прежнихъ его знакомыхъ, человѣкъ хорошей фамиліи и значительнаго достатка, но прокутившійся, замотавшійся и стоявшій уже на рубежѣ мазурничества. Когда господинъ этотъ узналъ цѣль, для которой пріѣхалъ князь, онъ тотчасъ предложилъ свои услуги. Князь холодно отвѣчалъ, что онъ уже имѣетъ въ виду такую-то лошадь; господинъ этотъ началъ расхваливать ее и даже объявилъ, какую именно цѣну хозяинъ проситъ за нее. Князь беретъ эту сумму, запечатываетъ ее въ пакетъ и при коротенькой запискѣ отправляетъ ее съ казакомъ хозяину, прося прислать лошадь. Отвѣтъ былъ таковъ, что лошадь посылается, но что вѣроятно князь забылъ вложить въ пакетъ сумму, о которой онъ пишетъ потому, что въ пакетѣ ея не оказалось. Удивленный князь, прежде всего, отправляетъ вновь такую же сумму и затѣмъ обращается къ вопросу: какимъ образомъ могла изчезнуть сумма, прежде отправленная? Никакихъ подозрѣній къ личности хозяина лошади не могло быть отнесено потому, что это былъ господинъ, довольно извѣстный и съ безукоризненною репутаціею. Оставалось обратить эти подозрѣнія на казака, носившаго письмо съ деньгами, что̀ князь и высказалъ господину, присутствовавшему при всей этой операціи. Къ удивленію, этотъ господинъ выразилъ самый энергическій протестъ противъ этихъ подозрѣній и даже укорилъ князя именно этими словами: «какъ можно, ваше сіятельство, такъ поспѣшно и такъ бездоказательно чернить человѣка; впослѣдствіи вѣроятно очень просто объяснится это недоумѣніе». Князь бросилъ это дѣло; но потомъ, при свиданіи съ хозяиномъ лошади, онъ вспомнилъ объ этомъ обстоятельствѣ. «Да не былъ ли кто-нибудь у вашего сіятельства въ то время, какъ вы отправляли деньги?» спросилъ онъ. Князь отвѣчалъ, что былъ такой-то господинъ, о которомъ нечего и говорить, потому что на него не можетъ падать рѣшительно никакого подозрѣнія, какъ на человѣка порядочнаго и стараго знакомаго князя. «Напротивъ, ваше сіятельство!» возразилъ хозяинъ лошади, «теперь все ясно; онъ-то и укралъ деньги. Это уже не первая его штука въ этомъ родѣ». При этомъ онъ дѣйствительно разсказалъ нѣсколько штукъ именно въ этомъ родѣ, великолѣпно исполненныхъ этимъ господиномъ.

Князь заключилъ свой разсказъ сожалѣніемъ, что такъ низко иногда

падаютъ люди, хорошо рожденные, хорошо воспитанные... Послѣ этого разсказа наступила значительная пауза. Подъ вліяніемъ множества подобныхъ случаевъ, которые были мнѣ извѣстны еще въ Петербургѣ, я рѣшился выступить на сцену. «Сколько мнѣ извѣстно, ваше сіятельство», сказалъ я, «изъ всѣхъ потерянныхъ людей, такъ называемыхъ въ Петербургѣ «мазуриковъ», самые опасные именно тѣ, которые хорошо образованы и имѣли состояніе, ими растраченное. По привычкѣ ли къ прежнимъ сладостямъ и удобствамъ жизни или уже по испорченности своей натуры — они не останавливаются ни предъ какими подлостями, чтобъ поправить свое матеріальное положеніе. Однимъ словомъ, это самый опасный разрядъ подлецовъ и т. п.» Во время моей, какъ всегда, оживленной рѣчи князь съ какою-то значительною улыбкою посматривалъ то на меня, то на Едлинскаго, который тоже обѣдалъ у князя въ этотъ разъ. Я видѣлъ, что улыбка, князя, съ которою онъ переносилъ свой взоръ съ меня на Едлинскаго, а съ Едлинскаго на меня, значитъ что-то; но что именно она значитъ — я рѣшительно понять не могъ. Послѣ обѣда, по обыкновенію, скоро всѣ разошлись, и я разумѣется тотчасъ забылъ всѣ происходившіе за нимъ разговоры.

Но когда въ тотъ же вечеръ или на другое утро, ужъ не помню, я снова увидалъ князя, онъ встрѣтилъ меня словами: «ну, батюшка! отдѣлали вы насъ съ Едлинскимъ... Молодецки!» Слова эти произнесены были милымъ и шутливымъ тономъ. Рѣшительно ничего не понимая, я спросилъ: «какимъ образомъ ваше сіятельство?» «А какже!» продолжалъ князь: «вы великолѣпно доказали, что изъ всѣхъ мошенниковъ самые отчаянные тѣ, которые были богаты и потеряли свое состояніе! А мы съ Едлинскимъ именно подходимъ подъ этотъ разрядъ!» «Помилуйте, ваше сіятельство!»,—сказалъ я, чрезвычайно изумленный,— «развѣ я утверждалъ, что всѣ, которые были богаты, непремѣнно дѣлаются дурными людьми?» Но князь видимо шутилъ, и ясно было, что ему не были нужны никакія опроверженія съ моей стороны сдѣланнаго имъ столь оригинальнаго вывода изъ моихъ воззрѣній. «А знаете ли», продолжалъ весело князь: «послѣ обѣда я подозвалъ къ себѣ Едлинскаго и сказалъ ему: каково отдѣлалъ насъ съ вами Василій Антоновичъ? Едлинскій отвѣчалъ: Василій Антоновичъ совершенно упустилъ изъ виду пословицу: «въ домѣ повѣшеннаго о веревкѣ не говорятъ». Я хотѣлъ было подсказать ему эту пословицу, но онъ сидѣлъ на другой сторонѣ стола: неловко было!» Все это разумѣется, обращено было въ шутку; но и въ шуткѣ этой видна та мнительность, которая составляла весьма рельефную черту въ характерѣ князя.

Что подѣлывалъ, между тѣмъ, мой Зиссерманъ? Увы! Прежде всего я долженъ замѣтить, что несмотря ни на какія старанія съ моей сто-

роны я никакъ не могъ ввести его въ сферу дѣйствительной свиты, которая не чувствовала къ нему симпатій. Съ этой стороны положеніе его было весьма затруднительно. Самолюбіе, какъ справедливо утверждалъ князь, самая щекотливая вещь, и громадное самолюбіе Зиссермана страдало невыносимо. Нѣкоторое утѣшеніе онъ находилъ только въ занятіяхъ верблюдами. «Какъ верблюдами?»—восклицаетъ изумленный читатель. «Да также», отвѣчаю я. Дѣло въ томъ, что въ началѣ похода какое-то общество, народъ или племя предложило на общую пользу, безплатно, нѣсколько верблюдовъ съ такимъ впрочемъ условіемъ, что если верблюдъ падетъ во время похода, то въ этомъ случаѣ за него должно быть выплачено жертвователямъ 50 р. Для какихъ именно надобностей могли быть употреблены эти верблюды—я не знаю; но только мы видѣли на нашихъ позиціяхъ, что эти неуклюжія животныя съ длинными шеями, съ огромными горбами какъ-то уныло бродили или стояли по окрестнымъ скаламъ. Скоро мы стали видѣть трупы этихъ животныхъ. Они начали падать! Соображенія о причинахъ этого падежа были чрезвычайно разнообразны. Одни утверждали, что они не способны переносить горныхъ походовъ; другіе, что въ скалахъ они не находятъ достаточной пищи; большинство же было такого мнѣнія, что мошенники татары, предложившіе ихъ для похода, съ уплатою за каждаго павшаго верблюда по 50 р., нашли въ этомъ весьма выгодную спекуляцію и по всей вѣроятности поручили приставленнымъ къ нимъ погонщикамъ скорѣе переморить ихъ, чтобъ скорѣе получить слѣдующія за нихъ деньги.

Между тѣмъ князь, по прибытіи въ нашъ лагерь, обратилъ на этотъ предметъ самое ближайшее вниманіе и занялся верблюдами съ обычною, хотя скоропреходящею, энергіею. Повидимому, онъ хотѣлъ разрѣшить положительнымъ образомъ задачу о годности верблюдовъ для горныхъ кавказскихъ походовъ. Въ сотрудники по разработкѣ этой задачи онъ взялъ именно Зиссермана. Явились откуда-то брошюры объ участіи верблюдовъ въ военныхъ передвиженіяхъ по Алжиру; составлялись извлеченія изъ этихъ брошюръ, писались спеціальныя инструкціи объ уходѣ за верблюдами; наконецъ, избранъ былъ одинъ изъ офицеровъ для ближайшаго попеченія надъ ними, который постоянно являлся съ докладами къ Зиссерману о состояніи ихъ здоровья. Но увы! чѣмъ болѣе самъ князь, Зиссерманъ и этотъ офицеръ, ближайшій ихъ попечитель, старались объ улучшеніи судьбы несчастныхъ верблюдовъ, тѣмъ сильнѣе они падали. Каждое утро, выходя изъ своихъ палатокъ, мы привыкли уже смотрѣть въ мѣсто расположенія верблюдовъ и всегда замѣчали новые трупы. Громадные трупы этихъ громадныхъ животныхъ чрезвычайно рельефно вырисовывались на окрестныхъ возвышеніяхъ и отмѣчали, такъ сказать, слѣды нашего побѣдо-

носнаго шествія впередъ. Кончилось, разумѣется, тѣмъ, что всѣ верблюды передохли, и Зиссерманъ снова оставался безъ дѣла, до тѣхъ поръ, пока военныя событія или, лучше сказать, начавшееся покореніе Восточнаго Кавказа не предоставило ему въ высшей степени интересныхъ матеріаловъ для тѣхъ писемъ, которыя онъ сталъ высылать изъ похода въ редакцію петербургскихъ газетъ и которыя, сколько извѣстно, читались въ свое время съ величайшимъ любопытствомъ!

X.

Покореніе Восточнаго Кавказа.—Бѣгство Шамиля съ его позиціи.—Замѣчательная манера князя сообщать секреты. — Государственный успѣхъ и негодованіе свиты.—Отступленіе князя отъ собственныхъ словъ.—Вопросъ: ожидалъ или не ожидалъ князь покоренія Восточнаго Кавказа.—Разливъ миролюбиваго настроенія между горцами. — Безчисленныя депутаціи, ежедневно являвшіяся въ нашъ лагерь. — Туземные ораторы. — Успѣхи отряда барона Врангеля.—Знаменитая переправа этого отряда чрезъ рѣку.—Покореніе Аваріи. — Громадная депутація аварцевъ. — Русскіе выходцы изъ непріятельскихъ ауловъ.—Плѣнные и перебѣжчики.—Пособія, которыми свита надѣляла ихъ.—Развивающееся негодованіе свиты на такой оборотъ дѣлъ.—Скука, заглянувшая въ нашъ лагерь.—Обманутыя надежды на битвы и отличія.—Начавшійся разъѣздъ свитскихъ господъ.—Моя рѣшимость тоже уѣхать. — Обратный мой путь въ Грозную. — Выѣздъ изъ Грозной. — Впечатлѣніе, выраженное моимъ камердинеромъ.

Начавшееся покореніе Восточнаго Кавказа! Я по истинѣ затрудняюсь, съ какой стороны приступить къ этому важному событію. Чуждый всякаго участія всѣхъ военныхъ соображеній и обстоятельствъ, изъ которыхъ создалось это покореніе, я, само собою разумѣется, не могу имѣть ни малѣйшей претензіи разсматривать это событіе именно съ этой серьезной стороны. Да эта сторона, во-первыхъ, не была бы мнѣ подъ силу ни въ какомъ случаѣ, а во-вторыхъ, она уже разработана во всевозможныхъ реляціяхъ и оффиціальныхъ донесеніяхъ, разумѣется, нечуждыхъ «украшенія истины». Поэтому мнѣ кажется, что я поступлю лучше, если, не становясь на ходули, буду просто разсказывать только то, что видѣлъ и слышалъ, съ сохраненіемъ единственнаго условія, положеннаго мною въ основаніе моихъ разсказовъ: не допускать ни одного слова сочиненнаго.

Продолжая оставаться на позиціи, называвшейся «Андійскими высотами близъ аула Тандо», князь много разъ спускался съ этихъ высотъ, обозрѣвалъ внизу лежащую мѣстность и даже избралъ на ней пунктъ для нашего укрѣпленія, которое 6-го августа дѣйствительно

было заложено и названо «Преображенскимъ». Мы продолжали кутить въ томъ порядкѣ, какъ я выше разсказалъ, и мало останавливались надъ вопросомъ: почему мы не двигались дальше? За Андійскимъ Койсу, по-прежнему, виднѣлся лагерь сына Шамиля и оставался въ томъ же недвижимомъ положеніи, какъ и нашъ лагерь. Замѣтно было, впрочемъ, что въ высшихъ сферахъ что-то обдумывается, соображается, что-то ожидается. Предъ палаткою князя, по-прежнему, стояли зрительныя трубы всевозможныхъ размѣровъ, направленныя въ ту сторону, гдѣ, по слухамъ и разсказамъ, стоялъ самъ Шамиль съ своими мюридами и своими пушками. Люди опытные, умѣющіе обращаться съ этими трубами, часто смотрѣли въ нихъ и разсказывали, что они видѣли. Я тоже много разъ принимался смотрѣть въ эти трубы, но кромѣ неба, да горъ никогда ничего не умѣлъ замѣтить, несмотря на многоразличныя наставленія, которыми меня осыпали.

Я очень живо помню одно истинно прекрасное утро, когда я, вмѣстѣ съ другими, находился близъ палатки князя. Князь, замѣтивъ меня въ толпѣ свитскихъ, сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобъ я приблизился къ нему. «Ну, батюшка!»,—весело и таинственно сказалъ мнѣ князь,—«я скажу вамъ славную вещь; только смотрите—не говорите никому... У Шамиля революція! Онъ бѣжалъ. Дѣло наше принимаетъ оборотъ, какого и ожидать было нельзя. Ну, ступайте, да Бога ради не разболтайте!» По правдѣ сказать, я плохо понялъ, въ чемъ тутъ дѣло; тѣмъ не менѣе мнѣ очень пріятно было видѣть, съ одной стороны, что князь спѣшилъ подѣлиться со мной извѣстіями, которыя онъ просилъ не разглашать, а съ другой, что дѣла приняли, по его собственнымъ словамъ, оборотъ, для него самого неожиданный! Но если князь впослѣдствіи справедливо называлъ меня «болтуномъ», то справедливость же требуетъ сказать, что онъ самъ не чуждъ былъ женской, такъ сказать, слабости разсказать окружающимъ его что-нибудь новое и интересное. Замѣчательно, что, передавая какую-либо новость, князь каждаго приглашалъ не разсказывать ее другимъ. Отъ этого являлось разомъ множество лицъ, воображающихъ, что они хранятъ большую, ввѣренную самимъ княземъ, тайну, а потомъ обнаруживалось, что тайна эта извѣстна всѣмъ и изъ одного и того же источника.

Такъ точно было и въ настоящемъ случаѣ. Возвратившись отъ князя, я слышалъ со всѣхъ сторонъ таинственные вопросы: «знаешь? Шамиль бѣжалъ и бросилъ пушки?» Не трудно представить то комическое положеніе, въ которомъ я находился, слушая эти вопросы и видя, что вложенная въ меня тайна у всѣхъ на устахъ! Оказалось, что изъ мѣста, гдѣ находился Шамиль, явились въ нашъ лагерь нѣсколько горскихъ старшинъ или начальниковъ. Объявивъ, что Шамиль бѣжалъ, они сказали, что сами драться не хотятъ, и просили взять оста-

вленныя Шамилемъ пушки. Это извѣстіе принято въ нашемъ лагерѣ съ радостію, къ которой примѣшивалась значительная доля недовѣрія, и потому этимъ подозрительнымъ парламентерамъ графомъ Евдокимовымъ объявлено было, что теперь отправлять наши войска за пушками не удобно и что они, старшины, возвратясь къ своимъ мѣстамъ, должны охранять эти пушки до того времени, когда наши отряды придутъ туда. Впрочемъ, всякія сомнѣнія въ этомъ отношеніи скоро разсѣялись при посредствѣ азіатовъ, находившихся въ нашемъ лагерѣ, которые изслѣдовали ближайшимъ образомъ это важное событіе и подтвердили несомнѣнность его къ общей нашей радости. Я впрочемъ не вѣрно выразился, назвавъ нашу радость общею. Свитскіе пріятели мои, напротивъ, начали ругать и Шамиля, и мюридовъ его за то, что они сдаются безъ боя и тѣмъ лишаютъ военную молодежь возможности подраться и нахватать побольше крестовъ.

Какъ бы то ни было, при встрѣчѣ въ тотъ же день съ Д. А. Милютинымъ, я поспѣшилъ его поздравить съ такимъ громаднымъ успѣхомъ. «Да, да!»,—отвѣчалъ онъ—«ужъ это сверхъ всякихъ ожиданій!» На другой день, когда я снова увидѣлъ князя, онъ спросилъ меня: «ну, что говорятъ въ лагерѣ?» «Всѣ радуются успѣху, который превосходитъ всѣ ожиданія»,—отвѣчалъ я. «Какъ превосходитъ ожиданія?»—живо и довольно сурово возразилъ князь: «я именно этого и ожидалъ; тутъ нѣтъ ничего неожиданнаго; это мои разсчеты» и т. п. Я стоялъ предъ княземъ, какъ говорится, совершенно огорошенный. Вчера, не далѣе, онъ самъ мнѣ лично сказалъ, что событіе это превосходитъ всѣ ожиданія; вчера же Д. А. Милютинъ мнѣ сказалъ, что оно превосходитъ также всѣ ожиданія. Сегодня тотъ же князь утверждаетъ, что тутъ нѣтъ ничего неожиданнаго и что все это есть послѣдствіе его военныхъ разсчетовъ. Едва-ли нужно говорить, какъ нехорошъ показался мнѣ въ эту минуту князь. Ясно было, что онъ нашелъ невыгоднымъ относить это событіе къ счастливой случайности и предпочелъ поставить его, какъ результатъ военныхъ его соображеній; но все это было шито, какъ говорится, ужъ черезчуръ бѣлыми нитками и произвело на меня самое дурное впечатлѣніе, какъ всякое отступленіе отъ истины. Но, оставляя въ сторонѣ эту несовсѣмъ искусную метаморфозу, я долженъ остановиться на соображеніи нѣкоторыхъ данныхъ, именно относящихся къ покоренію Восточнаго Кавказа.

Въ этомъ отношеніи я долженъ противупоставить два, повидимому противуположные, факта. Извѣстно было, что князь, въ бытность свою, предъ походомъ, въ Петербургѣ, обѣщалъ государю прислать въ Петербургъ Шамиля, прислать именно съ Тромповскимъ и просилъ уже заранѣе опредѣленной награды за это Тромповскому. Въ какой именно формѣ дано было это обѣщаніе и испрошено это награжденіе, разу-

мѣется, никому положительно не извѣстно. Быть можетъ, все это имѣло только шутливый характеръ, которымъ князь такъ плѣнительно умѣлъ облекать свои блестящія фантазіи. Предположеніе это имѣетъ тѣмъ большую вѣроятность, что если и можно было надѣяться на сохраненіе, во время похода, въ совершенной цѣлости милѣйшаго Тромповскаго, то трудно было ручаться за то, чтобы можно было получить живьемъ такого господина, какъ Шамиль, и послать его на показъ русскимъ людямъ, какъ невиданнаго звѣря. Впрочемъ, я беру голый фактъ: князь обѣщалъ государю Шамиля! Но вотъ другой фактъ: когда Шамиль бѣжалъ съ своей позиціи, князь назвалъ это обстоятельство превосходящимъ всѣ ожиданія, что подтвердилъ и Милютинъ, ближайшій его помощникъ и участникъ всѣхъ его военныхъ цѣлей и предположеній! Какъ согласить эти факты?

Чуждый всякаго участія въ военной сторонѣ похода, я не имѣю рѣшительно никакой возможности достигнуть этого соглашенія собственными силами. Спустя уже нѣсколько лѣтъ послѣ этихъ событій, когда, оставивъ Кавказъ, я жилъ уже въ Петербургѣ и писалъ эти записки, пріѣхалъ туда тотъ Фадѣевъ, о которомъ я такъ много уже говорилъ. Самъ князь приписывалъ Фадѣеву отличный военный взглядъ, и я помню, что, во время похода, Фадѣевъ, находясь первоначально въ отрядѣ барона Врангеля, присылалъ князю какія-то письма относительно хода и веденія дѣлъ. Въ Петербургѣ, при общихъ воспоминаніяхъ нашихъ о быломъ, я замѣтилъ Фадѣеву, что для меня остается неяснымъ сопоставленіе именно тѣхъ двухъ фактовъ, которые выше приведены. «Тутъ нѣтъ рѣшительно ничего неяснаго»,—съ обычною рѣзкостію отвѣчалъ мнѣ Фадѣевъ и принялся объяснять, какъ было дѣло, выставляя себя, по своему обычаю, однимъ изъ главныхъ двигателей его. Я не стану повторять изложенныхъ имъ обстоятельствъ и приведу только сущность ихъ. По словамъ Фадѣева, князь, предъ отправленіемъ въ Петербургъ, дѣйствительно имѣлъ рѣшимость ввести въ горы громадныя силы со всѣхъ сторонъ и вести войну въ Восточномъ Кавказѣ до конца. Въ этой рѣшимости вѣроятно онъ и говорилъ государю о присылкѣ Шамиля. Но когда онъ пріѣхалъ на мѣсто дѣйствій, то Д. А. Милютинъ и Евдокимовъ сбили его представленіемъ величайшей опасности заходить далеко въ горы, особенно въ наступавшее осеннее время. Этимъ и объясняется продолжительное нахожденіе на одной позиціи: «на Андійскихъ высотахъ». Когда Шамиль бѣжалъ дѣйствительно, вопреки всѣхъ ожиданій, дѣла приняли другой оборотъ, и Восточный Кавказъ окончательно покоренъ! Приводя здѣсь объясненія Фадѣева, я слагаю съ себя всякую отвѣтственность за дѣйствительность и основательность его и перехожу къ вещамъ, болѣе упрощеннымъ.

Старые кавказцы говорили, что горскіе народы тѣмъ еще страшны что чрезвычайно воспріимчивы, такъ что какъ воинственное, такъ и мирное настроеніе мгновенно обхватываетъ всѣ аулы, всѣ племена! Такъ было и здѣсь. Съ бѣгствомъ Шамиля какъ будто уничтожилась плотина, удерживавшая горцевъ отъ шумнаго проявленія ихъ мирныхъ заявленій. Все ринулось въ нашъ лагерь съ заявленіями покорности. Каждый день являлись къ князю различныя общества съ своими старшинами и наибами. Имена многихъ изъ этихъ наибовъ были знамениты по тѣмъ битвамъ, въ которыхъ они рѣзались съ нашими войсками. Для свиты и штаба князя ежедневно совершались самые любопытные, занимательные спектакли. Толпы офицеровъ тѣснились, чтобъ взглянуть на какого-нибудь «Кибитъ-Магому», извѣстнаго давно своею безпримѣрною храбростью и наиболѣе ожесточенными схватками съ нашими отрядами. Князь торжественно, окруженный блестящею свитою, появлялся предъ этими представителями племенъ и ауловъ и говорилъ имъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ. Среди каждой прибывающей толпы непремѣнно находился туземный ораторъ; послѣ словъ князя, онъ выдвигался впередъ и торжественно, съ особыми жестами и особенною интонаціею, говорилъ много и долго. Замѣтно было, что сотоварищи его слушали его съ уваженіемъ и нѣкоторымъ благоговѣніемъ. Сущность этихъ рѣчей относилась, разумѣется, къ преданности и вѣрности ихъ нашему государю. Эту сущность наши переводчики передавали князю, который, милостиво отпуская однѣ толпы, тѣмъ же порядкомъ принималъ другія. Послѣ торжественнаго представленія князю толпы эти разсѣевались по нашему лагерю и, большею частью, или садились въ кружки и что-то тихо толковали, сомкнувъ свои головы внутрь круга, или разъѣзжались по лагерю и продавали нашимъ свои окровавленные кинжалы и другое оружіе и даже лошадей.

Общій видъ этихъ людей, вчера бывшихъ нашими страшными и злѣйшими врагами, не производилъ на насъ особеннаго впечатлѣнія. Какъ и во всѣхъ толпахъ, были физіономіи истинно звѣрскія; но были личности и милѣйшія. Общій характеръ этихъ физіономій сильно смахивалъ на птичій: особенно востры и немного загнутые носы чрезвычайно походили на клювъ орла. Мы старались быть всевозможно любезными съ этими господами и братались съ ними. Я какъ теперь вижу предъ собою молодаго, чрезвычайно красиваго и чрезвычайно симпатичнаго, человѣка съ такими пріятными и мягкими манерами, съ такимъ милымъ выраженіемъ въ лицѣ, что какъ-то не вѣрилось, чтобъ онъ могъ участвовать въ свирѣпыхъ битвахъ и рѣзать людей. Однако же знаки многочисленныхъ ранъ, которые онъ намъ показывалъ, доказывали, что его видимая нѣжность не мѣшала ему обра-

щаться, когда надо было, въ ожесточеннаго врага нашего. Къ счастію, онъ говорилъ немного по-грузински. Я подхватилъ одного изъ состоящихъ при князѣ грузинскихъ офицеровъ, именно князя Сумбатова, и при его пособіи разспрашивалъ этого горца съ величайшимъ любопытствомъ о всѣхъ обстоятельствахъ, окружавшихъ жизнь горцевъ. Отвѣты его были въ высшей степени умны и интересны. Изъ нихъ, между прочимъ, видно было, что къ грузинамъ собственно горцы относились болѣе дружелюбно и ненавидѣли всѣми силами только русскихъ. «Стало быть»,—сказалъ я,—«если бы я попался въ плѣнъ, мнѣ было бы плохо?» Когда князь Сумбатовъ перевелъ ему этотъ вопросъ, нашъ новый пріятель быстро подошелъ ко мнѣ и, столь же быстро проведя рукой по моей шеѣ, тѣмъ самымъ молчаливо и выразительно объяснилъ, какъ бы со мною было поступлено.

Всѣ эти приходящія и представляющіяся князю толпы не вдругъ покидали нашъ лагерь; напротивъ, располагаясь гдѣ-нибудь по близости его, они проводили тутъ по нѣскольку дней и ночей. Случалось такъ, что численность этихъ пришельцевъ далеко превышала численность нашего лагеря. Я не знаю, принимались ли въ этомъ отношеніи съ нашей стороны какія-либо предохранительныя мѣры. Если и принимались, то какъ-нибудь таинственно, потому что никакихъ видимыхъ мѣръ не было, и многіе въ нашемъ лагерѣ справедливо замѣчали, что если бы эти милые гости вздумали «пошалить», то могли бы надѣлать страшную кутерьму. Впрочемъ, князь былъ храбръ и довѣрчивъ. Близкіе ему люди замѣчали, что при самомъ появленіи его къ этимъ гостямъ надо принимать предосторожности, потому что въ этихъ толпахъ могутъ быть фанатики и изувѣры; но князь отвергалъ всѣ эти предосторожности и равнодушно отвѣчалъ: «да вѣдь кругомъ меня есть адъютанты, казаки. Чего же еще?»

Въ одно время съ представленіемъ этихъ покоряющихся горцевъ въ лагерь нашъ стали доходить со всѣхъ сторонъ благопріятныя извѣстія. Такъ, напримѣръ, намъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Шамиль, во время своего бѣгства, былъ ограбленъ своими же, такъ что отбитыя у него книги доставлены были горцами въ нашъ лагерь. Къ удивленію, въ числѣ этихъ книгъ оказалось много русскихъ, что̀ и дало вѣрный поводъ заключить, что они принадлежали третьему умершему сыну Шамиля, который воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, и потомъ, будучи промѣненъ на знаменитыхъ плѣнницъ: княгиню Орбеліани и княгиню Чавчавадзе, велъ въ горахъ, сколько извѣстно, самую печальную и уединенную жизнь, не имѣя уже никакой возможности войти въ дикіе нравы и обычаи горцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы узнали, что Шамиль, оставленный и ограбленный своими, успѣлъ таки съ самымъ

небольшимъ числомъ преданнѣйшихъ ему мюридовъ пробраться на Гунибъ.

Потомъ до насъ дошли свѣдѣнія, что отрядъ барона Врангеля, двигавшійся на соединеніе съ нами, совершилъ какую-то удивительную переправу, кажется, чрезъ тотъ же Андійскій Койсу, при содѣйствіи веревочнаго моста, предложеннаго и изобрѣтеннаго даровитымъ офицеромъ Девелемъ. Дѣло въ томъ, какъ мнѣ разсказывали, что та единственная переправа, на которую разсчитывалъ отрядъ, была разрушена или защищена такъ, что ею нельзя было воспользоваться. Другихъ удобныхъ мѣстъ для переправы не было. Поэтому рѣшено было сдѣлать ее тамъ, гдѣ высокіе берега наиболѣе сближаются надъ рѣкою. Первый вопросъ заключался въ томъ, чтобъ передать на другой берегъ конецъ каната. Многіе охотники вызывались на этотъ подвигъ, бросались въ яростную рѣку и гибли; за ними бросались другіе и конецъ каната доставленъ таки на другой берегъ и укрѣпленъ; по этому канату переслапъ другой и также укрѣпленъ. Эти два каната и были основаніемъ воздушнаго моста, по которому изобрѣтательный Девель сталъ передвигать, на страшной высотѣ надъ рѣкою, придуманную имъ корзинку, заключавшую въ себѣ солдата. Когда эта движущаяся корзинка перенесла на тотъ берегъ достаточное число людей, они съ криками: «ура!» бросились на горцевъ, защищавшихъ въ другомъ мѣстѣ естественную переправу, и очистили ее.

Мнѣ передавали ужасающія сцены, происходившія при этой схваткѣ: это была уже просто бойня людей. Надо замѣтить, что въ составѣ нашихъ войскъ были, такъ называемые, конномусульманскіе полки, образованные изъ жителей только-что покоренныхъ ауловъ. По общимъ отзывамъ, это были не люди, а звѣри! О пощадѣ непріятелю они не имѣли понятія. Эти-то люди и занимались, преимущественно, истребленіемъ горцевъ, захваченныхъ на переправѣ. Въ виду всего отряда, стоявшаго на другомъ берегу, они прокалывали насквозь горцевъ своими громадными кинжалами и сталкивали ихъ въ бушующую рѣку. Вообще эта переправа, сколько можно было судить въ моей неопытности, имѣла громадное значеніе въ общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій. Потомъ я помню очень живо, что въ одно прекрасное утро князю представили лазутчика, пробравшагося въ нашъ лагерь чрезъ непокоренные еще аулы, съ извѣстіемъ о покореніи отрядомъ барона Врангеля Аваріи. Вслѣдъ за тѣмъ объ этомъ же покореніи привезъ оффиціальное донесеніе тотъ милый и красивый Граббе, который былъ потомъ убитъ во время польскаго возмущенія. На основаніи этого извѣстія Шереметеву, бывшему начальникомъ конвоя князя, приказано отправиться курьеромъ къ государю, а князю Суворову поручено принять конвой, вслѣдствіе чего, взявъ у одного изъ казаковъ казацкое

одѣяніе, онъ тотчасъ облекся въ него и къ удивленію оказался въ немъ очень некрасивымъ, какимъ-то длиннымъ и несуразнымъ... Скоро послѣ того явились въ нашъ лагерь сами аварцы, огромной массой, тысячи въ двѣ. Встрѣча этого многочисленнаго отряда составила для насъ новый спектакль. Впереди ѣхалъ на прекрасной бѣлой лошади почтенный старикъ, сѣдой, какъ лунь, въ бѣлой чалмѣ, означавшей духовное его достоинство.

За нимъ тянулась безконечная вереница всадниковъ. Наслышавшись со всѣхъ сторонъ, что аварцы самый храбрѣйшій народъ въ мірѣ, я жадно всматривался въ фигуры этихъ всадниковъ и, къ удивленію, не нашелъ въ нихъ рѣшительно ничего, подтверждающаго ихъ воинственную славу.

Невзрачные, большею частью малорослые, одѣтые пестро и бѣдно, они представляли собою массу бѣдныхъ оборвышей, но нисколько— храбрыхъ героевъ. Соображенія и замѣчанія свои я сообщалъ наиболѣе опытнымъ и боевымъ людямъ, и они мнѣ отвѣчали: «посмотрѣли бы вы, какъ эти оборвыши дерутся! страсть!»

Аварцы прибыли къ намъ вечеромъ, ночевали близъ лагеря, а на другой день представлялись князю. По обычаю выступилъ впередъ ихъ ораторъ, молодой человѣкъ, съ чрезвычайно умнымъ и кроткимъ лицомъ, и говорилъ много и одушевленно. Аварцы слушали его съ величайшимъ вниманіемъ и почтеніемъ, какъ будто бы онъ говорилъ имъ самимъ, а не отъ ихъ имени князю. Нѣтъ сомнѣнія, что, при содѣйствіи нашихъ переводчиковъ, краснорѣчіе этого оратора утрачивало значительную долю того обаянія, которое производило оно на его соплеменниковъ. Едва-ли не вмѣстѣ съ аварцами прибылъ въ нашъ лагерь и аварскій ханъ, нашъ флигель-адъютантъ, свергнутый или удаленный во время владычества Шамиля. Кончилось все тѣмъ, что этотъ ханъ, молодой и весьма красивый человѣкъ, возстановленъ во всѣхъ своихъ прежнихъ правахъ.

Вмѣстѣ съ покореніемъ Восточнаго Кавказа, стали почти ежедневно являться въ нашъ лагерь русскіе выходцы изъ горскихъ ауловъ. Объ этихъ выходцахъ я говорилъ уже выше; здѣсь остается прибавить, что эти выходцы оказывались частью захваченными въ плѣнъ русскими солдатами, а частью, и даже большею, нашими перебѣжчиками въ аулы; въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ было особенно много поляковъ, и на лицахъ ихъ написано было, что возвращеніе ихъ опять къ намъ не приносило имъ радости. Почти всѣ эти выходцы приволокли съ собой пріобрѣтенныхъ въ аулахъ женъ и кучи дѣтей. Они разсказывали, что по распоряженію Шамиля русскіе селились въ аулахъ отдѣльными слободами и пользовались свободой относительно своей вѣры и обычаевъ. Съ началомъ покоренія аулы стали изгонять ихъ

отъ себя, отбирая, разумѣется, все ихъ имущество. И, дѣйствительно, люди эти являлись къ намъ въ самомъ ужасномъ видѣ, который и побудилъ насъ тотчасъ образовать особый комитетъ для роздачи имъ пособій.

По богатству свитскихъ господъ, изъ которыхъ образованъ былъ этотъ комитетъ, пособія наши были довольно щедры; но въ раздачѣ ихъ мы полагали рѣзкую границу между людьми, попавшимися въ плѣнъ, и подлыми перебѣжчиками. Впослѣдствіи было извѣстно, что князь объявилъ всѣмъ этимъ людямъ амнистію съ нѣкоторыми только ограниченіями и предполагалъ, по видамъ Общества распространенія христіанства на Кавказѣ, поселить ихъ въ горахъ и образовать изъ нихъ, такъ сказать, первый христіанскій свѣточъ между горцами.

Совершавшееся, такимъ образомъ, покореніе Восточнаго Кавказа, если въ государственномъ отношеніи представляло громадное значеніе, то въ то же время оно наполняло величайшимъ негодованіемъ молодыя и храбрыя сердца моихъ товарищей, ибо лишало ихъ возможности совершать достославные подвиги, для которыхъ они и шли въ походъ, и получать награды, которыхъ они нетерпѣливо ожидали. Отъ этого происходило, что всѣхъ являющихся съ покорностію горцевъ они называли величайшими подлецами и вначалѣ еще утѣшались надеждами, что тотъ или другой аулъ, извѣстный своею свирѣпостію и независимостію, не покорится и будетъ драка; но надежды постепенно падали, и въ нашъ лагерь, какъ я сказалъ уже, являлись съ покорностію знаменитѣйшіе въ исторіи Кавказской войны наибы и старшины и заставляли всѣхъ удивляться, что это именно тѣ люди, имена коихъ, связанныя со всѣми кровавыми битвами, были знамениты на всемъ Кавказѣ. Ясно было, что покореніе Восточнаго Кавказа совершится безъ особенныхъ подвиговъ съ нашей стороны, и, удивительное дѣло!—ясность этого факта породила какое-то печальное настроеніе въ нашемъ лагерѣ или по крайней мѣрѣ среди нашей свиты. Походъ, начавшійся такъ весело и блистательно и обѣщавшій украситься славными дѣлами—потерялъ, такъ сказать, свой букетъ. Всѣ видѣли, что славныхъ дѣлъ не будетъ, а слѣдовательно и случаевъ отличаться различными блистательными подвигами тоже не будетъ.

О томъ, что князь предприметъ дальше, никто не хотѣлъ ни думать, ни говорить, потому что, что бы онъ ни предпринялъ—все-таки ничего великолѣпнаго произойти уже не можетъ. Если нѣкоторые и замѣчали, что до тѣхъ поръ, пока не пойманъ или не истребленъ Шамиль, дѣло нельзя еще считать конченнымъ, то большинство было такого мнѣнія, что въ покорившемся краѣ, потерявъ всякое значеніе, онъ уже ничего не можетъ сдѣлать и что не сегодня, такъ завтра свои же затравятъ его, какъ волка. При подобныхъ сужденіяхъ, точно также, и при происходившихъ въ началѣ похода сужденіяхъ о способахъ веденія нами

войны, я постоянно повторялъ одну и ту же комическую фразу, что Шамиля «надо взять во флангъ» единственно на томъ основаніи, что почти во всѣхъ военныхъ реляціяхъ я непремѣнно читалъ эту фразу и пріобрѣлъ какое-то смутное убѣжденіе, что для того, чтобы сдѣлать отлично военное дѣло, надо непремѣнно «взять во флангъ». Фраза эта, разумѣется, очень смѣшила моихъ товарищей и, какъ впослѣдствіи оказалось, дошла до князя. Вообще покореніе Восточнаго Кавказа произвело на тотъ міръ, среди котораго я находился, такое же впечатлѣніе, какое производитъ на зрителей окончаніе какого-нибудь спектакля... Подобно этимъ зрителямъ всѣ стали расходиться по домамъ и даже не интересовались знать: не будетъ ли еще чего-нибудь?

И дѣйствительно, тотчасъ началась самая усиленная эмиграція изъ нашего лагеря, и онъ пустѣлъ ежедневно. Ежедневно мы провожали цѣлыми группами нашихъ пріятелей; остававшіеся начали завидовать имъ и въ свою очередь тоже отпрашиваться. Къ полученію отпусковъ не только не представлялось затрудненій; напротивъ, они сильно поощрялись потому, что самъ князь объявилъ, что, рѣшившись пройти по покоренному краю, онъ желаетъ, чтобы свита и принадлежащіе ей вьюки уменьшились до крайней степени. Такое вольное и невольное сокращеніе того веселаго міра, среди котораго я такъ весело жилъ, не могло не подѣйствовать и на меня и не поселить во мнѣ размышленій: идти ли впередъ или вернуться назадъ? Какъ только замѣчено было это колебаніе, мои собиравшіеся въ обратный путь пріятели засыпали меня доказательствами, что впереди ничего не будетъ, кромѣ одного безпокойствія и скуки. Нѣкоторые изъ нихъ, отправлявшіеся въ Пятигорскъ, и особенно тотъ Челяевъ, о которомъ я выше говорилъ, стали рисовать тѣ великолѣпныя увеселенія, которыя обыкновенно происходятъ на минеральныхъ водахъ, а въ этотъ сезонъ будутъ еще великолѣпнѣе отъ присутствія тамъ блистательнѣйшихъ изъ кавказскихъ дамъ, м-me Капгеръ, напр., жены тифлисскаго губернатора, княгини Анеты М—кой, красавицы, жены третьяго М—каго и др., однимъ словомъ, тѣхъ дамъ, за которыхъ уже тамъ начали стрѣляться и князь Г—въ убилъ уже бѣднаго Фи—фа. Рисъ, одинъ изъ моихъ чиновниниковъ, вѣчно больной, присланный изъ Пятигорска, гдѣ онъ лѣчился, съ донесеніемъ къ князю объ этомъ событіи, тоже подтверждалъ, что тамъ весело, и совѣтовалъ мнѣ взглянуть туда.

Слушая всѣ эти коварныя убѣжденія, я думалъ про себя, что независимо отъ этой веселой стороны, было небезполезно для моего значительно расшатаннаго организма, особенно послѣ походныхъ кутежей, войти въ ближайшее соотношеніе съ Кавказскими минеральными водами и преимущественно съ знаменитымъ нарзаномъ, о цѣлительной силѣ котораго я слышалъ истинныя чудеса. Конецъ былъ тотъ, что я рѣшился проситься у князя въ Пятигорскъ. Какъ я ни былъ увѣренъ

въ готовности князя удовлетворять всѣмъ моимъ просьбамъ, но тутъ я сильно, какъ школьникъ, боялся, что онъ не отпуститъ меня. Въ подобныхъ случаяхъ у меня всегда есть вѣрное предчувствіе. И дѣйствительно, какъ только я началъ излагать свою просьбу, князь тотчасъ нахмурился, и на лицѣ его ясно было написано, какъ не нравится ему моя затѣя. «Да зачѣмъ вы туда поѣдете?»—спросилъ онъ. «Лѣчиться, ваше сіятельство»—отвѣчалъ я,—«у меня печень сильно разстроена». «Ну да! сочиняйте! Но кто же будетъ докладывать мнѣ гражданскія дѣла?»—снова спросилъ князь. «Булатовъ», отвѣчалъ я. «Онъ много разъ исполнялъ уже подобныя обязанности при вашемъ сіятельствѣ». «Очень жаль», сказалъ князь—«я думалъ, что вы меня не оставите»... «Если бы я сознавалъ пользу и необходимость находиться при вашемъ сіятельствѣ»—началъ было я—«тогда я не осмѣлился бы»... «Ну, да! конечно. Поѣзжайте съ Богомъ!» сказалъ князь. Я мгновенно сдалъ мою походную канцелярію, включительно съ Зиссерманомъ, продолжавшимъ писать въ Петербургскія газеты свои письма, Булатову, сгруппировалъ вокругъ себя значительную толпу возвращающихся изъ похода и, ознаменовавъ обильными струями шампанскаго мое разставанье съ нимъ, отправился въ обратный путь, по-прежнему, верхомъ съ состоявшими при мнѣ казаками и вереницею вьючныхъ лошадей.

Въ этомъ обратномъ путешествіи я не могу припомнить ничего особенно замѣчательнаго, за исключеніемъ того только, что скоро послѣ моего прибытія въ Ведень, къ несказанному моему удивленію, примчалась туда во весь опоръ, въ сопровожденіи громаднаго конвоя, прекрасная коляска, на лежачихъ рессорахъ, на прекрасной шестеркѣ лошадей. Это былъ знаменитый Колосовскій, интендантъ Кавказской арміи, о которомъ говорили, что онъ ежегодно получаетъ сотни тысячъ рублей доходу и котораго такъ сильно хотѣлъ замѣстить Д—въ. Не столько удивительно было то, что коляска пронеслась по только-что прорубленнымъ просѣкамъ, сколько то, откуда явилась въ такихъ мѣстахъ эта прекрасная коляска и эти прекрасныя лошади? Изъ объясненій Колосовскаго оказалось, что то и другое принадлежитъ знаменитому Лебедеву, маркитанту и поставщику походныхъ отрядовъ, который богатѣлъ и разбогатѣлъ страшно, разумѣется, не иначе, какъ по благословенію Колосовскаго и который, потому самому, былъ и долженъ быть покорнѣйшимъ его слугою. Дальше однако эта изящная коляска слѣдовать не могла и должна была возвратиться въ обратный путь, т. е. въ путь, предлежащій мнѣ. Я такъ давно не имѣлъ случая ѣхать въ покойномъ экипажѣ, что тотчасъ предложилъ Колосовскому распорядиться, чтобъ эта коляска приняла въ свои объятія мою персону. Съ великимъ спокойствіемъ и наслажденіемъ я пролетѣлъ верстъ пятнадцать до слѣдующаго пункта и удивлялся еще разъ, смотря на лебедевскихъ приказчиковъ, обратившихся на этотъ разъ въ великолѣп-

ныхъ кучеровъ, разнороднымъ способностямъ русскаго человѣка. Къ сожалѣнію—все и ограничилось этимъ небольшимъ переѣздомъ. Въ томъ пунктѣ, куда я пріѣхалъ, была какая-то основная станція Лебедева, и я долженъ былъ дожидаться тутъ своего вьючнаго каравана и затѣмъ слѣдовать оттуда прежнимъ походнымъ порядкомъ.

Когда еще въ отдаленіи предстала моимъ взорамъ крѣпость Грозная, я мысленно возблагодарилъ Бога за благополучное окончаніе самаго замѣчательнаго періода въ моей жизни, въ которомъ хотя не было никакихъ кровавыхъ сраженій, но тѣмъ не менѣе рѣшительно на каждомъ шагу предстоялъ отличный случай сломать себѣ шею. Въ крѣпости Грозной я остановился у того же татарина-офицера, гдѣ мы стояли предъ походомъ и гдѣ оставались наши экипажи и другія вещи, неудобныя для похода. Хозяинъ извивался предо мной «мелкимъ бѣсомъ», надоѣдалъ угощеніями и въ то же время осыпалъ меня всевозможными просьбами. Гостепріимствомъ его я долженъ былъ поневолѣ пользоваться два дня, въ теченіе которыхъ приводился въ порядокъ туземными мастерами мой тарантасъ. На третій день мнѣ привели казацкихъ лошадей, и я раннимъ восхитительнымъ утромъ, осѣняемый лучами только-что восходящаго солнца, покатился по ровнымъ степямъ, предо мною открывавшимся. Я помню живо то восхитительное душевное настроеніе, въ которомъ я находился въ минуты выѣзда изъ Грозной. Нѣтъ! дикія горы, при всей ихъ грозной красотѣ, не для русскаго человѣка! Красота ихъ поразительна, но не привлекательна для него! Ровныя поля, зеленыя рощи, широкія, спокойныя рѣки—вотъ картины, милыя, дорогія, родныя для русской души! Мои радостныя ощущенія весьма рельефно выразились въ невольномъ увлеченіи моего камердинера. Усѣвшись на козлахъ, онъ сначала покойно ѣхалъ. Потомъ, когда, по выѣздѣ изъ Грозной, предъ нами открылись необозримыя зеленыя равнины, онъ обернулся ко мнѣ, снялъ шапку и, крестясь, сказалъ: «Господи! какъ изъ аду вырвались!» Я улыбнулся на эту фразу, сохраняя свое достоинство; но въ то же время понималъ и раздѣлялъ всю глубину того смысла, который въ ней заключался. Несомнѣннымъ казалось то, что мы дѣйствительно откуда-то вырвались! Несмотря на блистательную обстановку, въ которой я находился, на безпрерывные кутежи, которые превращали каждый день походной жизни въ шумный и веселый праздникъ, въ душѣ неисходно гнѣздилось какое-то томительное чувство, чувство невольнаго ожиданія: «когда же все это кончится». Понятно, что когда эта исключительная жизнь среди громадныхъ горъ, надъ пропастями, кончилась для насъ съ моимъ камердинеромъ, мы не могли не испытать великаго наслажденія, которое и вырвалось у него въ его безъискусственныхъ словахъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бытовые очерки В. П. Лободовскаго.

VI [1]).

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ губернскаго города *, по большой дорогѣ московской, подъ ракитами, отдыхали, лежа на спинѣ, два человѣка: одинъ, очень молодой, въ подрясникѣ и скуфейкѣ, походилъ на послушника монастырскаго. Онъ держалъ въ рукахъ въ красной обложкѣ маленькую книжонку и громко, пѣвучимъ голосомъ, читалъ ее. У другаго лицо было прикрыто бѣлымъ полотенцемъ, и Перепелкинъ почему-то призналъ въ немъ Кулика.

— Кто это лежитъ съ вами?—обратился Перепелкинъ къ читавшему книгу.

Полотенце быстро было сброшено, и Куликъ, протирая глаза, проворно вскочилъ на ноги и чуть не кинулся на шею Перепелкину.

— Голубчикъ мой, Савва Саввичъ,—говорилъ старикъ растроганнымъ голосомъ,—я всѣ глаза проглядѣлъ, ищучи васъ. Да какъ васъ Богъ милуетъ... я ужъ раздумывалъ, не случилось ли чего, борони Боже... а тутъ на вотъ... нежданно-негаданно, какъ снѣгъ на голову!—изливался онъ въ чистосердечной радости, которая, какъ выяснилось впослѣдствіи, происходила отъ его сочувствія заступничеству Перепелкина за сиротъ-малютокъ.

Оказалось, что имъ дважды приходилось ночевать въ одной и той же деревнѣ, но съ разныхъ концовъ, а приходили и уходили въ разное время, а потому и не сошлись, хотя и тотъ и другой разспрашивали и

---

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1904 г.

прохожихъ и въ деревняхъ, не видать ли было съ такими-то примѣтами человѣка.

Личность Кулика интересовала Перепелкина въ томъ отношеніи, что онъ казался ему очень добродушнымъ, набожнымъ, а между тѣмъ его душу, повидимому, тяготила какая-то тайна, на что намекали и слова, сказанныя имъ на прощанье семейству и раньше, предъ сборомъ въ дорогу, въ кладовкѣ, и остроты офеней у кабака, пущенныя ему въ догонку и такъ сильно взволновавшія его. Онъ не терялъ надежды осторожно навести его на этотъ щекотливый вопросъ. Правда, третій спутникъ могъ быть помѣхой въ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что Куликъ относился къ нему какъ-то пренебрежительно. Да и было за что. Это была одна изъ тѣхъ личностей, которыя, выучившись разбирать коекакъ грамотку, шляются по святымъ мѣстамъ, испрашивая подаянія на «чудотворный образъ святаго, имя рекъ, на ризу Господню, на святой елей для неугасимой лампады предъ Гробомъ Господнимъ» и проч. Сборы эти, конечно, никогда не употребляются по назначенію, но прокучиваются въ трактирахъ и непотребныхъ мѣстахъ, а иногда, впрочемъ, тщательно зашиваются въ мѣшечки и приносятся домой на потребу приснымъ. Умѣющіе писать занимаются списываніемъ сновъ Пресвятой Богородицы, страшно перевирая текстъ его, и всегда отличаются пылкой фантазіей и необыкновенной способностью къ самымъ диковиннымъ розсказнямъ по части видѣній и душеспасенія. Такъ и этотъ спутникъ Кулика сообщилъ ему, между прочими небылицами, такую сказку: «Иду я единожды,—говорилъ онъ умилительнымъ голосомъ,—ко храму Господню, и вдругъ, на глазахъ всѣхъ мимоидущихъ, голубокъ взлетѣлъ мнѣ на плечо десной руки и человѣческимъ голосомъ провѣщалъ: «бѣги міра, спасай душу».

Узнавъ объ этомъ чудѣ, Перепелкинъ полюбопытствовалъ услышать, какъ это было дѣло.

— Иду я единожды...—повторилъ онъ слово въ слово, какъ и Кулику передавалъ.

— Ну, а больше никакихъ чудесъ съ вами не было?

Тульцевъ,—такъ прозывался новый спутникъ,—подозрительно взглянулъ на Перепелкина, покраснѣлъ и сталъ смотрѣть въ сторону; но, немного погодя, оправился и съ паѳосомъ заговорилъ:

— Вы, можетъ быть, не вѣрите, такъ напишите нашему священнику письмо, онъ вамъ подтвердитъ, что многіе видѣли голубка и слышали его слова.

Перепелкина взорвало отъ этой наглости.

— Да вы бы постыдились разсказывать такой вздоръ, съ цѣлію морочить людей; да еще взводите поклепъ на своего священника, будто онъ подтвердитъ вашу выдумку,—горячо запротестовалъ онъ.

Маска лицемѣрнаго умиленія мгновенно слетѣла съ лица Тульцева и замѣнилась свирѣпостію, выразившеюся въ лицѣ и взорѣ. Онъ нагло смѣрялъ глазами Перепелкина съ головы до ногъ и, не сказавъ ничего, быстро зашагалъ впередъ.

— А полтинку-то мою, Степанычъ,—закричалъ ему вслѣдъ Куликъ, но тотъ только прибавилъ шагу и не оглянулся даже назадъ. Ну, песъ тебя возьми, коли ты такой!—махнулъ старикъ вслѣдъ ему рукой. Можетъ быть, и больше бы еще пришлось переплатить за него, какъ бы дальше прошли. А то, слышь, еще приговаривался на свѣчку, да на елей къ святынямъ ерусалимскимъ, куда-де пойдетъ отъ преподобнаго Сергія.

— А много такихъ обманщиковъ и обманщицъ бродитъ тутъ?—полюбопытствовалъ Перепелкинъ.

— Нѣтъ, признаться, я что-то такихъ не видалъ,—отвѣчалъ простодушный старикъ.

— А богомолка-то, что ночевала съ нами и маслицо іерусалимское предлагала.

— Что жъ богомолка!—изумился Куликъ,—богомолка—ничего, какъ есть богомолка! и маслицо святое настоящее ерусалимское, потому помогаетъ, вонъ просвирнѣ-то какъ глаза открыло!

Плохо дѣло съ такимъ легковѣріемъ! невольно подумалось Перепелкину. Этотъ эпизодъ послужилъ началомъ охлажденія старика къ Перепелкину. Скептическій взглядъ на богомолку и цѣлебную силу ея маслица заронилъ въ душу Кулика сомнѣніе относительно религіозности его спутника, что̀ не замедлило выразиться и въ его отношеніяхъ къ нему. Куда дѣвалась теплота, искренность тона, словоохотливость Кулика послѣ этого случая. Онъ точно переродился, на всѣ заговариванья Перепелкина отвѣчалъ коротко, неохотно, иногда и совсѣмъ не отвѣчалъ, повидимому, занятый своими мыслями, и какъ-то слишкомъ часто уже сталъ испускать тяжелые вздохи, сопровождаемые возгласомъ: «о, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ и недостойныхъ рабовъ Твоихъ!» Такое положеніе стало тяготить Перепелкина, и онъ уже дня черезъ два подумывалъ, какъ-бы отстать отъ своего скучнаго спутника, не нанося ему тѣмъ огорченія. Ну, еще потерплю нѣсколько дней, думалъ онъ, и если отношенія старика не направятся къ лучшему, то отстану отъ него, какое бы давленіе на меня ни оказывала мысль, что я нарушаю какъ бы обязательство, вытекающее изъ добровольнаго моего вызова быть его спутникомъ до Москвы. Но на шестой день, послѣ того какъ они снова сошлись, случились два обстоятельства, изъ которыхъ одно вновь вызвало сердечность старика къ Перепелкину, и въ такой степени, что онъ уже съ полною увѣренностію надѣялся выслушать при-

знаніе сокровенныхъ тайнъ его души, а другое было причиной невольной ихъ разлуки навсегда.

Въ воскресенье, рано утромъ, когда они проходили длиннѣйшимъ, вытянутымъ въ одну линію по дорогѣ, селомъ, на встрѣчу имъ шла женщина, которая ревмя ревѣла и, вся въ слезахъ, причитывала что-то душу раздирающимъ голосомъ; ревѣли и четверо дѣтей, сопровождавшихъ ее, изъ которыхъ двѣ маленькія дѣвочки держались ручками за подолъ матери. Сзади ихъ, шагахъ въ двадцати разстоянія, плелась старушка, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, и тоже голосила, горькими слезами обливаясь. Происходила душу раздирающая сцена.

— Что такое, что такое?—говорилъ взволнованный Перепелкинъ, останавливая рукой женщину.

— Бу-у-ре-ну-шку, бу-у...—всхлипывала она, трясясь всѣмъ тѣломъ.

— Да что же сталось съ буренушкой?

— У-у-ве-е-ли,—захлебывалась она, поддерживаемая дѣтскимъ ревомъ.

Подошла старуха и хоть тоже завывала, но все-таки объяснила, что увели коровушку въ волость и сегодня погонятъ въ городъ продавать «за недо-о-о-имку»,—взвизгнула она.

— Что же развѣ у васъ мужика нѣту?

Оказалось, что есть и хорошій кормилецъ вдобавокъ, да на работахъ въ Москвѣ сломалъ ногу и третій мѣсяцъ лежитъ тамъ въ больницѣ.

— Полегчало, писалъ, слышь, да не выпущаютъ еще на свѣтъ Божій,—разливалась старуха.

— А много ли требуется въ волость?—освѣдомился Перепелкинъ.

— Одиннадцать рублевъ съ гривной, касатикъ,—проговорила старуха, взглянувъ на него безжизненнымъ, потухающимъ взоромъ, въ которомъ на одно мгновеніе какъ будто скользнулъ лучъ надежды.

— Ну, пойдемте жъ въ волость,—сказалъ Перепелкинъ,—я выкуплю вашу коровушку.

Онъ и Куликъ зашагали впередъ, но оглянулись—бабы стоятъ и ни съ мѣста.

— Что же вы?

— Да ты, касатикъ, для себя хошь купить.

— На что мнѣ она! — засмѣялся Перепелкинъ, — я внесу за васъ деньги, а вы берите свою коровушку да гоните ее домой.

Бабы, въ тупомъ изумленіи, смотрѣли то на пилигримовъ, то одна на другую и не трогались съ мѣста.

— Можа, ты шутки шутишь надъ нами,—всхлипнула вдругъ старуха, вызвавъ и у невѣстки прежнія рыданія, которымъ вторили дѣти.

Перепелкинъ досталъ деньги и совалъ ихъ то одной, то другой женщинѣ, но онѣ совершенно обезумѣли и не думали ихъ брать.

— Да что жъ вы кобянитесь?—сказалъ мужичокъ изъ начинавшей уже тутъ собираться группы постороннихъ людей: странничекъ Божій, по своему милосердію, оказываетъ милость на ихъ убожество, а онѣ кобянятся.

Перепелкинъ опять сталъ совать деньги старухѣ, но та отъ радости чуть ребенка не выронила изъ рукъ. Невѣстка бросилась ему въ ноги, и онъ на силу поднялъ ее.

— Нѣтъ, ужъ ты, касатикъ, лучше отдай деньги въ волости, а то придерутся, пожалуй: гдѣ вы, скажутъ, такую «уйму» денегъ достали такъ скоро?

Пилигримы тронулись по направленію къ волости, за ними поплелись владѣтельницы буренушки и многіе изъ собравшейся публики. Начальства въ волости не было. Писарь спалъ, былъ только сотскій, который увелъ сегодня корову, въ силу приказанія, отданнаго съ вечера начальствомъ.

— Разбуди писаря,—скомандовалъ ему Перепелкинъ.

Сотскій зашипѣлъ и замахалъ руками, давая понять, что этотъ чинъ гдѣ-то близко покоится.

— Да я жъ тебѣ говорю: разбуди!—еще громче сказалъ Перепелкинъ, къ великому ужасу сотскаго, который, заглянувъ въ щелку сосѣдней комнаты, тихо замѣтилъ: «какъ можно намъ будить начальство! сами встанутъ».

Но начальство, какъ видно, уже проснулось и слышало всю эту сцену. Оно крякнуло, закашляло густымъ басомъ и, наконецъ, гаркнуло: кто тамъ и чего надыть?

— Выйдите, пожалуйста, сюда,—громко сказалъ Перепелкинъ: я студентъ академіи, иду на богомолье (прибавилъ онъ во избѣжаніе всякихъ разспросовъ и «сумленій»), и мнѣ нужно васъ видѣть поскорѣе.

Писарь не заставилъ долго ждать себя. Онъ накинулъ на плечи какую-то легкую, довольно засаленную хламиду, изъ-подъ которой виднѣлось грязное рваное бѣлье, и предсталъ предъ публику босикомъ, съ лохматой, не чесанной головой. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 22, высокаго роста и не дуренъ собой даже въ такомъ видѣ.

Перепелкинъ объяснилъ въ чемъ дѣло и просилъ поскорѣе принять отъ него деньги и сейчасъ же возвратить корову по принадлежности.

Босоногое и лохматое начальство прежде освѣдомилось у сотскаго, не уведена ли ужъ корова на продажу въ городъ, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, объявило, что доложитъ головѣ, и скоро юркнуло въ свое логово.

Быстро принарядившись въ какой-то тоже сильно неказистый хи-

тонъ, оно отобрало отъ путниковъ паспорты и отправилось къ головѣ. Хотя разстояніе между волостью и жилищемъ головы было весьма незначительно, но сановниковъ пришлось дожидаться около двухъ часовъ, потому что они еще ходили къ батюшкѣ приходскому для совѣщанія объ этомъ дѣлѣ и для совокупнаго тщательнаго осмотра «пачепортовъ». И хотя все было найдено священникомъ въ порядкѣ и онъ самъ собрался было идти съ ними въ волость, но помѣшалъ дьячекъ, пришедшій за разрѣшеніемъ благовѣстить къ обѣднѣ, — тѣмъ не менѣе, старшій сановникъ, приземистый, рыжій, сыто откормленный мужиченка, съ лицомъ, напоминающимъ свиное рыло, напустивши на себя важности, приступилъ къ допросамъ: кто, да что, да зачѣмъ? И все это съ единственною цѣлію и тономъ человѣка, желающаго показать свою власть.

Куликъ замѣтно сталъ конфузиться и трусить, подъ вліяніемъ продолжительнаго вытягиванія отъ него отвѣтовъ, да при томъ еще съ возвышеніемъ голоса со стороны начинавшаго все болѣе и болѣе входить въ роль своей власти начальства. Дошло, наконецъ, до того, что оно перешло на ты въ отношеніи къ Перепелкину, что̀ страшно взорвало послѣдняго.

— Да откеда-жъ у тебя взялись такія шальныя деньги?—буркнулъ голова, уставившись ястребиными глазами на юношу.

Перепелкинъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ—это всегда было признакомъ сильнаго волненія въ немъ.

Ничего не отвѣчая на этотъ вопросъ, онъ положилъ на столъ деньги и голосомъ, отъ котораго, въ свою очередь, вздрогнули оба сановника, быстро проговорилъ: деньги сію минуту записать въ уплату недоимки вотъ этихъ женщинъ — указалъ онъ рукой — корову немедленно имъ возвратить, а если этого не будетъ сдѣлано сію минуту, то сейчасъ же нанимаю лошадей и скачу къ исправнику или становому—кто ближе— и худо тебѣ будетъ, мужикъ—голова, за непониманіе своихъ обязанностей и грубое, дерзкое обращеніе съ благородными людьми.

Опѣшившій голова хотѣлъ-было что-то, повидимому, возразить, но писарь бросилъ на него какой-то особенный взглядъ и даже дернулъ его за кафтанъ.

— Запиши,—сказалъ онъ писарю сильно смущеннымъ голосомъ; а ты отдай имъ корову, обратился онъ къ сотскому.

Старуха стала на колѣни (ей нельзя было повалиться въ ноги, такъ какъ она на рукахъ держала уснувшаго младенца), въ знакъ благодарности, предъ всѣмъ синклитомъ, а невѣстка, только заслышала: запиши, отдай, съ быстротою лани вылетѣла на дворъ къ своей буренушкѣ.

— Да вы, ваше благородіе, не серчайте,—обратился голова къ Пе-

репелкину, когда тотъ вошелъ на крыльцо посмотрѣть, какъ будутъ гнать коровушку: «мы такъ, значитъ, для порядка только, а не то што»... Но Перепелкинъ не слушалъ его и направилъ глаза на сарай, изъ котораго выгоняли корову. «Петруха», мальчикъ лѣтъ восьми, сынъ невѣстки, запасся уже «хлѣбушкой» и шелъ впереди коровы, поманивая ее кусочками, чтобы «не стреконула» въ поле.

Боже мой! сколько тутъ шумной радости проявилось, какъ со стороны старухи и ея невѣстки, такъ,—если еще не больше,—со стороны малыхъ ихъ ребятъ!

Такихъ искреннихъ овацій, какихъ удостоилась неказистая на видъ, безсловесная тварь, можетъ быть, мало перепадаетъ даже на долю людей. Чего тутъ не слышалось: и буренушка, и голубушка, и кормилка ты наша, «ѣшь, ѣшь хлѣбушка—Христосъ со тобой!» И тутъ же сыпались со всѣхъ сторонъ предостереженія: «мотри, мотри, Петька, какъ-бы не «махонула» въ поле! Давай, давай хлѣбушко! Дунька, иди съ праваго боку!»

Поровнявшись съ крыльцомъ, невѣстка опять повалилась на землю, но Перепелкинъ поспѣшилъ поднять ее и сунулъ ей въ руку, незамѣтно для другихъ, еще рубль.

Стоявшія на улицѣ бабы тоже любовно посматривали на возвращавшуюся изъ плѣна коровушку и съ неподдѣльною радостію причитывали: «иди, иди, кормилица, до дому, Христосъ съ тобою! Ишь дѣло-то какое! Пошли Богъ странничку-то счастья и здоровья»,—тихонько напутствовали онѣ проходившаго мимо нихъ Перепелкина.

Когда путники вышли за околицу села, Куликъ остановилъ Перепелкина и, смотря на него глазами, на которыхъ навернулись слезы, съ чувствомъ проговорилъ: «ну, и добрый же вы, Савва Саввичъ! такихъ людей мало на свѣтѣ бываетъ». Потомъ онъ вдругъ прыснулъ со смѣха: «А онъ-то, онъ-то, голова-то какъ поджалъ хвостъ!». И обуяла его такая веселость, къ какой Перепелкинъ вовсе не считалъ его способнымъ. Идетъ, идетъ, болтаетъ уже что-нибудь, не касающееся этого дѣла, и вдругъ опять: «а онъ-то, голова-то... вотъ ужъ одолжили вы его!» И зальется самымъ веселымъ смѣхомъ.

Такимъ образомъ, впечатлѣніе отъ выраженнаго Перепелкинымъ сомнѣнія на счетъ цѣлебности маслица богомолки, повидимому, окончательно исчезло въ старикѣ и, стало быть, можно было питать надежду, что онъ раскроетъ свою душу предъ спутникомъ и повѣдаетъ ему тайну, очевидно, сильно тяготившую его.

Но черезъ два дня произошелъ случай, послѣ котораго Куликъ, страха ради іудейска, улепетнулъ изъ села одинъ, не сказавшись Перепелкину.

Проходя въ полдень черезъ село Ракитино, они оба видѣли, какъ,

подходя къ окнамъ, собирали милостыню двѣ цыганки, сопровождаемыя своими черномазыми курчавыми ребятишками. Всѣ онѣ шли сначала вмѣстѣ, а потомъ пошли порознь — одна по правой сторонѣ улицы, другая—по лѣвой. За первою слѣдовали два мальчика, лѣтъ 7—8, за другою — дѣвочка и мальчикъ, 4—5 лѣтъ, да сверхъ того за спиной у ней торчалъ черный, какъ уголь, остроглазый карапузикъ. Перепелкинъ и Куликъ, идя слѣдомъ за этой цыганкой, любовались на этого карапузика, съ какимъ любопытствомъ онъ посматривалъ на все изъ своего гнѣзда-мѣшка за спиной матери. Послѣдняя остановилась у лавочки просить милостыни. Въ это время мальчуганы-цыганята перебѣжали съ противоположной стороны къ этой же лавочкѣ и спугнули цыплятъ, которымъ тутъ около ступенекъ насыпанъ былъ кормъ. Выскочилъ изъ лавочки мальчикъ, лѣтъ 16, и щелкъ, щелкъ цыганятъ!

— Ты что жъ дерешься, разбойникъ!—прикрикнулъ на него Перепелкинъ.

— А тебѣ какое дѣло!—отвѣчала за него толстая красная морда, высунувшаяся изъ-за дверей лавки.

Это былъ отецъ драчуна. Перепелкинъ далъ въ утѣшеніе по пятаку цыганятамъ и побрелъ себѣ дальше. Вдругъ раздается визгъ, крикъ, на который опрометью летитъ цыганка съ противоположной стороны. Перепелкинъ тотчасъ же бросился назадъ. Это негодный мальчикъ, поощренный своимъ безсмысленнымъ отцомъ, отстегалъ виноватаго и невиноватаго кнутомъ, да такъ, что у цыганки и у ея младенца за спиной оказались рубцы на щекахъ и кровь. Визгъ и крикъ усилились, такъ какъ онъ стегнулъ и прибѣжавшую съ противоположной стороны улицы цыганку. Перепелкинъ схватилъ его сзади за руки. Начала собираться публика, преимущественно, изъ ребятъ и старухъ.

— А ты что озорничаешь?—кричитъ на Перепелкина гнусная толстая морда отъѣвшагося, какъ закормленный кабанъ, лавочника, осторожно спускавшагося по ступенькамъ крыльца.

— Какое у васъ тутъ есть начальство на селѣ?—обращается Перепелкинъ къ публикѣ.

Гробовое молчаніе.

— Я васъ спрашиваю,—опять кричитъ расходившійся Перепелкинъ: есть ли у васъ какое начальство на селѣ?

Какой-то подростокъ крикнулъ: «Тутъ становой». Но ему дали изъ публики тумака въ спину, и онъ умолкъ.

Перепелкинъ выпустилъ изъ рукъ драчуна, такъ какъ отецъ все равно вырвалъ бы его, и пошелъ разыскивать начальство.

— Мотри, самого посадятъ въ кутузку!—кричали изъ толпы.

— Бросьте, Савва Саввичъ,—говорилъ старикъ, неохотно плетясь за нимъ: вѣдь изъ жалобы ничего не выйдетъ, окромя задержки для насъ.

Но Перепелкинъ былъ такъ взволнованъ, что не внялъ совѣту старика, да, по своей натурѣ, едва-ли былъ въ состояніи и въ спокойномъ духѣ оставить такое возмутительное дѣло, не выведя его на свѣтъ Божій. Ему указали квартиру становаго, и онъ одинъ направился туда, сопровождаемый шедшими сзади, на почтительномъ разстояніи, ребятишками, кричавшими: «У-у-у-у! Ату яго, ату яго!» Становой былъ дома, но предстать сейчасъ же предъ его чиновное величество было не такъ легко, какъ думалось наивному Перепелкину. Его только допустили, и то не безъ колебаній, къ письмоводителю, занимавшемуся въ отдѣльной лачужкѣ двора. Когда Перепелкинъ переступилъ порогъ его помѣщенія, онъ увидѣлъ передъ собой, за большимъ столомъ, стараго, морщинистаго, съ мелкими чертами лица человѣчка, который сквозь неуклюжія, невиданнаго фасона, желто-мѣдныя очки разбиралъ какую-то бумагу съ такимъ стараніемъ, что не обратилъ и вниманія на вошедшаго, а, можетъ быть, не слышалъ и не видѣлъ его. Прошло нѣсколько минутъ, и Перепелкинъ кашлянулъ, чтобы привлечь на себя вниманіе, но старичокъ только перевернулъ страницу, не отрывая глазъ отъ бумаги, и опять углубился въ чтеніе, или, правильнѣе, въ разборъ мелкаго и, повидимому, весьма нечоткаго письма. Переждавъ, пока онъ дочиталъ новую страницу, Перепелкинъ подошелъ близко къ столу и, кашлянувъ (чѣмъ все-таки не обратилъ на себя никакого вниманія со стороны старца), заговорилъ:

— Позвольте на минуту обезпокоить васъ.

Старикъ снялъ очки, протеръ глаза, вынулъ вату изъ ушей и, вытянувши шею по направленію къ Перепелкину, обратился весь въ слухъ и вниманіе, ради чего даже ротъ разинулъ.

Когда Перепелкинъ горячо передалъ глубоко возмутившую его сцену безчеловѣчія, старикъ все еще продолжалъ стоять въ той же позѣ и съ тѣми же аксессуарами ея, но ни одной чертой и намека не сдѣлалъ на то, чтобы эта, тепло разсказанная подъ давленіемъ чувства негодованія, вырывавшагося изъ наболѣвшаго сердца, исторія сколько-нибудь поразила его, тронула, вызвала сожалѣніе, или хоть какъ-нибудь задѣла за живую струну сердца.

— Такъ что же собственно вамъ нужно?—спросилъ онъ совершенно спокойно, видя, что Перепелкинъ уже все кончилъ.

— Какъ что нужно?—вспылилъ Перепелкинъ.—Надо наказать дряннаго мальчишка за разбойничество, да отца привлечь къ отвѣтственности за...

— Это за поганыхъ цыганятъ-то и воровокъ-цыганокъ?

— Ну, такъ доложите, пожалуйста, становому, что я хочу видѣть его и просить разобрать это дѣло.

— А какъ онъ скажетъ: какое ему дѣло до того, что цыганъ били?—возразилъ старичокъ, пожавъ плечами.

— Ну, тамъ чтобъ ни сказалъ, а я хочу его видѣть,—упорствовалъ Перепелкинъ.

— Хорошо, приходите часа черезъ два: раньше трехъ часовъ и меня къ нему не допустятъ, развѣ экстренное какое дѣло случится.. нарочный пріѣдетъ отъ губернскаго правленія, либо что другое такое важное.

Перепелкинъ вышелъ. На улицѣ ни цыганъ, ни Кулика нигдѣ не видать было. Онъ сталъ разспрашивать, куда они дѣвались, но никакихъ отвѣтовъ на эти разспросы не получилъ. Всѣ посматривали на него угрюмо, а ребятишки дразнили его и показывали ему языки. Ему самому пришло теперь на мысль, что не лучше ли въ самомъ дѣлѣ отступиться теперь отъ своей затѣи и поспѣшить въ догонку за своимъ спутникомъ; но, во-первыхъ, онъ не былъ увѣренъ въ томъ, что спутникъ его вышелъ уже изъ деревни; во-вторыхъ, такой шагъ казался ему ужъ очень непослѣдовательнымъ: какъ-таки, думалось ему, побезпокоить начальство такимъ горячимъ протестомъ противъ разбойничества и вдругъ отступиться, не дождавшись даже, какъ оно взглянетъ на это дѣло! Предупредить письмоводителя, чтобъ онъ не докладывалъ становому, было не ловко уже, да и нельзя, потому что онъ заперся на крючокъ, во избѣжаніе непредвидѣнныхъ посѣщеній, очевидно, мѣшавшихъ ему справиться съ нужнымъ дѣломъ. Оставалось ждать. Перепелкинъ зашелъ въ ближайшій постоялый домъ и потребовалъ себѣ чего-нибудь горячаго поѣсть. Только-что онъ успѣлъ дурную похлебку залить чаемъ, какъ отъ становаго прибѣжалъ за нимъ разсыльный. «Чтобъ это значило?»—подумалъ Перепелкинъ: «вѣдь еще далеко до трехъ часовъ».

— Чего вамъ надо?—встрѣчаетъ его довольно приличный на видъ становой.

Перепелкинъ начинаетъ исторію...

— Да знаю ужъ все это!—перебиваетъ онъ его нетерпѣливо:—но вамъ-то лично чего нужно? Вѣдь васъ же никто ничѣмъ не тронулъ.

— Я вступаюсь за другихъ изъ состраданія...

— Изъ состраданія!—язвительно улыбнулся земскій чинъ. Коли у васъ есть состраданіе къ людямъ, такъ удѣлите его хоть немного на мою долю и на долю большаго моего семейства. Вотъ я, по-вашему, долженъ былъ бы наказать драчуна, а наказать, конечно, пришлось бы розгами, а онъ одинъ сынъ и вообще одно дитя у родителей, которые въ немъ души не чаютъ, а деньжищъ у нихъ, пожалуй, тысячъ трид-

цать наберется... и что же, вы думаете, они могли бы сдѣлать со мной?—остановился онъ предъ Перепелкинымъ, въ упоръ смотря ему въ глаза.

Перепелкинъ молчалъ.

— А вотъ что,—продолжалъ становой, пріотворивъ дверь въ переднюю и посмотрѣвъ, нѣтъ ли тамъ кого: поѣхалъ бы толстопузый мужланъ въ городъ и бросилъ бы только приказной саранчѣ какихъ-нибудь рублей двѣсти, чтобъ меня перевели въ худшій станъ, и непремѣнно перевели бы; а если бы мазепа раскошелился со злости сотъ на пять, на шесть, чтобы совсѣмъ отставили отъ должности, то сдѣлайте милость,—заключилъ онъ, расшаркиваясь,—никакого препятствія къ тому ни отъ кого не встрѣтилось бы и я вылетѣлъ бы въ трубу.

Перепелкинъ не могъ не признать справедливости въ его предположеніяхъ и извинился, что обезпокоилъ его.

— Да это что еще! Вотъ если бы вы явились съ такимъ заступничествомъ къ какому-нибудь старому ужь очень человѣку, у котораго совсѣмъ притупились чувствительные нервы, то онъ бы прямо посадилъ васъ за это въ холодную дня на два и былъ бы правъ: не мѣшайтесь въ чужія дѣла! Даже вотъ что я вамъ скажу: произойди эта сцена тутъ близко отъ моей квартиры, да съ шумомъ, гвалтомъ со стороны обиженныхъ и заступающихся за нихъ, я поневолѣ долженъ былъ бы задержать васъ подъ арестомъ дня на два, а можетъ быть, и больше, потому скопище людей и скандалъ въ виду начальства, а намъ нельзя руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ состраданіемъ къ другимъ, а надо не забывать про свою собственную шкуру. Такъ-то,—заключилъ онъ, раскланиваясь съ протестантомъ въ знакъ того, что аудіенція кончилась.

— Вотъ оно что!—думалъ Перепелкинъ, выходя отъ становаго въ такомъ настроеніи, какъ будто его тамъ облили помоями: разжившійся на счетъ другихъ какой-нибудь злой мужикъ можетъ творить, что угодно, и держать въ страхѣ не только сельчанъ, но и такую земскую власть, какъ становой приставъ. Какое жь тутъ можетъ быть правосудіе, когда вся администрація доступна подкупу!

VII.

Верстъ за сорокъ отъ Москвы обогналъ Перепелкина священникъ ближайшаго уѣзднаго города, тащившійся на своихъ лошадкахъ въ бѣлокаменную столицу по дѣламъ служебнымъ. Всмотрѣвшись въ быстро шагающаго по большой дорогѣ, съ немаленькимъ грузомъ на спинѣ, юношу, онъ узналъ въ немъ Левитово племя, догадался о цѣли его путешествія и усердно предложилъ довезти его до столицы. Это былъ

еще, сравнительно, молодой батька, лѣтъ за тридцать съ небольшимъ, но получившій уже нѣкоторыя значительныя награды за шестилѣтнее отправленіе должности благочиннаго.

— Смотрю на юнаго паломника и смекаю, что онъ долженъ быть нашего полка знаменосецъ,—обратился онъ къ Перепелкину, когда возница его остановилъ лошадей: скучновато ѣхать одному, все дремлется, а потому душевно буду радъ, если посопутствуете мнѣ до столицы.

Пошли разспросы: кто, что, куда, зачѣмъ и проч.

— Мысль дерзновенная,—замѣтилъ онъ, когда Перепелкинъ сказалъ, что намѣренъ выйти въ свѣтское званіе и поступить въ университетъ:—но не скажу, чтобы оная не могла осуществиться, тѣмъ паче, коли вы обладаете способностями и силой воли.

Говорилъ онъ вообще докторальнымъ тономъ, котораго Перепелкинъ терпѣть не могъ въ комъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе въ человѣкѣ недальнемъ, какимъ ему представлялся батюшка, и безъ высшаго образованія; но онъ уже по опыту зналъ, что это вообще манера людей, волею судебъ поставленныхъ на широкій путь почестей, или добравшихся, наконецъ, до генеральскихъ чиновъ.

Перепелкину пріятно было воспользоваться предложеніемъ священника, во-первыхъ, вслѣдствіе усталости, которую онъ началъ чувствовать, усиливая дневные переходы отъ нетерпѣливаго желанія скорѣе увидѣть Москву; во-вторыхъ, по разспросамъ у спутника, онъ надѣялся лучше оріентироваться въ предварительно составленномъ имъ планѣ осмотра достопримѣчательностей древней столицы. Но самой интересной для себя задачей онъ считалъ поразузнать о бытѣ духовенства, его отношеніяхъ къ паствѣ и обратно, наконецъ, о главѣ московской митрополіи, знаменитомъ Филаретѣ, котораго племянникъ маіора, игуменъ одного изъ новгородскихъ монастырей, не любитъ «за честолюбіе и сухость сердца». Но по всѣмъ этимъ пунктамъ легкомысленный батька не могъ удовлетворить Перепелкина. Онъ преимущественно любилъ разсказывать анекдоты, отъ которыхъ самъ до слезъ хохоталъ. Такъ, на вопросы Перепелкина: «каковъ владыка? Правда-ли, что онъ очень честолюбивъ, гордъ и сухъ сердцемъ»,—священникъ только сказалъ: «строгъ, строгъ!» и, покачавъ головой, сообщилъ о немъ анекдотъ, передразнивая своимъ голосомъ дѣйствующихъ лицъ.

Однажды Филаретъ велѣлъ посадить своего протодіакона за пьянство въ чуланъ, который находился подъ лѣстницей покоевъ его высокопреосвященства. Заслышавъ шаги сводившихъ подъ руки владыку въ церковь, на служеніе, отецъ протодіаконъ оглушительнымъ басомъ заревѣлъ: «Изведи изъ темницы душу мою, высокопреосвященнѣйшій владыко». На что Филаретъ тоненькой фистулой пропищалъ: «Мене ждутъ праведницы въ храмъ Вышняго».

Анекдотъ бы самъ по себѣ и ничего, да непріятны были для Перепелкина частыя повторенія его, сопровождавшіяся варіированіемъ подражанія голосамъ протодіакона и владыки и такимъ неистовымъ хохотомъ, отъ котораго съ непривычки дрожь пробирала Перепелкина.

Видя, что Перепелкинъ не поддается вліянію его закатистаго смѣха, наивный отецъ Варсонофій сказалъ:

— Я вамъ могу представить, какъ владыка и протодіаконъ могли въ это время дѣйствовать головой, глазами и руками. Для изображенія всего этого, въ отношеніи протодіакона, потребовалось далеко назадъ запрокинуть голову и выпятить грудь, а предъ ртомъ держать, въ видѣ щитка, правую «пятерню»—(по привычкѣ, изъ боязни, чтобъ не такъ разило винищемъ, пояснилъ онъ), а въ отношеніи владыки, только поднять глаза горѣ и закатить ихъ подъ лобъ.

Продѣлавъ все это старательно, онъ до того расхохотался, что даже схватился за бока и животъ, къ немалой потѣхѣ возницы, посматривавшаго на него въ полъ-оборота изъ-подъ руки и чистосердечно ухмылявшагося на проказы батьки.

Успокоившись мало-по-малу, онъ все-таки смекнулъ, что спутника своего ему не занять этими фокусами, а потому на предложенный, со стороны послѣдняго, вопросъ о бытѣ духовенства, онъ поразсказалъ, хотя и докторальнымъ тономъ и съ излишними амплификаціями, немало интересныхъ для Перепелкина вещей. Оказалось, что между подчиненнымъ ему сельскимъ духовенствомъ пьянство сильно развито, что пастырскія обязанности исполняются механически, проповѣдничествомъ никто не занимается, объ умственномъ развитіи дочерей никакой заботы не прилагается, такъ что многія поповны ни читать, ни писать не умѣютъ. Живутъ, большею частью, не чистоплотно, имѣя ту же обстановку и привычки, что̀ и въ крестьянскомъ быту, хотя иные и пользуются хорошими доходами съ прихожанъ. Эта характеристика великорусскаго, подмосковнаго духовенства, выведенная Перепелкинымъ изъ многословныхъ разсказовъ отца Варсонофія объ отдѣльныхъ личностяхъ, высоко подняла въ его понятіяхъ родное ему, малорусское духовенство, которое вообще, несмотря иногда на скудныя средства и личное исполненіе полевыхъ работъ, живетъ очень чистоплотно, чѣмъ подаетъ примѣръ и крестьянству, гдѣ всякая хата, при всемъ убожествѣ своемъ иногда, все-таки въ отношеніи опрятности и чистоты представляется почти безукоризненной. Не только поповны и дьяконскія дочери, но не въ рѣдкость, что дьячковскія и пономарскія хорошо обучены грамотѣ. Пьяницы тоже есть, но не въ такомъ количествѣ, какъ здѣсь, и при томъ совсѣмъ не слыхать о такихъ скандалезностяхъ, какія творятся здѣсь распившимися духовными, и о которыхъ отецъ Варсонофій нашептывалъ на ухо Перепелкину, чтобъ не слыхалъ

возница. Проповѣдничествомъ тоже не занимаются, но нельзя сказать, чтобы къ обязанностямъ пасторскимъ относились небрежно или механически. Въ чемъ же выражается строгость владыки? вертѣлся вопросъ въ головѣ Перепелкина, и онъ предложилъ его отцу Варсонофію.

— Во всемъ,—отвѣтилъ тотъ,—предписаніе за предписаніемъ летитъ изъ консисторіи и насчетъ проповѣдничества, и насчетъ воздержанія отъ горячихъ напитковъ, и насчетъ воспитанія дочерей—да мало ли насчетъ чего еще!—Но ничего не подѣлаешь. Конечно, до него рѣдко доходитъ то, чтó творится у насъ; ну, а дойдетъ, тогда погибъ человѣкъ и съ семьей: строгъ, очень строгъ!—добавилъ онъ, покачавъ головой.

— Мнѣ кажется, что если бы знаменитый владыка сталъ въ болѣе близкія отношенія къ духовенству, то однимъ обаяніемъ своего ума и нравственнаго авторитета несравненно болѣе сдѣлалъ бы, чѣмъ бумажной перепиской, дѣйствуя чрезъ продажную консисторію,—замѣтилъ Перепелкинъ.

Отецъ Варсонофій такъ и прыснулъ со смѣха.

— Вотъ простота, такъ простота!—сказалъ онъ, смотря на Перепелкина и покачивая головой: этакому-то лицу и на такомъ мѣстѣ возиться съ нами, мужланами! И онъ опять захохоталъ, да такъ, что даже возница изъ-подъ руки взглянулъ на Перепелкина съ укоризненной ироніей.

— А вы забываете слова Спасителя: «Тако да просвятится»...

— Такъ онъ и есть свѣтильникъ велій, вверху стояй!—перебилъ его батюшка, къ удовольствію возницы, который не утерпѣлъ-таки, чтобъ не обернуться назадъ въ полъ-оборота и не взглянуть подъ рукой на Перепелкина съ такимъ выраженіемъ, какъ будто говорилъ: чтò, съѣлъ грибъ!

Сытыя поповскія лошадки довезли диспутировавшихъ философовъ до бѣлокаменной столицы въ шесть часовъ вечера. Отецъ Варсонофій предлагалъ Перепелкину остановиться вмѣстѣ съ нимъ на одномъ подворьѣ, но онъ уклонился отъ этого предложенія, подъ предлогомъ желанія начать осмотръ Москвы съ Поклонной горы. Когда съ этого пункта раскинулся предъ изумленными глазами юноши въ первый разъ этотъ своеобразный живописный городъ, онъ чуть не дрожалъ отъ волненія, вслѣдствіе нахлынувшихъ съ неудержимымъ натискомъ чувствъ и мыслей. Такъ вотъ она, собирательница и оберегательница русскаго народа, отнявшая главенство отъ Кіева, а вольности отъ Новгорода и Пскова! Вотъ оно сердце Россіи, облившееся кровью въ теченіе вѣковъ отъ наносимыхъ ей ранъ сѣвера, востока, запада и юга!—невольно воскликнулъ онъ съ паѳосомъ.

Пофланировавъ нѣсколько времени по ближайшимъ улицамъ, онъ

оставилъ свою ношу въ постояломъ домѣ и, умывшись, отправился въ ближайшій монастырь ко всенощной.

Какъ въ наукѣ онъ искалъ только живаго, плодотворнаго знанія, такъ и въ нѣмыхъ памятникахъ старины онъ интересовался только тѣмъ, что указывало на присутствіе жизни изчезнувшихъ поколѣній съ ихъ радостями и печалями. Монастыри, огражденные высокими, зубчатыми каменными стѣнами, укрывали беззащитный многострадальный народъ отъ неистовствъ татарвы. Тамъ поддерживалась вѣра въ Бога и въ лучшую жизнь. Туда стекались для успокоенія страстей и для исцѣленія душевныхъ ранъ. Посмотримъ, что они теперь, думалъ любознательный юноша. Стройное пѣніе хорошихъ голосовъ расположило его къ душевному умиленію. Здѣсь ли не чувствовать человѣку живой связи съ Богомъ и не дѣлаться добрымъ, кроткимъ, справедливымъ!—думалось ему. Но чѣмъ больше онъ всматривался и вдумывался во все, происходившее предъ его глазами, тѣмъ больше иллюзіи его разсѣвались. Ни на одномъ лицѣ онъ не замѣтилъ отпечатка того благоговѣйнаго настроенія, которое свидѣтельствовало бы, что вся душа занята здѣсь только помыслами о Богѣ. У многихъ видна была тупая привычная сосредоточенность, чуждая движеній живаго религіознаго чувства; другіе были разсѣяны и невнимательны къ богослуженію; иные только тѣмъ и занимались, что оглядывали внимательно вновь входившихъ въ храмъ и иногда знаками указывали на нихъ другимъ монахамъ. Но несноснѣе всѣхъ были тѣ, которые, очевидно, очень занимались собой, умащая свои главы благовонными мазями и духами, кокетничая голосомъ, искусственно выдержаннымъ взглядомъ и граціозною важностію движеній: въ походкѣ, поклонахъ, въ перстосложеніи и пріемахъ для изображенія креста. Нѣтъ—думалъ онъ, и сюда затянетъ многихъ честолюбіе или эгоистическій разсчетъ купить себѣ блаженство легкой цѣной механическаго исполненія монашескихъ обязанностей! Потому-то они и не приходятъ къ мыслямъ быть распространителями божественныхъ глаголовъ среди русскихъ инородныхъ подданныхъ, идолопоклонствующихъ, или увлекаемыхъ десятками тысячъ въ магометанство; потому-то они не только не сожалѣютъ, но даже и не думаютъ о судьбѣ кореннаго русскаго народа, загнаннаго, забитаго, страдающаго какъ отъ собственнаго невѣжества, такъ и отъ всякихъ неправдъ, водворившихся въ землѣ русской, и въ вѣковѣчной темнотѣ своей положительно не понимающаго, въ чемъ состоятъ христіанскія обязанности. И упрекнетъ когда-нибудь исторія первосвятителей русскихъ, да и тебя, знаменитый митрополитъ, что вамъ и въ голову не приходило сдѣлать полезное употребленіе изъ этихъ, даромъ пропадающихъ здѣсь, силъ, разославъ ихъ по окраинамъ нашего обширнаго отечества, для распространенія христіанства между полудикими ино-

*

родцами, и никогда не забудется то обстоятельство, что киргизы, многочисленный народъ, бывшій совершенно индифферентнымъ въ отправленіяхъ своего идолопоклонническаго культа, на нашихъ глазахъ наэлектризовываются фанатизмомъ ислама, который быстро, безъ всякаго затрудненія, распространили между ними хитрые, хотя и совершенно невѣжественные татарскіе муллы. А развѣ не могли бы эти праздные люди заводить обширныя школы здѣсь для простаго народа? Развѣ такой человѣкъ, какъ митрополитъ Филаретъ, не могъ бы убѣдить кого слѣдуетъ въ необходимости и пользѣ такихъ учрежденій? Отъ бездѣлья, отъ недостатка разумной дѣятельности и здѣсь можетъ человѣкъ зажирѣть, зачерствѣть, предаться пьянству, чревоугодію и другимъ порочнымъ страстямъ, унижающимъ иноческій санъ. А сколько можетъ развратиться посѣщающихъ монастыри людей, которые, по своему невѣжеству, всегда могутъ составить себѣ, для обихода въ жизни, такой афоризмъ: «Ужъ если-де монахи, которые отреклись отъ міра, и которымъ лучше знать, въ чемъ состоитъ спасеніе души, творятъ то-то и то-то, то почему же намъ, міряпамъ, не дѣлать этого!»

Было около десяти часовъ вечера, когда Перепелкинъ вернулся на свою квартиру. Чтобы попасть въ свою комнату, ему надобно было пройти чрезъ кухню и другую очень длинную комнату, биткомъ теперь набитую разнокалибернымъ народомъ: кто ужиналъ, кто молился Богу и укладывался спать, а кто уже и спалъ, прикрывши голову, чтобъ не такъ безпокоилъ неугомонный говоръ.

— Баринъ, а баринъ, прочитай намъ грамотки!—остановилъ Перепелкина мужичокъ, укладывавшійся спать вмѣстѣ съ другими на полу какъ разъ у самыхъ дверей комнаты, имъ занятой.

Ему подали три распечатанныхъ и очень уже засаленныхъ письма. Намъ, слышь, читали ужъ, да одинъ плохо разбиралъ, а другой съ пьяныхъ-то глазъ, можа, и навралъ.

Перепелкинъ сталъ читать ужаснѣйшимъ образомъ написанныя эпистолы, въ которыхъ, за множествомъ вводныхъ вещей, дѣйствительно трудно было уловить настоящій смыслъ; но все-таки несомнѣнно можно было вычитать: въ одномъ, что «мнѣ свекоръ голову проломилъ—самъ знашь за что—и я съ дѣтьми бѣжала къ матери и теперь маемся и колотимся какъ рыба объ ледъ». Снохачъ, вишь, замѣтилъ адресатъ и скверными словами выругалъ развратника-родителя своего. Въ другомъ категорически заявлялось мужу, что «если ты, Сидоръ Карпичъ, не вернешься домой къ «Спожинкамъ», то-вотъ-те Христосъ—петлю на шею надѣну, потому ни мнѣ, ни твоимъ дѣтямъ нѣтъ житья отъ свекрови и безпутныхъ дѣвокъ-золовокъ: поѣдомъ насъ ѣдятъ дѣвки-де связались съ солдатами, каждый день пьянствуютъ, а она

одна поспѣвай за всѣхъ. Да еще за космы таскаютъ меня и дочку Параньку».

— Ну, задамъ же я перцу вамъ, чортовы шлюхи!—со злостью заговорилъ тотъ, кому адресовано письмо. Да и тебя, старую вѣдьму, оттаскаю такъ, что всю жисть будешь помнить.

— Это мать-то родную!—ужаснулся Перепелкинъ, бросивъ на него изумленный взглядъ.

— А что жъ, что мать! И ей сверну на бокъ морду,—свирѣпѣлъ онъ, неистово жестикулируя громадными ручищами и преокверными словами ругаясь по адресу своей родительницы.

Да, этотъ дикій звѣрь можетъ привести въ исполненіе свою кровожадную угрозу, убѣждался Перепелкинъ, разсматривая его исказавшуюся отъ злости физіономію.

Въ третьемъ письмѣ обстояло все благополучно относительно дома адресата, но въ игривомъ тонѣ сообщались стороннія деревенскія новости: «Кумъ Вавило сгорѣлъ съ вина, Пашутку отравила золовка и угодила въ острогъ, Бражкины дочкста погорѣли и разбрелись по міру кто куда, бабушка Савельевна запарилась въ банѣ, а внучата съ угару померли».

«Русь ты, Русь! Что же ты все дремлешь и не сорвешь съ глазъ пелены, застилающей предъ тобою свѣтъ Божій? Не развернешься своими силами, но не въ томъ ребро-сокрушительномъ направленіи, которое рекомендовала фантазія твоихъ древнихъ богатырей, постоянно подвергавшихся разбоямъ со стороны внѣшнихъ враговъ, а въ направленіи мирномъ, стремясь къ тому, чтобы до мозга костей проникнуться кроткимъ, гуманнымъ ученіемъ Богочеловѣка, принявшаго крестную смерть за указаніе человѣчеству путей, ведущихъ къ возможному счастію на землѣ и блаженству въ загробной жизни? Почему ты и до сихъ поръ не стараешься усвоить хоть нѣкоторые плоды европейской культуры, выражающейся и въ большей чистоплотности, и въ болѣе замѣтной мягкости формъ общежитія, а, главное, въ несравненно высшемъ умѣніи пользоваться дарами природы, которыми ты нисколько не обдѣлена противъ другихъ?» Такъ фантазировалъ юный мечтатель-путешественникъ и опять обратился съ укоромъ къ монашествующимъ, почему-де они, вмѣсто того, чтобъ праздно проводить время въ келіяхъ и нагуливать себѣ иногда изрядныя тѣлеса, не разносятъ по лицу русской земли свѣта евангельскаго ученія, достодолжнымъ образомъ выясняя его высокія истины и внушая согласныя съ этими истинами правила общежитія.

Окончивъ свой скудный ужинъ и запивъ его двумя стаканами чая, Перепелкинъ устроилъ себѣ ложе на диванѣ, который запиралъ входъ въ комнату, отдѣлявшуюся отъ его комнаты досчатою перегородкою,

и, не долго думая, уснулъ богатырскимъ сномъ. Сновъ не видалъ, но чувствовалъ какой-то особенный зудъ во всемъ тѣлѣ, подъ вліяніемъ котораго рѣзко стала выступать въ головѣ мысль: «И бьютъ-то тебя, Русь, и щиплютъ, и кусаютъ, однимъ словомъ, поѣдомъ ѣдятъ, а ты себѣ ничего: какъ деревяшка стоишь и глазомъ не моргнешь!»

— Что за чортъ такой!—вскрикнулъ не вдолгѣ послѣ того Перепелкинъ, вскочивъ, какъ ужаленный змѣей, съ своего ложа и обѣими руками неистово скребя себя по всему тѣлу. Онъ зажогъ свѣчку и увидѣлъ, что засѣвшая въ головѣ мысль вызвана была реальнымъ фактомъ, вслѣдствіе разбойническаго нападенія на него такой массы клоповъ, что у него руки и бѣлье окрасились при очищеніи всего тѣла отъ этихъ злыхъ насѣкомыхъ, обсѣвшихъ его кругомъ и упитавшихся его кровью. У него былъ персидскій порошокъ, но разсыпать его по дивану было безполезно, такъ какъ по стѣнамъ ползали легіоны насѣкомыхъ и могли падать на него безъ риска наткнуться на противное ихъ натурѣ зелье. Оставалось устроиться посреди комнаты на стульяхъ и табуреткахъ, осыпавшись кругомъ на полу порошкомъ. Только-что успѣлъ Перепелкинъ окончить эту процедуру и погасилъ свѣчку, за перегородкой послышались шаги грузно входившихъ въ сосѣднюю комнату. Сначала слышно было только, какъ происходило раздѣваніе, сопровождаемое сопѣніемъ и швыряніемъ сапогъ. Потомъ ясно стало, что молились Богу: слышались вздохи, шопотъ молитвенныхъ словъ, наконецъ, затрещали диваны, какъ-бы на нихъ свалились стопудовые грузы, и все замолкло. Но тонкая струя свѣта гдѣ-то пробивалась къ Перепелкину сквозь перегородку—значитъ, сосѣди еще не спали.

— Я все забываю, Памфилъ Макаровичъ, спросить васъ, за что вы отказали своему прикащику Савелію?—раздался звонкій, изъ здоровыхъ легкихъ выходящій голосъ.

— А перво-на-перво за то, что своихъ коммерческихъ дѣловъ не знатъ,—отвѣчалъ грубый, немного надтреснувшій голосъ.

— Гмъ! Какъ, кажись бы, ему не знать: двадцать годовъ у васъ живетъ, почитай, съ-измалолѣтства!

— Вотъ поди жъ ты! 20 годовъ тута-ка, въ подмосковномъ городѣ, да лѣтъ семь въ Ростовѣ, когда тамъ мы торговали. А взялъ я его по 12 году, и бойкій былъ малый: эфто сосчитать, зазвать въ лавку покупателя, показать товаръ лицомъ—ну, словомъ, на всѣ руки!

— Да что жъ съ нимъ попритчилось такое?

— Знать, лѣшій обошелъ! заразился, слышь, правилой какой: не могу, говоритъ, таперича клятвенно увѣрять покупателя, что товаръ хорошъ, коли онъ на самомъ дѣлѣ худой; совѣсть, говоритъ, претитъ.

— Ишь, дура-то голова! А намъ-то какъ товаръ сбываютъ съ фабрикъ, гниль да бракъ, безъ обмана что-ли, по совѣсти?

— Я и то ему говорилъ: самъ знашь, молъ, что безъ обмана намъ нельзя вести каммерцыю, насъ тоже, вѣдь, обманываютъ. Ты обманываешь, молъ, покупателя по нуждѣ, а нужда-то и заставляетъ тебя божиться. Да и божиться не стать тебя учить! ты покупателю кричишь: Ей Богу, вотъ-те Христосъ! а самъ про себя прибавляшь: «нѣтъ, нѣтъ!» Такъ какая жъ тутъ божба?

— Вѣстимо такъ. Божишься ли такъ, али, примѣрно, бѣду каку на себя накликашь: «Лопни, молъ, мои глаза, разрази меня громъ и молнія, съ мѣста мнѣ не сойти,—только, знай, прибавляй про себя: нѣтъ, нѣтъ, а то и просто: не, не. Какая жъ тутъ божба?

— Божбы тутъ нѣтъ,—говорю ему. А онъ все свое твердитъ: не могу, совѣсть прептитъ, коли ежели таперича товаръ плохой. Ну, потаскалъ его, признаться, раза два подъ пьяную руку, а онъ отлежался, эфто, въ больницѣ, да опять за свое: не могу, совѣсть претитъ. Такъ я пашпортъ ему въ зубы и «але» маширъ!

— А у насъ слухи, было, прошли, что вы прогнали его изъ-за Аленки?

— Что жъ, Аленка! Аленка, точно, жаловалась, что пристаетъ, дескать, Савелій Емельяновичъ и надсмѣшки дѣлаетъ,—такъ это что мнѣ—наплевать!

— А все еще съ нею прохлаждаетесь?

— А почто жъ не прохлаждаться! Вѣдь ты жъ не бросишь своей Малашки.

— Да у меня одна, и то про эфто дѣло жена ничего не знатъ, а, вѣдь, вы состоите въ «абажаніи» и съ другою еще!

— Ну, что жъ, абажаемъ и Наташку, пока Богъ грѣхамъ терпитъ!

— Ну, а благовѣрная-то какъ?

— Что-жъ благовѣрная... благовѣрная «нишни»! А пикни только—оттаскаю такъ, что и роду-племени закажетъ не вмѣшиваться въ эфти дѣла николи; я, вѣдь, не такъ, какъ ты: блудливъ, какъ кошка,—труслнвъ, какъ заяцъ.

«Фи, какая скверная нравственная атмосфера здѣсь!»—подумалъ про себя Перепелкинъ, совершенно еще цѣломудренный, и, укрывши голову, уснулъ опять на новомъ мѣстѣ богатырскимъ сномъ.

На другой день, въ 7 часовъ утра, когда Перепелкинъ за чаемъ обдумывалъ планъ своихъ похожденій по Москвѣ, въ комнату его то и дѣло заглядывали разныя личности: то съ предложеніемъ купить что-нибудь, то съ просьбами «пожертвовать отъ трудовъ праведныхъ» на построеніе храма Господня, на паникадило, на иконостасъ новопостроенной церкви, а то и просто, на поминаніе своихъ родителей. Назойливѣе всѣхъ были потомки бывшихъ властителей Россіи, татары, которые, несмотря на предупрежденіе, что ничего не надо, безцере-

монно входили въ комнату и совали подъ носъ то халатъ, то мыло или духи, пока Перепелкинъ не разогналъ ихъ и не заперся на крючокъ. Но вотъ стучится кто-то. Разъ, два и все сильнѣе.

— Позвольте-съ имѣть честь видѣть васъ,—раздается изъ-за дверей голосъ.

Перепелкинъ отперъ дверь. Въ комнату прошмыгнула тщедушная личность въ поношенномъ фракѣ съ металлическими желтыми пуговицами.

— Титулярный совѣтникъ,—рекомендовался онъ, подавая руку Перепелкину: по проискамъ враговъ долженъ былъ выйти въ отставку.

— Вѣрите ли,—говорилъ онъ, сложивъ руки на груди и сокрушительно качая наклоненной внизъ головой:—двухъ мѣсяцевъ не дали дослужить до чина коллежскаго ассесора, понимаете? двухъ мѣсяцевъ только!—патетически воскликнулъ онъ.

— Да какая жъ вамъ надобность въ такомъ чинѣ?—спросилъ Перепелкинъ только лишь для того, чтобъ какъ-нибудь выразить сочувствіе его горю.

— Ай, ай, а-ай!—протянулъ онъ, качая головой и смотря съ укоромъ въ глаза Перепелкину: это чинъ-то коллежскаго ассесора зачѣмъ понадобился? Помилуйте!

Перепелкинъ вспомнилъ ходившіе когда-то по рукамъ въ бурсѣ рукописные стихи (Нахимова, кажется), гдѣ тоже патетически восклицалось: «О чинъ ассесора толико вожделѣнный». Но онъ никакъ не могъ понять, какое практическое употребленіе, кромѣ права имѣть крѣпостныхъ людей, могъ бы сдѣлать изъ него бѣдный отставной чиновникъ.

— Помилуйте, помилуйте! Первое слово: мундиръ... весь шитый золотомъ... тутъ, здѣсь, тамъ... затѣмъ шпага, треуголка... и—(тутъ онъ вскочилъ со стула, принялъ позу человѣка съ такими именно декоративными знаками величія и сталъ расшаркиваться) въ дворянское собраніе на выборы... да рѣчь предъ дворянствомъ...

— Да, вѣдь, у васъ же крестьянъ нѣтъ, а такіе дворяне, кажется, не участвуютъ на выборахъ.

— Помилуйте, помилуйте!—горячился онъ: только бы узнали, что есть въ этой головѣ—постучалъ онъ себѣ въ лобъ—только бы узнали... всѣмъ надѣлили бы, и землей, и людьми, потому что такіе доки—онъ ткнулъ себя въ грудь—нужны по дѣламъ опекунскимъ, гдѣ всѣ нагрѣваютъ...

Внезапно отворилась дверь, и въ комнату вошелъ не безъ важности выступая, великорослый брюнетъ въ полувоенной формѣ.

— А, стрекулистъ уже здѣсь!—захохоталъ онъ такъ, что стекла задрожали: видно, просьбицу изобразить предлагалъ?

Не дослужившій двухъ мѣсяцевъ до вожделѣннаго чина быстро отретировался, приговаривая: я къ вамъ заверну послѣ ... я здѣсь близехонько.

— Отставной штабсъ-капитанъ Михалкинъ,—рекомендовался новый посѣтитель: а позвольте васъ спросить, кого я имѣю честь видѣть?

— Бурсака!—сказалъ Перепелкинъ, чтобъ скорѣй отдѣлаться.

— Это фамилія ваша?

— Нѣтъ: званіе.

Штабсъ-капитанъ, безъ всякаго приглашенія, подсѣлъ къ самовару, ополоснулъ стаканъ, бросилъ въ него четыре большихъ куска сахару, налилъ самаго крѣпкаго чая и преспокойно попивалъ его съ московскими сайками, которыя также безъ церемоніи придвинулъ къ себѣ въ полное свое распоряженіе, точно онъ тутъ на правахъ хозяина.

— Вотъ бы ромкомъ подправить,—отлично бы было... ну, да ужь этотъ стакашку такъ допью, а на другой извольте-ка выкинуть рублишко: мигомъ слетаю за ромкомъ-клоповничкомъ... настоящій ромъ, надо вамъ замѣтить, клопами пахнетъ... вотъ увидите,—говорилъ онъ съ такою развязностью, какъ будто они съ коихъ поръ знакомы.

Перепелкинъ молчалъ и только внимательно разсматривалъ этого оригинальнаго посѣтителя. Это былъ человѣкъ лѣтъ 35, съ правильными, хотя и сильно помятыми, чертами лица, покрытаго густой и красивой растительностью на щекахъ, въ видѣ круглыхъ, искусно подстриженныхъ бакенбардъ и ловко отпущенныхъ усовъ съ завитками внизъ. Большіе сѣрые глаза на выкатѣ производили не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе, но нельзя сказать, чтобъ въ нихъ не замѣчалось въ иной моментъ проблесковъ ума. Говорилъ онъ немного въ носъ, но отчетливо, даже рѣзко. Костюмъ его былъ староватъ, но безъ изъяновъ и не засаленъ, точно также и фуражка, которую онъ молодцовато бросалъ на столъ, когда садился за чайный приборъ.

Допивъ стаканъ чая и прожовывая послѣдній кусокъ другой сайки, онъ преспокойно протянулъ руку къ Перепелкину со словами:

— А нуте-ка рублишко... вотъ услышите, какими клопами понесетъ: это самый, что называется, забористый ромъ... ямайскій настоящій.

Перепелкинъ молчалъ и только пристально смотрѣлъ ему въ глаза.

— Что жъ вы? аль вамъ жаль рубля? Ну, въ такомъ случаѣ, два двугривенныхъ на ерофеичъ.

Перепелкинъ далъ полтинникъ, чтобы только развязаться съ нимъ, и какъ только онъ вышелъ, хотѣлъ было сейчасъ же собраться и совсѣмъ уйти изъ этой квартиры; но не прошло и десяти минутъ, какъ штабсъ-капитанъ вернулся, поставилъ на столъ посудину съ ерофеичемъ и отрапортовалъ по формѣ, вытянувшись и приложивъ руку къ фуражкѣ:

— Сдачи нѣтъ: употребилъ на двѣ рюмки полынной. Затѣмъ онъ крикнулъ кухаркѣ, чтобъ подбавила угольковъ въ самоваръ, перемылъ стаканы, прибавилъ чаю и, наливъ два стакана на половину чаемъ и ромомъ, предложилъ одинъ изъ нихъ Перепелкину съ такимъ гостепріимствомъ, какъ будто это распоряжался самъ хозяинъ у себя дома. А когда Перепелкинъ сказалъ, что онъ не употребляетъ хмѣльныхъ напитковъ, то онъ не безъ удовольствія замѣтилъ:

— Тѣмъ лучше: мнѣ больше останется!

Онъ преспокойно попивалъ пуншъ и изрѣдка взглядывалъ на Перепелкина, который глазъ съ него не спускалъ.

— А я знаю, что вы теперь думаете, созерцая такъ внимательно мою особу,—сказалъ онъ, принимаясь за другой стаканъ пунша:—вотъ, дескать, свинья затесалась! Конечно, свинья! Да что дѣлать... ѣсть, пить надо, а въ карманахъ пусто, хоть выворотн.

Онъ залпомъ допилъ простывшій уже пуншъ и сталъ опять приготовлять разомъ уже три.

— Не бойтесь, скандаловъ не надѣлаю. Допью до чиста ерофеичъ и спокойно уйду... а тамъ думайте обо мнѣ, что хотите.

— Вамъ бы служить еще, зачѣмъ вы оставили службу? — сказалъ Перепелкинъ, заинтересовываясь уже своимъ гостемъ.

— Оставилъ! — саркастически произнесъ онъ: — предложили-съ. Онъ отпилъ немного и прошелся по комнатѣ.

— Да-съ, предложили,—говорилъ онъ, ероша на головѣ волосы и остановившись предъ Перепелкинымъ:—а теперь куда сунешься... позади грязь, съ боковъ грязь, да и впереди тоже грязь!

— Да за что же?—участливо спросилъ Перепелкинъ.

— А за то, что не держалъ языка на привязи, не слушался мудрыхъ предостереженій: знай, сверчокъ, свой шестокъ! а во всеуслышаніе порицалъ, во время кампаніи, всѣхъ воровъ, грабителей, казнокрадовъ, съ волчьей жадностью набивавшихъ себѣ карманы казенными деньгами, въ стачкахъ съ подрядчиками и коммиссіонерами, и, буквально, моришихъ людей и лошадей. А, вѣдь, собаки-то какія были! Самъ знаю, въ одномъ зàмкѣ у магната-мадьяра всѣ драгоцѣнности обобрали, даже серьги повырывали изъ ушей женщинъ.

— Ну, это, можетъ быть, дѣлали какіе-нибудь казаки,—замѣтилъ Перепелкинъ.

— Казаки!—иронизировалъ онъ:—да между нашимъ братомъ, прошедшимъ кадетскую школу, найдется много такихъ, которые по части грабежа заткнутъ за поясъ какихъ-угодно казаковъ. Потому, какое наше воспитаніе, чему насъ серьезно обучали? Что дала кому природа хорошаго—умъ ли, сердце ли—съ тѣмъ и остались, и то, можетъ быть, не безъ изъянцевъ уже, а благопріобрѣтеннаго хорошаго нечего и спра-

шивать ни у кого. Были у насъ и добрые начальники: директора, баталъонные, ротные, всѣ-то они заботились о насъ, всѣ ухаживали за нами и только и думали о томъ, чтобы мы сыты были, одѣты какъ слѣдуетъ, а, главное, непремѣнно дотянули бы до офицерства, въ крайнемъ случаѣ, хоть въ гарнизонъ, пройдя только четыре класса по неспособностямъ. Да въ этомъ ли развѣ состоитъ воспитаніе и образованіе?

Онъ выпилъ простывшіе стаканы одинъ за другимъ, приготовилъ себѣ вновь три и опять зашагалъ по діагонали комнаты.

— Мы росли свиньями: не знали Бога, никого не любили, не почитали, не уважали, хотя по наружности никто бы этого не сказалъ; ханжество, лицемѣріе намъ было знакомо по преданіямъ. Мозги наши дремали, да и какъ имъ было работать. Уроковъ, за небольшими исключеніями, никогда не готовили, учителей обманывали самымъ безсовѣстнымъ образомъ: урокъ отвѣчали по написанному на стѣнѣ, на доскѣ, на пришпиленной къ спинѣ товарища бумажкѣ, а у близорукихъ и задумчивыхъ учителей просто считывался отвѣтъ съ открытой книги. Да и къ чему намъ нужно было учиться или быть хорошей нравственности, когда мы знали, что насъ ни въ какомъ случаѣ не выдадутъ, умѣй только хоронить концы, что начальство само боится, какъ бы заведеніе не оказалось хуже другихъ, и потому только и думаетъ о томъ, какъ бы не по существу, а по наружности все обстояло какъ слѣдуетъ, какъ требуется предписаніями и инструкціями высшаго начальства. А инструкціи-то такія, что зачитаться можно: сколько въ нихъ душевной теплоты, сердечной заботливости о нравственномъ воспитаніи молодыхъ людей, о добромъ направленіи ихъ воли, объ умственномъ развитіи! Все взвѣшено, предусмотрѣно, кромѣ одного: кто будутъ исполнители и не связаны ли они формализмомъ, рутинными пріемами, пустившими глубокіе корни въ кадетской педагогикѣ.

Онъ опять принялся за пунши, а Перепелкинъ все время думалъ: вотъ куда бы внести свѣта! Вѣдь, шутка ли сказать: воинъ, защитникъ отечества, престола, святыхъ правъ человѣческихъ! И у него пошли уже развиваться планы: какъ онъ, въ качествѣ педагога въ какомъ-нибудь корпусѣ, будетъ и самъ стремиться и другихъ направлять къ тому, чтобъ инструкціи просвѣщеннаго, заботливаго высшаго начальства исполнялись по существу, а не съ формальной только стороны.

— Что я теперь, куда гожусь: ни знаній, ни убѣжденій, ни привычки къ труду, а между тѣмъ ѣсть, пить хочется, а средствъ нѣтъ, ну, и свинствую, дѣлаюсь нахаломъ, хорошо еще, что наклонностей къ воровству не имѣю.

— Да какъ же вы живете здѣсь, не имѣя никакихъ средствъ?

— А вотъ такъ же, какъ и у васъ теперь: безъ церемоніи поѣмъ, попью и уйду. А денегъ нужно, выпрошу. Вотъ на дняхъ у митропо-

лита позаимствовался 15-ю рубликами. Выходитъ худенькій старичокъ, еле слышнымъ голосомъ спрашиваетъ: «что вамъ нужно?» Такъ и такъ говорю, ваше высокопреосвященство: безъ службы, средствъ нѣтъ; нуждаюсь, жена, дѣти—конечно, это ужь вралъ, потому что никогда не былъ женатъ—имѣйте состраданіе, говорю, отвѣшивая ему низкій поклонъ. «Хорошо»,—сказалъ онъ и выслалъ 15 рублей. У викарія тоже раза два выклянчилъ по 5 рублей. Ничего, жить можно. Только не подумайте, чтобъ я ужь такъ опустился, чтобъ не чувствовалъ, что это низко, подло. Да что жь мнѣ дѣлать? не топиться же.

— Ну, поискали бы себѣ мѣста.

— Ищу, батенька, ищу-съ,—сказалъ онъ, облобызавъ Перепелкина на прощанье.

VIII.

Собираясь совсѣмъ оставить эту квартиру, Перепелкинъ потребовалъ счетъ и не могъ не ужаснуться, что за тарелку скверныхъ щей, да за два самовара и ночлегъ въ клоповникѣ требуется заплатить два рубля.

— Ассигнаціями?—спросилъ онъ стараго хозяина, подавшаго счетъ.

— Нѣтъ, мы на ассигнаціи давно позабыли считать. А дорого кажется, такъ надо было сперва рядиться, а безъ ряды что толковать: что записано, то и давай.

«Вотъ она—благочестивая Москва!»—не безъ злости подумалъ Перепелкинъ.

Оказалось, что на подворьяхъ, въ центрѣ города, можно имѣть номеръ за 50 коп. въ сутки. Онъ и перебрался въ одно изъ нихъ близъ Кремля.

Осмотрѣвъ Кремль снаружи и внутри, побывавъ въ его церквяхъ, также у Василія Блаженнаго, онъ присѣлъ на ступенькахъ этого храма и сталъ наблюдать проѣзжавшихъ и проходившихъ чрезъ Красную площадь москвичей. Прежде всего бросилось въ глаза наружное благочестіе, проявлявшееся здѣсь больше, чѣмъ въ другихъ, видѣнныхъ имъ, великорусскихъ городахъ, и несравненно больше, чѣмъ въ Малороссіи. Особенно это замѣтно было у часовни Иверской Божіей Матери. Несомнѣнно, что эта набожность была искренняя, нелицемѣрная, неподдѣльная; почему же наше духовенство не пользуется этимъ стимуломъ, чтобъ весь нравственный строй жизни этого народа подчинить кроткимъ правиламъ Христова ученія? Почему оно не позаботится о такомъ религіозномъ воспитаніи его, чтобъ исчезли звѣроподобныя при-

вычки, стоящія въ такомъ противорѣчіи съ духомъ этого ученія? Ну, вотъ эти, напримѣръ, растолстѣвшіе, до безобразія расползшіеся коммерсанты и ихъ жены—что они изъ себя представляютъ? Вѣдь, каждый и каждая изъ нихъ, въ большинствѣ случаевъ, представляютъ только грубую массу почти неодухотворенной матеріи, а между тѣмъ эта масса подчасъ бываетъ зла, груба, дерзка, а, главное, вороввата, наклонна къ всяческимъ обманамъ, объегориваніямъ, и въ высшей степени несправедлива, вслѣдствіе своекорыстія и жадности къ наживѣ.

Недалеко отъ храма остановились двое дрогъ, ѣхавшихъ навстрѣчу, и между съ сидѣвшими на нихъ женщинами, повидимому, купчихами, завязался разговоръ.

— Вы отъ блаженнаго?

— Отъ него.

— Что жъ вы возили ему?

— Головку сахару, два фунта чаю, варенья три банки.

— Какъ будто сговорились мы: я тоже вотъ везу въ кулькѣ сахару, чаю и варенья, только побольше.

Разговаривавшія разъѣхались въ разныя стороны.

— Кто бы это такой былъ «блаженный»?—схимникъ что-ли какой пророчествующій?—раздумывалъ Перепелкинъ.

— Послушай,—обратился онъ къ церковному сторожу, который возился тутъ съ молоткомъ, приколачивая скобу на ступенькахъ храма:— гдѣ тутъ живетъ блаженный?

— Да вамъ какого надо? Здѣсь, вѣдь, ихъ не одинъ. Сторожъ указалъ адреса трехъ пророчествующихъ въ Москвѣ.

Перепелкинъ сейчасъ же отправился по ближайшему адресу. Близъ стараго деревяннаго дома, въ кривой и тѣсноватой улицѣ, стояло нѣсколько извозчичьихъ экипажей—это и было мѣстопребываніе одного изъ блаженныхъ. Ходъ къ нему былъ со двора, содержимаго весьма нечисто, не только для Москвы, но даже для послѣдняго провинціальнаго города. Поднявшись по небольшой лѣсенкѣ, Перепелкинъ отворилъ дверь и прямо попалъ въ пріемную, гдѣ дожидались очереди предстать предъ блаженнаго всѣ посѣтители, какого бы званія и чина они ни были. Тутъ теперь находилось до десятка женщинъ, въ числѣ которыхъ были три прилично одѣтыя дамы и трое мужчинъ, не похожихъ на купцовъ. Почти у всѣхъ были свертки, или кульки, или корзинки съ приношеніями. Только у одной дамы и у одного мужчины, повидимому, не было таковыхъ. Это ободрило Перепелкина, но не надолго, потому что три прилично одѣтыя дамы вошли въ комнату блаженнаго вмѣстѣ, хотя подарки понесли только двѣ изъ нихъ.

— Обязательно нести подарокъ?—спросилъ онъ одного изъ мужчинъ.

— Денегъ можно сунуть,—отвѣчалъ тотъ.

Перепелкину, какъ послѣ всѣхъ прибывшему, пришлось дожидаться больше часа, хотя аудіенція у блаженнаго рѣдко при немъ продолжалась болѣе 7—8 минутъ. Народъ все-таки прибывалъ. Но вотъ, наконецъ, дошла до него очередь. Онъ вступилъ въ такую же большую комнату, какъ и пріемная, но раздѣленная двумя боковыми перегородками, доходящими почти до потолка. Перепелкинъ не зналъ, куда ему идти, и остановился въ недоумѣніи. Но вотъ запуршало что-то за правой перегородкой, куда онъ и направился. Оріентироваться тутъ сразу было весьма мудрено, тѣмъ болѣе, что окна тутъ не было, или оно было закрыто, а падавшій сверху свѣтъ былъ недостаточенъ даже для того, чтобъ разглядѣть, гдѣ тутъ находится самъ блаженный. Когда онъ искалъ его глазами по всѣмъ угламъ, рядомъ съ нимъ, у самыхъ дверей перегородки, закопошилось что-то. Это и былъ искомый пророкъ. Онъ лежалъ ницъ, на длинной деревянной голой скамейкѣ и что-то сталъ бурчать себѣ подъ носъ, когда Перепелкинъ остановилъ на немъ взглядъ. Лица его Перепелкинъ не могъ видѣть. «Уйди»,—прорычалъ онъ.

— Зачѣмъ же уходить? Я тебѣ подарокъ сдѣлаю, если скажешь что дѣльное мнѣ.

— Охъ, Саваоѳъ! Доколѣ всякія... и разруши десницею своею... и ту мгла... и бысть, еже не бысть,—бормоталъ онъ.

Перепелкинъ понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и тоже пророческимъ гласомъ возопилъ: «Да будетъ проклятъ и урѣзанъ языкъ, глаголяй ложь людемъ моимъ».

— «У-у-й-й-ди!»—закричалъ онъ. Явилась женщина какая-то, повязанная платкомъ, и попросила Перепелкина выйти, сказавъ ему въ утѣшеніе, что «они не со всякимъ охочи разговаривать».

— Что такое съ вами случилось?—спрашивали Перепелкина въ пріемной: «Да, вы, вѣрно, или грѣшникъ большой, или не положили ничего святому»,—сказала добродушно купчиха.

— А развѣ непремѣнно нужно класть святому?—ощетинился Перепелкинъ.

— Кладутъ, значитъ, для Бога,—пояснилъ брюхачъ, державшій полновѣсный кулекъ.

Перепелкинъ не пожелалъ уже искать другихъ пророковъ, а разразился мысленно цѣлымъ потокомъ негодованія противъ равнодушія нашего духовенства къ такимъ явленіямъ. Неужели же, думалъ онъ, не доходятъ слухи до митрополита объ этихъ эксплоататорахъ невѣжественнаго народа? Отчего же онъ не приметъ никакихъ мѣръ, чтобы они за свои юродства, по крайней мѣрѣ, ничего ни съ кого не брали. Вѣдь, библейскій пророкъ жилъ созерцаніемъ Бога, углублялся въ таинственныя явленія жизни, и его горячее, убѣжденное слово, никѣмъ и

ничѣмъ не оплачиваемое—могло ли оно имѣть смыслъ прозрѣнія въ таинственное будущее, или нѣтъ—будило живую мысль и въ другомъ, такъ какъ оно, во всякомъ случаѣ, исходило изъ сердца, переполненнаго живымъ чувствомъ. Таковъ ли этотъ невѣжественный балбесъ, занятый только размышленіями о кулькахъ съ приношеніями, да о карбованцахъ. Вотъ источникъ зла для темнаго люда. Эхъ ты Русь, Русь! прозришь ли ты когда-нибудь?—заключилъ онъ свои разсужденія, возвратившись на свою новую квартиру.

Невыгодныя понятія его о видѣнномъ имъ, юродствующемъ субъектѣ дополнилъ, познакомившійся съ нимъ, сосѣдъ по номеру, чиновникъ Клинскаго уѣзднаго суда. Онъ пріѣхалъ сюда на казенный счетъ за гербовой бумагой и предложилъ Перепелкину доѣхать съ нимъ даромъ, до Клина, который отстоитъ отъ столицы на 80 верстъ. Онъ окончилъ курсъ въ Виѳанской семинаріи и не задолго до выпуска раза три посѣщалъ этихъ блаженныхъ, но всякій разъ выносилъ убѣжденіе въ томъ, что это хитрые и безсовѣстные обманщики, даже самые безстыжіе развратники. Но о схимникѣ онъ сдѣлалъ отзывъ хорошій, сказавъ, что о пророчествахъ его онъ отъ духовныхъ лицъ не слыхалъ ничего, а знаетъ, что онъ—строгій подвижникъ, и его весьма многіе посѣщаютъ, какъ человѣка святой, безукоризненной жизни, отъ котораго можно услышать и умное слово, и умный совѣтъ. Эта рекомендація подстрекнула любопытство Перепелкина.

На другой день оба они отправились въ монастырь, гдѣ былъ этотъ подвижникъ. Выслушавъ дорогой еще много подробностей о немъ отъ своего спутника, Перепелкинъ такъ заинтересовался имъ, что сталъ выражать опасенія, какъ бы не помѣшало что-нибудь увидѣть этого замѣчательнаго человѣка. Когда они пришли въ монастырь, обѣдня была на исходѣ, а на вопросъ—здѣсь ли схимникъ Н., имъ отвѣтили, что онъ по слабости силъ очень рѣдко выходитъ изъ келіи, куда и провелъ ихъ сторожъ. Это была не келія, а просто землянка, аршинъ 5 въ квадратѣ, съ крошечнымъ окошечкомъ надъ землей. Въ ней буквально ничего не было, кромѣ двухъ образовъ Спасителя и Божіей Матери, стоявшихъ въ углу, на вбитыхъ въ землю камняхъ. Предъ ними теплилась лампада и освѣщала тусклымъ свѣтомъ маленькое, колѣнопреклоненное существо, стоявшее на молитвѣ. Когда Перепелкинъ, тихонько отворивъ дверь, увидѣлъ эту сцену, онъ почувствовалъ дрожь въ тѣлѣ и сильное біеніе сердца, такъ какъ онъ самъ когда-то въ дѣтствѣ, начитавшись житій святыхъ, мечталъ о такомъ именно подвижничествѣ. Онъ также тихо притворилъ дверь, не желая прерывать молитвы подвижника и думая дождаться, когда онъ кончитъ ее. Но пришлось бы и уйти, не дождавшись конца ея, если бы не принесъ монахъ просфоры для подвижника, который только

ею одной и поддерживаетъ свою жизнь, употребляя ее при томъ въ такихъ микроскопическихъ дозахъ, по словамъ принесшаго, что она составляетъ шестидневное его пропитаніе, кромѣ воды.

— Да чѣмъ же онъ живъ?—спросилъ Перепелкинъ, когда монахъ, не входя въ келью, отодвинувъ оконце въ земляной разрѣзъ, положилъ на земляной же косякъ просфору, и, задвинувъ опять оконце, подошелъ къ нему.

— А Господь его вѣдаетъ. Вотъ спросите объ этомъ его самого.

— Да, вѣдь, онъ стоитъ теперь на молитвѣ.

— А вы думаете дождаться, когда онъ кончитъ молитву?—это напрасно, потому что онъ день и ночь вотъ такъ стоитъ на молитвѣ. А войдите къ нему такъ, чтобъ онъ услышалъ, и онъ сейчасъ же встанетъ.

Перепелкинъ и спутникъ его такъ и сдѣлали. Лишь только оба они вошли, подвижникъ всталъ и земно поклонился имъ. Когда они подошли подъ благословеніе, онъ медленно благословилъ каждаго, тихо и съ вниманіемъ произнося слова молитвы, но руки своей цѣловать не далъ. Это оригинально, подумалъ Перепелкинъ. Подвижникъ былъ маленькаго роста, чрезвычайно худой, изможденный, но не старый, и съ лицомъ необыкновенно симпатичнымъ, добрымъ. Ни угрюмости, ни суровости, ни строгости, свойственныхъ аскетамъ, оно не выражало; напротивъ, было нѣчто, напоминавшее какъ бы застывшую на немъ полуулыбку, которая, обыкновенно, не сходитъ съ лица людей мягкихъ, чистосердечныхъ и добродушныхъ. Онъ кротко и пріятно смотрѣлъ въ глаза то одного, то другаго посѣтителя, но такъ какъ оба они молчали, смотря на него съ благоговѣніемъ, то онъ отворилъ дверь и предложилъ посидѣть съ нимъ на скамейкѣ, стоявшей подъ деревомъ въ трехъ шагахъ отъ его келіи. Вѣроятно, отъ свѣжаго воздуха онъ сильно раскашлялся и сталъ отплевывать мокроту, въ которой сначала показывались сгустки крови, а потомъ почти голая кровь. Перепелкинъ извинился, что побезпокоили его, и просилъ возвратиться въ келію.

— У васъ скорѣе пройдетъ кашель, а то я боюсь, какъ бы это не имѣло послѣдствій дурныхъ для вашего слабаго здоровья,—говорилъ онъ, участливо смотря на тщедушнаго подвижника и поддерживая его, когда онъ, въ припадкѣ кашля, сгибался и присѣдалъ.

Подвижникъ махнулъ рукой и присѣлъ на скамейку. Перепелкинъ и спутникъ его помѣстились возлѣ него по бокамъ, съ правой и лѣвой стороны.

— Безъ Божіяго допущенія,—сказалъ едва слышнымъ голосомъ подвижникъ, когда унялся кашель,—и волосъ съ главы человѣка не упадетъ.

Онъ прикрылъ рукой ротъ, какъ бы въ предупрежденіе возврата

кашля. Послѣдовало молчаніе, продолжавшееся минуты двѣ и заставившее Перепелкина думать, что безъ вопросовъ ничего не услышишь отъ подвижника.

— При входѣ къ вамъ, на меня сильное впечатлѣніе произвела подвижническая обстановка вашей келіи. Я вспомнилъ, какъ я въ дѣтствѣ, на одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ году, начитавшись житій святыхъ, мечталъ сдѣлаться подвижникомъ, но теперь объ этомъ уже не думаю и даже хочу выйти изъ духовной академіи и, по увольненіи въ свѣтское званіе, поступить въ университетъ,—сказалъ Перепелкинъ, вызывая на разговоръ. Подвижникъ все время внимательно слушалъ и смотрѣлъ на Перепелкина, пока тотъ не кончилъ, а потомъ опустилъ глаза внизъ и молчалъ.

— А хорошо ли я дѣлаю, что измѣняю задушевнымъ мечтамъ дѣтства?

Подвижникъ все-таки молчалъ и только взглянулъ кроткими своими глазами на вопрошающаго.

— Я желалъ бы знать ваше мнѣніе, святой подвижникъ.

— Святъ Богъ,—съ живостію, хотя и кротко возразилъ подвижникъ,—а я—грѣшный и недостойный рабъ Его.

Перепелкинъ покраснѣлъ: ему досадно было на себя, что онъ худо взвѣшеннымъ словомъ отвлекъ вниманіе инока отъ прямаго отвѣта на его вопросъ.

Но отвѣтъ послѣдовалъ, хотя и прошло минуты двѣ молчанія.

— Всякъ воленъ поступать по своему разумѣнію, лишь бы оно не противорѣчило святымъ велѣніямъ Божіимъ,—сказалъ подвижникъ тихо, съ передышкой.

И опять послѣдовало продолжительное молчаніе. Перепелкинъ рѣшительно недоумѣвалъ, какимъ образомъ и на какомъ основаніи могли произойти тѣ легенды, которыя, по словамъ его спутника, распространены въ Москвѣ и внѣ ея о пророческомъ дарѣ этого кроткаго и смиреннаго инока, по своей натурѣ совершенно неспособнаго ни къ какой экзальтаціи.

— Говорятъ, въ Москвѣ есть изъ мірянъ блаженные, которые имѣютъ даръ пророчества—возможно ли это?—обратился Перепелкинъ къ иноку.

Тотъ посмотрѣлъ долгимъ кроткимъ взглядомъ прямо въ глаза спрашивающаго и задумался, опустивъ голову внизъ.

— Для Бога все возможно,—сказалъ онъ, наконецъ, послѣ долгаго молчанія,—дается и вѣдѣніе мудрымъ.

— Да, вѣдѣніе, но не предвидѣніе,—подхватилъ Перепелкинъ, думая, что напалъ на тему, которая развяжетъ языкъ иноку. Но ожиданія его были напрасны. Подвижникъ уставился на него своими крот-

кими глазами, какъ бы выжидая, не будетъ ли еще какого вопроса затѣмъ всталъ и сдѣлалъ земной поклонъ посѣтителямъ, что заставило ихъ протянуть руки подъ благословеніе и отретироваться, не получивъ никакого отвѣта на возраженіе Перепелкина.

— Какъ вамъ показался этотъ схимникъ?—спросилъ клинскій чиновникъ Перепелкина, когда они уже далеко были отъ монастыря.

— Личность въ высшей степени симпатичная, но, глядя на него, я все думалъ, сколько бы такой человѣкъ могъ принести пользы въ дѣлѣ народнаго воспитанія въ духѣ истиннаго христіанства, если бы вмѣсто того, чтобы томиться въ этомъ затхломъ стойлѣ, положительно убивая свою жизнь, онъ пошелъ съ проповѣдью по весямъ и градамъ!

— Ну, въ городахъ есть кому поучать и безъ него, а вотъ въ селахъ, пожалуй, что не дурно бы было.

Въ это время раздались дикіе раскаты адскаго хохота, вырвавшагося изъ такихъ здоровенныхъ трескучихъ глотокъ, что оба путника вздрогнули. На противоположной сторонѣ улицы, шагахъ въ тридцати отъ будки и стоявшаго возлѣ нея полицейскаго стража, толпа жирныхъ лабазниковъ и мясниковъ окружила кого-то и потѣшалась тѣмъ, что обсыпала мукой эту личность, голосъ которой показался Перепелкину какъ будто знакомымъ.

— Пихай, ребята, ему въ ротъ и въ уши муки.

— Такъ, какъ!—гоготала толпа. Раздался отчаянный вскрикъ несчастной жертвы, покрытый бурнымъ взрывомъ неистоваго, клокочущаго гоготанья.

— Да что жъ вы, разбойники, дѣлаете это, среди бѣла дня, да еще въ столицѣ?—закричалъ не своимъ голосомъ Перепелкинъ, отъ волненія трясясь всѣмъ тѣломъ и подбѣгая къ группѣ.

— А тебѣ что надо, замухрышка?—зарычалъ на него толстый, съ лоснящеюся мордой, мясникъ: али и самъ хошь попробовать мучки?

— Будочникъ!—вскрикнулъ Перепелкинъ: что жъ ты смотришь—стоишь и ничего не дѣлаешь?

Будочникъ, какъ ни въ чемъ не бывало, повернулся спиной къ нему и преспокойно продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ. Тѣмъ временемъ несчастная жертва потѣхи этихъ мерзавцевъ успѣла выскочить изъ круга, перебѣжать на другую сторону улицы и, при взрывахъ хохота, какъ виновниковъ потѣхи, такъ равно проходившей и проѣзжавшей публики, начала очищать отъ муки уши, носъ и ротъ, поминутно отплевываясь, къ немалой потѣхѣ всѣхъ и каждаго порознь изъ глазѣвшихъ тутъ. Какъ ни перепачканъ былъ сверху до низу мукой

этотъ субъектъ, Перепелкинъ узналъ въ немъ отставнаго титулярнаго совѣтника, бывшаго у него вчера на постояломъ дворѣ.

— За что это они такъ отдѣлали васъ?—обратился Перепелкинъ къ нему.

— А вотъ, подите же,—заговорилъ онъ плаксивымъ голосомъ и все продолжая сплевывать: всегда такъ дѣлаютъ, какъ позабудешься и проходишь по ихъ сторонѣ!

— Такъ почему жъ вы не жалуетесь?

— Сколько разъ жаловался, да что толку! Какъ бы было сунуть что полиціи, тогда и вышелъ бы толкъ, а такъ что!

— Не можетъ быть!—сказалъ Перепелкинъ, направляясь къ полицейской будкѣ.

— Замухрышка! стрижъ!—кричали лабазники по адресу заступника.

— Ты что же и съ мѣста не двигаешься, когда видишь, какъ безобразничаютъ звѣри надъ прохожимъ?—говорилъ, волнуясь, Перепелкинъ стражу, какъ пень стоявшему все на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Стражъ уставился на него глазами и молчалъ.

— Что жъ ты глухой что-ли?

— Стрижъ... стрижъ.. замухрышка, замухрышка!—гудѣла толпа отъ лабаза, кривляясь, показывая языки и кулаки по направленію Перепелкина, выводящаго полиціанта изъ летаргическаго сна.

Публика стала напирать сюда.

— Пойдемъ же своей дорогой!—тронувъ его за рукавъ, сказалъ Перепелкину клинскій чиновникъ.

Но тотъ продолжалъ волноваться, тѣмъ болѣе, что очистившійся, до нѣкоторой степени, отъ муки титулярный совѣтникъ, повѣствуя о своемъ приключеніи, началъ всхлипывать, при видѣ жалкаго своего вицмундира, отъ котораго озорники всѣ пуговицы оборвали, или срѣзали.

— Запиши мнѣ всѣхъ этихъ лабазниковъ,—настойчиво прикрикнулъ впечатлительный юноша на будочника, подавая ему бумагу и карандашъ.

— Замухрышка, стрижъ, стрижъ, замухрышка!—гоготала толпа, собирая любопытныхъ.

Стражъ тронулся, наконецъ, съ мѣста, подошелъ къ будкѣ и постучалъ въ окошечко. Вышелъ другой стражъ съ очками на носу, имѣя въ лѣвой рукѣ сапогъ, а въ другой дратву и шило. Оба полиціанта переглянулись только, не промолвивъ ни одного слова. Затѣмъ послѣдній удалился опять въ будку, принарядился въ форму и, выйдя, подалъ первому засаленный переплетъ и занялъ его мѣсто.

— Пойдемъ-те!—въ первый разъ обмолвился словомъ, стоявшій на

посту въ нѣмомъ созерцаніи происходившаго предъ нимъ, полицейскій стражъ, обращаясь къ Перепелкину.

— Куда? зачѣмъ?—удивился Перепелкинъ.

— Извѣстно куда—въ кварталъ, а тамъ ужъ разберутъ.

— Бросьте, Савва Саввичъ,—толкаетъ Перепелкина сзади клинскій чиновникъ.

— Нѣтъ, теперь ужъ поздно: публика собралась,—въ голосъ заговорили оба поліціанта.

Перепелкинъ отправился.

— Стрижъ, стрижъ! замарашка, замарашка!—кричали лабазники, пока онъ съ поліціантомъ не завернулъ за уголъ. Перепелкинъ оглянулся: ни клинскаго чиновника, ни титулярнаго совѣтника не видать: «И оставиша мя вси присные мои»,—подумалъ онъ.

Кварталъ былъ не близко. Когда они туда пришли, онъ былъ введенъ въ дежурную комнату, гдѣ, одинъ, сидѣлъ на подоконникѣ молодой человѣкъ въ форменной одеждѣ и внимательно разсматривалъ свои ногти.

Поліціантъ объяснилъ, что трунили-де лабазники и мясники надъ титулярнымъ совѣтникомъ Гречухинымъ, а онъ-де вступился и собралъ толпу.

Перепелкинъ принялся было горячо, по обыкновенію, излагать это дѣло, но чиновникъ, выславъ поліціанта изъ комнаты и припёревъ за нимъ дверь, взялъ Перепелкина за руку и спросилъ: вы фамиліи своей не говорили будочникамъ? Они васъ не знаютъ лично? и на отрицательный отвѣтъ быстро проговорилъ, не безъ видимаго участія: изъ вашей жалобы ничего не выйдетъ, кромѣ задержки для васъ дня на три, и притомъ здѣсь, вмѣстѣ съ арестантами, а потому совѣтую вамъ, не теряя ни минуты, уходить вотъ сюда—онъ указалъ другой выходъ,—и безъ оглядки улепетывать къ себѣ домой, да притомъ же другими улицами, а не тѣми, гдѣ васъ видѣли. Онъ всталъ и отворялъ дверь. Перепелкину ничего не оставалось дѣлать, какъ прошмыгнуть оттуда.

Когда онъ прибылъ въ квартиру, клинскій чиновникъ, страха ради Іудейска, собравшійся совсѣмъ ужъ уѣзжать, даже руками всплеснулъ, при видѣ его.

— Какъ это вы такъ счастливо отдѣлались?—воскликнулъ онъ, кидаясь навстрѣчу Перепелкину.

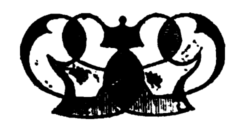
— Нѣтъ, какъ это вы такъ не по-товарищески улизнули, оставивъ меня одного въ рукахъ полицейскихъ?

— Отецъ родной, пощадите меня! У меня срокъ отпуска на исходѣ, а съ полицейскими только свяжись, особенно еще здѣсь, въ столицѣ, то и чрезъ недѣлю не раздѣлаешься, да еще и выйдешь ли сухъ изъ

воды. Вотъ что!—прибавилъ онъ и очень былъ удивленъ, когда Перепелкинъ ему сообщилъ о такомъ отеческомъ совѣтѣ полицейскаго дежурнаго.

— Ну, это что-то диковинное съ вами произошло,—говорилъ клинскій чиновникъ, разводя руками отъ удивленія: тутъ кроется непремѣнно какое-то недоразумѣніе, потому что великодушныхъ или благодушныхъ полицейскихъ чиновниковъ нѣтъ у насъ и не можетъ быть: или онъ думалъ, что вы за это сунете ему что-нибудь въ руку, или же, видя, что имѣетъ дѣло съ горячимъ человѣкомъ, самъ струсилъ, какъ-бы въ самомъ дѣлѣ и для участника не вышло чего опаснаго изъ этой исторіи, потому что, я вамъ говорю, человѣкъ, участливый къ людямъ, не пойдетъ служить въ полицію, а если и пойдетъ, то его скоро оттуда выживутъ, а то и самъ уйдетъ: нервы не вынесутъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтки и воспоминанія Михаила Чайковскаго [1]).

(Садыкъ-паши).

Такъ какъ я пишу для своихъ близкихъ, а не для публики, то я разскажу здѣсь нѣкоторые эпизоды польскихъ ухищреній противъ меня, нерѣдко весьма комичныхъ.

Въ первомъ казацкомъ полку служилъ офицеръ Деверне, принявшій исламъ и вмѣстѣ съ тѣмъ имя Мехмедъ-Садыкъ, т. е. то самое имя, какое я носилъ между турками. Это былъ весьма порядочный и ловкій офицеръ, молодой и необыкновенно красивый; онъ любилъ общество женщинъ, забывался въ немъ совершенно, и онѣ дѣлали съ нимъ, что хотѣли. Однажды, въ праздникъ Божія Тѣла, я получаю отъ сестры милосердія Изабеллы Домбровской просьбу командировать взводъ казаковъ въ полной парадной формѣ на церковную церемонію, и чтобы этимъ взводомъ командовалъ непремѣнно поручикъ Деверне, мусульманинъ, что это будетъ доказательствомъ религіозной терпимости турокъ и произведетъ самое хорошее впечатлѣніе на европейскую католическую публику. Сестра Изабелла была полька, весьма пріятная особа, но я не зналъ еще, въ то время, что она состояла въ тѣсной политической дружбѣ съ барономъ Окшей. Я поспѣшилъ сообщить ея желаніе военному министру и получилъ разрѣшеніе удовлетворить ея просьбу.

Деверне, нарядившись въ мундиръ съ иголочки, явился куда ему было приказано. Послѣ церемоніи онъ былъ приглашенъ къ сестрѣ Изабеллѣ и встрѣтилъ у нея нѣсколько кокетливыхъ и смазливенькихъ полекъ-католичекъ. Ихъ пріятныя улыбки и сладкія рѣчи сдѣлали свое дѣло: послѣ пріема у сестры Изабеллы, Деверне отрекся

---

[1]) См. «Русскую Старину», октябрь 1904 г.

отъ ислама, исповѣдался и причастился въ костелѣ передъ взводомъ своей команды и въ присутствіи многочисленной публики, а на слѣдующій день во французской газетѣ появилась замѣтка слѣдующаго содержанія: «Mehmed-Sadyk est rentré dans le giron de l'église catholique Apostolique Romaine. La cérémonie a eu lieu hier à l'église de St.-Benoit à Galata» [1]).

Не успѣлъ я хорошенько прочесть эту статейку, какъ ко мнѣ стали являться съ визитами и поздравленіями разные католики, и въ то же время явилась депутація офицеровъ казацкаго полка съ формальнымъ прошеніемъ удалить изъ полка Деверне за это непростительное оскорбленіе ислама и власти султана, которому мы служили и отъ котораго получали благодѣянія. Я принужденъ былъ поѣхать съ объясненіемъ къ военному министру, гдѣ много смѣялись по поводу этого образчика монастырской католической дипломатіи, но всѣ рѣшили единогласно, что эта выходка была внушена барономъ Окшей. Бѣдный Деверне принужденъ былъ выйти изъ полка, и мнѣ не оставалось ничего, какъ выхлопотать ему мѣсто въ гражданской службѣ, чтобы доставить ему средства къ жизни. Польки только посмѣялись надъ его легкомысліемъ, но ничего для него не сдѣлали.

До прибытія въ Турцію коммиссаровъ и агентовъ варшавскаго невѣдомаго правительства 1863 г., я находился въ наилучшихъ отношеніяхъ съ западною дипломатіей. Мнѣ удавалось неоднократно располагать ее въ пользу славянъ и оказывать чрезъ нее непосредственно или при ея содѣйствіи добрыя услуги славянамъ, что входило въ программу моей политической дѣятельности. Я покровительствовалъ католической миссіи въ Турціи, во главѣ коей стоялъ ксендзъ Карлъ Каченовскій, бывшій храбрый капитанъ конной артиллеріи, съ которымъ мы воевали когда-то вмѣстѣ, но я повторялъ ему постоянно, что религіозная пропаганда ни къ чему не поведетъ, что она вредна славянству и отвращаетъ славянъ отъ поляковъ. Я доказывалъ, что было бы цѣлесообразнѣе не жалѣть стараній на организацію учебныхъ заведеній, какъ это дѣлаютъ отцы-лазаристы въ Бебекѣ и братья христіанскихъ школъ въ Галатѣ [2]). По просьбѣ Каченовскаго я оказывалъ покровительство болгарскому уніатскому епископу Рафаилу,

---

[1]) Мехмедъ-Садыкъ возвратился въ лоно католической апостольской церкви; церемонія состоялась вчера, въ церкви св. Бенедикта въ Галатѣ.

[2]) Вѣроятно, авторъ разумѣетъ такъ называемыхъ fratres scholarum piarum, или орденъ піаровъ, главную задачу котораго, по уставу, составляетъ учрежденіе школъ и забота о доставленіи воспитанія въ духѣ христіанскаго благочестія.

но заявлялъ обоимъ откровенно, что я противникъ всякой религіозной пропаганды въ Болгаріи и другихъ славянскихъ земляхъ, при чемъ не дѣлаю никакого различія между пропагандой уніи и латинскаго католицизма.

Въ моментъ моего прибытія въ Константинополь, у кормила правленія не было государственныхъ людей лично знакомыхъ съ княземъ А. Чарторыйскимъ или поддерживавшихъ съ нимъ сношенія.

У власти былъ Хассанъ-Риза-паша, любимецъ еще султана Махмуда, назначенный сыномъ его Абдулъ-Меджидомъ саркъ-сераскиромъ, или джихамъ-сераскиромъ (сераскиръ сераскировъ, сераскиръ міра), т. е. въ званіи, которое дѣлало его военнымъ министромъ и главнокомандующимъ всѣхъ вооруженныхъ силъ Оттоманской имперіи. Онъ правилъ государствомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Молодой султанъ питалъ къ нему безграничное довѣріе. Общественное мнѣніе считало его архи-гордымъ и противникомъ европейцевъ и ихъ цивилизаціи, всѣми средствами стремившимся освободиться отъ вліянія и опеки европейской дипломатіи.

Англія ненавидѣла его, никто изъ дипломатовъ не любилъ его, но турки предъ нимъ трепетали. Я рѣшилъ представиться ему безъ всякой рекомендаціи и отправился къ нему въ сопровожденіи драгомана изъ уроженцевъ Алеппо. Самъ я по-турецки не понималъ ни слова.

Онъ принялъ меня вѣжливо, я прямо сказалъ ему, что я полякъ, пріѣхалъ работать политически во славянствѣ на пользу польскаго дѣла, и такимъ образомъ могу служить Турціи и быть ей полезенъ. Онъ смѣрилъ меня взглядомъ съ головы до ногъ и спросилъ, чѣмъ я былъ въ Польшѣ: министромъ или корпуснымъ командиромъ? Я отвѣтилъ, что казацкимъ поручикомъ въ полку, который носилъ названіе Волынскаго коннаго полка.

Паша улыбнулся и прибавилъ: «Имѣете ли вы по крайней мѣрѣ въ карманѣ сто тысячъ солдатъ?»

— Не имѣю, но могу имѣть, если Порта позволитъ мнѣ дѣйствовать и поддержитъ мою дѣятельность.

Тутъ я началъ излагать ему свои взгляды на польско-славянскую политику въ связи съ турецкой. Въ то время въ Константинополѣ находились сербскіе сановники: Абрамъ Петроневичъ, Вучичъ, Стоянъ Симичъ, Илья Гарашанинъ и другіе, изгнанные изъ отечества княземъ Михаиломъ Обреновичемъ. Русское посольство не привлекало ихъ къ себѣ, но было не прочь, чтобы они сами искали сближенія съ нимъ.

Сербы же не знали, у кого искать покровительства, но очевидно содрогались при мысли броситься въ объятія турокъ. Я доказывалъ,

что было бы большою политическою побѣдой, еслибъ изгнанники открыто отдались подъ покровительство и въ распоряженіе Оттоманской Порты, какъ своей верховной повелительницы. Риза-паша слушалъ меня весьма внимательно, требовалъ объясненій по многимъ предметамъ и наконецъ спросилъ, знаю ли я этихъ сербовъ. Я отвѣчалъ, что знаю. Тогда онъ сказалъ:

«Я кота въ мѣшкѣ не покупаю. Дѣлайте дѣло съ сербами; когда сдѣлаете, тогда мы поговоримъ съ вами и посмотримъ, что дѣлать».

Переговоры съ сербами были удачны; они отдались подъ покровительство Оттоманской Порты, какъ вѣрные вассалы султана. Риза-паша пригласилъ меня къ себѣ и, привѣтствуя меня при входѣ, пожалъ мнѣ руку и сказалъ: «Теперь мы съ вами союзники. Дѣлайте, что хотите; я вамъ во всемъ помогу».

И онъ свято сдержалъ слово до самаго конца моего пребыванія въ Турціи.

Знакомство съ Риза-пашой, начавшееся при столь необычной обстановкѣ, было для меня весьма полезно въ моихъ сношеніяхъ съ французскимъ посольствомъ, съ лазаристами и даже впослѣдствіи со славянами; ибо я являлся уже въ ихъ глазахъ не просителемъ, а лицомъ, которое вело съ ними переговоры, какъ равный съ равными.

Я объявилъ французскому посланнику и отцамъ-лазаристамъ рѣшительно, что я отнюдь не буду поддерживать религіозной католической пропаганды между славянами и даже не стану вмѣшиваться въ это дѣло. Баронъ де-Буркене и отецъ Лелу вполнѣ одобрили это. Мы дѣйствовали совмѣстно на этой почвѣ много лѣтъ съ пользой для польскаго дѣла и для славянъ и не безъ выгоды для Турціи и для Франціи.

Меня безпокоило нѣсколько лишь слѣдующее соображеніе. Отношенія эти, согласныя съ моими политическими убѣжденіями, установились благодаря умнымъ, практическимъ, чуждымъ фанатизма людямъ, каковы были г.г. де-Буркене, Лелу и Антоній Аллеонъ. «Но что я буду дѣлать съ другими людьми, думалъ я, которые могутъ занять ихъ мѣста, если они будутъ болѣе фанатичны, не будутъ въ состояніи понять моей политики и станутъ требовать, чтобы я поддерживалъ религіозную пропаганду западно-католической церкви?» Я рѣшилъ, что въ такомъ случаѣ мнѣ придется порвать съ ними всякія отношенія, ибо оградить себя отъ ихъ требованій мнѣ было бы немыслимо. Событія благополучно устранили однако съ моего пути эту опасность.

Старецъ Неофитъ, болгарскій попъ, извѣстный учебниками для болгарскихъ и сербскихъ школъ, а еще болѣе своей идеей создать болгарскую народную церковь, освободить ее отъ гнета греческой вселенской патріархіи, будучи преслѣдуемъ, бѣжалъ въ Сербію, откуда

онъ обратился ко мнѣ съ просьбой оказать ему защиту, при чемъ посредникомъ между нами былъ Абрамъ Петроневичъ.

У Риза-паши я выхлопоталъ для этого достойнаго священника оффиціальное разрѣшеніе прибыть въ Константинополь, а для большей безопасности выпросилъ ему у ксендза Лелу дозволеніе жить въ принадлежащемъ лазаристамъ монастырѣ Св. Бенедикта въ Галатѣ. При этомъ я поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ никто не безпокоилъ католическою пропагандой этого достойнаго болгарскаго священника, полагавшаго первый камень болгарской народной церкви. Видя личность отца Неофита столь обезпеченной, другіе болгары стали группироваться около него, въ томъ числѣ отецъ Иларіонъ, человѣкъ способный, энергичный, который, уже по признаніи болгарской церкви, сдѣлался архіепископомъ въ Тырновѣ, древней болгарской столицѣ, гдѣ и скончался нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Такимъ образомъ началась борьба изъ-за православной болгарской церкви. Польская агентура князя Адама Чарторыйскаго была ея первою покровительницею. Эта же агентура поставила дѣло такъ, что и католическая Франція волей неволей поддерживала православіе въ Болгаріи. Мнѣ это было весьма на руку; я получилъ возможность отражать напоръ неразумной пропаганды польскихъ католиковъ и дѣйствовать энергично и согласно съ моею политическою программой.

Почти въ то же самое время старообрядцы въ Россіи, подвергаясь гоненію, лишенные епископовъ, выслали изъ Бѣлой Криницы двухъ монаховъ, Павла и Олимпія, искать православнаго епископа, который согласился бы принять старообрядчество и сдѣлаться митрополитомъ. Предварительно они получили за хорошій подарокъ согласіе стараго митрополита, что если найдется такой епископъ, то онъ будетъ признанъ австрійскимъ правительствомъ. Некрасовцы, съ которыми, сейчасъ по пріѣздѣ въ Турцію, я завелъ знакомство и завязалъ тѣсныя политическія отношенія, привезли этихъ двухъ посланцевъ прямо ко мнѣ. При содѣйствіи боснійскаго францисканца ксендза Филиппа Пашалича и босняка Мустафы-паши-Бабича, я отыскалъ епископа Амвросія, который долгое время архіерействовалъ въ Босніи; онъ согласился на предложенныя ему монахами условія и съ даннымъ ему мною въ секретари сербомъ Огняновичемъ, человѣкомъ необыкновенно умнымъ и честнымъ, отправился въ сопровожденіи обоихъ монаховъ въ Бѣлую Криницу. Такимъ образомъ я, или агентура князя Адама Чарторыйскаго сдѣлалась покровительницей старообрядческой церкви на Востокѣ, и я получилъ юридическое, логическое и политическое основаніе защищать и поддерживать православіе въ славянскихъ земляхъ. Я продолжалъ дѣйствовать въ этомъ духѣ до того момента, когда настоянія императора Николая объ удаленіи меня изъ Турціи не побу-

дили султана Абдулъ-Меджида предложить мнѣ принять имя мусульманина и турецкое подданство и остаться на его службѣ.

Я сталъ мусульманиномъ изъ признательности и преданности къ султану и туркамъ, которые сдѣлали мнѣ столько добра, а также для того, чтобы не потерять плоды моей дѣятельности, ибо смѣло могу сказать, что польское имя и польская дѣятельность между славянами на Востокѣ стала настоящей силой, и лестное обаяніе окружило особу князя Адама Чарторыйскаго и его политику, которая упрочила его вліяніе на западѣ.

Въ этотъ второй періодъ моей дѣятельности на Востокѣ, не забывая ни о полякахъ, ни о польскомъ дѣлѣ, я опирался на казачество, надѣясь на пробужденіе воинственныхъ чувствъ между славянами, на примиреніе ихъ съ султаномъ, на сближеніе мусульманъ со славянами и даже, до нѣкоторой степени, на отуреченіе этихъ послѣднихъ. Выполненіе политической программы князя Адама Чарторыйскаго было ввѣрено графу Владиславу Косцельскому, человѣку весьма способному, понимавшему славянство и Востокъ, имѣвшему прекрасныя связи въ свѣтѣ и въ дипломатическомъ кругу. Не знаю почему, но веденіе этой политики перешло вскорѣ въ руки польскаго эмигранта Владислава Іордана, я не слѣдилъ за ходомъ этой политики подъ руководствомъ Іордана; я былъ въ то время на боевой линіи съ казацкими сотнями, но я слышалъ, что всѣ отношенія, которыя были завязаны княземъ Чарторыйскимъ въ южно-славянскихъ земляхъ, въ Румыніи и на всемъ турецкомъ Востокѣ, порвались одно за другимъ.

Въ эпоху войны 1854 года дѣятельность польскихъ католиковъ открылась выпиской нѣсколькихъ ксендзовъ-поляковъ и требованіемъ, чтобы я назначилъ ихъ капелланами въ казацкія сотни. Находившійся подъ моимъ начальствомъ отрядъ казаковъ состоялъ тогда изъ регулярнаго полка въ шесть эскадроновъ и иррегулярнаго своднаго полка, сформированнаго изъ некрасовцевъ, старообрядцевъ и раскольниковъ. За исключеніемъ шестидесяти съ небольшимъ поляковъ и такого же числа другихъ иновѣрцевъ, большинство казаковъ, всего до 1.500 человѣкъ, принадлежали къ православной церкви. На знамени регулярнаго полка, который, по смыслу султанскаго фирмана, долженъ былъ служить символомъ возрожденія Запорожскаго войска, находились золотой крестъ православной церкви на серебряномъ полѣ и серебряный полумѣсяцъ на пурпуровомъ полѣ. Это было то самое знамя, которое получилъ гетманъ Дорошенко, отдавшійся подъ власть султана, заключивъ союзъ съ Турціей. Это знамя было выдано мнѣ изъ патріархіи вмѣстѣ съ письменнымъ свидѣтельствомъ о его подлинности, скрѣпленнымъ подписями и печатями двѣнадцати епископовъ и патріарха. Это была грамота, данная полку, на право называться стариннымъ Запорожскимъ

войскомъ короля польскаго и Рѣчи Посполитой, его традиціонный символъ.

Католики хотѣли, чтобы я замѣнилъ крестъ восточной церкви крестомъ церкви западной и перекрестилъ православныхъ въ католическую вѣру. Это практиковалось позже, по сформированіи втораго казацкаго полка и переходѣ его на содержаніе и подъ власть Англіи. Казаковъ крестили въ католическую вѣру, перемѣняли имъ имена и прозвища. Одинъ изъ такихъ перекрещенцевъ, на вопросъ Адама Мицкевича, какъ его зовутъ, отвѣчалъ: «Во святомъ, христіанскомъ, крещеніи Борисъ Золотухинъ, а въ крещеніи графа Замойскаго—Янъ Злотницкій».

Я наотрѣзъ отказался исполнить столь неполитическое и смѣшное требованіе. Въ большихъ городахъ Турціи почти вездѣ были католическіе костелы и священники этого исповѣданія, а во всѣхъ селахъ православныя церкви съ приходскими священниками; слѣдовательно, въ исполненіи религіозныхъ требъ не встрѣчалось ни малѣйшаго затрудненія. Такимъ образомъ въ моемъ отрядѣ не было ни католическихъ, ни православныхъ священниковъ; былъ только казенный имамъ для служившихъ въ полку нѣсколькихъ помаковъ и босняковъ мусульманъ, да дьяконъ, въ сотняхъ некрасовцевъ, который читалъ часы и молитвы и исправлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязанности войсковаго писаря.

Другою попыткою въ томъ же родѣ со стороны католиковъ была подача главнокомандующему Омеръ-пашѣ мемуара, въ коемъ, послѣ преувеличенныхъ похвалъ моимъ дипломатическимъ и «даже поэтическимъ» способностямъ, предлагалось назначить мнѣ въ помощники или замѣстители католика изъ прусскихъ военныхъ, близко знакомаго съ мелочами европейскаго военнаго быта, которыя не могли быть мнѣ хорошо извѣстны. Предложеніе мотивировалось тѣмъ, что это было бы весьма полезно для новой военной организаціи, облегчило бы мои труды и послужило бы ободреніемъ для поляковъ, которымъ было бы лестно видѣть при мнѣ послѣдователя западно-католической церкви. При этомъ замѣстителѣ долженъ былъ состоять его личный капелланъ съ викаріемъ или помощникомъ. Турецкіе сановники много смѣялись подъ этимъ маневромъ, и записка была препровождена имъ для пріобщенія къ дѣламъ.

Послѣ этихъ двухъ нападковъ со стороны католиковъ и по оборонѣ Силистріи, за каковую предъ фронтомъ всего войска приказано было прочесть благодарственный фирманъ султана казакамъ и мнѣ за нашу отличную и полезную службу, съ засвидѣтельствованіемъ Омеръ-паши, что мы были «ухомъ, окомъ и рукой» султанскаго войска, совершился нашъ переходъ на лѣвый берегъ Дуная. Здѣсь произошла

кавалерійская стычка подъ Журжевомъ, при чемъ десять сотенъ, казаковъ, отрядъ пѣхоты и кавалеріи принудили четыре полка русской конницы отступить изъ подъ Слободзи въ лагерь подъ Фратешти, и удержали его тамъ съ самаго утра до наступленія ночи, давъ Омеръ-пашѣ время укрѣпить предмостный шанцъ, безъ чего турецкое войско не могло бы перейти на Румынскій берегъ.

Англійскій агентъ Симонсъ, по своимъ политическимъ убѣжденіямъ не расположенный къ полякамъ, и вслѣдствіе того бывшій со мною не въ хорошихъ отношеніяхъ, въ своемъ рапортѣ въ Лондонъ слѣдующимъ образомъ отозвался объ этой стычкѣ: «чтобы судить о казакахъ Садыкъ-паши, надобно видѣть ихъ въ дѣлѣ». За эту стычку я получилъ Меджидіе на шею, а офицерамъ и солдатамъ Омеръ-паша и турецкое войско дали банкетъ въ Журжевѣ.

Дня за два до этой стычки пріѣхалъ въ мой лагерь графъ Вл. Замойскій. При встрѣчѣ со мною онъ бросился въ мои объятія и сказалъ: «я ничего не сдѣлалъ и ничего не могу сдѣлать. Я знаю ваше польское сердце; дѣлайте для Польши, что хотите и знаете, распоряжайтесь мною какъ вамъ угодно».

Я поцѣловалъ его отъ всего сердца и, не дѣлая никакихъ ему упрековъ; сказалъ: «будемте трудиться вмѣстѣ, согласно, больше для Польши и меньше для католицизма, который обойдется и безъ нашей помощи; тогда можетъ быть мы и сдѣлаемъ что-нибудь хорошее».

Омеръ-паша былъ такъ нами доволенъ, что повторялъ мнѣ нѣсколько разъ, чтобъ я требовалъ чего пожелаю, а онъ все исполнитъ. Я просилъ о сформированіи другаго полка казаковъ съ назначеніемъ графа Вл. Замойскаго организаторомъ этого полка. Омеръ-паша телеграфировалъ въ Константинополь, и чрезъ нѣсколько дней пришло султанское ираде, разрѣшавшее сформировать второй полкъ съ тѣмъ, чтобы онъ, такъ же какъ и первый, находился подъ моимъ непосредственнымъ начальствомъ.

Организація началась тотчасъ въ Рущукѣ. Императоръ Наполеонъ III далъ на этотъ полкъ полный комплектъ обмундированія, конской сбруи и оружія, а Турція дала хорошихъ коней.

Все шло хорошо, но вскорѣ организаторъ уѣхалъ въ Парижъ и Лондонъ, давъ своему преемнику приказъ не спѣшить окончаніемъ организаціи, чтобы не пойти вмѣстѣ съ православнымъ полкомъ сражаться за Польшу.

Въ Лондонѣ графъ Замойскій успѣлъ перевести второй казацкій полкъ на содержаніе Англіи съ присоединеніемъ его къ турецко-англійскому контингенту. Въ ираде, разрѣшавшемъ эту перемѣну, было сказано, что если первый и иррегулярный полки захотятъ перейти на такое же положеніе, то это будетъ имъ разрѣшено. Но эти два полка

отвергли предложеніе продать за англійскіе фунты военный народный бытъ и отступиться отъ народныхъ историческихъ знаменъ.

Награждая этотъ поступокъ, султанъ повелѣлъ причислить казацкій полкъ къ постоянному контингенту другихъ турецкихъ полковъ съ предоставленіемъ ему всѣхъ правъ и привилегій этихъ послѣднихъ и съ сохраненіемъ за нимъ наименованія и преимуществъ Запорожскаго войска.

Это ясно показывало, что переходъ полка графа Замойскаго на содержаніе Англіи не понравился ни султану, ни Оттоманской Портѣ.

Послѣдствіемъ этого перехода было, что этотъ второй казацкій полкъ утратилъ прежде всего свое названіе, которое сближало его съ православіемъ и славянствомъ, и былъ раздѣленъ на два кавалерійскихъ и три пѣхотныхъ полка съ артиллеріей, которые были наименованы: первый—линейнымъ пѣхотнымъ полкомъ, второй—коннымъ стрѣлковымъ, третій—пѣхотнымъ стрѣлковымъ, четвертый—линейно-пѣхотнымъ. Солдаты были старые, польскіе солдаты, прошедшіе хорошую военную школу, офицеры все отборные изъ польскихъ войскъ, которыми командовалъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Это былъ прекрасный отрядъ; графъ Замойскій былъ назначенъ его командиромъ въ чинѣ дивизіоннаго генерала. Но англійская власть не дозволила ему имѣть знамя съ польскимъ орломъ и литовскимъ всадникомъ и даже предписала, чтобы дѣловая переписка велась на англійскомъ, а не на польскомъ языкѣ.

Полкамъ были розданы особыя полевыя знамена въ родѣ тѣхъ, какія англійское правительство даетъ индійскимъ сипаямъ или давало лицамъ, составлявшимъ наемное войско во время войнъ съ Наполеономъ I.

Но все же это была могучая сила и надежда для польскаго дѣла. Матеріально дивизія ни въ чемъ не нуждалась. Англійское и французское правительства обильно снабжали ее всѣмъ, что было нужно; турецкое правительство также не отказывало ни въ чемъ; изъ Польши деньги текли, какъ говорится, рѣкой. Магазины были такіе, что ихъ хватило бы на цѣлый корпусъ.

Въ отношеніи матеріальномъ дивизія была сразу поставлена въ положеніе противоположное тому, въ какомъ находились казацкіе полки, бывшіе подъ моимъ предводительствомъ. То же самое можно сказать до нѣкоторой степени про нихъ и въ отношеніи моральномъ и военно-интеллигентномъ.

Турецкое правительство, бывшее тогда въ критическомъ финансовомъ положеніи, не могло поставлять для моего отряда все нужное ни во-время, ни въ должномъ количествѣ; по качеству же все было отвратительное. Императоръ Наполеонъ III прислалъ оружіе и обувь для

офицеровъ, и только этихъ предметовъ и было достаточно. Казацкая организація, отъ начала и во все время ея существованія, не получила изъ Польши и отъ поляковъ ни полушки. Католицизмъ не позволялъ поддерживать православныхъ, шедшихъ въ бой за польское дѣло, или служившихъ польскому дѣлу.

За то нашу организацію всюду поддерживали своими дарами бояре Молдавіи и Валахіи, чорбаджіи, болгары и нѣкоторые греки изъ духовенства и купечества. Такимъ образомъ казаки ни въ чемъ не нуждались: они были одѣты и вооружены не только красиво, но даже великолѣпно, и сидѣли на добрыхъ коняхъ.

Регулярный полкъ моего отряда состоялъ исключительно изъ казаковъ; полкъ иррегулярный изъ охотниковъ, принадлежавшихъ по именному происхожденію къ тридцати одной народности, по большей части изъ людей, которые на первыхъ порахъ не имѣли ни малѣйшаго представленія о военной службѣ. Что касается моральнаго настроенія этихъ охотниковъ, то достаточно сказать, что между ними было до ста славянскихъ гайдуковъ (разбойниковъ), выпущенныхъ изъ турецкихъ тюремъ, по заявленію, что они хотятъ служить султану въ войскѣ, въ казакахъ. Это были болгары, сербы, черногорцы и босняки.

Было нѣсколько офицеровъ изъ польскаго войска 1831 года, столько же изъ русскаго, а остальные—молодежь изъ такъ называемаго венгерскаго войска, люди усердные, дѣльные, но оставлявшіе многаго желать въ отношеніи военной выправки и знанія военнаго дѣла.

И въ то время какъ этотъ полкъ, при такихъ недостаткахъ и составленный изъ такихъ элементовъ, служилъ какъ во время войны, такъ и послѣ нея, въ гражданскомъ и въ военномъ отношеніи образцомъ для всей арміи, польская дивизія генерала Замойскаго теряла время въ молитвахъ, во враждѣ и внутреннихъ интригахъ, а подъ конецъ кавалерія возстала противъ своихъ начальниковъ и потребовалось призвать турецкое войско для усмиренія бунта.

Графъ Влад. Замойскій несомнѣнно былъ выдающійся политикъ и военный. Между всѣми нашими магнатами, которые умѣли и умѣютъ жертвовать для отечества личностью и достояніемъ, онъ былъ, говоря по совѣсти, безспорно первый и самый достойный. Но его ослѣпляли религіозный фанатизмъ и необъяснимая въ такомъ человѣкѣ ненависть къ православію; отсюда его отвращеніе къ славянству, недовѣріе къ нему и боязнь сношеній съ нимъ.

Такъ какъ я пишу эти замѣтки для моихъ дѣтей и внуковъ, а не для печати, то я считаю себя вправѣ опровергнуть мнѣніе, распространенное на мой счетъ въ Турціи, въ самомъ началѣ моей политической карьеры, моими политическими и религіозными противниками

поляками, безъ сомнѣнія съ цѣлью ослабить этимъ довѣріе, которое оказывали мнѣ турецкое правительство и мои подчиненные.

За мной признавали способности дипломата, поэта, но отнюдь не военнаго, а когда не удалось доказать это на дѣлѣ, такъ какъ факты говорили за меня и свидѣтельствовали противное, то мои успѣхи на этомъ поприщѣ были приписаны удачѣ, слѣпому счастью.

По возвращеніи моемъ въ Россію, на меня посыпались подобнаго рода инсинуаціи въ журналахъ и частныхъ письмахъ, а въ Галиціи меня обвиняли даже въ томъ, что во время моего пребыванія въ Турціи султанъ Абдулъ-Азисъ поручилъ мнѣ инспектированіе и завѣдываніе арсеналами Турецкой имперіи (что̀, между прочимъ, никогда не было мнѣ поручено) и будто я вошелъ въ соглашеніе съ русскимъ посланникомъ и въ одинъ прекрасный день передалъ ему всѣ орудія изъ турецкихъ арсеналовъ Топхане и Цейтунъ-бурну, въ Константинополѣ и будто бы орудія эти были отправлены на русскихъ судахъ въ Одессу, а бѣдный султанъ лишился такимъ образомъ почти всей своей артиллеріи: тогда баронъ Окша, Іорданъ и Лонгевичъ, движимые патріотизмомъ, взялись доставить султану Крупповскія пушки, чтобы пополнить его артиллерію. Я слышалъ даже, что одна полька, занимающая высокое положеніе по своему происхожденію и горячая патріотка, горько оплакивала подобный поступокъ съ моей стороны. Я написалъ ей, чтобы она успокоилась на этотъ счетъ, такъ какъ въ Турціи мнѣ никогда не поручали ни инспектированія, ни завѣдыванія арсеналами и, уѣзжая изъ этой страны, я не увезъ съ собою никакого оружія кромѣ сабли, наслѣдованной мною отъ отца и которую я передалъ не въ русскіе арсеналы, а моему сыну, служащему нынѣ въ русской арміи.

Одна изъ главныхъ причинъ всѣхъ бѣдствій, постигшихъ Турцію, какъ политическое государство, заключается въ томъ, что болгары, вмѣсто того чтобы служить въ рядахъ ея войска, что̀ было вполнѣ возможно послѣ восточной войны, были вынуждены перейти въ ряды оппозиціи и приняли участіе въ возстаніи, которое подорвало могущество Турецкой имперіи и султана.

Отвѣтственность за эту капитальную политическую ошибку, ибо иначе ее нельзя назвать, падаетъ не на турокъ, ибо многіе изъ нихъ понимали необходимость привлечь на службу христіанъ и славянъ и стремились къ достиженію этой цѣли; въ этомъ смыслѣ дѣйствовали султанъ Абдулъ-Меджидъ и его государственные дѣятели: Риза, Решидъ и Фуадъ-паша; доказательствомъ этого была казацкая организація, существовавшая подъ ихъ покровительствомъ семнадцать лѣтъ.

Но всѣ ихъ намѣренія были парализованы совѣтами посланниковъ и нерѣдко протестами западныхъ кабинетовъ, въ особенности англійскаго и австро-венгерскаго.

Вслѣдствіе сдѣланнаго мною турецкому правительству предложенія, появился ираде или указъ султана, коимъ повелѣвалось организовать казацкій полкъ съ тѣмъ, чтобы всякій славянинъ, подданный султана, имѣлъ право поступить въ него волонтеромъ.

Прослуживъ положенныя пять лѣтъ, онъ освобождался отъ службы и пользовался, наравнѣ съ мусульманами, всѣми гражданскими и политическими правами. Даже въ самомъ началѣ число волонтеровъ-поляковъ въ полку было не велико; двѣ трети его составляли болгары, среди которыхъ желаніе носить саблю и военный мундиръ было такъ велико, что менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли было сформировано два эскадрона исключительно изъ волонтеровъ-болгаръ.

Все время, пока существовали эти полки, не было недостатка въ волонтерахъ-болгарахъ, которые являлись сами, не ожидая офицера-вербовщика. Я былъ даже вынужденъ отказывать многимъ, чтобы не превысить норму, опредѣленную для наличнаго состава войска.

Омеръ-паша, къ которому жители часто обращались съ жалобою по поводу того, что въ полкахъ не было вакансій, доложилъ объ этомъ военному министру Риза-пашѣ, и послѣдній приказалъ не отказывать волонтерамъ и разрѣшилъ увеличить составъ полковъ съ 1.200 до 1.600 человѣкъ, сказавъ, что слѣдуетъ поощрять рвеніе славянъ служить султану въ рядахъ турецкаго войска, но впослѣдствіи составъ турецкихъ кавалерійскихъ полковъ былъ уменьшенъ до 750 чел. Мехмедъ-Руджи-паша, бывшій въ то время военнымъ министромъ, человѣкъ, въ высшей степени достойный и преданный своему отечеству, но не одобрявшій того, что въ турецкомъ войскѣ служили христіане, писалъ мнѣ по этому поводу, что хотя новый законъ касался также казацкихъ полковъ, но, принимая во вниманіе ихъ доблесть и оказанныя ими услуги, имъ будетъ выдаваться по его распоряженію жалованіе и паекъ не по новому положенію о кавалерійскихъ полкахъ, а по числу солдатъ, находившихся въ тотъ моментъ на службѣ.

Многіе солдаты оставались на службѣ по выслугѣ установленнаго срока и имъ было предоставлено впослѣдствіи право на пенсію по выслугѣ опредѣленнаго числа лѣтъ.

Выходившіе въ отставку казаки получали мѣста при желѣзной дорогѣ, телеграфѣ. Митхадъ-паша, бывшій губернаторомъ придунайской провинціи, принялъ многихъ отставныхъ казаковъ въ мѣстное жандармское управленіе и былъ очень доволенъ ими. Во время смутъ, бывшихъ въ этой провинціи, никто изъ отставныхъ солдатъ не принималъ въ нихъ участія; напротивъ того, они, своимъ присутствіемъ, нерѣдко

удерживали турокъ отъ противузаконныхъ поборовъ и имѣли также большое вліяніе на своихъ соотечественниковъ-болгаръ; я не разъ былъ свидѣтелемъ этого; сами турки отдавали имъ полную справедливость. Вмѣстѣ съ христіанами служило въ казацкомъ войскѣ до сотни мусульманъ-босняковъ, помаковъ и др., всѣ они жили дружно, не выказывая ни малѣйшаго фанатизма и нетерпимости.

Казацкіе полки помѣщались рядомъ съ турецкими мусульманскими полками и несли одинакія съ ними обязанности какъ на сборныхъ пунктахъ, такъ и въ большихъ городахъ, гдѣ они занимали гарнизоны. Между ними никогда не возникало ссоръ; на Пасху солдаты-мусульмане приглашались нерѣдко за столъ къ своимъ товарищамъ-христіанамъ, а послѣдніе приглашались на мусульманскій праздникъ Байрама.

Въ 1856 г. я получилъ оффиціальное письмо отъ великаго визиря Решида-паши, въ которомъ, поздравляя меня съ примѣрнымъ поведеніемъ войскъ во время войны, онъ писалъ, что благодаря моимъ постояннымъ и неусыпнымъ заботамъ доказана возможность совмѣстной службы солдатъ мусульманъ и христіанъ, и что онъ видитъ въ этомъ самое лучшее средство къ уравненію ихъ правъ и къ рѣшенію вопроса объ ихъ политическомъ равенствѣ.

Военный министръ Риза-паша, производя въ 1866 г. смотръ гвардейскимъ полкамъ, отправляемымъ на Дунай въ составъ обсервaціоннаго корпуса, и замѣтивъ, что одинъ изъ офицеровъ, командовавшій дивизіономъ казацкаго полка, который стоялъ гарнизономъ въ Константинополѣ, желая, вѣроятно, выслужиться, сталъ командовать на турецкомъ языкѣ, подошелъ къ нему и приказалъ произносить командныя слова на славянскомъ языкѣ. Затѣмъ, обратившись къ посламъ и офицерамъ, стоявшимъ подлѣ него, онъ присовокупилъ:

«Я не желаю, чтобы въ турецкой арміи было двумя кавалерійскими полками болѣе, хотя бы эти полки были лучшіе въ мірѣ; это не имѣетъ значенія для войска, но правительство желаетъ, чтобы эти два полка сохранили свой славянскій характеръ, который составляетъ ихъ силу и оправдываетъ ихъ существованіе».

Великій визирь Фуадъ-паша зачислилъ двухъ болгаръ унтеръ-офицеровъ этого полка въ конвой султана и назначилъ къ нему ординарцами двухъ поляковъ, двухъ болгаръ и одного босняка православнаго исповѣданія. Имъ же былъ составленъ проектъ сформировать изъ христіанъ два новыхъ полка; проектъ этотъ былъ одобренъ султаномъ, но съ отъѣздомъ Фуадъ-паши за границу исполненіе его было отложено, а съ назначеніемъ военнымъ министромъ, по смерти Фуада-паши, Гуссейнъ-Авни-паши одержала верхъ политика враждебная христіанамъ и славянамъ, и всѣ эти планы были окончательно оставлены.

Все это доказываетъ, что многіе государственные люди Турціи понимали необходимость допустить мало-по-малу христіанъ къ службѣ въ турецкомъ войскѣ. Это было бы наилучшимъ средствомъ возстановить ихъ личное достоинство, приниженное многими лѣтами рабства.

Турецкое населеніе не выказывало къ этимъ полкамъ ни ненависти, ни антипатіи, точно такъ же, какъ и высшее мусульманское духовенство, относившееся къ нимъ гораздо болѣе безпристрастно, нежели католическое духовенство, которое не могло равнодушно видѣть эти полки, состоявшіе изъ православныхъ солдатъ.

Западные кабинеты отнюдь не хотѣли, чтобы христіане были допущены въ военную службу, и такъ какъ они не могли противиться этому открыто, то дѣйствовали окольными путями, намекая турецкому правительству на опасность даровать политическую равноправность одинаково побѣжденнымъ и побѣдителямъ, дозволивъ тѣмъ и другимъ носить оружіе. Турокъ побуждали къ судебнымъ реформамъ, къ преобразованію правъ поземельной собственности, къ реформѣ народнаго образованія и даже къ дарованію нѣкоторой свободы прессѣ, но умалчивали о военной службѣ, дающей извѣстныя права и преимущества, и даже старались всѣми силами удержать турецкое правительство отъ подобной реформы, въ чемъ я имѣлъ неоднократно случай убѣдиться во время моей многолѣтней дѣятельности на политическомъ поприщѣ въ Турціи.

Въ 1856 г., по заключеніи Парижскаго трактата, я представилъ оттоманскому правительству записку, въ которой доказывалъ, что обладаніе Румыніей Дунайскимъ устьемъ будетъ чрезвычайно невыгодно для Турціи, такъ какъ это дастъ нѣмцамъ и мадьярамъ поводъ завладѣть этимъ важнымъ пунктомъ, и они будутъ стремиться къ достиженію этой цѣли, или при помощи колонизаціи, допущенной трактатами въ принципѣ, или стараясь поселить смуты между разноплеменнымъ населеніемъ Добруджи. Единственное средство предотвратить эту опасность заключалось, по моему мнѣнію, въ заселеніи острововъ Дунайскаго устья военнымъ элементомъ.

Эта мысль была одобрена султаномъ и его министрами, и меня командировали съ нѣсколькими офицерами, чтобы снять планъ этой мѣстности, намѣтить пункты для колонизаціи и переписать мѣстныхъ жителей казаковъ, подъ именемъ редифовъ или резервовъ казацкаго корпуса.

Добровольное зачисленіе казаковъ Добруджи въ резервъ совершилось весьма охотно и быстро; нѣсколько тысячъ казаковъ праваго и лѣваго берега Дуная внесли свои имена въ списки. Старовѣры, распущенные по окончаніи войны, вооружили добровольно, по моемъ пріѣздѣ.

сотню казаковъ, которая должна была сопровождать меня, предложивъ содержать эту сотню, во все время моего пребыванія у нихъ, безъ всякаго вознагражденія со стороны правительства.

Я не могъ разсчитывать въ этомъ случаѣ на содѣйствіе поляковъ, жившихъ въ Добруджѣ и по берегамъ Дуная, такъ какъ они относились враждебно ко мнѣ и къ турецкому войску. Во главѣ ихъ стоялъ нѣкто Мильковскій, принадлежавшій къ демократической партіи, но дѣйствовавшій въ этомъ случаѣ заодно съ католиками, и они старались повліять, главнымъ образомъ, на казаковъ изъ малороссовъ, населявшихъ деревень двадцать по обоимъ берегамъ Дуная.

Это были, по большей части, крестьяне, бѣжавшіе изъ Малороссіи, чтобы избѣгнуть крѣпостной зависимости и уклониться отъ военной службы въ Россіи. Поляки успѣли поселить въ нихъ недовѣріе ко мнѣ и къ казацкому войску, твердя имъ, что я пріѣхалъ съ цѣлью поработить ихъ. Мои поѣздки по Добруджѣ, въ сопровожденіи сотни казаковъ, доставили полякамъ прекрасный случай распространять эти слухи, и они донесли французскому посланнику въ Константинополѣ, что, находясь въ дружественныхъ отношеніяхъ съ многими румынами и въ особенности съ кн. Георгіемъ Стурдзою, Вогоридесомъ, Конаки и другими, я пріѣхалъ съ цѣлью помѣшать союзу двухъ княжествъ и организую съ этой цѣлью въ этой мѣстности казацкое войско.

Этотъ союзъ придунайскихъ княжествъ былъ излюбленною мыслію Наполеона III.

Французскій посланникъ Тувенель повѣрилъ доносу, на чтò онъ имѣлъ полное основаніе, такъ какъ, встрѣчаясь и беседуя съ нимъ въ Константинополѣ, я высказывалъ ему не разъ откровенно, что созданіе Румынскаго княжества будетъ первымъ шагомъ къ отдѣленію его отъ Турціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ распаденію Турецкой имперіи, а ему было извѣстно мое усердіе къ службѣ султану и его правительству.

Тувенель заявилъ рѣшительно протестъ противъ моего плана, и я былъ отозванъ изъ Добруджи. Однако, по возвращеніи моемъ въ Константинополь, я представилъ правительству вполнѣ выработанный планъ колонизаціи въ устьѣ Дуная 4 батальонами пѣхоты и 12 эскадронами кавалеріи и передалъ списки казаковъ, изъявившихъ желаніе принадлежать къ этой военной колоніи; вскорѣ появился ираде султана, коимъ разрѣшалось устройство этого военнаго поселенія.

Я узналъ впослѣдствіи, какую бурю вызвалъ этотъ проектъ.

Прежде всего подняло тревогу посольство католической Австріи, такъ какъ предполагаемое поселеніе образовывалось изъ православныхъ славянъ. Интернунцій не хотѣлъ протестовать открыто, но обратился съ жалобою къ лорду Редклиффу. Послѣдній, по своему обыкно-

венію, поднялъ крикъ и надѣлалъ не мало шума, обвиняя меня въ томъ, что я хочу быть новымъ Ермакомъ, что я хочу идти по стопамъ Богдана Хмельницкаго и не даромъ нахожусь въ подозрѣніи у поляковъ-католиковъ. Онъ этимъ не ограничился; дѣло было предоставлено французскому посланнику.

Тувенель, крайне озлобленный моей поѣздкою въ Валахію, подобно Донъ-Кихоту, началъ сражаться съ вѣтряными мельницами.

— Всѣ польскіе эмигранты примкнутъ къ этой военной колоніи,— говорилъ онъ;—Россія не допуститъ у своихъ границъ подобнаго поселенія, которое будетъ угрожать спокойствію Европы, тогда какъ мы заботимся о сохраненіи мира и не желаемъ новой войны.

Протестъ Тувенеля былъ вполнѣ понятенъ, такъ какъ онъ былъ вызванъ тайной боязнію панславизма и православія и постояннымъ желаніемъ западныхъ державъ, чтобы силы и значеніе Турецкой имперіи не возростали, и чтобы она находилась постоянно въ шаткомъ положеніи и, слѣдовательно, въ зависимости отъ прихоти западныхъ державъ.

Султанъ не измѣнилъ даннаго имъ указа, но повелѣлъ отложить его выполненіе до болѣе удобнаго времени, иначе сказать,—въ долгій ящикъ.

Нѣсколько времени спустя мнѣ было приказано изложить письменно мой взглядъ относительно допущенія христіанъ въ военную службу, и султанъ повелѣлъ обсудить представленный мною проектъ совмѣстно съ посланниками западныхъ державъ.

Послѣдніе отнеслись къ нему крайне неодобрительно.

Лордъ Редклиффъ воскликнулъ: «Такимъ образомъ христіанскіе подданные будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи чрезъ нѣсколько лѣтъ цѣлую армію, вполнѣ обмундированную и обученную, способную сражаться; этого не должно быть, мы вовсе не для того заботимся о неприкосновенности Турецкой имперіи и не для того старались обезпечить ее трактатами».

Того же мнѣнія было и австрійское посольство; оно опасалось кромѣ того пробужденія воинственнаго духа въ славянахъ Турецкой имперіи, что̀ отнюдь не соотвѣтствовало ея видамъ.

Турецкое правительство встрѣтило со всѣхъ сторонъ оппозицію, и въ концѣ концовъ ему не дозволили провести эту реформу, которая имѣла бы вѣроятно ближайшимъ послѣдствіемъ усиленіе могущества имперіи.

Такимъ образомъ, въ политической ошибкѣ недопущенія своевременно христіанскихъ подданныхъ Турціи въ военную службу наравнѣ съ мусульманами надобно обвинять не турецкое правительство, а западныя державы.

Прослѣдивъ внимательно исторію Польши въ то время, когда она находилась на вершинѣ своего могущества и славы, мы наталкиваемся вездѣ на тотъ фактъ, что поляки, славяне, по происхожденію, обычаямъ и языку, самою судьбою предназначенные стать во главѣ славянскихъ народовъ и сдѣлаться первою и самою сильною державою восточной Европы, отказались добровольно отъ этой миссіи.

Въ первые вѣка своего историческаго существованія они не имѣли среди славянскихъ націй соперницъ, которыя могли бы взять на себя эту великую задачу.

Поляки отнеслись съ презрѣніемъ ко всему, что было имъ доступно, и вопреки всякому здравому политическому смыслу стали дѣйствовать въ противуположномъ направленіи. Дѣлая ошибку за ошибкою, они дошли до добровольнаго, смѣшнаго, чтобы не сказать преступнаго отрицанія своего славянскаго происхожденія, забывъ его и отрицая будущность того племени, къ которому они принадлежатъ, и роль, которую оно призвано играть въ исторіи, они вынудили Россію, силою вещей, взяться за эту задачу и стать во главѣ славянства.

Въ этомъ случаѣ они не могутъ даже оправдываться незнаніемъ, ибо первые два короля этой воинственной націи, Болеславъ Храбрый и Болеславъ Смѣлый, самые даровитые ихъ правители, понявъ или, лучше сказать, предугадавъ истинную задачу Польши и значеніе славянства, указали полякамъ путь, по которому имъ надлежало идти, обративъ свои взоры на востокъ, на русскія земли, на Кіевъ.

Всѣ короли династіи Пястовъ по чувствамъ и стремленіямъ были славяне, но ихъ держала въ рукахъ римско-католическая западная церковь.

Ягеллоны были хорошими монархами и относительно порядка и умѣнья управлять стояли выше Пястовъ, лучше ихъ понимали обязанности правителей, но они не были славянами по происхожденію и не понимали того, что соотвѣтствовало интересамъ этого племени и къ какой цѣли его слѣдовало вести. Они не могли имѣть племенной любви къ славянамъ, и поэтому трудно было ожидать, чтобы они постигли ихъ нужды.

Поляки должны хорошо взвѣсить и обдумать свое положеніе, ибо имъ придется волей неволей высказаться и рѣшить вопросы: быть имъ славянами или не быть.

На Россіи лежитъ великая задача объединенія славянъ; она должна быть для нихъ тѣмъ же, чѣмъ стала Пруссія для германскихъ народовъ. Ей дано все необходимое для выполненія этой великой задачи; славяне, оставивъ свое соперничество и свои личные интересы, должны повиноваться голосу политической необходимости и соединиться съ Россіей, чтобы дѣйствовать съ нею заодно.

Поляки должны хоть разъ воспользоваться опытомъ прошлаго и понять, что Польша пала вслѣдствіе того, что она отшатнулась отъ славянства, тогда какъ она имѣла возможность стать во главѣ его; но она добровольно отказалась отъ этой роли и пошла по стопамъ западныхъ державъ.

Поляки должны безъ всякой задней мысли сознаться въ своей ошибкѣ и покаяться въ ней, такъ какъ почти всѣ они, за весьма малымъ исключеніемъ, находились всегда въ лагерѣ враждебномъ славянамъ.

Они должны протянуть братскую руку Россіи и стремиться къ лучшему будущему, признавъ могущество русскаго монарха, который держитъ въ своихъ рукахъ судьбу всѣхъ славянъ,—вотъ въ чемъ состоитъ задача поляковъ.

Что касается прочихъ славянскихъ народовъ, то сербы должны остерегаться инсинуацій Австріи и Германіи, имѣя передъ глазами прошлое и настоящее положеніе Польши, и должны признать чистосердечно, что сила и могущество находятся на сторонѣ Россіи.

По примѣру поляковъ и сербовъ всѣ прочіе славяне также присоединились бы къ Россіи, и когда, такимъ образомъ, всѣ славянскіе народы составили бы, по чувствамъ и стремленіямъ, одно цѣлое, ихъ могущество было бы несокрушимо.

Правда, германскіе народы имѣютъ въ своемъ распоряженіи всѣ техническія усовершенствованія, сдѣланныя въ послѣднее время въ военномъ искусствѣ, имѣютъ хорошо обученныхъ солдатъ, вполнѣ организованную армію и опытныхъ, способныхъ предводителей. Но все это могутъ имѣть и славяне; между тѣмъ какъ ни одна нація въ мірѣ не имѣетъ такого множества превосходныхъ кавалеристовъ и верховыхъ лошадей, какъ славяне. Значительное превосходство кавалеріи, употребленной въ дѣло съ умѣньемъ, можетъ пополнить многіе пробѣлы и загладить не одну ошибку.

Я представилъ турецкому правительству въ 1874 г. слѣдующую записку:

Въ настоящее время для правительства не составляетъ особенной необходимости привлекать на службу поляковъ, но эта мѣра можетъ принести большую пользу въ будущемъ. Поляки, вслѣдствіе сдѣланныхъ ими политическихъ ошибокъ, дошли до того, что у нихъ нѣтъ ни настоящихъ политическихъ вождей, ни кружковъ, ни обществъ, опирающихся на національную политику; ихъ дѣйствія не имѣютъ никакого основанія, никакого исходнаго пункта. Легкомысленное поведеніе нѣкоторыхъ личностей, дѣйствовавшихъ болѣе изъ спекулятивныхъ цѣлей, нежели подъ вліяніемъ честолюбія, невысокія качества массы польскаго населенія, ихъ полное непониманіе своихъ политическихъ и соціаль-

ныхъ нуждъ—все это погубило безъ возврата ихъ матеріальныя и нравственныя силы, погубило ихъ будущность. Не имѣя ни руководителей, ни опредѣленной національной цѣли, поляки предоставлены теперь на произволъ событій и интригъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ.

Во Франціи поляки утратили всякое уваженіе правительства благодаря своему участію въ коммунѣ, неумѣстной храбрости, выказанной ими въ рядахъ германскаго войска, въ которомъ сражалось нѣсколько поляковъ изъ Познани—и своему нежеланію стать на защиту Франціи въ то время, какъ они могли это сдѣлать. Въ то же время, благодаря своимъ интригамъ и политической безтактности, они утратили и въ Турціи положеніе, пріобрѣтенное ими благодаря военной организаціи, существовавшей въ этой странѣ 17 лѣтъ, и сдѣлались агентами тайной политической полиціи, служа одинаково туркамъ, австрійцамъ, мадьярамъ и всякому, кто пожелаетъ.

Польскіе эмигранты разсѣяны по всему свѣту; по большей части это люди экзальтированные, не имѣющіе опредѣленныхъ средствъ къ жизни, доступные всѣмъ искушеніямъ нищеты и отчаянія.

Въ 1863 г., эмигранты не доставили почти ни одного солдата для поддержанія этого злополучнаго возстанія, окончательно погубившаго Польшу, несмотря на то, что среди нихъ были еще старые опытные вояки. Изъ числа пятисотъ поляковъ, служившихъ въ казацкомъ войскѣ въ Турціи, не болѣе десяти человѣкъ присоединилось къ мятежникамъ, несмотря на всѣ происки лицъ, состоявшихъ на службѣ и занимавшихся пропагандою, и на равнодушное отношеніе къ этимъ проискамъ турецкаго правительства. Эта апатія, этотъ недостатокъ сочувствія объясняются тѣмъ, что во Франціи и въ Турціи существовали тогда польскіе кружки, польскія общества, успѣвшіе внушить своимъ соотечественникамъ нѣкоторую осмотрительность въ ихъ политическихъ поступкахъ. Нынѣ эти кружки болѣе не существуютъ, и польскіе эмигранты, въ особенности эмигранты 1863 г., поддаются вліянію перваго встрѣчнаго, возстановляющаго ихъ противъ Россіи.

Несмотря на неблагопріятныя условія, въ какихъ находятся эмигранты, несомнѣнно, что они имѣютъ сношенія со своими соотечественниками, живущими въ Россіи, и можно думать, что въ случаѣ подстрекательства со стороны Англіи, Германіи или какой бы то ни было иной державы, враждебной Россіи, они поднимутъ знамя возстанія подъ которое стекутся многіе изъ ихъ соотечественниковъ.

Даже не вступивъ въ борьбу съ Россіей они уже послужатъ ея врагамъ, какъ защитники волненій и заговоровъ и какъ клеветники, выступающіе въ органахъ печати съ превратнымъ толкованіемъ всего того, что дѣлается въ Россіи.

Наиболѣе разсудительные эмигранты, понявъ наконецъ свое политическое и соціальное положеніе, пугаются отчаянныхъ воплей своихъ товарищей, но вмѣстѣ съ тѣмъ они относятся недовѣрчиво къ актамъ, обнародованнымъ русскимъ правительствомъ, видя, съ какимъ недовѣріемъ ихъ принимаютъ западныя державы. По этой причинѣ немногіе эмигранты возвращаются на родину; большинство остается за границею.

Эмигрантовъ, имѣющихъ смѣлость дѣлать то, что имъ подсказываетъ ихъ внутреннее убѣжденіе, и рѣшающихся безъ всякой задней мысли возвратиться на родину, съ тѣмъ, чтобы быть вѣрными Россіи, считаютъ агентами русскаго правительства, и имена ихъ становятся достояніемъ клеветы и памфлетовъ; они лишаются того вліянія, которое они имѣли за границею, и становятся силою вещей болѣе вредными, нежели полезными дѣлу примиренія двухъ родственныхъ націй, соединенныхъ подъ одною монархическою властью.

Феликсъ Веселовскій издалъ брошюру, подъ заглавіемъ «Примиреніе русскихъ съ поляками», посвященную полякамъ и русскимъ, которая увеличила собою значительное число разныхъ сочиненій, появившихся по этому вопросу, имѣющему огромное значеніе для Россіи и для всего славянства.

Веселовскій приводитъ документы, которые имѣютъ несомнѣнно историческую важность и извлечены имъ вѣроятно изъ архивовъ какого-нибудь семейства, игравшаго видную роль при раздѣлѣ Польши. Въ своемъ краткомъ историческомъ очеркѣ онъ громитъ Фридриха II и Пруссію, превозноситъ Марію-Терезію и министра Кауница и австрійскую политику, говоритъ мелькомъ о томъ, что Россія была, такъ сказать, увлечена къ участію въ этомъ раздѣлѣ, къ которому Англія отнеслась съ безпечнымъ равнодушіемъ, и въ заключеніе говоритъ, что въ гибели Польши виновата Франція и что эту несчастную страну погубилъ Людовикъ XV.

Открытіе, сдѣланное Веселовскимъ, не принадлежитъ ему лично, а есть выраженіе тайныхъ взглядовъ, распространенныхъ между эмигрантами 1863 года.

Веселовскій обвиняетъ Людовика XV подобно тому, какъ другіе обвиняли Наполеона I и князя Ад. Чарторыйскаго, въ томъ, что они старались внушить полякамъ довѣріе къ ихъ собственнымъ силамъ и хотѣли, чтобы они дѣйствовали самостоятельно, не нуждаясь въ посторонней опекѣ.

Людовикъ XV говорилъ барскимъ конфедератамъ: «изберите себѣ короля, который могъ бы и умѣлъ бы управлять вами, организуйте войско для защиты, и тогда я приду вамъ на помощь».

Но конфедераты, несмотря на свою преданность отечеству и на

свою военную доблесть, постоянно враждовали между собою и не съумѣли устроить себѣ какое бы то ни было правительство.

Назвавъ Фридриха II и Людовика XV главными виновниками раздѣла Польши, Веселовскій едва касается дѣйствій польскихъ магнатовъ и анархіи, господствовавшей въ королевствѣ; очевидно, онъ не хочетъ возбудить неудовольствіе привилегированнаго сословія и вѣроятно по той же причинѣ, не желая возстановить противъ себя русское правительство, онъ приводитъ политическіе документы о раздѣлѣ Польши только до эпохи Барской конфедераціи, совершенно умалчивая о томъ, что происходило послѣ этого событія до нашего времени.

Вопросъ о сліяніи поляковъ и русскихъ въ одно государство поднятъ не въ наше время; онъ обсуждается подъ разными видами уже нѣсколько столѣтій. Но вліяніе католицизма и германства поселило раздоръ, зависть и недоброжелательство между двумя сосѣдними народами, принадлежащими къ одному и тому же имени, ибо если бы эти двѣ націи слились въ одно государство, подъ властью одного монарха, то онѣ составили бы такую могущественную державу, которая привлекла бы къ себѣ всѣ прочіе славянскіе народы, создавъ на Востокѣ силу грозную для западныхъ державъ. Онѣ не могли желать этого и стали дѣйствовать при помощи своего духовенства. Православная церковь не имѣла политически организованнаго духовенства и воинственныхъ религіозныхъ орденовъ, поэтому она не могла поддерживать политику православныхъ народовъ и бороться съ западною церковью равнымъ оружіемъ.

Іезуиты старались пріобрѣсти вліяніе надъ русскими православными княгинями и княжнами, и когда имъ не удавалось оторвать ихъ отъ ихъ вѣры, то они находили средство наполнить ихъ жизнь огорченіями и заботами. Самый выдающійся примѣръ этой низкой дѣятельности представляетъ Елена, дочь Іоанна III и супруга короля Александра изъ династіи Ягеллоновъ.

Преслѣдуя ту же политическую цѣль, іезуитамъ удалось обратить въ католицизмъ магнатовъ малороссійскихъ губерній, прельстивъ ихъ разными привилегіями и преимуществами.

Іезуиты помѣшали королю Владиславу, дѣйствовавшему въ духѣ и направленіи Ягеллоновъ, сдѣлаться русскимъ царемъ, такъ какъ это повело бы къ сліянію Россіи съ Польшею.

Король Янъ Казиміръ, неудачное правленіе котораго подчинило его іезуитамъ и западнымъ державамъ, обладалъ твердымъ, добродѣтельнымъ характеромъ и былъ гораздо образованнѣе своихъ подданныхъ и многихъ современныхъ ему монарховъ; предвидя будущность, ожидавшую Польшу, онъ сдѣлался горячимъ сторонникомъ соединенія русскихъ и поляковъ въ одно государство. Онъ любилъ свое отечество

болѣе самого себя и своей власти. Онъ понялъ будущность славянства.

Въ сочиненіи Веспасіана Роховскаго, озаглавленномъ: «Исторія царствованія Яна Казиміра», изданномъ въ Познани въ 1839 г., на 329 стр. перваго тома находимъ циркуляръ этого короля къ сейму, который долженъ былъ открыться въ Варшавѣ 10-го августа 1658 г.

Вотъ подлинныя его слова:

«Мы дали е. в. царю Россіи доказательства нашего искренняго желанія присоединиться къ Россіи. Теперь мы созываемъ сеймъ для того, чтобы обсудить, какимъ путемъ соединить Россію и Польшу въ одно государство, такъ какъ онѣ состоятъ съ незапамятныхъ временъ изъ народовъ славянскаго племени и, находясь подъ властью одного монарха, сдѣлались бы державою грозною для внѣшнихъ враговъ. Исполненію этого проекта препятствовали до сихъ поръ войны, которыя намъ пришлось вести со шведами, венгерцами, казаками и татарами.

«Въ настоящее время, благодаря всемогущему Провидѣнію, мы обезпечены отъ нападенія, непріятель изгнанъ съ нашей территоріи, поэтому теперь наступило время привести этотъ планъ въ исполненіе; пора подкрѣпить славянскіе народы этимъ союзомъ. Вотъ почему мы обращаемся съ этимъ циркуляромъ къ сейму, который долженъ собраться въ Варшавѣ 10-го августа» и т. д.

Это были слова короля мученика и пророка. Онъ былъ мученикомъ вслѣдствіе интриги германцевъ и католической церкви. Онъ говорилъ, что польскимъ королемъ слѣдовало избрать русскаго царя или его сына, и предсказывалъ всѣ бѣдствія и несчастія, которыя должны были обрушиться на страну, предсказывалъ даже будущій раздѣлъ Польши въ томъ случаѣ, ежели таковаго выбора не будетъ сдѣлано. Но этого не случилось вслѣдствіе происковъ католическаго духовенства и западныхъ державъ; и страну дѣйствительно постигли всѣ несчастія, какія предсказывалъ ей этотъ король мученикъ и пророкъ.

Въ царствованіе императора Александра I князь Адамъ Чарторыйскій разсматривалъ циркуляръ короля Яна Казиміра съ тѣмъ, чтобы привести его въ дѣйствіе и соединить эти два народа «безъ всякихъ условій», какъ онъ говорилъ въ своихъ запискахъ, которыя онъ далъ мнѣ прочесть.

Результатомъ его занятій и первымъ шагомъ на пути къ этому сліянію была попытка создать польскіе легіоны подъ знаменемъ русскаго императора съ цѣлью уменьшить этимъ вліяніе польскихъ легіоновъ, сражавшихся подъ знаменами Наполеона.

Но противъ осуществленія этого проекта энергично возстало «семейство» (Familia), такъ назывался тѣсный кружокъ, руководившій

въ послѣдніе годы существованія Польши политикой Чарторыйскихъ и Замойскихъ; въ числѣ наиболѣе вліятельныхъ членовъ этого кружка находились кн. Константинъ Чарторыйскій и графъ Андрей Замойскій, которые, находясь въ близкихъ отношеніяхъ съ кн. Меттернихомъ и высшей вѣнской аристократіей, отклонили князя Адама отъ политики, согласной съ циркуляромъ короля Яна Казиміра.

Графъ Андрей Замойскій, послѣ свиданія съ кн. Меттернихомъ, далъ князю Адаму слѣдующій совѣтъ:

«Вы не должны, князь, отказываться отъ тѣхъ правъ, какія вы имѣете, какъ потомокъ династіи Ягеллоновъ; ваше отреченіе можетъ, при болѣе подходящихъ обстоятельствахъ, принести бо́льшую пользу, если оно будетъ вызвано необходимостью».

Смыслъ этого отвѣта выяснился въ 1830 г., когда, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, вспыхнуло возстаніе. Княгиня Анна Чарторыйская, супруга князя Адама, женщина молодая, энергичная, живая, видя несогласія и распри, существовавшія между руководителями революціоннаго движенія, бросилась передъ мужемъ на колѣни, въ присутствіи гр. Владислава Замойскаго и Карла Зенкевича, и умоляла провозгласить себя королемъ или уѣхалъ за границу, такъ какъ, не будучи королемъ, онъ своимъ присутствіемъ только вредилъ дѣлу отчизны. Графъ Замойскій сообщилъ объ этомъ Малаховскому, который въ свою очередь передалъ его слова австрійскому консулу въ Варшавѣ, а тотъ отправилъ съ этимъ извѣстіемъ эстафету въ Вѣну.

Нѣсколько дней спустя, въ отвѣтъ на это сообщеніе, ему было поручено кн. Меттернихомъ выразить полное его сочувствіе полякамъ и ихъ дѣлу и передать имъ, что если кн. Адамъ Чарторыйскій обратится къ императору и предложитъ польскій престолъ одному изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ, то поляки получатъ его и будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи деньги, нужныя для продолженія войны.

Князь Адамъ медлилъ обратиться къ императору съ этой просьбою, но требованія во имя блага отечества стали такъ настойчивы, что князь уступилъ и сдѣлалъ то, что отъ него требовали. Получивъ эту просьбу, Меттернихъ сказалъ съ улыбкою:

«Теперь въ моихъ рукахъ отреченіе Ягеллона, князя Адама Чарторыйскаго, революціонное движеніе зависитъ теперь отъ меня, я могу вести переговоры съ тѣмъ, кто дастъ мнѣ больше».

Событіе это не имѣло никакихъ послѣдствій, но оно любопытно какъ доказательство того, какимъ образомъ западныя державы и нѣмцы въ особенности относились къ полякамъ.

Польское королевство, созданное послѣ Вѣнскаго конгресса, не имѣло ни малѣйшей политической симпатіи къ славянству.

Войско, чиновничество, все населеніе было проникнуто нравами и

обычаями и стремленіями запада; въ этой организаціи не было никакой связи, которая бы соединила и скрѣпила эти два родственные народа въ одно государство; малѣйшее недоразумѣніе могло повести къ разрыву, что̀ и случилось дѣйствительно въ 1830 и 1831 гг.

Война, послѣдовавшая за возстаніемъ и положившая конецъ политическому существованію страны, привела за границу множество эмигрантовъ, можно сказать безъ преувеличенія, весь цвѣтъ націи, какъ по благородству чувствъ, такъ и по безкорыстію стремленій. Эти эмигранты, движимые патріотизмомъ, быть можетъ плохо понятымъ, но тѣмъ не менѣе возвышеннымъ и безкорыстнымъ, еще болѣе усилили разладъ своими враждебными манифестаціями, доставивъ немалое торжество Западу.

То была пора тайныхъ обществъ, заговоровъ противъ правительства, пропаганды въ народѣ. Эмигранты также заразились эпидеміей, свирѣпствовавшей въ то время въ обществѣ; они составляли заговоры и пропагандировали въ народѣ, но не прибѣгали къ револьверамъ и кинжаламъ, которые не были еще тогда въ ходу, а старались распространить свои демократическія утопіи въ народѣ, который не понималъ ихъ и не хотѣлъ понять.

Всѣ эти враждебныя дѣйствія были направлены противъ Россіи и порождались желаніемъ отомстить ей и возвратить отечеству прежнюю независимость; они поддерживались также наущеніями западныхъ державъ и различныхъ тайныхъ обществъ, а равно и постояннымъ подстрекательствомъ западнаго католическаго духовенства.

Надобно сознаться, что въ то время никому не приходила еще мысль о соединеніи и сліяніи съ русскими; несмотря на то, что нѣкоторые начинали уже изучать славянство и славянъ, даже начинали брататься съ ними и, что̀ еще важнѣе, поляки, служившіе въ казацкихъ полкахъ и имѣвшіе сношенія съ старовѣрами, начинали примиряться съ православіемъ и не относились уже къ нему съ тѣми насмѣшками и упреками, какъ прежде,—польское населеніе литовскихъ и русскихъ губерній было гораздо менѣе фанатично, нежели жители собственно Польши или «Конгрессовки», какъ ее называли. Эти послѣдніе далеко не одобряли подобную вѣротерпимость, но не высказывались, чувствуя, какъ смѣшонъ былъ бы подобный протестъ; одно только духовенство по обыкновенію не переставало интриговать и дѣйствовать неустанно противъ православія.

Это продолжалось до 1856 г. Послѣ смерти императора Николая I, всѣ поляки какъ жившіе въ Россіи, такъ и эмигранты, отнеслись чрезвычайно сочувственно къ молодому императору; всѣ письма, которыя мы получали изъ родины, были наполнены похвалами его доброму сердцу, его дружелюбному отношенію къ полякамъ; его превозносили

до небесъ. Старые эмигранты, посѣдѣвшіе за границею, стали поговаривать, что имъ слѣдуетъ возвратиться на родину; «такова очевидно воля Господа,—говорили они,—чтобы мы послужили молодому императору и, подчиняясь его державной волѣ, позабыли наши распри съ русскими и соединились съ ними въ одну монархію. Превратности нашей скитальческой жизни въ чужихъ краяхъ сдѣлали насъ опытнѣе, и этимъ опытомъ мы должны воспользоваться».

Если бы въ то время была объявлена всеобщая амнистія, безъ всякихъ ограниченій и съ предоставленіемъ полякамъ всѣхъ правъ и привилегій, которыми они пользовались прежде, то за границею остались бы лишь весьма немногіе эмигранты, всѣ остальные воспользовались бы дарованнымъ прощеніемъ, и это было бы самое практическое средство къ сліянію двухъ родственныхъ націй въ одну монархію. Въ средѣ эмигрантовъ, извѣстныхъ подъ именемъ «старыхъ эмигрантовъ», было много благородныхъ, талантливыхъ людей, обогащенныхъ къ тому же многолѣтнимъ опытомъ; поэтому на нихъ можно было вполнѣ положиться.

Не разъ приходилось мнѣ слышать разсужденія старыхъ офицеровъ-эмигрантовъ, служившихъ въ нашихъ полкахъ: «почему бы намъ не служить вмѣстѣ съ русскими,—говорили они,—правда, мы сражались съ ними, но сражались открыто и честно на полѣ брани; между нами нѣтъ особеннаго различія ни въ нравахъ и обычаяхъ, ни въ языкѣ, мы исповѣдуемъ одну и ту же христіанскую вѣру. Почему не признать намъ своимъ императоромъ молодаго монарха, только-что вступившаго на престолъ. Если будетъ объявлена общая амнистія, то мы не замедлимъ воспользоваться ею; наша честь и долгъ, возлагаемый на насъ благодарностью, могутъ служить гарантіей того, что мы будемъ его вѣрными и преданными подданными».

Таково было настроеніе, таковы были желанія эмигрантовъ не только въ 1831 г., но и въ 1848 г. Первые эмигранты извѣстны подъ именемъ «старыхъ», а эмигранты 1848 г. раздѣляются на венгерскихъ и итальянскихъ, названныхъ такъ потому, что одни изъ нихъ служили въ Венгріи, а другіе въ Италіи во время революціонныхъ смутъ, бывшихъ въ это время въ Европѣ.

Въ 1860 году въ Польшѣ раздались молитвы, призывы, увѣщанія. сочиненныя польскими змартвыхвстанцами, жившими въ Римѣ. Они воскрешали во имя предковъ, во имя католичества улегшееся недоброжелательство поляковъ къ русскимъ. Вслѣдъ за этой первой попыткой изъ Вѣны, Парижа, Лондона были присланы новыя увѣщанія, новые совѣты поддерживать оппозицію; полякамъ намекали, что въ Европѣ готовятся къ новымъ войнамъ и что прежнія границы Польши несомнѣнно будутъ возстановлены. Все это можно формулировать въ весьма

эффектной, но комичной въ настоящемъ случаѣ формулѣ usque ad finem, «упорствуй до конца».

Въ 1866 г., вслѣдствіе слуховъ о готовившемся возстаніи въ Болгаріи и Румыніи, я получилъ приказаніе немедленно выступить на Дунай съ кавалеріей султанской гвардіи, которая находилась въ то время въ Константинополѣ и къ которой принадлежали также казацкіе полки.

Столь неожиданное и поспѣшное выступленіе многочисленной кавалеріи и артиллеріи обратило вниманіе общества, слѣдившаго за текущими событіями, и чрезвычайно заинтересовало поляковъ, вообразившихъ, что султанъ объявляетъ войну Россіи.

Нѣсколько поляковъ, участвовавшихъ въ возстаніи 1863 г., которыхъ я знавалъ еще въ Польшѣ, явились ко мнѣ депутатами, съ просьбою не забыть польскаго дѣла и, пользуясь моимъ вліяніемъ, выхлопотать, чтобы турецкое правительство послало сильный отрядъ башибузуковъ съ цѣлью занять Подолію, Волынь и Украйну.

Подобное желаніе, признаюсь, нѣсколько удивило меня, и я спросилъ его, на что имъ понадобились эти башибузуки?

— Для того, чтобы поскрести кожу съ крестьянъ и сдѣлать ихъ умнѣе,—отвѣчалъ онъ.

— Откуда же происходитъ подобное недоброжелательство, вы же были однимъ изъ редакторовъ «Золотой грамоты», сулившей крестьянамъ золотыя горы.

— Это правда, но мы дѣлали это съ цѣлью привлечь ихъ на свою сторону.

— Ну, а если бы это вамъ удалось?

— Тогда мы уничтожили бы всѣ эти привилегіи и возвратились бы къ старому порядку вещей.

— Такъ въ этомъ и заключалась настоящая ваша цѣль?

— Иной цѣли у насъ не было, иначе мы не взялись бы за оружіе.

Къ этому онъ присовокупилъ, что одинъ изъ его сосѣдей, землевладѣлецъ, говорилъ, что крестьянъ нужно надувать какъ глупцовъ, и что землю не слѣдуетъ отдавать этимъ потомкамъ хама, ибо земля, оставленная намъ нашими предками, составляетъ нашу неотъемлемую собственность.

Депутатъ, передавшій мнѣ все это, былъ человѣкъ вполнѣ искренній, настоящій джентльменъ, говорившій всегда только то, въ чемъ онъ былъ убѣжденъ.

Меня обвиняли въ стараніи примирить поляковъ съ православіемъ, съ Россіей, называли будущимъ Хмѣльницкимъ, врагомъ западныхъ державъ, католицизма и польскаго дѣла. Австро-венгерскій посланникъ поддерживалъ всѣми возможными средствами поляковъ въ ихъ уси-

ліяхъ устранить славянскій элементъ изъ казацкаго войска и удалить меня со службы.

Въ этомъ случаѣ поляковъ поддерживали также посланники прочихъ державъ, не исключая французскаго, несмотря на то, что французское правительство дважды предлагало мнѣ орденъ Почетнаго Легіона, первый разъ въ царствованіе Людовика-Филиппа, и затѣмъ при первой республикѣ, но я отказался отъ этого знака отличія подъ тѣмъ предлогомъ, что это могло возбудить недовѣріе со стороны турокъ, внушивъ имъ мысль, будто я служу Франціи, что̀, въ свою очередь, могло уменьшить мое вліяніе на нихъ.

Подобнаго рода отношеніе ко мнѣ, по крайней мѣрѣ, со стороны австро-венгерскаго правительства поддерживалось, быть можетъ, воспоминаніемъ о слѣдующемъ эпизодѣ.

Во время венгерскаго возстанія 1848 г. Кошутъ и графъ Батьяни предложили мнѣ мѣсто главнаго дипломатическаго агента Венгріи въ Константинополѣ и убѣдительно просили меня принять его, а въ подкрѣпленіе своей просьбы ссылались на письмо князя Чарторыйскаго, въ которомъ говорилось, что онъ будетъ очень доволенъ, если я соглашусь принять его, такъ какъ это вполнѣ согласуется съ интересами польскаго дѣла. Я отвѣтилъ князю, что я считаю союзъ съ Венгріей пагубнымъ для насъ, ибо онъ не согласуется съ интересами славянства. Кошуту и Батьяни я написалъ, что такъ какъ Венгрія воспользовалась первымъ раздѣломъ Польши къ своей выгодѣ, то въ настоящее время долгъ справедливости требуетъ, чтобы венгерцы, объявивъ войну Австріи, издали манифестъ, коимъ они отказались бы признать первый раздѣлъ Польши и возвратили бы этому государству земли, доставшіяся на долю Венгріи. Во-вторыхъ, венгерцы должны бы возвратить Турціи историческія знамена Герцеговины и Болгаріи, находящіяся въ Венгріи, а равно вычеркнуть изъ текста присяги, произносимой королями при вступленіи на венгерскій престолъ, слова, которыми они клянутся употребить все свое стараніе къ тому, чтобы присоединить эти провинціи къ Венгріи. Если эти два условія будутъ выполнены, то я, какъ полякъ, буду имѣть возможность служить по совѣсти венгерскому дѣлу и вести переговоры съ турками, иначе я торжественно объявляю, что я не могу этого сдѣлать и не приму предложеннаго мнѣ мѣста.

Послѣ этого отвѣта съ моей стороны, въ Константинополь былъ посланъ гр. Юлій Андраши, котораго Кошутъ и Батьяни снабдили письмами ко мнѣ, прося оказать ему содѣйствіе. Онъ передалъ мнѣ также письмо отъ князя Ад. Чарторыйскаго, въ которомъ тотъ убѣдительно просилъ меня сдѣлать это, оставивъ на этотъ разъ въ сторонѣ мои славянскія тенденціи. Онъ писалъ, что онъ вполнѣ понимаетъ и

раздѣляетъ мои мысли, но что теперь дѣло идетъ о совмѣстномъ дѣйствіи съ венгерцами противъ Австріи, паденіе которой освободитъ Венгрію и можетъ послужить началомъ освобожденія Польши.

Между мною и гр. Андраши установились самыя дружескія отношенія, хотя я и не скрывалъ отъ него своихъ симпатій къ славянамъ и не разъ высказывалъ откровенно, что для поляковъ было бы гораздо выгоднѣе, если бы Польша была присоединена къ одной державѣ.

Быть можетъ впослѣдствіи, достигнувъ власти, гр. Андраши вспомнилъ мои слова, такъ какъ его агенты особенно старались объ искорененіи славянскаго элемента изъ казацкихъ полковъ. Между прочимъ, гр. Андраши особенно покровительствовалъ барону Окшѣ и его товарищамъ 1863 года.

Я привожу здѣсь мало кому извѣстныя подробности факта, который прошелъ незамѣченный и не имѣетъ, быть можетъ, особеннаго значенія, хотя онъ и занималъ въ свое время европейскихъ дипломатовъ; я самъ былъ участникомъ въ этомъ событіи, которое, несмотря на всю его маловажность, свидѣтельствуетъ о томъ, съ какимъ вниманіемъ западныя державы и католическое духовенство слѣдятъ за всякой попыткой со стороны славянъ-католиковъ къ сближенію съ ихъ православными единоплеменниками, не пренебрегая никакимъ средствомъ, чтобы помѣшать славянамъ не только слиться въ одну монархію, но даже образовать славянскій союзъ.

Въ 1877 г. я получилъ изъ Львова письмо отъ г. Бенкевича, съ которымъ я былъ уже много лѣтъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Этотъ подольскій землевладѣлецъ поселился, по окончаніи крымской кампаніи, на жительство въ Парижѣ, гдѣ, по моей рекомендаціи, познакомился съ Гортензіей Корну, молочной сестрою Наполеона III, женщиною образованной и энергичной, благодаря которой, ему удалось вступить въ сношеніе не только со многими государственными людьми того времени, но и съ самимъ императоромъ французовъ.

Послѣ неудачъ, понесенныхъ Франціей въ франко-прусскую войну, онъ переселился въ Галицію и поддерживалъ сношенія съ представителями всѣхъ польскихъ политическихъ партій. Это былъ человѣкъ въ высшей степени честный, прямой, горячій патріотъ, понимавшій вполнѣ польское дѣло. Вотъ что онъ писалъ мнѣ:

«Вамъ извѣстно, любезный генералъ, что я давно вполнѣ раздѣляю вашъ взглядъ на славянскій и польскій вопросы и на отношеніе ихъ къ славянскому племени и къ Россіи. Поляки находились слишкомъ долго подъ гнетомъ и вліяніемъ запада.

«Они родились, воспитались и жили подъ вліяніемъ римско-католической церкви; чѣмъ менѣе они понимаютъ, что такое религія;

чѣмъ менѣе они въ дѣйствительности исповѣдуютъ ее, тѣмъ болѣе въ нихъ развивается фанатизмъ, доходящій въ политикѣ до крайнихъ предѣловъ; это выражается не только въ ихъ словахъ, но и въ ихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ, если они таковые имѣютъ.

«Западъ съ его римско-католическою церковью является вѣковымъ и непримиримымъ врагомъ востока, т. е. востока европейскаго, который есть не что иное, какъ славянство съ его православною церковью. Западъ поддерживается его вѣчно борющимся духовенствомъ, его іезуитами въ рясахъ, фракахъ и даже въ юбкахъ, это не бездѣлица.

«Люди половчѣе и подальновиднѣе идутъ по этому пути ради своихъ личныхъ выгодъ, или для того, чтобы расположить въ свою пользу общественное мнѣніе; люди болѣе простые и менѣе дальновидные надѣются достигнуть этимъ спасенія души и вѣчнаго блаженства.

«Вотъ мои мысли о тайной политической борьбѣ, происходящей между западомъ и востокомъ, или между западными державами и славянскимъ племенемъ, такъ какъ о турецкой монархіи нечего и говорить, ибо она близится къ концу, такъ какъ западныя державы не позволятъ туркамъ искать поддержки въ южныхъ славянахъ, какъ вы совѣтывали, доказавъ на дѣлѣ, что это мыслимо и возможно.

«Когда, въ 1853 г., по вашей иниціативѣ, на турецкую службу были призваны польскіе генералы и офицеры и вы добились организаціи казацкаго полка, въ который могли поступать волонтерами славяне всѣхъ націй и славянскій языкъ былъ допущенъ въ этомъ полку и въ то же время вамъ было ввѣрено начальство надъ казаками Добруджи и надъ некрасовцами, то польское католическое духовенство немедленно принялось за дѣло. Во-первыхъ, оно стало отговаривать поляковъ отъ поступленія въ этотъ полкъ, утверждая, будто вы хотите ославянить ихъ и склонить къ православію, вотъ причина, почему у васъ вначалѣ было такъ мало польскихъ волонтеровъ.

«Когда, послѣ первыхъ успѣховъ, одержанныхъ въ началѣ кампаніи, послѣ снятія осады Силистріи, множество волонтеровъ, несмотря на запрещеніе духовенства, записалось въ казацкіе полки и вмѣстѣ съ ними пріѣхалъ самъ Адамъ Мицкевичъ, то второй полкъ, который было поручено организовать графу Замойскому, тотчасъ былъ включенъ въ контингентъ англо-турецкаго войска и къ нему были сформированы кадры изъ польской дивизіи, находившейся на жалованьи Англіи».

Я видѣлъ копію съ донесенія французскаго посланника въ Константинополѣ, Тувенеля, которую показала мнѣ г-жа Корну. Онъ писалъ: «Агентъ кн. Чарторыйскаго сообщилъ мнѣ, что главная мысль Садыкъ-паши состоитъ въ устройствѣ казацкой колоніи въ устьѣ Дуная съ цѣлью поддерживать постоянныя сношенія между сѣверными и юж-

ными славянами и помѣшать западнымъ державамъ колонизировать этотъ пунктъ».

Начиная съ 1864 г. баронъ Окша постоянно писалъ и доносилъ, что вы намѣреваетесь обратить поляковъ въ православіе и внушить имъ мысль о союзѣ съ Россіей. Пропаганда доставляла ему матеріальную помощь; онъ встрѣтилъ также могучую поддержку въ австро-венгерскомъ посланникѣ. Баронъ Окша дѣйствовалъ въ томъ же духѣ и послѣ вашего удаленія со службы и отъѣзда изъ Турціи; его памфлеты и обвиненія преслѣдовали васъ вездѣ. Къ дѣйствіямъ; направленнымъ противъ васъ, слѣдуетъ отнести и сдѣланное книгопродавцемъ запрещеніе продавать ваши сочиненія и брошюры, разъясняющія цѣль и направленіе вашей политики на Востокѣ.

«Всѣ вышеприведенные факты доказываютъ безспорно, вмѣстѣ съ послѣдними политическими событіями въ Европѣ, на сколько западныя державы тревожатся всѣмъ тѣмъ, что клонится къ освобожденію славянъ и къ развитію славянскаго племени, какъ имъ непріятенъ союзъ поляковъ съ русскими и возможность сліянія этихъ двухъ родственныхъ націй въ одну монархію, ибо подобное сліяніе неизбѣжно внушитъ всѣмъ славянамъ мысль составить одно политическое цѣлое подъ какою бы то ни было формою».

Это было послѣднее письмо, полученное мною отъ Бенкевича; вскорѣ послѣ этого онъ скончался во Львовѣ.

Слѣдующія замѣтки написаны мною въ Кіевѣ въ 1874 г.

Недовольство поляковъ противъ Россіи и русскихъ не только не прекращается, но повидимому еще болѣе усилилось новымъ политическимъ соображеніемъ, я говорю о симпатіи поляковъ къ нѣмцамъ, о развивающемся въ нихъ стремленіи къ германизаціи и ко всему нѣмецкому; это стремленіе, какъ говорятъ, особенно распространяется между учащеюся молодежью Львовскаго и Краковскаго университетовъ, на которую имѣютъ вліяніе нѣкоторые изъ предводителей эмиграціи 1863 г.

Программа этого новаго политическаго движенія резюмируется повидимому въ слѣдующемъ:

Многолѣтній опытъ и въ особенности послѣднія событія убѣдили наконецъ поляковъ въ невозможности возстановить независимость Польши; утративъ всякую надежду къ достиженію этой цѣли и къ поддержанію польскаго элемента при помощи возстаній и революцій, они не желаютъ въ то же время соединиться съ Россіей, чтобы не отстать отъ католицизма и не принять православія, религіи, исповѣдуемой большей частью славянъ. Поэтому они предлагаютъ соединиться съ нѣмцами, огерманиться даже, если это будетъ неизбѣжно, ибо нѣмецкая цивилизація болѣе подходитъ къ полякамъ и будетъ могучимъ средствомъ ихъ умственнаго политическаго развитія.

*

Эта программа не оставалась долго въ области теоріи, но стала осуществляться на практикѣ. Я не могу допустить, чтобы большинство поляковъ раздѣляло эти убѣжденія и даже понимало эту новую политику, но предводители возстанія 1863 г. такъ напугали поляковъ невидимымъ правительствомъ и слишкомъ видными жандармами его, что этотъ страхъ не скоро пройдетъ. Масса народа вѣритъ до сихъ поръ въ существованіе невидимаго правительства и, по ея понятіямъ, оно поддерживается католическимъ духовенствомъ, фанатичными ханжами и цѣлымъ легіономъ политическихъ борцовъ, представителями коихъ служатъ журналисты Галиціи и отчасти Познани. Масса боится также невидимыхъ жандармовъ, вѣра въ существованіе которыхъ укоренилась въ ней и даетъ предводителямъ партій, агитаторамъ и заговорщикамъ возможность говорить отъ имени всѣхъ поляковъ и поддерживать недовольство противъ русскаго правительства и народа. Дѣйствія предводителей и безмолвіе напуганной массы заставляютъ думать, что всѣ поляки согласны съ этой политикой, лишенной здраваго смысла и которую даже трудно понять.

Трудно допустить, чтобы люди, руководящіе этой политикой, дѣйствовали искренно, пропагандируя польско-германскій союзъ; эта безумная выходка, вѣроятно, не что иное, какъ новая уловка съ цѣлью сохранить власть надъ массою эмигрантовъ, которые не знаютъ, чего имъ держаться, и надъ напуганной польской націей, а можетъ быть и для того, чтобы извлечь побольше денегъ отъ Австріи.

Эти новые политики желаютъ убѣдить нѣмцевъ, что поляки порвали всякую связь съ Франціей, какъ они и доказали это своимъ поведеніемъ въ 1870 г., и что, желая поддержать дружескія отношенія съ западными державами, они перенесли свои симпатіи на австрійцевъ и пруссаковъ.

Эта новая комбинація нравится, повидимому, полякамъ, которые, къ сожалѣнію, никогда не хотятъ отнестись серьезно къ тому, что происходитъ у нихъ и вокругъ нихъ.

До вступленія на престолъ императора Александра II можно было устраивать либеральные и соціальные крестовые походы противъ Россіи, противъ крѣпостнаго права, самодержавія, противъ того замкнутаго положенія, въ какомъ Россія держалась по отношенію къ Европѣ; словомъ, для громкихъ фразъ и оппозиціи было достаточно пищи.

Но послѣ гуманныхъ реформъ Александра II Россія развивается такъ быстро, что въ предѣлахъ возможнаго она опередила не одно государство, а поляки, ослѣпленные политическими утопіями, не хотятъ видѣть и понять этихъ преобразованій.

Я помню, что говорилъ по поводу крестьянской реформы старый наполеоновскій служака, гусарскій капитанъ Тржецякъ графу Влади-

славу Замойскому, живо интересовавшемуся вопросомъ объ улучшеніи участи крестьянъ.

— Крестьянинъ лошадь дворянина, графъ, а вы помышляете объ его образованіи; это равносильно, тому какъ будто вы выучили свою лошадь опрокидывать васъ изъ сѣдла. Вы дворянинъ и прекрасный наѣздникъ, поэтому должны знать, что если лошадь научится опрокидывать васъ, то потомъ ее не обуздаешь; когда вы дадите крестьянамъ образованіе, они съумѣютъ безо всякихъ контрактовъ свергнуть ваше иго; образованіе научитъ ихъ, какъ этого достигнуть.

Въ настоящее время существованія Польскаго королевства, сеймъ, названный четырехъ-лѣтнимъ, объявилъ во всеуслышаніе, что польское дворянство изыскиваетъ средства сравнять крестьянъ въ отношеніи политическихъ и гражданскихъ правъ съ привилегированнымъ классомъ дворянъ. На этомъ сеймѣ и на всѣхъ прочихъ собраніяхъ, созванныхъ для обсужденія этого вопроса, обсуждались всевозможныя дѣла, но о крестьянскомъ вопросѣ сказано было всего нѣсколько словъ. Нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ по этому вопросу, не обратили вниманія собравшейся публики и послужили только поводомъ отложить обсужденіе вопроса до другаго времени.

Всѣ манифестаціи и злополучныя событія 1861—1863 гг. были вызваны единственно оппозиціей противъ освобожденія крестьянъ и надѣла ихъ землею. Поляки были гораздо болѣе ожесточены противъ Россіи, нежели противъ Австріи, такъ какъ католическое духовенство подстрекало ихъ въ этомъ случаѣ къ дѣйствію противъ православнаго русскаго правительства, отнюдь не затрогивая въ то же время австрійскаго, преданнаго католицизму.

Польскіе магнаты считаютъ себя какъ бы оскорбленными русскимъ правительствомъ, отнявшимъ у нихъ крестьянъ, и до сихъ поръ не могутъ забыть этого. Бросивъ взглядъ на прошлое, мы увидимъ, съ какимъ ожесточеніемъ, съ какимъ упорствомъ магнаты защищали всегда свои привилегіи и свою помѣщичью власть, поэтому недовольство магнатовъ становится ясно; трудно только объяснить ослѣпленіе дворянства, которое должно было знать нравственную и политическую доблесть этого сословія. Также точно были ослѣплены и революціонные агенты послѣдняго возстанія, которые были лишь агентами недовольныхъ магнатовъ и антиславянской политики и дѣйствовали противъ Россіи, противъ славянскаго духа и владычества.

Подобное заблужденіе дворянства можно объяснить лишь полнѣйшимъ незнаніемъ того, что происходитъ въ странѣ и за границею, и желаніемъ оставаться въ этомъ невѣдѣніи. Къ этому присоединяется еще, какъ я уже сказалъ, тайная боязнь невидимаго правительства, существующая до сихъ поръ въ воображеніи этого дворянства, кото-

рое не любитъ анализировать и изслѣдовать свои собственныя мысли и чувства.

Польскіе журналисты Галиціи и отчасти Познани стараются умышленно поддержать это заблужденіе поляковъ, дѣйствуя въ этомъ случаѣ совершенно въ духѣ нѣмецкихъ журналистовъ Австріи.

Три года тому назадъ польскіе журналисты, идя по стопамъ австро-венгерской прессы, обвиняли Россію въ панславизмѣ, теперь тѣ же самые журналисты обвиняютъ ее въ отсутствіи славянскихъ тенденцій въ ея европейской политикѣ и въ отсутствіи христіанства въ ея азіатской политикѣ.

Государственный дѣятель Австро-Венгріи, г. Андраши, отлично понялъ, что желаніе и надежда магнатовъ сохранить власть надъ крестьянами какимъ бы то ни было образомъ составляетъ довольно могучее средство привязать поляковъ къ Австріи.

Между тѣмъ, до сихъ поръ, повидимому, не понимаютъ, что нежеланіе эмигрантовъ явиться на защиту Франціи во время франко-прусской войны и участіе ихъ въ коммунѣ, а равно энергія, съ которой польскіе офицеры и солдаты изъ Познани сражались въ рядахъ прусской арміи, не могли имѣть благотворнаго вліянія на расположеніе французскаго народа и правительства къ полякамъ.

Политическіе дѣятели Франціи, слѣдящіе безъ предубѣжденія за современными событіями, поняли вполнѣ, что по мнѣнію поляковъ возстаніе 1863 г. нанесло смертельный ударъ польскому дѣлу; то же можно сказать о здравомыслящей французской журналистикѣ, ибо возстаніе 1863 г. было явнымъ протестомъ населенія собственно польскихъ и литовскихъ губерній; народъ не хочетъ отдѣльнаго существованія Польши, и послѣднее возстаніе только доказало, что русскія губерніи, бывшія подъ властью Польши, не имѣютъ съ нею прочной связи и удерживались ею до сихъ поръ только силою. Такое положеніе, доказанное фактами, говоритъ въ пользу Россіи и совершенно оправдываетъ ея политику.

Подобные факты и подобные выводы произвели, разумѣется, большое впечатлѣніе на французскій народъ, который болѣе всякаго другаго уважаетъ желанія всякаго народа и признаетъ ихъ законность.

Нынѣ поляки значительно утратили вліяніе, которое они имѣли въ прежнее время, когда они были могучей націей; теперь это небольшая нація, окруженная могучими сосѣдями, не имѣющая естественныхъ границъ; ея высшій классъ не можетъ даже разсчитывать на свой собственный народъ, который, имѣя съ нимъ одинъ языкъ и одну религію, предпочитаетъ находиться подъ властью государствъ, раздѣлившихъ Польшу, нежели образовать самостоятельную націю. Въ политикѣ люди уважаютъ только тѣхъ политическихъ друзей, которые

имѣютъ дѣйствительное и существенное значеніе, но уваженіе ихъ охлаждается, когда за помощь, оказанную этимъ друзьямъ, они не видятъ отъ нихъ никакой выгоды.

Это именно и охладило французовъ къ полякамъ и къ ихъ дѣлу но особенно повліяло на нихъ то глубокое уваженіе, какое заслужила во Франціи Россія и ея монархъ-освободитель.

Реформы, совершаемыя въ Россіи, и прогрессъ, ими вызванный, были вполнѣ оцѣнены французами, несмотря на всѣ жалобы поляковъ на русское правительство; политическое мнѣніе Франціи теперь окончательно на сторонѣ Россіи. Честное и даже великодушное положеніе, принятое Россіей по инициативѣ императора Александра II во время франко-прусской войны, заслужило симпатію всего французскаго народа.

Англія никогда не симпатизировала особенно польскому дѣлу; она пользовалась услугами поляковъ, но всегда игнорировала ихъ патріотизмъ, давала имъ денегъ—и только; а польскимъ эмигрантамъ позволяла кричать и дѣлать заговоры противъ Россіи не потому, чтобы она сочувствовала ихъ дѣлу, а единственно по своему соперничеству съ Россіей въ азіатскихъ дѣлахъ.

Турція предлагала полякамъ искреннее, честное политическое гостепріимство; она позволяла имъ не только лелѣять надежду на освобожденіе, но даже вступить въ сношенія съ южными славянами, подданными султана. Эмигранты имѣли нѣкоторую политическую будущность въ лицѣ національнаго войска, существовавшаго въ арміи султана. Турки, оказывавшіе полякамъ въ теченіе многихъ лѣтъ симпатію и покровительство, со временемъ оставили ихъ вслѣдствіе интригъ самихъ поляковъ и зависти, существовавшей между ними, которая тутъ, какъ и вездѣ, разрушила все созданное для нихъ и уничтожила окончательно польскій характеръ этого войска.

Польскіе эмигранты утратили въ глазахъ турокъ всякое политическое значеніе вслѣдствіе своихъ собственныхъ ошибокъ и своего поведенія, и если турки оказываютъ имъ до сихъ поръ гостепріимство и даютъ имъ средства къ жизни, то они обязаны этимъ единственно великодушію и благородству турецкаго населенія и стараніямъ генерала Игнатьева, который избѣгаетъ всякаго столкновенія съ эмигрантами и никогда не жалуется на нихъ турецкому правительству. Какъ бы то ни было, они утратили окончательно свое значеніе въ глазахъ турокъ и по всей вѣроятности навсегда.

Хотя та часть польской націи, которую можно назвать ультрапольскою, еще не обрусѣла, но она искренно расположена къ Россіи за то благосостояніе, которымъ она пользуется при настоящемъ монархѣ [1];

---

[1]) Александръ II.

и несмотря на всѣ усилія католическаго духовенства, несмотря на пропаганду революціоннаго пролетаріата, она должна черезъ нѣсколько поколѣній позабыть всѣ свои польскія традиціи.

Достойно сожалѣнія польское дворянство, недовольство котораго поддерживается постоянно революціонными агитаторами 1863 г., встрѣчающими въ свою очередь поддержку въ пролетаріатѣ и западныхъ революціонерахъ. Оно становится все болѣе и болѣе одиноко, и ему остается только эмигрировать или предстоитъ онѣмечиться или наконецъ перенести въ новый свѣтъ убитую имъ національность, населивъ пустыни Америки или Австраліи, между тѣмъ какъ, соединившись съ Россіей въ одну монархію, поляки могли бы сохранить свою національность, составляя часть Россійской имперіи. Мысль о союзѣ, о соединеніи съ Россіей не представляетъ новость; я изложилъ здѣсь тѣ попытки, которыя были сдѣланы съ этой цѣлью государственными людьми, вдохновленными Провидѣніемъ и дѣйствовавшими подъ вліяніемъ искренняго патріотизма и здраваго политическаго смысла.

Я прибавлю ко всему изложенному мною въ этихъ замѣткахъ письмо, написанное Игнатіемъ Ягелловичемъ, бывшимъ офицеромъ Сумскаго гусарскаго полка, человѣкомъ честнымъ, вполнѣ понимавшимъ положеніе польскаго дѣла и польской націи.

«Многіе поляки стараются доказать,—писалъ мнѣ Ягелловичъ,—что благосостояніе и будущность не только поляковъ, но и многихъ славянъ заключается въ соединеніи ихъ подъ властью германскаго императора; я не раздѣляю этого взгляда и имѣю достаточно историческихъ данныхъ въ настоящей и прошлой исторіи поляковъ, чтобы утверждать, что ни одна нѣмецкая династія не обладаетъ необходимыми качествами для того, чтобы привести славянъ къ свободѣ и благосостоянію: эта роль принадлежитъ единственно династіи, царствующей нынѣ въ Россіи. Я объявляю смѣло, что въ этомъ заключается истина, и говорю это самымъ ярымъ сторонникамъ германизаціи; пусть они оспариваютъ меня, я съумѣю отвѣтить имъ.

«Кто даровалъ амнистію нашему національному герою, Ѳаддею Костюшкѣ, и принялъ его съ уваженіемъ и благосклонностью; кто возвратилъ свободу ему и нѣсколькимъ тысячамъ поляковъ, сражавшихся противъ Россіи? Кто сдѣлалъ это съ такою добротою и великодушіемъ? Блаженной памяти императоръ Павелъ. Это первый примѣръ.

«Вторымъ примѣромъ служитъ императоръ Александръ I. Гдѣ найти монарха подобнаго ему по добротѣ и возвышенности чувствъ? Кто возвысилъ Польшу послѣ ея паденія, поставилъ ее на ноги и образовалъ Польское королевство? Ѳаддей Костюшко написалъ этому великодушному монарху благодарственное письмо и получилъ отъ него отвѣтъ, исполненный великодушія и доброты, который подобно лучу весенняго солнца

озарилъ послѣдніе дни стараго польскаго героя. Кто дозволилъ перевести въ Польшу остатки князя Іосифа Понятовскаго и приказалъ отдать имъ всѣ почести, щадя этимъ самолюбіе поляковъ? Все это было сдѣлано императоромъ Александромъ I.

«Императоръ Николай I во многихъ случаяхъ былъ добръ и великодушенъ къ полякамъ, и я испыталъ на себѣ его великодушіе.

«Развѣ императоръ Александръ II не простилъ васъ самихъ, не произнесъ вашей амнистіи и не предалъ всего забвенію, тогда какъ вы были, можно сказать, самымъ вреднымъ и самымъ послѣдовательнымъ врагомъ Россіи между всѣми поляками? Принявъ васъ съ чисто отеческою добротою, онъ сказалъ вамъ:

«Я люблю поляковъ и желаю имъ добра. Я хотѣлъ бы, чтобы всѣ они отличались такою же гражданскою доблестью, какую вы выказали».

«Александръ II не имѣетъ себѣ равнаго по добротѣ и великодушію.

«Если бы мои слова могли имѣть вліяніе на моихъ соотечественниковъ то я сказалъ бы имъ: «братья, подумаемъ серьезно и, ударивъ себя въ грудь, повторимъ: это наша вина». Этимъ мы выскажемъ только истину и не должны стыдиться ея. Богъ любитъ правду и прощаетъ тому, кто серьезно раскаивается.

«Я думаю и даже убѣжденъ въ томъ, что большая часть польскаго дворянства раздѣляетъ мое мнѣніе, только они не смѣютъ высказать этого по недостатку гражданскаго мужества, а равно изъ боязни, внушенной имъ революціонерами 1863 г. и религіознымъ фанатизмомъ ихъ духовенства.

«Однако пора бы собраться съ силами и высказаться рѣшительно. Пусть потомки освободителей Вѣны и былые товарищи нѣмцевъ, побѣдителей французовъ, подумаютъ о томъ, какова будетъ участь поляковъ славянъ, если они будутъ подчинены нѣмцамъ.

«Гогенцоллерны не скрываютъ своихъ намѣреній и той будущности, которую они готовятъ полякамъ и польскому дѣлу. Мы имѣемъ передъ глазами Померанію, восточную Пруссію и даже Познань; ихъ внутренняя организація свидѣтельствуетъ ясно о томъ, чего хотятъ нѣмцы: они хотятъ отнять у поляковъ землю и онѣмечить ихъ.

«Въ Германіи поляковъ не защититъ католицизмъ. Католическое духовенство далеко не пользуется въ Германіи тѣми преимуществами, какъ въ Россіи; послѣднія событія доказали, что германское правительство не остановится передъ самыми строгими мѣрами, когда дѣло идетъ объ огражденіи его основныхъ правительственныхъ принциповъ, и что оно преслѣдуетъ всегда свою цѣль до конца.

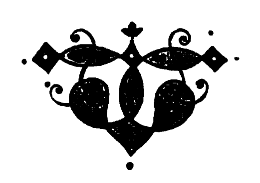
«Въ Галиціи издавна замѣчается антагонизмъ между польскимъ и русскимъ населеніемъ, принадлежащимъ къ одному и тому же племени, и между польскими вельможами и крестьянами; это извѣстно австрій-

скимъ властямъ, а между тѣмъ правительство не только не принимаетъ мѣръ къ устраненію подобнаго порядка вещей, но даже старается продлить и усилить его. Мнимая симпатія Австро-Венгріи къ возстаніямъ 1830 и 1863 гг., о которой такъ много говорили магнаты, скрывала только ихъ желаніе создать новыя затрудненія Россіи и парализовать во-время революціонныя тенденціи поляковъ. Всѣ эти симпатіи были лишь плодомъ уклончивой политики стараго Меттерниха, девизомъ котораго было «разъединить, чтобы властвовать», не давать никакихъ опредѣленныхъ правъ и привилегій, чтобы всегда имѣть возможность отмѣнить ихъ.

«Что касается симпатіи венгерцевъ, то я повторю по этому поводу то, что я говорилъ уже много разъ: въ 1848 г. поляки сражались вмѣстѣ съ венгерцами, польскіе генералы командовали венгерскими войсками, и польскіе политическіе дѣятели помогали венгерскому дѣлу своимъ вліяніемъ и своими трудами, поэтому поляки потребовали отъ венгерскихъ революціонеровъ, чтобы они отказались, отъ имени Венгріи, отъ польскихъ земель, доставшихся ей вслѣдствіе раздѣла Польши; съ этимъ требованіемъ поляки обращались къ Кошуту, Батьяни и Андраши, но венгерцы послѣ многихъ преній отвѣчали имъ: «нѣтъ, мы не можемъ (или, лучше сказать, не хотимъ) этого сдѣлать. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ симпатіи къ намъ венгерцевъ».

Таково было содержаніе этого письма.

Я не задавался цѣлью обсуждать въ своихъ запискахъ положеніе польскаго вопроса, но чистосердечно изложилъ въ нихъ нѣкоторые факты, которые я и предлагаю на обсужденіе поляковъ, совѣтуя имъ поторопиться, покуда еще есть время, чтобы не упустить благопріятнаго случая исправить сдѣланныя ими ошибки; вмѣстѣ съ тѣмъ я искренно желаю, чтобы соединеніе двухъ главныхъ славянскихъ народовъ въ одну монархію совершилось какъ можно скорѣе и чтобы поляки примкнули снова къ славянскимъ народамъ и, возвратившись къ исполненію своего долга, могли бы пользоваться вмѣстѣ съ русскимъ народомъ благодѣяніями монарха-освободителя и его преемниковъ.

Восточная политика Наполеона [1]).

По истеченіи столѣтія, настал наконецъ моментъ приступить къ безпристрастному изученію исторіи Наполеона, говоритъ профессоръ Дріо въ предисловіи къ своему труду, «La politique orientale de Napoléon, появившемуся въ Парижѣ въ текущемъ году. До сей поры весьма трудно было судить о немъ по тѣмъ произведеніямъ, которыя имѣются, и избавиться отъ чувства восхищенія, или ненависти къ его личности, вслѣдствіе чего въ теченіе долгаго времени трудно было выяснить истину. Казалось бы, что среди европейскихъ народовъ итальянцы могли первые отдать должную справедливостъ дѣйствіямъ Наполеона, ибо, хотя имъ пришлось долго ждать независимости и объединенія, которыя они надѣялись получить черезъ него, но все же они обязаны ему возрожденіемъ своей національности. Однако, подпавъ современемъ подъ иго Австріи и папства, итальянцамъ трудно было выказать благодарность тому, кто въ XIX вѣкѣ былъ первымъ королемъ Италіи, и ихъ историческая литература крайне бѣдна въ этомъ отношеніи. Исторія нуждается въ свободѣ.

Нѣмцы могутъ забыть зло, которое онъ сдѣлалъ имъ, теперь, когда совершилось ихъ объединеніе; но они съ трудомъ сознаются въ томъ, что онъ отчасти содѣйствовалъ этому великому дѣлу; они приписываютъ славу его исключительно своимъ собственнымъ государственнымъ дѣятелямъ. Англичане скорѣе дѣлаютъ исторію, чѣмъ пишутъ ее, и они посвятили императору Наполеону лишь небольшія сочиненія, имѣющія впрочемъ значительную цѣнность.

Что касается насъ, французовъ, имѣющихъ болѣе всего возмож-

---

[1]) Ed. Driault. La politique orientale de Napoléon. 1806—1808. Paris. 1904.

ности къ изученію исторіи императора Наполеона I и коихъ долгъ обязываетъ взять на себя этотъ трудъ, то мы не можемъ забыть зло, которое Наполеонъ причинилъ Франціи, оставя ее гораздо менѣе великой, чѣмъ онъ получилъ ее отъ Конвента, и того, что наслѣдникъ его продолжалъ идти по его стопамъ. Однако, избавляясь мало-по-малу отъ созданной имъ административной централизаціи, которая сдѣлалась современемъ чѣмъ-то въ родѣ крѣпостничества, возвращаясь къ привычкамъ свободнаго правленія и работая надъ исправленіемъ бѣдствій, причиненныхъ первой Имперіей, мы въ тайнѣ восхищаемся славными дѣяніями, совершенными Наполеономъ во главѣ великой арміи, сознавая, что онъ подготовилъ революціонный переворотъ, совершившійся въ Европѣ. Мы стали бы сожалѣть, если бы эта несравненная роль, послѣдствія которой чувствуются до сихъ поръ во всемъ свѣтѣ, не была бы съиграна французомъ. Такимъ образомъ, по отношенію къ Наполеону въ насъ выработалась смѣсь злобы съ благодарностью, изъ которыхъ получается безпристрастіе.

Главная суть Наполеоновскихъ дѣяній состоитъ въ интернаціональности ихъ характера; дѣянія эти болѣе европейскія и міровыя, чѣмъ французскія. Наполеонъ ускорилъ, самъ того не зная и не желая, развязку кризиса, подготовлявшагося уже въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, въ организаціи политической и соціальной Европы. Италія была въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій подъ иноземнымъ игомъ, но въ концѣ XVIII вѣка она болѣе не хотѣла мириться съ этимъ; у нея явилось тайное желаніе возродиться, и со времени Генриха IV и Ришелье политическою традиціею французовъ было изгнаніе изъ Италіи испанцевъ, а впослѣдствіи австрійцевъ. Въ этомъ отношеніи уже были достигнуты желанные результаты; въ Испаніи и Неаполѣ существовало уже стремленіе къ латинскому объединенію. Но эта эволюція шла медленно; нуженъ былъ сильный толчекъ, чтобы вызвать какой-либо существенный результатъ.

Россія подвигалась между тѣмъ гигантскими шагами къ Средиземному морю и къ центральной Европѣ; она, съ ужасающей скоростью, направлялась по «пути къ Византіи». Христіанское населеніе Балканскаго полуострова было этимъ взволновано и вслѣдствіе вѣковой ненависти къ Турціи звало къ себѣ московскихъ царей.

Италія, Германія и христіанское населеніе Турціи желали самостоятельности, хотѣли избавиться отъ посторонней власти сильныхъ государствъ, съ болѣе или менѣе неограниченной властью, т. е. Священной Римоко-Германской имперіи, и блистательной Порты.

Эта національная эволюція была лишь извѣстнымъ проявленіемъ революціонной дѣятельности, мало-по-малу овладѣвшей умами восточной Европы. Французскіе философы работали главнымъ образомъ надъ чело-

вѣческой эмансипаціей; но эмансипація народовъ вытекла изъ побѣдъ революціи, ибо послѣдняя не только взывала къ правамъ человѣка и гражданина, но также къ правамъ народовъ, которые приняли ее съ энтузіазмомъ. Революція представляла собой неизбѣжный кризисъ, въ которомъ приняли участіе итальянскія, нѣмецкія и балканскія національности. Наполеонъ явился орудіемъ распространенія революціи во всей Европѣ, онъ удалилъ послѣднія препятствія, удерживавшія ее, и главнымъ образомъ Священную Римскую имперію, очищая все тамъ, гдѣ должна была образоваться обновленная Европа; былъ моментъ, когда вся Европа стала черезъ него мѣстомъ революціи, или полемъ, гдѣ должны были возрасти сѣмена революціи. Личная дѣятельность Наполеона была недолговременна; его имперія—это политическое зданіе изъ самыхъ непрочныхъ, которое когда-либо существовало; даже имперія Карла Великаго и та была прочнѣе. Вслѣдствіе понесенныхъ имъ пораженій, границы Франціи съузились. Императоръ хотѣлъ подавить Англію, онъ почти уничтожилъ Пруссію, побѣдилъ Россію при Аустерлицѣ и Фридландѣ, взялъ Москву. Но этимъ онъ лишь возбудилъ энергію ихъ національнаго генія, и вскорѣ послѣ него Англія, Пруссія и Россія стали самыми могущественными державами XIX вѣка.

Сѣмена, посѣянныя революціей, не были заглушены реакціей Священнаго Союза; народы не забыли свободу, которую надѣялись получить отъ Франціи; но имъ было отказано въ ней, и они потребовали ее, вслѣдствіе чего политическій обликъ Европы совершенно измѣнился. Несомнѣнно, что народы, благодаря присущей имъ внутренней силѣ, отстояли бы свои права и безъ участія Наполеона, новыя національности завоевали бы себѣ, по всей вѣроятности и безъ посторонняго вмѣшательства, право на существованіе, ибо народъ, который хочетъ жить, обладаетъ несокрушимой силой. Но кризисъ, вызванный наполеоновскими войнами, усилилъ и превратилъ въ потокъ революціонныя стремленія; безъ Наполеона революція быть можетъ ограничилась бы лишь одной Франціей, и кто знаетъ, не была ли она бы подавлена и во Франціи? Человѣчество такъ создано, что сила оружія необходима для побѣды идеи. Вслѣдствіе могущества революціи и толчка даннаго Наполеономъ, на развалинахъ, созданныхъ ими, выросли и стали выдѣляться національности, измѣнивъ карту современной Европы. Въ Италіи карбонаріи, которые требовали свободу въ началѣ царствованія Наполеона, продолжали требовать ее отъ Священнаго Союза; они взялись за оружіе, потерпѣли пораженіе и снова принялись за него. Либералы молодой Италіи совершили революцію 1848 г., они также были побѣждены, но также продолжали добиваться своего при помощью Піемонта и Наполеона III. Имъ посчастливилось, и Италія стала свободной, начиная отъ Альпъ до Средиземнаго моря;

Наполеонъ свергнулъ папу, итальянцы отняли у него Римъ, и новая Италія представляетъ какъ бы осуществленіе Наполеоновской идеи.

Германія, раздавленная Наполеономъ, познавъ невзгоды иностраннаго ига, сознала необходимость объединенія; Германія, исполненная ненависти къ Наполеону, можетъ считать 1813 годъ эпохой своего возрожденія. Впослѣдствіи нѣмецкіе либералы забыли Наполеона и изъ ненависти къ Австріи и Священному Союзу начали возлагать надежды на Пруссію; въ 1848 г. они старались соединить любовь къ свободѣ съ объединеніемъ великой Германіи, но были покинуты Пруссіей, побѣждены Австріей и наконецъ подпали подъ прусское иго, и Гогенцоллерны довершили въ свою пользу объединеніе нѣмецкой національности. Наполеонъ III далъ возможность свершиться Садовѣ; Седанъ и Эльзасъ-Лотарингія скрѣпили объединеніе нѣмецкаго народа.

Наполеонъ I остановилъ своимъ оружіемъ Россію въ ея поступательномъ движеніи къ Дунаю и къ Средиземному морю. Во время его царствованія русскіе цари не подвинулись ни на шагъ къ Константинополю, и послѣ его паденія имъ не удалось снова взяться за планы, которымъ онъ помѣшалъ. Вслѣдствіе этого Турція получила еще нѣсколько лѣтъ жизни, достаточныхъ для того, чтобы стать преградою для русскихъ, однако не достаточныхъ для того, чтобы помѣшать возрожденію христіанскихъ національностей. Болгары, сербы, румыны, албанцы и греки вздохнули подъ менѣе тяжелымъ игомъ мусульманъ. Франція временъ Реставраціи содѣйствовала освобожденію Греціи; Франція временъ Людовика-Филиппа помогла Египту почти окончательно освободиться изъ подъ власти Турціи. Наполеонъ III, продолжая защищать Порту противъ русскихъ царей, поощрялъ образованіе Румыніи. Однако мало-по-малу турки были заперты въ Константинополѣ, и, какъ сказано въ Тильзитскомъ договорѣ, «всѣ провинціи Оттоманской имперіи, исключая Константинополя и Румеліи, избавлены отъ турецкаго ига и напастей». Но это не принесло пользы ни русскимъ, ни французамъ. Тѣмъ не менѣе, когда присматриваешься въ наше время къ тому, какое вліяніе пріобрѣли нѣмцы на Балканскомъ полуостровѣ, въ проливахъ и въ Малой Азіи, вплоть до Багдада, то въ этомъ можно видѣть осуществленіе на практикѣ идей Талейрана и Наполеона, когда они хотѣли двинуть Австрію къ востоку, чтобы оттѣснить Россію въ Азію. Вообще мало существуетъ чертъ политической исторіи современной Европы, которыя не были бы созданы во времена Первой Имперіи. Вліяніе Наполеона и революціи чувствуется не только въ нѣкоторыхъ фактахъ, коснувшихся и послѣдующихъ поколѣній, но оно создало и измѣнило общій духъ Европы. Наполеоновская армія, казалось, шла впередъ для того, чтобы открыть до-

рогу могучему вліянію свободы и человѣческой эмансипаціи. Подобно предводителю революціонной шайки, онъ побѣждалъ лишь съ тѣмъ, чтобы уничтожить феодальный режимъ, барщину, господскую юрисдикцію, несправедливость, терпимую несчастнымъ простолюдиномъ, монополію высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, предоставленную до тѣхъ поръ дворянству. Задачей Наполеона было несомнѣнно уничтоженіе въ Германіи,Италіи и вездѣ, гдѣ онъ проходилъ, отвратительной системы мелкихъ владѣтельныхъ княжествъ, пробудить народный духъ, смести остатки феодальной системы и очистить поле для развитія новыхъ, лучшихъ формъ общественной жизни. Въ странахъ, гдѣ власть Наполеона просуществовала настолько, чтобы дать время развитію революціонныхъ идей, которыя вносила эта власть, напримѣръ, въ Бельгіи, въ Рейнскихъ провинціяхъ, въ восточной Германіи, Швейцаріи и Италіи, тамъ не могла уже возродиться феодальная система; и эти страны сохранили съ соціальной точки зрѣнія родство съ новой Франціей, родство революціонное. А кто можетъ предугадать, гдѣ это вліяніе окончится? Когда Англія, вслѣдствіе реформъ 1832 г., вступила на путь демократизма, послѣ продолжительныхъ треволненій, совпавшихъ съ концомъ Первой Имперіи, развѣ не либеральныя идеи, пришедшія туда изъ Франціи, содѣйствовали этому?

Далѣе, не началась ли и въ отдаленной Россіи съ той поры агитація либеральнаго свойства? декабрскій переворотъ 1825 г. былъ первой большой манифестаціей въ этомъ духѣ, которая произошла довольно скоро послѣ смерти Наполеона; смѣло можно сказать, что польская революція также была отголоскомъ нашей іюльской революціи. Наполеонъ лично не желалъ этихъ переворотовъ, онъ даже не понималъ ихъ; революція, безсознательнымъ орудіемъ которой онъ является, повернулась противъ него. Но потому что Наполеонъ уничтожилъ старый режимъ, разрушилъ привилегіи, смялъ на пути своемъ травы, которыя никогда больше не могли подняться, потому что въ минуту возвращенія съ острова Эльбы, враги его, короли, уже совершили на Вѣнскомъ конгрессѣ реставрацію прошлаго, потому что окончательное его паденіе было во Франціи тріумфомъ Реставраціи и Бурбоновъ, потому-то цѣли его больше, чѣмъ когда-либо, слились съ цѣлями революціи; и его племянникъ воспользовался этимъ. Французская революція не была неожиданнымъ проявленіемъ новой эпохи, но центральнымъ кризисомъ политической и соціальной эволюціи, которая съ начала XVIII вѣка передѣлывала свѣтъ на демократическій ладъ. Вся исторія Наполеона представляетъ собой кризисъ, во время котораго, при самой драматической обстановкѣ розыгралась развязка великихъ національныхъ вопросовъ, стоявшихъ на очереди уже болѣе ста лѣтъ. Совершенно невозможно писать исторію политическихъ событій со-

временной Европы, не возвращаясь постоянно къ личности Наполеона, коего политика является какъ бы главною ихъ основою, также какъ наполеоновская Европа представляетъ собой какъ бы эскизъ или набросокъ новой Европы. Эта философія исторіи Наполеона не могла быть понята его современниками, ни даже послѣдующимъ поколѣніемъ. Она стала понятна лишь современемъ, главнымъ образомъ послѣ великаго національнаго движенія, начавшагося во всѣхъ странахъ въ царствованіе Наполеона III, и съ тѣхъ поръ какъ явилась возможность точнаго изученія великихъ законовъ современной исторіи.

Мнѣ кажется, что политику Наполеона невозможно понять, не изучивъ его восточной политики, которая составляетъ какъ бы первую главу современной исторіи. Въ этомъ отношеніи наполеоновская политика составляетъ также первую главу современной исторіи.

I.

Со времени своего возвращенія изъ Египта и до Аустерлица Наполеонъ мало обращалъ вниманія на Востокъ; онъ былъ занятъ упроченіемъ своей императорской власти; для чего онъ даже пожертвовалъ первыми морскими успѣхами, отказался отъ Іоническихъ острововъ и продалъ Луизіану Соединеннымъ Штатамъ. Прежде, чѣмъ расширить свою дѣятельность за предѣлами своей страны, онъ энергично забиралъ въ свои руки всѣ силы молодой Франціи; потомъ уже Аустерлицъ открылъ для него Востокъ; по Пресбургскому трактату Франція получила Истрію и Далмацію, а Италія Венеціанскую область; казалось, все наслѣдіе Венеціи на Средиземномъ морѣ сосредоточилось въ рукахъ Наполеона. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ отдалъ Востоку свои силы и энергичную дѣятельность; былъ моментъ, когда онъ посвятилъ Восточному вопросу всѣ силы своего геніальнаго ума. Затѣмъ другія заботы отвлекли вновь его вниманіе на Западъ, и онъ никогда уже не могъ серьезно приняться за прерванное дѣло. Восточная политика поглощала императора Наполеона съ іюня 1806 г. по мартъ 1808 г.; главнымъ довѣреннымъ лицомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ генералъ Себастіани. Оттоманская Порта была въ то время громадной силой; это была одна изъ самыхъ обширныхъ имперій въ мірѣ, обширнѣе, чѣмъ когда-либо была Восточная или Греческая имперія и способная играть крупную роль въ политическихъ дѣлахъ Европы, и возбуждать всякіе аппетиты, съ той минуты, когда рѣшено было ея неминуемое паденіе. Мнѣніе это было всеобщее въ началѣ XIX вѣка, факты подтверждали его; оши-

бались лишь во времени, когда слѣдовало ожидать этого паденія; Турецкая имперія подвергалась въ теченіе 30 лѣтъ такимъ сильнымъ ударамъ и ея могущество въ XVIII столѣтіи было настолько поколеблено, что подобный взглядъ былъ вполнѣ понятенъ. Черное море не было уже исключительной собственностью Оттоманской имперіи; «эта дочь султановъ была изнасилована русскими»; границы имперіи были отодвинуты отъ воротъ Вѣны къ воротамъ Бѣлграда, и Россія совмѣстно съ Австріей, или каждая отдѣльно, тщательно изучали путь въ Византію. Поэтому необходимо точно выяснить положеніе этой страны въ тотъ моментъ, когда наполеоновская политика должна была ея коснуться.

Султанъ Селимъ III, съ которымъ Наполеонъ обмѣнялся выраженіемъ самыхъ дружескихъ чувствъ, вступилъ на престолъ 7-го апрѣля 1789 г., во время второй войны Екатерины II съ Портой, когда Суворовъ разрушалъ укрѣпленія на нижнемъ теченіи Дуная. Селимъ энергично продолжалъ начатую борьбу и удержалъ Россію на Востокѣ въ тотъ моментъ, когда происходили первыя европейскія осложненія, вызванныя французской революціей. Екатерина II вовсе не была намѣрена вести крестовый походъ противъ якобинцевъ во Франціи, изъ-за монархической власти. Съ другой стороны, революціонная Франція, ниспровергнувъ Людовика XVI, привлекла этимъ на свою голову австрійское оружіе и отвлекла его такимъ образомъ отъ границъ Турціи, Какъ и въ эпоху Франциска I, Франція и Порта имѣли общихъ враговъ; между Портой и революціонной Франціей уже давно существовали живыя симпатіи; въ Константинополѣ возникали якобинскіе клубы, гдѣ распѣвали революціонныя пѣсни и носили красные колпаки.

Съ самаго начала побѣдъ республиканской арміи, Селимъ III восхищался ея энергіей и способностями, и задумалъ преобразовать по ея примѣру военную силу Турціи; ему принадлежитъ великая заслуга военнаго возрожденія Турціи, остановившаго паденіе оттомановъ и продлившаго болѣе чѣмъ на сто лѣтъ ихъ пребываніе въ Европѣ. Въ 1796 г. генералъ Оберъ-Дюбайэ, посланный въ Константинополь Директоріей въ качествѣ посланника, привезъ съ собою, инженеровъ и офицеровъ; его пріѣзду предшествовала молва о его геройскихъ подвигахъ при осадѣ Майнца въ 1793 г., и ему были оказаны при пріѣздѣ выраженія самаго горячаго восторга. Селимъ надѣялся, что онъ создастъ ему армію героевъ, но для этого потребовалось бы болѣе времени, чѣмъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи Оберъ-Дюбайэ, который умеръ нѣсколько мѣсяцевъ спустя.

Къ тому же французская республика возбудила въ султанѣ вскорѣ болѣе опасеній, чѣмъ восторга. Послѣ мира, заключеннаго въ Кампо-Форміо, онъ сильно безпокоился о томъ, чтобы французы не заняли Іоническіе острова, и предпочиталъ сосѣдство Венеціи сосѣдству Бона-

парта. Какъ бы велико было его волненіе, если бы ему была извѣстна корреспонденція Наполеона съ Талейраномъ, тогдашнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Директоріи. «Іоническіе острова для насъ интереснѣе всей Италіи, взятой вмѣстѣ,—писалъ Бонапартъ. Я думаю, что если бы мы были вынуждены выбирать, то лучше было бы отдать Италію императору и оставить эти острова себѣ».

«Ничего нѣтъ важнѣе для насъ,—отвѣчалъ Талейранъ,—какъ встать твердой ногою въ Албаніи, въ Греціи, Македоніи и т. д.».

Это «и т. д.» заставило бы султана призадуматься. Съ этого времени Бонапартъ завязалъ переписку съ пашами Янины и Скутари, съ греками и эмирами Ливана; султану не была извѣстна эта корреспонденція и всѣ эти происки; тѣмъ не менѣе онъ не переставалъ безпокоиться относительно намѣреній французскаго правительства, и когда армія Бонапарта высадилась въ Египтѣ, Директорія тщетно старалась увѣрить Порту въ своемъ доброжелательствѣ, заявивъ, что она собирается лишь наказать мамелюковъ за ихъ постоянное неповиновеніе султану. Селимъ не понялъ, что французы хотѣли только быть ему полезными, и Франціи была объявлена война; жившіе въ Оттоманской имперіи французы были заключены въ тюрьму и имущество ихъ конфисковано. Руфеиъ (Ruffin), повѣренный въ дѣлахъ Франціи, былъ посаженъ въ Семибашенный замокъ [1]).

«Восточный романъ» Бонапарта былъ блестящъ, но кратокъ; сраженіе подъ Пирамидами подняло энтузіазмъ французовъ, сраженіе при Абукирѣ подняло духъ англичанъ. Бонапартъ не взялъ С. Жанъ-д'Акра, покинулъ Египетъ, и Франція потеряла его, а впослѣдствіи и Мальту; она перестала быть опасной для турокъ, и имъ приходилось бояться скорѣе Россіи, Австріи и даже Англіи, которая, утвердившись съ той поры на Средиземномъ морѣ, не хотѣла покинуть его, охраняла путь въ Индію и выражала желаніе покровительствовать султану, который былъ встревоженъ именно этой новой и горячей дружбой. Переставъ быть сосѣдкой, Франція перестала быть врагомъ, и прежнія отношенія могли завязаться вновь. Такимъ образомъ, 9-го октября 1801 г. были заключены предварительныя условія мира, подписаннаго 26-го августа того же года. Первый консулъ возвратилъ султану Египетъ, и въ Египтѣ не осталось ни одного французскаго солдата; онъ гарантировалъ цѣлость Оттоманской имперіи и даже возвратилъ ей Іоническіе острова, которые должны были образовать республику Семи-Островомъ, подъ протекторатомъ Турціи и Россіи. Оттоманское правительство въ свою очередь возвращало Франціи ея конфискованныя владѣнія, подтвердило точнымъ образомъ прежнія капитуляціи, выгодныя для француз-

[1]) 12-го сентября 1798 г.

ской торговли, въ особенности капитуляціи 1740 г., и предоставило французскимъ купцамъ право плавать въ Черномъ морѣ. Руфенъ былъ выпущенъ изъ Семибашеннаго замка. Генералъ Брюнъ былъ назначенъ французскимъ посломъ въ Константинополь и отправился туда въ январѣ 1803 г., а Магометъ-Саидъ Галетъ-эфенди назначенъ турецкимъ посломъ въ Парижъ.

Бонапартъ отказался однако отъ Востока не безъ тайной мысли вернуться туда. Дня два спустя послѣ подписанія предварительныхъ условій мира 11-го октября 1801 г., или 21-го вендеміера X года, полковникъ Себастіани былъ посланъ въ Константинополь съ письмомъ отъ перваго консула къ султану. Онъ ѣхалъ черезъ Мюнхенъ, Вѣну, Рущукъ и прибылъ въ Константинополь 5-го фримера (24-го ноября 1801 г.). Несмотря на оппозицію пословъ русскаго, Тамары, и англійскаго, лорда Эльджина, Себастіани былъ принятъ хорошо. Лордъ Эльджинъ въ особенности проявлялъ желаніе дѣйствовать въ Константинополѣ въ высшей степени деспотично. Себастіани хотѣлъ представиться султану въ формѣ французскаго полковника; изъ-за этого возникла цѣлая исторія; онъ грозилъ уѣхать обратно, не передавъ письма Бонапарта, и въ концѣ концовъ настоялъ на своемъ.

На своемъ пути Себастіани видѣлъ всѣ оттоманскія провинціи разоренными, вслѣдствіе возстаній и разбоевъ. «Возстанія и анархія свирѣпствуетъ не только въ Босніи и Сербіи, но почти во всей имперіи,—писалъ онъ. Оттоманская держава, въ прошломъ столь могущественная, распадается со всѣхъ сторонъ, и мнѣ кажется, что ея существованіе близится къ концу». Близъ Виддина на Дунаѣ былъ всесиленъ Пасванъ-Оглу; капитанъ-паша и начальникъ янычаровъ были его друзьями вслѣдствіе того, что Пасванъ былъ противникомъ военныхъ реформъ султана. «Нѣтъ сомнѣнія, что, если бы этому мятежнику пришла въ голову смѣлая мысль завладѣть Константинополемъ и даже имперіей, онъ могъ бы осуществить свой планъ. Но Пасванъ также ограниченъ въ своихъ проектахъ, какъ и въ моральномъ отношеніи, онъ не умѣетъ ни вести войну, ни жить въ мирѣ». Въ этомъ безпорядкѣ Себастіани видѣлъ выгоду для дѣйствій французовъ. «Быть можетъ, какой-нибудь ловкій посредникъ добился бы разрѣшенія Порты пустить въ дѣло французскій корпусъ для усмиренія или покоренія инсургентовъ... Весьма трудно заставить янычаръ рекрутовъ идти на войну, и такъ какъ они почти всѣ отцы семействъ, ремесленники, земледѣльцы и въ особенности слуги, то они боятся войны и страшны только для своихъ начальниковъ... Порта не скрываетъ, что жители Египта привязаны къ республикѣ и особенно къ первому консулу. Самъ лордъ Эльджинъ, говоря со мной объ этой странѣ, призналея, что тамъ сильно жалѣютъ о французахъ».

*

Три мѣсяца спустя послѣ окончательнаго заключенія мира въ Парижѣ въ сентябрѣ 1803 г., Бонапартъ возложилъ на полковника Себастіани торговую миссію въ Средиземномъ морѣ, отъ Триполи въ Египетъ и Сирію. Этотъ необыкновенный коммерческій агентъ долженъ былъ «составить списокъ о состояніи портовъ, средствахъ арсеналовъ, посѣтить шейховъ въ Каирѣ и привлечь ихъ, предложивъ имъ посредничество французовъ, для улаженія недоразумѣній между турецкимъ пашой и мамелюкскими беями, осмотрѣть укрѣпленія въ Яффѣ, въ Іерусалимѣ и въ С. Жанъ-д'Акрѣ». Прибывъ въ Александрію, Себастіани, въ силу Аміэнскаго договора, потребовалъ очищеніе города отъ англійскаго войска, находившагося тамъ подъ командой генерала Стюарта. Въ Каирѣ Себастіани былъ принятъ съ большимъ почетомъ, и паша Куршидъ-Ахмедъ обѣщалъ самый радушный пріемъ французскимъ торговымъ агентамъ. Полковникъ навѣстилъ шейховъ и роздалъ имъ портреты Бонапарта, что̀ возбудило среди нихъ большой энтузіазмъ; «когда мы проходили по улицамъ,—говоритъ Себастіани,—всѣ вставали и кланялись намъ; каирскіе астрологи дѣлаютъ ежедневно предсказанія, касающіяся перваго консула».

То же самое происходило, повидимому, и въ С. Жанъ-д'Акрѣ. Полковникъ вернулся черезъ о. Занте, гдѣ онъ встрѣтилъ такое же сочувственное отношеніе къ французамъ: «я не разойдусь съ правдой,—говоритъ онъ,—утверждая, что острова Іоническаго моря когда угодно объявятъ себя французскими». Описавъ состояніе укрѣпленій и состояніе англійскаго и турецкаго войска, Себастіани присовокуплялъ: «Для завоеванія Египта было бы достаточно шести тысячъ французовъ». Донесеніе его было помѣщено въ «Moniteur» 30-го января 1803 г. и возбудило негодованіе Англіи. Султанъ также относился къ французскому правительству недовѣрчиво, и съ нимъ не удалось заключить союза противъ третьей коалиціи; въ 1804 г. Селимъ не соглашался даже въ началѣ признать Наполеона императоромъ; этотъ новый титулъ безпокоилъ его, онъ боялся, чтобы честолюбивые замыслы новаго императора не обратились противъ Востока еще съ большей силой, чѣмъ это было въ 1798 г. Тогда французскій посланникъ покинулъ Константинополь, оставивъ тамъ повѣреннаго въ дѣлахъ Руфена. Русскій и англійскій послы въ Константинополѣ, Италинскій [1]) и Стратонъ, не упускали случая поддержать дурное расположеніе Порты къ Франціи. Они выражали между прочимъ полнѣйшее презрѣніе къ новому императору, предсказывая въ недалекомъ будущемъ полное пораженіе его смѣшному честолюбію; восхваляли силу третьей коалиціи и увѣряли, что вся Европа поднимется противъ корсиканскаго узурпатора и отомститъ

---

[1]) Италинскій, Андр. Яковл., дипломатъ, р. 1743 † 1827.

за всѣхъ монарховъ, уже давно терпящихъ оскорбленіе. Они надѣялись добиться, какъ было въ 1799 г., союза Турціи.

Французовъ не было болѣе въ Египтѣ; но Селимъ не считалъ нужнымъ высказываться противъ Наполеона, полагая, что это было бы неосторожно; онъ выжидалъ и могъ впослѣдствіи поздравить себя за это. Въ тотъ моментъ, когда союзники объявили ему о предстоящемъ нашествіи на Францію, онъ узналъ о сраженіи подъ Аустерлицомъ, о Пресбургскомъ трактатѣ, о пораженіи Россіи, о неучастіи Пруссіи въ союзѣ, о пораженіи Австріи, о томъ, что Франція была полною хозяйкою въ Венеціи, Истріи, Далмаціи и Неаполитанскомъ королевствѣ, столь близкомъ къ Балканскому полуострову, и что Наполеонъ могъ бы наказать султана за его недоброжелательство. Тогда Селимъ поспѣшилъ признать Наполеона императоромъ, пославъ по этому случаю къ нему чрезвычайнымъ посломъ Мухиба-эфенди, принятаго торжественно 5-го іюня 1806 г. и сказавшаго императору: «Вы самый вѣрный, самый старый и самый необходимый союзникъ Оттоманской имперіи». Наполеонъ отвѣтилъ послу: «Все, что будетъ счастіемъ или несчастіемъ для Оттоманской имперіи, будетъ счастіемъ или несчастіемъ для французовъ». Въ тотъ же день, въ присутствіи оттоманскаго посла, Людовикъ Бонапартъ былъ объявленъ королемъ Голландіи, дядя Наполеона, кардиналъ Фешъ, былъ назначенъ коадъюторомъ и преемникомъ великаго канцлера Германской имперіи; Талейранъ получилъ титулъ принца Беневентскаго, а Бернадотъ названъ принцемъ Понто-Корво; нѣсколько дней спустя Наполеонъ былъ признанъ протекторомъ Рейнскаго союза. «Все это—писалъ Талейранъ Руфену,—докажетъ Портѣ могущество Франціи». День этотъ послужилъ началомъ тѣснаго союза Франціи съ Портой, который во всѣхъ отношеніяхъ былъ очень цѣннымъ для Турціи; онъ оберегалъ ее отъ поползновеній Россіи.

II.

Необходимо мысленно перенестись за столѣтіе назадъ, чтобы судить объ опасности, которая угрожала неприкосновенности Оттоманской имперіи. Необходимо также изслѣдовать путь, пройденный русскими за послѣднюю четверть XVIII столѣтія, и принять во вниманіе, что скорость, съ которой этотъ путь былъ совершенъ, казалось, могла черезъ нѣсколько лѣтъ привести русскихъ къ Босфору. Царствованіе Екатерины II потому и считается столь славнымъ, что она, почти въ такой же степени, какъ и Петръ Великій, была основательницей русской политики; ея греческій проектъ еще болѣе, чѣмъ завѣщаніе Петра Ве-

ликаго, вдохновлялъ русскихъ царей XIX столѣтія и какъ знать— быть можетъ, онъ будетъ завѣтною мечтою и монарховъ XX вѣка.

Появленіе русскаго флота въ Средиземномъ морѣ въ 1771 г. было большимъ сюрпризомъ для Европы и историческимъ событіемъ капитальнаго значенія.

Флотъ покинулъ Петербургъ, взявъ съ собой англійскихъ лоцмановъ и офицеровъ, тогда еще не боявшихся честолюбія «московитовъ». Онъ подошелъ къ берегамъ Греціи, призвалъ грековъ къ борьбѣ за свободу и затѣмъ, оставивъ ихъ въ жертву турецкой мести, пошелъ уничтожать флотъ капитана-паши на Чесменскомъ рейдѣ.

Вся Европа ждала извѣстія о появленіи русскаго флота въ Константинополѣ, быть можетъ, даже о занятіи этого города и избавленіи Святой Софіи. Но русскіе не рѣшились испробовать свое счастье; они не появились подъ Константинополемъ, который баронъ Тотъ и французское посольство поспѣшили привести въ оборонительное положеніе.

Порта была однако такъ поражена всѣмъ случившимся, что поторопилась подписать 21-го іюля 1774 г. Кучукъ-Кайнарджійскій мирный договоръ, первый и самый характерный изъ трактатовъ, въ которыхъ мало-по-малу обрисовалась русская политика на Балканахъ. Было бы излишне перечислять статьи этого договора, изъ которыхъ нѣкоторыя оставались еще въ силѣ въ началѣ XIX столѣтія. Въ итогѣ трактата— независимость Крыма, занятіе Азова, Керчи и Кинбурна открывали Россіи окно въ Черное море, другими словами, на владѣнія, которыя Порта ревниво охраняла въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Россія становилась какъ бы покровительницей христіанъ Оттоманской имперіи, главнымъ образомъ, господарей Молдавіи и Валахіи. И, принявъ во вниманіе, что населеніе Балканскаго полуострова состоитъ, преимущественно, изъ христіанъ, становятся понятными слова дипломатическаго агента Австріи при Портѣ, Тугута: что «весь наборъ словъ, именуемый Кучукъ-Кайнарджійскимъ договоромъ, есть образецъ ловкости русскихъ дипломатовъ и рѣдкій примѣръ глупости турецкихъ посредниковъ. Вслѣдствіе ловкой комбинаціи отдѣльныхъ пунктовъ вышеупомянутаго трактата, Оттоманская имперія становится съ этого момента чѣмъ-то вродѣ русской провинціи».

Итакъ, на Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ можно смотрѣть какъ на главную основу всѣхъ дальнѣйшихъ предпріятій Россіи въ Оттоманской имперіи.

Екатерина встрѣтила въ лицѣ императора Іосифа II любезнаго корреспондента, и они выработали совмѣстно «греческій проектъ», окончательныя условія котораго видны изъ переписки, коей обмѣнялись оба монарха въ 1781 и 1782 г. Необходимо напомнить здѣсь эти условія, дабы отмѣтить ту опасность, которая грозила Портѣ отъ

Россіи, и противъ которой Порта искала поддержки. Россія и Австрія намѣтили для себя лишь небольшія частички Оттоманской имперіи, но обращались съ ними уже какъ съ своей собственностью. Россія предполагала взять лишь землю между Бугомъ и Днѣстромъ, Очаковъ и одинъ или два изъ острововъ Архипелага, въ интересахъ торговли; Австрія оставляла себѣ Хотинъ, Малую Валахію, Никополь, Виддинъ, Орсово и Бѣлградъ; она собиралась также отнять у венеціанцевъ Истрію, Критъ, Кипръ и большинство острововъ Архипелага. Объ интересахъ Франціи на Востокѣ совсѣмъ забыли.

Изъ всей совокупности европейскихъ владѣній султана оба монархамечтатели созидали два христіанскихъ государства. Валахія, Молдавія и Бессарабія должны были образовать независимое христіанское государство, подъ названіемъ Дакіи; о томъ, кто будетъ властвовать надъ послѣднимъ, умалчивалось, быть можетъ, императрица не хотѣла точнѣе выяснить этотъ вопросъ, готовая властвовать тамъ, пока не выяснятся подробности. Остальная часть полуострова предназначалась для образованія Греческой имперіи, монархомъ которой долженъ былъ быть великій князь Константинъ, внукъ Екатерины II, родившійся 8-го мая 1779 г.; было условлено, что эта Греческая имперія никогда не будетъ присоединена къ Россіи. Эти два новыхъ государства, Дакія и Греческая имперія, должны были образовать прочную конфедерацію на нижнемъ теченіи Дуная, съ условіемъ не вредить австрійской торговлѣ пошлинами до самаго устья этой рѣки.

Греческій проектъ остался безплодной манифестаціей, представляющей интересъ лишь съ точки зрѣнія исторіи и обрисовывающей русское честолюбіе. Однако Екатерина II энергично старалась осуществить его, это было великой цѣлью ея царствованія, и она думала, что онъ составитъ ея славу. Императрица не потрудилась даже пріискать предлога для выполненія своего плана и мало стѣснялась съ оттоманскимъ правительствомъ, уже давно мысленно приговоривъ его къ паденію. 8-го января 1784 г. Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи, чѣмъ формально былъ нарушенъ Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ.

Усилены были херсонскія укрѣпленія и хорошо вооруженъ Севастополь. Русскій флотъ увеличился въ Черномъ морѣ и сталъ грозой для всѣхъ. Русская армія, состоявшая изъ 130.000 человѣкъ, была сосредоточена на югѣ Россіи. Греческій архіепископъ Булгарисъ былъ водворенъ въ Херсонѣ, и на него была возложена обязанность состоять въ постоянномъ сношеніи съ единовѣрцами въ Оттоманской имперіи, гдѣ онъ являлся такимъ образомъ агентомъ религіознаго протектората Россіи.

Русскій посолъ въ Константинополѣ Булгаковъ поддерживалъ въ турецкомъ совѣтѣ интриги и подкупалъ нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ должностныхъ лицъ. Согласно со смѣло обдуманнымъ и твердо выпол-

ненным планомъ русское вліяніе проникало въ самое сердце Турецкой имперіи

Послѣ усмиренія Пугачевскаго бунта петербургское правительство снова принялось съ той же энергіей и постоянствомъ за колонизацію Новороссіи. Потемкинъ, изучая и эксплоатируя земледѣльческія богатства новаго края; населяя переселенцами мѣста, до той поры пустынныя; строя, какъ по мановенію жезла, города и деревни; пролагая дороги, дѣлая рѣки при годными для навигаціи, полагалъ основу блестящей будущности Одессы. Продукты черноземной полосы шли уже по рѣкамъ въ Черное море, и «русскій ледникъ» скользилъ, подобно фатальной силѣ, все ближе къ югу.

Екатерина II отправилась на югъ, чтобы видѣть первые результаты этой дѣятельности, принимала въ Херсонѣ императора Іосифа II, путешествовавшаго подъ именемъ графа Фалькенштейна; проѣзжала подъ тріумфальными воротами, надъ которыми она приказала поставить надпись «Путь въ Византію»; отказалась дать Портѣ потребованное ею объясненіе по этому поводу и была довольна, получивъ 26-го іюля 1787 г. объявленіе войны изъ Константинополя. Она надѣялась, что это былъ первый сигналъ къ крестовому походу противъ невѣрныхъ, и двинула съ горячей вѣрой суворовскую армію на Дунай; Австрія, самая страшная соперница, занявшая Сербію, являлась ея союзницей. Екатерина не боялась Франціи, занятой финансовыми и соціальными затрудненіями и разстроенной революціею.

За годъ передъ тѣмъ только-что умеръ Фридрихъ II (1786), и преемникъ его не обладалъ его геніемъ. Англія не имѣла еще никакихъ интересовъ въ Средиземномъ морѣ, слѣдовательно, не существовало преградъ на пути въ Византію.

Казалось, что слухи о побѣдахъ Суворова предвѣщали скорый конецъ существованію Турецкой имперіи въ Европѣ. Но въ 1790 г. умеръ императоръ Іосифъ II. Его братъ Леопольдъ II не увлекался химерами; онъ боялся, что Россія, ставъ владѣтельницей на Балканахъ, закроетъ для Австріи дорогу въ Средиземное море, составляющую естественный выходъ бассейна Дуная; онъ обратилъ вниманіе на событія во Франціи, принялъ участіе въ положеніи своего зятя Людовика XVI; слѣдилъ за интригами Пруссіи на Рейнѣ, и ему пришлось подавить революцію въ Брабантѣ; онъ отказался отъ грандіозныхъ мечтаній своего предшественника и повелъ болѣе практическую политику.

4-го августа 1791 г. онъ подписалъ вмѣстѣ съ Портой Систовскій трактатъ и сохранилъ, какъ плодъ своихъ побѣдъ, только Старое-Орсово и округъ Унны. Онъ не допустилъ Екатерину разрѣшить Восточный вопросъ безъ себя и предложилъ ей свое посредничество; онъ употре-

билъ всю свою власть для прекращенія непріятельскихъ дѣйствій, указалъ Екатеринѣ и прусскому королю на необходимость принять мѣры обороны противъ революціонныхъ идей, пришедшихъ изъ Франціи. Проектъ, отъ котораго Екатерина ожидала такъ много, не удался. Она была принуждена подписать съ султаномъ Селимомъ III миръ въ Яссахъ (9-го января 1792 г.), который, за исключеніемъ нѣкоторыхъ подробностей, былъ лишь подтвержденіемъ трактата 1774 г. Россія сохранила отъ своихъ побѣдъ только Очаковъ и территорію между Бугомъ и Днѣстромъ, вмѣстѣ съ Крымомъ. Кромѣ того, Порта обязалась воздерживаться отъ всякихъ нападеній на грузинскихъ царей и на ихъ вассаловъ, обѣщая русской торговлѣ гарантію противъ варварійскихъ пиратовъ.

Слѣдовательно, миръ, заключенный въ Яссахъ, не былъ дальнѣйшимъ успѣхомъ Россіи въ ея поступательномъ движеніи къ югу и былъ скорѣе задержкою, встрѣченною ею на этомъ пути.

Такимъ образомъ, всѣ успѣхи, достигнуты Екатериною II въ этомъ смыслѣ, заключались почти всецѣло въ Кучукъ-Кайнарджійскомъ трактатѣ пункты этого трактата были, впрочемъ, такъ счастливо составлены для Россіи, что для нея оказывалось совершенно достаточнымъ ждать ихъ естественныхъ результатовъ; на помощь Россіи явился еще союзъ, заключенный Портою съ нею и съ Англіей противъ Франціи въ 1799 г. Въ то время казалось, что конецъ власти султана ускорился. Господари Молдавіи и Валахіи, греки, населявшіе Фанаръ, Мурузи и Ипсиланти, появились агитаторами въ пользу Россіи. «Они сыпали золото турецкому совѣту и подготовляли во всей имперіи революцію», писалъ Себастіани, пріѣхавъ въ 1806 г. въ Константинополь. Все греческое населеніе было призвано къ участію въ этой дѣятельности; первый сигналъ былъ данъ Сербіей, остальныя придунайскія провинціи должны были возстать въ свою очередь. Мурузи и Ипсиланти находились въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ греческимъ епископомъ въ Черногоріи; начиная отъ Чернаго моря вплоть до Адріатическаго, составился обширный заговоръ христіанскихъ населеній, подъ руководствомъ русскаго правительства и его агентовъ.

Но это было еще не все. Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ давалъ Россіи право, предоставленное капитуляціей 1740 г. Франціи, т. е. право давать оттоманскимъ подданнымъ «бераты» или патенты на натурализацію; «бератли», или обладатели этихъ бератовъ, становились, такимъ образомъ, подданными французскаго или русскаго правительства, освобождаясь отъ повинностей и подчиненія турецкимъ законамъ. Начиная съ 1774 г., Россія стала злоупотреблять этимъ правомъ въ крупныхъ размѣрахъ, выдавая ежегодно тысячи такихъ бератовъ, и, отнимая у Порты, и пріобрѣтала тысячи новыхъ подданныхъ; этимъ Россія

угрожала распространить свое владычество, если не на территорію султана, то во всякомъ случаѣ надъ большинствомъ жителей его имперіи. Россія выжимала мало-по-малу соки Оттоманской имперіи. Вдобавокъ, Селимъ III, желая защититься въ виду опасностей, помощью необходимыхъ военныхъ реформъ, возбуждалъ этимъ противъ себя старыхъ турокъ, улемовъ и янычаръ, ненавистниковъ всякихъ реформъ.

И такъ, въ то время, когда русское вліяніе проникало какъ ядъ въ сердце Оттоманской имперіи, Султанъ былъ обезоруженъ: янычары болѣе не повиновались ему, не имѣли прежнихъ военныхъ качествъ и не соглашались на введеніе необходимыхъ военныхъ реформъ. Никогда еще Турецкая имперія не казалась такъ близка къ гибели; Селимъ еле держался въ Константинополѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ, и на берегу Малой Азіи; авторитетъ его былъ поколебленъ и въ Европѣ и въ Азіи; всюду были непокорные паши или народы. Для довершенія полнаго паденія, не требовалось даже вмѣшательства которой-нибудь изъ европейскихъ державъ, оно совершалось само собой.

Если присмотрѣться къ турецкимъ провинціямъ, начиная отъ границъ Россіи и до Іоническаго моря, то вездѣ встрѣчались развалины султанской власти; Румынія составляла аванпостъ русскаго вліянія. Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ создалъ для Россіи нѣчто похожее на протекторатъ этой страны. Въ сентябрѣ 1802 г. Россія получила отъ Порты хатти-шерифъ съ заявленіемъ, что господари будутъ впредь назначаться на 7 лѣтъ и не могутъ быть смѣняемы, безъ серьезной вины и безъ согласія на то петербургскаго правительства. Это обезпечивало Молдавіи и Валахіи нѣчто похожее на автономію, подъ соединеннымъ протекторатомъ Турціи и Россіи, вслѣдствіе чего онѣ переставали быть исключительно турецкими провинціями. Но оба господаря, Константинъ Ипсиланти и Александръ Мурузи, обращались чаще всего за инструкціями въ Петербургъ, а не въ Константинополь, вслѣдствіе чего Порта скоро стала смотрѣть на нихъ какъ на измѣнниковъ.

Болгарія, отдѣленная Дунаемъ отъ русскаго вліянія и находившаяся ближе къ Константинополю, была, несмотря на это, почти совершенно независима, подъ управленіемъ Пасвана-Оглу. Его примѣръ породилъ анархію и въ другихъ турецкихъ провинціяхъ. Правительство не могло ограничить пашей, стремившихся къ независимости, такъ какъ сами министры входили въ соглашеніе съ ними и были одновременно ихъ сообщниками и покровителями, составляя себѣ этимъ способомъ громадныя состоянія. «Каждый непокорный паша имѣлъ сообщника въ министерствѣ». Формула турецкой администраціи была очень проста: «Бери все, что хочешь, но отдай мнѣ львиную часть».

Среди всѣхъ пашей Пасванъ былъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, самымъ могущественнымъ. Онъ былъ хозяиномъ Болгаріи и Восточной

Сербіи, могъ мечтать о низверженіи султана и объ образованіи великой Болгарской имперіи, но, какъ истый мусульманинъ ненавидя и презирая райю, онъ явился самымъ могучимъ противникомъ сербовъ, когда они возстали въ 1804 г. противъ власти султана подъ предводительствомъ Карагеоргіевича; точно также когда, въ 1806 г., русскіе вступили въ Молдавію и двинулись къ Бѣлграду, который былъ взятъ въ то время сербами, Пасванъ явился и ихъ грознымъ противникомъ; онъ энергично уничтожилъ всѣ интриги, которыя на его взглядъ были полезны русскимъ и сербамъ, и съ этой цѣлью приказалъ обезглавить епископа въ Виддинѣ и четырехъ священниковъ. Одно время онъ былъ могучимъ властелиномъ своего положенія и съ интересомъ слѣдилъ за всѣмъ, что относилось къ ожидаемому распаденію Оттоманской имперіи, надѣясь получить при этомъ и свою долю. Онъ уже готовъ былъ возстать, чтобы создать этимъ Портѣ новое затрудненіе, но удержался вслѣдствіе вліянія французскаго посольства, съ которымъ онъ поддерживалъ дружескія сношенія.

Въ то время Пасвану-Оглу не было еще 50 лѣтъ и если Оттоманская имперія была приговорена къ скорой гибели, какъ казалось тогда, то онъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые могли болѣе всего этимъ воспользоваться.

Пасванъ былъ силенъ и богатъ, имѣлъ въ концѣ 1806 г. на 25 милліоновъ золота и драгоцѣнныхъ камней, огромные магазины съ провіантомъ и аммуниціей, 360 пушекъ, 1.200 лошадей и громадную движимость. Это былъ необыкновенный человѣкъ, по отзыву Меріажа, посланнаго Наполеономъ въ Виддинъ, чтобы слѣдить за событіями. Правленіе Пасвана было чисто восточной смѣсью самой строгой справедливости съ жестокостью; онъ представлялъ изъ себя типъ султановъ изъ тысячи и одной ночи; онъ принуждалъ турокъ къ покорности, покровительствовалъ грекамъ и болгарамъ, которыхъ находилъ необходимыми для земледѣлія и промышленности; наказывалъ палками тѣхъ, которые затягивали уплату купцамъ, поступая такъ въ интересахъ торговли. Однажды онъ пришелъ къ одному греку и спросилъ у него молока; грекъ, не имѣвшій у себя молока, отправился за поисками въ ближайшую деревню; на слѣдующій день онъ получилъ въ подарокъ отъ Пасвана 24 буйвола. Желая женить своего вѣрнаго слугу на дочери богатаго аги, онъ обезглавилъ послѣдняго за несогласіе его на этотъ бракъ и выдалъ въ тотъ же день его дочь за этого человѣка. Пасванъ былъ небольшаго роста, худой, съ вѣчно безпокойнымъ умомъ. Онъ давалъ аудіенціи съ утра до вечера; у его подчиненныхъ, которые были принуждены стоять во время аудіенціи въ глубинѣ его аппартаментовъ безъ всякаго движенія, не хватало силъ. Вслѣдствіе постояннаго стоянія на ногахъ, опираясь о стѣну, чтобы спать стоя, одинъ изъ его

приближенныхъ получилъ неизлѣчимую болѣзнь ногъ. Самъ Пасванъ часто не могъ удержаться, чтобы не задремать на диванѣ, изнемогая отъ усталости; если ему въ такое время приносили кушать, приказано было избѣгать малѣйшаго шума, и слуга, державшій блюдо обѣими руками, долженъ былъ оставаться такъ до пробужденія своего господина; одинъ изъ нихъ былъ обезглавленъ, потому что не умѣлъ простоять такъ, а другой сталъ калѣкой. Трупы жертвъ Пасвана бросались собакамъ на гласисахъ крѣпостей, это было обыкновеннымъ зрѣлищемъ. До чего дошелъ бы этотъ тиранъ, если бы онъ прожилъ долѣе? Въ концѣ 1806 г. онъ является орудіемъ паденія Оттоманской имперіи; черезъ него Болгарія становится независимой отъ Константинополя.

Сербія была уже въ ту эпоху аванпостомъ австрійскаго вліянія на Балканахъ.

Черногоріи почти удалось избѣгнуть турецкаго завоеванія; однако эти здоровые горцы были всегда вооружены противъ сосѣднихъ пашей, неоднократно, хотя и тщетно пробовавшихъ подчинить ихъ. Въ 1796 г. Селимъ III призналъ независимость Черногоріи и даже согласился подтвердить, что «черногорцы никогда не были подданными Высокой Порты». Съ цѣлью получить еще бòльшую гарантію своей свободы, черногорцы, подобно сербамъ, искали союза съ Россіей, отъ которой они въ 1804 г. получили оружіе и субсидію.

Для французской Далмаціи они часто являлись безпокойными сосѣдями. Паши Босніи и Герцеговины были, въ описываемую эпоху, почти подвластны Константинополю, и управляемое ими населеніе было почти спокойно. Греки не успѣли еще придти въ себя отъ того смущенія, которое произвело среди нихъ появленіе русскаго флота въ 1770 г. Клефты становились все отважнѣе въ горахъ, а пираты на островахъ. Купцы ихъ образовывали въ крупныхъ портахъ Средиземнаго моря богатыя колоніи, гдѣ ревностно поддерживалась любовь къ отечеству; то были предвѣстники и первые признаки великаго крестоваго похода за свободу. При малѣйшемъ событіи вся Греція содрогалась, волнуемая радостною надеждою. Когда французы заняли послѣ мира, заключеннаго въ Кампо-Форміо, Іонійскіе острова, греки ожидали найти въ нихъ избавителей и проявили къ нимъ горячій энтузіазмъ.

Бонапартъ вздумалъ извлечь нѣкоторую пользу изъ этого настроенія и поддерживалъ интересную переписку съ янинскимъ пашой, Али Тебенели. Этотъ Али-паша, судя по отзывамъ разныхъ французскихъ агентовъ, былъ отчаяннымъ бандитомъ, находившимъ удовольствіе проливать кровь, но не лишеннымъ политическихъ вожделѣній. Въ Янинѣ онъ властвовалъ съ своими бандитами, которыхъ размѣстилъ въ частныхъ домахъ, гдѣ они безпрепятственно предавались разврату; замѣтивъ однажды въ городѣ молодую женщину изъ хорошей семьи и

замѣчательной красоты, по имени Ефросинія, онъ сталъ добиваться ея расположенія. Сыну Али, Мухтаръ-пашѣ она также нравилась, но не отвѣчала на его ухаживаніе; тогда послѣдній ворвался къ ней въ домъ и силой заставилъ исполнить свое желаніе. Объ этомъ узналъ Али и проявилъ на ней свою месть. Онъ отправился къ Ефросиніи съ шайкой убійцъ и отдалъ несчастную въ ихъ распоряженіе. Потомъ онъ имѣлъ наглость объяснить свой поступокъ заботою о поддержаніи нравственности: 16 молодыхъ женщинъ были вмѣстѣ съ Ефросиніей приговорены къ смерти и брошены въ сосѣднее озеро, обвиняемыя въ томъ, что состояли въ связи съ сыновьями паши. Али-паша былъ страшно корыстолюбивъ. Онъ объявлялъ себя наслѣдникомъ всѣхъ богатыхъ семействъ, грабилъ цѣлыя деревни, царилъ лишь посредствомъ убійствъ и пожаровъ; населеніе бѣжало и толпами скрывалось въ Венеціи и въ Тріестѣ; если бы полиція не старалась удерживать жителей, городъ опустѣлъ бы совсѣмъ. Съ помощью денегъ, онъ поддерживалъ смуты въ сосѣднихъ провинціяхъ, для того, чтобы ни въ комъ не имѣть соперниковъ. Али хотѣлъ силой завладѣть Бератскимъ пашалыкомъ, но Ибрагимъ-паша имѣлъ сильную поддержку въ храбромъ населеніи сулліотовъ, и въ 1792 г. армія Али была окончательно уничтожена сулліотами въ Ахеронской долинѣ. Гнѣвъ Али былъ ужасенъ, и месть его наступила не скоро, но была ужасна. Снова образовавъ армію, онъ пошелъ въ страну сулліотовъ и, блокируя ихъ въ скалахъ, продержалъ такимъ образомъ въ осадномъ положеніи три года (1801—1803). Не имѣя силъ терпѣть дольше, они сдались; первые сдавшіеся были убиты, но сначала подверглись пыткѣ; остальные сами покончили съ собой; чтобы не попасть въ руки побѣдителямъ, женщины кидались въ пропасти со своими дѣтьми. Послѣ этого Али сдѣлался еще болѣе жестокимъ, если это было возможно, стараясь навести на всѣхъ страхъ. Онъ грабилъ селенія, въ преданности которыхъ не былъ увѣренъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что они помогаютъ «бандитамъ», свои же собственныя злодѣянія считалъ побѣдами надъ бандитами.

Золото дѣлало его всемогущимъ въ глазахъ Порты, и злодѣянія его награждались. Онъ занялъ Охриду, крѣпость на границахъ Албаніи и Македоніи, отнялъ ее у скутарійскаго паши, котораго объявилъ мятежникомъ. Посредствомъ подкуповъ онъ возбуждалъ безпорядки въ Софіи, въ Филлипополѣ до самаго Адріанополя, гдѣ онъ, по всей вѣроятности, не былъ безучастенъ въ волненіяхъ янычаръ. Порта назначила его бейлербеемъ Румеліи съ цѣлью возстановленія тамъ порядка, и какъ по волшебству тамъ явился порядокъ, и Али-паша совершилъ тріумфальное путешествіе черезъ Монастырь въ Филлипополь. Султанъ, обезпокоенный его близостью, послалъ Али въ Янину; онъ подчинился волѣ султана, но послѣ него Румелія снова

впала въ анархію, и константинопольское правительство въ теченіе многихъ лѣтъ не могло справиться съ этой провинціей. Вслѣдствіе всего этого, престижъ Али былъ громадный и авторитетъ его страшенъ даже для Порты. Въ Греціи онъ имѣлъ репутацію непреклоннаго и жестокаго человѣка и былъ полнымъ хозяиномъ въ Албаніи и въ Эпирѣ. Онъ мечталъ о блестящей судьбѣ короля Пирра, объ уничтоженіи династіи Оттомановъ и о возрожденіи Балканъ подъ его властью.

Много было вообще такихъ людей, которые мечтали о преобразованіи Оттоманской имперіи въ свою пользу. Поэтому, Селимъ III имѣлъ основаніе безпокоиться, понимая поползновенія Махмеда-Али въ Египетѣ, Пасвана-Оглу въ Болгаріи, Карагеоргіевича въ Сербіи, и Али-паши въ Эпирѣ. Распаденіе Оттоманской имперіи началось уже тогда, неизвѣстнымъ казалось лишь то, какое имя будетъ носить тотъ герой, который построитъ на развалинахъ ея новое зданіе.

Въ августѣ 1806 г., когда Наполеонъ завязалъ вновь сношенія съ Востокомъ, принялъ султанскаго посла и назначилъ Себастіани въ Константинополь, Оттоманская имперія, какъ мы видѣли, была близка къ гибели. Дѣйствительно, правительство султана было безсильно; старая армія янычаровъ не повиновалась ему; паши въ Европѣ и въ Азіи становились самостоятельными, и нѣкоторые даже опасными; но, несмотря на это, ни одинъ изъ нихъ не могъ, повидимому, остановить замысловъ Россіи, которая все еще стремилась къ осуществленію греческаго проекта; она покровительствовала подданнымъ султана, привлекая ихъ къ себѣ и завоевывая сначала подданныхъ султана, собиралась завоевать и его территорію. Россія ожидала лишь случая, чтобы довершить окончательное паденіе Оттоманской имперіи, такъ искусно ею подготовленное.

Но у Наполеона также были свои замыслы относительно Турціи. Въ 1806 году онъ не хотѣлъ допустить Россію къ Средиземному морю и не былъ расположенъ дѣлить съ нею древній римскій міръ. Это составляло главную суть его восточной политики какъ до Тильзита, такъ и послѣ него. Дѣйствуя противъ Россіи силой или хитростью, онъ постоянно сдерживалъ ее, и пока былъ живъ Наполеонъ, русскіе не сдѣлали ни одного шага впередъ на пути къ Византіи. Никто не сомнѣвается въ томъ, что онъ желалъ царить въ Средиземномъ морѣ; быть можетъ, онъ даже мечталъ, давая свободу своему воображенію, сдѣлать изъ Константинополя, какъ онъ это сдѣлалъ изъ Рима и Аахена, одну изъ своихъ столицъ. Какъ бы то ни было, онъ не дозволилъ ни русскому императору, который по его понятіямъ былъ не что иное, qu'un tzar, или азіатскій ханъ, ни австрійскому императору, преемникомъ котораго считалъ себя,—преградить ему

путь на востокъ. Всѣмъ извѣстна знаменитая записка Талейрана изъ Страсбурга къ Наполеону въ окт. 1805 г. Предугадывая положеніе Австріи, министръ совѣтовалъ императору заключить съ нею прочный миръ, представивъ ей условія, которыя могли бы быть ею приняты. Австрію, изгнанную изъ Италіи и Германіи, достаточно было бы вознаградить на Востокѣ, у нижняго Дуная; тамъ она нашла бы для себя новое поприще и сдѣлалась бы грозной соперницей Россіи, двинувъ послѣднюю къ Азіи. Россія, въ свою очередь, отодвинутая отъ Дуная и Босфора, была бы принуждена войти въ глубь Азіи и стала бы тамъ страшной соперницей Англіи на границахъ Индіи. Для Франціи осталась бы Западная Европа и Средиземное море, для Австріи,—Восточная Европа и Балканы, а Россіи—Азія.

Какъ ни грандіозна была мысль Талейрана, однако она уступала идеѣ Наполеона. Императоръ хотѣлъ раздробить Австрію, у которой намѣревался отнять императорскій титулъ и титулъ римскихъ королей. Онъ хотѣлъ удалить Россію, и, по его понятіямъ, весь міръ долженъ былъ составить одно грандіозное политическое единство. Онъ хотѣлъ быть «императоромъ» и вновь возсоздать обаяніе этого всеобъемлющаго титула.

Наполеонъ не желалъ видѣть въ Константинополѣ ни Австріи, ни Россіи и мечталъ сохранить для себя наслѣдіе ослабленнаго султана, подобно наслѣдію изнеможенной Священной имперіи. По Пресбургскому трактату онъ отнялъ у нея Венецію и Далмацію, безъ серьезнаго вознагражденія, и послалъ въ Константинополь Себастіани, чтобы остановить Россію. Пресбургскій трактатъ далъ Франціи Далмацію и бухты, называемыя Бокка ди Каттаро. Австрійскій военачальникъ Каттаро сдалъ городъ русскимъ до прихода французовъ. Въ отвѣтъ на это, генералъ Лористонъ занялъ Рагузу, небольшую республику, признававшую сюзеренство Порты.

Оттоманское правительство протестовало, опасаясь французскаго утвержденія на Балканскомъ полуостровѣ. Руфенъ успокоилъ Порту оффиціальной нотой отъ 17-го іюня, объяснивъ, что оккупація Рагузы лишь временная и что необходимо было помѣшать русскимъ завладѣть республикой. Русскіе, высадивъ свои войска въ Каттаро, соединились съ черногорцами числомъ въ 1.200 человѣкъ и атаковали Лористона въ Рагузѣ. Генералъ Молиторъ подоспѣлъ съ подкрѣпленіемъ, и русскіе потерпѣли неудачу; «какой позоръ для русскихъ присоединиться къ такимъ разбойникамъ черногорцамъ,—писалъ по этому случаю французскій консулъ въ Рагузѣ. «Франція и тутъ является представительницею цивилизаціи противъ варварства,—писалъ онъ далѣе. А Талейранъ просилъ оттоманскаго посла въ Парижѣ принять энергичныя мѣры противъ черногорцевъ, смѣнить требинскаго пашу, пропу-

ствившаго черногорцевъ, для атаки французовъ, и доказывалъ ему, что было бы въ интересахъ Турціи уничтожить это гнѣздо бандитовъ, въ чемъ Наполеонъ охотно пришелъ бы на помощь турецкому правительству, платилъ бы жалованіе турецкимъ солдатамъ, посланнымъ въ Черногорію, и съ разрѣшенія Порты присоединилъ бы къ нимъ французское войско».

Было также необходимо усмирить возстаніе въ Сербіи, столь благопріятное для русскихъ и австрійскихъ предпріятій. Наполеонъ предложилъ вскорѣ султану помощь французской арміи, взамѣнъ чего хотѣлъ получить Родосъ. Наполеону было необходимо войти въ соглашеніе съ Турціей и въ тѣсный союзъ съ ней. Порта, повидимому, была къ этому склонна, но боялась Россіи и Англіи; ей вообще было трудно соблюдать равновѣсіе между Франціей и ея врагами. Однако, послѣ Аустерлица, было бы неосторожно со стороны Порты отклонять по-прежнему предложенія, дѣлаемыя Наполеономъ, и поэтому къ нему было послано чрезвычайное посольство, съ извѣщеніемъ о томъ, что оттоманское правительство оффиціально признаетъ его императорскій титулъ. Наполеонъ хотѣлъ придать особенное торжество этой церемоніи; онъ хотѣлъ заставить Порту высказаться откровенно по отношенію къ нему; произошелъ обмѣнъ самыхъ дружескихъ манифестацій.

Главнымъ представителемъ Наполеона на Востокѣ, спеціальнымъ орудіемъ, избраннымъ имъ для осуществленія его мысли, былъ генералъ Себастіани. Поэтому инструкціи, данныя ему, имѣютъ большое значеніе. Эти инструкціи были продиктованы самимъ императоромъ, прежде чѣмъ попасть подъ перо Талейрана, который облекъ ихъ въ болѣе корректную дипломатическую форму. Вотъ краткія замѣтки, продиктованныя императоромъ:

1) Внушить Портѣ довѣріе и чувство безопасности; Франція желаетъ лишь укрѣпить ее.

2) Тройственный союзъ, состоящій изъ меня, Порты и Персіи, противъ Россіи.

3) Дѣйствовать не высокомѣріемъ, а дружбою, стараться, чтобы Порта сообщала послу намѣренія Россіи и Англіи.

4) Я нигдѣ не буду поддерживать бунтовщиковъ.

5) Чтобы союзъ съ Портой былъ ясенъ Россіи, Англіи и всей Европѣ.

6) Относиться непріязненно къ Россіи; не допускать никакой интимности съ ея посольствомъ.

7) Закрыть Босфоръ для Россіи; закрыть всѣ порты и вернуть Портѣ владычество въ Молдавіи и Валахіи.

8) Я не желаю дѣлить съ кѣмъ бы то ни было владычество въ

Константинополѣ; если бы даже мнѣ предложили три четверти этого владычества, я не пожелаю его. Я намѣренъ утвердить и укрѣпить эту великую имперію и употребить ее таковой для сопротивленія Россіи.

Себастіани тотчасъ же отправился въ Константинополь. 10-го іюля онъ уже былъ въ Вѣнѣ, а 28-го прибылъ въ Бухарестъ. Въ это время, 20-го іюля, былъ заключенъ миръ между Россіей и Франціей, по которому Россія отдавала Франціи Каттаро и признавала независимость Іоническихъ островов. Рагуза также должна была получить снова независимость подъ гарантіей Порты. Франція и Россія обезпечивали независимость и неприкосновенность Оттоманской имперіи. Это соглашеніе могло поставить Себастіани въ крайне затруднительное положеніе, отнимая у данныхъ ему инструкцій большую часть ихъ значенія.

Наполеонъ получалъ безъ выстрѣла драгоцѣнные преимущества на Востокѣ, а Россія отказывалась отъ всѣхъ своихъ позицій на Средиземномъ морѣ и удалялась въ Черное море. Одновременно съ этимъ, Наполеонъ становился полнымъ хозяиномъ въ Западной Германіи и трактовалъ о мирѣ съ англійскимъ правительствомъ. Всеобщій миръ казался близкимъ; Аустерлица, казалось, было достаточно для того, чтобы утвердить преобладаніе Наполеона въ Европѣ.

Но договоръ не былъ ратификованъ русскимъ царемъ, и Убри, подписавшій его, былъ немедленно отозванъ. 10-го сентября Талейранъ увѣдомилъ объ этомъ Себастіани въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «отказъ въ ратификаціи происходитъ отъ доброжелательнаго отношенія Россіи къ Турціи. Россія не желаетъ обезпечить ни ея независимость, ни независимость Рагузы, ни покинуть черногорцевъ. Она не желаетъ укрѣпленія Оттоманской имперіи. Россія хотѣла бы постоянно поддерживать въ ней безпорядки и воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы напасть на страну, изнуренную внутренними неурядицами. Слѣдовательно, надо дѣйствовать энергично, закрыть русскимъ Босфоръ и помѣшать имъ окружать Турцію происками со всѣхъ сторонъ». Такимъ образомъ, инструкціи, данныя Себастіани, получили вновь свою силу. Отказъ въ ратификаціи являлся новымъ оскорбленіемъ, произведшимъ на Наполеона сильное впечатлѣніе.

Со смертью Фокса прекратились переговоры съ Англіею. Въ то же время Пруссія, въ свою очередь, вступила въ борьбу, образовавъ вмѣстѣ съ Россіей и Англіей четвертую коалицію. Политическое положеніе становилось все мрачнѣе, и непріязненныя чувства высказывались съ болѣе страстной горячностью; Константинополь сдѣлался неожиданно полемъ сраженія, въ которомъ собиралась принять участіе вся Европа. Миссія Себастіани становилась весьма важной.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Царство Польское послѣ Вѣнскаго конгресса.

После двухъ десятилѣтій наполеоновскихъ войнъ, истощившихъ Европу, настало время мирнаго ея развитія, при чемъ все болѣе пріобрѣтало значеніе чувство національности въ каждомъ государствѣ, а также сознаніе общности европейскихъ интересовъ, выразившееся въ нѣсколькихъ конгрессахъ [1]) державъ, которыя собирались для обсужденія положенія дѣлъ въ томъ или другомъ государствѣ, почему-либо внушавшаго опасенія общему спокойствію Европы. Такія явленія возникали не разъ.

Такъ въ Пруссіи, которой королевскимъ указомъ 20-го мая 1815 г. обѣщаны были представительное правленіе и земское представительство, развивались всякія патріотическія надежды и пламенныя мечты среди молодежи, подъ вліяніемъ составившихся въ 1815 г. товариществъ (Burschenschaft), преимущественно среди студентовъ, имѣвшихъ цѣлію между прочимъ составить изъ нѣмецкой молодежи нѣмецкій народъ. По случаю празднованія 8-го октября 1817 г. въ Эйзенахѣ трехсотъ-лѣтняго юбилея реформаціи студенты и депутаты другихъ нѣмецкихъ университетовъ зажгли большой костеръ, въ который бросали разныя реакціонерныя сочиненія, австрійскую капральную палку, гессенскую косу, прусскую гвардейскую шнуровку и т. д., при чемъ произносились рѣчи и одинъ изъ говорившихъ сравнивалъ это съ сожженіемъ Лютеромъ папской буллы въ 1520 г.

---

[1]) Подобные конгрессы, не упоминая уже о Вѣнскомъ 1815 года, собирались въ Троппау въ октябрѣ 1820 г., Лайбахѣ въ 1821 г., и въ Веронѣ въ октябрѣ 1822 г., для обсужденія волненій, происходившихъ въ Италіи и Испаніи по преимуществу.

Всему этому придали большое политическое значеніе. Не много спустя полупомѣшанный студентъ Зандъ убилъ писателя Коцебу, не пользовавшагося въ нѣмецкой литературѣ особенно лестною репутаціею, а немного позже было сдѣлано покушеніе на жизнь нассаускаго государственнаго сановника Ибеля. Все это повлекло за собою различныя преслѣдованія, и австрійское правительство, для прекращенія такихъ явленій, предложило принять рядъ крутыхъ мѣръ, которыя были выработаны на совѣтѣ уполномоченныхъ отъ различныхъ нѣмецкихъ правительствъ, собравшихся въ Карлсбадѣ въ 1819 году, подъ предсѣдательствомъ самого Меттерниха. Рѣшено было, для поддержанія порядка и безопасности въ Германіи, подвергнуть университеты строгому надзору особыхъ коммиссаровъ, обязанныхъ слѣдить за студентами и профессорами, подчинить строгой цензурѣ всѣ книги и періодическія изданія менѣе 20 листовъ каждое, уничтожать всякое сочиненіе вредное для спокойствія, достоинства и безопасности одного изъ нѣмецкихъ государствъ и т. д.

Пруссія также подчинилась этимъ карлсбадскимъ постановленіямъ, несмотря на противодѣйствія извѣстнаго Вильгельма Гумбольдта.

На югѣ Европы также стало проявлять свою дѣятельность тайное общество карбонаріевъ (угольщиковъ), давно уже существовавшее въ Италіи и Испаніи, и имѣвшее стройную организацію. Итальянскія государства своими суровыми преслѣдованіями всего, что напоминало революцію и господство французовъ, и своею реакціонерною политикою вообще вызвали большое неудовольствіе въ различныхъ частяхъ Италіи, и карбонаріи, пользуясь этимъ, произвели наконецъ открытыя возстанія въ Неаполѣ, Моденѣ, Туринѣ, которыя были подавлены при содѣйствіи австрійскихъ войскъ.

Отдаленные отголоски этихъ безпорядковъ доносились и до Польскаго королевства, въ которомъ также проявились и безпорядки среди студентовъ и тайныя общества карбонаріевъ. Великій князь Константинъ Павловичъ 27-го февраля 1820 года [1]) доносилъ его величеству, что получилъ свѣдѣнія отъ жандармовъ, что семь студентовъ учебныхъ заведеній въ Калишѣ образовали общество въ духѣ демагогіи, распространенной въ Германіи, по программѣ, доставленной изъ Бреславля. Къ этому обществу принадлежали и нѣкоторые ученики Варшавскаго лицея. Но это общество было открыто начальствомъ и участники его удалены изъ учебныхъ заведеній. Позднѣе Заіончекъ, донося, что вредный духъ неповиновенія все болѣе и болѣе распространяется среди учащейся молодежи Краковскаго университета, находилъ нужнымъ принять мѣры предохраненія отъ этой заразы молодежи въ царствѣ Поль-

[1]) Дѣло 1820 года № 128.

*

скомъ, тѣмъ болѣе, что три студента Варшавскаго университета были уже уличены въ намѣреніи составить уставъ тайнаго общества среди варшавскихъ студентовъ и въ принадлежности ихъ къ подобному же обществу въ Краковѣ. Для предупрежденія подобныхъ явленій Заіончекъ предлагалъ воспретить юношеству царства посѣщать университеты и школы какъ въ Краковѣ, такъ и въ Германіи. Почти одновременно, 4-го апрѣля 1820 г., было сдѣлано распоряженіе въ Варшавѣ, чтобы никто изъ студентовъ для сохраненія приличія не посѣщалъ кондитерскихъ, кофеенъ и другихъ публичныхъ мѣстъ, такъ какъ юношеству, посвятившему себя наукамъ, не подобаетъ находиться въ подобныхъ мѣстахъ. Заіончекъ докладывалъ о вредномъ настроеніи умовъ молодежи и студентовъ Варшавскаго университета и о необходимости остановить дальнѣйшее распространеніе этого направленія. Съ этою цѣлію онъ предлагалъ: наблюдать не только за учащеюся молодежью, но и за образомъ дѣйствій и взглядами профессоровъ, добавляя, что лучшіе уставы окажутся безполезными безъ дѣятельнаго содѣйствія лицъ, на которыхъ возложено ихъ исполненіе.

Немного позже въ 1823 г. Заіончекъ докладывалъ, что разслѣдованіе о тайныхъ обществахъ въ царствѣ Польскомъ даетъ полное основаніе заключать, что еще въ 1819 г. въ царствѣ возникло общество, подъ названіемъ «народные свободные каменщики» (franc maçon national). Цѣль этого общества, намѣренія его и уставъ—въ точности неизвѣстны. Было заарестовано нѣсколько лицъ, но они ничего толкомъ не выяснили.

Можно однако усмотрѣть, что членами этого общества были и военныя лица; члены дѣлились на учредителей (fondateurs) и совѣтниковъ (consultants). Общество дѣятельно распространялось среди офицеровъ какъ на дѣйствительной службѣ, такъ и отставныхъ, а также среди гражданскихъ чиновъ. Члены составляли общины (гмины), не болѣе какъ изъ десяти лицъ каждая. Нѣсколько гминъ составляли округъ, а нѣсколько округовъ—провинцію. Цѣль общества—возрожденіе отечества въ прежнихъ его предѣлахъ, доставленіе ему свободы и независимости собственными усиліями всѣхъ членовъ общества, которое должно было распространиться по всей Польшѣ въ границахъ 1766 года. Отдѣльные эмиссары общества должны въ качествѣ путешественниковъ проникнуть въ Германію и Швейцарію и вступить въ сношеніе съ тайными обществами этихъ странъ. Члены общества должны быть готовы на всѣ пожертвованія для достиженія желаемой цѣли—образовать новую польскую республику—и вмѣстѣ съ тѣмъ принимать всѣ мѣры, чтобы скрыть это общество и его цѣль отъ лицъ, не принадлежащихъ къ его составу; каждый членъ зналъ только лицо, посвятившее его въ члены общества. Никакими внѣшними знаками члены

общества не отличаются отъ другихъ лицъ; члены узнавали другъ друга только по словамъ и мыслямъ, высказываемымъ въ разговорѣ вскользь, какъ бы мимоходомъ. Результаты, достигнутые обществомъ, пока незначительны; народъ вообще и войско также не сочувствуютъ, повидимому, цѣлямъ общества и не увлекаются его обольщеніями и внушеніями. Но вообще Заіончекъ находилъ настроеніе умовъ въ королевствѣ не совсѣмъ надежнымъ.

Все это отразилось на внутреннихъ дѣлахъ Польскаго королевства. На происходившихъ, съ высочайшаго разрѣшенія, 25-го октября (6-го ноября) 1821 г. сеймикахъ, для выбора новыхъ лицъ, взамѣнъ выбывающихъ по очереди изъ посольской избы, а также нѣкоторыхъ членовъ палатинатскихъ совѣтовъ, проявились въ 1822 году во многихъ мѣстахъ безпорядки.

Партія, не расположенная правительству, всѣми мѣрами старалась провести своихъ кандидатовъ, лицъ враждебныхъ правительству. Такъ 9-го (21-го) февраля 1822 г. Заіончекъ доносилъ, что въ Влоцлавскѣ (Мазовецкомъ палатинатствѣ) дворяне, несмотря на убѣжденія маршала, вечески препятствовали избранію въ нунціи нѣкоего Суминскаго, и безпорядки дошли до того, что маршалъ закрылъ сеймикъ.

«Несмотря на это,—писалъ Заіончекъ,—есть дерзновенные нахалы, утверждающіе, что Польша никогда не была болѣе спокойна и болѣе преисполнена преданности монарху, какъ въ настоящее время. Поляки спокойны, но потому, что слабы; сомнѣваюсь очень, чтобы они были преданы, и не знаю, чѣмъ они полагаютъ доказать эту преданность». Его величество цесаревичъ, донося 11-го (23-го) февраля о тѣхъ же безпорядкахъ и еще о другихъ подобныхъ же, бывшихъ въ Опочнѣ, добавлялъ, что Заіончекъ судитъ поляковъ слишкомъ строго. Конечно, между поляками есть, которые заблуждаются, худо понимаютъ свои дѣйствительные интересы и пользу отечества, не познаютъ щедрую руку, даровавшую имъ столько благодѣяній, но таковыхъ вообще немного. «Смѣю увѣрить ваше величество по чистѣйшей совѣсти,—добавляетъ великій князь,—что я вполнѣ убѣжденъ, что поляки, напротивъ того, проникнуты признательностію и преданностію вашему величеству, вполнѣ соотвѣтствующими благосклонности и пользѣ, несомнѣнныя и лестныя доказательства которыхъ они ежедневно усматриваютъ».

Въ особенности были сильны безпорядки въ Куявахъ, гдѣ собраніе было закрыто, а виновные подвергнуты уголовному преслѣдованію, а также въ Калишѣ, гдѣ партія поляковъ хотѣла провести въ нунціи или въ совѣтъ палатинатства калишскаго братьевъ Нѣмоевскихъ, съ которыми, по словамъ Заіончека, «было бы мученіе». Самыя засѣданія сеймика Калишскаго, благодаря принятымъ мѣрамъ, прошли

довольно спокойно, но братья Нѣмоевскіе были однако избраны [1]. Донося объ этомъ, Заіончекъ добавлялъ, что духъ, господствующій среди польскаго дворянства (la noblesse de Pologne), совершенно враждебенъ видамъ правительства. Это общій духъ, по всей Польшѣ, и палатинатства, въ этомъ отношеніи, отличаются между собою только большею или меньшею смѣлостью и отважностью. Въ городахъ это совершенно иначе; нѣтъ ни одного города, который бы не былъ преданъ его величеству.

Поэтому, испрашивая высочайшее разрѣшеніе о томъ, необходимо ли дѣлать распоряженіе о созваніи въ установленный срокъ общаго сейма, Заіончекъ 16-го (28-го) марта 1822 г. добавлялъ, что, по его мнѣнію, лучше созваніе сейма отложить, и вотъ по какимъ основаніямъ: 1) проекты уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства, подлежащіе внесенію на разсмотрѣніе сейма, не составлены окончательно, спѣшить въ этомъ важномъ дѣлѣ едва-ли желательно и полезно. Къ тому же едва-ли эти проекты и будутъ приняты сеймомъ, въ виду общаго настроенія членовъ сейма, 2) произведенные весьма недавно, изъ осторожности и необходимости, аресты студентовъ и другихъ лицъ вызовутъ невольно, подъ вліяніемъ свѣжаго впечатлѣнія, толки и запросы на сеймѣ, которые могутъ повести къ нежелательнымъ объясненіямъ. Время значительно изгладитъ эти впечатлѣнія и предастъ даже забвенію всѣ эти аресты, если сеймъ будетъ отложенъ. 3) Запрещеніе Нѣмоевскому являться на сеймъ можетъ также повліять на общее настроеніе депутатовъ.

Отвѣта на это прямаго изъ Петербурга не послѣдовало, но только 12-го (24-го) августа 1824 г. было сообщено намѣстнику, что его величество, находя необходимымъ посѣтить восточныя губерніи Имперіи, не имѣетъ возможности прибыть въ теченіе этого же года въ Варшаву и присутствовать при открытіи сейма.

Поэтому его величество льститъ себя надеждою, что эта неизбѣжно-вызванная отсрочка обратится на пользу и выгоду общественнаго дѣла, доставивъ правительству время необходимое для лучшаго составленія проектовъ законовъ, которые его императорское величество

---

[1] Необходимо замѣтить, что всѣ эти выборы и распоряженія сеймика въ Калишѣ были признаны сенатомъ незаконными, и самый сеймикъ объявленъ распущеннымъ. Когда позднѣе, въ 1823 г., возникло ходатайство о предоставленіи Калишу произвести новые выборы, то было объявлено въ декабрѣ 1823 г., что его величеству благоугодно сохранить временный порядокъ дѣлъ въ Калишѣ, впредь до того времени, когда поведеніе представителей Калиша на сеймѣ или при другихъ случаяхъ представитъ его величеству достаточныя обезпеченія относительно образа ихъ дѣйствій въ будущемъ.

признаетъ за благо внести на обсужденіе сейма. Пусть государственный совѣтъ королевства и законодательная депутація неотложно займутся этимъ важнымъ дѣломъ, такъ какъ его императорское величество имѣетъ намѣреніе созвать сеймъ 1-го (13-го) мая будущаго 1825 года, если не представится какихъ-либо непреодолимыхъ къ тому препятствій.

Согласно этому, въ царствѣ Польскомъ были сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія о созваніи сейма въ Варшавѣ къ высочайше указанному сроку.

Тѣмъ временемъ Новосильцовъ представилъ его величеству два доклада 4-го (16-го) іюня 1824 г., относившіеся до измѣненій нѣкоторыхъ статей хартіи королевства, именно объ отмѣнѣ публичности засѣданія сейма и объ отмѣнѣ преданія гласности путемъ печати рѣчей, произносимыхъ въ засѣданіяхъ сейма. По мнѣнію Новосильцова, неудобства публичности рѣзко проявились въ засѣданіяхъ предшествовавшаго сейма; она нарушаетъ счастье и спокойствіе обывателей, производитъ въ нихъ вѣчное раздраженіе и лишаетъ ихъ благодѣяній, которыхъ можно было ожидать отъ хартіи. Публичность порождала безпорядки и въ другихъ странахъ, но нигдѣ не производила столь великихъ, какъ въ Польшѣ въ силу особыхъ обстоятельствъ, проистекающихъ отъ старыхъ привычекъ поляковъ. Ораторы на сеймѣ предаются пустымъ разглагольствованіямъ, стремясь къ популярности, и уклоняются отъ прямаго дѣла.

Присутствующіе въ засѣданіяхъ (т. е. публика) считаютъ себя судьями или посредниками, а не простыми зрителями, присоединяются нерѣдко къ нунціямъ, садятся на ихъ скамьи, внушаютъ имъ мысли и т. д., такъ что сеймъ обращатся въ клубъ. Обсужденіе важныхъ дѣлъ, появленіе хорошихъ мыслей возможно только среди тишины, спокойствія, сосредоточенности, а никакъ не среди всякаго рода проявленій страстей на аренѣ битвъ, происходящихъ предъ глазами. Точно то же должно сказать и о печатаніи произносимыхъ рѣчей. Онѣ производятъ часто опасныя впечатлѣнія, а потому, чтобы избѣгнуть этого, можно въ протоколахъ засѣданій сейма и его отчетахъ ограничиться помѣщеніемъ однихъ результатовъ бывшихъ преній, не приводя произнесенныхъ при этомъ рѣчей и даже не упоминая ни объ ораторахъ, ни ихъ рѣчахъ.

Эти оба измѣненія въ хартіи, утвержденной его величествомъ, вовсе не касаются существа хартіи; это только правила распорядительныя о порядкѣ засѣданій сейма, которыя могли бы быть и даже должны были быть опущены изъ хартіи при ея составленіи, и могутъ быть измѣнены, по усмотрѣнію его величества, не испрашивая на то согласіе сейма. Вслѣдствіе этого послѣдовалъ указъ 1-го (13-го)

февраля 1825 года о дополненіи нѣкоторыхъ статей (31, 72, 87, 90, 91, 93) хартіи королевства, въ которомъ говорилось, что гласность преній въ обѣихъ палатахъ сейма побуждаетъ ораторовъ обращать вниманіе болѣе на эффекты и болѣе заботиться о мимолетной своей популярности, нежели о пользѣ общаго дѣла, и что въ силу этого пренія обратились въ пустыя декламаціи, которыя могутъ разрушить столь желаемое единеніе и изгнать то спокойствіе и достоинство, съ которыми должно происходить всякое важное обсужденіе. Чтобы въ корнѣ отстранить это зло, предотвратить необходимость всякаго вліянія на выборы и подачу мнѣній и доставить всѣмъ подданнымъ нашего королевства возможность пользоваться всѣми благодѣяніями, обезпеченными за ними хартіею, мы признали за благо упрочить изданную нами хартію, измѣнивъ дополнительными статьями нѣкоторыя распорядительныя статьи оной, важныя неудобства которыхъ указаны опытомъ. Согласно этому всѣ засѣданія сейма, какъ для выборовъ различныхъ коммиссій, такъ и для обсужденія различныхъ вопросовъ и законопроектовъ, должны происходить при закрытыхъ дверяхъ; посторонняя публика къ нимъ не допускается. На этомъ основаніи произносимыя въ этого рода засѣданіяхъ рѣчи и пренія, въ нихъ происходившія, не печатались болѣе, а публика допускалась только въ тѣ засѣданія, въ которыхъ читались или постановленія сейма или проекты законовъ, удостоившіеся высочайшаго утвержденія.

Въ другомъ отношеніи статсъ-секретаря Грабовскаго отъ того же числа, 1-го (13-го) февраля 1825 г. изъ Царскаго Села, сообщалось намѣстнику, что не усматривается никакой необходимости и ни малѣйшей выгоды, чтобы по закрытіи сейма упоминались бы въ протоколахъ его засѣданій имена сенаторовъ, нунціевъ и депутатовъ, произносившихъ рѣчи въ засѣданіяхъ, и не приводились бы самыя ихъ рѣчи; напротивъ того, подобный порядокъ является средствомъ поддерживать внутреннія разногласія между обывателями. Потому его величеству благоугодно было приказать, чтобы на будущее время всѣ протоколы засѣданій сейма, печатаемые по его закрытіи, ограничивались бы изложеніемъ только результатовъ происходившихъ обсужденій и сообщеніемъ числа голосовъ, которымъ то или другое предложеніе, или законопроектъ было принято или отвергнуто палатами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ изготовленъ былъ указъ о созваніи сейма, въ которомъ было слѣдующее обращеніе къ сенаторамъ, нунціямъ и депутатамъ: «Два сейма предшествовали уже вновь открываемому. Сеймъ 1818 года, руководимый духомъ согласія и единенія, удовлетворилъ настоятельнымъ нуждамъ отечества, одобривъ мудрые законы и народныя учрежденія. Сеймъ же 1820 года терялъ драгоцѣнное время въ безплодныхъ спорахъ и почти не оставилъ никакихъ слѣдовъ своихъ

трудовъ (travaux) [1]. Столь различные результаты не будутъ упущены вами изъ вида; вы съумѣете избѣжать, хочу вѣрить этому, какъ эти послѣдствія, такъ и заблужденія ложно понятаго самолюбія и пагубныя послѣдствія, порождаемыя раздорами. Вѣрные вашему порученію, вы будете обсуждать съ спокойствіемъ проекты важныхъ законовъ, которые будутъ вамъ представлены, и, пользуясь указаніями опыта, вы въ третій разъ будете пользоваться самымъ драгоцѣннѣйшимъ вашимъ правомъ, съ тою любовію общаго дѣла,—въ чемъ я не сомнѣваюсь,—которая оживляетъ васъ всѣхъ и даетъ вамъ несомнѣнное право на признательность къ вамъ вашихъ согражданъ».

Одновременно было предложено графу Мостовскому заняться составленіемъ къ открытію сейма, по бывшимъ примѣрамъ, отчета о положеніи королевства. При этомъ ему предлагалось обратить особенное вниманіе на то, что затруднительное положеніе землевладѣльцевъ и различныя бѣдствія, ихъ постигшія, вызваны были причинами, не зависѣвшими отъ правительства, а также указать на увеличеніе торговли и развитіе всякаго рода промышленности въ краѣ, результаты котораго являются очень удовлетворительными и полезными для всего королевства.

По прибытіи въ Варшаву 28-го апрѣля (10-го мая) 1825 года императоръ Александръ въ тотъ же день подписалъ указъ о назначеніи маршаломъ палаты пословъ на сеймѣ 1825 г. Станислава Пlivницкаго, депутата города Калиша, и затѣмъ одобрилъ составленный государственнымъ совѣтомъ королевства отчетъ по управленію страною, который долженъ былъ быть представленъ сейму.

Императоръ произнесъ при открытіи сейма 13-го мая (нов. стиля) 1825 г. слѣдующую рѣчь:

«Представители Польскаго королевства! Когда четыре года тому назадъ я разставался съ вами, печальныя событія вызвали въ Европѣ общее волненіе, угрожавшее благосостоянію всѣхъ народовъ. Я хотѣлъ дать время мыслямъ установиться, а страстямъ — успокоиться. Ваше третье созваніе было замедлено; но это замедленіе, я увѣренъ, подготовило успѣхъ вашимъ занятіямъ, и я съ истиннымъ удовольствіемъ и всѣми чувствами любви, неоднократно уже доказанными вамъ, нахожусь еще разъ среди васъ.

«Въ продолженіе времени, прошедшаго со дня послѣдняго сейма, вѣрный моимъ обязанностямъ и моимъ предначертаніямъ, вамъ уже явленнымъ, я, замѣтивъ только зародыши неустройствъ, воспротивился дальнѣйшему ихъ развитію. Чтобы упрочить мое дѣло, чтобы обезпе-

---

[1]) Въ проектѣ было написано разновременно passage, existence, но это зачеркнуто и написано на поляхъ de ses travaux.

чить за нимъ продолжительность, чтобы обезпечить вамъ мирное пользованіе, я добавилъ въ основный законъ королевства новую статью. Эта мѣра, которая отвращаетъ всякую необходимость вліять на выборы сеймовъ и ваши обсужденія, свидѣтельствуетъ объ участіи, принимаемомъ мною къ укрѣпленію учрежденій, которыя управляютъ вами. Эта мѣра не имѣетъ какой-либо иной цѣли, и я имѣю твердое убѣжденіе, что поляки съумѣютъ ее оцѣнить. Министръ внутреннихъ дѣлъ начертитъ вамъ картину состоянія королевства и различныхъ правительственныхъ мѣропріятій, осуществленныхъ въ послѣдніе четыре года.

«Вы будете пользоваться быстрыми успѣхами промышленности и признаете, что если общественное благосостояніе и не достигло еще той степени, къ которой стремятся возвести его и мои желанія и заботливость правительства, то причины этому должно искать въ общемъ застоѣ, постигшемъ почти во всѣхъ странахъ торговлю земледѣльческими произведеніями. Въ прочихъ отрасляхъ хозяйства достигнуты уже значительные результаты. Народный долгъ приближается къ окончательному погашенію. Два трактата опредѣлили, какія части этого долга причитаются на долю Австріи и Пруссіи. Скоро новый финансовый законъ установитъ всѣ доходы и всѣ расходы королевства. Разорительный дефицитъ угрожалъ вашимъ самымъ дорогимъ интересамъ. Онъ теперь совершенно исчезъ. Избытокъ государственныхъ доходовъ будетъ еще болѣе тщательно обращенъ на погашеніе народнаго долга.

«Переговоры, начатые съ Берлинскимъ дворомъ для опредѣленія торговыхъ отношеній Польши и Пруссіи, были увѣнчаны самымъ счастливымъ успѣхомъ рядомъ тѣхъ взаимно-примирительныхъ и откровенныхъ распоряженій, составляющихъ самую драгоцѣнную основу моихъ отношеній къ моимъ союзникамъ. Конвенція, ратификованная мною, открываетъ удобные сбыты всей вашей внѣшней торговли. Что же касается вашихъ торговыхъ сношеній съ Россіею, то они съ каждымъ днемъ пріобрѣтаютъ бо́льшіе размѣры и бо́льшую дѣятельность. Удобства, на которыхъ они основаны, представляютъ двойную пользу; они способствуютъ взаимно развитію благосостоянія обоихъ государствъ и укрѣпляютъ еще болѣе новыми узами связь обоихъ народовъ.

«Долги, тяготѣющіе на частной собственности, обратили на себя особенное мое вниманіе. Вамъ будетъ представленъ проектъ общества владѣтелей поземельной собственности; онъ является результатомъ многочисленныхъ обсужденій и мнѣній, высказанныхъ палатинатскими совѣтами.

«Религія, этотъ источникъ всякаго рода добродѣтелей, эта неизбѣжная основа всѣхъ учрежденій человѣческихъ, повидимому, вызываетъ пересмотръ нѣкоторой части вашего гражданскаго уложенія. Коммиссія

избранная изъ среды васъ, много содѣйствовала этому важному труду. Проектъ 1-ой книги гражданскихъ законовъ, разсмотрѣнный уже ею, будетъ сообщенъ на ваше обсужденіе.

«Моя мысль будетъ сопровождать васъ при отправленіи вашихъ обязанностей; вы встрѣтите меня готовымъ принять всѣ улучшенія, которыя будутъ мнѣ предложены, но также готовымъ отвергнуть всѣ попытки, враждебныя вашему счастью...

«Представители Польскаго королевства! Чуждые всякаго посторонняго вліянія, обуждайте дѣла съ спокойствіемъ. Будущность вашего отечества въ рукахъ вашихъ. Имѣйте въ виду единственно только благо родины, только ея выгоды; пожертвуйте ей всѣ труды ваши, которые она ожидаетъ отъ вашего собранія, и содѣйствуйте мнѣ въ осуществленіи моихъ ей пожеланій, которыя я не перестаю возносить».

Въ отвѣтъ на эту рѣчь Александра I, послѣ краткихъ словъ маршала палаты нунціевъ Пивницкаго, говорили довольно долго президентъ сената, графъ Замойскій и каштелянъ Чарнецкій. Первый выражалъ признательность монарху за все, имъ оказанное Польшѣ, добавивъ, что эта признательность за возстановленіе нашего отечества, нашей родины и сохраненіе имени поляки, возлагаетъ на насъ обязанность, при пользованіи предоставленными намъ конституціонною хартіею правами, сообразоваться строго съ великимъ предначертаніемъ его императорскаго величества. «Это одна изъ нашихъ священныхъ обязанностей. Какъ жаль, что властителямъ не дано въ удѣлъ проникать въ сердца ихъ подданныхъ. Ваше величество усмотрѣли бы въ нихъ неизгладимыя чувства безграничной признательности и непоколебимой преданности къ возстановителю нашей родины, предметъ нашихъ желаній и пожертвованій, которой посвящали мы столько лѣтъ всю нашу жизнь».

Чарнецкій въ блестящей своей рѣчи выразилъ между прочимъ: «Польша въ концѣ XVIII вѣка исчезла; но поляки остались. Сколько геройскихъ подвиговъ и жертвъ проявили они, но все безплодно, къ возстановленію ихъ отечества. Въ XIX вѣкѣ явился Александръ I и воскресилъ и Польшу, и поляковъ. Онъ выбралъ намѣстникомъ своимъ поляка, храбраго воина, отличавшагося въ бояхъ, далъ представительство народу, свободу выборовъ и обсужденія дѣлъ, отдѣлилъ судебную власть отъ административной и т. д. Все это вселяетъ въ полякахъ признательность и преданность къ монарху... При обсужденіи дѣлъ на предстоящемъ сеймѣ, поляки конечно отрѣшатся отъ всѣхъ личныхъ взглядовъ и интересовъ, отринутъ всѣ страсти и внимательно отнесутся къ дѣламъ» и т. д.

«Пусть поляки отнесутся съ любовью и довѣріемъ къ словамъ возлюбленнаго монарха, принимаютъ съ уваженіемъ всѣ сдѣланныя имъ

предложенія и соглашаются на все, что, по зрѣломъ обсужденіи, окажется полезнымъ дорогому отечеству. Воспользуемся дарованнымъ намъ (палатѣ нунціевъ) правомъ предъявлять прошенія, клонящіяся къ благу и выгодѣ нашихъ. Будемъ осмотрительны въ ихъ выборѣ и изложимъ ихъ ясно съ основательными и справедливыми доводами. Страсти слишкомъ присущи людямъ, но, обладая разсудительнымъ вниманіемъ, рвеніемъ къ благу государства и въ особенности познаніями, вы съумѣете водворить въ вашихъ засѣданіяхъ спокойствіе, столь необходимое при публичныхъ обсужденіяхъ и преніяхъ. Все пойдетъ хорошо, и Европа, съ завистью взирая на наше счастье, будетъ принуждена признать, что поляки, постоянно воодушевленные должною признательностью къ великодушному возстановителю ихъ политическаго существованія, достойны тѣхъ неоцѣнимыхъ благъ, которыя они получили отъ монарха по его добротѣ и любви къ нимъ. Докажемъ нашему великодушному монарху, что онъ не ошибся въ довѣріи, оказанномъ намъ его великою мудростію».

Министръ внутреннихъ дѣлъ королевства, графъ Мостовскій, представилъ очеркъ дѣятельности правительства за истекшіе четыре года. Онъ подробно изложилъ, что за это время для усиленія сбыта различныхъ произведеній королевства и бо́льшаго развитія взаимныхъ сношеній было приступлено правительствомъ къ сооруженію желѣзныхъ дорогъ на протяженіе 66 нѣмецкихъ миль, отъ Варшавы къ границѣ Пруссіи и отъ Калиша къ Бресту. Кромѣ того устроено не мало шоссейныхъ дорогъ въ палатинатствахъ Краковскомъ, Люблинскомъ, Полоцкомъ и Августовскомъ, при чемъ построенъ большой мостъ у Златоріи чрезъ р. Наревъ для непрерывнаго сообщенія съ Россіею; сооружено много почтовыхъ станціонныхъ домовъ и учреждены сообщенія въ дилижансахъ и почтовыхъ каретахъ во многихъ мѣстахъ. Равнымъ образомъ въ тотъ же періодъ времени произведено не мало работъ по урегулированію рѣкъ, какъ-то Вислы—отъ Прусской границы до Кракова, Варты, Бзуры, Пилицы и т. д., и приступлено къ сооруженію канала для соединенія Нарева съ Нѣманомъ.

Для бо́льшаго развитія всякаго рода промышленности, правительство оказывало щедрыя пособія вновь возникавшимъ фабрикамъ и заводамъ, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ, и въ особенности суконныя и шерстяныя, достигли цвѣтущаго состоянія, и издѣлія ихъ не уступаютъ по качеству заграничнымъ; таковы суконныя фабрики Френкеля, Фидлера, Репхана и пр. пр. Это развитіе фабричной промышленности дало возможность ограничить ввозъ иностранныхъ товаровъ, такъ что и на внутреннихъ рынкахъ и ярмаркахъ сбывались по преимуществу товары внутренняго производства. Вмѣстѣ съ этимъ получило значительное развитіе овцеводство страны; правительство учре-

дило больнія овчарни племянныхъ мериносовъ, а также образцовые конскіе заводы въ Яновѣ и окрестностяхъ для улучшенія породы лошадей въ королевствѣ и племянныя стада рогатаго скота въ Подляхіи, близъ Сѣдлеца. Развитію раціональнаго сельскаго хозяйства въ странѣ не мало содѣйствуетъ учрежденный въ Маримонтѣ земледѣльческій институтъ, выпускающій свѣдущихъ агрономовъ.

Наравнѣ съ сельскимъ хозяйствомъ получило значительное развитіе и горное дѣло, въ особенности разработка цинка, каменнаго угля, желѣза и другихъ металловъ.

Мостовскій упомянулъ о заботливости правительства и въ особенности великаго князя о польской арміи, которая снабжается всѣмъ необходимымъ произведеніями страны, о сооруженіи множества казармъ и другихъ воинскихъ помѣщеній, съ цѣлью освободить населеніе отъ тягостей квартирной или постойной повинности, а также объ устройствѣ многихъ военныхъ, техническихъ и учебныхъ заведеній и въ особенности о прекрасномъ состояніи различнаго рода военныхъ госпиталей и связанныхъ съ ними учрежденій, на которыя обращается большое и постоянное вниманіе правительства.

Переходя къ дѣятельности коммиссіи духовныхъ дѣлъ, Мостовскій указалъ на вновь сооруженный соборъ въ Сувалкахъ, на исправленіе множества церквей, на лучшее распредѣленіе приходовъ, въ особенности сельскихъ, и на мѣры правительства къ достиженію лучшей дисциплины среди духовенства.

Онъ также упомянулъ о цвѣтущемъ состояніи Варшавскаго университета, объ учрежденіи училища для глухо-нѣмыхъ, о воскресныхъ школахъ для ремесленниковъ, учрежденныхъ во многихъ городахъ. Недостатокъ денежныхъ средствъ у правительства и бѣдность сельскаго населенія замедляли распространеніе среди крестьянскаго сословія первоначальнаго обученія, столь для нихъ необходимаго. Мостовскій указывалъ при этомъ на тяжкое положеніе землевладѣльцевъ въ королевствѣ; они обременены всякаго рода повинностями, налогами и долгами, которые не въ состояніи выплатить при низкой цѣнѣ сельско-хозяйственныхъ произведеній, не покрывающей даже издержекъ на ихъ производство. Это тяжкое положеніе вызвано многими причинами, отвратить которыя правительство не въ силахъ; онѣ, по мнѣнію Мостовскаго, будутъ устранены временемъ, при постепенномъ увеличеніи населенія королевства, при развитіи *труда* — этого могущественнаго двигателя къ достиженію благосостоянія и общественнаго порядка. Это и побуждало правительство создавать различныя новыя отрасли примѣненія этого труда, на сколько дозволяли ему денежныя его средства. Средства эти были довольно скудны; государственныя имущества всякаго рода приносили столь же мало дохода, какъ и частная земельная

собственность, и только нѣкоторые косвенные налоги давали средства не только къ избѣжанію ежегоднаго дефицита по финансовой росписи, но и къ ежегодному погашенію долговъ, лежащихъ на королевствѣ. Для выполненія этой обязанности заключены уже конвенціи съ Австріею и Пруссіею, и остается только учинить разсчетъ съ Саксоніею и Франціею, послѣ чего можно будетъ приступить къ составленію прочнаго финансоваго закона (или бюджета) для королевства.

Рѣчь графа Мостовскаго и обширный отчетъ по управленію краемъ, въ продоженіе истекшихъ 4 лѣтъ, явились предметами подробнаго разсмотрѣнія, какъ въ сенатѣ, такъ и въ палатѣ нунціевъ, представившихъ весьма много по нимъ замѣчаній.

Сенатъ, выразивъ благодарность правительству за все имъ сдѣланное на пользу края, находилъ необходимымъ поднять уровень просвѣщенія въ странѣ, учредить въ большомъ количествѣ элементарныя школы, ввѣрить ихъ надвору и руководству просвѣщенныхъ лицъ и возложить обученіе въ этихъ школахъ на мѣстное приходское духовенство, для чего озаботиться о лучшемъ образованіи духовенства, особенно сельскаго, улучшивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и его матеріальное положеніе. Сенатъ указывалъ при этомъ на необходимость принять мѣры къ просвѣщенію евреевъ, съ цѣлію обратить ихъ въ полезныхъ странѣ гражданъ.

При этомъ сенатъ коснулся цензуры и выразилъ, что никогда въ странѣ не печаталось такъ мало книгъ на польскомъ языкѣ, какъ въ послѣдніе годы, какъ это видно изъ отчета. Но книги являются орудіемъ распространенія просвѣщенія. Если особыя обстоятельства времени дѣлаютъ цензуру необходимою, то, тѣмъ не менѣе, должно пользоваться ею съ осмотрительностью и осторожностью, необходимыми, чтобы не заставить просвѣщеніе идти назадъ. По мнѣнію сената, надлежитъ учредить изъ извѣстнаго числа достойныхъ лицъ свѣтскихъ и духовныхъ особый комитетъ, которому и предоставить рѣшеніе вопроса, на сколько извѣстное произведеніе печати можетъ быть дозволенò къ обращенію.

Крайне неудовлетворительное и даже жалкое положеніе земледѣлія въ странѣ, низкія цѣны сельско-хозяйственныхъ произведеній побудили сенатъ отклонить новые налоги на поземельную собственность и просить объ уменьшеніи таковыхъ, уже существующихъ. Сенатъ высказывался въ пользу различныхъ косвенныхъ налоговъ и въ особенности о необходимости общаго финансоваго закона (государственнаго бюджета) и объ отмѣнѣ сборовъ съ различныхъ съѣстныхъ припасовъ, установленныхъ во многихъ городахъ и взимаемыхъ при ввозѣ ихъ въ городъ. Равнымъ образомъ, по мнѣнію сената, необходимо уменьшить значительно очень тяжелый для сельскаго населенія налогъ на соль,

которая составляетъ предметъ первой необходимости населенія. Кромѣ того сенатъ ходатайствовалъ объ устройствѣ судебной части во всемъ согласно конституціонной хартіи, о преобразованіи тюремъ, объ уваженіи существующихъ законовъ правительственными лицами и т. д.

Замѣчанія, представленныя палатою нунціевъ, во многомъ совпадали съ высказаннымъ сенатомъ, но были несравненно многочисленнѣе и отличались большимъ рвеніемъ о соблюденіи дарованной краю конституціи. Такъ палата указывала, что до настоящаго времени (1825 года) не учрежденъ еще высшій апелляціонный судъ въ королевствѣ, какъ это установлено ст. 132 конституціонной хартіи. Равнымъ образомъ не существуетъ административныхъ судовъ, согласно ст. 162 этой же хартіи. Между тѣмъ, всѣ административныя учрежденія сами рѣшаютъ спорныя съ казною дѣла, налагаютъ штрафы и даже ограничиваютъ свободу обывателей по дѣламъ, которыя должно передать вѣдѣнію судебныхъ учрежденій, такъ какъ по хартіи власть административная должна быть отдѣлена отъ судебной. Кромѣ того администрація нерѣдко вліяетъ на суды, чрезъ чтó извращается правосудіе; нерѣдко состоявшіяся уже судебныя рѣшенія не приводятся вовсе въ исполненіе, и даже бывали случаи смѣщенія судей, которые по закону пользуются несмѣняемостью. Помимо всего этого граждане подвергаются лишенію свободы по произволу администраціи, въ явное нарушеніе статей 18—22 хартіи.

Такъ называемая общая коллегія прокуроровъ, при веденіи казенныхъ дѣлъ, пользуется привилегіями, стѣснительными для частныхъ лицъ и не согласными съ хартіею; какъ, напримѣръ, она можетъ просить объ отложеніи дѣла вообще, о разсмотрѣніи его не въ судебномъ порядкѣ, а въ административномъ, или о разсмотрѣніи его въ судѣ извѣстной мѣстности, куда и обязаны непремѣнно всѣ ѣхать и т. д. Палата нунціевъ находила желательнымъ это все устранить, а также принять мѣры къ уменьшенію централизаціи вообще и предоставленію большой самостоятельности и значенія властямъ мѣстнымъ.

Помимо этого палата, признавая, что всѣ три власти (законодательная, судебная, административная) сосредоточиваются въ лицѣ монарха и отъ него исходятъ, находила, что посредствующимъ между ними звеномъ является совѣтъ королевскій, по хартіи зависящій только отъ короля и ни отъ одной изъ трехъ властей. Между тѣмъ въ настоящее время многіе члены этого совѣта состоятъ на службѣ въ различныхъ министерствахъ и такимъ образомъ подчиняются министрамъ и ихъ вліянію. Этимъ самымъ совѣтъ, подпавъ вліянію министровъ, утрачиваетъ свою независимость и значеніе и встрѣчаетъ не мало различныхъ затрудненій при разрѣшеніи недоумѣній, возникающихъ по дѣламъ административнымъ и судебнымъ. Палата нунціевъ ходатайство-

вала объ освобожденіи членовъ означеннаго совѣта отъ какихъ-либо служебныхъ обязанностей по министерствамъ о томъ, чтобы, согласно ст. 29 хартіи, предоставлять это званіе лицамъ, владѣющимъ земельною собственностію, чтобы такимъ образомъ высшая въ странѣ власть находилась въ рукахъ просвѣщенныхъ лицъ страны и открывался доступъ къ участію въ управленіи талантамъ, знаніямъ и т. д. Палата нунціевъ также рѣзко высказывалась противъ ограниченій свободы печати и существованія цензуры, установленной, вопреки статьямъ хартіи, декретами намѣстника, которыми цензура сперва была возложена на коммиссію духовныхъ дѣлъ, а позднѣе — на одного изъ ея членовъ, только и была предоставлена такимъ образомъ полному усмотрѣнію его самого и неспособныхъ его помощниковъ. Палата просила его величество ограничить дѣятельность цензуры положительнымъ закономъ, а до изданія таковаго, предоставить каждому недовольному мѣрами цензуры приносить жалобы на оныя въ особый комитетъ изъ ученыхъ и членовъ сената. По мнѣнію палаты нунціевъ, цензура все тормозитъ, дѣйствуетъ губительно на просвѣщеніе страны и ея литературу, является причиною упадка въ королевствѣ образованія.

Отдавая должную справедливость заботливости правительства о высшемъ образованіи въ королевствѣ, о развитіи учебныхъ пособій Варшавскаго университета и учрежденіи другихъ различныхъ учебныхъ заведеній, палата нунціевъ высказывала сожалѣніе, что университетъ лишенъ надлежащей самостоятельности. Ректоры и деканы его подлежатъ утвержденію правительства, чего по уставу не требуется; профессора назначаются коммиссіею духовныхъ дѣлъ, которая при этомъ не обращаетъ вниманія на представленія университета. Къ тому же не мало каѳедръ не замѣщаются вовсе, и даже не всѣ факультеты, положенные по уставу, открыты въ университетѣ. Палата нунціевъ просила расширить курсъ исторіи и философіи, и въ особенности курсъ исторіи Польши; она находила неудобнымъ, что многіе предметы читаются на языкѣ латинскомъ, языкѣ мертвомъ и далеко не всѣмъ доступномъ.

Учрежденную за учебными заведеніями особую инспекцію, отдѣльную совсѣмъ отъ коммиссіи духовныхъ дѣлъ, палата нунціевъ считала несогласною съ конституціею и вредною для самаго дѣла. Такая инспекція, раздробляя педагогическую власть, даетъ весьма нежелательные результаты, вліяетъ пагубно на профессоровъ и студентовъ и вызываетъ большіе расходы. Палата нунціевъ обратила особенно вниманіе на общее уменьшеніе числа учениковъ въ сельскихъ первоначальныхъ школахъ. Причину этого она усматривала въ недостаточности средствъ сельскаго населенія вносить школьную плату; въ установленіи обязательной формы одежды для учениковъ; въ строгомъ съ ними обра-

щеніи; въ очень строгомъ надзорѣ и т. д. Палата, исходя изъ того, что невѣжество и мракъ не могутъ служить основаніемъ человѣческому обществу, потому что образуютъ не гражданъ, а слѣпую толпу, руководящуюся только страстями, находила необходимымъ всего болѣе заботиться объ элементарныхъ школахъ, потому что достаточные классы всегда найдутъ средства къ обученію своихъ дѣтей; бѣдное же населеніе лишено этихъ средствъ, а между тѣмъ для него обученіе является еще болѣе настоятельнымъ. Не всегда обыватели въ состояніи содержать школу; нѣкоторые землевладѣльцы желали учредить школы на свои средства, но встрѣчали много къ этому затрудненій. Конгрегація же піаровъ, очень много сдѣлавшая для обученія народа, находится въ жалкомъ положеніи, не получая пособій отъ правительства, и принуждена закрывать свои школы. Поэтому правительству необходимо ассигновать на эти школы особый не малый фондъ и въ дѣлѣ образованія явиться на помощь земледѣльческому населенію страны.

Польша—страна чисто земледѣльческая. Всѣ ея богатства—въ земледѣліи, которое, доставляя казначейству денежныя средства и выставляя своихъ сыновъ на защиту родины, вполнѣ заслуживаетъ, чтобы о немъ заботились. Между тѣмъ, земледѣліе въ жалкомъ положеніи. При этомъ палата, выражая благодарность за поощреніе конскихъ заводовъ и овцеводства, находила, что необходимо все болѣе и болѣе распространять мериносовъ и стремиться къ тому, чтобы частные земледѣльцы въ скорѣйшемъ времени обзавелись стадами тонкорунныхъ овецъ. Въ видахъ этого правительству слѣдовало бы ежегодно раздавать имъ хорошіе экземпляры барановъ, вмѣсто того, чтобы продавать ихъ съ аукціона. Предлагалось также учредить школу пастуховъ, умѣющихъ обходиться съ тонкорунными овцами, соединить институтъ агрономическій съ ветеринарнымъ и т. д.

Кромѣ того палата нунціевъ просила для облегченія сельскаго населенія, измѣнить систему податей, падающихъ исключительно на землю, (отмѣнить офіару, подушную и дорожную повинность, контингенсъ и т. д.), ввести преимущественно налоги косвенные, издать финансовый законъ, заключить трактаты съ другими странами о ввозѣ въ нихъ хлѣба изъ Польши, учредить консуловъ и факторіи польскія и т. д.

Палата нунціевъ находила также, что правительство, обезпечивъ щедро высшее католическое духовенство, мало заботится о положеніи сельскаго духовенства, которое терпитъ крайнюю нужду, что плачевно отражается на ихъ нравственности и дѣятельности. Равнымъ образомъ правительство преимущественно заботится объ украшеніяхъ и исправленіяхъ церквей по городамъ, оставляя безъ вниманія сельскія приходскія церкви, которыя по бѣдности обывателей въ самомъ жалкомъ положеніи; во многихъ общинахъ нѣтъ ни церквей, ни священниковъ.

Всѣ означенныя замѣчанія по отчету какъ сената, такъ и палаты нунціевъ были уже послѣ закрытія сейма препровождены на усмотрѣніе его величества въ Петербургъ и, вслѣдствіе этого, позднѣе статсъ-секретарь Грабовскій въ 1825 г. писалъ намѣстнику, что прежде всего весьма трудно постичь, что представляютъ изъ себя эти замѣчанія; являются ли они мнѣніемъ всей палаты, или одной изъ ея коммиссій или даже только нѣкоторыхъ ея отдѣльныхъ членовъ. По характеру своему это скорѣе полемическое сочиненіе, посвященное разбору дѣйствій правительственныхъ коммиссій, нежели оффиціальный актъ палаты нунціевъ, потому что не отличается безпристрастіемъ, столь свойственнымъ высокому значенію палаты. Имѣя предубѣжденіе противъ правительственныхъ коммиссій, составители замѣчаній старались порицать не только всѣ ихъ дѣйствія и распоряженія, но даже намѣренія и такимъ образомъ составили формальный обвинительный актъ противъ правительства, при чемъ нарушены самымъ явнымъ образомъ не только истина и справедливость, но даже и установленныя приличія.

Не находя достаточныхъ основаній къ обвиненію въ дѣйствительности, авторы замѣчаній создаютъ себѣ предположенія и даже призраки съ тѣмъ, чтобы опровергнуть ихъ и подвергать критикѣ дѣйствія правительственныхъ учрежденій. Подобною критикою палата преступаетъ предѣлы своихъ правъ; никакой законъ не предоставляетъ этого палатѣ. Кромѣ того такая критика противорѣчитъ началамъ монархическаго правленія. Всѣ правительственныя коммиссіи дѣйствуютъ подъ наблюденіемъ намѣстника государя, имѣющаго власть прекращать всякіе непорядки и злоупотребленія. Критика дѣйствій всей исполнительной власти, допущенная палатою, является какъ-бы урокомъ со стороны палаты, желающій указать правительству, какимъ образомъ и въ какомъ случаѣ оно должно дѣйствовать. Подобная критика колеблетъ независимость исполнительной власти, посѣваетъ начало разложенія тѣмъ, что періодически, на всякомъ сеймѣ, будетъ подрывать довѣріе народа къ власти, ослаблять авторитетъ ея въ общественномъ мнѣніи и вселять въ умы эту постоянную перемѣнчивость (versabilité), которая не дозволитъ ни одному учрежденію достигнуть зрѣлости.

Подобная систематическая оппозиція, явно несогласная съ началомъ монархическаго порядка, неизбѣжно влечетъ къ ослабленію всѣхъ пружинъ правительственной власти и слѣдовательно ведетъ къ анархіи. Правительство будетъ принуждено или вовсе не обращать вниманія на замѣчанія палатъ, или принимать ихъ всѣ и постоянно приступать къ новымъ мѣрамъ и планамъ, которые ему предлагаться будутъ на каждомъ сеймѣ.

Кромѣ того палата распространила критику свою на предметы, вовсе не входившіе въ отчетъ, представленный ей, и судила о нихъ по слухамъ,

частнымъ свѣдѣніямъ, не всегда вѣрнымъ, и указывала факты вовсе не существующіе. Палатѣ предоставлено безспорно важное право дѣлать замѣчанія на отчетъ государственнаго совѣта по управленію краемъ; этимъ путемъ монархъ пріобрѣталъ возможность убѣдиться въ томъ, что отчетъ, ему представленный, о положеніи страны и ходѣ администраціи дѣйствительно ли правиленъ и согласенъ съ истиною. Но палата не пользовалась лично этимъ важнымъ, предоставленнымъ ей правомъ; она передала его коммиссіямъ и даже отдѣльнымъ лицамъ и не разсмотрѣла составленныя ими замѣчанія на отчетъ по управленію. Такимъ образомъ эти замѣчанія нельзя считать мнѣніемъ палаты, и нѣтъ основанія повергать ихъ на высочайшее воззрѣніе. Нельзя же допустить, чтобы соображенія и порицанія отдѣльныхъ лицъ доходили бы до престола, облеченныя какъ-бы авторитетомъ палаты.

Такой порядокъ не согласенъ съ цѣлью самаго правила, потому что вмѣсто полезныхъ указаній и обоснованныхъ твердыхъ положеній, представлялись бы положенія не доказанныя, объясненія несправедливыя и теоріи совершенно не примѣнимыя, т. е. до престола доходилъ бы матеріалъ, которымъ правительство не въ состояніи воспользоваться.

Но вернемся къ самому сейму, который по выслушаніи отчета графа Мостовскаго приступилъ къ разсмотрѣнію различныхъ законопроектовъ, внесенныхъ на обсужденіе сейма по приказанію императора. Въ числѣ ихъ были весьма важные, какъ-то: объ устройствѣ католическаго духовенства въ царствѣ Польскомъ, о гражданскомъ уложеніи края, ипотекѣ, о земельномъ кредитѣ и т. д., вызвавшіе на сеймѣ продолжительныя и горячія обсужденія. По разсмотрѣніи законопроектовъ и выслушаніи различныхъ ходатайствъ предъ правительствомъ со стороны нунціевъ разныхъ мѣстностей послѣдовало обычное, уже изложенное нами ранѣе, торжественное закрытіе сейма.

При этомъ закрытіи сейма 13-го іюня 1825 г. его величество произнесъ слѣдующую рѣчь, сохранившуюся въ дѣлѣ сейма 1825 г., только на польскомъ и французскомъ языкахъ; была ли она въ то же самое время переведена и на русскій языкъ, изъ дѣлъ не усматривается.

«Представители Польскаго королевства! Ваше третье собраніе представляетъ результаты, съ которыми не могу достаточно сильно васъ поздравить. Вы обсуждали съ спокойствіемъ и мудростію; осуществили ожиданіе вашего отечества и оправдали мое къ вамъ довѣріе.

«Религія получила отъ васъ законное и справедливое воздаяніе. Права ея были согласованы съ учрежденіями и порядками, сохраненіе которыхъ требовалось общественнымъ интересомъ, и первая книга вашего новаго гражданскаго кодекса положила основаніе системѣ законодательства, соотвѣтствующей положенію, нравамъ и потребно-

стямъ общества, которымъ оно должно руководить; ваши собранія въ будущемъ завершатъ этотъ важный трудъ.

«Въ изданныхъ законахъ объ ипотекахъ и во многихъ частяхъ уголовнаго уложенія опытъ жизни указалъ нѣкоторыя неудобства; вы ихъ отстранили.

«Ваши продолжительныя бѣдствія обременили поземельную собственность долгами. Являясь поддержкою государства, она требовала неизбѣжнаго облегченія. Вы сознали необходимость придти ей на помощь. Затрудненія, которыя могли препятствовать развитію закона о поземельныхъ обществахъ, будутъ устранены, и послѣдніе слѣды вашихъ бѣдствій, при дѣятельной заботливости его исполнителей, желаю надѣяться, исчезнутъ, благодаря вліянію этого закона и при особенномъ содѣйствіи правительства, обезпеченномъ имъ на случай, когда благодѣянія самаго закона оказались бы почему либо недостаточны.

«Я поспѣшилъ принять всѣ поправки въ законопроектахъ, вами мнѣ предложенныя. Съ вашей стороны, вы приняли всѣ проекты законовъ, препровожденныхъ по моему приказанію на ваше обсужденіе. Этотъ обмѣнъ желаній и познаній, это взаимное согласіе, являясь средствами укрѣпить еще болѣе учрежденія, которыми вы пользуетесь, является въ то же время истинною цѣлію и самою существенною ихъ выгодою. Чтобы скрѣпить такое счастливое единеніе, чтобы поддержать сообщенія, результатомъ которыхъ оно является, особый комитетъ, избранный изъ среды вашей, будетъ принимать участіе въ составленіи проектовъ законовъ въ продолженіе времени, которое истечетъ до ближайшаго сейма въ будущемъ.

«Вы представили мнѣ различныя ходатайства. Я подвергну ихъ всѣ зрѣлому обсужденію, и вы узнаете побудительныя причины моихъ рѣшеній по этимъ ходатайствамъ; насколько дозволятъ обстоятельства, они всѣ будутъ удовлетворены.

«Представители царства Польскаго! Съ сожалѣніемъ покидаю васъ, но видя съ удовольствіемъ, что вы содѣйствовали вашему счастью согласно вашимъ интересамъ и моимъ желаніямъ. Раздѣляйте это чувство, распространите его среди вашихъ согражданъ и повѣрьте, что я съумѣю признать довѣріе, доказательства котораго явило собою это настоящее собраніе ваше. Они не будутъ утрачены.

«Я сохраняю глубоко впечатлѣніе, которое всегда соединится съ желаніемъ явить вамъ, на сколько искренна питаемая мною къ вамъ любовь и насколько вашъ образъ дѣйствій будетъ имѣть вліяніе на вашу будущность».

Послѣ этихъ словъ императора, маршалъ палаты нунціевъ Станиславъ Пивницкій въ очень краткихъ словахъ выразилъ величайшую признательность императору за многіе дарованные плодотворные за-

коны и въ особенности за то, что онъ мощною рукою своею извлекъ польскую націю изъ забвенія и предохранилъ ее отъ полнаго разрушенія.

На другой день Александръ I покинулъ Варшаву, вѣроятно нисколько не подозрѣвая, что покидаетъ на всегда облагодѣтельствованныхъ имъ поляковъ. Очень многіе изъ членовъ сейма едва успѣли доѣхать до своихъ отдаленныхъ помѣстій, какъ получилось въ Варшавѣ печальное извѣстіе о кончинѣ императора Александра I въ Таганрогѣ, а затѣмъ князь Алексѣй Куракинъ сообщилъ 20-го декабря 1825 г. о траурѣ, наложенномъ по поводу этой кончины, которая повергла обывателей царства Польскаго въ глубокую скорбь и уныніе. Изъ дѣлъ усматривается также, что въ самый день перенесенія тѣла скончавшагося императора изъ Казанскаго собора въ Петербургѣ въ Петропавловскій соборъ для преданія землѣ, въ Варшавѣ, при огромномъ стеченіи народа совершалось, съ особою торжественною церемоніею, при многочисленномъ духовенствѣ, печальное шествіе изъ Краковскаго предмѣстья по улицамъ Вержбовой, Бѣлянской, Медовой, Сенаторской къ Саксонской площади, а затѣмъ къ собору св. Яна. Дорогою печальная колесница съ гробомъ и все шествіе по особому церемоніалу останавливались у каждой церкви, для совершенія краткаго богослуженія; всѣ лица, желавшія стоять на улицахъ или въ окнахъ домовъ, должны были быть въ глубокомъ траурѣ; окна первыхъ этажей домовъ должны были быть заперты, во второмъ же и слѣдующихъ или заперты или открыты; въ семъ послѣднемъ случаѣ завѣшаны, равно какъ и балконы, матеріею чернаго цвѣта или краснаго (ponceau). Въ соборѣ св. Яна былъ устроенъ катафалкъ, на которомъ и былъ поставленъ гробъ, привезенный на колесницѣ, и окруженъ царскими регаліями.

Особый церемоніалъ опредѣлялъ, кто изъ обывателей Варшавы имѣлъ право входа въ соборъ для присутствованія при печальномъ обрядѣ и въ какомъ именно мѣстѣ въ соборѣ долженъ находиться. Множество дамъ присутствовало и въ процессіи и въ соборѣ. Духовенство, стоя на колѣняхъ у гроба, совершало торжественно погребальное богослуженіе, во время котораго былъ произведенъ сборъ съ благотворительною цѣлію, именно на бѣдныхъ вообще, на бѣдныхъ школьниковъ, бѣдныхъ учениковъ семинарій, на глухо-нѣмыхъ и на пособія монастырямъ. Богослуженіе завершилось печальнымъ колокольнымъ звономъ, пушечными выстрѣлами и ружейными залпами.

По окончаніи богослуженія одинъ изъ военныхъ мундировъ усопшаго императора былъ при отрядѣ войскъ отнесенъ въ арсеналъ для храненія, гдѣ его и принялъ генералъ Гаукъ, а другой въ замокъ для храненія въ Сенатѣ, гдѣ его принялъ предсѣдатель Сената и два сенатора

Для сохраненія въ памяти потомства—этого послѣдняго выраженія преданности и любви поляковъ къ возстановителю ихъ отечества,—была выбита особая медаль и 15 золотыхъ экземпляровъ ея были присланы въ Петербургъ для врученія нѣкоторымъ лицамъ столицы, какъ-то: кн. А. Н. Голицыну, Грабовскому и т. д.

Изъ дошедшаго до насъ письма А. Н. Оленина къ Грабовскому отъ 24-го іюня 1826 г. [1]), усматривается, что для Варшавы были заказаны мастеру Ковшенкову два бронзовые бюста императора Александра I, которые должны были быть воспроизведеніемъ извѣстнаго мраморнаго его бюста, сдѣланнаго знаменитымъ Торвальдсеномъ. Означенные бюсты были сдѣланы и деньги за нихъ всего двѣ тысячи рублей уплачены. Но помимо этихъ двухъ бюстовъ, Сенатъ въ Варшавѣ пожелалъ увѣковѣчить память императора Александра I сооруженіемъ для него памятника въ Варшавѣ. Президентъ Сената, графъ Замойскій, выражая это желаніе Сената, въ всеподданнѣйшемъ адресѣ 17-го января 1826 г. выразилъ между прочимъ: «неизмѣримая потеря постигла человѣчество и вызвала всеобщую скорбь, начиная отъ императорской столицы Петра Великаго до крайнихъ предѣловъ цивилизаціи. Властители, могущество которыхъ согласуется съ ихъ добродѣтелями и просвѣщенными взглядами, не принадлежатъ исключительно какому-либо одному народу; жизнь ихъ дѣлается достояніемъ всего свѣта, а смерть ихъ бѣдствіемъ всемірнымъ. Воспоминанія о нихъ и примѣръ, ими представляемый—наслѣдіе всѣхъ грядущихъ поколѣній».

Поэтому Сенатъ, проникнутый общимъ желаніемъ народа сохранить навсегда въ полякахъ память о благодѣтелѣ Польши, желалъ бы соорудить ему приличный памятникъ на общія средства, при чемъ каждый полякъ могъ бы принести свою посильную лепту. Это побуждаетъ Сенатъ испрашивать разрѣшенія его величества на внесеніе на обсужденіе предстоящаго сейма проекта закона объ образованіи путемъ общаго сбора капитала, достаточнаго для сооруженія монумента народной признательности, достойнаго памяти короля и благодѣтеля Польши. Опредѣлить самый родъ и видъ этого памятника представляется усмотрѣнію непосредственному его императорскаго величества.

Императоръ Николай I не замедлилъ отвѣтить на это графу Замойскому слѣдующимъ рескриптомъ 9-го—14-го февраля 1826 г.

«Господинъ президентъ Сената графъ Замойскій! Я съ живымъ участіемъ прочелъ адресъ вашъ, мнѣ доставленный отъ имени Сената Польскаго королевства. Меня глубоко тронуло высказанное въ немъ благоговѣніе къ памяти нашего августѣйшаго благодѣтеля; я усмотрѣлъ въ немъ печать несокрушимой преданности, которая отличаетъ учреж-

---

[1]) Вся, предшествующая этому письму, переписка не нашлась.

деніе, находящееся подъ вашимъ предсѣдательствомъ. Прошедшее является для меня драгоцѣннымъ залогомъ будущаго, и я съ удовольствіемъ и довѣріемъ принимаю выраженія чувствъ Сената, высказанныя мнѣ при вашемъ посредствѣ. Прошу васъ въ мою очередь передать Сенату мои искреннія расположенія къ вашему учрежденію королевства.

«Въ глубинѣ моего сердца, я обрадовался желанію Сената воздвигнуть народный памятникъ, посвященный признательности поляковъ къ безсмертному возстановителю ихъ отечества, и спѣшу одобрить предложенный вами способъ его исполненія. Вѣрные подданные Польскаго королевства, связанные общею любовію къ оплакиваемому ими государю, должны быть всѣ допущены къ тому, чтобы увѣковѣчить память ихъ о немъ сожалѣній и ихъ обожанія его. Поэтому я и разрѣшилъ моему намѣстнику предложить Совѣту обсудить проектъ закона о порядкѣ сооруженія памятника въ бозѣ почившему императору, подлежащій внесенію на разсмотрѣніе предстоящаго сейма.

«Примите, г. президентъ Сената, графъ Замойскій, увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и искренней моей преданности».

При этомъ его величество, желая явить Сенату особую свою милость, высочайше повелѣть соизволилъ тотъ генеральскій мундиръ польскихъ войскъ, который императоръ Александръ I имѣлъ обыкновеніе носить, когда являлся въ Варшавѣ среди представителей основаннаго имъ королевства, передать на храненіе въ Сенатъ въ высшее учрежденіе Польскаго королевства съ тѣмъ, чтобы видъ этого мундира оживлялъ бы еще болѣе воспоминанія поляковъ о безсмертномъ возстановителѣ ихъ отечества.

Относительно предлагаемаго памятника императору Александру, Совѣтъ выработалъ слѣдующій планъ: соорудить конную статую почившаго государя, по срединѣ площади Красинской, прилегающей къ большому саду дворца Красинскаго, всю площадь привести въ правильный видъ и украсить ее вокругъ зданіями для различныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. Равнымъ образомъ дать благоустроенный видъ площади, находящейся у церкви св. Александра, окруживъ эту площадь исключительно зданіями благотворительности, какъ-то домомъ для ветерановъ (или инвалидовъ), институтомъ для глухонѣмыхъ, зданіемъ для недостаточныхъ воспитанниковъ лицея и университета, родители которыхъ не живутъ въ Варшавѣ и т. д. Сюда же предполагалось перевести, учрежденную императоромъ Александромъ, апликаціонную школу, которая помѣщалась на Медовой улицѣ, но это предложеніе было отклонено.

Всѣ эти предположенія были значительно измѣнены при ихъ разсмотрѣніи Сенатомъ, находившимъ цѣлесообразнѣе устроить въ память

Александра I въ различныхъ мѣстахъ королевства часовни во имя св. Александра и кромѣ того близъ Варшавы особое убѣжище или колонію для нищихъ и нуждающихся въ призрѣніи. Это убѣжище, которое предполагалось назвать Alexandzyn (Александровское), должно было состоять изъ собственно убѣжища для лицъ, требующихъ призрѣнія, и колоніи, въ которой лица, нуждающіяся въ работѣ, могли бы находить примѣненіе своему труду и тѣмъ снискивать себѣ пропитаніе. Необходимыя на все средства предполагалось собрать путемъ дополнительнаго сбора по грошу съ каждаго злота уплачиваемыхъ податей различныхъ наименованій; это могло доставить въ годъ около 1.500.000 злотыхъ.

Палата нунціевъ приняла также это предложеніе при восторженныхъ крикахъ Niech zyie Kröl и Konstytucya, т. е. да здравствуетъ король и конституція. Согласно этому на сеймѣ 1830 г. былъ составленъ проектъ закона объ учрежденіи подобнаго рода памятника и объ установленіи для собранія необходимыхъ къ тому средствъ особаго сбора на 4 года, начиная съ 1-го января 1831 г. Вспыхнувшее вскорѣ возстаніе въ Польшѣ было причиною, что проектъ этого закона утвержденъ не былъ и мысль о сооруженіи подобнаго рода памятника въ Варшавѣ императору Александру I не получила осуществленія.

Въ заключеніе упомянемъ, что вскорѣ послѣ кончины императора Александра I, въ Варшавѣ въ 1826 г. скончался и преданный ему намѣстникъ королевства, князь Заіончекъ. Императоръ Николай I по этому поводу удостоилъ его вдову слѣдующимъ рескриптомъ 6-го—18-го августа 1826 г. изъ Москвы: «я узналъ, княгиня, съ живѣйшимъ сожалѣніемъ о несчастномъ событіи, которое насъ постигло и въ то же время лишило Польшу—одного изъ самыхъ выдающихся ея согражданъ; королевство—перваго ея сановника, и армію—самаго достойнѣйшаго ея ветерана. Присоединяя мои сожалѣнія къ сожалѣніямъ всей страны и вашего сіятельства, я не буду стараться выразить вамъ какія-либо по этому поводу утѣшенія; хочу полагать, что вы ихъ найдете въ благочестивомъ подчиненіи велѣніямъ Промысла, въ единодушіи чувствъ, вызванныхъ этою потерею, и въ убѣжденіи, что вы исполнили все отъ васъ зависѣвшее для продолженія этой жизни, посвященной всецѣло служенію государству.

«Соблаговолите, княгиня, вѣрить что, я всегда поспѣшу явить вамъ доказательства истиннаго моего къ вамъ участія и принять увѣреніе» и т. п.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Похоронная церемонія въ Варшавѣ въ 1826 году въ память императора Александра I.

Недавно разбирая сокровища одной изъ библіотекъ, я нашелъ книгу на польскомъ языкѣ, интереснымъ содержаніемъ которой считаю своимъ долгомъ подѣлиться съ читателями.

Заглавіе этой книги: «Opis żałobnego obchodu po wiekopomnej pamięci Najiaśnejszym Alexandrze I Cesarzu wszech Rossyi Królu Polskim w Warszawie, w dniach 7, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 19, 23 Kwietnia 1826 roku uroczyscie odbytego», т. е.: «Описаніе печальной церемоніи по достойномъ вѣчныя памяти, всепресвѣтлѣйшемъ Александрѣ I, императорѣ всея Россіи, царѣ польскомъ, происходившей въ Варшавѣ 7, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 19 и 23 апрѣля 1826 года». Издана inf. «w Warszawie, nakładem i drukiem N. Glücksberga, księgarza i typografa królewsko-warszawskego uniwersytetu. MDCCCXXIX» [1]). Состоитъ изъ двухъ частей и приложеній къ нимъ. Въ обѣихъ частяхъ (стран. 1—18), напечатанныхъ крупнымъ шрифтомъ, содержится описаніе чествованія памяти императора Александра съ 7-го по 23-е апрѣля 1826 г. Приложенія—самая обширная часть книги—составляютъ: 1) рѣчи въ память Александра I, произнесенныя: въ каѳедральномъ костелѣ епископомъ краковскимъ Яномъ-Павломъ Ворончемъ, 7-го апрѣля, въ евангелическо-реформатской кирхѣ—пасторомъ

---

[1]) Объ этой книгѣ упоминаетъ покойный Н. К. Шильдеръ въ IV томѣ своего труда „Императоръ Александръ Первый. Его жизнь и царствованіе" (СПБ. 1898), какъ о рѣдкой (стран. 342—352, прим. 500), но съ содержаніемъ ея не знакомитъ, ограничиваясь воспроизведеніемъ изъ нея двухъ рисунковъ (часть погребальной процессіи и поминовеніе имп. Александра въ варшавской синагогѣ). Г. В.

Дилемъ (de Diehl), 9-го апрѣля, въ евангелическо-аугсбургской церкви пасторомъ Карломъ Ляуберомъ, 23-го апрѣля, и въ молитвенномъ собраніи евреевъ, въ зданіи еврейской больницы на Зеленой улицѣ, раввиномъ варшавской еврейской гмины I. Глюксбергомъ, 17-го апрѣля; 2) списки лицъ, принимавшихъ участіе въ похоронной процессіи 7-го апрѣля (стран. I—XXXIV) и 3) иллюстраціи: шесть листовъ—изображеніе похоронной процессіи, при чемъ каждый листъ дѣлится горизонтально на четыре части, такъ что процессію можно видѣть всю отъ начала ея до конца, четыре раскрашенные листа—изображенія орденовъ, которые несли въ процессіи, процессія на Саксонской площади, она же на Замковой площади, въ евангелической кирхѣ, три сцены въ каѳедральномъ костелѣ, въ молитвенномъ собраніи евреевъ, катафалкъ въ колонной залѣ королевскаго зàмка, иллюминованный рисунокъ катафалка и воздруженной надъ нимъ сѣни въ каѳедральномъ костелѣ св. Яна и планъ этого костела, съ обозначеніемъ мѣста нахожденія катафалка. Рисунки исполнены литографскимъ способомъ и, на сколько можно судить, съ натуры. Подъ нѣкоторыми имѣются подписи. Такъ, подъ изображеніями орденовъ на всѣхъ четырехъ листахъ подписано: w Warzawie w Instytucie Litograficz Szkólnym и кромѣ того на 1-мъ и 3-мъ листахъ Slawinski litogr., а на четвертомъ I. Si; подъ рисункомъ, изображающимъ похоронную процессію на Саксонской площади, находятся подписи: Courtin lith. fig. par V. Adam-Ludwik Horward del-Imp. lith. de Bove dir par Noela et C.; подъ иллюстраціею похоронная процессія на Замковой площади подписано: Courtin del fig. par V. Adam Piwarski delt. Imp lith. de Bove dir par Noela et C.; подъ сценою въ кирхѣ — Renoux lith. Karol Liszewski delt. Imp. lith. de Bove dir par Noela et C.; подъ рисункомъ: въ костелѣ св. Яна, видъ на алтарь—подпись: Henri Labielo delt. Imp. Lith de Bove dir par Noel aine et C.—Courtin Lith. fig. par V. Adam.; подъ такимъ же рисункомъ,—видъ отъ главнаго алтаря: A. Wysocki delt. — Imp. lith de Bove dir par Noel aine et C.—Courtin del fig. par V. Adam.; подъ рисункомъ: въ костелѣ св. Яна видъ на катафалкъ отъ входа—F. Piwarski delt.—Imp. lith. de Bove. Renoux lith.; подъ рисункомъ: въ молитвенномъ собраніи евреевъ—Mon voisin aine delt. — Imp. lith de Bove dir par Noela et C.; подъ изображеніемъ катафалка въ колонной залѣ королевскаго замка: Courtin delt. Imp. Lith de Bove Noel aine et C. и, наконецъ, подъ иллюминованнымъ рисункомъ того же катафалка и сѣни подъ нимъ у св. Яна—w Warszawie w Inst. litogra. Szkólnym. I. Slawinski litograf.

Императоръ Александръ Павловичъ скончался въ Таганрогѣ 19-го ноября (1-го декабря) 1825 года.

Вѣсть объ этомъ достигла Варшавы черезъ восемь дней.

Печаль была непритворная.

Александра вообще любили за его мягкій характеръ. Полякамъ же онъ былъ особенно дорогъ, какъ воскреситель ихъ отчизны, «Wskrzesiciel Ojczyzny»—его такъ и называли въ Польшѣ.

По полученіи извѣстія о кончинѣ Александра рѣшено было почтить его память въ столицѣ, возстановленнаго имъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, царства достойнымъ образомъ.

У поляковъ существовалъ древній обычай оказанія почестей умершему королю при погребеніи его.

Состоялъ онъ въ слѣдующемъ.

Въ печальной грандіозной процессіи, въ которой принимали участіе представители всѣхъ сословій королевства, за тѣломъ короля, ѣхалъ рыцарь въ блестящемъ вооруженіи, держа королевскій мечъ, обращенный остріемъ къ себѣ. За нимъ пахолекъ или гермекъ, въ траурѣ,—съ копьемъ и щитомъ королевскимъ. Дальше сенаторы несли державу, мечъ и корону. Когда тѣло короля опускали въ гробъ, гермекъ бросалъ мечъ на землю, ломалъ копье о гробъ и самъ падалъ—это должно было обозначать, что могущество короля на землѣ кончилось. Ломали булавы и жезлы, склонялись знамена земель и воеводствъ, весь народъ преклонялъ колѣна... И, вотъ, наслѣдникъ покойнаго бралъ въ руки знаки могущества: мечъ и остріе надломленнаго копья, а сенаторы уносили державу, скипетръ и корону и возлагали на алтарь въ знакъ того, что власть, представитель коей на землѣ умеръ, никогда не исчезаетъ, но возвращается къ источнику, изъ котораго проистекла.

Но такая церемонія возможна была только при наличности тѣла государя. Поэтому рѣшено было примѣнить въ данномъ случаѣ другую программу. Прототипомъ для послѣдней послужили церемоніалы похоронъ Казиміра Великаго, Сигизмунда-Августа и Августа III, описанія которыхъ сохранились.

Церемоніалъ удостоился одобренія императора Николая Павловича.

Исполнявшій обязанности намѣстника въ царствѣ Польскомъ кн. Іосифъ Заіончекъ [1]) образовалъ комитетъ, которому поручили озаботиться устройствомъ похоронной процессіи въ Варшавѣ.

Въ немъ были разсмотрѣны и одобрены рисунки и планы Кубиц-

---

[1]) I. Заіончекъ, род. въ 1752 г., умеръ въ 1826 г., боевой генералъ, съ 1815 г. былъ намѣстникомъ царства Польскаго. Въ 1818 г. ему была предоставлена власть почти диктаторская. Оставилъ любопытные мемуары (изданы въ Познани Жупанскимъ въ собраніи „Pamiętnik. do XVIII w.“, т. II). Г. В.

каго [1]), касавшіеся украшенія каѳедральнаго костела св. Яна, который избрали мѣстомъ религіозной процессіи, и колонной залы королевскаго замка, гдѣ предполагалось воздвигнуть катафалкъ; установленъ порядокъ, какого должны были держаться лица, принимавшія участіе въ процессіи; наконецъ, рѣшено было выбить въ память покойнаго императора медаль съ его изображеніемъ и надписями: «Alexander wskrzesiciel królewstwa Polskiego roku 1815» и «Dobroczyńcę Swoiego opłakuiąca Polska roku 1826» [2]).

Стоявшая нѣсколько дней подъ рядъ ненастная погода не позволяла приступить къ выполненію программы до 7-го апрѣля.

Въ этотъ день съ 7 час. утра начали собираться въ замкѣ, въ парадныхъ мундирахъ и въ траурѣ, сенаторы, министры, члены государственнаго совѣта, депутаціи отъ воеводствъ, придворные чины, генералы, офицеры главнаго штаба, знатные иностранцы и консулы иностранныхъ державъ. Остальные участники въ процессіи заняли Замковую площадь, ул. Канонія, Старе-място и ул. Длугу до арсенала. Войска расположились шпалерами, въ парадной формѣ и въ траурѣ, на улицахъ, по которымъ долженъ былъ слѣдовать печальный кортежъ.

Въ колонной залѣ королевскаго замка, задрапированной трауромъ, посерединѣ, на катафалкѣ стоялъ царскій гробъ, покрытый императорскою мантіею, на гробѣ былъ поставленъ бюстъ умершаго государя, вокругъ размѣщены ордена и знаки отличія покойнаго Александра.

Когда часы на Замковой башнѣ пробили 9, великій маршалъ императорскаго двора подалъ знакъ къ началу процессіи. Раздался звонъ во всѣхъ костелахъ Варшавы, послышались ежеминутные пушечные выстрѣлы.

Кортежъ выступилъ изъ замка.

Состоялъ онъ изъ десяти отдѣленій. Всего участвовало въ процессіи 3.128 человѣкъ.

Печальный кортежъ растянулся на огромное пространство, такъ что, когда послѣднее отдѣленіе его выступило съ Замковой площади, голова его находилась уже на половинѣ пути. Дома, мимо которыхъ онъ проходилъ, были убраны пунсовымъ и чернымъ сукномъ. Зрители, смотрѣвшіе изъ оконъ или съ балконовъ — были въ траурѣ. Во все время шествія печальной процессіи похоронная музыка чередовалась съ погребальными маршами на барабанахъ. Русскія войска, послѣ того

---

[1]) Яковъ Кубицкій, талантливый архитекторъ, строитель Бельведера, лютеранской кирки, Лазенковскаго дворца въ Варшавѣ, род. въ 1753 † 1833 г. Г. В.

[2]) Т. е. „Александръ, воскреситель царства Польскаго 1815 года“ и „Польша, оплакивающая своего благодѣтеля 1826 года“. Г. В.

какъ носилки прослѣдовали мимо нихъ, взяли «на молитву», и передъ полками были совершены панихиды.

Когда процессія поровнялась съ костеломъ бернардиновъ, одинъ изъ камергеровъ, вынувъ изъ «шкатулки благотворительности» черный мѣшокъ, вошелъ въ костелъ и подалъ ксендзу, со словами: «именемъ въ Бозѣ почивающаго, всепреовѣтлѣйшаго Александра I, императора и короля, съ высшаго соизволенія, вручаю царскую милостыню, прося памятовать въ молитвахъ о душѣ нашего благодѣтеля, о чемъ онъ самъ къ намъ взываетъ»; при послѣднихъ словахъ камергеръ вручилъ, вмѣстѣ съ милостынею, печатное извлеченіе изъ завѣщанія покойнаго государя [1]), въ которомъ Александръ проситъ всѣхъ своихъ вѣрныхъ подданныхъ вознести горячія моленія къ Господу Нашему Іисусу Христу, дабы Онъ, по безконечному Своему милосердію, благоизволилъ принять душу его въ Свое вѣчное Царствіе. По выходѣ камергера изъ костела, ксендзъ громко прочиталъ находившемуся въ храмѣ народу слова покойнаго императора и пригласилъ всѣхъ помолиться за его душу. Началось заупокойное богослуженіе. По окончаніи его, священнослужитель одѣлилъ милостынею присутствовавшихъ бѣдняковъ.

Процессія снова двинулась въ путь. Останавливалась она для той же цѣли передъ помѣщеніемъ Благотворительнаго общества, костелами: кармелитовъ, визитокъ (panien wizytek), евангелическимъ, св. Андрея, оо. піаровъ, базиліановъ и капуциновъ. Каждый разъ какъ только камергеръ входилъ въ костелъ и выходилъ изъ него, военная музыка играла погребальный маршъ.

Черезъ три часа печальный кортежъ достигъ митрополитальнаго костела св. Яна.

У дверей храма ожидалъ его архіепископъ варшавскій и примасъ царства Войцѣхъ Скаржевскій, 80 лѣтній старецъ, съ епископами и прелатами, архикаѳедральнымъ капитуломъ и главною семинаріею. Генералы и сенаторы сняли гробъ и бюстъ Александра, внесли ихъ, въ предшествіи архіепископа, въ храмъ и поставили на катафалкѣ. Катафалкъ восьмиугольный, увѣнчанный куполомъ съ королевскою короною, его поддерживаютъ восемь колоннъ коринѳскаго ордена. На немъ надпись «Podobała się dusza Iogo Bogu i wezwał ią do Swoiego wiecznego królevstwa» [2]). Прочія особы, участвовавшія въ процессіи, положили при гробѣ ордена и знаки отличія, а также размѣстили у колоннъ храма хоругви воеводствъ. Двѣнадцать офицеровъ разныхъ полковъ гвардіи, съ обнаженными шпагами, встали на караулъ вокругъ ката-

---

[1]) Манифестъ 16-го сентября 1823 г.

[2]) Угодна была душа его Богу, и Онъ воззвалъ ее въ свое вѣчное царство.

Г. В.

фалка. Всѣ присутствовавшіе встали. Вел. кн. Константинъ Павловичъ во главѣ генералитета и главнаго штаба занялъ мѣсто по правой сторонѣ катафалка.

Величественный костелъ облекся въ глубокій трауръ. Всѣ его стѣны, колонны и оргáнъ были затянуты чернымъ флеромъ, главный алтарь завѣшенъ яркокрасною матеріею съ изображеніемъ по серединѣ золотаго креста—символа спасенія, на колоннахъ помѣщены гербы воеводствъ и иниціалы усопшаго государя. Во избѣжаніе тѣсноты костелъ раздѣлили на семнадцать частей. Впускали по билетамъ. Помощники церемоніймейстера указывали входившимъ мѣста. Какъ только собравшіеся заняли свои мѣста, началась заупокойная обѣдня. Служилъ архіепископъ-примасъ съ епископами и высшимъ духовенствомъ. Хоръ, состоящій изъ 250 артистовъ, исполнилъ Requiem Козловскаго. По прочтеніи апостола, исполнявшіе обязанности министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ—Каетанъ Козьмянъ и гр. Люд. Плятеръ встали со своихъ мѣстъ и взяли—первый хлѣбъ и вино, а второй блюдо съ ампулками [1]). Министръ исповѣданій взялъ служебникъ (mszal), а министръ юстиціи—скатерть и полотенце. Всѣ четверо приблизились къ главному алтарю. За ними двое камергеровъ принесли царскую милостыню. Одинъ изъ епископовъ и пять прелатовъ выступили впередъ взять ее. Министръ исповѣданій произнесъ ту же самую рѣчь, которую говорили въ костелахъ камергеры, вручая милостыню. Епископъ куявско-калишскій Іосифъ Козьмянъ, въ сопровожденіи двухъ прелатовъ и двухъ канониковъ, подошелъ къ катафалку и прочиталъ, извѣстное уже намъ, извлеченіе изъ манифеста отъ 16-го сентября 1823 года. Затѣмъ епископъ съ духовенствомъ и всѣ присутствовавшіе преклонили колѣна и епископъ громогласно прочиталъ слѣдующую молитву. Приводимъ ее въ переводѣ. «Боже, милосердіе котораго безгранично, пріими милостиво моленія уничиженія нашего и душу Александра, отца и воскресителя королевства Польскаго, которой на сей юдоли плача познаніе Всесвятѣйшаго имени Твоего даровалъ, благоволи въ вѣчномъ мирѣ и свѣтѣ соблюсти. Молимся Тебѣ ради заслугъ, страданій и крови Господа и Спаса Нашего Іисуса Христа. Аминь». Послѣ евангелія, краковскій епископъ Янъ-Павелъ Вороничъ произнесъ слово, формою своею напоминающее классическую рѣчь Ѳеофана Прокоповича на смерть Петра Великаго (1725 г.)

Упомянувъ о томъ потрясающемъ впечатлѣніи, которое повсюду въ Европѣ и въ томъ числѣ въ Польшѣ вызвала внезапная кончина Александра, маститый ораторъ приглашаетъ слушателей искать утѣ-

---

[1]) Ампулка сосудъ, употребляемый въ р.-к. церкви во время обѣдни, въ которомъ содержится вино и вода. Г. В.

шенія въ книгахъ Завѣта вѣчнаго «писанныхъ для всего рода человѣческаго». Покойный монархъ былъ посланъ Провидѣніемъ для того, чтобы міръ безбожіемъ смятенный одарить покоемъ. Онъ былъ сосудомъ благости Творца, возложивъ на насъ руку милосердія Его. Итакъ, надобно не оплакивать его, но веселиться о славѣ и высокомъ предназначеніи его. Каждый изъ владыкъ земныхъ—орудіе Промыслителя вселенной. Одинъ является выразителемъ благости и милосердія Его, другой исполнителемъ Его правосудія. Разница между ними лишь въ томъ, что первыхъ, какъ своихъ возлюбленныхъ избранниковъ, Творецъ отличаетъ добротою, дабы черезъ нихъ излить полные источники милосердія Своего. Вторымъ же, какъ суровымъ выполнителямъ правосудія, предоставляетъ на время ихъ мимолетной славы грозныя и страшныя средства Своего могущества. Первыхъ Самимъ Собою награждаетъ. Вторыхъ же, какъ недостойныхъ Себя, за суетность суетностію запечатлѣваетъ. Первыхъ міръ оплакиваетъ по причинѣ того, что жили мало, вторыхъ,—что долго властвовали. Въ качествѣ примѣра беретъ Кира, царя персидскаго, о которомъ еще за двѣсти лѣтъ до его рожденія Отецъ міра предрекъ устами Своего пророка: «тебя еще нѣтъ, но я тебя вижу и называю тебя твоимъ именемъ Киръ. Я пойду предъ тобою въ бой, при приближеніи твоемъ противниковъ твоихъ разсѣю, мѣдныя врата сокрушу, ибо Я есмь тотъ, который небеса простираетъ и держитъ землю. Я называю то—чего еще нѣтъ такъ, какъ бы уже было». (Исаіи XLV). И исполнилось это на Кирѣ. Сокрушилъ онъ мощь вавилонскую. Позналъ, что не солнце, которому сначала поклонялся, а Богъ Израиля царствуетъ на небеси и на земли. И, вотъ, наказанный народъ его возвратилъ въ родную землю, первый Его въ свѣтѣ храмъ возстановилъ изъ развалинъ, миръ и свободу водворилъ на Востокѣ... Ораторъ находитъ сходство между библейскимъ Киромъ и почившимъ Александромъ. «Почти четверть вѣка вращались мы въ кровавой пучинѣ несчастій и огорченій». Явился тотъ, котораго оплакиваемъ нынѣ. На немъ исполнились слова Бога воинствъ: Я пойду предъ тобою. Онъ одолѣлъ враговъ. Уже отъ Волги и до Сены все успокоилось. Древняя столица франковъ открыла предъ нимъ свои врата. Александръ, жившій постоянно съ Богомъ, всѣ свои побѣды относилъ къ Нему. «Не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему, дай славу» (Пс CXIII) Богъ управлялъ сердцемъ его, какъ нѣкогда управлялъ сердцемъ Кира. И сказалъ онъ; «Будьте свободны! Забываю все. Живите! вотъ, вамъ ваша отчизна, безъ которой вы не можете жить»... Но какое значеніе имѣла бы неограниченная свобода? Первый человѣкъ воспріялъ

ее отъ Самого Творца, но и скоро погибъ, какъ только восхотѣлъ быть непослушнымъ. Держите въ рукахъ этотъ залогъ и гарантію вашихъ вольностей. Чѣмъ они будутъ, если съ ними не свяжете сердецъ своихъ, если ихъ такъ же, какъ благодѣтель, ихъ подарившій, цѣнить и пѣстовать не будете? Что же онъ начерталъ на ихъ челѣ? А, вотъ, что польскій тронъ и самое существованіе Польши соединяются съ могуществомъ и славою Россіи.

И будетъ одно тѣло, которое одинъ духъ жизни проникать долженъ. Отсюда—не стремиться къ этой цѣли—значитъ не способствовать собственному своему существованію. Какіе же дары и благодѣянія онъ (Александръ) обезпечилъ намъ въ этомъ союзѣ? Всѣ, до какихъ только душа его могла возвыситься. Во-первыхъ, главное основаніе каждаго общества, религію отцовъ нашихъ, окружилъ тщательнѣйшимъ попеченіемъ. Напрасно думать о заложеніи государствъ и установленіи правительствъ, если эта достойная посланница небесъ не сочетается достойнымъ себя союзомъ. Пережила она и переживетъ всѣ перемѣны вѣковъ и народовъ... Предоставивъ власть въ краѣ брату своему «испытанному другу, постоянному товарищу отъ самыхъ юныхъ лѣтъ, попечительностію своею въ отношеніи насъ хорошо извѣстному», достопамятный воскреситель нашего имени расточилъ неоцѣненные для насъ дары вольности и спокойствія... Сохранилъ онъ и дорогую для насъ колыбель древней народности нашей—Краковъ, существующій подъ опекою достойныхъ союзниковъ, гдѣ священный прахъ первыхъ созидателей прежней монархіи нашей не перестанетъ благословлять новой династіи королей польскихъ въ могущественномъ императорско-россійскомъ домѣ ожившей и возсіявшей... «О, Россія!—восклицаетъ ораторъ—охранительница обширныхъ троновъ! сколько вѣковъ будешь гордиться единовластителемъ своимъ, котораго оплакиваешь нынѣ вмѣстѣ съ нами! Онъ увѣнчалъ имя твое новымъ блескомъ славы. Онъ знамена твои водрузилъ на вершинахъ Татровъ и Альповъ. Онъ твоими кораблями неизвѣданныя моря, заливы и острова съ пользою твоею объѣхалъ. Онъ на лонѣ твоемъ новые зачатки свѣта наукъ, промышленности, могущества посѣялъ, установилъ, укрѣпилъ! А что же о бокъ тебя—для насъ, побратимовъ твоихъ, сдѣлалъ? Больше нежели это все! Ибо насъ изъ небытія, изъ гроба вызвалъ! О братія! уже одно то, что сегодня мы оплакиваемъ собственнаго короля, доказываетъ міру, что мы живемъ, что королей и любить, и оплакивать умѣемъ, что цѣпь нашихъ Мечиславовъ и Болеславовъ, прерванная на время, снова возстановилась, что именемъ отцовъ нашихъ называться намъ и поколѣніямъ нашимъ не возбранено»... «Но къ кому

теперь мы, малые и недорослые птенцы безъ матери, обратимся? куда обратимъ взоръ свой?—спрашиваетъ проповѣдникъ далѣе и отвѣчаетъ: «къ тебѣ, всепресвѣтлѣйшій наслѣдникъ трона его, Николай I, надежда и утѣха Россіи, а нашъ милостивѣйшій король! Послѣ Кира Богъ послалъ Артаксеркса, дабы то, что первый началъ, другой завершилъ. Пускай же въ лицѣ Николая продолжится царствованіе Александра и печаль польскаго народа въ радость претворится. Но, какъ бы то ни было—владыки міра, отображая могущество и величіе Божіе на землѣ, не перестаютъ быть людьми преходящими и временными. Есть еще владыка надъ ними и надъ нами. Примиримся съ Нимъ! Примиримся съ Нимъ, который будетъ давать намъ Кировъ, Артаксерксовъ, Титовъ... Примиримся съ Нимъ, по крайней мѣрѣ, такъ, какъ нѣкогда отцы наши съ друзьями своими, по здравомъ размышленіи, мирились. Не внѣшнимъ только образомъ, но правдою и искренностію, не скупостію ростовщиковъ, но сердцемъ благороднымъ и открытымъ, не на глазъ и видъ, но въ восторгѣ истинной любви, въ которой всѣ добродѣтели христіанскія и общественныя сливаются». Словами: «Боже, ниспосли на поколѣнія эти духа отцовъ ихъ! и да возрадуется душа Александра, стоящая предъ Престоломъ Твоимъ, непоколебимымъ счастьемъ поляковъ!» проповѣдникъ закончилъ свое слово.

Послѣ обѣдни все духовенство собралось у катафалка и пропѣло погребальный гимнъ Salve Regina. При послѣднихъ звукахъ величественнаго гимна, министры, сенаторы, камергеры и камеръ-юнкеры приблизились къ катафалку, сняли съ него ордена и знаки отличія монарха и отнесли къ главному алтарю. Тамъ принялъ ихъ архіепископъ, прочиталъ краткую молитву и положилъ ихъ на престолъ. Въ это время изо всѣхъ орудій и ружей гарнизона былъ произведенъ троекратный залпъ.

Такъ окончилась печальная церемонія въ архикаѳедральномъ костелѣ.

Такія же самыя богослуженія были отправлены въ прочихъ костелахъ Варшавы и цѣлаго царства Польскаго. Въ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ они отличались особеннымъ великолѣпіемъ. Такъ, напр., въ Пулавахъ и въ Конской-волѣ, благодаря близости Сибиллы[1]), этого знаменитаго собранія польскихъ рѣдкостей и предметовъ, составлявшихъ личную собственность королей польскихъ, представилась возможность богато и со вкусомъ украсить «катафалкъ» Александра.

Польское войско пожелало еще разъ отдать почести покойному государю. Назначено было 9-го апрѣля снова собраться въ костелѣ св.

---

[1]) Храмъ Сибиллы—готическій домикъ-музей въ паркѣ, въ Пулавахъ (нынѣ Новая Александрія) Люблинской губ. Г. В.

Яна на заупокойное богослуженіе офицерамъ всѣхъ частей и родовъ оружія.

Для народа, который, за неимѣніемъ въ архикаѳедральномъ костелѣ мѣста, не былъ впущенъ въ него 7-го апрѣля,—были отправлены заупокойныя богослуженія, со всѣми церемоніями перваго дня, 7-го, 10-го, 11-го и 12-го апрѣля.

13-го апрѣля совершено въ томъ же костелѣ богослуженіе съ церемоніею для лицъ греко-уніатскаго исповѣданія; въ сопровожденіи почетной стражи—двухъ отрядовъ польской гвардіи,—отвезли знаки королевскаго достоинства въ скарбецъ короны польской во дворцѣ Красинскихъ. Тамъ ихъ принялъ замѣститель министра финансовъ, гр. Плятеръ.

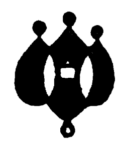
Одновременно съ тѣмъ, какъ были отправлены описанныя выше богослуженія съ церемоніями за душу императора Александра Павловича въ храмахъ католическаго исповѣданія,—совершены были заупокойныя богослуженія и въ храмахъ другихъ исповѣданій.

17-го апрѣля чествовали память Александра варшавскіе евреи.

Такъ почтили поляки память своего государя, который, по свидѣтельству суроваго въ своихъ приговорахъ, независимаго историка, дѣйствительно сдѣлалъ для нихъ много добра [1]), которому соотечественники по праву дали имя Благословеннаго.

Въ заключеніе прибавлю, что чествованіе памяти императора Александра въ Варшавѣ было увѣковѣчено выбитіемъ особой медали. Для государя и императорской фамиліи изготовлены были восемнадцать медалей золотыхъ большаго формата, для министровъ и высшихъ русскихъ и польскихъ сановниковъ—золотыя малаго формата, для прочихъ должностныхъ лицъ и жителей царства Польскаго серебряныя—большія и малыя и бронзовыя. Кромѣ того, медали были разосланы во всѣ заграничные нумизматическіе кабинеты, а также во всѣ кабинеты и библіотеки въ краѣ.

Г. А. Воробьевъ.

[1]) Станиславъ Тарновскій „Nasze dzieje“, Krakow, 1896, 34, 35, 60.

Нѣсколько словъ по поводу записокъ Н. Г. Залѣсова.

Въ добавленіе къ письму Г. А. Литвинова по поводу записокъ Н. Г. Залѣсова, помѣщенному въ январской книгѣ «Русской Старины» 1904 года, позволяю себѣ въ видахъ выясненія истины сказать еще нѣсколько словъ.

Упомянутый Сеидъ-Азимъ-Мухаметъ-Баевъ состоялъ во главѣ русской партіи г. Ташкента и занималъ должность старшаго совѣтника при завѣдующемъ ташкентскимъ населеніемъ, войсковомъ старшинѣ Сѣровѣ; но, вслѣдствіе нѣкоторыхъ злоупотребленій, былъ съ этой должности смѣщенъ. Кромѣ того въ числѣ туркестанскихъ депутатовъ было нѣсколько духовныхъ лицъ; Романовскій же среди нихъ особенной популярностью не пользовался, такъ какъ его дѣятельность была направлена къ ослабленію ихъ вліянія; особенно же вооружилъ онъ противъ себя духовенство учрежденіемъ такъ называемаго мегкемэ (народнаго суда), тогда какъ до сихъ поръ вся судебная власть сосредоточивалась въ рукахъ Баева и часто служила источникомъ различныхъ злоупотребленій. Ослабленіе же вліянія духовенства являлось тѣмъ болѣе необходимымъ, что оно отражалось весьма вредно на русскую политику: такъ, напримѣръ, ташкентскій казы-килянъ (главное духовное лицо) относился весьма сочувственно къ эмиру бухарскому и былъ даже уличенъ въ сношеніяхъ съ нимъ.

Небезъинтересно поведеніе нѣкоторыхъ депутатовъ по возвращеніи въ область. Вотъ что̀ пишетъ по этому поводу генералъ Мантейфейль, замѣстившій въ области Романовскаго, въ одномъ изъ своихъ писемъ послѣднему:

«Сеидъ-Азимъ, негодяй первостепенный, писалъ уже изъ Петербурга своей партіи, Богъ знаетъ какія нелѣпости; между прочимъ, что онъ назначенъ вали (правителемъ) Ташкента и взволновалъ мнѣ цѣлый городъ.

*

«Когда онъ прибылъ, то я его принялъ чрезвычайно сурово и сказалъ ему, чтобъ онъ себя держалъ тише травы, а въ противномъ случаѣ посажу его до прибытія новаго начальника. Байтыкъ на лѣвомъ флангѣ тотчасъ по прибытіи изъ Петербурга набралъ шайку въ нѣсколько тысячъ человѣкъ и напалъ на бея Рустамъ-Бека, ограбилъ его родъ до тла и ушелъ со всѣмъ родомъ и ограбленнымъ имуществомъ въ горы. Ярошхинъ, котораго я послалъ для производства слѣдствія, давъ ему полномочіе съ отрядомъ двинуться въ горы, успѣлъ его схватить и заключить въ Ауліе-ата.

«Депутатъ отъ киргизъ ташкентскаго района то же самое вообразилъ, что онъ начальникъ всѣхъ киргизъ, и началъ возбуждать киргизъ противъ управляющаго».

Коснувшись записокъ Залѣсова, необходимо ввести въ нихъ нѣкоторыя поправки для болѣе вѣрнаго освѣщенія дѣятельности г. Романовскаго.

Какъ-то странно звучитъ фраза: «Для Барятинскаго было хорошо пользоваться наставленіями простаго рядоваго или офицера младшихъ чиновъ, ибо никто не могъ заподозрить, чтобы всемогущій намѣстникъ могъ жить умомъ такого маленькаго смертнаго, какъ Романовскій».

Заслуги Барятинскаго внѣ всякаго сомнѣнія, ему мы обязаны быстрому замиренію Кавказа и плѣненію Шамиля, и конечно для памяти Романовскаго было бы весьма лестно играть въ этой плодотворной дѣятельности руководящую роль, если бы вышесказанное въ запискахъ было справедливо.

Дѣйствительно, Романовскій пользовался большимъ расположеніемъ Барятинскаго, и покойный фельдмаршалъ часто бесѣдовалъ съ нимъ о Кавказѣ, такъ какъ оба были преданы ему всей душою, но лично при Барятинскомъ Романовскій состоялъ съ августа 1856 по апрѣль 1858 года, когда былъ переведенъ въ Петербургъ. Если бы Барятинскій такъ нуждался въ умѣ Романовскаго, то держалъ бы его постоянно при себѣ и не разставался съ нимъ въ эпоху своей самой напряженной дѣятельности. Г. Залѣсовъ пишетъ, что Романовскій былъ назначенъ въ 1865 г. редакторомъ газеты «Русскій Инвалидъ», въ дѣйствительности же послѣдній состоялъ на этой должности съ 1862 г. по апрѣль 1865 г., и въ указываемое въ запискахъ время уже сдалъ ее.

Затѣмъ въ запискахъ говорится: Романовскій разбилъ войска бухарскаго эмира, потерявъ не больше, кажется, 8 человѣкъ за что, однако же, получилъ Георгія 3-й степени. Развѣ результатъ сраженія измѣряется потерей? Основной принципъ военнаго дѣла съ возможно меньшими потерями достигнуть наибольшихъ результатовъ Залѣсовъ, какъ близко знакомый съ положеніемъ дѣлъ въ области, не могъ не знать, что результаты Ирджардскаго боя были весьма существенны.

Послѣ отступленія г. Черняева отъ Джизака (вслѣдствіе недостатка продовольствія) дерзость эмира достигла небывалыхъ размѣровъ, и отступленіе это объяснялось имъ, какъ наше пораженіе; престижъ нашъ въ Азіи былъ въ значительной степени поколебленъ, ибо эмиръ въ глазахъ азіатовъ пользовался громаднымъ авторитетомъ, тѣмъ болѣе, что ему еще не приходилось испытать на себѣ тяжесть русскаго оружія. Самое сраженіе, въ которомъ участвовало русскихъ 3.000, а бухарцевъ свыше 40.000 при 21 орудіи, нельзя не признать блестящимъ дѣломъ; погромъ бухарской арміи былъ полный, почти вся артиллерія попала въ наши руки, такъ что орденъ Георгія 3-й степени вполнѣ заслуженъ по статуту.

Взятіе такихъ сильныхъ крѣпостей, какъ Джизакъ и Ура-Тюбе, съ весьма незначительными потерями также обращаетъ на себя вниманіе, если мы вспомнимъ, что наши дѣйствія въ Средней Азіи не всегда были удачны (неудачный штурмъ Акъ-Мечети въ 1852 г. и первый Черняевскій штурмъ Ташкента).

Вообще оцѣнка дѣятельности генерала Романовскаго въ запискахъ носитъ нѣсколько пристрастный характеръ. Если нѣкоторыя его административныя распоряженія, быть можетъ, подлежатъ критикѣ (хотя много ли могъ онъ сдѣлать въ 8 мѣсяцевъ, изъ коихъ 4 были проведены въ походахъ, область же онъ принялъ далеко не въ блестящемъ состояніи), то военныя его заслуги внѣ всякаго сомнѣнія.

Ю. Р.

Опечатка.

Въ ноябрьской кн., въ стат. «Іоаннъ Грозный и Россія XVI вѣка», на стран. 435, 16 строка снизу, напечатано: Станиславъ-Августъ, слѣдуетъ читать: Сигизмундъ-Августъ.

В. Т.

Изъ записокъ Д. Философва.

Апрѣля 1-го родился въ Тифлисѣ великій князь Александръ Михайловичъ. Я былъ назначенъ для возвѣщенія государю императору объ этомъ событіи и 3-го числа утромъ отправился въ С.-Петербургъ. Проѣзжая 5-го числа около 2-хъ часовъ по полудни черезъ г. Ставрополь, я узналъ отъ генералъ-маіора Тергукасова, что въ соборѣ въ этотъ день было совершено благодарственное молебствіе по случаю счастливаго избавленія государя императора отъ руки неизвѣстнаго злодѣя, выстрѣлившаго въ его величество изъ пистолета, наканунѣ, въ 4 часа у рѣшетки Лѣтняго сада. Какъ громомъ поразило меня это извѣстіе, и я пустился въ дальнѣйшій путь озабоченный и тревожимый мыслью о томъ, какими словами и какими выраженіями изъявить его величеству мои вѣрноподданническія чувства по случаю этого грустнаго происшествія. По дорогѣ о покушеніи было уже всѣмъ извѣстно, и вездѣ чудесное избавленіе праздновалось шумно и восторженно: помню, что напримѣръ въ Ельцѣ, черезъ который я проѣзжалъ ночью, было выставлено нѣсколько транспарантовъ, передъ которыми народъ пѣлъ: «Боже, царя храни». Я прибылъ въ Петербургъ 14-го числа въ 8 часовъ вечера и со станціи желѣзной дороги прямо отправился въ Зимній дворецъ.

Желая свято сохранить малѣйшія подробности столь многозначительной минуты въ моей жизни, я изложу здѣсь разсказъ о моемъ представленіи его величеству и слова, сказанныя мнѣ государемъ. Слова эти неизгладимы изъ моей памяти.

Я подъѣхалъ къ Зимнему дворцу съ такъ называемаго Салтыковскаго подъѣзда. Одинъ изъ дежурныхъ рейткнехтовъ, предварительно разспросивъ, кто я и откуда пріѣхалъ—ввелъ меня въ билліардную

комнату и торжественно объявилъ, что «государь императоръ изволили отправиться къ королевѣ Виртембергской, но скоро вернутся».

Нѣсколько минутъ прошло въ томительномъ ожиданіи: я вынулъ изъ сумки письмо великаго князя къ его величеству и приготовилъ шапку, которая подносилась государю Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ. Наконецъ, двери съ шумомъ растворились, и вошелъ государь, одѣтый, какъ обыкновенно, въ конно-гвардейскій сюртукъ. Его величество милостиво протянулъ мнѣ руку, сказавъ:

— А, здравствуй.

Я поцѣловалъ государя въ плечо и, собравшись съ силами, началъ было: «позвольте и мнѣ, ваше величество, выразить вамъ мои...», но государь не далъ договорить и, сказавъ: «благодарю»—повелъ меня въ кабинетъ, разспрашивая дорогой о здоровьѣ великаго князя и объявилъ мнѣ, что его высочество страдаетъ карбункуломъ на шеѣ, но что изъ полученной сегодня телеграммы видно, что ему лучше, наконецъ, что курьеромъ ѣдетъ для поздравленія его величества полковникъ Бюнтингъ.

Я невольно оторопѣлъ, узнавъ о такомъ назначеніи Бюнтинга, что̀ заставило государя повторить:

— Бюнтингъ, командиръ моего полка.

Войдя въ кабинетъ, государь сѣлъ за письменный столъ и, взявъ въ руки карандашъ, началъ имъ что-то чертить на бумагѣ. Я стоялъ, какъ вкопанный, по ту сторону стола, противъ его величества. Послѣ нѣкотораго молчанія, государь спросилъ:

— Гдѣ ты узналъ о покушеніи?

Я отрапортовалъ, что узналъ о немъ проѣздомъ черезъ Ставрополь, гдѣ уже 5-го числа былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, такъ что Кавказъ, прибавилъ я, чувствуя въ себѣ нѣкоторую храбрость, можетъ гордиться тѣмъ, что первый благодарилъ Бога за спасеніе вашего величества. Все это было сказано робко и не громко, какъ бы стыдясь чего-то. Государь возразилъ:

— Да, я отъ брата удивительно скоро получилъ въ этотъ день отвѣтъ: я ему телеграфировалъ въ $5^1/_2$ часовъ, а получилъ его поздравленіе уже въ $9^1/_2$.

Прошло еще нѣсколько минутъ въ молчаніи. Государь все продолжалъ какъ-то нервно водить карандашомъ по бумагѣ и началъ вдругъ такъ:

— Да, Богъ спасъ... Богъ спасъ. Единственное утѣшеніе есть то, что жизнь наша въ Его рукахъ. Если я еще въ Россіи нуженъ, то я не умру. А если я Ему болѣе не... то да будетъ Его святая воля.

Я былъ тронутъ до глубины души и удивленъ столь откровенному разговору, но рѣшилъ замѣтить, что заявленія со всѣхъ концовъ Рос-

сіи должны также служить къ немалому утѣшенію его величества. При этомъ слегка упомянулъ о транспарантѣ въ Ельцѣ.

— Да, это служитъ мнѣ большимъ утѣшеніемъ,—сказалъ государь и продолжалъ:—Богъ спасъ... и если бы не этотъ костромской...—(нѣсколько запнулся) мѣщанинъ, такъ плохо бы пришлось. Камердинеръ даже говоритъ, что нѣсколько опалило фуражку. Пистолетъ былъ двухствольный. Я тамъ же съ заряженнаго ствола снялъ пистонъ: вотъ онъ здѣсь.

Я полюбопытствовалъ посмотрѣть на пистонъ, который лежалъ на столѣ. Государь продолжалъ:

— Я садился въ коляску и, обернувшись къ толпѣ, надѣвалъ шинель, какъ вдругъ слышу выстрѣлъ. Я никакъ не могъ себѣ вообразить, что въ меня стрѣляютъ. Повернувшись, я увидѣлъ, что какой-то человѣкъ падаетъ, и подумалъ, что онъ себя застрѣлилъ. Я подошелъ, тутъ мнѣ говорятъ, что было. Я обратился къ нему и говорю: кто ты такой. Первое его слово: «я, русскій» и потомъ, обратившись ко всѣмъ окружающимъ и показавъ на меня, онъ сказалъ: «я въ него стрѣлялъ, потому что онъ васъ всѣхъ обманулъ»—я ихъ обманулъ.

Я былъ пораженъ и вмѣстѣ съ тѣмъ восхищенъ, что мнѣ выпало на долю услышать объ этомъ событіи изъ устъ самого государя. Удивительная храбрость проявилась во мнѣ, и я возымѣлъ намѣреніе сказать что-нибудь въ родѣ того: что вѣроятно, это есть дѣло какого-нибудь фанатика, но языкъ у меня выговорилъ совсѣмъ другое, и вышло такъ: «не можетъ быть, ваше величество, что тутъ дѣло одного человѣка, а вѣроятно есть цѣлый заговоръ, который слѣдуетъ открыть».

Государь на это отвѣтилъ, что большаго заговора, кажется, нѣтъ, но что злодѣй закоренѣлый и только вчера у него какъ будто проявилось сознаніе о своемъ преступленіи. Когда ему замѣтили, какъ онъ, русскій дворянинъ, рѣшилъ поднять руку на своего царя, онъ отвѣтилъ: «да, къ несчастью, я принадлежу къ этому проклятому сословію, но этимъ дѣйствіемъ я себя изъ него вымаралъ».

Послѣ этого его величество изволилъ выразить, что онъ очень чувствителенъ къ тому, что отецъ мой, больной, всталъ съ кровати, чтобы поздравить его. Потомъ спросилъ, видѣлъ ли я отца, и сказалъ:

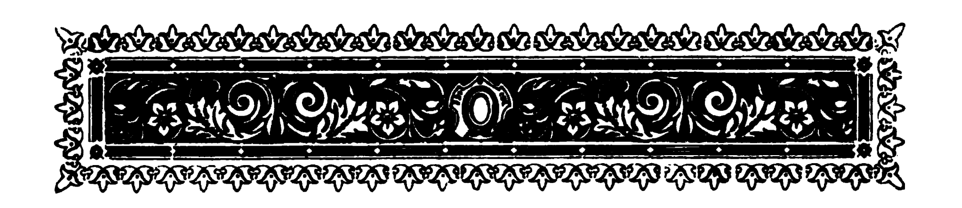
— Ну, ступай, отдохни.

Но у меня было еще письмо къ императрицѣ, о чемъ и заявилъ его величеству. Государь всталъ и пошелъ въ кабинетъ ея величества и черезъ нѣсколько времени позвалъ меня. Тамъ я передалъ письмо государынѣ.

Вотъ все, что я помню.

Д. Философовъ.

„Десять лѣтъ въ Прибалтійскомъ Краѣ".

(Воспоминанія бывшаго редактора одной изъ прибалтійскихъ газетъ).

I.

пріѣхалъ въ край остзейскихъ бароновъ и эсто-латышскихъ мужиковъ въ 1886 году,—какъ разъ въ годъ начала существенныхъ реформъ и важныхъ нововведеній для Прибалтійскаго края.

Великій князь Владиміръ Александровичъ только-что посѣтилъ лѣтомъ тогдашній Дерптъ и сказалъ тамъ свою извѣстную рѣчь о непреклонной волѣ покойнаго государя Александра III начать органическое объединеніе Прибалтійской окраины съ остальной Россіей. Прибалтійское общественное мнѣніе было вслѣдствіе этого настроено тревожно, хотя повсюду, однако, господствовала твердая увѣренность, что дальше этой рѣчи русское правительство не пойдетъ. Впрочемъ, среди кореннаго эсто-латышскаго населенія края царили другіе взгляды на этотъ счетъ. Всѣмъ еще была памятна ревизія сенатора Манассеина и результаты ея...

Я пріѣхалъ въ Дерптъ первоначально послушать лекціи въ мѣстномъ ветеринарномъ институтѣ [1]) и, конечно, имѣлъ сначала для наблюденій и обобщеній лишь скромный и ограниченный кругъ студентовъ и профессоровъ. Но такъ какъ нигдѣ, кажется, въ другомъ мѣстѣ въ то время учащаяся молодежь не отражала на себѣ такъ ярко доминировавшаго въ средѣ отцовъ настроенія, то мнѣ кажется, и мои скромныя тогдашнія наблюденія имѣли нѣкоторое значеніе, тѣмъ болѣе,

---

[1]) 14-го января этого года онъ праздновалъ пятидесятилѣтіе своего существованія.

что много явленій тогдашней академической жизни въ настоящее время уже отошло въ область преданій и никогда не вернется, такъ что описаніе ихъ представляетъ кое-какой историческій интересъ. Прежде всего, что поразило мое молодое воображеніе по пріѣздѣ въ Дерптъ и явкѣ къ институтскому начальству,—это необыкновенное со стороны учебнаго начальства довѣріе къ молодежи и показавшееся мнѣ тогда очень удивительнымъ—отсутствіе излишнихъ отяготительныхъ формальностей.

У меня съ собой почти не было бумагъ, удостовѣряющихъ мою личность и образовательныя права, и тѣмъ не менѣе меня условно приняли, т. е. позволили ходить слушать лекціи и готовиться къ повѣрочнымъ экзаменамъ. Директоръ института, проф. К. К. Раупахъ отличался прекрасными свойствами какъ руководитель молодежи и пользовался въ средѣ ея большою популярностью, любовью и уваженіемъ. Какъ впослѣдствіи я имѣлъ случай убѣдиться, онъ и самъ очень любилъ молодежь, стоялъ за нее горою и входилъ во всѣ ея нужды и дѣла. Какъ профессоръ, онъ былъ также популяренъ, и лекціи его посѣщались студентами охотно, но болѣе всего онъ славился какъ отличный клиницистъ.

Гордостью института въ ученомъ отношеніи былъ извѣстный бактеріологъ проф. Е. М. Земмеръ, работавшій съ увлеченіемъ надъ своимъ микроскопомъ и напечатавшій довольно много цѣнныхъ работъ по бактеріологіи въ заграничныхъ нѣмецкихъ журналахъ. Дерптскій университетъ въ то время также имѣлъ въ своемъ составѣ не мало крупныхъ научныхъ именъ. Тамъ былъ извѣстный физіологъ Александръ Шмидтъ, творецъ теоріи свертыванія крови, прозванный поэтому студентами въ шутку «Fibrinfater»'омъ; былъ химикъ Карлъ Шмидтъ суровый Драгтендорфъ и др. Студенческая жизнь университетскихъ кружковъ и ветеринарной молодежи близко походила другъ на друга. Въ университетѣ студенчество дѣлилось на корпораціи («Curonia», «Livonia», «Estonia», «Lettonia», Rigensis», «Academia», («Neobaltica»), общества (Русское, Польское и Еврейское) и «вильдеровъ» или дикихъ, т. е. студентовъ, не организованныхъ ни въ какой союзъ; въ Ветеринарномъ институтѣ была одна нѣмецкая корпорація: «Fraternitas veterinorum dorpatensis», одно польское общество «Lutycia» и три русскихъ, носившихъ также громкія латинскія названія: «Societas», «Collegium» и «Concordia». Какъ университетское, такъ и ветеринарное студенчество, поступая въ учебное заведеніе, подписывало «команъ»—общестуденческій уставъ съ правилами студенческаго поведенія, возрѣніями на честь, порядочность и т. п. Этотъ «команъ», помню, служилъ вѣчнымъ источникомъ «войны алой и бѣлой розы», по шутливому выраженію одного изъ стариковъ профессоровъ, т. е. столкновеній

между русскими и нѣмецкими студентами. Дѣло въ томъ, что въ основу «комана» были положены начала, совершенно несвойственныя духу русскаго студенчества — неравенство между младшими и старшими товарищами, излишняя и казавшаяся русскимъ комическою обрядность внутренней жизни обществъ или землячествъ (корпорацій) и т. п. Однако, несмотря на все это, жилось въ то время въ Дерптѣ хорошо. Академическая свобода пользовалась тамъ широкимъ гостепріимствомъ. Профессора (молодые) и студенты жили почти одною жизнью, часто сходились на такъ называемыхъ «конвентахъ», а иногда на «коммершахъ», гдѣ свободно и непринужденно и обсуждали свои дѣла.

Самая организація академическаго міра была создана такимъ образомъ, что содѣйствовала этому естественному сближенію. Самымъ старымъ и вліятельнымъ обществомъ у насъ въ институтѣ была нѣмецкая корпорація «Fraternitas veterinorum dorpatensis», къ которой между прочимъ принадлежали всѣ профессора института и которая отличалась наибольшею сплоченностью и дисциплинаровкою своихъ членовъ. Каждый годъ при началѣ ученія, когда съѣзжались студенты и прибывали молодые новички, корпоранты устраивали въ своей «конвенцъ-квартирѣ» пивное угощеніе, на которое приглашались новопріѣзжіе, и тутъ же, послѣ ласковаго пріема, они записывались иногда въ число членовъ нѣмецкой корпораціи, хотя сами принадлежали къ русской національности. Побуждало ихъ къ тому желаніе хорошо изучить нѣмецкій языкъ, образцовый порядокъ, господствовавшій въ корпораціи, и возможность при помощи «деккеля» (цвѣтная шапочка, даваемая старшимъ членамъ корпораціи) хорошо составить карьеру, такъ какъ среди студентовъ почему-то господствовало убѣжденіе, что корпорантамъ покровительствуютъ ихъ филистры-профессора и люди съ виднымъ общественнымъ положеніемъ...

Во главѣ корпораціи, также какъ и русскихъ студенческихъ обществъ стояли: семестрально избираемые «представитель», его товарищъ, казначей, секретарь, библіотекарь и два делегата или «шаржиртера», спеціальное назначеніе которыхъ состояло въ томъ, чтобы представлять свое общество на общестуденческихъ собраніяхъ.

Кромѣ экстренныхъ случаевъ собранія эти или «конвенты» происходили ежемѣсячно. Созывала ихъ обыкновенно очередная «президирующая» корпорація или общество для обсужденія текущихъ студенческихъ дѣлъ, приглашая въ случаѣ надобности и «филистровъ», т. е. профессоровъ. Помню, такіе конвенты на насъ, русскихъ, производили сильное впечатлѣніе вслѣдствіе своей новизны и необычайности. Вотъ собирается въ «конвенцъ-квартирѣ» очередной корпораціи такой «шаржиртеръ-конвентъ» съ участіемъ профессоровъ. Комнаты яркой

освѣщены, посреди самой большой изъ нихъ стоитъ длинный продолговатый, окрашенный въ голубоватую масляную краску столъ, къ которому придвинуты такія же скамьи. Делегаты или «шаржиртеры» обществъ стоятъ попарно у оконъ и угловъ и вполголоса бесѣдуютъ между собою. Филистры-профессора собираются въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ имъ приготовленъ чай. Но вотъ призидентъ очередной корпораціи звонитъ торжественно въ колокольчикъ, занимаетъ свое предсѣдательское мѣсто, а делегаты и профессора разсаживаются вкругъ стола, и засѣданіе начинается. Одинъ за другимъ выступаютъ делегаты-шаржиртеры отъ разныхъ обществъ или землячествъ и излагаютъ желанія своихъ избирателей. Такъ какъ корпораціи и общества какъ нѣмецкія, такъ и русскія существовали съ разрѣшенія попечителя округа, то здѣсь на конвентахъ молодежь свободно и открыто обсуждала то, что предварительно дебатировалось на частныхъ студенческихъ сходкахъ. И ничего страшнаго или противозаконнаго не выходило. Тогдашній попечитель Дерптскаго учебнаго округа т. с. М. И. Капустинъ, занятый серьезною и важною политическою работою по введенію въ Прибалтійскій край учебной реформы, вынося на своихъ плечахъ всю тяжесть этого гигантскаго труда и стойко отражая всѣ нападенія враждебной нѣмецкой оппозиціи, въ то же время обладалъ большимъ административнымъ тактомъ, относясь любовно и бережно къ молодежи безъ различія національности и вѣры, и не ломая круто установившейся академической жизни. Онъ зналъ, конечно, про всѣ студенческія собранія, сходки и «конвенты» и справедливо полагалъ, что довѣріе и искренность по отношенію къ молодежи—лучшая мѣра по управленію ею. Профессура и начальство учебныхъ заведеній также руководились. правиломъ, что лучше быть въ курсѣ студенческихъ дѣлъ и слышать явныя и гласныя заявленія о желаніяхъ молодежи, нежели считаться съ подпольною работою. И, право, ничего изъ этого кромѣ хорошаго не выходило. Даже въ мѣстной гимназіи и реальномъ училищѣ существовали товарищескія общества, организація которыхъ походила на студенческія. Послѣднія подкупали начальство еще тѣмъ, что въ частномъ уставѣ или маломъ «команѣ» каждаго изъ нихъ неизмѣнно существовалъ параграфъ, гласившій, что «вопросы политики, религіи и національнализма не должны имѣть мѣста на студенческихъ собраніяхъ». «Команъ», между прочимъ, предписывалъ иногда и такія элементарныя правила общежитія, какъ «держать данное слово», вѣрить товарищу, оберегать свою студенческую честь и т. п. Вообще «общій команъ» (Algemeine-comann) стремился къ самой точной регламентаціи студенческой жизни и пользовался въ средѣ нѣмецкихъ буршей несокрушимымъ авторитетомъ, несмотря на всѣ нападки на него людей несочувствующихъ. Кромѣ признанія обязательнаго для всѣхъ общаго комана,

каждое землячество, корпорація или ферейнъ имѣли свой собственный частный команъ или уставъ. Впрочемъ, въ него обязательно должны были входить главнѣйшія основанія общаго комана, дополненныя особыми постановленіями, характеризовавшими то или иное студенческое общество. Въ корпораціяхъ членовъ бывало до 80—100 человѣкъ. Существовали русскія и нѣмецкія землячества на членскіе взносы,—у насъ, русскихъ,—и на процентныя отчисленія съ получаемаго изъ дому содержанія у нѣмцевъ—корпорантовъ, поляковъ и евреевъ. На эти средства нанималась общая квартира («конвенцъ-квартира»), гдѣ происходили собранія членовъ и засѣданія, тамъ же находилась «читальня», гдѣ лежало десятка два получаемыхъ безплатно или по уменьшенной цѣнѣ газетъ и журналовъ. Въ такую «конвенцъ-квартиру» могъ являться каждый членъ землячества во всякое время дня и ночи—для чего ключъ отъ квартиры всегда хранился гдѣ-нибудь въ условленномъ мѣстѣ. Иногда въ такой квартирѣ жилъ кто-нибудь изъ бѣдныхъ товарищей-общественниковъ или въ нее пріѣзжали послѣдніе прямо со станціи желѣзной дороги, не имѣя своей квартиры и средствъ на номеръ въ гостиницѣ. Благодаря этому обычаю, многіе изъ бѣдняковъ-студентовъ пользовались даровымъ пристанищемъ. Въ этихъ же квартирахъ происходили «коммерши», т. е. студенческіе кутежи и попойки. Обстановка конвецъ-квартиръ вообще была до крайности проста. Но нѣмецкія, въ особенности же университетскія эстонская и латышская корпораціи, располагавшія довольно значительными денежными средствами, своими домами и лошадьми, обставляли свои «конвенцъ-квартиры» хотя и просто, но богато и оригинально.

II.

Въ Дерптъ я пріѣхалъ вмѣстѣ съ товарищемъ по гимназіи.

Не имѣя квартиры и знакомыхъ, мы со станціи Балтійской желѣзной дороги отправились на «фурманѣ» прямо въ дешевую гостиницу, или по-мѣстному «отель». Эти фурманы и отели заслуживаютъ упоминанія, потому что носили въ то время своеобразный наполовину мѣстный, наполовину заграничный характеръ.

Дерптскій фурманъ принадлежалъ къ хорошо организованной въ то время ассоціаціи или обществу, имѣвшему своего предсѣдателя, старшинъ, свой уставъ и клубъ или общественную квартиру, при которой, конечно, состоялъ особый извозчичій кабачекъ или «кнейпъ», гдѣ время отъ времени и проводили свое время свободные члены общества. Къ сожалѣнію, фурманы не пользовались репутаціей нравственныхъ людей, но за то изъ ихъ среды часто выходили разбогатѣвшіе

и разжирѣвшіе мѣстные буржуа. Хотя Дерптъ отличается сравнительно небольшими размѣрами, но въ то время въ его университетѣ слушало лекціи много юношей изъ богатѣйшихъ нѣмецкихъ, польскихъ и русскихъ фамилій, а въ числѣ профессоровъ было также немало состоятельныхъ людей. Весь этотъ людъ не любилъ ходить пѣшкомъ по маленькимъ тѣснымъ и узенькимъ улицамъ стараго Дерпта, и фурманамъ поэтому доставалось много работы. Костюмъ фурмана составляли лѣтомъ: черная куртка съ желтыми лацканами, такою же выпушкою и ясными металлическими пуговицами; кожаная фуражка, черные запущенные въ сапоги штаны и большая шинель съ капюшономъ, зимой дополняла этотъ эффектный нарядъ. Экипажи — пролетки у нихъ у всѣхъ были однообразные, женоподобныя лица бриты, а нравы—грубы и упрямы. Ни на какомъ другомъ языкѣ кромѣ эстонскаго, съ прибавленіемъ кое-какихъ общеупотребительныхъ нѣмецкихъ словъ, фурманы не говорили, и поэтому русскому или пріѣхавшему изъ внутреннихъ губерній было очень трудно объясняться съ ними. Нѣкоторые изъ фурмановъ, впрочемъ, составляли исключеніе: читали, сидя въ кнейпѣ и даже на козлахъ, свои народныя эстонскія и латышскія газеты, разсуждали о политикѣ и серьезно полагали, что обрусительныя начала не коснутся, по крайней мѣрѣ, сферы ихъ жизни и промысла. Надзоръ за ними имѣла полиція, въ то время пользовавшаяся широкими полномочіями, тѣмъ не менѣе, несмотря на эту суровую опеку, фурманское общество долго сохраняло свою самобытную физіономію, традиціи и порядки, защищая ихъ хотя пассивно, но стойко отъ разрушительнаго вліянія новыхъ вѣяній.

Главнѣйшимъ контингентомъ фурманскихъ сѣдоковъ были, конечно, студенты, въ особенности университетскіе бурши, съ шумомъ и трескомъ разъѣзжавшіе по улицамъ и окрестностямъ Дерпта. Извозчики дѣлились на одноконныхъ и пароконныхъ (Zweispenner), услуги которыхъ оплачивались дороже. Взявшій насъ съ товарищемъ на станціи фурманъ везъ насъ на парѣ сытыхъ и очень бойкихъ мѣстныхъ эстонскихъ клипперовъ, служащихъ у здѣшнихъ крестьянъ и выѣздными и рабочими лошадьми. Мы живо домчались до эстонской дешевой гостиницы, носившей нѣмецкое названіе «Hotel Dorpat» и содержимой, какъ говорили, разбогатѣвшимъ фурманомъ А., давно оставившимъ свое ремесло.

Въ этомъ «отелѣ» мы прожили потомъ нѣсколько мѣсяцевъ. Тамъ же квартировало много и другихъ ветеринарныхъ студентовъ. Отель былъ двухъэтажный, внизу помѣщался дешевый ресторанъ для рабочихъ и пріѣзжихъ крестьянъ, а вверху номера. Ресторанъ, по назначенію соотвѣтствовавшій нашимъ «рестораціямъ», по внутреннему благоустройству, чистотѣ и порядкамъ былъ далеко не родня нашимъ заведеніямъ подобнаго типа. Хотя, какъ я уже сказалъ, онъ посѣщался почти исклю-

чительно назшимъ классомъ населенія, но ни страшнаго крика, ни буйствъ, ни пьяныхъ пѣсенъ и безобразныхъ ругательствъ слышно въ немъ не было.

Въ базарный или праздничный день сельскіе «кули» (такъ прозвали ихъ мы, русскіе, за безпрестанное употребленіе слова «кульче»—слушай, съ которымъ они обращались другъ къ другу) понаѣдутъ изъ своихъ деревень въ прочныхъ «купеческихъ» телѣжкахъ на желѣзныхъ осяхъ, запряженныхъ круглыми сытенькими лошадками и украшенныхъ яркоцвѣтными домотканными коврами, съ толстухами - женами въ громадныхъ сѣрыхъ, ручнаго тканья, платкахъ, продадутъ на базарѣ свое чухонское масло, яйца и молоко и придутъ, бывало, въ ресторанъ нашего отеля возсѣдать за маленькими, грубо, но чисто сервированными столиками—пить пиво, читать свою излюбленную народную газету и курить длинную фарфоровую трубку.

Вотъ важный «кохтамисъ»,—деревенскій судья,—усѣлся солидно у окна, потребовалъ пару бутылокъ пива, жирной свинины съ яйцами и любимую газету «Olevik», и благодушествуетъ себѣ, закусывая, попивая и почитывая. За другими столами сидятъ также пріѣзжіе селяки за тѣми же занятіями. Насъ особенно, бывало, поражалъ видъ крестьянина въ сѣрой, родъ солдатскаго сукна, курткѣ, такихъ же штанахъ и съ платкомъ, вмѣсто галстука, на шеѣ, читавшаго внимательно газету. Народныхъ періодическихъ изданій въ Прибалтійскомъ краѣ въ то время издавалось даже болѣе, чѣмъ теперь, и всѣ они стремились служить цѣлямъ какой-нибудь своей партіи. Такъ одна служила выразительницей стремленій и вожделѣній пасторско-нѣмецкой, другая—дворянской, третья – народническихъ, четвертая—рабочихъ и т. д. О необходимости объединенія съ Имперіей, руссофильствѣ и т. п. вопросахъ тогда говорили только одна—двѣ газеты и съ русскимъ элементомъ въ составѣ редакцій или поддерживаемыя правительствомъ. Вообще эти темы были щекотливы, и ихъ старались обѣгать по возможности. Только впослѣдствіи, когда окончательно установилось мнѣніе, что обрусеніе края послѣдуетъ неизбѣжно, нѣкоторые дальновидные и ловкіе редакторы эсто-латышскихъ народныхъ газетъ поспѣшили незамѣтно, но очень рѣшительно, повернуть фронтъ и заговорить о «великомъ общемъ отечествѣ», необходимости для народа изученія русскаго языка и т. п. благонамѣренныхъ вещахъ

Ресторанъ работалъ на славу. За буфетомъ его стояли то самъ хозяинъ,—необыкновенно плотный, съ толстымъ заплывшимъ лицомъ и маленькими свиными глазками эстонецъ, то его молодая, бѣлокурая и очень привлекательная женка, «Madame A.»—предметъ ухаживаній и масляныхъ взглядовъ для всей жившей въ гостиницѣ молодежи. На дворѣ и въ корридорахъ орудовалъ и работалъ Самуэль—молодой, очень

блѣдный и очень дѣятельный эстонскій парень, впослѣдствіи снявшій у хозяина, пожелавшаго подъ конецъ жизни отдохнуть, его ресторанъ и успѣшно поведшій свое дѣло,—и служанка Лиза. Ни тотъ, ни другая ни слова не понимали по-русски, и намъ сначала долго пришлось помучиться съ ними, пока мы привыкли понимать другъ друга, объясняясь на томъ невообразимомъ жаргонѣ, который мы именовали нѣмецкимъ, а они русскимъ языкомъ. Спустя три—четыре года я какъ-то встрѣтилъ и Самуэля, и Лизу, и оба они уже хорошо говорили по-русски—такова настойчивость эстонскаго крестьянина, когда онъ захочетъ чего-нибудь добиться.

Въ номерахъ отеля жили преимущественно студенты ветеринары, но было нѣсколько поляковъ, служащихъ въ конторѣ ново-строящейся Псково-Рижской желѣзной дороги, и еще какая-то темная таинственная личность не то литовскаго, не то польскаго происхожденія, которую, однако, «паны» очень ненавидѣли и таинственно предупреждали насъ остерегаться ея, говоря, что это—«шпіонъ». Жизнь въ верхнемъ этажѣ шла своеобразная. Утромъ во всѣ номера несли жестяныя «чайныя машины» (Theemaschinen), а единственный настоящій русскій самоваръ подавался съ соблюденіемъ строгой очереди. Просыпавшееся студенчество пило чай, разговаривало, шутило другъ съ другомъ и съ служанкою, и шло затѣмъ на занятія. Послѣ трехъ слѣдовало возвращеніе домой и обѣдъ, который приносился снизу изъ ресторана. Вечеръ же проводился самымъ разнообразнымъ образомъ.

Иногда собирались въ чей-нибудь одинъ номеръ, пѣли русскія пѣсни, и, конечно, не обходилось безъ возліяній, впрочемъ, очень умѣренныхъ. Разъ какъ-то послѣ такого вечера русская молодежь отправилась въ прекрасную лунную ночь гулять по средневѣковымъ улицамъ стариннаго города, чрезъ гранитный, временъ Екатерины, висячій мостъ перешла старую Амовжу или Эмбахъ и вступила на Ратушную площадь. Въ виду готической городской ратуши студентамъ захотѣлось спѣть «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», они и затянули стройнымъ громогласнымъ хоромъ любимую пѣсню. Было уже около полуночи, бюргеры спали мирно съ своими бюргершами, и уличная русская серенада разбудила ихъ. Стояла теплая августовская ночь. Ночные сторожа или «нахтвехтеры», мирно прикурнувшіе было въ укромныхъ уголкахъ, живо пробуждались и этимъ шумомъ и раздававшимися сверху, изъ оконъ, нѣмецкими ругательствами пробужденныхъ горожанъ. Нахтвехтеры и подоспѣвшіе затѣмъ городовые вступили съ русскими студентами сначала въ пререканія, а затѣмъ и въ рукопашную схватку, силясь или разогнать ихъ шествіе или завлечь въ полицію для составленія протокола. Студенты защищались, наконецъ, уступили и дали отвести себя въ ратушу, гдѣ помѣщалась тогда полиція. Обѣ стороны были преду-

бѣждены другъ противъ друга на почвѣ расходившихся національныхъ страстей. Стража полагала, что русскіе хотѣли нарочно нарушить уличный порядокъ и разбудить мирныхъ нѣмецкихъ обывателей, а молодежь негодовала, что стражники-«нѣмцы» трогаютъ ихъ потому только, что они русскіе студенты и находятся внѣ покровительства «нѣмецкихъ властей»...

Возбужденіе было такъ значительно, что, войдя въ зданіе полиціи, молодежь начала кричать, что «слѣдуетъ разрушить это чухонское гнѣздо!», а тогдашніе полицейскіе чиновники съ своей стороны давай сочинять протоколъ объ угрозахъ и сопротивленіи властямъ. Все это было бы смѣшно... еслибы не окончилось, спустя нѣкоторое время, судебнымъ процессомъ, увольненіемъ нѣкоторыхъ полицейскихъ чиновъ и арестомъ студентовъ. Въ то же время въ русскихъ столичныхъ газетахъ горячія головы, изъ студентовъ же, напечатали нѣсколько страстныхъ корреспонденцій на тему о притѣсненіяхъ нѣмцами русскихъ, своевольствѣ буршей и безправіи студентовъ-русскихъ и т. п.

Такъ создавалась вообще исторія. Стоило нѣсколькимъ пьянымъ дерптскимъ студентамъ разныхъ національностей подраться между собою или какому-нибудь нѣмецкому лавочнику не понять русскаго покупателя и не продать ему поэтому своего товара, какъ въ газеты уже летѣли широковѣщательныя донесенія, и вопросъ неизмѣнно сводился къ одному, что «Карѳагенъ долженъ быть разрушенъ»... Правда, много было и безобразій въ существовавшемъ строѣ; но заключался-то онъ совсѣмъ не въ томъ, о чемъ тогда повѣствовали. Впрочемъ, эта газетная агитація и возбужденіе сослужили свою пользу тѣмъ, что ускорили введеніе нѣкоторыхъ реформъ.

А многіе пользовались «смутнымъ временемъ» въ Прибалтійскомъ краѣ въ личныхъ видахъ, съ цѣлью половить рыбки въ мутной водицѣ, и я знаю многихъ общественныхъ дѣятелей, которые, благодаря этой травлѣ національностей и возбужденію антагонизма народностей, отлично устроили свои личныя дѣлишки и выплыли на поверхность житейскаго моря, только исключительно благодаря газетному трезвону и конфиденціальнымъ донесеніямъ куда и кому слѣдуетъ о неблагополучномъ состояніи умовъ среди населенія Остзейскаго края...

Какъ бы то ни было, но ни въ какомъ другомъ вопросѣ русская печать не сыграла такой важной роли, какъ въ Прибалтійскомъ...

III.

Удивительно быстро мчатся студенческіе годы. Лучшія ли воспоминанія связаны съ ними или эти годы—обѣтованные годы молодости, свѣжихъ силъ и розовыхъ мечтаній, но все, что такъ или иначе связано съ ними въ воспоминаніяхъ, носитъ теплый, жизнерадостный и примирительный характеръ. Въ то время всѣ эти столкновенія съ полиціей, начальствомъ, суровою житейскою дѣйствительностью волновали, огорчали и подчасъ доводили до крайне курьезныхъ трагикомическихъ положеній. Теперь же, оглядываясь въ далекое невозвратное прошлое, становится непонятнымъ, какъ все это могло волновать и тревожить, и какъ много было въ этомъ молодаго легкомыслія и юнаго задора.

Дали намъ, ветеринарамъ, форму, показавшуюся всѣмъ сначала красивой. Но такъ какъ институтъ отличался прогрессивностью въ дѣлѣ русскихъ нововведеній у себя, то начальство наше и распорядилось, чтобы младшіе курсы непремѣнно сдѣлали себѣ форму. Пока послѣдняя приготовлялась, многіе студенты-франты купили себѣ форменныя фуражки съ значками въ родѣ кокардъ и стали щеголять въ нихъ по городу. Университетскимъ буршамъ, доселѣ не знавшимъ соперниковъ въ дѣлѣ украшенія своихъ головъ цвѣтными маленькими шапочками, показалось обиднымъ, что у нихъ «пекудисты» (отъ латинск. pecu—скотъ) отбиваютъ пальму первенства въ этомъ отношеніи. И вотъ время отъ времени стали повторяться случаи столкновенія, конечно вечеромъ или ночью, «форменныхъ» ветеринаровъ съ цвѣтоносцами-корпорандами. Разъ ночью мы были разбужены страшнымъ шумомъ на улицѣ. Ночные сторожа трубными звуками сзывали какъ на пожаръ охранителей порядка, фурманы бѣшено неслись съ сѣдоками, и студенты-ветеринары и университетскіе бурши спѣшили куда-то, словно добрые католики въ Варѳоломеевскую ночь. Оказывается, большая толпа ветеринаровъ и буршей учинили межъ собой ночную баталію въ большихъ размѣрахъ, такъ что потребовалось вмѣшательство не только полиціи (городской и университетской, состоявшей изъ педелей; въ то время Дерптскій университетъ пользовался автономнымъ управленіемъ, своимъ судомъ и полиціей), но и мѣстнаго старшаго учебнаго начальства. Буяновъ насилу розняли; назавтра состоялся университетскій судъ, а газетныя корреспонденціи полетѣли въ столицу и чрезъ недѣлю будоражили общественное мнѣніе. Такіе эпизоды разнообразили нашу тихую до чрезвычайности и однообразную жизнь. А она въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ для насъ, русскихъ, ни слова не понимавшихъ на мѣстныхъ языкахъ, была скучна и монотонна. Лекціи частью читались

на русскомъ языкѣ, частью—по-нѣмецки. Но этотъ русскій языкъ въ устахъ нашихъ руссофицируемыхъ профессоровъ принималъ такую форму и отличался такимъ акцентомъ, что мы его слушали съ трудомъ. Впрочемъ, въ нашихъ руководителяхъ мы цѣнили не языкъ, даже не форму изложенія, а ту степень ихъ научныхъ достоинствъ и количество ученыхъ трудовъ, о которыхъ мы имѣли свѣдѣнія. Высоко цѣнилось еще нами безпристрастіе, чуждое націонализма и малѣйшей несправедливости отношеній къ намъ профессора. Чувства уваженія и благодарности, возбуждаемыя такими отношеніями, настолько переполняли насъ, что когда одному изъ старыхъ профессоровъ, д-ру Розенбергу, читавшему у насъ физіологію по-нѣмецки, предстояло выйти изъ состава профессоровъ за незнаніе русскаго преподавательскаго языка, мы собрались всѣ безъ различія національностей и неотступно просили директора института похлопотать предъ учебнымъ округомъ объ оставленіи любимаго профессора еще на пятилѣтіе, говоря, что намъ не важенъ его языкъ, а его научное руководство нами и справедливое отношеніе. Не знаю, благодаря ли этому или чему другому, но профессоръ Розенбергъ остался послѣ этого въ институтѣ еще на пятилѣтіе.

Скука и монотонность жизни дѣлали то, что многія слабыя натуры изъ русской молодежи начинали пить съ болѣзненною страстью, предаваться оргіямъ и кутежамъ. Чтобы нѣсколько отвлечь отъ такого убійственнаго времяпрепровожденія и ввести облагораживающій элементъ въ развлеченія, въ 1887 году я, переговоривъ кое съ кѣмъ изъ болѣе развитыхъ своихъ товарищей, обратился къ директору института К. К. Раупаху съ просьбою разрѣшить намъ, студентамъ, устраивать въ стѣнахъ института научно-литературные вечера съ преніями и дебатами. Директоръ сказалъ, что если нашу мысль и программу одобритъ и поддержитъ профессоръ П. А. Висковатовъ, читавшій въ институтѣ курсъ русской литературы, и руководительство научнымъ отдѣломъ возьметъ на себя кто-либо изъ другихъ профессоровъ, то онъ, директоръ, войдетъ съ ходатайствомъ къ попечителю округа. Отправились къ П. А. Висковатову[1]). Онъ принялъ самое горячее участіе въ нашей затѣѣ и направилъ насъ къ С. Л. Залѣсскому[2]), читавшему тогда въ институтѣ физіологическую химію и минералогію. И этотъ молодой и энергичный лекторъ сочувственно отнесся къ нашей просьбѣ и обѣщалъ свое содѣйствіе. Дѣло закипѣло. Изъ округа скоро было получено разрѣшеніе, и «Общество по устройству научно-литературныхъ вечеровъ при Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ» было открыто. Организація его была простая. Изъ числа студентовъ участниковъ избиралось шесть «се-

---

[1]) Нынѣ старшій цензоръ иностранной литературы.
[2]) Нынѣ профес. женскаго медицинскаго института.

*

кретарей», а проф. Висковатовъ и Залѣсскій являлись предсѣдателями и руководителями его. Предсѣдатели и секретари составляли «распорядительный комитетъ» «Общества». Всѣ рефераты предварительно прочтенія представлялись на разсмотрѣніе комитета, который и постановлялъ допустить или нѣтъ къ чтенію рефератъ. Положено было, что вечера будутъ общедоступны и открыты для всѣхъ. Директоръ отвелъ намъ для занятій актовый залъ института, украсилъ его стѣнными лампами, и мы по подпискѣ между собою купили для предсѣдателей колокольчикъ, керосину и запасъ письменныхъ принадлежностей. Первый вечеръ былъ назначенъ недѣли черезъ двѣ. Темами для рефератовъ были выбраны критич. разборъ «Власть тьмы» гр. Л. Н. Толстаго и научная работа «Психологія домашнихъ животныхъ». Слухъ о «вечерахъ» разошелся по всему городу и привлекъ на первое засѣданіе не только всѣхъ профессоровъ и студентовъ нашего института, но и многихъ университетскихъ. Какъ водится, предъ открытіемъ занятій профессора-преподаватели сказали приличныя случаю рѣчи, и затѣмъ секретари стали записывать и вести протоколы перваго засѣданія. Пренія были оживленны, увлекательны, наши профессора принимали самое дѣятельное въ нихъ участіе, и первый нашъ научно-литературный вечеръ оставилъ во всѣхъ присутствующихъ самое пріятное впечатлѣніе. Послѣ того вечера эти стали повторяться чрезъ каждыя двѣ—три недѣли. Читались на нихъ рефераты на самыя разнообразныя темы. Вотъ, напр., нѣкоторыя изъ нихъ: по литературному отдѣлу:

«Основные мотивы поэтической дѣятельности Надсона»; «О личности Полежаева»; «Первая эпоха дѣятельности Н. Щедрина» [1]) и др. По научному отдѣлу: «О переходѣ бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ въ красные»; «О птомаинахъ или животныхъ ядахъ»; «Теорія фагоцитовъ» и др. Кромѣ этихъ темъ, мы пользовались вопросимымъ ящикомъ, въ который опускались вопросы по самымъ разнообразнымъ предметамъ научнаго и литературнаго характера. Вопросы эти дебатировались и разрѣшались на вечернихъ собраніяхъ.

Несомнѣнно, что эти литературно-научные вечера имѣли бы на насъ самое благотворное развивающее вліяніе, еслибы они не прекратились послѣ седьмаго вечера. А произошло это вотъ почему. Просматривалъ и допускалъ къ чтенію рефераты, какъ было уже выше упомянуто, распорядительный комитетъ изъ секретарей и предсѣдателей общества. Желая быть какъ можно болѣе осторожнымъ и осмотрительнымъ въ выборѣ матеріала для чтенія, комитетъ иногда отвергалъ нѣкоторыя сочиненія на литературныя темы, и, между прочимъ, если

[1]) Которому, кстати сказать, въ день сорокалѣтняго юбилея его дѣятельности мы послали адресъ.

не ошибаюсь, отклонилъ такимъ образомъ рефератъ, предложенный студентомъ философіи Е. А. Бобровымъ [1]) не помню ужъ на какую тему написанный. Изъ-за этого произошли непріятныя объясненія съ сторонниками реферата, и по адресу комитета стали раздаваться упреки въ излишней придирчивости, благонамѣренности и т. п.

Конечно, членамъ комитета эти нареканія товарищей были крайне непріятны, и вотъ при разсмотрѣніи слѣдующаго реферата, сколько помнится, носившаго тенденціозное заглавіе «Капитализмъ, какъ главная причина, вліяющая на разореніе крестьянъ во всѣхъ государствахъ»—было допущено послабленіе, и рефератъ этотъ допустили къ прочтенію После чтенія его послѣдовали очень жаркія пренія и дебаты по нѣкоторымъ возбужденнымъ острымъ вопросамъ, при чемъ выражались казавшіяся тогда очень странными въ устахъ студента немного крайнія убѣжденія; все это возбудило толки и напугало наше доброе начальство. А тутъ скоро подошли майскіе экзамены, и вечера сами собою прекратились въ этомъ учебномъ году, какъ-то не возобновились въ будущемъ... Однако, мы успѣли, когда получилось извѣстіе о смерти Всев. Гаршина, собраться еще разъ и посвятить чествованію памяти этого молодаго, талантливаго беллетриста, тогдашняго любимца молодежи, цѣлый вечеръ, а вдовѣ его послали прочувствованную телеграмму.

Мнѣ остается упомянуть еще о возникшемъ было движеніи среди студентовъ къ учрежденію своего ветеринарно-студенческаго суда по образцу университетскаго «буршенгерихта», разбиравшаго жалобы не только между своими членами, студентами, но и между послѣдними и горожанами. Дѣло въ томъ, что и у насъ, въ институтѣ, студенчество входило иногда въ столкновенія между собою и студенческимъ собраніямъ приходилось иногда долго разбираться въ нихъ и судить своихъ членовъ. Такъ, когда была основана общестуденческая столовая на артельныхъ началахъ [2]), то въ ней, во время происходившей общей сходки, одинъ студентъ тяжко оскорбилъ дѣйствіемъ другаго, и студенчеству пришлось разбирать и обсуждать это дѣло цѣлую ночь на-пролетъ, и все же состоявшейся резолюціей остались недовольны обѣ стороны и перенесли это дѣло въ совѣтъ института. Непріятно пораженный безурядицей въ нашемъ веденіи судебныхъ процессовъ, директоръ института предложилъ студенческимъ обществамъ выработать какую-нибудь организацію суда по общимъ студенческимъ дѣламъ и представить ему на утвержденіе. Я лично, какъ предсѣдатель студенческаго общества «Collegium», очень сочувствовалъ этой идеѣ и въ 1888 г.

---

[1]) Нынѣ профессоръ Казанскаго университета.

[2]) Впослѣдствіи къ ней присоединены были чайная и потребительная лавочка.

выработалъ «проектъ устава студенческаго суда при Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ», состоявшій изъ двадцати параграфовъ. Однако студенты въ большинствѣ отнеслись холодно къ мысли директора объ учрежденіи суда, и проектъ мой не получилъ осуществленія.

Таковы были наши общестуденческія треволненія, печали, радости, заботы и житейская проза. А по обществамъ шла своя особая кружковая жизнь съ обычными кружковыми интересами, мелкими событіями и личными счетами. Она въ миніатюрѣ отражала бытъ всего маленькаго нѣмецкаго ученаго городка, тѣсно связавшаго свою судьбу, дѣятельность и весь складъ жизни съ бытомъ и жизнью мѣстной академической семьи, въ немъ жившей.

Изъ бѣдной событіями своей личной тогдашней жизни я долженъ отмѣтить только путешествія пѣшкомъ, которыя я предпринималъ сначала по Прибалтійскому краю, а потомъ, страшно соскучившись по родинѣ,—по смежнымъ русскимъ, Псковской и Смоленской губерніямъ. Къ этому же періоду относится мое личное знакомство съ гр. Л. Н. Толстымъ, посѣщеніе его въ Ясной Полянѣ и послѣдовавшая затѣмъ переписка съ нимъ. Но обо всемъ этомъ—когда-нибудь послѣ. Путешествіе же по эстонскимъ поселеніямъ, полямъ и лѣсамъ пѣшкомъ дало мнѣ возможность ближе и глубже заглянуть въ мѣстную народную жизнь, чтобы впослѣдствіи вѣрнѣе судить о ней. Пока мы учились, переживали молодые годы и жадно стремились къ развитію и свѣту, эта народная жизнь вступала въ новую колею исторіи, готовилась вылиться въ новыя формы и пойти новымъ историческимъ путемъ.

Прежде чѣмъ останавливаться на знакомствѣ съ нею и отмѣчать характернѣйшія явленія того историческаго десятилѣтія, которое памятно, конечно, всѣмъ прибалтійцамъ, я долженъ сказать, что жизнь и бытъ всѣхъ слоевъ населенія Остзейскаго края представляютъ очень сложную и весьма поучительную цѣпь явленій, фактовъ и отдѣльныхъ эпизодовъ, въ которыхъ не легко разобраться и очень опытному наблюдателю и изслѣдователю. Но при этомъ главное правило, котораго онъ долженъ держаться въ своей нелегкой работѣ,—это полнѣйшая объективность и строгое безпристрастіе при изученіи явленій.

IV.

Приближалось время выпуска. Шелъ 1889 годъ. Мы усердно готовились къ экзаменамъ: сдавали практическія работы, исторіи болѣзней, сданныхъ нашему попеченію четвероногихъ паціентовъ, дѣлали проб-

ныя операціи, вскрытія и т. п. Основнымъ методомъ нашихъ руководителей и руководящимъ принципомъ было—приготовить изъ насъ хорошихъ практическихъ ветеринаровъ. Клиническаго матеріала у насъ было достаточно: нигдѣ въ другомъ мѣстѣ крестьяне не ведутъ на клинику ветеринарнаго института такъ охотно своихъ домашнихъ животныхъ, какъ въ Дерптѣ. Въ свою очередь институтъ относительно владѣльцевъ животныхъ отличался большимъ вниманіемъ и предупредительностью. Не только амбулаторный пріемъ больныхъ былъ безплатный, но даже нерѣдко студенты выпускнаго четвертаго курса посылались начальствомъ въ окрестныя деревни для оказанія медицинской помощи заболѣвшимъ животнымъ, если послѣднія почему-либо не могли быть доставлены въ городъ на ветеринарную клинику [1]).

Помню разъ, съ товарищемъ пришлось и мнѣ побывать на такой практикѣ, въ деревнѣ. Слово «деревня», впрочемъ, не примѣнимо къ эстонскимъ поселеніямъ. Эсты и латыши не живутъ, или по крайней мѣрѣ очень рѣдко живутъ, большими селами и деревнями, а селятся отдѣльными дворами или усадьбами. Обыкновенно такую усадьбу арендуетъ у помѣщика или выкупаетъ въ собственность старшій сынъ какого-нибудь (стараго) зажиточнаго дворохозяина («вирта»), въ силу закона и крѣпко установившагося мѣстнаго обычая получившій послѣ смерти отца все его хозяйство и выплатившій другимъ своимъ братьямъ ихъ части деньгами или принявшій ихъ къ себѣ въ домъ на правахъ и положеніи работниковъ.

Хорошая, крѣпкая и очень сытая лошаденка бойко мчала насъ въ удобныхъ, съ задкомъ, крестьянскихъ санкахъ, чрезъ снѣжныя поля и густой сосновый лѣсъ. Лѣсовъ въ Прибалтійскомъ краѣ много, такъ какъ они хорошо и разумно эксплоатируются. Законы о браконьерствѣ соблюдаются также весьма строго, и лѣсничіе, а также владѣльцы лѣсовъ съ нарушителями ихъ правъ поступали не только сурово, но подчасъ жестоко, подстрѣливая иногда ихъ, какъ зайцевъ.

Когда мы пріѣхали, насъ ввели въ просторную довольно чистую избу хозяевъ, въ общемъ напоминающую нашу крестьянскую, но безъ обычной огромной печки, вымощенную поломъ и украшенную по стѣнамъ фотографіями и большимъ литографированнымъ въ рамкѣ портретомъ доктора Якобсона — эстонскаго народнаго трибуна. Въ то время и среди сельскаго населенія дѣятельно пропагандировалась идея національнаго, провозглашалась эстская самобытность, и дѣятельность такихъ людей, какъ Якобсонъ, особенно подчеркивалась

---

[1]) Въ университетѣ медики послѣднихъ курсовъ также для практики посылались безплатно въ дома больныхъ горожанъ для оказанія медицинской помощи. Занятіями ихъ руководители профессора, въ исключительныхъ случаяхъ также пользовавшіе ихъ безплатныхъ паціентовъ.

Конечно, главную роль въ этой агитаціи играла народная печать, представляемая еженедѣльно выходившими листками, брошюрами и другими изданіями. Интересно, какимъ способомъ набирались первоначально подписчики нѣкоторыхъ эстонскихъ журналовъ. Издатель нанималъ предъ началомъ подписки ловкаго агента съ лошадью и телѣжкой, давалъ ему кипу объявленій о подпискѣ, проспектовъ, образцовыхъ пробныхъ номеровъ, наконецъ квитанціонныя книжки и со всѣмъ этимъ багажомъ отправлялъ его по деревнямъ, усадьбамъ и полумызкамъ.

Такой агентъ, разъѣзжая по глухимъ сельскимъ угламъ и выставивъ надъ телѣгою на палкѣ объявленіе о подпискѣ на свое изданіе, собиралъ своимъ появленіемъ вокругъ себя простодушныхъ селяковъ и начиналъ расхваливать имъ свое изданіе, читать выдержки изъ него и затѣмъ собирать подписку, убѣждая внести деньги хотя за мѣсячный абониментъ на газету. И нерѣдко такая тактика давала хорошіе результаты.

Такъ какъ ни я, ни мой товарищъ не говорили по-эстонски, то хозяева пригласили въ качествѣ переводчика, говорящаго по-нѣмецки и почетнаго гостя, способнаго составить «молодымъ докторамъ» компанію, мѣстнаго сельскаго учителя. Теперешніе народные просвѣтители—учителя начальныхъ эстскихъ училищъ, вызванные къ жизни реформою, и тогдашніе,—большею частью безвозвратно снесенные ею,—далеко не походятъ типомъ другъ на друга. Начать съ того, что тѣ были почти поголовно питомцы нѣмецкой школы, нѣмецкой педагогики и большіе приверженцы старыхъ мѣстныхъ школьныхъ традицій. Ставленники помѣщиковъ и пасторовъ, они, естественно, тѣснѣе стояли къ верхнимъ слоямъ земства, чѣмъ администраціи, но съ населеніемъ они жили очень дружно и тѣсно. Этому способствовало, во-первыхъ, то обстоятельство, что приглашала и увольняла учителей вмѣстѣ съ приходскимъ конвентомъ та же волостная община, а во-вторыхъ, сельскіе учителя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ исполняли обязанности «кистеровъ» и даже неоффиціальныхъ помощниковъ пасторовъ. Они, въ отдаленныхъ отъ пастората поселеніяхъ, говорили по воскресеньямъ проповѣди крестьянамъ и исполняли другія мелкія требы, донося потомъ обо всемъ совершенномъ ими пасторамъ. Кромѣ того, большинство школъ были школами грамоты, не требовавшими отъ занимавшихъ въ нихъ мѣста учителей обширныхъ педагогическихъ познаній, и потому въ число ихъ шли часто простые грамотные крестьяне, не оставлявшіе и на школьной каѳедрѣ занятій своихъ плугомъ, сохой и косой. Такіе учителя, стоя на равной ногѣ съ крестьянами, душой и сердцемъ будучи погружены въ интересы окружающей ихъ крестьянской среды, тѣмъ не менѣе стояли нѣсколько

выше этой среды по своему развитію, отличались любознательностью и, въ особенности молодые, самообразованіемъ стремились восполнить недостатки своего развитія и воспитанія. Учитель служилъ центромъ, вокругъ котораго группировалось все тянущееся изъ деревенской тьмы къ свѣту знанія, и потому пользовался нѣкоторымъ авторитетомъ и уваженіемъ среди своихъ односельчанъ. Несмотря на свое крайне скудное матеріальное обезпеченіе, нѣкоторые учителя служили въ одной и той же школѣ по тридцати— сорока лѣтъ.

Представленный намъ въ качествѣ собесѣдника и переводчика учитель, впрочемъ, былъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ. По-нѣмецки онъ говорилъ свободно, по-русски—ни слова. Онъ вѣжливо разспросилъ насъ о Дерптѣ, институтѣ, нашей національности и въ свою очередь сообщилъ кое-что о себѣ, своей дѣтельности и нашихъ хозяевахъ. Отъ имени послѣднихъ онъ предложилъ намъ угощеніе: свинину жареную съ яйцами, вареное молоко, творогъ и хлѣбъ съ свѣжимъ масломъ. Медицинско-ветеринарная помощь наша была окончена, и хозяинъ чрезъ того же учителя спросилъ насъ, сколько онъ долженъ заплатить за наши труды,—и когда мы разъяснили ему, что командированы безплатно—очень удивился и еще съ бо̀льшимъ почетомъ отнесся къ нашимъ особамъ, отвозя насъ обратно въ Дерптъ...

Вотъ, наконецъ, наступили и благополучно прошли выпускные экзамены. Мы получили дипломы и ученыя степени ветеринаровъ. Я уже подумывалъ о командировкѣ «на чуму» или «сибирскую язву», куда-нибудь въ глушь астраханскихъ или оренбургскихъ степей и мысленно прощался съ Прибалтійскомъ краемъ, какъ вдругъ капризная судьба повернула мою жизнь и дѣятельность въ другую сторону. Этотъ поворотъ и задержалъ меня въ краѣ еще на семь—на восемь лѣтъ.

Я уже ранѣе упоминалъ имя профессора П. А. Висковатова, читавшаго и у насъ и въ университетѣ лекціи по русской литературѣ. Кромѣ этихъ чтеній, П. А. Висковатовъ игралъ довольно видную роль въ Дерптѣ и въ краѣ по обрусенію его. Вокругъ него группировался небольшой кружокъ русскихъ гимназическихъ учителей, считавшихъ своею миссіею руссофикацію молодаго поколѣнія; къ нему, по пріѣздѣ въ Дерптъ, долгомъ считалъ явиться каждый русскій; онъ принималъ участіе въ русскомъ благотворительномъ обществѣ, искалъ популярности среди русскихъ студентовъ, и онъ же стоялъ во главѣ русской общественной библіотеки, субсидируемой правительствомъ уже съ 1874 г. въ виду ея большаго значенія. Вотъ завѣдывать этой-то библіотекой и развивать находящуюся при ней русскую книжную торговлю и пригласилъ меня по окончаніи моего курса П. А. Висковатовъ, говоря, что это завѣдываніе будетъ полезно и мнѣ и самому дѣлу.

Меня соблазняла возможность не только заняться библіотечнымъ

V.

Ни одна реформа, кажется, не имѣла такого значенія для цѣлаго края, какъ судебная на прибалтійской нашей окраинѣ. Когда вводилась школьная, когда отъ подростающаго поколѣнія начали требовать знанія русскаго языка,—старики, взрослые, вообще дѣйствовавшее въ сферѣ практической жизни поколѣніе спокойно, равнодушно относилось къ этому нововведенію, думая, что ему, по крайней мѣрѣ лично, не придется такъ или иначе нести послѣдствія реформы и считаться съ знаніемъ или непониманіемъ русскаго языка. Но когда начали дѣйствовать новые русскіе суды, когда мировые судьи и судебные слѣдователи стали судить и опрашивать населеніе исключительно на одномъ только русскомъ языкѣ, а призываемые переводчики передавать вопросы и отвѣты по-своему, продавая иногда свое краснорѣчіе и переводческіе труды за дешевую цѣну той сторонѣ, которая догадывалась «подмазать»—тогда старшее поколѣніе прибалтійцевъ вдругъ живо и сильно почувствовало всю необходимость усвоенія русскаго языка, стало торопить даже дѣтей и само на склонѣ жизни усѣлось за русскую книгу. Вновь введенные суды, между тѣмъ, энергично принялись за работу. Они были завалены переданными имъ недоконченными дѣлами изъ старыхъ «герихтовъ». Прокурорскій надзоръ, мировые судьи, члены судовъ—все это едва выносило тяжесть непосильнаго бремени. Надо сказать, что нигдѣ такъ не развито сутяжничество, какъ въ остзейскихъ губерніяхъ, а тутъ еще толки о томъ, что русскій судъ будетъ расположенъ въ пользу низшихъ слоевъ населенія при постановленіи приговоровъ, и подпольная дѣятельность тучи налетѣвшихъ адвокатовъ — частныхъ повѣренныхъ — подлили, что называется, масла въ огонь. Однако, ожиданія селяковъ, что новые русскіе судьи безусловно станутъ на ихъ сторону, не совсѣмъ оправдались. Русское правосудіе тотчасъ по прибытіи въ край постаралось стать на строгообъективную почву формальной законности и начало руководствоваться въ своей дѣятельности исключительно подлежащими узаконеніями. Мѣстные землевладѣльцы-помѣщики, крупные собственники и т. п., ожидавшіе встрѣтить въ представителяхъ новаго судопроизводства чуть не личныхъ враговъ, сплошь враждебно настроенныхъ противъ нихъ, были пріятно изумлены, когда новые судьи, прокуроры, судебные пристава не только стали на стражѣ ихъ законныхъ интересовъ, правъ собственности и всѣхъ прерогативъ, но еще любезно исполняли роль хозяевъ, желающихъ оказать особое вниманіе своимъ гостямъ. Взысканія по исполнительнымъ листамъ, скорѣйшее разбирательство дѣлъ и т. п. мелкія, но существенныя одолженія въ сферѣ гражданскихъ правоограждeній — вотъ

что выпало на долю недавно трепетавшихъ за мѣстный правовой порядокъ бароновъ и «фоновъ». Понятно, что отношенія къ нимъ, этимъ новымъ русскимъ мѣстнаго высшаго общества сейчасъ же установились самыя доброжелательныя, и за ними установилась кличка «образованныхъ и развитыхъ людей». Конечно, и судебный персоналъ не могъ иначе поступать съ одной стороны въ видахъ особаго политическаго такта, а съ другой—будучи не въ силахъ измѣнить существующій мѣстный аграрный и экономическій строй. Вообще судейскіе въ этотъ первый періодъ ихъ жизни и дѣятельности въ Прибалтикѣ заслужили себѣ признанную и нѣмцами, и русскими репутацію «новыхъ людей», «либераловъ» и т. п. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности переведенные (а затѣмъ вновь переведенные на другія окраины) къ намъ изъ царства Польскаго, съ первыхъ же шаговъ вооружили противъ себя населеніе своею рѣзкостью и грубостью. Такъ, въ одномъ изъ съѣздовъ мировыхъ судей былъ предсѣдатель, который не могъ равнодушно вести ни одного засѣданія, въ которомъ участвовали, въ качествѣ подсудимыхъ ли или свидѣтелей, простые эстонскіе мужики.

— Да скажите вы этому идіоту, чтобы онъ пересталъ молоть вздоръ!— кричалъ онъ, выходя изъ себя, переводчику, когда непонимающій русскаго языка, но словоохотливый, мужичекъ-эстонецъ стремился излить предъ судейскимъ столомъ накипѣвшее горе.

— Да уведите, приставъ, этого мерзавца!—вопіялъ онъ изступленнымъ голосомъ въ другомъ засѣданіи, если подсудимый попадался строптивый и настойчиво добивавшійся, чтобы судъ слушалъ всѣ его розсказни.

Правда, предсѣдатель этотъ былъ больной, изнуренный службою человѣкъ, но все же мѣстное культурное общество поражалось такими проявленіями невоздержанности на языкъ. Предсѣдателя этого скоро, впрочемъ, перевели изъ Прибалтійскаго края въ болѣе отдаленную и некультурную окраину. Впрочемъ, такіе субъекты встрѣчались не въ одномъ судейскомъ вѣдомствѣ. Я помню, напр., одного педагога, руководившаго занятіями воспитанниковъ-семинаристовъ, подготовлявшихся къ учительскому званію, который систематически унижалъ ихъ человѣческое достоинство, на каждомъ шагу твердилъ имъ, что «чухны— идіоты по природѣ», что «еслибы русскіе ихъ не взяли въ составъ своего государства остзейскихъ губерній, то они пропали бы» и т. п. Результатъ получился самый плачевный: ученики изъ семинаріи выносили ненависть не только къ своему наставнику, но и ко всему русскому. И много было въ то время такихъ непутевыхъ обрусителей, портившихъ русское дѣло. Изъ нихъ, при вступленіи въ край представителей новыхъ судовъ, и образовалась та «старо-русская партія»,

которая потомъ вела такую ожесточенную борьбу съ «новыми русскими людьми».

Несмотря на все это, въ мѣстномъ нѣмецко-эстонскомъ обществѣ въ это время интересъ ко всему русскому поднялся до значительной высоты и предѣльнаго напряженія. Я, въ качествѣ завѣдывающаго русской публичной библіотекой, находящейся въ университетскомъ городѣ и въ то время бывшей почти единственной въ краѣ, могъ нагляднo убѣдиться въ этомъ. Число подписчиковъ стало быстро рости. Записывались интеллигенты, нѣмецкіе бароны, студенты, учителя, купцы и врачи,— все это жадно устремилось къ русской книгѣ. Закипѣла въ это время и дотолѣ находившаяся въ жалкомъ состояніи русская книжная торговля. Не говоря уже объ учебникахъ, въ ходъ пошли не только классическіе русскіе авторы, знакомые нѣмцамъ по переводамъ: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь и др., но и молодые русскіе беллетристы: Короленко, Чеховъ, Гаршинъ и др.

Ко мнѣ приходили не только за книгами, но и за совѣтами: что̀ прочесть и даже что̀ перевести на нѣмецкій языкъ для напечатанія въ мѣстныхъ и заграничныхъ журналахъ. Нѣмцевъ особенно интересовалъ нашъ Щедринъ, но всѣ попытки овладѣть его своеобразнымъ языкомъ и манерою писанія, съ цѣлью перевода, оканчивались неудачами, и наконецъ нѣмцы-переводчики принуждены были отказаться отъ своего намѣренія. Зато переводы сочиненій Луговаго на нѣмецкій языкъ, кажется, удавались вполнѣ и даже полюбились мѣстной не русской публикѣ, читавшей въ своихъ газетахъ эти переводы въ отдѣлѣ фельетоновъ. Изъ русскихъ книгъ болѣе всего шли тогда беллетристическаго содержанія:—романы, повѣсти, разсказы и т. п. Только бѣдные народные учителя, тщетно силясь дополнить чтеніемъ недостатокъ своего образованія и такимъ образомъ удовлетворить требованіямъ своихъ строгихъ судей—инспекторовъ народныхъ училищъ,—читали изо всѣхъ силъ сочиненія по педагогикѣ, дидактикѣ и друг. воспитательнымъ наукамъ. Книги брали и въ уѣздѣ. Многимъ приходилось выбирать подходящее чтеніе, указывать, совѣтывать, руководить. При библіотекѣ была, какъ я уже упоминалъ, читальня. Ее посѣщало десятка три—четыре читателей, слѣдящихъ за текущей періодической литературой. Контингентъ ихъ опять таки преимущественно состоялъ изъ студентовъ разныхъ націй и двухъ учебныхъ заведеній—университета и института. Кромѣ русской, въ городѣ существовали нѣмецкая и эстонская частныя библіотеки, съ гораздо бо̀льшимъ количествомъ подписчиковъ, значительнымъ запасомъ книгъ и болѣе льготными правилами пользованія ими.

Но въ нашу библіотеку зато шло все, что было болѣе интеллигентно и прогрессивно въ мѣстномъ обществѣ. Нѣмцы шли, желая ознако-

миться съ языкомъ и литературой, эстонцы вслѣдъ за нѣмцами, а русскіе—отъ скуки и хандры въ чуждомъ незнакомомъ городѣ, а также вслѣдствіе понятнаго стремленія поддержать связь съ родиной хотя чрезъ печатное слово. Въ библіотекѣ поэтому сходились всѣ слои мѣстнаго общества, и нерѣдко на этой нейтральной почвѣ происходило взаимное общеніе разныхъ «племенъ, нарѣчій, состояній» нашего маленькаго университетскаго городка.

Всѣ новопріѣзжающіе въ Дерптъ на службу или по другимъ дѣламъ считали своимъ долгомъ побывать у профессора русской словесности Висковатова, о которомъ я упоминалъ выше, и записаться въ русской библіотекѣ.

Главенствовалъ въ послѣдней и направлялъ всѣ ея внутреннія и внѣшнія дѣла тотъ же П. А. Висковатовъ, распоряжавшійся всѣмъ по своему усмотрѣнію съ помощью большинства голосовъ въ совѣтѣ библіотеки. Онъ же былъ и предсѣдателемъ совѣта, играя кромѣ того значительную роль, какъ видный дѣятель, въ мѣстномъ русскомъ благотворительномъ обществѣ, основанномъ имъ русскомъ семейномъ учительскомъ кружкѣ «Родникъ», а также въ гимназіи и университетѣ,

Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ также дерптскимъ почетнымъ мировымъ судьею. Жилъ онъ въ своемъ домѣ, на окраинѣ города; въ переднихъ комнатахъ его убранство было въ русскомъ стилѣ: съ вышитыми полотенцами по стѣнамъ, разными поставцами, деревянными чашками кустарнаго издѣлія и т. п. Я думаю, многимъ, окончившимъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ или институтѣ, памятна профессорская пріемная, убранная такимъ образомъ, съ громаднымъ краснымъ щитомъ на одной изъ стѣнъ, на которомъ развѣшено было множество пистолетовъ, ятагановъ, ружей и т. п.

Если кто удивится, зачѣмъ въ профессорской пріемной висѣло смертоносное оружіе, тому я могу сказать въ объясненіе, что П. А. Висковатовъ былъ во время русско-турецкой кампаніи 1877—78 г. прикомандированъ къ уполномоченному Краснаго Креста и въ память своего пребыванія тамъ и вывезъ кое-какое рѣдкое восточное оружіе.

Двери висковатовскаго дома были широко открыты для всѣхъ, и самъ почтенный хозяинъ съ большою лысою головою, свѣтлорусою бородою и массивной фигурою настоящаго русскаго барина, отличался большою доступностью и внимательностью къ нуждамъ обращающихся къ нему съ различными просьбами русскихъ, нѣмцевъ, эстовъ, поляковъ и др. Онъ помогалъ имъ протекціей, кое-какими связями съ мѣстной и столичной администраціей, пристраивалъ къ мѣстамъ, наконецъ, ссужалъ деньгами.

Многіе оставались надолго признательными П. А. Висковатову за его помощь, но были у него и многочисленные враги. Вражда эта

возникала чаще всего на почвѣ такъ сказать quasi-политической; въ университетѣ вѣчно боролись за преобладаніе въ дѣлахъ совѣта и автономной жизни университета партіи профессоровъ русскихъ, заграничныхъ нѣмецкихъ и мѣстныхъ уроженцевъ или, какъ звали ихъ тогда, «балтовъ».

Конечно, П. А. Висковатовъ стоялъ во главѣ русскихъ и, пользуясь иногда безтактностью и оплошностью противниковъ, а также своими связями въ Петербургѣ, очень вредилъ имъ, особенно когда началась реформа университета и потребовалось знаніе русскаго языка, а многіе нѣмецкіе профессора не могли или не хотѣли ему учиться. Въ университетѣ былъ также особый курсъ наукъ, въ шутку прозванный «висковатовскимъ факультетомъ», прослушавъ который можно было получить свидѣтельство на званіе учителя **частнаго** средняго учебнаго заведенія. И я знаю даже теперь одного преподавателя Рижской женской городской гимназіи, Т., который, не окончивъ курса въ институтѣ, при помощи «висковатовскаго фалькутета» сдѣлалъ карьеру и достигъ положенія въ обществѣ, чиновъ и матеріальныхъ благъ.

Оба тогдашніе губернатора, лифляндскій — генералъ-лейтенантъ М. А. Зиновьевъ и эстляндскій князь С. Шаховской находились въ эпоху обрусенія съ дерптскимъ профессоромъ русской словесности въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Любимымъ дѣтищемъ, созданіемъ рукъ своихъ, П. А. Висковатовъ въ то время считалъ русскій учительскій клубъ «Родникъ».

Семейный русскій учительскій кружокъ «Родникъ» возникъ въ 1886 г. въ Дерптѣ, благодаря усиліямъ П. А. Висковатова и нѣсколькихъ гимназическихъ учителей. Сначала, когда ихъ было всего десять — двѣнадцать человѣкъ, они собирались другъ у друга проводить свои досуги, а затѣмъ, когда русскаго народу стало прибавляться, стали подумывать объ основаніи своего клуба. Эти первые годы существованія «Родника», по словамъ его учредителей и основателей, были самые счастливые и хорошіе: не было ни дрязгъ, ни ссоръ, ни буйныхъ засѣданій, какъ впослѣдствіи, ни дѣленія на «новыхъ» и «старыхъ», и т. п.

Какъ ни грустно, а приходится сознаться, что взаимныя дрязги, сплетни и интриги наѣзжавшихъ въ Прибалтійскій край русскихъ вредили дѣлу обрусенія болѣе, нежели всѣ противодѣйствія нерусскихъ недоброжелателей, и оппозиція фрондерствующаго балтійскаго меньшинства

Нѣмецкое и онѣмеченное эсто-латышское общество стояло твердо и прочно на своихъ ногахъ и сора изъ своей избы не выносило.

Каждый помнилъ, что есть общій врагъ, противъ котораго надо дѣйствовать сообща; каждому казалось, что онъ долженъ дѣйствовать во имя отстаиванія насажденной старой культуры отъ врывавшагося

русскаго варварства, во имя защиты родной земли отъ неминуемаго разоренія и разрушенія новыми началами; наконецъ, каждый нѣмецъ и онѣмеченный эстъ или латышъ былъ увѣренъ въ правотѣ своего дѣла, своей страстной оппозиціи. Не то было въ лагерѣ русскихъ...

VI.

Жизнь многочисленныхъ нѣмецкихъ и эстскихъ ферейновъ и клубовъ въ Дерптѣ въ то время отличалась строгою замкнутостью отъ всего русскаго, и попасть туда членомъ свѣжему человѣку было довольно-таки трудно. Но когда въ край хлынули волной новые порядки и люди, нѣмцы стали мало-по-малу отворять свои двери и даже осторожно сближаться съ людьми новаго порядка. Такъ, когда мѣстный нѣмецкій клубъ «Bürgermusse» праздновалъ столѣтіе своего существованія, то онъ прислалъ радушное приглашеніе и русскому клубу «Родникъ» прислать депутатовъ на торжество. Этотъ «Bürgermusse» былъ самый старый и строгій по чопорности въ нашемъ городѣ клубъ. Хотя большинство членовъ въ немъ были дерптскіе торговцы и ремесленники, но когда тамъ устраивались балы и маскарады, человѣку, не имѣющему фрака, попасть туда было невозможно. Намъ, русскимъ, странно и смѣшно было смотрѣть, какъ какой-нибудь мѣдныхъ и жестяныхъ дѣлъ мастеръ выступалъ важно въ фрачной парѣ и бѣломъ галстукѣ рядомъ съ своей расфранченной дамой, ведя ее подъ руку, или дирижировалъ танцами. Въ эстонскомъ клубѣ «Vainemujne», считавшемся самымъ демократическимъ и простонароднымъ, господствовали такіе же порядки и чопорность относительно костюма. Допекали и тотъ и другой клубъ только нѣмецкіе студенты-корпоранты, врывавшіеся въ пьяномъ видѣ къ чиннымъ бюргерамъ и скандалившіе въ клубахъ напропалую. Третьимъ и самымъ многолюднымъ дерптскимъ клубомъ было «ремесленное общество» (Handverkerferein). Въ немъ числилось до семисотъ человѣкъ и хотя оно называлось «ремесленное», но въ составъ его входила почти вся интеллигенція Дерпта. Тамъ были профессора университета, директора и учителя гимназіи правительственной и двухъ частныхъ, реальнаго училища, городскаго, женскаго высшаго (Töchterschule) и др., врачи, адвокаты, чиновники, богатые купцы и домовладѣльцы. Кромѣ обычныхъ клубныхъ развлеченій: картъ, ресторана, билліарда, кеглей, сада съ прудомъ, гигантскими шагами, лѣтнимъ театромъ и т. п., въ ремесленномъ обществѣ читались публичныя лекціи образовательнаго характера профессорами-членами, устраивались музыкальные и семейные вечера, и вообще время проводилось не только пріятно, но и съ пользою. Русскій клубъ «Родникъ» также пытался устраивать все это

и у себя, но все затѣянное какъ-то выходило неудачно: то семейный вечеръ окажется безъ дамъ, то лекція не удастся, то, наконецъ, и это чаще всего, члены «Родника», число которыхъ подъ конецъ моего пребыванія въ Дерптѣ дошло до восьмидесяти,—перессорятся или съ предсѣдателемъ или другъ съ другомъ.

Подъ конецъ эта разладица стала повторяться все чаще и чаще. Основатели кружка «Родникъ», гимназическіе учителя, относились къ другимъ членамъ, въ особенности судейскаго званія, покровительственно, какъ къ новичкамъ и на каждомъ шагу давали имъ чувствовать, что старожилы въ клубѣ и краѣ—они, учителя, что «для русскаго дѣла» они сдѣлали болѣе, чѣмъ кто-либо другой, и что пальма первенства принадлежитъ вообще имъ. Конечно, это не могло нравиться остальнымъ. Inde ira. Но «Родникъ» все же имѣлъ значеніе центральнаго мѣста, гдѣ по крайней мѣрѣ наружно русское общество объединялось и являлось хотя по внѣшности сплоченнымъ, организованнымъ. Когда кто-либо изъ губернскихъ или столичныхъ властей посѣщалъ Дерптъ, онъ непремѣнно заглядывалъ и въ скромное помѣщеніе «Родника». Въ числѣ его почетныхъ членовъ значились архіепископъ рижскій Арсеній, попечитель округа, губернаторъ, рижскій жандармскій генералъ и др.

Покойный министръ народнаго просвѣщенія гр. И. Д. Деляновъ вмѣстѣ съ т. с. Аничковымъ и Хрущевымъ двукратно посѣтилъ «Родникъ», познакомившись почти со всѣми его членами, которые были ему представлены. Впослѣдствіи, когда правительство задалось мыслью поддерживать въ краѣ русскую общественность и субсидировать русскіе клубы, «Родникъ» съ помощью М. А. Зиновьева получилъ на три года субсидіи въ 500 руб. ежегодно. Собственныхъ же средствъ его, при десятирублевомъ членскомъ взносѣ, далеко не хватало на удовлетвореніе всѣхъ нуждъ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого, часть членовъ, принадлежавшая къ «новымъ людямъ», потребовали и послѣ долгихъ споровъ и хлопотъ добились пересмотра Родниковскаго устава, при чемъ вмѣсто названія «учительскій кружокъ» ему присвоено было имя «Русскаго общественнаго собранія». Такія же «собранія» были и въ Ревелѣ, и въ Митавѣ, и въ Перновѣ. Но, положа руку на сердце, слѣдуетъ признаться, что нигдѣ они не играли никакой культурной миссіи и никакимъ объединяющимъ, въ истинномъ значеніи этого слова, центромъ не служили: инородцевъ въ нихъ поступало мало, да и тѣ были чиновники, дѣлавшіе это въ чаяніи этимъ понравиться своему губернскому начальству, а среди своихъ членовъ русскихъ вѣчно господствовали дрязги и ссоры.

Даже клубнаго своего назначенія они не всегда достигали, такъ какъ въ нихъ царила изрядная скука, и записнымъ клубистамъ въ нихъ многаго недоставало.

Вообще слѣдуетъ сказать, что въ то время въ реформируемомъ краѣ большее значеніе имѣли и больше вреда или пользы приносили отдѣльныя личности, нежели такія учрежденія, какъ русскія общественныя собранія. И какихъ-какихъ господъ не наѣзжало тогда въ Прибалтійскія губерніи.

Сижу какъ-то я однажды въ читальной залѣ библіотеки, какъ вдругъ докладываютъ, что меня желаетъ видѣть какой-то военный.

Приказываю просить. Чрезъ нѣсколько минутъ, звякая шпорами, входитъ небольшаго роста, очень тучный, съ длинной сѣдой бородой и совершенно голымъ черепомъ, полковникъ въ жандармской формѣ, съ аксельбантами и рекомендуется вновь назначеннымъ въ нашъ городъ штабъ-офицеромъ Рижскаго жандармскаго управленія, А. П. Николинымъ [1]). Прошу садиться. Маленькіе хитрые, глубокоушедшіе подъ сѣдыя брови, глазки зорко и быстро пробѣгаютъ по мнѣ, по стѣнамъ читальни и столамъ съ газетами. Словно обыскъ дѣлаютъ. Послѣ обычныхъ разспросовъ о томъ, какъ идутъ дѣла, много ли подписчиковъ, сѣдобородый «ловецъ человѣковъ» вдругъ кидаетъ мнѣ, какъ бы невзначай, вопросъ, нѣтъ ли у меня послѣднихъ сочиненій Кеннана: ему, видите-ли, хочется познакомиться съ ними... Я шутя отвѣтилъ, что самъ хотѣлъ просить у г. полковника любезнаго одолженія—дать мнѣ возможность достать эту очень интересную запрещенную книгу, такъ какъ я много о ней слышалъ... Видя, что ловкій пріемъ — поймать врасплохъ неопытнаго библіотекаря не удался,—Николинъ сейчасъ же все обратилъ въ шутку и сталъ меня увѣрять, что онъ Кеннаномъ интересуется такъ потому, что когда завѣдывалъ Карійской политической каторгой, то онъ, Кеннанъ, въ бытность свою тамъ, познакомился съ нимъ и даже срисовалъ съ него портретъ, который долженъ былъ появиться въ иллюстрированныхъ англійскихъ изданіяхъ. Николинъ на этотъ разъ ограничилъ свой визитъ краткимъ временемъ, но затѣмъ на слѣдующій же день записался въ число подписчиковъ библіотеки и сталъ посѣщать меня чуть не ежедневно, приглашая посѣтить и его.

Когда я отдавалъ ему отвѣтный визитъ, онъ страшно старался показать, что онъ намѣренъ быть со мной откровеннымъ до крайности и держаться на распашку. О себѣ любилъ разсказывать много и подробно и сообщилъ мнѣ, что былъ нѣкогда у гр. М. Н. Муравьева-Виленскаго правою рукою. Къ своей профессіи, сознавался онъ, чувствуетъ сильное призваніе и отличительною чертою своего характера считалъ прямолинейность и независимость.

— За это меня далѣе какъ въ подполковники и не производятъ!—

---

[1]) Нынѣ уже покойникъ.

говорилъ онъ горделиво,—потому что я не остановлюсь во имя долга обвинить хоть кого!..

По его словамъ, когда онъ пріѣхалъ съ особыми полномочіями завѣдывать политическою каторгой, то прямо по пріѣздѣ явился въ казарму, гдѣ содержались политическіе ссыльные, и заявилъ имъ, что отнынѣ время поблажекъ для нихъ и административнаго произвола для мѣстной власти миновало; онъ повѣситъ на стѣнѣ казармы «инструкцію» и будетъ самъ слѣдовать и отъ заключенныхъ требовать точнаго исполненія ея правилъ.

— Поднялся страшный шумъ и даже угрозы убить меня, — повѣствовалъ Николинъ,—но я сказалъ: господа, если меня убьете, то ничего этимъ не достигнете. Семью мою обезпечитъ правительство, мнѣ жить осталось и такъ недолго, а свою участь вы ухудшите.

— И хотите вѣрьте, хотите нѣтъ, М. М., но когда я покидалъ свой постъ,—говорилъ онъ мнѣ,—всѣ они страшно обо мнѣ сожалѣли...

— Когда я зашелъ затѣмъ въ казарму, занимаемую политическими женщинами, всѣ онѣ сидѣли за большимъ столомъ и пили изъ громаднаго самовара чай. Я объявилъ имъ то же, что и кавалерамъ... Поднялся шумъ, пискъ и протесты. Я сказалъ: mes dames, вы все-таки интеллигентныя женщины—поговоримъ миромъ... А прежде напойте меня чаемъ. Это ихъ страшно удивило сначала, а затѣмъ мы спокойно объяснились и modus vivendi былъ найденъ...

Николинъ зналъ французскій и нѣмецкій языки, внимательно читалъ всѣ мѣстныя газеты и быстро перечиталъ всю нашу библіотеку. Его пріѣздъ имѣлъ большое вліяніе на жизнь нашего маленькаго городка и уѣзда. Мѣстные жандармы—хладнокровнѣйшіе и неповоротливѣйшіе эсты,—вдругъ подтянулись, стали зорче и внимательнѣе смотрѣть на вся и на всѣхъ, и число такъ назыв. «секретныхъ» дѣлъ быстро возросло. Въ «Родникъ» онъ не захотѣлъ, по примѣру своего предшественника, вступать членомъ, а съ П. А. Висковатовымъ у него установились натянутыя и даже враждебныя отношенія. Нѣкоторымъ учителямъ, вслѣдствіе его внушеній, было сдѣлано замѣчаніе, а кое-кого изъ проживающихъ въ уѣздѣ пасторовъ отдали подъ судъ за «агитацію» противъ православія... Даже православныхъ священниковъ, пользующихся въ Прибалтійскихъ губерніяхъ правами миссіонеровъ и получающихъ, къ слову сказать, по 1.300 руб., кромѣ содержанія натурой, жалованья, А. П. Николинъ не оставилъ въ покоѣ и сталъ кому слѣдуетъ указывать, что нѣкоторые изъ нихъ ведутъ нетрезвый образъ жизни. Изъ-за этого у него стали выходить столкновенія и съ духовной властью. Отчасти его же стараніями, какъ говорятъ, былъ присланъ и расквартированъ у насъ 95-й Красноярскій полкъ,—первый послѣ многолѣтняго, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, перерыва отсутствія въ нашей мѣстности русскихъ войскъ.

А. П. Николинъ пробылъ въ Дерптѣ, сравнительно, не долго и скончался внезапно отъ удара, послѣдовавшаго совсѣмъ неожиданно. Пасторскіе процессы въ это время поражали своей частотой. Почти въ каждую сессію окружнаго суда разбирались «пасторскія дѣла». Впослѣдствіи разборъ ихъ почему-то происходилъ при закрытыхъ дверяхъ. Населеніе относилось къ своимъ духовнымъ пастырямъ, «страдающимъ за вѣру», какъ тогда говорили, съ горячимъ сочувствіемъ и всѣми мѣрами старалось скрыть ихъ отъ преслѣдованія правосудія за нарушеніе полузабытаго закона о смѣшанныхъ бракахъ и крещеніи дѣтей православнаго и лютеранки въ лютеранство и друг. нарушеній церковнаго права. Я помню живо врѣзавшуюся мнѣ въ память и разыгравшуюся предъ моими глазами одну изъ такихъ судебныхъ сценъ. Судили какого-то пастора за вѣнчаніе православной по крещенію, но воспитанной въ лютеранствѣ, крестьянской женщины съ лютераниномъ. Въ качествѣ свидѣтельницы вызвана была обвѣнчанная. Ее стали приводить къ присягѣ. Православный священникъ, знающій эстскій языкъ, приблизился, чтобы исполнить обрядъ. Баба черезъ переводчика энергично заявляетъ предсѣдателю, что она у православнаго священника принимать присягу не будетъ, такъ какъ она—лютеранка. Предсѣдатель перелистываетъ дѣло, находитъ метрическое православное свидѣтельство, устанавливаетъ наконецъ показаніями односельчанъ, что она окрещена въ православіе и должна поэтому принять присягу по православному обряду—все напрасно. Баба стоитъ на своемъ. Предсѣдатель грозитъ составить протоколъ и привлечь ее къ отвѣтственности—упрямица не поддается. Протоколъ хотя и составленъ, но все же баба поставила на своемъ и присяги у нашего «батюшки» не приняла. И такой случай былъ не одинъ. Надо говорить правду, попадались тогда и пасторы фанатики, проповѣдывавшіе религіозную вражду и въ слѣпомъ фанатизмѣ доходившіе до издѣвательства надъ православіемъ и глумленія надъ его обрядами. Было ли то слѣдствіемъ болѣе строгаго отношенія правительства къ пасторской дѣятельности по вышеуказанному поводу, или, какъ увѣряли наши священники, представители лютеранства негодовали за ярко проявлявшееся въ это время стремленіе эсто-латышей къ переходу въ православіе (къ слову сказать, далеко не вездѣ и всегда искреннему и безкорыстному), но война между пастырями той и другой религіи обострилась до крайности. Православные священнослужители доносили по начальству о прегрѣшеніяхъ своихъ лютеранскихъ коллегъ, а тѣ, въ свою очередь, жаловались на нихъ, а преимущественно вели личную войну при помощи мелкихъ уколовъ самолюбія, насмѣшекъ, осмѣиванія передъ прихожанами и т. п. И только кое-гдѣ, какъ свѣтлое исключеніе, священникъ и пасторъ жили дружно и взаимно уважая одинъ другаго.

Къ счастью, такое ненормальное положеніе дѣлъ и страшная обостренность въ отношеніяхъ представителей двухъ религій—государственной и фактически господствующей въ краѣ,—продолжалось весьма не долго. Правительство смягчало строгіе приговоры судовъ надъ пастырями, а многимъ мелочнымъ преслѣдованіямъ не дано было ходу. Съ другой стороны и благоразумная часть лютеранскаго духовенства стала сдержаннѣе и критически относиться къ легкомысленному поведенію своихъ коллегъ, позволявшихъ себѣ глумиться надъ православіемъ или допускать нарушенія постановленія нашихъ законовъ о правахъ и прерогативахъ государственной церкви. Мало-по-малу кризисъ притуплялся и дѣла входили въ обычную колею. Однако все же надо признаться, что лютеранство вышло изъ этой неравной борьбы не побѣдительницей, а побѣжденной, горько оплаканной въ заграничной печати и совершенно утратившей свою прежнюю роль въ краѣ.

VII.

Въ самый разгаръ реформаціонной работы въ Прибалтійскомъ краѣ стала все сильнѣе ощущаться потребность въ русскомъ печатномъ словѣ. Изъ газетъ тогда издавались въ Ригѣ старѣйшій «Рижскій Вѣстникъ», созданный усиліями прибалтійскаго историка и почтеннаго русскаго дѣятеля Евграфа Васильевича Чешихина, которому удалось воодушевить и на нѣкоторое время сплотить мѣстное рижское общество, а также пріобрѣсти расположеніе эстовъ и латышей, впослѣдствіи, впрочемъ, утраченное. Въ Ревелѣ сначала кромѣ «Эстляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» ничего не выходило, но вскорѣ основался «Ревельскій Городской Листокъ», переименованный затѣмъ въ «Колывань» и выпускаемый въ свѣтъ М. М. Ляшенко.

Эта газета, при помощи губернатора, покойнаго кн. Шаховскаго, получила отъ бывшаго министра финансовъ И. А. Вышнеградскаго, десятитысячную ссуду, устроила было себѣ типографію, но существовала все же недолго [1]). Сотрудниковъ—русскихъ тогда въ краѣ было очень немного, и редакціи этихъ двухъ газетъ просили меня работать у нихъ въ качествѣ корреспондента. Особенно нуждалась въ этомъ «Колывань». И хотя я жилъ въ Дерптѣ (тогда уже переименованномъ, къ величайшему ужасу и негодованію нѣмцевъ, въ русскій «Юрьевъ»), а газета выходила въ Ревелѣ (древней Колывани), но мнѣ приходилось писать для нея не только корреспонденціи, фельетоны, замѣтки и статьи по разнымъ вопросамъ, но даже и передовицы. Не лишено оригиналь-

---

[1]) Годъ съ небольшимъ.

ности и наше первое знакомство съ редакторомъ «Колывани». Онъ задумалъ проѣхаться по краю и телеграммой предупредилъ меня, когда онъ будетъ въ Дерптѣ, прося встрѣтить его. Но такъ какъ мы въ лицо другъ друга не знали, то условились, что я выйду на дебаркадеръ желѣзной дороги, имѣя въ рукахъ «Колывань». Такъ и сдѣлали. Результатъ получился вполнѣ хорошій.

«Колывань» существовала годъ съ небольшимъ. Издатель-редакторъ ея запутался въ денежныхъ дѣлахъ, съ «княземъ», т. е. съ губернаторомъ С. Шаховскимъ, отношенія его также испортились, и онъ принужденъ былъ покинуть Ревель, оставивъ на удовлетвореніе кредиторовъ свою газету и типографію. Запутавъ до крайности дѣла и сильно дискредитировавъ газету, онъ пытался предварительно навязать ее мнѣ, предлагая самыя льготныя условія и отыскавъ меня для этого даже въ Петербургской губерніи, куда я былъ посланъ въ это время въ командировку въ качествѣ ветеринара. Однако, къ счастью моему, меня не утвердили въ главномъ управленіи по дѣламъ печати, и горькая чаша миновала меня. Особаго значенія и видной роли «Колывань» не сыграла и въ исторіи русской печати въ Прибалтикѣ прошла какъ фейерверкъ, разбросавъ много быстро погасшихъ искръ. Спустя нѣкоторое время изданіе это пріобрѣтено было директоромъ гимназіи Янчевецкимъ и стало выходить подъ именемъ «Ревельскихъ Извѣстій».

Въ Митавѣ также были попытки основать русскую газету. Въ концѣ 1889 г. учитель мѣстной гимназіи Петровъ въ соединеніи съ однимъ изъ митавскихъ типографовъ вздумали издавать два раза въ недѣлю русскую газету. Правительство дало разрѣшеніе, и скоро появилось объявленіе о подпискѣ на новое русское изданіе «Прибалтійскій Край», куда меня также пригласили сотрудничать. Подписка пошла успѣшно, благодаря тому, что новая русская газета съ первыхъ же шаговъ заявила себя сторонницей примирительнаго начала въ отношеніяхъ между русскими и нѣмцами и стала взывать (правда, въ нѣсколько повышенномъ и патетическомъ тонѣ) о справедливости и равноправности народностей. Однако, такая попытка въ то время была преждевременна и окончилась неудачею. На газету изъ извѣстнаго лагеря мѣстныхъ охранителей посыпались обвиненія въ недостаткѣ патріотизма, въ продажности нѣмцамъ и даже измѣнѣ! Впрочемъ, тогда это былъ обычный пріемъ въ борьбѣ политиканствовавшихъ въ краѣ русскихъ партій. Газета просуществовала всего нѣсколько мѣсяцевъ и пріостановилась вслѣдствіе отсутствія средствъ на дальнѣйшее изданіе и разногласій между издателями. Послѣдніе номера ея были, кромѣ того, составляемы въ направленіи совершенно иномъ, чѣмъ первые—въ крайне враждебномъ настроеніи ко всему нѣмецкому. По прошествіи семи—восьми мѣсяцевъ послѣ выхода послѣдняго ея номера, ко мнѣ обратился

М. Е. Виноградовъ [1]) съ просьбой принять на себя редактированіе «Прибалтійскаго Края», право на изданіе котораго онъ пріобрѣлъ и который онъ намѣревался перенести въ Ригу или Юрьевъ. Я послѣ долгихъ колебаній согласился и по порученію Виноградова отправился въ Ригу къ тогдашнему губернатору ген.-лейт. М. А. Зиновьеву хлопотать объ этомъ дѣлѣ.

Не могу здѣсь не упомянуть о личности этого покойнаго лифляндскаго губернатора, особенно рельефно выдѣляющейся въ ряду дѣятелей по обрусенію Прибалтійскаго края и по направленію своей дѣятельности рѣзко отличавшагося отъ сосѣда своего по губерніи—тогдашняго эстляндскаго губернатора, кн. Шаховскаго.

Генералъ-лейтенантъ М. А. Зиновьевъ именно ставилъ своею задачею обрусеніе Прибалтійскаго края «спокойно, миролюбиво» и на началахъ признанія равноправности всѣхъ русскихъ гражданъ предъ закономъ, безъ различія ихъ національности. По пріѣздѣ въ Лифляндскую губернію въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ энергично принялся за проведеніе реформъ и заслужилъ даже репутацію крутаго губернатора. Къ нѣмецкому режиму и въ особенности къ помѣщикамъ отнесся сначала очень строго и даже, по отзывамъ ближайшихъ сотрудниковъ, запальчиво, но природный умъ и тактъ скоро подсказали ему неправильность такого административнаго пути. Всмотрѣвшись ближе въ мѣстную жизнь и ея особенности, ознакомившись съ характеромъ населенія и вѣрно угадавъ тѣ струны балтійской души, на которыхъ слѣдовало играть, чтобы добиться успѣха для русскаго дѣла, покойный генералъ Зиновьевъ вскорѣ измѣнилъ образъ дѣйствій и началъ «дружить съ нѣмцами», какъ говорили его многочисленные враги, и дѣлать имъ въ мелочахъ поблажки. Однако, въ крупныхъ и серьезныхъ вопросахъ реформированія онъ оставался неизмѣнно преданнымъ и стойкимъ сторонникомъ самаго полнаго объединенія окраины съ Имперіей. И дѣйствительно, въ его управленіе Рига и вся Лифляндская губернія сдѣлала значительные шаги впередъ. Русскій языкъ сталъ разговорнымъ, русскія общественныя учрежденія расширились и окрѣпли, а эсто-латышское населеніе очень полюбило своего губернатора, который былъ для всѣхъ доступенъ, посѣщалъ народныя пѣвческія празднества и выстроилъ дамбу, соединяющую острова Эзель и Моонъ, раздѣленные моремъ, которое осенью и весною совершенно отрѣзало эзельцевъ и моонцевъ отъ остальнаго міра. Дамба эта по высочайшему повелѣнію названа «Зиновьевскою».

Но, несмотря на все это, кажется, не было въ Прибалтійскомъ краѣ губернатора, про котораго не было бы распускаемо столько

---

[1]) Впослѣдствіи издатель «Школьнаго Обозрѣнія».

гнусныхъ сплетенъ, невѣроятно глупыхъ измышленій и выдумокъ, какія выпали на долю покойнаго М. А. Зиновьева.

Ему ставили на счетъ и мнимую дружбу съ баронами (потому что онъ былъ джентльменъ въ обращеніи съ ними), и снисходительность къ мѣстнымъ купцамъ за то, что онъ входилъ въ разсмотрѣніе ихъ торговыхъ нуждъ, и простое доступное отношеніе къ крестьянамъ эстамъ и латышамъ,—коренному населенію края. Генералъ-лейтенантъ М. А. Зиновьевъ, артиллеристъ по роду оружія, держался взгляда, что изъ пушекъ по воробьямъ стрѣлять смѣшно и глупо, и потому относился къ печатнымъ и устнымъ сплетнямъ очень хладнокровно. Печать вообще, а мѣстную русскую въ особенности онъ ставилъ высоко и потому былъ очень недоволенъ и рѣзко осуждалъ направленіе одной мѣстной русской газеты, проповѣдывавшей травлю инородцевъ и разжигавшей національныя страсти. Редакція этой газеты ненавидѣла мѣстнаго губернатора, и между ними шла постоянная глухая, но ожесточенная борьба.

Меня М. А. Зиновьевъ встрѣтилъ въ просторномъ кабинетѣ своего средневѣковаго рижскаго «замка» привѣтливо и, прочитавъ письмо отъ П. А. Висковатова, которымъ я былъ снабженъ, усадилъ въ удобномъ креслѣ и сталъ разспрашивать о задуманномъ предпріятіи.

— А знаете ли вы что-нибудь про затѣваемый эстами русскій листокъ?—опросилъ онъ меня. Я сказалъ, что ничего не слыхалъ. Тогда онъ мнѣ объяснилъ, что редакторъ еженедѣльной эстонской дерптской газеты «Olevik» А. Гренцштейнъ уже подалъ въ главное управленіе по дѣламъ печати прошеніе о разрѣшеніи издавать ему при своей газетѣ, въ видѣ приложенія, еженедѣльный «Дерптскій Листокъ». Я сказалъ, что хотя это конечно усложняетъ дѣло, но вѣроятно моего издателя не остановитъ такое препятствіе, тѣмъ болѣе, что мы задумываемъ издавать русскую газету въ Ригѣ, а не въ Дерптѣ. Тогда генералъ Зиновьевъ [1]) сталъ мнѣ говорить о высокомъ назначеніи и значеніи печатнаго слова на здѣшней окраинѣ и необходимости относиться къ нему и обращаться съ нимъ бережно и осторожно. Губернаторъ долго и внимательно бесѣдовалъ со мною и отпустилъ съ обѣщаніемъ содѣйствовать съ своей стороны основанію нами русской газеты въ предѣлахъ его губерніи. Къ сожалѣнію, главное управленіе по дѣламъ печати не разрѣшило намъ перенести «Прибалтійскій Край» ни въ Ригу, ни въ Дерптъ, и газета чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ тихо скончалась за невыходомъ номеровъ въ теченіе года.

Возвратившись въ Дерптъ, я дѣйствительно скоро узналъ о разрѣ-

---

[1]) Кстати сказать, родной братъ теперешняго нашего константинопольскаго посла.

шеніи эстамъ выпускать въ свѣтъ маленькую русскую газетку «Дерптскій Листокъ».

Какъ-то вечеромъ ко мнѣ въ библіотеку явились самъ издатель-редакторъ «Olevik'а» А. И. Гренцштейнъ и его друзья И. А. Юркатамъ (личность очень популярная среди мѣстнаго эстскаго населенія; онъ принималъ дѣятельное участіе, въ качествѣ переводчика, въ ревизіи сенатора Манассеина, служилъ нѣкоторое время переводчикомъ при новомъ Рижскомъ окружномъ судѣ, постоянная же его профессія была — учительство. Нынѣ онъ состоитъ фактическимъ редакторомъ земледѣльческаго журнала «Pollumes») и А. А. Нэу, эстонскій патріотъ, убѣжденный и горячій приверженецъ Россіи и русскихъ началъ, принявшій православіе еще ребенкомъ вмѣстѣ съ семьею своею въ эпоху нѣмецкаго гоненія на такіе переходы.

Они пришли всѣ ко мнѣ (мы были знакомы и ранѣе) радостные, возбужденные, съ бумагами изъ главнаго управленія по дѣламъ печати въ рукахъ, съ утвержденною программою «Дерптскаго Листка» и объяснительными комментаріями на устахъ. По ихъ словамъ, среди эстовъ уже давно чувствуется нужда въ такомъ русскомъ печатномъ органѣ, который помогъ бы имъ упражняться въ русскомъ языкѣ, не забывая школьныхъ знаній, и былъ бы доступенъ по цѣнѣ. Въ такомъ смыслѣ была ими подана и докладная записка при прошеніи въ главное управленіе. Программа «Дерптскаго Листка», однако, заключала въ себѣ довольно большое число рубрикъ и отдѣловъ. Подписная цѣна была назначена самая доступная,—два рубля въ годъ, а для подписчиковъ «Olevik'а»—всего одинъ рубль. Въ городѣ же можно было получать его даже за восемьдесятъ копѣекъ. Редакторомъ отвѣтственнымъ былъ Юркатамъ, а фактическимъ Нэу. Издатель и редакторъ пришли, собственно, просить меня принять участіе въ ихъ изданіи. Я, подумавъ немного, согласился, оговорившись, что такъ какъ связанъ работою въ другихъ столичныхъ и провинціальныхъ изданіяхъ, кромѣ занятій по библіотекѣ, то не могу обѣщать имъ дѣятельнаго и частаго сотрудничества, въ принципѣ же очень радъ возникновенію такого симпатичнаго народнаго листка, какимъ мнѣ представляется въ будущемъ «Дерптскій Листокъ». Тутъ же рѣшено было, когда приступить къ выпуску перваго номера. Черезъ нѣсколько времени, послѣ распубликованія о появленіи новаго органа русской прибалтійской печати и состава сотрудниковъ, я получилъ отъ издателя-редактора «Ревельскаго Городскаго Листка» (впослѣдствіи переименованнаго въ «Колывань») М. М. Ляшенко, о которомъ говорилъ выше, горячее письмо, убѣждающее меня отказаться отъ сотрудничества въ новомъ изданіи и угрожающее многими литературными непріятностями. «Рижскій Вѣстникъ», вообще недоброжелательно въ то время относившійся ко всяка-

го рода газетнымъ русскимъ начинаніямъ въ краѣ въ виду могущей возникнуть для него конкурренціи, также отнесся къ маленькому эстскому предпріятію не совсѣмъ доброжелательно, но тѣмъ не менѣе эта газетка стала выходить въ размѣрѣ свернутаго полулиста писчей бумаги.

Въ пробномъ номерѣ были, между прочимъ, напечатаны мои воспоминанія о посѣщеніи гр. Л. Н. Толстаго въ Ясной Полянѣ. Сейчасъ же по выпускѣ въ свѣтъ номера, въ ревельской «Колывани» появилась противъ меня ругательная, крайне неприличная по тону статья, послужившая къ тому, что я прекратилъ свое сотрудничество въ этой ревельской газеткѣ.

«Дерптскій Листокъ» просуществовалъ годъ съ небольшимъ, но успѣха не имѣлъ, и по малочисленности подписчиковъ изданіе было пріостановлено. Издатель его А. И. Гренцштейнъ предложилъ тогда мнѣ пріобрѣсти его въ собственность. Я согласился. Въ это время П. А. Висковатовъ вышелъ въ отставку и, покинувъ университетъ, выбылъ изъ Юрьева. Въ библіотекѣ нашей завелись иные порядки, появились новые люди и новыя отношенія къ библіотекарю со стороны Совѣта... Я рѣшилъ покинуть свою службу въ библіотекѣ. Принявъ въ свои руки изданіе «Дерптскаго Листка», я выхлопоталъ себѣ дозволеніе переименовать его въ «Прибалтійскій Листокъ» и рѣшилъ значительно увеличить форматъ и объемъ изданія.

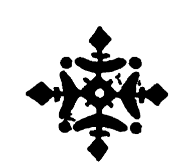
Пробный номеръ газеты вышелъ въ декабрѣ 1893 года. Передовая статья этого номера и нѣкоторыхъ послѣдующихъ были написаны мною и редактированы при негласномъ, но горячемъ участіи тогда вновь назначеннаго ректора Юрьевскаго университета А. С. Бу—ча, очень живо интересовавшагося моимъ издательствомъ и настойчиво совѣтывавшаго мнѣ создать изъ своей газеты органъ русско-эсто-латышской партіи, стремящейся къ объединенію окраины съ Имперіей на началахъ полнаго духовнаго сліянія съ русскимъ народомъ. Намъ казалась передовая пробнаго номера очень умѣренной и примирительной, однако въ ночь послѣ выхода номера съ нею, въ моей квартирѣ при библіотекѣ, гдѣ помѣщалась и редакція «Прибалтійскаго Листка», были выбиты окна въ знакъ протеста противъ направленія новой русской газеты, а когда я поѣхалъ, въ качествѣ редактора, знакомиться съ представителями мѣстнаго городскаго самоуправленія, то городской голова фонъ Б—къ отказался принять меня.

Я не стану перечислять подробно всѣхъ непріятностей и испытаній, какія выпали въ первый же годъ на долю моей маленькой газеты и лично меня, какъ ея редактора, за то примирительное направленіе, которое она усвоила съ первыхъ же шаговъ. Скажу только, что эсто-латышское населеніе встрѣтило «Прибалтійскій Листокъ» моего изда-

нія (1893—1896 г.) самымъ сочувственнымъ образомъ, равно какъ и «новые» русскіе люди съ губернаторомъ М. А. Зиновьевымъ во главѣ. Послѣдній настолько сочувственно относился къ газетѣ и находилъ полезнымъ для русскаго дѣла ея существованіе, что когда я задумалъ превращеніе изданія своего изъ еженедѣльнаго въ ежедневное, а денежныя средства мои были для этого недостаточны, то М. А. Зиновьевъ предлагалъ мнѣ выхлопотать субсидію и ручался за успѣхъ своихъ хлопотъ. Въ дни, когда вся Россія съ глубокимъ напряженіемъ и волненіемъ слѣдила за извѣстіями газетъ изъ Ливадіи, съ трепетомъ ожидая исхода болѣзни государя Александра III, редакція «Прибалтійскаго Листка» стала выпускать ежедневно листки русскихъ телеграммъ съ извѣстіями о ходѣ болѣзни, жадно расхватываемые мѣстною русскою публикою. День кончины Царя-Миротворца въ Юрьевѣ оставилъ неизгладимое впечатлѣніе по пережитому населеніемъ волненію... Но объ этомъ когда-нибудь послѣ.

Незадолго до скоропостижной смерти ген.-лейт. М. А. Зиновьева мы рѣшили и выхлопотали разрѣшеніе на перенесеніе изданія «Прибалтійскаго Листка» въ Ригу, гдѣ онъ издается и теперь, но уже другимъ издателемъ и подъ другой редакціей. Черезъ годъ послѣ этого перенесенія я покинулъ Прибалтійскій край.

М. М. Лисицынъ.

Письма П. А. Кулиша къ С. Т. Аксакову.

Начало знакомства П. А. Кулиша съ С. Т. Аксаковымъ относится къ тому времени, когда первый въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ сталъ собирать матеріалы о Гоголѣ для своихъ будущихъ трудовъ: «Опытъ біографіи Н. В. Гоголя» и «Записки о жизни Гоголя».

Находясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ профессоромъ Осипомъ Максимовичемъ Бодянскимъ, Кулишъ просилъ послѣдняго быть посредникомъ въ знакомствѣ съ Аксаковымъ, но Бодянскій, по неизвѣстной причинѣ, уклонился отъ исполненія этой просьбы, и Кулишу пришлось искать другихъ путей для достиженія желанной цѣли. Добившись, наконецъ, знакомства съ Аксаковымъ, Кулишъ встрѣтилъ со стороны послѣдняго самое горячее сочувствіе своему предпріятію и сохранилъ навсегда объ Аксаковѣ самое благодарное воспоминаніе. «Это былъ чудо изъ чудесъ, юноша въ сѣдинахъ, горячій ко всякой полезной предпріимчивости»,—отозвался впослѣдствіи П. А. Кулишъ въ письмѣ къ князю Н. В. Шаховскому («Русское Обозрѣніе», 1897, III, стр. 202). Горячо полюбилъ Кулишъ и все семейство Аксаковыхъ, но особенно «чудеснаго Консту», т. е. Константина Сергѣевича. Отношенія его къ Ивану Сергѣевичу были менѣе восторженными, а впослѣдствіи съ обѣихъ сторонъ послѣдовало сильное охлажденіе и взаимное несочувствіе.

В. Шенрокъ.

13-го апрѣля 1857 г., С.-Петербургъ.

Почтеннѣйшій другъ
Сергѣй Тимоѳеевичъ!

Я дѣйствительно виноватъ передъ Гиляровымъ, но вижу и чувствую это только теперь, когда пиво уже заварено. Несмотря на всѣ мои

старанія перешагнуть черезъ формальность, дѣло приняло оффиціальный видъ, и теперь я, можно сказать, содержусь подъ арестомъ въ Петербургѣ, до тѣхъ поръ, пока Гоголь явится на божій свѣтъ, въ новомъ изданіи, обнюханномъ со всѣхъ сторонъ князьями и генералами. Вы напрасно напоминаете мнѣ о твердости. Если бы она не опиралась на матеріальныя выгоды, то я довелъ бы свое дѣло до конца по одному тому уже, что вы на меня смотрите.

Но съ изданіемъ сочиненій Гоголя, сверхъ всего этого, связана еще судьба двухъ человѣкъ, для которыхъ и завожу типографію [1]. Это люди высокой душевной чистоты, и жаль было бы потерять ихъ изъ виду въ минутномъ водоворотѣ жизни. Поэтому я рѣшился привязать ихъ къ себѣ житейскими интересами и такимъ образомъ упрочить для себя и для общества ихъ непоколебанную до сихъ поръ никакими искушеніями честность. Одинъ изъ нихъ великороссіянинъ, другой малороссъ. Видите, какъ я чуждъ пристрастія къ землякамъ, въ ущербъ любви къ тому, что есть хорошаго у вашихъ соотечественниковъ!

И такъ я завожу типографію. Если бы все пошло такъ, какъ предполагалось, я бы получилъ за изданіе Гоголя деньги въ началѣ мая. Теперь я получу ихъ гораздо позже. Поэтому прошу васъ, почтеннѣйшій другъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, слѣдующіе вамъ отъ меня 870 (?) рублей серебромъ получить не отъ Кошелева, а отъ Базунова [2], или отъ меня по продажѣ изданія, а Кошелева попросить, чтобы онъ выдалъ вамъ для пересылки ко мнѣ 1.000 р. до разсчета за «Черную раду». (Я знаю, что въ ней будетъ больше 15 листовъ).

Что касается до назначенія цѣны новому изданію Гоголя, то я боялся сплоховать въ роли хранителя чужихъ интересовъ; но меня можетъ соблазнять тутъ и бѣсъ собственной выгоды, бѣсъ, какъ извѣстно, весьма опасный; а потому я радуюсь, что вы произнесли такое рѣшительное мнѣніе, и по данному мнѣ Марьей Ивановной полномочію, соглашаюсь, чтобы цѣна экземпляру была 12 р. Разсчетъ вашъ, однакожъ, не вѣренъ. Уступивъ книгопродавцу 25%, я получу не до 4.000, а ровно 3.200 р. сер., слѣдовательно, наслѣдники Гоголя получатъ 29.700 р.

Впрочемъ, я не счелъ еще издержекъ на изданіе, потому что не извѣстно количество печатныхъ листовъ и бумаги.

Напрасно отвергаете вы законность моей надписи на книгѣ: вы

---

[1]) Одинъ изъ нихъ былъ будущій сотрудникъ Гоголя въ типографскомъ дѣлѣ Д. С. Каменецкій, письма къ которому Кулиша были напечатаны въ „Кіевской Старинѣ“, 1898, VII, VIII, XII.

[2]) Извѣстный книгопродавецъ.

не знаете, въ какомъ состояніи духа задумана она и какую роль въ этомъ предпріятіи играла мысль о васъ.

Всею душою вашъ П. Кулишъ.

9-го марта 1853 г., С.-Петербургъ.

Письмо ваше, почтеннѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, такъ наказало моего пріятеля, автора статьи о Гоголѣ, за его грубую опрометчивость, какъ только кто бы то ни было могъ этого желать. Онъ торжественно проситъ прощенія у васъ и у вашего почтеннѣйшаго семейства. Проводя въ вашемъ домѣ незабвенный для него вечеръ, онъ не думалъ ни о матеріалахъ для біографіи Гоголя, ни о возраженіяхъ на статью Данилевскаго [1]). Это было слѣдствіемъ послѣдней вечерней бесѣды его съ О. М. Б. [2]).

Требованіе ваше вполнѣ законно, и если автору такой статейки, о которой вы упоминаете, удастся написать порядочную біографію Гоголя, то онъ почтетъ пріятнымъ долгомъ сообщить вамъ ее въ рукописи и просить вашего позволенія упомянуть въ ней о томъ, что̀ сколько-нибудь касается васъ и вашего семейства.

Отъ всей души благодарю васъ за ваше желаніе доставить мнѣ мѣсто въ Москвѣ. Если бы вы и успѣли въ немъ, то я не могъ бы воспользоваться вашимъ одолженіемъ: я уѣзжаю на постоянное жительство въ Малороссію. Это, однакожъ, не лишаетъ меня пріятной надежды видѣться съ вами, потому что я намѣренъ изрѣдка посѣщать Москву и Петербургъ.

Прошу васъ передать мои почтительные поклоны вашей маменькѣ и сестрицамъ.

Истинно васъ почитающій
П. Кулишъ.

23-го марта 1853 г., С.-Петербургъ.

Отъ всей души благодарю васъ, почтеннѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, васъ и ваше милое семейство за повтореніе радушнаго приглашенія меня въ вашу подмосковную, но не могу на этотъ разъ воспользоваться онымъ, и вотъ почему. Съ того времени, какъ меня опредѣлили въ уѣздное училище для вытверживанія наизусть учебниковъ,

---

[1]) Здѣсь рѣчь идетъ о Г. П. Данилевскомъ.

[2]) Кулишъ издавалъ свои труды, пользуясь именемъ своего друга Н. М. Макарова; самъ онъ былъ тогда лишенъ права печатать свои сочиненія.

изданныхъ «по повелѣнію императрицы Екатерины II», а было мнѣ тогда лѣтъ якоже седмь—я не видалъ ни одинъ разъ малороссійской весны въ деревнѣ. Въ то время, когда бы мнѣ слѣдовало дышать запахомъ розъ, я дышалъ уличною пылью, и вмѣсто соловьиныхъ пѣсенъ слушалъ «учительское объясненіе Якова Яковлевича» [1]). Съ каждымъ новымъ періодомъ моей жизни, я переходилъ въ новый, болѣе или менѣе тѣсный ящикъ, то въ качествѣ шаловливой мыши, то въ качествѣ серьезнаго кота. О веснѣ съ ея чудесами я слыхалъ только въ сказкахъ, а собственныя воспоминанія представлялись мнѣ въ видѣ сна. Давно уже мечтаю я о свободномъ распоряженіи своимъ временемъ, но всегда мнѣ что-нибудь мѣшало.

Наконецъ, я пренебрегъ всѣ такъ называемые благоразумные разсчеты и рѣшился провести хоть нѣсколько лѣтъ жизни по-человѣчески. Я бы этого не сдѣлалъ, если бы пользовался болѣе цвѣтущимъ здоровьемъ; а то меня преслѣдуетъ мысль о позднемъ сожалѣніи въ предсмертныхъ мукахъ среди болота, вдали отъ родины, отъ ея неба и зелени. Мало есть людей, которые, зная мои ничтожныя средства для жизни и другія обстоятельства, не назовутъ меня легкомысленнымъ человѣкомъ. Совершенно съ ними согласенъ, да жить-то хочется... Но я удалился отъ причины, которая мѣшаетъ мнѣ заѣхать къ вамъ въ деревню.

Я спѣшу захватить въ Малороссіи начало весны. Кто знаетъ, много ли разъ суждено мнѣ еще ее видѣть! И такъ войдите въ мои чувства и не осудите меня за неисполненіе даннаго мною обѣщанія. Если дѣла мои пойдутъ хорошо, то я буду имѣть не одинъ случай завернуть къ вамъ въ Абрамцево [2]).

Прошу свидѣтельствовать мое почтеніе вашей матушкѣ и сестрицамъ.

Почитающій васъ и преданный
П. Кулишъ.

Текущія дѣла.

Книга съ билетомъ, книги для цензурнаго комитета и рукопись отправлены мною лично 7-го апрѣля.

Рукопись на 1 р., о которой объявленіе вы получили 17-го апрѣля, отправлена нѣсколькими днями прежде.

---

[1]) Яковъ Яковлевичъ Игнатьевъ, учитель Кулиша въ Новгородсѣверской гимназіи, изображенный въ повѣсти того же имени въ „Воспоминаніяхъ дѣтства“.

[2]) Имѣніе Аксаковыхъ въ Московской губерніи, на рѣкѣ Ворн, недалеко отъ Сергіевскаго посада.

Изъ этого видно, что и тѣ посылки достигнутъ Москвы скоро. Но я сдѣлаю розыскъ на почтѣ и, можетъ быть, пришлю еще экземпляръ съ билетомъ, т. е. въ случаѣ безнадежности прихода оныхъ посылокъ въ Москву.

Объявленія отправлены въ Москву всѣ, сколько ихъ напечатано. Я виноватъ только въ томъ, что положился на опытность типографщика. Извините меня, ради Бога, передъ цензоромъ.

Не знаю, стоитъ ли печатать въ Москвѣ объявленія вновь. Я напечаталъ ихъ тѣмъ наборомъ, который былъ сдѣланъ для оглавленія при книгѣ. Впрочемъ, я всегда готовъ дѣйствовать по 15-му стиху 12-й главы Притчей Соломона, и потому дѣйствуйте, какъ заблагоразсудите.

Спросите у цензора, могу ли я въ заглавіи книги зачеркнуть слово: Этнографическія, такъ чтобы осталось только: Записки о Южной Руси. Это мнѣ нужно для того, чтобы въ будущихъ томахъ не стѣсняться подборомъ матеріаловъ. Можно ли такъ же написать слова: издалъ П. Кулишъ.

Объ этомъ потрудитесь меня увѣдомить немедленно: я до тѣхъ поръ не велю тискать перваго листа, на которомъ есть заглавіе: Записки о Южной Руси.

Рукопись Костомарова я отправилъ къ вамъ также лично.

Обнимаю васъ и Сергѣя Тимоѳеевича отъ всей души.

П. Кулишъ.

Былъ я въ почтамтѣ. Тамъ увѣрены, что посылки пришли въ Москву 8-го апрѣля и что только по разсѣянности выписывавшаго адресъ и доставляющаго объявленія онѣ залежались на почтѣ. Прилагаю росписку.

3-го мая 1856 г.

Дорожа репутаціею человѣка исправнаго, отвѣчаю на сообщенное вами, почтеннѣйшій другъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, практическое замѣчаніе Ив. В. Базунова, что, по полученіи съ почты выпускнаго билета, я не промедлилъ ни одного часа въ отправкѣ книгъ во всѣ мѣста, куда слѣдовало ихъ отправить.

Подробности моихъ дѣйствій и остановки, зависѣвшія никакъ не отъ меня, а отъ такихъ случаевъ, какъ, напримѣръ, майское гулянье [1]), исчислять было бы скучно. Предварительно доставить книги въ Москву я не могъ, потому что типографія не дала мнѣ безъ билета даже полъ-

[1]) Все набѣжало изъ города, какъ стадо козъ!

десятка экземпляровъ для васъ. Но, какъ бы то ни было, вѣрьте мнѣ, что я себѣ не врагъ, а сверхъ того надѣленъ отъ природы характеромъ, для котораго всякая медленность мучительна.

Очень обрадовали меня ваши распоряженія о Запискахъ о Южной Руси, которыя печатаю съ наслажденіемъ—не потому, что въ нихъ есть мое, а потому, что передаю свѣту памятники духа народнаго, которымъ, въ моихъ глазахъ, нѣтъ цѣны! Корректуру держу съ такою тщательностью, какъ будто это священное писаніе, и надѣюсь, что по внѣшнему исполненію мои записки будутъ образцомъ совершенства. На это стоитъ тратить время, потому что общество наше привыкло соединять съ понятіемъ о малороссійской словесности понятіе о какой-то безграмотности и растрепанности, что̀ совершенно справедливо. Надобно дать ему въ руки книгу, которая бы ни въ чемъ не уступала нѣмецкимъ и англійскимъ изданіямъ и въ которой видно бы было серьезное изученіе предмета. Пріятно было бы взвалить этотъ трудъ на другія плеча, но таковыхъ покамѣстъ не обрѣтается, и я долженъ въ одно и то же время быть архитекторомъ и каменщикомъ. Впрочемъ, мнѣ болѣе или менѣе помогаютъ, и можетъ быть я подготовлю одного или двухъ пріятелей къ изданію дальнѣйшихъ томовъ «Записокъ о Южной Руси».

Да снидетъ огненный языкъ на главу цензора Безсомыкина и озаритъ ее познаніемъ того, что говорится въ «Чорной Радѣ!» Но позвольте спросить васъ: въ какой степени перо его можетъ для меня быть пагубно? О Крузе! твое имя Малороссія поставитъ на-ряду съ именемъ Гуттенберга!..

«Русской Бесѣды» я еще не получилъ, узнавъ о возможности полученія оной только вчера вечеромъ. Но вотъ кончу письма и тотчасъ отправлюсь за нею къ Базунову.

Изъ молчанія вашего о здоровьи Ольги Семеновны [1]) вижу, что безпокойство ваше миновало, а два новые отрывка подтверждаютъ мою догадку самымъ утѣшительнымъ образомъ.

Вашъ всею душою. П. Кулишъ.

Почтеннѣйшій другъ
Сергѣй Тимоѳеевичъ!

Получили ли вы письмо мое, въ которомъ я пишу о подвигахъ Игнатьева? Князь Долгоруковъ, начальникъ III отдѣленія, сказалъ Игнатьеву нѣсколько словъ о Бѣлозерскомъ, по указанію котораго назначены въ 1-е отдѣленіе управы благочинія новые чиновники. Онъ называлъ Бѣлозерскаго славянистомъ, т. е. такимъ человѣкомъ, котораго

---

[1]) Жены С. Т. Аксакова.

слушаться вредно. На что Игнатьевъ отвѣчалъ, что онъ и зналъ его за славяниста и что если всѣ славянисты таковы, то слава Богу. Но дѣло въ томъ, что Долгоруковъ могъ узнать о внушеніяхъ Бѣлозерскаго и объ именахъ указанныхъ имъ людей только изъ моего письма къ вамъ. Одно письмо мое къ вамъ въ эту зиму, адресованное вскорѣ по моемъ возвращеніи изъ Малороссіи, пропало. Я впрочемъ доволенъ, что мои письма читаются, нечестно только перехватывать и уничтожать удовольствіе, которое пріятель желаетъ доставить пріятелю. Увѣдомьте меня пожалуйста, получили ли вы упомянутое письмо. Для вашего спокойствія скажу, что всѣ мои письма исполнены чистаго смысла, свойственнаго русскому гражданину, и что только невѣжество и низость души могутъ находить въ нихъ что-нибудь противное духу кроткаго монархическаго правленія, которымъ мы теперь наслаждаемся.

Всею душою вашъ П. Кулишъ.

1856, декабря 24, С.-Петербургъ.

4 декабря, 1856, С.-Петербургъ.

Почтеннѣйшій другъ
Сергѣй Тимоѳеевичъ!

Я уже отвѣчалъ А. И. Кошелеву о томъ, что вы пишете отъ 1-го декабря, касательно «Чорной Рады». Наши взаимные интересы сами собой сходятся довольно близко, а если мое изданіе запоздаетъ отъ какой-нибудь причины, тогда они сойдутся совершенно. Но если бы Александръ Ивановичъ не согласился на такихъ условіяхъ печатать «Чорной Рады», тогда я сдѣлаю въ газетахъ объявленіе, что я оставляю за собой право перевести свою книгу на русскій языкъ, и каждому цензору пошлю по экземпляру этого объявленія. Я знаю, что отдѣльное изданіе «Чорной Рады» на русскомъ языкѣ черезъ годъ по напечатаніи малороссійскаго изданія разойдется въ большомъ количествѣ экземпляровъ, потому что малороссіяне станутъ распространять преувеличенные слухи о достоинствахъ моего сочиненія, въ силу пословицы: «Кто новаго не видалъ, тотъ и ветоши радъ», или «На безрыбьи и ракъ рыба, а на безлюдьи и Ѳома дворянинъ». Бѣдняжки будутъ носиться съ «Чорною Радою», какъ чортъ съ писанною торбою, и величаться ею, какъ поросенокъ на пристяжкѣ. А русскій народъ вы знаете: хоть онъ издавна привыкъ называть всѣхъ, кромѣ себя, глупыми; но остановитесь посреди улицы и начните смотрѣть въ одну сторону, вокругъ васъ соберется цѣлая толпа самаго смышленаго люду, и всѣ будутъ смотрѣть въ одну сторону. Слѣдовательно, я ничего не потеряю, не напечатавъ теперь «Чорной Рады» въ «Рус. Бесѣдѣ». Впрочемъ, я увѣренъ, что все у насъ съ Москвою пойдетъ ладно.

Во второмъ письмѣ моемъ по возвращеніи въ Петербургъ (вы получили третье) я писалъ къ вамъ о томъ, что непремѣнно пріѣду проститься съ вами передъ отъѣздомъ въ чужіе края. Вѣроятно, это все удобнѣе будетъ сдѣлать мнѣ по напечатаніи «Чорной Рады» и втораго тома «Записокъ о Южной Руси», который пріостановленъ для ускоренія ея изданія, но при всякомъ удобномъ случаѣ будетъ подвигаться къ концу и выйдетъ, можетъ быть, къ 1-му марта. О нотахъ не безпокойтесь: мы набрали 25 пѣсенъ, и онѣ уже гравируются. Будутъ и портреты пѣвцовъ малороссійскихъ.

Есть на свѣтѣ польская книга: «Opis Poviatu Wusyłovskiego, przez Rulikovskiego». Въ ней описаны по документамъ малороссійскіе паны Аксаки, жившіе въ XVI и началѣ XVII вѣка въ окрестностяхъ Кіева. Не предки ли это почтеннѣйшаго Степана Михайловича? Вѣдь въ тѣ времена было въ обычаѣ переселяться изъ Украйны королевства Польскаго въ Украйну государства Московскаго!

Всею душою вашъ П. Кулишъ.

Взглядъ русскаго на польскій журналъ: Слово (Słovo). Нѣсколько литературно образованныхъ поляковъ, собранные, волею судебъ, различными путями въ приморской столицѣ Русской имперіи, сознали необходимость новаго литературнаго органа, посредствомъ котораго можно бы было воздѣйствовать на развитіе польской народности въ направленіи, указываемомъ самою силою вещей. Въ центрѣ административной дѣятельности славянскаго сѣвера зоркіе умы могли опредѣлить себѣ это направленіе скорѣе, нежели въ центрѣ историческихъ воспоминаній Польши, или посреди чужихъ, не славянскихъ народовъ. Поляки, унесенные непреодолимыми обстоятельствами изъ родной среды своей въ общество, образованное иными историческими вліяніями, не перестали быть поляками по любви къ родному краю, но пріобрѣли преимущество передъ болѣе счастливыми своими земляками въ томъ отношеніи, что узнали русскій народъ во многоразличныхъ его образцахъ и составили себѣ опредѣленное понятіе о Русскомъ государствѣ. Живыя и мертвящія начала русской жизни сдѣлались имъ извѣстны не по газетамъ и пересказамъ заѣзжихъ: они узнали Русь тѣмъ самымъ способомъ, какимъ узнаемъ ее мы, воспитавшіеся опытами жизни у себя дома. Не могли они не полюбить насъ, по нашимъ лучшимъ представителямъ; не могли они не уразумѣть нашего стремленія къ свѣту и добру. Они собственными глазами увидѣли, что здѣсь происходитъ та же самая драма жизни, что и въ народѣ польскомъ; они убѣдились, что желать ей благопріятнаго развитія значитъ—желать и польскому народу лучшей будущности. Они, сойдясь, по естественному закону, въ образѣ мыслей

съ просвѣщенными русскими людьми, увеличили собою ихъ количество въ Россіи, такъ какъ человѣческіе интересы ихъ оказались тѣми же самыми, что̀ и интересы мыслящихъ русскихъ людей. Все различіе между ними и нами осталось въ историческихъ воспоминаніяхъ и въ томъ, что разумѣется подъ именемъ народности, какъ результата бытовой исторіи. Если бы польскій и русскій языки были одно и то же, то наши журналы могли бы быть органами этихъ поляковъ, при дѣятельномъ ихъ сотрудничествѣ. Но, какъ языкъ есть также результатъ бытовой исторіи народа и притомъ самый существенный, самый близкій къ жизни каждой личности; то оказалась необходимость въ отдѣльномъ органѣ, который бы глубже проникалъ въ понятія и чувства польскихъ читателей. Этимъ органомъ явилось Słovo, газета и при ней, въ видѣ приложенія, журналъ, обнимающій всѣ современные интересы поляка, какъ члена своей родной націи, какъ члена Русской имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ—великой семьи славянской. Къ участію въ «Словѣ» призваны всѣ польскіе писатели, но направленіе его будетъ зависѣть отъ людей, знающихъ не одну Польшу и способныхъ судить не по слухамъ обо всѣхъ явленіяхъ политическаго и общественнаго русскаго міра. Преимущество этого изданія передъ всѣми періодическими польскими изданіями—очевидно. Ничего лучшаго по задачѣ его, объясненной въ программахъ, и по характеру главныхъ его дѣятелей, невозможно желать ни полякамъ, желающимъ сблизиться съ нами путемъ просвѣщенія чрезъ посредство искушенныхъ жизнію земляковъ своихъ, ни намъ, которые желаемъ слышать слово о польскомъ мірѣ отъ людей, знающихъ нашъ русскій міръ. Здѣсь не можетъ быть той узости взгляда на Россію, которая неизбѣжна въ людяхъ, глядящихъ на нее издали. Здѣсь нельзя предположить тѣхъ одностороннихъ увлеченій своею народностью, которыя столь естественны въ журналистахъ, лишенныхъ возможности взвѣшивать относительную важность того или другаго явленія народной жизни въ его внутренней связи съ явленіями сосѣдняго родственнаго и вѣчно вліяющаго и вліяемаго міра. Повидимому, странно избрать полякамъ русскую столицу мѣстомъ для изданія журнала; но это именно та позиція, съ которой виднѣе, нежели откуда-либо, истинное положеніе польской націи въ политическомъ и моральномъ отношеніяхъ. Здѣсь слышно біеніе всѣхъ жизненныхъ артерій славянскихъ. Ошибочное, несообразное съ ходомъ современной политики увлеченіе одного или нѣсколькихъ литературныхъ авторитетовъ—здѣсь ощутительнѣе. Редакція имѣетъ полную возможность знать, какими идеями живутъ отдаленные литературные кружки поляковъ; но они, эти кружки, не имѣя здѣсь общаго для нихъ литературнаго органа, оставались бы въ невѣдѣніи о многомъ, что совершается въ обществѣ, представляющемъ собою болѣе или менѣе живую рѣчь всего русскаго

міра. Такимъ образомъ «Слово» заняло позицію очень важную, и отъ дѣятельности направляющихъ его людей будетъ зависѣть многое, какъ въ моральномъ развитіи польскаго народа, такъ и во взаимныхъ внутреннихъ отношеніяхъ польскаго и русскаго просвѣщеннаго общества. Но кромѣ этой общей черты его вліянія, представляется еще намъ частная, съ перваго взгляда не очень замѣтная, но, по нашему убѣжденію, достойная полнаго вниманія черта. Поляки разсѣяны по всей Россіи, не говоря уже объ остальномъ мірѣ. Получать газету и журналъ изъ Вильны, изъ Варшавы для нихъ пріятно, но не столь необходимо, какъ изъ столицы имперіи. Поэтому многіе изъ нихъ или выписываютъ польскія и русскія періодическія изданія, или даже отказываются отъ польскихъ и ограничиваются русскими, какъ болѣе близкими къ насущнымъ ихъ интересамъ. Такимъ образомъ они мало-по-малу отстаютъ отъ движенія родной народности, а будучи католиками и сохраняя употребленіе польскаго языка въ семейныхъ бесѣдахъ, не сродняются съ народностью русскою. Въ нихъ теряютъ, слѣдовательно, не одна Польша, но и все человѣчество, для котораго не то важно, сколько единицъ служатъ развитію одной и сколько другой народности, а то, какъ велико число единицъ, участвующихъ въ развитіи различныхъ народностей. «Слово», издаваясь въ Петербургѣ, и издаваясь людьми, чуждыми односторонности и исключительности, естественно заинтересуетъ множество лицъ, знающихъ польскій языкъ по семейному наслѣдству, но отрозненныхъ силою обстоятельствъ отъ участія въ общемъ дѣлѣ поляковъ посредствомъ духовнаго общенія съ ними. Эти люди, оставаясь, по своей нравственной инерціи, ни поляками, ни русскими, охладѣвая болѣе и болѣе къ интересамъ народности (идея, безъ которой не возможно ничто истинно великое въ человѣчествѣ), пробудятся подъ вліяніемъ «Слова» отъ онѣмѣнія самыхъ поэтическихъ чувствъ своихъ, сознаютъ себя членами великой польской семьи и увеличатъ собою не только число народа польскаго (это еще не столь важно), но и вообще число личностей, которыя знаменуютъ истинную жизнь огромныхъ разнообразныхъ семействъ человѣческихъ (что̀ необъятно важно въ моральномъ развитіи человѣчества). И такъ вотъ причина, почему мы, русскіе люди, смотримъ съ восхищеніемъ на появленіе среди нашего общества иноязычнаго журнала, который будетъ развивать не наши, русскія, начала и долженъ имѣть стремленія, повидимому, противоположныя нашимъ національнымъ стремленіямъ. Враждебны между собой могутъ быть только политическія системы, но не народности. Успѣхъ какой бы то ни было народности въ развитіи человѣческихъ началъ, подъ своеобразными формами, есть успѣхъ всего мыслящаго человѣчества, слѣдовательно, достояніе каждой изъ народ-

ностей, составляющихъ великій, живущій огромными семьями народъ—человѣчество. П. Кулишъ.

1859, января 3. С.-Петербургъ.

Многоуважаемый
Иванъ Сергѣевичъ!

Намѣреніе знакомыхъ вамъ дамъ взять изъ нашего края къ себѣ на воспитаніе трехъ бѣдныхъ дѣвушекъ или сиротъ духовнаго званія заслуживаетъ полнаго сочувствія; полагаю, что это дѣло всего удобнѣе и скорѣе можно устроить при участіи здѣшнихъ священниковъ: Пеццолко и Кургановича, которымъ я уже сообщилъ ваше предложеніе; они охотно взялись его исполнить, конечно, этимъ дѣломъ нужно поспѣшить, такъ чтобы отъѣздъ отсюда дѣвушекъ состоялся въ лѣтнее время. Когда будутъ пріисканы кандидатки, сообщу вамъ, а потомъ при надежномъ человѣкѣ съ Богомъ и въ дорогу.

Не далѣе какъ вчера получили мы изъ министерства народнаго просвѣщенія отвѣтъ на наше представленіе о братствѣ; по разсмотрѣніи проекта устава въ западномъ комитетѣ, послѣдовалъ отказъ; перепугало высокихъ мужей названіе: «братство», западный комитетъ предлагаетъ учредителямъ, буде они пожелаютъ, составить новый проектъ устава «Общества для распространенія образованія въ западномъ краѣ», примѣнительно къ высочайше утвержденнымъ правиламъ для церковныхъ братствъ; составимъ и такъ; надо же дойти до конца и убѣдиться, въ какую игру съ нами играютъ.

Есть у меня двѣ—три статейки, начатыя для Дня, но кончить нѣтъ времени: оффиціальной работы, несмотря на вакаціи, пропасть; иной разъ пишешь цѣлую ночь напролетъ; къ сожалѣнію, не могу, однако, сказать, чтобы отъ нашего письма было много проку... Присылаю вамъ двѣ русскія книжечки, изданныя въ Вильнѣ, и мою карточку, для которой прошу удѣлить мѣстечко въ вашемъ альбомѣ, а взамѣнъ позвольте попросить вашу. Очень радъ, что г. Крыловъ получилъ мѣсто мироваго; такихъ людей подавай намъ Богъ; по прежней своей службѣ онъ оставилъ у насъ прекрасную память.

Присылаю росписку священника Паньковскаго въ полученіи 100 экземпляровъ Новаго Завѣта для Дзенціольскаго (Дятловскаго) прихода; извините за позднюю доставку.

Глубоко и искренне уважающій васъ П. Кулишъ.

12-го іюля 1864 г. Вильна.

Съ новаго учебнаго года, въ нашихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ римско-католическій катихизизъ будетъ преподаваться по-русски, по литографированнымъ запискамъ, какъ въ корпусахъ.

С.-Петербургъ. 1858, ноября 28.

Если бы у насъ существовала свобода мнѣнія, повѣряемаго только просвѣщеннымъ обществомъ, то мы съ вами, почтеннѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, не тратили бы времени на слово для одного читателя. Но возражать московской школѣ печатно нѣтъ возможности. Доказательствомъ собственно для меня служитъ моя статья противъ васъ, въ которой я доказываю, что андрусовскій миръ не былъ историческимъ правосудіемъ, что «охранительныя кондиціи» не были лишены народнаго историческаго значенія, что гражданское устройство старинной Малороссіи, «основанное на избирательномъ началѣ», не было вполнѣ ей чуждо, что оно-то именно и было противопоставлено нами враждебной польской администраціи, что строгая честность международной политики столь же обязательна для правительства на судѣ исторіи, какъ и для частныхъ лицъ въ повседневныхъ ихъ кондиціяхъ на судѣ общества и проч. и пр. Вы написали безпрепятственно, что вамъ было угодно о Малороссіи: неужели же вамъ не было извѣстно, что вы становитесь подъ знамя московскихъ царей Ивановъ, собирателей земли Русской, противъ котораго намъ не дозволено идти съ словомъ опроверженія? Вамъ ли освѣщать своимъ добровольнымъ судомъ тѣ мѣры, которыя принимаются относительно Малороссіи централизаторами? Если вы убѣждены въ пользѣ централизаціи, то позвольте же и намъ стремиться къ децентрализаціи, а зная, что противъ насъ оффиціальная власть, не оскорбляйтесь письменнымъ упрекомъ, который въ печати былъ бы подробнымъ трактатомъ. Послѣ вашего историческаго взгляда на нашу родину, оскорбившаго меня до глубины души, вы пишете свое имя въ дѣлѣ, вертящемся на розгахъ, защищая личность, уваженіе къ которой высказали даже тѣ, которые вооружились противъ ея голоса въ пользу варварства. Увѣряю васъ, что когда я увидѣлъ, не читая еще статьи, только ваше имя, то меня покоробило! и первая моя мысль была: «Парусъ!» какая рекомендація для губителя!» Я позабылъ въ это время о томъ, что вы не считаете нашей народности отдѣльной отъ сѣверно-русской: я подумалъ о «Парусѣ» только, какъ о вашемъ дѣлѣ. Потомъ уже, по прочтеніи статьи, мнѣ пришло на мысль: «Можетъ быть, князь Черкасскій и правъ относительно своего мужика, но то, что примется правительствомъ для сѣверно-русскихъ губерній, то будетъ распространено на Малороссійскія. Даже «Незабвенный» въ инструкціи о малороссійскихъ рекрутахъ постановилъ, чтобы на нихъ дѣйствовали убѣжденіемъ и стыдомъ, а не розгами, а князь Черкасскій, заботясь о благосостояніи своей родины, отступаетъ шагъ назадъ относительно нашей, и И. С.

Аксаковъ, защищая его личность, противъ которой не сказано было ни слова «Русскимъ Вѣстникомъ», и умалчивая о вопіющей винѣ его сіятельства, этимъ самымъ какъ бы подаетъ свой голосъ въ пользу розогъ!» Находившіяся мои статьи у васъ ничтожны, и польза отъ нихъ вашей газетѣ не могла бы быть; но мнѣ было горько думать, что онѣ напечатаются въ «Парусѣ». Считайте меня чѣмъ угодно, но не оставьте безъ вниманія мое чувство: оно болѣе или менѣе отразится и въ другихъ. Идея малороссійскаго журнала обязана вамъ внезапнымъ переходомъ въ дѣло. Хотя намъ и нельзя возражать противъ такихъ вещей, какъ андрусовское правосудіе, какъ оправдываемое вами нарушеніе кондиціи и т. д., но мы общимъ тономъ журнала защитимъ свой край отъ страннаго взгляда на него сѣверно-русскаго человѣка, а можетъ быть, явится случай сказать что-нибудь и выразительно. Мы не перестали и не перестанемъ считать себя русскими, но свое прошедшее, настоящее и будущее хотимъ обсудить съ своимъ толкомъ; слиться же въ одинъ языкъ съ московскимъ (въ обширномъ значеніи слова) не желаемъ, изъ уваженія къ ихъ разнохарактерности и изъ любви къ красотѣ и богатству родной поэзіи. Ни Петербургъ, ни космополитизмъ не по душѣ намъ: вы сдѣлали не тотъ выводъ изъ моихъ двухъ-трехъ словъ, какой, надѣюсь, сдѣлаете изъ нашего журнала, когда онъ будетъ существовать въ печати. Мнѣ могутъ не дозволить его годъ и два, но существовать онъ долженъ, и если мы, воспитавшись по навязаннымъ столицамъ, великорусскимъ учебникамъ, и пройдя длинную школу сѣверно-русскаго централизирующаго образованія, остались тѣмъ, чѣмъ вы насъ видите, то въ два года ни «Русская Бесѣда», ни «Парусъ» не переиначатъ нашихъ понятій и чувствъ. Да и если бы даже и того, кто съ вами споритъ, не было на свѣтѣ, то сила вещей и тогда возьметъ свое. Мое мнѣніе, взятое въ отдѣльности, значитъ весьма мало. Я твердо убѣжденъ, что со временемъ и камни въ Малороссіи возопіютъ противъ того, чего опровергать не даетъ покамѣстъ цензура. Въ заключеніе прошу васъ вѣрить, что если вы, по моему толку, заблуждаетесь насчетъ Малороссіи и Москвы, то я увѣренъ, что вы заблуждаетесь въ желаніи добра той и другой. Слѣдовательно, между нами есть только досада, не болѣе, по крайней мѣрѣ съ моей стороны. Вы на своемъ знамени написали: «Русская Бесѣда» — Москва, а мы на своемъ въ смыслѣ литературномъ напишемъ народную пословицу: Шкода̀ москаля дядькомъ звати!

Преданный вамъ П. Кулишъ.

P. S. Такъ какъ, вѣроятно, вы больше писать ко мнѣ не станете, разойдясь со мной въ дѣлѣ жизни, то чтобы не оставить у васъ въ душѣ горечи, пишу вамъ еще слова два.

Вы напрасно приняли мое письмо, какъ человѣкъ, и называете его неприличнымъ, чтобы не сказать болѣе. Я писалъ его къ И. С. Аксакову, извѣстному мнѣ изъ печати, писалъ къ представителю литературной партіи и никакъ не посягалъ на чисто человѣческое его достоинство, которому цѣну очень хорошо знаю. Вы въ вашемъ письмѣ наговорили разныхъ колкостей, но, если бы вы не были литературный дѣятель, вы бы не имѣли повода дѣлать предложенія, которыя я надѣюсь опровергнуть своими литературными дѣйствіями. Внѣ литературнаго несогласія, я остаюсь къ вамъ съ истиннымъ душевнымъ расположеніемъ, а вамъ относительно ко мнѣ какъ угодно. Но я надѣюсь, что и вы со временемъ взглянете на меня благосклоннѣе.

Еще замѣтка. Вы говорите, что «не называли въ своемъ объявленіи ни великоруссовъ, ни малоруссовъ, ни бѣлоруссовъ». Вотъ ваша оцѣнка малороссійской народности! Чѣмъ проявили себя бѣлоруссы, которыхъ вы ставите рядомъ съ нами? Польша ли, Москва ли претворитъ въ свою народность, отъ этого не будетъ ни убытка человѣчеству, ни пользы пріобрѣтателямъ. По претворивши насъ въ москалей (что́ невозможно), вы изгладили бы народность самобытную и богатую, которая развелась на свободѣ, много бы помогла и вашей народности; слиться же съ вашею она можетъ только вслѣдствіе совершеннаго упадка. Вотъ мы на чемъ стоимъ и вотъ почему намъ больно видѣть ваши стремленія обобщить обѣ Руси, пользуясь тѣмъ, что на вашей сторонѣ административная сила. Воля ваша, а это не по-русски — это по-московски.

Еще маленькая замѣточка. Я не о литераторахъ говорилъ, когда писалъ, что петербургскіе русскіе люди позволяютъ существовать нашей народности, а о тѣхъ, которые вызвались хлопотать о моемъ журналѣ изъ любви къ свободѣ мнѣнія. Съ литераторами я почти не вижусь и вовсе съ ними не въ компаніи. Мы и здѣсь, какъ и въ Москвѣ, поемъ свою пѣсню на землѣ чуждей.

К. С. Аксаковъ—князю В. А. Черкасскому.

Хотя я ко многому сталъ равнодушенъ, но не къ рѣшенію участи русскаго народа, которое совершается теперь въ Петербургѣ, и вотъ почему считаю я необходимымъ написать вамъ, князь, и высказать вамъ совершенно откровенно мои мысли. Когда дѣло идетъ о большемъ или меньшемъ надѣлѣ землею, о цѣнности усадьбы, я, во-первыхъ, въ этомъ дѣлѣ мало понимаю, во-вторыхъ, это не такъ еще важно. Но когда дѣло дошло до души русскаго народа, до его жизненнаго об-

щиннаго начала, до міра, до сходки, то я, сколько-нибудь разумѣя это дѣло, не могу молчать.

Я прочелъ докладъ административнаго отдѣленія № 5 и пришелъ въ ужасъ. Духъ жизни русскаго народа преслѣдуетъ въ послѣднемъ его убѣжищѣ отъ государства. Когда разнеслась вѣсть объ эмансипаціи, я писалъ къ Хомякову, что кому принесетъ она положительную пользу, такъ это помѣщикамъ: за нихъ можно было положительно радоваться и поздравить ихъ съ избавленіемъ отъ безобразнаго и безнравственнаго ихъ права; по что касается до крестьянъ, то здѣсь надежда на лучшее казалась мнѣ не вполнѣ вѣрною. Помѣщичья власть, въ нѣкоторой части имѣній барщинскихъ и въ имѣньяхъ чисто оброчныхъ, служила для крестьянъ вообще какъ бы стекляннымъ колпакомъ, избавлявшимъ ихъ отъ государственной регламентаціи наружнаго административнаго благоустройства. Подъ защитою этихъ стеклянныхъ колпаковъ шла жизнь нашего народа при всей самобытности своихъ началъ, при отсутствіи той чуждой нашему народу опредѣленности, которая равняется ограниченности и уродуетъ живое, изнутриобразующее себя начало. Здѣсь-то (въ оброчныхъ имѣньяхъ Ярославской губерніи, напр.) является міръ не Киселевскій, не устроенный какимъ-нибудь господиномъ, ничего не разумѣющимъ въ дѣлѣ русской жизни, міръ самъ себя составляющій, самъ себя опредѣляющій, съ своемъ единогласіемъ и съ своей окончательной верховностью. Когда же эмансипаціей, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ богопротивнаго помѣщичьяго права, будутъ разбиты и эти по мѣстамъ встрѣчающіяся крышки, подъ которыми спасалось начало русской жизни, русской общины (не Киселевской), я боялся, чтобы государственность учрежденій не легла всѣмъ гнетомъ на бѣдныхъ крестьянъ. Но вотъ вызваны были въ Петербургъ вы и Самаринъ. Вы засѣдаете въ административномъ отдѣленіи. Можно было думать, что русскій народъ въ васъ найдетъ хоть какую-нибудь защиту. Явился докладъ административнаго отдѣленія № 5 о сходахъ, подписанный вами, а вы еще, какъ слышно, въ Москвѣ на товарищей вашихъ имѣете вліяніе. Что же видимъ мы въ этомъ докладѣ?

Ни болѣе, ни менѣе, какъ нарушеніе всей сущности русскаго общиннаго начала, полнѣйшее истязаніе міра, уничтоженіе своей самобытной общественной свободы русскаго народа и предоставленія ему на чужой образецъ составленнаго подобія гражданскихъ общественныхъ правъ. Самостоятельность, жизнь, принципъ,—все выкидывается вонъ, что же остается? Чисто механическое, совершенно безполезное существованіе уже не общества, а извѣстнаго множества людей.

Вы предоставляете себѣ опредѣлить: «когда міръ есть міръ».

Первый nonsens и первая дерзость противъ народа. Когда міръ признаетъ себя міромъ, тогда онъ и міръ. Другаго опредѣленія тутъ быть не можетъ. Вы говорите: но въ такомъ случаѣ нѣсколько лицъ могли бы рѣшить дѣло всего общества. Да предоставьте это самому обществу, дайте ему больше простору. Повѣрьте, ужъ оно само позаботится, чтобы нѣсколько человѣкъ не рѣшали за него дѣло. Хорошъ міръ, когда не самъ себя признаетъ и опредѣляетъ. Предоставьте что-нибудь человѣку самому. Вѣдь вы не со скотами имѣете дѣло, а напротивъ съ народомъ, который въ общественномъ дѣлѣ смыслитъ гораздо побольше васъ, членовъ благороднаго собранія съ правомъ голоса и шара на знаменитыхъ дворянскихъ выборахъ. Пожалуй, Перовскій дошелъ до того въ образцовыхъ селахъ, что даже разставилъ въ избѣ крестьянина всю его утварь, такъ что ведро дол но было стоять на этой, а ухватъ на той сторонѣ: за несоблюденіе благодѣтельнаго порядка—палка! Но далѣе; посягнувши на самостоятельность его рѣшенія, осмѣливаетесь наступить на то начало, которое составляетъ самую основную его силу, тайну его жизни: именно единогласіе. Вы вводите большинство, ту дикую, матеріальную силу, которая большею частью изъ чувства рабскаго подобострастія передъ Европой не признается нами за такую—большинство, столь противное духу русской земли. Запустивъ руку прямо въ душу русскаго человѣка, вы идете еще далѣе. Вы говорите, что на мірской сходкѣ первое лицо—староста. Когда міръ собранъ, то первое лицо здѣсь одно: міръ, а другаго нѣтъ и быть не можетъ. Какой тутъ староста на міру. Міръ разошелся—староста опять явился. Хорошъ міръ, на которомъ есть начальникъ, или по крайней мѣрѣ первое лицо и распорядитель. Вы говорите: первое мѣсто на сходкахъ и охраненіе на нихъ должнаго порядка принадлежитъ старостѣ. И такъ староста будетъ распоряжаться совѣщаніемъ. Широкое поприще открывается черезъ сохраненіе должнаго порядка. Мало-ли что можетъ показаться ему нарушеніемъ должнаго порядка. Міръ подъ предсѣдательствомъ, подъ руководствомъ старосты! Жалкій міръ! И даже въ случаѣ равенства голосовъ, на чьей половинѣ голосъ старосты, та и права. Что же это за міръ? Да такого рода міръ можно найти въ любомъ клубѣ, и въ англійскомъ, и въ дворянскомъ. И все это извращеніе міра, все это нравственно-общественное обезображеніе сдѣлается вѣдь насильственно. Не та же ли это все Петрова палка, за которую взялись, въ свою очередь, и вы?! Это гораздо похуже насильственнаго бритья бороды, къ которому былъ такъ пристрастенъ августѣйшій цирюльникъ отечества.

Такимъ образомъ, вы уничтожаете, убиваете самое начало нашей жизни, вы убиваете нашу русскую свободу, нашу общину, нашъ міръ,

обращая его въ какое-то жалкое подобіе дворянскихъ выборовъ. Я ужъ не говорю о вашей попечительной заботливости, чтобы крестьяне въ нетрезвомъ видѣ на сходъ не допускались. Предоставьте самому міру: кого допускать, кого не допускать; у него на это есть свои основанія, есть свой тысячелѣтній обычай. Онъ допуститъ и не допуститъ, кого хочетъ; инаго пьянаго онъ прогонитъ, а инаго пьянаго, который скажетъ дѣло, выслушаетъ. Какая надобность тутъ еще соваться? Не стоило бы, кажется, и говорить объ этомъ? Нѣтъ, элементъ полицейской благопристойности такъ силенъ, видно, въ администраторахъ, что они никакъ не могли при сей вѣрной оказіи не проявить его. Вы скажете: но какъ однако же узнать, что это рѣшилъ міръ, и что онъ именно такъ рѣшилъ? Спрашивается, кому нужно узнать? Если самому міру, такъ онъ всего короче это знаетъ; или лучше, ему и узнавать нечего: онъ ли рѣшилъ или нѣтъ и какъ рѣшилъ? а если правительству нужно узнать, по тѣмъ только дѣламъ, разумѣется, въ которыхъ съ правительствомъ соприкасается крестьянство (надо кого отдать въ рекруты), для этого довольно выборныхъ отъ крестьянъ, которые и завѣрятъ, что это рѣшеніе міра. Если же (чего быть не можетъ) кто бы нибудь изъ крестьянъ назвались выборными или сообщили бы небывалое рѣшеніе міра, то потомъ пришлось бы этимъ крестьянамъ сильно поплатиться передъ міромъ. Но это случай просто невѣроятный. Впрочемъ, для большаго удостовѣренія, или для того, чтобы имѣть у себя документъ, правительство можетъ получать грамоту отъ міра за руками; вотъ все, чего можетъ оно хотѣть, но не болѣе. Это дѣлалось и въ старину; въ такихъ грамотахъ встрѣчается и формула: «во всѣхъ крестьянъ мѣсто, по ихъ велѣнью, такой-то руку приложилъ». Грамоты за руками встрѣчаются въ древней Руси во многихъ случаяхъ; напр. при выборахъ въ цѣловальники, въ старосты и въ цари. Да и чего вы боитесь? Что кто-нибудь прикинется міромъ? Успокойтесь. Давно стоитъ міръ; у насъ бывали самозванцы-цари, а самозванца-міра не бывало.

Когда оставляетъ васъ духъ русскаго народа, тогда васъ оставляетъ и языкъ его. Что за смыслъ въ выраженіяхъ: мірской сходъ, волостной сходъ? Почему міръ есть только сельское явленіе? Хотѣли ли вы сказать, что въ волости собирается на міръ? Нѣтъ изъ вашихъ словъ видно, что вы этого сказать не хотѣли. Какая путаница происходитъ при такомъ употребленіи словъ! Вдругъ міръ будетъ только въ селѣ, а въ волости міра не будетъ. Ужъ Божій міръ значитъ только село? Ужъ говорили бы вы: «сельскій сходъ», «волостной сходъ». По понятіямъ русскаго духа и языка (sic) міръ можетъ быть и вся Русь, міръ можетъ быть и губернія, и волость, и деревня. Міръ есть собраніе народное большей или меньшей мѣстности. Міръ

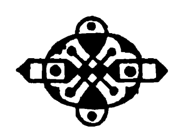
есть народъ, какъ мыслящее и дѣйствующее цѣлое. Царь Ал. Мих., въѣзжая въ Москву, весь міръ спрашивалъ о здоровьѣ. Говоря о совѣщаніи всенародномъ, бывшемъ о царѣ Василіи, Гермогенъ выражается: «весь міръ», а по-вашему не такъ, по-вашему это былъ не «міръ», а «городской сходъ».

Больно и отвратительно было мнѣ читать въ 5 № доклада административной коммиссіи. И добро бы это были все петербуржцы или западники, а то тутъ вы! Я думалъ, что вы русскій, и что вамъ сколько-нибудь близокъ русскій народъ. Къ чему было все дѣло наше, все изученіе русскихъ началъ, быта древней Руси, крестьянскаго устройства? Неужели плодъ всего этого—нѣсколько пустыхъ фразъ о самоуправленіи общественномъ, о возможно большемъ устраненіи вліянія администраціи на мірскія дѣла—пустыхъ фразъ, повторяю, ибо тамъ же дѣлается совсѣмъ другое. Вы подняли руку на народъ: злое дѣло! Худое дѣло! Вы посягнули на душу народа,—это ужъ настоящее душегубство! Остается утѣшаться тѣмъ, что не всегда же будетъ русская исторія сочиняться въ Петербургѣ и что вамъ, господа, совершить душегубство надъ русскимъ народомъ—на дѣлѣ не удастся. Васъ не смутитъ мое письмо — что васъ смутитъ! Но задумайтесь хоть на одну минуту. Припомните: жиды, распиная Христа, не смущались тѣмъ, что ихъ ожидаетъ, и, конечно, не думали, что станутъ живымъ позоромъ между людьми, и имя ихъ обратится въ брань. Вы распинаете теперь русскій народъ и не думаете, конечно, что имена ваши станутъ браннымъ словомъ и что поношеніе ляжетъ на память вашу.

Въ моемъ письмѣ секретовъ нѣтъ; можете показать мое письмо вашимъ товарищамъ и кому угодно.

К. Аксаковъ.

Сообщилъ В. И. Шенрокъ.

Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ.

Его первое знакомство съ депутатами втораго призыва редакц. коммиссіи по крестьянскому дѣлу.

Въ статьѣ «Графъ В. Н. Панинъ, министръ юстиціи» («Русск. Стар.» изд. 1887 г. кн. XI и XII), г. Колмаковъ, касаясь дѣятельности графа Панина, какъ предсѣдателя редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу, старается опровергнуть мнѣніе о томъ, что графъ былъ противникомъ крестьянскаго дѣла до назначенія его предсѣдателемъ редакціонной комиссіи и въ доказательство вѣрности своего взгляда приводитъ слово его, сказанное членамъ редакціонной коммиссіи 21-го февраля 1860 г. (кн. XI, стр. 305—306). Мы нашли въ бумагахъ графа Дмитрія Николаевича Толстаго подробный разсказъ о первомъ знакомствѣ графа Панина съ депутатами втораго призыва редакціонной коммиссіи съ дословнымъ воспроизведеніемъ и той рѣчи, на которую ссылается г. Колмаковъ и которую приводитъ въ сжатомъ видѣ и съ пропусками. Въ виду великаго историческаго значенія крестьянской реформы, въ особенности важно для правдиваго сужденія какъ о ходѣ дѣла, такъ и о характерѣ дѣятелей, сохранить точныя свѣдѣнія о томъ и другомъ; и мы сообщаемъ найденный нами разсказъ, писанный со словъ очевидца. Вотъ этотъ разсказъ.

Графъ Панинъ выразилъ желаніе познакомиться съ депутатами втораго призыва, которыхъ просилъ прибыть запросто, во фракахъ, 22 (sic) февраля [1]) въ $12^1/_2$ часовъ въ домъ министерства юстиціи. Почти всѣ

---

[1]) Мы не имѣли возможности точно установить, когда былъ пріемъ у гр. Панина: 21-го или 22-го февраля. Ред.

депутаты собрались за исключеніемъ немногихъ, которые по недоразумѣнію явились въ собственный домъ графа Панина.

Предъ появленіемъ графа Панина министерскій чиновникъ въ аванзалѣ переписалъ имена, чины, фамиліи, губерніи депутатовъ, пригласилъ ихъ въ пріемную залу, куда вышелъ вскорѣ и самъ графъ, при чемъ произнесъ:

«Господа! Слова государя императора глубоко должны быть врѣзаны въ памяти каждаго изъ васъ; мнѣ остается повторить ихъ и добавить, въ качествѣ предсѣдателя редакціонной коммиссіи, что прямая наша обязанность—трудиться для столь важнаго дѣла единодушно и какъ бы семейно, предположивъ себѣ въ немъ главную цѣль, выраженную государемъ императоромъ, благо Россіи. При этомъ считаю долгомъ обратить вниманіе ваше и на то, что всѣ дѣйствія и труды, какъ я сказалъ, по нашему семейному дѣлу должны оставаться между нами, безъ разглашенія, въ особенности не слѣдуетъ ничего сообщать за границу. Равно полезнымъ для дѣла считаю необходимымъ указать и на то, что, по убѣжденію моему, въ предлежащемъ вопросѣ значительно вредили съ одной стороны неосновательныя опасенія дворянства, съ другой ожиданія несбыточныя крестьянъ; того и другаго мы должны сколь возможно устраняться. Депутаты перваго призыва увлеклись своими взглядами на вопросъ и нерѣдко укоряли редакціонную коммиссію опрометчиво и неосновательно; по моему мнѣнію, вовсе не слѣдуетъ впадать въ тѣ же самыя ошибки и, не придерживаясь прошедшаго, заняться токмо настоящимъ въ нашемъ дѣлѣ, сохраняя сколько возможно ваши собственныя убѣжденія.

«По моимъ обширнымъ занятіямъ, я не могъ внимательно слѣдить за дѣйствіями редакціонной коммиссіи; въ настоящее время, какъ предсѣдатель, я исключительно посвящаю себя на всемѣрное изученіе трудовъ ея. Повторяю, намъ прошедшее не нужно для дѣла, мы должны заняться пристально настоящимъ и, какія бы ни были убѣжденія каждаго изъ насъ, всѣмъ намъ слѣдуетъ стремиться къ главному: озаботиться обезпеченіемъ быта крестьянъ нашихъ, не упуская изъ виду, что за нихъ между нами представителей нѣтъ и потому намъ самимъ предлежитъ отстаивать ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не должны мы забывать, что богатымъ людямъ, какъ я, напримѣръ, ни въ какомъ случаѣ переворотъ не будетъ слишкомъ ощутителенъ; но что наша обязанность озаботиться положеніемъ неимущихъ дворянъ и оградить ихъ интересы.

«Инструкція 11-го августа положительно опредѣляетъ обязанности ваши въ предлежащихъ работахъ, надѣюсь, что вы согласно съ ней выполните добросовѣстно все, на васъ возложенное.

«Кому нужно будетъ меня видѣть, двери мои открыты; но въ настоящее время я принимать васъ не могу по причинамъ, которыя сей-

часъ же выражу. У каждаго изъ васъ могутъ быть убѣжденія не всегда согласныя съ моими; слѣдовательно, въ такихъ столкновеніяхъ различныхъ взглядовъ на вещи утратилось бы только много времени безъ всякой пользы. Сверхъ того со стороны полагать бы могли, что я раздѣлилъ бы одно изъ таковыхъ убѣжденій или мнѣній и что нахожусь подъ исключительнымъ его вліяніемъ.

«Остается мнѣ въ видѣ предостереженія сообщить вамъ еще слѣдующее. Извѣстно мнѣ, что многіе изъ васъ бываютъ у графа Шувалова, у котораго передъ выборами собираются петербургскіе дворяне и множество постороннихъ лицъ; они могутъ имѣть въ предметѣ составленіе различныхъ предположеній не согласныхъ съ началами, по которымъ мы работаемъ. Петербургскій комитетъ свои занятія давно окончилъ, депутаты ихъ свою обязанность касательно проектовъ, представленныхъ въ редакціонную коммиссію, тоже окончили, а потому всякое ваше вмѣшательство въ предположенія петербургскаго дворянства было бы совершенно безполезно и замедлитъ только ходъ вашихъ собственныхъ занятій. Вообще совѣтовалъ бы держаться своихъ убѣжденій, не увлекаясь сторонними внушеніями. Я кончилъ.

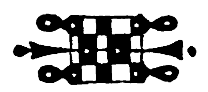
«Не имѣете ли вы что сказать, господа»?

Нѣкоторые изъ депутатовъ предложили вопросъ о срокахъ подачи отвѣтовъ, такъ какъ дополнительные доклады хозяйственнаго отдѣленія, какъ самые важные, еще не доставлены и о томъ, что графъ не упомянулъ объ особыхъ мнѣніяхъ и замѣчаніяхъ, которыя государю императору благоугодно было дозволить депутатамъ представлять, то какимъ путемъ представлять ихъ?

Графъ объявилъ, что доклады хозяйственнаго отдѣленія будутъ вскорѣ доставлены, что, судя по своей привычкѣ работать, онъ считаетъ достаточнымъ двухнедѣльный срокъ; касательно же соображеній и особыхъ мнѣній, дозволенныхъ его величествомъ, замѣтилъ: «каждому изъ насъ должно быть извѣстно, что слова государя императора не подлежатъ никакимъ комментаріямъ; но я говорю о дѣлѣ, добавилъ онъ, его слѣдуетъ вести логично, т. е. согласно инструкціи 11-го августа, и дѣйствовать по точному смыслу, въ ней выраженному».

Такъ заключилось знакомство депутатовъ съ предсѣдателемъ.

Сообщилъ **Ст. Звѣревъ**.

Два письма А. И. Тургенева А. Н. Голицыну.

1.

23-го декабря 1831. Москва.

Прослуживъ болѣе 14 лѣтъ подъ начальствомъ вашего сіятельства и не зная нынѣ, къ кому я долженъ обратиться въ затруднительномъ моемъ положеніи, прибѣгаю къ вамъ. Обстоятельства, коихъ я не могъ предвидѣть, удержали меня въ Москвѣ болѣе, нежели я полагалъ пробыть здѣсь. Вслѣдствіе моего непріятнаго положенія, я едва не лишился всего моего имѣнія; но я не жаловался и не жалуюсь.

Между тѣмъ положеніе мое становится несноснымъ. Я рѣшился, не кончивъ дѣлъ моихъ, ѣхать отсюда опять въ чужіе края, для устройства находящагося тамъ моего капитала. Отпускъ мой безсрочный. Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Москвы, объявилъ мнѣ, что ничто не мѣшаетъ мнѣ ѣхать, куда мнѣ угодно; но я не знаю, обязанъ ли я просить о продолженіи отпуска или могу, съ паспортомъ здѣшняго военнаго генералъ-губернатора, отправиться, на прежнемъ основаніи, за границу, не утруждая снова никого о семъ просьбою.

Могила одного изъ братьевъ моихъ—въ Парижѣ, откуда я выѣхалъ, по полученіи приказанія русскимъ не оставаться во Франціи, оставивъ вещи и бумаги мои у банкира моего. Если запрещеніе русскимъ жить во Франціи еще существуетъ, то я свято буду теперь, какъ и прежде, сообразоваться съ онымъ; но осмѣливаюсь представить вашему сіятельству, что какъ устройство дѣлъ моихъ, такъ и спокойствіе духа за послѣднюю судьбу оставшагося моего брата требуютъ моего присутствія въ Парижѣ, и позволеніе на сіе принялъ бы я какъ благо-

дѣяніе. Но—повторяю—нога моя не ступитъ на французскую землю, если не получу на сіе высочайшаго разрѣшенія [1]).

Какъ бы ни рѣшилась участь моя,—вездѣ сохраню вѣрную преданность государю и уставамъ его; вѣрвую, святую любовь къ отечеству,—все еще не теряя надежды, что невинность, совершенная невинность моя,—успокоитъ наконецъ мою душу, терзаемую шестилѣтними, неизъяснимыми страданіями за себя и за другихъ.

Проведя съ вами 14 лѣтъ подъ одною кровлею и не скрывая поступковъ моихъ ни по службѣ, ни въ частной жизни, я конечно могъ быть замѣченъ и вами и другими въ неосновательности сужденій или въ ошибкахъ, слабому, человѣческому уму свойственныхъ; но я служилъ болѣе 25 лѣтъ дѣятельно и честно; былъ не разъ жертвою клеветы; но окончательно награжденъ покойнымъ государемъ императоромъ,—награжденъ, когда уже былъ за границею.

Приведите, милостивый государь, на память мою жизнь подъ вашимъ начальствомъ и дайте мнѣ свидѣтельство по сердцу вашему и по правдѣ, которую видитъ Богъ. Мнѣ необходимо успокоеніе отъ прежнихъ тревогъ и отъ здѣшнихъ новыхъ огорченій всякаго рода.

По силамъ моимъ я старался не терять времени и въ чужихъ краяхъ: осматривалъ, замѣчалъ, собиралъ, описывалъ многое общеполезное. Когда страшная для Россіи година наступила и холера въ ней начала свирѣпствовать,—я не оставался въ праздности. По совѣщаніи съ медиками въ Парижѣ и Лондонѣ я выслалъ ихъ мнѣнія и все, что только могъ найти въ публичныхъ и частныхъ библіотекахъ, г. министру внутреннихъ дѣлъ въ Казань, Москву и, наконецъ, въ Петербургъ. Я бы не упоминалъ о семъ, если бы, къ несчастію, не видѣлъ себя въ необходимости обращать вниманіе другихъ на прошедшую жизнь мою, для спокойствія настоящей. Я даже и теперь всею душою готовъ не быть безполезнымъ и внѣ Россіи службѣ государя и почту себя счастливымъ, если меня удостоятъ употребить тамъ на дѣло, смотря по способностямъ моимъ.

Съ совершеннымъ почитаніемъ и таковою же преданностію честь имѣю быть и проч.

На этомъ письмѣ рукою князя Александра Николаевича Голицына написано: «Доведено до свѣдѣнія государя императора 16-го генваря 1832. Его величество дозволилъ господину Тургеневу ко мнѣ сообщать новыя установленія по части просвѣщенія и благотворительныхъ заве-

[1]) При этомъ письмѣ приложена записка А. Бенкендорфа слѣдующаго содержанія: „Я спрашивалъ у его величества позволеніе Тургеневу воспользоваться еще его отпускомъ, чтобы ѣхать за границу. Его величество позволяетъ ему выѣхать изъ Россіи, но не желаетъ, чтобы онъ жилъ во Франціи (Записка на французскомъ языкѣ, безъ числа).

деній съ тѣмъ, чтобы я уже препровождалъ оныя къ министрамъ на разсмотрѣніе, до кого касаться будетъ, о чемъ я своеручно и увѣдомилъ г. Тургенева».

2.

6-го февраля 1832. Москва.

Я имѣлъ честь получить письмо вашего сіятельства отъ 31-го генваря, въ коемъ вамъ угодно было сообщить мнѣ высочайшее соизволеніе на отъѣздъ мой за границу и согласіе его императорскаго величества на доставленіе мною свѣдѣній по министерствамъ просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ и по благотворительной части. Пріемля съ глубочайшею признательностію позволеніе посвятить таковой дѣятельности труды мои, я буду строго сообразоваться съ предписаніемъ вашего сіятельства, въ письмѣ вашемъ изъясненнымъ.

Главною мыслію всей моей заграничной жизни будетъ заслужить довѣренность правительства, а вмѣстѣ съ симъ оправдать и ваше предстательство у государя императора.

Письма Д. П. Трощинскаго къ А. Л. Николаи [1].

1.

29-го января 1802 г.

По предъидущимъ отношеніямъ моимъ вашему превосходительству извѣстенъ уже россійскій путешественникъ г. Лебедевъ, представившій къ изданію собранныя имъ сочиненія, до восточныхъ индійскихъ письменъ и хронологіи принадлежащія. Государь императоръ, пожаловавъ ему на напечатаніе ихъ подъ собственнымъ его смотрѣніемъ 10.000 рублей изъ Кабинета, высочайше предназначить ему соизволилъ званіе профессора восточныхъ языковъ при С.-Петербургской Академіи наукъ съ жалованіемъ по 1.800 рублей изъ почтовыхъ доходовъ. Я счелъ нужнымъ, предваривъ о семъ ваше превосходительство, просить васъ увѣдомить меня, можетъ ли Академія по правиламъ ея исполнить отъ себя сіе высочайшее предназначеніе и облечь г. Лебедева въ семъ званіи, или потребно ей къ тому имѣть особенный высочайшій указъ. Въ прочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій.

2.

12-го февраля 1802 г.

Находя, что изобрѣтенія и открытія въ разныхъ частяхъ ремеслъ, художествъ и земледѣлія разными учеными обществами и лицами, на иностранныхъ языкахъ издаваемыя, для россіянъ, кои могли бы обратить ихъ по хозяйству своему и мануфактурамъ въ употребленіе, оста-

[1]) Баронъ Андрей Львовичъ Николаи былъ въ то время президентомъ Академіи наукъ.

ются по большей части неизвѣстными,—его императорское величество желаетъ, чтобы описаніе таковыхъ открытій въ Академіи наукъ изъ иностранныхъ журналовъ и сочиненій были извлекаемы и по переводѣ ихъ на россійскій языкъ издаваемы при публичныхъ вѣдомостяхъ, наблюдая, чтобы стиль ихъ и образъ изложенія былъ сколько можно простъ и приспособленъ къ практическому употребленію. При чемъ воля его императорскаго величества есть, чтобы извѣстія сіи прежде напечатанія ихъ читаны были и одобряемы въ общемъ академическомъ собраніи и представляемы на высочайшее государя императора утвержденіе.

Сообщая вашему превосходительству сію высочайшую волю къ надлежащему исполненію, честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій.

3

21-го февраля 1802 г.

При представленіи государю императору отзыва вашего превосходительства на письмо мое отъ 12-го сего мѣсяца его императорское величество соизволилъ изъявить волю свою, чтобы въ изданіи при вѣдомостяхъ любопытныхъ извѣстій Академія не ограничивала себя одними ремеслами, художествами и земледѣліемъ, но помѣщала бы въ нихъ краткія понятія о всѣхъ новыхъ открытіяхъ въ разныхъ частяхъ наукъ, а особливо къ познанію природы относящіяся и могущія служить къ возбужденію общей дѣятельности, испытаній и вкуса къ просвѣщенію.

Сообщая вашему превосходительству сію высочайшую волю, имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій.

4.

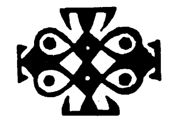
23-го марта 1802 г.

Я имѣлъ счастіе представлять его императорскому величеству доставленныя отъ вашего превосходительства статьи любопытныхъ извѣстій, изготовленныя гг. академиками для напечатанія въ вѣдомостяхъ. Государь императоръ нашелъ ихъ всѣ соотвѣтствующими цѣли и, утверждая предположеніе вашего превосходительства, чтобъ прилагать оныя при вѣдомостяхъ въ видѣ прибавленій, соизволилъ только замѣтить, что количество ихъ вначалѣ должно быть умѣренно, дабы, завлекая любопытство народное, мало-по-малу пріучить его вниманіе, и по мѣрѣ сей привычки можно будетъ дать симъ статьямъ и большее пространство.

Въ семъ разсужденіи его императорское величество соизволилъ, что статья о ночникахъ, яко наименѣе ощутительная какъ для пользы, такъ и для любопытства, отложена была до другаго времени. Въ прочемъ его императорское величество предполагаетъ, что и на будущее время статьи сіи по мѣрѣ ихъ изготовленія вносимы будутъ на высочайшее утвержденіе прежде ихъ изданія.

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій.

Сообщ. **Д. И. Успенскій.**

Письма императрицы Маріи Θеодоровны
къ великимъ князьямъ
Николаю и Михаилу Павловичамъ [1]).

Num. 75.

Ce Lundi, 20 Sept(embre) 1815.

J'espère, mes bons et chers amis, que vous aurez doublé vos prières aujourd'hui pour votre bon et respectable père: à cette occasion vous aurez pensé à moi; quant à mon souvenir il est constamment occupé de vous, et vous n'avez pas d'idée combien votre absence m'est cruelle et pénible, surtout ici, où je vous voyais encore davantage et à toutes les heures du jour. J'avoue bonnement qu'il faut que je me travaille pour vaincre ma peine: marquez-moi donc au nom du Ciel, vers quel temps il m'est permis d'espérer vous voir; mon espérance faiblit parfois et me fait craindre de devoir retarder l'époque au-delà du 14 Oct(obre): cela me ferait grande peine, je l'avoue, car finalement aucun but militaire essentiel n'oblige votre absence, et certainement il vaudrait mieux être en place et employer sérieusement et solidement le peu de temps qu'il vous reste encore à donner aux études; ces derniers instants sont si importants que chaque jour est une perte conséquente pour vous, mes bons amis; ainsi tout se réunit à me faire désirer vivement votre retour. Veuille

---

[1]) См. „Русскую Старину" 1904 г., ноябрь.

l'Être Suprême combler mes voeux et vous ramener chez nous. Notre temps est superbe; il a fait si beau cette après-dînée que j'ai fait une promenade en calèche avec Annette; nous avons philosophé; elle a commencé aujourd'hui sa première leçon hollandaise, mais n'en parlez pas, mes amis, à personne, je veux en faire une surprise générale. Son maître ressemble à lord Walpole. Voilà la seule nouveauté à vous mander, mes bons amis. Ayant été en retraite aujourd'hui, je n'ai vu personne et ne sais rien d'intéressant. Bonsoir, mes bons amis, dormez bien, je vous embrasse tendrement.

Ce 21 Sept(embre).

Chers enfants, je vous donnerai une nouvelle bien fâcheuse de l'incendie de la ville de Casan, qui a mis en cendre les deux tiers de cette ville; la flamme s'est étendue à deux werstes et a embrasé la cathédrale, la forteresse, plusieurs couvents, églises paroissiales, établissements de charité, gymnases, magasins, écoles, moulins et ponts, de même que les boutiques. La perte doit être très grande et des milliers sont sans feu ni lieu, et cela au moment où l'hiver va venir: il y a de quoi en pleurer de peine et d'inquiétude pour ces pauvres malheureux. J'en suis d'autant plus peinée, que vous vous rappelez, chers enfants, avec quel zèle et empressement la ville de Casan a reçu tous les établissements de Moscou qui y ont cherché asyle. J'ai proposé au prince Galitzin du Synode d'ouvrir une quête à laquelle je contribuerai par un don de dix mille roubles, Annette en donne trois et je vous propose, mes bons amis, d'y verser chacun de vous quatre mille roubles et de m'autoriser à les prendre de vos fonds pour cet effet pour les remettre en votre nom au prince Galitzin. Répondez-moi d'abord sur cet article; quoique vous m'en eussiez donné l'autorisation, je n'ai pas voulu le faire sans vous le demander, mes amis, pour pouvoir dire avec vérité que vous m'en avez chargée. Ce malheur est inconcevable, car la flamme s'est montrée à différentes parties de la ville à la fois: on soupçonne des incendiaires et on dit avoir arrêté plusieurs êtres qui paraissent suspects, mais gardez ceci pour vous seuls. Notre temps est superbe et j'en profite tant que je puis. Adieu, mes bons amis. Dites à Costi Benckendorf que son père est chez moi.

Ce 22 Sept(embre), Mercredi.

La journée a encore été magnifique et j'ai montré mes belles fleurs au comte Tolstoi. D'où vient que vous ne m'envoyez plus de lettres de

son fils? Gatschina est superbe, il ne m'a jamais paru plus beau: n'oubliez pas les semences de fleurs, mes bons amis, et faites plaisir à maman en lui donnant le moyen d'embellir son jardin. Adieu, mes bons amis; mes compliments au général, à vos messieurs et à mes connaissances militaires. Je vous embrasse de tout, tout mon cœur et vous donne mille bénédictions. Je sais par les gazettes que vous êtes revenus à Paris le 2 (14) Sept(embre): ainsi les gazettes me donnent des nouvelles de vous de 15 jours de plus fraîche date que les dernières lettres de l'empereur qui sont du 19 Août. Adieu, chers enfants, je vous aime bien tendrement.

Marie.

Понедѣльникъ, 20-го сентября 1815 г.

(Переводъ). Надѣюсь, добрые, дорогіе друзья мои, что вы удвоили сегодня ваши молитвы за вашего добраго и достойнаго отца; по этому случаю вы, вѣроятно, вспомнили и обо мнѣ; что касается меня, то мои мысли всегда заняты вами; вы не можете себѣ представить, какъ ваше отсутствіе для меня мучительно и тягостно; въ особенности здѣсь, гдѣ я видѣла васъ чаще и во всякое время дня. Признаюсь откровенно, мнѣ приходится постоянно работать надъ собой, чтобъ побѣдить мою грусть; напишите же мнѣ, ради Бога, когда я могу разсчитывать увидѣться съ вами; иной разъ я теряю на это надежду и начинаю бояться, что вы пріѣдете позже 14-го октября; признаюсь вамъ, это чрезвычайно огорчило бы меня, такъ какъ въ концѣ концовъ ваше отсутствіе не оправдывается никакой серьезной военной цѣлью, и, разумѣется, вамъ было бы лучше быть на мѣстѣ и употребить на серьезныя и основательныя занятія то время, которое вы можете еще посвятить наукѣ, его остается уже немного; эти послѣднія минуты такъ важны, что каждый день составляетъ для васъ важную потерю, добрые друзья мои; поэтому все заставляетъ меня горячо желать вашего возвращенія. Если бы Господь исполнилъ мое желаніе и вы вернулись къ намъ. Погода стоитъ у насъ великолѣпная; сегодня послѣ обѣда было такъ прекрасно, что я каталась въ коляскѣ съ Аннетой, и мы философствовали. Она взяла сегодня первый урокъ голландскаго языка, но не говорите объ этомъ никому, друзья мои: я хочу, чтобъ это былъ для всѣхъ сюрпризъ. Ея учитель похожъ на лорда Вальполя.

Вотъ единственная новость, которую я могу вамъ сообщить, мои добрые друзья. Такъ какъ я проводила сегодняшній день одна, то я никого не видѣла и не знаю ничего интереснаго. Прощайте, добрые друзья мои, спите спокойно, нѣжно обнимаю васъ.

21-го сентября.

Дорогія дѣти, сообщу вамъ очень прискорбныя извѣстія о пожарѣ, бывшемъ въ Казани, который испепелилъ двѣ трети города; пламя распространилось на двѣ версты и охватило соборъ, крѣпость, нѣсколько монастырей, приходскихъ церквей, богоугодныхъ заведеній, гимназій, магазиновъ, школъ, мельницъ и мостовъ, а также много лавокъ. Убытки, причиненные имъ, должны быть огромны; тысяча людей осталась безъ крова, а теперь какъ разъ наступаетъ зима; есть о чемъ горевать и безпокоиться объ этихъ несчастныхъ. Я тѣмъ болѣе огорчена этимъ, что вы навѣрное помните, дорогія дѣти, какъ охотно Казань приняла всѣ учебныя заведенія Москвы, которыя искали въ ней убѣжища. Я предложила князю Голицыну синодскому произвести сборъ, при чемъ я дамъ отъ себя десять тысячъ рублей, Аннета даетъ три тысячи, и я предлагаю вамъ, добрые друзья мои, чтобы каждый изъ васъ далъ по четыре тысячи и чтобъ вы уполномочили меня взять ихъ изъ вашихъ фондовъ, предназначенныхъ для этой цѣли, для передачи князю Голицыну отъ вашего имени. Отвѣтьте мнѣ поскорѣе относительно этого; хотя вы мнѣ и разрѣшили тратить эти деньги, но я не хотѣла дѣлать этого, не спросясь васъ, друзья мои, чтобы имѣть полное право сказать, что я дѣлаю это по вашему порученію. Это событіе необъяснимое, такъ какъ пламя появилось одновременно въ разныхъ частяхъ города; подозрѣваютъ поджогъ; говорятъ, будто арестовано нѣсколько подозрительныхъ личностей; но не говорите объ этомъ никому. Погода стоитъ у насъ великолѣпная, и я пользуюсь ею по мѣрѣ возможности. Прощайте, добрые друзья мои; передайте Костѣ Бенкендорфу, что его отецъ у меня.

Среда, 22-го сентября.

Сегодня была опять великолѣпная погода, и я показывала мои прелестные цвѣты графу Толстому. Почему вы мнѣ не присылаете болѣе писемъ отъ его сына? Гатчина прелестна, я никогда не находила ея столь прекрасною; не забудьте о цвѣточныхъ сѣменахъ, добрые друзья мои, и доставьте удовольствіе вашей мамашѣ, давъ ей возможность украсить свой садъ. Прощайте, добрые друзья мои; поклонъ генералу, вашимъ кавалерамъ и моимъ знакомымъ военнымъ. Обнимаю васъ отъ всего, отъ всего сердца и посылаю вамъ тысячу благословеній. Я знаю изъ газетъ, что вы возвратились въ Парижъ 2-го (14-го) сентября, слѣдовательно, газеты сообщаютъ мнѣ болѣе новыя извѣстія о васъ недѣли на двѣ сравнительно съ письмомъ императора, которое помѣчено 19-мъ августа Прощайте, дорогія дѣти, нѣжно цѣлую васъ.

Num. 76.

Ce 23 Sept(embre), Jeudi, 1815.

Encore pas de courrier, mes bons amis. Savez-vous que c'est désolant; nous voici de nouveau un mois et 4 jours sans vos nouvelles et la pauvre maman cependant écrit toujours, mais ne reçoit pas de réponse. Enfin, s'il plaît à Dieu, vous arriverez un jour et alors votre présence me dédommagera de toutes mes privations. Notre journée a été superbe encore, mais il a gelé fortement cette nuit, nous avons eu deux degrés et demi de froid, et au moment que je vous écris le thermomètre marque de nouveau deux degrés de froid, mais au milieu de la journée il a fait superbe, le soleil étant ardent, aussi j'ai fait une grande promenade à pied. Nous avons eu à dîner le comte Kotschoubei. Madame Zagrewski va mieux et sa jambe permettra qu'on la transporte en ville dans huit ou dix jours; elle avait fait une simple chûte dans la chambre qui avait apparemment lésé un nerf et lui avait ôté le mouvement libre de la jambe, cependant il n'y avait ni enflure ni rougeur, mais elle éprouvait des douleurs terribles, présentement elle est mieux. J'ai perdu un bien ancien et bon serviteur à Gatschina, le bon vieux Panof; il avait été à la chasse il y a quelque temps et était tombé dans un marrais, après quoi il lui est venu un grand abcès sur le dos avec de la fièvre et il est mort ce matin; j'en suis bien fâchée et j'ai d'abord pensé à vous, mes amis, qui l'aimiez. Bonsoir, mes bons amis, que Dieu vous conserve et vous conduise chez nous. Je vous embrasse de tout mon cœur et vous donne mille bénédictions.

Ce 24 Sept(embre), Vendredi.

Hélas, je n'ai à vous répéter, mes bons amis, que le même adage: pas de courrier. Vous m'avouerez que c'est désolant. Certainement ce ne sont pas les chemins qui empêchent son arrivée, car ils sont parfaits, les gelées de nuit les rendent tels. Je ne peux vous mander d'ici que l'arrivée de notre cher papa Lamsdorf qui m'a fortement remué le cœur de le voir ici sans vous. Je l'ai d'abord mené chez vous, Nicoche, mais vous n'y étiez pas: arrivez donc pour l'amour de Dieu. Papa Lamsdorf se porte bien et s'est promené avec nous à pied. Le temps est superbe et à midi il fait très agréable, mais il a gelé 4 degrés cette nuit. Madame d'Adlerberg m'écrit que le colonel Mordvinof est venu reprendre son fils de chez madame Baranof, elle le lui a rendu plus fort et mieux portant qu'il ne lui avait remis. J'ai dit à la bonne Adlerberg que certainement vous me chargeriez de remercier sa fille de sa grande complaisance. Bonsoir, mes amis. Comment écrire à ceux qui ne répon-

dent pas? Je vous embrasse de tout mon coeur et vous aime de même quoique vous m'oubliez. Adieu mille fois.

Ce 25 Sept(embre), Samedi.

Je me suis promenée à cheval et à pied; à cette promenade-là j'ai eu le cher papa Lamsdorf pour conducteur; m'a peiné à rentrer, car le temps est divin, et malgré que nous avons 4 degrés de gelée cette nuit, il fait chaud à midi et j'ai encore des fleurs dans le jardin. Pas de courrier, pas de vos nouvelles, voilà qui est insupportable. J'ai eu aujourd'hui le prince Lobanof qui vous a vus à Vertus en activité: c'est tout ce qu'il a pu me dire, c'est à dire il m'a dit que vous, Nicoche, commandez une brigade et Michel de l'artillerie. Voici, cher Michel, une lettre de papa Lamsdorf. Adieu mille et mille fois, je vous embrasse de tout mon coeur et vous donne mille bénédictions. Mes compliments au général, à vos messieurs et à nos braves militaires. Toute à vous de coeur et d'âme. Marie.

Четвергъ, 23-го сентября.

(Переводъ). Курьера все нѣтъ, добрые друзья мои; знаете ли, это можетъ привести въ отчаяніе; вотъ уже мѣсяцъ и четыре дня, какъ мы не имѣемъ отъ васъ извѣстій, а между тѣмъ бѣдная мамаша все пишетъ, но отвѣта не получаетъ. Но, Богъ дастъ, вы когда-нибудь пріѣдете же, и тогда я буду вознаграждена вашимъ присутствіемъ за всѣ мои лишенія День простоялъ у насъ еще прекрасный, но сегодня ночью сильно подморозило: было $2^1/_2$ градуса мороза, и въ ту минуту, какъ я вамъ пишу, термометръ снова показываетъ 2 градуса мороза; но въ серединѣ дня погода была прекрасная, солнце свѣтило ярко, и потому я совершила большую прогулку пѣшкомъ. У насъ обѣдалъ графъ Кочубей. Госпожа Закревская поправляется; дней черезъ восемь или черезъ десять ея нога настолько поправится, что больную можно будетъ перевезти въ городъ; она упала просто въ комнатѣ и, очевидно, повредила себѣ нервъ, вслѣдствіе чего не могла двигать ногой, но у нея не было ни опухоли, ни красноты, однако она испытывала страшную боль; въ настоящее время ей лучше. Въ Гатчинѣ у меня умеръ старый, отличный слуга, добрый старикъ Пановъ; онъ былъ на охотѣ нѣсколько времени тому назадъ и упалъ въ болото, послѣ чего у него сдѣлался большой нарывъ на спинѣ, что сопровождалось лихорадкой, и сегодня утромъ онъ скончался; я очень этимъ огорчена и тотчасъ подумала о васъ, друзья мои, такъ какъ вы его любили. Прощайте, добрые друзья мои, да сохранитъ васъ Господь и да приведетъ Онъ васъ къ намъ. Цѣлую васъ отъ всего сердца, посылаю вамъ тысячу благословеній.

Пятница, 24-го сентября.

Къ сожалѣнію, я могу повторить вамъ одно и то же, мои добрые друзья: курьера все нѣтъ; согласитесь, что это можетъ привести въ отчаяніе; конечно, его не можетъ задержать плохое состояніе дорогъ, такъ какъ онѣ должны быть прекрасны, благодаря ночнымъ морозамъ. Могу вамъ сообщить только о пріѣздѣ добраго папаши Ламсдорфа; я была очень взволнована, увидавъ его безъ васъ; я тотчасъ повела его въ ваши комнаты, Никошъ, но васъ тамъ не было; пріѣзжайте же ради Бога. Папаша Ламсдорфъ здоровъ, онъ совершилъ съ нами прогулку пѣшкомъ. Погода великолѣпная; въ полдень было очень пріятно, но ночью было 4 градуса мороза. Г-жа Адлербергъ пишетъ мнѣ, что полковникъ Мордвиновъ пріѣзжалъ за своимъ сыномъ къ г-жѣ Барановой; она возвратила его отцу болѣе здоровымъ и болѣе сильнымъ, нежели получила его; я сказала доброй Адлербергъ, что вы навѣрно поручите мнѣ поблагодарить ея дочь за ея большую любезность. Прощайте, друзья мои; возможно ли писать людямъ, которые не отвѣчаютъ? Цѣлую васъ отъ всего сердца и люблю васъ такъ же, хотя вы меня забываете. Прощайте, тысячу разъ.

Суббота, 25-го сентября.

Я совершила прогулку верхомъ и пѣшкомъ; въ послѣдней меня сопровождалъ дорогой папаша Ламсдорфъ; мнѣ было жаль вернуться домой, такъ какъ погода была божественная; несмотря на то, что ночью было 4 градуса мороза, въ полдень было тепло, и въ моемъ саду все еще есть цвѣты. Нѣтъ ни курьера, ни извѣстій отъ васъ; это невыносимо. Я видѣла сегодня князя Лобанова, который видѣлъ васъ въ Вертю дѣятельными: вотъ все, что онъ могъ мнѣ сказать; то-есть онъ сказалъ мнѣ, что вы, Никошъ, командовали бригадой, а Михаилъ—артиллеріей. Вотъ, дорогой Михаилъ, письмо отъ папаши Ламсдорфа. Прощайте, тысячу и тысячу разъ. Цѣлую васъ отъ всего сердца и посылаю вамъ тысячу благословеній. Мой привѣтъ генералу, вашимъ кавалерамъ и нашимъ молодцамъ военнымъ. Ваша душой и сердцемъ. Марія.

Сообщ. **В. В. Щегловъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дурная постройка Одесскаго чумнаго карантиннаго квартала и ея послѣдствія.

Предложеніе министра юстиціи Правительствующему Сенату.

4-го іюля 1828 г. № 8794.

Статсъ-секретарь Муравьевъ объявилъ комитету гг. министровъ слѣдующее высочайшее повелѣніе:

Государь императоръ въ нынѣшнее присутствіе свое въ городѣ Одессѣ, къ удивленію его величества, изволилъ самъ лично видѣть, что такъ называемый тамъ чумный кварталъ, два года назадъ тому выстроенный, не только выстроенъ дурно, но даже угрожаетъ паденіемъ; сводъ надъ окномъ совершенно провалился, стѣны вездѣ въ трещинахъ, столь отверстыхъ, что руку въ нихъ проложить можно. Его величество, лично осмотрѣвши таковую худобу сего строенія, изволитъ находить, что оная не могла произойти иначе, какъ отъ небреженія, или явно дурнаго намѣренія завѣдывающаго и производившихъ сіе строеніе: корпуса инженеровъ путей сообщенія генералъ-маіора Потье, маіора Гаю и капитана Морозова, и потому высочайше повелѣваетъ: 1) маіора Гаю и капитана Морозова, арестовавъ, отдать подъ военный судъ при резервныхъ баталіонахъ 3-го пѣхотнаго корпуса и дѣло сіе тамъ кончить безъ очереди, нарядивъ въ оный судъ за ассессора одного штабъ-офицера корпуса путей сообщенія; 2) на имѣніе генералъ-маіора Потье, маіора Гаю и капитана Морозова наложить запрещеніе; 3) новороссійскому генералъ-губернатору графу Воронцову предписать, чтобъ сей чумный кварталъ былъ сломанъ и на мѣсто онаго построенъ новый, надлежаще прочный, произведя сію разломку прежняго и возведеніе новаго на счетъ имѣнія оныхъ Потье, Гаю и Морозова, кото-

рое и продать съ публичнаго торга, если доходовъ съ онаго для того не будетъ достаточно; 4) о таковомъ его величества высочайшемъ соизволеніи, въ надлежащую заботливую осторожность другимъ объявить по всѣмъ вѣдомствамъ. Государю императору угодно, чтобъ комитетъ министровъ сдѣлалъ свои неуклонныя распоряженія къ приведенію въ исполненіе таковой его величества воли.

По положенію комитета гг. министровъ для объявленія о семъ высочайшемъ повелѣніи въ осторожность по всѣмъ вѣдомствамъ и имѣю честь предложить Правительствующему Сенату, присовокупляя къ тому, что къ исполненію онаго сообщено отъ комитета по принадлежности главноуправляющему путями сообщенія и министру внутреннихъ дѣлъ.

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1904 г.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЫЙ.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

Портреты.

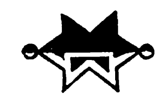
Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы. Матеріалы и замѣтки.

Библіографическій листокъ.

1. Описаніе рукописей, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Томъ I. Рукописи богослужебныя. С.-Петербургъ. 1904 г. —Н. И. Кашкадамова (на обертке октябрьской книги).

2. Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ. Выпускъ XVI. Записки, собранныя по повелѣнію императора Павла I о началѣ регулярнаго войска, о ново и славянско-сербскихъ поселеніяхъ, о полкахъ гусарскихъ и пандурскихъ и военныхъ школахъ.—Его же (на обертке ноябрьской книги).

3. Японія. Очерки японской культуры. Причины войны. Сост. М. Коваленскій. Изданіе журнала „Правда". Москва. 1904 г. Цѣна 20 коп. Н. И. Кашкадамова (на обертке декабрьской книги).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ 117, 118, 119 и 120 томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1904 года.

А.

Б.

В.

*

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

І.

К.

Л.

М.

Н.

О.

Р.

С.

*

Т.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

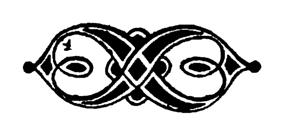
Щ.

Э.

Ю.

Я.

Указатель составила **В. В. Тимощукъ**.

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

избирательнаго права. Рабочій день продолжается отъ 12 до 14 часовъ, и это одинаково для взрослыхъ мужчинъ, для женщинъ и для дѣтей; минимальное число—8, максимальное—17 ч. При этомъ широко практикуется ночная работа; она введена во всѣхъ бумагопрядильняхъ, гдѣ занято 75.000 рабочихъ, изъ нихъ 55.000 женщинъ и дѣтей. Работы на фабрикахъ начинаются въ 6 час. утра; оканчиваются въ 8 или 10 ч. веч., при чемъ за день рабочіе отдыхаютъ всего 40 минутъ: 20 мин. дается на обѣдъ и 20 мин. на ужинъ. Заработная плата въ 4 или въ 5 разъ меньше обычной европейской нормы. Рабочій классъ составляется изъ двухъ элементовъ: пролетаріевъ, которымъ фабрика—единственный исходъ, и крестьянъ, не порвавшихъ еще совсѣмъ съ землею. Необходимо отмѣтить сильное, за послѣднія десятилѣтія, развитіе въ Японіи пауперизма. Это явленіе, общее всему свѣту, быстро растетъ и въ этой странѣ, и вызвало уже къ жизни рядъ благотворительныхъ учрежденій. Особенно широко взялось за дѣло общество, и по общественной инициативѣ выросли попечительства, общества, госпитали. Число кліентовъ одной изъ благотворительныхъ ассоціацій доходило въ 1903 г. до 4 милл.

Японское населеніе дѣлится по сословіямъ на квазоку, шизоку и хейминъ. Квазоку—высшее дворянство, образовавшееся изъ соединенія бывшей феодальной знати—дайміосовъ и бывшей придворной знати—куге. Шизоку—бывшее военное дворянство, японское рыцарство,—называвшееся самураи. Хейминъ, все остальное населеніе,—простой народъ.

Въ настоящее время никакія привилегіи не вытекаютъ въ Японіи изъ принадлежности къ тому или другому сословію. Равенство всѣхъ передъ закономъ есть признанный принципъ новаго режима. До революціи 1868 г., только куге могли лицезрѣть микадо; только нѣкоторые роды дайміосовъ могли занимать высшія должности. Теперь всѣ эти привилегіи отмѣнены, всѣмъ сословіямъ открытъ доступъ ко всѣмъ, въ томъ числѣ самымъ важнымъ, должностямъ. Исчезли также всякія различія между составными элементами третьяго сословія. Хеймины дѣлились тогда на крестьянъ, ремесленниковъ, купцовъ; въ самомъ низу, „на днѣ“, стояли японскіе паріи, такъ называемые эта; къ этимъ паріямъ принадлежали, напримѣръ, кожевники и башмачники. При новомъ порядкѣ всѣ простые граждане сравнялись. Политическую власть высшія феодальныя сословія сохранили и при новомъ режимѣ, и это послужило имъ компенсаціей за отмѣну феодализма. Дѣйствующая японская конституція дала двѣ вещи: гарантію личной свободы и представительное правленіе.

Къ правамъ гражданъ, по §§ 18—32 конституціи, относятся: свобода выбора и перемѣны мѣста жительства; арестъ, задержаніе, допросъ и осужденіе только на законномъ основаніи, подсудность только суду, опредѣленному закономъ; неприкосновенность частнаго жилища, и обыскъ лишь съ согласія гражданина; неприкосновенность корреспонденціи и частной собственности; свобода вѣроисповѣданія, выраженія мнѣній словесно, письменно и печатно; свобода сборищъ и ассоціацій; право петицій.

Японская конституція оставила верховную власть въ рукахъ императора, который только допускаетъ парламентъ вмѣстѣ съ нимъ участвовать въ пользованіи этою властью. По словамъ полковника Богуславскаго, императоръ пользуется всѣми прерогативами верховной власти, объявляетъ войну, заключаетъ миръ и договоры съ иностранными державами, утверждаетъ законы; исполнительную власть раздѣляетъ съ назначенными имъ, отвѣтственными передъ нимъ, министрами, а въ законодательной—ограниченъ имперскимъ парламентомъ.

Въ случаѣ разногласія парламента съ министрами, въ парламентѣ дѣлается запросъ министрамъ; если ихъ отвѣтъ неудовлетворителенъ, или если они совсѣмъ не отвѣчаютъ,—парламентъ дѣлаетъ имъ представленіе. Если и это представленіе остается безъ результата, парламентъ подаетъ адресъ императору, и онъ становится судьей конфликта.

„Рынки на-ряду съ землей, — замѣчаетъ г. Ковалевскій, важнѣйшая для нея (Японіи) экономическая потребность. Рынки и земли—вотъ боевой кличъ новой Японіи“. Таковы основныя пружины экономической жизни этой страны, и ими вызвана и нынѣшняя борьба Японіи съ Россіей. Корейскій вопросъ—вопросъ о землѣ для японскихъ эмигрантовъ и о рынкахъ для японской промышленности. И Японіи, и Россіи не такъ важно самимъ завладѣть Кореей, какъ не дать завладѣть ею-другимъ; японская Корея была бы угрозой русской Сибири; русская Корея грозила бы берегамъ Японіи.

Вотъ въ общихъ чертахъ картина Японіи, рисуемая г. Ковалевскимъ въ своемъ интересномъ очеркѣ.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1905 г.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп. д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1904 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

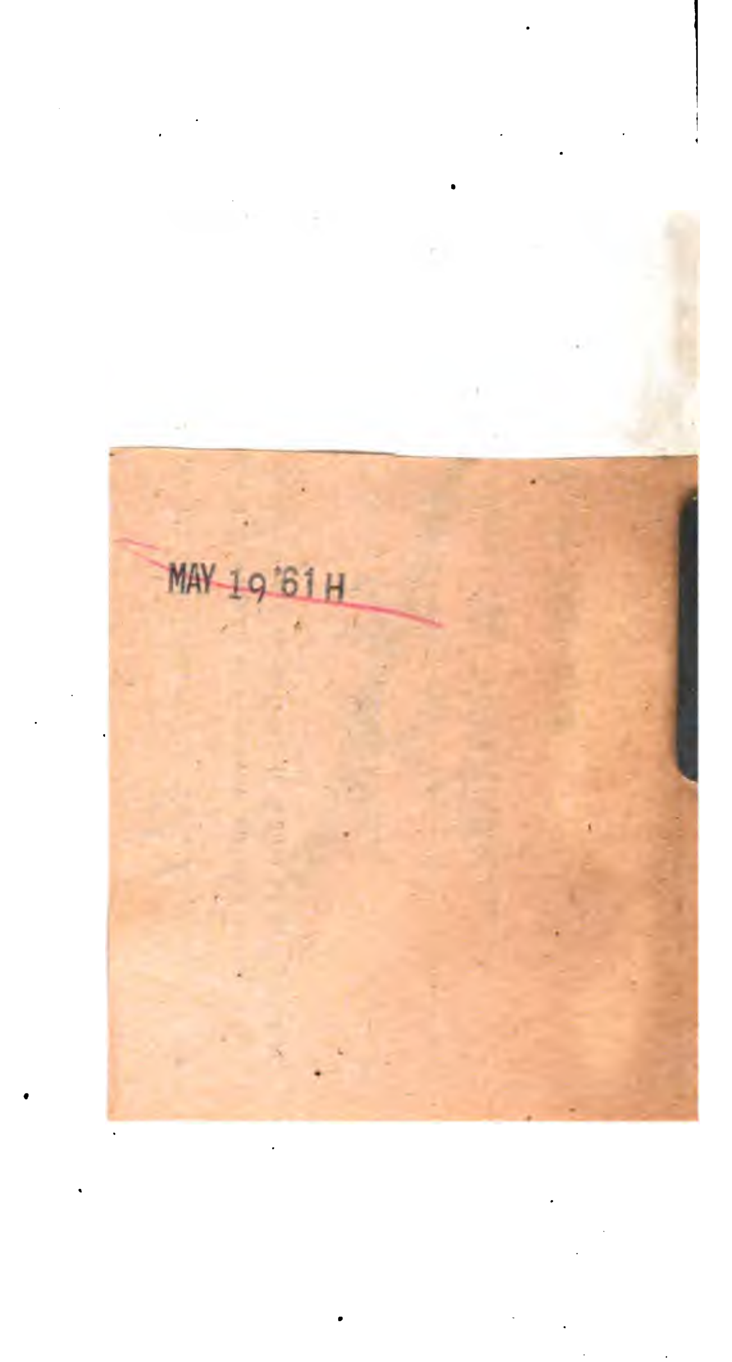
„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна **2** р., съ пересылкою.

Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ**.

MAY 19 '61 H